

ИГОРЬ НАРСКИЙ

ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ
Будни населения Урала
в 1917-1922 гг.

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

*Моим родным и близким,
живущим и ушедшим*

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

Челябинский государственный университет

Игорь Нарский

ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ.
Будни населения Урала
в 1917-1922 гг.

Москва
РОССПЭН
2001

Н 28 Нарский И.В.

Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 632 с.

Как протекала обычная жизнь в необычных условиях революции? Что видел и переживал обитатель региона, ставшего одним из эпицентров гражданской войны? Как объяснял безымянный «маленький человек» происходившее с ним и вокруг него? Какие линии поведения избирал, какие формы приспособления и протеста находил? Ответам на эти и многие другие малоизученные вопросы, с привлечением неизвестных или недостаточно оцененных источников, посвящена эта книга.

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Технические замечания	8
-----------------------------	---

Моя история (Вместо введения)	9
-------------------------------------	---

Донаучный опыт, или детские прикосновения к гражданской войне (10). — Выбор темы — дело случая (11). — Почему повседневной истории российской революции не везет? (12) — Контуры гипотезы (21). — Источниковые залежи: видимое, но не замечаемое (27).

1. Масштабы катастрофы: от «свободы» к канибализму (Взгляд из профессионального «далека»)

1.1. Политические катаклизмы	32
------------------------------------	----

Политический хаос 1917 года (33). — Урал, изрезанный фронтами (38). — Топография катастрофы (45). — Многовластие, обернувшееся безвластием (51). — Расцвет многопартийности? (59) — Распад политической общественности (66). — Агония независимой печати (72).

1.2. Экономический хаос	76
-------------------------------	----

Накануне революции: острый кризис или «уютный тупик»? (76) — Уральская промышленность в революции и гражданской войне (81). — Социалистический эксперимент или восстановление «оригинального строя»? (87) — Статистика сельскохозяйственной катастрофы (93). — Деревня под ударами революции (98). — Начало НЭПа и голодное бедствие (104). — Крушение финансов (110). — Двуликий Янус торговли и распределения (117).

1.3. Социальное разложение	122
----------------------------------	-----

Штрихи к динамике народонаселения (122). — Рождаемость и смертность: начало вымирания? (126) — В объятиях эпидемий (128). — Вынужденная «урбанизация» и социальная архаизация (139). — «Стабилизация неграмотности» (144). — Сумерки учреждений общественного призрения и внешкольного просвещения (153). — Церковь в условиях нагнетания безбожия (156). — Продукт социального гниения — преступность (161).

2. Великие потрясения (Взгляд из опасной близости)

2.1. Незвестная революция: 1917 год глазами обывателя	168
---	-----

Накануне революции: видимое спокойствие и очевидные проблемы (169). — Праздник на бочке с порохом (177). — От революционной эйфории к продуктовому ажиотажу (весна — осень 1917 г.) (186). — «Пьяная революция»: триумфальное шествие погромов (196). — Материализация призрака голода (зима — весна 1918 г.) (206). — Первое полугодие большевизма: событийный горизонт «маленького человека» (217).

2.2. Жизнь в калейдоскопе режимов (1918—1919)	222
---	-----

Освободители поневоле (222). — Жизнь на грани смерти (лето — осень 1918 г.) (225). — Террор как среда обитания (конец 1918 — лето 1919 г.) (236). — Голодные городские будни в «красной» зоне (242). — Островки меркнувшего благополучия: быт «белых» городов (246). — На развалинах горнозаводской системы (255). — Жизнь деревни: ни с «белыми», ни с «красными» (261).

2.3. Среди кривых зеркал «военного коммунизма» (середина 1919 — начало 1921)	271
<i>На руинах гражданской войны, или контуры «военного коммунизма» (271). — Узаконенное ограбление деревни (279). — «Продовольственный вопрос» вместо продовольствия (289). — Тление рынка и угасание быта (294). — Труд и отдых в «военно-коммунистическом» интерьере (300). — «...эта власть очень плохая»: настроения уральского населения (306). — «Протуберанцы» народного возмущения (313). — Во имя утверждения власти: репрессии вместо порядка (320).</i>	
2.4. В начале НЭПа: время надежд и страхов	328
<i>Первые месяцы НЭПа: ростки нового в чертополохе старого (328). — Лейтмотивы существования в городе и поселке (335). — «Нужда чувствуется во всем...»: трудовые отношения (342). — Продналог: антипод или близнец продразверстки? (350) — Погружение в голод (осень 1921 — зима 1921/22 гг.) (358). — Голодные весна — лето 1922 г. (366) — После голода: выкарабкиваясь из пропасти (374).</i>	

3. Стратегия выживания населения (Взгляд изнутри)

3.1. В поисках смысла: интерпретации происходящего	386
<i>К вопросу о технологиях выживания (386). — Официальные интерпретации: карнавал образов врага (391). — Коллаж простонародных толкований (400). — «Народ воскрес, Христос воскрес»: приключения народной религиозности (411). — В царстве слухов: самообольщение надеждой (417). — Алкоголь как эликсир забвения (424). — Реорганизация прошлого (428). — Забывая былое: метаморфозы коллективной памяти (434).</i>	
3.2. Между «сознательностью», «шкурничеством» и «контрреволюцией»: техника борьбы за существование	443
<i>Мотивы поступления на службу (443). — Партийные чистки: статистика приспособленчества (452). — Производство ради выживания (461). — «Карточный домик» распределительных манипуляций (468). — «Спекуляция»: тактика теневого распределения (477). — Техника выживания слабейших: проституция и нищенство (485). — Преступления против частного имущества и «народное правосудие» (490). — Лики социального протеста (497).</i>	
3.3. Привыкание к бедности: злоключения культуры потребления	506
<i>Школа безразличия к бытовым (не)удобствам (506). — «Разруха» в сфере обслуживания (512). — Апофеоз нищеты: официальные нормы питания (519). — Статистика реального потребления (530). — «Народные» технологии экономии (538). — Суррогаты, или чудесное превращение ржаного хлеба в белый (547). — Меню людоеда (553).</i>	

Вживание в катастрофу (Вместо заключения)	560
<i>Последствия революции в прогнозах современников (560). — «Революционное» поведение после революции: соблазн прямых аналогий (561). — Узор архаики на кумаче (563). — «Маленький человек» в западне инерции: жертва и творец катастрофы (566).</i>	

Список сокращений	568
--------------------------------	------------

Приложения	571
-------------------------	------------

Предисловие

В вынесении на титульный лист объемного исторического исследования одной фамилии автора есть элемент несправедливости. Труд историка не столь автономен, как может показаться на первый взгляд. Индивидуальный исследовательский процесс неизбежно вовлекает десятки людей, от усилий которых зависит успех реализации авторского замысла. В этой связи слова благодарности в предисловии к книге не являются формальной данью традиции.

Выносимое на читательский суд исследование не могло бы состояться без доброго и терпеливого участия окружающих меня людей — моих друзей, близких, коллег, архивных и библиотечных работников, аспирантов и студентов. Многие из них, читая книгу, наверняка припомнят фрагменты из частных бесед с ними, а также дискуссий, сопровождавших мои лекции, доклады и выступления последних лет. Всем им я многим обязан и сердечно признателен¹.

Предваряя возможные подозрения читателя в моем желании спрятаться за частокол многочисленных, в том числе хорошо известных в историческом цехе, имен, считаю необходимым подчеркнуть следующее: я несу ответственность за каждое слово монографии. Далеко не все замечания и предложения я мог или считал возможным учесть при работе над ее текстом. Полагаю, что многим книга покажется странной или вызовет раздражение. Теперь, когда я расстаюсь с моим детищем, отпуская его в самостоятельную жизнь, должен заметить: я не стремился ни славить жизнелюбие современников российской революции, порой напоминающее жизнестойкость известных домашних насекомых, ни клеймить позором «странности» их поведения, вызывающие не только отчуждение, но и сострадание. Насколько мне удалось избежать идеологических штампов и плоского морализаторства, судить не мне.

Особо хочется поблагодарить тех, кто помог мне ценными советами и предложениями во время сбора материала, написания основного текста, а также по прочтении его ранних версий или отдельных, наиболее важных для меня фрагментов рукописи — А.П.Абрамовского, Т.А.Андрееву, Д.Байрау, Й.Баберовского, В.С.Боже, Д.Гайера, О.Ю.Никонову, Б.И.Ровного, Ю.Ю.Хмелевскую, В.В.Шелохаева.

Большой труд в обработку рукописи вложили О.А.Бровкин, А.В.Кузьмин, И.В.Купцов, О.В.Нагорная, Н.Н.Смолин, Р.С.Черепанова и моя жена, М.Ю.Нарская.

Наличию в книге иллюстративного материала я обязан руководству творческого объединения «Каменный пояс», Объединенного Челябинского областного архива, Центра историко-культурного наследия г. Челябинска.

Глубочайшая признательность адресуется всем, кто предоставил мне трибуну для изложения основных результатов работы и сбора критических отзывов о ней: руководству Центра гуманитарных инноваций «Стратегия — 2000» и главному редактору журнала «Уральская парадигма» Д.В.Бавильскому, с живым интересом принявшим и опубликовавшим ряд фрагментов будущей книги; руководителям институтов и семинаров, кафедр и библиотек по восточноевропейской истории, пригласивших меня для выступления с докладами по ключевым темам исследования — Х.Альтрихтеру (Эрланген-Нюрнберг), Д.Байрау (Тюбинген), Б.Бонвечу (Бохум), К. фон Вердту (Берн), К.Герке (Цюрих), А.Каппелеру (Вена), Ш.Плагенборгу (Марбург), В.Хайндл (Вена), Х.Хауманну (Базель), М.Хильдермайеру (Берлин), а также участникам обсуждения этих докладов.

Я глубоко признателен тем, кто оказал материальную помощь в реализации проекта: руководству Челябинского государственного университета, финансировав-

¹ Подробнее об истории создания книги см. ниже, с. 13 — 14.

шему мои архивные поиски в Москве и городах Урала; фонду Александра фон Гумбольдта, обеспечившему мое участие в научных форумах историков в России и Германии; руководителям коллективного проекта «Опыт войны. Война и общество в Новое время» Д. Байрау и А. Шиндлингу, предоставившим возможность регулярно работать в библиотеках Тюбингена и поддерживать живые контакты с западными коллегами.

Эта книга не увидела бы свет, если бы не щедрая помощь президента инвестиционно-финансовой группы «РабиКом» П. Б. Рабина. Я не раз был свидетелем того, как под гнетом денежных проблем трещали и рвались дружеские связи. В данном случае произошло обратное: в поисках средств для издания книги я нашел не только мецената, но и вдумчивого читателя, тонкого собеседника, симпатичного человека.

Наконец, чувство признательности, вперемишку с ощущением вины, я испытываю к моей семье. В последние годы я уделял ей слишком мало времени и внимания. Неиссякаемое терпение моих близких было одним из важнейших условий плодотворной исследовательской работы. Посвятив книге силы, которые по праву принадлежали моим родным и близким, я посвящаю им эту книгу.

Челябинск, июль 2001 г.

Технические замечания

Эпоха, рассматриваемая в монографии, была отмечена столкновением и причудливым смешением старого и нового во всех сферах жизнедеятельности российского населения, включая быт. В этой связи необходимы — во избежание путаницы — некоторые уточнения. Первое из них касается описания событий революции. Даты до 1 (14) февраля 1918 г. приводятся по юлианскому календарю, последующие — по новому стилю, в соответствии с принятым большевистским государством григорианским календарем.

Второе замечание относится к воспроизведению фрагментов источников. Одной из их особенностей является уровень грамотности составителей, который катастрофически падал по мере развития революции и «демократизации» круга авторов. При обилии развернутого цитирования, оправданного неизвестностью большинства документов и жанром самого исследования, описки, опечатки, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок, за исключением немногих, особо отмеченных случаев. Цитаты из источников, не предназначавшихся авторами для широкого обнародования (даже если впоследствии они были опубликованы), выполнены курсивом.

Несмотря на то, что старая русская система мер и весов стала заменяться десятичной с 1918 г., современники продолжали активно пользоваться ею. Чтобы избежать параллельного использования в книге обеих систем, в авторском тексте фигурируют старые меры веса, длины и объема. Их соотношение с метрической системой отражено в следующей схеме:

Пуд (16,38 кг) = 40 фунтов (по 409,5 г) = 3840 золотников (по 4,266 г) = 368640 долей (по 44,43 мг).

Сажень (213,36 см) = 3 аршина (по 71,12 см) = 48 вершков (по 44,45 мм).

Бочка (491,96 л) = 40 ведер (по 12,229 л) = 160 четвертей (по 3,0748 л) = 800 бутылок водочных (по 0,615 л).

«...если мы хотим увидеть период правдиво, мы не должны его рассматривать как противоположный нашему, все равно, в его пользу или наоборот; мы должны попытаться увидеть его таковым, каким он был для тех, кто жил в нем. Мы должны прежде всего помнить, что в любую эпоху большинство составляют обычные люди, больше занятые хлебом насущным, чем высокими предметами, с которыми имеют дело историки».

Б.Рассел

Моя история (вместо введения)

«Микроистория означает не рассматривать мелкое, а видеть в малом».

Д.Леви

Предлагая читателю результаты своих научных усилий, российские историки в течение многих десятилетий пытались обосновать актуальность исследований. Мне хотелось бы нарушить эту традицию, в которой явно видится момент формальности и неискренности. Думаю, ни один трезвомыслящий историк, особенно имея перед глазами опыт упрямого и трагичного XX в., не может всерьез рассчитывать, что его труд кем-либо будет воспринят как руководство по предотвращению повторных ошибок или пособие для практической деятельности. Устойчивость этой традиции коренится отнюдь не в строгости формальных требований высших научно-квалификационных инстанций России. В бедном (и стремительно беднеющем) обществе интеллектуалы вынуждены оправдывать свои занятия и доказывать, что их труд имеет прикладное значение и не менее важен, чем рытье траншей или рубка леса. Между тем, научный поиск движется прежде всего любопытством исследователя, а не прочими, в том числе утилитарными, соображениями. Во всяком случае, со мной это было именно так.

Заглавие, избранное для предисловия к этой книге, имеет двоякий смысл. Во-первых, необходимо ясно обозначить научные позиции, положенные в основу данного исследования, определить, какие исторические подходы я считаю близкими себе, «моими». Во-вторых, мне кажется важным представить историю создания этой монографии. Автобиографический сюжет поможет прояснить авторский замысел и заглянуть в исследовательскую «лабораторию». К тому же мне кажется полезным объяснить с теми, кто знает меня исключительно по прежним публикациям: у них крутой поворот в моих профессиональных интересах скорее всего вызовет недоумение. Так уж сложилось в российской историографической традиции, что избрав определенную тематику, историк посвящал ей свою жизнь и передавал по наследству ученикам, комплектуя таким образом «научную школу»¹.

¹ Лавинообразная смена тем, особенно в цехе бывших историков КПСС, на рубеже 80 — 90-х гг., вовсе не опровергает устойчивость этой традиции: темы, переставшие обеспечивать надежное существование, были отброшены в поисках проблематики, которая гарантировала бы относительно стабильную перспективу. Массовое бегство из советской истории в досоветскую, от «трудящихся» классов к «эксплуататорским», от «борьбы КПСС против...» к оппонентам большевизма вряд ли может иметь достаточно убедительное научное обоснование.

Предлагаемая предыстория является, в известной мере, искусственной конструкцией. Что-то из нее выпущено сознательно как второстепенное, что-то выпало из поля зрения или забыто. В результате траектория в «сегодня» несколько спрямлена и упрощена. Как бы то ни было, остается надеется, что история создания книги, пусть несколько схематизированная, поможет читателю сориентироваться в происхождении авторской постановки вопросов, основных гипотез и методов их проверки.

Донаучный опыт, или детские прикосновения к гражданской войне. О революции и гражданской войне в России я, как и все мои сверстники, родившиеся в конце 50-х гг., первоначально знал понаслышке в буквальном смысле слова, задолго до научения чтению. Еще неуверенно произнося русские слова, мы неловко декламировали в детском саду: «Я вижу город Петроград в семнадцатом году...» Дворовые детские игры были пронизаны военными мотивами. Правда, преобладали игры в «войнушку» с «немцами», которых никто не желал изображать иначе, чем в качестве советского разведчика. И все же каждая трансляция «Чапаева», а затем невероятно популярных «Неуловимых мстителей» сопровождалась дворовой импровизацией, хотя герои гражданской войны все решительней вытеснялись из мальчишеских игр индейцами и ковбоями восточногерманского производства и шпионами-разведчиками советских боевиков.

Однако отнюдь не только детская литература и наивные развлечения формировали первые образы начала советской истории. Думаю, мое поколение является последним, — а в определенном смысле и единственным, — котороеросло в непосредственном контакте с живыми свидетелями и участниками событий рубежа второго и третьего десятилетий XX в.: нас воспитывали бабушки и дедушки, которым в то время было 15–25 лет. Вероятно, опасаясь за себя и своих детей, они предпочитали не делиться воспоминаниями того периода с сыновьями и дочерьми, росшими в 30-е гг. В «свободные» 60-е они охотно разговорились со своими внуками... Впрочем, возможно, я напрасно обобщаю; быть может, мне просто повезло с родителями моих отца и матери.

Мои родители, Т.Б.Хазанова (Нарская) и В.П.Нарский, работали тогда в Челябинском театре оперы и балета, и каждое лето — гастрольный сезон — я проводил в Горьком (Н.Новгороде) у родителей мамы. Н.Я.Хазанова и Б.Я.Хазанов души во мне не чаяли и с удовольствием рассказывали мальчику, терпеливо слушавшему и задававшему (не всегда удобные) вопросы, о своей молодости. Белорусские евреи, они выросли в материально неблагополучных семьях и до конца жизни свято верили, что всем, чего достигли, обязаны советской власти. Тем не менее, дед никогда, насколько помню, не рассказывал о революции: от теплых воспоминаний о своей большой и малоимущей семье (ему приписали по документам лишние два года, чтобы он смог раньше начать работать) и участия в Первой мировой войне, которая закончилась для него легким ранением и солдатским Георгиевским крестом подо Львовом, он переходил к рассказам о службе бухгалтером в меховом кооперативе в начале 20-х гг. Возможно, он просто любил и оберегал меня...

Много и очень эмоционально рассказывала бабушка. Период, о котором пойдет речь в книге, она провела в Гомеле. Смена власти и городские будни, рыночные цены и ожидание погромов, уход за детьми во второй семье ее матери и знакомство с дедом причудливо переплетались в ее динамичных и образных рассказах.

По причине театральной жизни моих родителей я с двухлетнего возраста проводил вечера в обществе няни — курской крестьянки А.С.Ничивилевой, прожившей с нами четверть века. Семья ее мужа была раскулачена в 1930 г. Муж ее, не дожидаясь по-

зора и возможных преследований, уехал в Казахстан, куда последовала и она — после того как представители местной власти поздней осенью сняли крышу с дома. Дальнейшая жизнь ее не заладилась, и в 50-е гг. она оказалась в Челябинске, а в начале 60-х, под старость, вынуждена была «пойти в люди». Малограмотная женщина, она отличалась глубокой религиозностью, мягкостью и терпением, не показным чувством собственного достоинства и здоровым юмором — тем, что в совокупности именуется житейской мудростью. Она сохранила курский говор и тоску по родным местам, которые, по ее представлениям, не должны были серьезно измениться после ее отъезда. Каждый раз, написав нехитрое письмо с прыгающими строчками своим дальним родственникам, она просила меня написать на конверте адрес. «Пиши, — начинала она диктовать в начале 70-х гг., — Курская губерния, Суджанский уезд, село Сула...» (Убогость родной деревни, которую она вновь посетила лишь в 1976 г., глубоко удручила ее). обстоятельно и спокойно она рассказывала о своей жизни, в том числе о разорении помещичьего имения в 1905 и 1917 г., о голоде начала 20-х, о хлебе из лебеды и смерти детей, перемежая свои рассказы потрясавшими меня песнями и плачами.

С родителями отца я общался мало. Мой дед, П.П.Кузовков, умер, когда мне было пять лет, я его плохо помню. К бабушке, М.А.Нарской, мы наведывались под Москву каждый год, но всего на пару дней, так что по-настоящему близких отношений не сложилось. Но вот что примечательно. Зная, что жить ему осталось недолго, Павел Павлович — прекрасный работник и рачительный хозяин, умелец на все руки, чемпион Москвы по троеборью в легкой атлетике в 20-е гг. и водитель грузовика на Трехгорной мануфактуре, умница, мастер повеселиться и постоять за себя — вызвал к себе моего отца и поведал ему о своей жизни: о том, как воевал в гражданскую под Царицыным и ходил «по заданию Ленина» с продотрядом, как работал в Москве и сбежал в 1934 г. от неминуемого ареста в Иркутск... Отец вернулся потрясенный и в течение многих лет мне ничего не рассказывал, да и после вспоминал об их последних встречах дозированно, с купюрами.

В общем, мое детство было как бы окутано прошлым. Меня окружали люди из прежней жизни, немудреные старинные предметы повседневного обихода, рассказы милых мне стариков, немногочисленные старые книги и пожелтевшие фотографии, в том числе коллективные, на которых многие лица были старательно стерты ластиком...

Выбор темы — дело случая. Многое, зафиксированное цепкой детской памятью, вспоминалось позже, при изучении советской истории в школе и в университете. Вспоминалось, поскольку изучаемое противоречило услышанному в детстве. В картину классово определенного и ослепительно контрастного прошлого не умещался дед, выступавший то в качестве красного партизана и продотрядника, то — мелкого «спекулянта», обходившего стороной — с добытыми мешками муки — заградительные отряды. С победоносным построением социализма не вязались два двоюродных деда, один из которых заведовал снабжением лагерников в ГУЛАГе, а другой — бывший эсер — был выпущен из лагеря накануне войны и погиб под немецкими бомбами во время эвакуации. С героическими образами истории классовой борьбы не гармонировали рассказы обычных, «негероических» людей: напряженное ожидание еврейского погрома во время мятежа А.М.Стрекопытова в Гомеле весной 1919 г. закончилось для моей бабушки — ей было тогда неполных 18 лет — тем, что какой-то солдат, ворвавшись в дом, штыком сорвал с вешалки шубу («Хорошая была шубка», — сокрушалась бабушка полвека спустя) и столь же внезапно удалился; а на мой вопрос, видела ли няня белых, она

спокойно отвечала: «Проходили какие-то раз над деревней, да издаля не видно, хто такие, и в хвормах мы не разбирались...»

Как бы то ни было, старикам из моего детства я обязан многим, в том числе интересом к прошлому, а возможно, и нежеланием в студенческие и в последующие годы заниматься советской историей. Так сложилось, что в конце 70-х гг. в Челябинском государственном университете я под влиянием и при квалифицированной помощи Т.А. Андреевой увлекся историей Конституционно-демократической партии в 1905–1907 гг., а случайное знакомство в 1983 г. с В.В.Шелохаевым послужило началом многолетней, чрезвычайно полезной и интересной работы над проблемами истории кадетов на Урале, а затем — всего дореволюционного партийного ландшафта в этом регионе.

Прежде всего, я пытался по мере сил заполнить пробелы в знаниях в этой сфере и преодолеть некоторые устойчивые предрассудки. Насколько это удалось — судить специалистам. Следует признать, что в области методики первые мои публикации не выходили за рамки традиционной советской социально-политической истории². Лишь позднее и стихийно — моя ориентация в тенденциях развития западной историографии была более чем поверхностной — я приблизился к классической социальной истории. Впоследствии я не без доли удивления обнаружил, что в моих работах присутствуют элементы просопографического анализа и истории опыта³. Должен признаться, это вызвало смятение и ощущение перманентного запаздывания: если не содержание исследований, то научный инструментарий каждый раз оказывался «вчерашним днем».

Неожиданный поворот произошел в середине 90-х гг., во время годового пребывания в Германии по линии фонда Александра фон Гумбольдта. Замечательный немецкий историк Д.Гайер, познакомившись с результатами моих последних изысканий, посоветовал мне описать российскую многопартийность в ракурсе повседневной истории. К своему стыду, я в тот момент слабо представлял себе, что это означает. Вскоре, когда я поспешно заполнял этот пробел в своих познаниях, прекрасный знаток российской истории Д.Байрау, который в то время приступил к подготовке большого коллективного проекта «Опыт войны. Война и общество в Новое время», предложил мне заняться повседневной историей гражданской войны на Урале: расположение региона в эпицентре событий и отсутствие, при обилии литературы, работ в подобном ключе создавали, по его мнению, начальные предпосылки для успеха будущего проекта. Беседы с Д.Гайером и Д.Байрау послужили импульсом к смене темы и поиску новой перспективы. Им обоим я глубоко признателен за это. Важным для меня было и то, что В.В.Шелохаев поддержал мои новые планы и высказал ряд ценных замечаний. Ему я также очень благодарен.

Таким образом, выбор темы оказался по большей мере случайным. У меня нет никаких оснований патетически стилизовать свой путь в науке как закономерное движение к этой книге. На момент начала работы над проектом ничего, кроме опыта научного исследования и надежды на успех, в моем активе не значилось.

Почему повседневной истории российской революции не везет? Исследовательский поиск по предлагаемой теме еще раз подтвердил старую банальную истину: без постановки вопросов нельзя получить ответы, без выдвижения гипотезы и интерпретации

² См., напр.: Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1991.

³ См.: Нарский И.В. «Революционеры справа»: Черносотенцы на Урале в 1905 — 1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; он же: Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995.

материала невозможно обнаружить исторические факты — источниковые данные остаются россыпью антикварных единиц. В этом убеждает знакомство с исторической литературой, посвященной кануну и началу Советской России, и этим в значительной мере объясняется дефицит исследований повседневной жизни «маленького» человека того периода как в российской, так и в зарубежной историографии.

Литература о революции 1917 г., гражданской войне, «военном коммунизме» и переходе к «новой экономической политике» необъятна. Только по истории гражданской войны и военной интервенции за первые 50 лет советской власти было опубликовано более 12 тыс. книг и статей, а по проблематике уральской истории 1917–1920 гг. с 1957 по 1985 г. увидели свет около 8 тыс. монографий, статей (включая газетные публикации), сборников документов, воспоминаний⁴. Примерно каждая четвертая публикация 70-х гг. по советской истории Урала была посвящена событиям 1917–1920 гг.⁵ Приблизительно такое же соотношение сохранилось и в последующие годы: в уральской библиографии одно — два из каждых десяти изысканий исторического профиля касались этих лет, составляя ежегодно от 100 до 200⁶.

Наличие сотен историографических обзоров избавляет меня от необходимости систематического анализа этой литературы⁷, позволяя ограничиться лишь несколькими замечаниями, которые помогли бы определить природу устойчивого иммунитета историографии к проблемам повседневности революционной поры. Обилие публикаций по предыстории и первым годам советской власти отражает не только ключевой характер этого периода в истории СССР, но и благоприятную конъюнктуру для повышенного внимания к нему со стороны исторического цеха. История становления советского государства на протяжении десятилетий являлась инструментом легитимации большевистской власти и орудием манипуляции общественным сознанием.

⁴ См.: Урал в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Вып. 1: Указатель литературы за 1957–1962 гг. Свердловск, 1965; Вып. 2: Указатель литературы за 1963–1967 гг. Свердловск, 1969; Вып. 3: Указатель литературы за 1968–1978 гг. Свердловск, 1985; Вып. 4: Указатель литературы за 1979–1985 гг. Свердловск, 1988.

⁵ См.: История Урала (Советский период). Библиографический указатель литературы, изданной в 1970–1979 гг. Свердловск, 1990.

⁶ См., напр.: История Урала. Указатель литературы за 1991 г. Екатеринбург, 1994; История Урала. Указатель литературы за 1992 г. Екатеринбург, 1995.

⁷ См., напр.: Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; Советская историография февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов (под ред. В.П.Наумова). М., 1979; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; Васковский О.А., Тertyшный А.Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург, 1993; они же: Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в оценке историков). Екатеринбург, 1995; Антонов А.Д. Историография Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти на Урале. Март 1917 — июль 1918. Пермь, 1975; Историография истории Удмуртии. Ижевск, 1977; Васковский О.А., Камынин В.Д., Щербаков Н.М. Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. Свердловск, 1982; Васковский О.А., Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1985; Камынин В.Д. Историография истории рабочего класса Урала переходного периода. 1917–1937. Свердловск, 1987; Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале 1917–1937 гг. Свердловск, 1987; Тertyшный А.Т. Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны. Октябрь 1917–1918. Свердловск, 1988; Заболотный Е.Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995; и др. Об общих интернациональных тенденциях развития историографии российских революций см.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 293–333.

Из утилитарного назначения «героической» истории не делалось секрета. Не одна генерация советских историков, охваченных просветительским пафосом, наивно полагала, что выполняет важную функцию в деле воспитания подрастающего поколения:

«Молодые строители коммунизма должны знать, как боролись их деды и отцы за победу Великого Октября, за дальнейшее развитие социалистической революции и упрочение Советской власти, как они первыми в истории создавали новый общественный строй, как они, преодолевая огромные трудности и лишения, идя по неизведанному пути, не только разрушали старое, отжившее, но и творили новое, социалистическое, которому принадлежит будущее. Воспитание нашей молодежи на героических традициях рабочего класса, руководимого ленинской гвардией, является одной из важнейших задач идеологической работы партии в современных условиях»⁸.

Исходя из подобной установки, логичным был отбор тем, которые позволяли наиболее последовательно осуществлять превращение прошлого в героические мифы. В результате в стандартный набор исследуемых проблем по преимуществу вошли сюжеты политической истории: идейная и практическая деятельность В.И.Ленина и руководимой им партии, межпартийная борьба, «революционные» акции рабочих, солдатской и крестьянской масс. Важной — и тоже прагматичной — задачей являлось и обоснование универсального характера российской революции:

«Наш опыт имеет непреходящее значение. К нему обращаются и будут обращаться миллионы угнетенных людей труда, стремящихся познать, как завоевывается и защищается право на счастливую жизнь»⁹.

Селекция исторических тем усугублялась давлением государственной идеологии. Советским исследователям, если не было желания расстаться с профессиональной карьерой, оставалось славить В.И.Ленина, как «непревзойденного историка» и пользоваться его концепцией российской революции¹⁰. Региональная история при этом неизбежно становилась второстепенным и вторичным придатком всероссийской (читай — столичной) истории, втискиваемой во всеупрощающие ленинские шаблоны¹¹.

Но было бы наивным сводить обозначенную политико-идеологическую ангажированность российских историков к конъюнктурным мотивам. За ней скрывалось более глубинное и универсальное явление: историки кризисных эпох чаще других попадают под обаяние точек зрения, выработанных непосредственными участниками и свидетелями изучаемых событий. Интерпретации советских историков некритично отражали позицию победителей — большевиков. Этот факт демонстрируют не только аргументы, но и сама стилистика исторических опусов 20-х — 70-х гг., в первозданном виде воспроизводящая язык коммунистической публицистики того времени: они перестят такими неуклюжими штампами, как «подлые планы империалистов», «озверевшее кулачье», «продажное колчаковское правительство», «колчаковские держимор-

⁸ Антонов А.Д. Указ. соч. С.146.

⁹ Васьковский О.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Поджидаев Г.В., Тертышный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989.

¹⁰ Наличие идеологических нормативов, которые существенно ограничивали исследовательскую свободу историков в СССР, не снимает, однако, проблему научной честности, остававшейся вопросом индивидуального выбора. Публикации тех лет, посвященные близкой тематике, выходявшие одновременно и даже в одном переплете, принципиально различались и по этому критерию. Ср., напр., статьи В.В.Кривоногова и Р.П.Толмачевой в сборнике: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963. С.192–200, 201–208.

¹¹ Симптоматично, что в монументальной «Истории Великого Октября» И.И.Минца событиям в провинции отведена примерно десятая часть текста, а специфике региональных процессов внимания почти не уделяется.

ды», «дутовские бандиты», «кулацко-эсеровские мятежи» и прочими образами из арсенала большевистской пропаганды первых лет советской власти.

Ситуация кардинально не изменилась и после краха советской системы. Несмотря на ураганное расширение тематики, история революции приобрела более трагическую окраску, но осталась не менее героической: большевики превратились в губителей свободы и врагов народа, а их противники приобрели ореол мучеников и славу подлинных героев. Взгляд догматический, а не исторический, дувел и в 90-е гг. Многие исследования (историческая публицистика — тем более) сохраняют качество исторически аргументированной обличительной литературы¹². Причем объекты героической стилизации истории подбираются по прежнему, советскому принципу, только среди них преобладают активные оппоненты большевизма и наиболее пострадавшие от него слои — «белые» движения и боровшиеся против большевиков партии, бунтующие крестьяне и принявшее мученичество духовенство, бастующие рабочие и подлежащее уничтожению казачество¹³.

Сказанное позволяет приблизиться к пониманию одной из причин того, почему повседневная история, история опыта, историко-антропологический подход и прочие изыски западного обществоведения приживаются в России с трудом. Это связано с устойчивым контрастным взглядом на исторические процессы, несовместимым с названными направлениями:

«Тот, кто занимается повседневностью теоретически, исходя из восприятия повседневной жизни человека как ценности, никогда не будет приравнивать теорию к реальности, патерналистски относиться к чужой или своей собственной повседневности. Он живет в мире, где нет пригодной для всех истины, «последней и завершающей». Для него немислима ситуация разделения мира на «мы» и «они», где «мы» всегда правы, а «они» нет. Ему чужда точка зрения мудрых и всепроникающих «мы», судящих историю с безопасного исторического расстояния. Такая установка ведет к пониманию невозможности вести теоретическую работу в полюсах слабословия-разоблачения.

Сам исследователь ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь и принимает на себя ответственность за деяния предшественников и современников. И тогда начинаются чудеса превращений. Тогда ненавистные «они» оказываются отцами и дедами. Становится возможным разглядеть человеческое лицо любого процесса, обращая внимание на нормальность и непрерывность жизни»¹⁴.

Подобная позиция, противоречащая стандартам классового подхода, в советскую эпоху не могла не восприниматься как «чуждая». Там, где отсутствовали яростные и недвусмысленные разоблачения врагов, мерещилась молчаливая симпатия к ним. В этот контекст вполне укладывается как драматичная судьба «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака в хрущевское время, так и его незаметное, почти незамеченное на фоне бурных разоблачений сталинизма, возвращение в Россию при М.С. Горбачеве.

Существует и другая очевидная причина непопулярности в среде российских историков культурно-антропологического подхода к анализу исторических процессов — отставание историографии, особенно «отечественной истории», от западных стандар-

¹² См., напр.: Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн.1: Генезис. Екатеринбург, 1996; Шибанов Н.С. «Зеленая» война. Челябинск, 1997.

¹³ Взвешенный анализ тенденций развития историографии революции, гражданской войны и «военного коммунизма» в 80-е — 90-е гг. содержится в статьях В.П. Булдакова, А.Н. Ушакова и В.П. Федюка, С.А. Павлюченкова в сб. «Исторические исследования в России. Тенденции последних лет» (М., 1996. С. 179 — 238).

¹⁴ Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 49.

тов, вследствие ее длительной самоизоляции и отсутствия живых профессиональных связей с коллегами за пределами коммунистического мира. Характеризуя положение исторических институтов РАН, Д. Гайер в середине 90-х гг. констатировал:

«Ограниченное пределами Российской Федерации планирование не подчинено более примату пятичленного учения о формациях и строгой заповеди партийности. Вместо этого предпринимаются попытки создать возможности для «разумного плюрализма» идей, теорий, методов. Тем не менее во многих головах еще продолжает сидеть старая аксиома, согласно которой историю нужно понимать как «объективный исторический процесс». Осознание того, что вопрос об истине в историческом исследовании связан с гносеологическим статусом историка, очень медленно завоевывает место. Искушения постструктурализма и постмодерна, не говоря уже о постистории, в новой России до сих пор едва достигли исторической элиты. Клиометрия, которая возникла еще при Брежневе, по сей день считается инновационным методом»¹⁵.

Если на Западе представители социальной истории еще в 60-е—70-е гг. выступили с критикой сложившейся в 30-е гг. теории тоталитаризма, то российские историки восприняли ее как последнее слово науки с полувековым опозданием, а некоторые до сих пор оберегают ее от ревизии со стороны социально ориентированных исследователей¹⁶. Между тем, в течение последних полутора десятилетий XX в. в западной историографии произошел новый поворот, наиболее драматично протекавший в Германии¹⁷: на этот раз социальная история оказалась мишенью для критики со стороны поборников истории повседневности, обвинивших социальных историков в переоценке социальных макроструктур, недостаточном интересе к человеку и зависимости от европоцентристских ценностей «прогресса»: «Присутствующее в теориях модернизаций предположение, что будничный человек — ни что иное как марионетка действующих «сверху» личностей или сил, выпускает из виду потенциал сопротивляемости, скрывающийся в логике повседневности и являющийся, как правило, не столько потенциалом торможения, сколько силой, которая ставит на время и постепенными переходами смягчает жесткость неожиданных изменений, сглаживает острые углы»¹⁸. Именно эта тенденция западной историографии и оставалась незамеченной большинством российских коллег¹⁹.

Впрочем, последний тезис может показаться излишне категоричным. Действительно, в 90-е гг. как в профессиональных журналах²⁰, так и в периодических изда-

¹⁵ Geyer D. Osteuropäische Geschichte und das Ende der kommunistischen Zeit. Heidelberg, 1996. S. 39 — 40.

¹⁶ См., напр.: Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского подхода») // Отечественная история. 1998. №5. С. 107—122.

¹⁷ См.: Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 2000. С. 77—100.

¹⁸ Borscheid P. Alltagsgeschichte — Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? / Schieder W., Sellin V. (Hg.) Sozialgeschichte in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 1987. S. 90.

¹⁹ Среди разрозненных статей, посвященных отдельным аспектам этого процесса, лишь в конце 90-х гг. в России появились более основательные обзоры, рассматривающие его более систематично. См., напр.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории / Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.11 — 52; Социальная история. Ежегодник, 1998/99. С. 7—38; она же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

²⁰ См., напр.: Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20 — 30-х гг. // Вопросы истории. 1994. №2. С.30—42; Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы // Там же. 1994. №3. С.42—52; Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения. 1939 — 1941 // Отечественная история. 1995. №3. С. 16—32; Сенявская Е.С. Чело-

ниях, адресованных массовому читателю²¹, появились десятки статей, посвященных экстравагантным, с точки зрения «нормального» советского историка, темам предсоветского и советского прошлого, характерным именно для истории повседневности. Показательно, что в обоих случаях представлен примерно один и тот же, довольно узкий круг авторов. Количество монографий по российской истории XX в., выполненных по крайней мере отчасти в культурно-антропологическом ключе, пока еще можно пересчитать по пальцам²².

Наряду с публикациями, свидетельствующими о расширении и усложнении проблематики ранней советской истории²³, увидели свет сборники материалов, представленных на научных конференциях 1994–1995 гг., специально посвященных поведению человека в переломные эпохи. Две из них были организованы Научным советом РАН «История революций в России» на базе проекта «Революция и человек», разработанного с целью стимулировать исследования революционных процессов с использованием подходов исторической антропологии²⁴.

В то же время складывается впечатление, что история повседневности порой превратно толкуется российскими историками как некое бытописание, не претендующее на теоретическую утонченность. На одной из международных конференций середины 90-х гг. Л.В.Миров, выступая за развитие этого направления, обронил симптоматичную реплику:

«...от "массовой увлеченности" проблемами классовой борьбы, политической истории, отчасти экономической истории мы сразу же перешли к столь тонким материям как ментальность, психология масс и т.п. В то же время, так называемая история повседневности, история быта в широком смысле этого слова осталась в нашей историографии "белым пятном"».²⁵

век на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Там же. С. 7–16; Горинев М.М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941–1942 гг.) // Там же. 1996. №3. С.3–28; он же: Москва в двадцатых годах // Там же. №5. С.3–17; Гимпельсон.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920 гг.) // Там же. 1997. №5. С.44–54; Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Там же. 1998. №3. С. 25–39; №4. С.99–108; Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. С. 287–332; и др.

²¹ См., напр., публикации Т.Ивановой, В.Канищева, С.Кулешова, Н.Лебиной, Е.Осокиной, С.Павлюченкова, Л.Протасова, А.Рожкова в рубриках «Повседневность» и «Подробности» журнала «Родина» (1991. № 8–9; 1992. № 8–9; 1994. №7, 9; 1995. №1; 1997. №8, 9, 11) и в приложении «История» педагогической газеты «Первое сентября» (1998. №4, 26, 34).

²² См., напр.: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945 – 1964. М., 1993; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993; она же: За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX–40-е гг. XX в.). М., 1994; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской истории. М., 1996; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Булдаков В.П. Красная смута...; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–март 1918). Екатеринбург, 2000.

²³ См., напр.: Анатомия революции. 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994; Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; Судьбы российского крестьянства. М., 1996; и др.

²⁴ См.: Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: быт, нравы, поведение. М., 1997.

²⁵ Ментальность и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С.5.

Вероятно, повседневная история видится, в таком случае, некоей модификацией краеведения, в котором высокий накал поискового пафоса, к сожалению, редко подкрепляется новизной интерпретации, вследствие чего оно в целом сохраняет теоретическую невинность и антикварный профиль. Этими качествами отмечены и многие публикации российских профессиональных историков, обращающихся к темам повседневности: часто они имеют информационный, но не интерпретационный характер. Не сложно обнаружить также, что большинство исследований советской повседневности посвящено времени становления и расцвета сталинизма — 20-м — 40-м гг. Отчасти это можно объяснить тем, что этот период, дегероизированный в общественном сознании в годы перестройки, значительно легче поддается взгляду «снизу» и «изнутри», в то время как начало советской истории в большей мере остается «заповедником» героических мифов²⁶.

Ограничиться подобным объяснением преимущественного интереса российских историков к повседневности сталинской эпохи было бы легкомысленно, поскольку аналогичное явление наблюдается и в западной историографии: повседневная история приживается среди специалистов по российскому прошлому неуверенно, локализуясь в основном в довоенном сталинизме²⁷. Неожиданная смена перспективы в связи с крахом СССР, вызвавшая необходимость по новому взглянуть на его становление и развитие, и открытие российских архивов, сопровождавшееся чуть ли не ежедневным опубликованием новых источников, совпали с методической переориентацией российеведения²⁸. Оживленная дискуссия вокруг написанной в историко-культурном ракурсе книги С.Коткина о сталинизме как цивилизации свидетельствует о назревшей потребности в новых парадигмах. М.Хильдермайер, видный западногерманский эксперт по российской истории, знающий ситуацию, что называется, изнутри, так охарактеризовал ее:

«Интерес к сознанию и восприятию, который начал проявляться во «всеобщей истории» уже более чем десятилетие назад, достиг, с обычным запаздыванием, и нашу дисциплину. Этот поворот не в первую очередь коренился в новых обстоятельных взглядах, а был вызван привлечением новых источников и/или новой интерпретацией уже известных. Так возник конечный эффект, который следует понимать как суммарный результат развития нескольких различных явлений: мировоззренческо-политического спора об отношении к Советскому Союзу, столь же старого, как и последний; эпистемологически-интерпретационных последствий секулярного события недавнего прошлого и дальнейшего методико-теоретикопознавательного развития исторической науки. Все эти факторы соединились и соединяются, как в точке пересечения, в концептуальных размышлениях о довоенном сталинизме»²⁹.

²⁶ Показательно, что автор современного исследования о «военном коммунизме», обнявая самые отталкивающие стороны русской революции, тоже не удержался от попытки ее героизации: «В обыденном представлении революция запечатлена чередой бедствий, хаосом власти, жертвами и лишениями для народа. Но в контексте эпохи революция — это проявление жизнеспособности нации, ее внутренней силы, а возникшая в ходе ее система военного коммунизма — демонстрация мобилизационной мощи национального государства. Не всем народам дано испытать революционный путь и проявить волю в преодолении зстоя и разложения, пройти через лишения революционного периода к преобразованию жизни на новых началах» (Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России... С. 13).

²⁷ См., напр.: Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation*. Berkeley, 1995; Plaggenborg S. (Hg.) *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin, 1998; Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary time*. New York; Oxford, 1999; Hildermeier M. (Hg.) *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung*. München, 1999.

²⁸ Hildermeier M. *Revision der Revision? Herrschaft, Anpassung und Glaube im Stalinismus* / Hildermeier M. (Hg.) *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*. S. 17 — 33.

²⁹ Hildermeier M. *Op. cit.* S. 18—19.

Усложнение проблематики наблюдается также в изучении революции и первых лет советской власти. Российская революция, убедительно интерпретированная с позиции социальной истории³⁰, все в большей степени становится объектом истории культуры — в самом широком смысле слова — и локальной истории³¹.

Многие работы последних лет по истории революции и гражданской войны приближаются к истории повседневности постановкой вопросов; их авторов интересует восприятие населением происходивших событий и поведенческая реакция на них. Так, в монографии В.Н.Бровкина гражданская война представлена как сложная совокупность конфликтов самосознания и самоидентификаций, в ходе которых население фактически не выбирало между «красными» и «белыми», а выступало в качестве автономной и анонимной третьей силы, в значительной степени определявшей ход и исход революции³². При этом — и здесь можно, вероятно, обнаружить отражение последней и, по-моему, самой глубинной причины слабых позиций повседневной истории в историографии, посвященной России 1917–1922 гг. — историк рассматривает гражданскую войну как «взаимодействие всех социальных групп, политических движений и партий»³³. Эта причина кроется, по всей видимости, в недооценке масштабов катастрофы, постигшей в то время население России — катастрофы, размеры которой превосходят силу воображения современного человека. Эта проблема является одной из центральных при изучении истории культуры России/СССР всего межвоенного периода, а в особенности — русской революции: «Вопрос заключается в том, как в этих условиях относительной неструктурированности государства, хозяйства, социальных отношений и связей, а также утраты общепринятой системы ценностей можно было бы рассматривать человеческое поведение и действие как структурированное»³⁴.

³⁰ См., напр.: Geyer D. Die Russische Revolution. Historische Probleme und Perspektive. 4. Aufl. Göttingen, 1985; Altrichter H. Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917–1922/23. Darmstadt, 1981; Hildermeier M. Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt/M., 1989; Bonwetsch B. Die Russische Revolution 1917: Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung bis zur Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991; и др.

³¹ См., напр.: Ferro M. La Revolution de 1917: la chute de tsarism et les origines d'Oktober. Paris, 1967; Radkey O.H. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920 – 1921. Stanford, 1976; Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Wolga Countryside in Revolution. Oxford, 1985; Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movement in Russia, 1918 – 1922. Princeton, 1994; Figes O. A People's tragedy. The Russian Revolution 1891 – 1924. London, 1996; Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln; Weimar; Wien, 1996; Altrichter H. Russland 1917: ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1997; Brovkin V.N. (Ed.) The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil War. New Haven, 1997; Wood E.A. The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; Brovkin V.N. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society. 1921 – 1929. London, 1998; Рейли Д. Саратов и губерния в 1917 г.: события, партии, люди. Саратов, 1994; он же: Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; и др. О предварительных итогах культурно-исторического исследования революционной России см.: Stadelmann M. Das revolutionäre Rußland in der Neuen Kulturgeschichte. Erlangen; Jena, 1997.

³² Эта идея, весьма последовательно проведенная в книге американского историка, сама по себе не нова. Свердловский историограф О.А.Васьковский еще в 60-е гг. прямо связывал успех А.В.Колчака с антисоветскими настроениями крестьян. См.: Васьковский О.А. Проблематика истории гражданской войны на Урале / Вопросы истории гражданской войны на Урале (Ученые записки Уральского университета. 1967. Вып. 8).

³³ Brovkin V.N. Op. cit. P. 8.

³⁴ Plaggenborg S. Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit / Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. №48. H. 1. S. 113.

В результате исследователи усматривают наличие осознанных и многообразных социальных интересов и используют социологический инструментарий, эффективный при изучении периодов относительно спокойного развития, там, где в силу стремительного социального распада главным героем событий становилась толпа, а ведущим мотивом — желание физически выжить. Итогом становится вытеснение из поля зрения историков проблем и сюжетов повседневной истории как малозначащих на фоне истории политических и социальных структур.

Думаю, этим можно объяснить, например, дефицит в монографиях о русской революции сюжетов о «пьяной революции» 1917 г. — массовых погромах винных складов городскими и сельскими жителями, в которых участвовали представители всех социальных слоев³⁵. Между тем, эти события не только отражали нараставшую в обывденном сознании психологию всеобщего дежа, но и оказали серьезное влияние на последующее развитие революции, обозначив тягу населения к сильной власти — какую бы политическую окраску она ни принимала³⁶.

Таким образом, состояние изучения российской действительности первых лет революции через призму истории повседневности можно оценить, мягко говоря, как неудовлетворительное³⁷. Среди обстоятельств, тормозящих ее интенсивное приложение к истории России периода революции и гражданской войны, можно выделить как минимум три фактора: полнокровность «красно-белых» мифов, запаздывание проникновения подходов исторической антропологии в русскиеведение, преобладание интерпретаций истории революционной России с помощью инструментария классической социальной истории вследствие недооценки размеров пережитой населением катастрофы.

³⁵ Единственная монография, специально посвященная этой теме, интерпретирует этот феномен преимущественно в духе политической истории, уделяя большее внимание реакции на него партийно-политических сил, чем собственно смене поведенческих моделей «маленького человека». См.: Канишев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995.

³⁶ На уральском материале об этом см.: Нарский И.В. «Пьяная революция»: население и алкоголь на Урале в 1917 г. / Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения: Материалы регионального научного семинара 24–25 апреля 1999 г., Челябинск. Челябинск, 1999. С. 193–212; он же: Две трагедии в Оренбурге, или что приключилось в умах оренбуржцев за 12 лет / Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX – XX веков: Сб. научн. тр. Челябинск, 1999. С. 108–118. Порой невнимание к масштабам российской катастрофы в сочетании с укоренившейся в течение десятилетий псевдомарксистской привычкой видеть в любом действии «народа» проявление классовой борьбы приводит к невольной фальсификации фактов. Так, Г.А. Герасименко подкрепляет свой вывод о переходе Временного правительства после июльских событий 1917 г. в Петрограде к «широкомасштабной репрессивной кампании, направленной прежде всего против радикальной части общества», фактом жесточайшей расправы воинской команды с крестьянами одного из сел Вятской губернии (См.: Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. №1 С. 69). Между тем, эта экзекуция была одной из мер борьбы с самонаварением, принявшим в связи с новым урожаем характер массовой эпидемии, а младший офицер, командовавший этой акцией, за применение телесных наказаний был отозван и предан суду (См.: Вятская речь. 1917. 13 сент.). Но и факт, и его интерпретация уже пошли гулять по научной литературе (См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 113).

³⁷ Один из авторитетнейших специалистов по истории России XX в. в частном отклике по поводу моей рецензии на его обобщающий труд по истории СССР выразился на этот счет более определенно: «Конечно, у меня отсутствует история повседневности и опыта. <...> ...такой историографии относительно Советского Союза не существует. Я попытался... осуществить синтез того, что имеется в наличии. Несуществующее нельзя и синтезировать. Может быть, через двадцать лет это удастся восполнить».

В результате история «нормальной» жизни «обычных» людей периода революции и гражданской войны пока не написана. В отечественной и зарубежной историографии по-прежнему доминирует внимание к «героическим» аспектам истории – революционным событиям, военным действиям, решениям руководства противоборствующих сторон. Тупиковость такого подхода очевидна. Ощущение того, что историки, идущие по этому пути, вынуждены «соскребать со дна», вызывает растерянность и пессимистические оценки перспективы дальнейшего изучения этого периода со стороны профессиональных историографов:

«В решении теоретических вопросов истории революции 1917 г. трудно ожидать каких-то качественно новых открытий либо появления оригинальных концепций. Историкам приходится выбирать между взглядом на революцию как на «локомотивы истории», либо взглядом, который доказывает нежелательность революционных потрясений, как отступления от естественного хода событий. <...>

В социально-экономическом блоке уже выявлены все основные позиции, придумать что-то новое здесь очень трудно. <...>

В изучении политических проблем революции 1917 г. на Урале трудно в ближайшее время ожидать каких-то прорывов»³⁸.

Высказанные мною характеристики состояния изучения российской истории 1917–1922 гг., неизбежно фрагментарные и схематичные, не должны создавать иллюзии, что мне приходилось приступать к проекту с «чистого листа». Многочисленные ссылки на работы предшественников наглядно показывают, сколь многим коллегам я обязан за ценную информацию и интересные мысли, которые послужили импульсом для данной работы.

Контуры гипотезы. Искушению пойти по неизведанному пути в надежде на приращение знания противостояло немало серьезных проблем, в том числе теоретического характера. Скепсис многих профессиональных историков, полагающих, что история повседневности таит опасную тенденцию принимать «за чистую монету и реальность то, во что многие верят»³⁹, в значительной степени оправдан. Работая с письмами советских людей в прессу 1987–1991 гг., российский теоретик истории повседневности так охарактеризовал эту проблему:

«Нельзя не обратить внимание на язык, каким эти документы написаны. Сама «плохопись» этих документов (след голоса!), стиль которого напоминает то Зощенко, то Платонова, завораживает, как завораживают произведения наивных живописцев. Знакомство с источником такого рода порождает искушение просто плыть по течению материала, тем более, что материал соблазнителен. Каждый человеческий документ ценен, и жаль бывает утратить драгоценную деталь. Часто трудно дистанцироваться и остановиться, ибо рассказ о жизни продолжается, и ты идешь за документом. Культивируя мягкие методы получения социального знания, стараешься «не разрушать объект». Работая с человеческими документами, мы осознаем, что постоянно возникает проблема насилия через навязывание своих собственных понятий и представлений и интерпретаций. Но здесь же возникает другая проблема – проблема насилия с другой стороны, особенно если тот, о ком ты пишешь, жив и отнюдь не является немым. Он «навязывает» свою модель мира, он вовлекает тебя в сети, которые выстраиваются согласно законам жанра. Рассказчик легко «становится хозяином» игры, даже если не изобретает правил»⁴⁰.

³⁸ Заболотный Е.Б. Указ. соч. С. 144, 145.

³⁹ Hildermeier M. Op. cit. S. 30.

⁴⁰ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи... С. 17.

Насилию над источниковым материалом путем втискивания его в жесткий каркас социальных структур и классификации чужого опыта в рамках наших представлений, в чем и обвиняли поборники истории повседневности сторонники социальной истории, противостоит, таким образом, иная крайность — некритичное «растворение» исследователя в материале, замена интерпретации пересказом. Последняя тенденция характерна для наиболее радикальных последователей истории повседневности 80-х гг., вытекающая из противопоставления этого направления школам социальной истории, из сосредоточения интереса на субъективном восприятии социальных процессов их участниками и свидетелями, а не на самих процессах⁴¹. В подобных крайностях явно читаются следы одного из кардинальных воплощений высокомерного разума Нового времени, жестко противопоставившего общество природе, субъект — объекту, дух — материи.

Более здравым представляется подход, в котором история повседневности рассматривается как развитие социальной истории. Такая позиция обосновывает необходимость изучения и социальных структур, и их восприятия современниками во взаимодействии и взаимовлиянии, она предполагает и сложную историческую аргументацию, и совместимость описания с высоким уровнем теоретичности⁴². Сама повседневность рассматривается в таком случае как место пересечения «объективного» и «субъективного» и определяется как «культурно оформленное взаимодействие действий и интерпретаций “действительности”, специфичное для различных слоев, на которое решающее влияние все же оказывали и оказывают материальные условия и их изменение»⁴³.

При таком прочтении история повседневности обретает несомненные достоинства, а риск «насилия источника» над исследователем снижается до минимума: обнаруживается, что взаимодействие «действительности» и человека осуществляется с помощью тонкого и малоизученного механизма, в который входят восприятие и переживание, перерабатываемые через толкование в опыт и модели поведения. Теоретическое обоснование этот подход находит в социологии знания, которая вскрывает двойственный характер общества как сложного переплетения «объективной» и «субъективной» реальностей, взаимоопределяющих друг друга⁴⁴.

По мере погружения в теоретическую литературу и источниковый комплекс я, после долгих раздумий, сделал в конце концов выбор в пользу именно такой — предельно широко трактуемой — истории повседневности как «методологической» основы предлагаемого исследования⁴⁵. При этом я сознательно отказался от злоупотребления терминологическими рядами исторической синергетики, исторической семиотики и психоистории. Во-первых, их некритичное использование, как показывает опыт, со-

⁴¹ Подробнее см.: Kocka J. Sozialgeschichte. Begriff — Entwicklung — Probleme. 2. Aufl. Göttingen, 1986. S. 162 — 174.

⁴² См.: Kocka J. Perspektiven für die Sozialgeschichte der neunziger Jahre / Schulze W. (Hg.) Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Göttingen, 1994. S. 35, 37.

⁴³ Medick H. «Missionare im Ruderboot»? Ethnologische Erkenntnisweise als Herausforderung an die Sozialgeschichte / Ludtke A. (Hg.) Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebenswelten. Frankfurt/M.; New York, 1989. S. 14.

⁴⁴ См., напр.: Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1 — 2. 3. Aufl. Frankfurt/M.; Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5. Aufl. Tübingen, 1990; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

⁴⁵ Более уместным было бы назвать этот подход «историей культуры», однако это наименование на русском языке не «звучит»: в российской интеллектуальной практике это направление сужено до истории духовной культуры и искусства.

здает неоправданно громоздкую и малоэффективную, «параллельную» аргументацию, не ведущую, как правило, к новому знанию⁴⁶. Во-вторых, мне хотелось сделать чтение удобоваримым и отказаться от тяжеловесной наукообразности: материал, с которым столкнется читатель в этой книге, и без того требует больших энергетических затрат и нервного напряжения. В ней описана трагедия в первоначальном смысле слова — нечто, внушающее ужас и сострадание.

Помимо сложностей общетеоретического характера возникли и другие, связанные с определением географических и хронологических границ исследования. На протяжении 1918–1922 гг. внешние и внутренние административные границы региона были чрезвычайно подвижны. Перекройка административной карты, отражавшая всеобщую эйфорию «революционного» обновления и усугубленная тем, что Урал оказался одним из эпицентров гражданской войны, не прекратилась и после окончания регулярных боевых действий. В результате контуры региона к 1923 г. изменились до неузнаваемости. За счет перераспределения уездов и выделения новых губерний и национальных областей радикально сдвинулись не только границы прежних губерний. Урал советского времени утратил значительные территории на западе, юго-западе и юге и приобрел новые, западносибирские пространства на востоке и северо-востоке. В этой связи возник естественный вопрос: в каких границах рассматривать Урал — в стабильных дореволюционных или «плавающих» советских и анти-советских? Ряд соображений склонил меня к изучению происходившего в рамках дореволюционного «большого» Урала: Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний. Первый и практический резон заключался в том, что выявление статистически просчитываемых показателей разрушения жизни в регионе с постоянно изменяющимися границами невероятно затруднено. Между тем, для определения динамики катастрофических процессов необходимо было привлечь цифровой материал предреволюционных лет, тщательно собранный и корректно обработанный специалистами-статистиками государственных и земских служб. Второе обстоятельство связано с тем, что население Урала в дореволюционных границах, несмотря на пестроту пережитых режимов, прошло через одни и те же испытания — многократную смену власти, катастрофический хозяйственный упадок, лишения и нищету, страх гибели и утрату близких, эпидемии, голод и смерть⁴⁷. Однотипные впечатления о пережитом рождали сходный опыт и близкие поведенческие коды, что позволяет говорить о «большом» Урале как о ментальной целостности.

До знакомства с источниковым материалом я наивно предполагал ограничиться изучением времени революции и военных действий 1917–1919 гг., но вскоре обнаружил, что этот период был только частью катастрофы, и отнюдь не самой страшной. Расширения хронологической перспективы до лета–осени 1922 г. требовали не только внешние обстоятельства («военный коммунизм», повсеместные крестьянские и казацкие восстания, продолжающееся разрушение хозяйственной жизни и быта, невиданная инфляция, сокращение населения и пр.), но и массовое субъективное восприятие этого периода как времени непрерывной (с 1914 г.) «семилетней войны». На по-

⁴⁶ См., напр.: Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919–1921 гг.). Свердловск, 1991; Квакин А.В. Российские интеллигенты 1917–1918 годов как актанты в точке бифуркации / Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1998. С. 30–34.

⁴⁷ Единственным губернным городом, власть в котором в 1918–1919 гг. оставалась в руках большевиков, была Вятка. Но жизнь и ее жителей регулярно сотрясали слухами о скорой смене власти, а отдельные части губернии оказывались под контролем то различных антибольшевистских областных правительств, то восставших крестьян и рабочих.

следовавшую за снижением темпов хозяйственного распада некоторую стабилизацию условий жизни — на чудовищно низком уровне — население отреагировало в 1922 г. привычным и известным с предреволюционных времен и первого года революции способом: массовым самогоноварением и пьянством.

По мере преодоления многочисленных сомнений постепенно вырисовывались общие контуры замысла. Центральную тему, которой посвящена предлагаемая книга, коротко можно обозначить следующим образом: роль «маленького человека» в грандиозных исторических событиях. Первоначально мне казалось, что эта проблема может быть описана в рамках теории тоталитаризма: в годы невероятных бедствий условия автономного существования человека и ощущение относительной безопасности были разрушены настолько, что люди оказались нейтрализованной и беззащитной массой, достаточно покорной, чтобы в будущих грандиозных экспериментах по строительству «социализма» не учитывать ее интересы. Однако эта схема вскоре оказалась недостаточной. При работе с источниками возникало убеждение, что население не являлось статистом и наблюдателем великой драмы, а усиленно вырабатывало технику, методы и формы — иногда едва различимые, иногда очевидные — приспособления к резко и постоянно меняющимся условиям жизни. Реконструкция стратегии выживания населения в экстремальных условиях гуманитарной катастрофы составила, таким образом, цель данного исследования⁴⁸.

Движение к поставленной цели возможно, на мой взгляд, через ответы на следующие вопросы. Во-первых, каковы были масштабы постигшей регион катастрофы? Во-вторых, как выглядели трагические события 1917–1922 гг. с точки зрения «обычного» человека? И, в-третьих, как население осмысливало и перерабатывало пережитое, как оно реагировало на происходящее?

Ответы на поставленные вопросы требуют поочередной смены исследовательской перспективы. Необходимо прежде всего взглянуть на происходившее в 1917–1922 гг. «со стороны», через количественные данные, отражающие динамику политической и хозяйственной жизни, демографических процессов и трансформацию институтов социализации. Затем следует попытаться посмотреть на протекание жизни «снизу», глазами «обывателя», чтобы возможно более пластично проникнуть в мир его повседневных забот, надежд и страхов. Потребность в таком подходе диктуется тем, что, как подсказывает опыт, явления, увиденные и пережитые «снизу», существенно отличаются от эффекта, желаемого и ожидаемого «наверху», на уровне партийных и государственных инстанций. Первые два угла зрения должны обеспечить возможность обратиться к третьей перспективе — взгляду «изнутри» с целью выявления мотивов выработки и техники реализации определенных образцов поведения. При этом обнаруживается, что техника выживания была чрезвычайно многообразна — от вступления в партийные ряды и устройства в государственные организации (включая армию, веду-

⁴⁸ В формулировке цели исследования ключевыми понятиями являются «катастрофа» и «выживание». Любопытно, что явную трагическую окраску они приобрели, по всей видимости, уже в XX в. Еще во второй трети XIX в. их смысл был более нейтрален. В «Толковом словаре» В. Даля «катастрофа» определяется прежде всего как «переворот, перелом, важное событие, решающее судьбу или дело» и лишь в последнюю очередь как «случай гибельный, бедственный» (Т. 2. С. 97). В современных же словарях русского языка термин имеет более мрачную тональность как «внезапное бедствие» и «событие с трагическими последствиями» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 270; Словарь русского языка. М., 1982. Т. 2. С. 39). Аналогичное превращение пережил глагол «выжить». В XIX в. он значил не «остаться в живых», а «жить какое-то время», «быть», «проживать» (Ср.: Даль В. Толковый словарь. М., 1978. Т. 1. С. 289; Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 256).

щую боевые действия!) до массовых форм вооруженного сопротивления и индивидуальной уголовно наказуемой деятельности⁴⁹.

Последовательная смена ракурсов исследования определила его трехчастную структуру. В первой части сконцентрированы сюжеты, касающиеся событийной канвы политической истории, количественно выраженной динамики экономических и социальных процессов. Представленный здесь материал по большей части известен исследователям. Однако рассматривается он в одном аспекте — с точки зрения воздействия на жизнь «простого» человека.

Вторая часть посвящена реконструкции событий и процессов, непосредственно пережитых населением. Основные сюжетные линии сгруппированы вокруг революционных событий 1917 г., коллизий гражданской войны, «военного коммунизма» и перехода к НЭПу — в том виде, в каком их увидело и испытало городское и сельское население. Другими словами, основное внимание обращено не на военные действия и борьбу между «красными» и «белыми», а на повседневную жизнь, радости и горести «обывателя».

В третьей части прежде всего выявляются основные формы и формулы интерпретации населением происходивших событий. «Идеологическое» (в широком смысле слова) обоснование окружающего и оправдание своих действий является одной из жизненно важных основ человеческого существования. В переломные же эпохи, когда дезориентация в стремительно меняющихся обстоятельствах обходится особенно дорого, поиск смысла происходящего может рассматриваться как составная часть стратегии выживания. Кроме того, в этой части представлен обширный спектр моделей поведения и путей приспособления во имя выживания — как законных и поощряемых властями, так и нелегальных и преследуемых. Наконец, анализируется радикально понизившаяся на протяжении нескольких лет культура потребления — условие и следствие вживания в новые обстоятельства: привычки питания и потребность в предметах первой необходимости и массового спроса, стандарт жилищных условий и запросы в сфере услуг и отдыха.

Итак, в самом общем виде концепция выглядит следующим образом. В условиях невиданной катастрофы, обрушившейся на население (и усугубленной его реакцией), происхождение и социальная принадлежность человека, несмотря на провозглашенную в России непримиримую классовую борьбу, не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение. Шла не только тотальная примитивизация, «архаизация», «рурализация»⁵⁰, или «окрестьянивание» внешних условий жизни, но и стремительное массовое обновление опыта и понижение ожиданий под воздействием так называемых «ключевых переживаний»⁵¹, связанных с кризисом и травмами периода революции и гражданской войны. Факты свидетельствуют в пользу того, что в этих условиях многие специфические групповые модели поведения все в большей мере вытеснялись простейши-

⁴⁹ Интерпретация поведения основной массы российского населения в годы революции и гражданской войны как осознанного «выживания в катастрофе» представляется мне более экономичной, чем его объяснение столкновением многообразных классовых, групповых и личных интересов, из которого неизбежно выпадает часть необъяснимого материала, для толкования которого приходится достраивать вспомогательные конструкции — будь то «случайность», «аномалия» или «иррационализация» поведения.

⁵⁰ См.: Levin M. The Making of Soviet System. New York, 1985.

⁵¹ Hartewig K. «Wer sich in Gefahr begibt, kommt (nicht) darin um», sondern macht eine Erfahrung! Erfahrungsgeschichte als Beitrag zu einer historischen-Sozialwissenschaft der Interpretation / Berliner Geschichtswerkstatt (Hg.) Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte. Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Münster, 1994. S. 113.

ми, индивидуально, реже — коллективно разыгрываемыми импровизациями на тему физического выживания. Такая трактовка мотивов поведения была очевидна для современников:

«Кто тогда думал, скажите, пожалуйста, о чем-либо, кроме спасения жизни? Заботы о самом необходимом, то есть об элементарной безопасности от набегов Чeka и о том, чтобы не умереть с голоду, поглощали всю психику. Не оставалось ровно ничего для борьбы»⁵².

Однако борьба за кусок хлеба и сохранение жизни — мотив слишком приземленный, если не циничный. Видимо, именно так воспринимали его и победители, и побежденные. Российская интеллигенция, которая идеологически «обслуживала» обе стороны, много потрудились в деле вытеснения подобной интерпретации, несколько не соответствовавшей идеализированному образу «народа». В этой связи правомерно рассматривать последующие, в том числе историографические, попытки «героизации» и романтизации революции и гражданской войны как сублимированное вытеснение прошедшего и совершенно прозаического кошмара.

Большинство людей жило в те трагические годы растительной жизнью и приспособлялось, как могло. Это не должно, однако, являться поводом высокомерно отворачиваться от них. «Маленький человек» своей незаметной и будничной жизнью и взаимодействием с такими же, как он, безмянными и сырыми, существенно видоизменял то, что самонадеянно проектировали и пытались осуществить «герои» большой политики:

«Облик и социальное поведение обывателя — более надежная визитная карточка революции, чем социально-психологический портрет ее активного ядра. Если второй (портрет революционера) позволяет понять, как, с чего и почему началась революция, то первый (облик обывателя) без утайки подскажет нам, чем она неизбежно закончится. Ибо парадигма, реальное соотношение и исход противоборства интересов в рамках консервативной части взбаламученных революционных масс — та сила, которая по мере своего «оседания», возвращения к традиционному укладу жизни, способна опустить на грешную землю любые горделивые замыслы и головокружительные начинания революционных радикалов...»⁵³.

Сами по себе поведенческие коды «простого» человека, равно как и их изменение под воздействием нового опыта, влияют, видимо, не только на исход, но и на сам процесс протекания «великих» исторических событий⁵⁴. «Обыватель» в годы гражданской войны в конце концов отворачивался от всех сменявших друг друга, именно по этой причине, режимов, — ни один из них не мог обеспечить ему желанную безопасность и стабильность. Победить мог лишь тот, кому удалось бы «пересидеть» противника и остаться у власти к моменту, когда у населения не осталось бы сил ни поддерживать, ни сопротивляться. Окончательная «победа» в этом смысле была одержана большевиками в 1922 г., когда измученное голодом и вымиравшее население перестало бороться против продналога, казавшегося едва ли лучше разверстки.

⁵² Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 62.

⁵³ Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (к постановке проблемы) / Революция и человек: социально-психологический аспект. С. 27.

⁵⁴ В этой связи для разработки повседневной истории революционной России представляется непродуктивным наметившееся в немецкой историографии противопоставление статичной концепции повседневной истории как будничной борьбы за выживание динамичной концепции, выявляющей пути превращения современников исторического процесса в его субъектов (См.: Людке А. Указ. соч. С. 82–83).

Накопленный населением опыт выживания в экстремальных условиях оказался актуальным и впоследствии. Не только большевистские замыслы социалистического строительства, но и выработанная в революционную пору система ценностей, техника приспособления и жизненные стандарты оказали (и, видимо, продолжают оказывать) существенное влияние на дальнейшую историю России.

Источниковые залежи: видимое, но не замечаемое. Поскольку раньше мне не приходилось целенаправленно работать с материалами по истории революции, гражданской войны и первых лет советской власти, проблема создания источниковой базы исследования являлась центральной и весьма непростой. Предварительный просмотр научной литературы создавал впечатление фрагментарности и скудости источников, так как положение населения, условия его быта, настроения упоминались лаконично и скупо. Это впечатление соответствовало широко распространенному мнению, согласно которому при безбрежном обилии источников, повествующих о жизни людей в советское время, существует острый дефицит подобных документов за годы рождения Советской России⁵⁵. Последующая работа в архивах и хранилищах периодики показала, однако, что это представление относительно. С ним можно согласиться только в том случае, если полагать, во-первых, что реконструкция повседневной жизни «маленького человека» возможна только на основе словесно оформленной, вербальной информации; во-вторых, что такого рода сведения сосредоточены исключительно в документах личного происхождения — письмах, воспоминаниях и дневниках «простых» людей, характеризующих ситуацию «снизу»; в-третьих, что таких источников, запечатлевших «голос народа», сохранилось слишком мало, чтобы уверенно говорить о надежности получаемых на их базе знаний.

Действительно, многие ценные документы были утрачены в ходе революционных потрясений и многократных переходов власти от режима к режиму. Вероятно, еще больше материалов погибло по более прозаическим причинам: в связи с общим обнищанием бумага, наряду с другими предметами массового спроса, оказалась редкостью. В 1922 г. Уральское областное бюро ЦК РКП(б), призывая губкомы «собирать материалы, вплоть до мелочей, относящиеся к истории нашей партии», отмечало, что важные документы «нередко рассматриваются как старая ненужная бумага и идут на обертку, на растопку, на курево...»⁵⁶. Понятно, что если таким образом уничтожались многие официальные документы в учреждениях, то бумаги, осевшие в частных руках (прежде всего переписку) тем более ожидала подобная судьба.

И тем не менее знакомство с местными газетами 1917–1922 гг., официальной документацией и материалами личного происхождения ошеломляет необозримым объемом разнообразной и по большей части не введенной в научный оборот информации о повседневной жизни населения. Несмотря на опыт работы с источниками (а может быть, благодаря ему) я не рискнул бы провести четкую их классификацию, разделить первичные от вторичных, личного происхождения от официальных. В служебные записки, доклады, обзоры и сводки врываются, в качестве иллюстраций, уникальные фрагменты писем и жалоб населения, высказывания рабочих, служащих, крестьян, казаков, солдат. В информационных сводках военной цензуры собраны от-

⁵⁵ См., напр.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 9, 16.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

рывки навсегда утраченных личных писем. С другой стороны, из мемуаров 20–30-х гг., собранных Истпартом, торчат уши многочисленных идеологически выверенных конспектов-минимумов для воспоминаний о Февральской и Октябрьской революциях и гражданской войне – детализированных вопросников-«подсказок», которые открывали простор «героическому» мифотворчеству и отфильтровывали «негероическое», будничное и живое.

Явно недооценен историками газетный материал. Бесчисленные письма и жалобы читателей советских газет в рубриках «Как живет деревня», «Как живет рабочий», «Черная доска», зарисовки уличной жизни в фельетонах, репертуарные афиши театров и кинотеатров – все это на протяжении десятилетий оставалось видимой, но не замечаемой информацией, которая в лучшем случае скупно привлекалась в качестве иллюстрации «славных» усилий коммунистической партии по строительству социализма, чаще же воспринималась как бесполезная или курьезная.

Такова же судьба большинства документов личного происхождения, оставленных анонимными противниками большевистского режима или ничем не прославившимися советскими работниками⁵⁷.

Значительный массив документов рассматриваемого периода был опубликован. Однако даже в публикациях 20-х гг., вопреки ожиданию – не говоря о более позднем времени, – тема повседневной жизни тщательно просеяна. Как и в научных исследованиях, это объясняется преимущественно их воспитательной нацеленностью. Из идеологически обусловленного отбора и препарирования источников не делалось тайны. Во вступительных статьях к сборникам документов фигурировали аргументы следующего порядка:

«...при составлении сборника преследовалась цель дать исторический материал в таком порядке, чтобы читатель мог сосредоточить свое внимание на основных и важнейших моментах того или иного события или периода. Вследствие этого большинство имевшихся в нашем распоряжении исторических материалов, в виде воспоминаний отдельных участников движения, использовались не полностью, а частично, чтобы избежать загромождения сборника многочисленными личными эпизодами, обилие которых неизбежно затруднило бы четкость в освещении общего хода событий и их смысла»⁵⁸.

Позднейшие публикации страдают еще большей односторонностью, поскольку материал в них группируется вокруг перехода власти к Советам, слома старого и создания нового государственного аппарата, введения рабочего контроля и национализации промышленности, «осуществления ленинского декрета о земле»⁵⁹. При этом документы подбирались таким образом, чтобы свидетельствовать «о героической борьбе трудящихся... под руководством Коммунистической партии за власть Советов, о борьбе рабочих и крестьян против белогвардейских банд...»⁶⁰.

Серьезным шагом по пути преодоления недостатков прежних публикаций является документальный двухтомник о продовольственной ситуации на Урале. Первый том этого труда содержит обширную ценную статистическую и аналитическую информацию об организации и функционировании продовольственной системы

⁵⁷ Примечательно, что ценнейшие материалы личного происхождения, содержащиеся в приложении к монографии Д.А. Сафонова, о повстанческом движении на Южном Урале, даже не упомянуты в самом тексте исследования. См.: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С. 270–272, 300–307.

⁵⁸ Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 1.

⁵⁹ См., напр.: Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.): Сб. документов и материалов. Уфа, 1979.

⁶⁰ Гражданская война в Оренбуржье (1917 – 1919 гг.): Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 1.

на Урале, преимущественно в Пермской губернии (в ее дореволюционных границах) в 1900–1928 гг.⁶¹

В ходе поиска и обработки найденных источников возник ряд непростых проблем. Одной из них является вопрос об их достоверности. Работа с материалами по истории повседневности, особенно в периоды трагических переломов, требует от исследователя предельного внимания. С одной стороны, имея дело с обыденным сознанием, необходимо учитывать свойственное ему искажение восприятия и памяти и не принимать на веру оценки, даваемые свидетелями того или иного события:

«Быстро увеличивающийся разрыв между социальными ожиданиями, продолжающими по инерции расти, и снижающимися объективными возможностями усиливает напряжение, чреватое взрывом. Тогда в памяти современников весь последующий этап окрашивается цветом актуальной неудовлетворенности, историки доверчиво принимают документально зафиксированные настроения за бесспорные свидетельства...»⁶².

С другой стороны, документы, содержащие самую сомнительную информацию — будь то примитивно мистифицированные воспоминания, самые фантастические слухи или грубо фальсифицированные материалы передовиц официальной прессы — могут оказаться чрезвычайно ценным источником по изучению культурных кодов, системы представлений и ценностей «маленького человека». Расшифровка этой закодированной информации возможна с помощью метода, известного в этнологии как «плотное описание», которое, в отличие от «разреженного описания» — сбора отдельных данных, — обращает внимание не только на социальные действия людей, но и на скрывающиеся за их поступками культурные формы⁶³.

Как свидетельствует опыт, наиболее надежным и информативным источником для изучения истории повседневности обозначенного периода являются конфиденциальные документы, посвященные настроениям и условия жизни населения. Такого рода информация была жизненно важна для укрепления позиций любого режима. Она отложилась в фондах государственных учреждений местных органов Временного правительства, большевистских и антибольшевистских властей. Наиболее основательную систему сбора и обработки таких сведений удалось создать чрезвычайным органам советской системы — ВЧК—ГПУ, особенно со времени организации местных аппаратов государственных информационных троек от губернского до волостного уровня (1921 г.), аккумулировавших данные обязательных 1–2-недельных сводок различных инстанций, вплоть до сельсоветов. Об информативной насыщенности этих источников свидетельствует повышенный интерес к ним со стороны историков, отражением

⁶¹ См.: Продовольственная безопасность на Урале в XX веке. Документы и материалы в 2-х томах. 1900–1984. Екатеринбург, 2000. Сборник документов увидел свет, когда работа над монографией подходила к концу. По этой причине в ней они использованы в меньшей мере, чем того заслуживают. Вместе с тем, я не обнаружил среди них ни одного документа, который поставил бы под сомнение концепцию предлагаемого исследования. Это послужило дополнительным аргументом к отказу от включения в текст фрагментов из опубликованных материалов.

⁶² Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). Курс лекций. М., 1996. С. 7.

⁶³ Автор термина «плотное описание», американский этнолог К.Гирц, так определил смысл своего подхода: «Понятие “культура”, за которое я выступаю..., в большей степени семиотическое. Как и Макс Вебер, я полагаю, что человек является существом, которое опутано изготовленной им самим сетью, причем я рассматриваю культуру как такую сеть. Ее изучение поэтому — не экспериментальная наука, которая отыскивает законы, а интерпретирующая, которая ищет значения. Для меня важны объяснения, толкования общественных форм выражения, которые сначала кажутся загадочными» (Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York, 1973. P. 5).

которого стал ряд документальных публикаций⁶⁴. Составленные по единым и тщательно разработанным программам, относительно свободные — благодаря строгим инструкциям центра на этот счет — от умозрительных заключений и оценок, они позволяют достаточно полно реконструировать будни городского и сельского населения⁶⁵. Вследствие пирамидальной системы построения информационных сводок необозримый материал отложился в областных государственных и бывших партийных архивах (в фондах административных и партийных органов различных уровней), и публикуемые материалы сверхсекретных центральных архивохранилищ, в том числе ФСБ РФ, ставшие доступными исследователям в последние годы, представляют собой лишь верхушку айсберга и не воспринимаются провинциальными историками как сенсация.

Местные информационные бюллетени и сводки значительно подробнее центральных, составленных в телеграфно лаконичном стиле для высшего руководства страны тиражом 5—40 экземпляров. Материалы губернских сводок достаточно добротны, о чем свидетельствуют чрезвычайно редкие случаи недовольства партийных губкомов их содержанием, точнее — преимущественно оценкой ситуации. Так, секретарь Челябинского губкома РКП(б) обратился в ноябре 1922 г. в информтройку губернского отдела ГПУ со следующим посланием:

«Обращаю Ваше внимание на сгущение красок и, местами, искажение фактов, замеченное в обзоре-бюллетени Госинфтройки за октябрь месяц 1922 года.

1) «Компартия за последнее время совершенно оторвалась от рабочих масс и т.д. ...» — это противоречит первому абзацу в «общем состоянии партийной организации» (стр. 20) и, заключая в себе долю истины, является несомненным сгущением красок.

2) В рабочих массах «отсутствии интереса к вопросам нового строительства, недовольство слабых к рабоче-крестьянской власти» — первая часть явно преувеличена, вторая абсолютно неверна.

3) «Экскурсия (агентов Челябинкопей в Сибирь на заготовку) еще не отправлена, а рабочие сидят без денег и без мяса» — неправда.

4) «Вопрос о безработных на обсуждение соответствующих органов не выставляется» — также не верно.

По ряду сведений запрашиваю, назову справки.

Секретарь Челяб. Губкома Лисовский

22 — XI — 22»⁶⁶

Таким образом, материалы чрезвычайных политических органов советской власти составляют своеобразный стержень источниковой базы исследования за период с лета 1919 до конца 1922 г. Кроме того, к работе привлечены — отчасти в качестве вспомогательных, в большей степени как самостоятельные — архивные материалы комитетов РКП(б) (в первую очередь — партийных чисток), военной цензуры, административных органов и общественных организаций различных режимов, статистических бюро, служб здравоохранения, народного образования, рабоче-крестьянской инспек-

⁶⁴ См., напр.: ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921 — 1927 годы. По материалам информационных сводок ВЧК — ОГПУ. Сыктывкар, 1995; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. ... Т. 1: 1900—1928. С. 304, 337, 344—354, 355—363, 377—387; особенно интересен грандиозный российско-французский проект документального издания: Советская деревня глазами ВЧК—ГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918—1922 гг. М., 1998; .

⁶⁵ Об информационных материалах ВЧК — ГПУ 1918 — 1922 гг. см.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 1. С. 23 — 58.

⁶⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 115.

ции, правопорядка, комитетов помощи голодающим и ликвидации последствий голода 1921 — 1922 гг., опубликованные и неопубликованные воспоминания. Частично эти материалы дополняются газетными публикациями, некоторые из которых уникальны и имеют самостоятельное значение (репортажи с мест, фельетоны, письма и жалобы читателей, фольклор).

Простой перечень профиля документов, поиск и обработка которых осуществляется в государственных и политических архивах Москвы, Вятки (Кирова), Екатеринбурга (Свердловска), Оренбурга, Перми, Уфы и Челябинска, обнажает еще одну немаловажную проблему — ограничения круга источников, обилие которых делает непосильным их фронтальное привлечение к исследованию. Поскольку объектом изучения является довольно крупный регион, предпочтение отдавалось документам областного (уральского) и губернского уровней. Огромное количество материала осталось вне поля моего внимания, значительная часть найденного не вводится в научный оборот. Дальнейшее изучение источников городского, уездного, волостного, поселкового и сельского уровней представляется возможным в рамках крупномасштабного коллективного проекта, требующего согласованных усилий и кропотливого труда.

Читатель без труда обнаружит, что частота отсылок к материалам челябинского архива местами несколько превышает норму сбалансированного регионального исследования. Объясняется это тем, что, живя в Челябинске и не имея достаточных возможностей для длительной работы в других городах, я более тщательно занимался в доступных мне архивохранилищах, чтобы выявить наиболее информативные комплексы источников, перенеся затем этот опыт на поисковую деятельность в других архивах. Безусловно, ограниченность материальных средств — плохой помощник в научных изысканиях. Но выбора у меня не было, а такой, «экономичный», вариант поиска себя, в общем, оправдал: приезжая в очередной архив, я словно бы знал, где что лежит, и радовался скорости и результативности поиска (на архивные «раскопки» ушло около полугода).

В целом, объем и спектр собранных и проанализированных источников представляется достаточным, чтобы в первом приближении ответить на вопросы, поставленные в исследовании, которое не воспринимается мною как разработка принципиально новой концепции — свою задачу я определяю скромнее: привлечь внимание историков к малоизвестным материалам, посодействовать развитию творческого интереса к истории «маленького человека» и, в конечном счете, облегчить проникновение современника в ткань нашего странного прошлого. Если эта книга поможет кому-либо лучше понять наших предков (а может быть, и самих себя), а для кого-то послужит импульсом к исследовательской работе, я буду считать свою миссию успешно выполненной.

1. Масштабы катастрофы: от «свободы» к канибализму

«Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира».

Н.А. Бердяев

«Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет».

А.И. Ильин

1.1. Политические катаклизмы

«Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться».

В.Г. Короленко

Описание и интерпретацию жизни «маленького человека» в условиях цивилизационной катастрофы необходимо, на мой взгляд, предварить зарисовкой ее компонентов и масштабов. Этот обзор неизбежно имеет пунктирный и во многом вторичный характер, что обусловлено задачами этой части книги. Опыт жизни и историографии в XX в. располагает к скромности — к отказу историка от высокомерной веры исторической науки XIX столетия в возможность восстановить прошлое в полном объеме и без искажения пропорций. Подобная, теоретически и практически недостижимая, реконструкция в данном случае не намечается и не требуется. Мне представляется целесообразным очертить контуры лишь тех событий и процессов, которые не могли не оказать серьезного влияния на жизнь людей и требовали от них ответных реакций. Такая постановка задачи объясняет и, надеюсь, оправдывает скудность и фрагментарность описания, опирающегося, по большей части, на основательные наработки специалистов, благо, в исследованиях событийного ряда, макроструктур и процессов периода революции и гражданской войны в России и на Урале недостатка не ощущается. Несмотря на общеизвестность, если не банальность фактов, которые здесь будут изложены, я не советовал бы читателю — вне зависимости от уровня его исторической эрудиции — обойти вниманием первую часть книги. Она поможет представить общий контекст рассматриваемого периода, обозначить, образно говоря, общие границы сцены, эскиз декораций, основные линии сценария, которым вольно или невольно будут следовать герои описываемой драмы. Поскольку предполагаемая реконструкция преимущественно обязана результатам усилий многих историков (хотя ряд материалов в ней будет приведен впервые), в этой части книги неизбежны историографические вкрапления: в ней придется коснуться ряда проблем и сюжетов, по которым историки сохраняют разногласия или с трудом идут на сближение позиций. Наконец, по ряду проблем, касающихся влияния революции и последовавших за ней событий на жизнь населения, автор предпринимает попытку выработать самостоятельную позицию, обусловленную не столько новизной материала, сколько непривычным углом зрения.

Политический хаос 1917 года. «...Стоит взглянуть на Комитетские “Известия”, на “Извещение”, подписанное Родзянкой, — писала в дневнике 28 февраля 1917 г. З.Н.Гиппиус, которую Февральская революция застала в Петрограде. — Все это производит жалкое впечатление робости, растерянности, нерешительности. Из-за каждой строчки несется знаменитый вопль Родзянки: “Сделали меня революционером! Сделали!”»¹

Под репликой, вложенной в уста председателя Государственной думы 4-го созыва и человека крайне умеренного политического темперамента М.В. Родзянко, мог бы, положа руку на сердце, подписаться любой политик оппозиции — как из числа российских либералов, слывших в официальных сферах и в правых кругах партийно-политического ландшафта России крайними революционерами, так и из социалистов, связавших свою судьбу с будущей революцией. Ни одна из российских политических партий не могла «претендовать на честь инициативы в русской революции»². Сам В.И. Ленин в январе 1917 г., за месяц до революционных событий в столице Российской империи, оценивал перспективу революции из своего цюрихского далека крайне пессимистично, полагая, что его поколение революционеров не доживет до нее³.

Многолетние разговоры о грядущей революции, запугивание ею правительственных кругов со стороны умеренной оппозиции, попытки приблизить ее работой в подполье и эмиграции оказались блефом. Революция 1917 г. обрушилась на Россию совершенно неожиданно.

Если в столицах, где политическая общественность, ограниченная рамками парламента, независимой печати и центральных представительств умеренных партий, все же по инерции продолжала действовать, начало революции вызвало шок, то в провинциальных регионах петроградские события рубежа февраля — марта породили всеобщее замешательство. Партийная жизнь на периферии империи, в том числе и на Урале, после последнего всплеска во время избирательной кампании 1912 г. в Государственную думу замерла или еле теплилась, существуя в большей степени в секретном делопроизводстве политического сыска, который за неимением жизнеспособных противоправительственных организаций поддерживал видимость их существования ради обоснования собственной значимости. По мнению одного из знатоков ситуации начала 1917 г. на Урале, Февральская революция в регион была в буквальном смысле слова «прислана в запечатанном конверте»⁴.

События 1917 г. в уральской провинции, сотни раз изложенные в исследовательской, учебной и справочной литературе и расписанные чуть ли не по дням⁵, развивались по общероссийскому сценарию и, казалось бы, не предвещали превращения Урала в один

¹ Гиппиус З.Н. Современная запись. 1914 — 1919 гг. / Мережковский Д. «Большая Россия». Л., 1991. С. 215.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.2. С. 321.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С.328.

⁴ Цит. по: Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917 — 1918 (Опыт военно-исторического исследования). М., 1925. С. 51.

⁵ См.: Адамов В.В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967; Лисовский Н.К. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967; Урал в огне революции. Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967; Дробышев Г.А., Обухов Л.А. Установление советской власти на Урале / Борьба партийных и массовых организаций трудящихся Урала за построение социализма. Свердловск, 1986; Попов Н.Н., Бугров Д.В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997; и др.

из эпицентров всероссийской трагедии. После первых полуслухов — полуофициальных сообщений о начале революции информация о столичных событиях, несмотря на частичное сопротивление местных властей, в первые дни марта ураганно распространилась по городам Урала, вызывая ответную реакцию в виде многочисленных манифестаций и митингов. В глухие уголки горнозаводской зоны и в удаленные от уездных центров и железных дорог сельские местности сведения о революции проникли с опозданием на недели. Было бы, видимо, преувеличением говорить о всеобщем восторге и воодушевлении по поводу смены политического режима — настроения колебались от радостных надежд на быстрое решение всех проблем до недоумения и равнодушия.

К середине первой декады марта 1917 г. власть губернаторов и других представителей прежней гражданской администрации перешла к председателям губернских и земских управ и главам городских Дум — все они получили статус комиссаров Временного правительства. Отстранение прежних представителей власти сопровождалось стихийным и насильственным, с эксцессами погромного характера, разрушением структур правопорядка и политического сыска. Преследование полицейских и жандармов, самосуд над бывшими представителями власти, попытки уничтожения делопроизводства органов сметенного режима, захват тюрем и освобождение без всякой проверки всех заключенных, преимущественно уголовных, прокатились по Уралу, превратившись в своеобразный символический акт расправы с царским строем и признания новой власти. Наряду с органами местного самоуправления, значение которых в управлении подведомственными территориями в этой связи резко возросло, повсеместно, хотя и с различными темпами и интенсивностью, стали возникать разномасштабные общественные органы, претендующие на участие во власти — Комитеты общественной безопасности (КОБы) или общественных организаций (КОО), Советы рабочих, солдатских, затем — крестьянских депутатов. При этом активно воспроизводился опыт первой российской революции, точнее — конца октября 1905 г., когда комитеты общественной безопасности или обороны создавались в ответ на столкновения революционно и патриотически настроенных манифестантов, интерпретированные современниками (а затем — и исследователями) как еврейские погромы. Этим отчасти объясняется более стремительное, по сравнению с Советами (неразвитыми в 1905 г. на Урале), возникновение КОБов. Так, в Вятской губернии образование Советов растянулось на месяцы между 14 марта и октябрём 1917 г., в то время как большинство КОБов — 9 из 12, даты возникновения которых точно известны, — было создано 3 — 9 марта⁶. В результате в первую декаду марта КОБы в уральских городах доминировали, а Советов насчитывалось около 20. Однако вскоре это соотношение кардинально изменилось. Распространение КОБов — этого феномена городской жизни, возникшего, как и в 1905 г., по инициативе земств и других, растущих, как грибы после дождя, общественных и партийных организаций, — быстро натолкнулось на естественную границу: неразвитость уральских городов. В то же время в горнозаводской зоне и, в меньшей степени, на селе организовывались Советы — своеобразная модификация живой общинной традиции. В результате в Перми уже 19 марта удалось провести совещание представителей 83 городов и заводских поселков, в которых процесс формирования Советов находился в разгаре или завершился. Преобладающая часть Советов организовалась на Урале во второй половине марта — апреле: к концу этого периода их существовало уже 145. Наиболее интенсивно

⁶ См.: Обухов Л.А. Вопрос о власти на местах после Февральской революции (по материалам Вятской губернии) / Вятская земля в прошлом и настоящем: Тезисы докл. и сообщ. II научн. конференции. Киров, 1992. Т. 1. С. 226.

этот процесс протекал в Пермской губернии. К началу июля 1917 г., когда количество Советов на Урале по сравнению с апрелем удвоилось, более половины из них действовало в Пермской губернии (170), за которой с большим отрывом следовали Вятская (60), Уфимская (43) и Оренбургская (20)⁷.

Активное участие в создании многообразных общественных объединений приняли возродившиеся из небытия партийные организации социалистов-революционеров, социал-демократов, конституционных демократов. В течение десятилетий советские исследователи, в том числе уральские, пытались определить точное соотношение численности большевиков и меньшевиков, количество Советов, шедших за ленинцами или умеренными социалистами эсеровской и меньшевистской ориентации. Так, по данным Ф.П.Быстрых, в марте – апреле 1917 г. за большевиками шло 20% Советов Урала, к 25 октября, на момент начала Октябрьской революции, удельный вес пробольшевистских Советов вырос до 62%⁸. Н.К. Лисовский с точностью до одного человека сосчитал количество большевиков (1560) и меньшевиков (5263) в 17 объединенных организациях уральских социал-демократов в апреле 1917 г.⁹ Между тем, уже сам факт их затянувшегося до сентября размежевания ставит под сомнение возможность столь точной реконструкции внутрипартийной группировки единомышленников, которые и сами в середине апреля 1917 г. вряд ли смогли бы с уверенностью отнести себя к тому или иному направлению. Основанные на перегруженных мощным пропагандистским зарядом большевистских документах, воспоминаниях и более позднем определении политических позиций тех или иных партийных и советских деятелей, подобные статистические выкладки должны восприниматься исследователями по возможности критично. То было время, когда будущие непримиримые большевики выражали полную солидарность с Временным правительством и призывали к продолжению войны до победного конца¹⁰, когда земства принимали решения о финансировании Советов; когда члены КОБов входили в состав Советов, а члены Советов были представлены в КОБах; когда социалисты сотрудничали с бывшими и будущими врагами – кадетами; когда социал-демократы, в том числе большевики, входили в комитеты общественных объединений, признанных впоследствии советской историографией «местными органами власти Временного правительства», которые «...формировались из кадетов, офицерства и представителей мелкобуржуазных партий»¹¹. Большая часть 1917 г. прошла в обстановке совершенно неопределенной перспективы, неясной расстановки политических сил и невыраженных линий противостояния: пресловутое «двоевластие» Советов и органов власти Временного правительства на периферии бывшей империи реально оборачивалось многовластием бесчисленных государственных, квазигосударственных, общественных и партийных органов, учреждений и организаций, бестолковая конкуренция которых на деле означала безвластие, паралич управления и контроля над происходящим. Внутренняя логика и железные закономерности, приписанные позднее историками революцион-

⁷ См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С. 32.

⁸ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 552.

⁹ См.: Лисовский Н.К. О некоторых вопросах истории Октябрьской социалистической революции на Урале / Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале. Челябинск, 1965. С. 34 – 36.

¹⁰ Такой позиции придерживался, например, на общем собрании Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов 11 апреля 1917 г. С.М.Цвиллинг, будущий воинствующий большевик, первый председатель большевистского Совета в Челябинске после установления советской власти и ярый противник антибольшевистского движения под руководством атамана А.И.Дутова (См.: Челябинский листок. 1917. 14 апр.).

¹¹ Лисовский Н.К. Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 20.

ному процессу 1917 г.¹², при ближайшем рассмотрении ситуации не обнаруживаются. Политический хаос, усугубленный неустойчивостью и ненадежностью хозяйственного положения и деградацией быта, вызывал растущее раздражение населения, в котором ожидание сильной власти становилось все более напряженным и нетерпеливым.

Большевистский переворот в Петрограде в октябре 1917 г. только усложнил ситуацию. Сценарии борьбы большевиков за власть на Урале в последние месяцы 1917 — первые месяцы 1918 г. находятся в явном противоречии с созданным задним числом мифом о «триумфальном шествии Советской власти» и свидетельствуют о слабости позиций местных сторонников «диктатуры пролетариата» в Уральском регионе.

Советские историки в свое время приложили немалые усилия, чтобы проиллюстрировать стремительное распространение власти Советов по регионам России, в том числе на Урале. Сделать это было на самом деле несложно, исходя из сроков формального объявления тем или иным Советом о взятии власти в связи с известием о смене правительства в Петрограде. Если судить по этому критерию, уже в октябре 1917 г. власть Советов установилась в 46% населенных пунктов Урала¹³. В этой связи некоторые исследователи предлагали различать между таким «установлением власти» в губернских и уездных центрах и окончательным провозглашением перехода власти съездами Советов, прошедших в декабре 1917 — январе 1918 г, поскольку первоначально объявленная советская власть вовсе не обязательно ориентировалась на большевиков. Так, в шести из 10 губернских и уездных городов, в которых власть Советов была объявлена в течение первой недели после сообщений о свержении Временного правительства, в Советах либо доминировали противники большевиков (Камышлов), либо советская власть была компромиссом ленинцев, меньшевиков и эсеров и выступала за опасную для В.И.Ленина перспективу «однородного социалистического правительства» (Екатеринбург, Уфа, Златоуст), либо власть вскоре передавалась местному самоуправлению (Челябинск, Шадринск)¹⁴.

Нет оснований не согласиться с убедительно аргументированным мнением П.И.Костогрызова:

«...следует прежде всего указать на некорректность отождествления понятий «советская власть» и «большевистская власть» (по крайней мере, в первые месяцы после Октябрьского переворота), которые не различала историография советского периода, имея в виду именно установление единовластия ленинской партии... целью переворота для большевиков было установление своей партийной диктатуры, а Советы являлись лишь наиболее удобным инструментом для этого. Когда по тем или иным причинам они таким инструментом быть не могли, большевики отказывались от принципа «советской власти»¹⁵.

Исходя из соотношения сил большевиков и их политических противников, можно, следуя логике П.И.Костогрызова, выделить несколько сценариев перехода власти к большевикам или их борьбы за нее. Если на стороне ленинцев был явный перевес сил, то власть бралась ими легко и без сопротивления. Эта модель установления

¹² В советской исторической литературе общим местом являлись пассажи такого рода: «Во главе революционных масс края шли большевики. Под их руководством трудящиеся Урала ликвидировали органы царской власти и готовились к свержению власти буржуазии» (История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 459).

¹³ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 553.

¹⁴ См.: Дробышев Г.А., Обухов Л.А. Указ. соч. С. 11 — 12.

¹⁵ Костогрызов П.И. Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале (октябрь 1917 — март 1918 г.) / Урал в событиях 1917 — 1921 гг.: Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале): Материалы регионального научного семинара 24 — 25 апреля 1999 г., г. Челябинск. Челябинск, 1999. С. 43.

«диктатуры пролетариата» преобладала (хотя и не была единственной) в горнозаводской зоне, особенно на Среднем Урале — в Екатеринбургском, Верхотурском и Красноуфимском уездах Пермской губернии.

Иначе устанавливалась советская власть в губернских и уездных центрах. Там переход управления в руки Советов был сопряжен со значительными трудностями, в результате чего в конце октября новая власть установилась лишь в одном городе (Кунгур Пермской губернии), в ноябре и декабре — в 12 (по шесть в месяц), в январе 1918 г. — в 13, в феврале — в пяти, в марте — в трех: в Сарапуле Вятской губернии, Верхнеуральске Оренбургской и Златоусте Уфимской губернии¹⁶.

Там, где силы большевиков, с одной стороны, эсеров и меньшевиков, с другой, были уравновешены, создавались коалиционные органы — революционные комитеты, военно-революционные комитеты, исполкомы Советов и даже комитеты спасения революции (Чусовской завод), — которые затем (в ноябре — декабре 1917 г.) без вооруженных столкновений отстранялись от власти большевизированными Советами. По такой схеме развивались события в Екатеринбурге, Уфе, Перми.

Еще более сложная для большевиков ситуация возникала, если расстановка сил в Советах была не в их пользу. В таких случаях им приходилось добиваться перевыборов Советов, как это произошло в горнозаводской зоне Южного Урала (Саткинский, Юрюзаньский, Белорецкие заводы), на ряде заводов Среднего Урала (Ниже-тагильский, Кусинский, Верхотуринский), в Камышлове, Вятке. Если же мирный вариант прихода к власти через механизм перевыборов не удавался, большевики шли на насильственные меры: вооруженный захват власти, разгон Советов, физическое устранение противников, установление открытой диктатуры чрезвычайных органов. Такой сценарий был разыгран большевиками в Златоусте, Красноуфимске, Чердыни, Ирбите, Сарапуле. Не менее чем в 11 уездных центрах Урала местным большевикам пришлось прибегать к вооруженной помощи со стороны красногвардейских отрядов и даже балтийских матросов¹⁷.

Особенно драматично развивалась борьба за власть на Южном Урале — в Оренбургской губернии. Избранный в сентябре 1917 г. на чрезвычайном войсковом круге Оренбургского казачьего войска войсковым атаманом и главой войскового правительства, А.И.Дутов в начале ноября 1917 г. по решению чрезвычайного совещания, созванного губернским комиссаром Временного правительства, получил всю полноту полномочий для предотвращения большевистского захвата власти. Противостояние большевикам относительно хорошо организованных казачьих контингентов фактически являлось прологом гражданской войны за полгода до официального ее начала в России. Лишь 18 января 1918 г. Оренбург в ходе регулярных боевых действий оказался под контролем советской власти, которая продержалась в нем полгода — до начала июля 1918 г. Позиции А.И.Дутова еще более усиливались поддержкой созданного летом 1917 г. Башкирского центрального шуро (совета), стремления которого создать автономный Башкурдистан натолкнулись на неприятие со стороны пришедших к власти большевиков¹⁸.

В целом, 1917 г. на Урале был отнюдь не праздничным смотрам большевистских сил. Мнение старого бескомпромиссного оппонента большевизма, лидера екатеринбургских кадетов Л.А.Кроля, сформулированное в телеграмме А.Ф.Керенскому 8 мая 1917 г. — «здесь царство Ленина, большевизм развивается...»¹⁹ — явно драмати-

¹⁶ См.: Попов Н.Н., Бугров В.Д. Указ. соч. С. 107.

¹⁷ См.: Дробышев Г.А., Обухов Л.А. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ Подробнее см.: Кульшарипов М.М. Национальное движение башкирского народа (1917 — 1921 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Уфа, 1998.

зировало положение дел. Приключения советской власти на Урале в конце 1917 – начале 1918 г. свидетельствуют скорее об относительной слабости позиций большевиков в регионе. По мнению другого современника событий, А.И.Деникина, уральская и сибирская почва была неблагоприятна для большевизма, который распространялся «...главным образом от центра к периферии чисто механическим путем, вдоль железнодорожных магистралей. Его заносила главным образом волна солдат, отчасти казачков, хлынувших с фронта...»²⁰.

Какими бы путями ни устанавливалась новая власть, она не только не преодолела политический хаос, но и усугубила его. Слом в январе – марте 1918 г. прежних земских и муниципальных структур нарушил всякую преемственность в осуществлении власти. Чрезвычайные методы управления, волна жесточайших реквизиций и репрессий, ничем не оправданное изъятие продовольствия в деревнях и станицах, запрещение частной торговли до предела измотали население, терпение которого взорвалось зимой – летом 1918 г. мощной волной крестьянских восстаний, более известной в литературе как «кулацкая контрреволюция»²¹. Она захлестнула Красноуфимский и Шадринский уезды Пермской губернии, часть Бирского и Златоустовского уездов Уфимской, всю северную часть Оренбургской губернии, а летом расплескалась по всему Уралу, захватив и горнозаводскую зону – Невьянский, Верх-Исетский, Саткинский, Кусинский и другие заводы. Наконец, в августе 1918 г. разразилось восстание рабочих Ижевского и Воткинского заводов в Вятской губернии, охватившее площадь не менее 35 тыс. км². Антибольшевистские восстания захватили в Вятской губернии Уржум и Нолинск, Яранск и Санчурск.

К произволу местных властей следует присовокупить анархию, связанную с распадом связей между территориями страны. Этому способствовало не только стремление национальных территорий к самоопределению, но и основной принцип советской власти, позволявший концентрировать в руках каждого Совета любого уровня – от областного до сельского – всю полноту властных полномочий и претендовать на независимость от Москвы: «Всего за несколько месяцев Россия регрессировала политически до уровня раннего средневековья, когда она состояла из удельных княжеств»²². В июне 1918 г. на территории бывшей империи существовало не менее 30 «правительств»²³. Попытка большевистского руководства ограничить этот процесс с помощью образования весной 1918 г. новых территориально-административных единиц – шести крупных областей, в том числе Уральской с центром в Екатеринбурге, – не смогла оздоровить ситуацию. На Урале фактически действовали свои правительства – Советы народных комиссаров (Совнаркомы): Уральский областной в Екатеринбурге, губернский в Уфе, уездный в Златоусте. В воспоминаниях Л.А.Кроля зафиксирован анекдотический эпизод, полумифический по содержанию, но точный по определению тенденции:

«1917 год застал на Урале большевиков вполне организованными, и ими в столице Урала, Екатеринбурге, был образован для управления Уралом свой автономный Совнарком. Москва сильно боролась с таким сепаратизмом и только в начале мая 1918 года одолела его, когда Уральский Совнарком стал сильно нуждаться в денежных знаках, не успевая изготавливать их и будучи вынужден обратиться за помощью к Москве. По моим сведениям, Москва отпра-

¹⁹ Цит. по: История Урала. Пермь, 1963. Т. 2. С. 10.

²⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С.155.

²¹ См., напр.: Колчаковщина на Урале (1918 – 1919 гг.). Свердловск, 1929. С. 15.

²² Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 186.

²³ См.: Там же. С. 187.

вила тогда поезд с кредитками и с сильным отрядом, чтобы предложить Уральскому Совнаркому на выбор то или другое в зависимости от подчинения или неподчинения»²⁴.

О том, насколько крупные размеры приобрел территориальный развал государства, косвенно свидетельствует введение в Конституцию РСФСР 1918 г. статьи о том, что «звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Совета Народных Комиссаров, ведающего общими делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и никаким иным представителям Советской власти как в центре, так и на местах присвоено быть не может» (гл. 8, ст. 48).

Общероссийская тенденция децентрализации власти усугублялась на Урале удаленностью от центра, низкой плотностью населения, разбросанностью населенных пунктов, неразвитостью городской жизни и дорожной сети, и, не в последнюю очередь, — специфическими формами организации промышленности, благодаря которым каждый горнозаводский округ и отдельный завод с жителями, владеющими хозяйством в заводском поселке и тем самым неразрывно связанными с заводом, превращались в автономные и самодостаточные единицы:

«Завод являлся как бы составной частью самого существа рабочих, и, лишенные возможности свободного перехода с завода на завод, они готовы были защищать свой завод, как свою собственность. Это породило своеобразный сепаратизм, и каждый завод представлял из себя самостоятельную республику, не поддаваясь общему учету и контролю»²⁵.

Население, страдая от всеобщего распада, ненадежности настоящего и неопределенности будущего, с глухой ненавистью или открытым возмущением взирало на хаос и произвол большевистского властвования, готовое с радостью, хлебом-солью, встретить освободителей от этого кошмара, кем бы они ни были.

Урал, изрезанный фронтами. С конца весны 1918 г. по лето 1919 г. политические катаклизмы на Урале достигли апогея: регион превратился в котел, в котором клокотала трагедия гражданской войны²⁶. Сформированный в России из военнопленных подданных Австро-Венгрии еще до прихода большевиков к власти Чехословацкий корпус численностью 42 тыс. вооруженных человек после сложных переговоров большевистского правительства с Францией был направлен с Украины во Владивосток для последующей отправки океаном в Европу. В условиях царившего в стране хаоса эшелоны с измученными дорожными неудобствами и противоречивыми слухами о своем будущем людьми растянулись по Транс-Сибирской магистрали на тысячи километров от Пензы до Владивостока. Достаточно было незначительного повода, чтобы вспыхнуло возмущение, кардинально изменившее неясную расстановку сил и повернувшее развитие событий в неожиданное русло. Ряд инцидентов между пассажирами расположенных на железнодорожных станциях эшелонов и местными властями привел к серьезному конфликту, в результате чего крупные города Поволжья, Урала

²⁴ Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 10.

²⁵ Струмилло Г.Б. Из записок рабочего / Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919: Документы и материалы. Париж, 1982. С. 31.

²⁶ См. Прил. 1. Подробно о коллизиях гражданской войны на Урале см.: Лисовский Н.К. Разгром дувотщины (1917 — 1919). М., 1964; Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966; Ненароков А.П. Восточный фронт. М., 1969; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Васильковский О.А., Ниренбург А.Л., Плотников И.Ф., Поджидаев Г.В., Тертышный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; и др.

и Сибири оказались в руках вооруженный легионеров, против своей воли ставших на некоторое время козырной картой в политической и военной борьбе, которую пытались разыграть различные противники большевистской диктатуры. Заручившись поддержкой Чехословацкого корпуса, в Самаре статус областного правительства приобрел Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), приступивший в начале июля к комплектованию Поволжской народной армии. Оттесненный весной 1918 г. советскими боевыми формированиями в Тургайские степи А.И.Дутов вновь занял в начале июля Оренбург. Члены Башкирского правительства, арестованные советской властью в феврале 1918 г. в Оренбурге и освобожденные в начале апреля ненадолго занявшим город отрядом казаков и башкир, восстановили правительство и в начале июня приступили к формированию башкирского войска. Омские соседи, воспользовавшись ситуацией, создали Временное Сибирское правительство, а в Екатеринбурге в августе 1918 г., через три недели после взятия его чехами, начало действовать Временное областное правительство Урала.

Приведенная выше лаконичная зарисовка превращения региона в лоскутное одеяло не в состоянии отразить все сложности этого процесса: на него налагались повсеместные крестьянские и казацкие выступления и Ижевско-Воткинское восстание в августе – ноябре 1918 г. Участник событий и авторитетный «красный» военный специалист И.Подшивалов так охарактеризовал многослойность политических событий:

«Лето 1918 г. на Урале – период наивысшего напряжения революционной борьбы. Последняя расплеснулась брызгами по всему Уралу. Она выразилась в многообразном и всеохватывающем движении восставшего населения, наплывших отрядов офицеров, казаков, чехов; учесть их, особенно подробно, не представляется возможным»²⁷.

Озабоченные, особенно в условиях контрнаступления Красной Армии, очевидным распылением сил вследствие образования региональных правительств, противники большевизма попытались сформировать общероссийские государственные структуры. На Государственном совещании 8 – 23 сентября 1918 г. в Уфе было заключено компромиссное соглашение между двумя конкурентами – Комучем и Временным Сибирским правительством, результатом которого стало создание Временного Всероссийского правительства, более известного под названием «Уфимская Директория». В начале ноября решением Директории все областные правительства были распущены. Новое образование оказалось эфемерным и через две недели – 18 ноября – само оказалось ликвидированным: его члены были арестованы в Омске в ходе военного переворота и установления военной диктатуры А.В.Колчака.

Между тем, для советских войск, которые к началу чехословацкого выступления насчитывали на Урале около 30 тыс. человек и были лишь наполовину вооружены, военная ситуация складывалась неблагоприятно. Несмотря на создание декретом Совета народных комиссаров от 13 июня 1918 г. Восточного фронта, Красная Армия, лишенная поддержки населения и теснимая антибольшевистскими «народными армиями» региональных правительств, формированиями Чехословацкого корпуса, казаков и повстанцев, теряла позицию за позицией. За неделю до антисоветского восстания и падения власти большевиков в Екатеринбурге в июле 1918 г. была спешно расстреляна семья последнего императора. Одновременно в районе Алапаевского завода были произведены казни великокняжеских семей. К августу 1918 г. на большей части Прикамья, Среднем и Южном Урале, равно как и в соседних Западной Сибири и части Поволжья, советской власти уже не существовало.

²⁷ Подшивалов И. Указ. соч. С. 125.

Осенью, после взятия Красной Армией Казани (10 сентября), возникла реальная возможность перехода ее частей в наступление. В это время ей противостояли три армейские группировки. На пермском направлении были сосредоточены чехи и сибирские части под общим руководством Р.Гайды. Самарское направление прикрывали Народная армия под командованием В.О.Каппеля и С.Н.Войцеховского, 1-я Чехословацкая дивизия и 3-й Уральский корпус М.В.Ханжина. Южная группировка включала части Отдельной Оренбургской армии А.И.Дутова и отряды уральского казачества. К концу октября «красными» были заняты Поволжье и значительная часть Южного Урала, в ноябре — Ижевск и Воткинск, зимой 1918 — 1919 гг. — Уфа, Бирск, Оренбург, Орск. Успеху «красных» на Урале содействовали, помимо прочего, уход в конце 1918 г., после капитуляции Германии в Первой мировой войне, Чехословацкого корпуса с фронтов гражданской войны, а также отрезвление населения по поводу возможностей «белых» обеспечить мирное и надежное существование. Одним из проявлений массового недовольства была переориентация Башкирского правительства в феврале 1919 г. с борьбы против советской власти на сотрудничество с ней, вызванная растущим разочарованием режимом А.В.Колчака, при котором перспектива национальной автономии оказалась наглухо закрытой.

Между тем, до окончания регулярных боевых действий на Урале было еще далеко. Одновременно с осенне-зимним успехом «красных» на северном участке фронта Сибирская армия Р.Гайды потеснила 3-ю Армию и в конце декабря 1918 г. заняла Пермь, захватив тысячи красноармейцев и богатые военные трофеи.

После серьезных продвижений «красных» и «белых» на рубеже 1918 — 1919 гг. линия фронта на два месяца стабилизировалась, рассеча Урал подобно безобразному шраму. Фронт растянулся с севера на юг на 1400 км. «Белых» представляли Сибирская армия Р.Гайды, Западная (реорганизованная из 3-го Уральского корпуса) армия М.В.Ханжина, Отдельная Оренбургская армия А.И.Дутова, Отдельная Уральская армия Н.А.Савельева (затем — В.С.Тостова). Им предстояло столкнуться с 1-й — 5-й и Туркестанской армиями «красных». К весне 1919 г. друг другу противостояли войска общей численностью около 200 тыс. человек и примерно с равными силами. Обе стороны готовились — правда, с разной интенсивностью — к предстоящим столкновениям.

В начале 1919 г. колчаковское командование приступило к реорганизации вооруженных сил и подготовке стратегического плана войны на весну — лето 1919 г. В марте «белое» наступление переросло в крупный стратегический успех: Западной армией вновь были заняты Бирск, Уфа, Стерлитамак, Белебей, Бугульма, Бугуруслан, выход к Волге снова оказался возможным; Сибирская армия овладела Воткинском, Ижевском, Елабугой, Сарапулом и некоторыми другими населенными пунктами Прикамья: на юге казаки атамана А.И.Дутова заняли Орск и двинулись на Оренбург.

Лишь после этого началась переброска дополнительных боевых контингентов «красных» на восток. 10 апреля 1919 г., с созданием двух групп — Северной (2-я и 3-я Армии) и Южной (1-я, 4-я, 5-я и Туркестанская армии) — «красный» Восточный фронт был реорганизован. В конце апреля Южная группа «красных» перешла в наступление и в мае 1919 г. заняла Уфу. Незначительное тактическое отступление «белых» обернулось серьезным поражением, чему способствовали и переход на сторону «красных» нескольких воинских формирований, и отягощенная личными амбициями несогласованность в действиях «белого» армейского руководства. Весеннее контрнаступление Красной Армии, впрочем, еще не означало окончательной победы большевиков: одновременно с наступлением «красных» на южном участке фронта «белые» на северном участке взяли Глазов. Решающие победы Красная Армия одержала лишь в июле, взяв под свой контроль всю территорию Урала. Последними из значительных

центров были завоеваны Екатеринбург (14 июля) и Челябинск (24 июля). Стратегически ошибочная для «белых» Челябинская операция и августовское отступление А.И.Дутова из Троицка ознаменовали конец вооруженной борьбы за Урал.

Эта борьба в связи с многочисленностью противоборствующих сторон, неопределенным и постоянно меняющимся соотношением сил носила затяжной и особо разрушительный характер, который отягощался архаизацией форм борьбы из-за преобладания в армиях представителей бывшего крестьянского сословия на фоне понижения профессионального уровня и слабой дисциплины в войсках. Это проявилось как в бесчисленных и безнаказанных актах насилия в отношении гражданского населения — погромах, поджогах, грабежах, — так и в широком применении, особенно на Южном Урале, тактики ведения боевых действий, известной со времен пугачевщины: налетов, быстрых передвижений, неожиданных атак, осады и обороны городов²⁸. Эти характеристики в равной мере приложимы как к «белым», так и к «красным». Политический хаос 1917 — начала 1918 г. приобрел на Урале в течение года гражданской войны новые, невиданные размеры. Населенные пункты по несколько раз меняли своих «хозяев», каждый из которых по причине неустойчивости ситуации и материального оскудения очень легко и быстро превращался из «освободителя» в грабителя местных жителей. Практика репрессий и реквизиций превращала противоборствующие стороны, калейдоскопом мелькавшие перед глазами измученного населения, в близнецов и каждый раз вызвала разочарование вскоре после того, как очередную власть встречали хлебом-солью.

Восстановленная весной — летом 1919 г. советская власть воспринималась первоначально как недолговечная, или, по выражению одного из видных советских руководителей Уфимской губернии Б.М.Эльцына, как «десятая власть»: «...то эсеровщина, то учредилорцы, то коммунисты, то чехи, то опять коммунисты, то Колчак, то коммунисты...»²⁹.

В силу сложного переплетения многих обстоятельств — небывалых разрушений, развала управленческих структур, деградации условий жизни и политической одержимости вернувшихся к власти большевиков — выход из гражданской войны на Урале имел затяжной и болезненный характер. Война не сменилась миром — она получила второе издание, приобретая на этот раз характер крестьянской войны, затянувшейся еще на два года.

Насильственное изъятие продовольственных запасов сельского населения участниками гражданской войны сменилось после ее окончания нереалистичными заданиями по продовольственной разверстке со стороны советской власти, выполнявшимися с не меньшими жестокостью и равнодушием к судьбе обобранного населения. Его положение, таким образом, с окончанием гражданской войны не изменилось к лучшему. Скорее наоборот: пока шла война, оставались надежды на приход какой-нибудь «доброй» власти. Теперь крестьянско-казачьему населению приходилось надеяться только на себя. Ряд обстоятельств облегчал возможности сопротивления: в горной, лесной и степной частях Урала после прекращения боевых операций скрывались десятки тысяч дезертиров из «белой» и «красной» армий, у населения в годы Первой мировой и гражданской войн были накоплены значительные запасы неучтенного оружия, а советская власть была еще слишком слаба для организации скоординированных и массированных действий против повстанцев.

В период с августа 1919 по февраль 1921 г. зафиксировано не менее 30 случаев серьезного, выходящего за локальный уровень, сопротивления уральского населения

²⁸ См.: Подшивалов И. Указ. соч. С. 177, 178, 189.

²⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 30.

представителям «диктатуры пролетариата»³⁰. По всей территории региона действовали партизанские отряды численностью от одного десятка до двух с половиной тысяч участников. Будучи чрезвычайно подвижными, эти отряды предпочитали курсировать на границах территориально-административных образований, подальше от губернских центров, которые пока еще были не в состоянии должным образом скоординировать свои действия, ограничиваясь борьбой с «бандами» поодиночке. Их состав был крайне непостоянным и пестрым: ядро их составляли, как правило, дезертиры или, во всяком случае, люди, имевшие навыки военной службы, а основную и текучую массу — сельское население, измотанное политикой «военного коммунизма». Естественным спутником повстанческих отрядов являлся сильно развившийся в последние годы уголовный элемент, предавая их облику и деятельности разбойный характер.

Осенью 1919 г. повстанческое движение охватило приграничные районы Екатеринбургской, Уфимской и Челябинской губерний, ряд уездов Пермской губернии. В первой половине 1920 г. оно приобрело особо ожесточенный характер в Уфимской губернии, где тяготы разверсточных поборов усугубились невниманием властей к национальным проблемам башкир. Еще в период сотрудничества лидеров башкирских автономистов с Москвой весной 1920 г. А. З. Валидов в беседе с В. И. Лениным с горечью констатировал:

«Среди наших русских товарищей господствует идея, что при строительстве большого здания социалистической России цементирующая роль принадлежит только русскому народу. Они считают, что уважение к восточным людям, вроде нас, станет главной причиной распада российского общества»³¹.

Подобное недоверие представителей центральной и местной властей к национальным движениям приобрело в практике продовольственных отрядов самые грубые формы дискриминации, замешанной на ксенофобии исполнителей продовольственной диктатуры. В результате в феврале 1920 г. в Мензелинском уезде вспыхнуло крестьянское восстание «Черного орла», быстро распространившееся на Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды и перекинувшееся затем на соседние Вятскую, Казанскую и Самарскую губернии. Лозунги движения имели антикоммунистический характер и отражали неприятие крестьянами политики «военного коммунизма», в организации которого обвинялись «переродившиеся» из революционеров в угнетателей большевики: «Советы без коммунистов», «Даешь свободную торговлю», «Да здравствует партия большевиков, долой коммунистов». Летом того же года невыполнимо высокие планы по сбору продразверстки и чудовишно жестокие формы их реализации на фоне грядущего неурожая, а также мобилизация уставших от многолетней войны казаков на польский

³⁰ См.: Телицын В. Л. К истории антибольшевистских выступлений на Урале в первые революционные годы: участники и руководители (Предварительные замечания) / Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 177. Реально число крестьянских выступлений на Урале было значительно выше. Д. А. Сафонов только на Южном Урале для периода 1919 — 1922 гг. насчитал 478 локальных выступлений с различными формами протеста, в том числе 97 случаев активного и инициативного сопротивления. Учитывая слабость государственной власти и, следовательно, неполноту информации о действительном положении дел в деревне и станице, Д. А. Сафонов считает корректным повысить приведенные им результаты сплошного поиска в семь раз. См.: Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920 — 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С. 213, 215. Подробно о повстанческом движении на Урале, помимо информативно насыщенной монографии Д. А. Сафопова, см.: Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917 — 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 147 — 164.

³¹ Тоған З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 249.

фронт вызвали взрыв казачьих и крестьянских восстаний в Оренбургской и Челябинской губерниях. В июле 1920 г. восстали части 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии А.Сапожкова, началось формирование казачьего отряда, известного под названием «Голубая армия», бежавшим из заключения казачьим офицерам Е. Мировицким. Активно действовали отряды казаков и башкир численностью от 120 до 500 человек в населенных башкирами местностях Челябинской губернии. В районе Златоуста численность повстанческих формирований достигла 2500 человек, что позволяло даже riskнуть, правда, безуспешно, атаковать город. Наконец, в начале 1921 г., во время пика разлившейся по всей стране массовой борьбы против политики «военного коммунизма», в Западной Сибири вспыхнуло грандиозное крестьянское восстание. Оно охватило значительные части Тюменской, Омской, Курганской, Екатеринбургской, Челябинской губерний и казахские степи. Весной 1921 г., по данным Вятской губчека, в губернии действовало около 50 «бандитских шаек», сосредоточенных большей частью на границе с Костромской губернией³². В мае мятежный отряд командира 49-го дивизиона Охранюка-Черского в Оренбургской губернии имел в своем распоряжении два эскадрона кавалерии по 130 сабель, две роты пехоты численностью в 200 штыков, комендантскую роту и пулеметную команду с шестью пулеметами³³. Летом 1921 г. бывший офицер колчаковской армии полковник Старжевский объединил в «Первую народную армию» разрозненные казачьи отряды на бывшей территории Оренбургского казачьего войска. Впрочем, население края, изнуренное опытом многомесячной и безуспешной борьбы против советской власти и озабоченное перспективой грядущего вслед за засухой 1921 г. голода, к этому времени утратило интерес к действиям повстанцев и перестало оказывать им поддержку. Остатки разрозненных повстанческих отрядов, в том числе и Охранюка-Черского, осенью 1921 г. были рассеяны. Трудно не согласиться с выводом, к которому на основе анализа повстанческих выступлений пришел Д.А.Сафонов: «...крестьянский протест в итоге был задушен голодом»³⁴.

Повстанческое движение, грозившее парализовать движение по Транссибирской железной дороге, блокировавшее мобилизации на фронт и на трудовую повинность, срывавшее проведение продразверстки и вывоз хлеба и другого продовольствия в центральные районы страны, вызывало у представителей власти тревогу, что оборачивалось применением против повстанцев чрезвычайных, военных по своему содержанию, мер подавления. На Урале действовало военное положение, которое в Челябинской губернии, например, продержалось с февраля 1921 г. до конца января 1922 г.³⁵ На подавление восстаний направлялись милиция и красноармейские формирования, отряды ЧК и другие боевые единицы силовых ведомств, рабочие отряды. Так, в феврале 1920 г. для подавления восстания «Черного орла» в Башкирию были направлены отряды из Бугульмы общей численностью в 400 штыков при четырех пулеметах, из Бугуруслана — броневая площадка и 274 штыка при двух пулеметах, из Мелекесса — 300 штыков при шести пулеметах, из Кинельчеркасс — 143 человека, вооруженных 80-ю винтовками и четырьмя пулеметами, из Уфы — войска внутренней охраны республики (ВОХР) в 75 сабель и 100 штыков, 50 лыжников с пятью пулеметами и двумя бомбометами, из Симбирска — отряд в 170 штыков и 30-я бригада ВОХР с двумя пулеметами³⁶. Рапорты о ходе подавления крестьянских восстаний напоминали сводки

³² Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1: 1918 — 1922. М., 1998. С. 387.

³³ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 41.

³⁴ Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 90.

³⁵ Советская правда. 1922. 2 февр.

³⁶ См.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1. С. 236.

с поля боя. Из Башкирии во время боевых действий против «Черного орла» одной из групп советских войск сообщалось:

«Восставших около 25800 человек, всадников у них 800, винтовок 1268, пулеметов 2, наши силы: штыков 6700, пулеметов 48, всадников 372, орудий 4. В ходе последнего боя наши потери – раненых 44 и убитых 15 человек. У противника убитых 1078, раненых 2400 и захвачено 2029 человек»³⁷.

В Оренбургской и Челябинской губерниях, где против «диктатуры пролетариата» выступили потомственные военные – казаки, потери повстанцев были не столь велики, однако и там соотношение потерь сторон было разительным. Так, по данным Челябинской губернской ЧК, к осени 1920 г. советские войска потеряли в боях с повстанцами убитыми и ранеными, без вести пропавшими и расстрелянными 29 человек, в то время как со стороны повстанцев было 354 убитых, 40 раненых, 110 расстрелянных, 565 взятых в плен и 25 перешедших к «красным»³⁸.

К концу 1921 г. повстанческое движение на Урале сошло на нет. Не только жесточайшие формы его подавления со стороны советской власти, но и невиданный голод парализовал всякую энергию открытого сопротивления и поставил население перед проблемой элементарного биологического выживания.

Топография катастрофы. Пунктирно намеченный событийный ряд 1917 – 1921 гг. дает первое, самое общее и приблизительное представление о том, что пережило за несколько лет население Урала, и позволяет лишь догадываться о масштабах народной трагедии. Здравый смысл подсказывает, что степень нестабильности и напряженности, разорения и бедствий на той или иной территории, охваченной гражданской войной, зависит от того, как часто она переходит из рук в руки и, следовательно, частотность смены власти может использоваться в качестве критерия для измерения – пусть приблизительного и схематичного – размеров гуманитарной катастрофы. Используя данные исследований и справочной литературы о переходе власти из рук в руки в губернских и областных центрах, можно составить примерную карту-схему частотности смены власти в России во время революции и гражданской войны. Предложенная в приложении карта³⁹ по ряду причин весьма приблизительна. Во-первых, она базируется на информации о губернских центрах, в то время как отдельные, особенно окраинные уезды многих, в том числе уральских губерний, пережили гораздо больше переходов власти, чем их административные столицы. Так, население горно-заводской зоны вокруг Ижевского и Воткинского заводов в Вятской губернии, центр которой с 1918 г. закрепился за большевиками, в 1918 – 1919 гг. поочередно пережило власть Советов, рабочих повстанцев, Комуча, Колчака и лишь к середине 1919 г. оказалась в сфере советско-коммунистического управления. В Екатеринбурге, входящем на карте в Пермскую губернию, власть сменилась не три, а пять раз, не считая компромиссные властные структуры ноября 1917 г. Во-вторых, для сельской местности, особенно на Южном Урале, где чешские и башкирские, «красные» и «белые» отряды, крестьянские и казацкие повстанцы сменяли друг друга в одних населенных пунктах вплоть до 1921 г. чуть ли не десятки раз, а в других не появлялись вовсе,

³⁷ Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 156.

³⁸ См.: Шибанов Н.С. «Зеленая» война. Челябинск, 1997. С. 124.

³⁹ См. Прил. 2.

реконструировать частотность переходов власти вообще не представляется возможным. В-третьих, предложенная карта не учитывает многочисленных административных экспериментов, в ходе которых губернии меняли свои очертания: на карте они остаются неизменными, а именно — дореволюционными.

Тем не менее, несмотря на все допущения и очевидные неточности, представленная карта позволяет очертить зоны различной степени бедствий и, что особенно важно для данного исследования, «вписать» Урал в общероссийский контекст. Обнаруживаются как минимум три зоны, в которых частотность смены власти принципиально различалась. Примерно половина из 46 отмеченных на схеме губерний испытала смену правителей лишь дважды — весной и осенью 1917 г. Реже она происходила трижды, если переход к «диктатуре пролетариата» осуществлялся через относительно длительное пребывание у руля власти промежуточных, оставшихся верными свергнутому Временному правительству, или советских властных структур, которые выступили после большевистского восстания в Петрограде в конце октября 1917 г. с лозунгом «однородного социалистического правительства» и представляли собой компромисс местных большевиков с другими социалистами⁴⁰. Такая модель смены власти была характерна для Центральной и Северо-Западной России, части Поволжья, Русского Севера.

Во второй зоне переходы власти осуществлялись от четырех до семи раз, половина которых чаще приходилась на 1918 — 1919 гг., реже они захватывали 1920 г. По такой схеме события развивались в 15 губерниях европейской части России, население которых в 1918 г. испытало приход «белых» в различных обличьях. Это было характерно для граничащих с Украиной великорусских губерний, большей части Новороссии, ряда губерний Поволжья и Урала.

Наконец, третья зона отличалась наиболее частой сменой власти — от 8 до 14. Она охватывала девять губерний: почти всю Украину и западный кусок Новороссии — регион, в котором сложно переплелись интересы Советов, оккупационных властей Германии, украинских националистов, казачьей и крестьянской вольницы. Следствием сложной расстановки сил стали сменявшие друг друга волны «освободителей». Эпицентром катастрофы на юго-западной периферии бывшей Российской империи стал Киев: он лидировал по количеству смен власти в 1917 — 1920 гг., которое достигало рекордной цифры — 14 переходов города из рук в руки за четыре года (!). Смена власти в старинном, ранее цветущем городе стала для его жителей частью их горьких будней, в которых все перемешалось настолько, что обыденное сознание было неспособно восстановить очередность происшедших трагических событий. М.А.Булгаков, переживший гражданскую войну в Киеве, позднее писал:

«По счету киевлян, у них было восемнадцать переворотов... Некоторые из теплушечных меуаристов насчитали их двенадцать. Я точно могу сообщить, что их было четырнадцать, причем десять из них я лично пережил»⁴¹.

На Урале фактически можно наблюдать все три зоны. Вятка, где власть удерживалась большевиками с конца 1917 г., типологически относится к первой из них, Пермь и Оренбург — ко второй, Уфа балансирует на границе с третьей (семь смен власти). Если же частотность переходов власти отслеживать не на губернском, а на уездном уровне, картина будет еще более сложной и драматичной⁴², как, впрочем, и на других тер-

⁴⁰ Вероятно, модель троекратной смены власти в 1917 г. реализовывалась гораздо чаще, чем зафиксировано в литературе, которая на протяжении десятилетий умалчивала об эпизодах, не вписывающихся в образ «триумфального шествия Советской власти».

⁴¹ Цит. по: Булгаков М. Избр. соч. в 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 11.

⁴² См. Прил. 3.

риториях второй и третьей зон бывшей империи. Уральский регион правомерно рассматривать, таким образом, как общероссийскую модель политических потрясений в годы революции и гражданской войны в миниатюре.

Однако частотность смен власти является отнюдь не единственным «географическим» параметром цивилизационной катастрофы в ее политическом срезе. Необходимо учитывать также уже упоминавшиеся многочисленные и часто маловразумительные территориально-административные эксперименты, в ходе которых границы губерний и уездов неоднократно менялись из-за передач территорий, разделения и слияния административных единиц и изменения их статуса. Сравнение территориальных карт Урала 1917 и 1922 г. свидетельствует, что внешние и внутренние границы региона изменились до неузнаваемости: Уральская область утратила свои западные и южные территории за счет большей части бывших Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний и получила гигантские превращения вследствие приобретения западно-сибирской Тюменской губернии. На карте 1922 г. имеются, кроме того, новые губернские центры — Екатеринбург и Челябинск. Практически не сохранилась ни одна из прежних границ губерний и уездов Урала⁴³.

Опьяненные непривычным воздухом свободы, местные власти и население Урала уже в 1917 г. с энтузиазмом принялись за перекраивание дореволюционной административной карты. В апреле 1917 г. 1-й Войсковой круг Оренбургского казачьего войска реорганизовал структуру войсковой территории, создав вместо прежних трех военных отделов шесть округов с центрами в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке, Челябинске и Орске. Войсковая управа была переименована в Войсковое правительство, что означало фактическое повышение статуса территории войска до автономии, закрепленное в августе 1918 г. ее переименованием в Область Войска Оренбургского⁴⁴. В июле 1917 г. на 1-м Всебашкирском курултае в Оренбурге была выдвинута цель национально-территориальной автономии башкир⁴⁵.

Октябрьская революция подстегнула болезненный процесс распада и передела территорий. В течение нескольких месяцев, на рубеже 1917 — 1918 гг., завершилось начавшееся при Временном правительстве государственно-политическое самоопределение западных национальных окраин бывшей империи, в ходе которого Россия потеряла Польшу, Финляндию, Прибалтику, Украину, Белоруссию, Бессарабию и Закавказье. Тенденция поиска автономного существования задела и Урал. Реакцией на приход большевиков к власти стало провозглашение 16 ноября 1917 г. Башкирской автономии Фирманом (приказом) № 2 Башкирского Центрального шура, узаконенное в декабре 1917 г. 3-м Всебашкирским курултаем. Следует обратить внимание, что территориальные границы автономного Башкортостана в Фирмане № 2 были заявлены весьма широко и при этом крайне неточно — в пределах Оренбургской, Пермской, Уфимской и Самарской губерний. Это стало одной из причин последующих драматичных коллизий вокруг вопроса об автономии Башкирии. Между тем, в декабре пришлось ограничиться созданием автономной Малой Башкирии, состоявшей из девяти кантонов, выделенных из Стерлитамакского и Уфимского уездов.

Реакция большевистского Петрограда на принятое в Уфе решение была вялой. Акт от 16 ноября не противоречил только что принятой советской властью «Декларации прав народов России». Однако и с признанием Башкирской автономии в центре не спе-

⁴³ См. Прил. 4.

⁴⁴ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 112 — 113.

⁴⁵ Подробнее по проблематике национально-освободительной борьбы башкир в 1917 — 1921 гг. см.: Кульшарипов М.М. Указ. соч.

шили. Не признавали ее и советские органы Урала. В феврале 1918 г. члены Башкирского правительства были арестованы в Оренбурге местным ревкомом как союзники А. И. Дутова, а через полтора месяца, в конце марта, оренбургский губисполком выступил с осуждением планов национальной автономии даже на советской основе и распустил выступивший с ними Временный революционный совет Башкортостана.

Были и альтернативные предложения решения башкирского национального вопроса. Почти одновременно с провозглашением автономии Башкирии, в ноябре 1917 — январе 1918 г., Уфимское национальное собрание мусульман (Милли меджлис) предложило создать единый татаро-башкирский Урало-Волжский штат, на базе чего в марте 1918 г. Народным комиссаром по делам национальностей было принято положение о Татаро-Башкирской советской республике. Забегая вперед, следует отметить, что этот проект по ряду причин оказался неосуществимым и был отменен в декабре 1919 г. без серьезных попыток реализации.

После столичных октябрьских событий 1917 г. советская власть на Урале серьезно размышляла о возможности образовать единую Уральскую область. За статус столицы бились два старых конкурента, Пермь и Екатеринбург, — на этот раз в лице Пермского окружного Совета рабочих и солдатских депутатов и Уральского областного комитета РКП(б). В январе 1918 г. была создана Екатеринбургская губерния, весной — Уральская область со столицей в Екатеринбурге, в мае конституировался Уральский военный округ в границах четырех дореволюционных губерний и (до октября 1918 г.) Казанской губернии.

В конце 1917 — начале 1918 г. только что пришедшие к власти уральские большевики энергично взялись за переименование и повышение статуса населенных пунктов, сделав таким образом символическую заявку на будущее переустройство мира. Так, в Вятской губернии Воткинский и Ижевский заводы были переименованы в города Воткинск и Ижевск, что позднее было признано и Комучем, а слобода Кукарка была переименована в город с семью волостями и программным названием Советск. В уездные центры новой Екатеринбургской губернии превратились бывшие горнозаводские поселки — Алапаевский, Каменский, Надеждинский, Н.-Тагильский.

С началом гражданской войны перекраивание Урала пошло полным ходом. Усилились и до того имевшие место областнические настроения, поскольку регион, окруженный со всех сторон областными квазигосударственными образованиями — Комучем на западе и юго-западе, Северным правительством со столицей в Архангельске на севере, Сибирским правительством на востоке, казачьей войсковой территорией на юге, — превратился в остров, внезапно оторвавшийся от материка. Созданное летом 1918 г. Временное областное правительство Урала (ВОПУ) с самого начала попало в тяжелое положение:

«Образовавшись на территории, освобожденной войсками соседнего "государства", не имея своей армии, достаточных финансовых средств, налаженного аппарата управления, оно не имело и четко определенной "государственной границы". Территория Урала оказалась фактически в распоряжении нескольких правительств, и прежде всего Сибирского и Комуча, которые всеми силами стремились взять новую областную власть под свой контроль»⁴⁶.

Комуч и Сибирское правительство не церемонились с уральским соседом. Несмотря на соглашения, они отрезали от Урала Шадринский, Камышловский, Ирбитский и Златоустовский уезды.

Между тем, у уральских областников были свои, достаточно амбициозные представления о будущих границах Урала как полноправного субъекта федерации. Согласно докладу главноуправляющего внутренних дел ВОПУ, при определении его административ-

⁴⁶ Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 84.

ных границ необходимо было ориентироваться на границы географические. Ядро Уральской области должны были составить Пермская губерния и по три уезда Вятской губернии (Глазовский, Сарапульский, Слободской), Уфимской (Уфимский, Златоустовский, Стерлитамакский) и Оренбургской (Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский). С государственной точки зрения, к ним следовало бы, по мнению авторов проекта, присоединить все уезды Уфимской и Оренбургской губерний. Граница на востоке должна была проходить по р. Обь — следовательно, к Уралу отошли бы Курганский, Ялуторовский, Тюменский и часть Березовского уездов бывшей Тобольской губернии. На севере Урал должен был бы включить территории, включая полуостров Ямал и острова Новой Земли. На северо-западе граница с Вятской губернией захватывала бы Тиманский хребет, на юге — южную часть Ческой губы. Область, таким образом, распространялась бы на весь Уральский хребет с предгорьями и экономически тяготеющую к нему часть Сибирской низменности. Столица мыслилась, естественно, только в Екатеринбурге⁴⁷.

Честолюбивые планы вынашивались и в уездном Челябинске. 19 июля 1918 г. — менее чем через два месяца после падения там советской власти — городская дума образовала комиссию для разработки вопроса о выделении Челябинска в областной или губернский город. С ходатайством на эту тему предполагалось обратиться к Сибирскому правительству⁴⁸.

По окончании гражданской войны административно-территориальные эксперименты не прекратились. Осенью 1919 г. Урал состоял уже из пяти губерний, «сдвинувшись» на северо-восток: Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Уфимской и Тюменской. В этих же границах был создан военный округ, получивший на этот раз наименование «Приуральский». Новациям были подвергнуты и сопредельные территории теперь уже бывшего Урала. В марте 1919 г. Москва подписала, наконец, «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономной Башкирии», реализация которого, правда, была задержана ее вторичным захватом колчаковскими войсками. Попытка башкирского руководства (Башревком) в августе 1919 г. вступить в управление автономной республикой и начать прием территорий, по соглашению отходящих к ней от соседних губерний, центром была пресечена. Лишь в середине сентября 1919 г. ВЦИК РСФСР принял необходимое для этого постановление. Административное устройство Малой Башкирии в составе 11 кантонов затянулось до декабря 1919 г. Наконец, в мае 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР в одностороннем порядке приняли декрет, перечеркивающий прежнее «Соглашение...» и лишивший Башкирию существенных политических и хозяйственных полномочий. Декрет был поддержан в июле того же года I-м Всебашкирским съездом Советов. С этого момента автономия Башкирии оказывалась фикцией.

Не только полномочия, но и сами границы Башкирии были крайне неустойчивы. По соглашению от 23 марта 1919 г. она должна была получить 70 волостей из девяти уездов Урала. При этом сохранялась Уфимская губерния в составе шести уездов, один из которых — Мензелинский — в 1920 г. был передан Татарской АССР. Одновременно Малая Башкирия приобрела Аргаяшский кантон, часть Верхнеуральского и Троицкого уездов. Тем не менее, вскоре возник вопрос о создании Большой Башкирии за счет упразднения Уфимской губернии. В 1921 г. соответствующий проект был внесен на одобрение Башкирского ЦИК и на утверждение II Всебашкирского съезда Советов.

Причины пересмотра границ Малой Башкирии коренились в нежизнеспособности этого искусственного образования. Бывший соратник А.З.Валидова по националь-

⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 40 — 41.

⁴⁸ Утро Сибири. 1918. 23 июля.

но-освободительному движению, а затем — секретарь Башкирского обкома РКП(б) А.Бишев, знавший ситуацию изнутри, в одной из публикаций 1921 г. отмечал, что Малая Башкирия, скроенная из клочков Оренбургской, Уфимской, Самарской, Екатеринбургской, Челябинской и Пермской губерний, не имела ни железнодорожных путей сообщения, ни шоссейных и грунтовых дорог, ни телеграфной и телефонной связи, ни городов и центров промышленности (единственное исключение составлял Белорецкий завод). Было очевидно, что центр санкционировал карту Малой Башкирии наспех, исходя исключительно из этнического состава населения. Не был продуман даже вопрос о резиденции государственных органов. Авторы мертворожденной автономии допускали утопичную идею устроить временную столицу республики в одной из деревень (например, в Темясове), а потом выстроить необходимые города для столицы и кантонов. Постановление Башкирского ревкома о закладке городов в кантонах осталось, естественно, на бумаге. В результате, вернувшись из Саранска после освобождения Малой Башкирии от колчаковцев, Башревком находился на правах гостя в лежавшем за пределами республики Стерлитамаке, который лишь через год — в 1920 г. — был передан Башкирии. Однако и Стерлитамак не годился в качестве столицы: он лежал далеко от всех кантонов и железной дороги, не имел в достаточном количестве телеграфной и телефонной связи, помещений под административные учреждения, страдал от квартирного кризиса и обусловленных скученностью жителей эпидемий⁴⁹.

В феврале 1922 г. руководство Малой Башкирии полагало, что вопрос о передаче в ее состав Бирского, Уфимского и Белебеевского уездов будет решен в ближайшие дни и правительство переедет в Уфу не позднее 1 апреля. Однако соответствующее решение ВЦИК принял лишь 14 июня 1922 г., и переезд государственных учреждений в новую столицу начался в середине июля⁵⁰.

Многочисленные перемены происходили и с границами других частей Урала. Власть придерживаясь словно бы раскладывали из уральских территорий замысловатые пазьянсы. Так, в конце 1919 г. в состав Челябинской губернии входили Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий уезды, отошедшие от бывшей Оренбургской губернии, Курганский уезд Тобольской губернии. Затем ее внешние и внутренние границы неоднократно менялись. Это происходило за счет выделения новых уездов — Куртамышского в конце 1919 г. и Миасского в начале 1920 г., присоединения в 1920 г. к губернии Кустанайского уезда, а затем передачи его Киргизской АССР (Казахстан), включения в октябре 1922 г. Златоустовского уезда (без 12 волостей), 19 волостей Уфимской губернии и Яланского кантона Башкирской республики в состав Челябинской губернии. Таким образом, последняя объединила весь южноуральский промышленный район⁵¹.

Административные «реформы» проходили повсеместно. Вопреки пожеланиям населения, Оренбуржье в июле — декабре 1920 г. входило в состав гигантской Оренбургско-Тургайской губернии и относилось с сентября 1920 по 1925 г. к вышеупомянутой Кирреспублике. Руководство Оренбургской губернии то упраздняло уездное деление, заменяя его районным (1920 г.), то ликвидировало районы и восстанавливало уезды (1922 г.)⁵². В 1922 г. количество уездов Екатеринбургской губернии сократилось за счет их укрупнения с 10 до 7.

⁴⁹ Известия (Стерлитамак). 1921. 29 апр.

⁵⁰ Там же. 1922. 21 февр., 15 июля.

⁵¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 1; Д. 499. Л. 85.

⁵² Об основных вехах территориально-административных экспериментов на Южном Урале см.: Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 4 — 5.

Своеобразным антиподом Башкирии по механизму формирования стала образованная в 1920 г. Вотская автономная область со столицей в Ижевске. В отличие от южноуральского аналога, она была создана путем выделения этнических территорий вотяков (удмуртов) из вятского Прикамья исключительно по инициативе Москвы, искусственно создававшей – под Конституцию РСФСР 1918 г. – новые субъекты федерации. Образование области не сопровождалось ни драматичными коллизиями национально-освободительной борьбы, ни враждебным противостоянием центральных и местных властей. Еще в сентябре 1920 г. решался вопрос о придании районному центру Ижевску, превращенному в феврале 1918 г. из заводского поселка в город, статуса уездного центра. Вопрос обсуждался в вятском губкоме и губисполкоме и был решен положительно. Документы были отправлены для получения санкции в центр, который, однако, распорядился по-другому. 4 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК постановили:

- «1. Образовать автономную область Вотского народа.
2. Установление границ и выработку положения автономной области поручить комиссии в составе представителей Наркомнаца, Наркомвнудела и Наркомзема с участием представителей заинтересованной нации и заинтересованных губисполкомов.
3. Обязать комиссию закончить свою работу в кратчайший срок.
4. Созыв комиссии поручить Наркомнацу»⁵³.

В ходе спешной работы Вотская автономная область была создана в составе Можгинского, Селтинского, Ижевского, Глазовского и Дебесского уездов.

Судорожные нововведения свидетельствовали о революционном энтузиазме и жажде перемен, не подкрепленных материальными возможностями, здравым смыслом и четкой перспективой действий. Эффективность управления территориями с помощью таких переделов не достигалась. Так, летом 1920 г. Челябинская губерния была в семь раз больше Бельгии, в два раза больше Болгарии и лишь в 2,5 раза меньше Франции. Один только Кустанайский уезд по площади в три раза превышал Московскую губернию⁵⁴.

Хаос в административной карте Урала дезориентировал население в вопросе об управленческой подведомственности их территории и чрезвычайно затруднял оперативное решение самых насущных вопросов. Эта проблема приобретала все большую остроту и грозила непоправимыми последствиями в условиях запрета частной торговли, введения централизованного распределения на фоне катастрофического сокращения материальных ресурсов и развала средств связи. Между тем, многим было ясно, насколько «...ярко выступает та чрезвычайно серьезная роль, которая выпадает на долю органов снабжения и транспорта. В такое тяжелое время их аппарат должен действовать правильно, отчетливо, как машина – без перебоев, без задержек»⁵⁵. В таких условиях легкомысленная перекройка административно-территориального ландшафта региона лишь усугубляла катастрофу.

Многовластие, обернувшееся безвластием. Развал российской государственности воплотился не только в чехарде режимов и подвижности внешних и внутренних административных границ региона. Сами переходы властных полномочий были текучими

⁵³ Ижевская правда. 1920. 7 дек.

⁵⁴ Советская правда. 1920. 25 июля. Поток хаотичных административных преобразований был приостановлен в конце 1923 г., когда Уральская область была реорганизована. В ее состав вошли 15 округов и 205 районов Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний.

⁵⁵ К коммунистическому производству! (Вятка). 1920. 1 мая.

и нечеткими, усиливая у населения ощущение неуверенности и незащищенности перед лавиной непонятных событий. В основе неустойчивости власти лежало прежде всего сложное, неясное и нестабильное соотношение политических сил, малоопытных в делах управления и потому несклонных к поиску компромиссов и координации действий. Это приводило, начиная с весны 1917 г., к конкуренции многочисленных квазигосударственных и общественных организаций с неясной политической физиономией и непомерно большими амбициями при малых реальных возможностях. Многовластие на деле оборачивалось анархией.

Упорное нежелание признать этот очевидный факт, противоречивший официальной истории КПСС, породило классическую историографическую загадку, какою для советских историков на протяжении десятилетий являлись КОБы и их аналоги. Охота за этим «призраком» вылилась в многолетнюю дискуссию, начатую в конце 50-х гг. уральским историком Ф.С.Горовым⁵⁶. Он первым выступил против общепринятой тогда однозначной оценки КОБов как органов буржуазной или буржуазно-помещичьей власти. Подчеркивая политическую разнотелость этих организаций, исследователь для удобства классификации выделил три типа КОБов. К первому типу он отнес КОБы в крупных губернских и некоторых уездных городах, где они были буржуазными по составу, возникли по инициативе «буржуазных» (читай — земских) организаций и возглавлялись кадетами и умеренными социалистами. Вторую группу составляли КОБы в горнозаводских поселках, созданные по инициативе Советов или зависимые от них. Наконец, в третью группу вошли недолговечные, смешанные по составу комитеты без четкого лица. В ряде мест они на какое-то время становились единственной и так и не узаконенной Временным правительством властью, где-то шли вместе с Советами, включали в свой состав большевиков и участвовали в переделе помещичьих и заводских земель и лесов. Позицию Ф.С.Горова, с незначительными оговорками, поддержали В.В.Адамов, К.М.Первухина, Э.Н.Бурджалов и ряд других историков. Против выступили Н.К.Лисовский, Ю.А.Буранов и Ф.П.Быстрых, отстаивая прежнюю идею буржуазной природы и классового состава КОБов.

Между тем, становится все более очевидным, что оценки отдельных комитетов, как и Советов, нельзя переносить на все КОБы, поскольку реальное соотношение сил и содержание практической деятельности в конкретных населенных пунктах серьезно разнились. Эта позиция в последние годы стала настолько убедительной, что вошла в школьные учебники⁵⁷.

Слабость и невыразительность властных структур усугублялись массовым вторжением в политику неискушенного в ней населения. Государственные институты лихорадило от действий ворвавшегося в решение задачи управления обывателя — действий, замешанных на упрощенных представлениях о свободе. Так, в Пермской губернии, где вопрос о кандидатуре комиссара Временного правительства попытались решить с помощью выборов, на его посту за март — май 1917 г. сменилось три лица⁵⁸.

Неспособность различных сил прийти к деловому сотрудничеству вело к созданию дополнительных учреждений. В Челябинске, где Совет и КОБ с трудом находили общий язык, в мае 1917 г. возник Коалиционный комитет народной власти, в который вошли представители бывшего КОБа, Совета, гарнизонного комитета, испол-

⁵⁶ Подробнее о ходе этой дискуссии см.: Лукьянова Л.А. Комитеты общественной безопасности в советской историографии / Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989. С. 64 — 79.

⁵⁷ См., напр.: История Урала. XX век. Кн. 2. Екатеринбург, 1996. С. 37.

⁵⁸ См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С. 27 — 28.

нительного комитета Крестьянского союза, социалистических партий, уездный и городской комиссары.

Слабость и зыбкий баланс политических сил на Урале в последние месяцы 1917 — 1918 гг. отразились в текучести переходов власти к большевикам. Местным коммунистам, даже придя к власти, приходилось отступать — не по причине силы противника, а из-за собственной слабости. Так произошло, например, в Челябинске, где, как показали последние исследования, большевики подверглись давлению казачьего отряда численностью не в 4 — 13 тыс., как сообщалось в советской литературе, а всего 526 человек⁵⁹. Завоевание власти редко осуществлялось прямолинейно: к ней большевикам приходилось двигаться постепенно, в том числе создавая дополнительные параллельные органы — всевозможные коалиционные революционные комитеты (например, в Екатеринбурге) и аналогичные организации. Не владея необходимой информацией, большевики в ряде мест впопыхах совершали курьезные промахи. В-г. Осе Пермской губернии они вошли в ВРК вместе с представителями не только Совета, но и земства и политических партий, включая кадетскую; в Глазове Вятской губернии возглавляемый большевиками Совет высказался за однородное социалистическое правительство; в Чусовском заводе коммунисты оказались в составе антибольшевистского Комитета спасения революции.

Сложная ситуация сложилась в первые месяцы 1918 г. в Вятской губернии, где ни один город, кроме Глазова, не принял большевистский переворот в Петрограде, вследствие чего в губернском центре и шести уездных городах большевикам для своего утверждения потребовалась вооруженная сила. В январе 1918 г. власть в губернии принадлежала, без четкого разграничения компетенций, съезду Советов, губернскому исполкому и Совету народных комиссаров Вятской губернии. В самой Вятке наметилось противостояние двух группировок в горкоме РСДРП(б), отражавшее конкуренцию горисполкома с губисполкомом. В этих условиях Северный летучий отряд, прибывший в город в декабре 1917 г., оказался самостоятельной силой, которая принесла победу губисполкому в ходе так называемой «лапинской авантюры»⁶⁰.

Положительная работа большевиков по строительству государственного аппарата в конце 1917 — первой половине 1918 г. выглядела довольно скромно, по большей части сводясь к маловразумительным реорганизациям и переименованию учреждений. Так, в Челябинске в марте 1918 г. решением исполкома Совета были образованы комиссариаты по основным направлениям хозяйственной деятельности, что дало повод недоброжелателю съязвить об образовании новой республики — «Великой Челябинской»⁶¹. В апреле Вятский губернский продовольственный отдел был переименован в губернский совет снабжения, а в июне — в губернский продовольственный комитет. «...нова кожа, да сердце то же», — прокомментировали смену вывески местные эсеры-максималисты. В сентябре вятские комиссары Советов были переименованы в заведующих отделов, а сами комиссариаты — в отделы⁶².

Скоординировать действия советской власти удавалось с трудом. Главным препятствием на этом пути было обилие новых учреждений, нехватка информации и профессиональных работников. Символом государственного хаоса можно считать трагедию, происшедшую в начале июня 1918 г. в Сарапульском уезде Пермской губернии. Двое жи-

⁵⁹ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 40.

⁶⁰ См.: Тимкин Ю.Н. «Лапинская авантюра» в г. Вятке в феврале — марте 1918 г. / Вятская земля в прошлом и настоящем... Т. 1. С. 121 — 124.

⁶¹ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 46, 47.

⁶² См.: Вятская правда. 1918. 11 мая, 27 сент.; Все для трудящихся. 1918. 20 июня.

телей деревни Кабановой призвали на помощь отряд красногвардейцев, чтобы заставить местных «кулаков» подчиниться советской власти. Красногвардейцы прибыли в деревню и обложили «контрреволюционеров» контрибуцией в 16 тыс. р. Одновременно другой стороной также был вызван отряд Красной гвардии из Мензелинска. В результате под деревней между красногвардейцами произошел бой, были убитые и раненые⁶³.

Гораздо активнее и успешнее весной 1918 г. шел слом старого государственного аппарата, прежде всего — ликвидация земств и городских дум, законченный в советской зоне Урала к середине 1918 г.

С насильственной ликвидацией советского режима не исчезла ни многоступенчатость переходов, ни малая эффективность управления. Так, в Челябинске в июне 1918 г. одновременно с восстановлением городской думы и уездной земской управы был создан новый Комитет народной власти, а в следующем месяце на базе этой организации — но без ее ликвидации — по инициативе Сибирского правительства возник Комиссариат Приуралья⁶⁴. До подчинения Уфимской губернии в июле 1918 г. Комучу три недели власть осуществлял Временный комитет Уфимской городской думы⁶⁵. В Екатеринбурге Временному областному правительству Урала предшествовал созданный в июле 1918 г. Временный комитет народной власти, оказавшийся несостоятельным из-за нежелания эсеров, которые в нем преобладали, сотрудничать с кадетами. Да и само возникновение ВОПУ можно рассматривать как следствие неопределенности соотношения сил Сибирского правительства и Комуча, вызвавшее к жизни эфемерное «буферное» государство.

Антисоветские режимы, установившиеся на Урале во второй половине 1918 г., по мере сил пытались справиться с тяжелым большевистским наследием. На территориях, подведомственных ВОПУ, и в подконтрольном омскому правительству Зауралье (Курганский уезд) была восстановлена поднятая в ранг государственной власти дореволюционная система местного самоуправления, а также судебная и налоговая системы, органы правопорядка.

Однако новые власти столкнулись с рядом трудноразрешимых проблем. Одной из них был катастрофический недостаток материальных средств для нормального функционирования гражданских административных структур. Осенью 1918 г. одна из оренбургских газет с тревогой отмечала:

«Городские самоуправления и земства бьются, как рыба об лед, в тисках общероссийской экономической разрухи, с каждым днем приближаясь к финансовому краху.

Они уже банкроты. Им уже нечем содержать школы и больницы, нечем платить жалование служащим. Иногда их касса затрудняется оплатой ордера в 200 рублей»⁶⁶.

Кроме того, безжизненными оказались земские собрания — «в волостях возникло стихийное самоуправление в виде волостных и сельских сходов, над которыми, в отличие от дореволюционных, не довел полицейский аппарат»⁶⁷. Исполняющий обязанности товарища министра Временного Сибирского правительства в августе 1918 г. озабоченно докладывал о катастрофическом положении земств на Урале и в Зауралье.

⁶³ Известия (Пермь). 1918. 7 июня.

⁶⁴ Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 67 — 68, 70.

⁶⁵ См.: Казанчиев А.Д. Временный комитет Уфимской городской думы в июле 1918 г. / Исторические чтения: Материалы научной региональной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск, 1998. С. 38 — 42.

⁶⁶ Рабочий день. 1918. 3 ноября.

⁶⁷ Жукова Н.И. Структура местных учреждений в Зауралье с июня по ноябрь 1918 года / Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 1. Курган, 1990. С. 184.

Речь шла не только о бедности земских органов, но и о том, что крестьянство ломало систему самоуправления изнутри: волостные земства на практике подменялись волостными собраниями, выбывающие гласные заменялись не кандидатами по спискам, а вновь избранными на волостных собраниях, без участия остального населения. Состав волостных земских управ также определялся не земским, а волостным собранием. Крестьянская общинная практика, таким образом, восторжествовала. «При таком положении вещей, — подводился итог в докладной записке, — утрачивается сама идея земства и под видом земства продолжает существовать прежняя волесть со свойственными ей специфическими особенностями...»⁶⁸.

Областное правительство Урала в лице его уполномоченных столкнулось на местах не только с безжизненным или своевольным земством, но и с активностью и произволом военных властей и чехословаков. Соседство различных властных структур с одинаковыми задачами крайне дестабилизировало ситуацию и в других частях Урала. Так, в Оренбурге осенью 1918 г. параллельно действовали земство, правительство Башкирии и войсковое казачье правительство. Оказавшееся в положении «пасынка» власти и доведенное до отчаяния собственным бессилием, губернское земство даже подняло вопрос о целесообразности в таких условиях расчленить Оренбургскую губернию и присоединить ее уезды к прилегающим губерниям⁶⁹. К этому же времени относится едкая реплика челябинской газеты: «...в общей современной разрухе у нас, в Челябинске, столько развелось канцелярий, что, как говорится, — где ни плюнь, а в канцелярию попадешь»⁷⁰. Неурегулированность отношений между региональными правительствами прибавляла дополнительные сложности в управление подведомственными территориями⁷¹. Все это делало естественным курс администрации на жесткую централизацию власти, которая в условиях гражданской войны вела к установлению военной диктатуры. Однако и после ноябрьского государственного переворота 1918 г. в Омске хаос в системе управления устранить не удалось. Так, в прифронтовых районах была введена должность главного начальника края — Уральского, Самаро-Уфимского, Южноуральского — с полномочиями генерал-губернатора. Создание этого института не внесло, однако, упорядоченности в управление. Чиновники столь высоких рангов оказались в зависимости от военных властей (если не совмещали эти посты). Должность главных начальников Уральского и Самаро-Уфимского краев в апреле 1919 г. была упразднена. Один из них — ведавший Уралом С.С. Постников, — оказавшись в зависимости от командующего Сибирской армией Р.Гайды, сам подал в отставку, изложив ее мотивы в пространном письме в Совет министров⁷². Особую озабоченность главного начальника края вызывали некомпетентное и безапелляционное вмешательство военных властей в гражданское управление, беспорядочность действий и медленность решений ведомств в Омске, ограниченность прав местной администрации, нищета земских учреждений. Подводя черту под многочисленными проблемами, справиться с которыми ему не представлялось возможным, С.С. Постников писал:

«Руководить краем голодным, удерживаемом в скрытом спокойствии штыками — не могу. Не могу удержать промышленность в таких условиях здесь, при бездействии министерств-

⁶⁸ Гражданская война на Южном Урале: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 195.

⁶⁹ Народное дело. 1918. 13 ноября.

⁷⁰ Утро Сибири. 1918. 11 окт.

⁷¹ Конкуренция между областными правительствами Поволжья и Сибири порой приобретала комические формы. Обе стороны, например, имели друг у друга аккредитованных послов, которых, однако, не пускали даже на открытые заседания правительств, а их корреспонденция подвергалась перлюстрации (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 148).

ва торговли и промышленности в Омске. Не могу бороться с военной диктатурой. Не могу изменить порядок хода дел в Омске: для того не призван и не компетентен»⁷³.

Видимо, бессилие власти имел в виду и А.В.Колчак, бросивший в разговоре с премьер-министром В.Н.Пепеляевым 20 июля 1919 г., на закате своего господства, знаменательную реплику: «Знаете, не кажется ли вам, что диктатура должна быть действительно диктатурой?»⁷⁴

Возвращение большевистской власти на Урал с прекращением боевых действий в регионе летом 1919 г. не внесло порядка в сферу управления. Вернувшись на Урал победителями, большевики вновь прибегли к практике создания переходных и чрезвычайных структур управления конца 1917 – начала 1918 г., на этот раз насадив их предельно густо. Если в 1918 г. в стране, по данным Н.Ф.Бугая, существовало 659 военно-революционных комитетов, то в 1919 – 1920 гг. 26459, в том числе на Урале – более 400⁷⁵. Последняя цифра, впрочем, нуждается в корректировке в сторону увеличения. По последним данным, только в Челябинской губернии армейскими организаторами и инструкторами в июле – августе 1919 г. было создано 277 волостных и станичных ревкомов и более 1,5 тыс. сельских, поселковых и железнодорожных; в Оренбургской губернии – 208 станичных и поселковых ревкомов⁷⁶.

Отсутствие опытных кадров и материальных средств, необходимой информации и связей между территориями делало скорое восстановление порядка более чем сомнительным. В Пермской губернии, например, оперативная координация деятельности властей тормозилась, помимо прочего, тем, что на всем ее пространстве работало лишь 77 телефонных аппаратов – от 24-х в Перми до 4-х в Соликамске⁷⁷. Особенно плачевным было положение властных структур в сельских и горнозаводских населенных пунктах. Типичным является сообщение уполномоченного Екатеринбургского губчека за последнюю неделю ноября 1919 г.:

«...политическая и советская работа в Кушвинском заводе поставлена очень слабо. Местный партийный комитет работает вяло. Исполком не знает работ его отделов, оторван от отделов. Состав местного партийного комитета и исполкома плохой. Старых, опытных партийных и советских работников нет... Отношение местного населения к исполкому крайне недружелюбное»⁷⁸.

Не улучшилась ситуация и в следующем году. В сводке Пермской губчека о политическом положении за вторую половину июня 1920 г. значилось, что «в работе... гражданских учреждений в некоторых местах замечается хаос, в котором сам черт сломает ногу»⁷⁹. Тогда же информационная сводка секретного отдела ВЧК сообщала о положении в некоторых уездах Пермской губернии:

«Деятельность некоторых волисполкомов по губернии приносит больше вреда, чем самая энергичная антисоветская агитация. В Осинском и Усольском у[ездах] идет повальное кумыш-коварение, в волисполкомах, начиная с председателей и кончая милицией. В Чердынском и Усольском у[ездах] в работе волисполкомов замечается халатность»⁸⁰.

⁷² Подробнее см.: Колчаковщина на Урале (1918 – 1919). Свердловск, 1929. С. 85 – 87.

⁷³ Там же. С. 87.

⁷⁴ Развал колчаковщины (из дневника В.Н.Пепеляева) // Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 62.

⁷⁵ См.: Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918 – 1921. М., 1990. С. 290 – 293.

⁷⁶ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 125.

⁷⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 116.

⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁷⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

⁸⁰ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 1. С. 274.

Перманентная слабость власти, соседство враждующих инстанций преследовали Малую Башкирию до конца ее существования. В резиденции Башревкома в Стерлитамаке царило двоевластие, которое пытались нейтрализовать созданием третьей силы – чрезвычайной тройки под председательством представителя центра⁸¹. После одностороннего решения Москвы о предельном ограничении автономии и ликвидации небольшевистского Башревкома Башкирия в течение июня 1920 г. фактически осталась без какой-либо власти⁸².

Одной из самых больных проблем была нехватка профессиональных работников. С ней уральские большевики столкнулись еще в конце 1917 г. в связи с беспрецедентно массовым и длительным саботажем служащих государственных учреждений, особенно в Уфе и Екатеринбурге. Смягченный при «белом» управлении уральскими территориями, дефицит работников вновь стал актуальным по завершении гражданской войны на Урале. Советские учреждения пополнялись людьми с весьма сомнительной лояльностью по отношению к новой власти. Это было особенно характерно для сельской местности. В октябре 1919 г. орган Уфимского губернского комитета РКП(б) с раздражением констатировал, что «местные деревенские власти, оторванные от центральных органов, называя себя коммунистами, ведут контрреволюционную работу, восстанавливая таким образом крестьян против Советской власти»⁸³. Немногим лучше обстояли дела в губернских центрах. В октябре 1920 г. исполком Вятского городского Совета за непосещение заседаний этого учреждения исключил 30 человек⁸⁴.

Вместе с тем, жесткость переходов власти за пределами городов несколько смягчалась тем, что руководство сменявшими друг друга органами сплошь и рядом осуществлялось, за неимением иных кандидатур, одними и теми же людьми. При этом сама смена режимов приобретала фиктивный характер. Так, в Кособородской станице Оренбургской губернии одно и то же лицо – казак М.В.Петров – на протяжении 1917 – 1919 гг. поочередно избирался атаманом станицы, председателем Совета казацких и бедняцких депутатов, вновь атаманом, членом ревкома и Совета⁸⁵.

В отсутствие профессионалов большевикам не оставалось иного выбора, как по возможности руководствоваться при отборе кадров их политической лояльностью: органы власти, особенно в городах, все в большей степени пополняли «совместители» из ответственных партийных работников. Тем самым, тенденция к слиянию большевистских партийных структур с институтами управления становилась все более отчетливой и неизбежной.

В годы революции и гражданской войны хаос царил и в правоохранительной системе⁸⁶. По причине ураганного развития преступности и недоверия к способности властей обуздать ее население перешло к архаичной практике самосуда. В 1917 г. и в последующие годы суды и революционные трибуналы Временного правительства и большевиков, судебные органы и следственные комиссии региональных правительств и колчаковской диктатуры, советские чрезвычайные комиссии оказались за-

⁸¹ Известия (Стерлитамак). 1921. 29 апр.

⁸² См.: Гужвенко Г. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 137.

⁸³ Большевик. 1919. 19 окт.

⁸⁴ Деревенский коммунист. 1920. 10 ноября.

⁸⁵ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 116.

⁸⁶ Подробно см.: Там же. С. 132 – 147; Кобзов В.С., Семенов А.И. Становление органов милиции на Урале в 1917 – 1920 гг. / История правоохранительных органов России. Челябинск, 2000. С. 122 – 155; Абрамовский А.А., Абрамовский А.П., Кобзов В.С. К вопросу о судебном строительстве в Оренбургской губернии в годы революции / Там же. С. 156 – 172; и др.

валены огромным количеством дел, значительная часть которых лежала без движения. Массовые, в том числе немотивированные аресты, осуществляемые в условиях параллелизма силовых структур всеми, кому не лень, стали обычным явлением. Дефицит кадров, некомпетентность и неразбериха в действиях правоохранительных органов достигли апогея после восстановления на Урале советской власти. С сентября 1919 по апрель 1920 г. только на посту председателя Челябинской губчека сменилось четыре человека. В ноябре штат Челябинской губернской милиции состоял из 45 человек вместо положенных 102. «...можно ли, — вопрошал начальник губмилиции П.Н.Овчинкин в докладе отделу управления губисполкома, — работать при таком аппарате и с таким губрозыском, который состоит из заведующего торгаша-спекулянта, других подобных ему сотрудников и без 99% политических и технических работников?»⁸⁷ Совещание начальников милиции в августе — сентябре 1920 г. выявило абсолютную неработоспособность милиции:

«Благодаря неимению никаких инструкций, положений, прав и обязанностей милиции ею пользовались все, кому не лень, одно учреждение как сторожами, другое превращало в рассыльных и развозчиков по уезду или губернии пакетов, третье — по охране не имеющих никакого государственного значения складов, четвертые — для военных..., превращая милицию в богадельный аппарат, ничего не значащий, [ни] с точки зрения военно-боевой, ни культурно-го и политического развития»⁸⁸.

Из поездки в Москву в октябре 1920 г. в поисках помощи П.Н.Овчинкин вынес самое тягостное впечатление. Он не получил ни инструкций, ни обмундирования, ни оружия, ни даже канцелярских принадлежностей, за которыми в Главном управлении милиции ему посоветовали обратиться в Екатеринбург:

«Посещение Москвы мне ничего не дало, так как из всего виденного можно было заключить, что Главное управление милиции, которое существует уже 3 года, все еще организуется и никак, по-видимому, не сорганизуется, и никаких общих указаний, буквально ни по какому отделу, также писанных инструкций, положений в общероссийском масштабе, получить не мог, так как все они еще пишутся и составляются»⁸⁹.

Наладить работу милиции в уездах мешала некомпетентность сотрудников, доходившая до смешного. Так, «Курган понял схему управления не как конструкцию взаимоотношений и связи, а как внутреннее расположение комнат того здания, где находится само управление...»⁹⁰.

Беспорядок и параллелизм в работе правоохранительных структур продолжался и позднее⁹¹. Лишь в конце 1922 — начале 1923 г. было ликвидировано «двоевластие» народных судов и революционных трибуналов с упразднением последних.

⁸⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 126. Л. 20.

⁸⁸ Там же. Л. 16.

⁸⁹ Там же. Л. 17об.

⁹⁰ Там же. Л. 19. См. также: Салмина С.Ю. Проблемы организации органов милиции Челябинской губернии в 1920 г. / Проблемы деятельности органов внутренних дел: история и современность: Материалы кафедральной научно-практической конференции слушателей (10 июня 1998 г.). Челябинск, 1998. С. 22 — 26. Семенов А.И. Правоохранительные органы на Южном Урале в годы революции и гражданской войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000.

⁹¹ В связи с обилием фактов, свидетельствующих о слабости милиции в 1921 — 1922 гг., в том числе приводимых ниженазванными авторами, несколько натянутым представляется мнение о том, что уже в 1920 г. «...местным советским и партийным работникам удалось создать действующий механизм по борьбе с уголовной преступностью, который обеспечивал поддержание общественного порядка в городах и селах» (Кобзов В.С., Семенов А.И. Указ. соч. С. 152).

На Урале органы управления в годы революции, гражданской войны и болезненного выхода из нее, при их многообразии и видимой активности, были не в состоянии обеспечить эффективный контроль и упорядоченность жизни в регионе. Очевидна сквозная и перманентная тенденция к упадку власти, которой не могли воспрепятствовать ни революционный энтузиазм большевиков, ни попытки их противников цивилизованно или жестко навести порядок. Только через три — четыре года после окончательного установления советской власти на Урале затяжной кризис управления удалось приостановить.

Расцвет многопартийности? Застаревшее противостояние государства и общества в Российской империи, полное взаимного недоверия и нетерпения, позволяет, казалось бы, предположить, что ослабление и поступательный распад государственных структур в годы революции и гражданской войны должны были сопровождаться расцветом политической общественности — совокупности институтов и идеологий автономной мобилизации общества. Достаточно надежным индикатором определяемой таким образом общественности является динамика развития политических партий и независимой печати. Именно эти две несущие конструкции политической общественности анализируются в завершающих главу параграфах.

На первый взгляд, бурное развитие политических партий в России и отдельных ее регионах, включая Урал, в 1917 г. подтверждает предположение о расцвете общественности на руинах авторитарного государства⁹². После бурного партийного строительства в годы первой российской революции партийно-политический ландшафт постепенно размывался, а организации всех партий, вне зависимости от их программы, объял 10-летний летаргический сон. Негаданный взлет партий при совершенно новых обстоятельствах 1917 г. был гораздо масштабнее аналогичного процесса в 1905 — 1907 гг. (табл. 1). Количество российских социал-демократов (без национальных образований) возросло с 1907 г. по лето — осень 1917 г. более чем в пять раз. Особенно стремительным был рост Партии социалистов-революционеров (ПСР). Чуть ли не 20-кратное приращение численности эсеров происходило прежде всего за счет укрупнения организаций, так как количество последних несколько сократилось. Наиболее стабильным оказался леволиберальный центр российской многопартийности. Кадеты первыми из партий России восстановили инфраструктуру уровня 1906 г. — времени своего расцвета. Уже в марте — апреле 1917 г. количество комитетов Конституционно-демократической партии (КДП) и численность их членов примерно соответствовали уровню первой русской революции. Удельный вес участников политических партий в России повысился с 0,5% населения до 1,5%.

Размах развития многопартийности 1917 г. в стране не стоит, однако, абсолютизировать: в значительной степени он опирался на новое пробуждение национальных движений нерусских народов и возникновение их партийно-политических представительств. С этой оговоркой развитие всероссийских партий выглядит значительно скромнее. Не стоит забывать, что партийный ландшафт 1917 г. кардинально изменился по сравнению со временем 10-летней давности: на нет сошли консервативно-рефор-

⁹² Общую информацию по истории политических партий в России, адекватно отражающую состояние ее исследования, содержит фундаментальное справочное издание «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия» (М., 1996); Политические партии России: история и современность. М., 2000.

мистский Союз 17 октября и праворадикальный Союз русского народа (СРН) вместе с более мелкими радикально-монархическими объединениями. По этой причине партийная палитра всероссийских политических образований в 1917 г. упростилась, а сеть организаций крупнейших общероссийских партий стала почти в три раза менее плотной.

На Урале развитие партийно-политического спектра в 1917 г. проходило по общероссийской схеме с некоторыми региональными особенностями⁹³. Наиболее весомой силой были эсеры, за ними следовали большевики. Правда, разрыв между численностью тех и других в Уральском регионе был невелик. К местной специфике следует отнести и большую, в сравнении с всероссийской ситуацией, слабость местных конституционных демократов, которые по численности сторонников находились на последнем месте, причем с большим отрывом. Своеобразие многопартийности на Урале в 1917 г. сложно понять, не учитывая ее дореволюционного прошлого. Для нее прежде всего было характерно преобладание радикальных течений при слабости умеренных (табл. 2). Количество филиалов всероссийских партий в 1917 г. на Урале, как и в целом по стране, было, по сравнению с 1907 г., меньшим, при более чем двукратном увеличении общей численности их членов.

Помимо уродливой диспропорции между либерально-консервативными и левыми праворадикальными объединениями, партийно-политической палитре региона была свойственна неравномерность территориального размещения организаций. Эта тенденция осталась неизменной и в 1917 г. (табл. 3)

И до революции, и во время нее партийная жизнь наиболее оживленно протекала в Пермской губернии. Оренбуржье, наиболее спокойное и консервативное по причине его казачьего профиля, являлось своеобразным антиподом Среднего Урала. Западная и юго-западная периферия Урала — Вятская и Уфимская губернии — до революции существенно уступали Пермской губернии по количеству социал-демократических и охранительных организаций, преобладая по числу эсеровских групп. Вятская губерния, прославившаяся земским либерализмом, традиционно была также регионом относительного успеха либерально-консервативных объединений. В 1917 г. Средний Урал превратился в безусловный региональный эпицентр партийно-политической деятельности. На его территории действовало абсолютное большинство организаций всех существовавших тогда крупнейших всероссийских партий.

Не лишним будет отметить, что данные источников и, следовательно, исследовательские оценки численности уральских филиалов российских партий сильно разнятся, отражая сумбурность процесса партийного строительства в 1917 г. Так, сведения о численности уральских эсеров к лету 1917 г. в литературе колеблются от 40 до 150 тыс. человек⁹⁴. Многое свидетельствует в пользу того, что обобщенные цифровые данные о численности партий на Урале, использовавшиеся современниками, выполняли очевидную пропагандистскую функцию и потому могли завышаться. При попытках историков обобщить информацию по отдельным организациям той или иной партии результаты подсчетов оказываются, как правило, более скромными. Использование, например, цифровых данных о численности большевистских организаций, предложенных Н.К.Лисовским, при осторожном применении экстраполяции известных данных

⁹³ О развитии политических партий на Урале в 1917 г. подробнее см.: Капцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; Огоновская И.С. Борьба политических партий на Урале за идейное влияние на массы в 1917 г. (по материалам периодической печати). Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991; Кононенко А.А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917 — 1918 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1993; и др.

⁹⁴ См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С 73; История Урала. XX век. Кн. 2. С. 40.

Таблица 1⁹⁵

Максимальная численность всероссийских политических партий России

Партии	1907		1917	
	Организаций	Членов	Организаций	Членов
РСДРП: Большевики	518	600005	53	350000
Меньшивики		450001	46	5000
ПСР	513	63000	436	1000000
КДП	360	70000	380	100000
Союз 17 октября	260	80000	—	—
СРН	2229	410000	—	—
Всего	4398	728000	1515	1500000

Таблица 2⁹⁶

**Максимальная численность организаций
всероссийских политических партий на Урале**

Партии	1907		1917	
	Организаций	Членов	Организаций	Членов
РСДРП: Большевики	121	14300	120	35000
Меньшивики			66	13000
ПСР	174	7300	104	40000
КДП	38	3300	91	6500
Союз 17 октября	42	3300	—	—
СРН	54	11500	—	—
Всего	429	39700	381	94500

Таблица 3⁹⁷

Размещение партийных организаций на Урале

Губернии	1902 – 1916					1917		
	РСДРП	ПСР	КДП	Союз 17 октября	СРН	РСДРП	ПСР	КДП
Вятская	19	151	18	17	23	14	6	8
Оренбургская	5	8	3	13	8	10	2	3
Пермская	83	31	13	11	93	97	32	20
Уфимская	23	66	4	1	13	22	11	4

⁹⁵ Табл. 1 составлена на основе следующих источников: Политические партии России в период революции 1905 – 1906 гг.: Количественный анализ. Сб. статей. М., 1987; Политические партии России... Энциклопедия.

⁹⁶ Табл. 2 составлена на основе следующих источников: Нарский И.В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901 – 1916): шанс демократизации или модификация авторитарной действительности? / Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII – XX веках. Челябинск, 1997. С. 122 – 145; Огоновская И.С. Указ. соч. С. 279 – 296; Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С. 73, 95.

⁹⁷ Табл. 3 составлена на основе следующих источников: Нарский И.В. Указ. соч. С. 126; Огоновская И.С. Указ. соч. С. 279 – 296. Несовпадение данных в табл. 2 и 3 связано с тем, что в последней таблице учтены только те организации, местоположение которых удалось идентифицировать.

на группы с не выявленным членством позволяет оценивать количество большевиков на Урале в октябре 1917 г. не в 35 тыс., как принято в литературе, а в 30 тыс. Особенно разительны отклонения в оценке численности эсеров, если идти по пути сбора информации об отдельных организациях. На основании данных центральных и местных архивов и периодической печати И.С.Огоновской удалось собрать сведения лишь о 51 организации эсеров (из кочующей из публикации в публикацию цифры 104!), а А.А.Кононенко в приложении к диссертации об уральских социалистах-революционерах смог привести данные лишь о 27 организациях⁹⁸.

Серьезно отличается статистическая информация об уральских кадетях в 1917 г. Т.А.Гаузова ввела в научный оборот сведения о 37 комитетах и 2,5 тыс. членов. И.С.Огоновская пятью годами позже оперировала данными о 91 кадетской организации примерно с 6,5 тыс. участников⁹⁹. Для дальнейшего анализа тенденций развития политической общественности на Урале более полезными являются обнаруженные исследователями данные о размещении и численности отдельных партийных организаций, чем общие цифры, которыми оперировали современники.

Одним из симптомов слабости дореволюционной уральской многопартийности была неравномерность территориального размещения организаций в каждой из губерний. Умеренные партии являлись преимущественно «городскими», в то время как левые и правые радикалы более успешно внедрялись в горнозаводскую зону и сельскую местность. В 1917 г. произошла явственная «демократизация» политического ландшафта. Удельный вес партийных организаций вне городов существенно повысился. Социал-демократам, прежде всего большевикам, в 1917 г., как и десятью годами раньше, удалось закрепиться в горнозаводских местностях. Более активно, чем раньше, происходило проникновение кадетов за границы городов. Партия социалистов-революционеров, напротив, приобрела на Урале в 1917 г. более городской характер, потеснив либералов в их домене — городах (табл. 4).

Судя по географическому расположению партийных организаций, в 1917 г. на Урале улучшились возможности для реализации межпартийного взаимодействия. До революции известно 59 населенных пунктов, где та или иная партия могла встретиться с организованными противниками или союзниками, а в 405 местах партийные группы действовали в одиночку¹⁰⁰. В 1917 г. межпартийная кооперация и борьба были возможны, по данным И.С.Огоновской, уже в 93 пунктах. Полный спектр многопартийности, как и прежде, был представлен в губернских и крупных уездных центрах.

Сопоставление дореволюционной и революционной многопартийности на Урале позволяет констатировать слабо выраженную преемственность в ее развитии, отразившуюся лишь в различной интенсивности партийной жизни в отдельных губерниях. Судя по остальным параметрам, можно говорить о рождении многопартийности в 1917 г. заново. На революционном Урале социал-демократические организации, например, не были реанимированы в 46 населенных пунктах, в которых действовали ранее, зато возникли в 48 поселениях, где активность социал-демократов в 1902 — 1916 гг. не проявлялась¹⁰¹.

⁹⁸ См.: Огоновская И.С. Указ. соч. С. 276 — 296; Кононенко А.А. Указ. соч. С. 139 — 140.

⁹⁹ См.: Гаузова Т.А. Организация буржуазной контрреволюции на Урале в период двоевластия / Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. С. 54 — 64; Огоновская И.С. Указ. соч. С. 276 — 296.

¹⁰⁰ См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России) Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 85.

¹⁰¹ См.: Там же. Ч. 2. Прил. 9; Огоновская И.С. Указ. соч. Прил. 1.

Таблица 4¹⁰²

Размещение партийных организаций на Урале по типам поселений (%)

Типы поселений	1902 – 1916					1917		
	РСДРП	ПСР	КДП	Союз 17 октября	СРН	РСДРП	ПСР	КДП
Города	31	9	69	72	33	21	35	32
Сельские поселения	12	80	18	21	59	20	14	20
Заводские поселки	57	11	13	7	8	59	51	48

Таблица 5¹⁰³

Динамика численности партийных организаций на Урале в 1917 г.

Партии	Март	Май	Август	Октябрь
РСДРП(б)	193	7417	13571	30169
РСДРП ¹⁰⁴	1164	12022	10897	3040
ПСР ¹⁰⁵	3680	14181	15750	12670
КДП	200	1025	4810	6421

Таблица 6

Удельный вес большевиков в социал-демократии Урала в 1917 г. (%)

Губернии	Январь–февраль	Март	Апрель	Май	Июнь–август	Сентябрь–октябрь
Вятская	0,0	0,0	7,8	1,4	28,4	61,4
Оренбургская	0,0	0,0	11,0	10,8	53,9	80,2
Пермская	0,0	17,5	35,9	39,6	54,7	96,3
Уфимская	0,0	15,2	56,7	52,8	90,9	98,3
Итого	0,0	14,2	35,9	38,2	55,5	90,8

Таблица 7¹⁰⁶

Результаты выборов в Учредительное собрание (%)

Партии	Россия		Урал	
	Голоса	Мандаты	Голоса	Мандаты
РСДРП(б)	24	24	18	20
РСДРП	3	3	1	—
ПСР	38	43 ¹⁰⁷	43	47
КДП	5	2	5	4
Прочие	30	28	33	29

¹⁰² Табл. 4 составлена на основе следующих источников: Нарский И.В. Политические партии в российской провинции... С. 127; Огоновская И.С. Указ. соч. С. 279 – 296.

¹⁰³ Табл. 5 и 6 составлены на основе Прил. 5.

¹⁰⁴ К меньшевикам отнесены члены объединенных социал-демократических организаций: четкое разграничение в них сторонников большевизма и меньшевизма до момента их размежевания представляется неубедительным и искусственным.

¹⁰⁵ Данные по эсерам, в силу их фрагментарности, приведены по трем губерниям – Вятской, Пермской и Уфимской.

¹⁰⁶ Табл. 7 и 8 составлены на основе данных Л.М.Спирина (Спирин Л.М. Россия. 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 273 – 328).

¹⁰⁷ В данном случае не учтены украинские социалисты-революционеры.

Партийные новообразования предположительно были обусловлены двумя факторами. Во-первых, состав населения Урала в годы мировой войны изменился в связи с его пополнением выходцами из западных и центральных территорий Российской империи, которые прибывали на Урал в поисках работы в военных производствах и брони от армейской службы, бежали из разоренных войной губерний, искали более надежные условия существования. Они приносили с собой опыт, выработанный в других регионах страны во время первой революции и в последующие годы. Процесс инструментализации прежнего опыта активизировался во второй половине 1917 г. в связи с ростом военных гарнизонов в городах и дезертирства с фронтов Первой мировой войны. На Урал стали массированно заноситься впечатления от военной жизни и развития революции в других местностях России. Во-вторых, новые организации эсеров, социал-демократов и кадетов возникали в 1917 г. зачастую не на «пустом месте», а там, где ранее существовали группы более правых, в том числе радикально-монархических союзов. Так, большевистские организации образовались в селе Березовском и Нытвенском поселке, эсеровская — в поселке Давлеканово, где ранее действовали исключительно отделы Союза русского народа. Нужно учитывать, что выбор той или иной партии в 1917 г. имел еще в большей степени случайный характер, чем в 1905 — 1906 гг., а само вступление для многих было проникнуто символическим смыслом, служа актом идентификации себя с новым строем или воплощая ожидание новой жизни. Это раздражало многих партийных активистов с дореволюционным стажем, а некоторых из них побуждало к выходу из своей партии. Во время судебного процесса против бывшего председателя Челябинского комитета КДП и члена Учредительного собрания Е.И.Снежкова в октябре 1920 г. выяснилось, в частности, что в ноябре 1917 г. он вышел из кадетской партии из-за «переполнения партии элементами, пришлыми из черносотенных партий»¹⁰⁸.

Местный акцизный чиновник К.Н.Теплоухов так описал настроение собравшихся на первое, организационное собрание КДП в апреле 1917 г. в Челябинске:

«Народу собралось много — из всех словес, — выступали различные ораторы. Большинство присутствующих были не левее умеренных октябристов, но стеснялись публично заявить об этом и почти единогласно решили поддержать кадетов... Кстати, и Врем[еннов] Пр[авительств]о — большинство кадеты»¹⁰⁹.

Организационное строительство партий в 1917 г. проходило, таким образом, в обстановке бестолковой суеты. Люди умеренного политического темперамента плыли по течению и, считая неудобным противиться духу времени, оказывались в составе левых либералов. Ситуация усугублялась ретивостью новых ревнителей партийного строительства, которые заочно записывали в популярную весной 1917 г. партийную организацию всех своих сослуживцев, внося за них вступительный взнос из своих средств. В результате многие и не подозревали о своем членстве в кадетской партии, пока оказавшиеся у власти большевики не начали преследовать своих политических противников¹¹⁰.

Еще в большей степени волна случайных и конъюнктурных вступлений захлестнула ПСР, породив такой, характерный и для Урала, феномен, как «мартовские эсеры». Один из мотовилихинских социалистов-революционеров Н.И.Леденцов объяснил головокружительный рост его организации — к концу марта 1917 г. она разбухла до 2,5 тыс. человек — тем, что в нее вошли бывшие городовые, крупные торговцы и члены бывших черносотенных союзов¹¹¹.

¹⁰⁸ Советская правда. 1920. 15 окт.

¹⁰⁹ Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899 — 1924. Челябинск, 2001. С. 294.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 295.

¹¹¹ См.: Капцугович И.С. Указ. соч. С. 91.

Численность партийных организаций не следует легковерно принимать за точный показатель силы партий. Тем не менее, количество членов партии может служить приблизительным ориентиром при изучении динамики роста многопартийности. Используя известные данные о численности организаций различных партий и экстраполируя средние показатели по малочисленным организациям на группы, количество участников которых неизвестно, можно представить себе развитие партийного ландшафта на Урале в 1917 г. (табл. 5)

На протяжении 1917 г. стремительно изменялась численность всех партийных представительств на Урале. Головокружительный взлет пережили большевистские организации, количество участников которых с марта по октябрь увеличилось более чем в 150 раз. Количество участников отделов КДП на Урале поступательно росло, но темпы роста были на порядок ниже, чем у социалистических партий. Судя по всему, либеральная доктрина имела своих последовательных сторонников, но их количество было невелико. Эсеры лидировали по численности до лета, после чего рост их групп затормозился, а осенью из их организаций начался отток. Аналогичную эволюцию пережили меньшевики, теряя членов своих организаций с лета — осени 1917 г., часть которых, как и бывшие эсеры, пополняла ряды большевиков. В итоге удельный вес большевиков в уральской социал-демократии поступательно увеличивался (табл. 6).

В процессе вытеснения меньшевиков большевиками тон задавал Средний Урал, на котором уже к середине апреля 1917 г. концентрировалось, по данным Ф.П. Быстрых, до 62% уральских большевиков, а в Екатеринбургском уезде — 35%¹¹².

Очерченные выше тенденции развития многопартийности на Урале в 1917 г. свидетельствуют о повышенной, лихорадочно-болезненной динамике, угрожавшей самому существованию партий. Ускоренное партийное строительство создавало лишь видимость расцвета политического плюрализма, но не обеспечивало стабильности партийного ландшафта. Быстрые и резкие колебания в развитии многопартийности отражали ее слабость и являлись симптомами ее скорого заката.

Партийная жизнь в 1917 г. бурлила. Многочисленные партийные конференции и активное участие партий в десятках губернских, областных и уездных съездов Советов, крестьянских, конфессиональных, профессиональных и прочих общественных форумов — И.С. Огоновская насчитала их 39¹¹³ — были прекрасными декорациями для эффектного выхода на политическую сцену. Повышение статуса земства — колыбели российской многопартийности и одного из эпицентров партийной и квазипартийной деятельности в поздней Российской империи — до уровня системы государственного управления в обстановке легализации партий также создало благоприятные условия их существования. Выборные кампании 1917 г. в земские и городские органы, Советы и КОБы превращались в своеобразные партийные праздники и смотры политических сил.

В этой конкуренции большевики были одним из многих участников, не самым сильным и отнюдь не обреченным на успех. За пределами горнозаводской зоны, а отчасти и внутри нее, более перспективной силой казались эсеры и меньшевики — герои романтизированного террора и кропотливых будней кооперации и военно-промышленных комитетов в последние годы существования империи. Весной — летом 1917 г. наибольшим влиянием на Урале пользовались социалисты-революционеры. Сельская местность являлась их абсолютным доменом, особенно в Уфимской губер-

¹¹² См.: Быстрых Ф.П. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале / Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти: Материалы научн. сессии преподавателей кафедр истории КПСС вузов Урала, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1968. С. 15.

¹¹³ См.: Огоновская И.С. Указ. соч. Прил. 3.

нии. Удельный вес эсеровских объединений среди всех партийных образований Урала достигал 75 %¹¹⁴. Большевики, напротив, представляли собой незначительную силу. На 1-м областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Перми в мае 1917 г. они не смогли провести ни одного решения, кроме переноса исполкома областного Совета в Екатеринбург. К середине лета 1917 г. лишь 12% Советов региона находились под большевистским влиянием.

Апогеем свободной партийной конкуренции на Урале стали муниципальные выборы летом – в начале осени 1917 г. Они принесли эсерам убедительную победу. В Оренбурге социалисты – революционеры завоевали в городской думе 56 из 67 мест. Аналогичным были результаты в Уфе, Челябинске и других городах Южного Урала. Более сложное соотношение партийных сил и относительно развитый партийный ландшафт Среднего Урала и пермского Прикамья привели к более дифференцированным результатам и отсутствию абсолютного партийного большинства. В Перми в августе 1917 г. социалисты заняли в городской думе 47 мест из 76, в том числе 27 – эсеры, 10 – меньшевики, 8 – большевики¹¹⁵. В Екатеринбурге на проходивших тогда же выборах в городскую думу эсеры получили 44 места из 90, большевики – 17, кадеты – 10¹¹⁶.

Однако за лихорадочной активностью партий в 1917 г. маячила их скорая агония. Политической общественности, учитывая ее структурные пороки, жить оставалось недолго.

Распад политической общественности. В первые недели после прихода большевиков к власти в Петрограде и ряде центров Урала многопартийность, словно по инерции, продолжала действовать. В ноябрьский состав Екатеринбургской городской думы вошли 39 большевиков, 19 эсеров, 15 кадетов, по 2 меньшевика и христианских демократа, по 1 представителю от сионистов, бундовцев, мусульманских националистов, Еврейской демократической партии¹¹⁷.

О сложной расстановке партийно-политических сил на Урале свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание, созыв которого был одним из лозунгов левого крыла освободительного движения в России со времен первой революции и прокламируемой целью революционного процесса 1917 г. Выборы в него, прошедшие в ноябре 1917 г., уже после формального провозглашения власти Советов в стране, продемонстрировали, что будущее большевиков оставалось весьма туманным и ненадежным. Их политических противников – эсеров, судя по итогам избирательной кампании, ждала более оптимистичная перспектива (табл. 7).

На Урале результаты выборов оказались для большевиков еще более неутешительными, чем по стране в целом, особенно если иметь в виду, что в партийных верхах этот регион по традиции считался оплотом большевизма. Уральская периферия направила в Учредительное собрание 12 большевиков, 28 эсеров, 2 кадетов и 17 представителей региональных и местных интересов. Удельный вес тех, кто отдал свои голоса за социалистов-революционеров, здесь был выше, чем в среднем в России. Правда, при более детальном рассмотрении итогов избирательной кампании в Учредительное собрание Урал напоминает сложную политическую мозаику (табл. 8). В Вятской, Оренбургской и Пермской губерниях большевики получили от 21 до 24% голосов участвовавших в выборах

¹¹⁴ Там же. С. 109.

¹¹⁵ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 22 авг.

¹¹⁶ Народная свобода. 1917. 15 ноября.

¹¹⁷ Там же.

Таблица 8

Распределение голосов на выборах в Учредительное собрание на Урале (%)

Губернии	РСДРП(б)	РСДРП	ПСР	КДП	Прочие
Вятская	22	2	57	5	14
Оренбургская	24	1	16	4	55
Пермская	21	2	53	9	15
Уфимская	5	—	34	2	59

Таблица 9¹¹⁸

Численность большевистских организаций на Урале в 1917 – 1920 г.

Губернии	1917, XI	1918, IX – XII	1919, III	1919, XI – XII	1920, III	1920, IX – XII
Вятская	1700	4000	6207	9538	7000	7290
Оренбургская	500	—	1046	?	?	7074
Пермская	24000	14633	—	16272	19000	9456
Екатеринбургская	—	—	—	24470	32000	19085
Челябинская	—	—	—	3957	10074	6936
Уфимская	3600	—	485	11390	12000	6790 ¹¹⁹
Всего	29900	18633	7738	?	?	56631 ?

Таблица 10¹²⁰

Среднее количество газетных номеров одного периодического издания на Урале

Губернии	1901	1907	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Вятская	103	81	198	63	46	69	51	47	55
Оренбургская	96	70	199	69	58	41	71	60	98
Пермская	250	86	198	51	47	58	71	84	69
Уфимская	165	73	197	64	57	26	65	71	57
Всего	155	77	198	60	49	42	63	64	68

Таблица 11

Удельный вес независимой печати на Урале в 1916 – 1922 гг. (%)

Губернии	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Вятская	89,7	68,8	10,8	0,6	0,4	0,3	3,0
Оренбургская	91,2	77,1	66,4	27,1	—	1,6	2,1
Пермская	84,6	84,2	32,9	31,5	2,9	3,8	14,4
Уфимская	60,5	65,8	65,7	10,5	—	0,3	3,9
Всего	83,5	76,1	40,5	17,8	0,7	1,6	7,1

¹¹⁸ Табл. 9 составлена на основе данных Л.М.Спирина: Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 428, 430. Для получения представления о приблизительном характере цифр достаточно сопоставить данные о количестве большевиков в октябре 1917 г. в табл. 9 и Прил. 5.

¹¹⁹ Приведенная информация относится к январю 1921 г.

¹²⁰ Таблицы 10 и 11 составлены на основе Прил. 6. Погубернские данные 1918 – 1922 гг. приведены в границах дореволюционных губерний.

избирателей, что примерно соответствует среднероссийскому стандарту, причем в Оренбуржье наивысший по региону удельный вес сторонников большевизма является относительной величиной — в голосовании приняли участие чуть более половины избирателей (55%). Доля шедших за эсерами в Вятской и Пермской губерниях была выше российской нормы, а в Оренбургской и Уфимской — значительно ниже. Зато в двух последних более половины голосов было отдано за мусульманских регионалистов и казачков: и те, и другие в конечном счете отстаивали свое автономное существование и выступали за то, чтобы Петроград — какая бы власть там не была — оставил их в покое.

Внутри каждой из уральских губерний расклад сил и поведение избирателей серьезно различались. Преобладающая часть заводов оказалась оплотом большевиков, которым было отдано от 51% голосов в Н.-Тагильском заводе до 94% в Миньярском. Большевиков поддержало также более двух третей военнослужащих гарнизонов в городах Урала. В сельской же местности лидировали социалисты-революционеры, имея многократное превосходство по количеству собранных голосов¹²¹.

Результаты выборов в Учредительное собрание вызвали болезненную реакцию большевиков как в центре, так и на периферии, включая Урал. Из состава Советов стали изгоняться представители враждебных им партий, закрывались земства и городские думы. В Пермской губернии, где большевики пришли к власти раньше, чем в других частях региона, и где, как показала избирательная кампания в Учредительное собрание, кадеты имели относительно прочные позиции, дело дошло до репрессий и физической ликвидации лидеров комитетов КДП, которые были расстреляны в Екатеринбурге, Осе и Нижнем Тагиле¹²².

В вятском Прикамье и Оренбуржье судьба небольшевистских партийных организаций на первых порах была не столь трагична. В Вятке они вошли в состав Верховного совета по управлению губернией, в Оренбурге — в Комитет спасения родины и революции, возглавленный эсером В.Ф. Барановским. Однако вскоре позиции правых социалистов пошатнулись: в Вятской губернии — из-за скорого перехода власти в руки большевиков, в Оренбургской — из-за стремления казачьего руководства к более твердой и эффективной власти в условиях углубляющегося политического и хозяйственного кризиса. Эсеры и меньшевики целенаправленно оттеснялись от управления, а их организации и средства пропаганды ставились под контроль властных структур¹²³.

Последний шанс на свободное существование умеренные партийно-политические течения на Урале обрели летом — в начале осени 1918 г. Воплощением «третьей силы» между большевизмом и «белым» движением стало Временное областное правительство Урала, в которое вошли два конституционных демократа, по одному народному социалисту, эсеру, меньшевику и двое беспартийных¹²⁴. Наконец, Государственное совещание областных правительств и политических групп, собравшееся в Уфе в сентябре 1918 г., стало грандиозной и последней манифестацией российской многопартийно-

¹²¹ См.: Антонов А.Д. Отношение большевистских организаций и трудящихся Урала к созыву и роспуску Учредительного собрания / Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале. С. 70 — 84.

¹²² См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С. 114.

¹²³ Тем не менее, политическим партиям при А.И. Дутове были оставлены определенные возможности для активного существования. На выборах в Оренбургскую городскую думу в августе 1918 г. почти половину мест получил блок умеренных социалистов, 12 мест из 101 досталось кадетам (Борьба. 1918. 21 авг.).

¹²⁴ См.: Сичинский Е.П. Из истории Областного правительства Урала (историография вопроса) / Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Сб. научн. трудов. Свердловск, 1990. С. 20.

сти. Среди 170 его участников эсеры составляли почти две трети. Было принято решение о самоликвидации областных правительств, включая Уральское, и замене их общероссийской властью. Однако судьба избранного им Всероссийского временного правительства (Уфимской Директории), в которое вошли, помимо прочих, два эсера и один кадет, кажется символом заката политического плюрализма: через два месяца А.В.Колчак санкционировал свержение Директории и арест его членов-эсеров.

Одновременно начались преследования участников Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания и руководства ПСР, находившихся в момент омского переворота в Екатеринбурге и выступивших против установления военной диктатуры. Начались аресты, высылки не успевших или не пожелавших скрыться членов Учредительного собрания, часть которых в декабре того же года по трагическому стечению обстоятельств пала жертвой офицерского самосуда в Омской губернской тюрьме¹²⁵.

Балансирование между большевиками и «белыми» при отсутствии убедительных предложений и достаточных сил для реализации «третьего пути» не могло продолжаться долго: оно толкало к поиску союзников справа или слева и грозило расколом собственных рядов. Так и произошло. Майская общепартийная конференция РСДРП 1918 г., а затем майское и августовское совещания при ее ЦК высказались сперва против коалиции с «белыми», а позднее — за сотрудничество с большевиками в борьбе с Колчаком. ЦК осудил позицию волжских и уральских меньшевиков, приведшую к участию их представителей в правительстве Комуча и Государственном совещании, исключив из партии членов делегации в Уфу¹²⁶.

Аналогичные трения и чреватая разрывом внутренняя напряженность наблюдалась и у эсеров. В начале декабря 1918 г. в Уфе, после государственного переворота в Омске, оставшиеся на свободе и оказавшиеся в условиях подполья представители эсеровской фракции Учредительного собрания выступили против предложенной за несколько дней до этого лидером ПСР В.М.Черновым формулы «борьбы на два фронта», склоняясь к миру с большевиками. В самом конце 1918 г. в Уфе была избрана делегация эсеров для переговоров с советской властью. Утопичность формулы борьбы и против большевизма, и против «белого движения», на которой В.М.Чернов продолжал настаивать на IX Совете ПСР в июне 1919 г., провоцировала формирование в партии непримиримых крыльев, ориентированных на союз либо с «красными», либо с «белыми», и общее ослабление партии. Победы над Колчаком на Урале явно настраивали местных эсеров на тяготение к левой, «пробольшевистской» позиции. В августе 1919 г. уфимская организация ПСР через «Известия ВЦИК» обратилась к членам партии с призывом последовать ее примеру — признать советскую власть.

К моменту закрепления большевиков на Урале организации других политических партий перестали быть в регионе сколько-нибудь значимой силой. Звезда их безвозвратно закатилась: в сознании населения они ассоциировались с теперь уже ненавистными «беляками», а в условиях необходимости думать исключительно о проблемах желудка — жить становилось все тяжелее — людям было не до партийных политик, сопряженных к тому же с риском быть заподозренным в «контрреволюционности». Небольшевистские партийные организации рассыпались под давлением равнодушия, враждебности или страха окружающих, массовых переходов бывших сторонников к большевикам, подозрительности и контрольных репрессий со стороны властей. Осколочные группки владели едва различимое существование, а рапорты советской поли-

¹²⁵ Подробнее см.: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Д., 1998. С. 174 — 179.

¹²⁶ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 97.

тической полиции — ЧК — ГПУ — и по стилю, и по содержанию напоминали жандармские донесения о прозябании партийных организаций социалистов, в том числе большевиков, за 2 — 3 года до начала революции 1917 г. В обоих случаях смысл лаконичных, часто ограниченных одной фразой сообщений был один: организаций социалистических партий нет или они себя ничем не проявляют, никакой деятельности не замечается. Согласно циркуляру из Екатеринбурга от 9 января 1922 г. «Всем губкомам и укомам области», эсеры еще существовали в Перми и Уфе, меньшевики — в Перми и Екатеринбурге, анархисты — в Екатеринбурге. При этом сообщалось, что социалисты-революционеры действуют «в разбросе». Попытка восстановить организации после X Совета партии (август 1921 г.) окончилась провалом из-за ареста руководителей. В сентябре — ноябре 1921 г. план ликвидации эсеров в Екатеринбурге «...не дал ощутимых результатов ни в смысле обнаружения организации, ни в смысле обнаружения произведений эсеровской печати». Хотя в сводке фиксировалось существование меньшевиков в Екатеринбурге и Чусовском заводе, это явно противоречило заявлению, что «организации как таковой нет». Несмотря на приезд на Урал в 1920 г. ряда меньшевистских лидеров, в том числе Н.Н. Суханова, попытка организовать не удалась: члены выборного комитета вскоре были арестованы, что пресекло возможность создать организацию в дальнейшем. Анархисты ничем себя не проявляли, честно работая в советских учреждениях¹²⁷.

Логическим завершением истории эсеров в России и на Урале стал запланированный в конце 1921 г. двухмесячный судебный процесс, инсценированный в июне — августе 1922 г. в Москве — первый показательный политический процесс в Советской России. ПСР к этому времени не представляла реальной опасности «диктатуре пролетариата», и суд был организован в большей мере с пропагандистскими целями по сфабрикованным материалам. Одновременно на Урале прошли политические спектакли — суды над местными эсерами, а также, с января 1922 г., разгром меньшевистских организаций. Их остатки самоликвидировались, с переходом их членов в ряды РКП(б), в 1923 — 1925 гг.¹²⁸

На фоне прогрессирующего развала российской многопартийности, завершившегося в рамках рассматриваемого периода, логично было бы ожидать поступательного усиления оказавшейся у власти партии, которая систематично оттесняла и устраняла своих конкурентов. Между тем, данные о численности большевиков в первые годы «советской власти» не подтверждают таких предположений. В марте 1918 г. ориентировочная численность РКП(б) по официальным сведениям составляла 380 тыс. членов, однако по другим подсчетам — всего 115 тыс.; в начале следующего года коммунистов насчитывалось приблизительно 251 тыс. человек, в марте 1919 г. — 314 тыс. В 1920 г., в связи с переломом и завершением гражданской войны в пользу большевиков, приток в партию удвоил их численность (612 тыс.). Наконец к марту 1921 г. она достигла рекордной отметки в 730 тыс. человек, которую после чистки 1922 г. удалось перекрыть (вместе с кандидатами) лишь в 1925 г.¹²⁹

Численность большевистских организаций на Урале также является величиной ненадежной и сугубо ориентировочной: слишком беспокойное было время, слишком слабым был большевистский государственный и партийный аппарат, чтобы ожидать от источников убедительных и точных статистических выкладок. Историки пользуются различными сведениями, но все они демонстрируют резкие количественные колебания, в которых отражалась неустойчивость позиций большевиков в первые годы после октября 1917 г. (табл. 9).

¹²⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 484. Л. 1.

¹²⁸ См.: Сулов А.Б. Окончательная политическая гибель меньшевиков на Урале / Классовая борьба на Урале в период империализма... С. 79 — 93.

¹²⁹ См.: Altrichter H. Kleine Geschichte der Sowjetunion 1917 — 1991. München, 1993. S. 212.

В изданиях по отдельным областным коммунистическим организациям приводятся другие данные, но все они отражают значительные скачки в численности большевиков. Так, по сведениям одного из статистических справочников, в Уфимской губернии в октябре 1917 г. было 4,2 тыс. большевиков, в апреле 1918 г. — 10,5 тыс., в июле 1919 г. — около 2 тыс., в 1920 г. — около 17 тыс. (вместе с коммунистами Малой Башкирии). Затем начался длительный спад: 11,3 тыс. в 1921 г., 9,2 тыс. в начале 1922 г. и, наконец, 7,4 тыс. в июне 1922 г.¹³⁰ Колебания в количестве членов большевистских организаций отражали, подобно чуткому барометру, перепады всероссийской и уральской политической «погоды» и настроений населения: сокращение влияния большевиков, вплоть до роспуска их организаций, в первой половине 1918 г.¹³¹, их ликвидацию в несветском секторе¹³² (Оренбург, Пермь, Уфа) и поступательный рост в советском (Вятка) в 1918 — 1919 гг., резкий приток в партию после восстановления на Урале советской власти¹³³ и радикальное — почти двукратное — сокращение в течение 1920 г., когда поведение вернувшихся к власти большевиков вновь поставило население перед необходимостью защищаться, а перерегистрация членов РКП(б) лишь усилила отток из партии¹³⁴.

Общая нестабильность ситуации в сочетании с малоэффективными попытками коммунистов навести порядок в собственных рядах порождали текучесть состава организаций, которая, в свою очередь, неблагоприятно сказывалась на климате в партии и в следующие годы. В 1921 г. в Екатеринбургской губернии из большевистских организаций ежемесячно исключали от 86 членов (июль) до 165 (август), а в октябре, во время пика партийной чистки — 1541. Одновременно в партию вступало от 100 человек (октябрь) до 1023 (март). В итоге численность коммунистов в губернии на 1 мая 1921 г. составляла 23519, на 1 июня — 22149, на 1 июля — 21695, на 1 августа — 23938 человек¹³⁵.

Серьезный удар по партийным организациям, особенно по сельским ячейкам коммунистов, нанес голод 1921 — 1922 гг. С осени 1921 г. в Челябинской губернии и других частях Южного Урала наблюдался распад партийных ячеек в сельской местности. Их члены — вместе с односельчанами — бежали от перспективы голодной смерти в урожайные края. Как констатировал в феврале 1922 г. информационный подотдел Челябинского губкома РКП(б), «состояние парт[ийных] организаций в связи с голодовкой нездоровое, дисциплина среди членов РКП[б] падает, среди крестьянских ячеек чувствуется растерянность, упадок духа...»¹³⁶. Условия начала НЭПа и недостаточной государственной помощи населению по преодолению голода не благоволили росту рядов РКП(б) в деревне. Заботы об элементарном выживании, в организации которого, как показывал опыт, можно было полагаться только на собственные силы, оттеснили прежние крестьянские мотивы пребывания в партии коммунистов. Челябинский отдел ГПУ в октябре 1922 г. так описал положение партийной работы в деревне: «Пе-

¹³⁰ См.: Башкирская областная организация КПСС в цифрах. 1917 — 1987: Статистический сборник. Уфа, 1987. С. 19, 20.

¹³¹ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 54 — 56.

¹³² Летом 1919 г., когда в Оренбуржье фронт вновь вплотную придвинулся к губернскому центру и позиция большевиков в очередной раз оказалась шаткой, их представителями были проинспектированы коммунистические ячейки в формально советском Оренбургском уезде. Результаты оказались неутешительными: «Объезд их выяснил, что от партийных организаций почти ничего не осталось» (ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 2).

¹³³ В течение «партийной недели» в конце 1919 г. ряды РКП(б) на Урале пополнили более 42 тыс. новых членов.

¹³⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 69. Л. 168.

¹³⁵ Там же. Д. 260. Л. 21, 39, 53, 84, 134; Д. 261. Л. 6, 24, 33, 59, 169.

¹³⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 269. Л. 5.

режитая волна голодовки заставила большинство деревенских коммунистов взяться за плуг, за добычу материальных средств к существованию и меньше всего думать о своем воспитании, не говоря уже о коммунистическом влиянии на население»¹³⁷.

Чистка партии конца 1921 г. и многочисленные структурные реорганизации помогли столь же мало, как и аналогичные мероприятия в государственных учреждениях. Так, упразднение райкомов и создание волостных бюро РКП(б) весной 1922 г. имело такой же эффект, как и эксперименты 1917 – 1918 гг. Временного и региональных антибольшевистских правительств по созданию «мелкой земской единицы» – волостного земства. Оно вызвало «окрестьянивание» партийных организаций, архаизацию их практики «под общину».

Влияние партийных организаций на население оставалось слабым, спектр эмоций в отношении коммунистов включал настроения от равнодушия до враждебности. Наиболее сильными позициями отличались коммунистические организации Екатеринбургской губернии, которая в конце 1921 г., по окончании чистки, занимала третье место после Москвы и Петрограда по удельному весу коммунистов среди населения: в партии числилось 0,93% жителей губернии¹³⁸. В Челябинской губернии, напротив, в партийные организации РКП(б) в 1922 г. входило 0,33% обитателей: от 0,47% в Златоустовском уезде до 0,24% в Курганском¹³⁹.

Положение коммунистической партии на Урале в первые годы советской власти соответствует наблюдениям историков о ситуации в стране в целом: «...большевики взяли на себя государственные функции и растворились в них; как центральный, так и местный партийный аппарат оставался слабым»¹⁴⁰. Партия, устранившая всех своих конкурентов, одолела и саму себя: в катаклизмах первых лет советской власти сгинули все самостоятельные политические партии, включая РСДРП(б).

Агония независимой печати. Взлет и крушение политической общественности в России воплотились не только в развитии и деградации общественных объединений – прежде всего партий, – но и в судьбе независимой печати. Первый год революции сопровождался ее небывалым, по мнению современников и исследователей, расцветом. Поступательное ослабление государственного контроля за прессой, возникновение множества новых учреждений и организаций, нуждающихся в печатных органах для поиска поддержки населения, насыщенность жизни плотно спрессованными во времени неординарными событиями, массовая политизация населения – все это создавало благоприятную конъюнктуру для развития периодики, особенно газет как наиболее доступного канала получения печатной информации.

Бурным подъемом печати 1917 г. был отмечен не только в столицах – традиционном средоточии российской публицистики, но и на периферии страны, в том числе на Урале. Используемые историками статистические данные о периодике в четырех уральских губерниях выглядят впечатляюще: в течение года увидели свет около 200 газет, из которых половину составляли «буржуазные» издания, четверть – эсеровские, остальные принадлежали большевистской и меньшевистской социал-демократии и менее популярным партиям¹⁴¹.

¹³⁷ Там же. Д. 499. Л. 120об.

¹³⁸ Уральский рабочий. 1922. 6 янв.

¹³⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 521. Л. 2.

¹⁴⁰ Altrichter H. Op. cit. S. 41.

¹⁴¹ См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Указ. соч. С. 66.

Однако при более пристальном рассмотрении статистики местной печати возникают сомнения в не критичном оперировании цифрами о количестве выходявших в течение одного года газет. Во-первых, данные 1917 г. следует рассмотреть в более длительной временной перспективе, во-вторых, сведения о числе газет целесообразно дополнить рядом других количественных критериев¹⁴².

Прежде всего нужно отметить, что периодика 1917 г. возникла не на пустом месте. Еще во время первой российской революции количество выходявших на Урале газет возросло, по сравнению с рубежом столетий, в два — три раза. В последующее десятилетие их число несколько сократилось, но не упало до уровня начала века. При этом газетный ландшафт стабилизировался — исчезли непрофессиональные и недолговечные партийные газеты, их место прочно заняли независимые внепартийные издания. Развитие печати в 1908 — 1911 гг. не позволяет говорить о «периоде реакции» и удушении свободы мысли, особенно если сопоставлять данные о количестве не периодических изданий, а вышедших газетных номеров. В таком случае, на протяжении 1908 — 1916 гг. можно наблюдать поступательное развитие публицистики. При этом опережающими темпами росла негосударственная печать: в начале XX в. на Урале она составляла около половины всех газетных номеров (от 10% в Оренбургской губернии до 73% в Пермской), во время первой русской революции выросла до 2/3 (от 48% в Уфимской губернии до 77% в Пермской), а в 1916 г. превысила 4/5. Особенно быстро этот процесс проходил в Вятской и Пермской губерниях, традиционно более политизированных и «либеральных», и отставал в консервативных Оренбургской и Уфимской.

Учитывая предреволюционное развитие печати, его скачок в 1917 г. выглядит не столь грандиозным. Если количество наименований газет на Урале увеличилось по сравнению с предыдущим годом в четыре — шесть раз, то общий объем газетных номеров — лишь в полтора — два раза. Кроме того, в 1917 г. несколько повысился удельный вес государственной и квазигосударственной печати. К последней отнесены печатные органы Советов, КОБов и аналогичных общественных организаций, претендовавших на властные полномочия и являвшихся во многих населенных пунктах альтернативной или единственной властью, а с ноября — газеты большевистских партийных комитетов.

Препятствия свободному развитию независимая печать начала испытывать с приходом большевиков к власти. Гонения на прессу, не проявлявшую лояльность к «диктатуре пролетариата», вслед за принятием декрета о печати ошутимо задели и периодику Урала. Решением екатеринбургского Совета 29 октября 1917 г. в городе были конфискованы все столичные газеты. К концу года прекратилось издание многих оппозиционных новой власти газет — как внепартийных, так и кадетских, эсеровских, меньшевистских. В январе — феврале 1918 г. этот процесс завершился в тех частях региона, где большевикам удалось закрепиться¹⁴³. Одновременно наметилась тенденция к слиянию печатных органов различных Советов, а также советских и партийных большевистских газет. В результате такой реорганизации в Вятке, например, в апреле 1918 г. возникло издание с громоздким названием «Известия Вятского губернского исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Вятского Совета рабочих и крестьянских депутатов»¹⁴⁴.

О положении независимой печати в Оренбурге в течение большевистского господства в январе — июне 1918 г. местная внепартийная газета «Оренбургский край» красноречиво поведала после победного возвращения в город А. И. Дутова:

¹⁴² Приводимая далее статистическая информация об уральской печати базируется на данных Прил. 6.

¹⁴³ См.: Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ. соч. С. 108 — 109, 114.

¹⁴⁴ Вятская правда. 1918. 5 апр.

«Большевистское нашествие прервало выход «Оренбургского края», так как в 5 часов утра 18 января редакция и типография были заняты красногвардейцами. Вследствие этого уже приготовленный к выходу номер газеты не мог появиться на свет.

Пять месяцев «комиссародержавия», внесшего в местную жизнь путаницу и террор, прошли в обстановке полного задушения печати, и те попытки, которые делались некоторыми группами для издания независимых органов, тотчас же пресекались новой властью. Не только местных газет, кроме пресловутых «Известий», но даже и столичных, Оренбург был лишен в течение почти всего времени большевистского владычества»¹⁴⁵.

На территориях, недоступных новой власти, условия существования и перспективы независимой печати были на первых порах более благоприятны. Газеты противников большевизма и беспартийная периодика не подвергались преследованиям. Однако по мере усиления кризиса и тяги к более сильной власти положение общественной прессы стало меняться кардинальным образом. В Оренбуржье Войсковое правительство поставило ее под свой контроль, а ряд газет закрыло за антиказачью пропаганду. Так, в октябре 1918 г. в Оренбурге по обвинению в «упорном нежелании работать в духе государственности» была закрыта меньшевистская газета «Рабочее утро»¹⁴⁶. В Екатеринбурге, где комитеты социалистов-революционеров и меньшевиков выступили с протестом против государственного переворота в Омске, военные власти установили жесткий цензурный надзор за местной печатью: планируемые публикации и материалы должны были пройти проверку у военного цензора и в цензурном отделе при комендантском управлении, куда затем отправлялись три номера свежотпечатанных газет. Все чаще газеты зияли белыми полосами неразрешенной информации. Случались и физические расправы с их руководителями. Так, в Челябинске был арестован, а затем расстрелян редактор газеты «Власть народа» В.А. Готовский¹⁴⁷.

Правда, уровень жесткости в обращении с прессой со стороны «красных» и «белых» властей был несопоставим. В небошевистской зоне как официальные круги, так и издатели использовали опыт дореволюционных отношений власти и публицистики. Оренбургские меньшевики, например, после закрытия газеты «Рабочее утро» возобновили свое издание, меняя его название. В октябре — декабре 1918 г. выходил «Рабочий день», затем — «Рабочие сумерки».

После завершения боевых действий на Урале местная пресса находилась в убогом состоянии. Прежние газеты, рассматриваемые большевистскими властями исключительно как «белогвардейские», были закрыты; новая, лояльная к режиму печать налаживалась с большим трудом. Сказывался острый дефицит материальных и людских ресурсов. В докладной записке Оренбургского губкома РКП(б) о работе за лето 1919 г. констатировалось: «Развить печатную агитацию до сих пор не удастся: нет бумаги, нет литературных сил. С трудом обслуживаем единственную газету»¹⁴⁸.

Газеты второй половины 1919 — 1922 гг. представляли собой жалкое зрелище. Серо-бурая бумага, нечеткая или бледная печать, непрочная краска, оставлявшая грязные следы на руках читателей, скудость выхолащенной информации, понижение удельного веса местных сведений, отсутствие минимальной литературной обработки материала — все это делало чтение газет малопривлекательным.

Развал средств связи не позволял организовать своевременное распространение и этого подобия печати. Как сообщали из Оренбурга в 1921 г. по поводу местной большевистской газеты «Коммунар», «газеты на места чрезвычайно опаздывают и, таким

¹⁴⁵ Оренбургский край. 1918. 14 июля.

¹⁴⁶ Рабочий день. 1918. 27 окт.

¹⁴⁷ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 74 — 75, 95.

¹⁴⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

образом, не дают руководящего материала районным организациям вовремя»¹⁴⁹. Что же касается обычного читателя, измученного повседневными заботами о хлебе насущном, чтение газет становилось для него непозволительной роскошью. Месячная подписка на «Вятскую правду» в мае 1922 г. обходилась, например, в 0,5 млн. р.¹⁵⁰ На эту сумму на рынке можно было приобрести 800 г ржаной муки или 1,5 кг овсяной — огромное богатство в условиях жестокого голода.

Нехватка бумаги¹⁵¹ в сочетании с утратой самостоятельности общественными организациями породила беспрецедентное в истории российской журналистики явление: их издания оказались помещенными на полосы губернских советских газет, превратившись в так называемое «странички». Так, в челябинской «Советской правде» в 1920 г. приютились «Страничка женщины-работницы», «Страничка красной молодежи», «Страничка красноармейца», «Челябинский гудок», «Страничка железнодорожника». Это явление правомерно рассматривать как символ «приручения» большевистской властью деградировавшей российской общественности.

Уровень устойчивости газетного ландшафта определяется долговечностью существования газет, и, следовательно, среднее количество газетных номеров одного периодического издания за год допустимо использовать как достаточно надежный показатель стабильности печати. С учетом этого параметра можно констатировать глубокий кризис прессы в рассматриваемый период (табл. 10). Стабильность печати, нарушенная в годы первой русской революции, была установлена и укреплена накануне революции 1917 г. Новая революция повергла периодику в хаос, от которого она не смогла оправиться и через пять лет. Кризис средств массовой информации становился дополнительным фактором дезориентации населения и непреходящего ощущения ненадежности жизни.

Развитие печати в 1917 — 1922 гг. отмечено не только сменой поступательного роста сокращением количества периодических изданий и увидевших свет газетных номеров. На всем протяжении этого периода наблюдается устойчивая тенденция к снижению удельного веса независимой печати, противоположная процессу развития периодики в поздней Российской империи (табл. 11).

Процесс развала общественной прессы имел необратимый характер. Незначительное увеличение ее доли в 1921 — 1922 гг. не должно вводить в заблуждение: оно происходило за счет появления изданий профсоюзных организаций, которые попадали под все больший контроль государства и, следовательно, весьма условно могут считаться носителями независимой информации.

Не трудно заметить явные различия в «выдавливании» свободной прессы государством в отдельных губерниях Урала. Наиболее стремительно оно проходило в зонах большевистского контроля, прежде всего — в Вятской губернии, в которой большевики закрепились к концу 1917 г. Более плавно оно протекало в Пермской губернии, в значительной части которой большевики утратили власть летом 1918 г., изгнанные в конце того же года и из губернского центра. В Оренбургской и Уфимской губерниях независимая печать оставалась полнокровной на протяжении 1917 — 1918 гг. и была подвергнута разгрому во второй половине 1919 г., после «освобождения» Урала от «белых». То было «освобождение», за которым брезжило умирание — отчасти насильственное, отчасти естественное — общественности, трудно рождавшейся в предреволюционной России.

¹⁴⁹ Там же. Д. 222. Л. 38.

¹⁵⁰ Деревенский коммунист. 1922. 20 апр., 12 мая.

¹⁵¹ Бумага становилась дороже помещенной на ней информации. Осенью 1919 г. на одной из станций Вятской губернии газеты шли нарасхват: их тут же рвали на цигарки (Деревенский коммунист. 1919. 24 окт.).

1.2. Экономический хаос

«Вся страна представляет собой разлагающийся[ся] организм, в котором прекратился правильный обмен веществ».

Э.О. Бруцкус

Ограничиться в отношении трагического периода 1917 – 1922 гг. банальным тезисом о приоритете политики над экономикой – значит ничего не сказать. Годы революции и гражданской войны в России продемонстрировали не только типичную для до- и раннеиндустриальных обществ несамостоятельность экономической сферы, но и слабость и неустойчивость результатов хозяйственных реформ и форсированной индустриализации эпохи С.Ю.Витте: во время катастрофических потрясений русской революции политика не просто определяла экономику – она опрокинула ее, раздавила, ввергла в хаос.

Но если от прямого участия в политической борьбе «маленький человек» мог уклониться, то хозяйственная катастрофа входила в каждый дом, болезненно ломая привычный образ жизни, определяя содержание повседневных забот. Тем самым проблемы социально-экономической динамики приобретают особое место в данном исследовании и их – в значительной степени искусственное – выделение из общего контекста повседневности представляется оправданным.

Накануне революции: острый кризис или «уютный» тупик? Урал занимал видное место в российской экономике; само становление и развитие уральской промышленности в XVIII – XIX вв. позволительно рассматривать как концентрированное выражение особенностей и сложностей хозяйственной трансформации России¹. В поздней Российской империи Уральский регион входил в число шести основных промышленных районов страны, которые, занимая всего 43% ее территории, выпускали 2/3 индустриальной продукции. Расположенное преимущественно на Среднем Урале горнозаводское хозяйство², созданное и пережившее расцвет в период бурной колонизации региона в XVIII в., в немалой степени поспособствовало возвышению страны и вхождению ее в состав великих европейских держав. Однако в XIX в. былая слава Урала закатилась. После ликвидации крепостного права уральская промышленность вошла в период затяжного структурного кризиса, усугубленного появлением молодого и динамичного конкурента в лице промышленного Юга, который в 1867 г. выплавлял 0,3% всего российского чугуна, а в 1913 г. – 67%. За это время удельный вес Урала в чугунолитейном производстве страны сократился с 65%

¹ По истории уральской промышленности подробно см.: Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 гг. М.; Л., 1965; Струмилин С.Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967; Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII – начале XX вв. Свердловск, 1982; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1983; Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1985; Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861 – 1917). Свердловск, 1991; Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII – XIX веках. Пермь, 1991; Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996; и др.

² См. Прил. 7.

до 20%. В 1890 г. Юг производил в два раз больше стали, чем его дряхлеющий предшественник, а в 1910 г. — в три раза³.

В годы Первой мировой войны значение удаленного от арены боевых действий Урала в российской экономике возросло. На протяжении 1913 — 1917 гг. несколько увеличился удельный вес уральского производства чугуна (с 19,7% до 24,3%), стали (с 21,3% до 26,9%), проката (с 16,5% до 20% в 1916 г.). Однако добиться реванша Уралу не удалось. Выделка проката в регионе за эти годы сократилась на 4%, железной руды и чугуна — на 21 — 22%. Производство уральской меди за три года упало более чем вдвое, а в 1917 г. вообще остановилось⁴.

Состояние промышленности Урала в последние годы существования Российской империи на протяжении десятилетий составляло предмет дискуссий историков. Широкий спектр мнений специалистов в качестве крайних точек зрения включал и признание, и отрицание капиталистической природы уральского горнозаводского хозяйства. Ряд исследователей настаивал на утрате промышленностью Урала крепостнических черт после крестьянской реформы 1861 г. или к 1900 г., или, самое позднее, к Первой мировой войне⁵. Крайне радикально против тезиса об уральской отсталости выступил Ф.П.Быстрых, ссылаясь на количественные показатели промышленного развития Урала: на увеличение за 1900 — 1917 гг. мощности механических двигателей железоделательных заводов на 77%, а на ряде из них — Надеждинском, Лысьвенском, Чусовском, Алапаевском — в 8,8 раза; на увеличение в эти же годы производства чугуна на 11%, стали — в два раза, стального и железного полупроката — в три раза при сокращении количества рабочих на треть⁶. Последовательным оппонентом Ф.П.Быстрых выступил Ф.С.Горовой. Не отрицая роста некоторых уральских производств, в том числе во время мировой войны, он подчеркивал кризисный характер развития региона. Его позиция вполне укладывалась в нормативное представление советской историографии о неизбежности революции 1917 г. и вошла в учебную историческую литературу⁷.

Значительно чаще в исследованиях уральских историков встречается промежуточная, усредненная позиция, подчеркивающая сложное развитие уральского хозяйства и наличие в его динамике, особенно в годы войны, как положительных, так и отрицательных черт. С одной стороны, подчеркиваются тешащие региональный патриотизм рост производства железа, стали, меди, производительности доменных печей, строительство новых предприятий, техническая перестройка, закупка станков в России и за границей, концентрация капитала и акционирование промышленности, положительное влияние эвакуации из Прибалтики оборудования машиностроительных заводов. С другой, — отмечаются кризис транспорта, недостаток рабочих рук, топлива и сырья, сокращение производства чугуна, кризисное состояние сельского хозяйства, что в совокупности ускорило приближение революции. Все это, казалось бы, оправдывало эквилибристику двойственных заключений фаталистического свойства:

³ См.: Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 389.

⁴ См.: Лисовский Н.К. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. С. 62. О статистике производительности горнозаводских предприятий Урала в 1913 — 1917 гг. также см.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 107 — 108.

⁵ Подробнее см.: Адамов В.В. О предпосылках второй буржуазно-демократической революции (по материалам Урала) / Свержение самодержавия: Сб. статей. М., 1970. С. 90 — 91.

⁶ См.: Быстрых Ф.П. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале / Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968. С. 11.

⁷ См.: История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 459.

«Развитие горнозаводской промышленности представляло в годы первой мировой войны качественно новую ступень по сравнению с предыдущим периодом. Вместе с тем, неравномерное развитие многоотраслевых хозяйств, кризисное состояние уральской экономики, отрицательное влияние войны вели к дальнейшим диспропорциям, основой которых являлись крепостнические пережиточные явления, реакционная политика крупной буржуазии. Их полное устранение возможно было только революционным путем»⁸.

Наиболее последовательно и убедительно половинчатость подобной позиции была вскрыта екатеринбургским историком В.В.Адамовым⁹. Стержнем его построений, придавшим им стройность и ясность, стало разработанное еще дореволюционными экономистами и использованное В.И.Лениным представление об «оригинальном строе» уральского горнозаводского хозяйства, организованного в округа по вотчинной модели — на основе неотъемлемости от завода лесных и земельных угодий, обязательственных поземельных отношений между заводчиком и рабочими, следствием чего стали полукрестьянский характер юридически или фактически прикрепленной к земле рабочей силы и техническая архаика. Модернизация промышленности Урала в начале XX в. имела, по его мнению, косметический характер из-за мизерности новых капиталовложений в период создания акционерных компаний¹⁰ и сохранения полнокровного «вотчинного» хозяйства, не имевшего ничего общего с классическим капитализмом:

«...главной особенностью финансовой «реорганизации» уральских предприятий было то, что она прошла без ломки устарелого, или «оригинального» строя. При таком способе реорганизации акционерным компаниям от бывших владельцев переходили не только заводы и рудники, но, что самое главное, горнозаводские земли и феодальные привилегии уральских магнатов»¹¹.

Недостаточность капиталовложений и нежелание менять организацию топливно-рудного хозяйства и рабочей силы толкали предпринимателей на экстенсивный путь поднятия выпуска продукции за счет усиленной эксплуатации топливных и сырьевых ресурсов. Это, в свою очередь, замыкало порочный круг: труднодоступность и ограниченность лесов создавали естественные границы развитию производства, основанного на древесном топливе. Его острая нехватка обнаружилась еще до начала Первой мировой войны, вследствие чего «обновленные» в ходе «модернизации» округа не смогли выйти на запроектированные мощности. Алапаевский округ выдавал 2 млн. пудов чугуна вместо 5 млн., Богословский — 10 млн. вместо 15 млн. Разочарованные «рационализаторы» столкнулись, таким образом, с ощутимой тенденцией сокращения прибылей, что не вдохновляло на дополнительные затраты по обновлению горнозаводского хозяйства. Относительно крупное военное строительство ограничилось пределами шести округов (Алапаевского, Богословского, Лысьвенского, Невьянского, Нижнетагильского и Ревдинского), в то время как в остальных шел обратный процесс сокращения традиционных производств — выделки кровли (почти в два раза на протяжении 1913 — 1916 гг.), рельс (почти в три раза), сортового железа (на 14%). Вме-

⁸ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 358.

⁹ См.: Адамов В.В. Указ. соч. С. 89 — 99.

¹⁰ Все капитальные вложения в уральские горные заводы в 1911 — 1913 гг. составили, по данным В.В.Адамова, всего 15 млн. р., а не 107,8 млн. р., как считал М.П.Вяткин, который по ошибке принял размеры вновь образованного акционерного капитала за «свежие» вливания в производство (См.: Адамов В.В. Указ. соч. С. 94).

¹¹ Адамов В.В. Указ. соч. С. 94.

сто них, благодаря незначительным изменениям технологии, росло производство специальных сортов железа и стали (в 13 раз за 1913 – 1916 гг.)¹².

Ограниченные масштабы военной перестройки уральской промышленности вызвали диспропорции не только в темпах развития отдельных округов, но и между отдельными отраслями в рамках каждого окружного хозяйства: более быстрое, по сравнению с топливным и сырьевым хозяйством, развитие заводов, наблюдаемое и ранее, во время войны приобрело новое качество:

«В условиях войны этот разрыв приобрел угрожающие размеры, потому что резко сужалась основа основ не только топливного хозяйства, но всей горнозаводской промышленности – полукрепостническая система организации труда. <...> Если на заводские работы еще и можно было привлечь некоторое количество рабочей силы со стороны, то замена "своих" лесных рабочих с их лошадьми, инвентарем и навыками работы в лесу и на перевозках превращалась для уральской промышленности в неразрешимую проблему.

Топливный "голод" и транспортный кризис, вызвавшие катастрофический упадок выплавки металла на Урале, срыв военного строительства имели, таким образом, не капиталистическое, а крепостническое происхождение»¹³.

Данное описание высвечивает неразрывную связь трех проблем уральской горной промышленности, определивших ее специфику, затяжной характер кризиса и бесперспективность развития: ограниченности топливно-сырьевой базы, примитивной транспортной системы и нехватки рабочих рук. Накануне мировой войны Урал располагал слабой железнодорожной сетью – 2,2 км железнодорожных путей на 100 км² – в восемь раз меньше, чем Центральный промышленный район и почти в 11 раз меньше, чем Южный и Юго-Западный районы. И хотя в 1914 – 1917 гг. в Пермской и Вятской губерниях было проложено 2783 км железных дорог, это не разрешило транспортной проблемы. Во-первых, среди вновь построенных путей было крайне мало подъездных дорог к заводским лесным дачам и шахтам; во-вторых, железнодорожный парк не был укомплектован. Так, в 1916 г. Пермская железная дорога вместо необходимых для нормального функционирования 12,5 тыс. вагонов имела всего 5,5 тыс.

Под ударами войны устаревшая организация производства оказалась разбалансированной и стала рассыпаться, подобно карточному домику. В 1914 г. из уральских горных округов было призвано на фронт 43,7% вспомогательных рабочих, занятых на лесозаготовительных и транспортных работах. В результате зимой 1916 – 1917 гг. из-за недостатка возчиков и квалифицированных лесных рабочих было заготовлено всего 28,6% необходимого топлива. Заводы Пермской губернии нуждались в 125 тыс. лошадей, которых к ноябрю 1916 г. имелось лишь около 30 тыс. С помощью дополнительных принудительных мер их дефицит к 1 февраля 1917 г. удалось восполнить лишь на 60 – 70%. Еще в 1915 – 1916 гг. из-за нехватки топлива и сырья были остановлены 22 доменные печи, 11 печей работали с неполной нагрузкой. В январе 1917 г. из 112 домнных печей стояли уже 55, с недогрузкой работали 20¹⁴.

Тупиковый характер развития индустрии Урала подтверждается, по меткому наблюдению В.В.Адамова, тем обстоятельством, что сама топография сталинской индустриализации в регионе принципиально отличалась от южнороссийской: если на промышленном Юге она опиралась на дореволюционные центры и фактически явля-

¹² См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 1. С. 107.

¹³ Адамов В.В. Указ. соч. С. 98.

¹⁴ См.: Мусихин В.Е. Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914 – 1917 гг. / История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 18 – 20 октября 1994 года. Киров, 1994. С. 221 – 223.

лась органичным продолжением виттевской хозяйственной модернизации, то на Урале она проходила в 30-е гг. практически на голом месте, с нуля, преимущественно за пределами горнозаводских округов¹⁵.

Архаичность и бесперспективность созданного в XVIII в. уральского горнозаводского хозяйства не означали, с другой стороны, его безжизненности. Система округов была возрождена в 20-е гг., и советской власти не оставалось ничего иного, как опираться на нее в качестве единственной надежной и устойчивой организационной структуры до начала сталинской «революции сверху»¹⁶.

Таким образом, уральская промышленность, представленная к началу 1917 г. 424 предприятиями с 330 тыс. рабочих¹⁷, испытывала ощутимые трудности еще до начала 1917 г. и тем более не была готова к тектоническим толчкам времен революции и гражданской войны.

С аналогичными, хотя и менее острыми сложностями столкнулось во время Первой мировой войны сельское хозяйство региона. В последние десятилетия существования империи обильные урожаи чередовались с регулярными недородами (1901, 1906, 1911 гг.). В результате объем собираемых хлебов в отдельные годы мог колебаться в полтора – два раза и более. Степень зависимости уральского сельского хозяйства от капризов природы и государственной помощи оставалась высокой¹⁸. Кризисные тенденции накануне революции имели менее выраженный характер, чем в центральных и западных губерниях, поскольку Урал не знал развитого помещичьего землевладения и на одно крестьянское хозяйство в 1905 г. в среднем приходилось более 20 десятин земли – почти в два раза больше, чем в Европейской России. На казачьих же территориях Южного Урала, где средний надел составлял 67,4 десятины, население практически не знало земельного голода. Удельный вес беспосевных хозяйств даже в 1916 г., в условиях вызванной военными мобилизациями нехватки рабочей силы, составлял в земледельческих зонах Урала всего 13 – 17%, доля безлошадных дворов – 15%¹⁹. Тем не менее, специалисты отмечают слабовыраженные неблагоприятные тенденции в развитии сельского хозяйства Урала:

«В годы первой мировой войны в связи с начавшейся хозяйственной разрухой в крае, как и во всей стране, происходило общее сокращение посевных площадей и поголовья скота. Однако губернии Урала продолжали выгодно отличаться от губерний Центральной России и по среднему размеру посева, и по количеству скота, приходившегося в среднем на одно крестьянское хозяйство»²⁰.

Так, в Уфимской губернии (без Мензелинского уезда) площадь посева в крестьянских хозяйствах в 1916 г. составляла 83% от уровня 1911 г., количество хозяйств без посева возросло с 11% до 13% всех хозяйств, число дворов без рабочей силы увеличи-

¹⁵ Адамов В.В. Указ. соч. С. 94.

¹⁶ Подробнее см.: Голубцов В.С. Черная металлургия в первые годы Советской власти (1917 – 1923 гг.). М., 1975. С. 203 – 205; Гараев Г.Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917 – 1925 гг.). Томск, 1984. С. 102.

¹⁷ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 1. С. 106.

¹⁸ См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы в 4-х томах. 1900 – 1984. Екатеринбург, 2000. Т. 1: 1900 – 1928. С. 51 – 103, 111 – 132, 142 – 152, 160 – 165, 186 – 198, 211 – 226, 228 – 233.

¹⁹ См.: Ниренбург Я.Л. К вопросу о соотношении классовых групп в Уральской деревне накануне Октябрьской революции / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции) Свердловск, 1963. С. 146 – 153.

²⁰ Там же. С. 152.

лось более чем в два раза (с 11,5% до 22% всех дворов)²¹. Тем не менее, нет оснований говорить о том, что сельское хозяйство и промышленность Урала неотвратимо дрейфовали в сторону катастрофы.

Уральская промышленность в революции и гражданской войне. 1917 г. обрушился на российскую экономику неожиданным ударом и отразился на ее состоянии самым чувствительным образом. В 1913 – 1920 гг. промышленное производство сократилось в пять раз, выплавка чугуна – в 33 раза, добыча нефти – вдвое. Сумма ущерба, причиненного катастрофическими событиями 1914 – 1921 гг., составила, согласно предварительным оценкам, 39 млрд. золотых рублей, или четверть всего довоенного достояния страны²².

В течение 1917 – 1919 гг. наблюдалось головокружительно резкое падение производства: изготовление чугуна понизилось в 17 раз, стали – в 15,5, проката – в 14²³. В 1920 г. российская промышленность производила в среднем 10 – 20% от объема продукции 1913 г. За 1917 – 1919 гг. производительность труда в России сократилась в четыре раза²⁴.

Распад российской промышленности вновь поставил Урал в положение индустриальной базы страны. В 1920 г. в регионе изготавливалось 69% производимого в РСФСР чугуна, 73% мартеновского металла, 70% проката, в 1921/22 хозяйственном году соответственно – 42%, 33%, 35% всероссийского производства²⁵. Между тем, промышленное хозяйство Урала за годы революции и гражданской войны было беспрецедентно разрушено и к началу 20-х гг. агонизировало. Валовая продукция уральской промышленности в 1921 – 1922 гг. составляла всего 15% от объема 1913 г. Наиболее стремительно падало производство железа и стали, сократившись с 1913 по 1919 г. более чем в 10 раз, в том числе в 1919 г. – в два раза по сравнению с предыдущим годом. Резкий спад наблюдался и в выплавке чугуна – основе уральского горнозаводского производства: в 1919 г. на Урале выплавлялось 14% довоенного чугуна, в 1920 – 1921 гг. – всего 8% от уровня 1913 г. В 8 – 20 раз понизились производство мартеновского металла, проката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди. Грузооборот Пермской железной дороги упал более чем в три раза – с 289 млн. пудов в 1913 г. до 92 млн. пудов в 1921 г.²⁶

Не нужно быть внимательным наблюдателем, чтобы убедиться в неразрывной связи основных вех хозяйственной дезорганизации с политическими событиями в стране и регионе. Назначенный в марте 1917 г. по просьбе Совета съездов горнопромышленников Урала правительственный комиссар Временного комитета Уральского гор-

²¹ См.: Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 123.

²² Подробнее об экономическом состоянии России в годы революции и гражданской войны см.: Крицман Л. Героический период Великой Русской Революции. М., 1924; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. М., 1986; Он же: Гражданская война: взгляд сквозь годы / Гражданская война: перекресток мнений. М., 1994. С. 277 – 290; Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция 1917 – 1923. М., 1990; и др.

²³ См.: Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 393.

²⁴ См.: Крицман Л. Указ. соч. С. 162, 190.

²⁵ См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 134, 220. По другим данным, в первой половине 1921 г. на Урале вырабатывалось 80% российского чугуна и мартена, 61% проката. (ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 484. Л. 2 об.).

²⁶ См.: Радько Ф. От разрухи к индустриализации Урала / Разгром колчаковщины на Урале: Сборник. Свердловск, 1939.

нозаводского округа и созданное Екатеринбургское бюро Совещания горнопромышленников Урала не могли противостоять начавшейся в 1917 г. хозяйственной анархии. Опьяненные нежданной свободой, уральские рабочие в первые же месяцы после Февральской революции обратились к привычной и на этот раз безнаказанной практике самочинного захвата заводских земель и порубки лесов, отменяя всякие стеснительные юридические нормы по пользованию землей и лесом, по занятию различными промыслами. За март — июнь 1917 г. вновь возникшими органами рабочего контроля были изгнаны с 42 заводов, отчасти с последующей отправкой на фронт, 145 лиц административного персонала, в том числе 17 управляющих, 26 заведующих цехами, 11 лесничих, 33 мастера²⁷. До определенного момента подобная «кадровая политика» рабочего контроля не могла иметь пагубных последствий по причине ограниченности ее масштабов — каждый из горных округов потерял первоначально от одного до пяти администраторов и служащих. Однако в перспективе в ней просматривается тенденция к депрофессионализации управления промышленностью, которая в дальнейшем приняла катастрофические размеры²⁸.

Желая найти компромиссное решение и, по возможности, направить рабочие выступления за улучшение материальных условий в цивилизованное русло, совещание рабочих и предпринимателей в Екатеринбурге 28 марта 1917 г. под давлением Совета приняло решение воздержаться от неорганизованных действий, узаконить введенный явочным порядком 8-часовой рабочий день без понижения оплаты труда, добиться повышения зарплат, приостановить порубку леса заводоуправлениями на всех спорных участках²⁹.

Однако ни обуздать стихию рабочих акций, ни приостановить разрушение экономики на протяжении 1917 г. не удалось. Второй Уральский областной съезд Советов в августе 1917 г. принял резолюцию о хозяйственной разрухе на Урале, в которой положение уральского хозяйства было описано, не без доли драматизации, в самых мрачных тонах:

«Полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства; крайнее расстройство и распад транспортной сети; близкое к окончательному краху состояние государственных финансов; задолженность, размеры которой готовы сравняться с общей суммой национального богатства страны...; доходящий до голода продовольственный кризис; абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще; увеличивающаяся безработица и абсолютное обнищание масс...»³⁰.

Двумя месяцами позже, в начале октября 1917 г., председатель Временного комитета Уральского горнозаводского района В.Е.Европеус, знавший о положении местной металлургии не понаслышке, предлагал пойти на крайнюю и опасную в условиях революции меру предотвращения полного краха промышленности:

²⁷ См.: Быстрых Ф.П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале / Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1948. Вып. 5. С. 5.

²⁸ Радикализации настроений рабочих Урала содействовали понижение уровня жизни и изменение их численности и состава. Если среднемесячный заработок рабочего горных заводов с 1914 по 1916 г. повысился с 24,5 р. до 27 р., то цены на продукты за это время выросли в три — четыре раза. Количество горнозаводских и фабрично-заводских рабочих с 1914 по 1917 г. выросло с 260 до 360 тыс., при этом их состав стал более разнородным, благодаря усиленному привлечению труда военнопленных (19,2%), подростков (9%), женщин (8,2%), завербованных китайцев (3,4%). Подробнее см.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 258; Попов Н.Н., Бугров Д.В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 21.

²⁹ См.: История Урала в период капитализма. С. 275.

³⁰ Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917 — 1918 гг.): Сб. документов и материалов. Челябинск, 1957. С. 166.

«...плохое обеспечение неминуемо повлечет за собой закрытие заводов и поэтому необходимо, чтобы Совет съездов поставил об этом в известность Временное правительство для того, чтобы заводским предприятиям было предоставлено право беспрепятственно увольнять всех рабочих»³¹.

Октябрьская революция, успех которой в значительной степени был связан с надеждами населения на возможность радикального улучшения материальных условий существования, не принесла желаемого облегчения. Сопровождавшие ее хозяйственные эксперименты большевиков, в сочетании с неуправляемыми и с экономической точки зрения наивными действиями самих рабочих, лишь усугубили кризисную ситуацию в промышленности.

Прямой реакцией на приход большевиков к власти было решение правлений уральских акционерных обществ в Петрограде приостановить перевод денег заводам, на которых был организован рабочий контроль, вслед за чем неизбежно произошли закрытие ряда предприятий и рост безработицы. В результате добыча железной руды и меди в 1917 г. понизилась соответственно на 33% и 38%, доменное производство упало на 60%, многие доменные печи остановились. Реакция местных Советов и рабочих, озабоченных перспективой дальнейшего существования, последовала незамедлительно: в декабре 1917 г. было национализировано имущество акционерных компаний Богословского, Кыштымского, Симского, Сергинско-Уфалейского, Невьянского горнозаводских округов. До лета 1918 г. национализации подверглись предприятия 25 из 34 округов, вследствие чего было огосударствлено 85% уральской металлургической промышленности. Национализация на Урале проходила поспешно, быстрее, чем в стране в целом. Большевистское государство молниеносно и отчасти против собственной воли «проглотило» уральское горнозаводское хозяйство, однако из-за отсутствия достаточных средств и квалифицированных управленческих кадров было не в состоянии его «переварить» и предотвратить дальнейшее закрытие заводов и фабрик. Даже спустя два года государство не располагало точными сведениями о количестве национализированных предприятий и их стоимости. Составленный статистическим отделом ВСНХ «Список национализированных предприятий РСФСР на 1919 год» не содержит полного перечня огосударствленных уральских заводов³².

Расстройство денежного обращения усугубило неуправляемость огромного национализированного хозяйства и бедственное положение рабочих. До января 1918 г. государственная задолженность уральским рабочим по зарплате составляла, по неполным данным, 1378 тыс. р., в январе — 5228 тыс., в феврале — 13789 тыс., в марте — 14397 тыс., достигнув в конце апреля отметки в 35 млн. р.³³

Не следует высокомерно записывать все мероприятия новой власти, связанные с национализацией и реорганизацией управления промышленностью Урала, в разряд экономических курьезов, но, вместе с тем, было бы большим преувеличением вслед за советской историографией оценивать их как вершину хозяйственной целесообразности и делать скоропалительные выводы о том, что «были уничтожены социально-экономические причины, порождавшие “прикрепленность” рабочих к заводу и низкий уровень их заработной платы, являвшиеся серьезным тормозом на пути технического прогресса»³⁴. В управлении промышленностью, как и в политике, наблюдалось пересечение полномочий

³¹ Цит. по: Чемезова Т.А. Нарастание революционного кризиса на Урале в 1917 г. / Борьба классов и партий на Урале в период империализма. Пермь. 1985. С. 101.

³² См.: Гараев Г.Г. Борьба за обогащение промышленности на Урале в первые годы Советской власти // История СССР. 1984. № 2. С. 127.

³³ Известия (Пермь). 1918. 25 апр.

³⁴ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 221.

различных инстанций и административный хаос³⁵. Наряду с подчиненным ВСНХ коллегияльным Заводским совещанием Уральского района, повсеместно вводились сменившие управляющих округами и отдельными предприятиями комиссары производств, действовавшие на основе принципа единоначалия. В их полномочия входили обеспечение бесперебойной заготовки сырья и топлива, закупка материалов, строительство новых цехов, фабрик и заводов, открытие счетов в банках и получение ссуд. Кроме того, существовали Областное правление национализированными предприятиями Урала, Деловые совещания, окружные Деловые советы с компетенциями по управлению сохранившими прежние границы и архаичное содержание горнозаводскими округами. На крупных предприятиях работали «красные семерки» (пять рабочих, двое служащих), на мелких (менее 3 тыс. работников) — «тройки» из двух рабочих и служащего, инженера или техника. Уральскому областному совнархозу никак не удавалось разграничить полномочия со строптивым Екатеринбургским губсовнархозом, что вносило дополнительную путаницу в хозяйственные мероприятия³⁶. Подобное многовластие, как и в политической сфере, оборачивалось безвластием и хозяйственной дезинтеграцией.

Попытки урегулировать проблему оплаты труда в условиях галопирующей инфляции также не приносили ожидаемого эффекта. Первый съезд металлистов Урала в феврале 1918 года, вводя общеуральский тарифный договор, ориентировался на сложившуюся в горнозаводском хозяйстве патриархальную связь рабочего с землей: тарифы были на четверть ниже петроградских, так как местный рабочий имел дом, хозяйственные постройки, приусадебный участок и посевные площади. Исходя из мизерного прожиточного минимума в 240 р. в месяц на семью из двух человек, часовая оплата труда рабочего колебалась, в зависимости от профессиональной группы и квалификации категории, от 1 до 2 р., зарплата ученика составляла 30 — 80 к. в час³⁷. Несмотря на введение штрафных санкций в случае «явного нерадения» работника, производственная дисциплина и производительность труда неуклонно падали. Так, производство чугуна понизилось с января по май 1918 г. более чем на треть, производительность труда рудничного рабочего в первой половине 1918 г. была почти в два раза ниже, чем в первой половине 1916 г.³⁸

Неизбежным спутником сокращения производства и разрушения промышленности было развитие безработицы. С 16 января 1918 г., когда была открыта биржа труда в Уфе, до 15 марта было зарегистрировано 5153 безработных, из которых нашли работу 1948 человек. На 25 марта на бирже числился 1551 нуждавшийся в трудоустройстве при наличии 180 мест. Самые крупные группы безработных представляли чернорабочие (36%), торгово-промышленные и канцелярские служащие (26%) и рабочие металлопроизводящих и -обрабатывающих производств (16%)³⁹. В июне 1918 г. в Уфе было уже 2300 зарегистрированных безработных, а на Урале в целом, по сведениям Областной биржи труда, — 25 тыс. человек. Среди них 40% были чернорабочими, 30% — торговыми и конторскими служащими, 15% — квалифицированными рабочими⁴⁰.

³⁵ Подробно о реорганизации системы управления уральской промышленностью в конце 1917 — начале 1918 гг. см.: Абрамовский А. П. Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Учебн. пособие к спецкурсу. Челябинск, 1981. С. 10 — 35.

³⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

³⁷ См.: Абрамовский А. П. Указ. соч. С. 34 — 35. Впоследствии, летом — осенью 1918 г., ставки повышались в большей степени для неквалифицированных рабочих.

³⁸ См.: Таняев А. П. Колчаковщина на Урале. Свердловск — М., 1930. С. 64 — 65; Гражданская война на Южном Урале. 1918 — 1919. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 187.

³⁹ Известия (Уфа). 1918. 29 марта.

⁴⁰ Известия (Пермь). 1918. 7, 21 июня.

Крах большевистских попыток остановить развал промышленности на фоне продовольственных трудностей и невыплаты обесцененной зарплаты усиливали недовольство рабочих, разразившееся летом — осенью 1918 г. открытыми выступлениями в Кузинском, Кушвинском, Невьянском, Рудянском, Саткинском, Шайтанском, Юговском заводах и свержением в августе 1918 г. советской власти в Ижевске и Воткинске.

Гражданская война создала дополнительное напряжение для ослабленной уральской промышленности в виде разрыва экономических связей между территориями, дальнейшего разрушения транспорта, финансового кризиса. На эти проблемы тяжким грузом накладывались, с одной стороны, хронические болезни промышленности Урала, с другой — труднопреодолимые последствия многомесячного большевистского господства⁴¹.

Декларация Временного областного правительства Урала от 25 августа 1918 г. с патетическим подъемом перечисляла хозяйственные трудности, которые предстояло решить новой власти:

«Великие трудности стоят на пути возрождения России и в частности Урала, где вся жизнь нарушена: заводы находятся в полном расстройстве; запасов сырья и топлива мало; продовольствия недостаточно; денежные знаки наравне с золотом и другими ценностями в казначействе и банках на многие сотни миллионов разграблены большевиками»⁴².

Объем производства чугуна, стали, меди, добычи угля за 1918 г. упал, по сравнению с неблагоприятным 1917 г., в два — три раза. Самой актуальной из проблем, с которыми столкнулись новые власти после ликвидации Советов, был, пожалуй, вопрос о большевистском наследии в социально-экономической сфере. «Достижения» большевистской власти, в большей степени декларированные, чем реализованные, нельзя было, тем не менее, отменить одним махом. Это и не предполагалось «демократической контрреволюцией» региональных правительств. Решая наиболее болезненную проблему собственности, Комуч, в сфере влияния которого находился юго-запад Урала, сопровождал денационализацию промышленности сохранением части прав профсоюзов, полученных при советской власти, и законодательным закреплением 8-часового рабочего дня. Областные правительства Урала и Сибири избрали более жесткую линию, аннулировав все декреты советской власти в области социального законодательства. Вместе с тем, вернуться к добольшевистской ситуации в отношении частной собственности на промышленные предприятия уже не представлялось возможным. Во-первых, бывшие владельцы, учитывая неблагоприятную экономическую конъюнктуру, не спешили заявить свои права. К апрелю 1919 г. лишь один из 25 национализированных горных округов был официально возвращен его хозяевам. Более успешно проходила реприватизация средних и мелких предприятий. Во-вторых, процессу возвращения крупных промышленных объектов в частные руки препятствовали установки левых либералов и умеренных социалистов — членов временных областных правительств Урала и Сибири, воспитанных на экономической теории К.Маркса и российской традиции государственного дирижирования экономикой. Оздоровление промышленности виделось им в первую очередь в устранении советского многоцентрия управления экономикой и создании эффективного хозяйственного аппарата. Основной тенденцией в реорганизации управленческих структур второй половины 1918 — первой половины 1919 г. и при

⁴¹ Подробно о состоянии промышленности и экономической политике на Урале в годы гражданской войны см.: Дмитриев Н.И. Промышленность Урала в период военной интервенции и гражданской войны (май 1918 — 1920 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1985; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918 — 1919). Дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1996; и др.

⁴² Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918 — 1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 248.

ВОПУ, и при колчаковской диктатуре было поступательное усиление принципа единоначалия и жесткости экономической политики. С этой целью уральские областники создали, наряду с традиционными хозяйственными ведомствами, специальные учреждения для управления горнозаводской промышленностью: Главноуправление горных дел и Уральский промышленный комитет. Последний постепенно превратился в главную централизованную инстанцию государственного регулирования производства. Управление отдельными заводами — не только государственными, но и частными — осуществляли персонально ответственные перед правительством уполномоченные.

Если ВОПУ преимущественно ориентировалось на административное вмешательство в экономику, то правительство А. В. Колчака пыталось в большей степени подключить механизмы рыночного регулирования, что, впрочем, не означало существенного смягчения государственного экономического курса. После установления военной диктатуры Уральский промышленный комитет был заменен институтом главноуполномоченного по уральской промышленности, что ознаменовало смену коллегияльности единоначалием. Во имя повышения компетентности руководства производством было создано Государственное экономическое совещание с участием представителей предпринимателей.

В основе программы оздоровления промышленности, разработанной вышеназванными горнозаводскими ведомствами областного правительства Урала, лежали, наряду с установлением единоначалия, задачи повышения производительности труда и прекращения финансирования нерентабельных производств. Рост эффективности виделся во введении сдельной оплаты труда и ряде мер по социальной защите рабочих. Министерства и ведомства временных областных правительств, ведавшие рабочим вопросом и представленные умеренными социалистами, разработали в 1918 г. пакет документов об охране труда, часть которых затем была использована в законотворческой деятельности режима А. В. Колчака. При нем вступили в силу законодательные акты о страховании рабочих, о биржах труда, правилах найма и увольнения и ряд других. Эффект социальной политики был, однако, невелик. В условиях дальнейшего упадка промышленности биржи труда фактически вынуждены были ограничиться регистрацией безработных без реальной помощи им; закон, гарантировавший увольняемому рабочему выходное пособие в размере двухмесячного жалования, сплошь и рядом нарушался; введение сдельной оплаты труда сопровождалось понижением тарифных ставок, а свобода профессиональных союзов сводилась к нет репрессиями в отношении их активистов.

Отказ от поддержки дефицитных предприятий при введении заниженных фиксированных расценок на промышленную продукцию и ураганном развитии инфляции реально означал закрытие предприятий и рост безработицы. Только за время существования ВОПУ и Уральского промышленного комитета было закрыто 125 предприятий. Всего за период с середины 1918 г. до середины 1919 г. численность рабочих на уральских заводах понизилась на 40%, а их количество на металлургических предприятиях в среднем сократилось с 1074 до 395 человек. В результате к середине сентября 1919 г. на металлургических заводах и рудниках трудилось около 90 тыс. рабочих — вдвое меньше, чем в 1916 г.⁴³

Несмотря на все усилия антисоветских режимов, общей тенденцией оставалось снижение объемов производства на Урале. За год изготовление чугуна сократилось более чем в четыре раза, мартеновского металла — почти в 2,5 раза. Правда, в отдельных отраслях и производствах падение объемов выработки и производительности труда бы-

⁴³ См.: Дмитриев Н. И. Дмитриева Т. В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919 — 1920 г. / Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: История, историография. Сб. научн. трудов. Свердловск. 1990. С. 76.

ло остановлено. Так произошло на южноуральских угольных копях, где производительность с января по май 1919 г. повысилась почти вдвое⁴⁴.

Динамика производственной деятельности в отдельных горнозаводских округах существенно различалась. Ряд из них находился в состоянии застоя, производя продукцию в стабильно низких объемах (Белорецкий, Сысертский округа). Для других был характерен относительный рост. В январе — мае 1919 г. производство в Златоустовском округе выросло с 11% до 41% от уровня 1914 г., в Ревдинском соответственно с 10% до 53%. Некоторые хозяйства лихорадило: в Кыштымском горном округе ежемесячные производственные показатели колебались между 143% и 8% продукции по отношению к среднемесячным показателям 1914 г., в Сергинско-Уфалейском — между 100% и 16%⁴⁵.

В целом же картина хозяйственной жизни Урала оставалась безрадостной. В июне 1919 г., незадолго до возвращения большевиков, управляющий Пермской губернии сообщал министру внутренних дел о ненормальных условиях существования уральских заводов из-за отсутствия топлива, сырья и расстройств транспорта⁴⁶. Действовал лишь каждый пятый завод, количество неисправных паровозов составляло 75%, производство железа и стали не превышало 9% от предвоенного уровня, чугуна — 14%. Наиболее ощутимым для населения было свертывание производства товаров массового потребления. По данным съезда представителей уральской промышленности в мае 1919 г., производство спичек по сравнению с довоенными объемами сократилось вдвое, а бумаги, масла и мыла — вчетверо⁴⁷. В результате гражданской войны на Урале было разрушено 70% предприятий, потери уральской промышленности, по неполным данным, оцениваются в 539 млн. золотых рублей⁴⁸.

Гражданская война на Урале, помимо разрушений технической базы промышленности, оставила после себя трудовые ресурсы в растерзанном состоянии. Вместе с оборудованием и технической документацией «белые» вывозили инженеров, техников, мастеров и значительную часть квалифицированных рабочих. К началу 1920 года для укомплектования немногих действовавших предприятий нужны были не менее 60 тыс. рабочих и 10 тыс. инженерно-технических служащих. На предприятиях ряда округов Среднего Урала не осталось ни одного инженера⁴⁹. Хозяйственная жизнь в регионе едва теплилась.

Социалистический эксперимент или восстановление «оригинального строя»? После возвращения большевиков на Урал промышленное производство в течении двух лет стремительно падало, достигнув нулевой отметки. «Очищая» территорию от антисоветского режима, новая власть безоговорочно — за «враждебное происхождение» — раз-

⁴⁴ См.: Никонova О.Ю. Указ. соч. С. 123, 128.

⁴⁵ Там же. С. 125.

⁴⁶ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 16. В марте 1919 г. главноуправляющий Верх-Исетского завода жаловался на двукратное сокращение, вследствие мобилизации лошадей, гужевых подвозок топлива. В этой ситуации оставалось надеяться на железнодорожную доставку дров. Завод ежедневно должен был потреблять около 60 сажень³ (20 вагонов), реально получая в феврале — марте едва ли по 9 вагонов в день: в феврале 1919 г. было доставлено 248 вагонов по железной дороге и 637 сажень³ гужем, за первую декаду марта — 94 вагона и 92 сажень³. В итоге, на 1 февраля в заводских запасах оставалось 555 сажень³, на 11 марта — всего 159 сажень³. (ГАСО, Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 5. Л. 75, 76).

⁴⁷ См.: Колчаковщина на Урале (1918 — 1919 гг.): Документы и материалы. Свердловск, 1929. С. 60.

⁴⁸ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 361.

⁴⁹ См.: Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В. Указ. соч. С. 76.

рушила систему управления промышленностью, которая была ориентирована на экономическую целесообразность и могла дать маломальский эффект. Вместо нее в спешном порядке нагромождались новые хозяйственные учреждения, лишь усиливая беспорядок в управлении. В начале июля 1919 г. — в период завершения боевых действий на Урале — ВСНХ создал полномочную Уральскую комиссию для восстановления промышленности и системы управления ею, а ВЦСПС учредил на Урале организационно-инструкторское бюро. Одновременно Реввоенсовет 3-й Армии без ведома ВСНХ основал Уральское организационное бюро по восстановлению промышленности, которое во избежание путаницы и мешающей делу конкуренции вскоре было распушено и реорганизовано в Пермский губернский СНХ. Уральской комиссией было создано Бюро отдела металла (БОМ) ВСНХ, в задачу которого входили формирование аппарата управления предприятиями и организация производства. По причине сохранения старых проблем формирование системы регулирования промышленной деятельностью шло в том же направлении, что и у прежних режимов — по пути реставрации «оригинального строя» и усиления принципа единоначалия. За лето 1919 г. на крупных предприятиях повсеместно возникли фабрично-заводские комитеты, переименованные позднее во временные управления. Сложилась первоначальная структура уральских металлургических округов, которые неизбежно воссоздавали старые границы горнозаводских хозяйств. В конце 1919 — начале 1920 г. с целью концентрации скудных средств и людских ресурсов сформировалось пять районных правлений, подчиненных БОМ ВСНХ. Весной 1920 г. началось свертывание промежуточных и чрезвычайных органов: БОМ и Урало-Сибирская комиссия были распушены, вместо последней была основана новая организация, получившая в сентябре 1920 г. наименование Промышленное бюро президиума ВСНХ на Урале (Уралпромбюро). Заводоуправления, работавшие первоначально на коллегиальной основе, были реорганизованы весной 1920 г. на бюрократических принципах персональной ответственности⁵⁰.

Предпринятые усилия организационного характера были не в состоянии преодолеть структурные пороки горнозаводской системы и остановить необратимое разрушение производства. В конце 1919 г. на Урале работало 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов, или треть действовавших в июле 1918 г. Через год в регионе функционировали лишь две домны и шесть станов, мартеновские печи были полностью остановлены⁵¹. Чтобы представить себе масштабы деградации российской промышленности, стоит упомянуть, что 5 млн. пудов чугуна, выплавленные на Урале в 1920 г., составляли 70% произведенного в стране. Систематическое снижение производства привело к тому, что Урал по объемам выплавки чугуна был отброшен к уровню 70-х гг. XVIII в. Немалую роль в этом процессе играл развал транспорта. Следствием этого была архаизация транспортных средств, среди которых гужевой вышел на одно из первых мест. Но крах уральского сельского хозяйства вызвал нехватку лошадей, продовольствия и фуража, вследствие чего традиционное использование конной тяги на заготовке и подвозе топлива было крайне ограничено. В результате, зимой 1919 — 1920 гг. была заготовлена приблизительно третья часть необходимого топлива, к февралю 1920 г. на заводы было доставлено лишь 3,4% заготовленных дров. В 1920 г., когда потребности промышленности и лесозаготовок в фураже были удовлетворены на треть, уральская металлургия получила всего половину нужного количества дров и древесного угля⁵².

⁵⁰ Подробнее см.: Гараев Г.Г. Организация и совершенствование... С. 100 — 135.

⁵¹ См.: История Урала. Т. 2. Пермь, 1965. С. 151, 163.

⁵² См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 81 — 82.

Другой проблемой являлось отсутствие необходимых материальных ресурсов для оживления промышленности. Из денежных средств, выделенных в первой половине 1920 г. на металлургию Урала, 75% ушло на выплату зарплаты, 11% — на заготовку материалов. О рентабельном производстве в таких условиях не могло быть и речи. Отсутствие достаточных материальных стимулов к труду вынуждало рабочих искать дополнительные средства к существованию, что вело к затуханию хозяйственной жизни на заводах во время сельскохозяйственного сезона. Так, в Вятской губернии численность рабочих Пестовского чугуноплавильного и чугунолитейного завода с января по август 1920 г. сократилась с 11 до 7 тыс., Климковского чугуноплавильного завода — с 7 до 3 тыс., Омутнинского завода — с 17 тыс. до 12,5 тыс.⁵³ При этом количество невыходов на работу резко возрастало во время полевых работ.

Основные причины катастрофического распада промышленности России и Урала следует видеть в невиданном оскудении материальных средств и в отсутствии у новых хозяев эффективных техник его преодоления. Грозные распоряжения большевистской власти были невыполнимы из-за их нереалистичности и нехватки ресурсов и действенных механизмов претворения в жизнь:

«Если принимать за чистую монету поток советских экономических декретов, который пролился между 1918 и 1921 годом, можно решить, что к концу этого периода вся экономическая жизнь страны находилась под контролем государства. В действительности советские декреты этого времени были часто не более чем выражением намерений. Никогда расхождение законов с жизнью не было так велико»⁵⁴.

Вместе с прочими категориями рыночного хозяйства и экономической целесообразности, на которые в большей или меньшей степени ориентировались антибольшевистские режимы, после ухода «белых» рухнул рынок труда. Не располагая иными инструментами привлечения рабочих рук, большевистская власть прибегла к методам принуждения. Институт трудовой повинности, заявленный еще в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая стала затем составной частью первой советской Конституции⁵⁵, на Урале и по стране в целом стал приобретать реальные очертания по мере укрепления власти большевиков на «освобожденных» от антисоветских режимов территориях. В конце августа 1919 г. Совет обороны принял решение о милитаризации труда рабочих и служащих угольных предприятий Урала, что означало приравнивание отказа от трудовой мобилизации к дезертирству, распространение военных штрафных санкций на гражданских лиц с целью обеспечения промышленности рабочей силой и укрепления трудовой дисциплины на угледобывающих предприятиях. В ноябре 1919 г. в связи с принявшим угрожающие размеры топливным кризисом на население был наложен ряд трудовых повинностей — натуральная, гужевая, дровяная, повинность по погрузке и выгрузке топлива. Декретом СНК от 29 января 1920 г. была объявлена всеобщая трудовая мобилизация и создана новая государственная инстанция для ее осуществления — Главный комитет всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд). В феврале на Урале был создан его аналог — Уралкомтруд, а в начале марта — пять губернских и несколько уездных комитетов трудовой повинности⁵⁶. В первой половине 1920 г. мобилизации осуществлялись по профессиям, однако такой метод вскоре был признан неэффективным, так как рабочие могли избежать принудительного привлечения к труду,

⁵³ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 2,3,8.

⁵⁴ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 355.

⁵⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968. С. 491 — 508.

⁵⁶ См.: Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В. Указ. соч. С. 79 — 80.

скрыв свою профессию. К лету 1920 г. наметилось иссякание и других источников пополнения рабочей силы. В мае завершилась реэвакуация квалифицированных рабочих и специалистов из Сибири, давшая всего 11 тыс. человек, включая членов семей. В марте – апреле 1920 г. закончилось откомандирование рабочих из армии. Поэтому во второй половине года власти перешли к сплошной мобилизации на основе отъезда обученных рабочих из деревень и учреждений по именным спискам предприятий и возрастам. Мобилизации на Урале подлежали лица в возрасте от 18 до 50 лет⁵⁷.

В начале 1920 г. на Урале родилось явление, которое стало своеобразным символом «военного коммунизма» в целом. Реввоенсовет 3-й Армии, принимавшей участие в решающих боевых действиях в борьбе за Урал, 10 января направил В.И. Ленину телеграмму с предложением переключить силы армии на восстановление народного хозяйства. Послание явно недооценивало реальное положение дел в экономике региона и, вследствие этого, преувеличивало возможный эффект такой переориентации:

«По счастливой случайности, армия находится в таком районе, откуда именно только и возможно начать восстановление хозяйства. Челябинская, Тобольская и Екатеринбургская губернии имеют громадные избытки продовольствия, имеют топливо, под боком Сибирь, изобилующая продовольствием... Урал имеет металлическую руду. <...> Несмотря на блестящие условия, положение здесь покамест безрадостное. Железные дороги еле-еле работают, заводы влчат жалкое существование, нет усиления, нет продовольствия, нет специалистов, нет рабочих»⁵⁸.

Через пять дней Совет рабоче-крестьянской обороны принял постановление о 1-й Революционной армии труда. 3-я Армия направлялась на заготовку дров, продовольствия и их подвоз к заводам и железнодорожным станциям, на организацию для этой цели гужевого транспорта, в том числе и путем реализации подводной повинности, а также на строительные работы⁵⁹. Был утвержден революционный Совет армии, в состав которого вошли представители пяти хозяйственных наркоматов.

Милитаризация труда широко распространилась по отраслям тяжелой промышленности Урала. В августе – ноябре 1920 г. ей подлежало 51 ведущее предприятие. В сентябре 1920 г. Совет труда и обороны (СТО) принял решение о милитаризации 103 горных предприятий Урала, которое действовало до февраля 1921 г., а затем было продлено, несмотря на переход к НЭПу, до июня 1921 г.⁶⁰

Эффект применения внеэкономических методов привлечения трудовых ресурсов был невелик. Хотя с осени 1919 по апрель 1920 г. по трудовой повинности удалось привлечь более 700 тыс. человек и 460 тыс. подвод, а в сентябре – ноябре 1920 г. всеобщая мобилизация влила в промышленность четырех губерний – Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Уфимской – 20,5 тыс. рабочих, остановить падение производства не удалось. Не могла стать решающей силой восстановления хозяйственной жизни и 1-я Трудовая армия. В январе – сентябре 1920 г. ее части заготовили лишь 15% необходимого топлива и 20% каменного угля⁶¹. Принудительный труд был неэффективным. «Военный коммунизм» в промышленности оказался хозяйственным тупиком.

⁵⁷ Подробнее см.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 90 – 92.

⁵⁸ Из истории гражданской войны. Т. 3. М., 1961. С. 16.

⁵⁹ Там же. С. 20. В апреле 1920 г. СНК принял новое положение о Ревсовете 1-й Трудовой армии, расширявшее его компетенцию до уровня главного координатора деятельности всех хозяйственных и военных учреждений области и руководителя восстановлением экономики (См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 88).

⁶⁰ См.: Дмитриев Н.И. Дмитриева Т.В. Указ. соч. С. 80.

⁶¹ См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 88.

Естественным следствием такого положения дел были, с одной стороны, поиск большевистским руководством экономического инструмента управления, которым стала в 1921 г. «новая экономическая политика», и продолжение в начале НЭПа хозяйственного распада, с другой. В ходе новой реорганизации управления промышленностью вопросы общего экономического регулирования перешли от ВСНХ к Совету труда и обороны и его местным органам. На Урале представительством СТО стало областное экономическое совещание (Уралэконо). Трудовые мобилизации, милитаризация труда осенью 1921 г. были упразднены. Весной 1921 г. началась демобилизация из 1-й Трудовой армии, которая окончательно была расформирована — вслед за ее аналогами в других регионах — в начале 1922 г. С ноября 1921 г. в уральской промышленности началась организация трестов, которых в 1922 г. было уже 17, в том числе шесть горнозаводских трестов, сменивших прежние райметаллоправления. В мае 1922 г. был создан синдикат «Уралмет», объединивший снабженческо-сбытовую деятельность всей металлургической и горнодобывающей промышленности Урала⁶². Обращает на себя внимание попытка советской власти использовать специфику архаичной организации уральской горнозаводской системы. Оригинальным явлением была сдача в 1921 — 1922 гг. остановленных заводов коллективам рабочих, которые имели в горнозаводских поселках свое хозяйство и не меняли место жительства в поисках заработков. В сентябре 1922 г. съезд представителей уральской крупной промышленности и транспорта вынужден был специально рассматривать вопрос о приписке лесных дач к горнозаводским трестам. В ноябре 1922 г. СТО принял постановление «О приписке лесных дач к трестам Урала». Были созданы тресты-комбинаты, в которые вошли лесные угодья⁶³.

Начало НЭПа отнюдь не ознаменовалось оздоровлением промышленной ситуации в регионе. Развал уральской индустрии в 1921 г. достиг своего завершения. С весны промышленное производство резко сократилось в связи с ожидаемым неурожаем, продовольственным и топливным кризисом. Летом 1921 г. производство замерло: во второй половине июля — первой половине августа на Урале не действовали ни доменные, ни мартеновские печи, ни прокатные станы. Подвоз древесного угля к предприятиям Екатеринбургского райметаллоправления сократился в августе 1921 г. до 0,4% от январского показателя того же года, доставка дров — до 3,6%; производство чугуна и проката на Урале сократилось в 20 — 30 раз по сравнению с мартом 1921 г., сталь не вырабатывалась⁶⁴. В августе 1921 г. в Башкирский обком РКП(б) сообщалось: «Четырехмесячное неудовлетворение продовольствием всех производств ВСНХ вызвало их остановку, даже лесные заготовки, причисленные к ударным работам, совершенно остановились и впереди, при такой постановке дела, перспективы неприглядные»⁶⁵.

Выход из катастрофической ситуации в промышленности был затяжным и болезненным. Относительный подъем производства в 1922 — 1923 гг. был иллюзорным: стоимость продукции металлургии была вдвое выше, чем в 1920/21 хозяйственном году, но составляла лишь 26% от производства 1914 г. Заводы Южного Урала с апреля 1922 г. вновь остановились из-за отсутствия топлива, продовольствия и рабочей силы; 8 тыс. потерявших место рабочих были обречены на голодную смерть⁶⁶. В Оренбургской губернии в конце 1922 г. работала лишь мелкая промышленность, которая, как сообщалось в закрытом письме губкома в ЦК РКП(б), «...в силу отсутствия покупатель-

⁶² Подробнее см.: Гараев Г.Г. Организация и совершенствование... С. 141 — 196.

⁶³ См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 174, 203 — 205.

⁶⁴ См.: Там же. С. 134 — 135.

⁶⁵ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 13. Л. 25.

⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 77. Л. 33.

ной способности полугодных крестьян губернии и отсюда крайнего недостатка оборотных средств влачит незавидное существование»⁶⁷. На заседании Уральского бюро ЦК РКП(б) 11 декабря 1922 г. подчеркивалась необходимость разработать меры борьбы с чрезмерным браком на производстве, так как качество увеличившейся в объемах продукции было крайне низким⁶⁸. В том же докладе отмечалось, что на Пермской железной дороге «больные» (неисправные) паровозы составляли 53%, вагоны — 30%.

Частичный переход к экономическим методам регулирования производства отразился на положении рабочих двойственным образом. В 1921 г. началась перерегистрация кадров, повлекшая неизбежные увольнения принудительно привлеченных и, следовательно, недобросовестно работавших. Введение новой тарифной системы привело к преобладанию в начале 1922 г. сдельной оплаты труда, заключению коллективных тарифных соглашений и росту зарплат и норм снабжения продовольствием. Это не означало, конечно, что НЭП изначально был временем благоденствия для трудящихся. Оплата труда рабочего металлопромышленности, выросшая с середины 1921 г. за год в два раза, составляла в сентябре 1922 г. 9,14 довоенных рублей, т.е. была втрое ниже дореволюционной, и выплачивалась со значительными задержками⁶⁹.

С другой стороны, для людей, потерявших работу, начало НЭПа было сопряжено с новыми бедствиями. Количество безработных поступательно росло. В условиях страшного голода 1921 — 1922 гг. и отсутствия надежной системы социальной защиты перспектива голодной смерти для многих из них превращалась в грозную реальность. Если с 20 января по 1 сентября 1921 г. на Оренбургской бирже труда зарегистрировались 2206 безработных, из которых работу получили 1729, то на 16 декабря количество неустроенных вновь превысило 2 тыс. человек, из которых самыми многочисленными категориями были служащие советских учреждений (35%) и чернорабочие (16%). В январе — мае 1922 г. количество зарегистрированных безработных в Оренбуржье колебалось уже между 12 — 13 тыс. За первую половину октября 1922 г. число безработных в Екатеринбурге выросло с 879 до 3230 человек при наличии всего четырех мест, а в январе 1923 г. перевалило за 7 тыс., из которых 2/3 составляли женщины⁷⁰. Таким образом, значительные категории городского населения, включая рабочих, мало что выиграли от «диктатуры пролетариата» и в «военно-коммунистической», и в «нэповской» ипостаси.

Восстановление уральской промышленности растянулось до второй половины 20-х гг. Лишь в 1926/27 хозяйственном году был достигнут объем продукции 1913 г. К осени 1927 г. было восстановлено 3/4 разрушенных мостов и железнодорожных станций⁷¹.

Сложности оздоровления индустрии Урала были связаны с хронической нехваткой ресурсов и застаревшими структурными слабостями уральского горнозаводского хозяйства, продолжавшего работать на древесном топливе. В момент учреждения Уральского металлургического синдиката в 1922 г. его уставный капитал был равен всего 6 млн. довоенных золотых рублей, или в 18 раз меньше, чем накануне Первой мировой войны⁷². В связи с разрушением финансов и стремительной инфляцией, за которой не поспевал печатный станок, задолженность государства промышленности Ура-

⁶⁷ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 1.

⁶⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 429. Л. 12.

⁶⁹ См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 167, 168, 170.

⁷⁰ Степная правда. 1921. 8 сент., 21 дек.; Завод и пашня. 1922. 1 июня; Уральский рабочий. 1922. 21 окт.; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 532-6. Л. 14.

⁷¹ См.: Радько Ф. Указ. соч. С. 119, 124.

⁷² См.: Гараев Г.Г. Организация и совершенствование... С. 167.

ла к 1 апреля 1922 г. достигла 260 млрд. р.⁷³ Выход из затруднительного положения в начале 1923 г. стал осуществляться за счет консервации (вплоть до ликвидации) ряда металлургических предприятий. Эта мера обеспечивала концентрацию производства при максимальной экономии средств и дала ограниченный эффект роста промышленного производства. Хроническую слабость уральской промышленности, усугубившую бедствия 1917 – 1922 гг., удалось преодолеть лишь в период сталинской индустриализации 30-х гг. и на совершенно иных организационно-технических основаниях.

Статистика сельскохозяйственной катастрофы. По сравнению с крахом промышленности Урала в 1917 – 1922 гг., проходившем на фоне многолетнего застоя в ее развитии, темпы падения сельскохозяйственного производства были еще более стремительными⁷⁴. Находясь в самом начале проекта индустриализации, экономика поздней Российской империи опиралась на обширный, хотя и начиненный многими социальными проблемами, аграрный сектор. Достаточно стабильным было сельское хозяйство Урала, юг и юго-запад которого был представлен процветающими земледелием и скотоводством Оренбургской и Уфимской губерний, производивших обильную сельскохозяйственную продукцию. По душевому земельному наделу и остроте социальной напряженности регион, как уже упоминалось, выгодно отличался от Центральной России. Потери, вызванные мировой войной, переживались уральской деревней и казачьей станицей менее болезненно, а в 1917 г., благодаря богатому урожаю, казалось бы, ничем не грозил сельскому хозяйству, несмотря на революционные потрясения в столицах и смену власти в стране. Так, в Оренбургской губернии в 1917 г. было собрано 29,1 млн. пудов пшеницы, что было больше предыдущего урожая на треть. Особенно высокой была урожайность в Челябинском уезде, превышавшая показатели 1916 г. по основным зерновым культурам на 24 – 234 %. Осенью 1917 г. специалисты исчисляли излишки хлебов нового урожая в Оренбуржье более чем в 3 млн. пудов⁷⁵.

Тем разительнее были перемены, происшедшие с сельским хозяйством страны и региона за несколько лет. Уже в 1920 г. в Центральной России было собрано лишь 48 млн. т зерна, что на 21 млн. т меньше, чем в 1917 г. и на 30 млн. т меньше, чем в 1913 г. С 1917 по 1920 г. удельный вес земельных участков с посевом более четырех десятин сократился с 31% до 8%, в то время как доля меньших участков возросла с 58% до 86%. Мельчание крестьянских хозяйств, которые не только производили меньше, но и потребляли большую часть произведенного, болезненно отражалось на продовольственном обеспечении городов. Если с 1917 по 1919 г. обрабатываемые земли сократились всего на 16%, то до городского населения доходило вдвое меньше продуктов сельского хозяйства⁷⁶. Поистине катастрофическим падением сельскохозяйственного производства был отмечен 1921 г. В этом году в 20 пораженных неурожаем губерниях, дававших до революции ежегодно 20 млн. т зерна, было собрано всего 2,9 млн. т – в семь раз меньше дореволюционного стандарта и втрое меньше, чем в предыдущем году. В 40 губерниях России и Украины голодало, по данным Центрального статистического управления, 33,5 млн. людей, в том числе 7 млн. детей. От 10 до 15 млн. человек умерли голодной

⁷³ Уральский рабочий. 1922. 4 июня.

⁷⁴ Подробнее см.: Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998.

⁷⁵ Оренбургское земское дело. 1917. 14 ноября.

⁷⁶ См.: Крицман Л. Указ. соч. С. 68, 154 – 155; Карп Э. Указ. соч. С. 537.

смертью или подорвали здоровье⁷⁷. Голод 1921 г. многократно превосходил предыдущие голодные годы — 1891, 1906, 1911, когда в 17 неурожайных губерниях в среднем было собрано с десятины соответственно 15, 17, 13,6 пудов зерна: в 1921 г. сбор не доходил до 6 пудов с десятины⁷⁸.

Не меньшие потрясения пережил и Урал. С 1913 по 1920 г. посевная площадь сократилась в три раза, увеличившись до 57,5% в 1923 г. Валовая продукция зерна в 1921 г. уменьшилась до 22% от уровня 1916 г. поголовье лошадей понизилось между 1913 и 1920 г. в два раза, крупного рогатого скота — в 2,5 раза⁷⁹. Темпы сокращения посевной площади были различными в отдельных уральских губерниях, сокращаясь с севера на юг (табл. 12). Эта же тенденция наблюдалась в уральском скотоводстве. Количество рабочих лошадей в Екатеринбургской губернии в 1921 г. было на четверть меньше, чем в 1916 г., а в Уфимской и Челябинской губерниях — почти наполовину⁸⁰.

Обращает на себя внимание более быстрое разорение сельского хозяйства в ярко выраженных аграрных южных и юго-западных частях Урала. В этом несложно убедиться, обратившись к погубернской статистике развития уральского сельского хозяйства.

Следует учитывать, что проследить динамику сельскохозяйственного развития уральских территорий непросто. Цифровая информация носит фрагментарный и ориентировочный характер. Современники — специалисты статистического дела вынуждены были, во-первых, выделять сопоставимые территории, так как многочисленные изменения административных границ не позволяли прибегать к количественным данным предыдущих переписей без дополнительных пересчетов⁸¹. Сравнение цифровой информации советского и дореволюционного периодов затруднялось, во-вторых, тем, что в ряде мест подлинники материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 г. были расхищены и уничтожены во время гражданской войны⁸². Наконец, обобщенные данные за 1918 — 1919 гг. чаще всего отсутствуют, поскольку в период многократной смены власти и разгара вооруженной борьбы на Урале крупномасштабные земкостатистические работы замерли.

Вятская губерния, которая, за исключением восточной части, пострадала от боевых действий меньше, чем Средний и Южный Урал, переживала, тем не менее, упадок сельскохозяйственного производства. В 1920 г. посевы яровых составили меньше 2/3 посевов 1916 г., озимых — 4/5. Причем в уездах, перенесших неурожай 1920 г., сокращение посевов было еще более резким: в Нолинском и Слободском уездах посевы яровых уменьшились вдвое, озимых — на треть. Сбор зерна в Вятской губернии, которая и ранее являлась районом, потребляющим сельскохозяйственную продукцию других российских территорий, упал за три года в два раза, урожайность ржи понизилась с 45 до 20 пудов с десятины. Почти вдвое, по сравнению с 1912 г., сократилось поголовье скота. К началу 1921 г. каждое десятое хозяйство в губернии было безлошадным (в Яранском и Советском уездах — каждое четвертое), 6% хозяйств не имели коров. Необеспеченность сельскохозяйственным инвентарем, проведение посева на 90% не сортированными семенами и неурожай 1921 г. привели к двукратному сокращению

⁷⁷ См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 488.

⁷⁸ Советская правда. 1922. 13 апр.

⁷⁹ См.: Радько Ф. Указ. соч. С. 112 — 113; История Урала. Т. 2. С. 164.

⁸⁰ ГАСО. Ф.Р-613. Оп. 1. Д. 507. Л. 10.

⁸¹ Этот объясняется тот факт, что последующие переписи приводят различные данные по предыдущему периоду: в связи с изменениями границ губерний статистики вынуждены были перерабатывать сведения прежних переписей с учетом вновь включенных или утраченных уездов и волостей.

⁸² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

Таблица 12⁸³

Посевная площадь 4-х губерний Урала

Губерния	1916 г.	%	1921 г.	%
Екатеринбургская	1139187	100	1019573 ⁸⁴	89,5
Пермская	1037948	100	663936	63,9
Уфимская	1619226	100	1071452	66,3
Челябинская	1785587	100	704621	39,4

Таблица 13

Состояние сельского хозяйства в уездах Пермской губернии

Показатели	Уезды							
	Пермский				Оханский			
	1916	%	1920	%	1916	%	1920	%
Население	324448	100	371096	114,4	250762	100	262148	104,5
Площадь посева	123561	100	84258	68,2	261650	100	142409	54,4
Рабочих лошадей	47000	100	39573	84,2	60000	100	41997	70

Таблица 14

Состояние скотоводства в Екатеринбургской губернии (%)

Скот	1916	1920	1921
Рабочие лошади	100	79,7	73,5
Коровы	100	86,6	78,3
Овцы	100	61,1	52,9
Свиньи	100	82	70,3

Таблица 15

Изменение поголовья рабочего скота в Оренбургской губернии (%)

Рабочий скот	1917	1920	1921	1922
Лошади	100	84	78,4	38,7
Волы	100	101,7	77,9	33,1

Таблица 16

Динамика распада сельского хозяйства на территории Челябинской губернии
в 1916 – 1922 гг. (%)

Показатели	1916	1920	1921	1922
Хозяйства	100	106,5	105,9	94,9
Население	100	110,8	105,3	87,3
Посев	100	92,3	44,9	20,9
Лошади	100	87,6	73,5	37,3 ⁸⁵
Крупный рогатый скот	100	73,1	54,2	30,1
Овцы	100	76,0	64,9	31,0
Свиньи	100	59,6	19,5	1,5

⁸³ Таблицы 12 – 20 составлены на основе следующих источников: ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 65. Л. 34; ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 8; ОГАЧО. Р-20. Оп. 1. Д. 351. Л. 92 – 93; Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 123; Д. 484. Л. 4об., 5; Д. 499. Л. 105; Д. 507. Л. 3; Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 26. Л. 480; ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 10, 12; ЦДНISO. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 28об., 31об.

⁸⁴ По данным Екатеринбургского губернского комитета помощи голодающим, посевная площадь за 1916 – 1921 гг. сократилась с 1179515 до 869204 десятин, т.е. более чем на 1/4 (ГАСО.Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 2. Л. 28об.).

⁸⁵ По другим данным, количество лошадей в Челябинской губернии в 1922 г. снизилось до 29,9% от уровня 1916 г.

Таблица 17

**Средняя обеспеченность крестьянских хозяйств Челябинской губернии
посевной площадью и скотом (на двор)**

Показатели	1916	1920	1921	1922
Посевная площадь	7,4	6,4	3,1	31,7
Лошади	3,1	2,6	2,2	1,3
Коровы	2,3	1,8	1,4	1,1
Овцы и козы	5,7	4,0	3,4	1,8
Свиньи	1,2	0,7	0,2	0,02

Таблица 18

Состояние сельского хозяйства БАССР (%)

Показатели	1917	1920	1921	1922
Посевная площадь	100	67,7	57,2	36,3
Рабочие лошади	100	73,2	58,7	33,2
Коровы	100	85,2	63,2	53,9
Овцы	100	63,4	39,1	19,9
Быки	100	18,7	10,8	5,7

Таблица 19

Размеры голода в Екатеринбургской губернии (на 2 апреля 1922 г.)

Уезд	Волостей		Население				Опухло	Умерло
	Всего	Голодающих	Все	Голодающее				
				Взрослые	Дети	Всего		
Екатеринбургский	56	39	329860	68937	87413	156350	9695	1891
Каменский	34	26	233088	59991	101909	161900	9274	1418
Камышловский	30	6	261779	23108	74911	98019	1003	98
Красноуфимский	37	33	139688	34948	42983	77931	8825	793
Шадринский	39	11	342988	67742	45830	113572	5432	828
Нижнетагильский	21	8	131929	19331	3513	22844	1230	103
Ирбитский	36	2	152357	1143	1137	2280	-	-
Всего	253	125	1591689	275200	357696	632896	34459	5131

Таблица 20

Сбор продналога 1921 г. на Урале (% от плана)

Губерния	30 ноября 1921 г.	10 декабря 1921 г.	Январь 1922
Екатеринбургская	98,9	102,6	113,8
Пермская	42,7	55,4	58,6
Челябинская	40,1	42,4	50,1
Уфимская	25,4	40,4	41,3

продукции полеводства и троекратному — животноводства⁸⁶. С 1920 по 1922 г. количество крестьянских хозяйств, не обеспеченных рабочим скотом, увеличилось с 59,6 тыс. до 91,7 тыс., или на 54%; хозяйств, не имевших никакого скота, стало больше почти на 10 тыс., или на 65%. Зловеще выглядит сокращение численности беспосевных хозяйств с 14 до 11 тыс.: за этой цифрой скорее всего скрывается факт их самоликвидации или вымирания⁸⁷.

Серьезно пострадало сельское хозяйство Пермской губернии, ставшей одним из эпицентров гражданской войны. Вследствие бесконечных реквизиций со стороны смежных друг друга властей удельный вес безлошадных дворов в 1920 г. вырос до 28%. Дифференцированную картину разрушения пермской деревни позволяют создать поезда статистические сведения (табл. 13). В 1922 г. количество лошадей в губернии составляло 56% от уровня 1916 г. — от 69% в благополучных уездах до 45% в уездах, охваченных неурожаем. На одно хозяйство в среднем приходилось 0,6 рабочей лошади. За это время поголовье крупного рогатого скота сократилось на 60% (в Оханском уезде — на 72%), овец — на 68%, свиней — на 87%. Каждое седьмое хозяйство не имело скота (в Оханском уезде — каждое пятое). Всего одно из 200 хозяйств обладало более чем 4 головами скота⁸⁸.

Аналогичная деградация сельского хозяйства наблюдалась в выделенной из состава Пермской губернии Екатеринбургской губернии. Посевная площадь в 1922 г. сократилась до 41,4% от уровня 1916 г. и 38% засеянных в 1914 г. земель. Почти двукратное уменьшение обрабатываемых земельных участков произошло в 1922 г. Поступательно, но медленнее, чем в Пермской губернии, понижалось количество скота (табл. 14).

Наиболее стремительно происходило разрушение сельского хозяйства на Южном Урале. Посевная площадь Оренбургской губернии, славившейся ранее своим зерном, в 1922 г. сократилась до трети от уровня 1916 — 1917 гг. Такими же темпами уменьшалось поголовье рабочего скота (табл. 15). Как и в Екатеринбургской губернии, резкое падение поголовья (в 2 — 2,5 раза) в Оренбуржье пришлось на время беспрецедентного голода 1921 — 1922 гг. В январе 1923 г., когда, по официальным данным, последствия голода были преодолены, Оренбургский губотдел ГПУ в информационной сводке констатировал, что рабочих лошадей осталась четвертая часть от количества 1916 г., без посева оказались почти 12 тыс. хозяйств, без инвентаря — более 28 тыс., без рабочего скота — 40 тыс. Самоликвидировались и выбыли из пределов губернии 20 тыс. хозяйств, почти 10 тыс. хозяйств вымерли⁸⁹.

Сельское хозяйство вышедшей в 1919 г. из состава Оренбуржья Челябинской губернии, расположенной на наиболее плодородных оренбургских, пермских и тобольских территориях, пришло к 1922 г. в полный упадок. Деградация южноуральской деревни и казачьей станицы происходила с головокружительной скоростью (табл. 16, 17). Еще в 1920 г. ее посевная площадь сократилась по сравнению с 1916 — 1917 гг. на 18%: на казачьей территории — на 16,4%, на гражданской — на 19%; продовольственное обеспечение населения понизилось на 21%. Степень разорения была различной в отдельных уездах. Наибольшее уменьшение посевной площади (на 27,6%) произошло в Курганском уезде, в котором она была расширена в 1917 г. на треть из-за резкого повы-

⁸⁶ См.: Анучин М.В. Сельское хозяйство Вятской губернии на пороге НЭПа / История и культура Волго-Вятского края. С. 234 — 235.

⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.

⁸⁸ Пермский кооператор. 1922. 7 окт.

⁸⁹ ЦДНН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 13 — 14.

⁹⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 153. Л. 1 — 2.

шения хлебных цен: во время заготовки паров, осенней вспашки и уборки хлебов 1919 г. уезд был ареной военных действий, из-за чего неубранными остались более 10 тыс. десятин посева. Самые крупные потери рабочих лошадей пережили казачьи территории — в сентябре 1920 г., то есть до огромного падежа от бескормицы, убыль их составляла 21% по сравнению с 1917 г. против 9% на неказачьих землях. Самое ошутимое сокращение поголовья коров, напротив, пережила гражданская часть губернии, а именно Курганский уезд (на 25,8% против 12,4% в среднем по губернии и 6,6% в казачьих местностях), славившийся до революции высокоразвитым маслоделием⁹⁰.

Одним из наиболее пострадавших районов Южного Урала оказалась бывшая Уфимская губерния (табл. 18). В сентябре 1921 г., еще до страшной голодной зимы, местные власти пришли к выводу, что один из основных видов занятий в Малой Башкирии, скотоводство, «совершенно уничтожилось». В 1920 г. в Табынском, Юрматинском и Стерлитамакском кантонах средняя обеспеченность крестьянского хозяйства лошадьми снизилась по сравнению с 1912 г. с 2,1 до 1,2, коровами — с 1,5 до 1⁹¹. В следующем году сельскому хозяйству Малой Башкирии был нанесен еще более мощный удар: с момента переписи 1920 г. до ноября 1921 г. количество рабочих лошадей сократилось в среднем на 42,5%, в том числе в Табынском — на 56%, а в Стерлитамакском — на 62,5%⁹².

К концу 1922 г. панорама разрушения сельского хозяйства Башкирии стала еще более ужасающей. За 1920 — 1922 гг. оно недосчитало 82952 хозяйств, или 16,5%, «совершенно стертых с лица земли». На одно хозяйство в среднем приходилось лишь 0,7 лошади, 0,8 коровы, 1,4 овцы. Средняя площадь посева сократилась с 3,5 до 2 десятин на крестьянский двор. Удельный вес безлошадных хозяйств подскочил с 18% до 43,5%, бескоровных — с 15% до 32,4%, безинвентарных — с 16% до 23,5%⁹³. Посев ржи в Большой Башкирии за два года сократился более чем в 2,5 раза, посев пшеницы — в 3,5 раза, количество лошадей — более чем вдвое, овец — более чем в четыре раза, свиней — в 10 раз⁹⁴.

Беспримерный крах сельскохозяйственного сектора уральской экономики заставляет обратиться к выявлению его причин. «Вытягивание» из сложно спутанного клубка факторов отдельных из них носит, естественно, искусственный характер и служит удобству исследовательской работы с определенным ущербом — надеюсь, несущественным — восстановлению хитросплетений причинно-следственных связей. Условно можно выделить следующие отрицательно влиявшие на положение сельского хозяйства факторы: многократную смену власти; спровоцированный слабостью государства долгожданный крестьянский «черный передел»; реквизиционную политику различных режимов, вызванную чрезвычайной обстановкой мировой войны, революции и гражданской войны. Все эти явления лежат в политической, а не экономической сфере, что еще раз подтверждает ведущую роль политики в рассматриваемый период и пассивное реагирование экономики на ее повороты.

Деревня под ударами революции. Отдельные компоненты негативного политического воздействия на аграрный сектор прослеживаются еще накануне революции, но их слаженный ансамбль зазвучал в полный голос в 1917 г. За размыванием в годы Первой мировой войны рынка продукции массового спроса и ростом, вследствие этого,

⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 1350. Л. 25.

⁹² Известия (Стерлитамак). 1922. 4 марта.

⁹³ ЦГИА РБ. Р-101. Оп. 1. Д. 157. Л. 4.

⁹⁴ Там же. Д. 51. Л. 1, 12.

инфляции последовало нежелание крестьян продавать хлеб. Его дефицит вызвал государственные меры по регулированию цен, а введение в 1916 г. твердых цен на хлеб лишь усугубило стремление крестьян придержать его. Замкнулся порочный круг, из тесных рамок которого не смогло вырваться и Временное правительство. В марте 1917 г. оно издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства», продолжившее практику царского режима. В соответствии с ним устанавливались порайонные твердые цены на зерновые культуры и хлебные продукты. Усилились обязательные изъятия из сельского хозяйства в пользу армии. Если по разверстке 1916 г. Вятская губерния должна была поставить 50 тыс. голов скота, то в 1917 г. — 202 тыс. голов крупного рогатого скота и 158 тыс. свиней⁹⁵.

Государственная монополия на право распоряжаться хлебом оказалась unsuccessful, как из-за сопротивления крестьянства и новых представительств его интересов, так и по причине недостатка у государства сил для ее последовательной реализации⁹⁶. Крестьяне на сельских сходах и крестьянских съездах отказывались передавать хлеб государству и даже обсуждать сам вопрос об этом, а если и отдавали часть своих запасов, то исключительно в виде добровольных пожертвований на нужды армии. Не помогло и августовское постановление Временного правительства «Об изменении и дополнении состава статей постановления о передаче хлеба в распоряжение государства», вдвое повысившее твердые цены на зерновую продукцию. На протяжении 1917 г. монополия оставалась частичной, с сохранением свободной торговли хлебом. При этом свободный рынок хлебов сжимался, подобно шагреневой коже. Нехватка хлеба на Урале стала ощутимой весной — летом 1917 г., а в августе Пермская губерния впервые столкнулась с острым продовольственным кризисом. Осенью, несмотря на лучший, по сравнению с 1916 г., урожай, голодало население 28 губерний и областей страны.

С падением старого режима деревня заволновалась. Стихийное захватное движение, не наталкиваясь на сколько-нибудь энергичную ответную реакцию со стороны новой власти, быстро распространялось и приобретало организованные формы. Возникавшие с марта 1917 г. земельные комитеты, а затем и волостные Светы поздней весной, в разгар посевной кампании, фактически начали передел земли, объявляя о переходе земельных и лесных угодий в их собственность. Одновременно — с апреля по июнь — участились случаи столкновения общинников с хуторянами и отрубниками: сельские сходы принимали решения о конфискации и распашке отрубных участков. Все эти действия осуществлялись вопреки решениям ведомых эсерами высоких крестьянских форумов губернского уровня. Так, 1-й Пермский губернский съезд Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. призвал бороться с попытками самочинного разрешения земельного вопроса на местах.

Среди различных форм крестьянских акций преобладали традиционные действия. На Урале в 1917 г. лидировали захваты пашен, лугов и лесов (34% всех крестьянских эксцессов с марта по октябрь), за ними следовали погромы имений, массовые порубки лесов и потравы лугов (31%). Борьба против хлебной монополии и проведения переписи населения, известная с предреволюционного времени, занимала довольно скромное место в арсенале крестьянского протеста (21%). Совершенно новые формы крестьянской активности, рожденные реальным безвластием государства в 1917 г. — запрет со стороны крестьянских обществ на продажу и рубку леса помещиками и заво-

⁹⁵ См.: Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. Киров, 1965. С. 285 — 286.

⁹⁶ Подробнее см.: Григорьев А.П. Хлебная монополия 1917 г. и зауральское крестьянство / Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып. 10. Челябинск, 1976. С. 68 — 85.

дами (5%), насильственная смена органов власти и арест администрации (6%), отказ от выборов (3%) — использовались крайне редко. Показательно, что волны крестьянского возбуждения явно не зависели от успеха или неуспеха партийной агитации: их всплески отмечаются в мае и особенно в сентябре — перед началом и по окончании сельскохозяйственного сезона, когда вопрос о разделе становился особенно актуальным и/или у крестьянина появлялось свободное время для участия в его решении. На Урале почти треть всех крестьянских волнений 1917 г. (184 из 603) пришлось на сентябрь⁹⁷.

В регионах со смешанным составом населения борьба за землю усугублялась национальной неприязнью, замешанной на последствиях колонизации земель коренных жителей пришлым, преимущественно русским населением. Так, еще в апреле 1917 г. губернский съезд мусульман в Уфе выдвинул требование «Башкирия для башкир», что фактически означало призыв к ревизии поземельных отношений и выселению пришлого крестьянства из пределов как минимум Уфимской губернии⁹⁸.

«Черный передел» пошел полным ходом после прихода к власти большевиков, позиции которых зимой 1917 — 1918 гг. были слишком слабы, чтобы не принять его, несмотря на явный эсеровский привкус этой акции. Крестьянская революция протекала на Урале с особенностями, порожденными спецификой поземельных отношений в регионе. По мнению Е.П. Редаковой, выводы которой о динамике аграрных преобразований в Шадринском уезде Пермской губернии позволяют экстраполировать на Урал в целом, она проходила не в три этапа, как в Европейской России (ликвидация помещичьего землевладения в конце 1917 — весной 1918 г.; острая борьба с кулачеством с весны 1918 по весну 1919 г.; завершение раздела, стабилизация землевладения и нивелировка крестьян весной 1919 — весной 1921 г.), а в два. На первом этапе (весной 1918 г.) было начато перераспределение земель наиболее состоятельной, «кулацкой» части деревни, прерванное на год гражданской войной. Затем, в 1920 — 1922 гг., произошел уравнильный передел земли — «поравнение земли на каждую живую душу». Социалистические хозяйства, возникавшие в Центральной России на базе бывших помещичьих имений с 1918 г., на Урале появились лишь в 1920 г.⁹⁹

В Уфимской губернии передел земли сопровождался нагнетанием национальной нетерпимости. Прошедший в декабре 1917 г. в Оренбурге, вдали от советской диктатуры, 3-й Всебашкирский курултай, помимо прочих решений, постановил выселить из пределов Башкирии русских крестьян, поселившихся на ее территории после 1898 г.¹⁰⁰ С большими проблемами, вызванными запутанностью аграрных отношений в башкирском Приуралье, столкнулись господствовавшие там в это время большевики:

«...деревня к этому времени представляла из себя настоящее взбаламученное море.

Сложные земельные отношения в Башкирии, с их формой владения в качестве вотчинников, припущенников, поселенцев, выселенцев, заводских земель и так далее, и так далее, не могли быть разрешены более или менее однообразно даже в пределах одной губернии или уезда и часто разрешались в переживаемый период поножовщины»¹⁰¹.

⁹⁷ См.: Евдокимов Л.А. Классовая борьба в уральской деревне накануне Октябрьской социалистической революции / Классовая борьба на Урале (1917 — 1932 годы). Об опыте руководства партийных организаций борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни. Свердловск, 1976. С. 11.

⁹⁸ Гужвенко Г.И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 23.

⁹⁹ См.: Редакова Е.П. О некоторых особенностях в проведении аграрных преобразований в южном Зауралье в 1918 — 1920 годах / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. С. 179 — 184.

¹⁰⁰ Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917 — 1919 гг.). Уфа, 1966. С. 212.

¹⁰¹ Эльцын В. Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе // Пролетарская революция. 1922. №10. С. 358.

Однако результаты долгожданного «черного передела» на основах общинной уравнительной справедливости оказались мизерными. Российский крестьянин, мечтавший в течении десятилетий получить за счет ликвидации крупного частного и государственного землевладения дополнительно по 5 — 15 десятин земли, получили в среднем по 0,4 десятины: благодаря передаче крестьянам 21,2 млн. десятин земли, из которых 2/3 уже арендовались ими, средний общинный надел вырос с 1,9 десятины до 2,3. Половина российских общин вообще не получила прирезанной земли¹⁰².

На Урале, где помещичье землевладение было менее развито, чем в других регионах Европейской России, прирезка оказалась еще менее щедрой. В Пермской губернии после передачи крестьянам помещичьих земель надел на едока вырос к весне 1918 г. в среднем с 1,9 до 2,1 десятины, в Уфимской — с 2 до 2,2, на территории будущей Челябинской губернии — с 5,4 до 6 десятин¹⁰³. Поскольку уральские крестьяне были в целом лучше обеспечены землей, чем в Центральной России, то при ее уравнительном распределении середняки не только не получили дополнительных участков, но и теряли часть земли. Поэтому у крестьян Урала не было достаточно весомых оснований поддерживать советскую власть и сдавать ей хлеб по твердым ценам.

Последствия крестьянских настроений горожане вскоре испытали на собственном желудке. В мае 1918 г. ВЦИК опубликовал декрет о продовольственной диктатуре, который причудливо соединил в себе представления большевиков о социалистическом переустройстве и реакцию на горькую российскую реальность, в которой большевистскому государству не оставалось ничего иного, как ужесточить продовольственную линию царского правительства 1916 г. и Временного правительства 1917 г.¹⁰⁴ Когда деревня снова столкнулась с твердыми ценами в сочетании с новыми явлениями — хладнокровной беспощадностью продотрядов и доношением возникших летом 1918 г. комитетов бедноты, терпение крестьян лопнуло: крестьянские восстания со скоростью степного пожара распространились по всему Уралу, способствуя очередной смене власти — на этот раз антисоветскими режимами.

В июле 1918 г. сменившие большевиков в Сибири и Поволжье Временное сибирское правительство и Комуч приняли законы о возвращении имений прежним владельцам. Временное областное правительство Урала заняло более осторожную позицию. Согласно пункту 11 принятой 19 августа 1918 г. декларации земля должна была оставаться в руках фактических пользователей до разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием. Первоначально левое крыло в правительстве пыталось даже трактовать эту норму расширительно, подразумевая под «землями сельскохозяйственного назначения» не только помещичьи имения, но и горнозаводские земельные и лесные дачи, натолкнувшись, правда, на несокрушимое противодействие справа¹⁰⁵. Сменивший уральское областничество колчаковский режим в декларации от 8 апреля 1919 г. согласился с правом временного использования захваченных земель с перспективой справедливого распределения, но вместе с тем признал недопустимыми и уголовно наказуемыми дальнейшие захваты. Окончательное решение земельной проблемы откладывалось новым правительством, как и предыдущим,

¹⁰² См.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. С. 405.

¹⁰³ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 329.

¹⁰⁴ Подробно о большевистской политике в деревне в период «военного коммунизма» и о крестьянской реакции на нее см.: Павлюченко С.А. Военные коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 61 — 142.; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»...

¹⁰⁵ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917 — 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 92 — 93.

до созыва всероссийского форума учредительного характера – Национального собрания. Декларация имела явные антиобщинные интонации, предполагая превращение земли в товар, а также возвращение отнятого крестьянским обществом у хуторян и отрубников¹⁰⁶.

Гораздо большее впечатление, чем попытки нормативного регулирования земельного вопроса, производила на крестьян практическая линия антисоветских правительств в отношении деревни, которая оставалась неизменной: в условиях гражданской войны ни один режим, вне зависимости от его политической окраски и заявленных целей, не мог обойтись без чрезвычайных мероприятий – контрибуций, конфискации и повинностей, помноженных на своеволие и злоупотребления военных и гражданских властей и отдельных их представителей.

Не лучшие впечатления выносили крестьяне от знакомства с властью на территориях, контролируемых большевиками. В октябре 1918 г. советское государство предприняло, правда, безуспешную, попытку ввести постоянный натуральный единый чрезвычайный налог, по которому на Вятскую губернию, например, было запланировано 300 млн. пудов продовольственного и фуражного зерна. В следующем году размер продразверстки был снижен до 30 млн. пудов. Однако и эта цифра, исходившая не из возможностей преимущественно потребляющей, а не производящей сельскохозяйственную продукцию губернии, но из потребностей государства, ложилась на вятское крестьянство тяжким бременем¹⁰⁷.

Гражданская война оказалась для уральской деревни одним из самых крутых трамплинов в пропасть. В 1919 г. посевная площадь на Урале сократилась по сравнению с 1917 г. на 19%, поголовье лошадей – на 16%, крупного рогатого скота – на четверть. Прямой материальный ущерб сельскому хозяйству Урала от гражданской войны оценивается советской историографией, предьявлявшей счет исключительно колчаковскому режиму, в 232 млн. золотых рублей¹⁰⁸.

Впрочем, симптомы запустения были видны невооруженным глазом значительно ранее. В сентябре 1918 г., в Оренбуржье наблюдалось вызванное недостатком рабочей силы и орудий труда ухудшение обработки земли. Некогда тучные поля засорились, пырей душил хлеб. По окончании боевых действий на Урале деревни стояли разоренные уходящими и приходящими войсками, десятки тысяч десятин земли стояли необработанными.

Между тем, надорванная всевозможными поборами, мобилизациями и повинностями времен гражданской войны деревня и после ее окончания оставалась объектом государственного вымогательства и террора. К уральскому сельскому населению был применен декрет о разверстке от 11 января 1919 г., предполагавший, в отличие от декретов 13 мая и 30 октября 1918 г., при изъятии у крестьян сельскохозяйственных продуктов исходить не из имеющихся у них запасов, а из государственных потребностей¹⁰⁹. Наказания за уклонение от разверстки мало чем отличались от санкций периода войны:

«Сельские хозяева, не сдавшие к установленному сроку причитающееся с них количество хлебофуража, подвергаются безвозмездному принудительному отчуждению обнаруженных у них

¹⁰⁶ См.: Там же. С. 100 – 101.

¹⁰⁷ См.: Долбилова Л.П. Крестьянский менталитет в первые годы Советской власти (На примере Вятской губернии) / Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Киров, 1995. Т. I. С. 126 – 127.

¹⁰⁸ См.: Васильковский О. А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Поджидаев Г.В., Тertyшный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 273.

¹⁰⁹ См.: Декреты Советской власти. Т.II. М., 1959. С. 261 – 264; Т. III. М., 1964. С. 469 – 472; Т. IV. М., 1968. С. 292 – 294.

запасов. К упорствующим из них и злостно скрывающим свои запасы применяются суровые меры, вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговорам народного суда»¹¹⁰.

Несмотря на грозный тон большевистских распоряжений, формирующийся на ходу аппарат новой власти на Урале был не в состоянии претворить их в жизнь. Продразверстку 1919 – 1920 гг. выполнить не удалось. Было собрано от 94,1% запланированного в Екатеринбургской губернии до 46,5% в Уфимской. В Пермской и Челябинской губерниях разверстка была выполнена чуть более, чем наполовину¹¹¹.

В 1920 г. состояние уральского сельского хозяйства и государственные требования к деревне пришли в еще большее противоречие. По предварительной оценке Челябинского губернского статистического бюро, основанной на размерах посевной площади, в 1920 г. следовало ожидать в 2 – 2,5 раза меньшего урожая, чем среднегодовой урожай 1906 – 1914 гг. Однако и такой прогноз, по мнению специалистов-статистиков, был слишком оптимистичным. Они полагали, что «полученная величина урожая может оказаться в действительности еще меньшей, т. к. при выводе урожая совершенно не учтены погибшие посевы и поврежденные кобылкой, пиявицей и засухой»¹¹². Между тем, в Челябинской губернии в 1920 г. хороший урожай пшеницы ожидался всего на 2,4 млн. десятин земли, средний – на 4,8 млн., плохой – на 2,9 млн.; на 0,3 млн. десятин посевы погибли¹¹³. В связи с катастрофическим сокращением посева, в Челябинске в апреле 1920 г. в спешном порядке была создана губернская чрезвычайная комиссия посевной площади. Как следует из ее названия, в ее задачу входило расширение площади посева по сравнению с предыдущим годом. В нее вошли представители основных советских ведомств губернского масштаба, имевших отношение к земледелию и его плодам: губземотдела, губпродкома, губсовнархоза, губпродштаба. Председателем назначался заведующий губземотделом. По такой же схеме должны были создаваться уездные чрезвычайные комиссии¹¹⁴. Несмотря на неблагоприятный для сельского хозяйства год, на Челябинскую губернию были наложены 23 разверстки, главными из которых были хлебная (10,3 млн. пудов), мясная (94 тыс. голов крупного рогатого скота и 284 тыс. баранов), масляная (123 тыс. пудов), картофельная (1 млн. пудов), яичная (14 млн. штук), разверстка на птицу (60 тыс. пудов). Помимо них сельское население должно было сдать определенное количество кожи, льна, копыт, волос и шерсти, капусты, лука, моркови, огурцов, помидоров и т.д.¹¹⁵

Кричащее несоответствие запланированной в 1920 г. продразверстки реальному положению вещей наблюдалось и в других частях Урала. В начале 1921 г. в Башкирский обком РКП(б) по этому поводу поступило письмо коммунистов-башкир, выразивших тревогу из-за несообразности политики продовольственных изъятий в деревне. При планировании продразверстки 1920 г. власти исходили из посевной площади в 602 тыс. десятин и урожайности в 40 пудов с десятины. Реально же средний сбор хлебов с десятины был всего 20 пудов, а засеяно было 567 тыс. десятин. Следовательно, урожай составил вместо прогнозируемых 24 млн. пудов всего 13,4 млн. После вычетов необходимого на собственное потребление населением и обсеменение полей 1921 г., по рас-

¹¹⁰ Там же. Т. IV. С. 293.

¹¹¹ См.: Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919 – 1921 гг.) Свердловск, 1991. С. 46.

¹¹² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 116. Л. 5.

¹¹³ Там же. Л. 7.

¹¹⁴ Там же. Л. 15.

¹¹⁵ См.: Челябинская губерния в период военного коммунизма. Июль 1919 – декабрь 1920: Документы и материалы. Челябинск, 1960. С. 429 – 433.

четам властей, должен быть остаться излишек 3,8 млн. пудов, исходя из чего нарком-прод назначил на 1920 г. разверстку в 3 млн. пудов. Реально же губернии на внутреннее потребление не хватало 4,2 млн. пудов хлеба, несмотря на что к 10 января 1921 г. по продразверстке было собрано 1,9 млн. пудов. Причем при ее планировании и при сборе не были приняты во внимание необходимые отчисления на прокорм скота. Авторы письма пришли к безрадостному выводу: «...разверстка задела полупролетарские и даже пролетарские массы, ибо из вышеприведенных цифровых данных ясно видно, что фонда на прокормление бедного населения не оставлено ни одного пуда, чем и нарушается основа продовольственной политики»¹¹⁶. В Екатеринбургской губернии в 1920 г. из 26,3 млн. пудов собранного зерна было изъято 10,7 млн. (41%)¹¹⁷. Таким образом, в 1920 г. закладывались основы для голода 1921 — 1922 гг.

Контраст между возможностями ослабленной деревни и запросами неокрепшего пока государства породил массовые крестьянские возмущения рубежа 1920 — 1921 гг., поставившие под сомнения будущее не только политики «военного коммунизма», но и самого коммунистического режима. Для получения доступа ко все уменьшающемуся в объемах продовольствию, государству пришлось искать другие средства.

Начало НЭПа и голодное бедствие. Выход из тупика был, как казалось, найден весной 1921 г. в политике перехода от внеэкономических методов регулирования сельскохозяйственного производства к рыночным¹¹⁸. Решения X съезда РКП(б) в марте 1921 г. были воплощены в «Постановлении ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта и ряде других актов. Налог должен был быть меньше прежнего, разверсточного обложения (240 млн. пудов вместо 423 млн. на 1921/22 г.) и исчисляться из минимальных потребностей армии и неземледельческого населения; при его взимании предполагалось переориентироваться с необоснованных запросов государства на реальные возможности крестьянских хозяйств. О его размере крестьяне должны были оповещаться до начала весенних полевых работ, чтобы сельское население имело стимулы к расширению производства. Остающимися у крестьян после уплаты налога запасами они могли свободно распоряжаться по своему усмотрению¹¹⁹. Задачи нового экономического курса в постановлении были ясно обозначены:

«Для обеспечения правильного и свободного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом»¹²⁰.

Реализация этих задач оказалась, однако, отнюдь не простым делом. На пути превращения НЭПа в жизнь встали труднопреодолимые препятствия — наследие разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки, помножилась на неурожай 1921 г.

¹¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.

¹¹⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 29об.

¹¹⁸ О перипетиях перехода к НЭПу см.: Павлюченко С.А. Крестьянский брест, или предистория большевистского НЭПа. М., 1996; Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921 — 1928. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 36 — 156.

¹¹⁹ См.: Декреты Советской власти. Т. XIII. М., 1989. С. 245 — 247, 283 — 285.

¹²⁰ Там же. С. 245.

и негибкость государственного аппарата, проводившего «новую экономическую политику» старыми, «военно-коммунистическими» методами.

В 1921 г. природа сыграла с Советской Россией злую шутку, словно бы демонстрируя большевистскому режиму ограниченность человеческих возможностей самонадеянно планировать социальную деятельность. По официальным данным, из 50 млн. десятин посевной площади РСФСР засуха охватила 20 млн. Голодающими были признаны 22 млн. человек из 110 млн. жителей республики¹²¹. На Урале из-за неурожая 1921 г. голодало население Башкирии, Вотской автономной области, ряда уездов Челябинской, Оренбургской, Пермской, Екатеринбургской и Вятской губерний. В декабре 1921 — январе 1922 г., когда голод еще только набирал обороты, в Пермской губернии голодало 300 тыс. человек, в Екатеринбургской — 313 тыс., в Челябинской — 700 тыс., в Уфимской — 1218 тыс.¹²² Голод в Поволжье вызвал поток беженцев на соседние уральские территории, еще более обострив и без того тяжелое положение. Областное Уральское партийное совещание 1922 г. в одной из своих резолюций ретроспективно оценивало последствия голода и намечало меры по его преодолению следующим образом:

«1. Империалистическая и гражданская война и голод 21 года привели к полному расстройству сельского хозяйства на Урале.

а) Сокращение посевной площади до 1/3 от мирного времени.

б) Сокращение как рогатого скота, так и особенно рабочих лошадей (на 43% от мирного времени).

в) Абсолютному сокращению сельскохозяйственного населения Урала (около 10%), и Урал из производящего района превратился на ряд лет в потребляющий.

2. Этот факт тягчайшим образом отражается на всех сторонах хозяйства Урала. При той исторически сложившейся связанности рабочего населения с сельским хозяйством и при зависимости уральской металлургии, построенной на развитии массовых древозаготовительных операций, целиком связанных использованием крестьянской силы и крестьянской лошади, от крепости сельского хозяйства, от величины конского состава зависит нормальное развитие этой операции.

Поэтому, в интересах восстановления, в первую голову, крупной промышленности Урала необходимо добиваться:

1. Расширения посевной площади в 22 году хотя бы до цифры 21 года.

2. Перевод в 23/24 году из потребляющего района в район самопрокармливающийся.

3. Максимально возможное усиление конского состава хозяйства Урала»¹²³.

В Вятской губернии, административно не входившей в это время в состав Уральской области, валовый сбор ржи в 1921 г. составил всего 10,8 млн. пудов, овса — 7,7 млн. пудов, в то время как потребность населения в хлебах была значительно выше — соответственно 21,8 и 9,1 млн. пудов. Взять недостающие миллионы пудов зерна было нигде — разверстка прошлого года вытянула из крестьян последние запасы. К концу ноября 1921 г. 834 тыс. жителей губернии нуждались в притоке продовольствия со стороны, их удельный вес в Советском уезде достигал 73%, в Уржумском — 92%. Из последнего, наиболее пострадавшего от засухи, крестьяне стали разбегаться еще летом 1921 г. Как сообщалось в прессе, «дома крестьянами покидаются, скот продается и жители бегут, не разбирая куда, лишь бы спастись от голодной смерти»¹²⁴.

Средний Урал, пострадавший от неурожая 1921 г. неравномерно и в меньшей степени, чем Южный Урал, испытывал, тем не менее, немалые сложности с хлебопродуктами и фуражом. В 1921 г. от засухи, саранчи и градобития погибло 203 тыс. десятин по-

¹²¹ Размеры голода и меры борьбы с ним (Материалы для агитаторов). Б. м., б. г. С. 2.

¹²² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 507. Л. 3; ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49. Л. 15.

¹²³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 429. Л. 46.

¹²⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 439. Л. 18 — 19, 20.

сева (23,4%) — от 12,5% в Шадринском до 49% в Каменском уезде. В результате обеспеченность населения хлебом оказалась мизерной: на одного едока приходилось всего 0,18 десятины урожайной земли, на одну лошадь — 0,7 десятины¹²⁵. С осени 1921 г. до 1 апреля 1922 г. поголовье скота в голодающих волостях Екатеринбургской губернии сократилось с 358 тыс. до 80,7 тыс. Деградация скотоводства была связана не только с бескормицей и отсутствием хлебопродуктов, но и с яловостью скота, достигшей 75 — 80%. В Каменском уезде 1 бык приходился на 351 корову, в Нижнетагильском — на 1023¹²⁶. Посевного материала в уездах имелось от 27% в Каменском до 67% в Камышловском, что обусловило сокращение в 1922 г. посевных площадей более чем вдвое¹²⁷. К лету 1922 г. в губернии голодало до 50% населения, в большей степени страдая от голодного бедствия в Екатеринбургском, Каменском и Красноуфимском уездах (табл. 19). Двумя месяцами позже, по данным Екатеринбургского губпомгола, голодало уже 731859 человек (из них более половины — дети), ил 67% жителей губернии¹²⁸.

Немногим лучше было положение сельского хозяйства и населения в Пермской губернии. С октября 1921 г. по март 1922 г. количество голодающих возросло со 154 тыс. до 426 тыс. человек¹²⁹. В августе 1922 г. голодало уже 658 тыс. человек, или 35,3% населения губернии. Наиболее пострадали южные уезды — Сарапульский, Осинский, Оханский. Количество хозяйств сократилось с 315,7 тыс. до 308,6 тыс., поголовье рабочих лошадей — почти на 40 тыс., крупного рогатого скота — почти на 150 тыс.¹³⁰

В более пострадавшей Челябинской губернии посевная площадь в 1922 г., согласно июньской переписи населения, сократилась в два раза, или до 43% от необходимой для прокормления и обсеменения: «Среднее крестьянское хозяйство из крепкого и мощного превратилось в маломощное, малопосевное и нередко безлошадное и бескоровное»¹³¹. В губернии почти не осталось племенного скота. Из-за истребления производителей яловость достигла опасных размеров. В Златоустовском уезде осталось всего 127 быков, на каждого из которых приходилось по 190 коров — втрое выше нормы¹³². В особенно бедственном положении оказался казачий Верхнеуральский уезд, в котором посевная площадь под пшеницу и рожь сократилась с 1916 г. в 56 раз и на десятину приходилось пять — шесть едоков¹³³.

Неурожай болезненно коснулся и Оренбургской губернии, в которой он принял менее острый, но затяжной характер. Во время голода 1921 — 1922 гг. Оренбуржье лишилось 75 % скота и инвентаря. В 1922 г. в Оренбургской губернии было 12 тыс. хозяйств без посева, 40 тыс. — без рабочего скота, 28 тыс. — без инвентаря, 14 тыс. — со сбором зерна на душу менее 4,5 пудов. Более 30 тыс. хозяйств были заброшены — их владельцы выбыли из губернии или вымерли. В конце 1922 г. голодало 115 тыс. человек, 12 тыс. детей были беспризорными¹³⁴. С октября 1921 г. по август 1922 г. среди голодающего населения было распределено более 0,5 млн. продуктовых пайков, однако они не были в состоянии удовлетворить спрос. Из необходимых 988 тыс. пудов хле-

¹²⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 29об.

¹²⁶ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 28.

¹²⁷ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 8 — 8об.

¹²⁸ Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

¹²⁹ См.: История Урала. Т. 2. С. 175.

¹³⁰ Звезда. 1922. 6 авг.

¹³² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 105.

¹³² Там же. Ф. 380. Оп. 1. Д. 77. Л. 71.

¹³³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 105об.

¹³⁴ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 1; Завод и пашня. 1922. 24 дек.

ба было получено лишь 19,8 тыс., из 988 пудов мяса — 5,8 тыс., из 494 тыс. пудов картофеля — 6,5 тыс., из 132 тыс. пудов соли — 0,4 тыс. пудов¹³⁵.

Наибольшие беды от неурожая 1921 г. испытала Башкирия, в которой признаки голода обозначились уже в мае, поскольку погибло 34% озимых, а площадь посева сократилась в четверть по сравнению с 1920 г. Но к июню всходы погибли на 3/4 засеянных полей, охваченных засухой. Никакого урожая не дали 371 тыс. десятин, а средний урожай на основных засеянных площадях не дотягивал и до 6 пудов с десятины, вследствие чего валовый сбор хлеба на каждого жителя Башкирии составлял менее 15 кг. В ноябре 1921 г. на территории бывшей Уфимской губернии голодали 61% жителей (от 34% в Златоустовском уезде до 93,4% в Белебеевском), в августе 1922 г. — 73% населения. Невывалый неурожай в сочетании с жестокими изъятиями продразверсток 1919 — 1920 гг., антикрестьянским террором зимой 1920 — 1921 гг. и проведением, несмотря на безнадежное положение крестьян, кампании по сбору продовольственного налога осенью 1921 г. привел к тому, что из 1249539 человек, проживавших в это время в Малой Башкирии, зимой 1921 — 1922 гг. голодало 1099630 (88%), в том числе 500414 детей. Между тем, государственные столовые и питательные пункты АРА в апреле 1922 г. могли кормить лишь 409390 человек. Это означало, что более 690 тыс. человек в Башкирии были обречены на голодную смерть, которая к лету 1922 г. настигла 2/3 из них. Летом 1922 г. ежемесячная смертность от голода в Башкирии балансировала между 5 и 6 тыс. человек¹³⁶. Именно в Башкирии зарегистрированы наиболее частые, по сравнению с другими частями Урала, случаи каннибализма и массового трупоедства¹³⁷.

Голодная трагедия в Башкирии в очередной раз вызвала у сторонников башкирской автономии всплеск земельного шовинизма. В марте 1922 г. ЦИК БАСССР издал ряд приказов — «О земельных захватах», «О запрещении самовольных переселений», «О порядке внутринадельной аренды», — которые шли вразрез с земельным законодательством РСФСР. В них объявлялось о запрещении переселений в БАСССР с других территорий, о немедленном выселении и конфискации имущества граждан, поселившихся в Башкирии в течении 1921 г., о возвращении коренному населению всех земель, захваченных переселенцами с 1 марта 1917 г. В апреле 1922 г. эти распоряжения ЦИК БАСССР, чреватые обострением конфронтации между башкирами, татарами и русскими, были отменены президиумом ВЦИК¹³⁸.

Голодная катастрофа зашла настолько далеко, что выйти из нее без помощи со стороны ни население, ни государство были не в состоянии. В июле — августе 1921 г. ВЦИК принял решение о создании на местах комиссий помощи голодающим (помгол). Летом того же года на Урале, как и в других регионах, были учреждены губпомголы. Однако у государства не хватало средств, чтобы обеспечить экстренные действенные меры по обузданию голода. Москва, крайне неохотно признавая одну губернию за другой частично или полностью голодающей, вынуждена была, вопреки принципам классовой борьбы, допустить к участию в преодолении голода российскую и зарубежную общественность. Летом 1922 г., когда деятельность иностранных организаций развернулась в полном объеме, они кормили ежедневно 14 млн. человек (в том числе АРА — 11 млн.).

Зато немало усилий было приложено большевистским режимом к тому, чтобы собрать с полумертвой деревни продналог, который и по структуре, и по методам сбо-

¹³⁵ ГАОО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 87.

¹³⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 492. Л. 11 — 16; Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 33. Л. 1; Р-101. Оп. 1. Д. 14.

¹³⁷ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

¹³⁸ См.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939: Документы и материалы в 4 томах. Т. 1: 1918 — 1922. М., 1998. С. 778.

ра первоначально мало чем отличался от продразверстки¹³⁹. В 1921 г. в продналог сначала были включены зерно, картофель, масличные культуры, а затем яйца, молочные продукты, шерсть, табак, сено, фрукты, мед, мясо, сыромятные кожи — всего до 15 видов продуктов, то есть практически весь ассортимент разверсток¹⁴⁰. Вопреки задачам, заявленным в постановлении ВЦИК от 21 марта 1921 г. о замене разверстки налогом, продналог был, во-первых, в первый год НЭПа в ряде регионов выше, чем разверстка. В Вятской губернии он составлял, например, 10% от валового сбора сельскохозяйственных продуктов, в то время как разверстка в потребляющих губерниях в среднем составляла 8,4% урожая¹⁴¹. К тому же в условиях неурожая 1921 г., снимая обязательство по уплате налога с отдельных уездов частично пострадавших областей, государство могло не снижать общий объем налога с губерний, как и произошло с Вятской губернией в 1921 г. Тяжелее разверстки налог 1921 г. был на Урале в ряде уездов Екатеринбургской губернии. Так, в Шадринском уезде было собрано 982335 пудов, или 45% урожая, в Камышловском и Ирбитском уездах — 34%. Сбор продналога шел полным ходом, несмотря на то, что валовый сбор 1921 г. на душу в Шадринском уезде составлял всего 7,5 пудов, в Камышловском — 10,3 пуда, или в полтора — два раза ниже годовой прожиточной нормы¹⁴².

Во-вторых, благодаря натуральному характеру налога и множеству его составляющих, крестьяне не могли знать об общей сумме налога весной 1921 г., за исключением объема хлебного налога. Подготовка и обнародование постановлений правительства о размерах налогов по отдельным категориям растянулись с марта по сентябрь 1921 г. По многим видам продукции размер налога мог быть установлен лишь летом — по видам на урожай в различных регионах.

Наконец, сама организация сбора проводилась по образцам времен «военного коммунизма», с жесткими судебными и административными санкциями, с обременительными, если не разорительными, денежными штрафами. В июле 1921 г. циркуляр Верховного трибунала при ВЦИК и Наркомата продовольствия учредил особые сессии при губернских революционных трибуналах для рассмотрения в срочном порядке дел о нарушении декретов о продовольственных и прочих налогах. Летом они возникли и на Урале, причем в Екатеринбургской губернии продналоговые выездные сессии были учреждены еще до появления официального распоряжения и действовали особо энергично и сурово во всех уездах с июля по сентябрь¹⁴³. Только этим и меньшими масштабами неурожая можно объяснить парадоксальный факт перевыполнения плана по сбору продналога в Екатеринбургье. Из урожая в 15 млн. пудов хлеба Екатеринбургская губерния отдала 8,6 млн. пудов: чуть менее половины из них составил продналог, остальное ушло на семенной фонд, семенную ссуду и отправку в Поволжье, Челябин-

¹³⁹ По справедливому замечанию М. Венера, преобладание военно-административных методов решения крестьянского вопроса в 1921 — 1923 гг. позволяет усомниться в корректности характеристики этого времени как начала «новой экономической политики». См.: Wehner M. Op.cit. S. 156.

¹⁴⁰ См.: Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921 — 1922). М., 1954. С. 123 — 124.

¹⁴¹ Подробнее см.: Грехова Н.Н. К вопросу об отличии продналога от продразверстки / История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений к международной научной конференции. Киров, 18 — 20 октября 1994 года. Киров, 1994. Т. 1. С. 231 — 233.

¹⁴² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 29об.

¹⁴³ Подробнее см.: Кривонов В.В. К вопросу о продналоговой кампании в Уральской деревне летом — осенью 1921 г. (На примере Екатеринбургской губернии) / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. С. 192 — 200.

скую и Оренбургскую губернии. На потребление населению Екатеринбургской губернии в перерасчете 30 фунтов хлеба на человека в месяц в итоге оставалось запасов на пять месяцев, — до 1 февраля 1922 г.¹⁴⁴ Что будет с населением дальше — так далеко власти не гадали.

Остальные губернии Урала с задачей продналога не справились, что подтверждает несоответствие планов по его сбору реальным условиями (табл. 20). Всего на Урале на январь 1922 г. было собрано 75,7% продналога, что существенно выше общероссийского показателя (53,3%).

Тяжело проходил в 1921 г. сбор продналога и в Вотской области. Хотя в связи с неурожаем Ижевский и Можгинский уезды были освобождены от государственного налога на хлеб, местное обложение и остальные виды налогов оставались в силе. К 27 сентября уезды Вотской области смогли собрать лишь от 2,3% до 15,9% планового задания по хлебу, от 0,12% до 8,6% по картофелю, от 2% до 29,4% по мясу. На 30 октября поступило лишь 12,6% всех намеченных налогов. К 15 декабря Ижевский уезд сдал 14,07% налога на рожь, 4,05% на овес, 6,1% на крупы, 8,48% на мед, 28,12% на сено, 52,8% на мясо, 77,96% на яйца, 90,55% на масло¹⁴⁵.

После сбора урожая 1922 г. и налаживания более или менее регулярной помощи извне уральское крестьянство могло, как казалось, перевести дух. Расширение посевных площадей с 1923 г. свидетельствовало о том, что сельское хозяйство Урала миновало критическую точку. Стали возрождаться дореволюционные организационные формы крестьянского хозяйствования. На Среднем Урале на развалинах старых кредитных товариществ, ликвидированных в 1918 г., осенью 1921 г. затеплилось новое кооперативное строительство. На долю Кунгурского уезда, который не очень пострадал от голода 1921 — 1922 гг., пришлось собиране обломков бывших молочных и маслодельных артелей и создание кредитных товариществ. В начале ноября 1921 г. Пермский губернский союз сельскохозяйственных кооперативов (сельскосоюз) объединял всего 3 товарищества с 27 членами, в то время как Кунгурский уездный сельскосоюз насчитывал 58 товариществ и 2512 членов. В 1922 г. кооперативное движение поступательно росло: количество товариществ возросло с 95 в январе до 247 в августе, численность их членов — с 4,3 тыс. до 12,8 тыс. На территории Пермского уезда в них вошло 10% крестьян, в Кунгурском — 9%. Меньшего размаха достигло кооперативное строительство в других уездах Пермской губернии, в котором приняло участие 1 — 5% крестьян¹⁴⁶.

В том, что видимое возрождение кооператорства было лишь бледной тенью его предреволюционного предшественника, убеждает состав его участников. В артелях и товариществах 3% членов не имели земельных участков, 8% были бескоровными, 20,5% — безлошадными. Среди крестьян-кооператоров преобладали владельцы двух — пяти десятин земли (41%), одной коровы (74,5%), одной лошади (75%).

«Успех» сельского хозяйства Урала 1922 г. был весьма сомнителен и по другим показателям. Урожай в Башкирии был в два раза ниже необходимого для прокормления населения и скота и восстановления посевных площадей до уровня 1921 г.¹⁴⁷ В Челябинской губернии в 1922 г. была засеяна вся запланированная площадь, однако структура посева вызывала тревогу: пшеницы было засеяно от 20% планового задания в Челябинском уезде до 75% — в Курганском; недосев пшеницы достигал 68%, ячменя — 26%. Зато, учитывая опыт прошлого года, крестьяне усиленно возделывали стойкие к засухе культуры,

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

¹⁴⁵ Ижевская правда. 1921. 9 окт., 9 ноября, 21 дек.

¹⁴⁶ Пермский кооператор. 1922. 7 окт.

¹⁴⁷ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

перевыполнив задание по посеву проса более чем вдвое, картофеля — втрое, конопли — в пять раз¹⁴⁸. Это, в свою очередь, создавало проблемы со сбором продналога 1922 г.

С весны 1923 г. среди сельского населения 32 губерний СССР вновь стал нарастать голод. В апреле — июне голодали жители Вотской автономной области и трех губерний Урала. Наибольшие испытания вновь выпали на долю населения Южного Урала. В Челябинской губернии к лету 1923 г. голодало 400 тыс. человек, в БАССР — 800 тыс., — почти столько же, сколько весной 1922 г.¹⁴⁹

Уральскому сельскому хозяйству, таким образом, в годы революции, гражданской войны и перехода от «военного коммунизма» к НЭПу был нанесен смертельный удар, оправиться от которого ему было не суждено.

Крушение финансов. Паралич российской экономики в годы революции в значительной степени был обусловлен серьезнейшей травмой ее «позвоночника» — сломом денежного хозяйства, беспрецедентное разрушение которого превосходит европейские аналоги, в том числе инфляцию в Веймарской Германии¹⁵⁰. На момент взятия власти большевиками в стране в обращении находилось 19,6 млрд. р., в течение 1919 г. денежная масса выросла с 61,3 до 225 млрд. р., в 1920 г. в обороте было 1,2 трлн. р., в 1921 г. — 2,3 трлн. р. С 1913 по 1923 г. цены в среднем увеличились в 648230 тыс. раз. Покупательная способность ураганно увеличивающейся денежной массы упала с ноября 1917 г. по 1 июля 1921 г. в 76 раз — с 2200 млн. р. до 29 млн. р. Рубль, одна из самых стабильных валют в мире со времен денежной реформы С.Ю.Витте, обратился в резанную бумагу. В марте 1922 г. 1 фунт стерлингов по курсу госбанка стоил 2300 млн. р., североамериканский доллар — 520 млн. р., золотая десятирублевая монета — 260 млн. р., разменный серебряный рубль — 32 млн. р. Цены промышленной продукции массового спроса к весне 1922 г. выросли по сравнению с довоенными в 4700 тыс. раз, продукты питания вздорожали в 6900 тыс. раз.

Уже в течение 1917 г. курс довоенного товарного рубля в бумажных денежных знаках повысился с 3 до 18 р.¹⁵¹ Особенно стремительно обесценивались деньги во время гражданской войны и последней фазы «военного коммунизма». Рыночные цены на жиры с 1919 по 1921 гг. выросли в 32,5 тыс. раз, на сахар — в 42 тыс. раз, на соль — в 155 тыс. раз. Не смог остановить инфляцию и поворот к «новой экономической политике»: за первые 16 месяцев НЭПа покупательная способность рубля упала в 140 раз. Курс золотого рубля, составлявший в декабре 1921 г. 9 р. (образца 1922 г.), к концу мая 1922 г. вырос до 125 р., к ноябрю 1922 г. — до 840 р., к середине декабря — до 1350 р., к 21 декабря — до 1600 р. С 23 октября по 21 декабря 1922 г. стоимость одного золотника золота повысилась с 3500 р. до 7400 р.

Обесценивание денег в 1917 г. больно ударило по населению, в том числе уральскому. С января по декабрь 1917 г. цены на пшеничную муку на рынке Екатеринбурга повысились с 3,9 р. за пуд до 15 р., в Красноуфимске — с 4,5 р. до 18 р.; на ржаную муку, соответственно, с 3,6 р. до 13 р. и с 2,9 р. до 9,5 р.¹⁵² Фунт хлеба, который в до-

¹⁴⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 56.

¹⁴⁹ См.: Wehner M. Op.cit. S. 129.

¹⁵⁰ Подробно об инфляции в Советской России см.: Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917 — 1927). М., 1928.

¹⁵¹ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 1. С. 344.

¹⁵² Там же. Т. 2. С. 343 — 344.

военное время стоил 4 – 5 коп., в мае 1918 г. на рынке Екатеринбурга стоил 80 – 85 коп. (в Москве – 4 – 5 р.). Цена чая и сахара за это время выросла в шесть – семь раз¹⁵³.

В обстановке гражданской войны цены стремительно поползли вверх, особенно в «красной» зоне. Из Верхотурского уезда, недавно перешедшего от «красных» к «белым», 1 мая 1919 г. местные власти рапортовала управляющему Пермской губернией о небывало высоких ценах на продукты питания: пуд ржаной муки стоил 70 – 75 р., пшеничной – 80 – 85 р., семян – 100 – 110 р., крупчатки – 115 – 130 р., мяса – 250 – 300 р., сливочного масла – 480 – 560 р.¹⁵⁴

Инфляция неудержимо развивалась и после прекращения боевых действий на Урале. В Вятке и других городах Вятской губернии в течении января 1919 – апреля 1920 г. стоимость самых необходимых продуктов питания неуклонно росла, несколько сбрасывая темпы, а иногда и незначительно отступая в конце лета – начале осени в связи с новым урожаем (табл. 21). С августа 1919 г. по февраль 1920 г. цены на предметы первой необходимости в Перми подскочили в 8,5 раз¹⁵⁵. Стоимость продуктов стала измеряться четырехзначными цифрами.

Во время голода 1921 – 1922 гг. цены на товары массового спроса стали взвиваться мощными протуберанцами, перевалив миллионный рубеж. По данным Вятского губернского статистического бюро, цены на ржаную муку с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. выросли со 176 тыс. до 2 млн. р. за пуд, на картофель – с 23 тыс. до 371 тыс. р., на говядину – с 3,5 млн. до 38,4 млн. р., на коровье масло – с 25,5 млн. до 203 млн. р. (табл. 21). Губстатбюро описывало динамику подъема цен следующим образом:

«До 1 февраля подъем цен происходил быстро, но он характеризовался известной постепенностью. Февраль же месяц прошел под знаком особенно стремительного вздорожания; поднявшись быстрее обычного в начале этого месяца, во второй половине его цены на все продукты сдавали небывало резкий скачок вверх»¹⁵⁶.

Быстрее всего цены росли в Вятке и Котельниче. В губернном центре цены на картофель выросли в 24,5 раза.

Стремительно росли цены в начале 1922 г. и в других губерниях Урала. По подсчетам Екатеринбургского губернского статистического бюро, цены на продовольствие в губернии выросли в декабре 1921 г. на 294%, в январе и феврале 1922 г. ежемесячно повышались на 180%, в марте – на 238%, в том числе на ржаную муку – на 258%, на пшеничную – на 242%. Наиболее быстро в марте 1922 г. цены повысились на яйца (на 741%) и овощи (картофель – на 308%), менее быстро они росли на мясо (на 177%), молоко (175%), масло (132%). Цены на соль, сахар, растительное масло выросли незначительно. По сравнению с 1913 – 1914 гг. цена бюджетного набора продуктов, обеспечивающих нормальное существование, весной 1922 г. выросли в 2323 тыс. раз, с октября 1921 – в 24,5 раза, с января 1922 г. – в 3,9 раз¹⁵⁷. Если в октябре 1920 – марте 1921 г. цены на продукты питания в Екатеринбурге выросли в несколько раз раз, то за этот же период 1921 – 1922 гг. – в десятки раз (табл. 22). Только с 1 по 21 февраля 1922 г. цены на продовольствие и фураж поднялись в Екатеринбурге на 25 – 117%, в Камышлове с 25 января по 15 февраля – на 15 – 60%, в Перми – на 7 – 48%, в Уфе – на 59 – 100%¹⁵⁸.

¹⁵³ Уральское хозяйство. 1918. № 32. С. 4.

¹⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 28.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 22об.

¹⁵⁶ Деревенский коммунист. 1922. 5 марта.

¹⁵⁷ Уральский рабочий. 1922. 11 апр.

¹⁵⁸ Бюллетень Уральского областного отделения Центросоюза и Уральского рабочего кооперативного комитета. 1922. 28 февр.

В Челябинской губернии цены на овес с 1 ноября 1921 г. по 15 марта 1922 г. выросли в 24 раза, на сено — 20 раз¹⁵⁹. Несколько медленнее дорожали продукты питания и предметы массового потребления, цены на которые резко подскочили во второй половине декабря 1921 г. — в полтора — три раза, а с середины марта по середину апреля 1922 г. — в два — шесть раз (табл. 23, 24). При этом цены на Южном Урале, особенно пострадавшем от неурожая 1921 г. и разверсток 1919 и 1920 гг., были значительно выше, чем в вятском Прикамье.

После преодоления массового голода цены росли медленнее. С октября 1922 г. до конца года продукты питания подорожали в Челябинске в среднем в 1,5 — 2,5 раза. Зато резко возросли в цене одежда и материалы для ее изготовления: сукно и сапоги — в 6 раз, ситец — в 24 раза¹⁶⁰. В Екатеринбурге динамика инфляции осенью — зимой 1922 — 1923 гг. также стала терять прежние угрожающие темпы. Исключение составляла мука, которую люди по опыту прошлой зимы прикупали с запасом. С 15 ноября по 25 декабря 1922 г. цены на масло и мясо повысились примерно в полтора раза, зато на муку — в три раза.

Вопрос о причинах столь масштабной инфляции заслуживает особого внимания. Современники событий, а затем и историки, относившиеся к «диктатуре пролетариата» с антипатией, склонны были вину за развал денежного хозяйства России целиком относить на счет большевиков¹⁶¹. Между тем, механизм инфляции был запущен еще в последние годы существования Российской империи, во время мировой войны. В июле 1914 г. был принят закон о прекращении размена бумажных денег на золото, при этом резко усилился выпуск бумажных денег. В результате этой акции к концу 1914 г. из обращения исчезло золото, затем серебро (сначала рубли, для которых использовался металл более высокой пробы, затем — разменная монета), к концу 1915 г. пропала медь¹⁶². Если на 16 июля 1914 г. рубль был обеспечен золотом на 98%, при золотом запасе в 1714 млн. р., то к 1 октября 1917 г. усилиями царского, а затем и понадевшегося на печатный станок Временного правительства, масса кредитных билетов выросла до 17291 млн. р., в то время как золотой запас сократился до 1296,5 млн. р. Соотношение золота и бумажных денег в России осенью 1917 г. было значительно менее благоприятным, чем во Франции и Германии, где денежная масса в четыре раза превышала золотой запас, не говоря уже об Англии, где золота было в полтора раза больше, чем имевших хождение купюр¹⁶³. В результате бумажный рубль обесценился, будучи обеспечен золотом лишь на 7,5%, а цены на товары подскочили в 7,5 раз. Особенно стремительно цены на продукцию массового спроса выросли в 1916 г. (на 80%), причем особый размах инфляция приобрела в конце 1916 г., игнорируя введение твердых цен. За последние три месяца предреволюционного года цены в Европейской России выросли в среднем на 27%, в том числе на муку — на 44 — 56%, на хлеб — на 55 — 58%, на говядину — на 131%, на сливочное масло — на 161%, на молоко — на 110%, на мыло — на 130%, на дрова — на 128%¹⁶⁴.

Тяготы предреволюционной инфляции испытало на себе и население Урала. С 1914 по 1917 г. цены на муку на Урале выросли в 4,5 раза¹⁶⁵. В Вятке с 1 июля 1914 г. по 1 мар-

¹⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 40. Л. 38.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 107, 152.

¹⁶¹ См., напр.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. С. 370 — 371.

¹⁶² См.: Мец Н. Наш рубль. М., 1960. С. 43 — 44.

¹⁶³ Уральское хозяйство. 1918. № 38 — 41. С. 11 — 12.

¹⁶⁴ Пермская жизнь. 1917. 3 марта.

¹⁶⁵ Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 1. С. 121.

Таблица 21¹⁶⁶

Стоимость суточного пайка в Вятской губернии (в р.)

Год	Месяц	Вятка	Орлов	Нолинск	Воткинск
1919	Январь	19,2	11,0	5,0	
	Февраль	21,3	15,5	6,1	
	Март	23,2	15,8	8,8	
	Апрель	26,7	19,3	11,0	
	Май	38,6	24,2	14,2	
	Июнь	48,7	43,0	18,7	
	Июль	57,1	50,3	21,4	
	Август	52,3	56,8	32,4	
	Сентябрь	67,3	60,1	33,9	24,3
	Октябрь	114,0	84,3	28,7	31,6
	Ноябрь	171,2	128,7	85,7	52,3
	Декабрь	208,0	114,8	110,1	60,6
1920	Январь	296,6	201,2	119,2	114,8
	Февраль	392,1	208,5	153,7	120,7
	Март	479,4	250,5	183,2	212,6
	Апрель	711,5	256,9	286,9	201,7

Таблица 22

Темпы удорожания продуктов питания в Екатеринбурге в 1920 – 1922 гг. (%)

Продукты	Октябрь 1920 г.	Март 1921 г.	Октябрь 1921 г.	Март 1922 г.
Картофель	100	500	100	4348
Мука	100	278	100	3117
Овес	100	300	100	2500
Масло топленое	100	222	100	1595
Говядина	100	233	100	1224

Таблица 23

Рыночные цены в Челябинске 15 – 31 декабря 1921 г. (тыс. р. за пуд).

Продукты	15 декабря	22 декабря	31 декабря
Мука пшеничная	510	650	950
Мука суррогатная	95	120	180
Пшеница	460	560	800
Овес	150	240	280
Семя льняное	180	180	420
Говядина	400	480	700
Баранина	480	560	800
Сало топленое	800	1000	1600
Сало-сырец	700	800	1000
Масло топленое	1600	1800	2200
Соль	60	50	60
Пшено	280	300	?
Окунь	480	480	700

¹⁶⁶ Табл. 21 – 26 составлены на основе следующих источников: ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 61. Л. 2, 3; ОГАЧО Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 243. Л. 5; Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 40. Л. 168; Пермская жизнь. 1917. 1 янв.; Деревенский коммунист. 1922. 5 марта; Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы в 2-х томах. 1900 – 1984. Т. 1: 1900 – 1928. Екатеринбург, 2000. С. 403 – 406.

Таблица 24

Рост цен в Челябинской губернии в 1922 г. (тыс. р.).

Наименование товаров	17 января	17 февраля	15 марта	20 апреля
Картофель (пуд)	400	600	1000	4000
Мясо (фунт)	26	50	70	300
Масло сливочное (фунт)	75	?	200	600
Рыба (фунт)	17	45	55	120
Сахар—рафинад (фунт)	140	250	260	600
Соль (фунт)	3,8	5	8	25
Спички (коробка)	1,9	2,5	3,5	10
Махорка (фунт)	48	96	80	320
Мыло (фунт)	25	50	60	220
Кофе—суррогат (фунт)	20	45	65	70

Таблица 25

Цены на продукты питания в Перми (в рублях)

Наименование товаров	Сентябрь 1913 г.	Сентябрь 1916 г.	15 ноября 1916 г.	Кратность вздорожания
Мука ржаная (пуд)	0,98	3,27	3,35	3,4
Мука пшеничная (пуд)	1,3	3,95	3,8	3,0
Крупа гречневая (пуд)	1,75	4,3	4,3	2,5
Картофель (пуд)	0,35	0,9	1,1	3,0
Лук (пуд)	0,9	3,9	4,5	5,0
Масло топленое (пуд)	15,25	57	66	4,3
Мясо коровье (пуд)	4,7	12,5	12,6	2,7
Яйца(десяток)	0,19	0,6	0,7	3,7

Таблица 26

Соотношение цен в Москве и городах Вятской губернии в 1920 г. (%)

Города	Январь	Февраль	Март	Апрель
Москва	100	100	100	100
Вятка	27,2	34,3	46,6	61,4
Орлов	18,5	18,2	24,3	22,2
Нолинск	10,9	13,5	17,8	24,8
Воткинск	10,5	10,6	20,6	17,6

та 1917 г. цены на муку выросли в 4,7 раза, на масло — в шесть раз, на мясо и молоко — в четыре раза, на яйца — в восемь раз¹⁶⁷. В Перми продукты с сентября 1913 г. до середины ноября 1916 г. подорожали в 2,5 — 5 раз (табл. 24).

В среднем трехкратный рост цен за годы войны при двойном увеличении зарплаты уральского рабочего означало, что его заработок, который до войны на 60 — 75% расходовался на приобретение продуктов питания, в начале 1917 г. полностью тратился на съестное¹⁶⁸.

Уже в январе — марте 1915 г. в Уфимской губернии пуд пшеницы стоил от 96 до 112 к., в то время как в первой половине 1913 г. ее цена колебалась между 69 и 87 к. Стоимость пуда ржи выросла с 49 — 67 к. до 74 — 81 к., пуда масла — с 13,2 — 14,6 р. до 14,9 — 15,7 р.¹⁶⁹ В Бирском уезде Уфимской губернии с мая 1914 по май 1917 г. ржаная мука подорожала в пять раз, картофель — в 30 раз. В 10 раз поднялись цены на пшеничную муку, крупчатку, мясо¹⁷⁰.

Особенностью инфляции в период Первой мировой войны было то, что цены росли медленнее денежной массы, вследствие чего ее покупательная способность в целом увеличивалась. Следовательно, активное печатание денег было временным, но эффективным средством финансирования государственных расходов в чрезвычайных условиях. Однако к Февральской революции, по мнению Э.Карра, инфляция в России вступила во вторую фазу: население, осознав факт инфляции, утратило веру в деньги, и цены начали расти значительно быстрее денежной массы. Общая покупательная способность стала стремительно падать. Таким образом, и Временное, и большевистское правительство оказались заложниками, а не злыми гениями и организаторами инфляционного процесса. В условиях постоянно сжимающегося, а при большевиках — гонимого рынка промышленных и сельскохозяйственных товаров массового спроса и недоверия масс к власти, никакие мероприятия государства — ни введение твердых цен, ни попытки изъятия обесцененных денег, ни преследование черного рынка — не могли остановить инфляцию, а власти — будь то Временное правительство, большевистская центральная и местная власти, региональные антибольшевистские государственные образования или военная диктатура А.В.Колчака — не оставалось ничего иного, как продолжать печатать старые или начать печатать новые денежные знаки, безуспешно пытаясь угнаться за бешеным темпом инфляции.

Свою немалую лепту в разорение денежного обращения в России вольно и невольно внесли большевики. Сам факт их прихода к власти вызвал двукратное падение курса рубля с 23 октября по 4 ноября 1917 г. Принципиальная установка большевистского руководства на ликвидацию капиталистических отношений, а вместе с ними и денежного обращения, спровоцировала их легкомысленное и едва ли не злорадное отношение к финансовому краху страны. До февраля 1919 г. большевистское правительство не печатало собственных денег, продолжая умножать денежную массу «керенок» — кредитных знаков Временного правительства. Затем, наряду с ними появились — сразу же обесцененные — советские денежные знаки (совзнаки), еще более подхлестнувшие инфляцию. Безответственное отношение большевиков к финансовой политике вызывало возмущение их противников. Так, в мае — июле 1918 г. (еще при

¹⁶⁷ См.: Кирюхина Е.И. 1917 год в Вятской губернии / Вятская земля в прошлом и настоящем (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23 — 25 мая 1989 года. Киров, 1989. С. 87.

¹⁶⁸ Уральская жизнь. 1917. 7 февр.

¹⁶⁹ См.: Типеев Ш. Указ. соч. С. 119.

¹⁷⁰ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.): Сб. документов и материалов. Уфа, 1957. С. 107.

советской власти!) в издании Екатеринбургского союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ «Уральское хозяйство» вышел ряд статей о состоянии денежного хозяйства России, авторы которых не оставили камня на камне от позиции большевистского правительства по вопросам финансов. Весьма подозрительным казалось им отсутствие с ноября 1917 г. какой-либо официальной информации о наличии золота в Государственном банке, которая и до февраля 1917 г., и при Временном правительстве ежемесячно предавалась гласности¹⁷¹:

«После же перехода власти к большевикам 23 октября 1917 года до сих пор нигде не объявлено, сколько и на какую сумму бумажных денежных знаков было выпущено этим правительством, и можно лишь догадываться, имея косвенные данные, что за 5 месяцев большевистской властью отпечатано бумажных денег около 12 миллиардов р. Кроме этого выпущено немало разных купонов всех видов займа, чеков. Также нужно принять во внимание, что за последнее время с разрешения правительства печатают деньги, кроме государственной типографии, и в частных типографиях Петрограда, следовательно, бумажных денег выброшено на рынок около 32 – 35 миллиардов рублей»¹⁷².

Негодую на небрежное отношение большевиков к финансам, их оппоненты вынуждены были признать, что никаких иных источников пополнения государственной казны нет — налоги не собираются, на займы рассчитывать не приходится: «нам денег никто не даст, так как настоящая власть одним из очередных декретов платить по этим займам отказалась».

«Может ли настоящая власть, не имеющая кроме печатного станка других источников доходов, отказаться печатать эти деньги? Ведь источника налогового дохода теперь у настоящей власти нет, ей почти никто налогов не платит! Понятно, нельзя серьезно считать за источник государственных доходов разные «контрибуции», взятые с буржуазных слоев населения»¹⁷³.

Альтернативные попытки остановить инфляционный вал с помощью введения собственных валют и изъятия из обращения денежных излишков во время гражданской войны успеха не имели и приводили к еще более тягостным для экономики последствиям. Так, не смогли преодолеть жалкое положение финансов меры Сибирского правительства по оздоровлению рубля. Его постановлением в ноябре 1918 г. на всей территории, освобожденной от советской власти, объявлялось свободное хождение, наряду с кредитным билетом, разменных казначейских знаков достоинством 50, 25, 20, 10, 3, и 1 р., выпущенных госбанком Сибири. Попытка Временного российского правительства А.В.Колчака весной 1919 г. изъять «керенки» достоинством 20 и 40 р. вызвали взлет цен, прекращение торговли, приостановку крестьянами подвоза хлеба в города, рост в 2,5 раза арендной платы за землю и перспективу значительного недосева хлебов¹⁷⁴. Огромные запасы кредитных билетов Временного правительства, обесцененные и поэтому ходившие в неразрезанных рулонах, остались на руках у крестьян, и, по свидетельству очевидцев, использовались ими еще в конце 20-х гг. в качестве обоев.

Не имея сил справиться с валом «пустопорожних» денег, «белые» власти вынуждены были не только печатать собственные деньги, но и мириться с хождением на своих территориях «вражеских» купюр. Так, утвержденным А.В.Колчаком постановлением омского Совета министров от 25 февраля 1919 г. советские боны стоимостью 1 и 5 рублей, выпущенные Екатеринбургским и Пермским отделениями Государственного банка, допускались к обращению наряду с общегосударственными денежными знаками на тер-

¹⁷¹ Уральское хозяйство. 1918. № 18. С. 4 – 5; № 38 – 41. С. 11 – 12.

¹⁷² Там же. 1918. № 18. С. 4.

¹⁷³ Там же. С. 5.

¹⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 54. Л. 1.

ритории Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской и Tobольской губерний, с обязательством держателей предоставить их до 1 мая 1919 г. в Пермское, Тюменское, Челябинское или Екатеринбургское отделение госбанка для заштемпелевания¹⁷⁵.

Большой эффект имела знаменитая денежная реформа 1921 – 1924 гг., ставшая одним из важных инструментов НЭПа. В конце 1921 г. в обращение был введен серебряный рубль, в 1922 г. появились бумажные червонцы, приравненные к 10 золотым рублям, а затем в свободном обращении оказался и золотой червонец. Была проведена деминация рубля: рубль образца 1922 г. был приравнен к 10 тыс. прежних рублей. Не следует, однако, переоценивать эффект этой реформы. По данным авторитетного специалиста в области финансов Л.Н. Юровского, в течение первого года НЭПа цены выросли в 71,8 раза, в то время как в предыдущем году – в 9,9 раза. Тем не менее, государству на этот раз впервые удалось поймать инфляцию за хвост: в 1920/21 г. денежная масса росла вдвое медленнее цен, а в 1921/22 г., напротив, скорость дороговизны в два раза отставала от темпов увеличения количества денег¹⁷⁵. Наступал короткий период стабилизации российской финансовой системы.

Двуликий Янус торговли и распределения. В неразрывной связи с коллапсом российского сельского хозяйства, промышленности и финансовой системы находилась агония торговой сферы, на которую общая неблагоприятная экономическая конъюнктура воздействовала двойственным образом: параллельно со свертыванием свободного торгового оборота приобретал небывалый размах черный рынок. Государственные мероприятия 1916 г. по ограничению цен, частичная монополизация торговли сельскохозяйственным сырьем и введение карточек на хлеб и сахар вызвали угасание вольного рынка, еще не приспособившегося к нелегальному существованию.

Размывание рынка мирной продукции и снижение платежеспособности беднеющего населения во время войны неизбежно сказывались на состоянии торговли на Урале. В конце января 1917 г., за два дня до открытия знаменитой Ирбитской ярмарки, корреспондент одной из газет запечатлел безрадостную картину:

«Не тянутся когда-то бесконечные обозы сибирских ямщиков, не везут товаров из России, заперты двери торговых ярмарочных помещений, нет той предпраздничной суеты и разборки товаров в Пассаже, не шныряют по улицам наши доморощенные “Ваньки”, согласные в прежние времена объехать за 5 коп. весь город.

Пусто, тихо и сонно...»¹⁷⁷.

В слободе Кукарка Вятской губернии, которая ранее славилась хлебным рынком, в конце 1916 – начале 1917 г. торговая жизнь заглохла: ржаная мука не появлялась в свободной продаже, разве что по знакомству ее можно было купить по 3,2 р. за пуд¹⁷⁸.

На протяжении 1917 г. легальная торговля постепенно сворачивалась как из-за сокращения промышленного и сельскохозяйственного производства, так и из-за продолжения Временным правительством малоуспешной политики частичного регулирования товарооборота. После прихода к власти большевиков торговле, как явлению, не вписывающемуся в планы социалистического переустройства, была объявлена беспощадная, но также малоэффективная война. Национализация торговли в условиях

¹⁷⁵ Сибирские стрелки. 1919. 12 марта.

¹⁷⁶ Jurowsky L. Währungsprobleme Sowjetrusslands. Berlin, 1925. S. 48, 49.

¹⁷⁷ Уральская жизнь. 1917. 28 янв.

¹⁷⁸ Вятская речь. 1917. 5 февр.

отсутствия действенного государственного аппарата для организации товарообмена ввергла движение товаров в хаос. При национализации частных магазинов и складов были расхищены или испорчены огромные запасы продовольствия, вследствие чего население столиц впервые испытало настоящий голод¹⁷⁹. Уличные торговцы в городах арестовывались и штрафовались, а крестьянам предлагалось ссыпать хлеб на склады продовольственных комитетов в обмен на «квитки», по которым они могли получить в уездном городе оплату по твердым ценам. Неудобство и невыгодность этой процедуры обусловили массовое уклонение от нее крестьянства. В результате с конца 1917 г. до осени 1918 г. — до утраты в ходе гражданской войны основных хлеботорговых районов — советское государство смогло заготовить чуть более 1 млн. т. зерна, или 11% хлебных излишков, то есть в 10 раз меньше, чем министерство земледелия в 1916 г., и в 6 раз меньше, чем Временное правительство. Хаос заготовительной кампании охватил Поволжье и вятское Прикамье, из которого весной 1918 г. в народный комиссариат продовольствия (наркомпрод) с тревогой сообщали: «В дело заготовки хлеба внесена полная анархия. Закупочного аппарата на местах нет»¹⁸⁰. Ослабшие традиционные торговые связи стали насильственно обрываться. Так, 10 ноября 1917 г. был запрещен вывоз хлеба и фуража из Челябинского района¹⁸¹.

Провал советской продовольственной политики создал благоприятные условия для расцвета черного рынка: в середине 1918 г. население городов в зоне большевистского господства покупало у частных нелегальных торговцев, окрещенных в Советской России «мешочниками», от 70 до 90% потребляемого продовольствия. Во второй половине 1918 г. государство «диктатуры пролетариата» в спешном порядке создало систему борьбы с нелегальным товарооборотом, которая, правда, реально дала значительно меньший эффект, чем предполагали ее творцы: наркомпродом была сформирована продовольственная армия. Заградительные и реквизиционные отряды наводнили деревню. Крестьяне по мере сил сопротивлялись сдаче хлеба государству по твердым ценам, которые абсолютно не соответствовали действительному спросу и были в десятки раз ниже рыночных. Загнанная такими мерами в подполье торговля была в значительной степени парализована. Пытавшиеся реанимировать ее в отвоеванных у Красной армии районах «белые» власти вынуждены были констатировать: «...местные торговцы, обобранные большевиками, ничего не предпринимают»¹⁸².

Таким образом, в 1918 г. в стране сложилась причудливая ситуация, которая мало соответствует расхожему представлению о монолитном характере политики «военного коммунизма»: «...в Советской России времен военного коммунизма бок о бок существовали две различные системы распределения — распределение государственными органами по твердым ценам (или впоследствии бесплатно), и распределение через частную торговлю»¹⁸³.

Антисоветские режимы, в том числе возникшие летом 1918 г. на территории Урала, не сталкивались со столь острой продовольственной проблемой. Разрешение свободной оптовой и розничной торговли действовало на рынок продуктов питания умиротворяюще. И тем не менее в условиях гражданской войны и конкуренции обла-

¹⁷⁹ Подробно о советской продовольственной политике и ее реальном эффекте см.: Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988; Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918 — 1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 42 — 52; Павлюченко С.А. Военный коммунизм в России... С. 229 — 250.

¹⁸⁰ Цит. по: Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 43.

¹⁸¹ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 3. С. 122.

¹⁸² ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 28.

¹⁸³ Карп.Э. Указ. соч. Кн. 1. С. 592.

стнического эгоизма даже горячим поборникам свободных буржуазных отношений приходилось переступать через собственные принципы. Так, 29 августа 1918 г. в заседании ВОПУ рассматривался вопрос о создании Главного управления продовольствия, первоочередные задачи которого мало чем отличались от генерального направления деятельности большевистских продовольственных органов:

«а) выявление хлебных запасов года на территории Урала путем подсчета урожая текущего года и учета излишков прежних лет, б) установление продовольственной потребности населения области и определение размеров недостатка, в) изыскание источников, откуда могут быть пополнены эти недостатки и все мероприятия по приобретению зерна, г) контроль над распределением хлебных заготовок по районам и пунктам области, установление хлебных цен и организация перемола зерна»¹⁸⁴.

Сам переход от твердых цен на рыночные, который был объявлен на том же заседании ВОПУ, был в значительной степени вынужденной мерой. Так как основным хлебным рынком для Среднего Урала была Сибирь, где хлебная монополия государства была отменена, было решено «принять этот же порядок в отношении урегулирования хлебных цен и на территории, подведомственной Областному правительству Урала»¹⁸⁵.

Свобода рыночных отношений то и дело пресекалась силовыми решениями конкурирующих между собой противников Советов. Во время существования Уральского областного правительства уполномоченный Сибирского правительства запретил вывоз из Кыштымской волости Екатеринбургского уезда предметов продовольствия в сторону Екатеринбурга. С рвением, достойным большевистского функционера, им были выставлены заставы на железных и грунтовых дорогах для реализации этого запрета. На продукты, ввозимые из Сибири на территорию ВОПУ, сибирской стороной была наложена 50-процентная пошлина, из-за чего их ввоз на Урал стал ощутимо сокращаться¹⁸⁶. Рьяные конкуренты — Сибирское и Самарское правительства — с азартом арестовывали и реквизировали грузы, предназначенные оппоненту.

Создание общероссийского антибольшевистского режима с центром в Омске не привело к кардинальному оздоровлению и процветанию рыночных отношений. Продолжавшаяся инфляция провоцировала малоэффективные, в конечном итоге, попытки их регулирования. Екатеринбургское отделение Сибирского торгового банка в марте 1919 г. предложило, например, нормировать коммерческую прибыль, то есть определить ее предельный (читай, не спекулятивный) размер. Было предложено считать нормальной прибылью 8 — 10% при торговле зерновыми и хлебными продуктами, 12 — 15% — мясом и рыбой, 15% — обувью, 20% — мануфактурой и галантереей¹⁸⁷.

Попытки ограничить вольные цены на «белых» территориях болезненно воспринимались торговцами, накопившими горький опыт существования в условиях борьбы со спекуляцией при Временном правительстве и особенно при большевистской диктатуре. Эта тема специально была затронута в письме С.С. Постникова о мотивах своей отставки с поста главного начальника Уральского края в апреле 1919 г.:

«...Никто спокойно не работает: все опасаются преследования. Торговцы, не спекулянты, опасаются вести дела, потому что в этой атмосфере и их замешают в спекуляцию. Несмотря на запугивание, спекулянтов военные не поймали, а других от торговли отодвинули. Населению от этого еще хуже»¹⁸⁸.

¹⁸⁴ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 19.

¹⁸⁵ Там же. Л. 20.

¹⁸⁶ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 85.

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

¹⁸⁸ Колчаковщина на Урале. С. 87.

В итоге, в период гражданской войны удар по торговле был совершен обеими сторонами — и «красными», и «белыми».

После завершения гражданской войны большевистское государство вернулось на отвоеванных территориях, в том числе на Урале, к продовольственной политике образца 1918 г.¹⁸⁹ В апреле 1919 г. произошла корректировка «классовой» карточной системы 1918 г. в сторону ее унификации. Был введен единый трудовой классовый паек, уравнивший в правах советских служащих с рабочими. Для тотального внедрения карточной системы весной 1919 г. были национализированы кооперативы. Декретом от 16 марта 1919 г. было предписано создание потребительских коммун, в которые для распределения продуктов должны были в обязательном порядке вступить все без исключения жители. Таким образом, кооперация была превращена в придаток наркомпрода. Однако скудость государственных запасов и примитивная система их пополнения не позволяли подключить к советской распределительной системе большую часть населения. В 1920 г. на пайковом снабжении в России было 40 млн. человек из 130,6 млн. На Урале в период второго издания «военного коммунизма» 1919 — 1920 гг. от четверти до трети городского населения было вынуждено заниматься сельским хозяйством, чтобы иметь минимум пропитания. Неудачная попытка централизованной регламентации потребления в условиях развала экономики обернулась массовой трагедией голода 1921 — 1922 гг.

Жевучести «мешочничества» в годы «военного коммунизма» содействовала и противоречивая политика государства по отношению к спекуляции: самоснабжение то категорически запрещалось, то — в период обострения продовольственного кризиса — вновь допускалось¹⁹⁰.

Значительное отставание рыночных цен на периферии страны от цен в центре России создавало благоприятную конъюнктуру для «мешочничества», процветавшего и на Урале. В этой связи даже частично потребляющее сельскохозяйственную продукцию извне вятское Прикамье являлось для «мешочников» из Европейской России и для местных спекулянтов лакомым куском (табл. 26). Цены на продукты были тем ниже, чем труднее — по причине удаленности от железных дорог — было их вывезти. Вместе с тем, динамика изменения цен свидетельствует о том, что провинциальные цены, оставаясь значительно ниже столичных, росли быстрее последних. Возможно, это было связано с активностью «мешочников», взвинчивавших местные цены.

Вместе с отменой продразверстки декретом от 21 марта 1921 г. были созданы минимальные условия для свободного развития торговли:

«Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства.

Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах»¹⁹¹.

Через неделю «Декретом СНК о разрешении свободного обмена, продажи и покупки хлебных и хлебофуражных продуктов, картофеля и сена в ряде губерний РСФСР» разрешалась торговля излишками сельскохозяйственной продукции, в том

¹⁸⁹ Подробнее см.: Метельский Н.Н., Толмачева Р.П. Кооперативное движение на Урале в условиях «военного коммунизма» (1918 — 1921 гг.) Свердловск, 1990; Метельский Н.Н. Указ. соч. С. 96; Павлюченко С.А. Военный коммунизм в России... С. 231 — 232; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»... С. 94 — 132.

¹⁹⁰ См.: Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 50.

¹⁹¹ Декреты Советской власти. Т. XIII. С. 246.

числе хлебом и фуражом – на всей территории Урала, картофелем – в Вятской и Пермской губерниях, сеном – в Екатеринбургской губернии¹⁹². Такие ограничения торговли были вызваны попыткой в рамках НЭПа развернуть товарообмен по образцу 1918 г. через огосударствленную наркомпродовскую кооперацию. Этот эксперимент, однако, провалился из-за неспособности заскорузлой, стесненной инструкциями и регламентами организации конкурировать со вновь ожившим «мешочничеством».

Изумленные современники наблюдали быстрое оживление торговли, напоминавшее «добрые старые времена». В Пермской губернии по сути дела на пустом месте стало возрождаться первоначально хилое кооперативное движение. Ожились обезлюдившие при «военном коммунизме» рынки и торговые улицы городов. Как по маговению волшебной палочки явились давно забытые ярмарки. В Челябинской губернии на Ивановской ярмарке в октябре 1922 г. бойко торговали мукой и овсом, продуктами питания и дровами, мылом и табаком, одеждой и обувью, ситцем и сукном¹⁹³. Экономика, пережившая невиданное падение, от которого, казалось бы, невозможно было оправиться, начинала оживать.

¹⁹² Там же. С. 284 – 285.

¹⁹³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 107.

1.3. Социальное разложение

«Люди, стиснутые ограниченностью своей культуры, унаследованных программ воспроизводства, закрытостью общества, в существенно усложнившихся условиях оказываются ограниченными старыми возможностями противостоять нарастающей дезорганизации. Такая рассогласованность может принять форму необратимого процесса, ведущего к катастрофе, к гибели.»

А. С. Ахиезер

Штрихи к динамике народонаселения. «Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры»¹. Банальная сентенция русского религиозного философа в отношении российской революции приобретает трагический смысл. В грандиозной катастрофе русского лихолетья распад общества дошел до немыслимой для современного человека крайней отметки, до черты, за которой маячило физическое вымирание.

Демография российской трагедии весьма приблизительно и неполна. По мнению профессионалов, динамика народонаселения России в 1917 – 1922 гг. требует специального изучения, что сопряжено с труднопреодолимыми препятствиями. Статистические данные фрагментарны и ненадежны, по отдельным процессам, например, по естественному движению населения 1917 – 1921 гг., сведения отсутствуют почти полностью². Этим объясняются приблизительно и разночтения в цифровой информации, которой оперируют историки. Вместе с тем, работники статистических служб на территории России в годы революции, гражданской войны и тяжелого выхода из завалов «военного коммунизма» совершили поистине профессиональный подвиг, в тяжелейших условиях делая возможное и невозможное для сбора и обработки количественных данных о состоянии страны и протекании различных социальных процессов в агонизирующем обществе. Это позволяет реконструировать хотя бы ориентировочную картину социального распада в России и отдельных регионах.

Население Российской империи накануне Первой мировой войны насчитывало около 166 млн. человек и к началу 1923 г., по ожиданиям специалистов, в условиях мирного существования должно было вырасти до 207,5 млн. человек. Между тем, на территории СССР в 1923 г. проживало всего 137,5 млн. жителей. Убыль 70 млн., или треть ожидаемой численности, не поддается иному определению как демографическая катастрофа. Утратив 30 – 32 млн. жителей в результате усеечения территории, 2 – 3 млн. вследствие массовой эмиграции и 20 – 22,5 млн. из-за косвенных демографических потерь, страна потеряла за 1914 – 1922 г. около 20 млн. человек – жертв прямой демографической убыли. Из них 2 млн. погибло во время мировой войны. Преобладающая часть потерь падает на 1917 – 1922 гг. Согласно оценке Ю.А.Полякова, за это время население Советской России сократилось примерно на 13 млн., – со 147,6 млн. в конце 1917 г. до 134,9 млн. в начале 1922 г. По мнению А.И. Степанова, в эти годы на тер-

¹ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1990. С. 36.

² См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Население Советского Союза. 1922 – 1991. М., 1993. С. 3.

ритории будущего СССР погибло 16 – 18 млн. человек. Среди них 5 – 6 млн. стигнули от голода, около 3 млн. – от болезней, 3 млн. – на полях сражений гражданской войны; «белый» террор унес 0,2 – 0,25 млн. жизней, «красный» – 0,5 млн.³ Характеризуя качественные параметры демографической трагедии, А.И. Степанов прибегнул к рискованному своей простотой образу: «пока воевали “красные”, “зеленые” и “белые”, победили “серые”»⁴.

Несмотря на некоторые пробелы, демографическая статистика свидетельствует, что Урал в 1917 – 1922 гг. оказался зоной бедствия. Симптомы демографического неблагополучия в регионе проявились накануне революции 1917 г., в годы Первой мировой войны. Население Урала, стабильно возрастающее с конца XIX в., на протяжении 1913 – 1916 гг. потеряло более миллиона жителей (табл. 27).

Динамика народонаселения предреволюционных лет позволяет проследить тенденции, характерные для движения уральского населения и в годы революционных потрясений. Во-первых, Урал терял прежде всего сельских жителей. Если численность жителей сельской местности в 1916 г. была меньше, чем в 1913 г., на 1313705 человек, то количество горожан в это время возросло на 131895 человек. Во-вторых, сокращение числа жителей, вызванное, прежде всего, войной и мобилизациями на фронт, в первую очередь шло за счет мужчин призывного возраста. Обе тенденции без труда обнаруживаются при анализе погубернских данных о динамике изменения численности народонаселения Урала в 1917 – 1922 гг., протекавшей с несколькими особенностями в отдельных частях региона.

В Вятской губернии в границах 1922 г., которая находилась в стороне от эпицентра столкновений гражданской войны на Урале, численность населения, тем не менее, с 1912 по 1920 г. уменьшилась на 53 тыс. или на 2,5%, а его плотность понизилась с 20 до 19 человек на 1 км². В 1921 г. число жителей увеличилось на 108 тыс., причиной чему был, по всей видимости, мощный приток беженцев из соседних губерний пострадавшего от засухи Поволжья, но в 1922 г. вновь сократилось на 68 тыс. человек, в том числе 30 тыс. детей. В итоге население Вятской губернии в 1922 г., по сравнению с 1920 г., незначительно возросло (на 1,9%)⁵.

Динамика народонаселения и численности социальных групп в отдельных местностях губернии существенно различалась. Количество жителей Слободского уезда в 1920 г. возросло на 2,1% по сравнению с 1912 г., а Халтуринского – понизилось на 7,3%. Наблюдался рост городского населения: с 1897 г. по 1920 г. оно выросло на 28,8%, причем в Вятке – более чем в полтора раза. Однако ряд городов отмечен противоположной тенденцией: население Котельнича сократилось на 1/4, Слободского – на 1/5. В эти же годы наблюдается падение численности жителей работоспособного возраста, прежде всего мужчин, что было обусловлено мобилизациями в царскую, «красную», повстанческую и «белую» армии. Количество взрослых мужчин понизилось в Вятской губернии на 179 тыс. человек, или более, чем на четверть, в то время как количество женщин в возрасте от 16 до 50 лет сократилось всего на 21 тыс. (2,7%)⁶.

³ См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. М., 1986; он же: Гражданская война: взгляд сквозь годы / Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994; Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917 – 1922 гг. / Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. В научной литературе довольно часто встречается и оценка потерь в 25 – 26 млн. чел. (см., напр.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 602).

⁴ Степанов А.И. Указ. соч. С. 210.

⁵ ГАКО. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 192. Л. 1; Д. 193. Л. 30.

⁶ Деревенский коммунист. 1921. 3 февр.

В кричащем противоречии с относительно благополучной ситуацией в Вятской губернии была демографическая обстановка в Вотской автономной области, пережившей в 1918 г. ижевское и воткинское антибольшевистские восстания рабочих, переходы из-под власти Советов под руку Комуча и военной диктатуры А.В. Колчака и связанные с этим боевые действия, а в 1921 – 1922 гг. – массовый голод. Население области, смешанное по этническому составу, потеряло с 1917 по 1922 г. около 100 тыс. человек или 18,4% исходного, дореволюционного населения.

Население пермского Прикамья и Среднего Урала по 1920 г. увеличивалось. В Пермской губернии во время революции и гражданской войны оно возросло на 3,2%, причем прирост мужского населения шел медленнее, чем женского (2,5% против 3,8%). Более быстро росли города. Так, население Екатеринбурга с 1897 г. по 1914 г. увеличилось на 44%, а с 1914 по 1920 г. – на 60%⁷. Рост числа жителей Екатеринбурга объясняется приливом беженцев и повышением его политической роли как столицы Урала. Численность сельского населения, напротив, шла на убыль: с 1920 г. по 1923 г. сельское население Пермской губернии, по которой в предыдущие годы тяжелым катком прокатились различные режимы, сократилось на треть⁸.

Наиболее пострадавшей частью региона был Южный Урал. Если с 1916 г. по 1920 г. население будущей Челябинской губернии возросло на 10,8%, то затем за два года оно потеряло 257 тыс. человек, сократившись в 1921 г. на 4,4%, а в 1922 г. – на 17,1% по сравнению с 1920 г. Крестьянское население Челябинской губернии испытало еще большие потери: с 1920 по 1922 г. оно сократилось на 20%, причем убыль мужского населения была большей, чем женской. В 1922 г. сельское население женского пола составляло 83,2% от состояния 1920 г., мужского – 77%. В ряде уездов, преимущественно казачьих или нерусских по составу, сокращение населения было еще более стремительным. Верхнеуральский, Троицкий и Куртамышский уезды потеряли четвертую часть жителей и более⁹.

Еще более резко в 1920 – 1922 гг. падала численность жителей Оренбургской губернии. За два года она утратила четверть населения, не оправившись от потерь и к середине 20-х гг.: в 1926 г. количество проживавших в ее пределах людей поднялось лишь до 81,7% от численности 1920 г. Особенно пострадали Орский и Каширинский уезды: население первого из них сократилось на 31,7%, второго – на 67,2%. Как и в других губерниях Урала, наиболее страдающей частью населения были сельские жители. Если численность жителей Оренбурга в 1920 – 1923 гг. увеличилась на 2%, то сельские местности Оренбургского уезда потеряли более 1/5 казаков и крестьян¹⁰.

Тяжелым испытаниям подверглась в 1917 – 1922 гг. территория Уфимской губернии. В отличие от других местностей Урала, в ней падение численности жителей наблюдалось даже в губернском центре. С 1916 по 1920 г. население Уфы сократилось на 11%. Сокращение населения было характерно и для других городов губернии. Так, Мензелинск за 1917 – 1920 гг. растерял 1/10 жителей¹¹. В 1920 – 1922 гг. численность городского населения Башкирии не изменилась. Сельская же местность потеряла более 650 тыс. человек, из них около 100 тыс. бежало из республики от голода, но большая часть – 551672 человека – погибла голодной смертью¹². Население Урала, как и других районов России, столкнулось с реальной опасностью физического вымирания.

⁷ Уральский рабочий. 1920. 14 сент.

⁸ ГАПО. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 26. Л. 7 – 8.

⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 2, 123.

¹⁰ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 8, 9, 15.

¹¹ Известия (Уфа). 1920. 7 окт.

¹² ЦГИА РБ. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 27. Л. 18, 19.

Таблица 27¹³

Население Урала в 1897 – 1916 гг.

Губерния	Площадь (км ²)	1897	1913	1916
Вятская	153,104	3030831	3996700	3391274
Оренбургская	189,717	1600145	2170800	2176706
Пермская	330,212	2994302	4007500	3635250
Уфимская	122,005	2196642	3099200	2889160
Всего	795,038	9821920	13274200	12092390

Таблица 28¹⁴

Демографические показатели по Оханскому уезду в 1922 г.

Месяц	Рождений		Смертей		Браков	Разво- дов	Мертво- рожден- ных	Внебрач- ных
	М.	Ж.	М.	Ж.				
Январь	367	411	523	412	262	49	26	5
Февраль	396	380	597	406	266	47	21	—
Март	371	318	601	501	270	18	10	2
Апрель	352	383	750	549	262	10	13	—
Май	388	338	1408	956	214	38	28	8
Июнь	400	329	1091	841	178	22	39	1
Июль	394	361	1163	933	216	23	6	—
Август	353	320	766	741	191	22	4	1
Сентябрь	275	261	488	498	188	19	7	—
Октябрь	258	263	421	451	335	17	13	9
Ноябрь	270	262	348	384	547	57	10	—
Декабрь	178	156	405	418	35	43	25	2
Всего	4002	3782	8561	7090	2964	365	202	28

Таблица 29

Смертность на почве голода в Орском и Троицком уездах
Оренбургской губернии в 1922 г.¹⁵

Уезд	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Всего
Орский	76	274	226	144	137	16	873
Троицкий	158	139	301	442	657	221	1918

¹³ Таблица 27 составлена на основе следующих источников: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 10: Вятская губерния. СПб., 1904. С. 1; Т. 28: Оренбургская губерния. . СПб., 1904. С. 1; Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 1; Т. 45: Уфимская губерния. Т. 1. СПб., 1901. С. 1; Наш Урал. 1919. 2 февр.

¹⁴ Таблицы 28 – 32 составлены на основе следующих источников: ГАОО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 – 42; ГАПО. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 23. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 27 – 29; Уральский рабочий. 1922. 18 авг.

¹⁵ Динамика развития голодной смертности в Орском уезде, представленная в таблице 29, опирается на далеко не полные данные. По сведениям Орской уездной комиссии помощи голодающим, на подведомственной ей территории с 1 января по 15 июня 1922 г. умерло от различных причин, среди которых преобладал голод, 4053 взрослых и детей, из них более половины – в Орске (ГАОО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 2. Л. 48).

Рождаемость и смертность: начало вымирания? Жизнь в условиях повышенного риска, полная подстерегающих со всех сторон предполагаемых и неожиданных опасностей и материальной нужды, самым неблагоприятным образом сказалась на соотношении рождаемости и смертности в стране и регионе. Общий коэффициент рождаемости в России в 1920 г. опустился до 36, 7 рождений на 1000 человек, коэффициент смертности поднялся до 45,2, вследствие чего естественная убыль населения составила 833 тыс. человек. В следующем году, несмотря на незначительный естественный прирост населения, общий его рост также имел отрицательные показатели из-за миграционных потерь. Лишь в 1923 г. наметился значительный естественный прирост населения — почти 2,5 млн. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1920 г. колебалась вокруг отметки 20 лет — 19,5 лет у мужчин и 21,5 года у женщин. В последующие годы она начала увеличиваться, достигнув в 1923 г. 33,6 лет (31,5 у мужчин, 35,8 лет у женщин). Столь низкая средняя продолжительность жизни объясняется катастрофически высоким коэффициентом младенческой смертности, который в 1920 — 23 гг. снизился с 251 до 229 смертей на 1000 младенцев. Количество детей до 5 лет с 1920 по 1922 г. сократилось более чем на 0,5 млн., в возрасте 5 — 9 лет — почти на 2 млн. Значительно понизилась также численность пожилых людей старше 65 лет¹⁶.

Негативные тенденции в динамике рождаемости и смертности прослеживаются и на фрагментарных статистических материалах по Уралу. В Вятке, неблагополучной в санитарном отношении и в дореволюционное время, в 1912 г. родилось 597 человек, умерло 612. В 1915 году оба показателя более чем удвоились: 1331 человек появился на свет, ушло из жизни 1482 человека, причем почти половина из них умерли от инфекционных болезней. При 50-тысячном населении губернского центра рождаемость в 1915 г. составляла, таким образом, 29,6 на 1000, смертность — 29,7, в том числе детская — 6,3. Во второй половине 1918 г., несмотря на рост городского населения, рождаемость пала ниже уровня 1912 г., в то время как смертность превысила отметку, 1915 г.: с 1 июля 1918 г. до 1 января 1919 г. родилось 267 человек, а умерло почти в три раза больше — 757, из них более 40% — от испанки и гриппа. В следующем полугодии смертность превышала рождаемость уже в 3,5 раза: с 1 января по 15 июля 1919 г. в Вятке было зарегистрировано 2069 смертей и всего 575 рождений¹⁷.

Движение рождаемости и смертности приобрело наиболее угрожающие диспропорции во время голода 1921 — 1922 гг. Статистика этого периода — особенно за 1922 г. — более тщательно собиралась и обрабатывалась в связи с работой многочисленных организаций по преодолению голода и его последствий. О демографической ситуации в наиболее пострадавших местностях Пермской губернии дает представление выдержка из таблицы по Оханскому уезду, составленной работниками губернского статистического бюро (табл. 28). Ее данные позволяют обнаружить ряд тенденций. Количество рождений в течении года поступательно уменьшалось, сократившись в два раза в отношении мальчиков и почти в три раза в отношении девочек. Резкое понижение рождаемости обнаруживается в сентябре и особенно в декабре, что свидетельствует о сокращении числа зачатий в разгар зимы и весной 1922 г., когда шансы избежать голодной смерти стали ощутимо таять. Одновременно, весной — летом 1922 г., в пик голода, смертность приобрела угрожающие масштабы, выкашивая прежде всего мужскую часть населения. В мае смертность была в 2,5 — 3 раза выше, чем в январе, превысив

¹⁶ См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Указ. соч. С. 11, 14, 121 — 122, 125.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 49. Л. 3; Деревенский коммунист. 1919. 17 июля.

в 3,5 раза рождаемость женской половины населения и в 3,6 раза — мужской. К концу года по сравнению с поздней весной смертность понизилась в 2,5 — 3,5 раза, но из-за резкого падения количества рождений превышала воспроизводство примерно в 2,5 раза. Количество браков и разводов, традиционно сокращавшееся весной — летом по причине сельскохозяйственных работ, что усугубилось в 1922 г. развитием голода, осенью вновь увеличилось. Удельный вес мертворожденных детей в январе 1922 г. составлял 3,3%, в июне — 5,3%, в декабре — 7,5%. Всего в Пермской губернии с начала голодной катастрофы до августа 1922 г. заболело на почве голода 20798 человек, умерло 6974¹⁸.

Первая половина 1922 г. стала временем невыносимых испытаний и безвозвратных потерь для сельского населения Среднего Урала. В Северной волости Екатеринбургской губернии с 1 января по 25 мая родилось всего 34 человека, а умерло, по неполным данным, 208. Сам Екатеринбург, в который хлынуло голодное крестьянское население, весной 1922 г. превратился в один из пунктов демографического бедствия: в декабре 1921 г. уездно-городской ЗАГС зарегистрировал 208 рождений и 615 смертей; в апреле 1922 г. в городе родилось 144 и умерло 1037 человек¹⁹.

Обильную жатву собрала смерть во время голода на Южном Урале. В ранее обильных, преимущественно казачьих Орском и Троицком уездах смертность на почве голода бушевала вовсю, поступательно возрастая зимой — весной 1922 г. в Троицком уезде и пережив пик своего развития в феврале 1922 г. в Орском. Среди причин смертности, безусловно, лидировал голод и его последствия (табл. 29, 30).

Не менее катастрофическим было положение также преимущественно казачьего по составу жителей Верхнеуральского уезда Челябинской губернии. В мае — июне 1922 г. там было зафиксировано всего 162 рождения. Смертность в течение этих двух месяцев превышала рождаемость, по официальным данным, в 20 раз, достигнув отметки 3295²⁰.

Скопление в городах, особенно в губернских центрах, беженцев из голодных мест также вносило свой вклад в повышение смертности. Холера, поразившая Оренбург летом 1922 г., унесла 3361 жизнь²¹. Вызванное голодом истощение также содействовало необратимому развитию различных болезней, особенно у детей. Так, корь, которая в обычной обстановке заканчивалась смертельным исходом для 2 — 3% больных, косила на Южном Урале до 35% заболевших ею. Как сообщалось в политическом и экономическом обзоре по Уральской области за декабрь 1921 г. — январь 1922 г., «в детских больницах смертность нередко превышает 70% больных»²².

Поистине пиршеством смерти было время голода в Уфимской губернии, в которой и 1920, и 1921 г. были неурожайными (табл. 31). В течении января — июня 1921 г. рождаемость существенно превышала смертность, вследствие чего ежемесячный прирост населения составлял 2,5 — 4 тыс. человек. Летом 1921 г. ситуация резко изменилась. К страшной засухе присоединилась массовая эпидемия холеры — следствие взрывоопасного смешения двух обстоятельств: невыносимой жары и скопления массы людей, ослабленных голодом и не осведомленных об элементарных правилах гигиены. Начавшаяся в июне эпидемия приобрела угрожающие размеры в июле — августе: в эти месяцы от холеры умерли, по официальным и, следовательно, неполным данным, соответственно 5737 и 3435 человек. С осени смертность начала понижаться,

¹⁸ Звезда. 1922. 6 авг.

¹⁹ Уральская новь. 1922. 18 мая, 7 июня; Уральский рабочий. 1922. 17 янв.

²⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 105.

²¹ Степная правда. 1922. 11 сент.

²² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 507. Л. 3.

по-прежнему превышая рождаемость, а зимой — весной 1922 г. вновь стала стремительно расти — на этот раз в связи с истощением всяких запасов продовольствия.

Если на протяжении 1897 — 1911 гг. в губернии (в границах 1921 г.) в среднем ежегодно умирало 60337 человек, то в 1921 г. — 92809, из них во втором полугодии — 66928 (72%), то есть больше дореволюционного среднегодового показателя²³. При беспрецедентно высокой смертности рождаемость резко понизилась: в 1921 — 1922 гг. она составляла в городах Уфимской губернии 30 человек на 1000 населения, а в сельской местности — 29, тогда как в мирное время она достигала соответственно 50 и 52 человека.

Слабость государственных служб и неординарный масштаб гуманитарной катастрофы отразились, помимо прочего, в неточности и разное цифр, которыми оперировали власти. Но какими бы количественными данными не пользовались властные структуры, в них запечатлены одни и те же тенденции — беспримерно высокие показатели смертности, преобладание в структуре смертности голодной смерти, снижение смертности с лета 1921 до середины зимы 1921 — 1922 гг., после чего она вновь стала усиливаться из-за перерастания хронического недоедания в жестокий голод, воздействие которого удалось несколько смягчить летом 1922 г. в связи с новым урожаем и налаживанием систематической помощи населению (табл. 32).

Врачи того времени, наблюдавшие ежедневно массовые смерти, четко различали смерть на почве голода (к ней относилась смерть от тифа, дизентерии и цинги, которые подстерегали ослабленный голодом организм) и смерть от голода, наступившую от длительного отсутствия пищи, в результате чего тело человека сначала отекало, а затем усыхало, превращаясь в скелет, обтянутый кожей. Второй вариант смерти — смерть от голода — господствовал в структуре смертности в Уфимской губернии на протяжении всего голодного года, уступив лишь дважды — в октябре 1921 и июне 1922 г. — смерти от голодных болезней. На Урале, особенно в южной его части, голод собрал обильный урожай.

В объятиях эпидемий. Из пунктирно намеченной динамики смертности на Урале становится очевидным, что регион, как и вся страна, был охвачен массовыми эпидемиями, которые, будто штормовые волны, свободно перекатывались через него, не встречая препятствий на своем пути и унося все новые жертвы. В 1917 — 1922 гг. в России от эпидемических заболеваний умерло порядка 3 млн. человек — столько же, сколько на полях сражений беспощадной гражданской войны и в полтора раза больше, чем в Первой мировой войне²⁴, при анализе последствий которой специалисты по гигиене питания — свидетели российской трагедии — приходили к самым печальным выводам:

«Колоссальные размеры бедствий, причиненных войной народному здравью и санитарному состоянию страны, не могут быть целиком учтены сейчас имеющимися данными. Тяжкие последствия катастрофы будут изживаться возрождающейся страной еще в течении десятков лет»²⁵.

К периоду революции и гражданской войны, «военного коммунизма» и начала НЭПа, которые рассматривались очевидцами как естественное продолжение и следствие мировой бойни, приведенное замечание приложимо тем более: эпидемии,

²³ ЦГИА РБ. Ф.Р-101. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

²⁴ См.: Степанов А.И. Указ. соч. С. 203.

²⁵ Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М. — Л., 1929. С. 86.

Таблица 30

Причины смертности в Орском уезде в первой половине 1922 г.

Населе- ние	Голод	Истоще- ние	Тиф	Дизенте- рия	Дифтерит	Нефрит	Прочие
Взрослые	435	89	90	—	—	6	127
Дети	438	423	80	117	420	104	272
Всего	873	512	170	420	420	110	399

Таблица 31

Рождаемость и смертность в Уфимской губернии в 1921 – 1922 г.

Год	Месяц	Родилось	Умерло	Прирост / Убыль
1921	Январь	7451	4567	+2884
	Февраль	8822	4900	+3922
	Март	8665	5272	+3393
	Апрель	7281	4061	+3220
	Май	6794	3563	+3231
	Июнь	6867	4384	+2483
	Июль	6782	20067	–13285
	Август	5530	16680	–11150
	Сентябрь	5773	16816	–11043
	Октябрь	5808	7730	–1922
	Ноябрь	5207	5871	–664
	Декабрь	6181	8791	–2610
1922	Январь	5624	8399	–2775
	Февраль	5225	12369	–7144
	Март	4431	17357	–12926

Таблица 32

Причины смертности в Уфимской губернии в июле 1921 – июне 1922 г.

При чины смерти	1921						1922					
	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI
На почве голода	—	—	—	16869	—	—	3298	5629	9324	6773	7979	7421
От эпиде- мий	13022	6367	1440	56	1	—	—	—	98	91	120	137
От голода	23552	16701	9774	7904	10141	10130	4790	11823	17088	10338	13773	4716
Всего	36574	23068	11214	24829	10142	10130	8088	17452	43379	17202	21832	12274

для которых Россия и до революции была родным домом, в период революционно-военных катаклизмов превратились в настоящее бедствие. Невиданный размах этого сложного социально-биологического явления в охваченной революцией стране объясняется резким ухудшением условий существования, дававших зеленый свет механизмам передачи заразных болезней. Основные пути их распространения — водный, пищевой и контактно-бытовой — оказались открытыми для массовых вспышек многих заболеваний. Разрушение и без того несовершенных систем водопровода и канализации, ухудшение бактериологических показателей воды; санитарная культура низших слоев населения, брошенных войной и революцией в хаотичный миграционный процесс; катастрофическое ухудшение материального положения, получившее выражение в изменении характера питания и снижении количества потребляемых витаминов, неблагоприятном эмоциональном фоне и высокой концентрации стрессовых ситуаций, топливном кризисе и разрушении жилищного фонда, нехватке одежды и обуви (что повышало шансы перегрева или переохлаждения)²⁶ — все эти условия, каждое из которых способствовало развитию эпидемических процессов, перемешались в революционной России в гремучую смесь, то и дело взрывающуюся мощными вспышками заболеваний.

Благоприятная стартовая площадка для массовых эпидемий на Урале была подготовлена санитарным состоянием городов еще до революции. В Вятке, где человеческие нечистоты при 50-тысячном населении накануне революции составляли в день 180 бочек (5400 ведер), а помои и кухонные отбросы — 1847 бочек, городской ассенизационный обоз состоял всего из 50 бочек и едва ли мог вывезти 1/10 отбросов. Преобладающая часть нечистот оставалась в городе, пропитывая почву. Вследствие подпора почвенных вод многие выгребные и поглощающие колодцы в сырое время года отдавали нечистоты обратно. Именно места с высоким стоянием почвенных вод в Вятке были отмечены заболеваниями тифом и дизентерией²⁷. Аналогичной была ситуация в столице Пермской губернии, жители которой традиционно страдали от отсутствия современных канализации и водопровода. Из Уфы до начала Первой мировой войны вывозилась лишь 1/14 часть нечистот. Остальное поглощалось почвой, уходило в колодцы, реки, испарялось. Центр города, в связи с сокращением коммунальных средств, уже в 1916 г. очищался на 25% хуже, чем в предыдущие годы²⁸. В Оренбурге, где канализация была построена в 1917 — 1918 гг. и находилась в первые годы в удовлетворительном состоянии, большие проблемы создавало санитарное состояние водопровода — одного из старейших в России (1831 г.). Водоснабжение города осуществлялось без очистных сооружений, ассенизационный обоз до революции не удовлетворял потребности, вследствие чего Оренбург переживал грандиозные холерные и тифозные эпидемии. Смертность в городе в 1910 г. (40 человек на 1 тыс. жителей) почти на треть превышала соответствующий показатель Европейской России (31,4 человек) и почти в два раза — Германии (22,1 человек). Водозаборник находился в черте города, в месте попадания сточных и поверхностных вод одного из его районов — Форштадта — в р. Урал. Вода без отстоя и фильтрации попадала в город, вследствие чего прозрачность воды с апреля по ноябрь составляла от 0 до 15 см, приобретаая весной, во время половодья, цвет жидкого кофе. В ней содержались илстые частицы, аммиак и азотистая кислота — продукты разложения органических веществ. Последние присутствовали в воде в количестве, обычном для сточных вод благоустроенных городов.

²⁶ Подробнее см.: Эпидемиология. М., 1993. С. 9 — 14, 130, 135, 261.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

²⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 300. Л. 8.

Кишечные бациллы коли коммунис, которые должны встречаться в объеме воды не менее 400 см³, в воде р. Урал содержались в 0,1 – 1 см³.

«Царем» эпидемий в годы революционных потрясений в стране и на Урале стал тиф – болезнь, распространяемая всеми тремя путями передачи инфекционных заболеваний. На Урале он выкашивал в отдельных населенных пунктах до 10% жителей. Лидерство тифов, особенно сыпного, известного в народе как «голодный», «тюремный» и «вшивый», становится очевидным из погубернской статистики заболеваемости, сохранившейся во многих архивах, но не удостоенной пока внимания историков.

В Вятской губернии, несмотря на ее периферийное место в потрясениях гражданской войны, эпидемические заболевания приняли ураганный характер. Этому способствовали, помимо общего для страны снижения потребления продовольствия, усиленный поток беженцев из Поволжья и центральных районов страны, для которых оскудевшая Вятская земля представлялась краем изобилия; деградация ассенизационного дела, которое до 1917 г. находилась в частных руках и в ходе сплошной и неоправданной национализации развалилось; катастрофическая необеспеченность губернии медицинскими силами. Во второй половине 1919 г. в ней было всего 38 врачей, столько же фельдшеров, 75 сестер милосердия и 187 сиделок. В 1921 г. количество медицинского персонала увеличилось, перевалив за 1000: число врачей выросло до 63, фельдшеров – до 259, прочего персонала – до 815³⁰. Но и эти силы, естественно, были недостаточны для того, чтобы остановить эпидемическую стихию в обширной губернии с двухмиллионным населением. Наиболее грандиозный размах в ней приобрел сыпной тиф (табл. 33). В 1919 г. больных сыпным тифом было в 15 раз больше, чем в 1918 г. Если в январе болели 1237 человек, то в декабре – 9191. Одновременно поступательно развивались брюшной и возвратный тиф, эпидемия которых нарастала в последние месяцы года, и дизентерия, пик которой пришелся на лето (табл. 34). В 1919 г. в губернии было зарегистрировано 4349 случаев заболевания брюшным тифом, 2210 – возвратным, 4076 – дизентерией. Губерния кишела заразными болезнями: цингой болели, по неполным данным, 11509 человек, туберкулезом легких и других органов – 17729, трахомой – 17848, сифилисом – 8356, чесоткой – 163606³¹.

В 1920 г. заболеваемость в Вятской губернии достигла масштабов катастрофы. На первом месте по количеству больных сыпным тифом были уезды, на территории которых проходили боевые операции «красных» и «белых» и больницы которых наиболее пострадали, утратив имущество и персонал: Сарапульский (13532 больных), Малмыжский (8871), Елабужский (8332) и Уржумский (8159). Кроме «сыпняка» широкое распространение имели брюшной тиф (4529 больных), возвратный тиф (от 10152 до 10335 случаев в названных уездах). Смертность от них достигла, соответственно,

29 ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 47. Л. 94 – 96. Неблагополучное санитарное состояние городов Урала в последние годы существования империи не находилось в резком контрасте ни с общероссийской, ни, строго говоря, с европейской ситуацией конца XIX – начала XX в. Читатель, избалованный современными гигиеническими стандартами, вряд ли ощутил бы принципиальную разницу между антисанитарией накануне и во время революции. Стремительный рост городов и образование гигантских метрополий в XIX в. сопровождалось обострением санитарной проблемы, за развитием которой не поспевали ни меры городских властей, ни, самое главное, сдвиги в сознании населения. В Лондоне канализация начала функционировать лишь в 1865 г., в Берлине – в 1881 г., в Москве – в 1898 г., причем до 1912 г. московская канализационная сеть не выходила за пределы Садового кольца (см.: Lee K.-S. Das Volk von Moskau und seine Gesundheit: öffentliche Gesundheitspflege in Moskau, 1850 – 1914. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1996. S.16 – 31).

30 ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 178. Л. 41; Д. 357. Л. 75.

31 Там же. Л. 8, 12.

8,1% и 6,8%. В 1921 г. сыпной тиф начал отступать, понизившись с 2161 случая в январе до 208 в июле. В августе заболеваемость вновь начала развиваться: в октябре было зарегистрировано 751 случай, в ноябре — 1047. Наряду с сыпным тифом, в губернии в 1921 г. на относительно высоком уровне держались возвратный и брюшной тиф (4015 и 2271 случаев), дизентерии (5966), цинга (6973) — болезни, сопутствующие голоду, от которых за год умерло более 500 человек.

Несколько притихший в 1921 г. «сыпняк» с конца года в условиях голода забушевал с новой силой. В декабре 1921 г., по неполным данным, им болело более 2 тыс. человек — столько же, сколько за весь 1918 г. Более интенсивным было распространение эпидемических заболеваний в пострадавших от неурожая уездах — Малмыжском, Яранском, Уржумском. В первой половине 1922 гг. из-за общей ослабленности населения голодом смертность от сыпного тифа повысилась, по сравнению со вторым полугодием 1921 г., с 6,8% до 7,2%, от возвратного — с 3,3% до 4,5%, от брюшного — с 5,4% до 9,1%. В 1922 г. сыпной тиф в губернии перенесли 44122 человека, возвратный — 8307, брюшной — 2387, туберкулез — 14750, трахому — 15365, малярию — 10504, цингу — 6373. Апогей развития «сыпняка» пришелся на самые голодные месяцы — май и июнь 1922 г.³²

Развитие эпидемических заболеваний в Пермской губернии в ее дореволюционных границах проходило по тому же сценарию, что и в вятском Прикамье. По 1917 г. количество заболеваний держалось, с незначительными отклонениями, на одном уровне. Среди заразных болезней первое место стабильно занимала скарлатина, на долю которой падало от 1/3 до 1/10 (чаще 1/4) заболеваний. О том, что происходило с динамикой заболеваний в 1918 — 1919 гг., судить трудно: надежной и массовой статистики обнаружить не удалось, она была, вероятно, неизвестна и статистикам Урала начала 20-х гг. По отдельным отрывочным данным можно предположить, что инфекционные заболевания в период антисоветских режимов на Урале несколько усилились, но эпидемии по крайней мере до весны 1919 г. не достигали грандиозных масштабов и могли контролироваться и преодолеваться. Так, известно, что в начале 1919 г. эпидемия тифа наблюдалась во всех 10 уездах Пермской губернии, из которых острее других она протекала в Верхотурском, Камышловском, Шадринском, Соликамском и Ирбитском уездах, а также в Перми и Екатеринбурге. При этом приведенные в рапорте исполняющего обязанности управляющего Пермской губернией цифры о количестве больных в наиболее пострадавших от тифа городах выглядят весьма скромно по сравнению с массовой заболеваемостью после возвращения большевиков, особенно в 1920 — 1922 гг. На начало февраля 1919 г. в Перми было всего 128 больных сыпным тифом, 29 — брюшным, 235 — возвратным. В Екатеринбурге в это время было зарегистрировано соответственно 528, 5 и 245 тифозных больных, в Шадринске — 16, 17 и 1. В рапорте отмечался также незначительный уровень смертности³³.

Однако весной 1919 г. эпидемия сыпного и возвратного тифа достигла в Пермской губернии угрожающих размеров, заставив врачей бить тревогу:

«На губернском съезде врачей и представителей общественно-санитарных организаций выяснилось, что борьба с этими эпидемиями, к сожалению, не может вестись хоть сколько-нибудь планомерно за отсутствием как медицинского персонала, так и предметов больничного оборудования: медикаментов, белья, дезинфекционных средств и пр. Местные учреждения и больницы терпят крайнюю нужду во врачах и фельдшерах. Заразные бараки переполнены боль-

³² Там же. Д. 268. Л. 8, 12; Д. 357. Л. 2 — 3, 71; Д. 561. Л. 23 — 25; Д. 699. Л. 28 — 29; Д. 904. Л. 7 — 8; Д. 907. Л. 1 — 9.

³³ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 52.

Таблица 33³⁴

Развитие сыпного тифа в Вятской губернии в 1917 – 1921 гг.

Годы	1918	1919	1920	1921
Больные	2088	31808	89161	14749
Коэффициент заболеваемости на 1000 чел.	0,6	9,1	20,0	6,7
Смертность (%)	?	8,0	11,6	6,8

Таблица 34

Развитие заболеваний в Вятской губернии в 1919 г.

Месяц	Сыпной тиф	Брюшной тиф	Возвратный тиф	Дизентерия
Январь	1237	217	52	260
Февраль	1730	194	35	380
Март	1923	210	57	530
Апрель	1917	79	11	525
Май	2577	101	30	626
Июнь	1508	118	19	825
Июль	1159	166	48	744
Август	524	318	74	2183
Сентябрь	931	600	713	999
Октябрь	2247	666	275	150
Ноябрь	4181	614	557	480
Декабрь	9191	1066	915	484

Таблица 35

Заболеваемость инфекционными болезнями в Перми в 1905 - 1922 гг.

Год	Всего	Сыпной тиф	Брюшной тиф	Возвратный тиф	Неопред. тиф
1905	873	13	138	—	20
1906	1549	11	372	—	2
1907	775	4	152	13	—
1908	665	56	93	56	5
1909	1013	88	104	25	23
1910	1195	10	121	58	66
1911	1053	57	148	4	32
1912	1256	27	171	101	132
1913	794	5	105	27	49
1914	511	8	43	—	1
1915	1244	94	188	18	9
1916	1731	118	116	3	2
1917	1169	53	145	51	—
1920	10327	251	4867	1877	319
1921	13453	236	3237	2022	557
1922	19574	104	6079	4780	90

³⁴ Табл. 33 – 38 составлены на основе следующих источников: ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 268. Л. 9; Д. 357. Л. 2, 71, 75; ГАПО. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 – 10; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 33; ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 51. Л. 7; Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 243. Л. 63; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы в 2-х томах. 1900 – 1984. Т. 1: 1900 – 1928. Екатеринбург, 2000. С. 455.

ными, а теперь, когда наступила весна, явилась новая угроза – холера, очаги которой уже существовали осенью прошлого года»³⁵.

Эту же тему затрагивал в объяснениях причин своей добровольной отставки в апреле 1919 г. главный начальник Уральского края С.С.Постников. Перечисляя ключевые проблемы, в разрешении которых он считал себя бессильным, он, помимо прочего, писал:

«В губернии тиф, особенно в Ирбите. Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1600 чел. Здоровые питаются на 90 коп. в сутки, немытые, на голом полу. По-видимому, все они обречены на вымирание, а зараза на весь город. В Екатеринбурге 730 больных. Помощь по всей губернии нужна очень широкая и без особых формальностей, выполнение которых не всем разогнанным упрям по силам. Нужно дать Ирбиту сразу тысяч 200 – 300, Екатеринбург – 500 – 700, а то, что отпущено, достаточно на несколько дней, идет на пропитание и совершенно недостаточно на организацию поставки рационального лечения»³⁶.

По ряду причин проблемы массовой заболеваемости оставались, тем не менее, нерешенными и после вторичного установления советской власти в регионе, оказываясь во все более запущенном состоянии. Так, Пермь пережила в 1920 – 1922 гг. резкий скачок инфекционных болезней (табл.35). По сравнению с 1917 г. заболеваемость в начале 20-х гг. в Перми оказалась на порядок выше, а в течении 1920 – 1922 гг. ее уровень удвоился. Особенно быстрыми темпами, в отличие от Вятской губернии, развивался не сыпной, а брюшной и возвратный тифы. Брюшной тиф вышел на первое место в структуре заболеваний, оттеснив скарлатину на весьма скромное место: в 1920 г. ею болели 4,5% инфекционных больных, в 1921 г. – 2,2%, в 1922 г. – 0,3%. С 1920 по 1922 г. количество заболевших брюшным тифом выросло на 1/4, возвратным – в 2,5 раза, в то время как число больных сыпным тифом оставалось стабильно низким и сопоставимым с дореволюционным временем.

Эпидемические вспышки этого периода привлекли профессиональное внимание местных медиков, которые считали, что «эпидемия сыпного и возвратного тифов осенне-зимнего сезона 1921 г., принявшая по количеству жертв характер пандемии, требует всестороннего научного обследования»³⁷.

Движение больных сыпным и возвратным тифом за пределами городов Пермской губернии было значительно меньшим, чем в ее административном центре. Оно достигло наибольшей интенсивности в январе 1922 г., после чего поступательно ослабевало и весной 1923 г. практически утихло. От сыпного тифа в 1922 г. умерло 750 человек, от возвратного – 738³⁸.

Другие заразные болезни занимали в структуре эпидемических заболеваний на территории Пермской и Екатеринбургской губерний незначительные позиции. Так, в Перми с мая по сентябрь 1921 г. холерой болело 228 человек, из которых более половины (126) умерли³⁹.

По Оренбургской губернии, в которой земство было введено лишь накануне Первой мировой войны, и, следовательно, статистическое дело было поставлено не так основательно, как в известной активной земской работой Вятской губернии, репрезентативных данных о развитии эпидемических заболеваний на протяжении достаточно длительного периода времени собрать не удалось. На основе фрагментарных данных

³⁵ По ту сторону Урала (В царстве Колчака). Уфа, 1919. С. 36.

³⁶ Пионтовский С.А. Гражданская война в России (1918 – 1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925.

³⁷ ГАПО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 257. Л. 22.

³⁸ Там же. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

³⁹ Звезда. 1921. 10 ноября.

можно, однако, сделать заключение, что в губернии, расположенной глубоко на юге Урала, частично внедряющейся в казахские степи; большее распространение, чем тиф, имели специфические «южные» заболевания, такие как холера и малярия. Так, в июле 1921 г. в Оренбурге возникла эпидемия холеры, вспышка которой пришлось на 20-е числа месяца. На 20 июля в городе было 614 больных холерой из 718 по всей губернии. В тот же день в Оренбурге заболели сразу 106 человек (в губернии — 269). До конца месяца в городе ежедневно заболело в среднем около 60 человек и умирало около 20 — 30. К началу августа количество холерных больных в городе и за его пределами выровнялось. К концу августа эпидемия притихла, но стойко держалась и в начале сентября на уровне 10 заболеваний и двух — пяти смертей в день. В сельской местности она почти прекратилась, но продолжалась в поселке Дедово-Исаево и в г. Илецке. С июля по 7 сентября 1921 г. в Оренбургской губернии заболело более 8 тыс. человек, из которых выздоровело 2,5 тыс. и умерло — 3361. В конце марта 1922 г. эпидемия холеры вспыхнула вновь. Летом 1922 г. разразилась эпидемия малярии, которая в большей степени задела Оренбург, чем прочие местности губернии. Так, в июне в городе было 1,5 тыс. больных, а в уездах — в семь раз меньше. В июле в Оренбурге и в остальных частях губернии малярией страдало соответственно 1006 и 214 человек. В августе в Оренбурге было 1855 больных, или примерно половина всех больных малярией в губернии⁴⁰.

Фрагментарные данные об острых заразных заболеваниях в Оренбургской губернии за сентябрь — декабрь 1921 г. свидетельствуют, что тиф до декабря занимал довольно скромное место в структуре инфекционных заболеваний, составляя примерно треть всех заразных болезней. В декабре же тиф оттеснил другие заболевания: 84% всех инфекционных больных были тифозными⁴¹.

Относительно Челябинской губернии, как и Оренбургской, можно опираться лишь на отрывочные и к тому же далеко не полные сведения, поскольку, во-первых, статистическая служба в ней была молода и, во-вторых, как подчеркивалось в комментариях к цифровой информации о движении болезней, «значительная часть заболеваний происходит на дому и пользуется частной помощью»⁴².

Как показывают данные за 1921 г., численность больных основными инфекционными заболеваниями в Челябинской губернии в этот период времени была большей, чем в Вятской губернии, а если учесть, что последняя в два раза превосходила Челябинскую по числу жителей, то становится очевидным, что удельный вес заболевших в ней был значительно выше, чем в вятском Прикамье. Эпицентрами эпидемий, как и в других частях Урала, здесь были города, на которые и приходилось более половины больных. В структуре заболеваний на первом месте был возвратный тиф, за которым в порядке убывания следовали цинга, холера, брюшной тиф и дизентерия. В сельской местности первое место занимал брюшной тиф, далее по ранжиру стояли холера, возвратный тиф, дизентерия и цинга. Тиф обуславливал несколько менее половины всех случаев инфекционных заболеваний в городах и половину — в сельской местности (табл. 36).

Уфимская губерния и, затем, БАССР, которые на Урале лидировали во всех деструктивных процессах времен революционной катастрофы 1917 — 1922 гг., оказались наиболее пострадавшими территориями и от массовых эпидемий. Уфа, которая не знала хорошо организованной ассенизации до революции, страдала от эпидемических вспышек и до Первой мировой войны.

⁴⁰ Степная правда. 1921. 14, 22, 23, 27, 28, 29, 31 июля, 2, 4, 28 авг., 11 сент.; 1922. 9 апр., 14 сент.

⁴¹ ГАОО. Ф. Р-501. Оп. 2. Д. 190. Л. 47.

⁴² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 376. Л. 2 об.

С наступлением революции санитарное состояние губернского центра еще более ухудшилось. В 1916 г. было вывезено 34,7 тыс. бочек нечистот, в 1917 г. — 34,1 тыс.; в 1918 г. вывоз снизился в полтора раза — до 22,8 тыс. бочек, в 1919 г. составил 22,1 тыс. Отдел здравоохранения Уфимского губисполкома в 1920 г. ретроспективно описывал состояние ассенизации в губернском центре следующим образом:

«С наступлением революционного 1917 года и периодическим занятием города разными властями, эвакуации его с вывозением имущества, особенно лошадей, отчасти и бочек, прекращением дел частными ассенизаторами, постепенным приходом частного инвентаря в полную негодность, — дело ассенизации города совершенно разрушилось и с начала 1918 г. город совершенно не очищался. Вся ассенизационная деятельность сводится в настоящее время к тому, чтобы не дать нечистотам в обществен[ных] учреждениях перелиться через край выгребных ям и разлиться по городу, что удается далеко не всегда, частные обыватели совершенно не очищаются. Жильцы муниципальных домов очищаются в виде исключения»⁴³.

Таким образом, в революционное лихолетье санитарная ситуация в губернии приобрела новое качество, что наиболее очевидно проявилось в 1919 — 1922 гг. (табл.37). Развитие тифа в Уфимской губернии, по сравнению с другими частями Урала, было наиболее масштабным. Грозные признаки его небывалого распространения наметились в период гражданской войны, когда Уфа была наводнена военными. В январе 1919 г. в городе, находившемся во власти «белых», было зафиксировано 853 случая сыпного тифа, в феврале — 1052, в марте — 1134. В апреле им еженедельно болело от 238 до 449 человек, причем около половины тифозных больных (от 103 до 240) были военнослужащими расквартированных в городе частей⁴⁴. В 1919 — 1920 гг. уровень заболеваемости в Уфимской губернии был почти в 17 раз выше, чем до революции, а по сыпному и возвратному тифу — в 135 и в 125 — 155 раз. Массовое распространение тифа наблюдалось зимой 1919 — 1920 гг. За октябрь — декабрь 1919 г. количество больных сыпным тифом возросло в три раза, брюшным и возвратным — в два раза. Примерно четверть больных «сыпняком» была сосредоточена в Уфе, тогда как брюшной и возвратный тиф были преимущественно сельскими болезнями, от которых особенно страдали крестьяне Белебеевского, Стерлитамакского, Мензелинского и Уфимского уездов. Весной 1920 г. эпидемия тифа пошла на спад, который был нарушен осенью 1921 г. В связи с начавшимся голодом зимой 1921— 1922 гг. распространение тифа вновь приняло угрожающие размеры, причем количество больных брюшным и возвратным тифом перекрыло уровень 1920 г.

Помимо тифа население Уфимской губернии испытало на себе буйство других эпидемических заболеваний. Летом 1921 г. оно пережило, как и Оренбуржье, эпидемию холеры, вспышка которой оказалась еще более затяжной и разрушительной. Она длилась с последней декады июня в течении месяца, после чего пошла на убыль. На 23 июня было зафиксировано 17 случаев заболевания, пятеро заболевших умерли. Пик эпидемии пришелся на июль: ежедневно заболевало от 13 до 75 человек. С середины последней декады июля эпидемия холеры в Уфе резко пошла на убыль. Ежедневно заболевало трое — шестеро человек. В середине сентября в связи с резким похолоданием распространение заболевания в городе почти прекратилось. Бюллетени о заболеваемости стали публиковаться реже⁴⁵.

⁴³ ЦГИА РБ. Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 300. Л. 6, 8.

⁴⁴ Великая Россия. 1919. 6 мая.

⁴⁵ Известия (Уфа). 1921. 26, 28 июня, 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30, июля, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 27, 30, 31 авг., 11, 15, 20, 29 сент., 5, 22 окт.

Таблица 36

Эпидемические заболевания в Челябинской губернии в 1921 г.

Заболевания	В городах	В сельской местности	Всего
Брюшной тиф	2042	5754	7796
Сыпной тиф	1453	451	1904
Возвратный тиф	6295	3004	9299
Холера	4214	4964	9178
Оспа	353	45	398
Скарлатина	353	105	458
Дифтерит	181	31	212
Дизентерия	2011	1970	3981
Корь	1170	497	1667
Цинга	5011	1364	6375
Всего	23083	18185	41268

Таблица 37

Тиф в Уфимской губернии в 1908 - 1922 гг. (без неопределенного)

Год	1908 – 1913 среднегодовой показатель)	1919	1920	1921	1922
Сыпной тиф	382	50959	50701	5498	18821
Брюшной тиф	3796	9028	8246	8325	11588
Возвратный тиф	76	9533	11805	14573	36636
Всего	4254	69520	70752	28396	67345

Таблица 38

Заболеваемость в Уфимской губернии в июле 1921 – июне 1922 г.

Болезни	1921						1922					
	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI
Брюшной тиф	353	747	1189	1334	1243	1275	727	1113	772	452	916	316
Сыпной	59	124	176	294	604	1000	805	1351	2326	1019	2559	1833
Возвратный	48	513	600	149	2490	3258	249	2483	3324	1354	3630	1718
Неопред. тиф	201	189	175	238	283	240	249	256	455	284	673	386
Дизентерия	5471	5414	2457	1185	788	467	266	662	646	844	1641	1353
Цинга	1117	521	626	486	1916	949	74	136	93	11	216	15
Всего	1629	3411	6072	12139	17380	23589	55482	76943	107315	50173	30770	21585

К концу августа 1921 г., когда в Советской России было зарегистрировано более 126 тыс. заболевших в этом году холерой, в том числе в Европейской России — почти 72 тыс., Уфимская губерния была признана наиболее пострадавшей от этой болезни: в ней было более 14,5 тыс. больных⁴⁶, за ней с большим отрывом следовали Киргизская республика (10 тыс.), Саратовская (8,5 тыс.) и Самарская (7,5 тыс.) губернии, Туркестан и Украина (по 6,4 тыс.), Башкирская республика и Царицынская губерния (по 5,3 тыс.), Челябинская губерния (от 2 до 3 тыс.) и др.

При ближайшем рассмотрении динамики эпидемии холеры в Уфимской губернии обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, ее эпицентром первоначально являлся губернский центр. В конце июня в губернии было зафиксировано 50 случаев заболевания, в том числе 44 — в Уфе. Затем удельный вес больных в уездных городах и в сельской местности стал стремительно расти. В середине июля количество жертв эпидемии в Уфе и за ее пределами выровнялось, достигнув соответственно отметки 1102 и 1107. В последней декаде июля соотношение больных в городе и других населенных пунктах резко изменилось — от 1:2 в начале декады до 1:4 в конце. В следующем месяце тенденция к увеличению заболеваний за пределами Уфы продолжала нарастать. В середине августа на одного заболевшего с начала эпидемии в Уфе приходилось более семи больных в уездах, в конце месяца — 8,5. В середине октября заболевшие холерой в Уфе составляли уже менее 10% холерных больных в губернии в целом. Ураганному распространению эпидемий содействовали небывалая жара, начавшийся в деревне голод и отсутствие там, в отличие от губернского центра, необходимой медицинской помощи. Во-вторых, в самой Уфе источником распространения холеры являлись пассажиры железной дороги. Так, из 17 больных в Уфе 23 июня было 11 «мешочников», снятых с поездов. Из 27 новых случаев заболевания, зафиксированных 24 — 25 июня, 22 было установлено на вокзале. Затем количество больных, снятых с поезда, поступательно снижалось, с 68 человек 30 июня до одного 15 июля. С 16 июля среди приезжих больных не наблюдалось, Уфа превратилась в автономный очаг эпидемии, отпугивающий жителей других местностей.

Эпидемия холеры в Уфимской губернии летом 1921 г., однако, не закончилась. В начале октября в ней было зарегистрировано уже 17,3 тыс. холерных больных с начала вспышки, т.е. на 3 тыс. больше, чем было за месяц до этого. Смертность от холеры в Уфимском и Бирском уездах превышала 45%, а в Белебеевском, где население испытывало особо сильный голод, — 56%⁴⁷.

Заболеваемость инфекционными болезнями приобретала хронический характер. Едва утихла холера, в Уфе стали обнаруживаться случаи брюшного тифа⁴⁸. К 24 сентября в губернском центре их было отмечено 50, столько же — в уездах. К 1 октября было зарегистрировано 20 новых случаев брюшного тифа в Уфе, 178 — в уездах⁴⁹. Эпидемии не оставляли в покое население и летом следующего года, хотя и имели менее массовый характер. С 7 по 13 мая 1922 г. в Уфе заболело сыпным тифом 126 человек, а всего в губернии с начала весенней эпидемии — 591 человек. Одновременно стала вновь распространяться холера: к началу августа были зафиксированы 521 заболевание и 221 смерть⁵⁰.

⁴⁶ Реально в начале сентября 1921 г. в губернии было уже 16 тыс. заболевших холерой с начала эпидемии (Известия (Уфа). 1921. 11 сент.).

⁴⁷ Известия (Уфа). 1921. 26 июня., 11, 20 сент., 5 окт.

⁴⁸ Там же. 20 сент.

⁴⁹ Там же. 29 сент., 5 окт.

⁵⁰ Там же. 1922. 21, 25 мая, 26 июля, 9 авг.

Развитие инфекционных заболеваний в Уфимской губернии в течении голодного года имело следующую динамику: в то время как цинга на протяжении всего этого периода отступала, а дизентерия ослабла с наступлением холодов, чтобы вновь усилиться весной, эпидемия тифа поступательно росла, достигнув пика своего развития в первые месяцы 1922 г., во время самой жестокой фазы голода (табл. 38).

Но самое страшное бедствие пришло в южную часть бывшей Уфимской губернии, на территории которой располагалась Малая Башкирия. Уже к 1 апреля 1922 г. от голода умерло более 100 тыс. человек, еще 85 тыс. стали жертвами эпидемий, начиная с 1921 г. Количество заболеваний на почве голода уже к 1 января 1922 г. достигло 475820, охватив 47,5% голодавших⁵¹.

Массовые эпидемии, как и рост смертности в стране и регионе, отражали разрушение материальных основ существования общества, дошедшее до той ступени, когда не только нормальная социальная жизнедеятельность, но и само физическое выживание населения становилось маловероятным.

Вынужденная «урбанизация» и социальная архаизация. Беспримерное буйство заразных заболеваний и смертности было лишь одним из проявлений примитивизации и разложения социальной жизни. При исследовании социальных макроструктур Урала создается впечатление, что революционные события не привели к их принципиальной реорганизации и регион словно бы законсервировался в качестве доиндустриального общества. Количественные показатели не позволяют говорить об архаизации социального состава населения, характерной в целом для Европейской России в годы революции. Известно, что между 1917 и 1920 г. из городов бежало, спасаясь от голода и террора властей, около 5 млн. человек, преимущественно из состава 6 млн. молодых горожан, переселившихся из сельской местности во время Первой мировой войны. Столицы потеряли от трети до половины своих жителей. В 24 из 77 губерний, в которых были проведены переписи 28 августа 1920 г. и 15 марта 1923 г., городское население за это время еще более сократилось⁵².

На Урале, за редкими исключениями, эта тенденция не проявлялась: городское население росло, сельское — убывало. Стабильный, хотя и не ломающий структуру доиндустриального общества, рост городского населения на Урале наблюдался в последние десятилетия существования Российской империи (табл. 39).

Этот процесс и до революции, и, особенно, во время нее, невозможно описывать в категориях классической урбанизации: прирост городского населения был незначителен, а с 1917 г. его обуславливали чрезвычайные обстоятельства революционной поры. Вынужденная «урбанизация» не привела к качественному изменению соотношения городского и сельского населения, крестьянский образ жизни оставался господствующим. Так, в промышленно наиболее развитой Пермской губернии по переписи 1920 г. 83,6% населения проживало в поселениях сельского типа, 9% — в поселках городского типа и лишь 7,4% — в городах⁵³. Очевидным доиндустриальным профилем был отмечен состав населения на территориях национальных новообразований. В Вотской автономной области в 1920 г., в момент ее создания, земледельческое население составляло 87,3%, горожане — 8,7%, жители фабрично-заводских поселков — 4,0%⁵⁴.

⁵¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 494. Л. 11 — 15.

⁵² См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Тарасова Т.Л. Указ. соч. С. 10.

⁵³ ГАПО. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 — 6.

⁵⁴ Ижевская правда. 1920. 13 сент.

Население Уфимской губернии в 1920 г. имело еще более выраженный аграрный характер: в сельской местности жило 89% человек, в городских (заводских) поселках — 3,8%, в городах — 7,4%, из них около половины — в Уфе⁵⁵. Еще большим в 1920 г. был удельный вес сельских жителей на территории Малой Башкирии (94,5%). В 1922 г. городское население Большой Башкирии, несмотря на резкое сокращение крестьянства во время голода, составляло всего 7% проживавших в республике⁵⁶.

В Оренбургской губернии, где оживленная в дореволюционное время торговля обусловила относительно развитую городскую жизнь, удельный вес населения городов в 1920 - 1921 гг. колебался вокруг отметки 20%, а в 1922 г. повысился до четвертой части жителей губернии. При этом соотношение городского и сельского населения в отдельных частях Оренбуржья существенно различалось. В Оренбургском уезде доля сельских жителей в 1920 г. была 68,3%, в 1923 г. — 63,4% (в 1926 г — 62,1%). В более аграрном Орском уезде, где численность городского населения в период голодной катастрофы понизилась более чем на треть, удельный вес сельских жителей с 1920 по 1923 г., напротив, вырос с 84,5% до 85,8% (к 1926 г. — до 86,8%), а в Каширинском уезде на протяжении 1920 — 1926 гг. остался практически неизменным — 96,6% — 96,7%⁵⁷.

Национальный состав Южного Урала, как и в дореволюционное время, оставался пестрым, создавая дополнительное социальное напряжение в регионе. В поздней Российской империи в Уфимской губернии из 3096 тыс. жителей башкир было 849 тыс. (27,4%)⁵⁸. На территории советской Уфимской губернии после выделения Малой Башкирии удельный вес русских достигал 39,5%, башкир — 26,7%, мешеряков — 7%, тептярей — 6,4%, татар — 5,2%. В 1922 г. в БАССР доля русских несколько повысилась (41,9%), в то время как национальный состав резко изменился в пользу мусульманского, татаро-башкирского населения (49,2%)⁵⁹. Тем самым более резко обозначилась линия этнокультурного напряжения.

Доиндустриальный профиль социальной структуры уральского населения отразился на его профессиональном составе. Так, в 1920 г. 2/3 промышленных рабочих в Вятской губернии проживали в сельской местности, а всего среди самостоятельного населения губернии рабочие составляли 1,5% (среди населения старше 10 лет — 4%). В городах вятского Прикамья лишь 18,6% жителей старше 10 лет было занято в промышленности, чуть меньше — в торговле (16,8%), значительная часть горожан занималась сельским хозяйством (14,2%). Города, особенно в условиях деградации экономики, все в большей степени выполняли типичную для доиндустриальных обществ функцию административных центров: 1/3 их населения была занята в сфере управления. По сравнению с дореволюционным временем значительно сократилось количество хозяев, использующих наемную силу: в 1920 г. в городах Вятской губернии их было 0,3%, в сельской местности — 4,3%. По-прежнему 9/10 жителей губернии кормила сельскохозяйственная деятельность⁶⁰.

О тенденции к архаизации городов в начале 20-х гг. свидетельствует некоторое снижение удельного веса рабочих среди самостоятельного городского населения Вятской губернии (с 21,8% до 17,2% за 1920 — 1923 гг.), существенное сокращение штата государственных служащих (на 1/4), почти двукратное уменьшение и без того малочислен-

⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 8, 9, 15.; Ф. 190. Оп. 1. Д. 65. Л. 34.

⁵⁸ См.: Александров Ф.А. Борьба за власть советов в Башкирии в 1917 году. Уфа. 1951. С. 5.

⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 42. Л. 75, 76.

⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 186. Л. 51— 77, 403; Д. 193. Л. 30, 32.

Таблица 39⁶¹

Удельный вес городского населения Урала в 1897 – 1916 гг. (%)

Губерния	1897	1913	1916
Вятская	3,2	3,4	4,5
Оренбургская	9,5	12,3	13,8
Пермская	3,6	6,3	8,3
Уфимская	7,5	6,1	7,5
Всего	5,3	6,3	8,1

Таблица 40⁶²

Состояние крестьянских хозяйств Челябинской губернии в 1920 – 1922 гг.

Мощность хозяйств (десятин посева)	1920	1922	% 1922 к 1920
Беспосевные	19408	24337	125,4
До 1 десятины	9617	70812	736,3
1,1 – 2	16710	47929	286,8
2,1 – 3	18466	25467	137,9
3,1 – 4	20029	13833	26,1
4,1 – 6	40095	11364	28,3
6,1 – 8	32079	3611	11,3
8,1 – 10	22297	1150	5,2
10,1 – 13	18380	478	2,6
13,1 – 16	10688	149	1,4
16,1 – 19	4955	58	1,2
19,1 – 22	3471	34	1,0
22,1 – 25	1710	11	0,6
25,1 – 28	1206	–	0,0
Более 30 десятин	2924	13	0,5
Всего	222035	199246	

Таблица 41⁶³

Грамотность в Пермской губернии в 1920 г. (%)

Типы поселений	Все население (% грамотных)			Дети 8 – 15 лет (% грамотных)		
	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мальчиков	Девочек	Оба пола
Села	36,7	18,1	26,4	60,3	36,9	48,0
Поселки	58,1	44,0	50,5	80,2	76,5	78,3
Города	67,3	55,0	60,7	82,2	81,5	81,8
Всего	41,7	22,9	31,1	63,3	42,8	52,6

⁶¹ Таблица 39 составлена на основе следующих источников: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 10: Вятская губерния. СПб., 1904. С. I; Т. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. I; Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. I; Т. 45: Уфимская губерния. Тетр. I. СПб., 1901. С. I; Наш Урал. 1919. 2 февр.

⁶² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 4.

⁶³ Табл. 41 – 43 составлены на основе следующих источников: ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 30 – 31; Д. 34. Л. 3, 23, 26, 39, 83, 108; Д. 212. Л. 2, 21; Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 182. Л. 1, 8.; ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 52. Л. 83; Д. 64. Л. 69, 71; Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 – 6.

ной группы представителей свободных профессий (с 0,9% до 0,5%) и появление массовой безработицы (8,7%). При этом в связи с началом НЭПа несколько возросло количество хозяев, как использующих, так и не использующих наемную силу (с 19,1% до 23,9%). В поселках городского типа наблюдались иные тенденции: количество рабочих за три года выросло в полтора раза, их доля в населении — почти в два раза, а количество самостоятельных хозяев уменьшилось почти в три раза (в связи со снижением численности поселковых жителей на 1/3, удельный вес хозяев упал менее значительно — с 37,8% до 18,8%)⁶⁴.

Традиционалистским оставался профессиональный профиль жителей и других губерний Урала. Например, среди трудоспособного населения более развитой в промышленном отношении Челябинской губернии рабочие составляли в 1922 г. всего 7,5%, в то время как крестьянское население достигало 88,4%⁶⁵.

Наряду с количественными изменениями социального состава уральского населения происходили и качественные трансформации отдельных общественных групп. Относительно хорошо известны процессы, происходившие в рабочей среде, поскольку история пролетариата была одним из приоритетных направлений советской историографии, пытавшейся доказать неизбежность социалистической революции в России. В годы Первой мировой войны количество горнозаводских и фабрично-заводских рабочих Урала возросло на 39%, причем 2/3 из них, как и до войны, были сконцентрированы на промышленных предприятиях Пермской губернии. Число горнозаводских рабочих Урала росло более быстрыми темпами, увеличившись за 1913 — 1917 гг. на 2/3. При этом удельный вес уральских рабочих в составе российского пролетариата почти не изменился (соответственно 42,1% и 43,2%)⁶⁶. Стремительный рост количества рабочих на Урале сопровождался усилением разнородности их социального состава за счет притока пришлых (в том числе эвакуированных из западных регионов) рабочих, военнопленных, женщин и подростков, усугубляя социальное напряжение в регионе. После войны и революции 1917 г. чужаки, которых на уральских заводах окрестили «военными трофеями», разбрелись по родным местам. На Урале остались коренные рабочие, намертво прикованные к заводам наличием имущества — дома и земельного участка⁶⁷. Это повлекло за собой изменения настроения рабочих и облегчило ликвидацию советской власти на Урале. Правда, некоторые сдвиги в составе уральских рабочих, происшедшие в годы мировой войны, оказались необратимыми и проявлялись в последующее время все более явно. Так, в 1913 г. доля женщин и подростков до 18 лет на уральских заводах составляла всего 7%, в 1916 г. — 17%, а в 1921 уже доходила на ряде заводов до 30%⁶⁸.

В целом же, в образе жизни рабочего Урала сохранялось полукрестьянское начало, доставлявшее властям немало хлопот. Как не без раздражения отмечалось в сводке Пермской губернской ЧК за второе полугодие 1919 г., «рабочий Пермской губернии не походит совсем на западного пролетария, это пришедший подработать крес-

⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 195. Л. 1 — 10.

⁶⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 521. Л. 1.

⁶⁶ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 1. С. 121; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 528.

⁶⁷ См.: Струмило Г.Б. Из записок рабочего / Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919: Документы и материалы. Париж, 1982. С. 31.

⁶⁸ См.: Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917 — 1923 гг.) М., 1975. С. 164.

тьянин или же местный мелкий землевладелец. До коммунизма он еще не дорос, крепко держится за свое домообращенное⁶⁹ мизерное хозяйство...»⁷⁰.

В том же документе дана характеристика среднеуральского крестьянина, отражающая специфику земельных отношений в регионе: «Крестьянин Пермской губернии — не батрак, земли у него хватает и Советская власть ему дать еще не может, т.к. здесь помещичьего землевладения не было».

На Южном Урале до революции положение сельского населения было еще более благоприятным. В Оренбургской губернии из 6 млн. десятин пахотной земли 2/3 находилось в руках казачества. Доля крепких, «кулацких» хозяйств была почти вдвое выше, чем в Центральной России (20%): в среднем на двор приходилось 50 десятин, более 60% казачьих хозяйств владели наделами от 50 до 100 десятин, каждый 12-й двор располагал от 100 до 1000 десятин. Правда, засеивалась далеко не вся земля: четвертая часть хозяйств засеивала до 5 десятин, почти половина — до 15 десятин⁷¹.

Подрыв крестьянского хозяйства в годы революции и гражданской войны отразился на социальном составе сельского населения и проявился в нарастающем, особенно в 1920 — 1922 гг., обнищании крестьянства. Массовая бедность, как центральный признак доиндустриального общества, стала ощутимой явью, знаменуя, тем самым, архаизацию общественных отношений.

Так, в Челябинской губернии крестьянство и казачество оказались потерпевшей стороной в революции. Тем не менее, еще в 1920 г. материальное положение населения деревни и станицы, если судить по размеру обрабатываемых земельных участков, было довольно дифференцированным: примерно половина всех хозяйств (51,6%) засеивало от 3 до 10 десятин земли. Беспосевных хозяйств было 8,7%, примерно пятая часть дворов использовала под посев от 10 до 30 и более десятин. В 1922 г. эта крепкая часть крестьянства практически исчезла. Количество хозяйств, использующих наемную силу, сократилось в пять раз, число наемных работников — в 10 раз. Доля беспосевных хозяйств выросла незначительно (до 12,2%), зато основной категорией стали дворы, засеивающие до 3 десятин земли (72,4%), причем половина из них — менее десятины (табл. 40). Уральское бюро ЦК РКП(б) характеризовало основную тенденцию развития деревни как «уравнение» крестьянских хозяйств, которое «...произошло за счет сокращения середняцких и кулацких хозяйств. Процент последних (кулацких) остался очень незначителен. Большинство из них (кулацких) было доведено до уровня середняцкого хозяйства, а последние — бедняцкого. Увеличение количества беспосевных свидетельствует... о том, что часть бедняцких хозяйств окончательно экономически пала»⁷².

Следствием разрушения экономики и обнищания населения стал рост удельного веса маргинальных слоев общества как в городе, так и в деревне. По далеко не полным сведениям областной биржи труда, на Урале в июне 1918 г., в период падения советской власти, насчитывалось 25 тыс. безработных, среди которых преобладали чернорабочие (40%), около трети были бывшими торговыми и конторскими служащими, 15% составляли квалифицированные рабочие⁷³. В Челябинской губернии за август — октябрь 1919 г., сразу после возвращения большевиков, было зарегистрировано 6760 безработных, треть которых состояла из чернорабочих, четвертая часть — из контор-

⁶⁹ Так в отпечатанной копии. В оригинале, вероятно, «доморошенное».

⁷⁰ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 109 об.

⁷¹ См.: Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. М., 1964. С. 5,6; Машин М.Д. Оренбургское и Уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 12.

⁷² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 5.

⁷³ Известия (Пермь). 1918. 21 июня.

ских и иных служащих⁷⁴. В 1922 г. контингент безработных в Вятской губернии в связи с сокращением штата государственных служащих и предприятий состоял в основном из чернорабочих и советских служащих⁷⁵. В следующем году каждый одиннадцатый самодостаточный житель городов вятского Прикамья был безработным⁷⁶.

Рост безработицы наблюдался повсеместно. В Челябинской губернии, например, в течении ноября – декабря 1921 г. отделом труда были зарегистрированы 21,5 тыс. безработных – жертв 50-процентного сокращения штатов. В эту цифру не вошло большое количество людей, разъехавшихся из городов губернии до регистрации. Из учтенных безработных к середине января 1922 г. удалось отправить на работу около 2/3, остальные были оставлены на произвол судьбы, и можно только предполагать их трагическую участь в условиях голодной катастрофы⁷⁷. В апреле 1922 г. их количество увеличилось до 25 – 30 тыс. человек. В зимние месяцы 1921 – 1922 гг. на учете в Екатеринбургской губернии было 56 тыс. безработных, в Пермской – около 10 тыс., в Уфимской – около 5 тыс., в Оренбургской – 12 тыс. Параллельно с увольнениями государство пыталось централизованно перераспределить высвобождавшиеся рабочие руки, в том числе направить часть из них в Донбасс, однако стремления к выезду с голодного Урала на не менее голодную Украину безработные не проявляли⁷⁸.

Одной из проблем, с которыми население и власти на Урале сталкивались, начиная с 1917 г., стало дезертирство из армии. Бегство из армии, уклонение от воинской службы, укрывательство дезертиров приобрели на Урале характер массового явления, которое поступательно нарастало с перемещением в регион фронта гражданской войны. Беглецы из армии, часто вооруженные, создавали группы от трех – пяти до нескольких сот и более человек, которые терроризировали местное население и делали небезопасным занятием передвижение по дорогам. Уральские леса кишели дезертирами, превращая Урал в регион, где каждая дорога имела своих разбойников (подробнее см. в главе 3.2). Города были переполнены нищенствующими крестьянами – беженцами из голодных мест. Нищие вереницами тянулись из селения в селение. Чудовищных масштабов достигла детская беспризорность: в декабре 1922 г. только в Башкирии их численность оценивалась в 75 – 100 тыс. человек⁷⁹.

Расширение слоя выброшенных на обочину, «порванные» деревни на предельно низком уровне жизни, вымывание «буржуазных» слоев в производственной и культурной сферах – все это обнаруживает за вынужденной «урбанизацией» региона архаизацию социальной жизни. Плоды начавшейся в поздней Российской империи модернизации увядали на глазах.

«Стабилизация неграмотности». Необратимый распад общества задел как недавно обновленные, так и традиционные институты социализации. О том, что механизмы передачи опыта от одних групп к другим стали давать сбой, свидетельствует мрак, в который погрузились школьная система, учреждения внешкольного просвещения и церковная жизнь.

⁷⁴ Советская правда. 1919. 25 ноября.

⁷⁵ Двигатель. 1922. 30 окт.

⁷⁶ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 195. Л. 1 – 10.

⁷⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 18.

⁷⁸ Там же. Д. 507. Л. 1.

⁷⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

Материалы всеобщей переписи 1920 г. дают, казалось бы, основание для оптимистичной оценки прогресса школьного дела по сравнению с дореволюционным периодом. Так, в сельской местности Вятской губернии грамотность населения повысилась в 1912 — 1920 гг. с 23,5% до 30,9%, то есть более чем на четверть. Однако старые диспропорции в уровне грамотности мужчин и женщин сохранились: удельный вес грамотных среди мужской части населения был в четыре раза выше, чем среди женской (в 1912 г. соответственно 39,8% и 9,5%, в 1920 г. — 43,8% и 12,4%)⁸⁰.

О сохранении зияющих пробелов и очевидных диспропорциях системы образования свидетельствуют данные о состоянии грамотности в Пермской губернии в 1920 г. (табл. 41). Помимо серьезного разрыва в степени овладения грамотой мужским и женским населением замечен контраст между результатами школьного просвещения в городе и деревне — также одно из наследий старого режима. В городах, где школьная сеть была более разветвленной, меньшим был и отрыв уровня мужской грамотности от женской⁸¹. Бросается в глаза и разница между степенью распространенности элементарной образованности взрослого населения и детей школьного возраста. Обращает на себя внимание не только значительно больший удельный вес грамотных среди детей, но и выравнивание в распространенности начального образования у мальчиков и девочек, особенно в городах. И все же около половины детей в возрасте 8 — 15 лет оставались за пределами школьной системы, которая была не в состоянии осуществить большевистские проекты прыжка в общество всеобщей грамотности. И успехи, и названные диспропорции не следует ставить в заслугу советской власти, существовавшей на Урале, учитывая перерыв 1918 — 1919 гг., считанные месяцы. Состояние школьного дела можно с уверенностью отнести на счет структур народного образования последних лет существования монархии, через которые в губернии прошли десятки тысяч детей школьного возраста.

Новый советский порядок первоначально был занят другими проблемами и слишком слаб не только для того, чтобы преодолеть недостатки дореволюционных учреждений народного просвещения или предложить эффективную альтернативу, но и хотя бы сохранить прежние достижения на школьной ниве. В результате количество школ и обучающихся в них детей с 1914 по 1924 г. в стране сократилось соответственно на 16% и 10%⁸². Оглядываясь в конце 20-х гг. на результаты реализации декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», принятого в конце 1919 г., Н.К. Крупская — авторитетный знаток постановки школьного дела в первые годы советской власти — писала: «Всеобщее обучение больше проектировалось, чем осуществлялось. Получалась своеобразная стабилизация неграмотности»⁸³.

Состояние школьного дела в Вятской губернии в 1917 — 1919 гг. не вызывало у деятелей народного образования особых тревог. Количество школ увеличивалось, поток учащихся рос еще быстрее, создавая некоторые неудобства в организации учебного процесса в связи с переполненностью классов. С 1920 г. развитие стремительно пошло в обратном направлении: численность школ и учеников стала убывать, количество учителей, которых 1 декабря 1918 г. было 5,5 тыс. к 1 ноября 1920 г. сократилось до 5,1 тыс. человек, а к 1 января 1922 г. — до 4,4 тыс. (табл. 42).

⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 123. Л. 32.

⁸¹ Степень грамотности была различной в отдельных уголках губернии, колеблясь от 42% в Пермском уезде до 22 — 23% в Осинском и Чердынском (ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 64. Л. 64).

⁸² См.: Культурное строительство в СССР. М., 1956. С. 80.

⁸³ Крупская Н.К. Десятилетие декрета о ликвидации неграмотности / Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 томах. Т. 9. М., 1960. С. 204.

Темпы разрушения школьной сети в Вятской губернии обгоняли общероссийский процесс: к началу 1922 г. количество школ было меньшим, чем накануне революции, на 1/3, учеников – почти на 1/5. Ухудшилось не только количественное, но и качественное состояние образовательных учреждений. В конце 1919 г. собственным зданием обладала лишь каждая четвертая школа (710 из 3210). Более трети школьных работников не имела преподавательского стажа. В 1919 – 1920 учебном году из 2163 единых трудовых школ I ступени вынужденные перерывы были отмечены в 1829 (84,5%). Общее количество пропущенных дней перевалило за 70 тыс., то есть более месяца на школу: почти 47 тыс. из них было связано с эпидемиями, более 10 тыс. – с недостатком топлива, почти 4 тыс. – с отсутствием школьных работников⁸⁴. Из-за недостатка помещений в 1920 г. бывали случаи, когда две учительницы были вынуждены одновременно работать в одной классной комнате с тремя – четырьмя группами детей. Многие начальные школы закрывались из-за отсутствия учителей, топлива и отремонтированных зданий, в формально действовавших школах учебный процесс был фактически невозможен: совершенно не было бумаги, перьев и карандашей, часто даже букварей⁸⁵.

Учебный процесс лихорадило не только от материальных сложностей, но и от вздорных мероприятий властей, успешно разрушавших сложившуюся образовательную систему в условиях, когда найти ей разумную замену было немыслимо. Попытка насадить грамотность чрезвычайными мерами не имела ни смысла, ни успеха. В 1920 г. во исполнение декрета «О ликвидации безграмотности...» повсеместно учреждались губернские, уездные и волостные чрезвычайные комиссии по ликбезу и пункты ликвидации неграмотности (ликпункты), обучение в которых приравнивалось к трудовой повинности. В попавшем в руки цензуры письме от 1 сентября 1920 г. из г. Слободского автор – по всей видимости, школьный учитель – с негодованием описывал результаты советских экспериментов в школьном деле:

«Представь, в Отд[еле] нар[одного] образ[ования] нет ни ручек, ни перьев, ни карандашей, ни бумаги, ни книг, а начало занятий 15 сентября. Прошлый год они сдуру конфисковали все учебники, отобрав у школ и свалив их в амбар, части отправили на фабрику перерабатывать на бумагу, сразу хотят по-новому вести дело – без учебников и руководства. Все пошло назад, знания ребят понизились, родители недовольны и отдать в школу ребенка заставляет угроза лишить пайка того, кто не учится. Программа большая для 4 и 5 отделения, справимся ли – неизвестно»⁸⁶.

Однако даже приравнивание учебы в школе к трудовой повинности, как и всякое насилие, оказалось неэффективной мерой. В 1921 – 1922 гг. образовательная сеть продолжала деградировать и трещать по швам.

Аналогичными тенденциями отмечена эволюция школьного дела в Пермской губернии (табл. 43). В отличие от Вятской губернии, в Пермском крае образовательная система испытала оживление дважды: в 1918 и 1921 гг. В первом случае, при меньшевистских правительствах, это, возможно, было связано с попыткой реанимации земств. Хотя количество школ и учителей даже несколько сократилось, число учащихся возросло на 22%. Во втором случае рост количества школьников был еще большим – на 36%. Однако он был иллюзорным и краткосрочным. По другим источникам, на 1 октября 1921 г. в школах Пермской губернии училось значительно меньше детей (144081)⁸⁷. К 1 апреля 1922 г. в связи с голодной трагедией число школ сократилось

⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 34. Л. 47.

⁸⁵ Там же. Ф. Р-1037. Оп. 1. Д. 322. Л. 4.

⁸⁶ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 164.

⁸⁷ ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 52. Л. 83.

Таблица 42

Состояние школьной системы в Вятской губернии в 1918 – 1922 гг.

Дата	Школ I и II ступени		Учащихся	
	Абсолютно	%	абсолютно	%
1 января 1917 г.	2243	100	158700	100
1 января 1918 г.	2405	107,2	189088	119,1
1 декабря 1918 г.	3078	137,2	173339	109,2
1 декабря 1919 г.	3210	143,1	270590	170,5
1 ноября 1920 г.	1679	74,9	148903	93,8
1 января 1922 г.	1535	68,4	132819	83,7

Таблица 43

Развитие системы образования в Пермской губернии в 1917 – 1922 гг.

Показатели	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Количество школ:	1856	1843	1903	1914	2072	1695
I ступени	1785	1759	1832	1844	2027	1662
II ступени	71	64	71	70	45	33
Количество учащихся:	99275	121419	125717	126693	172590	118778
I ступени	87875	110576	116581	117576	166098	115228
II ступени	9400	10843	9136	9117	6492	3550
Количество учителей:	3084	3024	3997	4317	4722	?
I ступени	2742	2757	3555	5854	4356	?
II ступени	342	267	442	463	366	?

Таблица 44⁸⁸

Динамика краж в Пермской губернии во второй половине 1921 г.

В Губер- нии	Количество краж											
	Крупных						Мелких					
	VII	VIII	IX	X	XI	XII	VII	VIII	IX	X	XI	XII
	225	129	93	157	312	Неизв.	423	367	574	660	484	Неизв.
В Перми	7	5	4	22	13	36	51	43	37	61	51	58

⁸⁸ Звезда (Пермь). 1922. 25 янв.

на 1/5, учеников — на 1/3. Разрушение школьной сети в губернии вписывается в общероссийский кризис институтов образования в начале НЭПа:

«Когда начался переход к новой экономической политике, было закрыто очень много школ, некоторые стояли нетопленные, неремонтированные, учителя не получали жалованья. В результате наша молодежь росла безграмотной, число взрослых безграмотных все время пополнялось безграмотными из числа подростков»⁸⁹.

Качество образовательного процесса необратимо понижалось. При росте числа начальных школ (I ступени) количество учреждений для более основательного образования (II ступени)⁹⁰ с 1921 г. неуклонно падало. Располагая лучшими зданиями, средние школы были вожделенным объектом выселения. Их численность в 1922 г. была ниже, чем в 1917 г., более чем в два раза, в три раза понизилось количество учащихся в них детей. Штат же учителей в 1919 — 1922 гг. стремительно разбухал, увеличившись в полтора раза. При этом качество образования катастрофически падало. В отчете о деятельности Отдела народного образования Пермского губисполкома в 1922 г. уровень учительских кадров был представлен в самом невыгодном свете:

«На свободные учительские места приглашались все желающие без особого разбора в их пригодности для работы, да и более подготовленные специалисты не шли для работы в школы, а уходили на фабрики или в университет, где труд оплачивается лучше, или совершенно бросали педагогическую работу, т.к. положение школьных работников и вообще работников школьного просвещения в Пермской губернии было чрезвычайно тяжелое. В сельских школах I ст[упени] воспитанием и обучением детей занимались в большинстве случаев малограмотные практиканты»⁹¹.

Постоянным спутником образовательной деятельности становилась изнурительная хозяйственная работа — «борьба за помещения, недостаток топлива, освещения, всех видов довольствия и снабжения, особенно на местах...» Отдел народного образования вынужден был признать, что организовать трудовую школу не удалось. Основная причина лежала на поверхности: «Нет квалифицированных производителей — не может быть хорошо поставлено производство»⁹².

Не меньшее напряжение испытывали школьные учреждения в Екатеринбургской губернии. Революция 1917 г. разом перечеркнула систему ценностей старого общества и поставила под сомнение содержание школьного просвещения. Через месяц после начала революции в Петрограде екатеринбургские педагоги жаловались: «Наш авторитет, наше слово в корне подорваны»⁹³. По мере развертывания революции и перехода ее в фазу вооруженной гражданской войны материальные основы школьного дела необратимо размывались.

Справедливости ради следует упомянуть, что сменившие летом 1918 г. большевиков власти были искренно намерены серьезно взяться за школьное просвещение, рассматривая это как важное направление нормализации жизни в регионе. В конце августа 1918 г. на одном из первых заседаний Уральского областного правительства товарищ главноуправляющего по народному образованию сделал доклад о необходимости переиздания некоторых учебников, несмотря на невозможность испросить у авторов их согласие. Было признано необходимым подготовить соответствующий законопроект⁹⁴.

⁸⁹ Крупская Н.К. Переход к НЭП / Крупская Н.К. Указ. соч. Т. 9. С. 289.

⁹⁰ Школы II ступени являются аналогами дореволюционных высших начальных училищ.

⁹¹ ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 64. Л. 70.

⁹² Там же. Л. 71, 80.

⁹³ Зауральский край. 1917. 24 марта.

⁹⁴ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 20 — 21.

Жизнь, однако, не укладывалась в благие планы новых законодателей, вне зависимости от их политической физиономии. В феврале 1919 г., в период господства в Екатеринбурге «белых», местная пресса отмечала катастрофическое состояние школьного дела в Камышловском, Верхотурском и Красноуфимском уездах. Одна из его причин коренилась в недостаточном финансировании школы. Жалование учителям было ничтожным и выплачивалось с опозданием на несколько месяцев. Так, работники Красноуфимской гимназии не получали денег с осени 1918 по февраль 1919 г. Следствием необеспеченности школьных преподавателей было их усиленное бегство из школ, особенно в кооперативные учреждения, где оплата труда была несравненно лучшей. Возникла перспектива остаться без преподавателей⁹⁵.

Неразрешимые финансовые сложности усугублялись характерными для военного времени реквизициями школьных помещений. В феврале 1919 г. городской голова Екатеринбурга, где в то время функционировали 28 городских народных училищ с более 3 тыс. учеников, в послании Верховному правителю сетовал на бедственное положение школ:

«Положение училищ крайне тяжелое. В силу сложившихся обстоятельств 16 школьных помещений занято для военных надобностей и во избежание приостановки учебной жизни, столь важной именно в настоящее время, городскому самоуправлению пришлось организовать занятия в школах 2 – 3 сменами»⁹⁶.

В мае 1919 г. начальник городской народной милиции Екатеринбурга в одном из рапортов отмечал, что жизнь учебных заведений протекает ненормально вследствие реквизиции помещений и недостатка персонала, из-за чего многие вакансии пустовали всю зиму 1918 – 1919 гг.⁹⁷

После занятия Урала «красными» ситуация не улучшилась. Наробразовский инструктор, прошедший ноябрь 1919 – январь 1920 г. в Шадринском уезде, в отчете о командировке сообщал:

«Есть много причин, препятствующих оживлению школьного дела в уезде, обойти которые молчанием нельзя. Не говоря уже о недостатке и неподготовленности учительского персонала, школы Шадринского уезда почти не имеют совершенно письменных принадлежностей: бумаги, карандашей, чернил и т.д.»⁹⁸

Эта проблема мучила все школы губерний, но в Камышловском и Екатеринбургском уездах, где имелись старые запасы школьных принадлежностей, была не столь остра. Ее усугубляла нехватка профессионально подготовленных и опытных педагогов. Среди работников школ II ступени каждый седьмой учитель имел стаж работы менее года, каждый четвертый – от года до двух.

В 1920 г. управление школьным делом, вероятно, уже было охвачено процессом распада. Официальные инстанции не располагали даже точными сведениями о количестве школ в губернии, которое в ноябре 1920 г. колебалось, по разным источникам, между 1800 и 2400⁹⁹. Сам процесс обучения протекал в нездоровой, в буквальном смысле слова, обстановке. Обследование начальных школ Екатеринбурга показало, что при недостаточном освещении обучаются 9 школьников из 10. Лишь в пяти классах освещение помещений было достаточным; в 23 оно было достаточным, но неправильно

⁹⁵ Наш Урал. 1919. 1 февр.

⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 42 об.

⁹⁷ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 32.

⁹⁸ Там же. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 68. Л. 37.

⁹⁹ ГАСО. Ф. Р.46. Оп. 1. Д.12. Л. 50; Уральский рабочий. 1920. 5 ноября.

распределялось, в 56 освещение было ниже минимальной нормы. В переполненных помещениях с недостаточным обеспечением воздухом обучалось более 4/5 школьников. Из 124 обследованных классов лишь 21 удовлетворял требования гигиены¹⁰⁰.

В 1921 – 1922 гг. школьная сеть в Екатеринбургской губернии пережила вызванные общим обнищанием разрушения. Количество школ, по сравнению с 1920 г., в 1921 г. сократилось почти в полтора раза, в 1922 г. – чуть не вдвое (до 1104). Если в 1920 г. в начальных школах губернии могли учиться 160 тыс. детей, то в 1922 – 1923 учебном году – лишь 106 тыс., или 35% детей школьного возраста¹⁰¹.

На Южном Урале школьное дело находилось в еще более плачевном состоянии. В Уфимской губернии количество начальных школ за 1918 – 1921 гг. сократилось почти в два раза – с 4102 до 2095, 301 из которых в 1921 г. бездействовала. Осенью того же года голодный хаос привел к тому, что 60% школ в Башкирии было закрыто: учить было некому и некого¹⁰². В конце 1921 г. в результате сокращения штатов по мотивам экономии количество школ и учителей, преимущественно в сельской местности, уменьшилось в полтора раза, учащихся – на 1/5¹⁰³.

В Челябинской губернии в ходе гражданской войны система образования также пришла в запустение. Смены власти и перемещения войск сопровождались реквизициями наиболее удобных – в качестве солдатских казарм – школьных помещений. Осенью 1918 г. Челябинск испытал квартирный кризис, больно ударивший и по школьному делу. Как сообщалось в местной прессе в первой половине октября, «в ближайшие дни, ввиду занятия школьных зданий под постой войск, возможно закрытие если не всех учебных заведений, то больше половины»¹⁰⁴. Это пророчество вскоре сбылось. В период колчаковской военной диктатуры в Челябинске закрылись учительская семинария, духовное училище, торговая школа, женская гимназия, железнодорожное училище, несколько начальных городских училищ. Эвакуированные из Поволжья в период наступления там Красной армии учебные заведения размещались в частных домах или в действующих школах. Вследствие этого занятия пришлось организовывать в две – три смены. Некоторые учебные заведения, в связи с нехваткой помещений и учителей, вынуждены были работать через день – три дня, по праздникам и воскресным дням¹⁰⁵.

«Освобождение» Челябинска от «белых» не прибавило благополучия школьному делу. Двухнедельная информационная сводка Челябинской губернской ЧК в конце 1920 г. констатировала:

*«Положение со школьным делом почти катастрофическое, нет освещения, нет отопления, нет пособий. Да и учителя по тем или иным причинам не посещают занятий»*¹⁰⁶.

В феврале 1921 г. школы Верхнеуральского уезда получили от губернского комитета по ликвидации неграмотности всего две дюжины карандашей и перьев да 10 пакетов чернильного порошка. Реализация декрета о ликвидации неграмотности натолкнулась на неожиданную для его авторов трудность – нежелание крестьян обучать детей в советской школе и предпочтение услуг священника по преподаванию закона Божьего. В начале ноября 1921 г., в период начавшегося голода, челябинские

¹⁰⁰ Уральский рабочий. 1920. 15 дек.

¹⁰¹ Там же. 1922. 12 сент.

¹⁰² ЦГИА РБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 92. Л. 20; Д. 153. Л. 47; Деревенская газета. 1921. 23 ноября.

¹⁰³ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 33. Л. 52.

¹⁰⁴ Утро Сибири. 1918. 11 окт.

¹⁰⁵ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918 – 1919 гг. Челябинск. 1958. С. 88.

¹⁰⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 80.

¹⁰⁷ Там же. Д. 312. Д. 37.

чекисты с тревогой отмечали, что во многих волостях и селах школы после летних каникул так и не открылись¹⁰⁷.

Работа по распространению грамотности по своему эффекту была подобна поливанию водой раскаленного песка. За январь – июнь 1921 г. в 240 ликпунктах Челябинской губернии было обучено грамоте 34 тыс. человек, после чего неграмотных осталось более 900 тыс. или около 70% населения губернии¹⁰⁸.

Со второй половины 1921 г. в течении года голод, подобно урагану, развеял школьную сеть. Проведенное в конце 1921 г. в целях ужесточения режима экономии 50-процентное усечение школьной сети, в результате которого в губернии осталось всего 715 из 1477 школ и 738 из 2560 учителей, лишь юридически зафиксировало степень деградации образовательной системы. Если принять во внимание закрытие школ ликвидации безграмотности, которых в январе 1921 г. было 873, а к началу 1922 г. осталось всего 206, то мера разрушения организации просвещения в губернии окажется самой глубокой, по сравнению с другими частями Урала.

В июне 1922 г. в информационном бюллетене Челябинского губернского отдела ГПУ сообщалось, что «дело народного образования находится в самом плачевном условии, если не будет оказана помощь в виде денежных средств от государства, то просвещение замрет окончательно»¹⁰⁹. В действовавших в июне 1922 г. школах ощущалась «...острая нужда в учебниках и пособиях, на одну книжку приходилось – 5, а то и более человек, школы нуждаются в ремонте, заготовка дров для школ идет слабо»¹¹⁰.

Не имея материальных и организационных средств для реанимации школьного дела, власти не могли рассчитывать летом 1922 г. и на поддержку снизу:

«...на помощь населения рассчитывать не приходится, т.к. оно совершенно выбилось из сил и никакой помощи хотя бы в заготовке топлива для школ и детдомов организовать не может. В существующих школах обучение протекает очень слабо, из-за необеспеченности учащихся и учащихся, теперь приходится уже думать не о воспитании детей, а о спасении их от голодной смерти. Лишь благодаря помощи, оказываемой заграничными организациями, за последнее время положение значительно улучшилось»¹¹¹.

Уровень подготовки работников просвещения был ниже всякой критики. Летом 1922 г. в губернском отделе народного образования около 15% учителей считали профессионально непригодными. Это особенно касалось школ II ступени, куда допускались лица без достаточной подготовки: «Для получения права преподавания не требовалось ничего, кроме личного желания кандидата на учительство, словесного заявления о достаточной подготовке и согласия заведующего школой»¹¹². Отсутствие людей со специальной подготовкой самым болезненным образом сказывалось на постановке учебного дела. В докладе о результате обследования школьного дела в Челябинской губернии за первое полугодие 1922–1923 учебного года, проведенного рабоче-крестьянской инспекцией говорилось:

«Без особого преувеличения можно сказать, что преподавание велось по принципу «кто во что горазд». Губоно не имеет в своем распоряжении разработанных учебных планов, не имеет примерной программы 9-летнего школьного обучения. Программа... семилетней школы оказалась одна на всю губернию»¹¹³.

¹⁰⁸ Там же. Д. 374. Л. 2.

¹⁰⁹ Там же. Д. 499. Л. 58; Д. 575. Л. 3.

¹¹⁰ Там же. Д. 499. Л. 62.

¹¹¹ Там же. Л. 58.

¹¹² Там же. Д. 575. Л. 4.

¹¹³ Там же. Л. 5.

Не располагая иными возможностями, власти на исходе второго года НЭПа вновь прибегли к испытанной во времена «военного коммунизма» практике принудительного преодоления неграмотности. В октябре 1922 г. председатель Челябинской губернской ЧК грамотности разослал инструкцию о ликвидации неграмотности среди сельского населения губернии. Ответственность за эту работу была возложена на волостных организаторов политического просвещения. Согласно инструкции, подростки обоего пола в возрасте 14 — 18 лет в недельный срок обязаны были явиться в исполком и зарегистрироваться у «учителя-ликвидатора», который должен был комплектовать учебные группы в 15 — 25 человек. Занятия сроком на четыре — шесть месяцев из расчета восемь часов в неделю следовало организовать не позднее, чем с 1 ноября 1922 г. Тон инструкции был выдержан в духе «военно-коммунистических» декретов: «Уклоняющиеся от обучения и не желающие посещать школу грамоты считаются как дезертиры грамотности и вызываются через милицию»¹¹⁴. В декабре 1922 г. губком РКП(б) разослал уездным и районным комитетам партии циркулярное письмо, в котором подводился печальный итог процессу распада школьной системы:

«Новая экономическая политика, выдвинувшая на первый план хозяйственный расчет, сильно ударила также по народному образованию.

Это отразилось на резком сокращении школьной сети по губернии. В октябре 1921 года насчитывалось на государственном снабжении 1470 школ, а в них — 3455 школьных работников. В октябре же нынешнего года число таких школ по губернии сократилось до 159, т.е. более чем в 9 раз, а школьных работников — до 767 человек.

Всего детей школьного возраста по губернии насчитывается 325230 человек. Между тем, в школах 1-й и 2-й ступени учатся всего 100115 детей, из них на государственном снабжении находятся лишь 27315. Кроме того, к 1-му января 1923 года, согласно плана наркомфина, весь педагогический состав школ 1-й ст[упени] и детских домов, а также сами эти детские учреждения и заведения целиком переходят на местные средства»¹¹⁵.

Материальная и организационная база школы была подорвана. Летом 1922 г. в Челябинской губернии из 1044 школьных помещений осталось всего 336, остальные, лучшие здания, были отданы различным учреждениям. Не было и контроля за школами: должность инструктора, учрежденная осенью 1921 г. именно с этой целью, в середине учебного года была упразднена.

Строго говоря, системы образования в это время попросту не существовало. Между школами не было преемственности, параллельно существовали никак не связанные между собой школы-«трехлетки», «четырёхлетки», «пятилетки», «семилетки» и «девятилетки», техникумы и подготовительные курсы. Школьная дисциплина отсутствовала, учителя бежали из школ, не имея возможности прожить на нищенское денежное вознаграждение. Челябинский отдел ГПУ обращал внимание на то, что «материальное положение школьной работы значительно хуже всех остальных спецов, поэтому действительные спецы при первой возможности уходят от педагогической работы; другие остаются пока в надежде на улучшение положения»¹¹⁶.

Таким образом, школьная система на Урале в 1917 - 1922 гг. оказалась разваленной. Ее осколки были не в состоянии обеспечить сколько-нибудь приемлемое распространение образования и в лучшем случае приводили к «стабилизации неграмотности».

¹¹⁴ Там же. Д. 574. Л. 71.

¹¹⁵ Там же. Л. 59.

¹¹⁶ Там же. Л. 6.

Сумерки учреждений общественного призрения и внешкольного просвещения. Одной из острых проблем, возникших в период революции и гражданской войны, стала социальная реабилитация осиротевших детей, количество которых в начале 20-х гг. в стране измерялось семизначными цифрами. Крайне актуальной оказалась она и на Урале, по которому безжалостно прокатилась всероссийская катастрофа. Количество детских домов и их обитателей по мере углубления трагического положения населения неуклонно росло. Так, в Пермской губернии в 1917 г. не было ни одного детского приюта, в 1918 г. их было 45, в 1919 г. — 75, в 1920 г. — 79. В 1921 г. их количество более чем удвоилось (175). Поступательно росла и численность помещенных в них детей: с 2 тыс. в 1918 г. до 7,8 тыс. в 1921 г.¹¹⁷ Стремительно увеличивалось число детей, по каким-либо причинам потерявших родителей и помещенных в детские приемники в период года 1921 — 1922 гг. Так, в Вятской губернии только за октябрь — ноябрь 1921 г. численность детских домов возросла со 147 до 176, а детей в них — с 7,3 тыс. до 10,9 тыс.¹¹⁸

Положение детей в приютах с самого начала существования этого института — зловещего спутника российской истории XX в. — в условиях отсутствия достаточных материальных средств и опытных кадров было ужасным. В мае 1918 г. работники расположенной в здании Вятской духовной семинарии детской трудовой колонии для эвакуированных из Петрограда детей на педагогическом заседании пытались разработать правила общежития для своих подопечных. Содержание этих правил отражает царивший в детской колонии хаос. Работники колонии, среди которых преобладали люди педагогически неподготовленные, признали свои упущения, но были бессильны навести порядок: «...мы распустили детей, но теперь вырабатываем правила общежития и наказания за детские преступления, а то не можем иначе справиться с детьми». Среди наказаний фигурировали такие, как «оставление без пищи» и «лишение удовольствий, изоляция, бойкот». Выработанные на педагогическом совете правила общежития позволяют составить впечатление о порядках в этом заведении. Среди них — требования, чтобы дети в помещениях «не устраивали клозетов», а если такое произойдет — чтобы «немедленно все вычищалось так же, как в клозетах»; чтобы дети «не мазали друг другу физиономии... калом», а если это случится, чтобы «немедленно обмывалась физиономия»; чтобы в заведении, где возраст детей доходил до 16 лет, «девочки не ходили вместе с мальчиками в баню». О соблюдении правил гигиены, таким образом, не могло быть и речи. В столовой, которая за месяц до этого, в момент принятия детей комиссией, «была безукоризненно чиста», царила антисанитария: «В настоящее время там невообразимая грязь: стол и скамьи покрыты толстым слоем грязи и пыли, которая от движения детей и взрослых носится в воздухе и затрудняет дыхание»¹¹⁹.

По мере расширения сети учреждений для детей, оставшихся без опеки родителей, она оказывалась неуправляемой и бесконтрольной, превращаясь в очаг всевозможных злоупотреблений и нарушений. Следователь Челябинской губчека, обследовавший в ноябре — декабре 1920 г. приюты губернии, в докладе заведующему секретно-оперативным отделом описал их состояние в таких категориях, как «полный хаос», «полнейший беспорядок», «полнейший хаос и распушенность». Ревизия показала, что отдельные приюты не снабжались дровами и фуражом, не обеспечивались продуктами, посудой, одеждой, учебными пособиями и медицинской помощью.

¹¹⁷ ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 12. Д. 64. Л. 73.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

¹¹⁹ Вятский голос. 1918. 18 мая.

Для отопления помещений шли на слом надворные постройки и заборы. Дети жили впроголодь, в то время как работники пользовались их продуктами. Среди воспитанников было много больных. Профессиональный уровень работников был недопустимо низок, а учителя отказывались выступать в качестве воспитателей, несмотря на угрозу обвинения в трудовом дезертирстве. В приюте на бывшем заводе Шмурло, который находился в самом ужасном положении из всех инспектируемых заведений, учительницы прямо заявили: «...работать не будем, хоть расстреливайте нас — не боимся». Приюты, расположенные в непригодных для обитания помещениях, находились в антисанитарном состоянии. По поводу одного из них следователь заметил, что «это был не дом, а просто гнилое подполье и грязный сарай». Постоянным спутником обитателей детских домов были паразиты, прежде всего вши, «которых в постелях полно, а от сырости даже масса червей». Лишь один из 35 обследованных приютов — дом ребенка в селе Закоуновка — находился, по мнению ревизора, в образцовом порядке. Еще три можно было признать исправными во всех отношениях, кроме медицинского обслуживания: ясли в Пукташской волости, дома ребенка в Новочеркасской волости и Еткульской станице. Обследование позволяло прийти к категоричному выводу — «далее так быть не может»¹²⁰.

Не имея сил и средств для обеспечения оказавшихся на государственном попечении детей, власти, тем не менее, считали эту сферу монополией государства, крайне нетерпимо относясь к усилиям негосударственных структур организовать заботу о детях, которая, кстати говоря, могла быть гораздо более действенной. Очень выгодно от государственных детских приемников Челябинской губернии отличался приют в женском монастыре Челябинска, также обследованный ЧК в апреле 1920 г. Было признано, что «помещение для детей удовлетворительно, пища хорошая, одежды и обуви в достаточном количестве». Единственным недостатком, не зависящим от воли воспитывавших детей монахинь, было то, что девочек не обучали грамоте. Причина заключалась в том, что при вступлении советских войск в город монастырская школа была занята армейскими частями, а книги и ученические принадлежности были реквизированы. Тем не менее, ревизоры оказались непреклонными противниками сохранения приюта: «Такое воспитание в советской России комиссия считает недопустимым»¹²¹.

Наследие гражданской войны и «военного коммунизма» — голодный кризис зимы 1921 — 1922 гг. — сделал содержание в детских домах невыносимым. Для большинства детей они оказывались недолгим последним пристанищем. В Троицком уездном доме матери и ребенка, например, за три осенних месяца 1921 г. умерло 200 детей при его вместимости 100 человек. В детских коммунах, садах, интернатах, домах матери и ребенка, по оценке информационной сводки губчека за первую половину ноября 1921 г., царила «полная бесхозяйственность, питание неудовлетворительно и несвоевременно, отсутствие одежды, засидевшийся и обжиревший обслуживающий персонал, отсутствие топлива, эпидемии, смертность, плюс ко всему хищения и обворовывание детей»¹²².

Развитие внешкольных культурно-просветительских учреждений Урала в 1917 — 1922 гг. было отмечено противоречивыми тенденциями. С одной стороны, революция вызвала активизацию просветительской деятельности, особенно в 1917 — 1918 гг., вселяя в интеллигенцию надежду на скорый и беспрепятственный подъем культурного уровня населения. Культурническое движение начала революции в зна-

¹²⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 275. Л. 22 — 23.

¹²¹ Там же. Д. 184. Л. 38.

¹²² Там же. Д. 321. Л. 88.

чительной мере могло опереться на положительные сдвиги в развитии просвещения в последние годы существования Российской империи. Так, в Вятской губернской публичной библиотеке количество постоянных читателей с 1912 по 1916 г. увеличилось почти в 3,5 раза — с 365 до 1216, число посетителей — с 6 до 8,2 тыс., выданных книг — с 16 до 42,4 тыс. томов¹²³.

Оказавшаяся в 1917 г. в «опасности полного распыления», с осени 1920 г. эта библиотека, получившая к тому времени имя А. И. Герцена, была включена в число 24 учреждений России, получавших обязательный экземпляр выходивших в стране изданий. На 1 января 1920 г. ее фонды имели 98 тыс. томов, из которых, правда, 32 тыс. не были зарегистрированы, что затрудняло пользование ими. После эвакуации библиотеки в апреле 1919 г. в связи с угрозой занятия Вятки «белыми» войсками около 50 тыс. книг вернулись перепутанными, но в 1920 г. они были разобраны и приведены в порядок. В том же году в библиотеку поступило более 8 тыс. новых томов, количество ее подписчиков выросло почти до 2,3 тыс., превысив уровень 1916 г. почти вдвое. В 1919 г. библиотеку посетило 12 тыс. человек, в 1920 г. — более 18 тыс. Количество выданных в читальный зал книг за это время увеличилось с 16 до 30,5 тыс.¹²⁴

В конце января 1917 г. в Вятке было открыто общество «Просвещение», которое имело целью содействовать внешкольному образованию и устройству «разумных развлечений» для населения. Формами деятельности были избраны организация общеобразовательных курсов, систематических и разовых лекций и бесед по вопросам науки, литературы и искусства, народных чтений, образовательных экскурсий, спектаклей, концертов, литературных, музыкальных и семейных вечеров; открытие народных домов, школ для подростков и взрослых, музеев, библиотек-читален, книжных складов, лавок для продажи книг и учебных пособий¹²⁵. На территории Пермской губернии в дореволюционных границах количество библиотек с 1915 по 1918 г. возросло с 574 до 1546. Кинематографов, которых до революции в Перми было всего два, в 1920 г. было уже шесть¹²⁶.

С другой стороны, в связи с перенапряжением и исчерпанием всех сил и ресурсов страны, примерно с 1920 — 1921 гг. в губернских центрах, а в уездах — еще раньше, начался процесс деградации очагов культуры. Хотя в Орловском и Нолинском уездах Вятской губернии деятельность просветительских кружков и постановка спектаклей фиксировались и осенью 1919 г., свидетели отмечали, что культурная жизнь уже не шла в сравнение с 1918 г., когда молодежь после работы регулярно собиралась в клуб для чтения газет и книг и устройства вечеров с «туманными картинками» (примитивный аналог слайдов). После мобилизации в армию весной 1919 г. жизнь в деревне остановилась: избы-читальни не функционировали из-за отсутствия читателей, поступающие газеты и брошюры просто складывались в ящики¹²⁷.

Особенно заметное угасание просветительских заведений происходило в 1921 — 1922 гг. Количество клубов в Вятской губернии с 1920 по 1922 г. сократилось с 74 до 60, театров и театральных кружков — со 122 до 110, кинематографов — с 24 до 18, музеев — с 24 до 21. Гораздо стремительнее иссякал поток их посетителей: количество зрителей в кинотеатрах уменьшилось с 476 тыс. до 228 тыс., музеев — с 245 тыс.

¹²³ Вятская речь. 1917. 15 янв.

¹²⁴ Деревенский коммунист. 1921. 7 янв.

¹²⁵ Там же. 28 янв., 1 февр.

¹²⁶ ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 64. Л. 78 об.; Ф Р-77. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

¹²⁷ Вятская правда. 1920. 29 мая.

¹²⁸ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 212. Л. 1.

до 48 тыс.¹²⁸ Число библиотек в Пермской губернии с 1919 по 1921 г. понизилось с 708 до 491. В 1921 г. в двух театрах Перми состоялось 379 спектаклей, которые посетили около 380 тыс. зрителей. В 1922 г. в единственном оставшемся театре было представлено 78 спектаклей, на которых присутствовало почти в 10 раз меньше публики. Количество сеансов в кинотеатрах в 1920 – 1922 гг. почти не изменилось, вероятно, в связи с более «демократичным» характером этого развлечения. В Челябинской губернии с декабря 1921 г. за полгода численность сельских библиотек упала с 300 до 39. При этом, правда, количество клубов за 1921 г. увеличилось с 14 до 39, театров – с 11 до 18. Было открыто пять кинотеатров¹²⁹.

Естественный развал учреждений культуры усугублялся запретительными мероприятиями и халатностью центральных и местных властей. Введенная практически сразу же после большевистского переворота в Петрограде цензура была ужесточена в 1921 г., предлогом для чего послужил дефицит бумаги:

«Ввиду переживаемого РСФСР острого бумажного кризиса, в предотвращение возможности издания бесполезных, а иногда и вредных книг, проникнутых духом мещанской идеологии, центральное государственное издательство предложило всем своим отделениям на местах издавать всю художественную литературу только с разрешения Госиздата.

Ввиду этого распоряжения все брошюры и книги беллетристического и вообще художественного содержания должны предоставляться в рукописях местным отделениям Госиздата, и последние уже направляют на рассмотрение Госиздата, которое решает вопрос о необходимости данного издания на месте, предоставляя из своего фонда необходимое количество бумаги для издания»¹³⁰.

Хаос, охвативший образовательные учреждения в Челябинской губернии, болезненно ударил и по библиотечному делу. В августе 1922 г., проведя проверку положения школьной сети в губернии, власти вынуждены были признать крайне неблагоприятное положение библиотечных фондов:

«Из библиотек бывших средних учебных заведений, ... библиотек очень ценных, не осталось в распоряжении школ ни одной. Вместо того чтобы выделить из них чисто школьные пособия разного рода, они целиком были переданы внешкольному отделу, а тот через своих неопытных, несведущих, небрежных сотрудников в полном смысле развеял все это школьное имущество по губернии, по разным мелким, временным, случайно возникшим организациям, которые также легко утратили приобретенные книги, как легко их и приобрели»¹³¹.

Создававшиеся десятилетиями будничной и незаметной работы очаги культуры в считанные годы подверглись безответственному и необратимому разрушению. Новую культуру предполагалось и в конечном счете приходилось создавать буквально на пепелище.

Церковь в условиях нагнетания безбожия. Разрушение переживала не только светская система социализации. Отношение российского населения, во всяком случае, православной его части, к официальной церкви подверглось серьезным испытаниям еще до прихода к власти большевиков – под влиянием секуляризации жизни пореформенной России, революции 1905 – 1907 гг., неуспешной для России Первой ми-

¹²⁹ ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 64. Л. 78 об.; Ф. Р-77. Оп. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 8, 17; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 58; Д. 575. Л. 3.

¹³⁰ Коммунар (Оренбург). 1921. 18 февр.

¹³¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 575. Л. 5.

ровой войны и крушения монархии¹³². Исследователи церковной жизни в поздней Российской империи, вне зависимости от идеологических установок и научных позиций, единодушно признают охлаждение отношения православного населения к церкви. Этот тезис подтверждается как сетованиями духовенства по поводу понижения религиозной активности паствы и разрушения нравственности, так и светскими свидетельствами о развитии пьянства, хулиганства и преступности как в городе, так и в сельской местности. При анализе этого явления следует учитывать, что официальное вероучение и набожность паствы представляют собой хотя и пересекающиеся, но все же не совпадающие явления. Опираясь на теоретические разработки специалистов по теории и истории религии, начиная с М.Вебера, немецкий знаток истории ранней советской культуры Ш.Плаггенбург, подчеркнул особую значимость этого разделения для российского православия, в котором народная вера со времен раскола находилась в оппозиции церкви¹³³. В России, где полный текст Библии впервые был издан лишь в 1876 г., оставаясь недоступным для большей части православных по причине их неграмотности, связь населения с церковью осуществлялась преимущественно через участие в религиозных ритуалах, дополняясь домашней набожностью, которая проявлялась в почитании икон и домашней молитве. Тема испытаний собственно народной религиозности революцией будет затронута в главе 3.1 (411–417). Сейчас же важно выяснить, как изменялось на протяжении 1917 – 1922 гг. отношение государства и паствы к официальной церкви и, следовательно, насколько успешно та могла выполнять функцию института социализации в новых условиях.

Нараставшее с 1915 г. негодование против неспособности старого режима справиться с проблемами военной поры во время Февральской революции рикошетом ударило и по православной церкви, которая воспринималась как верный соратник российской автократии. Сочувственное отношение большей части священства к свершившейся революции, продемонстрированное в заявлениях о преданности Временному правительству, а также в коллективных и частных пожертвованиях на продолжение войны, не производили большого впечатления на охваченных революционным пафосом мирян. Опьяненные свободой, они считали своим долгом предъявить церкви, как пособнице царизма, счет за все свои несчастья. Впоследствии большевики лишь воспользовались недоверием населения к церкви и направили его на нейтрализацию и устранение идеологического конкурента. В результате первого натиска на церковь количество молитвенных зданий в границах РСФСР 1936 г. сократилось с 1917 по 1926 г. с 39,5 до 34,8 тыс.¹³⁴

¹³² О положении церкви накануне и во время революции и первых лет советской власти см.: Roessler R. Kirche und Revolution in Russland. Patriarch Tichon und der Sowjetstaat. Köln, Wien, 1969; Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3-х т. Б.м., 1978; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984; Русак В. Пир Сатаны: Русская православная церковь в «Ленинский период» (1917 – 1924). Нью-Йорк, 1991; Васильева Д.Е. Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 гг.//Вопросы истории. 1993. №8; Luukkanen A. The Party in Unbelief. The Religions Policy of the Bolshevik Party. 1917 – 1929. Helsinki, 1994; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 – 1945. М., 1996; Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 405 – 441; Цыпин В. История русской церкви. 1917 – 1997. М., 1997; подробнее о библиографии истории взаимоотношений государства и церкви см.: Церковно-государственные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С.224 – 226. Региональный аспект этой темы освещен в книге Нечаева Н.Г. «Красный террор и церковь на Урале» (Пермь, 1992).

¹³³ См.: Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, Weimar, Wien, 1996. S. 291 – 295.

¹³⁴ См.: Государственно-церковные отношения в России... С. 240, 241.

Критические настроения в отношении церкви были характерны с самого начала революции и для жителей Урала. Основным объектом нападок стало православие, которое преобладало в конфессиональной палитре многонационального региона. По переписи 1897 г. удельный вес православных верующих колебался от 92% в Вятской губернии до 44% в Уфимской, убывая с севера на юг, на котором значительные позиции занимал ислам¹³⁵. В Вятской, Пермской и Уфимской губерниях к началу революции было 3158 церквей и 77 монастырей, или один храм на 2,5 тыс. православных¹³⁶.

Столкновения мирян со священниками начались весной 1917 г. по вопросу об отношении к революции и ее задачам. Так, в апреле 1917 г. по поводу состоявшегося в селе Макарье Вятского уезда приходского собрания известная давними либерально-демократическими настроениями газета не без злорадства писала:

«На собрании обнаружилась глубокая пропасть между пастырями и их духовными детьми. Пропасть эта так глубока, что стороны говорили на разных языках, совершенно не понимая друг друга. Собрались и беседовали не отцы и дети духовные, а враги, и враги непримиримые»¹³⁷.

Священники, по определению автора фельетона, «...обратились в рясофорных чиновников и приспешников самодержавия». В политическом задоре публицист предлагал им идти просвещать темные массы в крестьянские союзы. Большинство прихожан на собрании не поддержало своих пастырей, приняв резолюцию, ставившую священнослужителей в зависимость от общины. Согласно принятому решению, вновь назначаемые священники допускались к исполнению своих обязанностей только с согласия и одобрения прихода. Прежние священники могли быть приходом отвергнуты. Денежные средства церкви впредь можно было расходовать также только с разрешения прихода.

Идущая снизу стихийная реорганизация отношений церкви и прихожан самым неблагоприятным образом сказалась на составе, профессиональном уровне и авторитете пастырей. Летом 1917 г. на Среднем Урале отмечался факт массового перехода дьяконов в священники. Сделать это было несравненно легче, чем раньше: достаточно было договориться с общиной. В результате многие священники 1917 г. имели мирское образование, в том числе начальное, полученное в городских училищах. Прежние образованные иереи уходили на светские должности, в том числе шли в кооперативы и даже в рабочие. Жизнь священника старого образца в общине становилась невыносимой: в условиях верховенства прихода — одной из сублимаций революционного диктата толпы — говорить правду было трудно, так как риск потерять место в обстановке конкуренции новоиспеченных и готовых «продаться» подешевле и потакать приходу священников был очень велик¹³⁸.

Одновременно в городской среде усиливалось давление учеников и родителей на школу с целью либерализации или вытеснения преподавания религии. В апреле 1917 г. по решению педагогического совета Тургеневской гимназии в Перми закон Божий мог преподаваться только факультативно — в виде бесед о вере и нравоведении без выставления оценок и сдачи экзаменов.

Во время Февральской революции симптомы массового стихийного богоборчества и равнодушия к авторитету церкви становились все более заметны. Многие говорят о том,

¹³⁵ См.: Там же. С. 235, 236.

¹³⁶ См.: Нечаев М. Г. Борьба церкви с крестьянским движением на Урале (февраль — октябрь 1917 г.) / Классовая борьба на Урале в период империализма... С. 41.

¹³⁷ Вятская речь. 1917. 21 апр.

¹³⁸ Известия Екатеринбургской церкви. 1917. 1 июня.

что им в большей степени были заражены возвращавшиеся с войны солдаты. Показательно, что в мае 1917 г. прибывшие в отпуск в одну из волостей Котельнического уезда Вятской губернии солдаты, насильно переизбирая местный волостной комитет, выступали с речами в церкви, с амвона, по православным правилам недоступного для мирян¹³⁹.

Придя к власти, большевики не встретили сколько-нибудь заметного сопротивления своим антицерковным мероприятиям в светской среде. Почва для репрессий против церкви была уже подготовлена, а церковная организация — беззащитна. В январе 1918 г. был принят декрет об отделении церкви от государства, после чего у нее сразу же было отобрано около 6 тыс. храмов и монастырей. Поднялась волна репрессий против духовенства. В Оренбургской епархии в течение 1918 г. пострадало не менее 60 священников, из которых 15 были убиты. Полторы сотни священников погибли от «красного» террора на территории Пермской и Екатеринбургской епархий. Как сообщала пермская «белая» печать, архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник был заживо зарыт в землю, епископ Соликамский Феофан после истязаний и многократного погружения в воду — утоплен в Каме. В ходе «красного» террора, по подсчетам «белой» стороны, на Среднем Урале погибли 19 протоиереев, 41 священник, 5 дьяконов, 4 псаломщика, 36 лиц монашеского звания¹⁴⁰.

В мае 1919 г. в саду Пермской духовной семинарии из земли были извлечены останки 26 человек, расстрелянных большевиками в 1918 г. Трупы принадлежали двум священникам и прихожанам, выступившим за год до этого с письменным протестом против реквизиций церковного имущества¹⁴¹.

Отношение к религиозным институтам на территориях антисоветских режимов контрастировало с большевистской политикой в отношении религии. В «белой» зоне Урала беспрепятственно функционировали православные храмы, мечети, костелы и синагоги. При антибольшевистских властях православное священство было неизменным участником официальных светских торжеств.

Смягчение политики советского государства по отношению к церкви в 1919 г. и стилизация христианства под ранний вариант социалистического учения не остановили разрушение церковной организации на территории большевистской России. Вместе с отступающей армией А.В.Колчака Урал покинули, опасаясь мести со стороны «красных», более 3 тыс. лояльных к режиму военной диктатуры православных священников и 500 мулл.

В 1920 г. советские власти, используя распространенную в годы гражданской войны практику глумления над мертвым противником, провели кампанию по вскрытию и «разоблачению» святых мощей. В сентябре она коснулась одного из самых знаменитых и старейших на Урале монастырей в Верхотурье. Его покровителем считался Симеон Праведный, останки которого были захоронены в монастыре 260 лет назад и являлись одной из величайших святынь восточной России. Поругание святыни имело явно провокационно-демонстративный характер и выполняло функцию пробы сил: оно было приурочено к празднику святого (25 сентября) и проведено накануне, когда крошечный уездный город в 3,5 тыс. человек, в котором на 60 жителей приходился один коммунист и шесть служителей церкви, уже был полон богомольцами со всего Урала. Вероятно, у советских властей не было больших опасений по поводу возможных эксцессов — прохладное отношение населения к церкви снижало риск столкновения до минимума.

Организаторы богоборческого спектакля не ошиблись. Враждебный настрой набившихся в собор людей быстро сменился самым банальным любопытством. Сна-

¹³⁹ Вятская речь 1917. 18 мая.

¹⁴⁰ Отечество. 1919. 29 июня.

¹⁴¹ Освобождение России. 1919. 9 мая.

чала намерение вынести раку с мощами для вскрытия было встречено криком, воем и возгласами «Антихристы!». Однако когда гроб был вскрыт и там, по сообщению советской печати, оказались кости нескольких человек — неполный скелет, череп подростка и нижняя челюсть взрослого человека — религиозное воодушевление улетучилось. В газетной статье, возможно, с некоторым смещением акцентов, эволюция эмоций толпы описывалась следующим образом:

«Масса с напряженным вниманием следила за процессом вскрытия, прося выше поднять ту или иную сгнившую кость. <...>

Когда из гроба все было вытаскано на стол и гроб был поднят кверху и опрокинут, вся эта масса разразилась бурей аплодисментов по адресу недавних «Антихристов», посылая проклятья уже не им, а попам и монахам»¹⁴².

Равнодушие к церкви со стороны населения, погруженного в горькую суету каждодневных материальных забот, к началу 20-х гг. зашло настолько далеко, что у властей не оставалось сомнений в возможности безнаказанно нанести православной церкви болезненный удар — приступить к массовому изъятию церковных ценностей. Юридическая основа под эту акцию была подведена еще январским (1918 г.) «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно этому распоряжению советской власти, церковь была лишена всего движимого и недвижимого имущества. К концу 1921 г. момент для демонстративных реквизиций церковного имущества настал. На этот раз объектом для экспроприации должны были стать фрагменты внутреннего убранства и предметы культа, изготовленные из драгоценных материалов. Несмотря на неоднократные предложения православных иерархов принять участие в сборе помощи для многомиллионного голодающего населения пораженных непогодой и вредителями регионов страны, церковь получила разрешение на это лишь в декабре 1921 г. и в весьма узких рамках¹⁴³. Реальное сотрудничество с Помголом началось лишь в феврале 1922 г., после издания им специального положения. Тогда же была достигнута договоренность, что церкви будут отдавать драгоценности, не имеющие богослужебной ценности. Однако уже в марте 1922 г. В.И. Ленин посчитал, что плод созрел. В письме В.М. Молотову он заявил, что крестьянство не поддержит церковь в случае насилия над ней и либо примет сторону советской власти, либо не сможет занять ничей стороны в условиях изматывающего голода¹⁴⁴.

Кампания по изъятию церковных ценностей была организована весной 1922 г. и на Урале. В большинстве мест она прошла без эксцессов и даже при содействии духовенства. В Екатеринбурге, Оренбурге, Челябинске и других крупных городах Урала священнослужители помогали составлению описей и идентификации церковного имущества. По призыву мулл активно жертвовали в пользу голодающих мусульмане Южного Урала. Известны, однако, и случаи сопротивления государственной кампании и вызванных этим репрессий против местных церковных иерархов. Так, в мае 1922 г. за выжидательную позицию в вопросе об изъятии церковного имущества был арестован, с последующим препровождением в Москву, глава Челябинской епархии епископ Дионисий¹⁴⁵. В июле того же года Башкирский революционный трибунал рассматривал

¹⁴² Уральский рабочий. 1920. 29 сент.

¹⁴³ Подробнее см.: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 104 — 106.

¹⁴⁴ См.: Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро 19.3.1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190-193.

¹⁴⁵ См.: Боже В.С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска (1917 — 1937 гг.) / Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Вып. 2. Челябинск, 1998. С. 126, 128 — 129; ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 53. Л. 158 — 159.

дело 12 человек, обвиненных в агитации против изъятия церковных ценностей и в их сокрытии. Среди них были протоиерей Н.Ф.Орлов из Уфы, священник Я.П.Хлыстов из Стерлитамака, пятеро членов совета одной из стерлитамакских церквей, два члена экспертной комиссии государственного музея, прихожане. Шестеро из них были приговорены к одному году лишения свободы (условно), остальные оправданы¹⁴⁶.

Результаты реквизиций церковного имущества на Урале оказались довольно скромными. Начавшееся 29 апреля 1922 г. в Екатеринбургской губернии изъятие церковных ценностей к началу лета принесло государству 248 пудов серебра, из которых пятую часть (56 пудов) сдали в первые же дни акции 8 церквей Екатеринбурга. Из Кафедрального собора, помимо 8 пудов серебра, было извлечено много драгоценных камней¹⁴⁷. В Уфимской губернии в ходе реквизиции церковных ценностей было собрано 112,7 пудов серебра, 3 фунта золотых изделий, 110 бриллиантов, несколько изумрудов, сапфиров, рубинов, аметистов, золотых и серебряных монет. Исполнители этой акции не погнушались изъять из церквей около 15 фунтов медных монет и 8,7 пудов медных изделий¹⁴⁸. В Оренбурге было изъято около 30 пудов серебра; золота и драгоценностей удалось собрать немного — они имелись только в Кафедральном соборе. В Челябинской губернии к 28 мая 1922 г. было собрано 44 ящика церковных ценностей весом более 125 пудов, а всего за антицерковную кампанию было реквизировано 135 пудов серебра, 14 золотников золота, 28 бриллиантов, 67 жемчугов, 78 алмазов¹⁴⁹. На собранные таким образом средства в Челябинской губернии, в которой счет голодающим велся на сотни тысяч, можно было прокормить до нового урожая едва ли 10 тыс. человек¹⁵⁰.

Всероссийская кампания по изъятию богатств церкви с экономической точки зрения себя не оправдала. Ее организаторы, с одной стороны, явно переоценили «сокровища», накопленные церковью на протяжении веков, рассчитывая получить несколько сотен миллионов рублей, в то время как церковь в ходе осуществления декрета об отделении от государства и в течение гражданской войны уже была обобрана. С другой, они не сделали поправку на вошедшую в плоть и кровь за пять лет революционной неразберихи привычку непосредственных исполнителей государственных реквизиционных акций класть значительную часть отобранного в собственный карман. Всего по стране удалось отнять у церкви 21 пуд золота и 23 тыс. пудов серебра. Драгоценных камней и жемчуга было собрано мало и в основном плохого качества. Значительная часть драгоценностей была расхищена самими чекистами, окрещенными в этой связи «ловцами жемчуга»¹⁵¹.

Гораздо больше был политический выигрыш светской власти. В ходе акции насилия над церковью государству удалось дискредитировать идеологического конкурента и потенциального противника, возможность которого влиять на распространение среди населения альтернативной системы ценностей была серьезно подорвана.

Продукт социального гниения — преступность. Одним из продуктов разложения общества в России революционной поры стало ураганное развитие преступности.

¹⁴⁶ Известия (Стерлитамак). 1922. 27, 29 июля.

¹⁴⁷ Уральская новь. 1922. 1, 5 мая, 4 июня; Уральский рабочий. 1922. 6 мая.

¹⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.

¹⁴⁹ См.: Боже В.С. Указ. соч. С. 127.

¹⁵⁰ Советская правда. 1922. 13 апр., 14 мая.

¹⁵¹ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 106.

Стремительные и малопонятные населению события, быстрое ухудшение уровня и качества ненадежной жизни, размывание привычных ориентиров и образцов поведения облегчали возможность и повышали целесообразность нарушения закона.

По сравнению с динамикой развития преступности в революционной России последние месяцы существования монархии кажутся временем тишины и спокойствия. В январе – феврале 1917 г. в Оренбурге, Уфе и Екатеринбурге было совершено соответственно 39, 37 и 35 преступлений, в Челябинске – 19, в Перми и Вятке – 5 и 3, причем в трех последних городах в феврале не отмечено ни одного преступления¹⁵². В структуре нарушений закона преобладали мелкие кражи. Тяжкие преступления – убийства и грабежи – были редким исключением.

После начала революции попрание закона стало массовым явлением. Этому содействовал сложный комплекс причин: слом государственного аппарата, развал судебной системы и ликвидация полиции, замененной непрофессиональной и малочисленной милицией; стихийная амнистия снизу, распахнувшая двери тюрем для всех преступников без разбора; обострение дефицита продукции массового спроса и рост цен на них; все более распространенное желание забыться с помощью вышедшего из-под контроля властей производства и потребления алкоголя; возвращение домой озлобленной солдатской массы, вынесшей с фронтов мировой войны опыт безнаказанного насилия, а заодно и оружие. В сентябре 1917 г. в Екатеринбурге было зафиксировано уже 75 преступлений – почти в четыре раза больше, чем в январе и в шесть раз больше, чем в феврале 1917 г. Среди них – 6 убийств, 3 уличных грабежа, 2 аферы и 64 кражи¹⁵³. В октябре в неофициальной столице Среднего Урала ежедневно совершалось от 3 до 7 краж.

Среди задержанных или замеченных грабителей на улицах уральских городов преобладали люди в солдатских шинелях. В глухих уголках Урала бесчинства дезертиров приняли особенно большой размах. В Кушвинском заводе Екатеринбургского уезда летом – ранней осенью 1917 г. население было взволновано ежедневными наглыми, преимущественно тяжкими, преступлениями: «Не проходит ночи, чтобы не было грабежей и убийств. Дело дошло до того, что среди белого дня стали совершаться грабежи и убийства». Так, однажды днем была вырезана целая семья из пяти человек. В другой раз была убита старушка. Жители поселка были убеждены: причина роста насилия кроется в том, что «за лето Кушва наводнилась массой дезертиров, совершенно спокойно разгуливавших по заводу». При первом же удобном случае разъяренное население устроило над преступниками страшный самосуд¹⁵⁴.

В сельской местности преступления сопровождали массовое пьянство, которое достигло небывалых размеров из-за развития крестьянского самогонварения вследствие нежелания продавать государству хлеб по твердым ценам. В Оренбургской губернии, например, по наблюдению прессы, «алкоголизм как стремление к опьянению настолько овладел деревней, что там царит поголовное пьянство: из числа пьющих не исключаются ни старые, ни малые»¹⁵⁵. Вместе со злоупотреблением спиртным распространялись хулиганство, драки, азартные игры. Наибольшее распространение они получили осенью 1917 г., по окончании полевых работ, в сезон свадеб. Именно в это время участились драки, убийства и венерические заболевания от прибывающих солдат. Ос-

¹⁵² Подсчитано автором по материалам следующих газет за январь – февраль 1917 г.: «Вятская речь», «Оренбургская жизнь», «Пермские ведомости», «Уфимский край», «Уральская жизнь», «Челябинский листок».

¹⁵³ Уральская жизнь. 1917. 10 окт.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Оренбургское земское дело. 1917. 12 ноября.

становить безобразие было некому: государство утратило контроль над деревней. Кадровые перемены в местных правоохранительных органах привели к переносу общинного по своей природе принципа личных, неформальных отношений на контакты населения с представителями власти. Во всяком случае, именно так трактовалось корреспондентом то, что творилось в селе Китяк Малмыжского уезда Вятской губернии, населенном черемисами и вотяками, в начале ноября 1917 г.:

«Каждый дом к празднику "Кузьма-Демьян" уже наварил кумышки¹⁵⁶ по 2 – 3 ведра; варили на берегу, в банях, под сараями и вообще открыто, где только вздумается. <...> Пьянство началось 1-го ноября и уже пятый день пьют беспросыпно: мужики, бабы, девки, старики и даже юные дети, зев¹⁵⁷, хулиганство, драки, кражи и проч. преступления никогда так не были часты, как ныне, по той причине, что прежде, даже во время революции, не давали так свободно варить кумышку. Старожилы утверждают, что подобного пьянства, безобразий и преступлений в Китяке никогда не бывало. Вся причина в том, что волостной комиссар и конный милиционер, два брата – местные черемисы»¹⁵⁸.

Надежной статистики о развитии преступности на Урале во время революции и гражданской войны обнаружить не удалось и вряд ли удастся. Распад правоохранительных органов и частые смены власти, каждая из которых была слишком недолговечна и слаба, чтобы бороться с нарушениями закона, не позволяют статистически точно реконструировать динамику преступности, но дают основания предположить, что этот период создавал наиболее благоприятные возможности половить рыбку в мутной воде. Об этом косвенно свидетельствует и уровень преступности сразу же после прекращения боевых действий на Урале, оставивших тяжкое наследие и в этой сфере. Только в Челябинске с 10 августа по 1 сентября 1919 г. было совершено 167 преступлений – в десятки раз больше, чем в дореволюционное время. В сентябре в городе и уезде было зарегистрировано 492 преступления, в первой половине октября – уже 497, во второй половине – 611. Во второй половине ноября 1919 г. количество мелких преступлений в Челябинской губернии составляло 767¹⁵⁹. Разгулу преступности содействовала слабость правоохранительных служб. Состав милиции не соответствовал ее задачам. Руководство местной милиции признавало, что поскольку в Челябинске после его занятия Красной армией «...милиция организовывалась спешно, то в милиционеры попало несколько лиц из бывшей царской полиции и колчаковской милиции, а также и неграмотные и вообще элементы, не соответствующие своему назначению»¹⁶⁰.

В 1920 г. уровень преступности, судя по милицейской статистике, стабилизировался и был ниже, чем в предыдущем. В Челябинской губернии уголовным розыском было зарегистрировано около 5 тыс. преступлений (из них 62% – кражи), в том числе половина из них – в Челябинске¹⁶¹. Раскрыто было чуть более половины преступлений. Впрочем, статистика преступности явно неполна. Силы милиции были слишком слабы, чтобы хотя бы иметь более или менее полную картину криминальной активности. В 1921 г. в различных уездах губернии один милиционер приходился на территорию от 104 до 227 км² с населением от 916 до 2000 человек¹⁶².

¹⁵⁶ Кумышка – самогон, распространенный среди нерусского населения Прикамья.

¹⁵⁷ Зев (вятское, тамбовское, владимирское) – крик, ор, рев. См.: Даль В. Толковый словарь. М., 1978. Т. 1. С. 692.

¹⁵⁸ Вятская жизнь. 1917. 15 ноября.

¹⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 14. Л. 24, 28, 33, 35, 48.

¹⁶⁰ Там же. Л. 17.

¹⁶¹ Там же. Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 – 6.

¹⁶² Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

Аналогичным было состояние преступности и на Среднем Урале. С 1 апреля по 31 декабря 1920 г. Екатеринбургская губернская милиция зарегистрировала 10,2 тыс. преступлений, из которых 90% было раскрыто. Первое место среди видов нарушения закона занимали кражи (около 30%), за которыми с большим отрывом следовали незаконное изготовление алкоголя и спекуляция (по 12%). В том же году Екатеринбургский губернский уголовный розыск зафиксировал 8,6 тыс. преступлений, в том числе 5,2 тыс. краж. Раскрываемость достигала 50%. Каждые два из пяти преступлений совершались в Екатеринбурге и его уезде¹⁶³.

Наибольшего размаха преступность на Урале достигла в 1921 – 1922 гг. Ее рост находился в обратно пропорциональной зависимости от уровня жизни, который именно в это время упал до нулевой отметки. В Челябинской губернии количество преступлений в 1921 г. выросло почти в полтора раза – до 6773, из которых раскрыто было, как и в предыдущем году, несколько более половины (55%). Помимо увеличения общего количества преступлений обращают на себя внимание еще два обстоятельства. Во-первых, преступность в Челябинске несколько снизилась. Она составляла теперь не половину, а треть губернской: наблюдался очевидный рост преступности в сельской местности. Во-вторых, удельный вес краж в спектре нарушений закона возрос с 62 до 70%. Лишение сотен тысяч людей каких-либо средств к существованию во второй половине 1921 г. толкало многих из них на воровство¹⁶⁴.

Та же тенденция явно просматривается в развитии правонарушений в Екатеринбургской губернии. Их общее количество в 1921 г. возросло несущественно (с 10,2 до 10,6 тыс.), но удельный вес краж увеличился вдвое (до 62%). Народные суды в губернии были завалены уголовными делами: в течении года их поступило 62,4 тыс.¹⁶⁵

Аналогична динамика развития преступности в Пермской губернии (табл. 44). При хаотичном колебании количества мелких краж можно, тем не менее, обнаружить их некоторую связь с продовольственным положением: снижение в августе, когда еще был в достаточном количестве хлеб нового урожая, и повышения в последующие месяцы. Скачок в количестве краж – как мелких, так и крупных – в октябре 1921 г. был, видимо, связан с резким повышением цен на муку. В развитии крупных краж на протяжении последних месяцев 1921 г. заметен стабильный рост. Очевидно и то, что во второй половине года преступность захлестнула уезды: лишь 12% мелких краж и менее 10% крупных совершались в губернском центре.

В 1922 г. стражи порядка сбились с ног. В начале НЭПа и в обстановке голодного хаоса граница между противоправным и правомерным поведением оказалась иллюзорной. С января по август 1922 г. милиция Вятской губернии зафиксировала 28 вооруженных ограблений, 177 убийств уголовного характера, 879 крупных и 3050 мелких краж, обнаружила 707 трупов, произвела 708 конфискации, 3652 ареста, 2325 обысков и 319 облав, задержала 60 бандитов и 326 воров, изъяла 103 револьвера и 19 штыков¹⁶⁶. В Оренбурге с 1 июля по 1 декабря 1922 г. милиция выявила 353 человека, незаконно занимавшихся курением самогона и его сбытом, отняла 134 самогонных аппарата, обнаружила 58 домов терпимости и зарегистрировала 137 проституток, обнаружила 25 трупов, раскрыла 131 кражу, совершила 632 облавы, задержала 44 рецидивиста, отняла 14 единиц огнестрельного оружия¹⁶⁷.

¹⁶³ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 178. Д. 1; Д. 117. Л. 1.

¹⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 104. Л. 120 – 121; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 262. Л. 92.

¹⁶⁶ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 6.

¹⁶⁷ Степной край. 1922. 21 дек.

Правоохранительные органы столкнулись с невиданными масштабами преступлений на почве голода. Как сообщал очевидец, осенью 1921 г. в уфимской деревне, «кражи и самосуды приняли массовый характер. Число убийств на дорогах, чтобы забрать лошадей, возросло невероятно»¹⁶⁸. О том же писала вятская пресса:

«На почве голода участились случаи краж: уводятся скот со двора, крадут последние запасы продовольствия, семматериалы, одежду – путем взлома запоров у кладовых и клетей. Виновики краж большею частью остаются необнаруженными»¹⁶⁹.

Новым явлением стала массовая детская преступность, которая на закате «военного коммунизма» приняла угрожающие размеры. Вятская пресса в начале 1921 г. по этому поводу писала: «...экономическая разруха, оставленная нам как проклятое наследие войны, и уменьшение продуктов питания и предметов необходимейшего обихода; не только вызвали вновь детскую преступность и проституцию, но и добавили к ним еще одно вопиющее зло – детскую спекуляцию»¹⁷⁰. Газета отмечала, что в последнее время детская преступность развивается «настолько явно и сильно», что борьбу с ней решено сосредоточить в губернском отделе народного образования. 29 декабря 1920 г. по этому поводу состоялось первое организационное собрание, на котором было принято решение создать постоянную межведомственную комиссию из представителей всех заинтересованных сторон и РКСМ.

В феврале – мае 1921 г. в аналогичную, специально созданную Челябинскую губернскую комиссию по делам несовершеннолетних правонарушителей поступило 736 дел о 1198 детях. Проанализировав их, комиссия обнаружила, что более половины малолетних преступников (54,6%) совершили кражи, и пришла к следующему заключению:

*«Предметами кражи являются преимущественно вещи домашнего обихода, одежда, обувь, продукты питания, меньше случаев кражи денег – 16% общего числа краж, и на последнем месте стоят кражи драгоценностей, 3%. <...> Более половины краж несовершеннолетних производятся под влиянием голода, крайней нужды, при полной бездомности и беспризорности, и составляют не преступление, а несчастье детей. Такие дети едва ли могут быть отнесены к дефективным, в своих действиях они руководились здоровым инстинктом самосохранения»*¹⁷¹.

Одолеть детскую преступность было сложно не только из-за катастрофического положения материальных основ жизнедеятельности общества и слабости правоохранительных органов: пенитенциарная система находилась в состоянии, не соответствующем своему назначению. Ревизия весной 1921 г. колонии малолетних преступников в Уфе обнаружила, что это заведение лишь в насмешку можно считать местом изоляции и перевоспитания. Оно производило «ошеломляющее впечатление притона юных практикующих воров», не было обнесено забором и не охранялось. В отчете Уфимского губернского отделения РКИ сообщалось, что «молодые воры беспрепятственно посещают рынки и толкучки, где чистят карманы. Окрестные деревни боятся воспитанников колонии пуще огня...» По ночам обитатели колонии куда-то уходили, или к ним приходили и ночевали типы подозрительной наружности¹⁷².

Новым чудовищным видом преступления на почве голода стали частые зимой 1921 – 1922 гг. случаи людоедства и трупоедства, которых к 1 июля 1922 г. на терри-

¹⁶⁸ Уральский рабочий. 1921. 5 окт.

¹⁶⁹ Вятская правда. 1922. 2 марта.

¹⁷⁰ Деревенский коммунист. 1921. 1 янв.

¹⁷¹ ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об. – 2.

¹⁷² Известия (Уфа). 1921. 1 июня.

тории 14 кантонов БАССР было зарегистрировано 781, в том числе 389 — в Стерлитамакском и 240 — в Юрматинском кантоне¹⁷³.

Масштабы этого явления на Южном Урале заставили заведующего Челябинским губернским отделом юстиции (губюст) обратиться с циркулярным письмом ко всем уездным отделам юстиции и здравоохранения. В нем говорилось:

«Участившиеся за последнее время сообщения из пораженных голодом уездов Челябинской губернии о случаях употребления голодающими в пищу трупов людей, убийств как посторонних, так и родных детей с целью их поедания, должны приковать к себе внимание отделов юстиции и здравоохранения.

Указанные явления представляют собой вопросы чрезвычайной сложности, крайне недостаточно или вовсе не изученные.

Подходить к ним лишь как к актам простого преступления – убийства, не приходится, так как мотивы убийства, условия, окружающая обстановка, психическое состояние людей, прибегающих к убийству как к средству утоления голода, новы, своеобразны и не соответствуют обычной обстановке убийства с целью грабежа и т.п.»¹⁷⁴

Автор письма высказывал опасение, что каннибализм может получить дальнейшее распространение в связи с ухудшением продовольственного дела и развиться в общественный психоз. При обнаружении подобных случаев он рекомендовал адресатам немедленно выезжать на место преступления, осматривать труп и убийцу, определять состояние нервной системы преступника, фотографировать его, допрашивать окружающих и немедленно информировать губюст.

Стремительное развитие преступности и появление чудовищных видов преступлений сигнализировало об атомизации и агонии общества, которое дошло до последней черты одичания.

Движение общества от надежд на свободу и процветание к потере человеческого облика и крайним формам озверения произошло со скоростью падения в бездну. Распад проник во все области человеческой жизнедеятельности и до неузнаваемости искажил ее. Специалист в любой сфере гуманитарного и социального знания — будь то историк или социолог, политолог или экономист, демограф или эпидемиолог, криминалист или статистик, педагог или юрист, — анализируя различные явления российской жизни в целом или в региональном масштабе, столкнется с очевидной катастрофичностью процессов на территории бывшей Российской империи в 1917 — 1922 гг.

Наполняя содержанием первую часть книги, я еще раз убедился, насколько искусственным является конструирование исторического исследования и как много искусства оно требует. «Встраивая» материал в композицию мультиперспективного научного труда, приходилось постоянно задаваться вопросом, принадлежит ли та или иная информация к этой части книги, на месте ли она оказалась. Мучаясь этим вопросом, я решил ограничиться здесь преимущественно теми обобщенными данными, которые были известны современникам-профессионалам различных областей изучения общества и манипулирования им — от политиков до статистиков — и составили основу для анализа и интерпретационных конструкций последующих поколений исследователей, прежде всего историков, то есть сведениями, недоступными большинству современников описываемых событий. Неизбежным следствием такого самоограниче-

¹⁷³ ЦГИА РБ. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 42. Л. 29.

¹⁷⁴ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 489. Л. 3

ния явилась повышенная концентрация количественных данных, скупо дополненных отдельными иллюстрациями. Фрагментарный характер собранных сведений, значительная часть которых, особенно помещенных в третьей главе, извлечена из архивных источников и публицистики того времени, обнажает многочисленные пробелы в историографии русской революции. Достаточно взглянуть на справочный аппарат глав 1.1 – 1.3, чтобы убедиться, что политической истории революции, гражданской войны и перехода от «военного коммунизма» к НЭПу на Урале историки уделили значительно больше внимания, чем экономической, а социальная история русской революции в регионе пока не написана. Многие темы здесь лишь эскизно намечены. Каждая из них представляет самостоятельный интерес и готовит немалые трудности на увлекательном исследовательском пути, а потому не под силу одному историку. Каждая из них продолжает ждать своих исследователей.

Восстановив общие контуры развивавшихся событий и протекавших процессов, необходимо обратиться теперь от знаний профессионалов к знанию многих – тех обычных, чаще всего безымянных людей, которые непосредственно видели и переживали происходившее; тех, кто жил повседневными заботами, работал, занимался поисками пропитания, отдыхал, радовался и страдал посреди разворачивающейся трагедии. Другими словами, пора шагнуть из рабочего кабинета в будни революционных лет.

2. Великие потрясения (Взгляд из опасной близости)

«Мы находимся, если взглянуть земным глазом, в положении железнодорожных пассажиров, которые потерпели аварию в длинном туннеле, и именно в таком месте, где свет его начала уже не виден, а свет конца настолько слаб, что глаз должен постоянно искать его и постоянно теряет, так что в существование начала и конца едва верится. Вокруг же нас — из-за смятения чувств или сверхчувствительности — лишь чудовища и, в зависимости от настроения или поврежденности каждого, восхитительная или изнуряющая калейдоскопическая игра.

Что мне делать? или: для чего мне это делать? — вопросы не этих мест».

Ф. Кафка

«Читать книги по истории революции приятнее, чем переживать революции».

Н.А.Бердяев.

2.1. Неизвестная революция: 1917 год глазами обывателя

«Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев».

Б.Л.Пастернак.

О русской революции, особенно о 1917 г., написано такое количество литературы, что выбор названия этой главы может вызвать недоумение и показаться нескромным. Действительно, что еще неизвестно о событиях, которые расписаны чуть ли не по часам?... Сколь бы провокационным не показалось определение революции 1917 г. как «неизвестной», оно имеет, однако, не метафорический, а буквальный смысл. Вернее, несколько смыслов. Во-первых, речь пойдет здесь о революции не из перспективы крупных политиков и знаменитых образованных ее современников, видных участников и маститых экспертов. Внимание будет сфокусировано на жизни во время революции обычных, ничем не выдающихся людей. Эта тема пока не прописана и, следовательно, революция в таком ракурсе остается почти неизвестной. Во-вторых, события в столицах для провинциального населения — особенно сельского — оставались большей частью неизвестной величиной: сведения о них приходили в отдельные уголки страны с опозданием, и, проходя через десятки рук, приобретали фантастические черты. В-третьих, шаблонная подгонка процессов 1917 г. под схему поступательного роста влияния

большевиков во всероссийском масштабе до предела упрощает и спрямляет процессы, шедшие в отдельных регионах, и придает динамике развития событий фаталистическое звучание. Между тем, факторы радикализации русской революции не сводились к неизбежному успеху или неудаче тех или иных политических сил: ее будущее из 1917 г. представлялось более чем туманным, перспективы ее были неизвестны.

Накануне революции: видимое спокойствие и очевидные проблемы. 1917 г. начался на уральской периферии Российской империи, как любой другой: люди работали и отдыхали, женились и рожали детей, обменивались новостями и умирали в собственной постели. Благодаря счастливому неведению своего будущего, они жили привычной жизнью, с обычными радостями, огорчениями и заботами. Ничто, казалось бы, не предвещало скорого и неумолимого приближения грандиозной катастрофы, которая перепашет и исковеркает миллионы человеческих судеб. Жизнь шла своим чередом.

К войне, которая длилась вот уже два с половиной года, все привыкли, она не будоражила более сенсационными сообщениями, не вдохновляла на патриотическое единение. От однообразия будней спасали всевозможные развлечения, степень разнообразия и эстетический уровень которых зависел от культурной принадлежности и возможностей каждого. Вятское общество по-прежнему посещало городской театр, который за январь 1917 г. дал дюжину представлений, делая время от времени полные сборы. Публика попросе посещала кинотеатры (именовавшиеся современниками новым словом «электротeatры») «Прогресс», «Одеон» и «Колизей», в которых в зависимости от художественных пристрастий можно было посмотреть киноленту «Ястребиное гнездо», драму в трех частях «Хороши только первые робкие встречи», комедию-фарс «Муж, шансонетка, жена и банкир» или экранизацию пошловатого лубка «Ванька Ключник – злой разлучник». В Перми к услугам горожан были городской театр, художественный театр «Мираж», электротeatры «Заря» и «Луч», кафе-театр «Колибри». В уездном Екатеринбурге вкусы образованной публики были более изысканны. Городской театр имел в своем репертуаре за январь – февраль 1917 г. два с половиной десятка опер П.И.Чайковского и М.И.Глинки, Г.М.Римского-Корсакова и А.П.Бородина, Ж.Бизе и Д.Верди, Ф.Ж.Галеви и Д.Мейербера, Д.Пучини и Ш.Гуно, А.Г.Рубинштейна и Р.Планкетта, Ж.Оффенбаха и Э.Ф.Направника. Менее утонченные ценители прекрасного обходились посещением кинематографов «Лоранж» и «Художественный театр». В Оренбурге приличное общество татаро-башкирского происхождения посещало мусульманский театр, а для русских зрителей давал представления городской театр, специализацию которого составляли драмы, миниатюры, детские спектакли. Случались и гастроли театральных знаменитостей. После закрытия театрального сезона в городском театре в течение двух недель в конце февраля – начале марта с двенадцатью спектаклями выступала труппа Варшавского русского театра М.Арнольдова. Досуг обывателя услаждали цирк и кинотеатры «Фурор», «Олимп», «Аполло», «Кино-Паллас» и «Люкс». Всего два кинотеатра – «Луч» и «Люкс» – могли посещать челябинские зрители. В четырех кинотеатрах – «Художественный театр», «Искусство», «Фурор» и «Заря» – отдыхала уфимская публика.

В уездном захолустье и сельской местности развлечения населения были неприятны. Празднование Рождества и святок, как и в довоенное время, несмотря на введение в 1914 г. сухого закона, сопровождалось пьяным разгулом и кулачными боями. Златоуст – один из уездных центров Уфимской губернии – в первый день Рождества накануне 1917 г. представлял собой картину, привычную с предвоенных лет:

«...беспрерывно то справа, то слева на склонах гор слышатся душераздирающие крики – то дикая несвязная пьяная песня, то неистовый нечеловеческий крик дерущихся, то на развальных гонит пьяная ватага, грозя раздавить прохожих.<...>

Это темная часть публики сварила к празднику бражку из скудной выдачи сахара заводоуправлением по три четверти фун[та] на человека. Нет сахара – беда, появился сахар – еще более»¹.

«Пьяные» развлечения в деревне не обходились без азартных игр, принимавших порой драматичный оборот. Из Уржумского уезда Вятской губернии в январе 1917 г. сообщалось, что карточная игра «...ведется здесь исстари, но ныне приняла огромные размеры: играют старики, пожилые и ребята. Частенько игра оканчивается дракой, увечьем и даже убийством»². В начале января, как сообщалось в этом же репортаже, в деревне Гари Уржумского уезда был убит выигравший в карты пожилой мужчина, за что к суду было привлечено восемь человек. В селе Вольно-Сухарево Уфимского уезда празднование масленицы сопровождалось массовым пьянством. Одурманенные алкоголем толпы горланили песни и безобразничали³.

Повальное увлечение горячительными напитками не миновало и городских жителей, причем не только из низших классов. В условиях запрета на вольную торговлю спиртным в городах укоренилось употребление денатурированного спирта, получившего в обиходе ласковое название «денатурка». Ею угощали гостей даже в приличных компаниях, где собирались люди с высшим образованием. В Оренбурге празднование Рождества в конце 1916 г. с «денатуркой» закончилось отравлениями⁴.

За внешним спокойствием повседневной жизни, нарушаемым лишь пьяным весельем городских и сельских обывателей да хулиганскими выходками подростков, все с большей отчетливостью маячили грозные предвестники продовольственного кризиса, ложившиеся на плечи «маленького человека» тяжким грузом ежедневных забот.

В Вятке и уездных центрах Вятской губернии, где положение с продовольствием зимой 1916 – 1917 гг. было лучше, чем во многих городах Центральной России, население начинало, тем не менее, испытывать на себе сложности со снабжением. В начале января 1917 г. фунт черного хлеба стоил уже 6 к., белого – 10 к. На рынке можно было приобрести четверть молока за 1 р., фунт творога – за 20 к., сметаны – за 55 к., постного масла – за 2 р. 10 к., десяток яиц – за 60 к., пуд картофеля – за 1 р.⁵ Помимо того, что цены были в среднем в три раза выше довоенных, подвоз продовольствия не отличался стабильностью. Привоз молочных продуктов в начале января был ограничен, дрова то исчезали с рынка, то появлялись в изобилии – по 7 – 11 р. за воз, 26 – 27 р. за сажень⁶. Активность рынка была скована сильными морозами: в январе температура воздуха держалась днем на уровне 23° по Реомюру, ночью – 27° (30 – 35° С).

Сахар распределялся по карточкам: их выдавали в начале января из расчета фунт в месяц на человека. Государственные продовольственные организации работали со сбоем: так, население слободы Кукарка получало сахарные порции с двухмесячным опозданием.

Во второй половине января начались перебои с подвозом самого необходимого – муки. В Кукарку, славившуюся в прежние времена хлебным рынком, ржаная мука в отдельные базарные дни вообще не доставлялась. Ее можно было купить только в сосед-

¹ Уфимский вестник. 1917. 5 янв.

² Вятская речь. 1917. 21 янв.

³ Уфимский вестник. 1917. 25 февр.

⁴ Оренбургская жизнь. 1917. 13 янв.

⁵ Вятская речь. 1917. 5,8 янв.

⁶ Там же. 24 янв.

них деревнях по вольной цене: пуд стоил от 2 р. 20 к. до 2 р. 70 к., а в самой слободе — до 3 р. 20 к. Яровая мука была еще дороже — от 3 р. 10. к. до 3 р. 80 к. за пуд. В результате покупка фунта черного хлеба обходилась обывателю в 6 — 7 к., сеянки — 10 к., белого хлеба первого сорта — 18 к., второго — 16 к., третьего — 10 к. В Вятке в последней декаде января пуд муки на рынке стоил 3 р. 50 к.⁷

Большинство городских жителей вынуждено было совершать покупки в городских лавках, расценки в которых регулировались городскими властями с ориентацией на твердые государственные цены. Для обывателя это оборачивалось ощутимыми неудобствами, на которые горожане постоянно жаловались в местную печать:

«Весь почти хлеб, особенно белый..., покупается крестьянами, которые приезжают в хороших тулупах и валенках и стараются быть всегда впереди, а городские жители в плохоньких одежонках никак не могут пройти не то что в первую очередь, а и для того, чтобы погреться в лавке, и вот стоишь и мерзнешь иногда часа два-три и не дождешься хлеба, т.к. часто его не хватает для города, потому что крестьянам дают по четыре — пять караваев хлеба, в особенности белого»⁸.

Нехватка хлеба в вятских городских лавках вызывалась не местными обстоятельствами, а общероссийской снабженческой ситуацией. Из-за транспортного кризиса Вятка, как и другие города, получала меньше продовольствия, чем планировалось: в январе вместо пяти вагонов муки был получен только один, вследствие чего городская хлебопекарня вместо 800 пудов хлеба в день выпекала в два раза меньше.

Население, испытывая дефицит продовольствия, негодовало и на крестьян, и на снабженческие организации, и на торговцев. Состоявшееся в Слободском 24 января продовольственное совещание приняло решение ввиду отсутствия крупчатки — самой высококачественной муки — осмотреть торговые склады местных купцов, которых подозревали в утайке хлебных запасов в спекулятивных целях. Найденное подлежало реквизиции. У одного из торговцев на самом деле было найдено 900 пудов муки, у другого — еще больше. Горожан будоражили слухи, что «у некоторых торговцев запасы товаров хранятся в подвалах подгородных деревень»⁹.

Губернский центр в начале февраля был охвачен «крупчаточной паникой»: в городе не было крупчатки, что приводило обывателя в волнение. Власти и местная пресса пытались успокоить горожан, сообщая, что местные фирмы получили накладные на 50 вагонов муки, получение которых ожидается в самое непродолжительное время¹⁰.

Однако в течение февраля положение с продовольствием только ухудшилось. В Вятке в связи с приближающейся масленицей толпы людей образовывали «мучные хвосты». Наплыв желающих получить к празднику пуд крупчатки вызывал многочасовые стояния в очередях и давку, оканчивающуюся порой увечьями. Средства массовой информации по мере сил старались примирить население с этими неудобствами, напоминая, что во многих городах России хлеб уже давно выдается в ограниченных размерах, фунтами, по карточкам: «вятчане еще находятся в лучших условиях, чем многие другие, и с некоторыми неудобствами при получении муки приходится мириться...»¹¹. Однако уже в середине февраля было объявлено, что хлеб будет продаваться не более чем по 10 фунтов в одни руки по цене 7 к. за фунт черного и 10 к. за фунт белого.

Дефицит отдельных продуктов питания ощущался и в уездных городах. В Уржуме из продажи исчезло конопляное масло, которое в последнее время стали продавать

⁷ Там же. 14, 17 янв.

⁸ Там же. 27 янв.

⁹ Там же. 2 февр.

¹⁰ Там же. 5 февр.

¹¹ Там же. 9 февр.

по 80 к. за «мерку» — не на вес, а на объем. Наблюдательные жители городка, привыкшие за годы войны к дорожанию продуктов и нерегулярности их поставки, восприняли появление мерки как недобрый знак:

«“Мерка” в Уржуме всегда является предвестником того, что в городе скоро не будет того или иного продукта. Сначала обыкновенно быстро растет цена на тот или иной продукт, но продают его в лавках все-таки на вес; потом с фунта веса переходят на “мерку”, так как в “мерке” этот фунт всегда выходит меньше, — такой прием торговцев тоже своего рода повышение цены...»¹².

Ежемесячное получение сахара по карточкам в Уржуме создавало очереди и вызвало новое явление — появление в них малышей дошкольного возраста: хозяйки, занятые другими заботами, посылали их в «сахарные хвосты».

Цены на хлеб в феврале продолжали ползти вверх. В Кукарке стоимость белого хлеба выросла до 40 к. за фунт. В Орлове подвоза ржи почти не было, и в случае удачи ее можно было купить по 4 — 4,2 р. за пуд. В северных волостях Орловского уезда ее цена перевалила за 5-рублевый рубеж¹³.

Не лучше обстояло дело с продовольствием и на Среднем Урале. В Пермском уезде в декабре 1916 г. пуд пшеницы стоил 2 р. 80 к., ржи — 2 р. 60 к., пшеничной, ржаной муки и крупчатки, соответственно, — 3 р. 25 к., 3 р. и 4 р. 40 к. — 6 р. 20 к. В губернском центре цены на муку были выше: ржаная мука стоила 3 р. 25 к., пшеничная — 3 р. 80 к. Наиболее ценная крупчатка, правда, была дешевле. Ее цена колебалась от 3 р. 30 к. до 4 р. 30 к. Несмотря на дороговизну, эти цены были для обывателя приемлемы: поденная плата в городе составляла от 2 р. 75 к. для мужчины (при использовании своей лошади — 6 р.), до 1 р. 15 к. для женщины, в уезде — от 2 р. 80 к. (с лошадью — 5 р. 75 к.), до 95 к.¹⁴ Проблема заключалась не столько в ценах, сколько в нехватке продуктов. Хотя черный хлеб в Перми стоил от 7 к. за фунт в городских лавках до 9 — 10 к. в частных, его катастрофически не хватало. Баранки, которые могли долго храниться, становились большой редкостью и раскупались на Черном рынке Перми пудами по цене 10,5 р. за пуд и 25 — 30 к. за фунт — в четыре раза дороже, чем до войны¹⁵. Призы во время благотворительной лотереи в начале января 1917 г. в Перми свидетельствовали, по мнению автора одного из репортажей, о деформации шкалы ценностей у местной «чистой» публики:

«Мешок крупчатки, голова сахару, воз березовых дров — вот приманки, которые показывались в перспективе при устройстве лотереи в пользу разных благотворительных учреждений, и приманка действовала. Комментарии тут, полагаю, излишни»¹⁶.

Рационирование дефицитных продуктов не снимало остроту продовольственного вопроса. Так, в Камышлове в связи с «сахарными хвостами» у колониальных магазинов были введены карточки на получение сахара. Однако пока собирался статистический материал для их выдачи, «потребитель сидел без сахара и пил чай с одним “представлением” о нем». В начале 1917 г. камышловский обыватель оказался в столь же отчаянном положении относительно снабжения его мукой¹⁷.

Размывался рынок и других продуктов. В конце января в Екатеринбурге, где морозы достигали 38 — 42°С, образовывались длинные очереди у мясных лавок. Исчез чай, который в европейских раннеиндустриальных обществах компенсировал низшим

¹² Там же. 15 февр.

¹³ Там же. 18, 25 февр.

¹⁴ Пермские ведомости. 1917. 18 янв.

¹⁵ Там же. 4 янв.

¹⁶ Уральская жизнь. 1917. 13 янв.

¹⁷ Там же. 14 янв.

классам общества скудость рациона питания. Это болезненно сказывалось на структуре питания социально слабых слоев населения Урала. Как отмечала екатеринбургская пресса, «в последнее время для беднейших классов населения чай сделался продуктом необходимым, как одно из главных средств питания, и назревающий чайный кризис будет для этих классов особенно тяжел»¹⁸. В Шадринске — в центре одного из самых хлебобобовых уездов Пермской губернии — в феврале 1917 г. начал ощущаться недостаток крупчатки. В начале месяца в трех магазинах города ее не было вовсе, а «в единственном магазине, где имелась мука..., творилось нечто невообразимое, благодаря наплыву покупателей»¹⁹. В Екатеринбурге с 1 февраля были введены хлебные карточки, по которым в месяц полагалось 20 фунтов крупчатки и 30 фунтов простой муки на человека. Носились слухи о сокращении и этой порции. С 20 февраля сахар отпускался в лавках только по фунту. В Камышлове государственные хлебозаготовки по твердым ценам привели к тому, что «местный рынок постепенно утратил присущий ему характер оживленности и опустел совершенно»²⁰.

Продовольственные сложности не обошли стороной даже обильное прежде Оренбуржье. В первой декаде января 1917 г. в городских лавках Оренбурга не было муки, пшеница поступала на хлебный рынок в ничтожном, по сравнению с «добрыми старыми временами», количестве нескольких десятков возов. На базаре преобладала мука-сеянка ценой в 3,8 — 4 р. пуд. «Ржи, овса, ячменя, проса и семян на привозе совершенно нет», — сообщала «Оренбургская жизнь» 12 января. К тому же торговцы повысили в эти дни цену мяса до 40 к. за фунт: при твердой цене на пуд мяса 11 р. 28 к. это вздорожание означало, что обязательные расценки были превышены на 4 р. 72 к.²¹ И все же Оренбургская губерния имела более крупные запасы продовольствия, чем другие губернии Урала. Нормированные порции сахара здесь были щедрее — 2,5 фунта в месяц на человека, — а надвигавшийся на Оренбург в начале января хлебный кризис к середине месяца, как казалось, миновал: зерно появилось в достаточном количестве, на привозе ежедневно скапливалось по 100 — 150 возов пшеницы. Фактические цены были несколько выше твердых из-за прибавки к ним стоимости провоза. Русская мука стоила в Оренбурге 13 января 1917 г. 2 р. 75 к. — 2 р. 78 к. за пуд при твердой цене 2 р. 29 к. Цена пуда сеянки доходила до 3,8 — 4 р.²²

Однако рынок Оренбуржья не был устойчивым. Из-за снежных заносов во второй половине января стали учащаться опоздания товарных поездов с грузами, а крестьянский подвоз хлеба вновь начал сокращаться. В условиях дефицита сахара и яиц оренбургский полицмейстер запретил изготовление сдобы, пирожных, тортов, бисквитов и сладких сухарей. Пекари стали подвергаться штрафам за изготовление сдобы и выпечку булок весом менее 5/8 фунта²³. Однако штрафные санкции были не в состоянии ни восполнить нехватку хлеба, ни остановить рост цен. Мука на хлебном рынке вздорожала до 3,8 — 3,95 р. за пуд, пекари повысили цену фунта хлеба с 6 до 7 к.

В январе министерство продовольствия на 25% повысило закупочные цены на мясо для поставок в армию. На жизни горожан эта мера немедленно сказалась самым неблагоприятным образом и вызвала растерянность местных продовольственных органов. 28 января было созвано экстренное собрание мясной комиссии и мясоторговцев:

¹⁸ Там же. 5 февр.

¹⁹ Там же. 9 февр.

²⁰ Там же. 2 марта.

²¹ Оренбургская жизнь. 1917. 12 янв.

²² Там же. 14 янв.

²³ Там же. 17, 21 янв.

«Новое повышение цены на мясо и скот застало мясную ком[иссию] врасплох. Повышения цены в таких громадных размерах никто не ожидал.

Вопрос вызвал продолжительные прения, причем большинство указывало, что переход[ить] сразу от 40 к. на 50 к. неудобно.

Ввиду этого ком[иссия] признала необходимым к будущей неделе подготовить население путем объявлений в газетах и расклейкой плакатов, что повышение цены на мясо исходит не от местных условий, а от распоряжения м[инистерств]ва»²⁴.

В феврале продовольственная ситуация обострилась: цены на яйца к концу месяца были взвинчены до «неимоверных размеров» (1 р. 40 к. за десяток), подвоз хлеба иссяк — на рынке можно было увидеть не более 10 — 15 возов²⁵. Большие нарекания жителей вызывали порядки в распределении сахара. Он отпускался только в городских лавках и официально должен был выдаваться с 14 до 17 часов. На самом же деле лавки открывались на час позже, а отпуск сахара производился крайне медленно: за два часа его могли получить не более 20 — 30 человек. Один из горожан, А. Гарлицкий, написал по этому поводу письмо в редакцию «Оренбургской жизни», в котором нарисовал живописную картинку распределения нормированного продукта:

«Я три дня утром и вечером выстаивал на более чем двадцатиградусном морозе, в конце концов еле попал в помещение городской лавки, и то благодаря исключительно любезности полиции, потому что более сильные отталкивают более слабых. После трехдневных мучений получил сахар-песок в городской лавке вблизи Биржевой гостиницы, сильно подмоченный водою»²⁶.

Подобный ажиотаж вокруг продовольственной проблемы наблюдался и в уездном Челябинске. В январе 1917 г. окончился срок продовольственных карточек, выданных на полгода. К этому времени привычными стали «хвосты» за рационированными товарами:

«Со времени установления здесь карточной системы на получение предметов первой необходимости в первых числах каждого месяца замечается громадное скопление публики у продовольственных магазинов, которая стремится возможно скорее получить по карточкам разные продукты»²⁷.

Аресты за искусственное повышение цен на продовольствие на срок от недели до месяца не помогали — жизнь продолжала дорожать. Всего несколько месяцев назад сливочное масло было в изобилии по цене 50 — 60 к. за фунт; в конце января его стоимость поднялась до 1,8 — 2 р., причем и за эти деньги достать его было невозможно. С введением карточек на мясо в начале февраля говядина совершенно исчезла из мясных лавок. Можно было купить лишь свинину и баранину, при этом в лавках были в изобилии выставлены коровьи головы и ноги ценой 30 к. за фунт (12 р. за пуд). К концу февраля исчезла местная ржаная мука, а привозная поднялась в цене до 7 к. за фунт²⁸.

Сложной была продовольственная ситуация и в Уфимской губернии. Уфа в начале января осталась без крупчатки, а в Стерлитамаке по распоряжению городской управы мука выдавалась по 20 фунтов на человека. Из-за сильных морозов — до 26°C, заставивших прекратить в середине января занятия в школах, подвоз продуктов в губернский центр был ограничен. Базарные цены стояли примерно на одном уровне с ценами в других уральских губерниях и, как и везде, «крепчали» с каждой неделей. С 18 января по 10 февраля цена пуда пшеничной муки повысилась с 4 до 7 р., фунта сметаны — с 50 до 70 к.²⁹

²⁴ Там же. 29 янв.

²⁵ Там же. 21 февр.

²⁶ Там же. 15 февр.

²⁷ Челябинский листок. 1917. 9 янв.

²⁸ Там же. 17. янв., 6, 27 февр.

²⁹ Уфимский вестник. 1917. 19 янв., 10 февр.

Параллельно с ростом цен товарный рынок сжимался. Ярмарка в Уфе в конце января 1917 г. не имела ничего общего с дореволюционной:

«Открылась ярмарка... Собственно – вернее, балаганы на ярмарочной площади: торговли почти нет, если не считать десяток незначительных убогих лавчонок, преимущественно с галантереей и, вероятно, местных. Где-то на Центральной открылся еще убогий зверинец, который заслуживает внимания со стороны общества покровительства животных и полиции... Вот и вся – некогда знаменитая в местном крае, – Уфимская ярмарка»³⁰.

Сахар, которого в вольной продаже не было, продавался из-под полы на вокзале, где железнодорожные служащие предлагали его по 2 р. за фунт. С предложением купить сахар они ходили также по домам обывателей³¹.

В связи с вздорожанием жизни и нехваткой продуктов питания в Уфе в 1916 – начале 1917 г. были введены карточки на ряд из них. К концу января 1917 г. горожане привыкли к белым, желтым, синим и красным карточкам, на основании которых они могли купить по твердой цене ржаную муку, крупу, сахар. Зависимость от системы централизованного распределения продовольствия не обходилась, однако, для покупателей без морального ущерба. Горожане жаловались, что продавцы в городских лавках издеваются над ними, пользуясь их беззащитностью. Так, в одной из лавок Уфы приказчица отказалась отпустить одной из покупательниц сахар, якобы по причине просроченной карточки. Женщина смогла получить законную порцию лишь после того, как в дело вмешался старший приказчик³².

В дефиците оказались не только продукты питания, но и лекарства. В то время как в городе были зарегистрированы случаи брюшного и возвратного тифа, вспышка гриппа и малярии, спекулятивные цены на аспирин были в 3,5 раза выше, чем на складе земства (180 р. против 53 р. за фунт), на камфору – в 3,6 раза (8,2 р. против 2,3 р.), на хлороформ – более чем в 8 раз (18,2 р. вместо 2,24 р.)³³.

Власти, как могли, пытались сдерживать рост цен и побороть спекуляцию. За повышение цен на предметы первой необходимости, изготовление и хранение кислушки (браги) в январе 1917 г. в Уфе были подвергнуты штрафам от 3 до 300 р. и аресту от трех дней до месяца не менее 46 торговцев, в феврале – не менее 42³⁴. Ничто, однако, не помогло – остановить повышение цен и спекулятивные махинации было невозможно.

Неизбежным спутником нарушения привычного ритма и удорожания жизни стал рост преступности. Наряду с незаконным повышением цен, спекуляцией государственным и муниципальным имуществом и нелегальным производством и хранением алкоголя участились случаи краж, делая и без того убогие будни еще менее защищенными. Из Слободского Вятской губернии в феврале 1917 г. сообщали:

«Кражи в городе участились: воруют ночью, воруют днем, и из частных квартир, и из общественных мест. <...> Жители, чтобы обезопасить свое имущество от расхищения, собираются ставить американские капканы и запираться патентованными замками»³⁵.

Наиболее благоприятную среду для карманных воров представляли места скопления людей. В пермской почтово-телеграфной конторе при входе в нижний этаж были развешаны плакаты-объявления с предостережениями публики: «Рекомендуется ох-

³⁰ Уфимский край. 1917. 28 янв.

³¹ Уфимская жизнь. 1917. 28 февр.

³² Уфимский край. 1917. 13 янв.

³³ Там же. 16 февр.

³⁴ Там же. 3, 4, 21, 17 янв., 11, 18, 25 февр., 1, 2 марта.

³⁵ Вятская речь. 1917. 5 февр.

ранять карманы от воров ввиду неоднократных случаев краж». Автор заметки в последний номер органа царской губернской администрации полагал, что такие объявления были бы полезны и в других местах скопления горожан³⁶.

Во время войны, в результате сокращения рынка промышленной продукции массового спроса и нарушения нормальной циркуляции товаров, российский город оказался заложником деревни. Последняя с трудом мирилась с введенной государством хлебной монополией, с твердыми ценами и обязательными поставками для обеспечения армии. Участились случаи открытого проявления недовольства, которое наиболее активно демонстрировали крестьянки — жены мобилизованных в армию, ставшие фактически самостоятельными хозяйками, с которыми община должна была считаться. Автор одной из корреспонденций из Чепецкой волости Вятского уезда в январе 1917 г. так описал их настроения:

«В последнее время часто приходится наблюдать, как наши солдатики, собираясь на сходки в волостное правление, по-своему истолковывают текущие события. Наступившая реквизиция овса стала излюбленной темой для их толков и предположений:

— Кто виноват в этом? — кричали они. — Старшина! Сменим старшину! Нам не нужно тех людей, которые не знают того, что делают! Зачем он расписался, что доставит овес, кого он спросил?»³⁷

Более распространенным способом избежать государственных поставок, с которым власти тщетно боролись, являлось тайное изготовление и незаконная продажа алкогольных напитков. Так, в Уржумском уезде, по мнению очевидцев, с началом войны и введением сухого закона «...как будто деревня протрезвилась, но ненадолго»:

«Благодаря изобилию сахара, скоро начали варить домашним способом пьяное вино, брагу. Брага имела крепость до двадцати — тридцати градусов и любители ее одурманивали себя ею, как казенным вином. Для того, чтобы брага получилась крепче, в состав ее клали хмель, дрожжей, изюму, мятных лепешек, гвоздики, сахару, ханжи, и проч. и проч. Когда же на покупку сахара ввели карточки, бражковарение прекратилось. Кажется, что настала пора тихой, трезвенной жизни.

Но ведь всякий знает, что хлеб всему голова, что хлеб ныне есть, а, следовательно, почему бы из хлеба не сварить кумышки (кумышка — водка домашнего производства).

Понаделали трубок медных, жестяных, и даже прибрали дула от старых ружей, все это приспособили так, что стали получать перегонное вино домашнего производства. Вино это имеет крепость выше сорока градусов, и спрос на него большой, так что курильщики не успевают его курить. Из одного пуда ржаной муки получается одно ведро вина, которое продается за двенадцать руб.»³⁸.

Эта практика была на Урале распространена повсеместно, включая Оренбуржье, населенное законопослушным казачеством. Бывали случаи, когда изготовление самогона осуществлялось под контролем и даже по указанию местных представителей власти: в поселке Изобильном Оренбургской губернии, например, поселковый атаман Г.Шмелев и волостной писарь В.Неклюдов при распределении прибывшего из Оренбурга в начале января 1917 г. сахара, вместо 1,25 фунта выдавали только по 1 фунту, а остальное раздали кисловарам в обмен на две четверти кислушки с каждого³⁹.

Акцизный чиновник К.Н.Теплоухов, по долгу службы занятый борьбой с самогоноварением в Челябинском уезде, в феврале 1917 г., за несколько дней до революции, записал в своем дневнике:

³⁶ Пермские ведомости. 1917. 3 марта.

³⁷ Вятская речь. 1917. 15 янв.

³⁸ Там же. 21 янв.

³⁹ Оренбургская жизнь. 1917. 10 февр.

«Случайно получил в товарной конторе любопытное сведение: за прошлый год в с. Куртамыш отправлено 900 пуд[ов] хмеля – он идет в небольшом количестве на бражку и на дрожжи для самогонки.

Сколько же изготовлялось самогонки!!»⁴⁰

Было бы, однако, большим упрощением полагать, что деревня накануне революции лишь веселилась да роскошествовала. Крестьянские будни были полны тягот и проблем. Выполнение государственных поставок хлеба по твердым ценам, особенно в не очень урожайном 1916 г., значило для крестьян работать себе в убыток. Например, в селе Ратовка Оренбургского уезда вспашка одной десятины стоила 20 р., бороньба с севом – 20 р., возка и уборка – 20 р., молотьба – 8 р., аренда земли – 45 р. Таким образом, себестоимость хлеба, собранного с десятины, составляла 113 р. Между тем, в 1916 г. с десятины был снят урожай всего около 50 пудов. Это означало, что при продаже хлеба государству по казенной цене 2 р. 29 к. крестьянин выручал с десятины всего 1,5 р. Неудивительно, что в условиях инфляции селяне по мере сил сопротивлялись твердым ценам на хлеб: в феврале 1917 г. аршин самого простого сукна стоил 10 р., ситца – 70 к. Фунт конфет, популярность которых при нехватке сахара росла, до войны стоил 30 к., в феврале 1917 г. – 2,5 р. – дороже, чем пуд хлеба по твердым ценам. Поэтому крестьяне предпочитали не вывозить муку на базар, а продавать перекупщикам по 3 – 4 р.⁴¹

Небогатый урожай 1916 г. вызвал дефицит высококачественной муки не только в городе, но и с деревне. Мучной кризис начал ощущаться зимой 1916 – 1917 гг. В селе Вольно-Сухарево Уфимского уезда из-за отсутствия крупчатки в январе 1917 г. просфоры для церковного ритуала изготовляли из простой пшеничной муки⁴².

Остро ощущался недостаток продуктов питания, не производимых деревней, прежде всего – сахара. В январе в Вятскую губернскую кассу мелкого кредита все чаще стали обращаться крестьяне с просьбой отпустить 5 – 10 фунтов сахара на свадьбу. Просители были вооружены удостоверениями волостных правлений о предстоящем бракосочетании. Однако их усилия были тщетны – просьбы встречались отказом, так как касса не торговала в розницу⁴³.

Жизнь обитателей города и деревни становилась все сложнее, будущее – проблематичнее. Спокойное течение будней становилось иллюзией, за которой прятались все более ощутимые проблемы.

Праздник на бочке с порохом. В обстановке глухого недовольства ненадежностью существования слухи о революции в Петрограде вызвали в провинции радостное возбуждение. Напряженное ожидание перемен к лучшему разрядилось всеобщим вздохом облегчения по поводу того, что неизбежно должно было произойти и случилось словно бы само собой, без усилий со стороны населения:

«...для огромной русской провинции не было, собственно, революции, а было нечто более величественное, в мире человеческом еще небывалое, было явление свободы.

Можно сказать, «явочным порядком» пришла в провинцию свобода»⁴⁴.

⁴⁰ Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899 – 1924. Челябинск. 2001. С. 290.

⁴¹ Оренбургское земское дело. 1917. 26 февр.

⁴² Уфимский вестник. 1917. 17 янв.

⁴³ Вятская речь. 1917. 22 янв.

⁴⁴ Зауральский край. 1917. 2 апр.

Реакция губернских властей на новости о переменах в столице была пассивной и более чем вялой. В Вятку тревожные слухи были завезены частными приезжими еще 25 февраля, но первое официальное сообщение в печати, восторженно встреченное горожанами, было опубликовано лишь 4 марта. Никакого сопротивления со стороны местной администрации ликвидация монархии не встретила. В условиях затянувшейся неудачной войны, неустойчивости жизни и глухого ропота подданных перемены были желательны и могли означать поворот к лучшему. Главным условием для плодотворных изменений казалось сохранение порядка. На следующий день после первого сообщения о смене власти в Петрограде вятский губернатор Н.А.Руднев в приказе № 41, ссылаясь на манифест Михаила Александровича от 3 марта, сообщил, что монархия, строго говоря, не ликвидирована и император, отрекшийся от престола, примет власть только по воле народа, выраженной через Учредительное собрание. До тех пор население и государственные учреждения призывались к беспрекословному подчинению Временному правительству: «Ввиду изложенного предлагаю всем чинам подведомственных мне правительственных учреждений губернии подчиняться Временному правительству и безусловно выполнять все его требования и распоряжения»⁴⁵.

Сохранение спокойствия и поддержание порядка воспринимались в качестве главной задачи и новой властью, сменившей явочным порядком старую администрацию. Одновременно с распространением приказа уже утратившего власть губернатора 8 марта новоиспеченный Исполнительный комитет по охране г. Вятки выступил с требованием сохранения порядка и уплаты налогов, призвал не поддаваться провокационным слухам и пригрозил «самыми крайними строгими мерами» за бражкование, продажу или бесплатный отпуск браги⁴⁶.

Жители Перми, открыв местный официоз от 1 марта 1917 г., могли прочесть на вложенном в него отдельном оттиске составленное высокопарным слогом объявление вице-губернатора:

«Ввиду переживаемых событий призываю население сохранять полный порядок и спокойствие, особенно необходимые в годину тяжелых испытаний, когда требуется все силы родины обратить для работы на оборону государства.

Предупреждаю, что изданные Главноначальствующим для жителей Пермской губернии обязательные постановления о воспрещении сборищ и сходов, а также о воспрещении распространения слухов, возбуждающих общественную тревогу, остаются в силе и виновные в неисполнении этих постановлений будут подвергаться строжайшему административному взысканию, а всякие незаконные сборища и уличные сходы допустимы не будут.

За Губернатора, Вице-Губернатор,
Уполномоченный по чрезвычайной охране
Лыщинский-Троекуров
1 марта 1917 г.»⁴⁷

В течении первой декады марта сведения о революции распространились по губернским и уездным центрам Урала. Оживленная реакция публики на эту новость дисконировала с бесцветностью позиции местных официальных сфер. Состояние радостного ожидания охватило горожан. Все было неясно, но возбуждало светлые надежды. Смятенное настроение публики на Урале, куда столичные газеты в январе – феврале приходили нерегулярно и с задержкой на два – три дня из-за небывалых снежных заносов и опоздания поездов, ярко запечатлено в редакционном обращении «Оренбургской жизни» за 3 марта:

⁴⁵ Вятские губернские ведомости. 1917. 8 марта.

⁴⁶ Вятская речь. 1917. 8 марта.

⁴⁷ Пермские ведомости. 1917. 1 марта.

«Город полон слухов. Редакция осаждается... Трезвонит телефон беспрерывно... Все вопросы:

- Что случилось? Новое министерство? Временное правительство? Правда ли?

Наш ответ один:

- С утра 1 марта мы не имеем никаких телеграмм, даже сообщений из штаба Верховного главнокомандующего, ничего, кроме частных сведений...»

В головах людей причудливо смешались радостное возбуждение и смутное сомнение, фаталистические настроения и чувство сопричастности происходящему:

«Мы в Оренбурге сегодня, как на необитаемом острове. Масса слухов... Что-то где-то произошло, очень важное, произошло то, чего жаждет вся мыслящая Россия, что приведет нас к победе над врагом, но верно ли это? Быть может, утка, сплетня, провокация? Телефон молчит, как загадочный сфинкс... Говорят, телеграммы есть, но их не выдают адресатам. Все возможно... Кто-то о чем-то срывается... Думают, гадают, пустить или не пустить нос по ветру, и по какому направлению?

Инстинкт нам подсказывает, что все не только возможно, но вероятно, что таков был ход событий.

Без этого было нельзя и если все это подтвердится, надо облегченно сказать:

- Все это только к лучшему»⁴⁸.

Все пришло в движение и начало организовываться. Как грибы после дождя, стали возникать десятки партийных, профессиональных, национальных и любительских объединений. Организационный порыв охватил и подрастающее поколение. В Вятке 5 марта в губернской земской управе состоялось общее собрание учеников старших классов средних учебных заведений — гимназий, коммерческого и реального училищ — и студентов. На повестке дня стояло «1) отношение учащихся к моменту и 2) организация учащихся, согласно потребностям времени»⁴⁹. Через неделю инициативу учеников поддержали педагоги, приняв решение об организации союза с целью создания «свободной, самоопределяющейся школы с выборным началом»⁵⁰.

Воодушевление плескалось через край:

«Екатеринбург стал неузнаваем.

Везде — и в общественных, и в правительственных учреждениях, и в конторах, и за прилавками, и на улицах города — везде живут одним, везде оживленно комментируют последние события, жадно ловят сенсационную злобу дня, телеграммы и газеты, местные и столичные, — берутся с боя, нарасхват.

Страстно дебатировались вопросы дня, — и внешняя политика, и война, и знаменитая четыреххвостка, и форма правления, и Учредительное собрание, и распоряжения Временного правительства.

Пульс общественной жизни бьется учащенно, жизнь, если так можно выразиться, — «европеизируется».

Жизнь бьет ключом, кипит...»⁵¹.

Стихийно высвободившаяся энергия обрушилась на символы старого порядка. Вятский исполком постановил присвоить вятской публичной библиотеке имени Николая I имя А.И.Герцена⁵². Из зала Челябинской городской думы были удалены портреты всех царствующих особ, начиная с Екатерины II и заканчивая изображениями Николая II и его сына Алексея⁵³.

⁴⁸ Оренбургская жизнь. 1917. 3 марта.

⁴⁹ Вятская речь. 1917. 5 марта.

⁵⁰ Там же. 19 марта.

⁵¹ Зауральский край. 1917. 24 марта.

⁵² Вятская речь. 1917. 12 марта.

⁵³ Челябинский листок. 1917. 12 марта.

Порой желание рассчитаться с прежним режимом, покончить со старой жизнью выливалось в акции вандализма. В Ирбите 18 апреля солдаты 168-го пехотного полка самочинно свергли памятник Екатерине II, что было расценено властями как «акт грубого самоуправства». В конце мая в Екатеринбурге во время срывания со зданий орлов и медалей Российской империи пострадали гербы Бельгии и Франции, памятные доски с историческими датами основания города, постройки здания государственного банка и т.д.⁵⁴

В революционном ажиотаже больше разрушалось, нежели создавалось. Несмотря на заверения в преданности революции и Временному правительству, были ликвидированы прежние правительственные учреждения, распущены полиция и жандармерия. Их служащих, даже если они не подвергались преследованию и насилию, ждало бесперспективное будущее. Растерянностью и отчаянием дышат строки письма в Петроград супруги помощника челябинского полицмейстера:

«14 марта, 1917,
г. Челябинск.

*Его превосходительству
Председателю нового строя
Родзянко. –*

Мой муж, помощник полицмейстера г. Челябинска, остался не у дел. В Челябинске рабочий комитет полицию не признает. Я и муж радовались новому правительству, да и кто не радуется? Но теперь мы не знаем, что делать. Мы остались совершенно без средств, жалования, причитающиеся моему мужу за 2 месяца, не выдают, на что же мы будем существовать? Умоляю Ваше Высокопревосходительство дать моему мужу службу. Вы освободили Россию, освободите и нас от голода, не давайте повода роптать на новый строй. Чем виноваты мы, что раньше существовало правительство во главе с царем? И почему полицейские должны страдать за старый строй? Дайте нам кусок хлеба, и мы будем честно и преданно служить новому правительству и тогда так же, как и все, будем радоваться новой жизни и свободно можем сказать:

“Да здравствует свободная Россия и пусть Господь сохранит жизнь председателя новой России”.

г. Челябинск

*гостиница Дядина
Наталья Иоанновна
Де-Гросс-Добровольская»⁵⁵.*

Разрушение старых институтов управления вкупе с обуявшей россиян эйфорией свободы не снимало, а обостряло прежние проблемы и создавало новые. Стремительными темпами росла преступность. Население Вятки стонало от карманного воровства на рынке:

«Не проходит ни одного торгового дня, чтобы кого-нибудь не обокрали; деньги вытаскивают из карманов, из сумок. На рынке постоянно раздаются слезы и рыдания пострадавших»⁵⁶.

В середине мая состоялось соединенное совещание губернского комиссара, президиумов исполнительного комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов и других организаций, председателя и прокурора окружного суда по принятию решительных мер борьбы «с все возрастающими кражами и грабежами в гор. Вятке и губернии и

⁵⁴ Зауральский край. 1917. 6, 16 мая.

⁵⁵ Цит. по: Из истории деятельности органов власти и милиции в Челябинске. События гражданской войны на Южном Урале. 1917 – 1921 гг. / Исторические чтения: Материалы научной региональной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск, 1998. С. 210. Текст документа сверен с оригиналом (ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 129. Л. 78).

⁵⁶ Вятская речь. 1917. 14 мая.

друг[их] бесчинств»⁵⁷. Эффективных мер, однако, изыскать не удавалось. За май 1917 г. только 2-ой частью городской милиции Вятки было зарегистрировано 57 краж⁵⁸.

Расцвету преступности в немалой степени поспособствовало наивное представление населения о сопутствующих революции всеобщем примирении и освобождении. В марте 1917 г. по городам Урала наряду с официальной амнистией прокатилась волна стихийного прощения всех преступников: толпы горожан открывали ворота тюрем, не задумываясь о последствиях, которые в обстановке ликвидации правоохранительных органов не замедлили сказаться. Во второй половине марта Пермский губернский комиссар торопил городского комиссара Екатеринбурга с созданием милиции взамен разогнанной полиции: «Ввиду предстоящих праздников и освобождения по амнистии ныне большого числа уголовных арестантов, озаботьтесь о скорейшем формировании повсеместно милиции и принятии мер к поддержанию полного порядка»⁵⁹.

В Челябинске, по воспоминаниям бывшего банковского служащего И.Д.Дмитриева, весной 1917 г. из тюрьмы были выпущены 500 — 800 уголовных преступников с условием обязательного вступления в армию. Они были переведены в воинские казармы и влиты в 109-й полк. Однако, с первых же дней под прикрытием солдатских шинелей начались ночные кражи и грабежи. Многочисленные шайки орудовали сначала на окраинах города, вблизи казарм, а затем — на всей территории уездного центра. Караульщики, нанятые населением, разбежались. Жители пребывали в панике. Городская управа ничем не могла помочь ввиду отсутствия средств и малочисленности милиции⁶⁰.

Этот опыт не пошел, однако, новым властям впрок, разбиваясь о легкомыслие и радужные умонастроения. В апреле 1917 г. Челябинская городская тюрьма оказалась практически без всякой охраны: рабочие и солдатские депутаты настояли на том, чтобы на Пасху камеры были открыты, а вход в них был бы свободен для всех желающих и без всяких пропусков. В результате посетители, арестанты и надзиратели дружно распивали в камерах «дышничек» (денатурированный спирт)⁶¹.

Со специфической проблемой столкнулись весной 1917 г. власти губернских центров и уездных городов. Изготовление самодельных спиртовых суррогатов и их нелегальная продажа стали принадлежностью городской жизни. К этому бедствию прибавился массовый провоз контрабандного спирта с Дальнего Востока. Обнаружились злоупотребления и бесконтрольное расходование спирта и спиртосодержащих технических веществ из государственных хранилищ. Ни регулярные облавы на тайных изготовителей и спекулянтов вождленным напитком и сырьем для него, ни создание специальных органов (так, в марте — мае 1917 г. регулярно заседала секция по борьбе с пьянством Екатеринбургского комитета общественной безопасности), ни обращения к врачам с просьбой относиться к выписыванию из аптек спирта и спиртосодержащих лекарств с особой осторожностью, ни воззвания к населению о вреде пьянства не могли остановить тяги к спиртному, спекуляции им и роста преступности. Население, как могло, использовало новую ситуацию для добычи алкоголя любого качества и в любом виде. Размах спекуляции спиртосодержащими суррогатами, которые без всякого учета и в больших количествах отпускались в сапожное производство, заставил исполком общественных организаций г. Слободского еще 12 марта 1917 г. постановить: «Возбудить соответствующее ходатайство о том, чтобы политику-

⁵⁷ Там же. 18 мая.

⁵⁸ Там же. 27 июня.

⁵⁹ Зауральский край. 1917. 24 марта.

⁶⁰ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 326. Л. 176 об.

⁶¹ Челябинский листок. 1917. 10 апр.

ра продавалась исключительно из казенных лавок тем же порядком, как это существует по отношению к денатурированному спирту»⁶².

Однако контроль за расходованием спиртосодержащих веществ через 10 дней после известия о Февральской революции в регионе был уже безвозвратно утрачен. Вятский управляющий акцизными сборами 13 марта 1917 г. с растерянностью и тревогой обращался к губернскому комиссару с вопросом о порядке выдачи разрешений на приобретение крепких напитков для технических надобностей, который надлежало установить заново. Прежде, по закону от 13 октября 1914 г., этим занималась полиция, которой в марте 1917 г. уже не существовало⁶³.

Настоящей головной болью для Временного правительства, его губернских комиссаров и общественных организаций стала судьба государственных запасов спиртного. С крахом самодержавия эти вожаемые сокровища враз оказались бесхозными. 13 марта 1917 г. Временное правительство разослало акцизным управляющим циркуляр о необходимости охраны винных складов. Ссылаясь на стратегическое значение спирта для военной промышленности, в том числе для изготовления пороха, новое правительство предусматривало возможность его уничтожения при крайней необходимости по усмотрению местных властей. За этим аргументом скрывался, видимо, другой и не менее важный мотив. Погромы винных складов в столице, которые начались сразу же после Февральской революции и, как показало дальнейшее развитие событий, оказывались грозной реальностью во время каждого политического кризиса, знаменовали тектонические толчки недоверия населения к новой власти и были серьезной опасностью для ее существования.

Информация о мартовском распоряжении Временного правительства достигала его местных представителей спустя многие недели. Так, пермский губернский комиссар только в середине апреля 1917 г. сообщал уездным комиссарам, что «...спирт может подлежать уничтожению лишь в случаях крайней необходимости, признанной местными властями»⁶⁴.

Однако с самого начала обнаружилось, что на пути ликвидации спиртных запасов — этих потенциальных источников угрозы новому порядку — стоят трудноразрешимые технические препятствия. Представление о них дает безрезультатное обсуждение этой проблемы Екатеринбургским КОБом в течение апреля — июня 1917 г. Обсуждался вопрос об организации эффективной охраны винного склада, например, с помощью установления сигнализации, а затем, в начале мая, было решено приступить к его немедленной разгрузке во избежание инцидентов. Однако ликвидировать запасы алкоголя — 31611 ведер спирта и 7072 ведра вина (под последним подразумевалось все годное к гастрономическому употреблению спиртное, включая водки и коньяки) — оказалось чрезвычайно сложно. Управление акцизными сборами видело только один способ уничтожения — спуск в канализацию. Секция по борьбе с пьянством представила докладную записку, в которой протестовала против такого метода разрешения проблемы, однако отвергала и альтернативные способы. Будучи спущенной в канализацию, гигантская масса спиртного неизбежно оказалась бы на поверхности, так как часть канализации в центральной зоне города представляла собой открытую канаву. Избегать беспорядочного пьянства населения было бы возможно только при соблюдении трудновыполнимого условия: если бы запасы алкоголя спускались по ночам, порциями, крепость которых при выходе на поверхность не превышала 5°, эта проце-

⁶² ГАКО. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 200. Л. 12.

⁶³ Там же. Л. 8.

⁶⁴ Зауральский край. 1917. 14 апр.

дура затянулась бы на 17 ночей. Трудно было себе представить, что обслуживающий персонал склада на протяжении этого срока сможет хранить молчание. Однако невозможно было также спустить спирт в колодцы — почвенные воды стояли слишком высоко, а рыть колодцы было трудно и дорого из-за залегания почти на поверхности твердых пород (змеевиков, сланцев). Нереальным было и сжигание — весьма сложная и опасная операция, требующая специальных камер, которых не было. Нежелательным был и спуск спиртного в пруд, расположенный рядом со зданием склада (именно этот вариант и был позднее осуществлен), так как в таком случае пруд площадью в 300 сажень² в течение трех — пяти часов в идеале превратился бы в резервуар со спиртовой смесью в 12° в объеме в 230 тыс. ведер, что ставило под угрозу порядок в городе. Но поскольку спирт при быстром спуске оказался бы на поверхности, это создало бы дополнительную опасность пожара. Спирт в пруду невозможно было бы и испортить примесями, так как его пришлось бы размешивать, что было физически невозможно. Оставалось, таким образом, отправить его на заводы взрывчатых веществ. Однако выяснилось, что на потребление населению, аптекам и лазаретам ежемесячно необходимы 950 ведер спирта. Следовательно, все спиртное ликвидировать было невозможно, а его месячный запас, в случае разгрома склада жителями, был бы так же взрывоопасен, во всех смыслах слова, как и 32 тыс. ведер⁶⁵.

Таким образом, властям не оставалось ничего иного, как сидеть на этой бочке горючего, предпринимая вялые и малоэффективные попытки побороть народное пьянство и ожидая либо успокоения, либо взрыва пьяной революции в буквальном смысле слова.

Несмотря на груз новых проблем, вызванных административным хаосом, а отчасти и благодаря последнему, в первые недели революции у населения преобладало приподнятое, праздничное настроение, инспирируемое многочисленными новыми празднествами в честь «освобождения» от старого порядка. В Вятке «первый праздник революции» прошел 12 марта. Первоначально он был назначен на пятницу, 10 марта, но по просьбе железнодорожных рабочих был перенесен на воскресенье: охваченные патристическим порывом железнодорожники мотивировали свою просьбу необходимостью выполнять срочные оборонные заказы и нежеланием, в этой связи, приостановить работу хотя бы на день⁶⁶.

В отличие от далеких от организованности будней, праздники должны были являть собой образец порядка и дисциплины. Исполком Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов строго регламентировал сценарий проведения праздника:

«К 11 1/2 час[ов] дня на площадь кафедрального собора прибывают все принимающие участие группы и организации и выстраиваются по указанию членов гарнизонного комитета. В 12 час[ов] дня Преосвященный Никанор совершает здесь в сослужении со всем городским духовенством при участии хоров всех церквей молебствие. По окончании его возглашается многолетие Благоверной Державе Российской, ее Правительству и Воинству и вечная память всем павшим в борьбе за свободу.

Похоронный марш.

Марсельеза.

Парад войскам и всем организациям, принимающим участие в торжестве. <...> Принимают парад Начальник Гарнизона, Губернский Комиссар и Исполнительный Комитет.

По окончании парада шествие при оркестре музыки и пении хоров направляется по Московской, Владимирской и Кукарской улицам на площадь Александровского собора, обходят собор кругом и выстраиваются лицом к балкону красного корпуса Епархиального училища.

Здесь перед лицом всех участвующих в торжестве с балкона Исполнительный Комитет возглашает три здравицы: первую в честь свободного народа и народного правительства, вторую

⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-1573. Оп.1. Д.15. Л.28, 42, 45 — 47.

⁶⁶ Вятская речь. 1917. 10 марта.

в честь армии и флота и третью в честь доблестных наших союзников. Здравиям предшествует сигнал фанфарами и после каждой здравницы исполняется марсельеза. После всех здравниц соединенный оркестр исполняет марсельезу, затем фанфары дают отбой параду, чем и заканчивается торжество.

Во время празднества произведен будет кружечный сбор в пользу семей, пострадавших в борьбе за свободу.

Граждане приглашаются в этот день украсить дома красными флагами»⁶⁷.

Черода праздников революции прошумела в марте — апреле повсеместно в Вятской губернии, различаясь лишь степенью помпезности, но похожих, как близнецы, своим сценарием. Праздник свободы в Сарапуле 13 марта сопровождался молебствием, митингом, парадом войск перед городской думой, иллюминацией. Такой же праздник с величественной манифестацией, панихидой, молебствием, красными и черными флагами, иконами и хоругвями, прошел 23 марта в Котельниче. Кордяжская фабрика наследника Платунова организовала праздник свободной России с панихидой, молебном и сбором средств в пользу семей пострадавших борцов за свободу. Во всех церквях Нолинска 9 апреля население принимало присягу на верность служения родине и Временному правительству. По главной улице города с духовой музыкой и плакатом «Да здравствует демократическая республика!» прошли шеренги солдат и учеников реального училища. Выступления «реалистов» и преподавателей реального и духовного училищ с балконов городской думы перемежались криками «Ура!», аплодисментами, исполнением «Марсельезы»⁶⁸. В Вятке 18 апреля праздновали 1 мая. По сценарию это был абсолютный двойник «первого праздника революции», за исключением отсутствия молебствий при его открытии, как и хоров, хоругвей и икон среди красных знамен демонстрантов⁶⁹. В воскресенье, 23 апреля, прошел праздник революции в селе Подрелье Орловского уезда и была принята присяга на верность Временному правительству в селе Чигирин Нолинского уезда; 30 апреля чествовали свободу в селе Муки-Какси, 1 мая праздновали в Уржуме и селе Пишалье; 7 мая в празднике революции в селе Каменица Орловского уезда приняли участие до 200 окрестных крестьян⁷⁰.

Аналогично отмечался праздник революции и в других губерниях Урала. Торжественный парад войск Уфимского гарнизона 7 марта принимал местный Комитет общественных организаций⁷¹. В Челябинске, где первые столичные газеты с сообщениями о политическом перевороте были получены лишь 7 марта, 10 марта праздновали день гражданского обновления России. Пресса призывала украшать дома только красными и красно-черными флагами. Жители предупреждались, что знамена старого образца, в случае их вывешивания, будут уничтожаться. На газетные полосы для разучивания были помещены революционные песни — похоронный марш «Вы жертвою пали», «Варшавянка», «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу!», «Марсельеза»⁷². С раннего утра 10 марта отдельные дома были украшены красными флагами, которых с каждым часом становилось все больше. Красный цвет доминировал. На улицах мелькали красные бантики, ленты, пояса, галстуки, шарфики, обтянутые кумачом кокарды, флажки на штыках. Появились продавцы искусственных красных цветов, которые охотно раскупались празднично настроенной толпой⁷³.

⁶⁷ Там же. 12 марта.

⁶⁸ Там же. 14, 26 марта, 2, 18 апр.

⁶⁹ Там же. 20 апр.

⁷⁰ Там же. 13, 17 мая.

⁷¹ Уфимский вестник. 1917. 8 марта.

⁷² Союзная мысль. 1917. 10 марта.

⁷³ Челябинский листок. 1917. 12 марта.

В тот же день в Перми по постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов в честь павших борцов за свободу было устроено торжественное празднование завоеваний русской революции. Учреждения не работали, огромные толпы манифестантов с красными лентами, бантами и знаменами двигались по всем улицам, особенно много демонстрантов направлялось к кладбищу и рабочему пригороду Мотовилихе. Плывшие над шеренгами красные знамена были украшены лозунгами «Да здравствует свободная Россия!», «Победивши в тылу, победим и на фронте», «Слава начавшим!», «Вечная слава погибшим!», «Свобода, Равенство и Братство», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой династию!» и другими⁷⁴. В селах Екатеринбургского уезда крестьяне, торжественно именуемые теперь «гражданами-землепашцами», сопровождали празднование свободы 10 марта пожертвованиями на нужды армии. Жители Кушвинского завода Верхотурского уезда почтили 10 марта память «погибших за свободу и счастье народа». Толпы людей, украшенных красными бантами, отслужили панихиду, провели митинг и демонстрацию. Праздник сопровождался здравницами в честь свободной России, пением похоронного марша и «Марсельезы». На Кафедральной площади в Екатеринбурге 25 марта было отслужено торжественное молебствие за свободу России, на которое крестным ходом прибыли причты всех городских церквей. Такой же молебен с крестным ходом был устроен старообрядцами. В годовщину Ленского расстрела 1912 г. 4 апреля екатеринбургские социал-демократы и социалисты-революционеры организовали траурный митинг памяти погибших рабочих. Празднование 1 мая прошло в Екатеринбурге 18 апреля. Порядок праздника был детально расписан — вплоть до расположения отдельных групп демонстрантов на Верх-Исетской площади. Напротив Народного дома была сооружена декорированная красными флагами и лентами легкая «Арка труда», город был украшен многочисленными знаменами и знаменами-картинами, которые изображали рабочего и солдата, подающих друг другу руки, союз крестьянина, рабочего и воина и т.д.⁷⁵

Мартовские праздники революции, а также празднование Пасхи в начале апреля прошли без нарушения порядка. Пьяные на улицах города отсутствовали, в том числе на традиционно «пьяную» Пасху. Стремление сознательных граждан принять участие в необычных праздниках не могла охладить непривычно низкая для апреля температура воздуха.

Однако постепенно праздничные и миролюбивые настроения горожан стали сменяться агрессией. Праздники начали сопровождаться беспорядками и демонстрацией враждебного отношения к новой власти, которой население совсем недавно присягало на верность. Из Уржума Вятской губернии 1 мая губернскому комиссару Временного правительства была отправлена тревожная телеграмма:

«Сегодня во время праздника революции тысячная толпа народа с участием многих отпущенных солдат потребовала смещения с должностей и немедленного ареста председателя управы Баранова и помощника начальника милиции Росницкого. Требуют ареста и других лиц. В целях успокоения и недопущения волнений вынуждены выполнять требования народа. Как быть дальше?»⁷⁶

Всего в городе было арестовано 12 человек, в том числе гласный городской думы, бывшие городской голова и его заместитель, мещанский староста, два бывших станových пристава, купец, кожевенный заводчик, бывший исправник, городской бухгалтер. Страсти, правда, быстро улеглись: в ночь на 2 мая арестованные были отпущены, а гарнизон осудил солдат — зачинщиков беспорядков⁷⁷.

⁷⁴ Вестник Пермского края. 1917. 12 марта.

⁷⁵ Уральская жизнь. 1917. 25 марта; 4, 14, 18, 21 апр.

⁷⁶ Вятская речь. 1917. 3 мая.

⁷⁷ Там же. 5, 6 мая.

Празднование 1 мая в Троицке Оренбургской губернии 23 апреля вылилось в пьяный погром — первый на Урале предвестник «пьяной революции» октября — декабря 1917 г. Солдаты и гражданское население разгромили винный склад, растащив около 40 тыс. ведер спирта. Пресса живописала отвратительные сцены пьяного разгула:

«Люди забыли свободу, люди забыли совесть и честь и великое светлое будущее.

Как дикие звери, давя друг друга, казаки и солдаты, граждане и гражданки рвались за водкой.

Хватали бутылки, четвертные, и тут же, выбивая пробки, пили из посуды и тут же валились...

А пьяные садились на тела спившихся и об их головы ударили бутылками, выбивая пробки... <...>

Перепившиеся толпы граждан буянили на улицах...

Пьяные казаки рубили друг друга, брат брата шашками»⁷⁸.

Склад горел и люди бросались за спиртным сквозь пламя. В тот же день город был объявлен на военном положении. С пьяной толпой боролась всего одна военная часть — учебная команда. На следующее утро, по разным данным, было обнаружено 180 — 200 трупов опившихся людей. По просьбе Троицкого Совета солдатских и рабочих депутатов исполком челябинского Совета направил для подавления бесчинств воинскую часть. Погром был объявлен делом рук «provokatorov в солдатской форме»⁷⁹.

К популярной среди современников версии о спланированной провокации контрреволюционеров следует, однако, отнестись с крайней осторожностью. В апрельских беспорядках проявилось прежде всего отчаяние обывателя по поводу все более обострявшейся продовольственной проблемы, которую новая власть не в силах была разрешить.

От революционной эйфории к продуктовому ажиотажу (весна — осень 1917 г.) Столичное население уже в марте 1917 г. ощутило новое, небывало стремительное, вздо-
рожение жизни:

«С начала войны мы привыкли к росту цен, но такого дикого скачка, как сейчас, давно не было. Ощущается явный недостаток хлеба, белые булочки же чернеют и худеют с каждым днем. С сахаром совсем беда. Все в поисках сахара. Развился какой-то сахарный ажиотаж. Знакомые при встрече вместо приветствия спрашивают друг друга: “Запаслись ли сахаром?”»⁸⁰

Продуктовый кризис, столь острый в удаленном от основных хлебоборобных районов Петрограде, на Урале был менее острым. Более того, первоначальное всеобщее воодушевление по поводу революции порождало самые радужные надежды на быстрое преодоление дефицита продуктов питания. Весной 1917 г. крестьяне не только с энтузиазмом сдавали хлеб государству по твердым ценам, но и бесплатно поставляли его на нужды армии. Сборы хлеба и денег происходили на Урале повсеместно. Вятские и екатеринбургские газеты пестрели сообщениями о доброжелательном отношении крестьян к началу продовольственной кампании и их готовности прийти на помощь родине⁸¹.

Энтузиазм крестьян по поводу смены власти не замедлил сказаться на ситуации на рынке. В Уржуме, например, в первый базарный день после известия о революции цена на ржаную муку упала с 3,3 р. до 2,6 р., на картофель — с 2,2 до 1,2 р. за пуд⁸².

⁷⁸ Союзная мысль. 1917. 2 мая.

⁷⁹ Там же. 2, 6 мая. Уральская жизнь. 1917. 2 мая.

⁸⁰ Бруцкис Э.О. «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») // Отечественная история. 1997. № 3. С. 80.

⁸¹ Вятская речь. 1917. 17, 30 марта, 11 апр., 18 мая; Зауральский край. 1917. 25 марта.

⁸² Вятская речь. 1917. 19 марта.

Однако ожидание быстрого и легкого преодоления затруднений с предметами массового спроса лишь усугубляло нервное напряжение, которое в течении весны нарастало. Еще 7 марта один из гласных Вятской городской думы обратил внимание коллег на подозрения горожан в адрес торговцев:

«В городе ходят слухи, что у многих торговцев имеются склады товаров. Стоит только в магазине появиться новой кипе товаров, как уже говорят: вот купцы начинают теперь добывать из-под спуда товары»⁸³.

Исполком охраны г. Вятки в этой связи организовал проверку, очень напоминающую будущие большевистские обыски с целью реквизиции, которая, однако, не дала результатов. Население было оповещено о том, что слухи о скрываемых больших запасах продовольствия при проверке не подтвердились⁸⁴. Попытки успокоить население предпринимал и находившийся в стадии формирования Вятский Совет рабочих депутатов: 12 марта его оргбюро обратилось к жителям с воззванием, в котором отмечалось, что «среди отдельных групп местных рабочих возникает брожение на почве недовольства своим экономическим положением и местами это брожение грозит вылиться в частичные забастовки». Оргбюро выступило против этих акций, апеллируя к чувству ответственности рабочих⁸⁵.

Подобные заверения и призывы не могли, однако, удовлетворить население, тем более, что острота продовольственного кризиса не снижалась. На заседании Вятского губернского продовольственного комитета 21 марта обсуждался вопрос о том, как быть в условиях крупных недопоставок зерна под крупчатку в губернию: вместо 300 вагонов в месяц поступало от 75 до 177, или от 50 до 175 тыс. пудов. Это означало, что при численности населения в 3,7 млн. человек на каждого жителя приходилось менее двух фунтов крупчатки в месяц. Комитет, исходя из этих нехитрых расчетов, решил установить месячную норму по покупке крупчатки в два фунта, полагая, что однообразие «устранит то нарастание розни между разными классами населения, которое может привести к взаимной борьбе их»⁸⁶.

Между тем, население губернии все более склонялось к практике самостоятельного и не опирающегося ни на какие экономические выкладки уравнительного раздела таявшей на глазах товарной массы, а затем и передела всего имущества. В селе Белозерье Орловского уезда 17 марта 1917 г. случились беспорядки: толпа подвыпивших солдат, отрекомендовавших себя представителями Петрограда, пошла по лавкам, назначая свои цены на товары и раскидывая его собравшейся публике. Был избит председатель и некоторые члены временного волостного комитета, предпринята попытка разгромить волостное правление. В селе Пижанка Яранского уезда толпа крестьян 11 апреля обыскала торговые лавки, но запасов сахара, крупчатки и прочих дефицитных продуктов не нашла. Крестьяне самовольно распродали товары из трех лавок по назначенным толпой дешевым ценам. Деньги были отданы торговцам, часть товаров была расхищена. Убытки торговцев составили 2 тыс. р. Кроме того, был обыскан священник. У него толпа отобрала небольшой запас сахара. Среди заводил самочинного передела были член местного комитета общественной безопасности Н.В.Смолтрин и воинский чин А.А.Овчинников. В селениях Сарапульского, Нолинского, Малмыжского и Орловского уездов в апреле были попытки крестьян-общинников захватить земли отрубников, быстро прекратившиеся после разъяснений незаконнос-

⁸³ Там же. 9 марта.

⁸⁴ Там же. 10 марта.

⁸⁵ Там же. 12 марта.

⁸⁶ Там же. 29 марта.

ти этих действий. В селе Средне-Ивакино вспыхнуло волнение крестьян в связи с подозрением военнопленных в поджогах. Беспорядки не обошлись без человеческих жертв. Орловский комиссар телеграфировал по этому поводу губернскому комиссару: «Население требует убрать немцев. Что делать с арестованными немцами?»⁸⁷

Экспессы на почве продовольственных затруднений захватили и города. В конце апреля среди проезжающих через Уфу солдат вспыхнули волнения в связи с дороговизной хлеба по сравнению с другими местностями. На площадях и улицах Уфы 1 – 2 мая толпы народа требовали обыскать крупных торговцев. Власти подозревали провокацию, поскольку среди задержанных «темных личностей» оказался сотрудник распушенного во время революции Уфимского губернского жандармского управления⁸⁸. В Екатеринбурге недовольные дороговизной горожане в течении трех дней – 26 – 28 апреля – собирались на улицах в группы. Однако тревожные настроения не переросли в агрессивные действия. До погромов дело не дошло⁸⁹.

Нетрудно заметить, что инициаторами беспорядков наряду с женщинами – основными действующими лицами продуктовых «хвостов» – чаще всего выступали солдаты, которых на Урале весной 1917 г. было около 250 тыс. В ряде уездных центров – Белебее, Глазове, Елабуге, Ирбите, Камышлове, Кунгуре, Сарапуле и Троицке – численность гарнизонов не уступала количеству гражданского населения⁹⁰. Возвращающиеся с военной службы солдаты оказались также наиболее беспокойным элементом в сельской и горно-заводской местности. Из деревни Тужа Яранского уезда в апреле 1917 г. сообщали:

«С приходом из городов солдат начались у нас мелкие столкновения и скандалы на сходах, на базаре, придающие очень мрачный колорит картине деревенских отношений. Сегодня даже толпа крестьян, с солдатами во главе, начала отнимать у торговцев табак за то, что они его дорого продают. Произошла отвратительная сцена паники торговцев, все лавки закрылись»⁹¹.

Приехавшие в отпуск в Верхопыжменскую волость Котельнического уезда солдаты, признав местный волостной комитет незаконным, переизбрали его. Позиция прежнего комитета наглядно показывает, что реальной властью новые государственные учреждения не обладали и были вынуждены подчиняться насилию:

«Старый комитет, не зная за собой вины, принял подобную выходку гг. военных за оскорбление и в то же время, опасаясь расправы, поспешил сложить свои полномочия. Граждане Верхопыжменской вол[ости] возмущаются самоуправством солдат и, разумеется, ропщут. Сегодня убрать этих, завтра придут другие солдаты и изберут новый комитет; “Какие же это порядки”, – говорят они»⁹².

Солдаты, прибывающие с фронта или из тыловых частей на побывку в Кыштымский завод, самочинно снимали с работы квалифицированных военнообязанных рабочих и сами занимали их места, не имея должных навыков. Екатеринбургский Совет солдатских и рабочих депутатов направил в Кыштым специальную комиссию, чтобы на месте разобраться в положении дел. Однако, солдаты к этому времени уже скрылись⁹³.

Беспокойство усугублялось недостатком надежной информации о происходящем в Центральной России. Во многие деревни почта не поступала. В ночь с 8 на 9 мая, как нарочно, на некоторых участках северных железных дорог прошла снежная буря, по-

⁸⁷ Там же. 11, 15, 23, 28, 30 апр.

⁸⁸ Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 24 апр., 4 мая.

⁸⁹ Зауральский край. 1917. 3 мая.

⁹⁰ Попов Н.Н., Бугров Д.В. Бремя упущенных возможностей. Екатеринбург, 1997. С. 28.

⁹¹ Вятская речь. 1917. 23 апр.

⁹² Там же. 18 мая.

⁹³ Уральская жизнь. 1917. 7 июня.

рвав телеграфные провода. Снежный покров местами достигал высоты вагонов. Вятка утратила телеграфную связь с Рыбинском, Казанью, Нижним Новгородом, Харьковом, Тамбовом, Омском, Иркутском, Екатеринбургом, Орлом, Саратовом, Ростовом-на-Дону, Одессой⁹⁴.

Городская жизнь оставалась полной тягот, связанных с недостатком продовольствия и предметов массового спроса. В Вятке городское управление постановило продавать белый хлеб по 12 к. за фунт. Торговцы, однако, отпускали его по цене 15 к. Было запрещено печь сдобные булки, чтобы обеспечить обывателя хотя бы минимальной порцией яиц, сахара и масла. Пекарни выпекали в апреле вместо сдобы простые булки по цене 3 к., которые были настолько малы, что фунт белого хлеба обходился в 25 – 30 к. – в три раза дороже, чем накануне революции⁹⁵. В Перми почти во всех лавках исчез табак и папиросы. Остались лишь самые дорогие сигары, например, «Mercedes» по 3 р. за 10 штук. Большой редкостью стали такие прежде общедоступные сорта табака, как махорка, крупка и полукрупка, цены на которые в мае поднялись до 25 – 90 к. за 1/8 фунта⁹⁶. В Оренбурге продовольственный комитет на заседании 10 мая в связи со скудостью местного рынка постановил запретить частным торговцам скупать муку⁹⁷.

В Челябинске нормы и цены продуктов в марте остались теми же, что и в феврале: мука отпускалась по пуду на человека в месяц по цене 20,5 р. за 5-пудовый куль; сахар – по 1,5 фунта за 27 к. Однако и хлебобродный Южный Урал испытывал стеснения с продовольствием. Показательно, что, приняв решение выдать на Пасху дополнительно по 10 фунтов муки, Челябинский продовольственный комитет уточнил, что эта порция будет вычтена из апрельской нормы⁹⁸.

Не меньше, чем от нехватки продуктов, население города стонало от общего вздорожания жизни, деградации коммунальных служб и связанных с этим бытовых неудобств. Челябинские извозчики стали требовать за провоз сверх таксы, а на просьбу показать прейскурант находили симптоматичный ответ: «царя нет, и таксы нет, потому ты должен уплатить 50 к.»⁹⁹

У конторы Челябинского городского продкома, члены которого, пользуясь недостатком персонала, постоянно требовали прибавки жалования, грозя в противном случае уйти всем коллективом, ежедневно для оформления продуктовых карточек собиралась очередь в 300 – 400 человек. Люди дрожали от многочасового стояния в весенней промозглости, в то время как служащие «барышни» мирно беседовали и лузгали семечки. «Если какая-нибудь женщина на смеет спросить: “Барышня, нельзя ли мою книжку закончить”, то получит в ответ – “обождите, не до вас, у нас и так много работы!”»¹⁰⁰

И все же поиски пропитания еще не стали единственным содержанием обыденной жизни. Будни шли своим чередом: 7 апреля Вятский кружок любителей спорта открыл футбольный сезон; в Перми в мае в незначительном размере началось мощение улиц, исправлялись разбитые мостовые, заделывались канавы от работ по канализации и расширению водопроводной сети. Обыватель мог посмотреть в кинематографах наскоро снятые на потребу дня картины на запретные ранее темы – «Революционер»,

⁹⁴ Вятская речь. 1917. 16 мая.

⁹⁵ Там же. 1917. 15 апр.

⁹⁶ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 17 мая.

⁹⁷ Оренбургская жизнь. 1917. 13 мая.

⁹⁸ Союзная мысль. 1917. 9, 18 марта.

⁹⁹ Челябинский листок. 1917. 4 мая.

¹⁰⁰ Там же. 11 апр.

«Григорий Распутин», «Смерть Гришки Распутина» или поглазеть на показываемые под шумок порнографические фильмы «Третий пол» и «Когда пробуждается зверь»¹⁰¹.

Люди ждали скорейшей защиты от наступавшей бедности все более неуютной жизни. Вспышки нетерпения были пока редки и быстро угасали. Но радостное ожидание перемен и праздничное настроение революционной весны постепенно улетучивалось, оборачиваясь горьким разочарованием.

Лето 1917 г. на Урале не было богато крупными событиями. Регион будто бы затих после бурной весны. Единственным значительным общественным событием были выборы в городские думы в июле — августе, принесшие победу левым социалистам и либералам. В сельской местности спорадически вспыхивали акции передела земли и леса. В Слободском уезде, например, шла начатая весной массовая порубка леса. В ней участвовало до 20 деревень. Было безнаказанно вырублено более 40 тыс. деревьев Спасо-Шестаковской казенной лесной дачи: лесничий был не в силах предпринять ответные меры¹⁰².

Нарастала волна насилия, не санкционированного и не контролируемого государством. В Миасском заводе Оренбургской губернии ночные грабежи из квартир были прекращены поимкой четырех громил. Население завода 10 июня единогласно высказалось за самосуд, предотвратить который исполком был бессилён: трое заподозренных в преступлениях были растерзаны толпой¹⁰³. Самоуправство творили и представители власти. Еще в апреле на волостного комиссара села Тойкино Сарапульского уезда священника И. Ваганова поступила жалоба, что он посадил под домашний арест семерых человек, в том числе учительницу, и несколько дней морил арестантов голодом. В августе по его наущению команда солдат избивала нагайками местных крестьян, обвиненных в кумышковарении. Жалоба крестьян из Тойкино дает представление о том, с какой жестокостью была проведена эта экзекуция:

«Всего избито около двадцати человек, причем некоторые были биты до потери сознания. Шесть женщин, наказывая, позорно оголяли, секли до испражнения. Жить страшно. До приезда прапорщика Борисова с солдатами никаких волнений в Тойкине не было. Просим распоряжения не принимать таких жестоких мер»¹⁰⁴.

Городская жизнь все более представляла собой борьбу за существование. Газеты пестрели сообщениями об участвовавших преступлениях. Городское хозяйство приходило в ветхость. Приезжавшим в Вятку рекомендовалось ходить по проезжей части улицы, поскольку в противном случае они подвергались риску сломать себе ноги из-за безобразного состояния тротуаров, напоминавших фортепианную клавиатуру. «Некоторые половицы тротуар являются капканом: с виду половица половицей, а вступишь — и провалишься»¹⁰⁵.

Главной проблемой городов оставалось нерегулярное и скудное снабжение продуктами и предметами первой необходимости. С 1 июня в Пермской губернии была введена хлебная монополия. Твердая цена 5-пудового мешка муки определялась в 22 р. — на четверть ниже себестоимости и в 2,5 раза дешевле рыночной цены. Месячная норма на человека была определена в 30 фунтов¹⁰⁶.

¹⁰¹ Вестник Пермского края. 1917. 12 марта; Вятская речь. 1917. 7, 18 апр.; Пермский вестник Временного правительства. 1917. 17 мая; Уфимский вестник. 1917. 22 марта.

¹⁰² Вятская речь 1917. 2 июня.

¹⁰³ Уральская жизнь 1917. 20 июня.

¹⁰⁴ Вятская речь. 1917. 16 апр., 26 авг., 13 сент.

¹⁰⁵ Там же. 30 авг.

¹⁰⁶ Думы Урала. 1917. 2 июня.

С июня в Вятке сахарная норма для жителей снизилась с 1,5 до 1 фунта в месяц, причем горожане не были уверены, что получают хотя бы эту порцию. В июне на всю Вятскую губернию было запланировано отпустить всего 50 вагонов крупчатки, или чуть более 0,5 фунта на человека¹⁰⁷. В середине июля Вятский губернский продком принял вынужденное решение изъять при помощи уездных административных и продовольственных органов значительную часть крестьянского хлеба. Крестьяне, которым пуд выращенного хлеба обходился в 5 – 6 р., были бы готовы терпеть убытки от твердых цен, если бы они были введены на все продукты потребления и предметы первой необходимости. Существование же твердых цен исключительно на их продукцию воспринималось ими как несправедливость¹⁰⁸. Неудовлетворительный, по мнению современников, урожай 1917 г. в Вятской губернии вызвал сопротивление крестьян государственной хлебной монополии и новый виток роста цен, который лишь отчасти компенсировался решением Временного правительства о почти трехкратном повышении с 1 июня заработной платы рабочих. В начале августа 1917 г. правоохранительные органы полагали, что в Малмыжском уезде «все, что можно было взять... взято за июнь и июль месяцы, осеннее – рисуется мрачно». Перспектива выглядела неутешительно: «Неудовлетворительный урожай текущего года ставит и самих кр[естья]н также в положение нуждающихся, и у продовольственных органов, наряду с задачами военного времени, является не менее жуткой задача кормить еще и кр[естья]н своего уезда»¹⁰⁹.

Не желая предоставлять хлеб государству, крестьяне поставили на поток самодоволение. Из Уржумского уезда сообщали:

«...хлебные мужички просто без обиняков говорят, что дармоедам рабочим они и фунта хлеба не дадут. А ведь эти дармоеды в таком хлебном краю, как город Уржум, за 1 ф[унт] черного выпеченного хлеба платят 30 коп.»¹¹⁰

Хлебная монополия с ненавистью воспринималась и горнозаводским населением. В Ижевском заводе при ее обсуждении 5 августа случились беспорядки, сопровождавшиеся выкриками против Временного правительства и избиванием четырех милиционеров¹¹¹.

С 10 августа в Вятке хлебные карточки стали выдаваться только жителям города – приезжие крестьяне должны были запастись своим печеным хлебом. К концу августа цены на ржаную муку нового урожая на рынке установились в размере 9,5 р. за пуд. Фрукты были недоступны по цене. Поскольку твердые цены были значительно ниже рыночных, крестьяне сбывали урожай перекупщикам. Из Яранского уезда хлеб усиленно вывозился в соседние Костромскую и Нижегородскую губернии по цене 9 – 10 р. за пуд. Остановить вывоз хлеба из губернии было невозможно – милиция за недостатком сил не справлялась с этой задачей. В результате в самом Яранске запасов хлеба хватало лишь на две недели, и никаких надежд на его подвоз в будущем не было. Недостаток продуктов ощущался на рынке и в Слободском – крестьяне не везли муку, опасаясь реквизиций¹¹².

Население испытывало острый дефицит в предметах массового спроса. В Вятке у магазина Уткина и Рублева выстраивался «ситцевый хвост» из женщин-крестьянок, жаждавших купить пять аршин ситца или сатина, соответственно, по 65 к. и 1 р. 25 к. за ар-

¹⁰⁷ Вятская речь. 1 июня.

¹⁰⁸ Вятская мысль. 1917. 23 авг.

¹⁰⁹ Вятская речь 1917. 9 авг.

¹¹⁰ Там же. 12 авг.

¹¹¹ Там же. 9 авг.

¹¹² Там же. 13 авг.; Вятская мысль. 1917. 25, 16 авг.

шин. Прохожие отпускали в их адрес шутки, называя их «непряхами»¹¹³. Обитатели Перми рыскали по магазинам в поисках обуви. Местные газеты шутили: не мудрено, если скоро придется надеть лапти — не подозревая, насколько они близки к правде. Курильщики сидели без табака — популярный в связи с подорожанием качественных табачных изделий дешевый махорочный «Феникс» тоже исчез¹¹⁴. Табачный кризис разразился в конце мая — начале июня и в Екатеринбурге. В магазинах не было ни табака, ни сигар, ни папирос. Последние можно было достать у спекулянтов по 25 — 40 к. за десяток¹¹⁵.

В Оренбургской губернии, несмотря на очень хороший урожай, не только наметился острый хлебный кризис, но и началась «мануфактурная паника» из-за отсутствия тканей. В Челябинске дошло до избития торговцев. Так, 15 июня на базаре за рекой толпа солдат и гражданских лиц избила владельца лавки готового платья Гершковича по подозрению, что он в больших количествах закупает мануфактуру и скрывает ее, выжидая повышения цен. В конце июня челябинцы могли наблюдать давку женщин перед мануфактурным магазином Ш.Ахметова. Их пропускали по несколько человек вооруженные ружьями солдаты. Толпа у продовольственного магазина на Исетской улице требовала отпускать не по одному, а по два фунта сахара. Был избит артельщик продовольственного комитета. Эскалации на почве недовольства населения получением предметов первой необходимости все учащались. Толпа избила кассира Челябинской городской продовольственной лавки: женщины расправились с ним в ответ на нецензурную брань, которой он осыпал их в ответ на требования отпуска обычной нормы сахара. Продовольственные и «ситцевые» волнения длились несколько дней¹¹⁶. Коалиционный комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов вынуждены были в конце июня организовать обыски в магазинах и складах в целях обнаружения скрытых запасов товаров и предотвращения погромов. Поиски, как и прежде, закончились безрезультатно. Муки челябинских горожан периода «ситцевого голода» живописала местная пресса:

«Целыми днями люди стоят, жарясь на солнце, и ждут своей очереди. Уходят от рабочего верстака, от малых детей, чтобы получить свой фунт сахара или несколько аршин ситца. Простоявши 5 — 6 часов, им, большею частью, объявляют, что товара больше нет»¹¹⁷.

В Уфе также не прекращались скандалы у табачных и обувных лавок. Чтобы несколько разрядить возбуждение толпы, в которой роль заводил играли солдаты, комитет общественных организаций и исполком Совета рабочих и солдатских депутатов в начале июня принял решение запретить отпуск товаров воинским чинам из лавок и магазинов. снабжение солдат впредь должно было осуществляться только через полковые комитеты¹¹⁸.

Переработка крестьянами зерна на самогон и растущее желание населения забыть-ся от повседневных забот вызвали еще большее распространение пьянства. В Пермской губернии оно достигло огромных размеров. Семейные рабочие горнозаводской зоны гнали самогон, одинокие — покупали его по цене до 100 р. за ведро. Все праздничные дни проводились в пьянстве. В июне 1917 г. Областной съезд крестьянских де-

¹¹³ Вятская речь. 1917. 11 авг.

¹¹⁴ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 23, 24 июня.

¹¹⁵ Зауральский край. 1917. 7 июня.

¹¹⁶ Союзная мысль. 1917. 17, 28 июня, 2, 4 июля. О «ситцевом голоде» в Челябинске также см.: Борьба за Советскую власть на Южном Урале: Сб. документов и материалов. Челябинск. 1957. С. 165.

¹¹⁷ Союзная мысль. 1917. 2 июля.

¹¹⁸ Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 5 июня.

путатов в Екатеринбурге поднял вопрос о распространении злоупотребления спиртным и карточными играми, обратившись с предостережением к населению¹¹⁹. Провинциальная интеллигенция по мере сил — и без видимого эффекта — пыталась побороть этот порок. В селе Верхошижемье Вятской губернии в июле — августе ею были организованы три спектакля для крестьян, после которых устраивались танцы и игры. Для молодежи предназначался чайный буфет с легкими закусками за низкую плату¹²⁰.

В качестве меры протеста против нестабильности политического и материального положения 1 сентября 1917 г. по решению 2-го съезда Советов Урала на десятках заводов прошла всеобщая забастовка, в которой приняли участие 110 тыс. человек. В этот день жизнь в регионе словно остановилась. Из Екатеринбурга сообщали:

«Город как бы замер. Все фабрики, заводы, мастерские встали. Магазины были закрыты, не работали во многих правительственных учреждениях (городская управа, государственный банк, казначейство). На улицах было все спокойно»¹²¹.

Как показали последующие события, это спокойствие было зловещим затишьем перед всеразрушающей бурей. Осенью дрейф страны к продовольственной катастрофе ускорился. Забота о хлебе насущном наваливалась на население все большей тяжестью:

«Все посерело, озабочено, лица вытянулись; в особенности поражают лица простых женщин; им всем, видимо, некогда одеться, причесаться и забота, забота на их лицах. Улицы пусты, но в некоторых местах бесконечные хвосты серых, грустных людей. Это — хвосты у съестных лавок и булочных»¹²².

Эта зарисовка будней Петрограда начала октября 1917 г. вполне приложима к большинству городов Европейской России. Серый цвет и хмурые лица исчерпывали колорит городской жизни. Цены на продукты продолжали ползти вверх. В Вятке в начале сентября четверть молока на рынке стоила уже 1,2 — 1,5 р., фунт масла — 3,3 р. Дорожала даже вода — водовозы поставляли ее по 5 к. за ведро. Публика спешно запасалась на зиму теплой одеждой, которая дорожала: валенки стоили от 30 до 40 р., рукавицы — 2 — 3,5 р., пуховые носки — 6 р. К середине сентября исчез мед — только в нескольких частных лавках можно было достать гречневый по 3 р., цветочный — по 4 р. за фунт. Ржаная мука из хлебозапасных магазинов Нолинского уезда, которую продавала городская продовольственная управа, была старой, затхлой, слежавшейся в комки¹²³.

В начале сентября Вятский городской продовольственный комитет в целях ужесточения контроля за расходованием продовольствия разработал инструкцию для продавцов ржаного хлеба, согласно которой покупатели прикреплялись к определенной лавке. Вводился ежедневный учет проданного хлеба с помощью отрезных купонов. Порция отпуска хлеба для приезжих без карточек понизилась с 1 до 3/4 фунта¹²⁴.

Обострению продуктового кризиса благоприятствовала погода: с непривычно ранним выпадением снега 18 сентября началась распутица. В конце октября цены из-за вновь начавшегося бездорожья и сокращения подвоза крестьянского хлеба вновь подскочили: ржаная мука продавалась уже дороже 20 р. за пуд, печеный хлеб — 50 к. за фунт. Вслед за этим поползли вверх и другие цены. Пуд картофеля на рынке стоил

¹¹⁹ Думы Урала. 1917. 28 июня, 5 июля.

¹²⁰ Вятская речь. 1917. 26 авг.

¹²¹ Цит по: Быстрых Ф.П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале // Ученые записки Уральского университета. Вып. 5. Свердловск, 1948. С. 24.

¹²² Бруцкус Э.О. Указ. соч. С. 83.

¹²³ Вятская речь. 1917, 2, 8, 29 сент.

¹²⁴ Вятская мысль. 1917. 16 сент.

уже 6 р. — более чем в три раза дороже определенной государством в сентябре твердой цены, четверть молока — 3 р., или в два с лишним раза дороже, чем в начале сентября¹²⁵.

Крестьяне все ожесточеннее сопротивлялись хлебной монополии. В ряде волостей Малмыжского уезда они отказывались не только от производства учета хлеба нового урожая, но и от его поставки даже из хлебозапасных магазинов¹²⁶. Активно использовался опробованный со времен введения хлебной монополии способ избежать государственных поставок — утилизация запасов зерна для домашнего изготовления спиртного. Вятский губернский комиссар в начале октября 1917 г. сообщал в отдел местного управления МВД:

«В настроении населения замечается явное недоброжелательство к закону о хлебной монополии. Производившаяся и до сих пор незаконченная перепись продуктов нового урожая осуществляется только благодаря командированию в большинство уездов отрядов солдат. Случаев столкновения населения с командированными отрядами не зарегистрировано. В связи с ухудшением настроения населения отмечается усиление пьянства. Во всей губернии чрезмерно развилось изготовление кумышки. Когда-то этот напиток, составлявший только национальное достояние вотяков, ныне варится всем населением. <...> Наряду с пьянством заметно усиливаются кражи и грабежи. В особенности терроризировано ими население городов и заводов»¹²⁷.

Милиция и акцизный надзор были бессильны справиться с этим злом, окружные суды были загромождены делами о кумышковарении.

Рост пьянства на фоне ослабления власти и падения ее авторитета сопровождался повсеместным усилением в уральской деревне хулиганства, получившего гипертрофированные размеры в среде сельской молодежи. Так, о развлечениях в Екатеринбургском уезде пресса сообщала:

«За последнее время хулиганство в уезде начинает принимать угрожающие размеры. Деревенская молодежь, растолковавшая дарованные свободы в смысле безнаказанности всех ее действий, не знает предела своим безобразиям»¹²⁸.

О спектре ухарских выходок дает представление следующая заметка сельского корреспондента в одну из вятских газет:

«Поучившись мало-мальски грамоте в школе, не зная никаких ремесел, молодежь деревенская целые зимние вечера носится по деревне, с пением частушек, под визг гармоники... причем, то окна разобьют у какой-нибудь солдатки-соседки, то проежжю дорогу завалят разной дрянью, что ни пройти ни проехать нельзя, от скуки, от безделья озорничают... <...> А картежная игра в нашей деревне — это целая зараза... Маленькие подростки-мальчики играют в карты целые вечера, матерное слово не сходит с уст в это время, да еще пошло за последнее время пьянство. Нет у нас ни одной деревни, чтобы не курили водку, множество пьяных появляется теперь на базарах, шинки чуть не на каждом прилавке в базарный день»¹²⁹.

На Среднем Урале рыночные цены на продукты также были высоки. В начале октября в Екатеринбурге фунт говядины стоил 80 — 90 к., свинины — 1,1 — 1,2 р., телятины — 1,3 р., крынка молока — 1,25 р., пуд картофеля — 4,5 — 5 р., лука — 15 р., вилок капусты — 50 — 60 к. Однако рыночные продукты, по свидетельству прессы, были в изобилии: «Подвоз продуктов нормальный, недостатков ни в чем не ощущается»¹³⁰.

¹²⁵ Вятская речь. 1917. 1 ноября.

¹²⁶ Там же. 2 ноября.

¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.

¹²⁸ Уральская жизнь. 1917. 10 окт.

¹²⁹ Вятская речь. 1917. 8 ноября.

¹³⁰ Уральская жизнь. 1917. 8 окт.

Попытки городских властей бороться с завышением цен на рынке наталкивались на ожесточенное сопротивление не только торговцев, но и населения, утратившего доверие к власти. На рынке в Екатеринбурге 30 сентября толпой был избит член продовольственной управы, который пытался реквизировать мясо, продававшееся чрезмерно дорого. Горожане негодовали на попытки продовольственных органов, которые не могли справиться с собственными снабженческими задачами, регулировать рынок.

Дело со снабжением населения рационарованными продуктами действительно шло из рук вон плохо. Из-за замедленного подвоза муки из Сибири Екатеринбургская продовольственная управа в конце сентября вынуждена была разделить месячный 30-фунтовый хлебный паек на три части. В первых числах октября, во время традиционного в начале каждого месяца ажиотажного спроса на хлеб, эта мера вызвала волнение населения, питаемое тревожными толками и слухами. В толпе, ежедневно собиравшейся у здания управы и в очередях за хлебом, 2 октября зазвучали призывы громить ее. Когда один из членов продовольственной управы 3 октября попытался разрядить «мучной хвост», обратившись с просьбой отойти из очереди получивших хлеб недавно, а остальным ограничиться десятью фунтами, взбешенная толпа набросилась на него. В тот же день около 9 часов утра погромные настроения толпы у здания управы перешли в действия: женщины заволновались и с криком «Бей их!» бросились к управе, перебили стекла, смяли караул, ворвались и рассыпались по комнатам, принявшись избивать служащих. Были избиты председатель управы А.И.Леонидов, четыре ее члена и несколько служащих. «Разъяренные женщины кидались на кого попало с кулаками и с криками и угрозами уничтожали имущество управы». Как только сообщение об этом дошло до Совета рабочих и солдатских депутатов, на подавление беспорядков был отправлен отряд солдат численностью 50 человек. Солдаты и наряд милиции вытеснили женщин из здания, но те не расходились, а продолжали бить камнями стекла. Порядок вскоре был восстановлен, но население было возбуждено ложными слухами, что при пресечении беспорядков одна женщина была убита, две — тяжело ранены¹³¹. Местная газета расценила погромные эксцессы в городе как озверение: «Человеческая жизнь потеряла ценность, она стала дешевле даже тех бумажных денег, которые в изобилии выпускаются теперь в обращение...»¹³².

В безнаказанном дележе чужого имущества активно участвовали солдаты. В середине октября на станции Шабуничи Пермской губернии во время стоянки поезда они на глазах офицеров разграбили из стоявшей на путях бочки около двух пудов рыбы. «Никто из присутствовавших никакого противодействия оказать не мог»¹³³.

Продовольственные трудности осенью 1917 г. вызвали вспышки агрессии и на Южном Урале. В начале сентября в деревне Сарматовой Мензелинского уезда местные жители разгромили бакалейную лавку, награбив товаров на 521 р.¹³⁴ 12 сентября в Уфе разразился погром магазинов на Успенской и Центральной улицах. Во время беспорядков были убиты два милиционера. Через пару дней при открытии лавок на Торговой площади в присутствии солдат оказалось, что лари в лавках набиты награбленным 12 сентября. 16 сентября, словно предвестники грядущих пьяных беспорядков, на Центральной улице Уфы хмельные солдаты беспорядочно стреляли из винтовок, случайно убив при этом корову. При задержании они пытались оказать сопротивление¹³⁵.

¹³¹ Вольный Урал. 1917. 4 окт.; Уральская жизнь. 1917. 5 окт.

¹³² Вольный Урал. 1917. 6 окт.

¹³³ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 19 окт.

¹³⁴ Уфимская жизнь. 1917. 19 сент.

¹³⁵ Там же. 17, 19 сент.

На базаре Троицка, где цены после 11 сентября не поднялись, женщины-солдатки, тем не менее, 14 сентября пригрозили крестьянам, что расправятся с ними, как это произошло с уфимскими купцами, если цены не будут снижены. Перепуганные крестьяне тут же удешевили товары вдвое¹³⁶.

Продолжали деградировать коммунальное хозяйство и сфера обслуживания. В Оренбурге, например, в октябре 1917 г. в Александровских банях произвольно была поднята цена с 35 до 50 к. Когда в конце месяца содержания бань оштрафовали за повышение расценок на банные услуги, он просто закрыл бани. На вопрос о причинах закрытия он ограничился лаконичной репликой: «закрыты, и нечего разговаривать». Оренбургская городская дума в конце октября обсуждала вопрос о поднятии тарифа на воду из водоразборных будок — до 5 р. за 1000 ведер, для имеющих водопровод на дому — до 7,5 р.¹³⁷

Эскалация погромных настроений в связи с обострением продовольственной проблемы, вздорожанием и ненадежностью жизни осенью — в начале зимы 1917 г. достигла апогея, разрядившись кошмаром «пьяной революции».

«Пьяная революция»: триумфальное шествие погромов. Итак, осенью недовольство продовольственной ситуацией обострилось до предела. Будничная жизнь была пронизана тревожным ожиданием. Будущее было смутным и скорее пугающим. Печать фиксировала перемену в настроениях населения:

«Давно миновали первые, самые прекрасные дни революции. Единодушная, всенародная, она, думалось, навсегда, глубоко в пучине времени потопила все черное, мрачное, многолетним кошмаром душившее страну.

В одном городе собирали деньги на памятник Родзянко, в другом в красном углу ставили портрет Керенского»¹³⁸.

Теперь же доминирующей эмоцией стало озлобление, которое «резко выпирает из обывателя». В ожидании возможных погромов Вятскому губернскому комиссару телеграфировали в начале октября из Котельнича: «...ввиду угрожающего продовольственного и квартирного кризисов, просим выселить из города всех военнообязанных австрийцев и немцев». Из Сарапула сообщали, что недовольство населения продовольственным положением порождает в городе и уезде опасную ситуацию, порядок в городе поддерживается исключительно благодаря нераспущенным учебным командам: «В случае их увода погром-анархия неизбежны, это явление особенно опасно при наличии двух винных складов»¹³⁹. Совещание по мерам борьбы с анархией прошло в середине октября у Вятского уездного комиссара¹⁴⁰.

Вновь на повестке дня оказался тщетно дискутировавшийся с марта 1917 г. вопрос о судьбе государственных запасов спиртного. Из Министерства внутренних дел губернские комиссары получили напоминание о необходимости принять меры к охране винных складов и руководствоваться весенними инструкциями по их уничтожению. Елабужский исполком Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов постановил прекратить варку пива на Стахеевском пивоваренном заводе. Почти одновременно во-

¹³⁶ Там же. 17 сент.

¹³⁷ Южный Урал. 1917. 18, 26 окт., 1 ноября.

¹³⁸ Вятская речь. 1917. 13 сент.

¹³⁹ Вятская мысль. 1917. 8 окт.

¹⁴⁰ Там же. 20 окт.

лостное земское собрание Унинской волости Глазовского уезда приняло прямо противоположную резолюцию, разрешавшую крестьянам свободно варить кумышку¹⁴¹.

В обстановке нараставшего паралича власти стремительно распространялась преступность. На железнодорожных станциях кражи случались каждый день. За ночь в одном доме могло произойти до восьми краж. Участились случаи разбойных нападений и разграбления церквей и особенно не имеющих приходов монастырей¹⁴².

Погромные беспорядки произошли 1 октября в Оренбурге. В 8 часов вечера в цирк стала ломиться большая толпа безбилетных солдат:

«Когда же администрация цирка заперла входные двери, в толпе появились темные личности в штатском платье, агитировавшие против “богатых”, занимающих в цирке первые места.

В результате входные двери в цирке были толпой разбиты; разбиты также помещения для кассы, электрические лампочки и фонари, благодаря чему едва не произошел пожар. Солдаты тащили все, что попало под руку, вплоть до старых афиш.

Публика, находившаяся в цирке, при начале погрома бросилась к выходу, давя друг друга, но благодаря своевременному открытию запасных выходов, несчастных случаев не было»¹⁴³.

Рука об руку с погромами шла самосудная практика. В селе Кичме Уржумского уезда в октябре во время ярмарки был убит немец, звучали призывы к убийству начальника охраны. В деревне Паранье того же уезда были избиты начальник милиции, комиссар и член волостной продовольственной управы¹⁴⁴. Почти ежедневно на железнодорожной станции Екатеринбург I в залах 3 — 4 классов проходили самосуды над пойманными карманными ворами¹⁴⁵. Во время погрома в Оренбургском цирке толпа попыталась расправиться с начальником оренбургской милиции Н.А.Тихомировым, который отделался ударом по голове. После прежнего, сентябрьского погрома уфимских купцов солдаты в конце октября вновь прибегли к насилию — на этот раз в отношении милиционеров. Попытавшиеся предотвратить солдатский самосуд над обывателем стражи порядка были избиты. Солдаты разгромили милицейский участок, камнями убили двух помощников начальника участка и в течении нескольких часов издевались над их трупами. Порядок был восстановлен командой находившихся на излечении военных, которые несколькими залпами разогнали толпу, застрелив нескольких солдат. В обоих случаях уфимский Совет создавал ревком и управлял губернией, «...нисколько не считаясь ни с Временным правительством, ни с существующим правопорядком»¹⁴⁶. В Оренбурге в середине октября процессия вооруженных солдат в сопровождении толпы зевак водила по центру города солдата с табличкой «Вор» на груди¹⁴⁷. О развивавшейся погромной стихии печать с горькой иронией писала как о «свободе рукоприкладства»: «У освобожденного народа руки чешутся...»¹⁴⁸.

Погромные настроения разлились и по сельской местности. Оренбургский уездный комиссар получал массу сведений о беспорядках в его уездах:

¹⁴¹ Там же. 20, 25 окт.

¹⁴² Вятская речь. 1917. 3 сент., 11, 31 окт.

¹⁴³ Южный Урал. 1917. 3 окт.

¹⁴⁴ Вятская мысль. 26 окт., 10 ноября.

¹⁴⁵ Уральская жизнь. 1917. 26 окт.

¹⁴⁶ Эльцин В. Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 351.

¹⁴⁷ Южный Урал. 1917. 15 окт.

¹⁴⁸ Вятская мысль. 1917. 27 окт.

«Производятся массовые порубки лесов, произвол, самосуды и захваты среди белого дня кормов и хлебов становятся обычным явлением. Прежнее довольно добродушное и полное интереса к свершающимся событиям отношение сменилось угрюмым, недоверчивым и враждебным отношением ко всем, являющимся в деревни со словами убеждения и уговора»¹⁴⁹.

Органы правопорядка были слишком слабы и неорганизованны, чтобы справиться с погромными бесчинствами. Милиция не имела единой формы, городская и железнодорожная милиция существовали автономно, что препятствовало координации усилий. Так, в Котельниче станционная милиция не пускала на вокзал городских милиционеров, а однажды, когда те прибыли для задержания преступника, арестовала их. В середине октября Вятская городская милиция, тщетно просившая с мая о прибавке к жалованью, объявила о забастовке¹⁵⁰. Из-за неэффективности государственных правоохранительных структур потребовалось создание добровольных органов по поддержанию порядка. Их строительство активизировалось в конце октября, в связи со смутными слухами о происходящем в столице. С 28 октября в Вятке «Общество северных охотников» приступило к охране города, создав семь вооруженных патрулей по шесть человек в каждом. На следующий день началось ознакомление добровольцев с оружием и порядком охраны города. Добровольных дружинников записалось около 400 человек¹⁵¹.

Будоражающие слухи о падении Временного правительства разрядили огромный потенциал агрессии, накопившейся у населения в течение 1917 г. Автор монографии о событиях 1917 г. в одном из губернских центров соседнего с Уралом Поволжья характеризовал накал анархии в российской провинции следующим образом:

«В этой сложной атмосфере ужасающего уровня достигли беззакония: нарастая и усиливаясь в течении всего года, они смели теперь все прежние барьеры. Источники содержат вызывающие содрогание свидетельства о безобразиях пьяных солдат, никому не подчинявшихся, ни за что не отвечающих: жертвой насилия мог стать любой из граждан города без всякого разбора»¹⁵².

Осенью 1917 г. по всей стране прокатилась «пьяная революция». Первую скрипку в ней играли солдаты городских гарнизонов, которые, по мнению одного саратовского рабочего, стали «теперь похуже собак»¹⁵³.

Еще задолго до второго, «пьяного» штурма Зимнего дворца, точнее, его винных погребов, в конце октября, в стране поднялась волна пьяных бесчинств. По иронии истории они начались через несколько дней после празднования 29 августа всероссийского дня трезвости. В сентябре беспорядки охватили Астрахань, Ташкент, Орел, Гомель, Тамбов (на Урале — Уфу), в начале октября — Харьков, Стародуб, Тернополь (из уральских городов пострадал Глазов). Все эти эксцессы, по авторитетному мнению командующего войсками Московского военного округа, располагавшего достаточной для обобщений информацией, протекали по одному сценарию:

«Картина всюду наблюдается приблизительно одинаковая. Начинается с разгромов винных складов; перепившаяся толпа переходит потом к разгрому магазинов, лавок и домов. Руководителями и зачинщиками является кучка темных лиц, большей частью освобожденных уголовных каторжников»¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Южный Урал. 1917. 24 окт.

¹⁵⁰ Вятская речь. 1917. 7 сент. 14 окт.

¹⁵¹ Вятская мысль. 1917. 28, 29 окт., 5 ноября.

¹⁵² Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 296.

¹⁵³ Цит. по: там же. С. 298.

¹⁵⁴ Оренбургское земское дело. 1917. 30 окт.

К подобной интерпретации причин беспорядков следует отнестись с осторожностью. Источники не позволяют установить причастность какой-либо политической силы к пропаганде и организации пьяных погромов. Истолкование осенних беспорядков в советской историографии, которая предпочитала не упоминать об этой черной странице революции, находилось в плену у мнения современников-большевиков, объяснявших погромы заговором контрреволюционных сил, попытавшихся сплотить гарнизоны, чтобы лишить большевистские Советы надежной опоры¹⁵⁵. Следует, вместе с тем, отметить, что вышеприведенное описание схемы погромов вполне корректно: все они начинались с захватов запасов алкоголя.

Настоящая вакханалия «пьяной революции» началась с конца октября, совпав с первыми слухами о смене власти в столице, дружно грянула в ноябре, утихнув в декабре. На Урале за это время прошли погромы в Кунгуре, Перми, Екатеринбурге, Вятке, Шадринске, Слободском, Елабуге, Ирбите, Оренбурге.

Первый крупный погром в губернском центре на Урале произошел в Перми 3 – 5 ноября 1917 г.¹⁵⁶ Он начался совершенно неожиданно, в ночь с 3 на 4 ноября, после представления в цирке, на котором присутствовало много солдат. Из их среды и поступило предложение громить магазины. Сначала была разгромлена лавка городского общества потребителей, затем – склад вин, где толпа перепилась и двинулась громить магазины и лавки на Черном рынке и коммерческих улицах – Торговой, Сибирской, Красноуфимской, разграбив буквально все магазины, не исключая книжные и музыкальные. Начавшим погром пьяным солдатам пришли на подмогу бабы-солдатки, подростки, не только пьяные, но и трезвые обыватели из простонародья. Один из очевидцев так описал раннее утро 4 ноября в Перми:

«Идет пьяный солдат и баба после грабежа ювелирного магазина. У солдата руки в крови, зато на всех пальцах много золотых колец. Баба, идущая с ним под руку, тоже разукрашена драгоценностями: на руках и кольца, и браслеты, и другие золотые вещи.

Бежит пьяный солдат; в руках у него пять будильников-часов.

Шатаясь и скверно ругаясь, плетется солдат. Под мышкой левой руки у него две иконы новенькие, а в правой руке – железная палка. Этой палкой он, как бы по пути, разбивал стекла подряд всех домов в первом этаже, где он может достать палкой окна»¹⁵⁷.

Направленные для прекращения беспорядков наиболее дисциплинированные роты мусульманского батальона примкнули к грабежу, который продолжался до 7 часов утра, пока рабочие дружины, организованные новой властью – Революционным комитетом спасения родины и революции – не дали залп по громилам.

Однако 4 ноября город вновь оказался во власти пьяных солдат. Ситуация усугубилась неудачной попыткой властей выпустить вино из склада Поклевского: лопнувшая от перегрузки труба превратилась в бивший посреди улицы алкогольный фонтан, у которого собрались сотни солдат. Из-за невозможности пробиться к нему многие пили прямо с земли. Здесь же созрела идея грабить железнодорожные склады, к которым охотников за легкой добычей не пустили вооруженные рабочие. Тогда в ночь на 5 ноября солдаты штурмом взяли расположенный в центре города (напротив здания губернской земской управы) пивоваренный завод, откуда всю ночь и весь следующий день таскали пиво в казармы ведрами и чайниками. Начался погром частных квартир. Мужчины – их обитатели, не спали, готовые к обороне. От назна-

¹⁵⁵ См., напр.: Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов. 1983. С. 145 – 149.

¹⁵⁶ См.: Вятская жизнь. 1917. 10, 14 ноября; Уральская жизнь. 1917. 12, 14 ноября.

¹⁵⁷ Вятская жизнь. 1917. 10 ноября.

ченных военных патрулей не было никакого проку, так как их состав по ночам тоже был «выпивши».

Жертвами погрома оказались около 100 человек: несколько офицеров и студентов, но преимущественно — сами солдаты-громилы. Хозяйственный ущерб был непоправим: большинство магазинов закрылось навсегда, так как не было возможности не только восстановить испорченный интерьер, но и заменить разбитые стекла — нечем было стеклить. Прогноз очевидцев был самым пессимистичным: «Торговая жизнь в ближайшем будущем не восстановится. Многие торговые предприятия ликвидируют свои дела»¹⁵⁸.

Одновременно с печальными событиями в Перми, в ночь на 5 ноября, дату выборов в городскую думу, власти в Екатеринбурге пошли на спуск 9 тыс. ведер спирта в городской пруд, чтобы предотвратить разгром винного склада. Однако эффект этой акции, как и предсказывалось еще весной, оказался крайне нежелательным. Спирт плавал на поверхности и поверх льда, привлекая многочисленных «паломников», преимущественно солдат. Массовое пьянство сопровождалось беспорядочной стрельбой. Свидетель этого происшествия зафиксировал омерзительную картину пьяного разгула в Екатеринбурге:

«Солдаты, ругаясь, толкая друг друга, бросались на лед, к краю проруби и с радостью лакали из нее разбавленный водой спирт, не обращая внимания ни на грязь, что текла в ту же прорубь, ни на навоз, окружающий ее. Лед не выдержал — провалился, и все лакающие погрузились в холодную воду. Но — счастье их — вода была мелка. Отдуваясь, хохоча, солдаты вылезали на лед и снова начинали пить. Пили до одурения, до "положения риз". Многих тут же у проруби рвало, и рвотная пена плавала в проруби, но "алчущие", не смущаясь этим, отмахивали ее рукой и пили»¹⁵⁹.

Менее чем через две недели Екатеринбург опять погрузился в паническое ожидание повторения недавних беспорядков: 18 ноября, в связи с прибытием из Шадринска эшелонов с пьяными солдатами, по городу распространился слух о начале погрома. На рынке возникла паника, магазины и лавки в городе немедленно закрылись. Однако на этот раз тревога оказалась ложной¹⁶⁰.

В Вятке, губернские власти которой не признали большевистский переворот в Петрограде, первоначально сохранялась надежда на возможность сохранения порядка. Вятский городской голова в конце октября направил телеграммы в ряд губернских центров, включая Пермь, Оренбург и Уфу, следующего содержания:

«В городе полное спокойствие. Власть в губернии временно взяло демократическое губернское земское собрание, поддерживающее правительство Керенского, образовавшее при губ[ернском] комиссаре совет для охраны города и губернии из представителей земства, города и верных Временному правительству С[оветов] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]. Городская Дума, в большинстве социалистическая, решительно осудила изменнические действия большевиков, встала на защиту порядка и спокойствия и обращается ко всем демократическим самоуправлениям с призывом решительно бороться с захватом власти отдельными частями населения. В местном гарнизоне спокойно»¹⁶¹.

Однако и здесь в начале ноября тоже с напряжением ждали погрома. Ложный слух о разгроме винного склада распространился 7 ноября, реакцией на него стало немедленное закрытие магазинов в центре города. Через четыре дня слух вернулся, но в ином виде и, главное, подтвердился: винный склад близ завода Зонова 11 ноября вылил на лед реки спирт, который образовал темно-синее пятно. Население ринулось к «спиртовому озеру». Внешне это напоминало зрителям религиозное шествие на водосвятие.

¹⁵⁸ Там же. 14 ноября.

¹⁵⁹ Народная свобода (Челябинск). 1917. 12 ноября.

¹⁶⁰ Уральская жизнь. 1917. 21 ноября.

¹⁶¹ Вятская речь. 1917. 31 окт.

Пьяный разгул длился в Вятке 11 — 12 ноября под аккомпанемент криков и пьяных песен, столкновений хмельных солдат с патрулями (в ходе одного из них был убит дружинник) и стрельбы по ночам:

«Мирный обыватель, забыв о всяких развлечениях и собраниях, назначенных на... вечер, крепко заперся. Во многих домах совсем почти не показывался в окнах свет»¹⁶².

Созданный накануне пьяных безобразий особый отряд по охране города в составе 106-го пехотного запасного полка, команды 84 дивизии, городской и железнодорожной милиции, отряда военно-народной охраны и «Общества северных стрелков» бездействовал¹⁶³.

Цепь пьяных погромов в крупных городах Урала замкнул Оренбург. Противодействие приходу большевиков к власти, которая фактически оказалось в руках войскового круга Оренбургского казачьего войска, создавало, казалось бы, благоприятные условия для поддержания порядка и недопущения погромных эксцессов. В конце октября за подписями губернского комиссара, войскового атамана, городского головы, председателя губернского КОБа, председателя губернской земской управы, прокурора суда и начальника гарнизона было опубликовано обращение к жителям города, в котором объявлялось, что «в связи с переживаемыми событиями — выступлением большевиков — в целях сохранения порядка в гор[оде] Оренбурге и спокойной работы по подготовке выборов в Учредительное собрание город Оренбург объявлен на военном положении»¹⁶⁴. Вторая неделя ноября в городе прошла, тем не менее, в большом напряжении. Подводя затем итог миновавшим страхам, пресса писала:

«Оренбург прожил минувшую неделю в сильной тревоге. В связи с событиями, проходившими в разных городах России, и здесь ждали погромного выступления большевиков. Город был полон самых разнообразных слухов»¹⁶⁵.

В понедельник, 6 ноября, в связи с тревожными настроениями на городских окраинах, учебные занятия во второй смене были отменены, учащиеся распущены по домам. Повсюду были расклеены подписанные А.И.Дутовым воззвания к населению и войскам, расставлены надежные караулы, учреждены разъезды, запрещены митинги и прочие сборища. В городе были сосредоточены значительные силы казаков, пехотных частей, артиллерии. В ночь на 7 ноября были арестованы лидеры местных большевиков, которых рассредоточили по казачьим станицам для содержания под стражей.

Беспокойство к середине месяца улеглось настолько, что редакция местной газеты с удовлетворением отметила:

«Разве нельзя сказать, что мы живем в редком счастливом городе? Ни одной капли крови не было пролито у нас, ни одного братоубийственного выстрела не раздалось на улицах нашего города»¹⁶⁶.

Слухи о возможных погромах, однако, не стихали: 22 ноября к А.И.Дутову явилась делегация евреев, обеспокоенных возможностью погрома из-за якобы пропавших трех гимназисток. Войсковой атаман поставил в известность Комитет спасения родины и революции и просил выпустить от его имени воззвание с опровержением версии

¹⁶² Вятская жизнь 1917. 14 ноября.

¹⁶³ Вятские известия Временного правительства. 1917. 11 ноября.

¹⁶⁴ Южный Урал. 1917. 28 окт.

¹⁶⁵ Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 12 ноября.

¹⁶⁶ Южный Урал. 1917. 17 ноября.

ритуального убийства девушек. «Погромное настроение, — заявил он, — особенно по отношению к евреям, может повести к нежелательным последствиям»¹⁶⁷.

Напряженное ожидание худшего, тем не менее, не проходило. К началу декабря, в связи с наступлением большевиков на мятежный город, Оренбург оказался в изоляции: 1 декабря прекратилось железнодорожное сообщение с Самарой¹⁶⁸. В середине декабря аскетически настроенные педагогический совет и родительский комитет 1-й женской гимназии наложили запрет на проведение вечеров с танцами. «Поводом для такого запрещения служили события переживаемого времени: государственная разруха, надвигающийся голод, печальные события повсюду и небезопасное положение здесь, что должно мысли настраивать не к танцам, а в сторону отрезвления от того угара, который, как пир на торжестве большевиков, несется по всем увеселительным местам»¹⁶⁹. Наконец, 19 декабря местная печать с сокрушением объявила: «Все те, кто с завистью слушал известия о пьяных погромах в Петрограде, Самаре, Казани и других городах и кто алчно поглядывал на оренбургский винный склад, удовлетворили, наконец, ненасытную страсть к вину»¹⁷⁰.

16 — 18 декабря в Оренбурге произошел разгром винного казенного склада, в котором хранилось 40 тыс. ведер спирта¹⁷¹. Как и в других городах, власти по предложению губернского комиссара Н.В.Архангельского решили избавиться от опасного богатства и спустить спиртное в р.Урал. Операция в течение двух — трех дней шла успешно, пока по единоличному решению председателя Комитета спасения родины и революции В.Ф.Барановского отверстие в трубах не было заделано. В результате повышенного давления труба лопнула и началась утечка спирта. К месту аварии для охраны была приставлена 5-я сотня 4-го запасного полка, которая, не удержавшись, вечером 16 декабря отведала «огненной влаги». Перепившийся караул был сменен новым, который последовал примеру предшественников. Весть о бесплатной выпивке в неограниченном количестве с молниеносной быстротой распространилась по городу. Началось «паломничество» на склад с ведрами, чайниками и другими емкостями, толпа проникла во двор и разбила двери в помещения, где находились баки со спиртом и денатуратом. В одном из помещений с разлитым спиртом вспыхнул пожар, который быстро разрастался, так как тушить его было некому: приехавшие пожарные тут же перепились.

«Несмотря на большую опасность от огня, толпа все больше и больше увеличивалась и вскоре началось нечто неопишемое: спирт тащили всем, чем только можно — ведрами, бутылками, четвертями. Некоторые опускали в бак со спиртом шарфы и потом сосали их... Люди превратились в зверей. Многие из напившихся падали здесь же, на площади, около завода.

Бесснежная ветренно-морозная декабрьская погода многих из них навеки усыпила, а многие останутся без рук и без ног.

Утром следующего дня явилась масса нового народа. Если ночью отряды казаков, вооруженных винтовками и шашками, с посудой всех калибров и размеров ходили за спиртом, то утром спирт толпой вывозился на возах...»¹⁷².

В полдень 17 декабря на пожар прибыл атаман А.И.Дутов. В это время начальник милиции А.Е.Гамбашидзе бросил на толпу конную милицию, которая несколь-

¹⁶⁷ Там же. 24 ноября.

¹⁶⁸ Новости дня. 1917. 1 дек.

¹⁶⁹ Южный Урал. 1917. 15 дек.

¹⁷⁰ Там же. 19 дек.

¹⁷¹ См.: Оренбургский казачий вестник. 1917. 19, 20 дек.; Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 25 дек.; Южный Урал (Оренбург). 1917. 20, 21, 23, 25 дек.

¹⁷² Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 25 дек.

кими залпами разогнала «посудников». Двор и площадь были очищены, большой бак со спиртом взорван, колодец со спиртом зажат. Здания склада в течение трех дней горели, как свечи.

На этом, однако, точку в оренбургской трагедии поставить не удалось. Весь день 17 декабря по улицам города бродили пьяные солдаты, казаки, рабочие и прочий люд, оглашая воздух бессмысленными криками, руганью и песнями. Некоторые пьяные казаки с винтовками и шашками гонялись за мирными жителями. Вечером закрылись кинотеатры, театры и рестораны, на следующий день — магазины.

Немаловажной проблемой стала организация отпора погромщикам. Главная сложность заключалась в том, что на казаков гарнизона в этом вопросе опереться было сложно. Войсковой круг 17 декабря проанализировал причины погрома и действия по его прекращению. А.И.Дутов сообщил собравшимся, помимо прочего, суть проблемы восстановления спокойствия в городе: «Для водворения в городе порядка предполагалось отправить к винному складу отряд казаков, но предварительно был произведен учет лиц трезвых. Оказалось, что из всех казаков гарнизона трезвых было только 26 человек»¹⁷³. В этой сложной ситуации были призваны казаки-старики Форштадта, которые задержали 60 пьяных казаков и отняли у них награбленное на винном складе, в том числе стенные часы и зеркала. Круг единогласно принял решение приказать казакам близлежащих станиц немедленно явиться в Оренбург. В город прибыло около 2 тыс. стариков-станичников, в основном — из станиц Павловской и Сакмарской, мобилизовавших все мужское население в возрасте от 22 до 55 лет. К вечеру 17 декабря жители города организовали охрану домов от погромов и поджогов. На следующий день Форштадт был оцеплен со всех сторон добровольцами из жителей станицы, чтобы не допустить туда кого-либо с алкогольными напитками. По всем улицам, ведущим к складу, по инициативе квартальных старост были выставлены заставы, на которых обыскивали проходящих и выливали спиртное. 21 декабря Комитет спасения родины и революции обратился с призывом к мужчинам в возрасте старше 20 лет записываться в дружину по охране города.

Все эти усилия не смогли, тем не менее, остановить погром горящего винного склада. Всю ночь на 18 декабря и весь следующий день там слышались одиночные выстрелы и взрывы. В этот день сгорела ранее уцелевшая часть складских построек. При пожаре 17 — 18 декабря оттуда была расхищена почти вся мебель расположенного там же губернского акцизного управления, а также арифмометр, пишущая машинка, канцелярские принадлежности. Очевидец творившегося 18 декабря В.В.Трунин так живописал в газетной хронике увиденное:

«Дойдя до винного склада, я увидел следующую картину: за валом, позади склада, образовался лагерь, состоящий из мужчин и женщин, в большинстве рабочего класса; были солдаты и человек 10 — 15 казаков. Посредине этого лагеря находился огненный очаг, вероятно, в него был спущен спирт. Из этой огненной ямы люди, посредством приспособленных длинных шестов и привязанных к этим шестам проволокой или веревкой ведер, доставали какую-то горящую желтую жидкость и здесь же разливали по посудам. При доставании спирта на некоторых загоралась одежда. Для того, чтобы спирт не продолжал гореть в ведрах, у каждого была смоченная тряпка, которою накрывались горящие ведра с жидкостью, эти же тряпки употребляли и для тушения на себе одежды»¹⁷⁴.

У горящего здания, где находились запасы коньяков, рябиновки и прочих сортов высококачественного горячительного, собралась огромная очередь, чтобы проникнуть

¹⁷³ Оренбургский казачий вестник. 1917. 19 дек.

¹⁷⁴ Там же. 20 дек.

внутри, несмотря на опасность быть погребенным под грозящим рухнуть горящим толком. Когда же это произошло, люди разбежались в разные стороны, но через несколько минут опять образовали хвост. Здесь же шел торг добычей, бутылка спиртного стоила 10 — 15 р., у некоторых алкоголь насильно отбирался солдатами.

Оренбургская пресса до середины последней декады декабря сообщала о продолжающемся погроме:

«До сих пор паломничество за спиртом на винный склад продолжается. Спирт черпается из водяного колодца. Все запугивания, что в колодец вылита бочка нечистот, что в колодце находятся трупы, не останавливают паломников.

У колодца толпятся сотни людей с ведрами и разными посудинами.

Между паломниками часто происходят кулачные расправы из-за желания скорее набрать и как можно больше ценной влаги»¹⁷⁵.

Во время пьяных беспорядков в Оренбурге от неумеренного употребления спиртного и прочих сопутствующих причин погибло более 200 человек. Основная масса жертв пришлась на 17 декабря — первый день массового пьянства и решительной попытки стражей порядка пресечь погром. Убытки от разгрома и пожара винного склада составили около 2 млн. р. Помимо 40 тыс. ведер спирта сгорели 50 кубометров заготовленных дров, 10 тыс. ящиков, нефть, посуда, предметы интерьера. Шесть семей служащих склада остались без крова¹⁷⁶.

«Пьяная революция» не обошла и более мелкие уездные центры. В Глазове администрации казенного винного склада удалось уничтожить запасы спирта. В полдень 8 октября пьяные солдаты расположенного там полка вышли из повиновения и учинили разгром магазинов — колониальных и часового, — частного винного погреба, пивного склада Ижевского товарищества и т.д. На сей раз обошлось без человеческих жертв, направленный в Глазов отряд солдат нашел погромщиков мирно спящими¹⁷⁷. В Кунгуре с 30 октября три дня бушевала погромная стихия: были разгромлены пивные и винные склады, затем очередь дошла до магазинов; происходили поджоги, стрельба по ночам и открытая торговля ворованным днем¹⁷⁸. С 15 ноября начался погром в Шадринске, прозванный местными жителями «шадринской революцией»: пьяная толпа, разгромив винный склад, начала громить город и выпустила из тюрьмы заключенных¹⁷⁹. С утра 17 ноября до вечера следующего дня длилось разграбление пивного склада в Слободском. Охранявшие склад солдаты и милиционеры покинули его, ограничившись несколькими выстрелами в воздух. Занятия в школах прекратились, магазины были закрыты. Как и в других городах, все началось с того, что ночью начали выпускать пиво в реку. Замерзшее к утру пиво женщины собирали в ведра и чайники. На этот раз пьяных не было — пиво со склада в большом количестве развозилось по домам¹⁸⁰. Из Елабуги 23 ноября телеграфировали в Вятку: «...в городе идет погром; винный склад разгромлен и горит; солдаты не оказывают помощи; власти нет»¹⁸¹.

Беспорядков напряженно ожидали и в других городах. В Челябинске под впечатлением недавних событий на Среднем Урале с беспокойством отмечали увеличение числа пьяных. Местная газета обращала внимание на то, что «барахолка и торг за мос-

¹⁷⁵ Южный Урал. 1917. 25 дек.

¹⁷⁶ Там же. 23 дек.

¹⁷⁷ Вятская жизнь. 1917. 10 окт.

¹⁷⁸ Уральская жизнь. 1917. 10 ноября.

¹⁷⁹ Там же. 17, 25 ноября.

¹⁸⁰ Вятская жизнь. 1917. 21, 25 ноября.

¹⁸¹ Вятская мысль. 1917. 26 ноября.

том со своими тайными торговлями являются притонами торгоа различными спиртными изделиями. Обилие пьяных в последнее время указывает на полное отсутствие надзора за притонами»¹⁸². Для профилактики возможных беспорядков Котельническая городская дума во второй половине ноября образовала военно-народную охрану города, в состав которой для обязательной службы призывались все способные носить оружие в возрасте от 20 до 60 лет¹⁸³.

Пьяная вакханалия не локализовалась в городах, а широко разлилась по сельской местности, став составной частью крестьянской революции. В деревне Шумихины Котельнического уезда крестьяне разгромили квартиру торговца Попова, прихватив 3845 р. В Елабужском уезде крестьяне громили имения, в Слободском уезде шли грабежи¹⁸⁴. С 29 октября в Мензелинском уезде Уфимской губернии начались погромы имений, которым предшествовал разгром винного склада. Погромы усадеб и хуторов перемежались свадьбами и курением самогона; по оценке очевидца, они были «сытыми» и «пьяными» — в них активно участвовали солидные, процветающие крестьяне, так называемые «тысячники» (с запасом денег свыше 1000 р.)¹⁸⁵. В начале ноября крестьяне Белебеевского уезда разгромили Богородице-Одигитриевский монастырь, угнали скот, разграбили личное имущество монахов, 1300 пудов зерна, земледельческие орудия, экипажи¹⁸⁶. В середине ноября председатель Мензелинского уездного комитета общественных организаций телеграфировал начальству:

«Все волости уезда, где имеется крупное землевладение, охвачены погромным движением. Движение приняло стихийный характер и все меры приостановить погромы достигают лишь частичных результатов»¹⁸⁷.

Ближе к концу ноября из того же уезда на имя губернского комиссара была послана телеграмма, авторами которой были доверенные лица крупных землевладельцев Стахеевых. В ней говорилось:

«Анархия продолжается, расхищенные хлеба в большинстве сложены крестьянами в погребях, оставленный хлеб в открытых местах и под навесами пропадет окончательно, если не будут срочно приняты меры к сбору.

Команда солдат совершенно бездействует, все кругом пьяно, непринятие мер грозит дальнейшим осложнением, укрепляет в грабителях законность грабежей, уже идет призыв выравнивать зажиточных крестьян с бедняками деревни, собираются идти на деревню.

Убедительно просим принять срочные меры к водворению порядка, к сбору похищенного. Ведь Россия голодает, помирает, а здесь дикая пьяная пляска идет»¹⁸⁸.

Пьяные эксцессы в селах Уфимской губернии продолжались и в декабре. Башкирское национальное правительство А.З.Валидова, не имея денег на строительство государственного аппарата, решило поправить финансовые дела, захватив водочный завод Самакина в Усерганском кантоне и продав продукцию русским. В воспоминаниях А.З.Валидова этот эпизод истории борьбы башкир за свою независимость описан довольно ярко:

«Не только из окрестных, но даже из оренбургских казацких сел примчались люди с чайниками, бутылками, ведрами, бочками. Продавали дешево. Заработали около полумиллиона

¹⁸² Народная свобода. 1917. 12 ноября.

¹⁸³ Вятская мысль. 1917. 28 ноября.

¹⁸⁴ Вятская речь. 1917. 5 ноября; Вятская мысль. 1917. 26 ноября.

¹⁸⁵ Уфимская жизнь. 1917. 17 ноября.

¹⁸⁶ Там же. 18 ноября.

¹⁸⁷ Народная свобода. 1917. 16 ноября.

¹⁸⁸ Там же. 26 ноября.

рублей. Разослали деньги по кантонам для зарплаты служащим. Не обошлось без происшествий. Русские пили, пока не падали, прямо на заводе. Некоторые, отбросив стаканы, приклады вались прямо к кранам в бочках. Один забрался на огромную бочку, но, поскольку был пьян, свалился в нее и захлебнулся. Башкирские солдаты никому не сказали об этом, боясь, что тогда не продадут водку из этой бочки; они вытащили и похоронили русского пьяницу»¹⁸⁹.

В декабре в селе Кургаза Уфимской губернии был razорен хутор Шотта. Крестьяне из села Карагай угнали 90 быков, 18 лошадей, увезли сено, солому, машины.¹⁹⁰ В принадлежащих Крестьянскому поземельному банку имениях Челябинского уезда в ноябре шло варварское истребление леса:

«...лес, даже молодняк усиленно вырубается; то же, что не успевают вырубить, сжигают. Крестьяне и башкиры выходят в лес партиями от 5 до 20 человек. Уговоры и разъяснения не помогают. Лесная администрация запугана до последней возможности»¹⁹¹.

Во второй половине декабря «свободные граждане»-крестьяне разгромили имение Левина около Марьевки Оренбургского уезда и вывезли все, включая пианино, которое поместили в одной из крестьянских изб¹⁹².

В конце декабря начальник 9-го участка Оренбургской уездной милиции докладывал уездному комиссару:

«...грабежи и захваты по означенному участку все более усиливаются. Все селения и хутора разграблены до основания, между населением развиваются распри, крупные села нападают на мелкие, односельцы делятся на две партии и друг друга грабят и убивают»¹⁹³.

Всякая попытка стражей порядка остановить бесчинства встречалась угрозами самосуда и ареста. Задержать подстрекателей к грабежам не было никакой возможности. К началу 1918 г. южноуральская деревня «представляла из себя настоящее взбаламученное море»¹⁹⁴.

Подхлестываемый винными парами азарт погромов и дележа государственного и частного имущества в городе и деревне, варварские расправы со всеми, кто вставал на пути громил, и неспособность властей пресечь пьяный разгул свидетельствуют о том, что в уральской провинции стихийно и стремительно, но при этом подспудно, подобно торфяному пожару, без всяких объявлений о намерениях и без формирования армий и создания фронтов, разгоралась гражданская война.

Материализация призрака голода (зима — весна 1918 г.). Осенью 1917 — весной 1918 гг. население уральских городов все более страдало от запустения городского хозяйства и неустроенности быта. Все ветшало и приходило в негодность. О поддержании должного санитарного состояния никто не заботился. Элементарный уют канул в прошлое. В Оренбурге, который и до революции не славился образцовой чистотой, в сентябре 1917 г. мясные лавки на Конно-Сенной площади и пространство вокруг них находились в антисанитарном состоянии: «...сор не убирается, повсюду разбросаны мясные обрез-

¹⁸⁹ Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 147.

¹⁹⁰ Южный Урал. 1917. 23 дек.

¹⁹¹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 19 ноября.

¹⁹² Южный Урал. 1917. 30 дек.

¹⁹³ Оренбургский казачий вестник. 1917. 29 дек.

¹⁹⁴ Эльцин В. Указ. соч. С. 358.

ки, части внутренних органов, кучи костей, которые загнивают и издают зловоние»¹⁹⁵. После прихода большевиков к власти коммунальное хозяйство поступательно деградировало. В начале декабря Челябинск из-за поломки электростанции на несколько дней погрузился во тьму. Горожане боялись выходить на улицы города, опасаясь не только грабителей, но и бродячих собак, которые с весны 1917 г. бегали по улицам стаями до 15 особей, а к началу зимы одичали настолько, что стали бросаться на людей¹⁹⁶. В Екатеринбурге в конце года жители жаловались на отвратительное состояние тротуаров¹⁹⁷, которые и в Челябинске к февралю 1918 г. стали непригодны для хождения:

«За всю зиму все, за малым исключением, наши домовладельцы ни разу не озаботились очистить с тротуаров снег и сколоть лед, вследствие чего тротуары имеют вид хорошо устроенного катка, на котором пешеход и выделяет всевозможные пируэты. Теперь городская управа, организовав артели из безработных, решила привести в порядок все тротуары за счет домовладельцев»¹⁹⁸.

В Вятке, где и до революции население испытывало большие неудобства от отсутствия канализации и недостаточной очистки города от мусора и нечистот, к концу весны 1918 г. дворы ряда общественных учреждений были покрыты мусором и грязью, а выгребные ямы частных домов и коммунальных зданий доверху были забиты экскрементной гущей. Позади столовой Калиновского, как показал санитарный осмотр 1 июня 1918 г., «помойная яма на дворе переполнена и вследствие неплотности обрuba нечистоты вытекают из нее, распространяясь по двору»¹⁹⁹.

Зимой — весной 1918 г., в первое полугодие после прихода большевиков к власти, городское население России впервые испытало то, чего так боялось на протяжении всего 1917 г. — голод. Поиск продуктов питания стал смыслом существования «маленького человека», составил все содержание будней. По меткому выражению современницы, пережившей эти месяцы в Петрограде, «слова “хлеб”, “продукты” чередуются в разговоре, как слово “пан” у поляков»²⁰⁰.

На Урале голод в городах был смягчен отдаленностью от центров власти и близостью хлебобродных местностей и не был столь острым, как в Центральной России. Но и уральские горожане столкнулись с продовольственными трудностями, в сравнении с которыми продуктовые неудобства годовой давности могли показаться сладким сновидением.

В Вятке в первую неделю после известия о свержении Временного правительства фунт хлеба в вольной продаже ежедневно дорожал на 3 — 5 к., достигнув цены 65 — 70 к. Молоко подорожало на 1,5 р. за четверть и для многих стало недоступным, цена масла повысилась до 5,5 р. за фунт, десяток яиц стоил 2,2 р., кочан капусты — 55 — 60 к., цена пуда картофеля достигла 5,6 р. При среднем месячном окладе служащих и рабочих в 120 — 125 р. такая дороговизна обрекала большую часть горожан на полуголодное существование. Качество фруктов было ниже всякой критики, что в условиях начавшего развиваться тифа заставило городского врача Н.М.Пинегина, совместно с помощником начальника 1-й городской дружины и понятыми осмотреть фруктовые лавки. В трех лавках было обнаружено около шести пудов гнилых яблок и груш, которые были облиты керосином и сожжены²⁰¹. В конце ноября жителям Вятки было объ-

¹⁹⁵ Заря (Оренбург). 1917. 16 сент.

¹⁹⁶ Челябинский листок. 1917. 13 апр.; Народная свобода. 1917. 5, 9 дек.

¹⁹⁷ Уральская жизнь. 1917. 29 дек.

¹⁹⁸ Союзная мысль. 1918. 15 февр.

¹⁹⁹ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 47. Л. 4, 5, 6.

²⁰⁰ Бруцкус Э. О. Указ. соч. С. 83.

²⁰¹ Вятская речь. 1917. 9, 24 ноября.

явлено, что из-за критического состояния железнодорожного транспорта ликвидировать задолженность по нормированному распределению сахара за июнь — сентябрь 1917 г. не представлялось возможным. Октябрьскую норму пообещали зачислить в счет ноябрьской выдачи. С 1 декабря были установлены твердые цены на ржаную муку в размере 35 к. за фунт, ржаного хлеба — 36 к., которые, как и раньше, не соблюдались.

В конце января 1918 г., по заявлению официального печатного органа Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов, из продуктов питания и товаров первой необходимости губерния испытывала недостаток только в мануфактуре²⁰², однако весной продовольственный кризис достиг небывалой остроты. Фунт черного хлеба продавался уже по 1 — 1,5 р., десяток яиц — по 4,5 р. Молока на базаре было мало. Крестьяне предпочитали продавать его на улице, опасаясь, что на рынке покупатели в давке разобьют четвертные бутылки, которые было официально рекомендовано продавать не дороже 3,5 р.²⁰³ Хлебные «хвосты» образовывались теперь с 4 — 5 часов утра — за три — четыре часа до открытия лавок, чтобы получить хлебный паек, сократившийся до 0,5 фунта в день на человека. Президиум Вятского исполкома в конце марта обратился с воззванием к беженцам из центральных губерний:

«Не останавливайтесь в Вятке. Вятка перегружена как эвакуированными частями, так и беженцами. Продовольствия не хватит на всех прибывших. Со дня настоящего объявления продовольственное бюро не будет выдавать карточки лицам, хотя бы и прописавшимся в штабе красной гвардии»²⁰⁴.

Снабженческий кризис особенно больно ударил по детям: из-за недоступности молока среди них развивались болезни, маленькие дети должны были вставать в 3 — 4 часа ночи, чтобы занять очередь за хлебом. Голодные дети вятской трудовой колонии собирали милостыню²⁰⁵.

Взрослое население было поглощено заботами о поисках продуктов питания. Интерес ко всему, непосредственно не связанному с ними, угас. Орган Вятского комитета РСДРП жаловался на политическое равнодушие местных рабочих:

«Среди рабочих фабрики Долгушина царствует ужасная апатия и совершенно безразличное отношение ко всякой организованной работе. Рабочие не интересуются ни делами фабрики, ни работой потребительского общества...; в библиотеке бывают редко, книги из библиотеки почти не берут. Чтобы удержать рабочих на собрании, приходится запира́ть ворота ...»²⁰⁶.

Аналогичные сложности переживало городское население всего Урала. В Перми цены на ржаную муку, которые в августе 1917 г. доходили до 9 р. за пуд, за ноябрь из-за сокращения подвоза первоначально выросли с 13 до 16 р., а к концу месяца достигли 24 — 28 р. Фунт сырого, плохо выпеченного хлеба стоил 80 к. В середине первой декады декабря в связи с усилившимся крестьянским привозом цены на ржаную муку опустились до 17,5 — 19 р. Однако перспективы снабжения продовольствием рисовались довольно мрачно. В первой половине декабря из Омска пришла телеграмма, в которой говорилось, что наряд на хлеб за декабрь принят, но будет выполнен лишь на 15%, причем при условии посылки в Пермь овса вместо пшеницы²⁰⁷. Горожане страдали не только от дефицита и дороговизны рыночных продуктов, но и из-за сбоев рас-

²⁰² Вятская правда. 1918. 31 янв.

²⁰³ Вятский голос. 1918. 21, 26 мая.

²⁰⁴ Наш край. 1918. 27 марта.

²⁰⁵ Вятский голос. 1918. 21, 26 мая.

²⁰⁶ Там же. 18 мая.

²⁰⁷ Пермский губернский вестник. 1917. 30 ноября, 2, 10, 14 дек.

пределительной системы. Так, в конце ноября жители 7-го района Перми уже второй месяц сидели без муки: «Хвосты в сотни человек безнадежно по неделям топчутся у единственной в районе лавочки и уходят с пустыми руками, с раздражением на вольных и невольных виновников районного голода»²⁰⁸.

Весной 1918 г. проблема дороговизны обострилась из-за недостатка денежных знаков и задержки по этой причине выплаты зарплат. В марте наркомат финансов объявил, что не сможет в ближайшее время снабжать регион деньгами, разрешив Уральскому областному совету временный выпуск бон с правом хождения на территории четырех губерний²⁰⁹.

На Екатеринбург почти одновременно с установлением власти большевиков навалился голодный кризис. В начале ноября хлеб на рынке был нарасхват, хотя пшеничная мука продавалась по 21 р. за пуд, а фунт печеного пшеничного хлеба в лавках и на базаре стоил 50 к., ржаного — 35 к.²¹⁰ Из-за недостатка муки хлеб в городских лавках стал отпускаться не сеянкой, а простой мукой с отрубями. В середине ноября Пермский губернский продовольственный комитет отправил в Челябинск телеграмму с просьбой помочь Екатеринбургу присылкой 20 тыс. пудов зерна:

«...положение с продовольствием в Екатеринбурге самое отчаянное. Доставка зерна в последнее время нет. На этой почве большие недоразумения»²¹¹.

Рост цен на хлеб обуславливался нашествием мешочников из центральных губерний России. Поскольку Екатеринбург не имел собственной зерновой базы и жил исключительно сибирским хлебом, исполком в качестве меры борьбы с мешочничеством издал в конце ноября постановление о запрете вывоза хлеба из города и уезда²¹². «Хвосты» у мучных лавок заметно росли, очередь занимали с 3 — 4 часов ночи. Порядок у лавок охраняли солдаты-часовые. 10 декабря горожане прочли объявление городской продовольственной управы:

«Екатеринбургская городская продовольственная управа сим доводит до сведения граждан города Екатеринбурга, что за полным отсутствием муки в городе, городские продовольственные потребительские лавки будут закрыты и мука не будет отпускаться несколько дней, с 8 декабря впредь до поступления зерна или муки в город.

О выдаче муки будет объявлено особо»²¹³.

Во второй половине декабря подвоз хлеба из Омска иссяк: его скупали мешочники, а новая власть была еще слишком слаба, чтобы отнять хлеб у сибирских крестьян, готовых поставлять его только в обмен на мануфактуру, которой на Урале не было. В условиях административного хаоса соглашения с Сибирью уральским властям достичь не удалось. Омский крайсовет предложил уральцам произвести самостоятельную заготовку хлеба в Ишимском уезде. Однако оказалось, что Курганский продовольственный комитет уже передал монопольное право закупать хлеб в этом уезде Ярославской губернии²¹⁴. Накануне Рождества Екатеринбургу грозил голод. Еще более возросли цены на продукты. Сахар, который всего месяц назад было решено продавать по заго-

²⁰⁸ Там же. 30 ноября.

²⁰⁹ Известия (Пермь). 1918. 21 марта.

²¹⁰ Уральская жизнь. 1917. 10 ноября.

²¹¹ Зауральский край. 1917. 15 ноября.

²¹² Уральская жизнь. 1917. 29 ноября.

²¹³ Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Свердловск. 1927. Т. 3. С. 123.

²¹⁴ Уральская жизнь. 1917. 20 дек.

товительной цене (по 65 к. за фунт сахарного песка и 75 к. — рафинада), население перед праздником не получило²¹⁵. В рождественском номере одной из екатеринбургских газет обыватель мог прочесть, вместо обычных в прежние годы ностальгически просветленных эссе, жесткую правду:

«В связи с переживаемым городом продовольственным кризисом цены на продукты на базарах и рынках стояли перед праздником очень высокие. Продуктов продовольствия было мало, и граждане г. Екатеринбурга встретят праздник Рождества почти что с «голодным столом»»²¹⁶.

В течении ноября — декабря из-за ограниченности запасов хлеба население Екатеринбурга получало вместо положенных на человека 30 фунтов в месяц всего по 10 — 20. Некоторые не успевали получить и этой порции. В этой связи исполком под новый год принял решение до восстановления связи с Сибирью сократить обычный паек до 20 фунтов, усиленный — до 30. Чтобы обеспечить хотя бы эту норму, 1 января 1918 г. исполком постановил ограничить запасы муки у городского населения до официального месячного рациона — 20 фунтов сеянки или 30 фунтов простой, не сеяной муки (нормы повышались в полтора раза, если владелец этого запаса имел право на усиленный паек). «Излишки» продовольствия у горожан подлежали реквизициям²¹⁷. Наконец, в апреле 1918 г. в связи с продолжающимся продуктовым кризисом Екатеринбург оказался закрытым городом — въезд в него был запрещен²¹⁸.

Острую продовольственную проблему ощущали и другие уездные центры Среднего Урала. Так, в Ирбите в декабре 1917 г. наступил голод: продовольственная управа смогла выдать вместо положенных 25 фунтов хлеба только 8²¹⁹. Прежде процветавший торговый центр превратился к весне 1918 г. в «маленький, дохлый город». Весенняя ярмарка в Ирбите, в том числе пушная, пребывала в состоянии упадка. Цены на меха на плохонькой ярмарке по сравнению с 1914 г. были выше в 3 — 10 раз. Ярмарка была пустынная, посетители были редкостью. По мнению корреспондента «причин тому — масса, но главная — нет денег, нет покупателя»²²⁰.

Кризис снабжения продовольствием болезненно задел население горнозаводской зоны. Он был одной из центральных тем обсуждения на 2-м Областном съезде по управлению национализированными предприятиями Урала 14 — 22 мая 1918 г. Делегат Богословского горнозаводского округа объяснил, почему «рабочие массами разбегаются, кто куда может»:

«Мяса, крупы и картофеля в округе совершенно нет, ...острота продовольственного кризиса дошла до того, что пришлось перемалывать на муку овес, обрекая таким образом на голодную смерть лошадей округа, и этим овсяным хлебом, похожим более на навоз, чем на хлеб, так как за неимением на местной мельнице специальных обдирочных машин мука получается перемешанной с остью и шелухой — население питалось в продолжение двух последних месяцев»²²¹.

Ему вторили делегаты большинства округов. Представитель Усть-Сыльвинского завода признался: «За 4 месяца, как я живу в заводе, мы не видали ни куска сахара, ни аршина ситцу». Такое положение горнозаводского населения наблюдалось повсеме-

²¹⁵ Там же. 21 ноября.

²¹⁶ Зауральский край. 1917. 25 дек.

²¹⁷ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции... Т. 3. С. 124.

²¹⁸ Известия (Пермь). 1918. 23 апр.

²¹⁹ Зауральский край. 1917. 30 дек.

²²⁰ Трудовая коммуна. 1918. 21 апр.

²²¹ Колчаковщина на Урале (1918 — 1919 гг.): Документы и материалы. Свердловск, 1929. С. 11.

стно. На ряде заводов запасов хлеба к этому времени осталось в количестве, достаточном для снабжения жителей в течение двух недель. При этом задержка выплаты заработной платы из-за недостаточного получения из центра денежных знаков не позволяла рабочим прибегнуть к услугам рынка. Исключение составляли Камско-Воткинский округ и Ижевский завод в Вятской губернии, Нижне-Исетский завод — в Пермской: затруднений с продовольствием эти хозяйственные комплексы не испытывали²²².

Сложной была продовольственная ситуация и на Южном Урале. С октября 1917 г. Уфа в течение осени — зимы не получала сахара. В итоге наряды по обеспечению городского населения сахаром к середине февраля 1918 г. были недовыполнены на 253 вагона²²³. Рыночные цены росли, как и в других уральских губерниях. Заготовке хлеба в земледельческой Уфимской губернии мешали, наряду с сопротивлением крестьян и активностью мешочников, конкуренция Казани и Самары, продовольственные органы которых самовольно скупали в губернии хлеб по вольным ценам²²⁴. В Уфе, при отсутствии острого голода, положение с продуктами питания было нестабильным. Цены были неустойчивы. В 20-х числах марта, несмотря на свободную продажу соли в городских лавках по цене 1,4 р. за фунт, по городу пронесся слух о предстоящем соляном голоде, который вызвал усиленную скупку соли и рост цены на нее²²⁵. Весной 1918 г. остроумные обитатели Уфы откликнулись на отсутствие предметов первой необходимости куплетом, который распевался на мотив «Марсельезы»:

«Отречемся от серого мыла,
Перестанем мы в баню ходить.
И по нашему грязному телу
Насекомые будут бродить»²²⁶.

Актуальность этого куплета повышалась принятым в конце марта городскими властями решением национализировать бани, так как их содержатели отказывались подписать договор с комиссариатом городской коммуны²²⁷. Уровень гигиены в городе этот акт, естественно, не повысил.

В уездных центрах губернии положение не было лучшим. В конце мая 1918 г. въезд в Златоуст и Златоустовский уезд был закрыт из-за недостатка хлебных и других припасов, а также переполнения его беженцами из Европейской России²²⁸.

Непростым было продовольственное положение и в Оренбургской губернии, на территории которой фактически с момента получения известий о падении Временного правительства разгорелись боевые действия гражданской войны. Из-за недостаточного количества пунктов раздачи хлеба в Оренбурге росли хлебные «хвосты», в которых жители города часами простаивали на крепком ноябрьском морозе²²⁹. 10 декабря местные власти опубликовали обращение к населению по поводу отчаянного финансового положения оказавшегося в изоляции Оренбурга:

²²² Там же. С. 12.

²²³ Уфимская жизнь. 1918. 14 февр.

²²⁴ Там же. 12 марта.

²²⁵ Там же. 26 марта.

²²⁶ Цит. по: Верещагин А. С., Егоров А. В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 — начало 1920-х гг.) / Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 200.

²²⁷ Известия Уфимского губернского совета народных комиссаров. 1918. 30 марта.

²²⁸ Известия (Челябинск). 1918. 30 мая.

²²⁹ Южный Урал. 1917. 26 ноября.

«Захватив насильно власть в свои руки в Петрограде и приведя к полной разрухе всю жизнь России, – большевики не сумели даже обеспечить наше оренбургское отделение Государственного банка необходимыми для оборотов деньгами. Из-за неимения денежных знаков закрылось у нас отделение Государственного банка, закрылись и частные банки, по той же причине постепенно должна прекратиться торговля, подвоз хлеба, товаров, нечем будет платить рабочим, служащим их заработки и перед всеми стоит грозный призрак – голод в крае»²³⁰.

Чтобы избежать очерченной мрачной перспективы, было принято решение «выпустить временные денежные знаки, которые, после получения общегосударственных кредитных билетов, будут тотчас же обмениваться на них через тот же Государственный банк, казначейство и другие правительственные учреждения». Выпуск временных денег планировалось осуществлять под контролем независимой комиссии. Население призывалось отнестись к новым деньгам с доверием. Они были выпущены 13 декабря. На лицевой стороне купюр достоинством в 100 р. был изображен герб Оренбурга²³¹.

В конце декабря в Оренбурге фактически установилась свободная торговля хлебом. Подвоз его был значительным и муку можно было купить по цене 18 р. за пуд. Однако прекращение нормированного распределения было вызвано не столько обилием продуктов и тем более не эффективным функционированием рынка. Наступление большевистских формирований на Оренбург нарушило оборот товаров. Советское командование Оренбургским фронтом имело возможность задерживать вагоны с продовольствием для того, чтобы взять город измором. В результате голод охватил Туркестан и всю линию Ташкентской железной дороги. Оппонент А.И.Дутова П.А.Кобозев, напротив, распространял информацию о том, что в голоде населения Средней Азии повинен Оренбург, задерживающий грузы²³². Как бы то ни было, в середине декабря местные власти решили на три месяца, начиная с 1 января 1918 г., ввести карточную систему распределения. Предполагался выпуск бланковой карточки с комбинацией пайков на 1, 2, 4 и 5 человек для получения основных продуктов питания – муки, хлеба, чая, сахара, масла, крупы – и безымянных нумерованных карточек сроком действия один месяц, с указанием кварталов и раздаточных пунктов. Для получения керосина, спичек, табака, дрожжей, обуви, мануфактуры, фуража и прочих товаров массового спроса планировалось введение талонных продовольственных книжек²³³. Этой сложной системе рационирования, ассортимент которого позволяет предполагать значительно лучшую продовольственную ситуацию, чем в других губерниях Урала, не суждено было реализоваться – 18 января 1918 г. в город вошли «красные» отряды.

В «большевистской» части губернии продовольственный вопрос был не менее болезненным, но по иной, чем в Оренбурге, причине: если последний страдал от изоляции, то Челябинск изнемогал от наводнения города и уезда мешочниками из центральных губерний России и из Поволжья. Челябинский и Троицкий уезды, где урожай в 1917 г. был особенно обилен, осенью, по сравнению с другими уральскими территориями, благоденствовали, пока с первых чисел октября в ней не появились «ходоки» из «голодных мест» – губерний Европейской России, в которых в 1917 г. был недород. Челябинская продовольственная управа первоначально отказывала им в продаже продовольствия. Поэтому мешочники направлялись вглубь уезда на самостоятельные поиски хлеба, скупая его по баснословным ценам. Исправляя допущенную ошибку, Челябинский уездный продовольственный комитет стал продавать приезжим хлеб

²³⁰ Там же. 10 дек.

²³¹ Там же; Оренбургское земское дело. 1917. 15 дек.

²³² Южный Урал. 1917. 25 дек.

²³³ Новости дня. 1917. 14 дек.

по твердым ценам, в объеме 30 фунтов на едока на количество лиц, проставленных в удостоверениях. Однако было поздно: с начала ноября «ходоки» хлынули тысячами. По ориентировочным оценкам современника, от 10 до 15 тыс. человек углубились в уезд на расстояние 40 и более верст от железной дороги, самостоятельно закупая хлеб. Справиться с такой массой «спекулянтов» власти были не в состоянии. В начале ноября 1917 г. Шумихинская организация РСДРП(б) направила в челябинский комитет партии письмо, проникнутое отчаянием:

«У нас анархия! Голодающие (спекулянты) собирают весь хлеб у крестьян и набивают большую цену на хлеб, который у нас в Шумихе уже стал 13 – 14 руб. пуд. Сделать ничего не можем. Посоветуйте»²³⁴.

Из-за наплыва мешочников цены на хлеб в Челябинске росли с ужасающей быстротой. Челябинский Совет солдатских и рабочих депутатов, совместно с Комитетом по поддержанию революционного порядка, уездными комиссаром и продовольственной управой, тщетно предполагали найти выход из создавшегося положения, запретив с 10 ноября вывоз хлеба и фуража из Челябинского района, пригрозив изъятием скупленного хлеба. С этой целью формировались заслоны из милиции и воинских команд. Однако конкуренция мешочников государственным хлебозаготовкам не теряла остроты, а хлеб из уезда уходил в любом случае – если не нелегально, с перекупщиками, то на вполне законных основаниях: Челябинск был обязан снабжать хлебом и фуражом Оренбургский фронт, Туркестан, Петроград и ряд губерний²³⁵.

Новой проблемой для городского населения Урала стала безработица, вызванная форсированной национализацией производств и закрытием многих государственных учреждений и частных торговых заведений. Так, биржа труда в Уфе 16 января 1918 г. в течение месяца зарегистрировала 1771 безработного. Трудоустройство, которое могла предложить биржа труда, особого энтузиазма не вызывало. Так, из почти 2 тыс. предложений 500 касалось устройства в дружину по охране народного достояния, 500 – заготовки дров, 300 – работы возчиками на собственных лошадях. Два последних вида деятельности не привлекли ни одного безработного²³⁶.

Частью примитивизации повседневной жизни горожан, ведущих все более выраженное растительное существование, стало упрощение способов ухода от будничных забот. Чтение прессы в условиях большевистской монополии на средства массовой информации становилось скучным занятием. Как сообщала оренбургская печать после изгнания Советов из Оренбурга летом 1918 г., «за полгода хозяйничанья большевиков читающая публика отучилась почти от чтения газет»²³⁷. Сокращался и беднел репертуар кинотеатров, национализированных и переданных в ведение отделов народного образования в Прикамье и на Среднем Урале весной 1918 г.²³⁸

Серость будничной жизни власти пытались скрасить организацией новых праздников. Так, Уфимский ревком постановил считать день открытия Учредительного собрания 28 ноября 1917 г. национальным праздником. Занятия в учебных заведениях и государственных учреждениях в этот день отменялись. (Впрочем, регулярной учебы в школах в это время и так не было. Классы самостоятельно принимали решение о перерыве занятий и, как жаловалась мать одного из учеников реального училища, «учи-

²³⁴ ОГАЧО. Ф 596. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.

²³⁵ Борьба за Советскую власть на Южном Урале. С. 406.

²³⁶ Уфимская жизнь. 1918. 21 февр.

²³⁷ Вольная степь. 1918. 27 июля.

²³⁸ Известия (Пермь). 1918. 5, 20 апр; Наш край. 10 апр.

теля и не думают протестовать против такого произвола малышей»²³⁹). В Вятке 12 марта 1918 г. было организовано празднование годовщины революции. Как и в прошлом году, порядок его проведения, включая последовательность построения манифестантов, подробно определялся специально созданной комиссией²⁴⁰. Празднование 1 мая на Урале в 1918 г., как и год назад, также прошло по строго расписанному сценарию.

Альтернативным «народным» способом «отдохнуть» от тяжких будней продолжало оставаться одурманивание алкоголем. О масштабах увлечения спиртными напитками, с которым власти тщетно пытались справиться, свидетельствует наличие в составе Вятского СНК в конце 1917 – начале 1918 г. двух комиссаров по борьбе с пьянством²⁴¹.

Нарушение еще накануне революции нормальной циркуляции товаров и хозяйственных связей между сельской местностью и городами, усугубленное борьбой Временного правительства и особенно большевиков против вольной торговли, ставило городское население в положение заложника деревенских настроений, которые все более насыщались ненавистью к власти и центрам ее дислокации – городам. Так, волостной сход Садырской волости Глазовского уезда на рубеже октября – ноября 1917 г. потребовал восстановления волостного правления и избрал волостного старшину. Как отмечал местный корреспондент, «население не платит подати, не дает хлеба для армии и населения. Цены на хлеб – 10 р. Процветает кумышковадение и пьянство»²⁴². В ноябре прекратился подвоз хлеба на ссыпные пункты в Сарапуле Вятской губернии: крестьяне отказывались продавать его по твердым ценам и, по словам современника «никакой власти не признают»:

«...вооруженной силы для воздействия нет. <...>

По деревням начались грабежи. Пока не утвердится власть, рассчитывать на подвоз хлеба нельзя. По Казанской ж[елезной] д[ороге] появились мешочники; милиция с ними справиться не в состоянии»²⁴³.

Власти пытались побороть мешочничество драконовскими запретами. В феврале 1918 г. к провозу было разрешено не более 20 фунтов продуктов, в том числе 10 фунтов муки или хлеба, двух фунтов масла и три фунтов мяса. Все, что обнаруживалось у обыскиваемого сверх этой нормы, подлежало конфискации, сопротивление каралось расстрелом на месте²⁴⁴.

Никакие меры, однако, не помогали. В мае, когда население Вятки судорожно искало хоть какое-нибудь съестное, пристани Уржумского и Малмыжского уездов были переполнены хлебными продуктами. Это изобилие предлагалось проезжающим частным скупщикам²⁴⁵.

Крестьянство стонало от государственных сборов зерна и прочего продовольствия, которые в условиях неорганизованности власти превращались в произвол. Симпатизировавший советской власти демобилизованный из армии сельский житель в письме в сельскую газету так описывал свои впечатления по возвращении в родную деревню:

²³⁹ Уфимская жизнь. 1917. 28 ноября.

²⁴⁰ Вятская правда. 1918. 8 марта.

²⁴¹ См.: Тимкин Ю.М. «Лапинская авантюра» в г. Вятка в феврале – марте 1917 г. / Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Т. I. Киров, 1995. С. 123.

²⁴² Вятская речь. 1917. 5 ноября.

²⁴³ Вятская мысль. 1917. 26 ноября.

²⁴⁴ Вятская правда. 1918. 26 февр.

²⁴⁵ Вятская мысль. 1918. 26 мая.

«...первым долгом слышу обвинения от крестьян на советскую власть. Более из-за того они волнуются, что наши же товарищи-красногвардейцы отбирают разные продукты, не давая никакого документа. Вот поэтому народ страшно недоволен. Крестьяне говорят, что они не знают, куда будут девать отбираемое. <...>

...советская власть теряет доверие перед народом, не давая никакого отчета»²⁴⁶.

Под шумок, под видом государственных реквизиций, шли грабежи сельского населения. Как-то ночью в деревне Шевели шестеро вооруженных солдат провели самочинный обыск, прихватив нехитрые крестьянские припасы: 3 фунта прессованного чая и 15 фунтов весового, 20 фунтов сахара, 2,5 фунта монпасье, 3 фунта изюма, 10 фунтов варенья, седло, пару подметок, треть фунта легкого табака, коробку гильз. Как свидетельствовал потерпевший, «...при требовании мандата один из солдат показал револьвер»²⁴⁷.

Практика сопротивления крестьян сдаче хлеба государству и насилия над ними зимой – весной 1918 г. была на Урале повсеместной. Мензелинская продовольственная управа, жалуюсь на скопление в уезде мешочников, в феврале 1918 г. констатировала: «Население не сдает хлеба; урожай яровых был ниже среднего: на излишек хлеба сверх потребности уезда нет надежды». К такому же выводу склонялась и Златоустовская продуправа: «...вывоза семян из пределов уездов ожидать невозможно»²⁴⁸. Тем не менее, по Уфимской губернии рыскали продовольственные отряды, отнимая якобы излишки продуктов. В деревню Карамалы Стерлитамакского уезда в феврале 1918 г. прибыл посланный уездным Советом отряд численностью 20 человек для отчуждения хлеба, продаваемого на базаре по свободной цене. Владельцы хлеба оказали солдатам сопротивление: часть солдат разбежалась, остальные были жестоко избиты. Эта история вызвала большой и разноплановый резонанс. С одной стороны, «случай этот напугал отряды, работавшие в соседних районах». С другой, – в деревню по этому поводу была направлена следственная комиссия и революционный трибунал. В следующем месяце Стерлитамакская городская продовольственная управа была в полном составе привлечена к суду Уфимского революционного трибунала за нарушение хлебной монополии: в декабре 1917 г. она скупала у крестьян хлеб по вольным ценам, платя 16 р. за пуд пшеницы²⁴⁹.

Картину произвола в южноуральской деревне передают заслуживающие точного воспроизведения жалобы крестьян на действия советской власти, поданные после ее падения летом 1918 г. Житель одного из сел Уфимского уезда П. И. Брусов написал в Карауловскую волостную земскую управу письмо с просьбой взыскать причиненные ему убытки с арестованных членов местного Совета:

«В марте месяце 1918 года, т.е. вовремя Большевицкой Власти, Карауловский Совет Крестьянских Депутатов во Главе Председателя Совета Федора Васильева Курдакова и других лиц входящих в Организации Красной Армии Насильственным Действием взяли с меня под угрозой ареста пять сот руб. (500 руб.) на таковую сумму имею квитанцию. Дали мне сроку на двадцать четыре часа (24 часа) в случае неуплаты угрожали мне тюрьмой, а я как мелкий крестьянин и чернорабочий не имея у себя такой суммы но подчиняюсь насилию совету. Я продал Корову. Которая нужна была для пропитания семьи а часть занял у людей и выдал Означенному Совету»²⁵⁰.

Мытарства южноуральского крестьянина воспроизводят эмоционально сдержанные строки заявления Ф. С. Елисеева из Карауловки, арестованного и направленного местным Советом в Катав-Ивановский завод в марте 1918 г.:

²⁴⁶ Вятская правда. 1918. 5 апр.

²⁴⁷ Там же. 31 марта.

²⁴⁸ Уфимская жизнь. 1918. 18 февр.

²⁴⁹ Там же. 24 февр., 21 марта.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

«Там под угрозой расстрела с меня требовали 25 тысяч рублей, но не имея такого состояния, если бы продал весь сельскохозяйственный инвентарь и скот, платить отказался, тогда меня как контрреволюционера посадили в холодное помещение, потом через несколько часов пришли, раздели и разули меня донага и разувши поставили на лед. Придя уже часов через пять стали просить уже пять тысяч рублей, при неуплате угрожали утопить или застрелить. Но я, согласившись продать скот и уплатить 3500 рублей, тогда они меня посадили уже в теплое, но темное помещение. Когда уже приехал мой сын и уплатил вышеуказанную сумму, то меня освободили.

По приезду меня в Карауловку с меня снова была наложена контрибуция так, что всего пришлось мне уплатить 3650 рублей, притом же шесть дней занимали лошадей для поездки Красной гвардии, а также несколько раз брали тарантас для поездки комиссаров и весь его разбили, так что ремонт обошелся – сто рублей. Кроме того по распоряжению местного совета ко мне было поставлено на квартиру и на хлеба каких-то три красногвардейцев, каковых я кормил три недели, и они мне ни за квартиру, ни содержание нисколько не заплатили. А ежедневно требовали мяса, яйца и т.д., при отказе всегда угрожали расстрелом»²⁵¹.

На территориях, находившихся под контролем Оренбургского казачьего войска, сельскому населению также не удалось избежать обязательных изъятий сельскохозяйственной продукции. Войсковое правительство 14 ноября 1917 г. опубликовало объявление, в котором населению Оренбургского войска было предложено в срок до 1 января 1918 г. подвезти и сдать излишки хлеба, согласно закону о хлебной монополии, на сыпные пункты. Не сданный в срок хлеб подлежал реквизиции по установленным твердым ценам и должен был вывозиться на станции за счет владельцев. Хлеб, добровольно вывезенный после 1 января, предполагалось принимать на 30% дешевле твердых цен, а реквизируемый – по половинной цене²⁵².

Сельские жители оказались между двух огней. Реквизиции ожидали их и со стороны антибольшевистского правительства, и со стороны наступавших красногвардейских отрядов, которым центральная власть предоставила карт бланш. Еще в декабре 1917 г. на запрос о снабжении «красных» частей И.В.Сталин ответил командованию Оренбургского фронта:

«Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышли сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте хотя бы в банке... Раз навсегда запомните нашу просьбу: когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем»²⁵³.

Поощряемые большевистской Москвой на самообеспечение «всеми средствами», советские боевые формирования и без того считали себя хозяевами на завоевываемой территории. Мирное население должно было снабжать приходящие войска всем необходимым, если хотело остаться в живых.

Но подлинная вакханалия беззакония началась в Оренбургской губернии после вытеснения отрядов атамана А.И.Дутова за пределы войсковой территории. Оренбургский военно-революционный комитет начал налагать непомерные контрибуции на казачьи станицы. Эта практика скоро вышла из-под контроля ВРК. Участники реквизиционных отрядов в счет контрибуции стали изымать скот, хлеб, семенной материал, часто деля конфискованное между собой. Продовольственные отряды, созданные по решению 1-го губернского съезда Советов в марте 1918 г., были направлены, в ка-

²⁵¹ Там же. Л. 7.

²⁵² Южный Урал. 1917. 14 ноября.

²⁵³ Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.: Сб. исторических документов и материалов. М., 1943. С. 134.

честве наказания станичников, в основном в Верхнеуральский и Троицкий уезды, казачье население которых в свое время поддержало войскового атамана. Их карательная миссия в отношении «провинившихся» казаков весной 1918 г. сделала жизнь в станицах невыносимой. Началось спонтанное формирование повстанческих казачьих отрядов, к которому А.И.Дутов, вытесненный с этих территорий, не имел, строго говоря, ни малейшего отношения. Ответом на широкомасштабную и интенсивную борьбу казаков против продовольственных отрядов стал массовый и беспрецедентный по своей жестокости террор. Не имея возможности справиться с неуправляемыми, подвижными повстанческими формированиями, большевистские карательные отряды обрушили невиданные репрессивные меры на мирное население. Расстрелы по малейшему поводу чередовались с артиллерийскими обстрелами населенных пунктов, в результате которых весной — в начале лета 1918 г. было сожжено около 4 тыс. жилых и хозяйственных построек в 19 станицах. Ущерб от артиллерийских налетов оценивался в 10 млн. р.²⁵⁴ Террор против казаков стал составной частью войны города против деревни и содействовал новому, еще более трагичному витку гражданской войны.

Первое полугодие большевизма: событийный горизонт «маленького человека». Читатель вправе возмутиться: где же здесь история? Где революция? Где великие события? Где взятие власти Советами и выборы в Учредительное собрание, укрепление советской власти и борьба с контрреволюцией? При знакомстве с материалами, позволяющими реконструировать революцию из перспективы «маленького человека», создается впечатление, что большинство «великих» событий 1917 г. прошло мимо простых людей, другими словами, не казалось им великими. Горизонт «обычного» горожанина заполняли будничные проблемы борьбы за существование, атрофируя интерес ко всему, что не было напрямую связано с поисками пропитания, заставляя оценивать различные явления с точки зрения продовольственной конъюнктуры. Возникает ощущение, что с этой позиции поздняя осень 1917 — весна 1918 гг. для обывателя были временем значительно более серым и невыразительным, чем предшествовавшие месяцы. Тягостные заботы о куске хлеба в предвкушении грядущего голода отодвигали на задний план, нейтрализовали всякую общественную ангажированность. Выборы в уездные земства в октябре 1917 г. прошли, в отличие от летних выборов в городские думы, без всякого подъема. В Златоусте, например, участие в них приняло лишь 3,7 тыс. человек из 26 тыс. избирателей²⁵⁵. Ни объявление дня созыва Учредительного собрания национальным праздником (Уфа), ни проведение выборов в него под патетическим лозунгом «Ни одного голоса на выборах в Учредительное собрание большевикам, этим злейшим врагам Родины и революции!» (Вятка)²⁵⁶ не было в состоянии превратить выборы в праздник или вызвать порыв политической активности в городах.

Даже война между Оренбургским войсковым правительством и красногвардейскими частями, вызывая определенные тревоги, все же не произвела большого впечатления. Настроение в Челябинске во время наступления «красных» на Оренбург в начале января 1918 г. передает газетная зарисовка гуляющей по Уфимской улице под назойливые крики мальчишек — «Вот папиросы: двадцать штук, деревянный

²⁵⁴ Подробнее см.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917 — 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 48 — 51.

²⁵⁵ Союзная мысль. 1917. 12 окт.

²⁵⁶ Вятская речь. 1917. 1 дек.

мундштук!» — публики: «Между отрывочными фразами о вчерашнем концерте и завтрашнем маскараде, между разговором об удавшемся или неудавшемся праздничном пироге, раздаются отрывисто и с досадою выговариваемые слова: “Троицк, казаки, Полетаево, большевики”...»²⁵⁷.

Для деревни большинство политических решений и событий всероссийского звучания были слишком далекой и чужой материей, чтобы вызвать адекватную реакцию. Обсуждение вопроса о выборах в Учредительное собрание в селе Михайловском Уржумского уезда, вероятно, несколько шаржированное пером репортера, тем не менее, достаточно точно передает беспомощность крестьян перед задачей сделать осознанный выбор. В ожидании членов управы крестьяне, созданные для разъяснения вопросов, связанных с Учредительным собранием, перекидывались репликами о том, за кого голосовать. Крестьяне — читатели уржумской «Крестьянской газеты» склонялись к поддержке эсеровского списка. Вернувшийся с фронта солдат поддержал список № 4 (Трудовой народно-социалистической партии). Дальнейшее обсуждение приняло неожиданный оборот:

« — А от какой партии был этот список? — спрашивают солдатика его односельчане.
— А кто его знает, — отвечает смущенный солдатик. — Сказано только, что номер четыре будет полезительнее.
— Ну нет, господа, уж если класть, так это номер 7-й или 11-й, — заявляет Вавило рыжий, — потому, сколько я замечал, на эти №№ выпадает, потому это самые счастливые»²⁵⁸.

В деревне шла поляризация политических симпатий, готовя благодатную почву для ожесточенной гражданской войны. По наблюдению корреспондента Ф.Вдовина, который в начале 1918 г. 16 дней ездил по Златоустовскому уезду для подготовки репортажа на тему «Настроения деревни», там после возвращения солдат-фронтовиков началась «большевизация». Деревня раскололась на два лагеря: солдаты и молодежь выступали за реализацию декрета о земле, «старики с учителями и попами» выступали против²⁵⁹.

Наживая все больше негативного опыта общения с внешним миром, деревня угрюмо замыкалась в себе, пропуская всю доходящую до нее информацию через заветную идею земельного раздела. Характерные зарисовки сельских настроений осени 1917 — весны 1918 г. оставил в своих мемуарах крупный уфимский землевладелец и общественный деятель, член кадетской партии с 13-летним стажем князь В.А.Кугушев. В ноябре 1917 г. он, разъясняя крестьянам большевистский декрет о земле, пытался убедить их создать трудовую коммуну на основе его имения. Однако доводы в пользу сохранения хорошо налаженного хозяйства на крестьян не подействовали. Идея коммуны провалилась, чему немало способствовали зажигательные речи юного эсера — сына местного лавочника. Когда спустя полгода, в апреле 1918 г., В.А.Кугушев вернулся из Самары в родное имение, «барин», которого с крестьянами связывали многолетние добрые отношения, был воспринят как лишняя фигура и главное препятствие на пути черного передела. В воспоминаниях В.А.Кугушева описан, видимо, один из наиболее гуманных способов крестьянского решения «помещичьего вопроса»:

«Поехал в имение, где начиналось разбазаривание и разорение. Остановился в квартире управляющего... Узнаю, что хозяйство разрушается; распоряжается всем предводк Пудевич, полубатрак, полукрестьянин, принесший с фронта хорошо заученные революционные фразы, смелый, энергичный, слабохарактерный и пьющий. Ярый и не вполне бескорыстный против-

²⁵⁷ Союзная мысль. 1918. 5 янв.

²⁵⁸ Там же. 19 ноября.

²⁵⁹ Уфимская жизнь. 1918. 25 февр.

ник коммуны, он тайно ведет агитацию против меня; мое присутствие стесняет и связывает его; он требует моего отъезда "по добру". Я отказываюсь: "пусть сход постановит". Село беспрепятственно митингует, во главе фронтовики. Жду, не зовут. Иду в село на почту. Из окна высунулась голова Пудеича: "Лександрыч, приходи на сход". Прихожу; среди гробового молчания протискиваюсь сквозь плотно заполнившую избу толпу к столу. Сажусь. За мной протискивается Пудеич, становится и, обращаясь к присутствующим, произносит громовую, трафаретную речь о кровопийцах, эксплуататорах-помещиках, грабивших, оскорблявших и унижавших крестьян, и о том, что их нужно стереть с лица земли.

Беру слово, соглашаюсь, что все это верно, но недоумеваю, какое это имеет отношение ко мне, который никогда, ни одного из них не оскорбил словом, который живет личным заработком, не пользуется доходами имения и преимуществами положения лично для себя; напомним недавние тюрьму и ссылку и т.д. Смотрю на замолкшую аудиторию и не могу уловить ни одного сочувственного взора. Возмущаюсь, повышаю голос, говорю, что требование Пудеича о моем изгнании оскорбительное и незаслуженное хулиганство. Никакого сочувствия, молчат и не смотрят в глаза. Пудеич формирует предложение: "выехать Лександрычу из имения в 24 часа, кто согласен, на месте, кто наспротив, подымай руку". Ни одной поднятой руки, ни одного обращенного на меня взора. "Дать две лошади и две коровы по выбору и домашние вещи". Глубоко взволнованный, встаю, кланяюсь: "Прощайте, завтра уеду..." Расступившись, пропустили, ни слова, ни звука, несколько молчаливых сочувственных, незаметных рукопожатий в задних рядах...²⁶⁰.

Большее впечатление, чем выборы в Учредительное собрание и его роспуск или боевые действия на Южном Урале, вызвали большевистские санкции против церкви в начале 1918 г. В Перми в качестве меры по отделению церкви от государства при юридическом отделе исполкома 6 марта был открыт отдел записи браков, рождений и смертей. Население было оповещено, что оно должно зарегистрироваться, так как метрики церковного причта утратили законную силу. Церковный обряд венчания мог отныне осуществляться только после регистрации брака, бракоразводные дела решались народным судьей, а не духовной консисторией²⁶¹. Если это нововведение не вызвало лихорадочного возбуждения, то отделение школы от церкви привело к скандальным эксцессам. В апреле в Шадринске был организован крестный ход и митинг в Преображенском соборе против запрещения преподавания закона Божия в школах. Родители решили не пускать детей в школы, а учителей содержать во время перерывов в занятиях за свой счет. В селе Щучье Оренбургской губернии, напротив, было решено, что «поп» в школе учит «контрреволюции». Обучение закону Божию не было отменено, но передано от священника учительнице народного училища²⁶².

Еще большую напряженность вызвали реквизиционные мероприятия большевистской власти по отношению к церкви. Когда в марте 1918 г. в Вятке под советские учреждения было реквизировано помещение духовной консистории, представители приходских советов и духовенства создали комиссию по охране церквей и церковного имущества с полномочиями заявлять протесты по реквизициям. Комиссии, по ее сообщению 20 марта, удалось договориться с Вятским Советом о недопустимости реквизиций без ведома Совета и комитета по охране церквей²⁶³. В Котельниче во исполнение большевистского декрета уездный исполком распорядился составить описи церковного имущества и изъять золотые и платиновые предметы весом более 13 золотни-

²⁶⁰ Цит. по: Писаренко Е.Э. Либеральная аристократия и революция (князь В.А.Кугушев) / Русский либерализм: исторические судьбы и современность. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 559 – 560.

²⁶¹ Известия (Пермь). 1918. 7 марта.

²⁶² Там же. 26, 27 апр.

²⁶³ Наш край. 1918. 6 апр.

ков. Эта мера вызвала волнения среди крестьян. В селе Покровском жители 12 мая избили солдата, предложившего добровольно отдать церковные ценности, крича, что «они по копейке собирали на священные сосуды». На следующий день представитель исполкома вынужден был покинуть бурливший возмущением Казаковский волостной сход, чтобы не рисковать собственной жизнью. В селе Молотниково 14 мая оратор не успел ретироваться. Толпа убила его, раздробив ему череп. В самом Котельниче прихожане Николаевской городской церкви отказались отдать церковные ценности и избили прибывшего для их изъятия солдата. Паства разошлась лишь тогда, когда исполком выслал к церкви солдат с пулеметом²⁶⁴.

Настроения населения Урала не поддаются широкому обобщению в рамках накатанных клише об усилении или убывании симпатий к большевикам. Атомизация общества проявлялась, помимо прочего, в поляризации реакций на происходящее. В толпе у Николаевской церкви звучали не только выкрики против ограбления церкви, но и предложения «расстрелять попов», которые мутят народ. Если в Кунгуре власти приняли решение поставить памятник К.Марксу к 100-летию со дня его рождения, то в Баранчинском заводе жители потребовали вернуть на прежнее место бюст Александра II, который и был водружен, правда, обшитый тесом²⁶⁵.

Прочие события, которые в дореволюционное время были бы записаны в разряд исключительных и вызвали бы всеобщие толки, теперь стали рутиной и не казались достойными обсуждения. Газеты пестрели привычными сообщениями о преступлениях и самосудах в городах и деревнях. В Екатеринбурге 2 декабря 1917 г. водили по городу солдата-вора. С середины ноября 1917 г. в Оренбурге орудовала шайка Ф.Кудряшова. Бывшие каторжане-грабители совершали свои преступления, переодеваясь по вечерам в солдатскую и офицерскую форму. В конце первой декады декабря все они, кроме главаря, были задержаны. К концу декабря участились случаи хищения грузов из товарных вагонов. В Вятке 23 января 1918 г. публичной казни у Александровского собора были подвергнуты пять грабителей во главе с В.А.Лубягиным, представлявших при вооруженных ограблениях «большевиками» и пойманных за несколько дней до этого Северным летучим отрядом. Горожанам трудно было отличить уголовников, выдававших себя за представителей власти, от стражей порядка, совершавших уголовные преступления. Ошибка при срывании масок на этом маскараде грозила смертельной опасностью. В марте 1918 г. неизвестные в солдатской форме учиняли обыски и конфискации в квартирах вятских горожан. В конце того же месяца общее собрание членов РСДРП(б) заслушало доклад коллегии по реорганизации Красной гвардии в Вятке. Были признаны факты самочинных арестов, обысков и конфискаций и необходимость чистки красногвардейских формирований, состав которых был пестрым и случайным, включая и бывших преступников, и бывших полицейских²⁶⁶.

Грабежи и убийства, воровство и самосуды широко распространились и в сельской местности, особенно в связи с наплывом мешочников. Чишминский элеватор в Уфимском уезде в этой связи просил о присылке вооруженной охраны из шести человек. Деревня все в большей степени автономизировалась и обретала абсолютную самодостаточность, не нуждаясь в опеке властей и не признавая никакой власти. Крестьяне сами чинили суд и расправу. В январе 1918 г. 38 крестьян четырех деревень Вятской губернии постановили убить владельца мельницы А.Ф.Галкина, ко-

²⁶⁴ Вятский голос. 1918. 21 мая.

²⁶⁵ Зауральский край. 1917. 21 дек.; Известия (Пермь). 1918. 27 апр.

²⁶⁶ Зауральский край. 1917. 5 дек.; Южный Урал. 1917. 15, 30 дек.; Вятская правда. 1918. 26 янв., 19 марта, 7 апр.

торый вечером того же дня, 11 января, был расстрелян²⁶⁷. В марте в селе Светлом Сарапульского уезда по постановлению схода были убиты два крестьянина, заподозренные в краже сена, 6 апреля жители села Рохино Вятского уезда подвергли самосуду односельчанина по подозрению в грабеже и убийстве²⁶⁸. Акты беззакония венчали аграрную революцию.

Первый год русской революции 1917 г. имел свою оборотную — малоизвестную и неприглядную — сторону, заслоняемую густой чередой «исторических» событий при взгляде сверху или извне. Нарастание продовольственных трудностей и бытовой неустроенности, ураганное распространение преступности и беспомощность власти, безнаказанные выходки расхристанной солдатни и обслуживающего персонала распределительных органов, бесчинства то опьяненной свободой, то скотски пьяной толпы и террор пугающихся собственной слабости властных структур — вот что видел «маленький человек» в 1917 — начале 1918 г. Изнанка революции составляла его будни, вытесняя праздничные настроения и радостные ожидания, которые сменялись хмурым озабоченностью и угрюмым ожесточением. Никто не знал, что будет завтра, надеясь на лучшее, но подозревая худшее.

²⁶⁷ Уфимская жизнь. 1918. 6 февр.; Вятская правда. 1918. 24 февр.

²⁶⁸ Наш край. 1918. 3, 9 апр.

2.2. Жизнь в калейдоскопе режимов (середина 1918 – середина 1919)

*«Война, а в особенности гражданская,
сама себя кормит и пополняет!»*

А.А. фон Лампе

Освободители поневоле. В последних числах мая 1918 г. обыватели Челябинска имели возможность прочесть в местной прессе обращение «Ко всем гражданам», составленное от имени съезда чехословацких войск в Челябинске его представителем Змартой:

«Резолюция съезда депутатов чехословацкой революционной армии решительно опровергает все нападки, – будто бы чехословацкое войско было отправлено национальным Советом на французский фронт против желания части войска. Съезд смотрит на эти провокационные нападки, как на стремление разбить наши стройные ряды и поэтому... в качестве полномочного представителя всех чехословацких солдат заявляю, что отправка во Францию осуществляется по желанию всего войска и по приказу нашего народа... Мы твердо решили осуществить эту отставку, несмотря на препятствия со стороны кого угодно. Об этом твердом желании чехословацкого войска доводим до всеобщего сведения»¹.

Текст заявления касался исключительно внутренних проблем Чехословацкого корпуса, отправленного весной 1918 г. по договоренности между центральной советской властью и странами Антанты на Дальний Восток для переброски в Европу с целью участия в боевых действиях против Германии. Воззвание было одной из реакций на незапланированную остановку движения во Владивосток и вызванных ею инцидентов. Именно как частное дело чехов, скопившихся на челябинском железнодорожном узле в количестве более 12 тыс. человек, было воспринято их вооруженное выступление местными властями. Через два дня после опубликования воззвания чехов исполком местного Совета обратился к челябинцам с разъяснением происходящего:

«Граждане! 27 мая произошло вооруженное выступление чехословаков с целью обеспечить себе свободу проезда во Владивосток, а оттуда во Францию. Действия Советской власти во внутренней жизни города, как и уезда, остаются в полной законной силе. Объявляя об этом, исполнительный комитет призывает всех граждан к спокойствию и предупреждает, что всякая попытка внести смуту и посеять ложные слухи получит должное»².

Помещенная в том же номере газеты зарисовка настроений населения не оставляет сомнений, что и самим населением вооруженный конфликт в городе воспринимался как случайный эпизод:

«Теплый майский день. На улицах оживление. На перекрестках Уфимской собираются кучки прохожих... Общее настроение выжидательное... все питаются слухами. Особого возбуждения незаметно, и на разыгравшийся инцидент большинство смотрит как на недоразумение, которое на днях наладится... А солнце ярко светит».

Пресса заверяла горожан, что «конфликт, вероятно, быстро уладится»³. Современники и очевидцы имели, впрочем, весьма смутное представление о происходящем.

Многие обстоятельства чехословацкого «мятежа» до сих пор не вполне ясны, отдельные детали противоречивы и с трудом поддаются точной реконструкции и од-

¹ Трудовая мысль. 1918. 28 мая (Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1918 – 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 62).

² Там же. 30 мая. (Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч., С. 62).

³ Там же. 28 мая.

нозначной интерпретации. Остановка движения Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали вызвала среди легионеров тревожные настроения и самые мрачные предположения, вплоть до слухов о предстоящей выдаче их германскому командованию. Измученные долгой дорогой и пугающей неясностью своего будущего, эти люди представляли собой массу, способную взорваться агрессивными действиями при первой же okazji. Нервозный настрой в эшелонах создавал благоприятную обстановку для конфликтов. Один из инцидентов между их «пассажирами» привел 14 мая к трагическим последствиям. Его жертвой стал И.Малик — по одной версии современников пленный венгр, по другой — чех. Различные источники сообщают об убийстве чехами пленного мадьяра, который то ли в ссоре ранил ножом в голову одного из их товарищей⁴, то ли угодил в голову чешского солдата — по неосторожности или целенаправленно — ножкой от походной чугунной печки, брошенной из окна вагона⁵. 17 мая 10 чехословацких легионеров были арестованы следственной комиссией Челябинского Совета по подозрению в убийстве. Этот акт вызвал возмущение среди чехов, подтверждая, казалось бы, самые худшие предположения о том, что ожидает в перспективе весь корпус. По газетным слухам, чехи вооружились и потребовали освобождения своих товарищей, и Совет принял срочное решение выполнить эту просьбу. Инцидент, как казалось читателям прессы, был исчерпан, или близился к своему завершению. Порядок был восстановлен, в городе было введено военное положение.

Однако местные власти допустили ряд ошибок, приведших к необратимым последствиям. Были арестованы два чешских солдата и офицер, прибывшие в штаб охраны города для переговоров о судьбе своих товарищей. Недоразумения и случайности громоzdились друг на друга. В местных «Известиях» информация следственной комиссии, созданной для расследования инцидента, была опубликована с досадными опечатками, искажавшими смысл его официальной интерпретации. Вместо слов «они не идут против советской власти» было напечатано «они идут против советской власти» вместо «мирным путем, без вооруженного выступления» — «мирным путем вооруженного выступления». Следственная комиссия обратилась в этой связи с письмом в редакцию для разъяснения своей позиции⁶, но было поздно. В воскресенье, 26 мая — за сутки до призыва руководства Чехословацкого корпуса арестовывать представителей советской власти — по Челябинску были расклеены объявления чехословаков о причинах их выступления 17 мая. В 2 часа ночи на понедельник чехи без труда взяли под контроль весь город — в отсутствие большей части гарнизона, отправленной под Оренбург, ждать сопротивления было неоткуда. Были окружены важнейшие государственные учреждения и предприятия, обезоружены находившиеся в Красных казармах красногвардейцы, захвачены большие запасы винтовок, артиллерийские орудия, пулеметы. На важнейших постах были выставлены часовые, на мосту через р. Миасс организована застава с четырьмя пулеметами. С утра 27 мая на улицах появились чехословацкие патрули. Однако до 31 мая ситуация оставалась неясной, и оснований для большого беспокойства не ощущалось. В городе было относительно спокойно, лишь кое-где на перекрестках собирались толпы любопытствующих и вспыхивали импровизированные митинги. Совет беспрерывно заседал в номерах Дядина, охраняемых че-

⁴ Трудовая мысль. 1918. 24 мая.

⁵ См.: Перебийнос Е.В. Причины выступления чехословацкого корпуса (новые подходы) / Исторические чтения: материалы научной региональной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск, 1998. С. 73.

⁶ Трудовая мысль. 1918. 29 мая.

хословацким часовым, продолжали выходить «Известия». Главным требованием чехословацких отрядов оставалась незамедлительная отправка во Владивосток.

Взятие чехословаками власти в Челябинске произошло удивительно гладко, бескровно, без драматичных эксцессов. Из перспективы очевидцев этот «переворот» выглядел лишенным малейшего героического флера. В записках бывшего акцизного чиновника К.Н.Теплоухова, который в момент чехословацкого «мятежа» служил в доживавшем, милостью местных властей, последние дни Челябинском военно-промышленном комитете, это событие приобрело ироничное звучание:

«27-го мая я пришел в К[омит]ет раньше обыкновенного, почти никого еще не было. "Знаете новость?" – спрашивает швейцар Григорий. "У нас теперь главные – чехи!" – "Как так?" – "Сегодня ночью чехи пришли в казармы, выгнали, кто там был – стали хозяевами!"

Начали собираться... Новость уже облетела город; всем хотелось поделиться своими сведениями, узнать новые.

Выяснилось, как произошел "переворот" – оказалось очень просто...

Ночью к казармам пришло несколько десятков чехов с винтовками; стража у орудий у казарм безмятежно спала, – ночь была теплая... Чехи разбудили стражу: "Вытряхивайтесь, товарищи! Ваше время отошло!", – те благоразумно ретировались. Чехи вошли в казармы, – то же самое, – исчезли и те. Выстрелов никто не слышал.

Новые правители узнали о "мятеже" еще ночью, и к утру все бесследно исчезли – точно провалились сквозь землю. Чехи их не преследовали и не искали, но некоторых потом поймали казаки в поселках и доставили в город»⁷.

Весь инцидент в Челябинске в мае 1918 г. прошел по сценарию его величества случая. Однако именно он, задрапированный большевистским руководством, а затем и историографией в подозрительно гладко отутюженное одеяние коварного антисоветского заговора, заранее спланированного Антантой, получил статус официального начала гражданской войны в России. Очевидная случайность превратилась в шанс избавиться от большевизма. Для его противников Чехословацкий корпус – фактически единственная организованная и независимая сила на пребывавших в хаотическом состоянии центральных и восточных территориях страны – оказался неожиданной козырной картой. Появилась возможность свести счеты за месяцы пережитых унижений и страха. Так воспринималось происходящее не только охваченными воодушевлением сознательными и организующимися противниками Советов и большевиков, но и стихийно возникающей обывательской толпой. Очевидец челябинских событий оставил живую зарисовку настроений на улицах города 28 мая:

«...почти ежеминутно среди разбитой на группы толпы слышались резкие возгласы: тов[ариш] чех – арестуйте вот этого или того, это большевик, или темные личности, рассыпавшиеся в толпе, разными подходами заводят спор, и если втянувшийся противник начал резко возражать, то сейчас ему кричат – ты большевик! Тов[ариш] чех, возьмите и арестуйте его, ну! и уводят всех...»⁸.

Негаданное появление новой силы совпало с неутоленной жадой отмщения реальным или мнимым обидчикам. Чехословацкий корпус против своей воли оказался вовлеченным в российскую трагедию невиданного масштаба.

Значительная часть уральского населения восприняла известие о чехословацком выступлении со вздохом облегчения. Корреспондент «Уральского хозяйства» – екатеринбургского ежедневника, который и при большевиках находился в откровенной оппозиции режиму и не стеснялся в выражениях при характеристике новых порядков, – подводя итог пережитому периоду, писал:

⁷ Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899 – 1924. Челябинск, 2001. С. 323.

⁸ ООГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д.326. Л. 184.

«То, что должно было произойти, чего мы все так трепетно ждали, свершается:

– Большевизм падает. <...>

Все мы перестрадали, все мы пережили достаточно всяких ужасов, унижений, грабежей, насилий, у всех у нас сердце точит червь отвращения к житейским "порядкам", установившимся "рабоче-крестьянским правительством"»⁹.

Однако не только представители бывшего «просвещенного общества» приветствовали изгнание большевиков. Уральское крестьянство и оренбургское казачество, поднимавшие повстанческое движение с весны 1918 г., летом словно бы обрели второе дыхание. Бессудные расправы с партийными и советскими работниками приобрели столь широкий размах, что антибольшевистские власти вынуждены были протестовать против самочинных репрессивных акций снизу¹⁰.

Через полгода после установления на Урале «диктатуры пролетариата» против нее выступили уральские рабочие. О шаткости позиций Советов, которые оказались лишенными в регионе всякой поддержки населения, свидетельствует направленное в Москву описание ситуации на Среднем Урале в начале лета 1918 г.:

«На целом ряде заводов свергнута Советская власть. Рабочие массы, спровоцированные белогвардейцами, в особенности меньшевиками и правыми эсерами, озлобленные ухудшением продовольствия и раздраженные неумелой постановкой разрешения целого ряда вопросов, связанных с национализацией всей уральской промышленности, подняли форменное восстание против Советов.

Особенно резко выступают фронтовики, заявляющие, что они раньше всего пошлют на борьбу с чехословаками откупившуюся буржуазию, потом красноармейцев и в конце пойдут сами.

Верхне-Нейвинские рабочие в количестве 500 человек ведут уже более 18 часов форменный бой с советскими войсками. В их руках пулеметы и даже бомбомет. Руководит ими опытная военная рука. В самом городе Екатеринбурге рабочие Верхне-Исетского завода на многочисленном митинге не давали говорить представителям Советской власти и заявляли, что с чехословаками у них никакой вражды нет.

Красноармейские части пока стоят на стороне Советской власти, но настроение их непрочное. В активных действиях против контрреволюционеров принимают участие только интернациональные роты и партийные дружины большевиков и левых эсеров...»¹¹.

Озлобление населения, уставшего от хаоса советского властвования, открыто проявившееся в начале лета 1918 г. благодаря чехословацкому «мятежу», способствовало легкому падению большевистского режима на многих территориях Урала. Для жителей региона начинался период новых испытаний.

Жизнь на грани смерти (лето – осень 1918 г.). Особенностью повседневной жизни на Урале в течение года, начиная с лета 1918 г., стала неизвестная до того времени незащищенность личной безопасности человека. В условиях смены режимов, непосредственной близости зоны боевых действий, введения военного положения и связанных с этим ужесточением контроля над гражданским населением и интенсификацией репрессивных мер по отношению к действительным и потенциальным врагам резко возрос риск человеческого существованию. Выходя утром из дома на службу или поиски пищи, люди не были уверены, вернутся ли обратно.

Некоторым опытом обитания в гуще военных операций и прифронтовом режиме к началу лета 1918 г. на Урале обладало лишь население южной окраины региона – тер-

⁹ Уральское хозяйство. 1918. № 38 – 41. С. 3, 4.

¹⁰ См., напр.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 65.

¹¹ Цит по: там же. С. 59.

ритории Оренбургского казачьего войска, руководство которого отказалось признать советскую власть. Бежавший из большевистского плена в Оренбурге во время наступления на город казаков в ночь с 3 на 4 апреля 1918 г. лидер башкирских автономистов А.З.Валидов так описал свои впечатления об обстановке в городе:

«Вокруг свистели пули. Одна пробилла мне одежду. Стреляли со всех сторон. Некоторые дома горели. На улицах валялись трупы. Я шел, лавируя между ними»¹².

Вскоре после второго прихода к власти в Оренбурге в начале июля 1918 г. атамана А.И.Дутова одна из местных газет с обертонами самобичевания подвела итог изменениям человеческого поведения под воздействием ситуации повышенной опасности:

«Ужасы жизни превратили нас в эгоистов, изо дня в день и из часа в час ожидавших над собою грубого насилия и кровавой расправы.

При таких условиях, большинство перестало интересоваться чем бы то ни было, кроме собственной драгоценной жизни и ее поддержания, и готово было броситься и к большевикам, и к черной сотне, лишь бы гарантировать себе спасение и насущный хлеб»¹³.

Более дифференцированную картину пережитого оренбуржцами в январе – июне 1918 г. представил стихотворный фельетон «Этапы», опубликованный через две недели после триумфального возвращения А.И.Дутова. В нем каждый из месяцев тягостного полугодия был сопряжен с новым опытом. Январь был наполнен репрессиями:

«Появились комиссары,
Трепещи же, человек!
Шашку, китель, шаровары
Во дворе зарыл я в снег».

Февраль 1918 г. сопровождался наложением на имущие слои населения непомерных контрибуций, а в марте большевистский террор, по впечатлениям автора, еще более усилился:

«В марте глубже всяк зарылся,
Только выгляни – каюк.
А язык наш превратился
В настоящий «волапук».

Там Совдепы, Совнаркомы,
И Викжель, и Викжедор,
Совнархозы, Исполкомы
И тому подобный вздор».

В апреле в связи с возобновлением под самым Оренбургом военных действий прекратилась железнодорожная связь с Самарой. Обыватели боялись выставлять рамы и выходить из дома дальше крыльца. В мае началась осада города казаками, каждый день слышались ружейная стрельба и грохот пушек. Июнь прошел для горожан в парализующем страхе: предвидя возможный уход, власти усилили репрессии в отношении населения, осуществляя ежедневные расстрелы:

«Лишь одна в ходу игрушка -
Будь ты прав или не прав, -
Всюду «мушка», только «мушка»,
Кроме «мушки» – нет забав»¹⁴.

Однако и в обстановке осадного положения будни шли своим чередом. Один из участников Уфимской боевой организации народного вооружения, направленной на

¹² Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 150.

¹³ Вольная степь. 1918. 27 июля.

¹⁴ Оренбургский казачий вестник. 1918. 19 июля.

оборону Оренбурга, описал городскую жизнь поздней весной и в начале лета 1918 г. следующим образом:

«С наступлением темноты на улицах можно было встретить большие наряды конных и пеших патрулей; каждый стоящий в городе отряд считал своей обязанностью выслать патруль; связь между частями была слаба и это часто приводило к перестрелкам между патрулями, а на окраинах города перестрелка с казаками была постоянным явлением. В эту перестрелку ввязывались пулеметы, а иногда и бомбометы...

Ружейная трескотня, мелкая дробь пулеметов была привычна обитателю Оренбурга. Только с наступлением света наступала как будто обыденная жизнь. Открывались магазины, рынки, на которых можно было купить решительно все, причем николаевские, керенские и дутовские деньги не конкурировали между собой.

Городскую жизнь днем ничто не нарушало. Только количество похорон даже на первый взгляд говорило, что город живет не совсем обычной жизнью. Днем производились похороны убитых за ночь в перестрелке и привезенных с передовых постов»¹⁵.

В первом номере газеты «Оренбургский казачий вестник», вышедшей после занятия города отрядами А.И.Дутова, описывались свежие впечатления о проведенных в тревоге последних двух ночах накануне ухода «красных»:

«В разных частях города одновременно производились обыски, массовые аресты.

О праве на обыск, о разрешительных мандатах никто не смел и спрашивать.

Забирали одежду, продовольственные продукты, а местами... забирались ценные вещи, серебро, золото, деньги, ковры, зеркала, словом, все, что приглянется.

На протесты владельцев реквизируемого следовали угрозы оружием.

Аресты в некоторых случаях сопровождались расстрелом. Например, долго лежали на набережной три трупа расстрелянных.

По улицам города, по направлению к Уралу, целые дни ехали воинские повозки, нагруженные военным снаряжением и всяким скарбом. Неслись грузовики, нагруженные хлебом, мукой и другими припасами.

Вихрем мчались верховые отряды красногвардейцев, спешно прогонялись целые косяки лошадей, табуны коров, баранов. <...>

Целые ночи шла беспорядочная артиллерийская и ружейная стрельба»¹⁶.

Не удивительно, что население, пережив месяцы в буквальном смысле слова на линии огня, радостно встречало казаков, вернувшихся в Оренбург, в надежде, что пережитые испытания остались позади. Празднично одетые жители города и окрестных станиц приветствовали отряды А.И.Дутова цветами и хлебом-солью. Как вспоминал один из его активных сподвижников, «...многие, испытав советы, встречая нас, от радости плакали»¹⁷.

Волны крупномасштабного большевистского террора в первой половине 1918 г. захлестнули и оренбургскую станицу и деревню. Не имея ни сил, ни желания выяснять степень лояльности мирного населения к советскому режиму, власти терроризировали его реквизициями, контрибуциями, уничтожением имущества, расправами или угрозами расправ, не разбирая, кто прав, кто виноват. Население Оренбуржья в полной мере вкусило все «прелести» пребывания на территориях, ставших ареной гражданской войны.

К лету 1918 г. весь Урал напоминал прифронтовой бивуак. Даже в тех городских центрах, которые пока лежали в стороне от линии фронта, лихорадочно пульсировал ритм военного времени. Прибыв, например, в пока еще в «красную» Уфу, современник видел такую картину:

¹⁵ Баландин. Воспоминания уральского партизана (1918 г.) // Пролетарская революция. 1926. № 8. С. 165.

¹⁶ Оренбургский казачий вестник. 1918. 4 июля.

¹⁷ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Шанхай, 1932. С. 53.

«Весна. В городе оживление. Плавно несутся военные автомобили, то там, то сям крупной рысью пролетают конные дружины, стучат извозчицы пролетки; поблескивая штыками, проходят небольшие части рабочих дружин.

На тротуарах трудно разойтись, мелькают красные лампасы, кожаные куртки, белые козыньки сестер милосердия, большие, украшенные красными лентами, малахаи башкирцев. Почти все вооружены.

По улицам расклеены воззвания, зовущие боевые организации защищать революцию до последней капли крови. Небольшой купеческий город напоминает военный лагерь. Преобладает рабочая молодежь»¹⁸.

Вскоре, однако, выяснилось, что надежды населения, уставшего от большевистской манеры властвования, на более надежную перспективу были преждевременны. Смена (или угроза смены) власти сопровождалась кризисом властных структур, который создавал простор для произвола и благоприятствовал эскалации насилия. Официальная реорганизация и чистка государственных учреждений сопровождалась стихийными расправами с различно интерпретируемыми виновниками народных страданий и актами мщения на личной почве. Слабая власть пыталась компенсировать свою неэффективность в решении наиболее актуальных проблем демонстрацией силы, восстановить порядок насильственными мерами военного времени. В результате население как территорий, на которых советская власть была сметена антибольшевистскими режимами, так и тех частей Урала, где ей удалось удержаться, пережило две волны террора — летом — осенью 1918 г. и весной — летом 1919 г., который до этого практиковался в миниатюре на территории Оренбургского казачьего войска в первой половине 1918 г. Хронологически обе полосы насилия были связаны с решающими периодами боевых действий и переходами власти в регионе из рук в руки.

Первая из них открылась чехословацким «мятежом», что, однако, не означает, что она инспирировалась или осуществлялась руками чешских легионеров. Созданный в Челябинске альтернативный Совету Комитет народной власти с самого начала своего существования был озабочен масштабом спонтанных расправ снизу и со стороны военных властей над местными большевистскими или советскими работниками. Реакцией на самочинные аресты, избияения и убийства стало его постановление, опубликованное в начале июня, спустя считанные дни после выступления чехословаков:

«Решительно протестуя против производящихся арестов и обысков среди рабочих и граждан, войти в требование к начальнику гарнизона полковнику Н.Г.Сорочинскому о немедленном прекращении произвольных арестов и обысков, о немедленном привлечении к ответственности лиц, производивших такие аресты»¹⁹.

Однако поставить под контроль гражданской власти разгулявшиеся казачьи отряды было непросто: военные инстанции превращались в самостоятельную силу, мало считаясь с распоряжениями, исходящими со стороны. Вскоре помещений челябинской тюрьмы уже не стало хватать для вновь арестованных, и под арестный дом пришлось приспособить часть помещений номеров Дядина²⁰. Упомянутый глава челябинского гарнизона, не взирая на постановление Комитета народной власти, продолжал поощрять инициативу «молодцов-казаков» по вылавливанию советских работников как в городе, так и за его пределами²¹.

¹⁸ Баландин. Указ. соч. С. 159.

¹⁹ Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 65.

²⁰ См.: Гражданская война на Южном Урале. 1918 — 1919: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 161.

²¹ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 66.

Не меньшее насилие чинили вытесняемые из Оренбуржья «красные» отряды. В Орске красноармейцы соединения, прибывшего из Актюбинска 5 июля 1918 г. в количестве 600 человек, 7 июля на своем собрании приняли постановление о повальных обысках. Все ценности были реквизированы. Протесты рабочих по поводу реквизиций, проходивших под руководством начальника конного отряда Логинова, вынудили вернуть награбленное, однако большая часть его миновала законных владельцев. Пожар винного склада в Орске 31 июля вызвал, как и во время «пьяной революции» 1917 г., грабежи, дополненные на этот раз расстрелами без суда, жертвами которых стали 40 человек (по другим данным — 11 интеллигентов и несколько рабочих, воспротивившихся мобилизации). Неделью спустя в заложники было взято 65 купцов, с которых была затребована контрибуция в 3,5 млн. р., обязательная к выплате в течении суток. Наличными удалось собрать 1,5 млн. р., остальное было принято облигациями «займа свободы» выпуска 1917 г. Еще через четыре дня — 10 августа — красноармейцы отыгрались на мирном населении за свое поражение под Куманской горой. Войдя в город, они открыли по нему беспорядочный огонь, дополнив его очередными грабежами. Население было запугано постоянными угрозами расстрелов²².

Расправы красноармейцев над крестьянами в Орском уезде сменились в августе казачьим произволом. Как отмечала одна из оренбургских газет, «плеть на станции Сара и в окрестных селах гуляет довольно часто по малейшему доносу, по малейшему поводу»²³.

Самочинные расправы лета 1918 г. дополнялись жестокими санкциями властей. Вскоре после возвращения в Оренбург, 11 июля 1918 г. А.И. Дутов издал приказ № 85, согласно которому на жителей пригородных слобод Нахаловка, Новые Места, Кузнечные Ряды и на иногородних, проживающих в Форштадте, за активное участие — совместно с большевиками — в грабежах мирных жителей налагалась контрибуция, которая должна была быть уплачена не позднее полудня 19 июля²⁴. Приказом № 90 коменданта Оренбурга от 23 сентября 1918 г. из города и его окрестностей в 6-дневный срок высылались германские, австрийские, турецкие и болгарские подданные вместе с членами их семей. Приказ о высылке подданных держав, воевавших с Россией, не распространялся на лиц славянского происхождения, но был обязателен для евреев²⁵.

Не меньший хаос, чреватый многими опасностями для жизни жителей, объял летом — осенью 1918 г. Уфимскую губернию, перешедшую в сферу влияния Комуца. Покидая пределы губернии, красногвардейцы немало постарались для дезорганизации жизни сельской местности. Так, в июне 1918 г. состав исполкома Леузинского волостного совета крестьянских депутатов и штаб боевой организации вместе с красногвардейским отрядом покинули волость, «захватив с собой всю наличность денег, принадлеж[аш]их Леузинской волости, денежные книги и документы, весь июнь означенный отряд красногвардейцев ходил по селениям Златоустовского уезда, занимался грабежами, убийствами и всякого рода насилиями...» Несколько раз отряд вступал в бой с народным ополчением, дважды возвращался в Леузы, прежде чем соединиться с уфимским отрядом и уйти на станцию Кропачево. В июле, когда стало известно, что члены «красного» формирования наконец-то пойманы, крестьяне обратились к новым властям с просьбой выяснить, куда девались 150 тыс. р. волостных денег и документы²⁶.

²² Борьба. 1918. 25, 31 авг.

²³ Там же. 22 авг.

²⁴ Гражданская война в Оренбуржье (1917 — 1919 гг.): Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 151.

²⁵ Оренбургский вечер. 1918. 25 сент.

²⁶ ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

Не легче было и при «белых». По воспоминаниям С. Шапурина, 10 – 11 июня карательный отряд арестовал на станции Вязовая 48 железнодорожных рабочих. В ночь с 12 на 13 июня 10 из них были казнены. Последующее вскрытие могил показало, что они были «замучены зверским образом»: на их трупах были обнаружены следы сабельных ударов, переломы, штыковые и огнестрельные раны, следы ударов прикладами. Часто расправы обрушивались на случайных людей, не причастных к революционной деятельности. Так, в Сатке был убит рабочий В. Т. Алаторцев, исполнявший при советской власти должность судьи. В свое время он разбирал дело торговца тухлой рыбой, наложив на него штраф. По доносу обиженного ответчика он был расстрелян чешской разведкой²⁷.

Печально могло закончиться появление на улицах города в нетрезвом виде. Некто С. М. Кизленко, содержащийся в уфимской тюрьме, направил 27 сентября 1918 г. прошение в Уфимскую губернскую следственно-юридическую комиссию. Его малограмотное послание, точно воспроизводящее недоумение «маленького человека» по поводу происходящего, передается без исправлений:

«я был пьян 20-го августа и арестован препровожден в комендантское и отправлен был на другой день в арестный дом и было сказано, что на 3-й день – самое позже я буду свободен, но я уже – слава Богу месяц сижу и не знаю за что меня так долго держат не допросу, не суда, и даже неизвестно, где мое дело. [В] контрразведке ничего нету, комендант ничего не отвечает на поданное заявление»²⁸.

Любой горожанин мог серьезно пострадать и без всякой вины, став жертвой дурного настроения представителя новой гражданской или военной власти. Так, 2 ноября 1918 г. в одну из кофеен Уфы зашел неизвестный господин в штатском платье и потребовал стакан кофе. Прислуга попросила оплатить заказ мелочью, так как в кассе разменной монеты не было²⁹. Посетитель стал в повышенных тонах требовать подать ему кофе, заявив, что он «ничего не признает». Один из служащих кофейни, некто Лукин, попросил нервного гостя вести себя приличнее и подтвердил невозможность разменять предложенную неизвестным «керенку». Последний удалился в возбужденном состоянии, пригрозив Лукину расправой. И действительно, час спустя он вернулся в офицерской форме в сопровождении пяти солдат и приказал арестовать перепуганного служащего. Несчастного усадили в коляску, увезли к вокзалу, и, завязав глаза, отвели в товарный вагон, где велели раздеться. Лукину «высыпали» 20 «горячих» и отняли у него около 700 р.³⁰

Наибольшие притеснения терпела уфимская деревня, принявшая активное участие в разделе помещичьей собственности, обильной в этой губернии. Воспоминания В. А. Кугушева, изгнанного крестьянами из своего имения в апреле 1918 г., отражают драматизм ситуации, в которой через два месяца оказалось сельское население:

«Июнь 1918 г. Уфа. Комуч. Самара, как и Уфа, в руках чехов. Приезжаю в Уфу, узнаю, что один из предводителей дворянства собрал отряд помещичьих сынков и направил в карательную экспедицию, начав с моего бывшего имения, в контору вызывали «зачинщиков» и подвергали истязаниям. Первая жертва – Пудеич и эсер – сын лавочника. Пороли, допрашивали, угрожали расстрелами; обрушились главным образом на фронтовиков; пострадали многие, совершенно чуждые политической активности. Иду к ставленникам Комуча, правителям-эсерам; спрашиваю, что все это означает? Возмущаюсь. В ответ конфузливо, бессильно разводят руками. Еду в имение, останавливаюсь в квартирке бывшего управляющего, состоящего в кур-

²⁷ См.: Шапурин С. Годы борьбы / Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 64 – 65.

²⁸ ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

²⁹ За два дня до этого инцидента, 31 октября 1918 г., Государственный банк перестал разменивать купюры: в связи с военными событиями из Уфы были эвакуированы кредитные учреждения. Дефицит мелких денег вызвал спекуляцию ими (Уфимская жизнь. 1918. 3 ноября).

³⁰ Голос рабочего. 1918. 9 ноября.

се всех деревенских событий. Деревня подавлена, запугана, недоумевает, шепчется, озирается. Недели две надо было употребить на то, чтобы убедить, что я не причастен к расправе»³¹.

Ситуация в Уфимской губернии усугублялась тем, что русские крестьяне, наряду с «красным» и «белым» произволом, в полной мере испытали последствия подспудно копившейся в течение многих лет неприязни со стороны башкирского населения. Уфимские газеты, отнюдь не симпатизировавшие большевикам, неоднократно отмечали, что «под видом розыска большевиков иногда творятся такие вещи, которые ничего общего не имеют с этой целью». Так, в русскую деревню Муратовка Уфимского уезда в ноябре 1918 г. нагрянули с обыском 150 вооруженных винтовками башкир из окрестных сел:

«Башкиры, входя в дом, перевертывали его буквально вверх дном. Открывали сундуки и все то, что бросалось им в глаза, забирали с собой. Некоторые из них не брезговали такими ценностями, как варежки и старые рукавицы. Протестующим угрожали расстрелом и избиением. Для вида арестовали 6 молодых парней, отцы которых в свое время были в неприязненных отношениях с башкирами. Обыски прекратились только тогда, когда со ст[анции] Кропачево стал подходить к деревне чешский отряд. Башкиры отошли в свои деревни. Бросившиеся за ними в погоню чехи были обстреляны башкирами. Завязалась перестрелка, во время которой оказалось несколько человек башкир ранеными. Таким образом среди бела дня был совершен огромный грабёж мирной русской деревни Муратовки»³².

Прибывшая на следующий день комиссия оценила нанесенный жителям ущерб в 9 тыс. р., который, по мнению корреспондента, реально был в два – три раза выше.

Беды сыпались на сельского жителя со всех сторон, подтверждая простонародное наблюдение, что крестьянскую голову «все галки клюют». Деревне досаждали отряды совершенно неизвестной окраски, совершавшие набеги на села. В ночь на 3 ноября 1918 г. в поселок Кишки Уфимского уезда прибыл подобный отряд из 60 всадников. Они потребовали бесплатно предоставить 30 пудов овса, три воза сена и резаного барана. Затем очередь дошла до лошади, владельца которой за сопротивление избили кнутом. Аппетиты незваных гостей распалялись все больше. У старика-селянина потребовали водку. Не получив ее, вымогатели ударили его по голове. Наконец, были затребованы «девки». Отряд возглавляли два офицера на тройке лошадей. Один из них, видимо, начальник отряда, лаконично прокомментировал действия своих подчиненных: «Умру так умру, но погуляю». Протокол собрания Кишкинского общества, состоявшегося по этому поводу, содержит жалобу, лейтмотивом проходящую через аналогичные заявления крестьян:

«...отряды, забирая провизию, скот, не представляют документов, кто они, не выдают квитанций. Население крайне раздражено и просит помощи»³³.

Настроение деревни после смены власти отражает помещенное в том же номере газеты литературно обработанное повествование уфимского крестьянина, поделившегося своими впечатлениями с прибывшими в сельскую местность организаторами крестьянских братств:

«Покой был, согласие... Большевиков не было, хотя и совет устроили... делали по-своему. Все ждали, когда комиссарам карочун будет... Потом дождались. Около нашего села бой был. Прогнали тех... Вошли наши... того арестовали, того выпороли, а двоих расстреляли... Шепнул лавочник офицеру: "большевик, мол". И... готово... Задумались мы: кто к нам пришел? Что-

³¹ Цит. по: Писаренко Е.Э. Либеральная аристократия и революция (князь В.А.Кугушев) / Русский либерализм: исторические судьбы и современность. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 561.

³² Армия и народ. 1918. 27 ноября.

³³ Там же. 23 ноября.

то не похоже на друзей... И пошла распря... А тут слышим: один говорит, что большевики лучше, другой... Что ты поделаешь – разладились совсем. Новобранцев спросили – нейдут. Пла-тежи никто не вносит...»

Не желая идти добровольцами в «народную» армию, крестьяне приводили веский аргумент:

«Солдаты, – говорили они, – что ни день, то становятся хуже и хуже. Приезжая в деревню, они пьянствуют, пьют самогонку и пьяные устраивают всевозможные безобразия. А иные просто-напросто изображают из себя каких-то начальников и издеваются над своим же братом крестьянином...»

Падение Советов на Среднем Урале также сопровождалось эскалацией насилия и со стороны тех, кто терял власть, и со стороны тех, кто ее приобретал. В начале июля 1918 г. чекистские наблюдения о положении населения на территории Уральско-го военного округа свидетельствовали о волне произвола со стороны отступавших «красных» войск:

«В прифронтовой полосе никакой политической работы не ведется. Население живет в страшной темноте, питается ложными слухами и страшно запугано грабительскими наклонностями некоторых краснойармейских частей. Все это сильно восстанавливает крестьян против Советской власти.

В селении Белокаташ и некоторых других крестьяне, вооруженные топорами и вилами, выступали против наших отрядов. В то же время население относится весьма сочувственно, даже восторженно к чехословакам. Необходимы строжайшие и решительные меры против грабежей, чинимых нашими войсками»³⁴.

Убийство в июле 1918 г., накануне падения большевистской власти на Среднем Урале, членов царской семьи в Екатеринбурге и под Алапаевском на фоне массовых репрессивных бесчинств лета 1918 г. выглядит лишь как один из эпизодов, наиболее известный благодаря неординарному статусу его жертв. Не менее страшная судьба была уготована в те месяцы тысячам безвестных обитателей Урала и других регионов страны.

Приход к власти в Екатеринбурге Временного областного правительства Урала резко обострил ненадежность жизни. Бывший надворный советник, инженер-технолог Н.Баландин, попав в сумятице первых дней после свержения советской власти в екатеринбургскую комендатуру по подозрению в симпатиях к большевизму, обратился с заявлением на имя председателя нового правительства:

«... в Екатеринбурге творится что-то кошмарное, ужасное, производятся массовые аресты якобы существующих большевиков по единичным доносам каждого, даже малолетнего... для иллюстрации... приведу краткое описание нескольких арестованных, содержащихся при коменданте города: безграмотная старуха 60 л[ет], на которую донесено, что она сказала "старый порядок был лучше", слепой от рождения музыкант и настройщик, обвиняемый в секретарстве у большевиков по доносу двух мальчишек; бельгийский подданный, арестованный за какую-то неисправность в документах; офицер, бежавший от большевиков с частью своего эскадрона; я, инженер, прослуживший 20 лет на государственной службе, затем, после двухлетнего заведования снарядным заводом в Златоусте, выгнанный оттуда большевиками... арестованный на почве сведения личных счетов»³⁵.

Шли недели, а волна необоснованных, хаотичных арестов не спадала. В начале сентября 1918 г. Центральное областное бюро профсоюзов Урала вынуждено было обратиться по этому поводу к властям:

³⁴ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939: Документы и материалы в 4 томах. Т. 1: 1918 – 1922. М., 1998. С. 73.

³⁵ Колчаковщина на Урале (1918 – 1919 гг.): Документы и материалы. Свердловск, 1929. С. 33.

«...второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара бесчисленных арестов, самосуда и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму, заполнены почти все здания в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная, бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производятся как в Екатеринбурге, так и по заводам различными организациями и лицами, неизвестно какими выборными организациями уполномоченными.

Арестовывают все, кому не лень, как-то: военный контроль, комендатура, городские районные следственные комиссии, чешская контрразведка, военноуполномоченные заводских районов и различного рода должностные лица»³⁶.

Если невозможно было контролировать поток репрессивных актов в крупном городе, то в горнозаводской зоне и сельской местности произвол властей доходил до садистических крайностей. Расстрелы производились в упрощенном порядке, бессудно. В условиях массового террора упростилась и процедура захоронения. Так, одна из шахт Алапаевского завода была на четыре сажени в высоту заброшена трупами рабочих. Один из первых исследователей гражданской войны на Урале А. Танеев писал: «...можно себе представить, что делалось в заводских поселках; там расправы носили характер увеселительной стрельбы в цель — мишенью для которой был всякий рабочий, на которого достаточно было указать пальцем как на большевика»³⁷.

Хаос в управлении, слабость власти рождали мелких местных тиранов, никому не подчинявшихся и терроризировавших деревню. Так, комендант села Куяш Екатеринбургского уезда прапорщик Арбузов в первый же приезд в село Тюбук без всякой причины выпорол нагайкой председателя Тюбукской волостной земской управы. Этот и аналогичные поступки привели к отстранению прапорщика от должности 18 сентября, однако он не подчинился отставке и сложил полномочия лишь 4 октября, уехав 6 октября в Челябинск. Накануне его отъезда в Куяше разыгралась трагедия: отставной комендант самочинно казнил семерых арестованных. Вечером 5 октября он в нетрезвом состоянии пришел в арестантское помещение, где были заперты восемь башкир, и приказал приготовить подводы для отправки в Челябинск, что было понято арестованными как приговoreние к их расстрелу. Единственный спасшийся от расправы арестант позднее сообщил, что Арбузов заходил к ним еще днем и пригрозил, что «ночью им будет могила». Не видя иного способа спастись, перепуганные арестанты забаррикадировались в помещении, заложив дверь скамьей. В ответ на отказ открыть дверь прапорщик стал стрелять в дверное отверстие и собирался бросить в помещение ручную гранату. Затем он приказал трем милиционерам взломать дверь топором. Когда дверь не поддавалась, была разрушена перегородка из соседней камеры, и одному из арестованных были нанесены два удара топором по голове. Затем озверевшие «стражи порядка» пороли башкир до потери сознания, били прикладами ружей, после чего Арбузов каждую жертву несколько раз колол шашкой. После жуткой расправы бывший комендант отправился домой на прощальную вечеринку³⁸.

Подробное, леденящее кровь изложение материалов дела сопровождалось следующим резюме:

«...все население Куяшской волости, в том числе и представители местного самоуправления, были настолько терроризированы диктаторскими действиями прапорщика Арбузова, что не смели не только протестовать, но и просто жаловаться, из опасения быть немедленно расстрелянными без суда и следствия»³⁹.

³⁶ Гражданская война на Южном Урале... С. 164.

³⁷ Колчаковщина на Урале... С. 33.

³⁸ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 16. Л. 7 — 10.

³⁹ Там же. Л. 10.

Не стоит, однако, полагать, что более высокие властные инстанции благоволили подобному произволу. По мере своих ограниченных сил они пытались пресечь незаконные расправы с населением. Командир 3-го Уральского армейского корпуса 25 октября 1918 г. издал приказ о немедленном аресте и придании прифронтовому военно-полевому суду прапорщика Арбузова⁴⁰. Прилагались усилия к тому, чтобы разгрузить тюрьмы, переполненные случайными арестантами в первую неделю после падения советской власти. Иногда эта работа протекала успешно. Так, 17 октября была реорганизована Артинская волостная следственная комиссия. В ее состав вошли профессионалы-юристы. Вследствие интенсивной работы комиссии «волостные камеры освободились от арестованных, которые были арестованы неизвестно кем и за что и по три месяца и более содержались без всякой вины, на почве личных счетов»⁴¹.

На территориях, оставшихся, по крайней мере, под официальным контролем Советов, жизнь населения была полна не меньших страхов, чем там, где их власть пала. По мере изменения расстановки сил на Урале в пользу противника, действия большевиков по удержанию власти становились все более нервными и жестокими. Развивавшееся с весны 1918 г. и достигшее летом апогея крестьянское повстанческое движение подавлялось без всяких колебаний. Один из рядовых участников расправы с безоружными крестьянами в Красноуфимском уезде с наивной откровенностью поведал об ее осуществлении:

«Дык, я, конечно, многое могу вам рассказать, как я с восемнадцатого года добровольцем был и кое-что видал.

Так вот у нас как было сначала. Восемнадцатый год нам показал, что мы дрались с лопатом, с вилом, с палком. Это, значит, были белые, лезли на нас. Да. И потом был пулемет "Максим", – у красных это. И мы хотели сначала их спасти. Стреляли по верху. Но они, значит, никак не соглашались на это. В то время у нас выпал винтик из пулемета. Они приблизились ближе. И мы думали, что придется отступить, поскольку это дело у нас не так скоро делалось. Но при всем желании, при всем таком усилии все-таки мы это сделали. Эти, значит, кулаки, которые наступали на нас, были уже в десяти саженьях. Но тут мы не стали щадить, пулемет пустили прямо по этим людям, которые на нас наступали. А они как восстание делали против красных: их человек тысяча шла на нас, на шестьдесят человек. Но потом, как мы пулемет пустили прямо по этому народу, человек триста ранили, и они отступили. Оставили, значит, свои палки, рычаги там, все свое холодное оружие, которое у них было. И мы пошли дальше выполнять то, что нам было дано. Дано было этим красноуфимским военным комиссариатом»⁴².

Чрезвычайно жестокими были, в свою очередь, расправы с представителями советской власти со стороны восставших крестьян. Так, объявившиеся 14 июня в южной части Красноуфимского уезда отряды башкирских повстанцев выкалывали глаза и выкручивали руки работникам Советов и членам их семейств, рубили на части детей, спихивая живых и мертвых в общую яму, закалывали всех, кто отказывался присоединиться к их формированию⁴³.

Летом 1918 г., по мере успехов антибольшевистских сил и задолго до официального объявления «красного» террора, в самой Перми и уездных городах поднялась волна расправ с «классовым врагом». В июле по постановлениям ЧК в губернском центре начались аресты членов Конституционно-демократической партии и «реакционных же-

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же. Д. 62. Л. 9 об.

⁴² Цит. по: Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919: Документы и материалы. Париж, 1982. С. 114.

⁴³ См: Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918 – 1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 186 – 187.

лезнодорожников». Были арестованы 41 кадет, 15 железнодорожников и взято 60 заложников. Из 116 арестованных 52 были, правда, вскоре освобождены. В начале сентября, когда массовый террор после убийства М.С.Урицкого и покушения на В.И.Ленина был возведен в ранг государственной политики, случаи физического устранения потенциальных противников участились. Пермская губернская ЧК расстреляла в начале месяца 36 человек. В Кунгуре в сентябре были расстреляны 16 человек – бывшие члены Союза русского народа, кадетской партии, полицейский; в Чердыни – шесть человек, в том числе две монашки, якобы «пробиравшиеся для восстановления темных масс против власти Советов»; в Оханске – один человек. В начале октября в Кунгуре дополнительно расстреляли еще 16 человек, в основном – кадетов, затем – еще 29 заложников. Для предотвращения грабежей и насилий Кунгурская ЧК распорядилась также уничтожить 19 рецидивистов. В Перми 15 сентября были казнены 42 заложника, в начале октября – 37, в том числе две женщины. Репрессии носили деперсонифицированный характер, вина определялась не поведением, а классовой принадлежностью. Террор вдохновляло убеждение, что ответственность за «белое» движение несут буржуазия и «лжесоциалисты», независимо от персонального отношения к нему отдельных их представителей⁴⁴.

Методы уездных и губернских чрезвычайных органов власти использовались и на волостном уровне, в том числе по инициативе самого населения. Так, собрание Невелинской волости Кунгурского уезда осенью 1918 г. постановило:

«...всех уличенных в пьянстве объявить врагами народа. Красноармейцев, уличенных в пьянстве или грабеже, расстреливать на месте преступления, – чтобы не роняла всякая сволочь престиж Советской власти»⁴⁵.

В Вятской губернии, оказавшейся летом 1918 г. островком советской власти в море антибольшевистских движений и режимов в Поволжье и на Урале, также свирепствовал «красный» террор. По мере приближения к губернии антибольшевистских сил и развития повстанчества на ее территории, апогеем чего стало Ижевское восстание рабочих в августе – сентябре 1918 г., репрессии стали сыпаться на голову ее обитателей все более густо. С 1 августа Вятский губернский чрезвычайный военно-революционный штаб ввел в Вятке и губернии военное положение. Переместившаяся сюда Уральская областная ЧК 9 августа опубликовала приказ, согласно которому все имеющееся на руках оружие должно было зарегистрироваться в течении 10 – 12 августа. Уклонение от регистрации и сокрытие оружия каралось расстрелом. Приказ не распространялся лишь на красноармейцев и партийные дружины. В ночь с 11 на 12 августа Яранская уездная ЧК расстреляла за активное участие в контрреволюционном выступлении 14 человек⁴⁶. Пик террора в Вятской губернии пришелся, как и в Пермской, на осень 1918 г. В Орлове 6 сентября по постановлению областной ЧК на городском кладбище были казнены «за саботаж и контрреволюцию» семь местных жителей. Еще четверо «контрреволюционеров» были расстреляны в Орлове 12 сентября. С 16 по 21 сентября в Орлове были арестованы 19 человек, из которых шестерых освободили по внесении штрафа⁴⁷. В том же месяце был казнен протоиерей Михаил Тихоницкий. В те дни из Орлова сообщали:

«Применяется массовый террор, расстреляно 19 человек, есть заложники, арестовано офицеров 21, полицейских 10, священнослужителей 6, врач и следователь. Организуем концентрационный (так в тексте – И.Н.) лагерь для дармоедов. Приступлено к разоружению уезда»⁴⁸.

⁴⁴ Известия (Пермь). 1918. 2 июля, 10 сент., 3, 9, 12 окт.

⁴⁵ Там же. 12 ноября.

⁴⁶ Известия (Вятка). 1918. 2, 9, авг., 26 сент.

⁴⁷ Там же. 14, 17, 29 сент., 2 окт.

⁴⁸ Борьба. 1918. 12 сент.

В сентябре в Яранске ЧК приговорила к смерти трех офицеров за активное участие в «белогвардейском мятеже». В Вятке 18 сентября были убиты 10 местных «кулаков» и «контрреволюционеров», в ночь на 19 сентября — расстреляны два «спекулянта оружием». Вятские монахи в возрасте 18 — 50 лет были мобилизованы и отправлены в Кизеловский округ на работу в угольные копи. Из Глазова с 16 по 21 сентября в распоряжение Уральской областной ЧК были отправлены 12 заложников. В Слободском к расстрелу был приговорен протоиерей Попов; в Нолинске 20 сентября были расстреляны два человека, «буржуазия» была обложена контрибуцией. В Котельниче было взято 23 заложника, из которых шестеро расстреляно. Советск предоставил в распоряжение Уральской ЧК двух заложников⁴⁹.

Сарапульской ЧК, которая, наряду с Пермской, славилась на Урале особой жестокостью, к этому времени уже не существовало. Ижевское восстание рабочих смело ее вместе с прочими институтами советской власти в августе 1918 г. Среди противников большевизма ходили слухи, что пока «чрезвычайка» функционировала, ее помещения приходилось ежедневно тщательно отмывать от крови истязаемых на допросах и расстрелянных узников⁵⁰.

Психоз массового террора и на «красных», и на «белых» территориях Урала ставил практически каждого жителя в положение потенциальной жертвы. Репрессии носили случайный характер: попасть в их жернова или избежать их было делом случая. Проблема спасения собственной жизни с лета — осени 1918 г. стала неотъемлемой частью повседневных забот уральского населения.

Террор как среда обитания (конец 1918 — лето 1919 г.). Итак, к зиме 1918 — 1919 гг. террор вошел в кровь и плоть уральских будней. При этом он как будто бы поутих, во всяком случае стал восприниматься скорее как рутина, чем что-то чрезвычайное. Волостной комиссар по военным делам Глазовского уезда в январе 1919 г. сообщал в уездный военкомат об обычном явлении — о скверном обращении проезжающих и эвакуированных организаций, красноармейцев и семей коммунистов с местным населением и кооперативами — «насильственно требуют от населения продуктов, угрожая членам кооперативов расстрелом за неотпуск товаров». Хотя проезжие и уплачивали деньги за продукты, недоверие населения к советской власти росло. Волостной военком жаловался, что «роптать начинает даже самая забитая беднота»⁵¹.

Всплеск массового террора в конце 1918 г., накануне взятия Перми Сибирской армией Р.Гайды, пережили жители губернского центра. Ощущение незащитности горожан перед отступлением 3-й Армии, описанное одной из местных газет по горячим следам, сразу после прихода «белых», сродни психологическому настрою людей во время пика сталинского террора 30-х гг.:

«Плакать боялись. Когда уводили родных, только затихали и знали, что скоро, может быть, той же ночью, наступит и их черед. А когда за стеной в соседней квартире слышался стук, возня или дикий нечеловеческий крик, застывали, широко открытыми глазами впились в темноту и ждали, когда постучат и в их дверь»⁵².

⁴⁹ Известия (Вятка). 1918. 14, 17, 20, 21 сент., 2 окт.; Известия (Пермь). 1918. 1 окт.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 118.

⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 80.

⁵² Освобождение России. 1919. 12 янв.

Безоружность населения перед лицом насилия продолжала быть доминантой повседневной жизни и в «белой» зоне Урала. Объясняя мотивы своей отставки в апреле 1919 г., главный начальник Уральского края С.С.Постников на первое место поставил произвол военных властей:

«С восстановлением ст. 91 Устава о полевом Управлении войск, военные власти, от самых старших до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Незаконномерность действий, расправы без суда, порка даже женщин, смерть арестованных "при побеге", аресты по доносам, передание гражданских дел военным властям, преследование по кляузам и проискам, когда это проявляется на гражданском населении – начальник края может только быть свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а гражданских лиц сажают в тюрьму по одному наговору.

Уполномоченный по охране действует независимо от начальника края. То же и военный контроль»⁵³.

Иллюстрацией к письму С.С.Постникова могла бы служить история, случившаяся в феврале 1919 г. в селе Клеопинском Екатеринбургского уезда. В Клеопинской волости, по сообщению начальника милиции Каслинского завода, в огромных размерах было развито незаконное самогоноварение. Поскольку волость не имела своего штата милиции, в нее были командированы с целью пресечения незаконных действий шестеро милиционеров. Однако председатель волостной управы не позволил произвести обыски, и милиционеры ретировались ни с чем. Тогда через несколько дней, по-видимому, по распоряжению районного коменданта Каслинского завода, в Клеопинское прибыл карательный отряд. В поисках самогонных аппаратов были проведены обыски, несколько жителей Воскресенской, Клеопинской и Тюбукской волостей подверглись телесным наказаниям плетью. Кроме того, из Клеопинского были увезены арестованные отрядом председатель волостной управы, бывший писарь и крестьянин П.П.Мохов. Трупы двоих из них, умерших от побоев плетью и штыковых ран, без сапог, шапок, верхней одежды и пиджаков, были найдены на берегу озера Аканкуль. Третий, с отрубленной головой и рукой, без платья и обуви, был обнаружен близ деревни Воздвиженки. Начальник милиции жаловался, что комендант Каслинского завода вмешивается в дела милиции. В отсутствие начальника милиции он принудил местных милиционеров учинить допрос с телесными наказаниями нагайкой⁵⁴.

Ранней весной 1919 г. военные действия в регионе оживились, что самым неблагоприятным образом сказалось на положении населения. Бесчинства с обеих сторон вновь посыпались на голову мирного жителя. В Осинском уезде в связи с наступлением «белых» отступавшие «красные» части вели себя самым разнузданным образом, что фиксировалось в документах ЧК:

«При проходе обоза Путиловского полка через дер[евню] Малый Кёз обозчиками-красноармейцами тратились бешено громадные деньги на разные пустяки и пьянство. Например, за песню девушкам заплачено 2500 руб., за учиненную стрельбу в комнате из револьвера, за каждый выстрел по 1 тыс. руб. и т. д. в этом духе. Население возмущено. Следствие ведется»⁵⁵.

После занятия Осы 8 марта «белыми», восторженно встреченными населением города и уезда, управляющий Кунгурским уездом в докладе управляющему Пермской губернии живописал состояние только что оставленных «красными» территорий:

⁵³ Цит. по: Колчаковщина на Урале... С. 85.

⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 47. Л. 31 – 32.

⁵⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. С. 116.

«Город совершенно разграблен советской властью и красноармейцами. Нет ни одной частной квартиры, более или менее сохранившейся; нет положительно ни одного правительственного учреждения или общественного, где бы представлялась возможность, хоть частично, приступить к работе.

Из всех учреждений увезены денежные суммы, документы, дела, печати, бланки и т.д.

Разрушены телеграфное и телефонное сообщение: порваны провода, увезены все аппараты и прочее оборудование.

С заводов увезены машины, часть приведена в негодное состояние. Вывезен почти весь запас материалов.

У населения города и уезда увезен почти весь скот, отобран даже молодняк.

Город и уезд пережили в полной мере все ужасы красного террора. По малейшему подозрению в контрреволюционности, за малейшую попытку к ослушанию ни в чем не повинные жители расстреливались.

По приблизительному подсчету гласных Осинской городской думы, в городе и уезде расстрелялось до 2000 человек. Интеллигенция, можно сказать, истреблена вся»⁵⁶.

Такая же картина разграбления наблюдалась в освобожденном следом Оханске. Все советские учреждения были эвакуированы оттуда на два месяца раньше, и город оказался в распоряжении военных «красных» властей: «Отношение красноармейцев к личности и имуществу граждан было, конечно, самое бесцеремонное: брали все, что хотели, и помыкали людьми по своему усмотрению». Незадолго до прихода «белых» ЧК расстреляло восьмерых жителей.

«Оставляя город, большевики старались, насколько только было возможно, затруднить восстановление впоследствии нормального хода жизни. Только недостаток перевозочных средств помешал им увезти всю обстановку учреждений. Но увезены были все ценности, книги, дела, канцелярские припасы. Самые помещения учреждений носят следы какого-то погрома, беспорядочно сдвинутой и частью поломанной мебели, груды порванных, валяющихся на полу старых дел»⁵⁷.

Были эвакуированы все служащие, и только быстрое продвижение противника помешало произвести поголовную мобилизацию населения в возрасте от 18 до 45 лет.

Кратковременное пребывание «белых» в сельской местности оборачивалось для крестьян не менее жестокими испытаниями. Вслед за занятием в мае 1919 г. села Ивановское близ станции Давлеканово Самаро-Златоустовской железной дороги в расположенное рядом с ним прежде богатое, но уже порядком пограбленное крестьянами имение Аксеновых вернулись одетые в офицерскую форму прежние владельцы:

«Крестьян пригнали всех к штабу и объявили, чтобы они немедленно возвратили все имущество, взятое из имения. Крестьяне, конечно, даже при желании не могли этого сделать: за два года воды утекло слишком много. Тогда их начали арестовывать, судить, расстреливать, пытать... Через несколько дней ими было сожжено имение. В отместку штаб приказал сжечь село, и через три часа от цветущего села с десяти тысячным населением осталось два – три дома, да тысячи сирот»⁵⁸.

Такие трагические эпизоды в Уфимской губернии были нередки.

Перелом в ходе боевых действий на Урале, приведший к массированному наступлению Красной армии, спровоцировал новую эскалацию насилия со стороны вынужденных отступать «белых». В приказе № 278 войскам Сибирской армии, подписанном 6 мая 1919 г. в Екатеринбурге генерал-лейтенантом Р.Гайдой, констатировалось: «Официальные донесения и жалобы обиженных и пострадавших указывают, что само-

⁵⁶ ГАСО.Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

⁵⁷ Там же. Л. 19 – 20.

⁵⁸ Пионтковский С.А. Указ. соч. С. 303.

чинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются». Официально не санкционированные репрессии в отношении мирных жителей, ронявшие и без того непрочный авторитет власти, вынудили командующего пригрозить насильникам чрезвычайными мерами: «Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду предавать военно-полевому суду за истязание и обыкновенное убийство»⁵⁹.

У представителей военной власти на местах были, однако, иная логика и свои аргументы в пользу жестокого обращения с гражданским населением. Так, апрельский (1919 г.) приказ коменданта соседнего с Оренбуржем Кустаная в связи с сопротивлением крестьян реквизициям для армии, вплоть до стрельбы по войскам, и участием женщин в этих «большевистских» акциях с неприкрытым цинизмом гласил:

«Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреливание и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию»⁶⁰.

Покидая занятые ранее территории, «белые» обирали крестьянское население столь же беззастенчиво, как до этого их противники. Так, после их ухода из деревни Русская Карлушка Вятской губернии на 50 домохозяев осталось только три лошади. В деревне Кизели Сарапульского уезда «на прощание» порке и расстрелу были подвергнуты семьи советских работников. Членам сельских Советов досталось по 300 – 600 ударов плетью. Перед отступлением были реквизированы все лошади; 200 тыс. р. были конфискованы под предлогом, что «керенки» больше не имеют силы. В двух волостях того же уезда, помимо денег и лошадей, были отняты коровы и хлеб⁶¹.

Тяжким испытанием при отступлении «белых» подверглось горнозаводское население. Обстоятельства убийства 63-летнего рабочего из Сатки Т.И. Мамыкина позволяют ощутить атмосферу безнаказанного насилия и беззащитности населения:

«...в июне 1919 г. он был забран белыми в проводчики и по возвращении трижды должен был, по требованию отступавших белых отрядов, не доезжая домой, снова отвозить белых; видя, что так он никогда не вернется, – Мамыкин в конце концов завел лошадь в кусты, а сам пошел домой горами. Вскоре в этот район вступили красные, и Т.Мамыкин отправился за своей лошадью; неожиданно он наткнулся на отряд отступавших белых с нашитыми красными бантами; на их вопрос: "Ты, товарищ, не видел ли здесь белых разведчиков", – он, думая, что имеет дело с красными, искренне ответил: "Их теперь далеко к черту прогнали". "А ты куда пошел?" "Да вот от них, чертей, спрятал лошадь, теперь за ней иду". Тогда белые старика отполюли нагайками и казнили»⁶².

Страшные недели пережили жители Авзяно-Петровского и других заводов Верхнеуральского уезда в мае – июле 1919 г. Май был отмечен пустынными улицами: «Проходящие люди пугливо жались друг к другу, переговаривались таинственным шепотом и быстро скрывались». Утром 6 мая в Авзян вступил перешедший на сторону А.В. Колчака башкирский отряд М. Муртазина. За месяц до этого отряд уже был в заводском поселке. Тогда несколько его солдат напали на хутор одного из местных жителей, убили его и сына, изнасиловали женщин и разграбили имущество. Для расследования это-

⁵⁹ По ту сторону Урала (в царстве Колчака). Уфа. 1919. С. 35.

⁶⁰ Гражданская война на Южном Урале... С. 172.

⁶¹ Деревенский коммунист. 1919. 15, 26 июля, 10 авг.

⁶² Шапурин С. Указ. соч. С. 65.

го дела из штаба колчаковской армии приезжал военный следователь, но, хотя женщины опознали пятерых грабителей и насильников, М. Муртазин и другие офицеры не дали произвести аресты и угрожали следователю оружием⁶³. Так что у населения были все основания ожидать худшего. Их предчувствия вскоре подтвердились:

«...отряд потребовал подводы, а в ожидании их солдаты рассыпались по селению и занялись грабежом. Захватывали лошадей, хомуты, различную упряжь, взламывали сундуки, тащили даже последнее. За малейшую попытку возражать жестоко драли плетями. Наконец, подводы были наряжены, но, по мнению отряда, недостаточно быстро, за что были арестованы председатель уездной земской управы, член ее и трое квартальных старост. Как полагается у белых, арестованные предварительно были бесчеловечно избиты плетями»⁶⁴.

В 20-х числах мая через Авзянский завод отряд за отрядом потянулась отступавшая из Стерлитамака «белая» Южная армия. Сначала там расположился штаб армии, затем — штаб корпуса, далее — штаб дивизии и, наконец, пошли арьергардные части. Если расквартированные штабы еще пытались учесть интересы местных жителей, то проходящие отряды с населением не церемонились. Началось настоящее пиршество насилия: «С голодного, обнищавшего населения Авзяна непрерывно требовали то подвод, то хлеба, то упряжи и все эти требования подкреплялись грозными криками: “А плетей хочешь? А под арест хочешь?”»⁶⁵. Плеть гуляла по спинам жителей без всякого разбора. Так, жену члена уездной земской управы и бывшего члена I Государственной думы — женщину старше 60 лет, четверо сыновей которой служили в «белой» армии, — выпороли за просьбу к коменданту отменить для нее наряд на подводу.

В соседнем Кагинском и Узянском заводах, где, в отсутствие расквартированных штабов, никто не мог сдерживать мародерских выходок солдат, было еще хуже. Особые зверства чинили так называемые «особые отряды» для мобилизации жителей в армию. В качестве заложников брались члены семей мобилизованных: старухи, девушки, женщины, причем от последних отрывали детей. Земская управа Кагинского завода была превращена в тюрьму для заложниц⁶⁶. То же самое творилось в Узяне:

«Местный комендант и начальник милиции придумали для себя своеобразное развлечение. Каждый вечер, в пьяном виде, они отправлялись в помещение управы и принимались бить нагайками заключенных-женщин. Одной старухе ударом плети переломили спину. Другую, беременную женщину, били до такой степени, что у нее под плетями начались преждевременные роды»⁶⁷.

Арьергардные башкирские и казачьи отряды грабили население и издевались над ним. Все заподозренные в сочувствии к советской власти подлежали аресту. В Верхнем и Нижнем Авзяне были арестованы 13 семейных мужчин в возрасте около 50 лет. Их имущество было разграблено, а самих их готовили к расстрелу. Нужно отдать должное мужеству местных жителей — 150 человек подписали коллективное заявление об освобождении арестованных. Арест действительно был отменен, но арестованных не отпустили, захватив с собой. Их участь осталась неизвестной⁶⁸.

Заводские жители прятались от мобилизации в лесах. Раздобыв несколько винтовок, они открыли как-то стрельбу по проезжавшим отрядам атамана Б.В.Аненкова. Поняв вскоре, что они имеют дело не с армией противника, «белые» бросились

⁶³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 426. Л. 1, 2.

⁶⁴ Там же. Л. 3.

⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ Там же. Л. 7.

⁶⁸ Там же. Л. 8.

на поиски стрелявших, но смогли обнаружить в лесу только шестерых ходивших за лыком стариков, которые тут же были убиты. Перед самым вступлением «красных» в Узян 13 июля отступавшие отряды устроили стрельбу по населению. Прокатилась еще одна волна грабежей, убийств и насилия над женщинами⁶⁹.

Приход «красных», которых население встречало как освободителей, хлебом-солью и красными флагами, также мог сопровождаться эксцессами насилия. Согласно данным информационной сводки секретного отдела ВЧК за 11 августа 1919 г., «настроение части проходящих войск — мародерствуют, грубо обращаются с населением и берут бесплатно продукты и подводы»⁷⁰.

Крайне беспокойными были последние месяцы гражданской войны на Урале для городского населения. В спешном порядке производились расстрелы содержащихся в тюрьмах. В июле 1919 г. в Екатеринбурге при участии казаков атамана Б.В.Аненко-коба произошел еврейский погром, унесший более 200 жизней⁷¹. В июне — первой половине августа 1919 г. фронт вновь подступил вплотную к Оренбургу, и его жители опять ощутили все тяготы осадного положения и беспорядочного артиллерийского обстрела. В Златоусте перед уходом «белых» было арестовано более 2 тыс. жителей, 500 человек было расстреляно, насильственно увезено около 3 тыс. горожан⁷².

Снятие в Вятке военного положения, осуществленное в связи с миновавшей угрозой занятия губернии колчаковскими войсками, носило сугубо формальный характер. Военные инстанции, констатируя, что «советская власть сурова, но милостива», недвусмысленно подчеркивали избирательный характер этой меры в обращении к жителям города:

«Граждане Вятки! Военное положение снято, но оно снято только для того, чтобы граждане могли свободно передвигаться и жить, работая на благо Советской России. Для врагов и сеятелей паники, распускателей слухов военное положение в силе. Расстрел будет ответом на происки негодяев и болтунов»⁷³.

Круговерть военных режимов собрала на Урале обильную жатву. В обвинительном заключении отдела юстиции Сибирского революционного комитета по делу правительства А.В.Колчака содержались далеко не полные данные о последствиях террора в Уральском регионе:

«По официальному сообщению, в одной Екатеринбургской губ[ернии] «колчаковскими властями расстреляно минимум двадцать пять тыс. В одних Кизеловских копиях расстреляно и захоронено около восьми тыс.; в Тагильском и Надеждинском районах расстрелянных и замученных около десяти тыс.; в Екатеринбургском и других уездах не менее восьми тыс. Перепорото около 10% двухмиллионного населения. Пороли мужчин, женщин, детей. Разорена вся беднота и все сочувствующие Советской власти»⁷⁴.

Год гражданской войны обернулся для населения Урала периодом повышенного риска для жизни, которая стоила теперь недорого. Однако изматывающее каждодневное балансирование на грани между жизнью и смертью не истощивало содержания будней уральских обитателей.

⁶⁹ Там же. Л. 9.

⁷⁰ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1. С. 175.

⁷¹ См.: Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 120.

⁷² Гражданская война на Южном Урале... С. 176.

⁷³ Деревенский коммунист. 1919. 15 июля.

⁷⁴ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 309 — 310.

Голодные городские будни в «красной» зоне. Застаревшей проблемой для населения Урала, которая в значительной степени определила ход и исход гражданской войны, оставалось жалкое продовольственное обеспечение. С нею не в силах были справиться ни «красные», ни «белые», перекладывавшие вину за недостаток продуктов питания друг на друга. Оправдательная эквилибристика политических противников мало утешала население, основы существования которого были подточены.

С началом гражданской войны жизнь горожан советской зоны Урала становилась все хуже. В июне 1918 г. в Вятке были установлены новые, более низкие, нормы выдачи керосина и мыла⁷⁵. На вятском рынке 6 июля 1918 г. не было ни фунта муки и овса, пуд картофеля стоил 25 р., мясо и зелень были недотступно дороги. В середине месяца, в связи с хорошими видами на урожай на Урале и в Сибири, цены на хлеб стали падать в некоторых местностях на 20 – 50%. Местные рынки изобиловали продуктами, появились ягоды и дичь, прилавки радовали глаз обилием колбасных изделий, но большинство продуктов, прежде всего, самых ходовых, были населению не по карману. Ржаной хлеб продавался по 3 р. за фунт, молоко – по 3 р. за четверть. К концу июля в Вятке наметился недостаток продуктов массового спроса: в городе не было муки, хлеба, молочных продуктов, сухой рыбы и табака, в мясном ряду Верхнего рынка товаров было мало, свежая рыба была недоступна по цене. Картофель продавался уже фунтами, ценой в 1 р.; фунт свиного мяса невозможно было приобрести дешевле 7 р.⁷⁶ В начале августа на город надвигалась эпидемия холеры, предотвратить которую было невозможно из-за недостатка персонала, медикаментов и денежных средств⁷⁷. В августе молочные продукты можно было купить только за чертой города. Крестьяне, не желая попасть в ЧК в качестве «спекулянтов» и не испытывая в обстановке инфляции большой нужды в срочном сбыте продуктов, неохотно появлялись в городе. Желавшие приобрести продукты сами должны были искать продавцов, аргумент которых был прост: «Прошла мода таскаться в город с четвертями». Хлеб стоил уже 100 р. пуд и продавался по пять фунтов; покупка десятка огурцов обходилась горожанину в 3 р., вилок парниковой капусты – 4 – 5 р.⁷⁸ Как отмечали газеты, «...хозяйки, купив (на рынке – И.Н.) на пятьдесят р., возвращаются домой почти с пустыми корзинками»⁷⁹. Выросшие в Вятской губернии примерно в три раза твердые цены на хлеб не устраивали крестьян: пуд ржи они могли продать государству всего за 14 р., пшеницы – за 20,5 р. С новым урожаем цена муки, подорожавшей на рынке за вторую декаду августа до 160 р. за пуд, упала до 120 р., оставаясь, тем не менее, на порядок выше установленной государством.

В не менее жалком положении пребывало население Перми. Периодически с рынка исчезали то мясо, то хлеб, который, правда, в сравнении с Вяткой, где цены вздувались наплывом мешочников из Поволжья, был летом 1918 г. вдвое дешевле. Из-за инфляции горожане испытывали нехватку разменной монеты. В связи с многочисленными инцидентами в магазинах и ресторанах стали требовать деньги вперед, а на толкучем рынке за определенную мзду разменивали даже керенские купюры достоинством в 1000 р. В городе скопилось 8 тыс. голодающих переселенцев и беженцев, что в не-

⁷⁵ Все для трудящихся. 1918. 20 июня.

⁷⁶ Известия (Вятка). 1918. 7, 17, 18, 31 июля.

⁷⁷ Там же. 3 авг.

⁷⁸ Там же. 13 авг.

⁷⁹ Там же. 21 авг.

малой степени содействовало массовому распространению кишечных заболеваний и превратило жилищный вопрос в серьезную проблему. С июня в Перми началась эпидемия холеры, за месяц было зарегистрировано 15 случаев заболевания. В августе, по традиции, к ней присовокупился тиф, главными причинами которого продолжали оставаться неразвитость канализации и водопровода и антисанитарное состояние города. В тифозном отделении «заразной больницы» ежедневно находилось 30 – 50 больных⁸⁰. С сентября обострился топливный кризис.

Чтобы выжить в условиях материального оскудения, центральные и местные власти прилагали усилия к введению режима максимальной экономии. С 1 июня 1918 г. декретом СНК за подписью В.И.Ленина в целях экономии осветительных материалов стрелки часов были переведены на два часа вперед. Обратный перевод, причем только на час, должен был произойти в ночь с 15 на 16 сентября⁸¹. Из-за продовольственного и жилищного кризиса в июле был запрещен въезд в 43 населенные пункты России, среди которых фигурировали 13 городов и горнозаводских поселков Урала: Вятка, Ирбит, Котельнич, Кунгур, Оренбург, Оса, Пермь, Чердынь; Верх-Исетский, Ижевский, Кыштымский, Лысьвенский и Ревдинский заводы⁸².

Реализуя установки на социалистическое обустройство в ситуации дефицита на самое необходимое, государственные службы пытались сосредоточить в своих руках все наличные припасы, изгнать рыночные отношения и насадить централизованную систему распределения. В Екатеринбурге в июне 1918 г. были закрыты все частные заведения, торговавшие хлебом, который был реквизирован решением городского исполкома. В начале июля в Перми были установлены твердые цены на мясо, что, правда, привело к нежелательному эффекту: мясные ряды опустели, мясники почти исчезли с рынка⁸³. С 12 сентября в Вятке были опечатаны все частные торговые помещения, включая мелкие бакалейные, а также аптеки. В городе, во исполнение декрета о национализации торговли, остались только советские лавки, что немедленно сказалось на качестве обслуживания покупателей: «В продовольственных лавках приказчики чувствуют себя монополистами, как будто существуют не они для граждан, а граждане для них»⁸⁴.

Одновременно была ужесточена борьба против свободной циркуляции сельскохозяйственной продукции. Для прекращения мешочничества и вывоза хлеба из Вятского уезда местный продком в середине сентября принял экстренные меры: на станциях и разъездах были выставлены заградительные отряды по пять человек. За полмесяца ими было реквизировано около 1 тыс. пудов муки и зерна⁸⁵.

За более провозглашенной, чем реализованной национализацией торговли последовало введение новых продовольственных карточек, основанных на классовом принципе распределения. Мизерность классового пайка свидетельствовала о скудости продовольственных запасов. С 1 октября в Вятке были введены четыре категории продовольственной порции, которым соответствовали карточки четырех цветов. Обладатели первой категории должны были получать 1/2 фунта хлеба в день, второй – 3/8 фунта, третьей – 1/4 фунта, четвертой – 1/8 фунта. Сахара полагалось соответственно от 1/2 до 1/8 фунта в месяц, чаю – от 12 до 3 золотников. С 12 октября городской продовольственный комитет начал выдачу табака и папирос: первой категории причиталась

⁸⁰ Там же. 6 июля; Известия (Пермь). 1918. 26 июня, 7, 19, 28 июля, 8, 10 авг., 26, 27, 30 ноября, 1 дек.

⁸¹ Известия (Уфа). 1919. 2 июня.

⁸² Известия (Вятка). 1918. 16 июля.

⁸³ Известия (Пермь). 1918. 13 июня, 7 июля.

⁸⁴ Все для трудящихся. 1918. 20 июня.

⁸⁵ Известия (Вятка). 1918. 13 сент., 12 окт.; Борьба. 1918. 13 сент.

1/4 фунта табака или махорки и 100 папирос (или только 340 папирос); второй — 1/4 фунта табака и 40 папирос (или 280 папирос); третьей — 1/4 фунта табака или 240 папирос; четвертой — 1/8 фунта табака или 120 папирос. Цена фунта табака колебалась при этом от 37,4 до 125 р., фунт махорки стоил 6 р., 100 папирос — 3,1 р.

Порядок выдачи хлеба и других продуктов также был выдержан в духе «классовой справедливости»: население, отнесенное к первой и второй категории, получало продовольствие в первую очередь; затем снабжались представители третьей категории; четвертая категория жителей обслуживалась по удовлетворении первых трех «в пределах возможности». К первой категории были отнесены рабочие, находившиеся в особенно тяжелых производственных условиях — на так называемых «горячих» работах, а также кормящие грудью матери с детьми в возрасте до года, кормилицы и женщины со сроком беременности свыше пяти месяцев. Во вторую категорию входили квалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, но работавшие в нормальных условиях; все ответственные советские работники с неограниченным рабочим временем; женщины-хозяйки, не имеющие прислугу, с четырьмя и более детьми; дети с 3 до 14 лет; нетрудоспособные первой категории — бывшие рабочие мартеновских печей, кочегары; лица, непосредственно занятые по найму на земляных и огородных работах. Третью категорию образовывали квалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые легким физическим трудом, конторские и прочие служащие, прислуга; ремесленники, занятые «общественно-полезным трудом»; медицинский и учительский персонал. Наконец, четвертую категорию составляли лица, живущие доходом с капитала и эксплуатацией чужого труда, то есть практически все владельцы частной собственности. Сюда же относились инженеры, юристы, художники, литераторы, журналисты, архитекторы, врачи — представители свободных профессий, не состоящие на общественных службах. К ним приравнивались незарегистрированные рабочие и прочее «нетрудовое» население. Реально нормы классового пайка не утверждались и зависели от наличных запасов хлеба и прочего продовольствия⁸⁶.

В октябре 1918 г. в Перми началась перепись населения для введения классового пайка. Предполагалось, что с этого месяца молоко и молочные продукты будут распределяться по карточкам. В первую «очередь» включались семьи с тремя и более детьми в возрасте от 2 до 6 лет; во вторую — семьи, в которых были один — два ребенка в этом возрасте или старше, до 10 лет, при условии непосещения школы; в третью — взрослые представители неимущих классов и нуждающиеся в молоке. Последнее должно было быть подтверждено удостоверением комбеда или врача. Семьи первой категории обеспечивались максимально тремя пайками в 1/2 фунта масла, по фунту сметаны, сыра, творога и ведру молока в месяц. Второй категории полагался такой же порцион молочных продуктов, за исключением молока, которое выдавалось в размере 1/2 ведра при одном ребенке или 3/4 ведра на двоих. Пай третьей очереди был в два раза больше, но не мог выдаваться в количестве более двух на семью. Однако вся эта запутанная система в октябре так и не была реализована из-за отсутствия необходимой статистики⁸⁷.

Материальные бедствия горожан усугублялись резкой диспропорцией между стоимостью основных продуктов питания и предметов широкого потребления, с одной стороны, и несообразно низкой и нерегулярной оплатой труда. Во время гражданской войны это несоответствие особенно явно проявлялось на советских территориях, завоеывая которые, противники большевистского режима постоянно жаловались на дефицит не только товаров, но и денежных знаков. Введение в июле 1918 г. трудо-

⁸⁶ Известия (Вятка). 1918. 27, 29 сент.

⁸⁷ Известия (Пермь). 1918. 10, 12, 29 окт.

вой повинности для всех, включая монашество, декларировало обязательность общественно полезного труда, но отнюдь не обязательность его оплаты. Так, одна из оренбургских антибольшевистских газет в конце августа 1918 г. констатировала, что в Орске, бывшем во власти большевиков, служащие почты, работники внешкольного образования и учителя третий месяц не получали жалования⁸⁸. Заработные платы были не в состоянии обеспечить пользование услугами рынка. Согласно постановлению о тарифных ставках Областного совета профсоюзов Урала, Уральского областного бюро металлистов и Областного отделения труда от 18 октября 1918 г., рабочие могли рассчитывать на денежное жалование от 350 до 580 р. в месяц, служащие конторского труда — от 256 до 870 р., инженеры и техники — от 431 до 1160 р., фармацевты — от 350 до 1100 р.⁸⁹ Официально установленной минимальной зарплаты могло хватить на обеспечение хлебом по вольным ценам семьи из трех человек. Для более разнообразного питания одного кормильца в семье было мало, о покупке одежды и обуви при службе по государственным расценкам нечего было и думать.

Перемены затронули и сферу развлечений. В июле 1918 г. в вятских газетах перестали печататься объявления о репертуаре кинотеатров: 26 июня был опубликован последний анонс кинотеатра «Колизей», 7 июля — кинематографа «Аполло», где демонстрировался единственный фильм — «мировой боевик» под названием «Болотный цветок». В августе из-за отсутствия картин на несколько дней закрылся кинотеатр «Прогресс». Нерегулярность репертуара дополнялась государственной цензурой — власти предпринимали усилия по воспитанию «классового сознания» горожан. Кинотеатры «Аполло» и «Колизей» в августе были обеспечены картинами, «заслуживающими внимания», а Вятский городской отдел народного образования для организации доступных и полезных развлечений попытался начать проведение спектаклей-концертов в помещении кинотеатра «Аполло». Для просвещения жителей в сентябре было решено открывать вятские музеи общегубернского значения по воскресным и праздничным дням с 12 до 15 часов. С 30 сентября, после перерыва, в Вятке открылась губернская публичная библиотека им. А.И.Герцена, в связи с чем всех, у кого на руках были библиотечные книги, просили в недельный срок предъявить их для регистрации⁹⁰.

Советский идеализм по поводу возможности в одночасье насадить «социалистическую сознательность» отразился в политике властей относительно организации народных праздников. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы был официально отменен: 21 сентября было объявлено рабочим днем. Зато 17 сентября в Вятке прошло пышное празднование дня Красной армии, сопровождаемое парадом, митингом, демонстрацией и кружечным сбором⁹¹.

В Перми с несоответствующей материальным возможностям города помпезностью прошло празднование первой годовщины Октябрьской революции. За два дня до праздника население было подробно извещено о порядке его проведения и маршруте шествования. Выпуск официального органа Пермского исполкома за 6 ноября украшали праздничные лозунги. К 7 ноября учреждения были декорированы пихтовой зеленью и красными флагами, транспаранты и пихтовые гирлянды с портретами В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого были протянуты над главной улицей города. С вечера 6 ноября, несмотря на энергетический кризис, центр Перми был иллюминирован. На здании губернского комиссариата был помещен плакат, изображавший застолье с учас-

⁸⁸ Борьба. 1918. 22 авг.

⁸⁹ Известия (Пермь). 1918. 1 ноября.

⁹⁰ Известия (Вятка). 1918. 7 июля, 10, 11 авг., 29 сент.

⁹¹ Борьба (Вятка). 1918. 17, 20 сент.

тием архиерея, генерала и купца, напевающих романс «Последний нонешний денечек...», и рабочего, пролагающего путь к «светлому будущему». На домах были прикреплены плакаты с лозунгами «Год Рабоче-Крестьянской Власти — год угнетения буржуазии», «Октябрь — осень для буржуазии, — весна для пролетариата», «Да здравствует Мировая Советская Республика!», «Да здравствуют Ленин, Либкнехт, Адлер, Маклин и Дебс!» и др. В день годовщины были организованы митинги, спектакли и концерты, парад, шествие к братской могиле и карнавал: по улицам двигались автомобили, пассажиры которых изображали революцию, предсмертные судороги империализма, раболепие духовенства перед российскими императорами и т.д. Один из автомобилей вез гроб, символизировавший смерть империализма⁹².

Городское население «красного» Урала прожило горький год: материальная нужда наваливалась на горожан все большей тяжестью, городская жизнь становилась все серее и примитивнее, диссонируя, на первый взгляд, с долей горожан «белой» зоны.

Островки меркнувшего благополучия: быт «белых» городов. Действительно, жизнь в тех городах Урала, откуда большевики были изгнаны между летом 1918 г. и весной 1919 г., находилась в очевидном внешнем контрасте с условиями существования на «красных» территориях. Положение населения в освобождаемых от советской власти городах описывалось «белой» прессой как нечто невероятное и непривычное для горожан вне пределов досягаемости Советов. Через полтора месяца после занятия Перми Сибирской армией екатеринбургская пресса свидетельствовала, что ее жители постепенно начинают приходить в себя после большевистского владычества: исчезали следы царившего там голода — болезненная, до неузнаваемости, худоба горожан, у многих из которых пальцы рук и ног от недоедания были покрыты нарывами⁹³. Вследствие разрешения свободной торговли пермский рынок уже к середине января 1919 г. — через 20 дней после смены власти — ломился от обилия продуктов из окрестных деревень и из Екатеринбурга. Цены на них падали с каждым днем: менее чем за три недели цены на ржаную муку понизились с 80 — 100 р. до 35 — 40 р. за пуд, на крупчатку — с 200 до 100 — 120 р., на сливочное масло — с 35 до 10 — 12 р. за фунт⁹⁴. Правда, пермские цены и в феврале 1919 г. были в три раза выше екатеринбургских. По мнению газетчиков Екатеринбурга, виною тому были екатеринбургские купцы, которые, будучи хозяевами положения на рынках Перми, ломили баснословную цену⁹⁵.

Как бы то ни было, отказ противников большевиков от гонений на частную инициативу молниеносно оживил городскую жизнь Урала. В июле 1918 г. в кафе Оренбурга обед из двух блюд стоил 4 р., из трех — 5,5 р. Обеды и ужины отпускались и на дом. В кафе, открытом с 9 часов утра до полуночи, можно было найти сливочное шоколадное мороженое, полакомиться блюдами европейской и кавказской кухни, насладиться игрой оркестра⁹⁶. Цены на хлебопродукты в «белом» Оренбурге были в четыре — пять раз ниже, чем в «красной» Вятке⁹⁷.

⁹² Известия (Пермь). 1918. 5, 6, 10 ноября.

⁹³ Наш Урал. 1919. 6 февр.

⁹⁴ Освобождение России. 1919. 14 янв.

⁹⁵ Наш Урал. 1919. 6 февр.

⁹⁶ Оренбургский край. 1918. 20 июля.

⁹⁷ Народное дело. 1918. 10, 19 сент., 30 окт., 8 ноября; Оренбургский вечер. 1918. 17 авг., 4, 23 сент.

Аналогичные цены, товары, услуги можно было найти и в других городах Южного Урала. В сентябре 1918 г. в Челябинске было открыто кафе, где, согласно рекламе, всегда можно было приобрести обеды, закуски, порционные блюда из свежей провизии, чай, кофе, шоколад⁹⁸. Цены на продукты не отличались от оренбургских⁹⁹. Оживилась сфера частных услуг. В одном номере челябинской газеты можно было найти 28 объявлений врачей и акушеров. В магазинах Уфы осенью 1918 г. продавались сыры четырех сортов по цене 5 р. за фунт, а в отделе реклам местной газеты уфимский житель, в случае нужды, мог выбрать услуги одного из семи зубных врачей¹⁰⁰.

Достаточно добротной был налажен был Екатеринбург. Когда в октябре 1918 г. туда прибыли авангардные части англо-французских войск, высшим чинам было предложено посещение музея, магазинов с уральскими каменными изделиями, а вечером — отдых в кафе «Лоранж», где по просьбе публики оркестр исполнил для гостей союзнические гимны¹⁰¹.

Относительное изобилие наблюдалось в «белых» городах и в последующие месяцы. К марту 1919 г. жители Перми уже отвыкли от очередей за продуктами. Ранней весной 1919 г., вскоре после перехода голодавшего Оханска в руки «белых», местные цены на продовольствие и дрова резко упали¹⁰². В июле 1919 г., уже накануне отступления колчаковских войск из Екатеринбурга, городская продовольственная комиссия и городские лавки, получив большие продовольственные грузы, в неограниченном количестве и без карточек отпускали муку по 70 р. за пуд, сливочное масло (7,4 р. за фунт), рис (2,5 р. за фунт)¹⁰³.

Постепенно повышалась доступность и одного из самых вожделенных товаров — алкоголя. В первые месяцы после прихода к власти противники большевиков продолжали, хотя и непоследовательно, политику запрета на свободную продажу алкогольных напитков. Так, в июле 1918 г. в Челябинске был издан приказ по милиции, предписывавший строжайше наблюдать за недопущением продажи спиртного в общественных и увеселительных местах, задерживать и препровождать нарушителей запрета в тюрьму¹⁰⁴. В Оренбурге в октябре 1918 г. сохранялось штрафование за продажу и распитие спиртных напитков, в том числе и в ресторанах. Правда, владельцы увеселительных заведений, несмотря на штрафные санкции, заставляли прислугу подавать спиртное посетителям¹⁰⁵. Иногда запреты нарушались и самими властными инстанциями в целях пополнения кассы. Так, в столице Оренбургского казачьего войска сразу по возвращении А.И. Дутова к власти в июле 1918 г. осуществлялась ограниченная продажа казенного спиртного по карточкам. Однако в августе она была приостановлена: острая нужда в деньгах миновала благодаря реквизиции российского золотого запаса в Казани. Для улучшения финансового положения городского хозяйства в Челябинске в конце августа 1918 г. планировалась распродажа населению запасов вина из Челябинского казенного винного склада, который избежал участи других государственных хранилищ алкоголя во время «пьяной революции» последних месяцев 1917 г. Двумя месяцами позже челябинские власти одновременно с запретом появляться на улице в пьяном виде объ-

⁹⁸ Утро Сибири. 1918. 15 сент.

⁹⁹ Власть народа. 1918. 19 сент.; Рабочий день. 1918. 1 дек.

¹⁰⁰ Уфимская жизнь. 1918. 30 окт.

¹⁰¹ Зауральский край. 1918. 17 окт.

¹⁰² Уральская жизнь. 1919. 1 апр.

¹⁰³ Сибирские стрелки. 1919. 12 марта; Наш Урал. 1919. 9 июля.

¹⁰⁴ Власть народа. 1918. 19 июля.

¹⁰⁵ Рабочее Утро. 1918. 8, 13 окт.

явили о распродаже 22 — 24 октября 1918 г. водки населению. За три дня в четырех лавках было продано 17 тыс. бутылок (850 ведер) водки по цене 18 р. за бутылку¹⁰⁶.

В первые месяцы 1919 г. сухой закон на «белых» территориях был фактически отменен. С 1 февраля 1919 г. в Сибири была восстановлена казенная продажа питей. В марте, в связи с предстоящей продажей спиртных напитков, в Екатеринбурге на заводе Злоказовых начались усиленные работы по изготовлению пива, а в Пермской губернии была повсеместно разрешена продажа пива и виноградных вин. В отдаленных от линии фронта уездах — Шадринском, Камышловском и Ирбитском — был снят запрет и с продажи водки. С 15 апреля 1919 г. командование Западной армии разрешило торговлю казенными запасами вина повсеместно в Уфимской губернии¹⁰⁷.

При чтении небольшевистской прессы создается впечатление, что вся сфера развлечений в городах несоветской зоны Урала была несравненно более оживленной, чем на «красных» территориях, приближаясь к стандартам дореволюционного времени. В Оренбурге летом — осенью 1918 г. действовали четыре кинотеатра — «Фурор», «Аполло», «Чары» и «Люкс». Как и в «добрые старые времена», вся первая страница оренбургских газет была отведена киноафишам. Более изысканная публика могла послушать в городском театре произведения А. Мендельсона, А. К. Глазунова, П. И. Чайковского, Ж. Сен-Санса в исполнении симфонического оркестра. В Народном доме ставились пьесы А. П. Чехова и А. М. Горького, а в городском театре можно было увидеть спектакли на еврейском языке или поучаствовать в народных балах. В Тополевом саду студия «Наш театр» демонстрировала серию благотворительных спектаклей в пользу погоревших станиц. В саду Челябинского общественного собрания в июле 1918 г. давались симфонические концерты XVI музыкального сезона, а в сентябре — октябре 1918 г. в Челябинске открылись три кинематографа — «Арс», «Луч» и «Грезы», — к которым в декабре прибавился «электротheater» «Орел». В Уфе в августе 1918 г. функционировали сад и театр наследников Видинеевых, кинотеатр «Юлдуз» и летний электротheater «Арс». В конце октября действовали кинотеатры «Идеал» (бывший «Фурор»), «Заря», «Искусство», «Колибри».

Екатеринбург, который и до революции отличался наиболее насыщенной на Урале культурной жизнью, соответствовал самым разнообразным культурным запросам и во время гражданской войны. Городская публика могла послушать симфоническое исполнение музыки Б. Сметаны, А. Дворжака, А. К. Глазунова, Г. М. Римского-Корсакова, Л. ван Бетховена, П. И. Чайковского, духовные концерты в лютеранской церкви, поучаствовать в открытии оперного сезона, посетить новый городской театр и кинотеатры «Художественный» и «Колизей». В теплое время года к услугам екатеринбуржцев были конные бега и оперетты, комедии и инсценировки в Харитоновском саду и в Интимном театре; в зимнее время — каток, ледяные горы, карусель и прочие аттракционы, чайно-фруктовый буфет в том же Харитоновском саду. В январе — июне 1919 г. в Перми действовали кинотеатры «Триумф», «Мираж», «Отдых», «Колибри», а также городской театр, преимущественным правом на покупку билетов в котором пользовались офицеры и солдаты¹⁰⁸. «Белые» газеты Урала пестрели рубриками «Театр и музыка», «Театр и зрелища», «Театр, искусства, зрелища».

Как и большевистская диктатура, антисоветские режимы имели слабость к помпезным торжествам. Многочисленные пышные празднества в «белых» городах были

¹⁰⁶ Утро Сибири. 1918. 18 окт., 2 ноября.

¹⁰⁷ Пермская земская неделя. 1919. 4 марта; Наш Урал. 1919. 14 марта; Уральская жизнь. 1919. 29 марта; Великая Россия. 1919. 8 мая.

¹⁰⁸ Освобождение России. 1919. 12 янв.

призваны идеологически обосновать и укрепить новую власть. В отличие от советских праздников, они были оформлены более традиционно, с опорой на имперские и национально-конфессиональные культурные корни. В сентябре 1918 г., например, в Оренбурге пышно прошли «дни славянского единения», лейтмотивом которых была культурная общность великороссов и чехов¹⁰⁹. По-прежнему торжественно отмечались главные православные праздники. Как и до революции, выходили рождественские и пасхальные газетные номера. Не чинились препятствия и проведению иноконфессиональных торжеств. Так, в Екатеринбурге, в связи с мусульманским праздником, все солдаты-магометане 29 июня — 1 июля 1919 г. были освобождены от занятий и служебных нарядов¹¹⁰. В городах свободно действовали костелы, синагоги, мечети. Православная церковь была неизменной участницей всех крупных торжеств. Так, в июле 1918 г. по поводу освобождения Оренбурга от большевиков и по просьбе горожан была проведена литургия в Кафедральном соборе, к концу которой прибыли крестные ходы из всех церквей города, совершив затем совместный крестный ход на Форштадтскую площадь, где было произведено всенародное молебствие¹¹¹. В Екатеринбурге 23 марта 1919 г., в воскресенье, епископ Григорий совершил в Кафедральном соборе панихиду по убиенным героям и молебствие за дарование успехов «белой» армии¹¹². Месяц спустя был совершен крестный ход из всех церквей Екатеринбурга на Михайловское кладбище. Там, на братской могиле, были совершены литургия и панихида по всем «мученикам, убиенным за веру и отечество»¹¹³.

Вместе с тем, как и в «красных» городах, наблюдалась милитаризация праздников — неизбежное следствие того, что фактическими хозяевами городов стали военные. Парады воинских частей стали принадлежностью городской жизни, сопровождая частые визиты высокого начальства, в том числе А.В.Колчака. Особенной популярностью пользовались военные праздники в прифронтовой Перми, где похороны павших солдат и офицеров превращались в события общественного звучания. Так, 9 января 1919 г. в присутствии войск и при большом стечении народа прошли торжественные похороны павших за освобождение города от большевиков. Вслед за отпеванием на площади у Воскресенской церкви процессия в сопровождении оркестра и под погребальный перезвон пермских церквей направилась на Новое кладбище, где прозвучали речи и ружейные залпы в честь погибших. По аналогичному сценарию прошли похороны «героев народной армии» 26 января, 5, 9, 18 февраля, 14 и 19 марта 1919 г.¹¹⁴

Помимо траурных церемоний, внимание горожан привлекали войсковые праздники. Так, расквартированный в Перми 11-й Оренбургский казачий полк 6 мая продемонстрировал публике на местном ипподроме джигитовку, рубку шашками на полном скаку, моменты боя, борьбу в седлах, казачью свадьбу с похищением невесты. В завершение показа чудес ловкости победители брали призы на полном скаку¹¹⁵.

Вопреки сложившимся в историографии стереотипам об исключительно промонархических ориентирах колчаковского режима, в идеологическом обосновании законности своей власти он пытался опереться не только на дореволюционное, но и на революционное культурное наследие. 12 марта 1919 г. годовщина Февральской рево-

¹⁰⁹ Оренбургский край. 1918. 20, 25, 29 сент.

¹¹⁰ Уральская жизнь. 1919. 27 июня.

¹¹¹ Народное дело. 1918. 6 июля.

¹¹² Уральская жизнь. 1919. 23 марта.

¹¹³ Там же. 27 апр.

¹¹⁴ Освобождение России. 1919. 9, 26 янв., 6, 11, 18 февр., 16, 20 марта.

¹¹⁵ Там же. 14 мая.

люции постановлением Совета министров Всероссийского временного правительства была объявлена неприсутственным днем. Правда, праздничный день прошел спокойно и незаметно. В Екатеринбурге, например, магазины и предприятия были закрыты, занятий в учебных заведениях не было. Не были организованы собрания, посвященные двухлетию революции¹¹⁶. В Перми чествование годовщины ограничилось торжественным заседанием губернской земской управы с привлечением представителей общественности¹¹⁷. Так же тихо прошло и 1 мая 1919 г., объявленное нерабочим днем. По постановлению областного бюро профсоюзов демонстраций и митингов не было. На ряде заводов были приняты решения работать 1 мая с последующим отчислением заработка в кассу профсоюза или на развитие рабочей печати¹¹⁸.

Казалось бы, жизнь в городах «белой» зоны была отмечена благополучием и оживлением. Однако при ближайшем рассмотрении процветание выглядит сомнительным, а оживление — лихорадочным. Новым властям не удавалось справиться со многими проблемами, оставшимися в наследство от прежних режимов.

В феврале 1919 г. екатеринбургский городской голова докладывал Верховному правителю о том, что городское хозяйство, пошатнувшееся из-за отсутствия собственных доходных статей, пришло в последние годы в полное запустение. В качестве причин назывались исключительные расходы во время мировой войны, падение денежного курса и роста дороговизны, мероприятия советской власти. В итоге, задолженность города к моменту освобождения его от большевиков в июле 1918 г. выросла до 6 млн. р. После падения советской власти в Екатеринбурге наличных средств городского хозяйства осталось 60 тыс. р. Городские капиталы в процентных бумагах были большевиками увезены¹¹⁹. Все это создавало серьезные трудности для упорядочения городского хозяйства и решения проблем городского населения¹²⁰.

В городах по-прежнему господствовали беспорядок и антисанитария. В октябре 1918 г. одна из челябинских газет жаловалась на царившую в городе грязь:

«Несмотря на появляющиеся всевозможные эпидемические заболевания, город наш содержится крайне грязно. На его главной улице — Уфимской — лежат кучи мусора»¹²¹.

В ноябре 1918 г. в Челябинске дошло до закрытия на полторы — две недели кинематографов «Арс», «Луч», «Грезы» и цирка Кадырги-Лам комиссией по борьбе с тифом¹²². Одной из причин эпидемии тифа в Екатеринбурге весной 1919 г. было плачевное санитарное состояние города, количество неубранного мусора в котором оценивалось в 7 тыс. возов¹²³.

Наряду с навозом, пищевыми отходами, мусором и нечистотами в городах Урала появился новый, страшный источник заражения — небрежно погребенные человеческие трупы. В начале сентября 1918 г. оренбургские власти забили тревогу по поводу санитарного состояния братских могил в центре города:

«Губернский уполномоченный к[омите]та членов Учр[едительного] собрания обращает внимание городской управы, что гниение трупов, зарытых на площади перед зданием почты, рас-

¹¹⁶ Наш Урал. 1919. 11, 14 марта.

¹¹⁷ Освобождение России. 1919. 13 марта.

¹¹⁸ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 55. Л. 19; Наш Урал. 1919. 3 мая.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 40 — 44.

¹²⁰ Там же. Л. 50.

¹²¹ Утро Сибири. 1918. 13 окт.

¹²² Там же. 13, 22, 29 ноября.

¹²³ По ту сторону Урала... С. 36.

пространяет временами сильный запах, а разрытие могил и приведение площади в прежний вид в летнее время, по мнению санитарного надзора, невозможно.

В виде временной меры уполномоченный предлагает гор[одской] управе место могил по возможности уравнивать, залить цементом, а, за недостатком его, известью, и заложить дерном»¹²⁴.

Не меньше беспокойств у оренбуржцев вызывало дальнейшее распространение преступности. С 12 августа 1918 г. каравансарайский сад, в связи с непрекращающимися там безобразиями, распоряжением коменданта города был закрыт¹²⁵. Тремя месяцами позже пресса отмечала необоримую эскалацию преступности: «В последнее время в городе заметно усилилась преступная деятельность, выражающаяся в большом количестве краж со взломом в ночное время, что может быть объяснено уверенностью преступников в полном прекращении деятельности суда»¹²⁶.

В начале августа 1918 г. в городской продовольственной лавке Челябинска произошла уже третья в течении года кража: на этот раз исчезли 8 пудов сахара и 20 пудов чая. А 8 августа из челябинского собора прямо во время службы были похищены из алтаря два напрестольных креста¹²⁷.

Наибольшую неуверенность в городских жителей вселял ненадежный приток продовольствия и непрекращающийся рост дороговизны. Несмотря на относительное, по сравнению с состоянием продовольственного дела на большевистских территориях, изобилие продуктов, товаров и услуг, горожане непрерывно испытывали нехватку то одного, то другого предмета массового спроса. В августе 1918 г. на дровяном складе Челябинского продовольственного комитета сутками стояли длинные очереди, сигнализируя приближение топливного кризиса¹²⁸. В это время, когда к продовольственному рынку Оренбурга, казалось, пришло второе дыхание, стоимость пары ботинок приравнялась к цене 20 пудов семян и заработку мелкого служащего за полтора месяца. Пресса пыталась образумить обывателя, раскручивающего маховик инфляции, как белка колеса:

«Так растет наша пресловутая дороговизна. Сапожник может зарабатывать по 60 рублей в день, ему такую цену должен платить крестьянин, последний наложит на хлеб, а сапожник прибавит на сапоги и т.д. Так мы подстегиваем друг друга, а в итоге все стонем от системы "рви", пока можно рвать...»¹²⁹.

В начале сентября 1918 г. ни в одной из лавок Уфы не было табака и папирос. В то же время на толчке табачные изделия предлагались в огромном количестве: несколько рядов мужчин и женщин с мешками в ногах предлагали махорку и папиросы¹³⁰.

В октябре 1918 г., в связи с выдачей дефицитных продуктов по умеренным ценам на основании карточной системы, жители Оренбурга невольно вспомнили советские времена:

«С выдачей населению по октябрьским карточкам чаю, керосину и пр., у городских лавок снова наблюдаются длиннейшие "хвосты". Публике приходится в очереди простоять иной раз 7 часов подряд и, не успев за прекращением времени торговли попасть в лавку, начать свои испытания завтра снова. Особенно неудобство создается для служащих различных учреждений, которым приходится манкировать своей службой, дабы не остаться без необходимейших продуктов»¹³¹.

¹²⁴ Оренбургский край. 1918. 3 сент.

¹²⁵ Народное дело. 1918. 9 авг.

¹²⁶ Там же. 16 ноября.

¹²⁷ Утро Сибири. 1918. 7, 17 авг.

¹²⁸ Утро Сибири. 1918. 21, 23 авг.

¹²⁹ Вольная степь. 1918. 14 авг.

¹³⁰ Голос рабочего. 1918. 5 сент.

¹³¹ Народное дело. 1918. 19 окт.

В ноябре в городских продовольственных лавках Уфы отсутствовал сахар-рафинад по 6 р. за фунт, который в неограниченных размерах можно было приобрести на базаре по цене 28 р.¹³²

По мере затягивания гражданской войны продовольственное положение городского населения обострялось. В январе 1919 г. фунт мяса в вольной продаже в Челябинске подорожал с 1,7 до 3 р.¹³³ По причине материальной нужды и дороговизны празднование Пасхи в апреле 1919 г. для многих горожан было горьким. В пасхальном номере местной газеты было помещено письмо жительницы Уфы П.Г.Калашниковой, которая делилась своими безрадостными мыслями:

«Слышанное ли дело, чтобы к пасхе мука белая была 250 руб., поросенок 70 руб., мед 40 руб., и все в таком роде... Лучше и не разговляться! Во что праздники-то обойдутся! Да еще хорошо, у кого деньги есть, а у тех, у кого их нет? К примеру сказать, наша семья... Вернулись из эвакуации из Челябинска, прожились, потратились, порастеряли багаж... думали, дома отдохнем – глядь, квартира вся разгромлена, вещи вывезены, дрова сожжены... Вот и покупай пасхальную снедь... На что? где? и как ее готовить без дров и без посуды? Видно уж, придется вместо пасхальной снеди ограничиться лишь воспоминаниями об окороках, куличах и сырах, съеденных в предыдущие пасхи»¹³⁴.

Бытовые заботы усугубляла довольно острая проблема оплаты труда. Государственная служба могла обеспечить приличное существование только чиновникам высших рангов. Месячный оклад главноуправляющих ведомствами Временного областного правительства Урала составлял 1500 р., их заместителей – 1250 р., в то время как правительственный уполномоченный по уезду получал всего 600 р., секретарь – 350 р., машинистка – 200 р.¹³⁵ О жалком положении служащих, мобилизованных на обслуживание армии, свидетельствует содержание запроса главного инженера постройки западной части железнодорожной линии Казань – Екатеринбург на имя главного начальника Уральского края от 22 февраля 1919 г. В связи с боевыми действиями в районе строительства и отступлением войск Народной армии, по распоряжению властей многие служащие были в пешном порядке эвакуированы.

«Все эти служащие..., состоя на фактической работе во время военных действий, при эвакуации совершенно были лишены возможности вывезти свое имущество и отступали в тех же костюмах, в каких находились на работах. Введу отсутствия смены и возможности починки, в период с сентября по февраль, вся имевшаяся одежда окончательно износилась, вследствие чего перечисленные служащие (значительная часть с семьями) находятся в крайне бедственном положении»¹³⁶.

В июне 1919 г. начальник Екатеринбургской городской милиции докладывал, что дороговизна «...особенно отзывается на служащих казенных учреждений, оклады содержания которых гораздо ниже получаемых служащими частных предприятий и рабочих»¹³⁷.

Проблемы городской жизни приобрели особую остроту в последние месяцы существования на Урале колчаковского режима. Отдельные военные успехи оборачивались новыми сложностями – восстановить нормальное жизнеобеспечение на приобретаемых,

¹³² Голос рабочего. 1918. 9 ноября.

¹³³ Утро Сибири. 1919. 24 янв.

¹³⁴ Великая Россия. 1919. 20 апр.

¹³⁵ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 24, 28.

¹³⁶ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 4. Л. 94. Проситель ходатайствовал о выделении служащим не только предметов одежды или ткани, но и продуктов, которые служащие вынуждены были покупать по вольным ценам.

¹³⁷ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 43.

разоренных Советами территориях не представлялось возможным. Так, в Оханске в марте 1919 г., после ухода «красных» войск, ощущался недостаток лошадей, фуража, топлива. Население вынуждено было распиливать лес из плотов, замерзших у берега Камы¹³⁸.

Как и раньше, продовольственные сложности порождали эксцессы в наэлектризованной ажиотажным спросом толпе. В Златоусте 28 апреля в 16 часов у винной лавки общества «Продукт» за получением водки собралась толпа, насчитывавшая более 500 человек. Очередь не соблюдалась, толпа напирала. Наряд из восьми милиционеров не смог сдержать ее натиск — были выбиты стекла, выломана дверь. Только усилиями подоспевшего наряда милиции соседнего участка удалось разогнать толпу и установить очередь¹³⁹.

К маю 1919 г. трудности жизни в городах затянулись в тугой, не распутываемый узел. В середине мая 1919 г. начальник милиции Перми, рапортуя о спокойном настроении населения, вместе с тем сообщал:

«...наблюдается, благодаря голода, большой приток в город безработных из мест, занимаемых правительственными войсками; многие из безработных в поисках работы выезжают в Сибирь; продовольственных продуктов на рынке и в кооперативах достаточно, но ввиду проведения в жизнь закона об изъятии "көренок", весенней распутицы и начала полевых работ, цены на продукты высокие; уплата налогов происходит слабо и плательщики отговариваются тем, что их разорили большевики и что предприятия не приносят прибыли из-за дороговизны рабочих рук и отсутствия материалов, а доходные дома приносят им ничтожную прибыль, благодаря низким цен на квартиры»¹⁴⁰.

Тремя днями позже аналогичную картину неустроенности в Екатеринбурге представил глава местной милиции. Оценивая настроение горожан как удовлетворительное, он отмечал, что «...усиливается недовольство лишь все растущей дороговизной, особенно на продукты питания, как мука, мясо, масло». Постановка продовольственного дела была ниже всякой критики: не осуществлялась заготовка муки для населения по умеренным ценам, что вынуждало горожан покупать все необходимое на рынке. Хотя привоз был достаточным, цены были недоступны для большинства жителей. Особый ропот вызвала подводная повинность, налагаемая на население города военными властями. Обыватели должны были поставлять в их распоряжение 600 подвод в день. Это означало, что каждая лошадь использовалась через один — два дня. К плановым нарядам на подводы почти ежедневно присовокуплялись экстренные наряды¹⁴¹.

Серьезной проблемой для жителей «белых» городов, как и «красных», стал квартирный кризис. Обветшавший, а частично разрушенный квартирный фонд был не в состоянии удовлетворить потребности растущего городского населения. Следствием стала дороговизна жилья. В конце апреля 1919 г. ввиду острого квартирного кризиса в Перми власти поступили так же, как в аналогичных обстоятельствах поступали большевики: въезд в губернский центр был запрещен, горожане без определенных занятий обязывались покинуть город в трехдневный срок, рискуя в противном случае быть высланными этапным порядком¹⁴².

В мае 1919 г. в Екатеринбурге свирепствовал тиф, что объяснялось «...с одной стороны, страшной скученностью жилья, а с другой — недостаточным питанием вследствие дороговизны». Превышению предельных норм плотности городского населения

¹³⁸ ГАСО. Ф. Р-1956. Д. 28. Л. 20.

¹³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

¹⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 27.

¹⁴¹ Там же. Л. 32, 43.

¹⁴² Освобождение России. 1919. 30 апр.

весной — летом 1919 г. способствовали наплыв беженцев, высокая концентрация воинских частей и учреждений¹⁴³.

И без того тревожные настроения горожан будоражились постоянными сообщениями прессы о зверствах большевиков на подконтрольных им территориях. Пугающие, часто непроверенные слухи, казалось бы, подтверждались страшными находками при вскрытии братских могил. Так, 8 мая 1919 г. в саду Пермской духовной семинарии при большом скоплении обьятых ужасом людей были открыты 26 трупов расстрелянных большевиками лиц. Покойники были обнаружены раздетыми, изуродованными и застывшими в скорченных позах, свидетельствующих о мучительной и нескорой смерти¹⁴⁴.

Неудивительно, что в условиях нараставшего страха перед лицом неизвестности и напряженного ожидания худшего развлечения все более упрощались и грубели. Наряду с отмечавшимся современниками распространением пьянства, наблюдались размывание более изысканных форм и понижение культурного уровня досуга. В репертуаре кинематографов и театров преобладали тривиальные мелодрамы и пошлые фарсы с характерными названиями: «Тройка червей», «Ева, или приманка притона», «Печать проклятия», «Львица Парижа», «Парижанка Жу-Жу», «Дамочка с пружинкой», «Пусть будет сном, что вы меня любили», «Шахматы любви», «Власть демона», «Чаша любви и смерти», «Когда смеется жизнь, тогда рыдают люди», «Проклятие любви», «Старички и девчонки», «Ах, зачем, ты, злая доля, до Сибири довела» и т.д. Видимо, содержание некоторых кинолент было настолько рискованным, что в Оренбурге, где в конце июля 1918 г. была отменена цензура, месяцем позже появился приказ начальника областной милиции о предварительном просмотре фильмов ее представителем. Лишь после одобрения стражем порядка картины допускались к просмотру публикой¹⁴⁵.

Однако и второсортная, морально сомнительная кинопродукция проникала на Урал с трудом. В Уфе, где не было конторы по прокату картин, и киноленты поступали из Самары и Сибири, с нарушением регулярного железнодорожного сообщения осенью 1918 г. кинотеатры оказались в затруднительном положении. Доставка фильмов приобретала случайный характер. Они попадали в город с оказией, иногда переправлялись на лошадях, а порой и пешком через линию фронта специальными организациями. В результате «электротеатрам» приходилось неделями тянуть старую программу, или, для привлечения зрителей, наполнять ее дешевыми аттракционами. Среди четырех уфимских кинотеатров выгодно выделялся кинозал «Идеал», регулярно пополнявший репертуар новыми картинами и избегавший демонстрации сомнительных или случайных эстрадных номеров перед началом сеанса¹⁴⁶.

По этой же причине в Челябинске из четырех кинематографов в марте — июне 1919 г. действовали лишь один — два, а в июле — ни одного. Анонсы и рекламы кинофильмов в последние месяцы антибольшевистского режима появлялись все реже. Блеск городской жизни «белой» зоны Урала был обманчивым и постепенно мерк. За ним скрывалось множество проблем, с которыми сталкивались и большевистские власти. Однако население за пределами городов имело много оснований завидовать обитателям городов: жизнь в горнозаводских поселках и деревнях была пронизана еще большими тяготами и безысходностью.

¹⁴³ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 32, 43.

¹⁴⁴ Освобождение России. 1919. 30 апр.

¹⁴⁵ Народное дело. 1918. 6 сент.

¹⁴⁶ Уфимская жизнь. 1918. 12 ноября.

На развалинах горнозаводской системы. Существование обитателей горнозаводской зоны Урала, оказавшейся преимущественно под властью «белых», походила на прозябание на пепелище, отражая общее хозяйственное состояние региона. Оценивая экономическое положение Урала в конце 1918 г. — первые месяцы 1919 г., главный начальник Уральского края С.С.Постников представил широкую панораму хозяйственного хаоса:

«Продовольствия на Среднем и Северном Урале нет, потому что железные дороги его не перевозят. Все использовано под эшелоны. Даже у интендантства на днях было 15 вагонов при суточном расходе в 11. Между тем в 250 верстах, в Шадринске, лежит готового хлеба 400 вагонов. Вообще, хлеб есть, но обещания командарма выделить часть состава для перевозок, данные еще в ноябре, потом подтвержденные — не выполняются.

То, что начальник военных сообщений обещает сегодня, завтра же не выполняется. Есть населению нечего, и приходится покупать хлеб, привезенный гужом за 300 верст, или от спекулянтов. Рабочие говорят: “прибавок для удовлетворения спекулянтов, или хлеба”. Все попытки добиться распоряжения в первую очередь перевезти продовольствие для интендантства, семенной материал, хлеб для населения — игнорируются. Население доводится до отчаяния, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленность не могу»¹⁴⁷.

Три грозных явления маячили перед жителями горнозаводской зоны, поглощая все время и все силы, составляя содержание их будней: отсутствие или нехватка поставляемых государством основных продуктов питания, недостаток средств на приобретение продовольствия у крестьян, разрушение горнозаводских производств, угрожавшее потерей рабочих мест. Летом — в начале осени 1918 г. горнозаводские рабочие, судя по размаху антибольшевистских волнений, связывали надежды на улучшение своего положения с изгнанием большевиков. Рабочие Ижевского завода, восставшие в начале августа, были охвачены порывом, придававшим движению действительно народный характер: если накануне восстания 8 августа более 20 тыс. рабочих ежедневно выпускали 200 — 400 винтовок, то в сентябре всего 700 рабочих (остальные ушли добровольцами в антисоветскую Народную армию) производили 800 — 1200 винтовок. При этом наблюдатели обращали внимание на одно тревожное обстоятельство, омрачавшее перспективу движения:

«С самого начала переворота рабочие и служащие получают содержание по пониженным ставкам.

Такое положение, конечно, может оказаться чревато серьезными последствиями»¹⁴⁸.

В начале сентября 1918 г. доклад Кыштымской волостной земской управы в управление внутренних дел областного правительства Урала о настроениях жителей горнозаводского поселка было пронизано оптимистическими нотками:

«Массы, терроризированные большевиками, а за последнее время военными действиями, стараются не выказывать своей политической физиономии, но управа имеет основания судить, что если финансовый и продовольственный вопросы будут урегулированы, то большевистский гипноз пройдет, продуктивность работы возрастет, отношение к власти определится, но для этого управа считает, что нужны разумные и планомерные меры, а также немедленное создание общегосударственной власти»¹⁴⁹.

Тремя неделями позже оптимизм Кыштымской волостной земской управы сменился тревогой. В докладе в управление внутренних дел от 25 сентября отмечалось, что

¹⁴⁷ Цит. по: Колчаковщина на Урале... С. 86.

¹⁴⁸ Народ. 1918. 26 ноября.

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.

с середины августа продовольствие по железной дороге не поступало, причем о причинах этого явления никто волостное начальство не уведомил. Одновременно из-за страды, а затем из-за распутицы прекратился гужевой подвоз продуктов питания из окрестных сел. Население Кыштымского завода осталось совершенно без хлеба¹⁵⁰.

Такое положение, обострявшееся в течение осени, наблюдалось повсеместно. Докладная записка инженера Уральского горного округа, направленная областному правительству в ноябре 1918 г., была пронизана отчаянием из-за бессилия и бездействия власти, сменившей большевиков четыре месяца назад:

«Нужно, наконец, открыто признать, что населению есть нечего, что организация снабжения его продовольствием действует только на бумаге, что у Управления округов оборотных средств нет; и нечем платить рабочим и тем давать возможность получать продовольствие хотя бы через мешочников. Тысячи рабочих продали лошадей, чтобы получить оборотный капитал на мешочничество и, например, в Златоустовском округе, по этой причине, некому будет зимой вывозить дрова. Этих лиц никакими угрозами и законами, при отсутствии действительного надзора, не отучить от их занятия и не вернуть их к работе в промышленности, пока их занятие не окажется невыгодным и бесцельным. Для этого необходимо привезти хлеб помимо их. <...>

...техническое оборудование освобожденных округов по большей части сохранилось, ...сырых материалов в виде руды и топлива еще немало, но безвластие государственное, мертвые законы, "кормление" уполномоченными, отсутствие денег сводят на нет попытки администрации округов восстановить предприятия»¹⁵¹.

Горнозаводское хозяйство, доставшееся от большевиков их противникам, представляло собой тяжелое наследство. Промышленная секция проходившего 18 – 20 октября 1918 г. в Екатеринбурге 1-го Уральского торгово-промышленного съезда констатировала:

«...быстрое повышение заработных плат и падение производительности труда вызвали, с одной стороны, уменьшение производства, а с другой, – способствовали понижению ценности рубля. Возникновение различных организаций среди рабочих, поддержанных впоследствии декретами Советской власти, совершенно разрушили дисциплину и дезорганизовали промышленность»¹⁵².

Из Лысьвенского завода были увезены почти все инженеры и ответственные служащие. Увезена была и значительная часть его продукции: «Эвакуация завода производилась давно, и увезено очень много готовых товаров...» Серьезных повреждений оборудованию не было причинено, машин было вывезено немного. Рабочие были рассчитаны советской администрацией по 5 – 6 декабря, после чего им не оставалось ничего иного, как с надеждой ждать прихода новой власти. Из ряда других заводов работники были отчасти эвакуированы большевиками, отчасти – разбежались от полуголодного существования. В Теплогорском заводе в конце декабря 1918 г. оставалось всего 43 рабочих и 18 служащих, в Бисертском – 86 рабочих и 20 служащих¹⁵³.

В феврале 1919 г. екатеринбургский городской голова докладывал А. В. Колчаку о состоянии промышленности на Среднем Урале:

«За время большевистского правления фабрично-заводская промышленность, в смысле производства, понизилась процентов до 50. В данное время деятельность фабрик и заводов протекает довольно слабо за отсутствием топлива (угля и дров), некоторые же заводы и предприятия совершенно лишены возможности начать свои действия теперь или в недалеком будущем ввиду эвакуации или порчи большевиками существенных механизмов»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Там же. Л. 8 – 11.

¹⁵¹ Гражданская война на Южном Урале... С. 191.

¹⁵² Колчаковщина на Урале... С. 53.

¹⁵³ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 – 14.

¹⁵⁴ Там же. Д. 19. Л. 51.

Зимой 1918 – 1919 гг. продовольственное положение жителей горнозаводских поселков вплотную приблизилось к состоянию голодного кризиса, а промышленное производство – к коллапсу. Обосновывая свою отставку, главный начальник края писал:

«На голодном Урале недостаток рабочих, и пока хлеб не придет, они не придут. Поэтому рабочих на более трудных работах вовсе нет, и в результате рубка дров почти прекратилась. Урал выплавляет в месяц 1 миллион, вместо 4 миллионов в 1916 г. и то сжигает старые дрова. Дальше будет еще хуже, когда кончатся запасы. Г.г. военные не понимают, что значит ни во что не считать тыл»¹⁵⁵.

В более благоприятной продуктовой ситуации находились относительно давно перешедшие в руки «белых» Шадринский, Камышловский, Кунгурский и Ирбитский уезды Пермской губернии, в менее удовлетворительных – Пермский, Красноуфимский, Верхотурский, Екатеринбургский. Самое тяжелое положение сложилось в Соликамском и Чердынском уездах. В феврале 1919 г. исполняющий обязанности управляющего Пермской губернии рапортовал начальству:

«Хлеба совсем нет. Привоз извне незначительный. В Соликамском уезде продовольственный вопрос осложняется тем, что единственная железная дорога... разрушена»¹⁵⁶.

В хаосе глухого противостояния военных и гражданских властей наряды на продовольствие не выполнялись, в агонии железнодорожного сообщения терялись целые составы с продуктами питания. В феврале 1919 г. Нижне-Салдинская волостная земская управа испрашивала наряд на десять вагонов для отправки пшеницы со станции Катайск до станции Нижняя Салда. Население поселка нуждалось в скорейшей доставке хлеба, для которой были отданы последние средства. Задержка с поступлением пшеницы могла отразиться на беднейшей части жителей самым печальным образом:

«Ибо средств на покупку хлеба на местном рынке уже не имеют. Местный Нижне-Салдинский завод несколько месяцев не производит никаких работ, поэтому население остается в самом жалком и безвыходном положении в приобретении денежных средств, на которые бы могло поддерживать свое жалкое существование впредь до получения хлебного груза со ст. "Катайск"»¹⁵⁷.

В середине февраля уполномоченный по управлению Кизеловским горным округом телеграфировал начальнику края:

«Положение [с] хлебом катастрофическое[,] затерявшиеся 6 вагонов не разысканы[,] в Чусовскую пришли 3 вагона [в] адрес 4 Сиб[ирского] корпуса[,] исхлопочите отпустить нам хотя бы один[,] убедительно прошу поставить нам пшеницу или муку маршрутным поездом точно. Чтобы работы округа [были] продуктивны[,] чтобы рабочие не разбежались[,] Вам необходимо обеспечить Округ продовольствием»¹⁵⁸.

Крайняя обеспокоенность сквозит в письме представителя Гороблагодатского округа М.В.Бадерского от 18 марта 1919 г.:

«Ввиду крайнего критического положения в Гороблагодатском округе нет ни хлеба, ни овса, из-за неимения которого почти прекращена подвозка горючего, что грозит остановкой всех заводов округа, работающих на оборону»¹⁵⁹.

Угроза остановки производства из-за прекращения поставки топлива подчеркивалась и в запросе Главного управления Верх-Исетских заводов от 13 марта 1919 г.:

¹⁵⁵ Цит по: Пионтковский С.А. Указ. соч., С. 86.

¹⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 50.

¹⁵⁷ Там же. Д. 3. Л. 278.

¹⁵⁸ Там же. Д. 5. Л. 1.

¹⁵⁹ Там же. Л. 50.

«Из сведений видно, что завод работает исключительно за счет прежних запасов дров. Всего за последние сорок дней взято из запасов 400 куб[ических] саж[ень]. Если положение с доставкой топлива не изменится, то существующих дров хватит едва на две недели, после чего их не окажется даже для отопления заводских зданий и квартир рабочих. При малейшей же заминке в доставке дров кризис наступит и раньше, так как имеющаяся при заводе наличность отвечает едва трехдневной потребности завода»¹⁶⁰.

Жизнь в горнозаводской зоне оставалась полной забот и весной 1919 г. За внешним спокойствием ее протекания скрывалась нерешенность основных проблем заводского населения. В сухих, составленных в военном стиле рапортах начальника Нижнетагильской городской милиции на имя управляющего Пермской губернией за апрель — май 1919 г. невольно проступает внутренняя напряженность повседневного существования местного населения. Информирова о положении в бывшем заводском поселке Нижнем Тагиле в первой половине апреля, начальник милиции констатировал:

«Настроение жителей вверенного моему надзору района, благодаря вздорожанию цен на предметы первой необходимости и безработице, в массе далеко не спокойное, но никаких выступлений политического характера за время с 1 по 15 сего апреля не было и случаи антигосударственной агитации места не имели. <...>

Число безработных рабочих не уменьшается, так как работы на заводе налаживаются слабо»¹⁶¹.

Налоги с населения были взысканы, жизнь учебных заведений протекала нормально. Самой большой проблемой был рост цен на продукты, приток которых был приостановлен весенней распутицей.

Месяц спустя начальник милиции, строго придерживаясь предложенной схемы отчета, вновь охарактеризовал жизнь в Нижнем Тагиле, которая была отмечена противоречивыми тенденциями: налаживание заводских работ и ликвидация безработицы протекали параллельно с ростом рыночных цен на 20 — 30%:

«§ 1

Настроение населения подавленное, благодаря недостатка на рынке предметов первой необходимости и сильного вздорожанию их. Противоправительственной агитации и никаких политических выступлений в отчетный период замечено не было.

§ 2

Работы на заводах и в мастерских кустарей идут успешно, деятельность заводов оживляется.

§ 3

Безработных не имеется, наоборот, есть недостаток в рабочих.

§ 4

Жизнь учебных заведений проходит нормально.

§ 5

Положение рынка: ощущается недостаток хлебных продуктов, но местное земство и кооперативы приняли меры к устранению этого явления. Земство продает крестьянам и женам солдат муку по 60 руб., а кооперативные учреждения — по 52 — 55 руб. за пуд. Цены же на рынке на муку стоят 120 руб., мясо — 6 руб. фунт, рыба — от 4 до 6 руб. фунт, картофель 30 руб. пуд, крупы от 3 до 4 руб. фунт, овес 40 руб. пуд»¹⁶².

Об устойчивости отмеченных тенденций свидетельствует рапорт нижнетагильского начальника милиции от 7 июня:

«Настроение жителей вверенной мне местности никаких опасений за возможность выступлений на политической почве не представляет. Случаи противоправительственной агитации места не имели.

¹⁶⁰ Там же. Л. 75.

¹⁶¹ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 3.

¹⁶² Там же. Л. 10.

§ 2

Работы на заводах оживлены, безработных нет, чувствуется наоборот недостаток в рабочих руках.

§ 3

Предметы продовольствия, хотя и с трудом, но добываются. Цены на продукты увеличиваются с каждым днем, благодаря тому, что местных запасов уже нет, а доставка сюда по железной дороге сопряжена с большими затруднениями»¹⁶³.

Если нижнетагильские рабочие и не страдали от безработицы, то в других горнозаводских округах недостаток работ ощущался весьма болезненно. Так, на некоторых заводах Верхотурского уезда удельный вес безработных достигал 50%. Ликвидировать или хотя бы смягчить дефицит рабочих мест мешала уральская специфика в положении рабочих кадров: большинство рабочих были местными и владели хозяйством, чем и объясняется их нежелание идти на сторонние заработки¹⁶⁴.

Мотивы государственных мероприятий «белых» в горнозаводской зоне были далеки от мести рабочим за поддержку, оказанную ими год назад большевистской власти. Временное областное правительство Урала 4 ноября 1918 г. издало постановление «Об изменении порядка наложения штрафов и взысканий на рабочих», согласно которому «наложение каких-либо денежных взысканий на рабочих властью заведующих предприятий воспрещается»¹⁶⁵. В марте 1919 г. съезд горнозаводчиков принял решение в связи с дороговизной жизни пойти на 25-процентную прибавку к зарплате рабочих.¹⁶⁶ В начале апреля Особое совещание представителей Бюро Екатеринбургского Совета съездов горнопромышленников Среднего Урала приняло решение осуществить ряд мер для облегчения продовольственного положения рабочих, среди которых на первое место была поставлена следующая:

«Ввиду катастрофического состояния уральских заводов по обеспечению их продовольствием, возбудить перед правительством ходатайство об ассигновании необходимых кредитов и о разрешении уполномоченному Уральскому району И. Н. Олейникову-Рощину увеличить покупку продовольствия и фуража, поручив ему снабжать продовольствием и фуражом не только военные ведомства, но и уральские заводы и население Урала»¹⁶⁷.

Пожелания централизации снабжения и недовольство неэффективностью свободного рынка звучали и с низших ступеней власти. В январе 1919 г. председатель Каслинской земской управы Екатеринбургского уезда докладывал в канцелярию главного начальника Уральского края о резком росте цен на хлеб после падения Перми и объявления свободы торговли на бывших советских территориях пермского Прикамья. Стоимость ржаной муки в Каслинском заводе сразу же возросла с 15 – 16 р. за пуд до 26 р., пшеничной – с 20 – 22 р. до 35 – 36 р., сеянки – с 25 до 46 – 47 р. Крестьян невозможно было заставить везти хлеб на местные рынки: пользуясь близостью железной дороги, хлеборобы предпочитали вывозить его в местности с более высоким спросом на хлебопродукты – в бывшую советскую зону. В результате беднейшая часть населения – примерно половина 25-тысячного населения завода – оказалась в критическом положении. В этой связи председатель управы обращался к областному начальству с настоятельным предложением:

«Докладывая об изложенном, прошу Вашего ходатайства об изменении правил о свободной торговле в отношении хлебных продуктов и принятия на учет излишков хлебных запасов

¹⁶³ Там же. Л. 11.

¹⁶⁴ Там же. Л. 36.

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

¹⁶⁶ Там же. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 20. Л. 105.

¹⁶⁷ Там же. Д. 4. Л. 242.

для вывоза на местный рынок, в противном случае продовольственный вопрос в недалеком будущем примет острый характер и может вызвать самочинные выступления.

При этом позволяю присовокупить, что в обеспечении нормального снабжения хлебом населения желательно правительственное регулирование цен на хлеб и предоставление местным самоуправлениям права реквизиций излишков хлеба»¹⁶⁸.

Однако все благие пожелания властей и промышленников гасились управленческим многоцентрием и самочинными действиями местных администраций. Бывший главный начальник Уральского края жаловался, что «по рабочему вопросу каждое ведомство действует по-своему, почему трения идут все время. Например, в Перми железная дорога, морское ведомство и пушечный завод — все платят разное и на различных условиях»¹⁶⁹. В отдалении от центров власти разногласия административных мер была еще большей, ускользая от какого-либо контроля. Сергинско-Уфалейские заводы, например, за неимением достаточных платежных средств, самостоятельно выпустили денежные чеки, что вызвало только больший продовольственный и финансовый кризис¹⁷⁰. Товарищ министра торговли и промышленности колчаковского правительства обеспокоенно докладывал 12 марта 1919 г. в министерство о повышении зарплаты рабочим в Златоустовском округе на 40%. О важности этого события свидетельствует информирование о нем Верховного правителя и начальника Самаро-Уфимского края. Проблема заключалась в том, что «Златоуст выступил сепаратно и дал теперь платы выше всех действующих на Урале. В настоящее время под влиянием этой прибавки пришлось уже поднять платы в Мотовилихе». Предполагалось, что из-за этого придется повысить оплату труда и в Челябинском районе. С экономической точки зрения эта мера оценивалась как нежелательная: она вела к росту цены продукции, дополнительным проблемам сбыта, скоплению товаров на заводских складах и, в конечном счете, к закрытию предприятий. Резюмируя изложенное, товарищ министра писал:

«Жизнь дорожает, возможно, прибавки и нужно делать, но не такими скачками в 40 процентов и планомерно в целом заводском районе.

*Вышеизложенное доводится до сведения министерства ввиду того, что местные власти на Урале не имеют возможности предотвратить повторение подобных случаев»*¹⁷¹.

В конечном итоге, все попытки притормозить инфляцию или смягчить ее последствия оказались тщетными. В то время как цены на предметы первой необходимости за год существования антисоветских режимов выросли в пять — десять раз, номинальная плата рабочих возросла лишь в полтора — два раза. Выдача зарплат, как и в советской зоне, запаздывала. Так, на Златоустовском казенном заводе рабочие и служащие последние три месяца 1918 г. не получали жалования¹⁷². В ожидании зарплаты рабочие вынуждены были жить в долг, постепенно распродавая нехитрые пожитки. В декабре 1918 г. Уральский промышленный комитет осуществил снижение ставок рабочих: были установлены расценки от 8 до 16 р. за смену, исходя из прожиточного минимума 232,1 р., принятого еще в феврале 1918 г. Между тем, в 1918 г. дважды — в июле и сентябре, еще при советской власти, — тарифные ставки повышались: а июле — до 13,6 — 19,2 р., в сентябре — до 14 — 23,2 р. На Южном Урале, где дневная оплата была значительно ниже (5 — 10 р.), она не подверглась изменениям¹⁷³. В мае

¹⁶⁸ Там же. Л. 182 об.

¹⁶⁹ Пионтковский С.А. Указ. соч., С. 86.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 3102. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

¹⁷¹ Там же. Д. 26. Л. 107.

¹⁷² См.: Гражданская война на Южном Урале... С. 193.

¹⁷³ См.: Колчаковщина на Урале... С. 45 — 48.

1919 г. начальник екатеринбургской милиции отмечал, что хотя безработица и не растет, оплата труда далеко не везде обеспечивает хотя бы прожиточный минимум¹⁷⁴.

Положение рабочих в городских центрах было значительно лучше, чем за их пределами, хотя и там ликвидация большевистского режима создавала дополнительное напряжение. Так, в Уфе, по свидетельству очевидца, направленного туда вскоре после падения советской власти для обеспечения связи с местной большевистской организацией, проблема дороговизны дополнялась безработицей:

«В Уфе появилось огромное количество безработных, так как из-за отсутствия средств общественные и казенные работы приостановились. Предприниматели увеличивают рабочий день и снижают заработную плату. Постановление Уфимского совета о выдаче рабочим продовольственного пайка на нетрудоспособных членов семьи отменено»¹⁷⁵.

«Коллективные договоры на предприятиях также отменялись.

Картина была, однако, сложнее расхожих клише о безжалостной эксплуатации рабочих при «белых». На предприятиях, выполнявших срочные военные заказы, оплата труда была более дифференцированной и щедрой, чем на территориях в зоне большевистского режима. В мае 1919 г. на Пермских пушечных заводах зарплата за 8-часовую смену колебалась от 16 р. для чернорабочего до 24,6 р. у квалифицированных рабочих, в Мотовилихе — пригороде Перми — квалифицированные рабочие, изготовлявшие боеприпасы, зарабатывали за 25 рабочих дней до 1 тыс. р. В это время в Москве рабочие высшего разряда получали примерно столько же при гораздо более высоком уровне инфляции, а в советских частях Урала — от 540 до 950 р., на основе единой тарифной сетки и 10-процентной прибавки за работу в прифронтовой полосе¹⁷⁶. Поскольку жалование рабочих не могло обеспечить им нормального существования, заводская администрация продавала им муку за цену, значительно ниже рыночной (40 р. за пуд) по норме 30 фунтов в месяц на несемейного и по 30 фунтов на двух неработающих членов семьи¹⁷⁷ — пак более чем щедрый по сравнению с рационом советских карточных систем.

В целом, однако, жизнь под властью антибольшевистских режимов чем дальше, тем больше рассеивала надежды горнозаводского населения на перемены к лучшему. Обитатели горнозаводской зоны постепенно созревали для того, чтобы от отчаяния принять любую другую власть.

Жизнь в деревне: ни с «белыми», ни с «красными». В конце апреля 1919 г., на исходе господства антибольшевистских диктатур на Урале, главный начальник Южноуральского края, атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.И.Дутов писал из Троицка Верховному правителю России адмиралу А.В.Колчаку:

«Мы в настоящее время берем от деревни все — и солдат, и хлеб, и лошадей, а в прифронтовой полосе этапы, подводы и прочее лежат таким бременем на населении, что трудно представить. <...>

В прифронтовой полосе, а особенно в местностях, освобожденных от большевиков, земства не существует. Налоги земские не вносятся, и служащие разъехались. Больницы в деревнях почти все закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалование им не платили за 1/2 года и больше, все поч-

¹⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 32.

¹⁷⁵ Цит. по: Гужвенко В. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 74.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 22 об.

¹⁷⁷ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 30.

ти поступили в чиновники или в кооперативы. Никаких агрикультурных мероприятий нет, дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку, жгут лучину, – и вот эта сторона очень и очень важна. Та власть будет крепко-крепко поддержана всем народом, которая, кроме покоя и безопасности, даст хлеб, ситец и предметы первой необходимости. Я уже принял все меры к тому, чтобы отправить в Оренбург мануфактуру, сахар и спички. Считаю это очень важным. Суда в деревне нет, во многих селах нет священников. Хоронят без церкви, крестят без обряда и т.д. Все это в деревнях приучает к безверию и распущенности. Религия – основа Руси, без нее будет страшно...»¹⁷⁸.

Это письмо, широко известное благодаря цитированию – с неоправданными и произвольными сокращениями – уральскими исследователями 50-х – 60-х гг., содержит полный перечень бед, обрушившихся на деревню во время гражданской войны на Урале как на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, так и в местностях, оставшихся в сфере влияния большевистских властей. Произвол, чинимый гражданской и военной властью, разрушение государственных и общественных институтов, призванных цивилизовать самое крупное и в недалеком прошлом наиболее несвободное сословие природных российских подданных, насильственное вытягивание из сельской местности припасов и рабочих рук, лишение деревни самых элементарных плодов материальной цивилизации, примитивизация образа жизни и разрушение патриархальных нравов – все эти печальные явления в совокупности составляли процесс архаизации деревенского существования, отброшенного назад на десятилетия, если не на века. Многое говорит о том, что деревня отнюдь не металась между «красными» и «белыми», сопоставляя и выбирая наиболее приемлемую для себя власть, а словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех, и других, сохранить и усилить нечаянно подаренную революцией автономию от любой внешней силы.

На развалинах насаждавшихся государством во второй половине XIX в. земских органов – очагов «цивилизованного» самоуправления и городской культуры – и Советов, этого скороспелого плода недавних революционных экспериментов социалистических партий, торжествовал патриархальный крестьянский сход, подминавший под себя и до неузнаваемости деформировавший все экспортируемые городом в деревню институты «окультуривания».

Советская пресса с недоумением описывала происходящее с сельскими Советами через многие месяцы после формального установления советской власти, дивясь неожиданным результатам «социалистического» строительства в деревне. Официальный орган вятских губернского и городского Советов так описывал генеральное направление трансформации советских институтов в сельской местности:

«Советы раньше вызывали у мужичка нашего недоумение... “что за оказия!”, но скоро он и к ним стал привыкать, тупо, равнодушно. В Советы попали все люди “некудышные”. Привыкли крестьяне всякую работу понимать как “тягло”, обязанность и посылали в Советы крикунов, горланов разных, да “штатских”. “Посиди, поработай на нас!” – говорили они, посылая ретивых или нелюбимых в волость и в город»¹⁷⁹.

Избавляясь таким образом от беспокойной части односельчан, крестьянское население сохраняло прежние авторитеты и властные иерархии. На деле решающее слово в деревне оставалось за более крепкой частью крестьян, которые нейтрализовали Советы и приспособливали их к собственным нуждам. Та же газета жаловалась, что

¹⁷⁸ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 211. Л. 27; Ср.: Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918 – 1919 гг. Челябинск, 1958. С. 86; Лисовский Н.К. Разгром дутовщины (1917 – 1919). М., 1964. С. 91.

¹⁷⁹ Известия (Вятка). 1918. 2 авг.

с началом реквизиций в деревне «в Советы да комитеты лавиной прут кулаки и мироеды». Преобладание в низовых органах власти явно «несоциалистической» по материальному статусу части сельских жителей было предметом жалоб местных коммунистов в пермской глубинке. В сентябре 1918 г. они жаловались в Москву на невозможность работать в Усольском уезде, где среди ответственных работников доминировал «антисоветский элемент»¹⁸⁰.

Проблеме неэффективности местного управления и самоуправления пришлось расхлебывать сменившим большевиков антисоветским режимам. В августе 1918 г. исполняющий обязанности товарища министра внутренних дел ВОПУ докладывал своему непосредственному начальству, что волостная и сельская общественная администрация не препятствует массовому распространению самогоноварения на территории Среднего и Южного Урала и соседних западносибирских и казахских землях, демонстрируя свою безответственность и безнаказанность. При этом наладить управленческий аппарат уездного и губернского уровня было невозможно из-за отсутствия денежных средств и игнорирования населением налоговых обязанностей:

*«...ни казна, ни земство не могут получить требуемых ими сборов при общей местной разрухе. Государственная оброчная подать, земский, страховой сборы не только не взыскивались и не взыскиваются, но даже и самая раскладка их на 1918 год нигде не была произведена»*¹⁸¹.

Докладчик проинформировал министра внутренних дел, что в этой ситуации ему не оставалось ничего иного, как сделать распоряжение о принудительной раскладке сборов на прежних основаниях.

В том же месяце Кыштымское уездное земское собрание констатировало жалкое положение земского дела после ухода большевиков, нанесших ему огромный ущерб эвакуацией ценностей. Были вывезены наличные деньги в размере 1890315 р. 8 к., бумаги, пишущие машинки, утварь, делопроизводство медицинского отдела и имущество с его склада — белье, перевязочные материалы, лекарство, инструменты. Катайская больница лишилась значительной части белья и всех хирургических инструментов, Каменская аптека — медикаментов. В Камышловской аптеке остался запас лекарств на одну неделю. Были подорваны возможности для развития коневодства: «красные» увезли 11 жеребцов-производителей. Были вывезены три лошади, сбруя и экипажи, разрушен Байновский мост. Ущерб от эвакуации оценивался, не считая стоимости лекарств и больничного имущества, в 1 млрд. р. и крайне неблагоприятно влиял прежде всего на жизни населения уезда¹⁸².

Отсутствие структур управления деревней было лейтмотивом озабоченности новых властей на всем пространстве уральских территорий, где пал большевистский режим. В августе 1918 г. из Орского уезда Оренбургской губернии также сообщали аналогичные сведения:

*«До сих пор не восстановлено самоуправление. Советы уничтожены, волостных земств нет. Существует лишь волостной писарь и его делопроизводство. Местами выбран старшина»*¹⁸³.

Проблема неупорядоченности сельской жизни сохраняла свою актуальность и позднее, всплывая всякий раз после военных успехов антисоветских режимов. Трудно восстанавливалось, например, Пермское губернское управление земледелия и государственных имуществ: все делопроизводство было вывезено отступавшими больше-

¹⁸⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

¹⁸¹ Гражданская война на Южном Урале... С. 195.

¹⁸² ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 71. Л. 8 — 9.

¹⁸³ Борьба. (Оренбург). 1918. 22 авг.

виками¹⁸⁴. При этом конкуренция между параллельными властными структурами и неопределенность компетенции отдельных органов управления вносили дополнительный хаос в организацию контроля над сельской местностью и препятствовали организации деревенской жизни. Зимой 1919 г., после занятия колчаковскими войсками Пермского края, Пермская губернская земская управа обратилась с ходатайством к министру земледелия о передаче всего инвентаря и дел местного управления сельского строительства в ее ведение. Управляющий Пермской губернией выступил против земской инициативы. Его ответ отражал как убогое состояние земства, которое, в отличие от налаженной организации сельского строительства, не имело ни инвентаря, ни кадров, ни финансов, так и нищету и неустроенность сельского быта:

«...необходимо устройство тыла, скорейшее налаживание нормальной жизни страны. А для этого, вслед за продовольствием, необходимо населению сел и деревень дать возможность устроить свои жилища, пришедшие в ветхость, поставленные под угрозу стать добычей стихийного пожара при первых же лучах летнего солнца; необходимо также восстановить то, что разрушено, сожжено гражданской войной; необходимо вернуть население к обычной жизни, дав ему, взамен уничтоженных, новые хорошие жилища»¹⁸⁵.

Управляющий губернией, не согласившись с предложением пермского земства, предложил ему, напротив, принять участие в деятельности управления сельского строительства.

Воссоздать работоспособные земские структуры управления антисоветским режимам удавалось с трудом. В местностях же, которые позже всего — весной 1919 г. — перешли в руки «белых», задача реанимации земской системы была невыполнима. Управляющий Пермской губернией в отчете министру внутренних дел за апрель — май 1919 г. так охарактеризовал положение самоуправления в позже других освобожденных от большевиков Оханском, Осинском, Чердынском и Соликамском уездах:

«В этих уездах полное разрушение: большинство земских работников увезено красными при отступлении, земские учреждения разграблены, так что в уездах не налажена еще ни земская гоньба, ни почта, ни телефон; пути сообщения также требуют ремонта, а у земств нет ни денег, ни материалов, ни работников, так как основная часть населения захвачена красными, а часть мобилизована в Сибирскую армию»¹⁸⁶.

Опасность и неуютность сельского существования и в «красной», и в «белой» зонах Урала усугублялись продолжением «крестьянской революции» — грандиозного перераспределения земельной собственности. Она стала дополнительным фактором напряженности в деревне, с трудом поддающейся калькуляции и регулированию со стороны какой-либо внешней власти. Сельская местность превратилась в море фактически самостоятельных деревень-республик, собрания крестьян становились последней инстанцией решения вопросов собственности, а причты сельских церквей, принимая сторону той или иной местной власти, претендовали чуть ли не на автокефалию, решая важнейшие вопросы духовной жизни, вплоть до отлучения мирян от церкви. Так, по решению Мушаковского волостного схода Елабужского уезда Вятской губернии 6 апреля 1918 г. крестьянам поселка Чемашура был передан в пользование участок земли при селе Ермолаево. Это решение имело для чемашуриных крестьян самые неожиданные последствия. Когда они собрались 29 июня для распахки отведенной им пашовой земли, жители Ермолаева уничтожили межи и изрубили сохи в щепки. Вслед

¹⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

¹⁸⁵ Там же. Л. 52 об. — 53.

¹⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 18.

за этим Ермолаевский сельский комитет объявил жителям Чемашуры, чтобы те впредь не привозили тела умерших на их кладбище. Причт Троицкой церкви в Ермолаеве в составе двух священников и двух псаломщиков в ответ на отчуждение земли у ермолаевских крестьян заявил, что не считает прихожан из Чемашуры сынами православной церкви и отказывается исполнять для них требы. Уже на следующий день, 30 июня, одному из чемашуринцев было отказано в крещении ребенка¹⁸⁷.

Если на пространствах, находившихся под номинальной властью Советов, государственные структуры были слишком слабы для систематического вмешательства в жизнь деревни, то на территориях, занятых их противниками, органы власти были вынуждены реагировать на последствия аграрной «революции», подстегнутой большевистским декретированием. В сентябре 1918 г. Кыштымская волостная земская управа Екатеринбургского уезда обратилась к министру внутренних дел Уральского областного правительства с просьбой помочь в разрешении деликатного вопроса. При советской власти местным жителям было официально разрешено строительство домов на свободных землях в черте усадебной оседлости Кыштымского завода. Многие из них воспользовались этим правом, которое после падения Советов было оспорено фактическими владельцами. Последние потребовали вернуть принадлежавшие им ранее участки и снести новые постройки. Управа пребывала в растерянности и просила правительство не удовлетворять требования прежних владельцев, так как строительство осуществлялось также на законных основаниях, без применения захватов¹⁸⁸.

Между тем, стихийный передел бесхозной собственности полным ходом осуществлялся крестьянами и при «белых», несмотря ни на какие запреты. Особо лакомым объектом дележа на Среднем Урале были леса, на которые жители деревень и поселков издавна поглядывали с воодушевлением. В начале января 1919 г. начальник Екатеринбургской уездной милиции сообщал о массовых случаях самовольной порубки леса Нижне-Исетской дачи жителями Мраморской волости, не успевшими получить лесные наделы законным порядком¹⁸⁹. Несколькими днями позже в его же донесении отмечалось, что самовольные порубки леса в Воскресенской волости были подкреплены необходимыми формальностями: крестьяне запасались удостоверениями от сельских правлений, подтверждавшими нужду в лесном материале. Такие разрешения-талоны в волостных управах, как с раздражением подчеркивал начальник милиции, выдавали всегда охотно и на любое количество леса. Порубка имела беспорядочный, случайный характер и наносила серьезный вред лесному хозяйству¹⁹⁰.

Наиболее частым предметом спора между крестьянами и прежними владельцами являлись факты самовольной запашки деревенскими жителями частной земли. Словно кося на камень, принципы юридического пользования наталкивались на единственно приемлемый для крестьян принцип фактического землепользования. В последнем из упомянутых сообщений начальника Екатеринбургской уездной милиции с беспокойством предвиделись крупные недоразумения между крестьянами и помещиками Воскресенской, Григорьевской, Тюбукской и Куяшской волостей, где вся частновладельческая земля была крестьянами распахана. Проведенные крестьянами на чужой земле сельскохозяйственные работы служили, по их мнению, достаточным основанием, чтобы отныне пользоваться этими землями. Деньги за работу не могли удовлетворить крестьян, и в ближайшую весну следовало ожидать от них требования предоставить им право на засев

¹⁸⁷ Известия (Вятка). 1918. 30 июля.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Л. 76. Л. 5.

¹⁸⁹ Там же. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

¹⁹⁰ Там же. Л. 5, 6.

запаханных полей. В Воскресенской волости земля была не только запахана, но и поделена крестьянами «пропорционально». Начальник милиции приходил к неутешительному выводу: «Если к весне не выяснятся земельные отношения крестьян с помещиками, то, возможно, при начале полевых работ возникнут аграрные беспорядки».

Для того, чтобы избежать грядущих неприятностей, в апреле 1919 г. были приняты утвержденные Верховным правителем «Правила о порядке производства и сбора посевов в 1919 г. на землях, не принадлежащих посевищикам», которые являлись компромиссным решением назревавшего конфликта и представляли собой причудливый симбиоз современного и традиционного права. Согласно «Правилам...», озимые осени 1918 г. и яровые 1919 г. составляли «...полную и неотъемлемую собственность тех лиц, трудами и средствами которых означенные посевы произведены». Для того, чтобы этим правом воспользоваться, посевищикам следовало заявить об этом до 1 июня 1919 г. нового стиля местному сельскому старосте или заменяющему его органу. Не позднее 15 мая 1919 г. возможно было также подать заявку на озимый посев или вспашку под 1920 г. на землях, не составлявших собственность заявителя, но находившихся в его индивидуальном или групповом фактическом пользовании. Особо подчеркивалось — и это звучало явным диссонансом с крестьянскими представлениями о справедливости, — что пользование земель не создает в дальнейшем никаких прав на владение или пользование ею¹⁹¹.

В целом, позиция «белых» в аграрном вопросе была достаточно гибкой, и их готовность во многих пунктах пойти навстречу крестьянам не соответствует отшлифованным многолетними усилиями советской историографии клише об «антинародной политике». Во всяком случае, управляющий Пермской губернией не кривил душой, когда рапортовал в июне 1919 г., незадолго до падения режима, министру внутренних дел, что мобилизация в армию идет успешно и «в общей массе население устойчиво и относится с доверием к настоящей власти»¹⁹². Слухи о приближении «красных» вызвали у крестьян не только ликование, но и панику, а также желание поддержать нынешнюю власть. Согласно одной из военных телеграмм от 18 июня 1919 г., среди жителей ряда сел Уфимской губернии «находится много желающих взяться за поручения по разведке ближайшего тыла красных, необходимо использовать эти предложения в самом широком масштабе, при недостатке денежных средств немедленно будут отпущены дополнительные суммы»¹⁹³.

Подозрительная тенденция автономизации деревни рождала озабоченность и у «красных», и у «белых». Недостаток сил и средств для того, чтобы поставить деревню под систематический контроль властей, неспособность превратить ее в надежный и постоянный источник пополнения продовольственных и людских ресурсов компенсировались жесткостью спорадических реквизиционных и мобилизационных мероприятий. Крутые меры гражданских и военных властей в деревне носили случайный характер. Одним селениям посчастливилось избежать шока чрезвычайных мероприятий, другие время от времени обирались до нитки. Нагрянут ли военные или военизированные отряды в поисках продуктов и солдат, и когда это может произойти, заранее определить было невозможно. Их «визиты» всегда были неожиданностью. Это вносило крайнюю неуверенность и нервность в существование селян, жизнь которых была полна страхов, подобных ожиданиям путника, ступившего на большую дорогу, славящуюся обилием разбойников.

¹⁹¹ Там же. Л. 87.

¹⁹² ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 15.

¹⁹³ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 187. Л. 4.

Ни одна из противоборствующих сторон гражданской войны не уступала другой в жестокости реквизиционной практики в деревне, словно бы конкурируя с противником в «героиствах» насилия и грабежа. В октябре 1918 г. в сельской местности Пермской губернии курсировали красноармейские отряды, направленные для покупки продовольствия у крестьян. Один из них, во главе с бывшим служащим Алапаевского завода Гертелем, нагрянул с пулеметом в деревню Большая Именная. Красноармейцы стали отбирать все — сено, картофель, овес и прочие продукты. За отнятое не было заплачено ни копейки, а за малейшее промедление в предоставлении требуемого крестьян пороли плетью¹⁹⁴.

Весной 1919 г., когда боевые действия со стороны Красной армии оживились, непрошенные гости стали появляться на селе все чаще. Вятская ЧК в мае 1919 г. жаловалась на действия красноармейцев в Нолинском уезде, чреватые для советской власти серьезными осложнениями:

*«Проезжающие воинские части позволяют себе всевозможные дебоширства и хулиганства, врываются в дома, не спрашивая хозяев и не обращаясь за содействием к крестьянским Советам, чем дезорганизуют крестьянские массы, разлагают тыл и создают на месте недовольство Советской властью»*¹⁹⁵.

В начале лета 1919 г. вятское крестьянство столкнулось с более систематичными поборами со стороны Красной армии. В июне агентам особой продовольственной комиссии штаба 2-й Армии была вручена инструкция, которая регламентировала нормы реквизиции в деревне и тем самым должна была покончить с произволом при их осуществлении. Однако нормы эти были столь непомерно велики, что практически узаконивали ограбление селян. Согласно инструкции, семья численностью до семи человек следовало оставлять всего одну корову. На сохранение двух коров могли претендовать лишь семьи из семи и более человек. Таким образом, на 700 крестьян оставлялось всего 100 коров, племенные быки должны были сохраняться за деревней из расчета 1 бык на 50 коров. Подтелки, весившие более трех пудов, подлежали отчуждению. Сельским хозяйствам можно было оставить только племенных и супоросных свиней с одним хряком на каждый десяток. Все остальные свиньи тяжелее одного пуда реквизировались. На семь сельских жителей полагалось только пять овец и один баран. Каждая волость в течение 10 дней должна была доставить не менее 5 тыс. яиц, причем за период с 1 апреля 1919 г. взималось по 10 яиц с одной курицы за каждый месяц. Крестьяне должны были, кроме того, сдать с каждой оставленной им коровы по полфунта масла, а за неимением такового — свиного или конского сала. Овцы, куры, гуси, утки, поросята и телята моложе трех месяцев не отчуждались, но брались на учет. Нормы изъятия продовольствия и фуража определялись, исходя не из наличного запаса, а из надежды на следующий урожай, до которого крестьяне должны были как-то дотянуть с теми остатками, размеры которых также определялись инструкцией. Луку было положено оставить до нового урожая не более фунта на семью, картофеля — 20 фунтов на едока, крупы — по 3 фунта, муки — по 2 пуда 20 фунтов на взрослого и по 62,5 фунта на детей в возрасте от 1 до 12 лет; сена — по 10 пудов на лошадь, овса — не более трех пудов на каждую рабочую лошадь, «остальной овес весь подлежит отчуждению, не считаясь с тем, что других продуктов даже не хватает». Кормовая солома реквизировалась без остатка. Льяное и конопляное семя оставлялось сельским жителям только для посева. Твердые цены на продукты определялись многократно ниже рыночных¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Известия (Пермь). 1918. 22 окт.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 126. Л. 14.

¹⁹⁶ Там же. Д. 120. Л. 76, 81.

От вмешательства в жизнь деревни, тяжких поборов и повинностей, бесчинств расквартированных и проходящих войск крестьянство стонало и в «белой» зоне Урала. В Верхотурском уезде Пермской губернии армейские подразделения осенью 1918 г. заставляли крестьян день и ночь нести караул вокруг деревень; в обозы запрягались крестьянские лошади. Вследствие этого крестьяне остались без сена. Мужское население в возрасте 16 — 40 лет на территориях, занятых «белыми», было мобилизовано. Травы были не кошены, поля не убраны, озимые не посеяны¹⁹⁷. В Златоустовском уезде Уфимской губернии зимой — весной 1919 г. местное население страдало от безобразий, чинимых разменными здесь войсками. О поведении Ижевской бригады начальник милиции 5-го участка 24 января 1919 г. рапортовал начальнику милиции Златоустовского уезда:

«Указанная часть держит себя по отношению к населению вызывающе, например: отбирание самовольно ужителей продуктов, вещей и т.п., о чем мною неоднократно, устно и письменно, было заявлено начальнику бригады, но мер к пресечению подобных случаев принято не было»¹⁹⁸.

Ему вторил в конце марта начальник милиции 3-го участка Златоустовского уезда, жалуюсь на нравы Уфимского мортирного дивизиона:

«Солдаты 1-й и 2-й батарей Уфимского Мортирного дивизиона, расквартированные в селе Месягутове вверенного мне участка, почти ежедневно учиняют над жителями всевозможные насилия, кроме того, также почти ежедневно появляются на улицах в пьяном виде, гуляющим на улице гимназисткам позволяют говорить разные сальности и делать гнусные предложения; помимо этого, нападают на жителей и наносят им побои... <...>

Милиционерам же моим при обходе ими участка постоянно произносят угрозы за преследование самогонщиков и за восстановление на улицах порядка, благодаря чему и во избежание столкновения с солдатами, невольно приходится обходы участка прекратить»¹⁹⁹.

Мобилизации в армию, проходившие до поздней весны 1919 г., по мнению «белых» властей, довольно успешно, стали затем болезненно восприниматься крестьянством: беспокойство по поводу приближения линии фронта и активизации боевых действий совпало с озабоченностью о судьбе будущего урожая — начиналась сельскохозяйственная страда, в которой был дорог каждый день, важна каждая пара рабочих рук. В Шадринском уезде мобилизованные в колчаковскую армию крестьяне требовали от сельских властей удостоверений о том, что они действительно мобилизованные, а не добровольцы. Этими справками крестьяне собирались воспользоваться для предъявления «красным» в случае пленения. В Оханском уезде объявление о мобилизации 19 мая произвело на население удручающее впечатление, так как «...многие из призываемых только что вернулись домой, убежав от красных, и приступили к полевым работам, но эта мобилизация перенесена была на 7 июня, когда засев окончится, и население успокоилось»²⁰⁰.

Неуверенности в завтрашнем дне крестьянам прибавляла общая для городского и сельского населения беда — инфляция, рост цен на товары массового спроса, дефицит самого необходимого. Советские историки с разоблачительным пафосом писали о росте при антисоветских режимах цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Действительно, осенью 1918 г. цена фунта соли на Урале достигла 1,5 р., тогда как накануне падения советской власти соль стоила 20 к. Золотник хины вырос в цене за считанные месяцы с 20 к. до 6 р., аспирин — с 30 к. до 2,5 р.²⁰¹ И на «большевистских», и на «антибольшевистских» территориях крестьянство, не доверяя де-

¹⁹⁷ Известия (Пермь). 1918. 1, 5 окт.

¹⁹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰⁰ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 15 об.

²⁰¹ См.: Лучевников П.С. Указ. соч., С. 87.

нежным знакам ни одного из установленных в последнее время режимов, предпочитало царские деньги²⁰². Деревня, не платившая в течение двух лет государственные налоги, при отсутствии товаров крестьянского спроса была насыщена денежными знаками, которые потеряли для нее всякую притягательную силу. В этой связи объявление как «красными», так и «белыми» предельных цен на хлеб не имело смысла и оставалось на бумаге. Крестьяне припрятавали его и не спешили с продажей продуктов. Докладывая в сентябре 1918 г. в управление внутренних дел Уральского областного правительства о положении в Кыштымской волости, местная земская управа приходила к пессимистическому заключению о судьбе твердых цен на хлеб:

«Нет тех средств, которые заставили бы население с ними считаться. Торговый аппарат разрушен, железнодорожное сообщение тоже, следовательно, ни о какой регулярной и планомерной доставке продовольствия не может быть и речи, а раз так, следовательно, и скачки в ценах неизбежны»²⁰³.

В последующие месяцы сбылись самые худшие прогнозы о росте цен. Частичный успех налоговых сборов и кампании по изъятию из обращения «керенок» весной 1919 г. был связан в большей степени с галопирующей инфляцией, чем с сознательным волеизъявлением граждан: купюры 1917 г. активно сдавались, ими охотно уплачивали налоги, чтобы что-нибудь купить на полученные в обмен «сибирские» деньги или хоть как-то их сбыть²⁰⁴. Цены весной — в начале лета 1919 г. быстро росли. В Ирбитском и Верхотурском уездах продукты питания в апреле — июне 1919 г. ежемесячно дорожали на 10 — 30%²⁰⁵.

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию не создавал, однако, благоприятной конъюнктуры для подъема аграрного производства и процветания деревни. Складывалась абсурдная ситуация: отсутствие интересующих крестьянство товаров делало рыночные отношения непривлекательными и скорее опасными, а наличие нерезализованных излишков хлебопродуктов содействовало лишь дальнейшей деформации и огрублению сельского досуга. Повсеместно, вне зависимости от официально провозглашенного политического порядка, росли пьянство, увлечение азартными играми и хулиганство. Советская пресса летом 1918 г. жаловалась, что в вятской деревне «развлечений нет. Молодежь или пьет, или (о, культура!) дуется в “очко” до “портянок”»²⁰⁶. В Кыштымском и Каслинском горных округах екатеринбургского уезда, в Челябинском и Златоустовском уездах и сопредельных с Уралом Петропавловском и Курганском уездах, оказавшихся летом 1918 г. под властью антисоветских правительств, самогоноварение из хлеба нового урожая и употребление самодельного алкоголя приобрело пугающие масштабы. В докладной записке исполняющего обязанности товарища министра внутренних дел от 29 августа 1918 г. по этому поводу значилось:

«На всей хлебобродной части этого огромного пространства идет в настоящее время усиленная перегонка хлеба на водку, идет в то время, когда в соседних местах крайне нуждаются в хлебе и платят за него, как, например, в Екатеринбурге, 1 рубль 30 коп. за фунт, а в соседнем Челябинске лишь 32 коп.

Гонят водку и пьют почти все: взрослые и дети. Деревня утопает в самогоне, усиливаются преступления, дебош, хулиганство, никаких мер к прекращению их не принимается»²⁰⁷.

²⁰² Известия (Пермь). 1918. 8 окт.

²⁰³ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 66. Л. 12 об.

²⁰⁴ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 17.

²⁰⁵ Там же. Л. 28, 36, 44 — 45; Д. 54. Л. 35, 36.

²⁰⁶ Известия (Вятка). 1918. 2 авг.

²⁰⁷ Гражданская война на Южном Урале... С. 194.

В октябре 1918 г. Екатеринбургская уездная земская управа получала от волостных земств сведения о массовом развитии в уезде винокурения и хулиганства²⁰⁸. В следующем месяце южноуральская пресса на примере одного из сел Уфимского уезда сообщала о беспрецедентном развитии пьянства:

«Ужас, что творится в селе Ерал и в посаде Андреевском при станции Кропачево.

Пьянство положительно небывалое. Самогонки сколько хочешь от 9 до 20 р. за бутылку, и достать можно в каждом доме.

Аппаратов для выделки самогонки достаточно.

В общем, нам грозит повальное пьянство и порча хлеба. Безобразие это совершается уже около трех недель»²⁰⁹.

Весной 1919 г. массовое самогоноварение в Уфимской губернии стало уже достоянием фольклора. Ее обитатели распевали, среди прочего, следующую частушку:

«Все село не велико:
Двадцать две избенки –
В девятнадцати из них
Гонят самогонку»²¹⁰.

Год гражданской войны не оправдал никаких надежд уральского населения и подтвердил самые скверные предчувствия и опасения. Этот год был страшен: он принес не только дальнейшее оскудение и огрубление повседневной жизни, но и обильный «урожай» личных трагедий, утрат близких, разделения семей, ежедневного риска для жизни. Люди, казалось, превращались в беспомощных и беззащитных статистов вселенской катастрофы, спастись от которой было невозможно ни в городе, ни в медвежьих уголках горнозаводской зоны, ни в сельской глуши. Охранить от каждодневных и маячивших со всех сторон опасностей, перед которыми все были равны, мог только счастливый случай. На него и полагались, его и славили, тайно или открыто, по окончании боевых действий в регионе. Никто, однако, не мог и предположить, какие беды ожидают людей в ближайшем будущем. Для многих из них, избежавших голодной, «заразной» или насильственной смерти в вихре военных диктатур, испытания катастрофой только начинались.

²⁰⁸ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 76. Л. 28.

²⁰⁹ Народ. 1918. 23 ноября.

²¹⁰ Цит. по: Верещагин А.С., Егоров А.В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) / Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 197.

2.3. Среди кривых зеркал «военного коммунизма» (середина 1919 – начало 1921)

*«Нового у нас много, но писать нельзя».
(Из частного письма из Уфы от 20.04.1920)*

На руинах гражданской войны, или контуры «военного коммунизма». 13 ноября 1919 г. помощник заведующего военно-санитарным подотделом осматривал здание Оренбургского епархиального училища, в котором предстояло разместить команду выздоравливающих красноармейцев. После эвакуации располагавшегося здесь ранее Васильеостровского госпиталя помещения пустовали. Осматривая их, дотошный служака спустился в подвал одного из зданий во дворе бывшего духовного учебного заведения. В тот же день им было составлено донесение о результатах осмотра, в котором сообщалось:

«Спустившись в этот подвал, мы наткнулись на кучу человеческих трупов – количеством около 30, безобразно набросанных. Очевидно, трупы бросались со двора в выломленное окно. Трупы, по-видимому, брошены давно, так как многие были проплесневевшие; все раздеты догола и набросаны без всякого порядка»¹.

Осветить подвал спичками не удалось – от скопления газов огонь гас. По предположению работника военно-санитарного подотдела, страшная находка принадлежала уехавшему госпиталю, бросившему своих покойников.

Достойный жутковатых рассказов одного из героев диккенсовских «Посмертных записок Пикквикского клуба» эпизод из будней когда-то шумного торгового города вырастает до размеров зловещей аллегории: Урал второй половины 1919 г. был буквально «нафарширован» прямыми останками гражданской войны. Они встречались на каждом шагу; все сферы жизнедеятельности региона были отмечены запустением, определяемым современниками популярным с весны 1918 г. термином «разруха».

Подводя, по традиции, итог прошедшему 1920 г., одна из оренбургских газет в новогоднем номере вспоминала о положении в городе через несколько месяцев после окончания боевых действий в губернии:

«В начале 1920 года Оренб[ургу] много пришлось пережить. Наследие колчаковского отступления – тиф – выхватил массу жертв среди красноармейских и рабочих масс города. Вымирали целые семьи в городах и деревнях.

Город замерзал без топлива. Большинство предприятий были предоставлены самим себе, т.к. тиф вырвал массу рабочих рук.

Оренбург был на положении острова, так как бандами Колчака на протяжении сотен верст железнодорожные мосты, пути, станции были разрушены до основания, телеграфная связь тоже была разрушена, гужевой транспорт не мог действовать, потому что все кругом лежало вповалку от тифа»².

Сравнивая то время с настоящим, официальный орган большевистской организации находил основания для оптимизма:

«Нет тифа. Железнодорожное движение восстановлено и приближается к норме мирного времени. Восстановлена и телеграфная связь».

В катастрофическом положении пребывало санитарное состояние и других городов по окончании гражданской войны в регионе. В октябре 1919 г. Уфимский горисполком издал обязательное постановление о чистке жителями своих дворов и приле-

¹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.

² Коммунар. 1921. 1 янв.

гающих улиц, грозя, в случае невыполнения, трехмесячными принудительными работами или штрафом в 3 тыс. р.³

Управление благоустройства и коммунальных предприятий Челябинского горисполкома предприняло в сентябре 1919 г. обследование коммунальных строений и частных домов, бань, мостов, складов, реагируя на многочисленные заявления и жалобы жильцов⁴. Результаты осмотра оказались неутешительными. Не только частные жилища, но и основные коммуникации города пребывали в состоянии распада. В частности, мост через р. Миасс по улице Уфимской — одной из главных улиц города — грозил рухнуть:

«Мост на деревянных ряжевых устоях, ряжи пришли в ветхость, неоднократно чинены, особенно в местах соприкосновения с водой, концы прогонов совершенно сгнили, верхний настил весь проездился, местами доски до того изъездились, что колесами захватывает нижний настил. Во время больших водоразлитий вода в отверстие моста не помещается, разливается и проходит по Хлебной площади в старое русло р. Миасс, что является громадным неудобством для сношения жителей заречной части с городом»⁵.

Не только гражданское городское население, но и военные части, которым отдавался приоритет в вопросах бытового обеспечения, страдали от неустроенности повседневного существования. Согласно сводке политотдела Оренбургского губернского военного комиссариата от 7 — 8 октября 1919 г., в 5-м запасном полку «ощущается недостаток посуды и питания, нет обмундирования, помещения переполнены, в помещениях грязно»⁶. В отвратительном состоянии находились в декабре санитарные части:

«Во всех палатах... страшная грязь и холод. Матрасы немые. На некоторых койках нет простыней. Белье на больных в большинстве случаев грязное. Плевательницы переполнены, из них течет на пол. Некоторые больные жалуются на то, что у них отбирают их вещи»⁷.

Не меньшее запустение объяло сельскую местность. В августе 1919 г. временный комитет челябинской организации РКП(б) в докладе в ЦК отмечал, что в казачьих станицах, мобилизовавших в последние месяцы мужское население в возрасте 14 — 45 лет для борьбы против Красной армии, «остались исключительно женщины, дети и старики», а в ряде мест «поля из-за ухода всего населения неубраны»⁸. Сельские жители Оренбургской губернии были брошены на произвол судьбы, страдая от оскудения условий существования и своеволия местных властей. Бюллетени губвоенкомата за ноябрь 1919 г. содержали информацию такого рода:

«Жители Угольной станицы комендантом облагаются непосильными налогами, во второй Красноярской станице комендант не заботится о проведении в жизнь постановлений и распоряжений Советской власти. В обеих станицах наблюдается усиление эпидемии сыпного тифа. В станицах Григорьевской и Прохладной ревкомы работают слабо, в последней нужен учитель. Кроме того, во всех вышеупомянутых станицах нет мельниц, жители питаются вареной пшеницей. Культурно-просветительская работа отсутствует. Газеты не получают»⁹.

В бедственном положении оказались сельские жители и других частей Урала. В Алтынговской волости Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии в ноябре 1919 г. из-за отсутствия учителей и пособий не работали школы, не было фельдшера и изб-чи-

³ Известия (Уфа). 1919. 23 окт.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 — 72.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ ЦДНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 92.

⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁹ ЦДНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 52 об.

тален¹⁰. Даже Вятская губерния, в наименьшей степени пострадавшая от военных действий, в полной мере испытывала гнет пресловутой «разрухи». Здание больницы в селе Вахрушево Слободского уезда в октябре 1919 г. не отапливалось из-за отсутствия дров; больные мерзли и страшно голодали. В детской колонии в Уржумском уезде отсутствовали кровати, постельное белье, обувь и одежда. Никаких учебных занятий не проводилось. Из 58 детей, прибывших в середине августа 1919 г. из Северо-Двинской губернии, за два с небольшим месяца трое умерли, 12 были тяжело больны. Как констатировал очевидец, «дети от голода принуждены ходить по деревне и просить милостыню»¹¹.

Гражданская война чувствительно задела горнозаводскую зону Урала. Пермская губернская ЧК в августе 1919 г. констатировала, что «заводы приступают к работам, но работа идет слабо вследствие недостатка рабочих и порчи машин белыми»¹². Во время отступления «белых» был сожжен 21 вагон наиболее ценного оборудования Лысьвенского завода, со Златоустовского завода было вывезено более 200 вагонов техники. Направленный центром в регион для поднятия горного хозяйства крупный советский хозяйственник А.А.Андреев позднее вспоминал: «Не работало ни одного завода, ни одного рудника, ни одной доменной печи. Горнозаводской Урал, на который мы устремляли надежды, по существу был мертв»¹³. Острая нехватка топлива, электричества и сырья мешала восстановлению фабрично-заводских работ и в последние месяцы 1919 г.¹⁴

Один из рабочих Верх-Исетского завода так живописал внешний облик предприятия после гражданской войны:

«В цехах спасались бродячие собаки от непогоды. Под крышами жили вороны. Печи были потушены – топлива не было. На заводском дворе – мусор, груды кирпичей, ржавого железа»¹⁵.

Бытовые условия проживания рабочих уральских предприятий находились вне каких бы то ни было санитарных стандартов. Одни из обитателей Аша-Балашовского завода в сентябре 1919 г. с негодованием писал о «старых нравах» в заводском поселке: служащие бесплатно пользовались квартирами в пять – шесть комнат, в которые подвозились дрова и вода, «...нас же, рабочих, втиснули в общее помещение, как сельдей в бочке набили. Получается недовольство...»¹⁶.

Ответственный организатор Челябинского обкома РКП(б) в ноябре 1919 г., докладывая о работе на местных каменноугольных копях, не преминул упомянуть и о быте шахтеров: «Жилищные условия рабочих ужасны, живут в землянках и бараках, бараки настолько переполнены, что приходится удивляться, как обитатели бараков не задохнутся». Действительно, было чему удивляться – отделение барака размером 10 на 6 аршин (42 м²) вмещало 23 человека¹⁷.

С падением колчаковского режима на Урале продовольственный вопрос, с которым прежние власти кое-как справлялись, приобрел катастрофическую остроту. Разрушение хозяйственных связей и продовольственного аппарата, наступление на сво-

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

¹¹ Деревенский коммунист. 1919. 19, 26 окт.

¹² ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹³ Цит. по: Васьковский О.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Поджидаев Г.В., Тертышный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989, С. 254.

¹⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 75 – 77.

¹⁵ Сомов П.Н. Пришло время, о котором мы мечтали / Рассказы уральцев о старой и новой жизни. Свердловск, 1957. С. 9.

¹⁶ Большевик (Уфа). 1919. 25 сент.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 42.

бодную торговлю и выжидательная, в связи с этим, позиция крестьянства обернулись голодным кризисом. Реввоенсовет Восточного фронта 11 июля 1919 г. направил на имя В. И. Ленина тревожную телеграмму о положении населения в освобожденных районах Уфимской губернии: «Население почти голодает. Денег нет. Прошу срочно поставить вопрос о деньгах и о помощи кооперативам»¹⁸.

Информационные бюллетени Пермской губернской ЧК позволяют проследить динамику нарастания продовольственной проблемы в губернском центре на протяжении осени — начала зимы 1919 г. В бюллетене за 16 — 18 сентября сообщалось, что «ввиду запрещения вольной продажи хлеба и других нормированных продуктов подход таковых постепенно уменьшается, цены на все товары с каждым днем прибывают, среди населения вызывается недовольство»¹⁹. Вместе с ростом цен увеличивались продуктовые «хвосты», особенно за маслом и мясом. Через две недели, в бюллетене за первую декаду октября, пермские чекисты отмечали нежелание крестьян везти хлеб на ссыпные пункты. Ситуация со снабжением города становилась критической: «Свободная торговля процветает, спекуляция развита, на рынок ничего, кроме огородных продуктов, крестьяне не привозят». В некоторых уездах уже начались введение карточной системы, выдача пайков и взятие крестьянского хлеба на учет. Последнее представлялось наиболее проблематичным из-за малочисленности продотрядов²⁰. Еще через два дня, в бюллетене за 10 — 12 октября, продовольственное положение оценивалось как плохое:

«...говорят, что вот уже прошло 3 месяца, как пришли красные, и мы ничего не получаем, и приходится ходить за хлебом в деревню, крестьяне просят что-либо в обмен, на почве такого недовольства и недостатка продуктов первой необходимости Отделом Управления губернией разрешена свободная торговля предметами первой необходимости в уездах Пермском, Усольском и Чердынском»²¹.

В первой декаде ноября также наблюдались рост цен из-за нехватки продовольствия и факты свободной торговли нормированными и ненормированными продуктами. К середине ноября рынки Перми обезлюдели:

«С рынков исчезло все, молочные продукты, овощи. Крестьяне отказываются от денег, требуя товарообмена. Сильно развивается мешочничество, а наряду с этим и спекуляция, так, масло, стоившее в июле 25 — 30 р., теперь 350 — 370 р. и т.д., такое повышение цен происходит на все продовольственные продукты»²².

Во второй половине ноября свободная торговля, которая и так свелась на нет, была запрещена. Цены на все необходимое продолжали расти, крестьяне выражали недовольство реквизиционной политикой властей, а городские жители из-за неналаженности работы продовольственных органов выстаивали длинные очереди²³. В бюллетене Пермской губчека за 15 — 31 декабря 1919 г. вновь фигурировали плохое снабжение продовольствием городского и сельского населения, введение классового пайка в городах и заводах при невозможности осуществления этой меры в деревне — крестьяне прятали запасы и вели тайную торговлю ими. По-прежнему большие проблемы для властей создавала официально запрещенная вольная торговля, которая, по словам составителя документа, «процветает всюду и везде по самым бешеным це-

¹⁸ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 238.

¹⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 об.

²⁰ Там же. Л. 29 об.

²¹ Там же. Л. 26.

²² Там же. Л. 70 об.

²³ Там же. Л. 75 — 77.

нам». Для борьбы с крестьянской предприимчивостью военное бюро создало заградительные продотряды²⁴.

Страдавшая при прежнем режиме от хронических перебоев в снабжении горно-заводская зона оказалась после прихода красных в бедственном положении. В политсводке уполномоченного Екатеринбургской губчека за последнюю декаду октября 1919 г. констатировалось:

«За последнее время почти во всех районах Екатеринбургской губернии наблюдается обострение продовольственного вопроса. Снабжение населения хлебом и другими необходимыми продуктами не налажено. Хлебная монополия почти нигде не проведена»²⁵.

В Полевском районе, где началось ее введение, ссыпные пункты либо отсутствовали, либо пустовали — крестьяне отказывались сдавать хлеб. Карточная система также была введена лишь в Полевском районе, в некоторых других власти ограничились объявлением норм в 12 — 36 фунтов хлеба в месяц. Свободная торговля на деле в ряде местностей сохранялась. В Сысертском районе наблюдалось ухудшение продовольственного снабжения, в Верх-Исетском районе у населения совершенно не было хлеба, ощущался недостаток соли, спичек, керосина. Секретарь особого отдела ВЧК при 3-й Армии сообщал в Екатеринбургский губисполком в середине ноября 1919 г.: «Довожу до Вашего сведения, что если не улучшится положение с продовольствием в районе Надеждинского завода, то, смотря по настроению масс, может быть в скором будущем восстание»²⁶. В Нижне-Сергинском районе осенью 1919 г., по оценке чекистов, с продовольствием также было «ужасно плохо». Выдача 5-фунтовых недельных пайков населению запаздывала на две недели и более. Торговля съестными припасами осуществлялась из-под полы. Запасы картошки населением были съедены. На почве голода рождались «контрреволюционные настроения»: население всего Красноуфимского уезда, густо усеянного горнозаводскими поселками, враждебно относилось к новой власти, ожидая скорого возвращения «белых», не давало хлеба и солдат, портило телеграфные столбы, закапывало хлеб в землю. Крестьяне перестали продавать продукты за «керенки» и пустили в оборот сибирские деньги. Двусмысленной была оценка умонастроений рабочих: «Рабочие массы всем довольны, но из-за продовольствия стали враждебно смотреть на Советскую власть»²⁷.

Крестьянство Вятской губернии ответило на меры советской власти по ужесточению хлебной монополии привычными с предреволюционного времени действиями — превращением хлеба в алкоголь домашней выделки. Официальный орган вятской большевистской организации в октябре 1919 г. бил тревогу по поводу происходившего в Орловском уезде: «Хлеб, самое необходимое в это время, беспощадно губится пудами на проклятую самогонку. Крестьяне опаиваются до потери сознания»²⁸.

Справедливости ради следует отметить, что губернские органы РКП(б) в тот период также не являлись островками благоденствия в океане простонародных бедствий. Хозяйственная часть Челябинского губкома партии, например, осенью 1919 г. прозябала. Заведующий хозяйственным комитетом губкома жаловался начальству об отсутствии фуража для содержания единственной кобылы, которая в официальных документах значилась как «партийная лошадь». Челябинский городской продотдел

²⁴ Там же. Л. 91 об.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 3, 4.

²⁸ Деревенский коммунист. 1919. 19 окт.

не отпускал по требованию комитета ни овса, ни отрубей, «и за наличный расчет се-на также на базарной площади нет, а если появится хоть один воз на площади, то там дежурят от армии и не допускают к покупке частных...» Для решения проблемы докладчик предлагал назначить ответственного за закупку фуража в провинции. Видимо, предложение его не получило поддержки, поскольку губком РКП(б) и позднее бомбардировал горпродком просьбами предоставить на декабрь 1919 г. овса и мякины для содержания «партийной лошади»²⁹.

Наряду с нехваткой продовольствия и фуража все больше сказывался многолетний дефицит предметов первой необходимости, в том числе одежды и обуви. За последние два – три года люди обносились, и если верхнюю одежду и обувь можно было пополнить за счет «моделей» военного образца (самым модным и престижным атрибутом внешнего вида после гражданской войны, как и во время нее, оставалась «кожанка»), то истлевшие от долгой носки нижнее белье и чулки заменить было нечем³⁰. Каждая попытка местных властей по возможности ослабить «одежный кризис» населения превращался в настоящую бюрократическую битву, осуществляемую с помощью потока телеграмм в центр, весомых обоснований и классовой патетики. Осенью 1919 г. Челябинский губком партии направил в Москву – в главпродукт наркомпрода – срочную телеграмму, содержание которой передается дословно:

«Губпродукт всю имеющуюся мануфактуру предназначенную рабочему населению Челябинска выдал губчрезкомтифу на борьбу с эпидемией точка Рабочие ужасном положении ходят голые точка Объединенные заседания Губкома Губревкома постановило просить Главпродукт выслать сверх наряда Челябинской губернии возможное количество мануфактуры точка Результатах просьбы просим телеграфировать»³¹.

За кризисом снабжения без труда различается застаревшая проблема, лихорадившая страну и регион с 1917 г. – управленческий хаос формально недавно утвердившейся и реально слабой власти. Так, в августе 1919 г. временный комитет челябинской организации РКП(б) направил в ЦК партии доклад, содержание которого свидетельствует о номинальном характере недавно установленной власти:

«При проведении партийной работы и руководстве Советской работой в Челябинском районе пред комитетом стоит трудная задача лавирования между разнородным населением, как рабочие, сибирские крестьяне, инородцы и казаки в Троицком и Челябинском уездах. До получения определенных директив от ЦК наша тактика состоит в осторожном и вдумчивом подходе к решению вопросов, затрагивающих разнородные части населения, и безусловно в сторону благожелательности. В особенности трудный вопрос казачий»³².

Объезжая в сентябре 1919 г. ревкомы Челябинского уезда, инструктор-ревизор Г.Смолин обнаружил неутешительную картину неорганизованности в деятельности низших властных инстанций. Приехав 12 сентября в станицу Зверниголовскую он «...нашел в помещении станичного ревкома полный беспорядок; в здании грязь, и занятие хотя бы сколько-нибудь походило на учреждение, нет, а походило скорее на какую-то толкучку»³³. Впечатление от станицы осталось у ревизора «скверное»: по его мнению, «казаки настроены враждебно, хотя ведут себя покорно, а крестьянское население запугано...» Все попытки проверяющего завербовать среди крестьян не-

²⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 10. Л. 74; Д. 12. Л. 21.

³⁰ См., напр.: Лебина Н. Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки... // Родина. 1994. № 9. С. 112 – 117.

³¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Д. 17. Л. 12.

сколько информаторов для постоянной связи разбились о крестьянский здравый смысл, весьма точно оценивавший ситуацию и фактическую расстановку сил:

«...они просто из боязни отказываются и заявляют, что что-либо сделать можно будет, когда будет находиться в станице какая-либо реальная сила, а покуда даже нет от центра никакой милиции, а порядок охраняют местные 3 милиционера, что далеко не достаточно, по заявлению отдельных лиц из крестьян, в станицу проникают из степей вооруженные казаки, с целью шпионажа, и угрожают населению приходом белых, да еще есть слух, что в степи есть отряд казаков около 500 человек, готов напасть на окрестное население крестьян...»³⁴.

Аналогичным было положение дел и в других обследованных ревкоммах. В станице Усть-Уйское ревком находился во враждебной изоляции со стороны местных жителей. О состоявшейся беседе с местными представителями власти Г.Смолин писал: «Между прочим, ревком мне заявил, что если из Центра им не окажут поддержку реальной силой, то им просто придется оставить пост и скрыться из Усть-Уйской». В Шершневском поселке и станице Канашевской ревкомы не вели заседаний и делопроизводства, Баландинский станичный ревком также не действовал, а его секретаря — дьякона местной церкви — ревизор не застал: тот уехал в станицу Долгодеревенскую служить обедню. Резюме докладчика было пессимистичным: «Настроение жителей, как наблюдается, скверное, ибо они видят безвластие и беспорядок в ревкоме»³⁵.

Скорой организации новых структур управления в немалой степени препятствовали личные амбиции, счёты и конкуренция в распределении властных полномочий. Обследование партийных и советских учреждений Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии в начале октября 1919 г. позволило проверяющим придти к выводу, зафиксированному в докладе Екатеринбургскому губернскому комитету РКП(б): «...основным тормозом в успешной организационной работе Красноуфимского исполкома и укомпартии являлась интрига, существовавшая между руководящими этой работой коммунистами, порожденная тяжбой из-за портфелей»³⁶.

Было бы, однако, большим заблуждением полагать, что анархия господствовала лишь на степных окраинах юга или в лесной глуши горнозаводской зоны Урала. Крупные города региона также лихорадило от неорганизованности власти. В Екатеринбурге, неофициальной столице Урала, в течении трех последних месяцев 1919 г. губернское управление милиции существовало в лице одного начальника, что содействовало расцвету преступности³⁷, а в Вятке в сентябре 1919 г., как и двумя годами раньше, население было терроризировано хулиганскими выходками солдат. Красноармейцы охраны моста через реку Вятка время от времени нарушали покой жителей города беспорядочной стрельбой в воздух из винтовок и пулеметов. Власти пытались апеллировать в этой связи к «революционной сознательности» воинов, убеждая их, что «в переживаемый период гражданской войны при общем недостатке вооружения и снаряжения такое бесцельное расходование патронов недопустимо»³⁸.

Чудовищный хаос царил в деятельности внушавших населению панический страх реквизиционных органах. В сентябре 1919 г. ревизия Челябинской учетно-реквизиционной комиссии обнаружила вопиющие нарушения в работе этой организации. При проверке описей конфискованного у «буржуазии» имущества и документов по его

³⁴ Там же. Л. 13.

³⁵ Там же. Л. 14, 21, 24, 25.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 36. Л. 30.

³⁷ Там же. Д. 262. Л. 4.

³⁸ Деревенский коммунист. 1919. 27 сент.

распределению обнаружилось, что «все эти документы в целом определенно и ясно говорят о полном хаосе во всей деятельности учетно-реквизиционной комиссии». Не оказалось актов, по которым можно было бы установить, кому принадлежали конфискованные вещи. В этой связи аннулировать незаконную конфискацию и вернуть отнятое, которое тут же распределялось и выдавалось, не представлялось никакой возможности. Описи составлялись карандашом на случайно попавшихся под руку листах бумаги и были зачастую скреплены, вопреки правилам, всего одной подписью. На описях имелись разнородные пометки, не оговоренные исправления, помарки и перечеркивания. При попытках сверить описи с актами принятого на склады выяснилось, что «описи и акты ничего общего между собой не имеют, что значитесь в описи, того нет в акте и наоборот». К тому же описания имущества в описях и актах были крайне неточны, их составители пользовались такими определениями, как «ящик запертый», «ящик с вещами», «корзина, закупоренная в рогажу», вследствие чего невозможно было установить, каково было содержимое этих предметов в момент реквизиции. В акте проверки был подведен неутешительный итог:

«...ревизионная комиссия обнаружила в складе учетной комиссии совершенный хаос: вещи валяются как попало, не разобраны – так, в одном ящике можно найти все, а в другом пусто и так далее, причем заведующий складом совершенно не знает, что у него находится в одном ящике, что в других. Служащие склада праздно ходят из угла в угол и произвольно роются в вещах»³⁹.

Неизбежным следствием маразма безвластия становилась практика прямого насилия со стороны государственных институтов, которая должна была компенсировать их безнадежную слабость и некомпетентность. Опыт чрезвычайных мероприятий военного времени казался в этой обстановке спасительным инструментом. Несмотря на прекращение боевых операций в регионе, уральское население продолжало пребывать в атмосфере террора, конца которому не было видно.

Вскоре после изгнания «белых» из Пермской губернии печатный орган Пермского губернского организационного бюро РКП(б) и Пермского губернского революционного комитета опубликовал заметку об инциденте в Ершовской волости Осинского уезда, куда в последней декаде августа 1919 г. прибыл большевистский агитатор, созвывший крестьян на собрание:

«Одни крестьянин осмелился пожаловаться вышеуказанному товарищу на местный Ревком, говоря, что последний отобрал у него единственную рабочую лошадь... Принял ли это к сведению агитатор – неизвестно. Но дело в следующем: на другой же день после отъезда агитатора Ревком призывает жалобщика, подвергает его аресту и держит некоторое время в кутузке, после чего у граждан, говорит, отпала всякая охота жаловаться»⁴⁰.

Екатеринбургская ЧК также фиксировала случаи террористических выходов низовых органов власти, сопровождаемых нелепыми угрозами. Так, в Верхотурском уезде, согласно политсводке за 16 – 20 ноября 1919 г., местные партийные органы «заставляют насильно записываться в партию РКП[б], заставляют насильно работать на субботниках, даже и беспартийных пугают тем, что кто не запишется в партию РКП[б] или не пойдет работать на субботник, тот не получит продовольствия»⁴¹.

В том же отчете отмечались факты неправильных действий властей, превышения полномочий, особенно со стороны милиции, вызывавших у его малограмотного составителя прямые аналогии с поведением милиционеров до падения советской вла-

³⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д.31. Л.14 – 15.

⁴⁰ Красный Урал. 1919. 7 сент.

⁴¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

сти в губернии: «...во многих являются прошлогодние выходки; прицепит револьвер сбоку и отнимет что-нибудь подходящее и разделит между собою или выпьют, что и портит настроение масс».

Население стонало от безрадостной дилеммы: и отсутствие власти, и ретивость распоясавшихся стражей порядка сулили ему тяжелые испытания и неисчислимые опасности. Эту перспективу испытала на себе обитатели всех уголков Урала. Сочувствие и доброжелательность крестьянства к советской власти, вынужденная покорность казаков то и дело взрывались вспышками откровенной враждебности. В ряде станиц на территориях, входивших в ведение Оренбургского укрепленного района, распоряжения новой власти проводились в жизнь исключительно с применением военной силы⁴².

На пепелище гражданской войны явственно проступали контуры нового «порядка», прославленного стараниями большевистской пропаганды и советской историографии как «военный коммунизм», в котором вынужденная бедность якобы компенсировалась железной организованностью и безупречной дисциплиной. Реально же условия жизни «маленького человека» в то время были, очевидно, принципиально иными, чем рисовала советская апологетика. Неподдающееся воображению современного человека запустение среды обитания и деградация материальных основ жизни дополнялись управленческим хаосом и двусмысленностью принципов и механизмов распределения катастрофически «съеживавшихся» запасов самого необходимого. С карточной системой «классового» распределения продуктов и принудительной моделью организации труда, насильственными реквизициями и террором в деревне и городе причудливо соседствовали рынок и вольные цены, предпринимательская активность и торговые операции, едва скрываемое недовольство советской властью, в том числе в стенах советских учреждений, и взрывы яростного сопротивления ее распоряжениям в селах и станицах. Жизнь по-прежнему была полна опасностей, ход ее — неясен, будущее — непредсказуемо.

Узаконенное ограбление деревни. Полтора года кульминации «военного коммунизма» с середины 1919 до начала 1921 г. прошло для уральских жителей под знаком центральной проблемы, которая вот уже несколько лет становилась все более острой, несмотря ни на смену режимов, ни на обещания каждой вновь утверждающейся власти. Этой упрямой проблемой являлось обеспечение населения продуктами питания и предметами первой необходимости. Поступательное падение их производства и разрушение системы их свободой циркуляции приводили к тому, что «...в дни торжества материализма материя превратилась в понятие, пищу и дрова заменил продовольственный и топливный вопрос»⁴³. Решение проблемы снабжения невероятно осложнялось неразвитостью системы аккумуляции и перераспределения продуктов и отрицательным отношением населения к реквизиционной модели пополнения их государственных запасов. Борясь против свободной торговли как «пережитка прошлого», «военно-коммунистический» режим не мог изобрести иной альтернативы, кроме насильственного изъятия продуктов у производителя, которое тяжелым грузом ложилось на крестьянские плечи.

Любопытные наблюдения о взаимосвязи состояния управленческого аппарата, эффективности реквизиционной политики и настроений и поведения крестьянства сде-

⁴² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 43, 46.

⁴³ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Вильнюс, 1988. Кн. 1. С. 164.

лал в октябре 1919 г. агитатор 3-й Армии. В его докладе было отмечено, что когда по территории Среднего Урала летом 1919 г. проходила Красная армия, ее «...ждали с великим страхом, а не с радостью...», вспоминая мародерские выходы «красных» партизан в 1918 г. Страх вскоре сменился симпатией, однако, по его мнению, ее не следовало распространять на советскую власть: «красные» войска проходили, не оставляя после себя налаженного аппарата управления, не чиня препятствий свободе торговли, не осуществляя систематических реквизиций хлеба. У крестьян могла возникнуть иллюзия, что их наконец-то оставили в покое. Однако вскоре она была развеяна:

«В то время, когда начались реквизиции хлеба у крестьян, с заводских рынков совершенно исчез хлеб. Крестьяне, боясь реквизиций, не повезли хлеб на рынок, и уездные местные власти не успели и до сих пор создать мало-мальски годного продовольственного аппарата...»⁴⁴.

В итоге в октябре 1919 г. свободной торговли хлебом не было, поскольку она была запрещена, а своих запасов продовольствия у властей не имелось. Крестьяне предпочитали гноить хлеб или варить из него самогон, а государственные хлебозаготовки становились, по терминологии автора доклада, «боевой задачей дня».

Для эффективного функционирования реквизиционной системы, помимо прочего, не хватало надежной информации о крестьянских запасах. Власть была вынуждена полагаться на авось, требуя по максимуму, чтобы получить хоть что-нибудь. В конце 1919 — начале 1920 г. в Вятской губернии хлебная разверстка составляла 3,5 пуда на каждый, в том числе детский, душевой надел. Местная партийная газета предостерегала от уравнилельных реквизиций, от которых прежде всего пострадала бы менее состоятельная часть деревни. «Кулаки» же в скором времени смогли бы продавать беднякам часть своих, значительно более солидных, запасов, по 700 и более рублей за пуд⁴⁵.

Анализируя в марте 1920 г. недавно прошедшие на Южном Урале крестьянские восстания, заседание ответственных работников Уфимской губернии отметило среди их причин непомерность заданий по разверстке. Их несоответствие реальным возможностям крестьян коренилось в информационном голоде: разверстка рассчитывалась по статистическим данным 1917 г. (!), так как никакими более поздними сведениями об уфимской деревне власти не располагали⁴⁶. Между тем, крестьянское производство зерна за три года существенно сократилось.

В 1920 г. произошло очередное, на этот раз наиболее радикальное снижение производственной активности крестьянства. Частное письмо из Пермской губернии за 2 мая 1920 г. отражало массовые настроения деревни:

«Мы пока здесь живем и работаем, но не по-старому, например: сейчас сев, на поле мало очень народа, сеют против прошлогоднего половину и менее, что нас ожидает в 21 году, не знаю, поля не засеяны и не обработаны. Слышны разговоры – для себя хватит»⁴⁷.

Видимо, крестьянство надеялось на случай, никак не ожидая, что «красные» решатся на широкомасштабные и жестокие реквизиции и наберутся достаточных сил для их осуществления. Во всяком случае, апогей насилия над крестьянством, пришедшийся на позднее лето 1920 г., был воспринят ими как нечаянное, но неодолимое бедствие.

В национальных районах — в Вотской автономной области и в Малой Башкирии — реквизиций не ждали еще и потому, что эти регионы летом 1920 г. постигла жестокая засуха. Так, в Аргаяшском кантоне дождей не было семь месяцев:

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

⁴⁵ Деревенский коммунист. 1920. 3 янв.

⁴⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 31.

⁴⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 113.

«Еще в середине лета 1920 года в черноземной здесь по преимуществу почве на возвышенных местах от бесконечно палящих лучей солнца можно было видеть голое, выгоревшее пространство, с зияющими на нем черными извилистыми, вершковыми в диаметре трещинами»⁴⁸.

В высохших озерах жители собирали солончаковую озерную траву для прокорма скота.

Представление о страшном лете 1920 г. дают отрывки многочисленных крестьянских писем из разных мест Урала, посланных служившим в Красной армии близким родственникам и перехваченным пермским и вятским отделениями военной цензуры. Эти простодушные свидетельства крестьянского горя не требуют комментария:

Оханский уезд, 6.1920:

«Хлеб, скот берут, за землю берут 112 рублей [за] одну десятину... натуральный и подходящий налог. А вы чего-то спите, взяли [бы] все в свои руки, а то кто-то распоряжается нами и все берут беспощадно».

Екатеринбургская губерния, 1.08.1920:

«Жизнь действительно – полный беспорядок, людей замучили эти проклятые коммунисты, в Урал гонят рубить дрова и в подводы, отбирают скот, почти все стараются съездить за хлебом в Казань, а коммунисты по дороге грабят, последнее сваливают. Покосов тоже нигде не дают. Вообще от наших коммунистов жизнь стала невозможной».

Оренбургская губерния, 2.08.1920:

«Дорогой сын, у нас здесь дерут с пяток до головы, берут все: хлеб, скот, шерсть, масло, яйца, хлеб берут весь до фунта, а шерсть делят пополам, яйца семь шт[ук] с десятка, а я ездила в Бреды, там этой шерсти навалено несколько пудов, если она нужна, то сперва нужно убирать ту шерсть, которая есть у них, а потом уже брать у нашего брата – крестьянина. У нас они отбирают последний фунт, а там гниют тысячи пудов, то они не видят».

Оханский уезд, 6.08.1920:

«У нас в деревне беспорядки, пришли раз солдаты и увели у нас корову молоденькую, накладывают очень большие налоги. Если есть в амбаре пуд муки, то полпуда отбирают. Не знаем, как и жить, очень плохо... <...> Слово сказать сейчас нельзя, а то арестуют. Еще у нас отбирают картошку и яйца. Петя, эта власть очень плохая».

Оханский уезд, 9.08.1920:

«У нас хлеба взяли по пуду с души, масло взяли по 3 фун[та] с коровы, яиц по 4 с чел[овека]. Теперь опять просят корову, 12 коров с общества, сена триста пуд[ов]. Так что Вы, Терентий, жизнь свою на фронте проводите, а здесь нас разорили до конца, за что Вы страдаете на чужой стороне?»

Чердынский уезд, 9.08.1920:

«У нас отбирают масло насильно, 4 фун[та] отдали, и хотят взять корову, отбирают хлеб 2 снопа на 3-й, или картошку 2 ведра, нам 3-е, или так же и репу. Масло взяли все, нам не оставили, а если масла нет, то велят занять да отдать, и гонят ехать, если не поеду, то буду арестована. Федя, у нас опять стало как в прошлом году, не знаю, кому пожаловаться».

Пермь, 21.08.1920

«Хоть страду сняли, а пользы нет опять. Хлеб отбирают. Эх, какая пришла наша жизнь несчастная. Тятя, как-нибудь хлеб берегите, спрятайте. Какая пришла наша жизнь, не дадут нам пожить весело, так и проживешь ни за что, и не стало ничего своего, все отбирают».

Вятский уезд, 29.08.1920:

«Все с нас теребят, только отдай, нам ничего не дают: ни кос, ни серпов, ни железа, ни гвоздей, ни керосину, ни спичек, ни соли, ни сахару и ничего. Надсадили, дрова рубили и возили на железную дорогу»⁴⁹.

⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 50. Л. 30.

⁴⁹ ГАНИОПДПО Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16 об., 29; Д. 226. Л. 194; ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 163.

Реквизициям в деревне не видно было конца. В декабре 1920 г., за три месяца до замены продразверстки налогом, из Вятской губернии обреченно писали: «Беда с житем — все теребят коммунисты: отдай, да коммунисты наехали злые»⁵⁰.

В больно хлестнувшей крестьян реквизиционной кампании 1920 — начала 1921 г. четко сфокусировались конкурировавшие друг с другом обстоятельства: некомпетентность и кабинетное начетничество московского начальства, бессилие противостоять приказам центра и исполнительное рвение губернских властей, революционный фанатизм и рвачество непосредственных исполнителей продразверстки. Ситуация, сложившаяся в деле хлебозаготовок в Челябинской губернии — яркое тому свидетельство.

В августе 1920 г., когда задание по заготовке хлеба для Челябинской губернии уже дважды пересматривалось и в результате сократилось с 25 до 17 млн. пудов — в том числе 15 млн. пудов продовольственного хлеба, 0,5 млн. крупяного и 1,5 млн. кормового — председатель губернского исполкома М.Х.Поляков в секретном письме председателю Совнаркома В.И.Ленину с тревогой писал о «полном несоответствии цифры продразверстки по Челябинской губернии с ее продовольственными и кормовыми ресурсами». Наложённая наркомпродом на губернию разверстка исходила не из действительной урожайности, а из заранее положенной нормы в 13,5 пудов с десятины посева. Между тем, в 1920 г. губернию постиг неурожай, вследствие чего выполнение задания — самого большого по сравнению с другими губерниями Советской России — было нереальным. Председатель губисполкома жаловался в письме, что его аргументы в пользу снижения разверстки и оставления в губернии некоторого количества семенного хлеба в фонд по обсеменению 1921 г., изложенные в беседах в Москве с заместителем наркома продовольствия Н.П.Брюхановым, членом наркомата продовольствия И.Н.Смирновым и секретарем ЦК РКП(б) Н.Н.Крестинским, не возымели действия. Н.П.Брюханов, как и И.Н.Смирнов, по словам М.Х.Полякова, «указал... на объективное положение, создавшееся в стране в связи с неурожаем в целом ряде губерний республики при громадных требованиях на хлеб для армии и населения, обязывающее идти по пути предъявления самых громадных требований в области заготовок, не останавливаясь в наихудшем случае даже перед тем, чтобы изымая сейчас пригодный для посева хлеб, в 21 году допустить тем самым сокращение посева».

Между тем, аргументы председателя исполкома были весомы: среди них фигурировали и расширение губернии, население которой выросло за счет территорий соседних Оренбургской, Тобольской и Тургайской губерний до 2 млн. человек, и высокий процент рабочих и служащих, и более 400 тыс. беспокойного казачества, и малочисленность в крестьянстве «пролетарского» и «полупролетарского элемента», и удобство степных районов для действий шаек дезертиров, и соседство грозящих набегами кантонов Башкирии, и партизанский дух крестьян Кустанайского уезда — переселенцев с Украины, и малочисленность советских и партийных работников. М.Х.Поляков настаивал на пересмотре размеров разверстки, предупреждая, что в противном случае следует ожидать крестьянских восстаний, так как хлеб придется «выкачивать» в объемах, губительных для сельского хозяйства⁵¹.

В том же месяце губернская ЧК сообщала в информационной сводке, что недовольство крестьян объясняется «отсутствием хотя бы минимального снабжения продуктами фабрично-заводского производства, как-то — мануфактурой, спичками, мылом, солью, дегтем и т.д. Крестьяне часто с упреком говорят, что город, хотя и по-

⁵⁰ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 236.

⁵¹ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 22. В конце концов плановое задание по хлебозаготовкам было снижено до 10,2 млн. пудов.

немногу, но все получает, а от них все забирают и ничего, кроме разноцветных бумажек, не дают»⁵². Основанием для брожения было и то, что выполнившим разверстку по скоту запрещалось продавать излишки рогатого скота, что многие желали бы сделать для покупки лошадей.

В сентябре 1920 г. беды посыпались на крестьян Челябинской губернии со всех сторон. Во-первых, добившись от Москвы почти двукратного сокращения разверстки, губернские власти считали своим долгом выполнить ее во что бы то ни стало. За подписями председателя губисполкома и губпродкомиссара в волостные и станичные исполкомы был направлен приказ, содержащий следующее распоряжение:

«1. Объявить населению, что наложенная на него разверстка должна быть выполнена, хотя бы выполнение ее пришлось провести за счет потребности самого населения, причем на волости, селения и отдельных домохозяев при каждом случае продажи мешочникам продуктов разверстка будет увеличена на то количество, которое продано, а при повторной продаже они будут арестовываться и имущество конфисковываться.

2. Никаких учетов продуктов у населения, проверки запасов обеспеченности самого населения не производить, при предъявлении требования у домохозяина все причитающееся по разверстке количество изымать, в случае невыполнения этого в назначенный срок арестовывать его и конфисковывать все продукты, скот, имущество.

3. Подлежат аресту руководители Советов и продкомов, не выполнившие разверстку»⁵³.

Во-вторых, крестьяне изнывали от активизации так называемых дезертиров — оставшихся на территории Южного Урала с 1919 г. осколков «белых» формирований, пополнявшихся беглецами из Красной армии и из обложенных непомерными поборами и повинностями деревень и станиц. Если ранее крестьянство и казачество относились к ним с симпатиями, то осенью 1920 г. отношение к дезертирам изменилось: те, как и советская сторона, отбирали у крестьян телеги, лошадей, хлеб, а осенью, в преддверии холодов — теплые вещи⁵⁴.

Октябрь прошел в Челябинской губернии под знаком еще большего ужесточения разверсточной кампании. Под впечатлением от сбоев в ее осуществлении росла нервозность местных властей. Приказ от 9 октября, подписанный председателями губисполкома, губпродсовещания и губпродкомиссаром страдал двусмысленностью и предоставлял простор произволу на местах. В нем, с одной стороны, требовалось активизировать сбор разверстки, не останавливаясь перед самыми жестокими репрессиями:

«Месяц новой заготовительной кампании прошел. Первые сроки для выполнения разверстки миновали, между тем из поступающих сведений по заготовкам не видно реальных результатов продработы, за исключением необоснованных жалоб о неисполнимости данных разверсток и притока ходочков в губернию. Трехлетний опыт продработы приводит к необходимости не пропускать с самого начала рациональных мероприятий и, захватив урожай, не допускать сокращения выполнения разверсток...»⁵⁵.

Под «рациональными мероприятиями» по «захвату» урожая подразумевались репрессивные действия, изложенные в пунктах 11 и 12 приказа. Согласно им, следовало «продукты у упорствующего в сдаче населения реквизировать без оставления по нормам», а «у злобно скрывающих продукты, имущество и скот конфисковывать и передавать к неимущему населению и тех, кто выполнит все разверстки в размере 100%».

⁵² Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 22.

⁵³ Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917 — 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 152.

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.

⁵⁵ Там же. Д. 113. Л. 48.

С другой стороны, как было указано в пунктах 4 и 19, рекомендовалось не допускать механического распределения разверстки по волостям и внутри них, а также внимательно относиться к заявлениям граждан о неправильном обложении крестьян волысполкомами, а виновных в этом отстранять от продработы и предавать суду. Между тем, с подстегиванием темпов хлебозаготовок увеличивался хаос в их проведении; с усилением нажима на крестьянство у исполнителей реквизиционной работы росло искушение под шумок поживиться за счет незаконного ограбления деревни. В чекистской сводке за 16 — 31 октября анализировались причины ухудшения настроений крестьянства, приведшего к поражению коммунистов при перевыборах в сельские и поселковые Советы во многих волостях Челябинского уезда. Среди прочих оснований для обострения положения в сельской местности значилось следующее:

«К числу явлений, вызывающих у крестьян недовольство, относится и тот факт, что некоторые продработники занимаются за счет государства и тех же крестьян самоснабжением. В местечке Лебяжье, Курганского уезда, среди служащих практиковалось распределение собранных по разверстке яиц под видом порченных. Там же агент райпродкома, закупаая скот, держал его по несколько дней без корма. Результатом этого явился сильный падеж скота, что, безусловно, не может не отразиться пагубно на настроении крестьян, у которых этот скот забирают»⁵⁶.

К концу 1920 г. челябинские губернские власти уже просто лихорадило от успехов в сборе продразверстки, тем более что соседи в Екатеринбургской губернии уже к 10 декабря полностью выполнили ее. Челябинский губпартком 22 декабря направил в уездные партийные организации Кустаная, Троицка, Кургана и Миасса телеграммы, требующие от них сосредоточить все усилия на выполнении заготовительных заданий:

«Обращаем ваше внимание на недопустимо слабую ссыпку хлеба[.]... вынуждающую ввиду приближения весны прибегнуть [к] репрессивным мерам[.]... Необходимо упарткомам начать самую усиленную кампанию[.]... путем агитации за выполнение разверстки до распутицы[.]... Телеграммы Центра предписывают Челябинской [губернии] обязательное выполнение разверстки хотя бы путем репрессий»⁵⁷.

Практика реквизиций соответствовала жесткому тону распоряжений. В Миасском уезде и Куртамышском районе в середине декабря у крестьян отбирался хлеб с оставлением им установленной губпродкомом нормы в 22 фунта на едока в месяц, из которых еще четыре фунта взымались за помол зерна. Отнималось и посевное зерно, причем в спешке оно зачастую сыпалось не в отдельные амбары, а вместе с зерном прежних лет, непригодным для посева. Крестьяне волновались и из-за того, что продработники не оставляли им зерна для скота и птицы, и из опасения, что весной им выдадут негодные для сева семена⁵⁸.

С проблемами неудовлетворительного выполнения разверстки Челябинская губерния шагнула в 1921 г. В Курганском уезде в конце 1920 г. по приказу райпродкома до выполнения плановой сдачи зерна были закрыты 1200 мельниц, вследствие чего крестьяне остались без муки. В январе, через три недели после этого приказа, они были открыты, но, поскольку помол был разрешен только для сеющих крестьян, беднота не могла помолоть старые запасы. Крестьяне роптали и на то, что при помоле месячной продовольственной нормы — 22 фунтов — от их карточек отрезался пудовый купон. Райпродком соглашался разрешить помол не сеющим крестьянам только в том случае, если они сдадут последние запасы в общий котел, из которого затем будет выдаваться поровну — по 17 фунтов муки на едока. В этой ситуации, как докладывалось

⁵⁶ Там же. Д. 127. Д. 58.

⁵⁷ Там же. Д. 113. Л. 56.

⁵⁸ Там же. Д. 127. Л. 79.

в двухнедельной сводке Челябинской губчека за первую половину января 1921 г., «бедняки вынуждены питаться пареной пшеницей или же толочь зерно в ступе»⁵⁹.

Во второй половине января челябинские чекисты вновь отмечали скверное настроение крестьян, в котором, правда, по наблюдению ЧК, наступила некоторая разрядка в связи с завершением разверсточной кампании. Упоминались и злоупотребления продработников. Так, «в Травниковской станице Миасского уезда продотряд отобрал у крестьянки поселка Шепинского 1 последний фунт масла, 2 фунта шерсти и последний пуд муки, несмотря на то, что крестьянка просила, стоя на коленях, не отнимать последнего». В той же сводке сообщалось о недостатке на селе промышленных изделий, к которым относилась и соль:

«Особо недовольны крестьяне Курганского уезда, на территории которого расположено много соленых озер, но соль из воды которых самим крестьянам вываривать не разрешают. Сам же Курганский райпродком солью крестьян не снабжает»⁶⁰.

1 февраля 1921 г. председатель Белозерского волостного исполкома Троицкого уезда докладывал командиру 1-го батальона 205-го стрелкового полка внутренней службы о причинах невыполнения разверстки. При урожае 1920 г. в 71,5 тыс. пудов она была назначена в 175 тыс. пудов и, следовательно, была невыполнима. От засухи летом 1920 г. урожай погиб на 4386 десятинах из 8932. Хороший урожай был собран лишь с 750 десятин. Как писал автор доклада, «...по получении такой неимоверной разверстки волисполком знал заранее, что таковая выполнена быть не может, но приказ был боевой и обсуждению не подлежал». При его выполнении у многих было выметено все зерно, у немногих крестьян осталось по 5 – 10 пудов. Итог безоглядных реквизиций был трагичен:

«В настоящее время часть населения уже страдает голодом, а если имеется у других оставшееся зерно, то издан приказ о прекращении размола зерна. Ежедневно приходят в исполком ко мне как к местной власти с просьбой: "дай хлеба", но я поставлен в такое критическое положение, что на таковую просьбу затрудняюсь отвечать, так как, зная, что у нас в настоящее время идет подворная конфискация остатков зерновых продуктов и более зерна не остается, чем буду удовлетворять население, не знаю»⁶¹.

Председатель волисполкома в докладе обращался с просьбой оставить волости около 35 тыс. пудов хлеба на продовольствие и семена и предупреждал, что будущий засев в любом случае возможен лишь при помощи центра зерном, поскольку «семенной пшеницы, овса и ячменя в наличности у крестьян не осталось»⁶².

На следующий день, 2 февраля, командир батальона отправил рапорт командиру полка. В нем он информировал начальство, что в некоторых волостях Троицкого уезда разверстка не может быть выполнена «ввиду неорганизованной работы продработников, за неимением общего единого правила во всем уезде». В ряде волостей, где разверстка была полностью осуществлена, но запасов у крестьян осталось больше нормы, была наложена вторичная разверстка. В некоторых волостях «хлеба не оставлено ни зерна. Имеются случаи оставления без куса хлеба...» Командир 1-го батальона рекомендовал принять срочные меры по ликвидации голода, предвидя в противном случае крестьянские волнения. Он оценивал заготовительную работу в уезде как «неплодотворную и неорганизованную», подчеркивая, что «...даже не имеется ника-

⁵⁹ Там же. Д. 344. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 63 об.

⁶² Там же. Л. 64.

кой инструкции у уполномоченных и продотрядов по выполнению, и сколько нужно оставить по норме для довольствия». Беспорядок в работе дополнялся, как и прежде, корыстными действиями продотрядников. В рапорте упоминалась жалоба населения и председателя исполкома одной из волостей: «...продработники, работающие в Сысоевской волости, занимаются личным снабжением, как продовольствием, так и обмундированием, шитьем из овчин шуб и катанием валенок для себя и распределением конфискованных вещей между собой, как то муки, овчины и т.д.»⁶³.

В феврале секретные сводки Челябинской губернской ЧК подводили скорбные итоги продразверсточной кампании:

«Местами в губернии хлеб выкачан у крестьян до зерна, не говоря уже о том, чтобы оставить семена для предстоящей засевной кампании. Продовольственники снабжены широкими полномочиями, не останавливаясь ни перед чем (конфискации имущества, угрозы применения вооруженной силы, аресты, как отдельных крестьян, так и целых исполкомов) для того, чтобы в кратчайший срок реализовать урожай»⁶⁴.

К 1 февраля, по данным губпродкома, разверстка в Челябинской губернии была выполнена на 92,4%, в то время как в Троицком уезде — лишь на 47%. В конце февраля, выполнив задания на 97%, губисполком постановил считать хлебозаготовительную кампанию законченной⁶⁵. В ходе ее завершения у крестьян уже в феврале оставалось пищи на один — два месяца по «полуголодной норме» в 22 фунта хлеба в месяц. Крестьяне, не сумевшие припрятать продовольствие, остались без хлеба. Обещания работников, заявлявших крестьянам во время заготовок: «...выполните разверстку, потом райпродком хлеб выдаст тем, у кого его не будет», — оказались обманом. В сводке за первую половину февраля прямо констатировалось: «Надежда на райпродком оказалась дутой: хлеба не дают». В станице Красинской Верхнеуральского уезда райпродком выдал по 20 фунтов овса, из которого после помола осталось 8 фунтов муки⁶⁶.

О положении крестьян в момент завершения сбора продразверстки свидетельствует следующий эпизод, происшедший в Сыростанской волости Миасского уезда. Вечером 18 февраля 1921 г. у исполкома собрались голодные крестьяне со 107 дворов с просьбой выдать им хлеб. Местное начальство, не имея запасов муки, обследовало крестьянские дворы, с тем чтобы распределить частные припасы среди голодных. В 80 домах было найдено хлеба на два — три дня, в остальных не удалось обнаружить ни куска хлеба⁶⁷.

В марте 1921 г. грядущая голодная катастрофа стала очевидной. Крестьяне и казаки были встревожены тем, что необходимого количества зерна и фуража они не получат, что нечего будет сеять и не на чем будет пахать. Санарское лесничество, используя крестьянских лошадей на хлебозаготовительных работах, выдавало на лошадь всего по пять фунтов овса в сутки. Следствием стал падеж: из 21 лошади с работ вернулось лишь 9. В Челябинском уезде нужное для сева количество семян имелось только в Мишкинском районе. К ссыпке посевных семян в общественные амбары население относилось с крайним недоверием, подозревая, что под видом бронирования осуществляется еще одна разверстка. Крестьяне села Буланово Чудиновской волости, чуя недоброе в любом мероприятии советской власти, отказывались объединяться в «пятидворки» для взаимопомощи в случае голода: по их мнению, власти пытались таким образом согнать их в коммуны. Облик деревни ранней весной 1921 г. при-

⁶³ Там же. Л. 63.

⁶⁴ Там же. Д. 344. Л. 24.

⁶⁵ Там же. Л. 24, 30.

⁶⁶ Там же. Л. 24.

⁶⁷ Там же. Л. 30.

ближался к характерному для следующей зимы: за отсутствием фуража крестьяне стали раскрывать соломенные крыши⁶⁸.

Трагические масштабы реквизиционная политика приобретала на всех земельных пространствах Урала. Так, в информационном письме Оренбургского губернского комитета РКП(б) от 14 декабря 1920 г. рисовалась зловещая картина реквизиций, как две капли воды похожая на проведение разверстки у соседей из Челябинской губернии:

«Настроение населения районов к Советской власти враждебно. Причина – непомерная разверстка хлебных продуктов [при] неумелом обхождении продработников с гражданами и непосильная гоньба обывательских подвод.

Отбираемые райпродкомом у населения скот, картофель, капуста, огурцы и арбузы в большинстве случаев пропадают, скот дохнет с голоду. На одной Марьевской базе пало более 600 голов рогатого скота, картофель и другие продукты померзли, и все это на глазах у тех же крестьян, у которых отбиралось, выкидывается в овраг, конечно, крестьяне чуть ли не открыто говорят, что Советская власть лишь только старается разорить, сама не ест и другим не дает»⁶⁹.

Поголовный падеж скота был повсеместным явлением. В декабре 1920 г. он шел и в райпродкоме Орска⁷⁰.

Реквизиции сопровождалась не только вопиющими проявлениями бесхозяйственности, но и необоснованными репрессиями. Согласно данным информационной сводки Оренбургско-Тургайской губчека за 1 – 15 января 1921 г., райпродком Петровского района при обнаружении у кого-либо спрятанного хлеба налагал штрафы на весь поселок, включая выполнивших разверстку. Продагенты, найдя у последних один – два пуда мяса или два – три фунта мыла, тут же реквизируют находку. Частыми были случаи конфискации имущества, вплоть до мелочей. Известны были и факты дележа конфискованного между продагентами⁷¹.

Особой безжалостностью отличался сбор продразверстки в районах, в которых хлеб в 1920 г. не уродился. Так, при урожае 110 тыс. пудов зерна в Аргаяшском кантоне Малой Башкирии запланированная разверстка составляла 250 тыс. пудов. Она была выполнена в объеме 116 тыс. пудов: крестьяне отдали весь урожай и вынуждены были прикупать хлеб на базарах кантона для отдачи государству⁷².

Объектом реквизиционной политики во второй половине 1919 – 1920 гг. были и городские жители. Так, в ночь с 27 на 28 августа 1920 г. была произведена облава в Челябинске с целью взятия на учет продовольственных запасов горожан. Были реквизированы припасы муки, за вычетом пуда на едока и трехмесячной нормы в соответствии с продовольственной категорией. В итоге многие обыватели лишились права на получение продовольствия за сентябрь – ноябрь⁷³.

Факты свидетельствуют, что и в городах реквизиционные службы находились в состоянии хаоса, вследствие чего распределительная система в городах, подобно бездонной бочке, поглощала или бессмысленно губила значительную часть изъятого у населения добра. Примером тому служат результаты обследования хозяйственной части Челябинской губчека, доклад о которых поступил в губком РКП(б) 20 марта 1920 г. В нем анализировались отчетность, учет и распределение имущества, описы-

⁶⁸ Там же. Л. 40, 47.

⁶⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 11.

⁷⁰ Там же. Л. 14 об.

⁷¹ Там же. Д. 234. Л. 3 об.

⁷² ЦГИА РБ. Ф. Р – 101. Оп. 1. Д. 50. Л. 30.

⁷³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.

вались склады и их состояние, инвентарь и его учет. В докладе отмечалось, что хозяйственной отчетности просто нет, «имеется масса имущества, на которое отсутствуют приходные документы». К какому периоду оно относится и сколько его, документально выяснить не представлялось возможным. Особо подчеркивалось, что «агентура недостаточно точно фиксирует в протоколах обыска отбираемые вещи». В делах не имелось подлинных протоколов обыска, учет конфискованного имущества не проводился. Имевшееся на складах губчека имущество расходовалось по трем статьям — выдавалось сотрудникам чрезвычайной комиссии за наличный расчет по формальной и явно заниженной оценке, передавалось им во временное пользование, направлялось в другие советские учреждения, причем в первое время существования выдачи осуществлялись исключительно своим работникам⁷⁴. «Самоснабжение» — термин, рожденный в первые годы советской власти и служивший эвфемизмом понятию «расхищение» — продуктами питания и вещами осуществлялось в губчека в неограниченном количестве.

Завхоз грозной организации предоставил к ревизии помещение семи складов, однако 2 — 3 марта 1920 г. были случайно обнаружены еще пять кладовых губчека, о которых он, как оказалось, не имел ни малейшего представления. Эти брошенные склады с вещами и продуктами были отчасти опечатаны, причем настолько небрежно, что по печатям невозможно было определить их хозяев, отчасти стояли не опечатанными. Содержимое складов представляло собой печальную картину:

«Во всех складах имущество было свалено в кучу, вместе с шелковыми и меховыми вещами лежали сырые кожи, сахар, чай, ломаные и разобранные велосипеды, электрические принадлежности и прочее... Меховые и другие вещи были частично изъедены крысами и молью. Говорить о распределении товаров и их сортировке не приходится, так как это считалось излишней роскошью»⁷⁵.

С учетом инвентаря дело обстояло не лучше, чем с учетом вещей, поступающих в результате обысков. По итогам проверки было предложено провести детальную ревизию хозяйственной части губернской ЧК и с этой целью создать постоянно действующую комиссию, а также предать суду ответственных работников губчека «за допущенное ими преступно-небрежное отношение к хранению и учету имущества, составляющего собственность республики».

Однако легкомысленное отношение к обобщественному имуществу не поддавалось искоренению. Осенью 1920 г. челябинские чекисты отмечали, что в губсовнархозе «царит хаос»; заведующий складом сырья сгноил более 500 кож и потворствовал спекуляции спиртом. Заведующий пищевым отделом того же учреждения не уберег от мороза 11 вагонов картофеля, который в итоге сгнил⁷⁵.

Граница между халатностью и сознательным должностным преступлением была размыта. Комиссия по ревизии деятельности уфимских заградительных отрядов в сентябре 1920 г. констатировала:

«Помещения складов на Оренбургской и Вавиловской пер[е]правах не пригодны, как в отношении сохранности продуктов, так и в пожарном отношении. Продукты не пересылаются на приемные пункты, иногда слишком подолгу, так что получается загрузка складов... <...> Книги ведутся очень плохо, т.к. агенты делают слишком много помарок и поправок. Книги не прошнурованы, плохо пронумерованы и не заверены. Приходно-расходная — не отвечает своему назначению, т.к. в нее заносятся не все операции. Документы на сданные продукты существуют не все... <...>

⁷⁴ Там же. Д. 77. Л. 41.

⁷⁵ Там же. Л. 42 об.

Учесть неправильные действия отрядов можно только при наличии фактов преступления; в противном же случае это совершенно невозможно»⁷⁷.

Политика реквизиций была примитивна, как дубинка троглодита. Она предоставляла широчайшие возможности для произвола и всевозможных злоупотреблений. Обратной стороной ее неэффективности стала жалкая распределительная система, для большинства населения едва покрывавшая потребности нищенского, полуголодного существования.

«Продовольственный вопрос» вместо продовольствия. После национализации торговли большевистское государство попыталось извлечь из острой продовольственной проблемы пользу, приучая население к принципам распределения будущего коммунистического общества. В марте 1919 г. декретом СНК были созданы потребительские коммуны, к которым приписывалось все население местности. К осени 1919 г. городские кооперативы в каждом городе были объединены в единые потребительские коммуны, руководимые горпродкомами. Однако «коммунистический рай» в городах был более чем сомнителен. Карточная система распределения была крайне ненадежна: население до момента выдачи продуктов не имело ясного представления, что, в каком количестве и по каким ценам будет продаваться, и даже после объявления дня и ассортимента выдачи не было уверено, хватит ли продовольствия на всех. Планировать домашний бюджет, ориентируясь исключительно на пайковую систему, было невозможно.

В условиях нараставшего дефицита продуктов питания властям не оставалось ничего иного, как идти по пути урезания норм потребления. В Вятке постановлением коллегии губпродкома хлебный паек 2-й категории с 1 февраля 1920 г. был сокращен с одного фунта до 2/3 фунта в день, и все советские служащие, кроме ответственных работников, работающих без ограничения времени, переводились во 2-ю категорию⁷⁸. В Челябинске, где сосуществовали две кооперативные организации — «Центросоюз кооперативных обществ» и «Областной союз кооперативов» — в марте 1920 г. лишь мука и дрожжи продавались по твердым ценам всем категориям населения, в то время как по полфунта сыра и постного масла на карточку (по ценам, соответственно, 24 р. и 7 р. за фунт) получали исключительно обладатели талонов 1-й категории⁷⁹.

Большой разрыв наблюдался между официально утверждаемым размером и ассортиментом убогого пайка, с одной стороны, и реальными возможностями его выдачи, с другой. Пермский губпродком установил в апреле 1920 г. месячный паек для городского населения в следующем объеме: в зависимости от категории он колебался от 18 до 24 фунтов ржаной муки, от 3/4 до одного фунта крупы, от двух до трех фунтов рыбы и от 18 до 24 фунтов овощей. Однако на практике выдачу и этой нормы продовольствия осуществить было непросто. Осинский продком, например, снизил объем выдачи муки, а остальные продукты вообще вычеркнул из пайка, так как выдавать их было нечем⁸⁰.

В частном письме в армию из Перми от 21 мая 1920 г. автор жаловался адресату: «Хлеба в районных лавках дали за май по 6 фун[тов] на человека, да и не всем, пото-

⁷⁶ Там же. Д. 127. Л. 55, 70.

⁷⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

⁷⁸ Стенная газета РОСТА (Вятка). 1920. 2 февр.

⁷⁹ Советская правда. 1920. 14 марта.

⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 301. Л. 214.

⁸¹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 114.

му приходится жить на poste св[ятого] отца, вот, папа, это есть земной рай, который нам обещали большевики...»⁸¹.

В августе 1920 г. наметилось обострение продовольственного кризиса на Среднем Урале и в Прикамье. Старый хлеб кончился, нового еще не было. Это повлекло за собой снижение нормы пайка⁸². Жизнь в городах Вятской губернии, включая губернский центр, становилась все менее обеспеченной. Многие жители Вятки намеревались переселиться в Сибирь, чему препятствовало запрещение переселений как отдельных граждан, так и коллективов⁸³. В связи с приближением холодов обозначился «обувной» голод. Обывателям Вятки выдавали плетеную ременную обувь, которая, будучи скрепленной одной — двумя суровыми нитками, разваливались через неделю⁸⁴. Особенно страдали от неустроенности жизни горожане уездных центров. Вятское отделение военной цензуры вскрыло частное письмо из Слободского за 1 сентября, в котором говорилось:

«У нас настолько все дорого, беда, и приходится все проживать, но вот уже менять нечего стало, мука ржаная от 8 – 10 тысяч пуд; из управы выдают по 12 фунтов на человека служащим, а кто не служит – по 8 фунтов в месяц; но все это приходится доставать с трудом. Лекарств в аптеке совершенно нет, дизентерия очень здесь сильна, и много очень умирает здесь людей»⁸⁵.

Осенью 1920 г. продовольственное положение горожан заметно ухудшилось. Пайек становился нищенским, совершенно недостаточным для физического выживания. В конце октября в Уфе взрослое население получало по карточкам только от полуфунта до фунта соли и полкоробка — коробка спичек. Лишь дети могли претендовать на получение двух фунтов манной крупы, полфунта топленого масла и десятка яиц⁸⁶.

Содержимое пайков становилось все более непритязательным. Как вспоминала преподавательница рабфака Уральского университета в Екатеринбурге, в пайки 1920 г. входила вобла (в академические пайки — очень соленая рыба) и грубая мука вроде овсяной. Едоков этих пайков охватывала столь сильная жажда, что они вчетвером за один присест могли выпить ведерный самовар морковного чая — другого не было⁸⁷. Студенты должны были удовлетворяться порцией жмыхового хлеба в 300 г в сутки и обедом из мерзлой картошки⁸⁸.

Зимой 1920 — 1921 гг. регион объял жестокий продовольственный кризис. Наркомпрод урезывал потребности, наряды на продовольствие выполнялись центром с большим опозданием. Екатеринбургский губпродком не имел права расходовать имевшийся хлеб без разрешения Москвы, несмотря на то, что губерния полностью рассчиталась по продразверстке и сдала 10 млн. пудов зерна. Поскольку Сибирь поставляла в Центральную Россию только мясо, а юг был не в состоянии доставить хлеб в центральные губернии из-за расстройств транспорта, зерно для населения фабрично-заводских районов Европейской России поступало в основном с Урала и из Приуралья. Как отмечала одна из екатеринбургских газет, «непрерывная выкачка хлеба привела в конце концов к острому продовольственному кризису». В связи с катастрофическим

⁸² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 66.

⁸³ Вятская правда. 1920. 1 сент.

⁸⁴ Там же. 9 сент.

⁸⁵ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 163.

⁸⁶ Известия (Уфа). 1920. 27 окт.

⁸⁷ См.: Данилова А. Упорство, труд, жажда знаний / Воспоминания преподавателей и учащихся первых уральских рабфаков. Свердловск, 1963. С. 14.

⁸⁸ См.: Орлова Н. Годы учебы, года труда / Там же. С. 40.

развитием инфляции было принято решение с 1 января 1921 г. продукты питания и предметы широкого потребления в городах и фабрично-заводских местностях Екатеринбургской губернии отпускать по карточкам бесплатно⁸⁹. Одновременно и по той же причине рассматривался вопрос о бесплатном пользовании коммунальными услугами. Так, в вятскую прессу 23 декабря 1920 г. просочилась информация о постановлении горисполкома бесплатно выдавать воду горожанам Вятки и о проекте бесплатного пользования горожанами квартирами, электричеством и прочими удобствами. Через неделю, правда, последовало опровержение. В нем говорилось, что вопрос о бесплатном потреблении воды находится в стадии разработки и касается только рабочих. Однако на заседании исполкома Вятского горсовета 10 января 1921 г. решение о бесплатном отпуске воды из будок все же было принято. Одновременно президиуму исполкома было поручено создать комиссию для рассмотрения вопроса о бесплатном снабжении городского населения электричеством⁹⁰.

К весне 1921 г. снабжение городского населения стало беспрецедентно скудным. Красноармейский паек в Вятке в марте состоял из одного фунта хлеба в день. Остальные категории граждан получали на день от 1/4 до 1/2 фунта, причем фунт хлеба, по причине его отсутствия, заменялся 2,25 фунта мерзлого картофеля. Кроме того, в паек входил керосин из расчета 3/4 – 1 фунт в день. По сравнению со всеми категориями граждан благоденствовали рабочие бронированных предприятий: выполнявшие военные заказы получали ежедневно 4,8 фунта ржаной муки⁹¹.

Создатели карточной системы распределения официально провозглашали ее классовые принципы, согласно которым следовало бы ожидать предпочтительное снабжение основы «диктатуры пролетариата» — рабочих. Однако скудость продовольственных запасов в сочетании со слабостью управленческого и снабженческого аппаратов, компетенции которых реально не распространялись за городскую черту, загоняла уральских горнозаводских рабочих в положение пасынков распределительной машины. Рабочим Пермского района в августе 1919 – феврале 1920 г. ежемесячно отпускались лишь 24 фунта муки, к которым в качестве не везде выдаваемой премии прилагался дополнительный паек в 12 фунтов. Весной 1920 г. из Пермского района в ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов докладывали:

«Жировых веществ и мяса совсем не выдается. Табак, соль и спички выдавались в конце 1919 года в минимальном размере и крайне нерегулярно. Мыла совсем не выдается. Вследствие чего сильно развивается спекуляция»⁹².

В отчете о деятельности профсоюзов в Богословском районе с 1 мая по 15 июля 1920 г. также рисовалось незавидное положение местных рабочих:

«...с апреля мес[яца] с.г. всем рабочим Надеждинского завода и Богосл[овско]-Сосьв[енской] железной дороги выдается хлебный паек в сорок пять фунт[ов], без всякого приварочного продукта; и на получение такового надежд никаких нет. Вольного же рынка здесь не существует и ни за какие деньги какие-либо продукты приобрести невозможно, что, конечно, отзывается на производительности труда»⁹³.

Во второй половине 1920 г. продовольственное обеспечение металлургических заводов Урала резко ухудшилось. Рабочие получили всего 8% мяса и 10% сахара от нор-

⁸⁹ Уральский рабочий. 1921. 19 янв.

⁹⁰ Вятская правда. 1920. 23, 29 дек.; 1921. 22 янв.

⁹¹ Там же. 1921. 8 марта.

⁹² ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 22 об.

⁹³ Там же. Д. 52. Л. 53.

мы пайка. Мука выдавалась нерегулярно, причем вместо нормы в 36 — 45 фунтов в месяц отпускалось от 8 до 29 фунтов. Из-за нехватки хлеб зачастую распределялся вне категорий, уравнилельно. Неместные рабочие более других страдали от сбоев продовольственного распределения, так как, в отличие от коренных уральских рабочих, не могли пополнить свой рацион овощами из собственных огородов. В пайки же овощной «приварок» включался крайне редко. Дефицит обычной и специальной одежды, включая рукавицы для рабочих горячих цехов, был причиной того, что голодные обмороки дополнялись простудными заболеваниями и травматизмом⁹⁴.

В августе 1920 г. норма хлебного пайка на предприятиях, подведомственных райкому Екатеринбургского отделения Всероссийского союза рабочих металлистов, снизилась с 36 фунтов в месяц для рабочих и 25 фунтов для членов их семей и служащих до 20 — 30 фунтов. Как следует из отчета с августа 1919 по август 1920 г., «детям выдается бесплатный паек, но не везде, в отдаленных от города заводах его еще нет. Столовых в большинстве заводов нет». На продукты, выдаваемые рабочему по карточкам, тратилась примерно половина его заработка⁹⁵.

В записке Южноуральского треста горнозаводской промышленности также отмечалось ухудшение продовольственного положение с августа 1920 г., вслед за которым «в сентябре — октябре на некоторых заводах царил полная продовольственная разруха, напоминавшая худшие времена начала 1920 года». На Кусинском заводе за октябрь рабочим выдали всего по 8 фунтов муки⁹⁶. В информационной сводке Челябинской губчека за вторую половину сентября 1920 г. сообщалось, что рабочие не получают мыло, табак и сахар, отсутствует обувь — «даже лаптями рабочие и то не снабжаются»⁹⁷. В первой половине октября в связи с похолоданием ситуация ухудшилась. Очередная чекистская сводка констатировала тяжелое экономическое положение. Отсутствие обуви отразилось на работе по ремонту вагонов, осуществляемой на открытом воздухе, «так как сырая и холодная погода заставляют или сидеть дома, или никуда не показывать нос из мастерских»⁹⁸.

Новое обострение продовольственной проблемы в начале 1921 г. болезненно задело горнозаводское население. Пресса писала, что «продовольственный кризис, естественно, отразился на настроении рабочих и создал реальную угрозу невыполнения металлургических программ уральских заводов», поскольку «...рабочим заводов приходится зачастую голодать, тем более что кроме хлеба им ничего больше не отпускается»⁹⁹. В начале года рабочие крупных заводов Урала получали на месяц 36 фунтов хлеба — в два раза больше, чем остальное население (счастливое исключение составляли шахтеры Кизеловских копей, пользуясь пайком в 35 — 60 фунтов)¹⁰⁰. В феврале 1921 г. последовало новое урезывание нормы рабочего пайка. Из Богословского района озабоченно писали, что «в связи со сбавкой пайка 15-го февраля работа начинается расстраиваться, ...в рядах рабочих появился некоторый хаос и неорганизованность; к собраниям стали относиться апатично...»¹⁰¹. Прошедшее накануне X съезда РКП(б),

⁹⁴ См.: Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917 — 1923 гг.). М., 1975. С. 84.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 53. Л. 63.

⁹⁶ Там же. Д. 130. Л. 50.

⁹⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.

⁹⁸ Там же. Л. 51.

⁹⁹ Уральский рабочий. 1921. 19 янв.

¹⁰⁰ См.: История Урала. Пермь. 1963. Т. 2. С. 163.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 52. Л. 62 об.

в феврале 1921 г., пленарное заседание всех советских учреждений Авзяно-Петровского завода отмечало оторванность поселков от сыпных пунктов и железной дороги, усугубившую свои в снабжении жителей продуктами: «Из всех докладов видно, что продовольствием за весь 1920 год нормально никто не был снабжен, а в 1921 году совершенно еще не выдано ни одного фунта»¹⁰². Участились невыходы на работу, что объясняется самым прозаическим обстоятельством — отсутствием теплой одежды и обуви. Так, среди рабочих южноуральских металлургических заводов к февралю 1921 г. лишь каждый пятый рабочих был обеспечен обувью¹⁰³.

Казалось бы, что если уж рабочие страдали от убогости распределительной системы, будучи символической основой советской власти, то снабжение армии — единственной реальной опоры большевистского порядка — должно было функционировать бесперебойно. Однако и в отношении этой категории уральского населения обеспечение необходимыми продуктами и предметами осуществлялось с многочисленными срывами. В июле 1920 г. — через год после завершения гражданской войны на Урале — документы Челябинской губернской ЧК констатировали, что «среди красноармейцев вызывает недовольство плохое, часто антисанитарное, состояние помещений, недостаточность питания и обмундирования, а иногда несправедливое распределение имеющегося обмундирования, и грубое обращение командного состава с красноармейцами». В августе челябинские чекисты вновь вернулись к этой теме: «недостаток снабжения обмундированием, пищей, ограниченная выдача кипятка, теснота помещения, насекомые, грубое обращение комсостава вызывает у красноармейцев недовольство». К приезжающим агитаторам они относились с недоверием, заявляя: «Вы нам только зубы заговариваете, а соли нет, бани нет. Нас вши заели»¹⁰⁴. Осенью 1920 г. красноармейцы по-прежнему были совершенно не обмундированы, даже лаптями их снабжали неаккуратно и в недостаточном количестве. Продовольственный паек — два фунта хлеба в день — не обеспечивал сытного существования. Семьи красноармейцев оказались вообще обойденными помощью государства: в первой половине 1920 г. во многих волостях Челябинской губернии им не выдавались пайки¹⁰⁵.

Если в городах и заводских поселках карточная система с грехом пополам, но функционировала, то в сельской местности она фактически не работала: советская власть была слишком слаба, чтобы поставить под свой систематический контроль повседневную жизнь деревни, и слишком бедна, чтобы обеспечить ее хотя бы самыми элементарными продуктами и предметами несельскохозяйственного производства. Деревенские жители постоянно жаловались на отсутствие соли, спичек, керосина и нехитрых сельскохозяйственных орудий. Более того, на селе принцип классового распределения был поставлен с ног на голову. Крестьянская беднота, которую советская власть декларативно поддерживала как ближайшего союзника, на деле была ею покинута. После завершения сбора продразверстки 1920 г., зимой 1920 — 1921 гг., местные власти отпускали хлеб только для сеющего населения, еще не в конец разоренного реквизициями последних месяцев¹⁰⁶. Социально слабая часть деревни была брошена на произвол судьбы.

Вопреки расхожему в российской публицистике рубежа 80-х — 90-х гг. мнению о изощренности большевистской распределительной политики времен «военного коммунизма», якобы целенаправленно работавшей на удушение голодом классовых

¹⁰² ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 403. Л. 62.

¹⁰³ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 84.

¹⁰⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 124. Л. 20, 24.

¹⁰⁵ Там же. Л. 43.

¹⁰⁶ Там же. Д. 344. Л. 1.

противников и обеспечивавшей благоденствие партийного аппарата, она была слишком слаба и бестолкова, чтобы накормить досыта кого-либо, кроме московской партийной верхушки¹⁰⁷. Абсолютному большинству населения России, включая ответственных партийных работников губернского масштаба, советская карточная система донэповского периода не могла обеспечить большего, чем самое скромное, чаще полуголодное существование. Размах реквизиционных акций не соответствовал жалкому эффекту снабженческой практики. Реквизиционно-распределительная система периода «военного коммунизма» была отмечена убожеством, недостойной разблачительного пафоса.

Тление рынка и угасание быта. Как ни противоречило идеалам коммунистического строительства существование рыночных отношений, большевистская диктатура была не в состоянии вытеснить их централизованной распределительной системой. Гонения на рынок в преднэповское время, безусловно, вели к его сужению. По подсчетам специалистов, удельный вес вольного рынка в удовлетворении минимальных потребностей россиян сократился в 1920 г., по сравнению с 1918 — 1919 гг., примерно в два раза, занимая, тем не менее около 30% в структуре источников снабжения населения¹⁰⁸. Рыночная стихия, сколько ни пытались ее потушить, подспудно тлела. Ее нелегальный характер в сочетании с несовершенством распределительной системы лишь подхлестывал цены на продукты питания и товары массового спроса, больно ударяя по бюджету «обычного человека». В марте 1920 г. пуд муки по вольным ценам в Перми стоил 2100 — 2200 р., фунт масла — 1000 р., четверть молока — 400 р., погонная сажень дров — 200 р. При таких ценах официально установленный прожиточный минимум — 840 р. в месяц — никого не мог удовлетворить¹⁰⁹. В апреле, по оценке Пермской губернской рабоче-крестьянской инспекции, цены на «частном рынке» достигли ужасающих размеров. Пуд картошки невозможно было купить дешевле 500 р.¹¹⁰ В мае, в связи с потеплением и окончанием весенней распутицы, приток продуктов в города увеличился и цены поползли вниз. В Вятке в первой декаде мая рыночные цены на молоко снизились с 400 до 350 р., к середине мая — до 300, к концу июня — до 200. Поздней весной начали снижаться цены на яйца (до 400 р. за десяток), масло (до 800 р. за фунт)¹¹¹.

Если в продовольственном деле государство пыталось по мере сил конкурировать с частниками, то в сфере обслуживания оно вынуждено было терпеть преобладание частной инициативы. В Челябинске весной 1920 г. существовали частные парикмахерские, цены в которых были доступны горожанам: стрижка и бритье в марте стоило 60 р.¹¹² Не исчезли и частные сапожники, которым власти пытались навязать умеренные расценки. В мае 1920 г. Челябинский губотдел труда установил таксу на пошив и ремонт обуви: сапоги гражданского образца должны были стоить 480 р., мужские штиб-

¹⁰⁷ Впрочем, система закрытого спецраспределения для новой политической элиты начала складываться лишь в 1920 г. и на первых порах была довольно скромной. Подробнее см.: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 244 — 249.

¹⁰⁸ См.: Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918 — 1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 51.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 22 об.

¹¹⁰ ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 410. Л. 214.

¹¹¹ Вятская правда. 1920. 12, 15 мая, 1 июля.

¹¹² Советская правда. 1920. 14 марта.

леты и дамские ботинки — 351,7 р., детские ботинки — 154 р. Починка каблучков и подметок оценивалось в суммы от 38,6 до 117,8 р.¹¹³ Придерживались ли сапожники этих расценок, остается неизвестным и скорее сомнительным.

Преимущественно в частных руках находилось и банное дело, что отнюдь не содействовало улучшению санитарного состояния городов. В Троицке, например, при почти полном отсутствии «советских» бань, частники, именуемые «банщиками-спекулянтами», брали за мытье 200 р.¹¹⁴

Обуздать рост цен на крестьянские продукты властям не удавалось. У крестьян было более чем достаточно оснований для того, чтобы запрашивать за свои товары по максимуму. Площади посевов в связи с политикой государственных реквизиций поступательно сокращались. В Курганском уезде, например, в 1920 г. было засеяно лишь 55% пахотной земли 1919 г.¹¹⁵ К тому же погодные условия весны — лета 1920 г. не позволяли надеяться на большой урожай. Так, в Вятской губернии неожиданно резкими морозами в мае были повреждены озимые, вследствие чего возник риск получить всего 20 — 30% урожая¹¹⁶. В августе из-за засухи начались грандиозные лесные пожары, уничтожавшие лесные заготовки и целые деревни, что также мешало крестьянским полевым работам. Ряд местностей Южного Урала из-за нестерпимой месячной жары остался без хлеба и без трав. Кроме того, дефицит и обусловленные этим скачки цен на городские товары массового спроса заставляли крестьян принимать ответные меры. Дороговизна задела все стороны крестьянской жизни, в том числе патриархально-языческие традиции. В Нолинском уезде Вятской губернии недоступно высокими стали цены на невест, достигая 20 — 25 тыс. р. Одна из губернских большевистских газет жаловалась, что особенно тяжело выкупить невесту вернувшимся с фронта красноармейцам, которым для создания семьи приходится чуть ли не продавать последнюю корову¹¹⁷. Наконец, слишком высок был риск потерять привозимые для продажи продукты, наткнувшись на заградительный отряд или попав в рыночную облаву. Даже в случае успешной продажи товаров была опасность расстаться с выручкой или купленными на нее предметами. Крестьян обирали не только продотрядники, но и дезертиры, повстанцы и просто шайки грабителей. Особенно страдали от этого сельские жители сопредельных с Башкирией южноуральских территорий. Так, обитатели Петровского района в Оренбуржье жаловались на беспокойных соседей из башкирских кантонов: крестьяне везли последний хлеб и картофель для обмена на оглобли, оси, деготь, колеса и телеги, которые на обратном пути отбирались башкирами¹¹⁸.

С августа 1920 г. в связи с участвовавшими сбоем в выдаче продовольствия спрос на рыночную продукцию приобрел ажиотажную окраску, вызвав головокружительный взлет вольных цен. Меры властей против рыночной лихорадки вызывали у обывателя только раздражение. В Перми во второй половине августа был прикрыт «Толчок» — базар, существовавший с дореволюционных времен. Следствием этой акции власти стал рост цен на масло, мануфактуру, яблоки и прочее, а активность частных торговцев была перенесена на издавна действовавший Черный рынок. Этому факту одна из сводок Пермской губчека уделила особое внимание:

¹¹³ Там же. 19 мая.

¹¹⁴ Трудовой набат. 1920. 5 июня.

¹¹⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 20.

¹¹⁶ Вятская правда. 1920. 1 июля.

¹¹⁷ Деревенский коммунист. 1920. 6, 11 февр.

¹¹⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

«Население страшно негодует и ропщет на Соввласть за то, что спекулянты перешли на Черный рынок, куда обыкновенно приезжают крестьяне и под влиянием последних назначают такую же цену на продукты первой необходимости»¹¹⁹.

Осенью 1920 г. вольные цены были уже на порядок выше, чем весной. В Вятке в ноябре наступил «молочный голод»: четверть молока, в которое крестьяне подмешивали воду, стоила на рынке 2 – 2,5 тыс. р. – в 10 раз дороже, чем летом. При жаловании большинства горожан в 1,5 – 2 тыс. р. молочные продукты, как и многое другое, становились недоступны. Рыночный ажиотаж вызывал частые эксцессы между покупателями, боявшимися остаться без продуктов:

«На рынке получают такие вещи: привезет крестьянин молока четвертей 6, его окружат человек семьдесят граждан, таща друг у друга, перебивают молоко, взвинчивают цены, ссорятся, и дело доходит до драки»¹²⁰.

Зимой 1920 – 1921 гг. рынок беднел на глазах. Несмотря на астрономические цены, достать самое необходимое становилось трудной задачей. В Екатеринбурге – столице Урала – в январе 1921 г. невозможно было приобрести спички¹²¹.

Среди бестолковщины реквизиционно-распределительных потуг государства и вялых конвульсий рынка быт уральского населения на глазах превращался в руины. Люди, движимые одним мотивом – желанием уцелеть – вынуждены были переживать тяжелые времена в жалких бытовых условиях, далеких от элементарных основ цивилизации.

Санитарное положение в городах было катастрофическим. В первые месяцы 1920 г. в Вятке свирепствовали инфекционные заболевания, для борьбы с которыми организовывались домовые комитеты, прежде всего ответственные за чистоту домов, дворов и прилегающих улиц. В феврале – марте 1920 г. в городе было около 600 больных сыпным тифом, ежедневно от него умирало в среднем четыре человека. К концу марта больных было 400, а в апреле эпидемия пошла на убыль. На исходе апреля тифозных больных в Вятке осталось 160¹²². Похоронная служба не справлялась с потоком жертв бытовой неустroенности: в середине марта на кладбищах города скопилось множество гробов с умершими, так как рабочие не успевали рыть могилы. Между тем, спасительные морозы проходили¹²³.

В начале сентября 1920 г. бывший Александровский сад в Вятке, переименованный в сад «Красная звезда», демонстрировал живые следы заброшенности: упавшие деревья не были убраны, по саду свободно разгуливали козы¹²⁴. Как и ранее, в бедственном положении пребывали тротуары губернского центра. В декабре 1920 г., по свидетельству местной прессы, «ходьба по ним стала почти невозможной, в ночное время поэтому публика предпочитает идти по дороге»¹²⁵.

Аналогичная антисанитария и неустroенность охватили и другие города. В сентябре 1920 г. в частном письме пермский житель сокрушался: «Тифом болеют с голоду, прямо валяются на дороге, что будет дальше?»¹²⁶ Тогда же в официальном органе Уфиского губкома РКП(б) рисовался неприглядный вид улиц Уфы:

¹¹⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 26.

¹²⁰ Вятская правда. 1920. 23 ноября.

¹²¹ Уральский рабочий. 1921. 4 янв.

¹²² Деревенский коммунист. 1920. 27 февр., 30 марта, 2 апр.; Вятская правда. 1920. 2 мая.

¹²³ Деревенский коммунист. 1920. 17 марта.

¹²⁴ Там же. 8 сент.

¹²⁵ Там же. 19 дек.

¹²⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 226. Л. 131.

«Наши улицы превращены в форменные помойные или выгребные ямы. Обыватели уфимских домов разучились, пожалуй, даже ходить так называемыми черными ходами. Выметенный ли сор, слитые ли помои, выведенную от яйца скорлупу и тому подобные лоскутки и объедки они смело и безнаказанно выносят в парадные двери и выливают в соседнюю с тротуаром канаву, рассчитывая на бесплатное санитарное действие дождевой воды. Даже еще проще бывает, сплошь да рядом все это просто летит из окна, попадая подчас прямо на головы проходящих.

В результате вышеизложенного уличные канавы до того изгажены и загружены без всякой периодической чистки, что мостики совершенно закупорились и бурлящей дождевой воде приходится размывать без того разбитые тротуары. Особенно это выявляется на улице Чернышевской. На этой улице вместо прежних водосточных канав и мостиков – следы свиного постоя. Ко всему этому необходимо еще прибавить целое кладбище собачьих, кошачьих да крысиных трупов – и вот вам полная картина санитарного состояния нашего города»¹²⁷.

Зимой зловонные кучи превращались в ледяные горы, передвигаясь по которым, уфимские обыватели рисковали переломать себе кости:

«Хождение по тротуарам даже центральных улиц нашего города, не только ночью, но и днем даже становится небезопасным. После снежных метелей образовавшиеся большие заставы в некоторых улицах совершенно закрыли проходы. Укатавшиеся, а местами обледенелые мостовые с глубокими ухабами и высокими снеговыми буграми не только не очищаются, а даже не посыпаются песком или золой»¹²⁸.

В преддверии весны 1921 г. екатеринбургская пресса забила тревогу о положении с питьевой водой в городе: Малаховская площадь, на углу которой находился единственный источник чистой воды – «Малаховский ключ» – была «сплошь завалена навозом и нечистотами». С таянием снега накопившаяся грязь грозила затопить ключ, оставив город без питьевой воды¹²⁹.

В уездном захолустье городское хозяйство пребывало в еще большем запустении. В Верхотурске, например, оставленные «буржуазией» при отступлении «белых» дома и к маю 1920 г. не были приведены в порядок. Огородные площади города почти не были засеяны, изгороди ветшали¹³⁰.

Местные жители и власти время от времени прилагали усилия к созданию более благоприятных условий существования. Так, с 7 по 13 июня и Ижевске была объявлена «неделя труда», в течении которой люди мостили улицы и рыли канавы¹³¹. Однако периодические кампании по благоустройству городов не могли предотвратить надвигающегося запустения.

В ветхость и негодность приходили не только коммуникации и внешний облик городов, но и интерьер жилых помещений. Жилищные условия горожан перестали соответствовать хотя бы минимальным гигиеническим нормам, жилища все более напоминали нечищенные загон для скота. В январе 1920 г. екатеринбургские чекисты констатировали скверную работу местного жилищного отдела: распределения жилья и переселения рабочих в дома бежавшей «буржуазии» не производилось, вследствие чего «...рабочие и беднейшая часть населения по-прежнему ютятся в маленьких, полуразвалившихся, в нетопленных и неосвещенных квартирах»¹³². Летом 1920 г. Верхнеуральская ЧК информировала губернское начальство в Челябинске о том, что бывшая «буржуазия» имеет в городе по две комнаты на человека; советские работники злоупотре-

¹²⁷ Известия (Уфа). 1920. 11 сент.

¹²⁸ Там же. 1921. 6 марта.

¹²⁹ Уральский рабочий. 1921. 25 февр.

¹³⁰ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

¹³¹ Вятская правда. 1920. 13 июня.

¹³² ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

требляют служебным положением — «все национализированные дома бежавших заняты ими, между тем для красноармейцев отводят какие-то сараи»¹³³. В Перми жилищный фонд необратимо разрушался, в том числе стараниями самих владельцев жилья: хозяевам было выгоднее распродать строительный материал, чем держать квартирантов, поэтому они, как только освобождались помещения, ломали печи, трубы, выставляли рамы и стекла¹³⁴. В Вятке лишь в январе 1921 г. была создана комиссия для обследования жилищных условий рабочих. Мотивируя ее возникновение, местная пресса писала: «Пора, наконец, нашим рабочим выйти из холодных, промозглых, вонючих подвалов»¹³⁵. В том же месяце Челябинская губчека сигнализировала о бедственном положении местных рабочих коммунального хозяйства, которое было не в силах позабиться об элементарных условиях существования не только городского населения, но и собственных работников:

*«Рабочие Челябинского коммунального хозяйства – это какие-то загнанные, всеми покинутые люди. Эти рабочие всецело предоставлены власти, а порой и произволу разных административно-хозяйственных лиц, начиная с заведующего коммунальным хозяйством и кончая поваром. Рабочие находятся в скверных жилищных условиях. В общежитии живут вместе мужчины и женщины, в воздухе стоит сплошная ругань. На все жалобы и заявления рабочих заведующий коммунальным хозяйством отвечает угрозами отправить в концентрационный лагерь»*¹³⁶.

В чудовишных условиях пребывали формально опекаемые государством социально слабые слои. Челябинский уездный отдел народного образования в апреле 1920 г. в письме в губком РКП(б) живописал «ужасающее положение» детских приютов города и уезда. У детей отсутствовали обувь, одежда и белье, починить которые было невозможно — не было ниток. Городские приюты были переполнены в пять раз выше нормы, из-за чего детям приходилось спать по двое — трое на одной кровати. Из-за отсутствия телег в отделе наробраза продукты доставлялись в приюты неаккуратно. Просьбы о помощи в различные учреждения наталкивались на отказ. Более того, официальные инстанции, призванные заботиться о социально слабых, сами обирали детей. Так, отдел социального обеспечения после передачи приютов из его ведения наробразу забрал из приюта имени В.И.Ленина четыре коровы, из приюта на курорте «Виктория» — 12 коров, запасы манной крупы и проч. Он отказался также передать наробразу склады, в которых находились вещи, мануфактура и обувь, принадлежавшие приютам. Отсутствие учебных занятий приводило к тому, что «от безделья дети приюта предаются различным порокам». Условия жизни приютских детей внушали работникам наробраза опасения растерять своих питомцев:

*«Жизнь в приютах так плоха, что дети бегут из приютов, предпочитая улицу. От детей приюта Розы Люксембург получен протокол, в котором они просят отпустить их на заработки, чтобы заработать себе обувь, пищу, одежду»*¹³⁷.

Обследование детских садов в Перми и окрестностях города в ноябре 1920 г. привело проверяющих к выводу о более-менее благополучном их обустройстве, поскольку среди выявленных недостатков фигурировали только (!) нехватка посуды и мыла¹³⁸. Можно только догадываться, сколь низко упали стандарты «благополучия».

¹³³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 77. Л. 26.

¹³⁴ Звезда. 1920. 27 июля.

¹³⁵ Вятская правда. 1921. 7 янв.

¹³⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1 Д. 344. Л. 9.

¹³⁷ Там же. Д. 184. Л. 31.

¹³⁸ ГАПО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 301. Л. 1 — 4.

В еще худших условиях находились больные. Больницы являлись воплощением вопиющей антисанитарии, противоречащей назначению лечебных заведений. Так, в Перми особая рабочая губчека по борьбе за чистоту, обследовав в октябре 1920 г. больницу, размещенную в бывшем доме Грибушина, где на излечении находилось 400 красноармейцев, составила акт, чтение которого требует волевого усилия и эмоционального равновесия:

«Весь пол покрыт толстым слоем грязи, на месте оказался один лекком 280 госпиталя, ни одного из санитаров не оказалось. Все продукты, выдаваемые больным красноармейцам, помещаются на грязном полу и на мокрых подоконниках, так как в комнате нет ни одного стола, ни одной скамейки. В передней прихожей стоит лужа мочи, а в углах масса каловых испражнений. Никаких предметов по уходу за больными не оказалось, вообще данное помещение совершенно не было приспособлено для помещения больных, даже нет простых нар, чтобы спасти больных от той липкой грязи, которой покрыт весь пол, кроме того, нет ни одной плевательницы, почему и пол покрыт гнойными плевками, а местами – рвотными массами»¹³⁹.

Вопиющая бедность являлась серьезным препятствием и на пути восстановления системы образования. Остается лишь восхищаться мужеству и самоотверженности людей, взявшихся в крайне неблагоприятных обстоятельствах за организацию на Урале неразвитого в регионе высшего образования. В январе 1921 г. в Екатеринбурге был открыт Уральский государственный университет, а за несколько месяцев до этого, осенью 1920 г., началось чтение лекций для слушателей рабочего факультета, организованное в аскетических условиях. Преподавательница русского языка и литературы на рабфаке О.В.Сигова вспоминала об этом времени:

«Учебная жизнь еще не была налажена. Работали в нескольких помещениях. Моя первая лекция по литературе была назначена в непригодном к занятиям здании на улице Всеобща. Старый купеческий особняк, к которому примыкает запущенный сад с разбитым мраморным фонтаном. Рабфаковцы предложили заниматься в саду. Нашлись две скамейки, но большинство учащихся, привыкших к походной жизни, расположились прямо на траве, вооружившись тетрадами и карандашами»¹⁴⁰.

Если в первый год революции население городов, оказавшихся заложниками крестьянского нежелания поставлять продукты питания, в большей степени страдало от разрушения привычных бытовых условий, то к середине 1920 г. крестьянский быт был отмечен печатью запредельного запустения. Неизвестный уфимский житель в середине апреля 1920 г. сообщал в частном письме, что «в некоторых деревнях почти голые ходят, женщины в кадушки скрываются от мужчин, особенно в Башкирии»¹⁴¹. В сентябре того же года, во время пика безжалостной продразверсточной кампании в деревне, Вятский отдел военной цензуры перехватил письмо из вятского Прикамья, в котором, помимо прочего, было написано: «Время сейчас тяжелое, в деревне народ взрослый болеет кровавым поносом, а ребенки мрут, как лес валится»¹⁴².

Работники совхозов, как и городские рабочие, страдали от жалких жилищных условий. Вятская пресса описала жилища рабочих в трех совхозах, расположенных недалеко от губернского центра. Жилье рабочих совхоза «Камешница» Орловского уезда выглядело следующим образом:

«...в одной небольшой комнате первого этажа живут две семьи по два члена и один одинокий рабочий, комната не разгорожена, нет никаких завес или ширм, грязно, форточек нет,

¹³⁹ Там же. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 280. Л. 95.

¹⁴⁰ Цит. по: Сигов М. Школа знаний, школа жизни / Воспоминания преподавателей и учащихся первых уральских рабфаков. С. 10 – 11.

¹⁴¹ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 9 об.

¹⁴² ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 165.

стекла в окнах битые, с полу несет страшно холодом, все имущество живущих в грудах лежит в комнатах (тут и одежда, тут и посуда и пр.), во второй комнате тоже выбито два стекла; часть рабочих совсем не имеет жилищ – так, скотницы только спят на полатах в кухне верхнего этажа и 1 рабочий в кухне нижнего этажа; уборные не вычищены»¹⁴³.

Более всего корреспондента возмущало то, что в двухэтажном здании, где размещалось 15 рабочих и 5 служащих, последние занимали весь второй этаж, причем заведующий совхозом с тремя членами семьи занимал четыре просторные комнаты. На первом этаже, где рабочие жили предельно скученно, одна комната вообще пустовала. Для ремонта окон были и лес, и стекла, и плотники, но люди продолжали жить в конурах, открытых всем ветрам. Второй двухэтажный дом на территории совхоза занимал переживший все революционные катаклизмы бывший помещик с семьей.

В двух других совхозах – «Ужеговице» Слободского уезда и «Рассаднике» Вятского уезда – «схема» размещения работников была такой же и совпадала даже в мелочах. Во втором этаже с комфортом размещался заведующий хозяйством и имелись пустующие комнаты. В первом – ютились рабочие: в «Ужеговице», как писал корреспондент, «...в грязной темной небольшой комнате с полатами помещается 12 человек плотников, тут же хранятся хомуты, сбруя, и так далее...»; в «Рассаднике» «...рабочие спят на сплошных нарах в нижнем этаже дома, на двух кроватях спят по двое, не члены одной семьи, спят и на полу, и на печке, и на полатах...»

В сельской местности, как и в городах, от убогости условий существования больше всего страдали дети и старики. В показательной школе-коммуне села Вахрушево Вятского уезда, где жили 180 детей-сирот, царил невероятная грязь; с 18 декабря 1919 г. по 23 января 1920 г. питомцы школы не получали горячей пищи, вместо которой выдавалась мерзлая морковь и по полфунта хлеба в день¹⁴⁴. Двухнедельная информационная сводка Челябинской губчека за вторую половину июля 1920 г. сообщала о горьком положении обитателей домов престарелых:

*«Те немногие дома старости, которые имеются в волостях, представляют собою нечто ужасное: помещения, где содержатся старики, иначе, как "клоповник", назвать нельзя, одежды нет, пища состоит, главным образом, из несоленого хлеба и кипятка. Старики, живя в тесных грязных помещениях, постепенно награждают друг друга болезнями: чесоткой, трахомой глаз и т.д.»*¹⁴⁵

В течение послевоенных полутора лет «военного коммунизма» новый порядок, несмотря на свою агрессивность, вынужден был по причине собственной слабости сосуществовать с остатками прежнего. Однако приметы «добрых старых времен» – рыночные отношения и более или менее налаженный быт – постепенно бледнели и меркли. Их осколки теряли привлекательность и убедительность, превращаясь – вместе с прошлым – в мираж.

Труд и отдых в «военно-коммунистическом» интерьере. 18 июня 1920 г. челябинский официоз «Советская правда» объявил жителям приказ горезездного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности, согласно которому и во исполнение приказа губкомтруда от 17 июня в Челябинске объявлялся учет и мобилизация нетрудового населения в возрасте от 16 до 50 лет (женщин – до 40), незанятого в учреждениях и на предприятиях. Обитатели города обязаны были с 26 июня по 10 июля зарегист-

¹⁴³ Вятская правда. 1921. 26 февр.

¹⁴⁴ Деревенский коммунист. 1920. 14 февр.

¹⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 20.

рироваться в подотделе учета и распределения рабочей силы, жители уездов — у военкомов. Пять категорий зарегистрированных освобождались от трудовой мобилизации. Ими были нетрудоспособные, имевшие соответствующее удостоверение о прохождении врачебной экспертизы; женщины со сроком беременности более семи месяцев и роженицы в течение восьми недель после родов; кормящие грудью матери; женщины-домохозяйки, обслуживающие семью рабочего или служащего, из расчета одна освобожденная на семью; учащиеся. Но и в отношении этих немногочисленных изъятий были сделаны оговорки. Так, домохозяйкам, уличенным в спекуляции, грозило немедленное привлечение к трудовой повинности. Любой шаг, препятствовавший проведению учета и мобилизации, карался наказанием. Несвоевременная явка на учет, уклонение от мобилизации, сокрытие специальности, подлог документов, поступление на фиктивную должность, оформление фиктивной командировки, симуляция болезней — все это квалифицировалось как трудовой дезертирство и каралось по всей строгости законов военного времени. Укрывательство «трудовых дезертиров» приравнялось к уклонению от трудовой обязанности¹⁴⁶.

Грозный тон приказа о мобилизации был вызван вескими обстоятельствами: несмотря на провозглашение два с половиной года назад всеобщей трудовой повинности и поток подкрепляющих норму первой советской конституции декретов, реальное положение дел в организации всеобщего и обязательного труда в Советской России, в том числе и на Урале, находилось в очевидном противоречии с патетическими декларациями. Население всеми мыслимыми и немыслимыми способами сопротивлялось трудовым мобилизациям. Дефицит трудовых ресурсов зиял разрастающейся «черной дырой».

В самих советских учреждениях по причине недисциплинированности служащих царил хаос. Во время ревизии, нагрянувшей 14 февраля 1920 г. в квартирно-жилищный отдел Вятского горсовета, обнаружилось отсутствие 14 человек, причем шесть человек отсутствовали без оправдательных документов по две недели, один служащий — в течение четырех дней. Комиссия губернской рабоче-крестьянской инспекции пришла к выводу о неаккуратной явке служащих на работу в целом¹⁴⁷. Почти одновременно с ужесточением в Челябинской губернии мер по привлечению населения к трудовой повинности Верхнеуральская ЧК жаловалась в Челябинскую губчека, что служащие гражданских учреждений приходят на работу не в 9 — 10 часов, как положено, а в 11 — 12, а то и вовсе не приходят. Впрочем, и от их присутствия на рабочем месте большого толка не было: «...когда бы ни зашел в какое угодно учреждение, из 10 человек 3 человека найдешь, всегда занимающихся разными разговорами». Заставить служащих работать было невозможно — жалование было мизерным, и рыночная дороговизна склоняла служащих к мысли, что «лучше заняться другим делом»¹⁴⁸. В июле 1920 г. челябинские чекисты, как и раньше, констатировали, что «большинство служащих советских учреждений к своим обязанностям относится апатично»¹⁴⁹. Через полгода, в январе 1921 г., во многих учреждениях губернского центра продолжала царить атмосфера безделья: служащие приходили на работу с опозданием, занимались в рабочее время разговорами и чтением тривиальной литературы и даже успевали победать, хотя рабочий день заканчивался в 15 часов и обеденный перерыв по этой причине не был предусмотрен¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Советская правда. 1920. 18 июня.

¹⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-893. Оп. 1. Д. 120. Л. 4.

¹⁴⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 77. Л. 26.

¹⁴⁹ Там же. Д. 127. Л. 13.

¹⁵⁰ Там же. Д. 344. Л. 9.

Сложные настроения господствовали и в рабочей среде, становясь серьезным препятствием «сознательному» отношению к труду: Чекистские сводки летом 1920 г. фиксировали, с одной стороны, «революционный» настрой рабочих, выражающийся в добровольном увеличении на ряде предприятий рабочего дня и организации пожертвований Западному фронту. На других предприятиях отношение к труду было равнодушным:

«Недовольство среди рабочих вызывает только недостаточность снабжения продовольствием и одеждой. Часть же рабочих, наименее развитых в политическом отношении, относится ко всему безразлично: политикой не интересуются, стремлений к поднятию производительности не проявляют; последняя группа рабочих занята своими личными житейскими делами и ропщет на власть и коммунистов, говоря: "Вот работать-то заставляют, а давать – так ничего не дают: ни продуктов, ни одежды"»¹⁵¹.

Налаживанию работы на предприятиях мешали также конфликты между рабочими и так называемыми «спецами» — привлеченными к обслуживанию предприятий инженерно-техническими работниками с дореволюционным опытом. Для рабочих они являлись «буржуями», недостойными сносных условий существования, а тем более — привилегированного положения. На собрании рабочих Омской железной дороги в Челябинске в июле 1920 г. раздавались призывы заставить «спецов» работать чернорабочими¹⁵².

В городах мобилизационные кампании были окрашены духом классового возмездия. Это отнюдь не содействовало их эффективности и придавало им скорее характер примитивной мести, превращая их в рассчитанные на злорадство городских низов уничижительные представления. «Известия» Уфимского губревкома в декабре 1919 г. с ликованием сообщали обывателю о трудовой мобилизации «буржуазии» в Уфе:

«Долгое время в Уфе буржуазия сидела сложа руки, но теперь и для нее нашлось дело, и она наравне со всеми трудящимися Советской России волей-неволей должна будет взяться за работу.

Ввиду эпидемии сыпного тифа Президиум Уфимского революционного комитета вынес постановление организовать специальные рабочие команды из торгашей, барышников и тому подобных элементов, причем самого рынка решено не закрывать и приезжих на рынок не мобилизовывать. Вышеупомянутые рабочие команды должны будут выполнять все черные работы по приказу чрезвычайного уполномоченного по санитарной части (как-то очистка выгребных ям, рытье могил, очистка бань и т.д.)»¹⁵³.

Вероятно, «торгаши» должны были выполнять грязные работы в часы после закрытия рынка.

Подобная идеологическая нагрузка трудовых мобилизаций превращала их для многих городских жителей в тяжкое наказание, настолько ненавистное, что многие осмеливались писать об этом в частной переписке, рискуя навлечь на себя большие неприятности. Уфимское отделение военной цензуры в апреле 1920 г. в улове перлюстрированных писем из Уфы в армию обнаружило высказывания следующего рода:

8.04.1920.

«Как прикрывают занятия, так гонят всех на работу. Кто у нас не стоит на работе, того гонят работать, а пайка все равно не дают. Трудно жить в свободной России».

16.04.1920.

«Жизнь у нас вам не понравится, п[отому] ч[то] свободных от занятий гонят на воскресники. Кто не пойдет, считается саботажником».

¹⁵¹ Там же. Д. 127. Л. 13.

¹⁵² Там же. Л. 14.

¹⁵³ Известия (Уфа). 1919. 14 дек.

18.04.1920.

«У нас теперь все устраивают проклятые воскресники, т.е. заставляют насильно ходить на общественные работы».

23.04.1920.

«Нас теперь обязали работать субботники вечер и воскресники утро»¹⁵⁴.

Как раз в это время, с 1 апреля 1920 г., под девизом «боя с хозяйственной разрухой» проходил «трудовой месяц красного Урала», завершившийся 1 мая, в субботу, грандиозным Всероссийским субботником. В течение этого месячника люди призывались и обязывались работать сверхурочно и в выходные дни¹⁵⁵. Официальный идеологический флер всеобщего энтузиазма, добровольности и сознательности ранних коммунистических субботников, призванных служить для последующих поколений советских людей примером трудового подвижничества, искусно драпировал принуждение, насилие и обязательный характер «коммунистического труда».

Различные и частые трудовые кампании – месячники и недели труда – были неотъемлемой частью уральских будней времен «военного коммунизма». Летом 1920 г. практика принудительных работ широко распространилась благодаря постигшему многие местности Урала стихийному бедствию. На тушение вызванных засухой пожаров лесов и торфяников насильственно отправлялись жители окрестных деревень и «нетрудовой элемент» из городов¹⁵⁶.

От подневольной работы, особенно во время сбора предразверстки 1920 г., стонала и кряхтела надсаженная деревня. Документы губернских ЧК часто обращали внимание на особую враждебность крестьян к трудовой повинности. В сводке челябинских чекистов за вторую половину августа 1920 г. этому находилось разумное объяснение:

«За время войны и революции хозяйство крестьянина оскудело силами и средствами и едва справляется со своими обычными работами. Поэтому различного рода повинности (из них особенно подводная) тяжелым бременем ложатся на крестьянское хозяйство. Кроме того, неорганизованность наших аппаратов, проводящих трудовую повинность, увеличивает тяготы последней, так как зачастую наряды на повинность распределяются без учета сил и средств населения и силы мобилизованных используются неэкономно. Крестьянин видит, что повинность приносит ущерб его хозяйству. Когда на гужу у него лопаются постромки его плохонькой упряжи, или падает лошадь, он ропщет и негодует...»¹⁵⁷.

Ропот крестьян был тем более обоснован, что ответная помощь была нерегулярной и более чем скромной. В той же сводке губчека сообщалось, что с 22 августа в губернии проводилась «неделя крестьянина». Всего на две недели в деревни были отправлены строительные отряды для починки и постройки изб и общественных зданий, летучие санитарные отряды для оказания медицинской помощи. В течение этих двух недель все кузнечные, колесные, слесарные, шорные, бондарные и сапожные предприятия производили починку крестьянского инвентаря за счет государства. Понятно, что за полмесяца устранить последствия разрушений и упадка последних лет было нереально и кампания имела скорее пропагандистский, чем непосредственный эффект.

Рефреном крестьянских писем родственникам в армию, перехваченных военной цензурой, наряду с хладнокровными конфискациями продовольствия, была трудовая повинность:

¹⁵⁴ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 9, 10.

¹⁵⁵ Советская правда. 1920. 23 марта, 29 апр.

¹⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 66.

¹⁵⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 29.

Пермская губерния, 7.1920:

«Яровые плохие, а все говорят, что будут отбирать в комитет по полпуда, гонят на работу – у нас никто не идет, наверное, и мне не миновать, придется поработать, скоро ли все это переменится, все отбирают, молоко, масло, яйца – все продукты, за что вы воюете?»¹⁶⁰.

Малмыжский уезд, 10.11.1920:

«Здесь замучили казенной работой всех мужиков и девок».

Вятка, 20.11.1920:

«Остались дома старые да малые, кривые, хромые, излом да вывих, и тех гонят в лес на работы дрова пилить»¹⁵⁹.

Организация труда из-под палки и периодические трудовые кампании против «разрухи» не только не содействовали преодолению экономического развала, но и еще более омрачали нелегкие будни городского и сельского населения.

Чем тягостнее были будни «маленького человека», тем более настоятельной была потребность отвлечься, забыться, отдохнуть. Сфера отдыха, как и другие области жизнедеятельности в период «военного коммунизма», представляла собой замысловатую мозаику старого и нового. Власти по мере скромных возможностей пытались революционизировать досуг населения, обращая особое внимание на укрепление сознательности рабочих. Открывались рабочие клубы, неизволительно пышно в обстановке всеобщей нищеты устраивались празднования годовщин Октябрьской революции. Так, в Вятке 25 октября 1919 г. был открыт рабочий клуб железнодорожников имени «товарища Зиновьева». Празднование двухлетия Октября и в губернском центре, и в сельской местности Вятской губернии сопровождалось митингами, демонстрациями и посещениями братских могил. Для идеологических мероприятий активно использовались и театральные помещения. В Вятском городском театре, например, 18 апреля 1920 г. прошел большой женский митинг на тему «Из кухни – к управлению государством зовет женщин Советская власть». В нем участвовало около 800 женщин¹⁶⁰.

Область досуга сжималась под напором политики мобилизации труда, которая вторгалась в сферу отдыха, превращая советские праздники в своеобразные смотры трудового энтузиазма. День Международной солидарности трудящихся 1 мая 1920 г. превратился в очередной субботник. В Вятке за демонстрацией и пением революционных песен последовала организация огорода, плоды которого были предназначены беднейшим детям города; женщины были заняты пошивом одежды для раненых красноармейцев. Жители Орлова, Глазова и Слободского в этот день после митинга занимались посадкой деревьев, пилой дров, ремонтом тротуаров, исправлением дорог, уборкой и вывозом за городскую черту нечистот с улиц и площадей¹⁶¹.

Особым расположением властей пользовались военизированные праздники спорта. В Орлове 20 мая 1920 г. отдел всеобщуча уездного военкомата организовал подобное празднование. Вслед за митингом в сопровождении знамен и духового оркестра были продемонстрированы гимнастические упражнения, соревнования в беге, метании диска и копья, фехтовании и других видах спорта. В Вятке 26 – 27 июня 1920 г. состоялась спортивная олимпиада, в которой бились за первенство команды Вятки и шести уездных городов¹⁶².

¹⁵⁸ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16 об.

¹⁵⁹ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 202, 216.

¹⁶⁰ Деревенский коммунист. 1919. 29 окт., 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23 ноября, 5, 6 дек.; 1920. 21 апр.

¹⁶¹ Вятская правда. 1920. 2, 9, 12 мая.

¹⁶² Там же. 22, 26 июня.

Однако, как ни старались власти, искоренить прежние привычки проведения досуга не удавалось. Старое причудливо вплеталось в ткань советской действительности, то деформируя, то разрывая ее. Блюстительница чистоты политических нравов, ЧК регулярно и с нескрываемым неудовольствием отмечала упорную приверженность горожан традиционным формам свободного времяпрепровождения. Репертуар Пермского городского театра в декабре 1919 г. мало чем отличался от дореволюционного: на его сцене игрались спектакли по пьесам А.И. Островского и других бытописателей старой российской жизни¹⁶³. В марте 1920 г., несмотря на сохранение в Вятке военного положения и вопреки приказу по войскам гарнизона, горожане продолжали устраивать спектакли, собрания, концерты и вечера без уведомления коменданта города, рискуя быть преданными суду революционного трибунала¹⁶⁴. Челябинская губчека с неудовольствием отметила в январской сводке 1921 г., что служащие губпродкома 8 января — в праздник Рождества по старому календарю — организовали вечер с шикарным буфетом, пошлыми куплетами, кафешантанными песенками и расфранченной публикой. Устройство «танцулек», по выражению автора сводки, было непреходящим явлением¹⁶⁵.

В деревне развлечения молодежи также не претерпели принципиальных изменений. Хотя, по мнению одного из корреспондентов «Странички красной молодежи», расположенной на полосах челябинской «Советской правды», «теперь деревенская молодежь отстала от церкви и перестала хулиганить», некоторые пассажи в его заметке явно снижали оптимистический тон его оценки деревенских нравов. Традицией ходить по улице с гармошкой пытались воспользоваться сельские комсомольцы, обращаясь к юным односельчанам, не бросившим привычку к хулиганским выходкам, с частушками вроде следующей:

«Что, товарищи родные,
Что вы хулиганите?
Если вы не переменитесь, —
Вновь рабами станете!»¹⁶⁶

Наряду со светскими развлечениями, популярными оставались религиозные праздники, к которым советская власть вынуждена была относиться терпимо, вплоть до объявления их нерабочими днями¹⁶⁷. Так, вятские губернские совет профсоюзов и отдел труда и социального обеспечения объявили праздник Благовещения 7 апреля 1920 г., в среду, свободным днем. В связи с Пасхой все работы заканчивались, как было заявлено первоначально, 10 апреля в полдень, однако через пять дней, видимо, из-за недовольства населения, дополнительно было объявлено, что отдых начнется на сутки раньше, 9 апреля, и продлится до вторника, 13 апреля. Духов день, 31 мая, также был объявлен выходным днем¹⁶⁸.

Однако и светские, и духовные праздники сопровождались одним и тем же застарелым и тревожащим власти явлением: все они были обильно «пропитаны» алкоголем. Во всех уголках Урала, как и раньше, процветало кумышко-, бражко-, кислушко- и самогоноварение. Появившийся лишь 19 декабря 1919 г. декрет СНК о запрещении производства и продажи спирта и алкогольных напитков, за исключением виноградных

¹⁶³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 95.

¹⁶⁴ еревенский коммунист. 1920. 20 марта.

¹⁶⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 9 об.

¹⁶⁶ Советская правда. 1920. 28 мая.

¹⁶⁷ К началу 20-х гг. нерабочими днями были объявлены 12 крупнейших православных праздников.

¹⁶⁸ Деревенский коммунист. 1920. 4, 9 апр; Вятская правда. 29 мая.

вин и прочих напитков крепостью до 12°, не изменил прежнего двусмысленного положения с употреблением спиртного: как и раньше, повсеместно наблюдались «неупорядоченные вспышки пьянства на всех социальных уровнях и не вполне уверенная реакция на него партийного руководства»¹⁶⁹.

В феврале 1920 г. вятская пресса отмечала, что самогоноварение, пьянство и игра в карты идут полным ходом¹⁷⁰. В апреле, сразу после Пасхи, уфимский житель в частном письме делился своим житьем-бытьем:

*«Самогонку пить можно, но дорого, четверть 5000 руб. Спирт 5000 руб. Но старую привычку не бросаем. С похмелья выпиваем. Дела хорошо идут»*¹⁷¹.

В деревне пьянство приобретало особенно широкий размах, иногда грозя перерасти в беспорядки с политической окраской. О том, какими эксцессами сопровождалось празднование Пасхи 1920 г. в одной из станиц Краснохолмского района Оренбуржья, чекистская сводка сообщала:

*«В станице Кардаиловской 12-го апреля с[его] г[ода] происходило поголовное пьянство, раздавались крики: "Да здравствует Николай Второй", надевали кокарды и погоны. Были также пьяны члены ревкома, ячейки и милиции»*¹⁷².

Верхнеуральская ЧК в июне рапортовала начальству о том, что «по всему уезду царит поголовное пьянство, гонят кумышку во всех станицах и поселках...»¹⁷³ В августе 1920 г., чтобы предотвратить перевод урожая на самогон, власти Челябинской губернии стали штрафовать курильщиков самодельного спирта. Штраф составлял 1000 р.¹⁷⁴ Однако ни штрафные санкции, ни скромный урожай, ни беспощадные реквизиции продовольствия не могли «образумить» крестьян. В сентябре 1920 г. в письме из Новоильинской волости Пермской губернии писали:

*«У нас урожай в этом году очень плохой, с голоду будем умирать и скотину нечем кормить. Праздники проводим весело, приезжай домой. По деревням сильно варят кумышку и пьянствуют»*¹⁷⁵.

Горечь жизни в «военно-коммунистическом» интерьере заливалась спиртным. Будущее рисовалось столь мрачно, что ни думать о нем, ни планировать дальнейшее существование не хотелось. Внешняя легкомысленность скрывала глубочайшую трагедию. Отдых, как и труд, превращался в абсурдный фарс.

«...эта власть очень плохая»: настроения уральского населения. Представленный выше набросок сумятицы реквизиционно-распределительных мероприятий, увядания рынка и быта, несуразностей в организации труда и отдыха позволяет предположить, что жизнь в обстановке всеобщей неопределенности и неустроенности вряд ли вызывала у населения ощущение удовлетворенности и добрые чувства к существующей власти. На-

¹⁶⁹ Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон / Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 127.

¹⁷⁰ Деревенский коммунист. 1920. 5 февр.

¹⁷¹ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 9.

¹⁷² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.

¹⁷³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 31. Л. 26.

¹⁷⁴ Советская правда. 1920. 27 авг.

¹⁷⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 40 об.

строения населения лишь в первые недели после ухода «белых» и начала восстановления советской власти в наибольшей степени соответствовали укоренившемуся мифу об энтузиазме трудящихся классов и затаенной враждебности противников Советов. Информационные бюллетени Пермской губчека за август – сентябрь 1919 г. отмечали «революционное» настроение население, его симпатии в отношении советской власти, добровольную помощь в выявлении ее противников и отсутствие сожалений по поводу поражения колчаковских войск. В явном контрасте с настроением рабочих и городской бедноты рисовалось эмоциональное состояние «буржуазии» и интеллигенции:

«Буржуазия отвечает на вопросы неохотно, боязливо и как-то заискивающе, но больше всего отличается угрюмостью и как бы подавлением духа. Мелкая интеллигенция более в развязном, но в обывательском малополитическом состоянии, а в особенности женщины только и рассуждают о продуктах»¹⁷⁶.

Поведение крестьян в первое время тоже позволяло говорить об их сочувствии новой власти, во всяком случае, именно так оно интерпретировалось службами наблюдения и прессой. Сводка Пермской ЧК в начале октября 1919 г. так описывала крестьянские настроения:

«Среди крестьян – настроение в общем благожелательное. Большая жажда газет, литературы о сущности Советской власти. Все декреты, проводимые после предварительных разъяснений, принимаются сочувственно. Все инструктора и агитаторы пользуются большим влиянием. Общее удовлетворение центральной властью»¹⁷⁷.

Советская пресса, тщательно собиравшая сведения о каждом проявлении симпатий населения к власти, осенью 1919 г. также писала о доброжелательных настроениях крестьян. Так, в одной из газет сообщалось об эпизоде, вроде бы сигнализировавшем о повороте сельского населения к «диктатуре пролетариата»: в селе Бутырском Челябинского уезда по инициативе церковного старосты было созвано собрание, на которое сошлись почти одни старики. Когда бывший торговец обмолвился против новой власти, они стащили оратора с крыльца с криком: «Колчака хочешь? Так иди к нему. Нам-то он не нужен: узнали мы его!»¹⁷⁸

В дальнейшем, однако, контрастность настроений отдельных социальных групп, соответствующая классовым клише, начала тускнеть на глазах. Общий настрой населения стал резко понижаться и нивелироваться. Точнее, различия в отношениях к советской власти явно просматривались, но настроения каждой группы населения стали крайне неустойчивы, колеблясь в зависимости от сиюминутной политической, а чаще – продовольственной ситуации.

Уже осенью 1919 г. губернские и уездные ЧК отмечали общее понижение в настроении населения. В Пермской губернии в начале октября констатировалась неопределенность настроений рабочих и служащих, а в ноябре – недовольство среди крестьян. Брожение рабочих на продовольственной почве в декабре 1919 г. несколько смягчилось благодаря успехам на фронте¹⁷⁹. В Екатеринбургской губернии в октябре – ноябре 1919 г. настроение рабочих нехлебородных уездов упало, в остальных оценивалось как хорошее. Крестьянство в некоторых местах губернии было настроено враждебно к советской власти и ожидало «белых»¹⁸⁰. В начале 1920 г. настроение рабочих,

¹⁷⁶ Там же. Д. 10. Л. 8 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 29.

¹⁷⁸ Большевик. 1919. 13 ноября.

¹⁷⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 29, 71, 79, 91.

¹⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 5, 9.

по оценкам екатеринбургских чекистов, было приподнятым в связи с победами Красной армии, крестьян — неопределенным, городских обывателей, в зависимости от обеспеченности хлебом, — от удовлетворительного до враждебного, советских служащих — апатичным¹⁸¹.

Летом 1920 г. раздраженная постоянными перепадами в эмоциональном тоне жителей Екатеринбургской губернии губчека констатировала:

«Отношение к Советской власти ухудшается каждый раз, как только возникают те или иные вопросы, затрагивающие шкурные интересы обывателей. Отношение к коммунистической партии в большинстве случаев не сочувственное, в Камышловском и Алапаевском уездах — враждебное»¹⁸².

При этом настроение рабочих оценивалось как хорошее, крестьян — как плохое, а отношение к партии — враждебное. В сельской местности циркулировали слухи о скорой перемене власти. Служащие вели себя апатично, выражая недовольство субботниками и относясь к советской власти «ниже среднего», а к коммунистам — враждебно.

С августа 1920 г. настроение населения стало неуклонно понижаться, колеблясь от выжидательного до враждебного. Осенью его ухудшению содействовали, наряду с обострением продовольственного кризиса, неудачи на польском фронте¹⁸³.

На рубеже 1920 — 1921 гг. настроение населения Среднего Урала, согласно информации Екатеринбургской ЧК, несколько стабилизировалось. Гражданская война близилась к концу, разверстку 1920 г. худо-бедно удалось пережить, да и волна репрессивных мер отбила охоту выражать недовольство властью. В сводке партийной жизни в Екатеринбургской губернии за декабрь 1920 г. ситуация в регионе характеризовалась таким образом:

«Настроение населения губернии удовлетворительное, отношение к Советской власти и к коммунистической партии среднее, в неблагоприятных условиях находятся Шадринский и Екатеринбургский уезды, где заметно некоторое недовольство отдельных слоев населения распоряжениями Советской власти, главным образом, на почве принудительного проведения разных разверсток. В общем, за отмеченный период времени политическое состояние губернии можно считать улучшившимся».

Так же оценивалось политическое состояние Среднего Урала и в следующем месяце¹⁸⁴.

Аналогичные тенденции фиксировались и в динамике умонастроений жителей других губерний Урала¹⁸⁵. При характеристике настроений различных категорий населения симпатии чекистов находились на стороне рабочих. Их позиции оценивались как «революционные» даже в тех случаях, когда приводимые в сводках факты содержали явные проявления недовольства властью. Регулярно подчеркивалось, что рабочие выражают раздражение «только» по поводу продовольственной ситуации. И тем не менее источники, и прежде всего — чекистские документы, не оставляют сомнений, что настроения рабочих в конце 1919 — начале 1921 г. были далеки от восторженных и не отличались стабильностью. Летом 1920 г. среди рабочих Челябинской губернии наблюдалось увеличение количества прогулов. В Челябинских каменноугольных копях во второй половине июля они составили 9% рабочих дней. Причина была проста — наступало время сенокоса. В октябре участились конфликты рабочих с администра-

¹⁸¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 5, 6.

¹⁸² Там же. Л. 60.

¹⁸³ Там же. Л. 66 — 68, 84, 98, 110.

¹⁸⁴ Там же. Д. 60. Л. 1.

¹⁸⁵ См., напр.: ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 19, 22, 29, 35, 43, 51, 58, 63, 68, 73, 79.

цией, упала производительность труда, количество прогулов — на этот раз из-за отсутствия обуви — оставалось стабильно высоким. В ноябре 1920 г. в связи с ухудшением снабжения продовольствием и неудачами на польском фронте рабочих губернии объяла апатия. Во время перерегистрации членов РКП(б) «многие рабочие ушли из партии, даже не указав причины». Внешний подъем среди рабочих во второй половине ноября, выразившийся в отчислениях из заработка и сборе теплых вещей и белья во время «недели фронта», не мог скрыть общего недоверия к власти и партии. Среди 960 рабочих Миасского напильного завода коммунистов в это время было не более 20¹⁸⁶. В Пермской губернии, в которой победы Красной армии в Крыму в ноябре 1920 г. также вызвали эмоциональный подъем (в том числе и среди крестьян — разверстка пошла успешней), губчека констатировала, что настроение рабочих зависит от выдачи пайка¹⁸⁷. В январе 1921 г. челябинские чекисты утверждали, что хотя «настроение рабочих далеко не является революционным», оно повышалось благодаря бесплатной выдаче продорганами всех полагающихся по карточкам продуктов, а также обедов в общественных столовых. Однако уже в следующем месяце рабочие депо станции Челябинск жаловались, что, в то время как у них нет одежды и обуви, администрация одета в кожаные куртки и гораздо лучше снабжается продуктами питания. В марте 1921 г. удельный вес прогулов на угольных копях Челябинского района из-за отсутствия обуви достиг рекордной отметки — 38%¹⁸⁸. В начале 1921 г. Оренбургско-Тургайская губчека отмечала, что на фоне общего ропота населения настрой городских рабочих значительно лучше: объектом их жалоб был только (!) недостаток продуктов, к партии они враждебности не проявляли, относясь к ней сочувственно или безразлично, забастовок не устраивали¹⁸⁹.

Власти не могли рассчитывать и на безоговорочную поддержку армейских частей. Летом 1920 г. в связи с ухудшением снабжения и под влиянием вестей из деревни о бесчинствах властей, тяготах реквизиций и трудовой повинности усилилось дезертирство. За вторую половину июля из воинских частей, расположенных в Челябинской губернии, бежало 547 человек, в первой половине августа — 515¹⁹⁰.

По материалам сводок прослеживается однозначно презрительное отношение чекистов к городским обывателям, которые рассматривались как «буржуазная» или «мелкобуржуазная» масса, не интересующаяся ничем, кроме своего материального положения. Их настроения описывались без всяких прикрас и эвфемизмов. Екатеринбургская губчека в октябре 1919 г. сообщала о местных горожанах:

«Настроение по-прежнему тревожное, в большинстве случаев причиной является недостаток продовольствия и предметов первой необходимости. Особенно страдают обыватели от недостатка дров, соли и керосина»¹⁹¹.

Летом 1920 г. Челябинская губернская ЧК свидетельствовала:

«Обострение продовольственного кризиса усилило недовольство среди обывательских масс на Советскую власть, хотя открыто это недовольство не проявляется. В общем, настроение обывателей можно охарактеризовать словом выжидательное»¹⁹².

¹⁸⁶ Там же. Л. 19, 58 об., 63, 68.

¹⁸⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 65.

¹⁸⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 2, 3, 31 об., 47.

¹⁸⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 6.

¹⁹⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 20, 24.

¹⁹¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

¹⁹² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 14.

Особое раздражение ЧК вызывало отношение к советской власти самих советских служащих, поведение которых менее всего свидетельствовало об их лояльности к режиму. В информационных сводках постоянно подчеркивалось, что «большинство служащих советских учреждений к своим обязанностям относится апатично» и «ничем, выходящим за пределы их личных, житейских интересов, не интересуется»¹⁹³. Среди них, как и среди других категорий населения, осенью 1920 г. отмечался «упадок духа», а также участвовавшие прогулы из-за отсутствия обуви.

Наибольшие опасения органов политического сыска вызывали настроения большей части уральского населения — русских и нерусских крестьян и казачества. Их поведение было далеким от умиротворенного и стабильного, временами грозя самому существованию советской власти¹⁹⁴.

Весной — летом 1920 г. «контрреволюционные» настроения казаков, менее года назад ожесточенно борющихся против власти большевиков и не менее жестоко наказанных за это репрессивными мерами победителей, вызывали у оренбургского губкома РКП(б) оправданное беспокойство: казачество отказывалось сдавать оружие и зарывало его в землю, ожидая прихода «белых», против чего, по замечанию инструктора губернского комитета партии, «ревкомы никаких мер не принимают». Отношение к советской власти в станицах было враждебным, чего казаки и не скрывали: «Разольется Урал, мы тогда покажем коммунистам, нам дали автономию, что хотим, то и делаем, власть наша, коммунистов выгоним, хлеба более не дадим». Необмолоченный хлеб казаки травили скотине, не намереваясь отдавать его властям. Губкомовский инструктор констатировал, что «казачество желает вольную торговлю, автономию и упразднение райпродкомов»¹⁹⁵.

Летом ситуация на Южном Урале обострилась. Верхнеуральская ЧК 12 июня 1920 г. направила тревожную телеграмму в губчека, губком, губисполком и губмилицию с информацией об отказе населения уезда выполнять хлебную разверстку и с просьбой выслать винтовок и 5 тыс. патронов в связи с возможностью восстания¹⁹⁶. В июле, когда стала очевидна мизерность урожая, население не на шутку заволновалось. Примечательно, что первоначально речь не шла о вооруженных акциях против властей. Напротив, сельские жители всерьез рассчитывали на возможность убедить власть в умерении prodразверсточных appetитов. В информационной сводке Челябинской губчека за июль 1920 г. сообщалось:

«Все крестьянское население Челябинской губ[ернии] сильно встревожено ожидаемым неурожаем. Крестьяне определенно ожидают, что их постигнет голодная смерть. Продорганы и продработники, производящие разверстку, никаких мер к успокоению крестьян не принимают... Население ищет выхода из создавшегося положения и обращается к советским учреждениям с просьбой приостановить выполнение разверстки»¹⁹⁷.

В сводке было приведено одно из ходатайств местных жителей. Казаки Еманжелинской станицы Челябинского уезда направили В.И. Ленину телеграмму следующего содержания:

«Вследствие засухи и предполагающегося неурожая посевной площади, а также происходящей реквизиции остального запаса хлеба, оставляется только на три месяца до октября, после которого должен неминуемо наступить голод. Ввиду чего мы, казаки Еманжелинской ста-

¹⁹³ Там же. Л. 16, 63.

¹⁹⁴ О настроении уральского крестьянства с осени 1919 до конца 1920 г. также см.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1. С. 207, 208, 211, 259, 268, 329, 344.

¹⁹⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 77. Л. 24.

¹⁹⁷ Там же. Д. 127. Л. 12.

ницы, ходатайствуем обратить на это серьезное внимание и просим Вас, нельзя ли прекратить реквизицию и вывоз хлеба, дабы не допустить голод»¹⁹⁸.

Собранные органами политического контроля данные убеждают, что южноуральские территории с лета 1920 г. балансировали на грани нового взрыва крестьянской войны. Под впечатлением неурожая и форсированного темпа разверстки «...отношение населения к Советской власти изменилось в худшую сторону». Чекисты с минуты на минуту ждали бунтов, но не считали, тем не менее, ситуацию угрожающей, полагая, что справятся с ними. Аналитическое заключение сводки по Челябинской губернии за 1 — 26 июля 1920 г. отражает накал напряженности в регионе, ближайшее будущее которого, несмотря на заверения начальства со стороны губчека, рисовалось совершенно неопределенно:

«Целый ряд симптомов и примеров показывает, что широкие массы непролетарских, часто даже полупролетарских элементов, казаков, башкир, крестьян и проч. относятся к советской власти не только не сочувственно, но даже часто определенно враждебно, но вместе с тем из этого не следует, что положение в настоящий момент угрожающее. Такое настроение вытекает вполне естественно и неизбежно в настоящий переходный момент диктатуры пролетариата, осложненный непрерывной ожесточенной гражданской войной и экономическим кризисом. Ждать в ближайший момент в Челябинской губернии крупных организованных крестьянских восстаний не приходится. Хотя для этого объективных данных довольно много, но благодаря полного отсутствия способности к организации, некоторой враждебности между крестьянами, казаками и башкирами, неудачного опыта восстания при Колчаке, недостатка оружия и других необходимых технических средств — все это говорит за то, что восстания, волнения, бунты вполне возможны и почти неизбежны, но нет никакого сомнения, что при хорошо поставленной работе аппарата Чрезвычайной Комиссии [в] губернском масштабе все они обречены на полную неудачу. Особое внимание необходимо обратить на красноармейские части, ибо если откуда и может прийти очень серьезная опасность, то только в случае, если начнется упадок настроения среди солдат и передача сюда настроения деревни»¹⁹⁹.

В августе настроение южноуральских крестьян, которые, в отличие от собратьев из центральных губерний России, в недавнем прошлом были зажиточны и самостоятельны, еще более упало. Сводка Челябинской губчека за первую половину августа отмечала: «Недовольство Советской властью растет, и крестьяне начинают забывать насилие и произвол колчаковщины, от которой их избавила советская власть»²⁰⁰. Старые впечатления вытеснялись свежими и не менее травматическими. Во второй половине августа крестьян Челябинской губернии охватило, как полагали в ЧК, уныние и ощущение безысходности, что позволяло выразить уверенность в невозможности открытого возмущения в ближайшем будущем:

«В общем, население, не проявляя особого сочувствия к Советской власти и партии коммунистов, в то же самое время и перемен в области власти не ждет. Ко всем выступлениям дезертиров население остается пассивно. Крестьяне, хотя иногда тайно и помогают дезертирам (снабжают продовольствием, сообщают о местонахождении советских вооруженных сил), но открыто примкнуть к ним боятся. Можно с уверенностью сказать, что на ближайшее время ожидать открытых выступлений населения против власти не приходится...»²⁰¹.

К осени отчаяние объяло крестьянское население всего Урала. Доклад Вятского губернского управления советской милиции в информационный подраздел отдела

¹⁹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰⁰ Там же. Л. 22.

²⁰¹ Там же. Л. 29.

управления губернией от 2 сентября 1920 г. констатировал рост недовольства в деревне и его причины:

«Настроение губернии крайне тревожное. Крестьянское население становится в оппозицию власти, требуя улучшения жизни и не довольствуется[ся] существующим порядком, считая его невозможным и невыносимым для существования его. По сведениям с мест, положение это вызвано сильным образом продовольственных мероприятий, заключающимся в неправильном и непосильном обложении многих граждан хлебным нарядом, следствием чего явились недостатки в семенном материале, во-первых, и, во-вторых, недостатки хлеба на продовольствие – последовательно за этим оказались необсеянными тысячи десятин земли»²⁰².

Октябрьская сводка Пермской губчека также фиксировала понижение настроений сельского населения, местами переходящих в «озлобленно-враждебные»²⁰³. Челябинская губернская ЧК в это же время отмечала апатичное состояние крестьян и скрытую помощь казаков дезертирам, к которым они не решались открыто присоединиться. «Благотворное» воздействие на них оказало, по мнению составителей очередной информационной сводки, опубликование в местной газете списков расстрелянных²⁰⁴. Месяц спустя челябинские чекисты с явным облегчением писали о некотором затухании ропота деревни, достигнутом, правда, исключительно репрессивными мерами: «Настроение крестьян и казаков Челябинской губернии внешне несколько улеглось, на что подействовали, главным образом, успешная ликвидация дезертирских банд и расстрелы их укрывателей и пособников из числа местных жителей, но все же, по существу, остается довольно тревожным»²⁰⁵.

Глухое недовольство сельских жителей, взрывавшееся время от времени открытым возмущением и отказом выполнять разверстку, отмечали в последние месяцы 1920 г. и власти Оренбуржья²⁰⁶.

В январе 1921 г. екатеринбургские, башкирские, челябинские и оренбургские партийные и чрезвычайные органы отмечали весь спектр крестьянских эмоций от апатии до озлобления²⁰⁷. Сводка Челябинской губернской ЧК за первую половину февраля зафиксировала крайнюю степень крестьянского недовольства разверсточной кампанией:

«Крестьянин озлоблен, он говорит, что его обманули. Таким настроением заражены даже некоторые коммунисты из крестьян. Так, председатель исполкома Долгодеревенской станицы, Челябинского уезда, заявил, что он теперь никаким райпродкомом не верит, что он, хотя и честный коммунист, но работать больше не может и слагает с себя обязанности председателя, и пусть его арестуют: ему будет лучше, а то крестьяне его убьют за то, что он им обещал, ссылаясь на райпродком, выдавать хлеб»²⁰⁸.

Под ударами крестьянского разочарования в деревне стали разваливаться партийные и комсомольские ячейки. В деревне Пивкино Белоярской волости Челябинского уезда, например, из 30 коммунистов осталось лишь семь²⁰⁹. Крестьянское недовольство вновь стало приобретать опасные для власти размеры:

²⁰² ГАКО. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 204. Л. 15.

²⁰³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.

²⁰⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 55, 56.

²⁰⁵ Там же. Л. 63.

²⁰⁶ ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 10, 11, 14 об.

²⁰⁷ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 220. Л. 9; ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 3, 6; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 1, 9; ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 260. Л. 1

²⁰⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 24.

²⁰⁹ Там же. Л. 24 об.

«Настроение населения довольно тревожное. Недовольство продовольственной политикой Советской власти дошло до опасных пределов и грозит перейти в открытое возмущение»²¹⁰.

Волны недовольства режимом поднимались все выше, не удерживаясь в рамках словесного поношения. Затаенный или открытый ропот грозил вылиться в прямые, враждебные советской власти, действия.

«Протуберанцы» народного возмущения. Действительно, долготерпение уральского населения временами лопалось. На протяжении 1920 – начала 1921 гг. регион лихорадило от спорадических вспышек открытого возмущения. Под влиянием убогой действительности даже рабочие – формальный оплот «диктатуры пролетариата» – потеряли былую лояльность к режиму. Ропот против жалких условий существования при обострении продовольственного кризиса выливался в акты открытого неповиновения. Рабочие забастовки периодически вспыхивали то здесь, то там. Так, для властных инстанций Челябинской губернии настоящим бельмом в глазу были миасские рабочие, доставлявшие власть предрерживавшим немало хлопот. В июле 1920 г. рабочие напильного завода в Миассе воспротивились приказу Окружного управления заводов Южного Урала увеличить продолжительность субботников на два часа:

«Никакие убеждения не действовали. Рабочие заявили, что если им дадут мануфактуру, спички, мыло, муку и другие необходимые продукты, то только тогда они смогут исполнить приказ и поднять производительность»²¹¹.

В октябре из-за невыхода пайка рабочие Миасского кирпичного завода отказались выйти на работу. На напильном заводе 16 – 18-летние подростки также несколько дней не выходили на сверхурочные работы. В январе 1921 г. в Миассе забастовали латыши, требуя отправки на родину. В феврале не вышли на работу служащие Миасского райлескома, не получившие, как и остальное население города, муки из-за отсутствия таковой в горкоммуне. Наконец, 4 марта 1921 г. на Миасском напильном заводе прошла итальянская забастовка: рабочие пришли на предприятие, но не приступили к работе. Мотив был прежний – невыход муки²¹².

Гораздо больше неприятностей, чем забастовки-однодневки, легко прекращаемые арестом зачинщиков или выдачей пайка, доставляли властям крестьянские восстания, временами захватывавшие значительные территории и приобретающие характер затяжных и ожесточенных боевых столкновений²¹³. Их мотивы и сценарий были однотипны и хорошо прослеживаются на примере крестьянских волнений на Южном Урале в январе – марте 1920 г., известных в литературе как «кулацкое восстание Черного Орла»²¹⁴. В докладе уполномоченного Уфимской губчека и обкома партии И.А. Тучкова, составленном 4 апреля 1920 г., по горячим следам, были детально проанализированы причины и развитие восстания, вспыхнувшего 7 февраля 1920 г. в деревне Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда. Все началось с того, что райуполномоченный уп-

²¹⁰ Там же. Л. 24.

²¹¹ Там же. Д. 127. Л. 13.

²¹² Там же. Л. 51; Д. 344. Л. 9 об., 32, 41 об., 47 об.

²¹³ О крестьянских волнениях на Урале в 1920 г. также см.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. С. 227, 234 – 236, 244 – 249, 252 – 253, 259, 341, 345 – 346, 371.

²¹⁴ Подробно об организационной и военно-политической истории этого восстания см.: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С.94 – 108.

родкома, некто Пудов, созвал общее собрание крестьян, на котором объявил размер хлебного наряда — 5535 пудов — и потребовал сдать его в течение суток, пригрозив в случае промедления привести продотряд «молоть хлеб штыками». На просьбу растерянных жителей объяснить, почему хлеб берется без нормы, Пудов заявил: «нормы никакой нет[,] и возьмем до фунта». Когда жители не согласились с доводами ретивого начальника, отряду численностью 30 человек был отдан приказ арестовать собрание. Продотрядники вошли в помещение, где проходило собрание, и начали заряжать винтовки. Женщинам-солдаткам, просившим отпустить их к грудным детям, уполномоченный отказал, обозвав их «проститутками». Участники собрания, однако, не были арестованы сразу — видимо, Пудов опасался прямого столкновения. Аресты были проведены в ночь на 7 февраля. Рыскавшие по домам продармейцы «ругали арестованных, наносили удары прикладом, запирали в холодный каменный подвал». Всего было арестовано 18 мужчин и 2 женщины. На следующий день жители деревни обратились к Пудову с просьбой объяснить причины арестов и назначить суд. Они обещали добровольно выполнить разверстку и просили освободить арестованных или хотя бы успокоить их семейства. Но райуполномоченный был непреклонен, ответив: «...на другую ночь будете арестованы все и сидеть в холодном помещении или расстреляны». Не видя иного выхода, крестьяне созвали общее собрание и решили просить помощи соседних сел в борьбе против «хулиганов и насильников», не покушаясь — это особо подчеркивалось — на советскую власть. На призыв жителей Новой Елани откликнулись соседи из села Буты и станицы Елань: они прибыли на помощь и потребовали разоружения продотрядников. Те отступили, отстреливаясь и насильно забирая в домах лошадей, и разъехались кто куда. Арестованные были выпущены, а с 15 февраля в Троицкой волости был создан главный штаб повстанцев. Рассылались приказы и воззвания, местность была разбита на участки, в которые были назначены командиры, коменданты, начальники связи. Восставшие выступили с лозунгами «Долой гражданскую войну!», «Да здравствует всенародное учредительное собрание!», «Долой коммунистов — насильников!»²¹⁵

На ликвидацию восстания были брошены все силы. В последний день февраля в Уфимской губернии было объявлено военное положение. Для координации усилий был создан Временный ВРК Уфимского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. К этому моменту ареал восстания распространился на Мензелинский и сопредельные с ним Бирский, Белебеевский и Уфимский уезды²¹⁶. Согласно данным, приведенным на заседании ответственных работников Уфимской губернии 13 марта 1920 г., силы восставших насчитывали 25800 человек, из них 800 всадников. Они располагали 1268 винтовками и двумя (по другим, вызывающим сомнения данным, четырем) пулеметами. Каратели находились в техническом превосходстве, имея 6700 штыков, 48 пулеметов, 372 всадника и 4 орудия²¹⁷.

Как сообщал заместитель командующего Туркестанским фронтом, прибывший 1 марта с тремя эшелонами солдат, кавалерией и артиллерией на подавление восстания в Белебеевском уезде, местные военные и гражданские власти по пути следования были охвачены паникой, умоляя предоставить военную силу, патроны, винтовки, орудия и пулеметы. Между тем, повстанцы были вооружены преимущественно дубьем, кольями или пиками с металлическими наконечниками или зубьями, топорами, вилами²¹⁸.

Подавление восстания сопровождалось настоящими боями:

²¹⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 14 — 15.

²¹⁶ Там же. Л. 19 — 20.

²¹⁷ Там же. Л. 22.

²¹⁸ Там же. Л. 3, 5, 11.

«...восставшие крестьяне дрались с таким упорством и настойчивостью, что неоднократно с криками бросались в атаку, что говорит за то, что крестьянские массы уезда, очевидно, до такой степени были озлоблены на действия продотрядников и друг[их] подобного рода элементов, что не щадя своей жизни осуществляли свои задачи»²¹⁹.

Такая тактика, когда «массы шли прямо на убой», обусловила несоизмеримость потерь противоборствующих сторон. При подавлении восстания к 13 марта было убито 1078 повстанцев, ранено 2400, попали в плен 2029, причем эти цифры, по признанию советской стороны, были ниже действительных. Каратели потеряли 15 человек убитыми и 44 ранеными²²⁰. Несмотря на очевидное неравенство сил, восстание было подавлено лишь к 20 марта. Карательные экспедиции сопровождалась экзекуциями в отношении местного населения. Воинские отряды, не имея времени и возможности разобраться в степени участия отдельных жителей в восстании, наказывали, видимо, всех подряд. Заставши на печи «притворявшихся» больными тифом, они «нагайками быстро вылечивали» их²²¹. С другой стороны, применить жесткие репрессии ко всем повстанцам было физически невозможно: их отпускали по домам в обмен на постановления сельских собраний об отказе от восстания, готовности везти хлеб и дрова и отпуске пленных продармейцев.

Уполномоченный И. А. Тучков, исследуя причины восстания на месте, беседуя со свидетелями и участниками, в докладе «Восстание и его причины» пришел к заключению, фактически оправдывавшему восставших крестьян:

«Принимая во внимание приведенные мною выше факты, можно сразу уяснить себе, как здесь проводилась продовольственная политика и тактика, и нет ничего удивительного, что крестьяне восстали, так как восстали они не сами и не по своему желанию, а их принудили восстать.

Крестьяне Мензелинского уезда хорошего от Советской власти абсолютно ничего не видели и не слыхали, и не имеют даже самых элементарных представлений о ней. Мне пришлось во время пути из Уфы, а также на допросах беседовать с этими «контрреволюционерами», и они даже на допросах говорят, что мы не идем против Советской власти, а хотим истребить коммунистов, кои кроме хулиганства ничего не знают, таковы были ответы и таково мыслит крестьянин Мензелинского уезда о коммунистах, и это вполне естественно, т.к. крестьянские массы Мензелинского уезда кроме оскорблений и удара прикладом винтовки от продотрядников ничего не видели. Местная власть на дер[евню] лишь обращала внимание тогда, когда с нее спрашивал центр о выполнении того или иного поручения или приказа. Милиция – командный ее состав, т.е. начальники районных отделений милиции, председатели волисполкомов, волземотделов почти все привлекаются и привлекались к ответственности по разного рода должностным преступлениям, и крестьянство, видя это, не могло симпатизировать соввласти, а наоборот, систематически заражалось ненавистью, гневом к ней. О партийной организации и говорить не приходится, партийной работы в деревне никакой не велось и не ведется, местные ячейки очень незначительны, как по количеству, так и по качественному своему составу, и партийным комитетом никогда они не инструктируются, да и инструктироваться не могут, т.к. партийный комитет предварительно надо сам проинструктировать и освежить в полном смысле этого слова...»²²².

Анализу причин восстания было посвящено заседание ответственных работников Уфимской губернии 13 марта 1920 г. Было очевидно, что для успокоения крестьянства недостаточно ограничиться военным походом, поскольку «восставшие моментально превращаются в мирных жителей, прячут оружие». Было отмечено, что и сами служащие волисполкомов и других советских учреждений часто становились во главе по-

²¹⁹ Там же. Л. 17.

²²⁰ Там же. Л. 22.

²²¹ Там же. Л. 5.

²²² Там же. Л. 17 – 18.

встанцев или принимали на себя должность комендантов. Особо подчеркивалось, что преобладающую часть восставших составляло нерусское население: основная масса состояла из мусульман, руководителями часто были латыши и немцы. Большинство участников совещания было убеждено, что восстание было вызвано невниманием местных властей к национальному вопросу и злоупотреблениями при сборе продразверстки. На совещании говорилось о том, что регистрация рождений и смертей на русском языке понималась мусульманским населением как крещение. Приводился факт записи ребенка по имени Харис христианским именем Борис. Такие случаи не были единичными. Была признана недальновидной практика трудовой мобилизации мулл, так как восстания вспыхивали в селениях, лишенных таким образом духовных наставников. Ошибочной была мобилизация женщин на заготовку дров. По магометанскому закону они не могли ходить в лес без мужей. Как заявил один из участников совещания, побывавший в плену у восставших и имевший возможность услышать о причинах восстания из первых уст, «виновата не политика, диктуемая центром, а способы ее проведения, избиения продармейцами крестьян, мне говорили, продармейцы берут взятки, насилуют женщин, издеваются над минаретами, над тибетейками». Говорилось и о том, что «продагенты во многих местах вместо агитации занимались избиением не за то, что нет хлеба, а просто потому, что не нравилась физиономия мусульман». Другой участник совещания подчеркивал, что продотряды отправлялись на сбор разверстки на три — четыре месяца без газет и инструкций, и на это время ускользали от малейшего контроля со стороны властей: «Товарищи, предоставленные себе, летели по наклонной плоскости, распускались, занимались выпивкой и самочинно принимались реквизировать у населения все, что им нравилось»²²³.

Любопытно, однако, что губернские власти не извлекли должных уроков из происшедшей трагедии. На совещании вполне серьезно дискутировался вопрос, следует ли использовать восстание, чтобы провести разверстку полностью — эту точку зрения выдвинул председатель губисполкома — или повышать хозяйственные задания нельзя²²⁴. Хотя на совещании прямо говорилось, что из-за непосильной продразверстки советская власть потеряла поддержку деревенской бедноты, принявшей участие в восстаниях, Уфимский губернский комитет РКП(б) в докладе, направленном в марте 1920 г. в ЦК, интерпретировал причины восстания в духе классовых стереотипов, максимально сгладив роль в нем продовольственной политики и практики ее проведения на местах: «Причины, вызвавшие восстания, — это, во-первых, не тактичность некоторых товарищей на местах, в частности, продагентов, во-вторых, — агитация кулачества на продовольственной и религиозной почве»²²⁵.

На протяжении 1920 г., особенно в конце 1920 — начале 1921 г., крестьянские движения распространились по всему Уралу. В августе 1920 г. на казачьих территориях Челябинской губернии действовало повстанческое объединение под названием Голубая национальная армия Всероссийского учредительного собрания²²⁶. В одной из листовок «Голубой армии» так определялись задачи движения:

²²³ Там же. Л. 22, 26, 28, 29.

²²⁴ Там же. Л. 24, 25.

²²⁵ Там же. Л. 36.

²²⁶ Подробнее о «Голубой армии» см: Шибанов Н. «Зеленая» война. Челябинск, 1997; Абрамовский А. П., Панькин С. И. «Голубая армия»: создание, борьба, разгром / Исторические чтения: Материалы научной региональной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск, 1998. С. 68 — 70. Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 109 — 127.

«Голубые объявляют тех, кто идет против учредительного собрания, изменниками всего русского народа, а потому будут бороться с ними до полного их уничтожения; такими изменниками народа и христианской веры голубые считают коммунистов и приверженцев советской власти...»²²⁷.

Заявленный в листовке лозунг гласил: «Все для народа и через народ, но не через жидовских ставленников и их приспешников». Целесообразность борьбы против коммунистов и советской власти облекалась в привычные христианско-православные и националистически-антисемитские мотивы. О действиях повстанцев, именуемых в чекистских рапортах исключительно «бандитами» и «дезертирами», в сводке Челябинской губчека за первую половину августа 1920 г. сообщалось:

*«Дезертиры, организовавшись в отдельные отряды, массами скрываются в лесах, откуда рискуют устраивать нападения на селения и на советских работников. Бандиты располагают оружием, которого довольно много скрыто местным населением.»*²²⁸.

Действительно, в поселке Измайловском Троицкого уезда было обнаружено 66 трехдюймовых снарядов, в Кульской станице — шесть возов взорванных винтовочных гильз и шесть пудов винтовочных пуль.

Вооруженные повстанцы, сосредоточенные в Троицком и Верхнеуральском уездах, совершали открытые нападения на поселки. Справиться с ними было непросто, во всяком случае, власти не были достаточно готовы к борьбе с ними, о чем свидетельствует следующий эпизод, описанный в той же августовской сводке.

Когда повстанцы увели из поселка Еленинский председателя волисполкома и двух женщин, для расследования дела и ареста «бандитов» был послан вооруженный отряд. Не добившись результатов, часть отряда выехала из поселка. Другая часть, численностью около 40 человек, расположилась на ночлег. В ночь с 3 на 4 августа поселок после ружейного обстрела был занят «дезертирами». По сообщению сводки, «часть красноармейцев тут же разбежалась», 14 бойцов с командиром были взяты в плен. Спасти удалось только хитростью: начальник отряда представился взводным командиром и старым офицером, а красноармейцев отрекомендовал как противников советской власти. «Новое пополнение» участвовало в благодарственном молебне и митинге местных жителей и наблюдало, как 9 казаков тут же добровольно записались в отряд к «дезертирам»²²⁹.

Для борьбы с повстанцами Верхнеуральский уезд был объявлен на военном положении, а места их выступлений были переведены на осадное положение. Однако в сентябре озлобление казаков и отчасти крестьянства безжалостной продразверсткой вылилось в серию открытых возмущений. Наметился переход к систематическому истреблению местных представителей советской власти²³⁰. Осенью 1920 г. разверстка сопровождалась волнениями и протестами крестьян²³¹.

Информационные сводки Екатеринбургской губчека за осенние месяцы 1920 г. пестрели сведениями об открытом сопротивлении крестьян продразверстке. В Рамильской волости Камышловского уезда в октябре вспыхнуло локальное восстание против трудармейцев. В Куksянском районе Шадринского уезда против крестьян, избивших агента упродкома, было двинуто 140 штыков. В Красноуфимском уезде 200 повстанцев были поддержаны населением; были убиты комиссар и продагент. 19 октября из-за продразверстки началось новое восстание в Красноуфимском уезде.

²²⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 24.

²²⁸ Там же. Л. 24 – 25.

²²⁹ Там же. Л. 25.

²³⁰ Там же. Л. 45.

²³¹ Там же. Л. 63.

В течение месяца были убиты или пропали без вести около 50 советских работников; восставшие потеряли убитыми около 100 человек. В ноябре разъяренная толпа дреколем забила до смерти комиссара продотряда в селе Беркут Шадринского уезда. В Николаевской волости того же уезда было совершено нападение на продавца и членов исполкома. Прибывшему отряду тремя залпами в воздух удалось рассеять толпу²³².

Столь же драматичными эксцессами сопровождался сбор продразверстки 1920 г. в Оренбуржье. В ноябре жители поселка Кушанчи Орского уезда попытались отказаться от разверстки. Почти одновременно в станице Тананыкской в 70 верстах к северу от Орска произошло волнение:

«Жители категорически отказались ссыпать семенной хлеб в общий амбар и выполнить разверстку. Толпа народа, большинство женщин, семьи кр[асноармей]цев бросились на продармейцев, был дан залп вверх, но толпа продолжала наступать, спустя час времени толпа рассыпалась»²³³.

Накануне нового, 1921, года в станице Татищевской хлеб был отобран подчистую. Женщины собрались у церкви и ударили в набат. Как и в большинстве случаев, они были рассеяны выстрелами в воздух. Подобные инциденты казались Оренбургско-Тургайской губчека настолько незначительными, что в сводке, описывающей волнения в станице Татищевской, было сделано заключение: «Население пока спокойно, никаких выступлений и волнений не предвидится»²³⁴.

Лишь в начале 1921 г. повстанческое движение на Южном Урале приобрело настолько широкий размах и столь высокую степень организованности, что власти почувствовали реальную угрозу своему существованию. Крестьянские восстания охватили значительную часть входящего в Челябинскую губернию Курганского уезда и сопредельные территории Урала и Западной Сибири²³⁵. На этот раз разрозненные крестьянские отряды объединились в роты, батальоны, полки, дивизии и районные народные армии. Были избраны командиры и начальники штабов, переизбраны волостные гражданские и военные власти. Под напором действий повстанцев коммунистическая диктатура рассыпалась в прах. Повстанческое руководство рекомендовало внимательно подходить к освобождению заключенных из захваченных восставшими тюрем: ходили слухи, что коммунисты расстреливают узников, чтобы занять их место и воспользоваться их документами в надежде на освобождение народными армиями²³⁶. Соппротивление красноармейских подразделений ломалось, как сухие ветки под порывами шквального ветра. Начальник мятежного Быковского штаба сообщал, например, Михайловскому военруку 12 февраля 1921 г., что под Петропавловском повстанцами было взято в плен 205 красноармейцев с винтовками, тремя пулеметами и двумя ящиками патронов; были заняты станица Ново-Павловская, на станции Мамлютка — захвачено в плен 150 вооруженных винтовками красноармейцев; «достигнуто полное соглашение с казаками, в результате волна восстаний неудержимо катится по станицам казачества»²³⁷. Железная дорога в направлении Омска была блокирована восставшими, отрезав Сибирь от Европейской России.

²³² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 113, 119, 136-137.

²³³ ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 10, 14 об.

²³⁴ Там же. Д. 234. Л. 6, 7.

²³⁵ Подробнее об этом см.: Логунов К. Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991.

²³⁶ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 194. Л. 18.

²³⁷ Там же. Л. 219.

Повстанческие власти рассылали по деревням документы, объясняющие цели движения, которое проходило под лозунгом «Бей коммунистов, да здравствует Советская власть!» Их содержание свидетельствует, что основным мотивом мощного крестьянского выступления, как и прежде в других частях Урала, являлись самочинные насильственные действия со стороны местных представителей власти, особенно в период проведения продразверстки осенью 1920 г. Так, 10 февраля 1921 г. Шмаковскому сельсовету был направлен для обсуждения и принятия проект «Протокола и задач воли народа», заверенный подписями товарища председателя временного волисполкома и военрука, следующего содержания:

«1) Действия председателей волисполкома, не согласуясь с текущим моментом в деле проведения разверсток, действительно неправильны; не собирались съезды сел[ьских] советов для обследования дел; члены волисполкома партийные смотрели на все насильно, а потому собрание постановило: членов партийных от занимаемой должности устранить и волею народа партийных всех арестовать за вмешательство в дела, не подлежащие их ведению, и таковых содержать под арестом до выяснения дела.

2) О хлебной разверстке, проводившейся неправильно, с нарушением декретов и инструкций, издаваемых центром, т.к. помимо изъятия излишков хлеба от крестьян брались последние зерна и применяющие насильство по разверсткам уполномоченные и инструктора ни с чем не считались, с малыми детьми и семейным положением, оставляли совершенно без куса хлеба, а также производят аресты и конфискации имущества, как членов совета, так же и граждан, что подобного рода семейства вынуждены голодать по несколько дней, пока кооператив отпустит несчастных 15 или 20 фунтов муки на человека в месяц.

3) Ввиду такого положения вещей, не отрицая существования Советской власти, собранием постановлено выразить протест против действий продовольственных органов, производящих неправильное действие по изъятию хлеба и фуражного продовольствия, кроме того собрание находит, что несмотря на то, что существующей продвластью не отпускается никакого фуража на лошадей, и крестьянство волости положительно задавлено подводами по вывозке хлеба, дров и разных нарядов. Лошади у крестьян положительно выбиты, но их все-таки без всякой пощады гонят в наряды, кроме того, недалеко то время, когда наступит период пахоты и по изданному существующей властью декрету видно, что вместо посевной площади прошлого года постановлено увеличить посевную площадь на 25%, в данном случае на лошадей не оставляют фуража ни зерна. Исходя из этого соображения, повторяем, что при подобном рода порядках жизнь положительно невозможна, невыносима, волость категорически протестует против производимых действий и требует полное снабжение по норме, хлебофуража для населения и скота, в противном случае население слагает с себя всякую ответственность за восстановление хозяйственной разрухи и поднятие экономического положения на более высокую высоту.

По 3-му вопросу. Принимая во внимание, что пунктом 1-м настоящего протокола, члены волостного исполкома от занимаемой должности устраняются и [для] продолжения работ волисполкома необходимо поставить людей, которые бы ведали аппаратом власти, собрание постановило избрать временный исполком, об изложенном записать в настоящий протокол для предъявления уездным властям»²³⁸.

В менее организованных формах крестьянские волнения захватили в феврале — начале марта 1921 г. и другие территории Урала. В связи с повстанческим движением в Екатеринбургской губернии и передвижением бродячих групп дезертиров и повстанцев в Кургурском, Пермском и Усольском уездах в чекистской сводке за 1 — 15 февраля констатировалось, что «положение в губернии становится серьезным». В первой половине марта пермские чекисты отмечали стягивание «бандитов» в Чердынском уезде²³⁸. К этому времени восстание в Курганском уезде уже было подавлено: по оценке Челябинской губернии, в умах крестьян «наступило отрезвление» и настроение населения «улучшилось»²⁴⁰.

²³⁸ Там же. Д. 195. Л. 19.

²³⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 82, 83, 96.

²⁴⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 40.

Политика насильственных реквизиций и трудовых мобилизаций времен «военного коммунизма» загнала большевистский режим в ситуацию, близкую той, что сложилась весной 1918 г.: население изнемогало от бесчинств «диктатуры пролетариата», готовое поддержать любую силу, которая вызвалась бы стряхнуть ненавистную власть. Сможет ли она удержаться, было в начале 1921 г. отнюдь не предопределено. Наступал очередной момент пробы сил.

Во имя утверждения власти: репрессии вместо порядка. Знакомство с настроениями населения не оставляет сомнений, что одним из главных мотивов недовольства были репрессивные формы осуществления официальной политики. Насилием были с избытком пропитаны и реквизиционно-распределительные мероприятия, и мобилизационно-трудовые акции, и антирыночные меры. Террор венчал время «военного коммунизма», являясь оборотной стороной слабости большевистского режима и становясь единственным орудием ее иллюзорного преодоления.

Шло время, но хаос в управлении, очевидный и объяснимый в первые месяцы после ликвидации на Урале антибольшевистской военной диктатуры, сохранялся в первоизданном виде. В августе 1920 г., через год после прекращения боевых действий в Челябинской губернии, местные чекисты констатировали:

«Взаимоотношения в смысле работы между учреждениями совершенно отсутствуют. Между ответственными работниками сильный антагонизм, в результате чего получается бесконечная бумажная волокита, отписки, резолюции и т.п., а работа стоит на месте»²⁴¹.

Лихорадило не только советские, но и партийные организации, особенно в сельской местности. В той же сводке отмечалась слабость политической работы с населением из-за отсутствия в достаточном количестве опытных партийных сотрудников:

«Комячейки не инструктируются, благодаря чего не могут определенно уяснить себе свои прав и обязанностей и часто вмешиваются в дела то милиции, то исполкомов... Ячейки в деревнях и поселках заметно разлагаются: некоторые из них заражаются обывательским настроением, другие действуют неуверенно, благодаря жуткой сгущенной атмосфере, которая их окружает»²⁴².

Не лучше обстояло дело и с военными властями в сельской местности. Свободные перемещения многочисленных групп дезертиров в значительной степени облегчались бездействием местных военных комиссариатов²⁴³.

Особые нарекания населения вызывала деятельность правоохранительных органов. Типичная картина была обнаружена при принятии дел от бывшего начальника милиции одного из районов Вятки в сентябре 1920 г. Делопроизводство райотдела оказалось в плачевном состоянии: при вскрытии ящика стола в канцелярии была найдена масса необработанных протоколов, актов, писем; вся переписка за 1920 г. не была разобрана и лежала грудой в одной из папок; за 1920 г. не было заведено ни одного дела. При обыске в квартире начальника милиции был найден пакет с колчаковскими (3855 р.) и советскими (5000 р.) деньгами, а также серебряный портсигар, фигурировавший в качестве вещественного доказательства в одном из дел. При осмотре арестантского помещения выяснилось, что «масса арестованных сидит по несколько дней, да-

²⁴¹ Там же. Д. 127. Л. 25 об.

²⁴² Там же. Л. 22.

²⁴³ ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 2.

же недель, и некоторые даже не вписаны в книгу об арестованных». Со стороны последних поступили заявления, что бывший начальник милиции бил их при аресте²⁴⁴.

В октябре 1920 г. информационная сводка Челябинской губернской ЧК отмечала злоупотребления властью со стороны милиции:

«За последнее время сильно участился приток с разных концов губернии жалоб на различные недочеты в рядах местной милиции. Местами в деревенскую милицию пролез темный, хулиганский, порой даже преступный элемент... Сообщают, что милиция пьянствует, безобразничает, хулиганит. <...> Не забыт и старый порок – взяточничество»²⁴⁵.

В убогом состоянии находилась пенитенциарная система, не способная осуществлять действительную изоляцию заключенных. В Верхнеуральской тюрьме на более чем 200 узников приходилось всего 18 служащих, включая канцеляристов. Осужденные отправлялись на работы по 10 – 12 человек в сопровождении всего одного конвоира, следствием чего были частые побеги. Иногда тюрьма отпускала арестантов по требованию учреждений вообще без охраны²⁴⁶.

О сколько-нибудь налаженной системе продовольственных и хозяйственных учреждений говорить вообще не приходится. Приведенные выше факты о практике реквизиционно-распределительных мероприятий свидетельствуют о царившем в этой сфере беспорядке. Местные органы власти на протяжении всего периода «военного коммунизма» жаловались на неналаженность продовольственного аппарата и отсутствие опытных работников. Как ни старались власти, они не могли найти надежных исполнителей «военно-коммунистической» продовольственной политики в достаточном количестве. В январе 1921 г., когда сбор разверсток подходил к концу, Челябинское губернское продовольственное совещание пришло к выводу о «катастрофическом положении губпродкома в смысле продработников»²⁴⁷. В октябре 1920 г. в Верхнеуральском уезде, согласно жалобе местного жителя, в райпродкомах и земотделах сидели старые чиновники и приставы, а на выдвижении выборщиков в правление потребительского общества в селе Мурашка Елабужского уезда в январе 1921 г. победили местный священник и бывшие полицейские – урядник и два стражника²⁴⁸.

Оборотной стороной затяжного хаоса в управлении стало обильное применение насилия при исполнении распоряжений власти, приобретавшего из-за неясности самих директив и бесконтрольности исполнителей характер произвола.

Желание установившейся на Урале летом – осенью 1919 г. новой власти нейтрализовать и изолировать активных сторонников антисоветского режима объяснимо. Однако в их разряд мог попасть практически каждый житель территорий Урала, оказавшихся в прошлом под контролем антибольшевистских диктатур. Не только сознательные противники большевизма, но и любой горожанин, добровольно или вынужденно поступивший на службу в одно из учреждений прежнего режима, любой крестьянин, при тех или иных обстоятельствах отдававший продовольствие «белым» властям или оказавшийся в рядах «белой» армии, становился потенциальной жертвой узаконенного террора. Достаточным основанием для огульных репрессий было и «нетрудовое» происхождение.

В результате городское население в течение всего периода «военного коммунизма» оказалось объектом массовых репрессивных мероприятий чрезвычайных органов «диктатуры пролетариата». Об атмосфере террора дают представления выдержки из пи-

²⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 204. Л. 34.

²⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 58 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 55.

²⁴⁷ Там же. Д. 317. Л. 1 об.

²⁴⁸ Там же. Д. 127. Л. 58 об.; Вятская правда. 1921. 11 февр.

сем, отправленных из Уфы в апреле 1920 г. Их авторы – видимо, представители бывшей «чистой» публики – прямо или метафорически описывали положение в городе, предостерегая близких от приезда в Уфу:

14.04.1920:

«Жизнь скверная, ЧК “работает”. Дом отдыха полон. Товарищей без кавычек нет. Кто арестован, кто убит».

14.04.1920:

«Витя объявлен контрреволюционером и посажен в дом отдыха на 15 лет. Привезать не советую. Скажи Образцову, что его ждет ЧК как добровольца. Народ живет и спекулирует. Последую ему».

15.04.1920:

«Все-таки в Уфё я не намерена оставаться, п[отому] ч[то] там рассадник заразы, всех арестовывают, ко всем ходят с обысками, не дают ничего делать».

16.04.1920:

«За корреспонденцией приглядывают, писать нельзя».

17.04.1920:

«Я тебе тоже ехать не советую. Кто бы ни приехал из Сибири, из беженцев, все сидят в Губчека».

23.04.1920:

«Жить становится невыносимо. Настала старинная панщина, что хотят, то и делают»²⁴⁹.

Картина произвола, отраженная в письмах его потенциальных или действительных жертв, подтверждается и свидетельствами чрезвычайных органов советской власти. По информации Верхнеуральской ЧК о состоянии власти ранним летом 1920 г., члены местного комитета РКП(б), руководствуясь установками 1918 г., «вмешиваются во все дела должностных лиц, издают предписания и производят аресты чисто административным порядком». Работники партии и исполкома, по формулировке составителя сводки, «действуют, как диктаторы». Имея не по одному револьверу, винтовке или шашке, они приняли решение не сдавать лишнее оружие. Комитет РКП(б) арестовал несговорчивого райпродкомиссара и поставил своего. В Верхнеуральске милицией было произведено много незаконных – «анархистски, как в 1918 году» – обысков и арестов:

«Берут без основания, без расписок. Большинство из оставленного имущества бежавшей буржуазии взято для себя советскими работниками, мягкая мебель, мягкие диваны, персидские ковры, кровати, зеркала можно встретить в квартирах как мелкой, так и крупной шошки»²⁵⁰.

На Южном Урале террор против «буржуев» вошел в фольклор. Среди многочисленных новых «советских» частушек, публикуемых местной прессой с целью популяризации, можно было встретить и такую:

*«Как у нас тюрьма большая,
В ней богатые сидят,
В ней богатые сидят,
Про коммуны говорят»²⁵¹.*

Летом – осенью 1920 г., по мере роста напряженности в регионе, репрессивные мероприятия властей в городах стали набирать обороты. Так, в начале августа, с по-

²⁴⁹ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 9, 10.

²⁵⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

²⁵¹ Советская правда. 1920. 27 июня.

явлением вооруженных «дезертиров» в Верхнеуральском уезде, уездный центр был переведен в режим военного положения. В ночь на 29 августа в Челябинске была проведена облава, в ходе которой было арестовано около 60 военных и трудовых дезертиров. 10 – 11 октября Челябинский ревтрибунал слушал дело бывшего лидера челябинских кадетов Е.И.Снежкова, приговорив его к 10 годам тюрьмы. В ночь на 1 ноября Екатеринбургская губернская ЧК провела массовые аресты лиц, заподозренных или уличенных в принадлежности к контрреволюционным организациям, спекуляции и саботаже; несколько сот лиц были направлены до судебного разбирательства в концентрационный лагерь²⁵². Как сообщалось в частном письме из Вятки, датированном 20 ноября 1920 г., «...обыски сейчас производятся в Вятке все время»²⁵³.

Жить в городе было страшно. В регионе давно закончилась гражданская война, а незащищенность существования не убывала. Опасности подстерегали городских жителей со всех сторон: каждый мог стать жертвой внезапной облавы, обыска, ареста. От неприятных неожиданностей не был застрахован никто. Однако относительно изощенной и адресной репрессивная политика могла быть только в городской черте. Слабая организованность и скудное обеспечение властей ресурсами и кадрами делали террор фактически единственным средством управления в сельской местности и придавали ему специфические черты: в деревне он был менее целенаправленным и регулярным, не отличался многообразием форм, осуществлялся наугад, и чем более «слепым» он был, тем большей жестокостью и бесконтрольностью отличался. Действия властей за пределами городов воспринимались и крестьянами, и горожанами скорее как набеги насильников, чем как меры государственного управления. Об этом свидетельствует содержание частной переписки уральцев:

11.04.1920, Уфимская губерния:

«...за каждого убитого или избитого советского работника пулемет кладет гору трупов. Особенно много расстреляно татар, которые со свойственным магометанским упорством лезли "ордой" на пулемет».

16.04.1920, Уфа:

«Я узнал, что делается в деревне. Насилуют крестьян и все у них отбирают. Скоро, наверное, последние портки отберут».

28.07.1920, Пермь:

«Вася, в Беляевке был отряд кр[асноармей]цев по борьбе с дезертирством, человек в пятьдесят. Солдаты вели себя, как разбойники... напр[имер], у одной женщины на глазах вытаскали в огороде табак, в другой деревне украли холст и еще много других нахальств и грабежей сделали они».

21.08.1920, Усольский уезд Пермской губернии:

«7-го августа был у нас отряд, разыскивали дезертиров. Эти отрядники испугали маму, взяли на печке своеручно суп и весь съели, и было вареное молоко для ребят – его съели и ничего не заплатили, и у собаки хвост отрубили шашкой»²⁵⁴.

Постоянным спутником сельской жизни в продрозверсточную эпоху были «дезертиры» – полудрузья-полувраги крестьян, воспринимаемые деревней то как благородные разбойники и возможные освободители от большевистских насилий, то как мародеры и источник дополнительных неприятностей. Уральские леса и степи были полны дезертиров, ставших объектами местного фольклора:

²⁵² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 27; Уральский рабочий. 1920. 5 сент., 4 ноября; Советская правда. 1920. 15 окт.

²⁵³ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 165.

²⁵⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 29, 194; ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 9, 10.

«Мой миленок в лес пошел,
Меня взяло горюшко —
Дезертиры там живут,
Мого милого убьют»²⁵⁵.

Во время посевной 1920 г. екатеринбургские чекисты фиксировали случаи, когда «дезертиры» обстреливали крестьян прямо на полях²⁵⁶, а в сводках Челябинской губчека информация о «дезертирах» летом 1920 г. помещалась под рубрикой «Общие явления» — настолько массовым и привычным стало их существование. Так, в июльской сводке о «дезертирах» сообщалось: «Бандитизм [в] Челябинской губ[ернии] встречается только в виде группировок дезертиров, которые устраивают вооруженные нападения на отдельных советских работников и на местное крестьянское население, с целью обогащения или мести»²⁵⁷.

Заложником дезертирских акций и ответчиком за их действия выступало крестьянство — огульно, без разбора. В июле 1920 г. Екатеринбургская губернская ЧК сообщала, что в связи с распространением слухов о скорой перемене власти и появлением вооруженных банд «дезертиров» чрезвычайные органы во всех так называемых «неблагополучных» местах — районах активизации «бандитов» — взяли «кулацких» заложников, благодаря чему «крестьянство стало вести себя потише»²⁵⁸. Осенью 1920 г., в разгар продкампании, усилились активность «дезертиров» и карательные операции против них, больно ударившие по крестьянству в целом.

В Челябинской и Уфимской губерниях зашевелились многочисленные «шайки дезертиров», неуловимые в южноуральских лесах и горах. В начале октября близ Златоуста они захватили 70 лошадей, совершили налет на деревню Веселовку, где изрубили трех коммунистов. Наконец, 4 октября около 120 конных «дезертиров» среди бела дня ворвались в Златоуст и обстреляли государственные учреждения²⁵⁹. Многочисленные отряды численностью в 100 — 150 человек действовали разрозненно, что одновременно и облегчало, и осложняло принятие ответных мер.

Введение военного положения в Челябинской губернии, репрессии против лиц, уличенных или заподозренных в дезертирских акциях или помощи им, опубликование в прессе списков расстрелянных действовали на деревню, по терминологии чекистских рапортов, «умиротворяюще» и «благотворно». Террор рассматривался и оправдывался как единственный способ наведения порядка в сельской местности: «Раз выйдя на путь активных репрессий, необходимо, не ослабляя их, заставить население раз навсегда убедиться в твердости Советской власти»²⁶⁰.

В начале октября 1920 г. в Челябинске по постановлению губчека были расстреляны за вооруженное восстание против советской власти 34 участника «Голубой армии»²⁶¹. В деревнях, наряду с арестами, в качестве наказания за предполагаемую помощь дезертирам широко практиковались конфискации имущества. В сентябре в Бирском уезде секция ревтрибунала конфисковала 11 коров, 8 лошадей, 21 овцу и 8 кур. За укрывательство «дезертиров» на волость был наложен штраф в размере, превышавшем 3 млн. р. В Шадринском уезде в результате 101 облавы, осуществленной одновременными дей-

²⁵⁵ Советская правда. 1920. 27 июня.

²⁵⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

²⁵⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 16.

²⁵⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 60.

²⁵⁹ Уральский рабочий. 1920. 8 окт.

²⁶⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 35, 56, 60 — 61.

²⁶¹ Советская правда. 1920. 8 окт.

ствиями 15 отрядов, был задержан 2121 дезертир из воинских частей и 146 «дезертиров труда». При этом было конфисковано имущество 196 семей, а денежные штрафы на отдельные лица, села и целые волости достигали в сумме 9372 тыс. р., из которых, правда, 8 млн. были наложены условно. В Малмыжском уезде Вятской губернии в октябре 1920 г. также проводились облавы на «дезертиров». Так как крестьяне, несмотря на данные властям подписки не скрывать дезертиров, не сообщали об их местонахождении, у некоторых сельских жителей было конфисковано все имущество, у других отнимали лошадей, коров, телеги, тарантасы и т.п. На шесть деревень были наложены коллективные штрафы от 30 тыс. до 100 тыс. р. Общая их сумма составляла 495 тыс. р. Во второй половине октября Орловская уездная комиссия по борьбе с дезертирством оштрафовала за помощь «дезертирам» восемь семей, на селения, обвиненные в их массовом укрывательстве, был наложен штраф в 1200 тыс. р. Были конфискованы 6 коров, 4 лошади, 30 овец, 15 комплектов упряжи, 3 повозки на железном ходу²⁶².

Крестьянские общества принуждались на общих собраниях принимать решения «дезертиров не скрывать и самогонки не варить»²⁶³. Вторая часть формулировки свидетельствует, что в разгар продкампании крестьяне предпочитали переводить хлеб на самогон, чтобы не отдавать зерно продотрядникам, за что нещадно наказывались. Так, во второй половине сентября 1920 г. из Красноуфимского уезда докладывали в Екатеринбургскую губчека, что «кумышковарение и пьянство в здешнем уезде является обычным явлением среди крестьян-кулаков». Далее сообщалось, что в деревне Карзи во время изготовления домашнего алкоголя случился пожар, в котором сгорело 9 дворов и 200 пудов хлеба. Жители деревни были наказаны репрессивными мерами²⁶⁴.

С наступлением зимы, когда из крестьян было «выкачано» все, что было возможно, а обитание под открытым небом становилось невыносимым, положение голодных и холодных «дезертиров» резко ухудшилось. Их активность, казалось, пошла на убыль. Явки с повинной участились. С 24 ноября по 12 декабря в Вятской губернии было задержано 192 дезертира, из которых 143 сдались добровольно. При этом конфискации в деревне продолжались: на 180 тыс. р. были оштрафованы 17 семей, были изъяты 34 коровы, 53 овцы, теленок²⁶⁵. В Екатеринбургской губернии ЧК с мая по декабрь 1920 г. приговорила к расстрелу 387 человек, из них более трети — в ноябре — декабре²⁶⁶. Екатеринбургская уездная комиссия по борьбе с дезертирством за это же время задержала 788 «дезертиров», из которых лишь пятерых удалось поймать в ходе 13 облав в сельской и заводской местности; 233 человека сдались добровольно, 484 были обнаружены «случайными способами»²⁶⁷. В Челябинской губернии до 12 декабря была объявлена неделя добровольной явки дезертиров²⁶⁸. В том же месяце антидезертирские репрессии в южной части Миасского уезда, Верхнеуральском и Троицком уездах позволили губчека констатировать «успокоение» тех районов, где «население наиболее пострадало от дезертирских выступлений»²⁶⁹. От кого жители Южного Урала пострадали в большей степени, сомневаться не приходится.

²⁶² Уральский рабочий. 1920. 18 сент.; Вятская правда. 1920. 16 окт., 13 ноября.

²⁶³ Уральский рабочий. 1920. 7 сент.

²⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

²⁶⁵ Вятская правда. 1920. 23 дек.

²⁶⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 72.

²⁶⁷ Уральский рабочий. 1921. 19 янв.

²⁶⁸ Советская правда. 1920. 4 дек.

²⁶⁹ ОГАСО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 79.

Последний серьезный всплеск карательных мероприятий произошел в феврале – марте 1921 г. в связи с западно-сибирским восстанием. С 21 февраля по 8 марта в Кургане действовала выездная сессия отдела окружного революционно-военного трибунала Приуральского военного округа. За 10 дней к расстрелу было приговорено 52 человека, к отбыванию в концлагере сроков от 5 до 15 лет – 27, к помещению в концлагерь до ликвидации банд – 31, освобождено 17. Одному из осужденных, бывшему председателю сельсовета, в течение пяти месяцев честно служившему советской власти, расстрел был заменен 18 годами заключения, другому – проявившему трусость милиционеру, который в прошлом имел заслуги в борьбе с колчаковским режимом, – 20 годами пребывания в концентрационном лагере²⁷⁰.

Не только население, но и сами представители власти с тревогой отмечали бесчинства продовольственных и карательных отрядов в деревне, чей выход из-под контроля грозил обострением и без того напряженного положения в сельской местности и стихийным взрывом новой крестьянской войны. О чинимых беспорядках и ощущении безнаказанности участников карательных акций свидетельствует сообщение начальника Уфимской уездной милиции в губревком:

«Со всех концов уезда мне почти ежедневно приходится слышать жалобы населения на насильственные действия работников Петроградских продажитотрядов. Работники названных отрядов... распоряжаются волостными исполкомами по своему усмотрению, производят там всевозможные перемещения вплоть до переизбрания Советов. В тех волостях, где волисполкомы слабы, они устраивают сплошную сдачу хлеба. Продотряды до такой степени обострили отношение граждан к Советской власти, что туда в недалеком будущем придется высылать вооруженные отряды. На вопрос: – Зачем допускаются такие превышения? – обычно следует ответ: – Я коммунист, если захочу, войду в алтарь и сяду за престол, и никто мне этого не запретит. В Булгаковской волости некто продовольственник Петров, который уже неоднократно замечался в преступлениях, заявляет, что он сам себе хозяин и делает то, что хочет»²⁷¹.

Вакханалия насилия достигла апогея во время расправ с (действительными и мнимыми) участниками Ишимско-Петропавловского восстания, захватившего Курганский уезд. В последний день февраля 1921 г. секретно уполномоченный политкома Челябинской губернии в Кургане подписал приказ, согласно которому расстрелы можно было применять только к оказывающим активное сопротивление, к руководителям и организаторам восстания, не подвергая им деревенскую бедноту. «Нормальным наказанием» должна была стать конфискация имущества у «кулаков» наиболее активных в восстании сел. Уполномоченный указал в приказе мотивы его принятия:

«В связи с вылавливанием банд на территории Курганского уезда имеют место малообследованные расстрелы. Некоторые ответственные работники настаивают на массовом расстреле граждан, причастных к бандитизму, подобная тактика может произвести обратный эффект и грозит в дальнейшем большим осложнением для всей советской и партийной работы в названном уезде»²⁷².

В тот же день был принят аналогичный секретный приказ по войскам Приуральского военного округа. В нем говорилось:

«...поступает много жалоб на то, что войска, действующие против бандитов, проявляют сами недопустимое преступное отношение к местному населению, и суровые репрессии без

²⁷⁰ Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 14 – 17, 19 – 21.

²⁷¹ Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 153. Подробнее о поведении представителей власти в южноуральской деревне см.: там же. С. 153 – 162.

²⁷² ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 196. Л. 254.

достаточных причин, обирания, а иногда и откровенные грабежи мирного населения местным отрядом толкают население на сторону бандитов»²⁷³.

Приказ предупреждал, что «...всякий опозоривший честное имя красноармейца подлежит уничтожению наравне с бандитами».

Почти одновременно из Челябинска в ЦК РКП(б) было направлено письмо о незаконном расстреле в Куртамыш 11 крестьян, произведенном по постановлению местной власти. Автор письма утверждал, что «...как видно, расстрел был опрометчивый, т.е. безвинный, это дает право сказать то обстоятельство, что на 2-й день после этого случая застрелился уполномоченный Губчека Казарминов». Указывалось также, что секретарь местного политбюро ответственных работников В.Данилин при допросах крестьян «позволял неоднократно бить в морду кулаками или нагайкой, не разбираясь в их виновности». В письме высказывалась просьба расследовать это дело не местными силами. В январе 1922 г. дело было прекращено за невозможностью прояснить ситуацию, а автора найти не удалось²⁷⁴.

Злоупотребления властью встречались повсеместно и на каждом шагу. Заведующий Екатеринбургским губернским подотделом принудительных работ докладывал по результатам своей командировки в феврале – марте 1921 г. в Красноуфимский уезд о конфискации имущества на основе устного заявления у семей не только «дезертиров», но и красноармейцев. Конфискованное не описывалось, ящики с ним доходили до места пустыми или полупустыми, их содержимое выдавалось не семьям красноармейцев на селе, а городскому населению и служащим различных учреждений по резолюциям не тех органов, которые имели право на его распределение. Карательные отряды занимались самоснабжением, избивали население, грозили расстрелами уполномоченным продотрядов, если те не дадут продовольствия. Машина репрессий продолжала работать полным ходом: с середины ноября 1920 г. по март 1921 г. уездное политбюро арестовало и осудило 200 человек, уездная комиссия по борьбе с дезертирством – 1405 человек²⁷⁵.

Через полтора года после прекращения боевых операций гражданской войны на Урале в регионе царило насилие. Террор завел власть в тупик и грозил, как и весной 1918 г., опрокинуть крайне неустойчивый «порядок». В воздухе по-прежнему пахло кровью.

²⁷³ Там же. Д. 197. Л. 90.

²⁷⁴ Там же. Д. 198. Л. 23, 36 – 37.

²⁷⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 335. Л. 36 – 39.

2.4. В начале НЭПа: время надежд и страхов

«Теория, будто революцию делают голодные — неправильна, ее нужно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть... <...> Но если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут: они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами и, протягивая руки, молить о хлебе. Или же есть друг друга будут».
В. В. Шульгин.

Первые месяцы НЭПа: ростки нового в чертополохе старого.

«С объявлением свободной торговли в городе открылось несколько частных столовых, одна в бывш[ем] помещении «Кафе Роза», другая в помещении бывш[ей] столовой Загоскина. В некоторых магазинах потребобщества торгуют колбасой, сиропом и т.д.

Оживился базар, где появились продукты, которые раньше трудно было достать: воск, деготь и т.д.

Мясной рынок остался на прежнем своем месте у Александровского собора, по количеству привозимого мяса торговля днями не уступает происходившей в мирное время. Торговец опять погнался за покупателем, а не наоборот, как это было до настоящего времени.

За Александровским собором организовалась торговля живым скотом, по преимуществу коровами и лошадьми, принимающая большие размеры в субботние дни.

На днях открылся магазин, объявивший свободную торговлю кустарными изделиями (бывший кустарный склад).

В нижнем этаже помещения быв[ших] номеров Миронова приступлено к ремонту магазинов.

С наплывом товаров и начавшейся конкуренцией цены на многие товары стали понижаться. Из продуктов первой необходимости заметно понизились цены: на картофель и другие овощи, отчасти на мясо и молочные продукты. Понизились цены на мануфактурные товары. Заметно понизилась цена на сено»¹.

Приведенное в местной газете описание перемен в Вятке, происшедших на глазах изумленных жителей в течение нескольких месяцев после решений X съезда РКП(б), можно было наблюдать весной — летом 1921 г. во многих уголках Советской России. Вынужденная смена официального курса, нацеленная на преодоление грозящих существованию режима паралича всех сфер жизнедеятельности и накала напряженности в стране, стремительно преобразила внешний облик будней, резко изменила декорации повседневной жизни. Именно скорость восстановления антуража, от которого люди отвыкли за последние годы, произвела на них ошеломляющее впечатление, переданное потомкам и пленившее историков в образе «золотой эпохи» НЭПа, якобы разом решившей все проблемы и залечившей травмы прежних потрясений. Знакомство с началом НЭПа с близкого расстояния, из перспективы «маленького человека», развеивает в прах этот стереотип и позволяет говорить о первых двух годах НЭПа как об одном из наиболее трагических периодов в жизни российского населения.

Несомненно, жизнь в первые месяцы «новой экономической политики» демонстрировала немало обнадеживающих симптомов. Информационная сводка Пермской губчека за период с 15 марта по 15 апреля 1921 г. без большой, правда, уверенности сообщала, что с объявлением свободной торговли население Перми «как будто бы стало склоняться в сторону Соввласти»². Отмечалось оживление городских будней:

¹ Вятская правда. 1921. 24 авг.

² ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 63.

«В г. Перми в связи с разрешением свободной торговли на рынках торговая жизнь закипела, хотя и нет более объемистых магазинов, но все же у мелких торговцев товар имеется. Преобладает главным образом галантерея, железные товары, а также товары кустарнического производства, переделанная одежда и много огородных семян»³.

При этом констатировалась нехватка продуктов питания и их дороговизна: четверть молока стоила 4 тыс. р., пуд муки — 30 — 40 тыс. р. Мало было и кожаных изделий, что отражалось на их ценах. Сапоги продавались за 150 — 200 тыс. р., ботинки — за 50 — 100 тыс. р.

Аналогичные сведения поступали весной 1921 г. и из других мест. Так, челябинские чекисты в апреле отмечали:

«Жизнь на местных рынках, с введением свободной торговли, вновь ожила. Появилась мука, крупа, мясо и прочие сельскохозяйственные продукты. Также появилась мануфактура, папиросы и проч. Цены на все крайне высокие»⁴.

Свобода торговли вызвала приток в Челябинскую губернию мешочников, которые выменивали местную муку на одежду и кожаные товары⁵. В конце 1921 г. органы политического наблюдения констатировали, что «рынки начинают принимать в Челябинской губернии старый вид торговых рядов, открываются лавки на постоянно отведенных местах. Открыт ряд магазинов»⁶.

Цены росли вместе с торговой сетью. Так, в Оренбурге в первой половине мая 1921 г. цены на продовольствие вдруг подпрыгнули в четыре — пять раз, на одежду, обувь и мануфактуру — в два — три раза⁷.

Торговля набирала обороты. В мае 1921 г. в вятской прессе появились объявления о состоянии рынка. Сообщалось, что «с каждым субботним днем больше появляется крестьян с мукой»⁸. В конце июля 1921 г. в Екатеринбурге всего за три дня было выдано около 250 удостоверений на право торговли различными товарами. В августе в Оренбурге открывались все новые частные чайные и кофейные — давно забытый здесь элемент комфорта. В конце октября в Оренбургской губернии была ликвидирована карточная система⁹.

Возникало ощущение, что государство отказывается от жесткого контроля за моральной чистотой и вообще деятельностью граждан. В ноябре 1921 г. декретом Совета труда и обороны РСФСР допускалась продажа игральные карты на территории страны, с января 1922 г. были сняты препятствия к передвижению населения. В апреле 1922 г. Совнарком легализовал валютные операции, сосредоточенные ранее на черном рынке. Декрет от 4 апреля разрешил свободное обращение золота, серебра, платины, драгоценных камней, иностранной валюты и вызвал появление на рынках Южного Урала значительного количества золота в монетах, изделиях и особенно — в ломе. За торговыми кругами последовали крестьяне, исхитрившиеся в круговерти реквизиционных мер сохранить запасы золотых монет, которые теперь пошли в оборот. В апреле 1922 г. на челябинском рынке за 10-рублевую монету можно было выручить 18 — 19 млн. р. Эта сумма была более чем на треть ниже, чем в центральных регионах стра-

³ Там же. Л. 69 об.

⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 59 об.

⁵ Там же. Л. 72 об.

⁶ Там же. Д. 321. Л. 88.

⁷ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 102 — 103.

⁸ Вятская правда. 1921. 15 мая.

⁹ Уральский рабочий. 1921. 31 июля; Степная правда. 1921. 28 авг., 26 окт.

ны, вследствие чего в Челябинскую губернию в поисках золота хлынули частные скупщики, которым государство не могло составить конкуренцию: госбанк не располагал достаточным количеством денежных знаков, а имевшиеся у него 100-миллионные купюры были слишком крупны и неудобны для крестьянского оборота¹⁰.

Определенные надежды смена государственного курса вызвала у крестьянского населения. Информационная сводка Оренбургско-Тургайской губернской ЧК во второй половине апреля 1921 г. отражала заметное улучшение крестьянских настроений, резко контрастировавших с мрачным настроением рабочих после известий о введении свободной торговли. Примечательно и то, что крестьяне не спешили присоединиться к возникшему в мае 1921 г. двухтысячному повстанческому объединению Охранюка-Черского, двигавшемуся на Орск¹¹. В Челябинской губернии крестьянство также отнеслось сочувственно к декрету о свободе торговли. Местные чекисты весной 1921 г. были убеждены, что напряженное состояние в сельской местности в целом уже прошло: отдельные мелкие вспышки крестьянского недовольства были, по их мнению, неизбежны, но крупные выступления — вряд ли возможны¹².

О возбуждении в крестьянстве надежд на скорейшее улучшение жизни свидетельствует зафиксированное в информационных документах местных ЧК оживление деревни. Сельские жители, ввергнутые реквизиционной волной последних месяцев 1920 г. в апатию и уныние, запуганные и измученные карательными набегами советских отрядов, вдруг преобразились: стали открыто требовать ликвидации трудовой повинности, выступать за «свободу труда» и свободную торговлю.

Отражением этих надежд стали крестьянские выступления на губернских форумах весной 1921 г. Так, на первой губернской беспартийной конференции в Челябинске 16 — 18 апреля 1921 г., собравшей 140 делегатов, вопрос о продналоге вызвал большой интерес: более 20 выступлений было посвящено именно ему. Многие говорили о необходимости декрета о свободе труда. Немало толков среди депутатов вызвало закрытие женского монастыря. Звучали жалобы по поводу превращения церквей в театры и клубы. Съезд направил приветственную телеграмму В.И. Ленину, текст которой вызвал бурные споры: многие требовали включить в него пункт об отмене трудовой повинности. В речах крестьян явно читался упрек властям по поводу предпочтений, отдаваемых рабочим, и дискриминации в отношении деревенских жителей, которые не пользовались материальной поддержкой государства¹³.

О вере крестьян в серьезность намерений режима отказаться от вмешательства в жизнь деревни свидетельствует массовый выход сельских коммунистов из партии. В отличие от партийцев-рабочих, многие из которых воспринимали поворот к «новой экономической политике» как акт предательства «интересов пролетариата», крестьяне покидали партийные ряды по совершенно иным мотивам. В отчете Троицкого уездного комитета РКП(б) за первую половину 1922 г. было сделано тонкое наблюдение о поведении крестьян-членов партии в начале НЭПа, приведшем к ослаблению сельских партийных организаций:

«Замечавшийся массовый выход из партии после установления новой экономической политики в настоящий момент, можно сказать, прекратился. <...> Предшествовавший утек членов партии был обусловлен действительно новой экономической политикой, но выходили они из партии не потому, что были не согласны с НЭП, а что НЭП дал им возможность увеличивать

¹⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 150 об. — 151.

¹¹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 79, 101.

¹² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Д. 56 об.

¹³ Там же. Л. 70.

свое маленькое хозяйство и жить, совсем не обращая внимания... вообще ни на какие советские и партийные учреждения, связывающие их до сих пор по рукам и ногам»¹⁴.

Однако переоценивать симптомы нового не стоит. Жизнь в начале НЭПа была полна двойственности и тягот, отношение населения к переменам — крайне противоречиво. В начале января 1922 г. составитель сводки Уфимской губчека отмечал, что горожане с замиранием сердца следят за ежедневным открытием все новых магазинов, столовых, кафе, ресторанов, за наполнением рынка товарами, что не мешает им выражать недовольство всем. Под «все» автор сводки подразумевал достигшие в начале НЭПа невиданных размеров грабежи, эпидемии и дороговизну¹⁵.

Действительно, затеплившиеся надежды на лучшее будущее не могли ни затмить, ни смягчить убогость существования, доставшуюся в наследство от предыдущих лет. Отмечая в первой половине апреля 1921 г. оживление на базарах, челябинские чекисты одновременно описывали катастрофическое положение рабочих железнодорожного депо:

«Из-за неимения обуви участились прогулы. Боясь репрессий (трудкомдез), рабочие, выходя на работы, одевают рваные валенки и привязывают к ним дощечки. Снабжение кожаной обувью поставлено крайне слабо. Так, на четыре тысячи человек было отпущено всего лишь 200 пар сапог»¹⁶.

В апреле — мае 1921 г. выдача продуктов по карточкам на Урале резко и повсеместно сократилась. В Екатеринбургской губернии размер хлебных пайков в первой половине апреля колебался от 14 до 28 фунтов. Рабочим угольной промышленности он был снижен с 34 до 28 фунтов. Только сплавщики, выполнявшие срочную работу, получили «щедрый» паек в 60 фунтов¹⁷. В Верхнеуральске привилегированные категории населения получили вместо 28 — 60 фунтов муки 19 — 42, месячный общегражданский паек муки составил всего пять фунтов¹⁸.

Сокращение пайков не могло быть сразу же восполнено рыночными продуктами. Товарообмен был официально разрешен в разгар весенней распутицы. Из-за непроезжего состояния дорог крестьяне, если и имели припрятанные продукты, не могли попасть в город. Городские продуктовые рынки весной 1921 г. оставались полупустыми¹⁹.

Тяжелое наследство от времени «военного коммунизма» досталось горнозаводскому населению, которое страдало на протяжении 1920 г. от перебоев в снабжении продовольствием. Весной 1921 г. продовольственное обеспечение рабочих резко ухудшилось и в тех районах, где оно до этого было более или менее налажено. Болезненно сказывалась скудость продовольственных запасов, расходование которых в последние месяцы 1920 г. шло более интенсивно, чтобы предотвратить соединение «крестьянской войны» с рабочими бунтами. В результате с декабря 1920 г. по март 1921 г. численность рабочих увеличилась в треть. Это и заставило весной 1921 г. пойти на снижение по-прежнему нерегулярно выдаваемых пайков, свертывание премирования продуктами, сокращение штатов рабочих, а затем и на официальную ликвидацию государственного пайкового снабжения²⁰. Итогом стало бедственное положение рабочих не только

¹⁴ Там же. Д. 484. Л. 90 об.

¹⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 11.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 56 об.

¹⁷ Уральский рабочий. 1921. 7 апр.

¹⁸ Красный пахарь. 1921. 16 мая.

¹⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 98.

²⁰ Подробнее см.: Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917 — 1923 гг.). М., 1975. С. 133, 135.

в оторванных от основных распределительных центров уголках Урала, но и на заводах вблизи или в черте крупных городов. Пермская губчека в апреле 1921 г. констатировала, что рабочими и крестьянами пригорода Перми Мотовилихи владеет «одно желание — получить в достаточной мере продовольствия и одежды, а до остального им нет дела»²¹. В мае, как сообщала местная ЧК, «среди рабочих заводов и мастерских г. Перми слышится только просьба о выдаче пайка как самим рабочим, так и их семьям, хотя бы тот паек, который им выдавался ранее, т.е. 28 ф[унтов] в месяц»²². Рабочие Верх-Исецкого завода близ Екатеринбурга во второй половине мая получили, в зависимости от категории, от трех до четырех фунтов хлеба, а их семьи — от семи до девяти фунтов²³. В мае 1921 г. сократились пайки и в угольных копиях Челябинского района: забойщики и другие рабочие, занятые на подземных работах, могли теперь рассчитывать лишь на 30 фунтов хлеба в месяц, наземные рабочие — на 25 фунтов. Снижение пайка отрицательно повлияло на производительность шахтеров и дало свои первые плоды на первомайской демонстрации: из 7 тыс. человек на нее явилось всего 450. На механическом заводе в Челябинске был не только снижен паек, но и прекратились выдачи хлеба в столовую и обедов для семей рабочих²⁴.

Сколь ни были печальны в момент смены официальной политики будни обитателей городов и горнозаводских поселков, наиболее страдающей группой населения оставалась преобладавшая его часть — крестьянство. Именно оно несло на своих плечах наибольший груз наследства «военного коммунизма». Жестоко обобранная в ходе реквизиционно-карательных мероприятий в конце 1920 — начале 1921 г., деревня первых месяцев НЭПа пребывала в тревоге. Предстояла посевная страда, а крестьяне не располагали ни семенными материалами, ни фуражом. Крестьяне Пермской губернии, согласно заключениям чекистского наблюдения, в апреле 1921 г. роптали на продолжающиеся разверстки и трудовую повинность. В некоторых волостях голодающие крестьяне толпами осаждали исполкомы с требованием хлеба, прибегая в крайних случаях к самовольному разделу семенного материала. В мае пермское крестьянство выражало недовольство мобилизацией на лесосплав и разверстками на масло и яйца, утверждая, что разверстки отменены²⁵.

Деревня заволновалась²⁶. В Екатеринбургской губернии, на границе Камышловского уезда, во второй половине мая 1921 г. появились вооруженные повстанцы из Ялutorовского уезда, совершая конные налеты на деревни и еще более ухудшая положение местных крестьян, у которых «банды» отнимали скудные запасы хлеба и скот²⁷. В Оренбуржье в это же время появилась повстанческая группировка Охранюка-Черского, лозунг которой гласил: «Яко с нами бог, долой коммунистов, да здравствует свободная крестьянская жизнь!» Началось брожение в казачестве. По данным губчека, казаки с нетерпением ждали прихода «банд», хотя и боялись, памятуя уроки прошлых лет, к ним присоединяться. Крестьянство тех районов Оренбуржья, где урожай 1920 г. был невелик, открыто ругали райпродкомы: «...осенью у нас все ото-

²¹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 63.

²² Там же. Л. 105.

²³ Уральский рабочий. 1921. 26 мая.

²⁴ В первомайской демонстрации 1921 г. в Челябинске, в знак протеста против плохого снабжения продовольствием и обмундированием, не участвовала милиция (ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 83).

²⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 92, 105.

²⁶ О волнениях 1921 г. в уральской деревне также см.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 397, 404, 450, 453, 458.

²⁷ Уральский рабочий. 1921. 17 июня.

брали, а теперь ничего не дают». В Орском районе крестьяне приступили к разгромам сыпных пунктов²⁸.

О растерзанном состоянии деревни в первые месяцы НЭПа сообщали и партийные организации. В отчете Оренбургского губкома РКП(б) за февраль – сентябрь 1921 г. писалось, что в начале этого периода хлебные запасы губернии не превышали 100 тыс. пудов, в то время как до урожая требовались как минимум 300 тыс. Уже тогда среди крестьян наблюдались признаки голода, а «местные работники не выдерживали и опускали руки». Партийные организации владели жалкое существование, связь губернской организации с местными была нарушена. Объявление о свободе торговли было в этой ситуации воспринято и населением, и местными коммунистами как акт раскаяния власти в прежних ошибках: «Стихийные требования широких слоев, vyplывающие из крестьянских масс под влиянием эсеров, не анализировались на местах, принимались за чистую монету и направлялись в высшие инстанции с требованием удовлетворения»²⁹.

Со всех сторон поступала однотипная информация о положении и настроениях крестьян в первые месяцы НЭПа: «голод» и «ропот» были главными терминами чекистских сводок. Иллюстрацией деревенской жизни весной 1921 г. могут служить майские сводки Челябинской губернской ЧК. В них, в частности, сообщалось о голоде в одной из волостей Челябинского уезда:

«Особенно сильно голодает население Тавранкульской волости, где выполнено 196 % разверстки и всего вывезено хлеба тридцать три тысячи пудов. Хлеб был вывезен дочиста, и не было даже оставлено продовольствия на март месяц. Было устроено объединенное заседание членов волисполкома и комячейки, где была выдвинута комиссия по учету наличности хлеба и правильного распределения между населением волости. По окончании учета выяснилось, что налицо всего лишь имеется триста пудов хлеба, т.е. по три фунта на едока в месяц, не исключая даже и того, который предназначен для кормления кур, и даже муку, предназначенную на следующий день и на квашню. Скот ежедневно падает по 3 – 5 штук от бескормицы; все крыши, которые были покрыты гнилой соломой, очищены, чтобы кормить скот. Население уже съело все отруби и начинает молотить на мельнице траву куколь, полученную по наряду для кормления лошадей, и едят ее сами, хотя она даже непригодна для кормления свиней. Были случаи, когда дети после 2 – 3 дней голодовки поедят куколя, и их начинают мучить предсмертные судороги, и только вовремя поданное парное молоко спасает их от смерти.

Все эти бедствия, постигшие Тавранкульскую волость, создались благодаря неправильной работе уполномоченных райпродкома, которые постарались вывезти весь хлеб до зернышка и даже не взяли на учет нуждающихся»³⁰.

Жители Ново-Троицкого поселка Сосновской станицы собирали в поле колосья прошлогоднего урожая. Деревенская беднота восприняла свободу торговли как новую беду, от которой выиграли только «кулаки»:

«С объявлением свободной торговли кулачество стало выкапывать из ям весь свой припрятанный хлеб и свозить на рынок выменивать или продавать. Беднейшее крестьянство просит установления таксированных цен на продукты и предметы первой необходимости или прекращения свободной торговли, ввиду того, что пользы для бедняков в настоящее время свободная торговля не дает»³¹.

В Курганском уезде посевная кампания проходила вяло из-за нехватки семян и лошадей, которые в большом количестве реквизировались повстанцами в начале года. Более половины прошлогодней пашни в Верхнеуральском уезде в 1921 г. осталось не-

²⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 41, 102, 103 об.

²⁹ Там же. Д. 222. Л. 40.

³⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 82.

³¹ Там же. Л. 82 об.

засеянной. В Троицком уезде крестьяне роптали на проведение яичной и молочной разверсток и громили хлебные амбары. В Верхнеуральском, Курганском и Троицком уездах активизировались повстанческие группы. В деревнях участились кражи скота и хлеба. В селе Пивкино Челябинского уезда сельский комитет в первую очередь наделил семенным хлебом крепкие хозяйства, разделив незначительные остатки между беднотой и демобилизованными красноармейцами. Призвавшее сельком к ответу собрание услышало: «Погодите, скоро за ваши требования вы все будете истреблены, уже наши подходят, и вы забудете про хлеб»³². Во многих местах крестьяне отказывались от выполнения несвоевременной в период сева подводной повинности; яичная и молочная разверстки собирались плохо, так как других продуктов питания в деревне не оставалось. Жители Усть-Уйской станицы отказались сдавать масло и яйца, пока им не выдадут по пуду муки на каждого едока. Голодные обитатели станицы Березовской под руководством станичного исполкома подняли бунт, который вскоре был подавлен³³.

В заключении сводки Челябинской губчека за первую половину июня были сделаны выводы, не пробуждавшие оптимизма:

«Всюду чувствуется усталость и недовольство, основанное только лишь на продовольственной подкладке. <...>

Массовые восстания Челябинская губерния, можно сказать, пережила, и в данное время приходится... констатировать лишь уголовный бандитизм, особенно исходящий со стороны жителей кантонов, занимающихся... грабежом и кражей лошадей и рогатого скота. <...>

Партийно-просветительская работа, особенно среди деревни, почти отсутствует, и многие комячейки абсолютно находятся в политическом неведении и часто творят дела на свой страх»³⁴.

Будни измученной и дезориентированной деревни оставались горькими, праздники — грубыми и примитивными. Смена правительственного курса была воспринята как проявление слабости власти, вызвав очередную вспышку самогоноварения и пьянства, сопровождавшегося выбросами накопившейся агрессивности. В деревне Субботиной Пермской губернии 17 апреля 1921 г., на второй день Пасхи, произошел пьяный погром, учиненный группой вооруженных револьвером, ножами и топорами молодых хулиганов из другой деревни. Пресса так описывала деревенский инцидент:

«Набрасывались с кинжалами на женщин, стариков; ломились через заборы, разбивали топорами ворота и избные двери, отыскивая укрывшихся "врагов". Местами слышалась ружейная стрельба. Жители в смертельном ужасе бежали и прятались по амбарам, хлевам. Иные бросились в заречную сторону через пруд, проваливаясь на полурастаявшем льду»³⁵.

В мае 1921 г. в деревне Куликово Белоярской волости Челябинской губернии крестьяне гнали самогон из скрытого хлеба. Пьянствовали и члены сельсовета, и представители волостной милиции³⁶.

Власти, как и прежде, пытались реагировать на перевод крестьянами хлеба на самогон и распространение пьянства в деревне традиционными мерами — громкими и грозными декларациями, реализовать которые в полном объеме по-прежнему не удавалось. В середине апреля 1921 г. Башкирская областная ЧК через прессу обратилась к населению с заявлением, отражающим размах увлечения алкоголем в регионе с преимущественно мусульманским населением:

³² Там же. Л. 97.

³³ Там же. Л. 82 — 103.

³⁴ Там же. Л. 134 об., 135.

³⁵ Звезда. 1921. 19 дек.

³⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 82 об.

«1) Башобчека принимает самые срочные крутые меры по борьбе с пьянством, пьяницами, самогонщиками и преступниками, содействующими и поддерживающими пьянство.

2) Все продолжающие пить или содействующие пьянству будут считаться злостными преступниками и застрельщиками бандитизма и дезорганизации.

3) Занимаемая должность, положение и даже заслуги перед Соввластью во внимание не будут приниматься.

4) Башобчека в последний раз предупреждает всех, кого бы то ни было, и предлагает сознательно отнестись к настоящему заявлению»³⁷.

Смена политического курса, восславленная впоследствии официальной пропагандой и советским историческим цехом, первоначально едва читалась, вызывая у населения скорее растерянность и недоверие, чем радость. Слабенькие ростки нового терялись, едва пробиваясь в непроходимых зарослях еще живой и полнокровной «военно-коммунистической» реальности.

Лейтмотивы существования в городе и поселке. При ближайшем рассмотрении будней времен «новой экономической политики» рождается образ не «золотого века», а кричаще броского костюма с ветхой и кишасей насекомыми подкладкой, шитого гнилыми нитками. Повседневная жизнь в НЭПе для большей части населения оставалась безрадостной и неуютной.

Внешний вид городов и горнозаводских поселков, вследствие многолетнего упадка коммунального хозяйства, представлял собой унылое зрелище. Местные власти Вятки, в связи с ужасающей грязью в городе, были вынуждены 10 апреля 1921 г. организовать субботник по очистке губернского центра от навоза³⁸. В мае 1921 г. местная печать отмечала антисанитарное состояние екатеринбургских рынков, а в Перми к осени того же года дороги пришли в такую ветхость, что возникла настоящая потребность в мошении улиц в городской черте³⁹.

Городское хозяйство Южного Урала, как и других частей региона, находилось в состоянии глубокого кризиса. Весной — летом 1921 г. в Уфе, как и прежде, многочисленные общественные сады объедались козами — «любимейшими животными уфимцев», по ироничному замечанию местной прессы. Переправа через реку Белая не действовала: не было ни моста, ни паромов. Возчики на лодках требовали с крестьян за перевозку плату деньгами или продуктами — хлебом, яйцами и т.д. В июле 1921 г. была объявлена неделя чистки и водоснабжения, предполагавшая прежде всего сооружение общественных колодцев, так как за семь лет уфимский «водопровод пришел в страшно запущенное состояние». На уфимском базаре в разгар июльской жары царила антисанитария. В августе власти Уфы вновь вынуждены были организовать неделю чистки, поскольку санитарное состояние города не улучшалось. Осенью 1921 г. дефицит воды в городе продолжал давать себя знать самым чувствительным образом. Хотя водопровод и был наконец отремонтирован, пользоваться им для горожан стало сложнее. Губернский коммунальный отдел, во исполнение декрета Совнаркома от 1 сентября 1921 г. об установлении платы за коммунальные услуги, ввел с сентября плату за воду, вследствие чего домовые краны были закрыты для посторонних. Источником воды для обитателей домов без водопровода стали исключительно водоразборные будки, которых было мало. Горожане все в большей степени пользовались негодной

³⁷ Известия (Стерлитамак). 1921. 14 апр.

³⁸ Вятская правда. 1921. 9 апр.

³⁹ Уральская новь. 1921. 20 мая; Звезда. 1921. 24 окт.

для питья водой из колодцев, что привело к вспышке брюшного тифа. Нехватка воды и топлива сказывалась и на гигиене тела: банные процедуры часто сводились к размазыванию грязи по телу холодной водой⁴⁰.

Крах коммунального хозяйства отразился не только на внешнем облике, но и на интерьере общественных зданий. Уфимские больницы находились в состоянии, не отвечающем их назначению. Участники осмотра 3-й Совестьской больницы 10 июня 1922 г. увидели картину, привычную со времен гражданской войны:

«1. Все подвальные помещения больницы с марта месяца, вследствие лопнувших в соседних домах водопроводных труб, залиты водой полностью, вода эта начала издавать зловоние. Водой этой заполнены также сточные и выгребные ямы. В поглотительном колодце закишая вода стоит на одном уровне с водой в подвалах, но замечается понижение воды.

2. В нижних этажах больницы воздух сырой, удушливый, и поэтому нижние этажи вовсе нельзя использовать для больницы.

3. Во втором и третьем этажах часть стен мокры и покрыты плесенью. Клозеты переполнены экскрементами и канализация не действует вследствие подпорной воды снизу, вследствие чего испражнения и вода из ванн выносятся ведрами, распространяя всюду зловоние.

4. Несмотря на постоянную вентиляцию и открытые окна, воздух в больнице сырой, с аммиачным газом. Крыши во многих местах и канализационные трубы протекают, потолки и стены в таких местах мокнут и штукатурка грозит обвалиться»⁴¹.

Картину запустения являли глазу и другие губернские центры. Оренбургская пресса в мае 1921 г., сетуя на грязь в городе, язвительно отмечала:

«У нас существуют, наверное, сотни разного рода комиссий, подкомиссий, уполномоченных и даже "чересчур уполномоченных". Но вот кучи мусора на ул[ицах] г. Оренбурга не исчезают, а растут все более и более»⁴².

Летом 1921 г. санитарное состояние города обострилось из-за притока бегущих от голода крестьян Оренбуржья и обитателей соседних губерний. Как писали местные корреспонденты, «...по вечерам по городу, на базарах, на голой земле, в грязи, не разбираясь, лишь бы голову приткнуть, приезжающие — бездомные бедняки, их семьи, часто матери с грудными детьми»⁴³. Год спустя пресса по прежнему фиксировала антисанитарное состояние базаров. К этому времени с периода гражданской войны 20% жилья в Оренбурге было уничтожено, еще столько же — пришло в негодность, в том числе из-за отсутствия водосточных труб, разобранных жильцами на дымоходы железных печей-«буржук»: углы и стены домов из-за подтекания воды промерзали и покрывались грибом⁴⁴. Как символ разорения городской жизни воспринимается труп павшей лошади, который несколько дней осенью 1922 г. пролежал и начал разлагаться на одном из перекрестков Оренбурга⁴⁵.

Челябинск, как и другие города Южного Урала, все более напоминал большую и плохо устроенную деревню. Весной 1921 г. в нем, а также в Миассе, Троицке и Верхнеуральске были организованы коллективные огороды, чтобы несколько смягчить ставшее привычным недоедание. Только в Челябинске этот огород занял площадь в 300 десятин. Зато общественные скверы за ненадобностью были заброшены.

⁴⁰ Известия (Уфа). 1921. 6 мая, 3, 14 июня, 21, 27 июля, 27 авг., 9, 29 окт.; Деревенская газета. 1921. 25 авг.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. 443. Оп.1. Д. 148. Л. 15.

⁴² Коммунар. 1921. 19 мая.

⁴³ Степная правда. 1921. 14 июля.

⁴⁴ Завод и пашня. 1922. 29 июня, 12, 21 июля, 15 авг.

⁴⁵ Степная правда. 1922. 7 окт.

В Пушкинском сквере, например, осенью 1921 г., вместо публики, разгуливали козы, обгладывая деревья⁴⁶.

Быт обитателей горнозаводских поселков был еще более убогим. Собственные дома рабочих находились в ветхом состоянии. Значительная часть рабочих жила в не менее обветшавших заводских домах и бараках дореволюционной постройки. Так, в Чусовском заводе 95% жителей ютились в бараках и других казенных строениях. На 1 — 1,5 м² приходилось семь — восемь человек. Оценка этих мест обитания представителями хозяйственных и профсоюзных органов была лаконичной и безотрадной: «Ветхость. Холод. Сквозняк. Антигигиенично». Уборные и мусорные ямы не чистились годами. В 1922 г. нередко были случаи холеры и тифа. Не хватало бань, умывальников, мыла. Случались драки из-за очереди помыться⁴⁷.

Через полтора года после начала НЭПа большинство населения, пережившее ужасы последних лет, по-прежнему пребывало в нищенском положении. Рабочий Нязепетровского завода Екатеринбургской губернии Д.П. Мухаркин, воевавший в годы гражданской войны на стороне «красных» и вернувшийся в родные места лишь в июне 1922 г., обнаружил картину кричащей бедности:

«Дома я застал свою семью в тяжелом положении. Отец болел раком желудка. Мать, братья и сестры от недоедания находились в состоянии, близком к дистрофии. Урожай стоял еще на корню, и голод продолжался.

Мать со слезами на глазах, как бы извиняясь, говорила мне, что обувь, одежду и все другие вещи, имевшие маломальскую ценность, променяли на хлеб: «Ни у кого из нас не во что ни одеться, ни обуться, променяли даже самовар»⁴⁸.

Убогими были бытовые условия обитателей городов и поселков Южного Урала. В октябре 1921 г. в Оренбуржье, по сведениям ЧК, «условия жизни рабочих, в связи с голодом и по причине бездеятельности комиссии по улучшению быта рабочих во всей губернии (за малым исключением) — невозможны»⁴⁹. На Челябинских угольных копях, как информировал губотдел ГПУ, «...рабочих часто переселяют, и в большинстве живут в землянках, которые нередко под влиянием погоды представляют из себя грязное, мокрое болото, воздух в помещениях сырой, отопления недостаточно, за отсутствием угля и приспособлений»⁵⁰.

Автор по определению сухой сводки о положении на Челябинских копях не смог сдерживать эмоции при описании контрастов в жилищных условиях администрации и рабочих:

«Посмотрите квартиры у администрации и рабочих. Первые живут в отдельных новых дворцах, оградилась частокколами, у них есть мебель, а у рабочего нет даже чайника, чтобы вскипятить воды, и лампы, чтобы зажечь огонь и очистить пищу от тараканов, нет кроватей, и рабочие зачастую валяются на полу»⁵¹.

Нередко города и поселки становились жертвой стихийных бедствий. Ранним летом 1921 г., когда из-за начавшейся жары и ветхого состояния дымоходов участились пожары, выгорела четверть Кыштыма в Екатеринбургской губернии. В огне погибло более 700 домов, много скота и домашней птицы. Без крова остались 1031 семья — 2323 взрослых и 1834 ребенка. Очевидец оставил описание пережившего пожар поселка:

⁴⁶ Советская правда. 1921. 5 мая, 13 ноября.

⁴⁷ См.: Голубцов В.С. Указ. соч., С. 167.

⁴⁸ Мухаркин Д.П. Жизнь у огня: Автобиографический очерк. Свердловск, 1969. С. 28.

⁴⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 77.

⁵⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 116.

⁵¹ Там же. Л. 132 об.

«Въезжаешь в город с грустным гнетущим чувством. Перед глазами безотрадная, унылая картина. Целые ряды улиц выгорели буквально дотла. От домов остались одни печи, от строений — только фундаменты. Деревья и те сгорели. Цветущий город превратился в пустыню»⁵².

Во второй половине апреля 1922 г. в Орске неделю длилось наводнение. Многие жители города, ослабленные голодом, не имели сил выбраться из жилищ. Погибло более 700 человек⁵³. Вскоре беда настигла жителей Катав-Ивановского завода в Башкирии. Из-за непрекращающихся дождей началось наводнение, смывшее посевы, огороды, часть домов. С 15 июля 1922 г. завод пришлось закрыть⁵⁴. Жители, оставшиеся без посева и заводских заработков, были брошены на произвол судьбы.

Неизбежным спутником примитивизации городской и поселковой жизни были вспышки инфекционных заболеваний. На 9 августа 1922 г. в Екатеринбурге и Верх-Исецком заводе с начала летней эпидемии холеры было зарегистрировано 205 случаев заболеваний. Первоначально заболевания отмечались среди чернорабочих и людей без определенных занятий, то есть представителей тех слоев, которые находились в наиболее жалких материальных условиях. Однако с конца июля вспышка холеры захватила и более культурные слои: заболели сотрудник газеты, жена профессора. Выяснилось, что причиной оказалось несоблюдение гигиенических правил, необходимых в холерное время. Заболевшие пили сырую воду, некипяченое молоко, подкрашенную воду и квас с базара, ели непромытые горячей водой овощи и фрукты⁵⁵.

С особой силой эпидемии бушевали на Южном Урале — в регионе, наиболее пораженном голодной катастрофой 1921 — 1922 гг., через который к тому же перекатывались волны беженцев из Европейской России в Сибирь. Бытовые условия беженцев из голодных мест были непригодны для человеческого существования, и места их обитания в южно-уральских городах превращались в источник распространения заразы. Проверив в ноябре 1921 г. беженские бараки близ Оренбурга, губернская ЧК со слов их обитателей узнала, что комендант эвакуационного пункта бывал у них редко, заведующий губэвако и его помощник — не посетили их ни разу. В амбулатории не было ни медикаментов, ни медицинского персонала. Из-за хищения продуктов администрации беженцев получали питание ниже норм и нерегулярно. То, что чекисты увидели своими глазами, было убедительнее всяких жалоб:

«Возле бараков отвратительные грязь и зловоние от выбрасываемых тут же, по поверхности земли, отбросов... В самих бараках ужасная грязь, дым, копоть, воздух заражен человеческим калом и мочой, разлагающимися трупами, лежащими тут же вместе с живыми людьми; вообще, в этих помещениях нет признаков человеческого жилья, жильцы этих логовищ желты, испиты и изнурены, ходят, как тени, среди которых масса больных, большинство женщин и детей стонет в предсмертных судорогах...

Больные дети сидят и лежат среди мертвых тел своих родителей и родственников, трупы которых не убирают целыми днями и неделями. <...>

В одном из сараев лежало около 20 трупов, такое же количество трупов валяется тут же, возле сарая, под открытым небом, которые растаскивают собаки, и всю эту отвратительную картину видят проходящие рабочие главных мастерских, возмущающие[ся] такими действиями властей, причем отпускают по их адресу самые отборные ругательства»⁵⁶.

В Челябинске, а также во всех уездных центрах Челябинской губернии, летом 1921 г. наблюдалось, хотя и в меньших размерах, чем в Уфе и Оренбурге, эпидемия хо-

⁵² Уральский рабочий. 1921. 2 июля.

⁵³ Степная правда. 1922. 26 апр.

⁵⁴ Власть труда. 1922. 2 авг.

⁵⁵ Там же. 1922. 10 авг.

⁵⁶ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 83.

леры. После ее преодоления смертность от инфекционных болезней оставалась на высоком уровне. Только за декабрь 1921 г. в Челябинске от них умерло 664 человека, в январе 1922 г. — в полтора раза больше. Основную массу среди них — до 90% — составляли подобранные на железнодорожных путях и снятые с поездов беженцы из Поволжья и других голодных мест⁵⁷.

Распространению и устойчивости эпидемических заболеваний способствовали систематическое недоедание, вопиющая антисанитария бытовых условий, низкая культура гигиены у населения и слабая медицинская помощь. Не содействовала преодолению эпидемий и неуклюжая пропаганда прививания от инфекций. Так, с 1 июля 1921 г. в Уфе желающие могли получить противохолерные прививки. Однако объявление в прессе, что они изготавливаются из испражнений умерших от холеры, вряд ли могло внушить уфимцам доверие к прививанию⁵⁸.

Уровень заболеваемости опасными для жизни заразными болезнями оставался высоким и в паузах между официально признанными эпидемиями. В октябре 1922 г., например, сообщая в обзоре-бюллетене об отсутствии эпидемических заболеваний, Челябинский губернский отдел ГПУ констатировал наличие 686 больных брюшным тифом, 1267 — сыпным, 214 — возвратным⁵⁹. Такого рода цифры уже не внушали опасений — приливы и отливы инфекционных заболеваний воспринимались едва ли не как норма.

Но плуше всех заразных болезней население в начале НЭПа мучила дороговизна. Темпы ее развития казались невиданными даже привыкшим к многолетней инфляции жителям ранней Советской России. В первой половине 1921 г. цены на продукты питания резко выросли, и в середине августа на московских рынках пуд ржаной муки стоил 170 тыс. р., пшеничной — 230 тыс. р.; фунт ржаного хлеба — 2900 р., пшеничного — 6200 р., картофеля — 900 р., говядины — 10,5 тыс. р., сливочного масла — 23,5 тыс. р., подсолнечного — 19 тыс. р., сахарного песка — 25 тыс. р., соли — 3300 р. В конце марта 1922 г. цены на Смоленском рынке столицы были уже на порядок выше: цена пуда ржаной муки достигла 3,7 млн. р., пшеничной — 8,2 млн. р., картофеля — 3,1 млн. р., фунта сливочного масла — 750 тыс. р., подсолнечного — 450 тыс. р., сахарного песка — 225 тыс. р.⁶⁰

Подобные же тенденции колебания рыночных цен наблюдались и на Урале. С августа 1921 по июнь 1922 г. цены на зерно и муку в Перми повысились в шесть раз, на творог — в 30 — 40 раз, на мясо и яйца — в 50 — 70 раз, на молоко — в 170 раз⁶¹. В Екатеринбургской губернии весной 1922 г., как и в марте 1921 г., наблюдалось резкое повышение продовольственных цен, вызванное распутицей и сокращением крестьянского привоза. При этом заметно понизилось качество муки: чистая пшеничная мука встречалась все реже и была нарасхват. С марта по июль 1922 г. стоимость месячного прожиточного минимума в 3600 калорий в день возросла в 4,4 раза — с 13878 тыс. р. в деньгах 1921 г. до 61632 тыс. р. Крестьянского подвоза на рынки Екатеринбурга по-прежнему не было. Хлеб поступал в губернский центр из Сибири и других мест, среди которых фигурировали даже Москва и Петроград. В ожидании нового урожая цены колебались, рынок нервничал. На продажу выбрасывалась мука низкого качества — смешанная, овсяная, ячменная, суррогатная⁶². В сентябре 1922 г. цены на ржаную муку и хлеб упали, наконец, почти в два раза, однако на такие товары как ситец, мы-

⁵⁷ Советская правда. 1921. 2, 19 авг.; 1922. 26 янв.

⁵⁸ Известий (Уфа). 1921. 3 июля.

⁵⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 127 об.

⁶⁰ Советская правда. 1921. 19 авг.; 1922. 4 апр.

⁶¹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 106 об., 150; Уральский рабочий. 1921. 6 авг.; 1922. 1 июля.

⁶² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 17а — 31а.

ло, соль, сахар они продолжали повышаться, превысив в декабре 1922 г. летние цены в три — четыре раза⁶³.

Аналогичным образом лихорадило рынки Южного Урала. Рыночные цены регулировались стоимостью хлеба. Резкое повышение цен было характерно в последние месяцы 1921 г. для челябинского рынка. В чекистской сводке за 1 — 15 ноября 1921 г. был зафиксирован скачок цен на хлеб с 200 до 260 тыс. р. за пуд, на масло, мясо и дрова — в два раза, на сено — на треть⁶⁴. В связи со слухами о признании Россией довоенных долгов началась очередная волна обесценивания советских денег. Шла лихорадочная скупка сибирских денежных знаков. Обменивавшиеся на рынке первоначально из расчета 1:1 колчаковские деньги, якобы обеспеченные за границей золотом, в связи с чем советская власть расплатится за них с населением звонкой монетой, подорожали в 25 раз⁶⁵. В декабре 1921 г. к старым бедам добавились снежные заносы, парализовавшие движение поездов. Цены на муку в считанные дни, пока поезда и снегоочистители вязли в снегу, подскочили до 1 млн. р. за пуд, фунт печеного хлеба обходился покупателю уже в 26 тыс. р.⁶⁶

На рынке Челябинска, где продуктов становилось все меньше, хозяйничали оптовые перекупщики. Горожане требовали, чтобы оптовикам, используя дореволюционную практику, было запрещено скупать продукты до 12 — 13 часов дня⁶⁷. К лету 1922 г. цены на основные виды продуктов питания в среднем увеличились с начала года в 10 — 15 раз. В августе — сентябре цены несколько сократились, однако в декабре выросли по сравнению с октябрём в два — четыре раза⁶⁸. В государственном информационном бюллетене Челябинского губотдела ГПУ за октябрь 1922 г. отмечалось, что оживление рынка и усилившийся подвоз продовольствия не привели к понижению цен. В документе констатировалось, что государственное регулирование цен, несмотря на создание крупных синдикатов, трестов и торговых организаций, оказалось нерезультативным. Среди причин сохранения и усиления дороговизны назывались инфляция, рост зарплаты и вынужденное использование в промышленности дорогих иностранных материалов⁶⁹.

Дороговизну первого двухлетия НЭПа в полном объеме ощутили и жители Башкирии. Пуд пшеничной муки в марте 1922 г. стоил 3 — 4 млн. р., в апреле — 5 — 8 млн. р., в мае — 13 — 15 млн. р.⁷⁰ В начале октября 1922 г. цена ржаной и пшеничной муки несколько понизилась. Однако цены на картофель, мясо, масло, молоко, мед продолжали расти. В результате ржаная мука вздорожала за 10 месяцев 1922 г. в шесть раз, пшеничная — в восемь, масло, молоко, картофель — в 19 — 20 раз, говядина — в 27 раз⁷¹.

Такие же скачки цен отмечались и в Оренбуржье. Несмотря на удешевление продуктов в связи с урожаем 1922 г., цены на муку в августе — сентябре были в 25 раз выше октябрьских 1921 г., на соль — в 26 раз, на картофель и мясо — в 4,5 раза. В сравнении с концом лета 1922 г. в декабре стоимость простой муки еще раз удвоилась, цена

⁶³ Там же. Л. 8; Уральский рабочий. 1921. 7 авг., 1 сент., 8 окт.; 1922. 10, 21 сент., 19 дек.

⁶⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 88.

⁶⁵ Там же. Л. 59.

⁶⁶ Там же. Л. 99.

⁶⁷ Там же. Л. 117.

⁶⁸ Там же. Д. 499. Л. 57, 61, 78, 124, 152; Д. 504. Л. 31, 44; Советская правда. 1922. 26 янв., 3 февр., 24 июня, 28 окт., 19 дек.

⁶⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 124.

⁷⁰ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 36. Л. 44.

⁷¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 6 об.; Власть труда. 1922. 3 окт.

на сеянку возросла в 2,5 – 3 раза, на яйца – в 1,5 раза. Цена на сливочное масло в последние месяцы 1922 г. оставалась стабильной, на постное масло – понизилась на 44%⁷².

Несмотря на смену государственного экономического курса, население, таким образом, оставалось в тисках прежних проблем.

В скудной и серой жизни, заполненной непрестанными заботами о куске хлеба, досугу и праздникам оставалось мало места. Пытаясь растормошить население от глухой апатии и озабоченности материальными условиями существования, пробудить ощущение целесообразности лишений и страданий, власти организовывали празднования памятных дат революции. Средств на их проведение не жалели. Так, праздник 1 мая 1922 г. в Челябинске сопровождался митингом и парадом, играми, спортивными состязаниями и народными гуляньями. Вечером были устроены собрания, банкеты, заседания. Для рабочих были подготовлены спектакли, митинги-концерты и аналогичные мероприятия⁷³. В середине июля 1922 г. была отпразднована годовщина освобождения Урала от «белых»: 14 июля в летнем саду прошел вечер воспоминаний, на следующий день по сценарию, действовавшему со времен первых праздников революции, были организованы парад и шествие к братским могилам погибших во имя революции⁷⁴.

Наряду с чествованием революционных дат, власти вынуждены были не только терпеть, но и материально поддерживать желание жителей отметить традиционные религиозные праздники. В Оренбурге, например, обладателям продовольственных карточек с литерой «А» в конце апреля 1921 г. выдали 5⁵/₈ фунта белой муки. Совершенно очевидно назначение этой порции: мука предназначалась для выпечки куличей к православной Пасхе, так как одновременно было официально заявлено, что «еврейскому населению мука выдаваться не будет, карточки таковое должно сдать в еврейскую общину»⁷⁵.

Городская публика пользовалась также прежними средствами светского досуга, которые, впрочем, были крайне непритязательны и не очень привлекательны. В Вятке весной 1921 г. работал всего один кинотеатр – «Колизей», – репертуар которого даже не был обозначен с помощью афиш. В результате посещение этого «очага культуры» скорее раздражало, чем радовало зрителей: «...при входе в кинотеатр нельзя узнать, что идет в сегодняшний день, в результате чего, когда погасят электричество и на экране появляются картины, наблюдается массовое бегство уже видевших эту вещь»⁷⁶.

Перевод стрелок на час вперед в апреле 1921 г. сделал посещение спектаклей и концертов в Оренбурге довольно опасным развлечением: начало первого представления в «Кино-Палас» было перенесено с 18 на 19 часов – электростанция отказывалась давать свет раньше – и, следовательно, второй сеанс оканчивался не ранее 23 часов. Поскольку в городе и в начале НЭПа сохранялся комендантский час, зрители рисковали угодить в комендантское отделение⁷⁷.

Обитатели городов и поселков, несмотря на крайнюю ограниченность материальных средств, по-прежнему прибегали к «надежному» способу забыться от тягот повседневного существования – неумеренному употреблению самодельного алкоголя. В чекистской сводке о положении на Челябинских угольных копях в октябре 1922 г. этому явлению было уделено особое внимание:

⁷² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 77 об.; Степная правда. 1922. 25, 31 авг.; Завод и пашня. 1922. 13, 30 сент., 7, 30 окт.

⁷³ Советская правда. 1922. 7 мая.

⁷⁴ Там же. 14 июля.

⁷⁵ Коммунар. 1921. 27 апр.

⁷⁶ Вятская правда. 1921. 25 мая.

⁷⁷ Коммунар. 1921. 19 апр.

«...в результате тяжелого материального положения и в силу других неблагоприятных причин за последнее время на коях наблюдается усиленное пьянство. Самогонка варится не только близ копей, но и в казарменных помещениях. Зачастую пьянствуют ответственные партийные и советские руководители»⁷⁸.

Этот тезис иллюстрировали 43 конкретные факта, которые, по замечанию автора сводки, «составляют незначительную часть тех агентурных материалов, которыми располагает Главное политическое управление». Пьянство среди молодежи сопровождалось хулиганскими выходками, терроризировавшими население. По этой причине, например, жители Уфы по вечерам не рисковали посещать парки⁷⁹.

Будни и праздники горожан и поселковых жителей в первые полтора года НЭПа не претерпели, таким образом, существенных изменений. Нужда, заботы о пропитании, неуверенность в завтрашнем дне оставались лейтмотивами каждодневного существования.

«Нужда чувствуется во всем...»: трудовые отношения. Оценить степень дороговизны жизни на Урале в два первых года НЭПа невозможно, не познакомившись с трудовыми отношениями и уровнем заработка основной массы неземледельческого населения. В условиях перехода к новым хозяйственным отношениям на фоне беспрецедентного развала уральской промышленности оно страдало как от резкого сокращения рабочих мест, так и от неудовлетворительной и нерегулярной оплаты труда. Обратившись в начале 1922 г. с циркулярным письмом «Всем Губкомам и Укомам области», руководство Уральской области констатировало серьезное невыполнение уральскими заводами планов по производству чугуна и сортового железа в январе — октябре 1921 г. и анализировало причины производственных сбоев:

«Причинами невыполнения производственной программы являются: недостаточное питание, отсутствие стимулов к повышению производительности, крайне неустойчивая, вечно опаздывающая за жизнью тарифная политика, полная незаинтересованность рабочих в результатах труда.

Продовольственный кризис, разразившийся в мае сего года, имел явным последствием то, что на 1 августа на Урале не работало ни одной домны, ни одной мартеновской печи, ни одного прокатного стана — явление небывалое в истории Урала за последние 11/2 века»⁸⁰.

Основной причиной производственного кризиса официально признавалась, таким образом, нищенская оплата труда, не компенсировавшая затрат рабочей силы. С 4 августа 1921 г. усиленный паек в Советской России был урезан на треть. В условиях отсутствия достаточных продовольственных запасов государству не оставалось ничего иного, как пойти на сокращение штатов до 40 — 50% и организацию сдельной оплаты. Однако и эта мера не обеспечила норму питания рабочих, установленную Екатеринбургским комитетом по рабочему снабжению. Из официального месячного рациона в 3 пуда муки, 20 фунтов мяса, 2,5 фунта масла, 1,5 фунта сахара, пуд картофеля и 2,5 фунта соли рабочие реально получали в лучшем случае лишь половину. Потребность в перераспределении рабочей силы — в условиях трудовой повинности рабочие бежали с тяжелых работ и переполняли вспомогательные цеха — заставила дифференцировать и это, 50-процентное снабжение рабочих. Так, Екатеринбургское райметаллуправление вынуждено было отступить от нормы 17-разряд-

⁷⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 131 об.

⁷⁹ Известия (Уфа). 1921. 11 июня.

⁸⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 484. Л. 2 об.

ной тарифной сетки и обеспечивать рабочим низших разрядов 40 – 50% продовольственного минимума, а рабочим более высоких разрядов – 60 – 70%⁸¹. Эта мера вызвала тягу рабочих в производственные цеха. Однако авторы циркулярного письма не строили иллюзий по поводу неустойчивости этого эффекта. Они настаивали на том, что «...необходимо как можно скорее переходить на полный прожиточный минимум». Аргумент был прост:

«Опыт показал, что довоенные нормы выработки при 75-ти фун[товом] пайке достигнуты быть не могут и производство приблизилось к ним в некоторых случаях чисто случайно, под влиянием резкого перехода с весьма малого пайка, и в ноябре (1921 г. – И.Н.) на некоторых заводах наблюдается реакция – разочарование, особенно для многосемейного рабочего. Квалифицированные рабочие под всеми предложениями стараются уйти с завода, чтобы лучше обеспечить себя свободным самостоятельным трудом вне завода»⁸².

В начале 1922 г. жалкое положение рабочих еще более усугубилось отменой трудовой повинности. За январь – февраль количество безработных удвоилось, наиболее тяжело поразив промышленные города (Екатеринбург, Пермь) и горнозаводские центры (Нижний Тагил, Златоуст и др.). Среди безработных самыми крупными группами были чернорабочие, металлисты и служащие советских учреждений⁸³. Удержавшиеся на рабочих местах страдали от хронических задержек в выплате заработной платы. С января по сентябрь 1922 г. задолженность, по данным Уралпромбюро, возросла с 29 до 46%. Для покрытия денежного долга использовались натуральные выплаты предметами широкого потребления и продовольствием. В начале 1922 г. денежная часть оплаты труда часто заменялась суррогатами денег – облигациями золотого или хлебного займов; выплаты натурой составляли до 88% заработка, снизившись летом до 50 – 60%. Быстрый рост цен в первой половине 1922 г. съедал и без того мизерные и нерегулярные денежные заработки, составлявшие на Урале 4/5 от зарплаты украинских рабочих. Ситуация не поправилась и в 1923 г.: сохранялась большая задолженность предприятий рабочим, выдачи зарплаты задерживались на два – три месяца. Потеря заработков уральских металлургов от падения курса рубля в 1923 г. составила треть. Средний размер оплаты их труда составлял 46% от довоенного, колеблясь от 41% у чернорабочих до 57 – 60% у квалифицированных рабочих⁸⁴.

В начале лета 1922 г. председатель Уральской областной фондовой комиссии попытался объяснить причины хронической задолженности рабочим. Он видел их в недостатках самой системы выплат и уклонении хозяйственных органов от подписания договоров с рабочими коллективами:

«...если, с одной стороны, издается обязательный минимум (фактически максимум) заработной платы, а с другой – фонд отпускается в размерах, не гарантирующих этого минимума, предприятию остается один выход – оказаться должником рабочих»⁸⁵.

В результате долг по зарплате 3/4 горнозаводских рабочих Урала с ноября 1921 г. прогрессировал. Остро ощущалась задолженность шахтерам. Самая крупная из них – 4 млрд. р. в денежных знаках 1922 г. – болезненно задевала угольщиков Челябинских копей. Крупные суммы государство задолжало к весне 1922 г. рабочим практически всех отраслей промышленности, работникам советских учреждений, милиции и т.д.

⁸¹ Там же. Л. 3.

⁸² Там же. Л. 4.

⁸³ См.: Голубцов В.С. Указ. соч., С. 165.

⁸⁴ См.: Там же. С. 170 – 173.

⁸⁵ Уральский рабочий. 1922. 4 июня.

Материально-продуктовая часть зарплаты также выдавалась нерегулярно и не полностью. Если мясная норма в мае 1922 г. была выдана уральским рабочим вся, то нормы по жирам были распределены лишь на некоторых угольных коях, мука на 40% выдавалась овсом. Председатель фондовой комиссии очертил не очень надежную снабженческую перспективу: был получен годовой наряд на сибирский хлеб, на мясо наряда не было и не предвиделось, на жиры — не было, но ожидался, «...в сахаре категорически отказано, на соль наряды даются, но с большими опозданиями».

Более дифференцированную картину положения рабочих рисовали двухнедельные обзоры-бюллетени Екатеринбургской губернской ЧК. Согласно им, в январе 1922 г. политическое состояние губернии оставалось неблагоприятным. Часть рабочих была удовлетворена ростом зарплаты, но выражала недовольство привилегированным положением служащих и административного персонала предприятий в получении производственной одежды («прозодежды»). Одновременно рабочие и служащие, уволенные по сокращению штатов, голодали. Особенно тяжелым было положение детей безработных. Количество потерявших работу в губернии увеличилось, по официальным данным, с 4311 человек на 1 января 1922 г. до 5660 — во второй половине месяца. При этом реально безработных было значительно больше, так как их основная масса не регистрировалась в надежде найти работу самостоятельно⁸⁶.

В июне 1922 г. Уральское бюро ВЦСПС обследовало положение рабочих Екатеринбурга, в том числе путем анкетирования. На основе опросов была составлена сводка ответов 16 человек. Видимо, она показалась властям достаточно благополучной, чтобы опубликовать ее в печати, несмотря на признаваемую организаторами обследования низкую репрезентативность результатов: «Конечно, по этим ответам нельзя судить об общем положении рабочих, тем не менее мы считаем интересным привести и такую сводку»⁸⁷.

Между тем, обследование показало, что жизнь рабочих оставалась трудной. Рабочие отмечали перебои в снабжении и убогость быта:

«Нужда чувствуется во всем — особенно в одежде, обуви, мыле и керосине — за весь год получили всего 5 фунтов».

«Недостаток во всем, а самое главное — в хлебе».

«Обещались снабжать (дровами — И.Н.) из завода, но что-то не верится...»

«...относительно будущего ничего определенного нет».

«Квартиры есть, но жить из-за тесноты неудобно».

«...имеется квартир 2 (в предприятии всего около 300 рабочих), а удобств нет».

Недостатки трудовой дисциплины и производительности, несмотря на их рост, связывались рабочими с мизерной оплатой труда. По их мнению, производительность была в полтора — три раза ниже довоенной:

«Трудовая дисциплина хотя и есть, но она падает из-за недостатка продовольствия».

«Производительность против мирного времени упала в 1,5 раза».

«...до войны в выборном отделении без помощника один рабочий набивал за 9 часов до 6 ящиков спичек, а теперь с помощником не более 4,5 ящиков».

«Сборка вальце-загибного станка в настоящее время 1,5 месяца, а довоенная производительность 15 дней».

«Нужно чем-нибудь заинтер[есовать] рабочих, и тогда все будет более видно».

«...если бы исправно выдавали, что полагается, то выработка могла бы быть довоенной».

Почти все опрошенные рабочие положительно относились к сдельной оплате труда, но и в ее организации видели ряд недостатков:

⁸⁶ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 9, 18.

⁸⁷ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

«Рабочие (железнодорожных мастерских – И.Н.) относятся безразлично, ввиду того, что работа дается не по отдельности, а на артель».

«Сдельную работу считают лучше, но очень низка расценка».

«Квалифицированным рабочим больше нравится сдельная оплата, а чернорабочим – поденная».

Организация охраны труда оценивалась рабочими положительно: в опасных местах были установлены щиты, а в цехах – вентиляторы, имелись кипятки и мыло, чистые уборные, бесплатная медицинская помощь. Подростки трудились шесть часов, малолетние рабочие – четыре часа. Однако и в этой сфере ситуация была благополучной не везде. На заводе Ятеса, по словам рабочего, «...нет вентилятора, нет и хорошего куба для кипяченой воды»; в железнодорожных мастерских «...нет совершенно мыла, а работа грязная».

Отношение рабочих с администрацией редко можно было признать хорошими. Чаще между ними существовал перманентный конфликт:

«Администрацией рабочие недовольны. Многие не на своих местах».

«Администрацией недовольны за грубое обращение».

«...отношения рабочих с администрацией недоверчивое из-за несвоевременного снабжения продуктами и дензнаками».

Не устраивала рабочих и деятельность профсоюзов, которые воспринимались как «понужало для рабочих». Связи профсоюзных организаций с коллективами или отсутствовали, или сводились к докладам на собраниях.

Зарботки рабочих и служащих не позволяли пользоваться услугами вольного рынка – их хватало в лучшем случае на пуд муки и небольшой «приварок» из других продуктов питания. В связи с этим неизбежным было сохранение «военно-коммунистической» практики выдачи продовольственных пайков по твердым ценам, которые были в четыре – пять раз ниже вольных. Так, в июне 1922 г., когда зарплата рабочих и служащих Екатеринбурга составляла 1,5 – 2 тыс. р., минимальный и обязательный к выплате месячный паек стоил всего 450 – 600 р.⁸⁸ Аналогичная практика использовалась во всех губерниях Урала⁸⁹.

Многое свидетельствует о том, что положение горнозаводских рабочих, обитавших в значительном удалении от основных центров снабжения, в начале НЭПа, как и в период «военного коммунизма», оставалось наиболее тяжелым. Так, рабочие Златоуста к началу 1922 г. не получили зарплату за период со второй половины октября 1921 г. даже по старым ставкам, которые обеспечивали осенью 1921 г. покупку двух – трех фунтов хлеба по рыночным ценам. В информационной сводке-бюллетене Уфимской губернии за вторую половину декабря 1921 г. констатировалось: «...теперь же, если рабочие и получают заработок за три месяца, они не смогут приобрести на него и фунта хлеба»⁹⁰.

Из-за отсутствия продовольствия натуральные выплаты также сокращались. Рабочие Златоустовского, Симского, Миньярского, Аша-Балашовского и Кусинского заводов, получив за декабрь 1921 г. всего по шесть фунтов хлеба, волновались и требовали выдачи продуктов питания. В чекистских документах подчеркивалось, что «несвоевременное снабжение продовольствием и невыплата заработка – главный фактор изменения настроения рабочих в худшую сторону»⁹¹. Недобросовестное отношение

⁸⁸ Там же. 5 июля.

⁸⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 62 об.; Деревенский коммунист. 1922. 5, 9 февр.; Советская правда. 1922. 29 марта, 27 апр., 24 июня, 18 июля, 18 авг.; Степная правда. 1922. 5 июля.

⁹⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 4.

⁹¹ Там же. Л. 10.

рабочих к выполнению своих обязанностей и задержки выплат на месяц и больше наблюдались и позднее. И неудивительно: формально они могли рассчитывать на выдачу от 40 до 80 фунтов хлеба в месяц, однако реально эта норма не выполнялась⁹².

Помимо того, что Южуралправление задолжало рабочим несколько миллиардов рублей, 5 тыс. из 28 тыс. подведомственных этому учреждению рабочих потеряли работу по сокращению штатов. Часть их была переброшена на лесозаготовки и в другие промышленные центры, незначительная часть подалась на заработки в более урожайные губернии.

«...остальные же расплылись по мелким кустарным производствам, мастерским и предприятиям частных предпринимателей или же сами занимаются мыловарением и др[уги-ми] мелкими работами. Есть и такие случаи, что уволенные по сокращению штатов рабочие занялись, как более верным способом наживы, торговлей»⁹³.

Такое «предательство» классовых интересов пролетариата показалось Уфимской губчека удобным поводом упрекнуть рабочих в мещанско-обывательской психологии. Она виделась в том, что обремененные «домашностью», они боялись сдвинуться с места: «Это характеризует большинство уральских рабочих, как оседлых обывателей, более всего интересующихся вопросами желудка, на почве чего и происходят разные недоразумения на заводе». Чекистская аналитика, несправедливо и огульно обвиняя население в иждивенчестве, вместе с тем резонно оценивала поворот к НЭПу как чрезвычайно болезненное для рабочих явление:

«...за последние годы население привыкло только получать от государства, и получать бесплатно, ничуть не стремясь к налаживанию и восстановлению хозяйства и поднятию производства путем продуктивного труда, и переход к новой экономической политике, повлекший за собой безработицу, налоги, вольный рынок с недоступными для рабочих ценами, платой за некоторые выдаваемые продукты из кооперативов, за квартиры, освещение, водоснабжение и т.д., вызывает со стороны рабочих много нареканий, упреков, недовольств и т.д.»⁹⁴.

Опыт вживания в новые условия давался с трудом. Снижение пайка и его дифференциация сопровождалась не только сокращением производительности в промышленности, но и учащением конфликтов между различными категориями рабочих и утратой ими всякого интереса к общественно-политической жизни. Согласно сводкам челябинских чекистов, в апреле 1921 г. наблюдался большой разлад в рабочей среде на бывшем заводе Столля. Его причиной стало выделение в ударную группу 69 квалифицированных рабочих, отличившихся отсутствием прогулов в течение года. Эта группа оказалась в привилегированном положении в отношении снабжения всеми видами довольствия, что и вызывало раздражение других рабочих:

«Между ударниками и остальными рабочими создалась определенная неприязнь друг к другу. В мастерских часто возникают на этой почве ссоры, скандалы, отрицательно влияющие на производительность труда»⁹⁵.

Когда 25 апреля 1921 г. мастер литейного цеха попросил рабочих помочь ударникам, последовал ответ: «Ведь ты сам ударник, сам и помогай». Чекистская сводка сетовала — «все то, что не имеет непосредственного отношения к желудку, не интересует рабочих». В качестве примера фигурировало вялое протекание выборов в фабзавком и горсовет:

⁹² Там же. Л. 14.

⁹³ Там же. Л. 4.

⁹⁴ Там же. Л. 4 об.

«На предложенный на собрании местной комячейкой список кандидатов в горсовет рабочие ответили молчанием. Когда предложили рабочим назначать своих кандидатов, собрание опять молчит, когда, наконец, председатель заявил, что, мол, возражений против предложенного списка не имеется, – опять молчание. В конечном счете – опять недовольство результатом выборов».

На собрание железнодорожников по выборам в горсовет в апреле 1921 г. из 5000 человек явилось всего 500. Аналогичное настроение сопровождало выборы в Курганский горсовет двумя месяцами позже. От объединенных профсоюзов численностью в 2 – 4 тыс. членов явилось от 100 до 300 человек, из которых голосовало всего 50, «...остальные сидели как будто нравственно убитые...»⁹⁶. В сводке за вторую половину июня губернская ЧК отмечала апатию в настроениях рабочих и отсутствие брожений, имевших место в мае: «Кажется, рабочие примирились со своим положением, и только частично приходится выслушивать ропоты на недостаток продовольствия и одежды»⁹⁷.

В последующие месяцы описание в информационных сводках ЧК настроений рабочих и служащих мало чем отличалось от наблюдений предыдущего года. В сентябре 1921 г. Челябинская губчека констатировала:

«Среди рабочих настроение неудовлетворительное ввиду недостатка продовольствия и плохого снабжения прозодеждой. Многие рабочие ходят в изношенных лаптях или совершенно босиком. Производительность труда падает. Отношение рабочих к Соввласти удовлетворительное, к компартии безразличное.

Среди служащих настроение обывательское. Многие служащие стараются отвлечься от работы для того, чтобы другим путем найти средства к существованию, вследствие чего работа во многих отделах сильно запущена. Отношение служащих к Соввласти и компартии безразличное»⁹⁸.

Во второй половине октября 1921 г. положение части рабочих и их настроения как будто бы улучшились, диссонировав с мрачным фатализмом страдавших от усиливавшегося голода крестьян. Вместе с тем, наблюдались все большие различия перспектив существования отдельных категорий рабочих:

«Настроение рабочих и служащих с переходом на коллективное снабжение значительно улучшилось. Получая жалованье по новым ставкам, где рядовой рабочий или служащий получает 456000 рублей, рабочие и служащие вполне обеспечивают себя продовольствием, так как цены на рынках остались теми же, что и были раньше. Другие же квалифицированные рабочие, уволенные по сокращению штатов, организовав артели и организации, обеспечивают себя не хуже первых в продовольственном отношении. Печальное положение только тех уволенных рабочих, которые не знают определенной специальности, т.е. чернорабочих»⁹⁹.

Среди уволенных росло недовольство Советской властью, оставившей их без государственного попечения. Между тем, только в Южной группе угольных копей за сентябрь – декабрь 1921 г. было уволено более 2,5 тысяч (49%) рабочих, преимущественно – неквалифицированных¹⁰⁰.

Перелом настроения рабочих и служащих, отмеченный Челябинской губернской ЧК в октябре 1921 г., уже в следующем месяце оказался иллюзией. Рабочие были недовольны тем, что с ними не рассчитываются по новому тарифу, ограничиваясь авансом в 50 – 100 тыс. р. С наступлением холодов обострилась проблема отоп-

⁹⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 70 об.

⁹⁶ Там же. Л. 131 об.

⁹⁷ Там же. Л. 143.

⁹⁸ Там же. Д. 321. Л. 5.

⁹⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰⁰ Советская правда. 1922. 4 янв.

ления помещений¹⁰¹. В сильные морозы наблюдались невыходы шахтеров на работу из-за отсутствия теплой одежды – это явление квалифицировалось ЧК как «небольшие стачки»¹⁰².

Вместе с тем, существенного спада в настроениях рабочих не происходило: особых перебоев в снабжении продовольствием и одеждой не было, и сохранившие работу горожане могли благословить судьбу, глядя на безвыходное положение потерявших место коллег и мрачные перспективы оставшейся без средств к существованию деревни.

В ноябре 1921 г. дифференциация в снабжении различных групп рабочих еще более усилилась. Так, паек в железнодорожных мастерских составил 22 фунта муки в месяц, дополненный 11 фунтами для семьи. Одновременно союзы печатников и кожевников, перешедшие на коллективное снабжение, получили в ноябре по два пуда муки на семейство из трех человек. Несемейный работник получал пуд муки и мог рассчитывать еще на 20 фунтов в качестве премиальной платы, а в декабре предполагалось повысить паек до 72 фунтов.

В том же чекистском донесении сообщалось, что в Курганском уезде, несмотря на переход к коллективному снабжению, рабочие государственных предприятий не смогли улучшить условия существования, так как отсутствовал и продовольственный фонд, и денежные знаки. Сокращение штатов, прошедшее под лозунгом «чистки рабочих от лодырей и лентяев», не привело к желательному эффекту – производительность труда продолжала падать. Рабочие государственных предприятий, видя, что на кооперативных предприятиях работники снабжаются гораздо лучше, были недовольны и задавались вопросом, не в другой ли республике работают они сами. В Миасском уезде положение государственных рабочих улучшалось: благодаря переходу на сдельную оплату можно было заработать до 70 фунтов муки в месяц. А на Брединских угольных копях разутые и раздетые рабочие питались салом с комками соли и камнями. В Верхнеуральском уезде, где штат служащих был сокращен на 80%, уволенные влачили полуголодное существование. В декабре 1921 г. тарифный вопрос по-прежнему не был решен: рабочие получали лишь маленький аванс¹⁰³.

В начале 1922 г. палитра настроений работающих не претерпела существенных изменений. Рабочие были удовлетворены своевременным снабжением продовольствием в полном объеме, раздражаясь время от времени из-за неравномерного распределения прозодежды. Так, рабочие железнодорожного депо и угольных копей в январе 1922 г. были недовольны тем, что одежда, в том числе полушубки и кожаные куртки, распределялись среди администрации, включая делопроизводителей и машинисток. Но до открытого протеста не доходило: никто не хотел терять работу. В это время из-за сокращения штатов количество безработных оценивалось уже в десятки тысяч. Их положение было безвыходным, поскольку, теряя работу, они не только оставались без средств к существованию, но и лишались квартирного довольствия¹⁰⁴.

Служба в советском учреждении по-прежнему не гарантировала материальной стабильности. В мае 1922 г. в Челябинскую губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию поступило коллективное заявление от 12 сотрудников военно-санитарного подотдела губздравотдела. Ее податели жаловались, что заведующий, несмотря на устные и письменные просьбы, месяцами не выплачивает жалованья. Между тем 7 из 12 авто-

¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 53.

¹⁰² Там же. Л. 118.

¹⁰³ Там же. Л. 54, 57, 58, 117.

¹⁰⁴ Там же. Д. 504. Л. 22.

ров жалобы в мае подлежали увольнению по сокращению штата и опасались, что рискуют остаться без денежного вознаграждения¹⁰⁵.

В связи с сокращениями штатов документы органов политического наблюдения летом 1922 г. фиксировали изменения в отношении служащих, к которым ЧК никогда не благоволила, к своим обязанностям. При этом отмечался прежний недостаток — неаккуратность в выдаче жалования:

«Целый ряд постоянных сокращений освежающе подействовал на совслужащих, на проявление более живой работы, каждый совслужащий, желающий остаться на своем месте и боясь быть уволенным за неспособность к работе, старается во что бы то ни стало поднять свою работу на должную высоту.

Отношение их к Соввласти и компартии удовлетворительное. Настроение благодаря видам на хороший урожай улучшилось. Крупных недовольств не замечается, за исключением разных налогов, а также невыдачей жалования три — четыре м[еся]ца, что сильно влияет на семейных совслужащих. Продовольствием снабжаются аккуратно»¹⁰⁶.

Подводя в октябре 1922 г. итог материальному обеспечению рабочих и служащих Челябинской губернии в первом полугодии, отдел ГПУ констатировал их тяжелое положение в государственном секторе. В среднем рабочий получал в месяц пуд и 25 фунтов муки, 13 фунтов мяса, 2 фунта жиров, 4 фунта соли и 1200 р. жалования. Обеспеченность служащего была более низкой: пуд и 5 фунтов муки, 7,5 фунтов мяса, 1,5 фунта жиров, 4 фунта соли и 438 р. деньгами. По рыночным ценам рабочий мог приобрести на зарплату дополнительно пуд муки или 16 фунтов мяса; служащий — 25 — 30 фунтов муки или 5 — 6 фунтов мяса. Оценивая ситуацию первого полугодия 1922 г., органы политического наблюдения констатировали: «...получая паек и жалование, рабочий и служащий едва мог существовать на них один, а о семье говорить не приходится».

Более надежным было положение тех, кто мог параллельно заниматься сельским хозяйством, однако эта группа была относительно невелика, так как лишь 10% предприятий губернии — заводы горнозаводской зоны — располагали землей. Обеспечение служащих кооперативных и торговых организаций было существенно лучше: они получали ежемесячно пуд муки, 10 фунтов мяса и 2072 р., на которые могли приобрести по рыночным ценам два пуда муки или 27 фунтов мяса. К тому же кооперативы предоставляли своим служащим некоторые продукты и материалы по ценам ниже рыночных. В целом же ситуация в январе — июле 1922 г. оценивалась как тяжелая — материальное положение населения, занятого в неземледельческой сфере, закрепилось на чрезвычайно низком уровне: «Вообще первое полугодие 1922 года было тяжелым для рабочих и служащих, и благополучие рабочих и служащих кооперативных учреждений только относительное, далеко не абсолютное»¹⁰⁷.

Лишь с сентября 1922 г. наметился реальный рост оплаты труда, однако он не коснулся крупных групп рабочих, в том числе шахтеров. Обозначившаяся стабилизация была стабилизацией бедности.

Мизерные заработки рабочих и служащих Урала превращали заботу по добыванию средств к существованию и обеспечению минимальных бытовых условий в наиболее болезненную и насущную, центральную задачу повседневной жизни «маленького человека». Она заслоняла и отодвигала на задний план, как несущественные, все прочие сферы жизнедеятельности, низводя человеческую жизнь до уровня биологического существования, лишая ее социальной значимости, заставляя жить одним днем.

¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 29. Л. 67.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 59.

¹⁰⁷ Там же. Л. 117.

Наличие или отсутствие хлеба, сытость или голод были основными ориентирами, определявшими настроение и поведение людей в начале НЭПа.

Продналог: антипод или близнец продразверстки? Если материальная жизнь городского населения в первые месяцы НЭПа оказалась замороженной на предельно низкой отметке, то для сельских жителей 1921 — 1922 гг. стали трагическим временем. Питаемое прежним опытом недоверие крестьян к советской власти, неурожай 1921 г. и некомпетентность сборщиков продналога соединились самым неблагоприятным для деревни образом, сделав крестьянскую жизнь невыносимой.

Уже поздней весной — летом 1921 г. у селян были все основания для недовольства НЭПом и самых мрачных ожиданий. Виды на урожай в Вятской губернии еще в июне вселяли отчаяние. Засуха охватила юг губернии — Яранский, Уржумский, Малмыжский и Советский уезды. Заполыхали лесные пожары, горели ржаные поля. К началу июля пропало почти 2/3 озимых в Котельничском уезде. Яровые раннего сева выпадали, яровые среднего сева взошли наполовину и стояли «в иголках», поздние яровые почти не взошли. Сказывалось не только отсутствие дождей в мае — июне, но и засуха осени 1920 г. В начале июля 1921 г. прошли дожди, потушив июньские пожары. В Уржумском уезде с 20 по 29 июня дождь сопровождался градом, нанесшим большой ущерб крестьянским полям. Оставшаяся незрелой рожь снималась в начале июля и перемалывалась на низкосортную муку¹⁰⁸. Удрученные неурожаем, крестьяне Уржумского уезда с июня начали требовать у волисполкомов хлеба. Привозимый в деревню хлеб распределялся уравнительно — по 1,5 фунта на человека. Трудовая повинность вызывала ропот, наряды на подводы выполнялись охотно только при предоставлении хлеба, в противном случае приходилось применять силу¹⁰⁹.

Для жителей Малой Башкирии и Вотской автономной области смена государственного курса по отношению к деревне также была омрачена ожиданием небывалого неурожая вследствие длительной — с лета 1920 г. — засухи. В Селтунском уезде Вотской области с 1 июля 1920 г. и вплоть до снега не было осадков, снег лег на сухую землю. Половина озимых не взошла. Малоснежная зима усугубила положение. Наконец, когда в апреле 1921 г. озимые стали давать всходы, вместо весенних дождей задули сухие ветры. Озимые погибли полностью, остальные всходы погибли наполовину. В результате к моменту уборки озимых поля были покрыты лебедой, более высокие места стояли совершенно голые. Крестьянам было не до тонкостей продналога и «новой экономической политики» — они запасались гнилушками, семенами лебеды и прочими суррогатами в ожидании жестокой голодовки¹¹⁰.

Пессимистические предчувствия рождало объявление продналога в южно-уральском крестьянстве и казачестве. В сводке Челябинской губернской ЧК за вторую половину мая 1921 г. сообщалось, что «декрет о продналоге понимается как продразверстка и даже еще хуже». В мае — июне в Верхнеуральском, Троицком и Курганском уездах вновь оживилось повстанческое движение, не приняв, правда, размеров начала 1921 г. Ожидание прихода повстанцев в ряде станиц Троицкого уезда было пресечено в июне взятием заложников. Впрочем, действия повстанцев зачастую отбивали у сельских жителей охоту сотрудничать с ними. Так, в Брединском поселке, где к «банди-

¹⁰⁸ Вятская правда. 1921. 1, 9, 10, 13 июля.

¹⁰⁹ ГАКО. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 310. Л. 1.

¹¹⁰ Ижевская правда. 1921. 9 авг.

там» первоначально относились доброжелательно, они разгромили железнодорожный кооператив и многолавку, сожгли железнодорожный мост, отбирали у жителей лошадей и овец. Все это вызвало у местных казаков враждебные чувства: собравшись на общее собрание, они заявили повстанческому отряду, что те «действительно бандиты и расхитители народного достояния». Грабежи и убийства перемежались с массовыми кражами скота и хлеба. В Миасский уезд регулярно наведывались вооруженные группы, преимущественно башкир, по три — пять человек, которые нападали на поля, отбирали у крестьян продукты и скот, а затем скрывались в кантонах Башкирии¹¹¹.

В июне 1921 г. после засушливого мая в Челябинской губернии прошли хорошие дожди, вселявшие некоторые надежды, утраченные к концу месяца. В северо-восточной части Верхнеуральского уезда, по данным сводки ЧК за 16 — 30 июня, «хлеб и травы почти выгорели, часть хлебов не взошла, а часть съедена кобылкой». Такая же картина наблюдалась и в Миасском уезде. Если в Челябинском уезде выпавшие в конце июня, после двухнедельной жары, обильные дожди позволяли надеяться на появление хлебов хотя бы в западной части уезда, то в Троицком уезде июньская засуха вызвала падеж скота:

«Скот за неимением свежих трав питается выгоревшей травой и, дыша пылью, получает воспаление легких и подыхает. <...> По этой же причине крестьяне убивают скот для еды».

Составитель сводки приходил к безрадостному заключению:

«Настроение крестьянской массы благодаря голоду и окончательной утрате надежды на урожай хлебов от обостренного перешло к апатии. Всюду наблюдается какая-то пришибленность, ничем не интересуются, у всех один вопрос — “хлеб”»¹¹².

К концу июля в Верхнеуральском и Троицком уездах погибли все всходы. Дожди в Миасском уезде позволяли надеяться на урожай, который, однако, погубили ранние заморозки. Выгорела половина посевной площади в Куртамышском уезде. В Челябинском уезде неурожай постиг более десяти волостей. Даже в Курганском уезде, на который возлагались особые надежды, были выгоревшие волости¹¹³.

В июле население Троицкого уезда спешно уезжало в Семиреченскую и Акмолинскую области. Фонд хлеба на весь уезд составлял всего 300 пудов, и никакой надежды на скорую его доставку не было. В Верхнеуральском уезде люди побросали свои хозяйства и вереницами в 20 — 30 семей уезжали за Тобол и в Оренбургскую губернию. Перед отъездом скот забивался на мясо: за крупную корову или лошадь можно было выручить всего два — четыре пуда хлеба, за мелкий скот — 10 — 20 фунтов за голову¹¹⁴.

В Оренбуржье, куда в июне хлынули беженцы из Самарской и других соседних голодающих губерний, доброжелательное отношение к продналогу наблюдалось только в тех немногих районах, где сохранился хлеб прошлого урожая. Преобладали совершенно иные настроения, о которых в июне сообщали местные сводки ЧК:

«Отношение крестьян к Советской власти не изменилось, в лучшем случае крестьяне равнодушны к власти. В большинстве же крестьянство настроено враждебно к Советской власти и не доверяет ей. Среди них даже носят слухи, что введение продналога — обман, и как только хлеб уберут с полей, Советская власть отменит продналог и опять введет продразверстку. Советскую власть крестьяне считают временной и все ждут перемены власти. Задач и смысла Советской власти они не понимают»¹¹⁵.

¹¹¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 98, 101 об., 103, 130, 143, 144.

¹¹² Там же. Л. 145.

¹¹³ Там же. Д. 451. Л. 131.

¹¹⁴ Там же. Д. 344. Л. 149 об., 150.

¹¹⁵ ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 102 об.

Следует, впрочем, признать, что опасения крестьян в отношении продналога были вызваны не классовой заскоруждостью, не социально-групповыми предрассудками, а диктовались здравым смыслом. В условиях неурожая необходимость расстаться с частью скудных продовольственных запасов воспринималась как бедствие, а опыт прежних реквизиций продуктов питания рождал законное сомнение в способности государственных заготовителей быстро перейти на иные методы работы с крестьянством, чем апробированные в прошлые годы. Вскоре эти сомнения подтвердились самым горьким образом.

С 1 мая 1921 г. в Уфе начал выходить «Бюллетень народного комиссариата продовольствия Башкирской ССР». Цель этого периодического издания нормативных документов была благая — «в корне уничтожить для продработников законную, если можно так выразиться, неосведомленность в области современной продовольственной политики»¹¹⁶. Однако появление этого издания и прочие популяризации продналога были не в силах остановить самоуправство и ложные интерпретации смены курса на местах. Так, в мае 1921 г. Мишкинский райпродком (Челябинская губерния) неправильно обложил крестьян налогом, обязав их сдать по 20 яиц с курицы, в то время как декрет СНК предусматривал сбор пяти яиц с десятины посева с учетом наличной птицы. У крестьян было свое объяснение самовольного нарушения декрета: «Ворон ворону глаз не клюет»¹¹⁷.

Летом — осенью 1921 г. возобладала практика насильственного сбора продналога, без учета возможностей крестьян. Это превращало продналоговую кампанию в абсолютное подобие прежних разверсток. Более того, насильственное взимание налога в условиях жесточайшего неурожая делало налог страшнее всякой продразверстки.

С июня 1921 г. на крестьянство Екатеринбургской губернии всей тяжестью навалился репрессивный аппарат, насильно выжимая продналоги — в деревне работали специально созданные продналоговые выездные сессии губернского революционного трибунала, особые сессии губернского совета народных судей, уездные бюро юстиции, участковые народные суды. В качестве мер наказания применялись строгие общественные выговоры, исправительные работы с лишением и без лишения свободы, конфискация имущества и продуктивного скота, выселение из пределов губернии, условные осуждения с определением точного срока внесения налога. Действия продработников и судов были непредсказуемыми: злоупотребления должностных лиц чередовались с полным или частичным снятием налога с должников, что также являлось нарушением законодательства, и отсутствием различий в наказании «злостных» неплательщиков и опоздавших внести налог или предъявить квитанцию о его внесении¹¹⁸.

Летом 1922 г., объясняя причины страшного голода в одной из полурабочих — полукрестьянских волостей Екатеринбургской губернии, официальная пресса без обиняков называла в качестве главной причины насильственное проведение продналога:

«Сейчас над всем царит голод. Еще с осени 70 домохозяев снялись с насиженных мест и уехали “в крестьяне” — в Сибирь. Волость не считалась голодающей и выполнила 70 – 90% продналога: сорок семь пуд[ов] масла, двадцать пять пуд[ов] шерсти, триста пуд[ов] мяса, десять тысяч пуд[ов] сена, триста п[удов] хлеба и др. Вряд ли можно объяснить взимание такого значительного продналога с волости, объявленной в апреле голодающей, иными причинами, кроме ржавого бюрократизма, который так трудно вытеснить в советской машине»¹¹⁹.

¹¹⁶ Бюллетень народного комиссариата продовольствия Башкирской ССР. 1921. 1 мая.

¹¹⁷ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 179.

¹¹⁸ См.: Кривоногов В. В. К вопросу о продналоговой кампании в Уральской деревне летом и осенью 1921 года (На примере Екатеринбургской губернии) / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963. С. 192 – 200.

¹¹⁹ Уральский рабочий. 1922. 14 июня.

Сбор налога вызывал различные реакции в Пермской деревне. Проведенные в волостях Чердынского уезда беспартийные конференции отразили широкую палитру крестьянских настроений. В одних случаях принимались решения о сдаче в срок 100% продналога. В других, видимо, опасаясь произвола, крестьяне решали «просить уездные организации в момент взимания налога высылать агитлистовки, продработников высылать честных, добросовестных и преданных советской власти». Изредка случались эксцессы, объясняемые чекистами «контрреволюционным составом» собраний. Так, собрание крестьян Морчинской волости оглашалось выкриками:

«Долой коммунистов!»

«Во всей разрухе виноваты коммунисты. Коммунисты нас обманывают и дерут с нас по 10 шкур своими разными налогами!»

«Не будем больше давать ничего, если вы, коммунисты, с нами не считаетесь, то не для чего нас собирать»¹²⁰.

К январю 1922 г. под влиянием насильственной «выкачки» продналога в бедственном положении оказалось крестьянство Уфимской губернии. Крестьяне винили советскую власть и коммунистическую партию в том, что те довели страну до обнищания. Враждебное отношение к властям было обусловлено тем, что сбор налогов производился в основном за счет беднейшей части населения, которое, по признанию ЧК, «под страхом ареста и суда Ревтрибунала продавало последний скот, отдавало последнее продовольствие, само питаясь суррогатами». Настроение крестьян в январе 1922 г., после сдачи продналога, характеризовалось Уфимской губернской ЧК следующим образом:

«Настроение крестьян в связи с развивающимся голодом становится ужасным. Говорить о том, как они реагируют на новую экономическую политику и т.д., не приходится. Голод, все более и более забирающий их в свои лапы, окончательно атрофировал их мыслеспособность. Только в одном направлении мысль работает усиленным темпом: как бы обеспечить себя куском хлеба или чем-либо, заменяющим этот жизненный продукт. В настоящий момент для них совершенно безразлично: кто стоит у власти, какие мероприятия проводятся в жизнь, какую новую политику выдумало правительство, чтобы облегчить положение Советской Республики – за одним они только следят с захватывающим интересом – это за тем, что предпринима-ется властью для сокращения ужасного голода»¹²¹.

Немногом лучше было положение сельских жителей в Оренбуржье. Государственная информационная сводка Киргизской краевой ЧК в октябре 1921 г. констатировала: «Отношение крестьян Оренбургского района к продналогу недоброжелательное». Менее месяца спустя органы политического наблюдения сообщали: «Настроение населения всей губернии вообще, в связи с голодом, крайне подавленное». Крестьяне и казаки Исаево-Дедовского и Илецкого районов враждебно относились к советской власти и коммунистам, население Петровского района окончательно отказывалось платить продналог. Причина была та же, что и в других местностях Урала: средний урожай зерна с десятины в губернии не превышал четырех – пяти пудов, и крестьяне уже в ноябре должны были питаться лебедой, катунем и другими травами, резать на мясо скот – в том числе лошадей¹²².

Болезненно проходил сбор продналога в Челябинской губернии. Командированный летом 1921 г. в Верхнеуральск член губисполкома и уполномоченный губпродсовета С.К.Алексеев докладывал о полном застое в работе уездного продовольственного комитета. Беседовавшие с ним крестьяне пытались убедить высокого начальни-

¹²⁰ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 80. Л. 22.

¹²¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 10 об. – 11.

¹²² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233, Л. 77, 83, 84.

ка в неудачном выборе времени для сбора продналогов: «...если бы к налогам на масло, яйца, шерсть приступили раньше, было бы лучше: у нас был хлеб, коровы давали больше молока, куры уже перестали нестись, весенняя стрижка шерсти израсходована на свои нужды»¹²³.

12 августа губком партии обратился с письмом «Всем уколам РКП[б] и членам губкома РКП[б]», в котором уверял в необходимости созыва пленума организации для обсуждения наиболее актуальных проблем: «Сбор продналога, организация осеннего посева, помощи голодающим — это наипервейшая боевая задача». Любопытно, что организация помощи голодающим была поставлена в перечне «первоочередных боевых задач» на последнее место. Губернскому руководству еще были неясны виды на урожай и размер бедствия в регионе. Только этим можно объяснить то, что на пленуме предполагалось «выяснить возможность сбора пожертвований или хлеба для голодающего Поволжья»¹²⁴.

В том же месяце губернское начальство забило тревогу: контуры неурожая достаточно прояснились, чтобы невозможность справиться с заданиями по продналогу стала очевидной. В конце августа губком партии задержал проезжавшую через Челябинск в Кустанай комиссию ЦК помощи голодающим (Помгол) для обследования неурожайных уездов губернии. Дальнейшее описано в докладе Челябинского губкома, составленного для областного совещания при Уральском бюро ЦК РКП(б):

«Между тем, все уезды губернии Совнаркомом были признаны по первому разряду урожайности, в то время как большая часть губернии не только не собрала семян, но и не смогла заготовить достаточного количества суррогатов для того, чтобы обеспечить себя от голодной смерти, так как все травы выгорели.

Комиссия Цека Помгола правильно сравнивала Троицкий и В.-Уральский уезд с голодными уездами Самарской губернии. Несмотря на это, центр не хотел даже слушать того, что[бы] половину Челябинской губернии признать голодающей и снять государственное задание по продналогу. Потребовалась посылка 2-х комиссий во главе с предгубисполкомом и цифровыми фактическими данными, что у нас действительно настоящий голод и что нужна помощь, наконец удалось добиться признания трех уездов голодающими, но, несмотря на нашу информацию в центр, в центральных газетах ни звука о том, что у нас голод, как будто бы Челябинская губерния обречена на вымирание»¹²⁵.

Лишь 8 декабря 1921 г. на заседании президиума ВЦИК была принята контрольная цифра по продналогу с Челябинской губернии — 1012 тыс. пудов или 51% от первоначального задания наркомпрода. По поводу исчисленной Челябинским губисполкомом реальной цифры продналога (832600 пудов) было заявлено, что дальнейшее понижение задания невозможно¹²⁶.

Между тем, сбор продналога осенью 1921 г. шел полным ходом. В начале сентября начальник Куртамышского политбюро¹²⁷ телеграфировал в Челябинск, что проведение продналога в условиях голода обостряет недовольство крестьян. Сельские партийные ячейки, по его словам, ходатайствовали об отмене продналога всех видов. Тем временем голод охватывал все большую часть населения, имелись случаи голодной смерти¹²⁸. В Челябинском уезде наблюдалась аналогичная картина. По информации губчека, «находясь в критическом продовольственном положении, население стало вы-

¹²³ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 407. Л. 49.

¹²⁴ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 304. Л. 27.

¹²⁵ Там же. Д. 451. Л. 131.

¹²⁶ Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 407. Л. 174.

¹²⁷ Политбюро — уездные организации ЧК — были введены 12 июля 1921 г.

¹²⁸ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.

носить постановления об отмене продналога». Крестьяне Каменской волости, желая, чтобы их ходатайство о снятии с них продналога было убедительным, избрали волостную комиссию по осмотру урожая 1921 г. Результаты проверки оказались впечатляющими: весь урожай злаковых культур волости составил 20989 пудов — в среднем по 2 пуда 20 фунтов с десятины. При населении 9500 человек получалось, что в сентябре 1921 г., еще до сдачи продналога, на одного жителя волости до нового урожая приходилось всего два пуда зерна. Прожить с таким запасом до следующего лета было нельзя¹²⁹.

Сентябрьская информационная сводка Челябинской губчека о настроениях сельских жителей Миасского и Троицкого уездов сообщала следующее:

«Население недовольно проведением продналога, указывая, что продналог ни в чем не отличается от продразверстки, потому что в настоящее время требуют выполнения, хотя нет до отдачи, не принимая во внимание никаких заявлений от того или иного хозяйства»¹³⁰.

Как бы ни хотели чекисты интерпретировать недовольство крестьян НЭПом их «шкурными интересами», картина бедствий деревни оставалась пронзительно трагичной. Ранней осенью 1921 г. наметился очередной и последний в рамках рассматриваемого периода подъем вооруженного сопротивления крестьян мероприятиям советской власти. По словам населения, в Троицком уезде в сентябре действовало повстанческое объединение численностью до 300 человек. Вновь ожило повстанчество и в Курганском уезде:

«Бандитизм в Курганском уезде не изживается, а наоборот, продолжает постепенно развиваться. Бандиты оперируют в северных волостях, в местностях, где население таковым сочувствует, особенно в момент изъятия продналога»¹³¹.

Автор сводки оценивал настроение крестьян как «затаенно-выжидательное», констатируя, что «...вся жизнь, как крестьянского населения, так и рабочих сводится к одному — поискам продовольствия»¹³².

В связи с недостаточно активным сбором продналога — к началу октября 1921 г. в Челябинской губернии было собрано менее 10% от плана — губком РКП(б) направил уездным комитетам партии циркуляр о продлении продналоговой кампании до 1 ноября. Предлагаемые документом меры по активизации сбора продналога явно опирались на опыт донэповских продовольственных реквизиций:

«а) Немедленно пересмотреть все брошенные райкомом силы по проведению продналога, изъять из них все колеблющееся, все мягкотелое и негодное вообще к проведению твердой линии поведения в деле проведения всех распоряжений по сбору продналога. И заменить этих работников сейчас же лучшими силами района, бросив их на продмесячник, не останавливаясь даже перед закрытием отделов исполкомов.

б) Обратить самое серьезное внимание на работу соворганов, связанных с проведением продналога, и на ячейки, искореняя в корне халатное отношение коммунистов к сбору продналога. Чем и объясняется общий застой в проведении продналога.

Указать членам партии ваших ячеек, что активно проявившие себя ячейки и сельсоветы на местах будут премированы за их работу, путем занесения их на красную доску и выдачи всевозможных премий материального характера.

Всех же умышленно саботирующих уком предлагает привлекать к самой тяжчайшей ответственности, предавая их суду выездной сессии Ревтрибунала»¹³³.

¹²⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 6.

¹³⁰ Там же. Л. 8.

¹³¹ Там же. Л. 12.

¹³² Там же. Л. 13.

¹³³ Там же. Д. 304. Л. 38.

При проведении «агитации» в пользу сдачи продналога рекомендовалось предупредить, что «если волость или село откажется, будут введены воинские части, которые будут содержаться за счет населения данного села». Ответственность за успех кампании возлагалась на укомы.

Нажим на местных работников мало способствовал успеху. Сумятица в сборе продналога только возросла. Уполномоченный губчека по проведению продналога в Челябинском уезде в середине октября 1921 г. докладывал о суматохе, неопытности продработников, непонимании населением смысла продналога и бестолковости распоряжений. Списки плательщиков постоянно переписывались, у крестьян не было уверенности, что после сбора налогов с них не будут взимать дополнительно, так как размеры налогов изменялись по несколько раз. В докладе обращалось внимание на то, что «...с выполнением молочного продналога получается скверное положение: время упущено, а нажим идет во всю, что напоминает населению не продналог, а разверстку...»¹³⁴.

Насилие заменяло всякую экономическую целесообразность. В то время как крестьяне намолачивали всего 40 — 50 пудов зерна, продналог доходил до 60 — 70 пудов: чтобы выполнить налог, крестьянам не оставалось ничего иного как отдавать не только весь урожай, но и дополнительно занимать хлеб¹³⁵. Чекистские сводки откровенно констатировали: «На мобилизованных на продработу коммунистов население смотрит, как на старых жандармов»¹³⁶.

Положение рядовых сельских советских и партийных работников поздней осенью 1921 г. было столь же безысходным, как и рядовой массы деревенских жителей. В сводке губернской ЧК за 15 — 30 ноября было приведено письмо председателя сельсовета села Пискалова Челябинского уезда, члена РКП(б) Ф.Т.Давыдова:

«Работаю не покладая рук, с начала революции 18 месяцев состою председателем сельсовета. Проводил разверстку, продналог, выполнял целый ряд государственных заданий. За три года существования Соввласти сам заплатил триста пудов хлеба, отдал одну корову, отдал 17 фун[тов] шерсти и 22 фунта масла, имел хозяйство 3 лошади и 3 коровы, 12 шт[ук] овец, теперь имею 1 лошадь, одну корову и 2 овцы плюс ко всему 9 чел[овек] семьи. Хлеба не ел уже два с половиной месяца. Находясь на советской работе, не имел возможности заготовить суррогатов. Паяк не получал и не получаю. Теперь создалось такое положение — не имею возможности работать, также и с большим семейством не имею возможности даже и жить. Я должен погибнуть с семьей с голоду, что делать дальше? Товарищи, помогите!»

Комментируя этот крик о помощи, составитель сводки резонно отмечал:

*«Но кто ему поможет? Кулаки на это говорят — брал разверстку, кричал за Соввласть, вот теперь знай Советскую власть. Случаев таких можно привести много, которые говорят о безвыходном положении рядовых работников»*¹³⁷.

С помощью репрессий к 21 ноября 1921 г. из крестьян Челябинской губернии удалось выбить 33% продналога. Выездная сессия ревтрибунала с 5 октября по 5 ноября отправила, преимущественно из Куртамышского уезда, в концлагерь 275 человек, условно осудила 695. У 52 крестьян было конфисковано имущество реально, у 150 — условно. Был увеличен платеж для 283 человек. Под воздействием репрессий «...население стало быстро платить налог, отдавая последнее и даже покупая на рынке»¹³⁸.

¹³⁴ Там же. Д. 401. Л. 135.

¹³⁵ Там же. Д. 321. Л. 37.

¹³⁶ Там же. Л. 41.

¹³⁷ Там же. Л. 53.

¹³⁸ Там же. Л. 54.

Насилие над крестьянством не прекратилось и зимой 1921 – 1922 гг. Так, 25 декабря в село Птичье Верхнеуральского уезда прибыл продотряд, который арестовал за неуплату продналога 42 жителя. Арест сопровождался издевательствами и унижениями: 27 – 28 декабря арестованные провели 16 часов в помещении в 120 кубических аршин, тут же отправляя естественную нужду. Среди них были женщины и дети, накануне ходившие побираться. Крестьяне жаловались на грубость и злоупотребление властью со стороны руководителя этой акции, инспектора ударно-боевой подгруппы Ишакова:

«Обращается гр. Ишаков с гражданами всегда с насмешкой и площадной бранью. Списки на неплательщиков составлялись под угрозой предания председателя суду ревтрибунала, если он не укажет, что тот или иной гражданин злостный неплательщик. Из-за этого в настоящее время сессией ревтрибунала присуждены к конфискации имущества действительно такие граждане, которые питаются одной травой»¹³⁹.

Несмотря на неурожай и признание уезда голодающим, сбор продналога продолжался. В других уездах, где урожай был ниже среднего, сбор налога также осуществлялся как со среднего или даже более высокого урожая. Крестьяне роптали на налог и семенную ссуду, но отдавали весь собранный хлеб, питаясь суррогатами и мясом¹⁴⁰.

Оглядываясь назад, ГПУ Челябинской губернии весной 1922 г. в докладе секретарю губкома партии признавало, что в феврале 1922 г. крестьянство было в высшей степени озлоблено на советскую власть и коммунистов, и объясняло, почему дело не дошло, как годом ранее, до массового крестьянского сопротивления:

«Непосильный продналог, при наличии неурожая, выкачивался репрессивными методами. Действия продработников и выездной сессии (ревтрибунала – И. Н.), нередко неправильные, еще более возбуждают крестьян, и если не произошло восстаний, то, надо думать, исключительно потому, что население получило хороший урок в 1921-м году. Помощь, оказываемая голодающим, была ничтожной. Население, питавшееся еще с осени суррогатами, было истощено, ослабший организм легко воспринимал различные болезни, и эпидемии тифа, голодного, – свирепствовали повсюду»¹⁴¹.

Автор доклада признавал, что НЭП для крестьян в принципе выгоднее прежнего курса, поскольку позволяет им распоряжаться излишками своей продукции. Однако как раз этой выгоды сельское население в 1921 г. ощутить не могло: «Но дело в том, что излишков этих не только не было, но не было и достаточных ресурсов уплатить продналог, и крестьянство было принуждено отдать имущество, инвентарь, все хозяйство на уплату продналога».

Задним числом продрозверсточную сущность продналога 1921 г. признал и Челябинский губком РКП(б). В докладе Уральскому областному партийному совещанию, составленном в 1922 г., констатировалось:

«Продналог оказался непосильным для большинства крестьян. Налоговая система с обилием налогов, при той пестроты урожая, какая наблюдалась в Челябинской губернии, вызвала много ошибок, для значительной части населения продналог был не легче продрозверстки. Установлены многочисленные случаи, когда крестьянин, чтобы уплатить налог, вынужден был продавать лошадь, корову, чтобы купить хлеб и уплатить продналог. Многие хозяйства остались разоренными...»¹⁴².

Лишь во второй половине марта 1922 г. сбор продналога был приостановлен, недоимки были перенесены на осень 1922 г., усилилась помощь голодающим, чему спо-

¹³⁹ Советская правда. 1922. 15 марта.

¹⁴⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 54. Л. 19.

¹⁴¹ Там же. Л. 104.

¹⁴² Там же. Д. 451. Л. 125.

собствовало прибытие международных организаций помощи, началась выдача крестьянам семенного материала¹⁴³. Однако десятки тысяч крестьян Челябинской губернии, сотни тысяч крестьян Урала этой помощи не увидели, не дожив до весны, погибнув от голода и болезней.

Продналоговая кампания 1921 г. превратилась для уральского крестьянства в кошмар, превзойдя самые мрачные прогнозы. Однако трагическая ситуация была воспринята ими на этот раз со смирением: не столько «репрессивные уроки» 1920 — 1921 гг., сколько физическое истощение, сломленность духа, страшное испытание голодом лишали сил к массовому сопротивлению. Хладнокровное избирание деревни в условиях неурожая и отсутствия запасов продовольствия толкнуло крестьянство в объятия голодной катастрофы.

Погружение в голод (осень 1921 — зима 1921/22 гг.). Таким образом, голод обрушился на регион отнюдь не внезапно. К осени 1921 г. население городов и поселков Урала страдало от хронического недоедания уже ряд лет. На национальных окраинах Урала — на территориях Малой Башкирии и будущей Вотской области — сельские жители стали жертвами жесточайшего голода с весны 1920 г. Первыми его мукам подверглись татаро-башкирские деревни, не знавшие традиции разведения огородов: разверстка 1919 г. лишила их мучных запасов, отсутствие которых нельзя было хотя бы отчасти компенсировать овощами¹⁴⁴. Последовавшие засуха и разверстка 1920 г., неурожай и хладнокровное изъятие продналога 1921 г. довели разорение деревни до конца. Уфимский губпомгол особо подчеркивал, что население Поволжья голодало с лета 1921 г., а жители Аргаяшского кантона — с ноября 1920 г. Осенью 1921 г. уже 99% населения кантона питалось суррогатами, 97% — голодало; губпомгол констатировал, что оно «безропотно и молчаливо тысячами вымирает»¹⁴⁵.

Треть сельских жителей Башкирии с весны 1921 г. питалась суррогатами с незначительными добавками или без добавок муки, в результате чего в башкирских селах свирепствовали холера и желудочные заболевания со смертельным исходом. Протокол заключительного заседания ВЦИК с представителями Башкирского обкома РКП(б) и Башкирского СНК еще в сентябре 1921 г. фиксировал страшные последствия голода:

«Особенно сильно страдают и гибнут дети. Нередко сами родители приводят своих детей в более или менее крупные административные центры и там бросают их на произвол судьбы. Детдома, приюты, детские площадки, школьные столовые, питавшие до июня с/г 139902 ребенка, за отсутствием продовольствия повсеместно закрыты, и в настоящее время осталось всего около 5000 человек, из которых 3500 чел[овек] находятся в городе Стерлитамаке и его районах. Что же касается школ, то они закрыты повсеместно, так как учителя, не получая ни денег, ни продовольствия, не имеют фактической возможности заниматься»¹⁴⁶.

Обстоятельный доклад по результатам обследования Башкирии в ноябре 1921 г. отражал продолжение голодного бедствия в республике:

«Питается население: более зажиточная часть лебедой, остальное население — лебедой, смешанной с лебедовой мякиной; корой ильмы, глиной, опилками молодой березы; рябиной, желудями и всякими другими корнями. Кошки и собаки съедены»¹⁴⁷.

¹⁴³ Там же. Д. 504. Л. 105.

¹⁴⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 28 об.

¹⁴⁵ Там же. Д. 50. Л. 32.

¹⁴⁶ Там же. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 1350. Л. 25.

¹⁴⁷ Там же. Д. 472. Л. 37.

В 25 – 26-градусный мороз женщины уходили в лес на поиски кореньев. Наиболее тяжелым было положение в горных кантонах, где жители не знали земледелия или занялись им недавно, вследствие чего к ноябрю был съеден почти весь скот. Если в украинских поселках на территории Башкирии было собрано по 20 – 40 пудов зерна с десятины, а в русских – по 3 – 4 пуда, то в соседних башкирских селах жители, пользуясь первобытной техникой обработки земли, смогли собрать лишь по 10 – 20 фунтов зерна. Фиксировалось появление вымирающих деревень. Цены на суррогаты в последней декаде ноября свидетельствовали о дефиците заменителей полноценной пищи. Фунт хлеба из чистой лебеды стоил 3 тыс. р., из лебеды с мякиной – 1,5 тыс. р. Пуд желудевой муки продавался по 100 тыс. р., жмыхи – по 220 тыс. р.¹⁴⁸

Наиболее незащитной категорией населения оставались дети. В ноябрьском докладе отмечалось:

«Ныне существующие детские учреждения нельзя назвать ни детскими домами, ни даже примитивными приемниками. Это очень скверные барачные казармы».

Из голодавших 300 тыс. детей на государственную помощь в ноябре могло рассчитывать не более 5%. Питомцев детских домов кормили лебедой. Смертность организованных таким образом детей доходила до 25%. В ноябре 1921 г. пришлось приостановить эвакуацию детей в другие регионы. Намерение вывезти до 10 тыс. детей разбилось о материальную необеспеченность их перевозки и неготовность соседних губерний принять голодающих. Из 450 отправленных в Ташкент детей 50 умерло в пути, а 350 погибли в Оренбурге от голода, холода – отсутствовали одежда и обувь – и чрезмерной скученности¹⁴⁹. Смертью заканчивались попытки выбраться из зоны голода и для взрослого населения. На дороге из Стерлитамака в Оренбург частыми были страшные находки: телега с мертвым возницей и павшей лошастью¹⁵⁰.

Возвращаясь с IX съезда Советов, Д. Юлтаев в конце января 1922 г. остановился у родственников в Тох-Чуранском кантоне Башкирии. О своих личных впечатлениях о голоде в родных местах он поведал в стерлитамакской прессе:

«Мое первое впечатление – как будто все они вышли из могилы: больные, слабые, некоторые опухшие – действительно живые мертвецы. Интересовался положением деревни: голодает поголовно почти все население, воровство на почве голода сильное. На всю деревню осталось 25 – 30 лошадей и наверняка можно сказать, что через месяц – полтора и их не будет.

На всю деревню ни одной кошки и собаки: все съедены. О домашней птице уже нет и помину. Несмотря на это, встречаются отдельные семьи, которые, почти умирая от голода, хранят, как зеницу ока, единственную корову. Такие хозяйства необходимо было бы поддерживать. Между тем от них требуют 12 ф[унтов] продналога. Это еще больше ухудшает положение крестьян.

Посетил детский дом. Его можно назвать заброшенным хлевом, нет нар, грязно, дети голодны, валяются на полу, два дня не топлено, холод, как на улице, некоторые дети полезли в холодную печь, теснятся друг к другу, чтобы немножко согреться, плачь и вопль»¹⁵¹.

Кантон уже три месяца не получал продовольствия, а всего в помощь голодающим туда было доставлено девять пудов пшеницы и немного суррогатного кофе. Уже собираясь уезжать из деревни, Д. Юлтаев пережил эпизод, внесший последний штрих в картину голода в башкирской деревне:

«Как только сел на подводу, вижу – стрелой летит ко мне прислуга приюта и кричит. Дети разрывают труп умершего ребенка и едят. Охватывает ужас».

¹⁴⁸ Деревенская газета. 1921. 23 ноября.

¹⁴⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 472. Л. 38.

¹⁵⁰ Деревенская газета. 1921. 23 ноября.

¹⁵¹ Известия (Стерлитамак). 1922. 8 марта.

Такие картины голода встречались автору заметки на всем пути его следования по Малой Башкирии. Так, в деревне Абдуловка на 150 дворов приходилось лишь восемь истощенных лошадей. Пустые дома, в них — трупы умерших недели назад людей, растаскиваемые на еду, определяли облик башкирских селений.

Осенью 1921 — зимой 1921/22 гг. голод неотвратимо распространялся по Уфимской губернии. В Илецкой волости Уфимского уезда в сентябре суррогаты можно было купить на вольном рынке не дешевле, чем в Малой Башкирии, лошадь менялась на два пуда муки. В Белебее в начале ноября свидетели отмечали контраст между разъезжавшими на лошадях сытыми торговцами и барышниками, с одной стороны, и одиночками и группами голых, босых и голодных детей и взрослых, бродивших как тени в поисках милостыни или валявшихся на дорогах, с другой¹⁵².

По свидетельству очевидца, в Уфимском уезде наиболее страдали от голода татарские, чувашские, мордовские и русские деревни. Население уезда не видело хлеба с января 1921 г. К октябрю была съедена и лебеда; свиньи, овцы и половина лошадей — уничтожены; одна корова приходилась на 6 — 12 дворов. Не было желающих отдать пару пудов хлеба за лошадь. Сруб стоил всего пять фунтов муки. Жители в панике покидали родные места и гибли в пути. Вид селений в уезде вызывал сострадание:

«В деревнях тишина и безлюдье. Во дворах ни скотины, ни клочка сена.

Неподвижно валяются апатичные дети с неимоверно раздутыми животами, с опухшими лицами и конечностями. Во всех избах лежат больные и умирающие, в испражнениях и рвоте. Медикосанитарной помощи никакой.

Население так ослабело, что трупы по несколько дней лежат не зарытыми.

Смертность колоссальная. Холера стихла, но с конца августа началось вымирание от голода»¹⁵³.

Отчет Уфимского губпомгола за 1921 — начало 1922 г. рисует страшную картину нагнетания голода. Если ранней осенью, в связи со сбором картофеля и овощей в русских деревнях, развитие голода несколько приостановилось, то с ноября нужда стала расти с каждым днем. Только наплыв беженцев в Уфу, вызвавший эпидемию холеры, заставил местные власти с сентября 1921 г. обратить внимание на голод и принять меры к его преодолению. Борьба с голодом, однако, оставалась малоэффективной и велась местными силами, так как Москва и в конце года придерживалась ошибочного мнения о размерах урожая в губернии в 1921 г. Население продолжало бороться с голодом в одиночку, без ощутимой помощи со стороны. В сентябре сельские жители питались лебедой, с октября перешли на желуди, травы, листья, корни, ягоды, страдая желудочно-кишечными заболеваниями, малокровием, цингой. Выпадение снега вскоре лишило население и этих источников пищи. Люди стали распродавать скот или резать его для себя. К голоду прибавился холод. Из-за отсутствия лошадей невозможно было ни привезти дрова, ни изготавливать кизяк из навоза. Чтобы не замерзнуть, крестьяне стали переселяться по несколько семей в одну избу, продавая остальные. Такая практика лишь ухудшила санитарное состояние крестьянского жилья и способствовала дальнейшему росту заразных заболеваний, прежде всего — паразитарного типа. Зимой 1921 — 1922 гг. в пищу шли сержки орешника и березы. Ильмовая и липовая кора, солома, мякина перерабатывались на муку. Изобретательность в поисках пищи не знала границ, переступая пределы человеческой безгровости:

«...многие использовали старые корыта для корма скота, пропитанные остатками мяса, по мнению крестьян весьма питательные (Бирский уезд); из Усть-Катавского участка, Уфим-

¹⁵² Известия (Уфа). 1921. 20 сент., 4 ноября.

¹⁵³ Уральский рабочий. 1921. 5 окт.

ского уезда, сообщено о том, что жители сушат и толкут даже старые лапти и пекут из этой «муки» лепешки»¹⁵⁴.

Употребление древесной муки вело к запорам, вплоть до прободения кишок. В Кавт-Ивановском заводе некоторые семьи, за неимением продуктов, питались только соленой водой; в некоторых частях Бирского уезда, в отсутствие соли, ели известь. «Стали есть собак, кошек; имеются сообщения из Белебеевского уезда об употреблении в пищу крыс, тараканов и мокриц». В декабре 1921 г. лебеда в Бирске стоила 70 тыс. р. за пуд, в Уфимском уезде цена на нее возросла до 200 тыс. р. В феврале 1922 г. лебеда и желуди ценились почти наравне с хлебом. Жители питались лебедовой соломой. Однако на исходе зимы и эти скудные и вызывающие у современного человека тошноту «продукты» стали подходить к концу:

«Но и собаки и кошки стали почти роскошью, и встречаются известия, что их стали делить по жребию. Стали прибегать к падшим животным; падшая лошадь быстро разбиралась на еду, в Гумеровской волости Уфимского уезда установлена очередь на падаль, сваленную за селом. Местами в Белебеевском уезде даже о падали стали мечтать как о желанной роскоши. Население при этом не разбирается в причинах падежа и ест даже сибиро-язвенные трупы (Нагайбакская волость Белебеевского уезда). Очень употребительным и распространенным суррогатом стали кости: их толкли и пекли из костяной муки лепешки. Те, у кого были старые кожи животных (лошадьиные, коровьи) палили их, резали на полоски и из этой лапши варили суп. Лебедовую муку подмешивали конским навозом (Белебеев[ский] уезд). И как крайний предел, до которого доводит голод, стали сообщаться случаи людоедства»¹⁵⁵.

Признаки голода, хотя и не столь ощутимые и повсеместные, замечались с начала 1921 г. и в соседнем Оренбуржье. Хлебных запасов в феврале 1921 г. было в три раза меньше необходимой нормы. В Шарлыкском районе неурожаем было отмечено четыре года, а в некоторых его местах — семь лет. В 1921 г. яровых там было собрано от 20 фунтов до пуда с десятины, посев озимых погиб полностью. Крестьяне бежали из района. В некоторых селах удельный вес выехавших достигал в сентябре 30%¹⁵⁶.

С наступлением зимы голод становился невыносимым, толкая население к поиску новых, в том числе неупотребляемых в прошлом, «продуктов». Оренбургская пресса в начале 1922 г. сообщала о бедственном положении жителей Исаево-Дедовского района Оренбургской губернии:

«Голод усиливается. Едят лошадей, собак, кошек. Во многих населенных пунктах едят падаль. В селе Юзаеве... граждане крадут с братских могил трупы людей.

В братских могилах, вырытых гражданами, хоронят по 10 – 20 человек умерших тифом»¹⁵⁷.

В стихотворном дневнике А. Сударева, который зимой 1921 – 1922 гг., до устройства в Оренбургский губземотдел, мыкался в течение двух месяцев по Оренбуржье в поисках хлеба, есть строки, незатейливая метафорика которых как нельзя лучше отражает падение цены человеческой жизни в пору небывалого голода¹⁵⁸:

*«Зима была печальна и жестока,
Свирепствовала всюду голодуха,
Стонали люди в тягостном кошмаре
И умирали с голоду как мухи.*

*По всем дорогам можно было видеть
Убийственные страшные картины -
Валялись трупы мерзлых проходимцев,
Как дровяные пни или комки глины.*

¹⁵⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 28 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 28 об – 29.

¹⁵⁶ Коммунар. 1921. 17 сент.

¹⁵⁷ Завод и пашня. 1922. 2 янв.

¹⁵⁸ Цит. по: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург. 1999. С. 300.

*В глухих деревнях многие семейства
Зараз все вместе или в одиночку
Беспомощно и тихо умирали,
Поставив над собою крест и точку.*

*А утром председатель исполкома,
С толпой крестьян, закутанных в тулупы,
Сбирал подводой из домов несчастных
Окоченелые худые трупы.*

*И в городах на кладбищах печальных,
Не успевая вырывать могилы,
Копали ямы большего размера
И мертвецов в них, как навоз, валили.*

*Обычным делом стало очень многих
Грабеж, убийство, воровство, мошенство,
А некоторые безумцы явно,
Сознательно дошли до людоедства».*

Аналогичная картина голодного бедствия наблюдалась с лета — осени 1921 г. в Челябинской губернии. Крестьяне и казаки Троицкого и Верхнеуральского уездов бежали на восток и юг, спасаясь от разорительного продналога и голода. Питание суррогатами еще в июле 1921 г. привело в Верхнеуральском уезде к вспышке холеры¹⁵⁹.

В сентябре 1921 г. информационный отдел губкома партии отмечал катастрофическую продовольственную ситуацию в Троицком уезде:

«Продовольственное положение весьма тяжелое, в Полтавском и Лейпцигском районах люди в большинстве случаев питаются травой и березкой. С наступлением зимы настанет катастрофическое вымирание от голода. Голод ужасен и не дает вести почти никакой работы, в некоторых поселках указанных районов общего собрания граждан собрать нельзя, люди в большинстве заняты производством из трав или поразъезжались в поисках за хлебом. Продналог в этих районах, кроме скота, немислим в полном его выполнении. Продналог вообще проходит слабо, кроме скота, который выполняется, за исключением небольшого процента, по всему уезду полностью»¹⁶⁰.

В ноябре 1921 г. положение в челябинской деревне становилось отчаянным. Сводка губчека за 1 — 15 ноября сообщала:

«С наступлением холодов положение с каждым днем ухудшается, в некоторых случаях выливается в подавленное состояние и в последних в отчаянную борьбу за существование. Центральное место в жизни занимает продовольственный вопрос, каковой все сильней и сильней обостряется. Крестьяне, добывавшие суррогаты в озерах, на полях и с деревьев, теперь лишены этой возможности, а также за неимением фуража и теплой одежды лишены возможности поехать куда-либо в поисках хлеба. В некоторых уездах организуются комитеты взаимопомощи, объединения красноармейской семьи, беднейшего населения и ремесленников, цель и задача этих комитетов — взаимная помощь в целях социального обеспечения объединения»¹⁶¹.

Во второй половине ноября 1921 г. в губернии голодало уже 336 тыс. человек, в том числе 158 тыс. детей¹⁶². Спасение последних от голода было поставлено из рук вон плохо. Сообщения ЧК пестрят сведениями о бедственном положении детей. Любопытно, однако, что их моральный облик заботил власти в большей степени, чем опасность их гибели от голода. О положении детских коммун, интернатов и детских садов в Верхнеуральском уезде ноябрьская чекистская сводка сообщала следующее:

«Среди воспитательниц и нянь на глазах детей идет разврат. Дети в коммунах научились врать, стали очень грубы, привилось много различных пороков. Питание плохое. Продукты детям недодаются. Дети роются в помойных ямах, выбирая кожуру от картофеля и капустные листья, наскоро вытирают и тут же грязные едят. Большинство детей больных и грязных, за чистотой следят только во время присутствия инспекции»¹⁶³.

¹⁵⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 150.

¹⁶⁰ Там же. Д. 304. Л. 86.

¹⁶¹ Там же. Д. 321. Л. 81.

¹⁶² Трудовой набат. 1921. 24 ноября.

¹⁶³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 89.

Сводка губчека за декабрь 1921 г. информировала уже о 423 тыс. голодающих взрослых и 200 тыс. детей. Через месяц прогнозировалось увеличение первой цифры вдвое. Между тем, губернские власти могли организовать помощь лишь для 36 тыс. детей. До 1 декабря на иждивении губоно и интернатов находилось всего 22689 детей, причем в связи с тем, что в декабре власти обеспечили лишь 7 тыс. пайков по 25 фунтов муки, предполагалось снять с государственного довольствия и передать родственникам 15689 детей. Отмечалось, что репрессивные меры по сбору продналога не дали эффекта. Целые волости отказывались от уплаты семенной ссуды. Констатировалось истощение запасов суррогатов у населения: «Население вступает в фазу абсолютной голодовки, так как суррогаты, овощи и скот, бывшие первостепенным продуктом питания, в большинстве случаев съедены». Наблюдался рост смертности: на почве голода и употребления суррогатов росли эпидемии тифа, острых кишечных заболеваний, цинги. Были замечены новые следствия голода, ранее неизвестные:

«Среди рабочих наблюдается апатичное отношение к детям. Среди женщин сильно развит за последнее время аборт..., что сильно отражается на здоровье и усиливает смертность. Смертность достигает 90% делающих аборт, так как аборт делается всевозможными домашними способами и снадобьями, добываемыми от разных знахарок и лекарок»¹⁶⁴.

Усилились и хорошо известные чекистам по периоду «военного коммунизма» реакции на безвыходное продовольственное положение. Население было озлоблено: на сельских собраниях люди открыто ругали советскую власть и коммунистов, именую их «грабителями и разорителями трудового крестьянства».

В сводке сообщалось о столкновении жителей Верхнеуральского уезда с населением соседней Башкирии. На фоне голода обострилась национальная вражда, выливаясь в воровство, грабежи и самосуды. Стоит отметить и то, что власти, слабо представляя себе реальные масштабы голода, не оставляли мысли организовать крестьянскую взаимопомощь и решить проблему голода силами самих крестьян, без привлечения средств из центра. Сомнения в реалистичности такого плана осторожно высказывались в том же чекистском документе:

«На почве голода, охватившего всего В.-Уральский уезд, сильно развивается воровство скота и грабежи. Население сплошной волной борется за существование, особенно на границах Башкантиона доходит до варварства. Суррогаты и овощи съедены, осталось незначительное количество скота. <...> Комиссия Упомгола при всей энергии выйти из создавшегося положения бессильна. Намечен новый план помощи, это прикрепление голодных к сытым, организуются районные комитеты, в задачи коих входит правильно распределить голодных по сытым, такое распределение сопряжено с большими трудностями, вся важность заключается в точном определении имеющихся запасов продовольствия. В такой работе нужна большая осторожность, так как такое прикрепление вызовет отчаянное сопротивление. О настроении населения не приходится говорить, картина ясна, и по отношению к Соввласти и компартии население сильно наэлектризовано и не выступает только потому, что неоднократно восстававшее казачество Верхнеуральского уезда жестоко расплачивалось и, наученное горькими уроками, чувствует себя бессильным. На будущее население смотрит с ужасом»¹⁶⁵.

Между тем, помощь голодающему населению Челябинской губернии налаживалась с трудом. Хотя губпомгол к январю 1922 г. существовал уже полгода, органы политического наблюдения признавали неэффективность его работы. Обзор-бюллетень Челябинской губчека № 2 за 16 – 31 января 1922 г. содержал по этому поводу следующее замечание:

¹⁶⁴ Там же. Л. 117.

¹⁶⁵ Там же. Л. 118.

«Приходится констатировать тот факт, что Челябинская комиссия помощи голодающим работает очень слабо... <...> Из неоднократных сообщений этой комиссии можно вынести впечатление, что это самое обыкновенное советское учреждение, где барышни занимаются нумерацией входящих и исходящих бумаг, где заведена масса "дел" – но живого настоящего дела помощи голодающим здесь нет»¹⁶⁶.

Не впечатляли работников ГПУ и опубликованные данные о собранных с начала существования комиссии помгола до 1 января 1922 г. средствах в пользу голодающих – 42500 р. новыми денежными знаками, 7,5 тыс. пудов хлеба, 4,3 тыс. пудов фуража, 11,3 тыс. пудов овощей, 9,9 тыс. пудов мяса, 8,4 тыс. пудов жиров, 79,4 тыс. яиц, 72 пуда крупы и т.д. Собранное не могло решить проблем сотен тысяч голодающих людей, положение которых ухудшалось с каждым днем: «...вести из уездов и с мест со дня на день становятся мрачнее»¹⁶⁷.

В начале 1922 г. голод усиливался. Росла смертность, участились случаи каннибализма. Причем точной информацией о состоянии деревни власти не владели. Так, статистика умерших и съеденных в Троицком уезде, которой располагала Комиссия по борьбе с последствиями голода при Челябинском губисполкоме, сопровождалась характерным примечанием: «Точных сведений об умерших и случаях людоедства укомпомгол представить не может, ввиду того, что уезд не представляет своевременно или вовсе не представляет»¹⁶⁸.

Нереализуемой оказалась затея властей с организацией сельской взаимопомощи. Только что организованный станичный комитет общественной взаимопомощи Наследницкой станицы Троицкого уезда в феврале 1922 г. объявил, что «к отправлению обязанностей не вступает и категорически заявляет, что работать не будет». Делегаты на станичный съезд поселковых комитетов пришли к выводу, что нет возможности создать какой-либо фонд продовольствия, так как нет хозяев, которые в состоянии прокормить хотя бы свою семью с помощью убоя скота до нового урожая. Население было не в силах содержать даже одного секретаря комитета взаимопомощи. Если в январе 1922 г. в поселке Наследницком умерло от голода 68 человек, то в феврале смертность на порядок выросла:

«В феврале ежедневно умирает по 10 – 20 человек. Трупы убирать некому, настроение населения паническое, собаки, кошки, ослы, падаля съедены, кражи скота ужасные, нет сил бороться. Развивается людоедство»¹⁶⁹.

В том же месяце Александровский станичный исполком настаивал на необходимости помощи со стороны, поскольку содействие помгола было ничтожным: количество поставляемых продуктов для детей не удовлетворяло и десятой части потребности. Взрослые не получали ничего¹⁷⁰.

Ужасы голода нарастали и в Верхнеуральском уезде. Уездный комитет помощи голодающим зимой 1921 – 1922 гг. пришел к неутешительному выводу:

«Лозунг: 10 сытых кормят 1 голодного неприменим к жизни. Выходит наоборот, десять голодных едят у одного сытого, и в результате никто не наестся»¹⁷¹.

В январе 1922 г. уездный помгол нашел возможность открыть столовые для 700 голодающих в Верхнеуральске и 1000 человек в уезде. Но сам паек – четверть фунта хле-

¹⁶⁶ Там же. Д. 504. Л. 44.

¹⁶⁷ Там же. Л. 46.

¹⁶⁸ Там же. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

¹⁶⁹ Там же. Л. 8.

¹⁷⁰ Там же. Л. 30 а.

¹⁷¹ Там же. Д. 5. Л. 6.

ба и 32 золотника мяса — был настолько мизерным, что, по мнению медиков, не давал никакого положительного эффекта.

Златоустовский уезд, где в январе — феврале 1922 г. было зарегистрировано около 50 тыс. голодающих взрослых и 45 — 55 тыс. детей, в ноябре 1921 г., после настоячивых просьб в губпомгол, получил, наконец, — впервые — 1400 детских пайков, в декабре — 4000, с января 1922 г. — по 10 тыс. пайков для детей. Среди взрослых распределялось по 4 тыс. пайков. С января 1922 г. в паек входили только мука (10 фунтов в месяц) и соль (0,5 фунта), других продуктов не было¹⁷².

Голод прокатился и по Вятскому Прикамью, хотя действие его было и не столь разрушительным, как на Южном Урале. Особенно пострадали Вотская область и южные уезды Вятской губернии (Уржумский, Малмыжский, Яранский, Советский) — бывшая житница края и главный резервуар продовольствия для европейских губерний, в том числе столиц, в годы гражданской войны, когда Юг и Сибирь были отрезаны от Советской России. Грозные признаки голода обозначились летом 1921 г. По Вотской области пролегал маршрут беженцев из голодных Поволжья и Южного Урала:

«Ежедневно на улицах Ижевска можно встретить вереницы проезжающих крестьян в странных фурах, обтянутых коровьей кожей, откуда нередко слышится писк и рев детей.

Это — голодные переселенцы, бегущие из своих насиженных мест из Уфимской и Казанской губерний. Вид их страшен: бледные, изможденные, еле передвигающие ноги, с потухшими взорами и чуть слышным голосом. Едут они, куда глаза глядят, лишь бы не оставаться на месте, едут, бросив свои дома, свое хозяйство, пашни, луга, леса»¹⁷³.

Пресса призывала к помощи беженцам, а между тем голод становился реальностью и для местного населения. Жители Малмыжского уезда сообщали в вятскую прессу:

«В деревне голод все более и более дает себя знать.

Местами едят вместо хлеба всякие суррогаты: желуди, лебеду, липовую кору — примешивая к ней немного муки или картофеля. Запасливые заготавливают суррогаты на зиму.

Об урожае говорить нечего: счастливы хозяйства, собравшие семена, но таких мало»¹⁷⁴.

В 1921 г. хорошо уродился картофель, но беда заключалась в том, что его садили мало из-за отсутствия посадочного материала. В результате его хватало в лучшем случае на осень. Крестьяне запасались грибами, — благо год был грибной. Молочных продуктов едва доставало на пропитание детей. Из-за отсутствия кормов возникала опасность, что скот придется забивать на мясо. В начале августа некоторые хозяйства осуществили небольшие посевы озимых, используя по три — пять пудов сохранившихся семян. Однако 99% пахотной земли так и не удалось засеять. Между тем, до окончания полевых работ оставалось две — три недели. Тем не менее, первоначально среди крестьян никакой паники не наблюдалось. Печать комментировала крестьянское спокойствие так: «Вера в помощь центра — почти единодушная».

Осенью настроение становилось все более тревожным. В сентябре голодные, измученные крестьяне ринулись в Вятку. Для помощи им ничего не предпринималось. Потoki беженцев устремились из южных уездов Вятской губернии в северные. Главным источником их питания являлось подаяние. В деревнях участились кражи и самосуды¹⁷⁵.

К январю 1922 г. хлеб и суррогаты в южных уездах были съедены. Из Сердешской волости Яранского уезда сообщали: «Есть буквально нечего». Стали отмечаться — пока еди-

¹⁷² Там же. Оп. 1. Д. 77. Л. 44 об.

¹⁷³ Ижевская правда. 1921. 9 авг.

¹⁷⁴ Вятская правда. 1921. 25 авг.

¹⁷⁵ Там же. 18 сент., 1, 7 окт.

нические — случаи голодной смерти. В начале февраля более 75% жителей Советского уезда питалось суррогатами, развивалась эпидемия сыпного тифа. Крестьяне Сочневской волости Слободского уезда в феврале ели почти исключительно мякину и лебеду с небольшой примесью овсяной муки. Многие уже поели последний скот и променяли на хлеб остатки имущества. Вятская пресса констатировала: «Голод растет с каждым днем»¹⁷⁶.

Между тем, помощь в вятскую деревню не приходила. Детские дома с нетерпением ждали хлеба; в ноябре 1921 г. не отпускался хлеб в детские сады и школы. А в семи уездах губернии еще более 17 тыс. детей ждали своей очереди на зачисление в детские дома¹⁷⁷.

Основной причиной быстрого распространения голода в Вятской губернии являлось отсутствие эффективных мер по его предотвращению. Москва оценивала ресурсы Вятской губернии и Вотской области на основе балльной оценки урожая в 25 млн. пудов на начало и середину июля и ориентировалась на тенденциозные данные переписи 1920 г. Так же, как и в отношении Татарской республики, мнение центра об урожае не соответствовало действительности. Вятский губпомгол всеми силами пытался переубедить центральные власти:

«Ясно, что это получилось вследствие несовершенства шкалы урожайности, по которой при балле — единица — определение урожая невозможно, если он в сильной степени отклоняется от средней.

*Для нашей губернии, застигнутой голодом, чрезвычайно важно, чтобы в Центре установился правильный взгляд на продовольственное положение вятского населения, потому что от этого зависит наше существование»*¹⁷⁸.

Позже, чем в других губерниях, голод начал ощущаться на Среднем Урале. Однако и там он приобретал все более острый характер. Как отмечала Екатеринбургская губернская ЧК в первой половине января 1922 г., он бы особенно ярко выражен в Каменском, Красноуфимском и части Екатеринбургского уезда. Во второй половине января чекистский обзор-бюллетень констатировал голодный кризис и в тех уездах, которые официально были признаны благополучными. В Камышловском уезде ширились воровство и самосуды. Отмечалась слабая работа помгола¹⁷⁹.

Осенью — зимой 1921 — 1922 гг. голод на Урале только набирал обороты. Впереди были мучительно долгие весна и лето 1922 г., когда многие, пережившие голодную зиму, позавидовали умершим ранее.

Голодные весна — лето 1922 г. К весне 1922 г. голод охватил весь Урал. Отчаяние и ужас сельского населения в связи с ожиданием беспримерной голодовки сменились апатией и покорным бессилием, безропотным ожиданием смерти. Реакция властей на голодную катастрофу явно запаздывала и была недостаточно энергичной. Вятская пресса в марте 1922 г. радовалась тому, что «бандитизм» в Яранском уезде идет на убыль из-за перемены отношения крестьян к «бандитам» и разрешения организации крестьянских дружин самообороны. В ожидании предстоящего сева печать учила крестьян удерживать в земле выпавшие осенью — зимой осадки¹⁸⁰. Между тем, не было ни-

¹⁷⁶ Там же. 1922. 4 янв., 7, 22 февр.

¹⁷⁷ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 12.

¹⁷⁸ Там же. Л. 16.

¹⁷⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 9, 16, 18 об., 25.

¹⁸⁰ Вятская правда. 1922. 2 марта; К ликвидации сельскохозяйственной безграмотности. На борьбу с засухой. 1922. 4 марта.

каких оснований ни праздновать рост сознательности сельского населения, ни надеяться на какой-либо эффект агрономического просветительства. Под напором голода деревня перестала реагировать на все, не связанное напрямую с его утолением. Из Сулаевской волости Вятского уезда сообщали об опустошительном эффекте голодовки: по данным на 1 марта 1922 г. было убито и продано за хлеб 1235 голов крупного рогатого скота, или 56% имевшегося, весь молодняк, 1758 голов мелкого скота, 585 лошадей (35%), 420 человек покинули свои хозяйства. Эта информация, опубликованная во второй половине апреля, сопровождалась риторической ремаркой редакции: «Но это на 1-е марта, а что осталось теперь?»¹⁸¹ На основании сведений, собранных командированным в марте в волости Яранского уезда инструктором уездного комитета помощи голодающим, председатель этой организации составил обширный доклад, описывающий трагическое положение деревни. Так, в деревне Вятский Югунур Комаровской волости из имевшихся в 28 дворах 13 лошадей 10 были совершенно беспомощны. В починке Пайгишево Тожсолинской волости 84 домохозяина имели 23 тощие лошади, из которых некоторые настолько обессилели, что висели на подвязи. Черемисы, съевшие к весне суррогаты, собранные осенью, бродили с салазками по насту, выискивая стебли лебеды, которые затем сушились в печи и просеивались для приготовления хлеба. Сельские жители страдали желудочно-кишечным катаром: картофельная ботва вызывала понос, лебеда – запор. В селе Сердежском одноименной волости представитель укомпомгола стал свидетелем следующей картины:

«Семья одного дома на стороне собирает (милостыню – И.Н.). Оставшийся старик с голоду лежит. Жалеючи его, граждане приносят ему суррогатного хлеба. С жадностью старик хватает куски хлеба и складывает за пазуху»¹⁸².

В том же докладе были представлены страшные зарисовки из жизни вятской деревни на исходе зимы:

«В дер[евне] Пержа резали лошадь: вдруг появляется старуха, еле держащаяся на ногах, вырывает кусок сырого мяса и ест его, несколько человек пытается вырвать его, но старуха вцепилась зубами и старается как можно скорее его проглотить – через два дня она умерла.

В дер[евне] Копшонки Тожсолинской волости крестьянин, в то время как жена его ушла собирать, увез своих детей на лошади неизвестно куда и возвратился один. Мать встретила отсутствие детей вполне равнодушно. Где находятся дети, неизвестно, так как отец вскоре умер.

В этой же деревне вся изба со всеми постройками продана за шесть пудов картошки, в другой деревне изба продана за два пуда лебеды»¹⁸³.

Из представленного в том же документе описания голодного населения видно, что голод к началу весны 1922 г. довел разрушение человеческого организма до последней стадии:

«По внешнему виду голодающих можно разделить на две группы: 1) опухшие от голода, апатичные, неподвижные люди – это первая стадия голода и 2) полуживые, полутрупы, страшно исхудалые, у которых выступают все кости, руки и ноги поражают необыкновенной худобой, мускулов совершенно нет и кожа обтягивает кости, голова, особенно у детей, не держится на шее и сваливается на грудь, глаза ввалились, лицо желтое – эта стадия голода есть преддверие смерти.

Особенно истощены женщины, которым приходится двигаться больше других, изыскивая хоть какие-нибудь возможности дать пищу; отмечается тот факт, что ни одни роды не проходят благополучно; родильница не имеет сил произвести этот акт. То же и в отношении скота, где он сохранился, выкинутые жеребенки и телки немедленно съедаются»¹⁸⁴.

¹⁸¹ Вятская правда. 1922. 21 апр.

¹⁸² ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 167, 168.

¹⁸³ Там же. Л. 170.

¹⁸⁴ Там же. Л. 169 – 170.

Как сообщала местная пресса, реальная помощь населению оказывалась и поступательно усиливалась с начала 1922 г.: с января по март – апрель количество кормившихся в системе общественного питания в Вятской губернии возросло с 40 тыс. до 150 тыс., число столовых для голодающего населения выросло за это время с 4 до 396¹⁸⁵. Однако, по сведениям очевидцев, у изголодавшегося населения не хватало сил воспользоваться этой помощью. Прекратилось паломничество крестьян за хлебом в волостные и уездные центры – обессиленные люди лишились возможности передвигаться. Жители целых деревень лежали опухшие и не могли пройти полверсты – версту, чтобы получить готовые пайки в основных и подсобных пунктах питания. В этой связи в деревни стали завозиться сухие пайки. Но обнаружилось, что люди не в силах были преодолеть 10 – 15 сажень для их получения. Известны случаи, когда матери, разуверившиеся в спасении своих детей, отказывались брать для них пайки в открывавшихся столовых. Их аргумент был прост: «...все равно скоро умрут, так уж пусть сейчас, без оттяжки, чтобы не мучились». Однако чаще селяне ждали открытия столовых с нетерпением¹⁸⁶.

Аналогичные сведения поступали и из других уездов Вятской губернии. Сунской волостной исполком в апреле докладывал в Слободской укомпомгол:

«Положение в волости необычайно тяжелое. По самым точным статистическим данным установлено: на почве голода умерло взрослых 245 человек и детей 243 чел[овека]; случаев заболевания от голода зарегистрировано 1862; выехало из пределов волости 160 дворов; уничтожено скота: лошадей – 1062, коров – 928, жеребят и телят – 1538, мелкого скота – 3578, сельскохозяйственных орудий продано и выменено на хлеб: жаток – 17 шт., косилок – 17 шт., молотилок – 114 шт., веялок – 311 шт., плугов – 125 шт., сабанов – 424 шт., борон полужелезных – 325 шт.»¹⁸⁷

В том же номере газеты было опубликовано еще несколько сообщений из сельской местности. Исполком Косинской волости Слободского уезда сообщал о безвыходном положении населения, констатируя беспомощность местных жителей перед ликом голодной смерти: «Необходима немедленная помощь со стороны, в противном случае население будет вымирать от голода».

Одновременно из Малмыжского уезда в губкомпомгол была направлена телеграмма следующего содержания:

«За отсутствием суррогатов и падали граждане умирают десятками. В ближайшие дни возможны случаи каннибализма (людоедства). <...> За отсутствием помощи население вымрет. Поля останутся незасеянными».

В мае 1922 г. вятская периодика ужасалась положению сельского населения губернии:

«Люди-скелеты ходят, шатаясь от ветра; а до нови еще три месяца, три жутких голодных месяца. Как и много ли выживет их?!»¹⁸⁸

Растерянностью и покорностью судьбе веет от рассказа старика-крестьянина Малмыжского уезда, услышанного на пароходе корреспондентом газеты:

«Свободных мест нигде нету... В Сибирь уехали мы еще с осени. Продали дома, надворные постройки, всю скотину, кроме лошадей, много из одежды, и вот теперь едем вновь в родные деревушки, не знаем, с чего начать и как взяться за свое хозяйство... Эх, житье-житье!...»¹⁸⁹

¹⁸⁵ Вятская правда. 1922. 4 ноября.

¹⁸⁶ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 169.

¹⁸⁷ Вятская правда. 1922. 20 апр.

¹⁸⁸ Там же. 7 мая.

¹⁸⁹ Там же. 4 июня.

Летом 1922 г. голод не стихал. Пресса пестрела сообщениями о катастрофической ситуации в вятской деревне¹⁹⁰. В Нолинском уезде в июне голодало более 53 тыс. взрослых и около 73 тыс. детей. Между тем, работало всего 121 столовая на 7 тыс. едоков¹⁹¹. Не лучше обстояло дело снабжения голодающих продовольствием. Оценивая ситуацию в губернии, средства массовой информации в начале июля констатировали:

«Снабжается в среднем 1/90 часть всего голодающего населения. Размеры голода к настоящему времени приняли грандиозные размеры: 1/4 часть скота съедена и пала, весь с[ельско]х[оз]яйственный инвентарь променян на хлеб»¹⁹².

Сведения о реальном положении сельского населения развеивают магию цифровой информации о средствах, выделенных на преодоление голода. Несмотря на то, что в Вятскую губернию было направлено 3 млн. пудов хлебопродуктов, 14,7 млрд. новых советских рублей и 9 — 10 млн. р. золотом, а международные организации поставили около 600 тыс. пудов хлеба и других продуктов¹⁹³, люди продолжали голодать. Летом 1922 г. голодающими оставались Котельнический и Яранский уезды. Как сообщала печать, «голодные бродят по лесам и лугам, питаюсь травой и разными суррогатами». Не было надежды и на новый урожай: было засеяно лишь 39% прошлогодней площади. К тому же погода, как нарочно, выдалась неблагоприятной — заморозки, обильные дожди, град и вредители истребили значительную часть посева. Голодные крестьяне Яранского уезда, по сообщениям прессы, в середине лета «потеряли способность двигаться», «сидят или лежат, опухшие, в шубах и валенках, и не в состоянии приготовить для себя суррогатную пищу»¹⁹⁴.

Отчаяние ожесточило население. Расправы с сельскими ворами приобрели особенно жестокий характер:

«За последнее время самосуды в Яранском уезде становятся обычным явлением. Население, истрадавшееся в муках голода, расправляется самыми зверскими способами с ворами и бандитами»¹⁹⁵.

Несмотря на менее острый характер голода в пермском Прикамье и на Среднем Урале, он болезненно задел местное население из-за неудовлетворительных мер по его преодолению. Сообщая о росте числа голодающих в Пермском уезде с 1869 в марте до 14638 человек на 20 мая 1922 г., местная организация помощи признавала свою недостаточную осведомленность: «Что же касается точного учета всех поступлений по уезду, укомпомгол, несмотря на предпринятые к этому меры, учета не имеет»¹⁹⁶.

По сведениям Екатеринбургского губисполкома, в апреле 1922 г. в отдельных волостях «...скот почти поголовно вырезан: на селения в сотню дворов осталось по 2 — 3 десятка лошадей и коров». В этой связи перспективы нового урожая и сбора продналога в 1922 г. выглядели весьма пессимистично. О жителях Екатеринбургского, Шадринского, Красноуфимского, Камышловского уездов сообщалось:

«...при урожае могут лишь прокормить себя, сохранить семена на посев и уплатить продналог не в состоянии.

¹⁹⁰ Там же. 10, 27 июня, 4, 21, июля.

¹⁹¹ Там же. 27 июня.

¹⁹² Там же. 4 июля.

¹⁹³ Там же. 4 ноября.

¹⁹⁴ Там же. 21 июля.

¹⁹⁵ Там же. 7 сент.

¹⁹⁶ ГАПО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 6. Л. 173.

В отдельных голодающих волостях семена съедены и население, съевши все суррогаты, разбрелось; о засеве в таких волостях Красноуфимского, Шадринского и Каменского у[ездов] не может быть и речи»¹⁹⁷.

В Екатеринбургском уезде к 1 мая 1922 г. голодало 156 тыс. человек. Местные ресурсы, которые могли быть распределены только с разрешения центра, в любом случае удовлетворили бы лишь 2% голодающих. Жители Верхне-Невьянской волости этого уезда питались исключительно суррогатами, ежедневно теряя трех – пятерых человек умершими от голода. Доклад председателя Нижнетагильского укомпомгола от 29 мая 1922 г. свидетельствовал об углублении голодного бедствия: «На тротуарах г. Н. Тагила нередко можно встретить трупы умерших от голода, вдоль улиц города с раннего утра и до позднего вечера бродят, как тени, толпы голодных детей, напевая хором заунывные песни и прося кусок хлеба, которого нет и у самих жителей»¹⁹⁸.

Обострение голода фиксировалось поздней весной – ранним летом 1922 г. и в других уездах Екатеринбургской губернии. О положении в Шадринском уезде на 1 июня пресса писала:

«Наблюдаются массовые уходы крестьян в сторону Сибири; смертность прогрессирует с каждым днем, и санитарная летучка разъезжает по городу, подбирая трупы, а полуживых от голода свозит в барак; столовые за отсутствием продуктов не оправдывают своего назначения».

От голода мучилось полурабочее-полукрестьянское население горнозаводской зоны. Ситуация в Полдневской волости Екатеринбургского уезда была типичной для горнозаводского края:

«Количество скота быстро уменьшается. Резкая безработица обостряет положение. Заготовки леса почти не производятся, углежжение стоит, на рудниках не работают, заводы молчат. Рук приложить некуда. На всякую работишку набрасываются с жадностью, не считаясь с ничтожной платой, граничащей с самой бесчеловечной эксплуатацией, которую некому укротить, потому что союз работников земли и леса не подает признаков жизни. Короб угля, например, перевозили за 7 верст по грязи за фунт хлеба. Падали лошади, иногда умирали голодные люди. Шпалы заготавливают по десять золотников муки за шпалу. За фунт хлеба сдают по пуду “дубья” – коры для дубления кож. Работают за кусок овсяного хлеба на известеобжигательных печах. При самой изнурительной работе можно заработать лишь на прокорм самого работника, а семья остается ни при чем. Голод косит людей. Смертность за последние дни резко увеличивается.

Многие питаются почти исключительно травой – кислицей, чесноком, мхом, крупянкой (молодые побеги сосны). Большинство держится лишь благодаря тому, что есть молоко (оставшиеся коровы хорошо кормятся в лугах).

Детский дом не может отбиться от матерей, желающих отдать туда детей. Но и в детском доме не сладко. С января в нем умерло из пятидесяти пяти человек шесть чел[овек]. Дети – как тени – неподвижные, с зелеными лицами»¹⁹⁹.

Помощь голодающим волости оказывалась крайне слабая: было выделено 53 пуда колоба, на засев было дано 800 пудов зерна. Уездный продовольственный комитет требовал платы за помол – от трех до пяти фунтов муки с пуда зерна и суррогатов. Просьбы о льготах для кооперативов категорически отклонялись. Резолюция упродкома была безграмотна и безжалостна: «...ходатайство ваше о сложении помольного налога, как незаслуживающего уважения, оставлено без уважения». Денежный налог необходимо было заплатить и за использование заготавливаемых самими крестьянами дров, жердей и корья.

¹⁹⁷ ГАСО. Ф. Р – 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 8 об.

¹⁹⁸ Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

¹⁹⁹ Уральский рабочий. 1922. 14 июня.

О трагическом положении населения в мае – июне 1922 г. докладывал в ЦК Помгол уполномоченный по Екатеринбургской губернии представитель РСФСР при всех заграничных организациях помощи. В его докладе была приведена информация о голоде в Алапаевском уезде:

«...люди умирают на улицах, без всякого присмотра, трупы убирают через несколько дней, волкомиссии совершенно бездействуют, крестьянство смотрит сквозь пальцы, волостные организации относятся халатно, все постановления и циркуляры в деле оказания помощи в жизнь проводятся с большим трудом и то не везде»²⁰⁰.

Из-за неэффективности помощи голодающим к лету 1922 г., по мнению докладчика, в Екатеринбургской губернии голодала половина населения, вынужденного бороться с бедственным положением в одиночку. В Карабаше, Нижней Туре и ряде других мест отмечались случаи людоедства. В некоторых деревнях собирали все старые лапти и перемалывали на муку. На сельских кладбищах скапливались десятки трупов – некому было копать могилы. В докладе цитировалась выписка из хоздатыштва Мосинского волисполкома: «Мы стоим еще на половине до урожая, как на глазах волостного исполкома, в его помещении, умирают голодной смертью 3 – 5 человек ежедневно»²⁰¹.

Населению было от чего впасть в отчаяние. В Каслинской волости в июле 1922 г. голодали 3/4 жителей, в Екатеринбургском уезде к 1 августа в 51 столовой кормилось лишь 11 тыс. из 227 тыс. голодавших.²⁰² Голод беспрепятственно продолжался. Помощь голодающим оставалась мизерной.

В середине сентября 1922 г., утверждая, что ужасы голода остались позади, Екатеринбургская печать признавалась, что полностью он все же не изжит. Более 13 тыс. детей нуждалось в признании, неизвестно было количество людей, которых голод превратил в инвалидов. В некоторых волостях хлеба было запасено лишь до января 1923 г., что особенно тревожило в связи со свертыванием деятельности АРА. Десятки тысяч человек необходимо было кормить до следующего урожая. Так, в Шемахинском заводе голод не утихал: недосев был усугублен заморозками, погубившими яровые. Часть населения по-прежнему была обречена на голодную смерть²⁰³.

Регионом голодного бедствия весной – летом 1922 г. стал Южный Урал. Голод бушевал в Башкирии, выхватывая все новые жертвы. Местная пресса на пороге весны 1922 г. описывала последствия недостаточной помощи голодающим:

«Люди мрут, как мухи, мрут, ибо не имеют ничего для пропитания, не имеют даже и тех суррогатов, которыми хоть сколько-нибудь поддерживалась жизнь в летний период. Ни кореньев, ни трав, ни древесной коры, ничего нет, все съедено, все уничтожено»²⁰⁴.

В марте 1922 г. ослабевшие жители деревень Бирского уезда выбрасывали трупы родственников на улицу, не имея сил свезти их на кладбище. В общественном амбаре деревни Сабаево скопилось 148 трупов, которые приходилось охранять от голодающих, готовых «полакомиться» мертвечиной. Росла преступность; родители бросали детей, а иногда и убивали их, кончая затем и собственные счета с жизнью. Взрослые посылали детей за милостыней, и те, как живые трупы, толпами брели из деревни в деревню, пока не замерзали на дорогах. Как сообщали из Белебеевско-

²⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.

²⁰¹ Там же. Л. 32.

²⁰² Уральский рабочий. 1922. 27 июля, 11 авг.

²⁰³ Там же. 13, 15 сент.

²⁰⁴ Известия (Стерлитамак). 1922. 4 марта.

го уезда, «главное занятие сельсоветов — погребение умерших и разбор дел о кражах — тоже от голода»²⁰⁵.

В апреле 1922 г. уполномоченный сельского комитета помощи голодающим по деревням Михайловка и Бочкарево составил акт о положении одной из местных семей. Лаконичные сухие строки документа рисуют безысходность положения жертв голодной трагедии:

«Временно проживающий гр[ажданин] д[еревни] Бочкаревой Козлов Яков летом пас табун, а теперь бросил свое семейство из 5 душ, так как кормить нечем, и пошел куда глаза глядят.

Семья его страдает вся голодом и опухла вся. Одежды у них нет никакой, живут в землянке, которая негодна — сегодня-завтра их должна задавить. Была у них собака — съели. Теперь собирают разную падаль. Детей до 15 лет четверо, а в столовую записан только один, других же не принимают, несмотря на голод»²⁰⁶.

Весной 1922 г. голодающие продолжали прибывать из уездов в Уфу, население которой, благодаря выдаче пайков, было относительно застраховано от острого голода. На улицах города валялись трупы, умерших на улицах тут же обирали, снимая с трупов верхнюю одежду²⁰⁷. В мае 1922 г. в Башкирии голодало уже 92% населения. Как и в других местах, меры по преодолению голодной катастрофы были недостаточны. Голоду не было видно конца.

Голод чувствительно задел весной 1922 г. и население Оренбургской губернии. По данным губпомгола, в апреле голодало 526401 человек. Близился сев, а крестьяне выходили в поле отнюдь не для подготовки к сельскохозяйственному сезону:

«Людоедство считается уже нормальным явлением, хотя меры борьбы принимаются самим населением.

В деревнях жизнь замерла; голодающее крестьянство группами и семействами выезжает из деревень в поле, исключительно на поимки сусликов для употребления их в пищу. Жизнь отброшена к временам первобытного человека»²⁰⁸.

Государственная и общественная помощь голодающим, как и в других местностях Урала, в Оренбуржье была явно недостаточной. Зимой сильные снежные заносы оказались неодолимым препятствием для доставки продуктов. Несмотря на поступление в губпомгол в марте — апреле 1922 г. пожертвований из Рязанской губернии, от советских учреждений, служащих и частных лиц, церквей и монастырей, несмотря на распределение десятков тысяч пайков АРА, переломить положение в деревне и станице удавалось.

Пик голода в Челябинской губернии, как и в других частях региона, пришелся на весну — начало лета 1922 г. В марте жители Челябинского уезда питались падалью, собачьим мясом, костями, древесными опилками, корой, соломой, картофельной ботвой, мхом, корнями камыша, глиной, полынью, конским навозом, дохлой птицей. Суррогаты и скот были к этому времени уже съедены²⁰⁹. В информационных материалах Челябинского ГПУ за февраль — апрель констатировалось, что «людоедство и трупоедство стали обычным явлением»²¹⁰. В Троицке в апреле фиксировались случаи самоубийства на почве голода, на улицах лежали тру-

²⁰⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 29.

²⁰⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.

²⁰⁷ Там же. Л. 18.

²⁰⁸ Степная правда. 1922. 27 апр.

²⁰⁹ Советская правда. 1922. 8, 11 марта.

²¹⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 104.

пы умерших голодной смертью. В мае в Златоустовском уезде не успевали хоронить покойников и складывали их в пустующие дома. Множество трупов лежали на дорогах неубранными²¹¹.

Согласно информации ГПУ, в голодающей части губернии, особенно в Верхнеуральском уезде, в апреле было не до сева: «Здесь население дошло до людоедства, трупоедства и совершенной потери человеческого образа жизни». За январь — апрель 1922 г. в уезде было зафиксировано 56 случаев людоедства. Трупоедение было еще более распространено. Здравотдел ежедневно хоронил до 150 человек, еще больше было незарегистрированных умерших. Поскольку скотина была поедена еще до января 1922 г., в ход пошли кошки, собаки, крысы, сырые кожи. Но и они к маю были съедены.росло количество краж и грабежей, в народных судах и отделах юстиции скопилось до 5000 уголовных дел²¹².

В середине мая 1922 г. из Георгиевского поселка Елизаветпольской станицы в Троицкую горюездную комиссию помощи голодающим было направлено письмо, в котором секретарь местного исполкома описывал процесс вымирания поселка:

«Доношу, что случаи смерти на почве голода увеличиваются с каждым днем, так, например, в марте месяце зарегистрировано умерших от голода 20 человек, в апреле месяце 29 человек, а за 15 дней мая месяца от голода умерло 35 человек. Случаев людоедства не замечается, что касается употребления в пищу трупов павших животных, то таковое является обычным явлением, одним словом, в пищу употребляется все, что только можно есть, кошка, собака, мышь, суслик, сурок и прочие животные и звери.

Помощь оказать голодающим никто среди жителей поселка не в состоянии»²¹³.

С апреля динамика развития голода на страницах чекистских отчетов и на газетных полосах приобрела более дифференцированный характер. Казалось, многое говорило о постепенном преодолении голодной катастрофы, начиная с поздней весны 1922 г. Прекращение взимания недоимок по продналогу, отмена гужевой повинности, выдача семян, «дружная» весна, сулившая хороший урожай, — все это содействовало улучшению крестьянских настроений²¹⁴. Апатия сменилась лихорадочной подготовкой к посевной кампании. Сев стал вождельной целью, отодвинув все другие проблемы. ГПУ так формулировало крестьянскую позицию:

«Нам все равно, какая власть, — говорили крестьяне, — дайте нам лишь возможность засеять поля, и осенью мы недоимки и налог выплатим. Дайте только семян»²¹⁵.

Собрав последние силы, применяя лопату вместо плуга и используя, за неимением рабочего скота, собственную мускульную энергию, крестьяне засевали поля.

Появлению надежд на выход из голода способствовали более осязаемые меры помощи голодающим. В июле 1922 г. в Челябинской губернии помощь оказывалась 421382 взрослым и 368329 детей. Помимо комитетов помощи голодающим, большую работу по преодолению голода развернули иностранные организации²¹⁶. Однако преимущественную помощь голодающим оказывал Помгол, овладев, наконец, ситуацией. В государственном информационном бюллетене ГПУ за 20 июня — 5 июля подчеркивалось, что состояние губернии значительно лучше, чем два — три месяца назад. Голод ощу-

²¹¹ Советская правда. 1922. 27 апр., 27 мая, 13 июня, 22 авг.

²¹² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 144.

²¹³ Там же. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 31.

²¹⁴ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 144.

²¹⁵ Там же. Л. 105.

²¹⁶ Там же. Д. 499. Л. 58.

шался не так остро, благодаря появлению огородных продуктов и более энергичной помощи Помгола и других организаций²¹⁷.

Эту позитивную тенденцию не следует, однако, считать абсолютной и универсальной. В ряде уездов продовольственная ситуация оставалась катастрофической, а поступающая помощь была явно недостаточной. Двусмысленность в оценке положения в Челябинской губернии в июньском (1922 г.) бюллетене ГПУ не позволяет говорить о поступательном преодолении голода как генеральной тенденции:

«Общеполитическое состояние губернии заметно улучшается, хотя голод и эпидемии свирепствуют по-прежнему, в особенности в Верхнеуральском уезде, где голод дошел до ужасающих размеров, благодаря его оторванности и трудности переброски продовольствия для голодающих, хотя там Помголы и Межрабпом кормят некоторую часть голодающих, но удовлетворить все голодающее население они не в силах.

Причинами улучшения политического состояния губернии и поднятия настроения, как среди рабочих, так и среди сельчан, служат виды на хороший урожай и реальная помощь Помголов и различных организаций, как то: АРА, Миссия Нансена и др.»²¹⁸

В августе 1922 г. государственный информационный бюллетень губернского отделения ГПУ отмечал дальнейшее улучшение настроений населения. Это утверждение не касалось, однако, значительной части губернии – Курганского, Верхнеуральского и части Миасского уездов. В начале мая в ряде мест выпал вызвавший падеж скота от бескормицы глубокий снег, который пролежал две недели, прозванные крестьянами «второй зимой». В Курганском уезде надежды на хороший урожай оказались обманчивы: сильные туманы и утренние осадки росы лишили колос зерна. Пробный умолот ржи в южных волостях составил пуд с десятины. В лучшем случае удавалось собрать столько же, сколько и засеяли. В Верхнеуральском уезде почти половина посевов хлебов пострадала от ржавчины и сильного града. Чекистский документ констатировал: «Настроение крестьян этих мест паническое, наблюдаются массовые случаи, что крестьянин, смотря на постигшие его бедствия, забирает свои пожитки и покидает родные места»²¹⁹.

Настроение сельских обитателей Челябинской губернии и в августе 1922 г. колебалось, таким образом, от надежды на лучшее до покорного безразличия. И тем не менее новый урожай и усиление помощи голодающим сделали свое дело. Количество голодающих шло на убыль. Так, в Златоустовском уезде, где численность страдающих от голода с января по июнь 1922 г. поступательно возрастала, в июле число голодавших стабилизировалось на июньском уровне, а в августе сократилось в 2,5 раза²²⁰.

Голод отступал. Население мучительно медленно начинало высвобождаться из тисков голодной катастрофы.

После голода: выкарабкиваясь из пропасти. Во второй половине 1922 г. регион начал оживать. Крестьянство, пережившее ужасы голода, осенью, казалось бы, могло перевести дух. Многие свидетельствуют, однако, о том, что успокоение было неустойчивым и обманчивым. Старые проблемы и сопутствующие им страхи не были преодолены.

²¹⁷ Там же. Л. 60.

²¹⁸ Там же. Л. 56.

²¹⁹ Там же. Л. 74.

²²⁰ Там же. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

Осенью 1922 г. власти не на шутку встревожило неожиданно быстрое и широко распространившееся в деревне самогонование и пьянство. Крестьянство своеобразным образом отмечало окончание голода и возвращение к относительно нормальной жизни. Это явление получило всероссийский размах. «Пьяный» праздник 1922 г., по наблюдению исследователя, имел прецеденты в российском прошлом: «Сильные загулы отмечались обычно в осеннюю пору урожайного года после череды неурожайных лет, а также в случае неожиданных сложений недоимок, объявления войн и заключения мира»²²¹. Все эти обстоятельства слились в 1922 г. в один мощный аккорд: год был урожайным, голод был пережит, налоги оказались не столь обременительны, как в 1921 г., после многолетних тягот войны и революции наступала, казалось, мирная пора. Помимо желания сбросить накопившиеся стрессы, население страны прибегло к самогоноварению и из соображений хозяйственной выгоды: сельская беднота изготавливала самогон, чтобы рассчитаться с государством по налогам с меньшими для себя потерями.

Однако государство и городские жители были напуганы столь варварским отношением к урожаю, сулившим возвращение еще не забытых проблем снабжения городов. Пресса, в том числе и на Урале, запестрела статьями, направленными против самогонования. «Вятская правда» в октябре – ноябре 1922 г. едва ли не ежедневно призывала к борьбе с кумышковым варением. Для беспокойств были основания: «Приезжающие из деревень очевидцы рассказывают о самом разнузданном пьянстве, охватившем целые селения и явившемся прямым результатом урожая»²²².

Пьянство охватило и Южный Урал. В октябре 1922 г. уфимская и оренбургская пресса корила крестьянина за короткую память:

«Пришел голод. Он (крестьянин) или безропотно умирал, или самоотверженно начал бороться с голодной смертью – ел кору, траву, лебеду и даже себе подобных (людоедство). <...> Но сегодня он все забыл – муки голода, ужасы голодной смерти, сегодня ему "море по колену", сегодня он "кум королю".

Сегодня он пропивает урожай, столь великими страданиями и усилиями добытый... <...> Куда ни поедешь, кого ни спросишь, – везде видишь и говорят – деревня варит и пьет самогонку – медовую и хлебную»²²³.

Употребление алкоголя приобретало в последние месяцы 1922 г. все более грандиозные масштабы, захватывало все социальные слои. В конце октября оренбургская печать, объявляя борьбу злоупотреблению спиртным, сетовала:

«Пьянство начинает принимать громадные размеры. Пьет спекулирующая публика. Пьет крестьянство. Попивают и рабочие.

Чего пьют? Рабочий и крестьянин "глушат самогонку", спекулянты покрепче – спирт и вино»²²⁴.

О распространении пьянства и мерах борьбы против него обзор-бюллетень Челябинского ГПУ за октябрь 1922 г. содержал следующую информацию:

«С выплатой налогов и окончанием молотбы на местах стали наблюдаться случаи варения самогонки, особенно это явление было отмечено в день праздника Покрова (крестьянский праздник 2 – 3 октября), [который] по-прежнему проводился в пьянствовании целыми неделями. Некоторые села, в особенности близкие к городам, находящиеся в лучших условиях, к празднику заготовили массу самогонки, в результате 1, 2 и 3 октября был пьяный разгул, в ряде сел и поселков со стрельбой, катанием на лошадях, песнями и гармоникой. В некоторых слу-

²²¹ Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон / Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 134.

²²² Вятская правда. 1922. 8 окт.

²²³ Власть труда. 1922. 3 окт.; Коммунар. 1922. 27 окт.

²²⁴ Коммунар. 1922. 29 окт.

чаях пьянство захватывало до 80 процентов всего населения. Такое явление говорит за то, что "наши жили" и уже стали забывать мякину, глину и суррогаты. Варение самогонки частично захватило города, в силу чего Губисполкомом с соответствующими судебными и карательными органами на объединенном заседании по вопросу борьбы с пьянством было постановлено просить Губисполком издать обязательное постановление о беспощадной борьбе с самогонщиками и пьянством»²²⁵.

Постановление должно было содержать две меры: создание при сельсоветах особых троек и выделение особого фонда для премирования губрозыска и милиции за успехи в выявлении самогонщиков и быстрой ликвидации домашнего массового изготовления спиртного.

Однако этих мер оказалось недостаточно – пьянство упрямо ширилось. В начале декабря 1922 г. VI губернский съезд Советов специально обсуждал вопрос о самогоноварении и предусмотрел три вида наказания самогонщиков: полную уплату продналога, который собирался в Челябинской губернии с 50-процентной скидкой; лишение права на получение весенней семенной ссуды; отказ от предоставления льгот и отсрочек по семенным ссудам прошлых лет²²⁶.

В январе 1923 г. бражничество приобрело в стране беспрецедентные масштабы. В стандартизированных бюллетенях ГПУ появилась новая рубрика – «пьян(ь)сводка», которую было чем заполнить в любой губернии. Стали проводиться местные двухнедельники и месячники борьбы с пьянством и самогоноварением. Начались обыски и конфискации спиртного и аппаратов для его производства. Так, в Вятской губернии в январе было произведено 793 обыска, конфисковано 405 аппаратов и 292 ведра самогона, заведено 1017 уголовных дел; в Екатеринбургской губернии провели 320 обысков, в ходе которых конфисковали 502 аппарата, 23 ведра и 18 бочек и завели 1111 дел²²⁷. Однако, несмотря на все принимаемые меры, пьяный ажиотаж пошел на спад лишь весной 1923 г., к началу полевых работ.

Опасение массового перевода зерна на самогон было, впрочем, единственной проблемой, серьезно беспокоившей власти, а обыски и конфискации орудий и продукции самогоноварения – единственным проявлением государственного насилия в деревне. В целом, сбор продналога 1922 г. проходил спокойно и не столь болезненно, как в предыдущем году. Сводка Вятского губернского отдела ГПУ за 30 августа – 1 сентября 1922 г. отмечала позитивные перемены в настроениях сельского населения:

«Повсюду в губернии, особенно в бывших голодных районах, наблюдается вполне удовлетворительное настроение крестьянства. Постепенно улучшается отношение крестьян к Советской власти и РКП[(б)]»²²⁸.

В заключении государственного информационного бюллетеня Челябинского губотдела ГПУ за август 1922 г. зафиксирован произошедший перелом:

«Стихийный голод пережит, смертность от голода как обычное явление прекратилась, по улицам валяющихся и бродящих, особенно на барахолке, не стало. Уголовная волна бандитизма миновала, за исключением отдельных случаев»²²⁹.

Налоговая кампания 1922 г. в Челябинской губернии без всяких затруднений была проведена с 5 сентября по 25 октября. Сбор продналога был выполнен на 100%.

²²⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 120.

²²⁶ Советская правда. 1922. 10 дек.

²²⁷ См.: Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 134, 140, 141.

²²⁸ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 48.

²²⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 85 об. – 86.

ГПУ в августе 1922 г. констатировало улучшение материального положения и настроения крестьян:

«Отношение к единому натуралогу крестьянских масс хорошее. Наблюдались такие случаи, что крестьянин, еще не зная, сколько с него приходится налога, без всякого понукания по доброй своей воле вез и сдавал налог даже больше, чем его следовало, такие случаи были не одиночны, а их было много...»²³⁰.

В октябрьском обзоре-бюллетене Челябинского губотдела ГПУ также подтверждалось безболезненное завершение сбора продналога:

«Общее настроение крестьянских масс вполне удовлетворительное. За все время проведения продналоговой кампании не наблюдалось ни одного волнения, также не было, как раньше, всевозможных собраний и митингов. Произведенная продкампания на сельских хозяйствах не отразилась и не затронула существующего спокойствия крестьянства»²³¹.

Тем не менее, материальные основы крестьянской жизни осенью 1922 г. были далеки от однозначного упрочения. Собранный в Челябинской губернии урожай был в полтора раза ниже продовольственной потребности, и собственного хлеба должно было хватить не более чем на полгода, после чего оставалось надеяться на помощь извне — благо, урожай в других губерниях был обильным. Во всяком случае, органы политического наблюдения в сентябре 1922 г. указывали на то, что сельское хозяйство губернии «нельзя назвать возбуждающим большие надежды»²³².

Несмотря на урожай 1922 г., положение бедной части населения деревни не улучшилось. Жизнь крестьянина из особо пострадавшего от голода Верхнеуральского уезда была существованием на руинах. Как констатировали работники политического ведомства, «...жизнь бедняка в настоящее время нерадостна: домишки разваливаются, в большинстве без стекол, вместо которых железо, тряпье, дерево и прочее ..., в хатах холодно и грязно, ходят зачастую полуголые, оборванные...»²³³.

Осенью наблюдался сильный падеж лошадей, который усугубили безнаказанные нападения волчьих стай на скот. Обрадовавшее крестьян декабрьское повышение рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию — в ноябре для выполнения пяти налогов нужно было продать восемь — десять пудов хлеба, в декабре — два — три пуда — ударило по самому же крестьянству:

«Повышением цен на сельскохозяйственные продукты крестьяне до некоторой степени довольны, с одной стороны, но с другой, когда приходится покупать фабричные изделия: мануфактуру, обувь, то существующие цены крестьянство коробят. Более слабое крестьянство, не обеспеченное хлебом, немного приуныло — варение самогонки стало наблюдаться реже»²³⁴.

Если в целом отношение крестьянства Челябинской губернии к советской власти оценивалось положительно, то в Верхнеуральском уезде ускоренный сбор налога вызвал недоверие населения к властям. Своевременная и полная выплата налогов, среди которых, помимо продовольственного, в 1922 г. фигурировали трудовой, гужевой, общегражданский, подворно-имущественный, промысловый, а также местные налоги, в конце года требовала от крестьян большего напряжения, чем в сентябре — октябре. Характеризуя положение деревни в феврале 1923 г., автор информационной сводки ОГПУ был настроен пессимистично:

²³⁰ Там же. Л. 74.

²³¹ Там же. Л. 120.

²³² Там же. Л. 104 об. — 105.

²³³ Там же. Д. 451. Л. 11.

²³⁴ Там же. Л. 149 об.

«Настроение крестьянских масс в общем можно считать подавленно-спокойным. Проводимые налоги могут иметь своим результатом сокращение посевной площади, так как в уплату налогов крестьяне вынуждены реализовать свои скудные запасы семенного хлеба. Отказов от выполнения налогов до сих пор не наблюдалось, но почти во всех уездах губернии, в особенности, беднейшее крестьянство переходит к употреблению в пищу суррогатов»²³⁵.

К этому времени в Курганском уезде были зарегистрированы голодающие: 15465 взрослых и 14100 детей. Месяца через два — три, то есть к началу весенних полевых работ 1923 г., в губернии прогнозировалась опасность занять одно из первых мест в стране по числу голодающих.

Голод оказался не преодоленным и в Оренбуржье. Если немногие относительно состоятельные крестьяне выполнили продналог без труда, то остальная и большая часть деревни по-прежнему недоброжелательно относилась и к НЭПу, и к советской власти. В особенно тяжелом положении вновь оказался наиболее пострадавший в 1921 — 1922 гг. Каширинский уезд, где из-за отсутствия рабочего скота, отчасти вымершего от голода, отчасти съеденного, крестьяне не смогли засеять необходимые площади. К тому же из-за неблагоприятной погоды много хлебов в 1922 г. опять погибло. Бюллетень Оренбургского губернского отдела ГПУ за 28 ноября — 5 декабря 1922 г. рисовал мрачную перспективу для жителей уезда:

«На крестьян вновь надвигаются все ужасы голода. Голод в уезде уже распространился на 10% всего населения уезда. Для голодающего вновь суррогат является лакомым кушаньем, но и это, вместе с наступлением настоящей зимы, исчезнет с их глаз. Количество голодающих увеличивается с каждым днем, тогда как заготовленной под посев 1923 года земли (по статистическим сведениям) очень мало»²³⁶.

В декабре 1922 г. число голодающих по губернии достигло 114,5 тыс. человек. По прогнозу, к весне 1923 г. эта цифра должна была вырасти до 172 тыс.²³⁷

В январе 1923 г. чекистские прогнозы оправдались. Положение крестьян было плачевным. Но, в отличие от прошлого года, они не умирали от голода, благодаря поддержке крестьянских комитетов общественной взаимопомощи²³⁸. Сбор ранней весной 1923 г. всех видов продналога, в том числе в голодавшем Каширинском уезде, вызвал у крестьян подавленное настроение. Никаких волнений, брожений и прочих проявлений открытого недовольства в 1923 г. уже не наблюдалось²³⁹.

Различные невзгоды не оставляли крестьянство и других губерний Урала. В Башкирии безоружное население донимали волки, которые среди бела дня врываются в деревню и резали остатки скота²⁴⁰. В Екатеринбургские сельские жители продолжали терпеть нападения остатков вооруженных банд дезертиров численностью в 3 — 15 человек²⁴¹.

Среди крестьян Вятской губернии с сентября 1922 г. были «заметны некоторые тревоги и опасения по причине скорого сбора натуралога»²⁴². Налог действительно собирался трудно: к 20 декабря 1922 г. было собрано 86% от плана, в крестьянских настроениях доминировали подавленность и враждебность к советской власти. Мало что изменилось в положении сельского населения и весной 1923 г.: крестьяне были обес-

²³⁵ Там же. Д. 674. Л. 1.

²³⁶ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 298. Л. 14 об.

²³⁷ ГАОО. Ф. Р-1868. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 — 4; Завод и пашня. 1922. 24 дек.

²³⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 11.

²³⁹ Там же. Л. 59 — 60, 69 — 70, 158 — 160.

²⁴⁰ Власть труда. 1922. 15 сент.

²⁴¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 113.

²⁴² ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 43.

покоены, хватит ли хлеба до следующего урожая. Летом 1923 г. беспокойство крестьян усилилось из-за плохих видов на урожай. В конце года в целом спокойное настроение вятского крестьянства омрачилось несоответствием между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Малый урожай 1923 г. позволил выполнить единый сельскохозяйственный налог к середине декабря менее чем наполовину²⁴³. Жизнь деревни на исходе третьего года НЭПа оставалась скудной и ненадежной.

Во второй половине 1922 г. жизнь в городах все более очевидно входила в нормальное русло. В Уфе летом 1922 г. восстанавливался запущенный в прошлые годы парк «Свободы», налаживался разрушенный там цветник, ремонтировались расположенные на его территории здания. В декабре в бывшем Доме крестьянина открылся театр и концертный зал «Эрмитаж». Газеты запестрели рекламными объявлениями. В конце 1922 г. уфимцы могли найти в них, например, рекламу «лучшего уфимского пива», выпуск которого должен был начаться не позднее середины декабря. Для пропаганды его достоинств открыто упоминалось его дореволюционное происхождение — прием, немислимый в прежние годы. Рекламиривался производитель пива «качеством и крепостью довоенного времени» — пивоваренный завод № 1 Башпрома, или бывший завод наследников В.И.Видинеева. С 12 декабря начинался также отпуск пива товарищества «Новая Бавария»²⁴⁴.

Улучшилось санитарное состояние Оренбурга — еще недавно одного из эпицентров массовых заболеваний. Летом 1922 г. холерных вибрионов не было обнаружено ни в реке Урал, ни в водопроводе, ни даже в канализационных трубах. В городе вновь действовали кинотеатры «Люкс», «Аполло», «Кино-Палас», «Городской театр». В октябре на углу Введенской и Гостинодворской улиц Оренбурга открылось отделение московского универмага ГУМ, составившее конкуренцию частным соседям и активно посещаемое публикой. Благодаря преодолению массового голодного бедствия наступившая зима 1922 г. не была похожа на предыдущую, что особо отмечалось прессой:

«На улицах Оренбурга мы не видим толпы дрожащих от холода, едва передвигающих ноги голодных. Театры и кинотеатры полны нарядной публикой»²⁴⁵.

Летом 1922 г. постепенно приводилось в порядок санитарное состояние Челябинска. Эта тема в июне была специально затронута в информационных материалах Челябинского губотдела ГПУ:

«Введен один день в неделю бесплатного мытья в банях для несостоятельных граждан, а также понижена плата за воду. Началась разгрузка станции, отправлены все отставшие от поездов и безбилетные.

*Санитарными инспекторами проводится осмотр города, зданий и учреждений, а также служащих различных учреждений и дезинфекционные работы»*²⁴⁶.

С середины 1922 г. ощутимо улучшилось материальное положение получавших жалование. Если в 1920 — 1921 гг. максимальный рабочий паек на Урале составлял 45 фунтов муки, то в 1922 г. минимумом являлось 80 фунтов²⁴⁷. В октябре 1922 г. Челябинский губотдел ГПУ в обзоре — бюллетене сопоставил заработки рабочих и служащих в губернии в первой половине и осенью 1922 г. По его данным, сентябрь отличался разнообразием ставок, благодаря чему более 50% работающих укрепили свое материаль-

²⁴³ Там же. Л. 18; Д. 469. Л. 46, 58, 95, 102.

²⁴⁴ Власть труда. 1922. 25 июня, 10, 12 дек.

²⁴⁵ Завод и пашня. 1922. 26 июля, 14 окт., 24 дек.; Степная правда. 1922. 4 сент.

²⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 58 — 59.

²⁴⁷ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 96.

ное положение. Средняя ставка рабочих и служащих кооперативных организаций — к этому времени они были переведены на денежный расчет — составляла 7 тыс. р., что позволяло приобрести по кооперативным ценам в шесть — восемь раз больше продуктов, чем в первом полугодии: шесть — семь пудов муки или два — три пуда мяса. Часть государственных промышленных предприятий была полностью переведена на денежный расчет, другая продолжала получать продпак в счет зарплаты. На предприятиях первой группы заработок в среднем составлял 7,5 тыс. р. Рабочие предприятий второй группы помимо денег — 2200 р., позволявших приобрести на рынке 2,5 пуда муки или 30 фунтов мяса, — получали по 2 пуда муки, 12 фунтов мяса, 1,5 фунта жиров, 4 фунта соли. Если в первом полугодии 1922 г. рабочий на свою зарплату едва мог прожить сам, то в сентябре он мог содержать еще и двух членов семьи. Некоторые кооперативные организации устраивали, кроме того, коллективные посевы и обеспечивали своих работников продаваемыми по себестоимости обувью, мылом, табаком и прочими продуктами. Рабочие и служащие кооперативных организаций без труда могли содержать, помимо себя, трех членов семьи. Осенью 1922 г. заметно улучшилось материальное обеспечение работников советских учреждений, хотя их жалование было не столь щедрым, как в вышеназванных организациях: на него работающий мог содержать себя и только одного члена семьи²⁴⁸.

Оплата труда становилась не только более обильной, но и регулярной. В документах политического наблюдения ближе к концу 1922 г. все чаще можно было встретить информацию такого рода:

«...рабочие снабжаются сообразно интенсивности работы каждого из них; работающему честно и аккуратно отпускается товар, иногда и за счет управления (государственной кожной промышленности — И.Н.), в сырых или мокрых отделениях рабочие снабжаются сапогами и даже фартуками, чтобы не так сильно портилась одежда рабочего, даются также и рукавицы.

Жалованье в последнее время выплачивается аккуратно»²⁴⁹.

В связи с улучшением материального положения благодаря переводу на коллективные договоры поднималось и настроение рабочих, становясь устойчивым и, по терминологии политических органов, «спокойным»²⁵⁰. Рост материальной обеспеченности совпал с относительной стабилизацией рыночных цен, о чем Челябинский губотдел ГПУ летом 1922 г. писал следующее:

«...цены на рынке остановились в повышении и начали заметно склоняться к понижению. Резкое ограничение государством своего эмиссионного права выпуска денег и стремление к стабилизации курса рубля и усиленный приток товаров на рынок пред урожаем для созидания свободного капитала являются основными причинами понижения цен»²⁵¹.

В обзоре-бюллетене Челябинского губернского ГПУ осенью 1922 г. содержалась также оптимистичная оценка позитивного воздействия НЭПа на промышленность:

«...НЭП сильно оказал свое влияние, промышленность начинает все больше и больше принимать живой вид, меньше закрытых предприятий.

Много предприятий находится в состоянии ремонта, многие предприятия начинают возобновлять свою работу, работающие же предприятия начинают давать прибыль»²⁵².

²⁴⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1 Д. 499. Л. 117 об.

²⁴⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 298. Л. 14.

²⁵⁰ Там же. Д. 296. Л. 11, 59, 69, 158.

²⁵¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 60.

²⁵² Там же. Л. 103 об. — 104.

В конце 1922 г. первые плоды стали приносить государственные усилия по развитию кооперации. Так, Вятский губсоюз 9 ноября впервые выпустил свой хлеб на рынок по 1 тыс. р. за пуд, в результате рыночные цены на муку упали с 1700 до 1300 – 1400 р.²⁵³

Некоторая стабилизация жизни и укрепление ее материального обеспечения позволяли перейти от повседневных забот о куске хлеба к планированию более длительной и честолубивой перспективы. Симптоматична подача летом 1922 г. огромного количества заявлений в Оренбургский губпросвет от молодых людей, желающих поступить в ВУЗы Москвы и других университетских городов²⁵⁴.

Однако не следует спешить с обобщением перечисленных положительных явлений в некую универсальную тенденцию. Рост материального благополучия населения был неустойчив и относителен, а для значительных социальных групп нищета и бедствие оставались горькой реальностью.

Кооперация и кустарная промышленность были еще слишком неразвиты, чтобы влиять на рыночные цены. В феврале 1923 г. Челябинский губотдел ОГПУ сетовал, что «работа кооперации по-прежнему слаба, вследствие отсутствия необходимых средств и товарных ценностей»²⁵⁵. Относительная устойчивость и даже падение цен были не столько заслугой государственной политики, сколько следствием отсутствия денежных средств у потенциальных покупателей, прежде всего – крестьянства. Рыночная стихия оставалась неуправляемой, ощутимо ударяя по карману горожанина. Так, хороший урожай 1922 г. в Уфимской губернии вызвал в августе неожиданный массовый приток мешочников и вывоз хлеба, вследствие чего рыночные цены подскочили вдвое²⁵⁶. Информационный бюллетень Челябинского губернского отдела ГПУ за август 1922 г. констатировал, что, «несмотря на общий перелом и сдвиг к общему улучшению, в торговом мире продолжает быть полный застой и вообще не намечается никакого улучшения...»²⁵⁷. Как отмечалось в том же документе, отсутствие крестьянина-потребителя на рынке и дефицит денежных средств сковывали экономическую жизнь в губернии: «Отсутствие денег чувствуется по всей губернии, особенно в уездах, оторванных от железных дорог...»

Задолженность предприятиям и советским учреждениям жалования за несколько месяцев, слабое поступление налогов, 6-триллионный дефицит губисполкома – все это ставило под угрозу работу предприятий, большинство из которых было обеспечено сырьем всего на два – три месяца.

Благополучие работников предприятий и учреждений оставалось относительным. Средний размер зарплаты уральских рабочих-металлистов в 1923 г. составлял всего 46% довоенной (57 – 60% у квалифицированных рабочих и 41% у чернорабочих). Однако и это скудное жалование выдавалось с опозданием на два – три месяца, вызывая недовольство рабочих, доходивших до организации забастовок²⁵⁸. Настроения рабочих оставались неустойчивыми. Информационная сводка Челябинского губотдела ОГПУ за февраль 1923 г. сообщала:

«Настроение рабочих госпромышленности губернии за февраль месяц в большинстве случаев изменялось в ту или иную сторону в зависимости от основных причин: несвоевременной

²⁵³ Вятская правда. 1922. 21 ноября.

²⁵⁴ Завод и пашня. 1922. 23 июля.

²⁵⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 674. Л. 2.

²⁵⁶ Власть труда. 1922. 17, 19 авг.

²⁵⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 86.

²⁵⁸ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 71, 72.

выплаты зарплаты и тяжести налогов, влияющих всегда на политэкономическое состояние рабочих отрицательно. В общем же можно положение считать устойчивым»²⁵⁹.

Недовольство рабочих усугублялось прогрессирующей дифференциацией в оплате труда. В документах челябинских чекистов в августе 1922 г. констатировалось:

«Материальное положение рабочих неодинаково, те, которые работают в предприятиях и учреждениях, перешедших на хозяйственный расчет, далеко лучше обеспечены, чем рабочие, работающие в предприятиях и учреждениях, находящихся на госснабжении, так как первые гораздо больше обеспечиваются продовольствием и различными продуктами первой необходимости, чем последние»²⁶⁰.

Серьезный разброс ставок угнетающе воздействовал на некоторые категории служащих, среди которых хуже всего были материально обеспечены учителя, служащие губмилиции и губрозыска, губревтрибунала, ГПУ и ряда других учреждений²⁶¹.

В обзоре-бюллетене Челябинского губотдела ГПУ за сентябрь 1922 г. особое внимание было уделено материальному положению самих сотрудников бывшей ЧК, которое при НЭПе, по авторитетному мнению составителя этого документа, отнюдь не улучшилось:

«Экономическая жизнь сотрудников и материальные условия продолжают оставаться плохими и неудовлетворительными, несмотря на то, что наряду с таким положением сотрудники других учреждений в связи с НЭП и колдоговорами профсоюзов учреждений, предприятий получили возможность улучшить свои материальные условия. Материальное же положение сотрудников Губотдела ГПУ как раз получило обратную картину. Получаемое жалование и продовольствие абсолютно не обеспечивает самые необходимые жизненные потребности. Несмотря на ряд распоряжений центра о выдаче самого лучшего качества продуктов, до сего времени в жизнь не проводится и получаемое продовольствие выдается самого плохого качества, в особенности в уездах. Мясо, табак, мыло, сахар и прочие мелкие продукты не выдаются совсем, за последнее время вместо мяса выдается селедка или нигде не годная рыба, вместо белой муки выдается ржаная, иногда лежалая. Это положение только с одной стороны. С другой стороны положение сотрудников еще хуже, а именно в отношении удовлетворения жалованием.

Жалование вообще выдается плохо из рук вон. Сотрудники при самом губотделе жалование получают с большим запозданием. За май месяц совсем не получили, за август не полностью, получили не более 80%. В уездах же не получали за апрель, май и июнь»²⁶².

Осенью 1922 г. на ряде предприятий Челябинской губернии вновь наметилось неблагоприятное положение. Местный отдел ГПУ сообщал:

«Более крупные объединенные районы рабочих по производству Челябинской губернии за последние месяцы сентябрь и октябрь вследствие перебоев в снабжении продовольствием, прозодеждой и в особенности жалованием переживают вновь материальный кризис...»

Рабочие депо и железнодорожники Челябинска в октябре выдвигали требование полной оплаты жалования, своевременной выдачи продовольствия без завышения цен, обеспечения одеждой. Они жаловались на плохие жилищные условия, мизерные ставки, невыдачу топлива, недоброкачественные продукты питания. Вновь отмечалась апатия и политическое равнодушие рабочих:

«...рабочие совершенно отстали от жизни и находятся вне всякой политики. Недовольство по отношению к Соввласти и компартии много, но все они чисто экономического характера и политической окраски не носят».

²⁵⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 674. Л. 1.

²⁶⁰ Там же. Д. 499. Л. 74 об.

²⁶¹ Там же. Л. 117 об.

²⁶² Там же. Л. 113.

Участился уход рабочих в деревню и на другие предприятия. Рабочие угольных копей, на которых было занято более 4,5 тыс. человек, поговаривали о забастовке: зарплата не выдавалась 3,5 месяца, а у кооперативных лавок в ожидании выдачи продуктов скапливались «хвосты» до 500 человек. В жалобе, подписанной рабочими-угольщиками говорилось:

«26 октября паек у нас начали выдавать и только за первую половину октября, рабочие, чтобы получить муку, стоят в очереди в хвосте раздетые и в рваной обуви, на морозе по 5 дней, получивши муку, им говорят, что другие продукты еще не привезены, и они снова должны занимать место в хвосте, чтобы получить мясо, соль, крупу».²⁶³

Задолженность администрации копей шахтерам составляла в октябре 1922 г. 800 млрд. р. Продукты при этом выдавались по завышенным ценам: ржаная мука, например; отпускалась в лавке по 1 тыс. р. за пуд, в то время как на вольном рынке она стоила 600 р. Происходили стычки между рабочими и администрацией, так как «администрация и спецы удовлетворяли себя жалованьем полностью, в то время когда рабочие не получали ничего»²⁶⁴. Лишь с 20 октября рабочим Челябинских угольных копей начали платить заработок за июль — первую половину августа. При этом служащие брали зарплату за полтора месяца вперед²⁶⁵. В декабре губотдел ГПУ информировал вышестоящее начальство, что с рабочими Челябинских копей не произведен полный расчет по зарплате за полгода, с металлургами Златоуста — за два месяца. В течение этого времени рабочие получали только продовольствие и незначительные денежные авансы²⁶⁶.

Сбои государственной деятельности по обеспечению населения самым необходимым усугублялись безалаберностью в организации хранения предметов массового спроса. Продовольственные склады, как и в первые месяцы после прихода большевиков к власти, пребывали в запущенном, почти бесхозном виде. Так, в октябре 1922 г. из-за халатности складских работников на Челябинских угольных копях испортилась мука, сливочное масло, сало²⁶⁷. При проверках складов заготовительных контор Вятского губернского продовольственного комитета осенью 1922 — зимой 1923 гг. регулярно обнаруживались следы вопиющей бесхозяйственности. Акт ревизии продуктов на складе № 6 от 12 октября 1922 г. гласил:

*«Папиросы в количестве 27000 штук в пачках по 100 штук в каждой испорчены настолько, что большая половина их не годна к употреблению, остальные хотя и годны, но имеют пятна подмочки (ржавчины) и папиросы в количестве 6375 штук сильно испортились об стенку ящика и поедены мышами, так что к употреблению также не пригодны»*²⁶⁸.

В конце декабря 1922 г. проверка того же склада обнаружила, что 7 пудов 8 фунтов патоки хранятся в непрочной таре, закисло и вытекают; тара, в которой находилось 303 пуда 16 фунтов меда, была негодной и дала течь; из 144825 папирос четвертая часть были бракованными; 330 пудов карамели вытекали из бумажных оберток, 14 пудов 12 фунтов сахара имели примесь соли, 2541 пуд вяленой рыбы отмяк в рваной и сырой упаковке. Ревизия злополучного склада № 6 в феврале 1923 г. выявила, что из 35375 папирос высшего сорта 12875 штук совершенно негодны к употреблению, ос-

²⁶³ Там же. Л. 116.

²⁶⁴ Там же. Л. 116 об.

²⁶⁵ Там же. Л. 131 об.

²⁶⁶ Там же. Л. 142.

²⁶⁷ Там же. Л. 132.

²⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-893. Оп. 1. Д. 655. Л. 23.

тальные промокли и покрылись пятнами; упомянутые выше 14 с лишним пудов сахара были к употреблению также не пригодны²⁶⁹.

Вятский губотдел ГПУ и в августе 1922 г., и годом позже фиксировал недовольство советских служащих и школьных работников («шкрабов») задержкой в выплате жалованья²⁷⁰. Лишь в конце 1923 г. вятские службы политического наблюдения впервые отметили улучшение материального положения рабочих и служащих в связи с переходом на червонное исчисление в оплате их труда²⁷¹.

В наиболее плачевном положении оставались безработные, количество которых не убывало. Уволенные по сокращению штатов, в основном неквалифицированные рабочие — женщины и подростки — вынуждены были перебиваться мелкой торговлей, случайной работой у частных лиц, проституцией. Политические органы констатировали:

«Экономическое положение вообще безработных самое тяжелое. Оказываемая помощь настолько минимальна, что безработным приходится вести ожесточенную борьбу за существование»²⁷².

Свертывание осенью 1922 г. деятельности АРА и других организаций помощи голодающим усилило безработицу среди представителей умственных профессий, создавая у них дополнительное основание для недовольства советской властью. Безработица стала настолько будничным явлением, что увольнения не вызывали больше протестов среди работников. По замечанию челябинских чекистов, в конце 1922 г. на угольных копиях «...увольняемые рабочие вполне смирились со своим положением»²⁷³. Как одно из последствий преодоленного голода, в городах процветали детские беспризорность, воровство и проституция.

Лишь в конце 1923 г. сводки местных филиалов ОГПУ обрели чеканную, устойчивую формулу, которая, как рефрен, кочевала из документа в документ:

«Настроение рабочих госпредприятий, фабрик и заводов спокойное. Отношение к Совласти и РКП [(б)] сочувственное. Случаев волнений, брожений и забастовок за отчетное время не было. Взаимоотношение между рабочими и администрацией удовлетворительно»²⁷⁴.

Выход из кризиса происходил медленно и болезненно, завтрашний день оставался неясным и ненадежным, суля многим новые угрозы, рождая новые страхи. И тем не менее, некоторая стабилизация жизни на уровне, обеспечивавшем большинству скудное существование, сигнализировала о том, что население региона трудно и неуверенно, но все же выбиралось из многолетней катастрофы.

У «патриотического» российского читателя, воспитанного на героике революции, гражданской войны и первых лет советской власти, содержащееся во второй части книги описание этого драматичного периода истории одного из регионов России может вызвать подозрение: не изыскивал ли автор целенаправленно наиболее мрачные факты, вызывающие гнетущее впечатление, не сгустил ли он краски? Отвечая на гипотетический вопрос, считаю необходимым сделать ряд замечаний.

²⁶⁹ Там же. Л. 29, 31.

²⁷⁰ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 42, 62.

²⁷¹ Там же. Л. 91, 102.

²⁷² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 103.

²⁷³ Там же. Д. 674. Л. 162.

²⁷⁴ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 469. Л. 95.

Прежде всего, я далек от наивной иллюзии классической историографии XIX века, что историк-исследователь в состоянии «просто показать, как все было на самом деле» (Л. Ранке). Под пером другого историка, при иной постановке вопросов, иной бы оказалась и эта история. Меня интересовала повседневная жизнь, будничные заботы обычных людей, попавших в необычную ситуацию. В изложении почти отсутствует «большая политика», попытки государственных деятелей воздействовать на жизнь «маленького человека». Если бы эта жизнь, по примеру бесчисленных предшественников, рассматривалась мною не как самостоятельный и самоценный объект исследования, а через призму партийно-государственных мер по ее изменению, то есть как довесок и иллюстрация к политической истории, в изложении было бы больше простора для оптимизма и героического мифа — вне зависимости от результативности этих мер. Можно было бы в деталях и не без патетики описывать, что желал или пытался сделать «для народа» тот или иной режим, этот или другой политический деятель.

В данном случае именно эта часть прошлого оказалась «за кадром». Мрачноватый колорит книги является неизбежным следствием того, что она посвящена не тем тысячам «борцов за идею» — неважно, революционную или «белую», интернационалистскую или национальную, — которых окрыляло ощущение причастности к великим событиям, воспринимаемым как органичная часть собственной судьбы. Напротив, авторский интерес адресован миллионам людей, для которых русская революция оказалась внешним и чужим явлением, рождавшим смутные надежды и горькие разочарования. При сосредоточении внимания на буднях населения обнаруживается, что основы повседневного существования были безжалостно и необратимо скомканы и разрушены постигшей страну затяжной катастрофой, и ни один из сменявших друг друга политических порядков не смог противостоять этому распаду. Поэтическая романтика революции при взгляде на нее «из опасной близости» оборачивается серой прозой все более трудного поиска заработков и пропитания, все менее устроенного быта и все меньшей физической защищенности человека.

Источниковый материал на эту тему не пришлось выискивать, препарировать его для сгущения красок было немыслимо. Лояльная и оппозиционная режимам пресса, частная переписка и, что особенно ценно, конфиденциальная информация внутреннего пользования, исходившая от преданных режиму инстанций, перенасыщены сведениями о повседневных тяготах жизни людей в 1917 — 1922 гг. Проблематичным оказалось, напротив, ограничение необозримого потока информации о быте и буднях тех лет. При создании второй части книги авторские усилия сводились к тому, чтобы упорядочить материал и по возможности воздержаться от пристрастных комментариев и оценок. В результате авторский текст предельно сжат и скуп, уступая значительно большую часть фрагментам источников.

И наконец, следует особо подчеркнуть: в этой части книги собран материал о том, что виделось или могло видеть большинство живших во время революции людей и на что скорее всего обратил бы внимание наш современник, доведись ему попасть в Россию тех лет. Совершенно очевидно, что люди, воспитанные в относительно благоприятной для существования второй половине XX в., сочтут ту жизнь невозможной, невыносимой, слишком катастрофичной, чтобы казаться реальной. Но так ли ощущал и оценивал окружающее житель революционной России? Какие объяснения он находил происходящему, как приспосабливался к трудностям и неожиданностям повседневной жизни? Как он выживал в условиях, в которых выжить современному человеку представляется невероятным? Ответам на эти вопросы и посвящена следующая часть книги.

3. Стратегия выживания населения (Взгляд изнутри)

«А в самом деле, читатель, какой-нибудь такой с усиками в его спокойное время прямо нипочем правильно не представит нашей жизни. Он, наверное, будет думать, что мы все время в землянках сидели, воробьев кушали и вели какую-нибудь немыслимую дикую жизнь, полную ежедневных катастроф и ужасов... Нет, так называемая личная жизнь шла понемножку, как она всегда и при любых обстоятельствах идет. И любители такой жизни по мере своих сил приспособлялись и принаравливались».

М.М.Зоценко

«...каждый мир с густым населением выработал ряд простейших ответов [на свои потребности] и обнаруживает прискорбную тенденцию держаться за эти ответы в силу инерции, одной из великих работниц истории».

Ф.Бродель

3.1. В поисках смысла: интерпретации происходящего

«...разруха сидит не в клозетах, а в головах!»

М.А.Булгаков

К вопросу о технологиях выживания. Исследование протекания политических, хозяйственных и социальных макропроцессов в 1917 – 1922 гг. в одном из регионов России позволяет описать их как катастрофу. Рассмотрение «мелочей» повседневного существования людей в те годы еще более усиливает впечатление трагедии и вызывает у современного человека и сочувствие, и отчуждение. Однако ни тот, ни другой подход не позволяет дать удовлетворительный ответ на вопрос, что происходило в головах людей, как накапливался опыт и каково было его содержание, как и в каком направлении работала коллективная память, какие поведенческие коды вырабатывало население и в какие формы воплощало их, — словом, как функционировала и менялась культура в самом широком смысле слова, культура как сотканная человеком ткань значений.

Если исследователь не обращается к перечисленным проблемам, он продолжает скользить по твердой поверхности политической, экономической и социальной жизни, а его описания и интерпретации, как бы ни были насыщены голосами из прошлого, остаются монологической конструкцией человека из другой эпохи, взглядом на чужое прошлое. В таком случае, историк подчиняет минувшее вопросам, актуальным для самого исследователя и того общества, в котором он живет, проходя мимо увлекательнейшей и ответственной задачи открыть и понять ответы людей из другого времени и иной культуры на вопросы, которые их волновали. Изучение стратегий выживания населения в экстремальных условиях, которым и посвящена эта часть книги, является попыткой сделать шаг на пути к решению этой непростой задачи.

Содержащаяся в предыдущих главах информация не только демонстрирует повышенный риск существования в условиях затяжных катастрофических потрясений, но и позволяет предположить, что разрушение государственности и экономических структур, «атомизация» общества создавали чрезвычайно многообразные возможности выживания в новые условия. В этой связи неизбежно всплывает проблема классификации техники борьбы за существование.

Первую, насколько мне известно, попытку разработать такую классификацию на примере поведения обывателя в России революционных лет предпринял В.В. Канишев¹. В качестве критерия для нее им предложена степень законности добывания средств существования. К легальным способам приспособления им отнесены советская служба для получения «классового пайка», переселение в «сытые» края, приобретение удостоверения, освобождающего от реквизиций и призыва в армию, приработок с помощью занятия дополнительным ремеслом или (для горожан) сельским хозяйством и огородничеством. Среди полулегальных методов выживания фигурируют спекуляция, в том числе наиболее известная ее форма — мешочничество, на которую власти, неспособные решить продовольственную проблему, вынуждены были закрывать глаза. Нелегальные способы приспособления, по классификации В.В. Канишева, включают в себя манипуляции с продовольственными карточками, уклонение от многочисленных повинностей, массовые хищения бесхозного имущества, кражи на железных дорогах самими работниками транспорта, опустошение частных огородов, злоупотребление служебным положением. Такая классификация, помимо неполноты перечисленных методов приспособления к экстремальным условиям существования (это признается и ее автором), имеет ряд очевидных недостатков. Государственный взгляд на способы приспособления населения не был постоянным. Например, власти, в зависимости от ситуации, то легализовали мешочничество, то начинали жесткую кампанию борьбы с ним. В результате один и тот же метод борьбы за существование попадал то в разряд легальных, то в круг незаконных. К тому же легальные формы приспособления чрезвычайно часто наполнялись криминальным содержанием. Так, власти по мере сил боролись против «шкурников» среди советских служащих, то есть как раз против тех, кто поступал на работу ради пайка. Законное переселение также было юридически затруднено режимным положением многих территорий и населенных пунктов страны, которые закрывались властями в надежде таким способом решить продовольственный вопрос. Получение нужных «охранных» бумаг зачастую также было сопряжено с незаконными действиями. В.В. Канишев и сам признает, что некоторые легальные способы выживания на деле имели рваческий характер². Итак, по причине слабости институтов власти и непостоянства официальной линии, границы между предложенными В.В. Канишевым формами приспособления оказываются предельно размытыми. Видимо, большинство способов выживания располагались в своеобразной «серой зоне» и являлись сложной комбинацией легального и наказуемого.

Более всего в предложенной квалификации смущает концентрация авторского внимания на «экономической» сфере борьбы за существование — технике получения материальных ресурсов (производстве и распределении)³. Между тем, существовали и другие области жизнедеятельности, требовавшие выработки техники выживания.

¹ См.: Канишев В. В. Приспособление ради выживания (Мещанское бытие эпохи «военного коммунизма» / Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 98 — 115.

² Там же. С. 105.

³ Ограничение стратегии выживания населения сферой создания и циркуляции материальных благ грозит превратиться в традицию современной российской историографии (напр., см.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 — 1941. М., 1998. С. 141 — 172.

К ним относятся действия, направленные на обеспечение личной безопасности. Рассматриваемый период был перенасыщен не только материальными, но и физическими угрозами. Никто не знал, не попадет ли он завтра в тюрьму, не лишится ли жизни от ножа бандита или пули милиционера. В этой связи люди вырабатывали способы активного или пассивного приспособления к господствующему режиму или, в самом крайнем и безвыходном случае, методы обороны против него.

Изменение внешних условий существования «перенастраивало» человеческую психику и модели поведения. Закономерности новой «отладки» поведенческих кодов российского населения в те годы соответствовали наблюдениям немецкого теоретика социо- и психогенеза и автора теории «процесса цивилизации» Н.Элиаса:

«...общества без стабильной монополии на власть одновременно всегда являются такими обществами, в которых разделение функций относительно ограничено, и цепочки действий, связывающие отдельного человека, довольно коротки. И наоборот: общества с более стабильными властными монополиями... – это общества, в которых разделение функций более или менее хорошо развито, в которых цепочки действий, связывающие отдельного человека, длиннее, и функциональная зависимость человека от других людей сильнее. Здесь человек в целом защищен от внезапного нападения, от неожиданного вмешательства физической силы в его жизнь; но одновременно он и сам вынужден сдерживать выплески собственных страстей, возбуждение, которое толкает его к нападению на другого. <...> Удержание спонтанного возбуждения, сдерживание аффектов, расширение горизонта мысли за пределы сиюминутности, в последовательность прошедших причин и будущих последствий, – это различные аспекты того же изменения поведения, которое неизбежно происходит одновременно с монополизацией физического насилия, с удлинением цепи последовательных действий и взаимозависимостей в общественной сфере. Это и есть изменение поведения в смысле “цивилизации”»⁴.

В революционной России этот процесс пошел в прямо противоположном направлении. Ослабление власти и обостренное чувство незащищенности обернулись нагнетанием аффекта в поведении населения. При этом горожанам было у кого поучиться: города были переполнены вчерашними крестьянами в гражданской и военной одежде.

Наводнение городов представителями слабо дифференцированного мира сельской общины повлекло за собой огрубление городских нравов задолго до революции 1917 г. В последние годы существования Российской империи общественность с тревогой отмечала нагнетание жестокости и равнодушия в сознании подданных. Эти перемены наглядно проявились в первой русской революции – своеобразном прологе к гражданской войне, – которая впервые дала возможность населению познакомиться с массированным и неприкрытым насилием со стороны толпы, экстремистских партийных формирований и государства. Погромы и партийный террор, вооруженные стычки между демонстрантами и полицией, использование регулярной армии для подавления локальных восстаний в городах и крестьянских волнений в деревне, порки крестьян и военно-полевые суды – все это, пронесаясь перед глазами изумленного обывателя, приучало к запаху крови, содействовало обесцениванию человеческой жизни, превращало насилие в обыденное явление и вызывало защитную реакцию, атрофию чувствительности и сострадания. Газеты пестрели хроникой жестокостей, которые все меньше и меньше шокировали публику:

«...эти картины человеческого зверства нам примелькались, и мы так с ними свыклись, так равнодушно стали относиться к этим ужасным явлениям, что каждый кошмарный факт сливается в нашей памяти с другими, менее значительными, и исчезает совсем»⁵.

⁴ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt/M., 1997. Bd. 2. S 332 – 333.

⁵ Оренбургское эхо. 1912. 10 дек.

Однако для свидетелей потрясений 1917 г. горькие размышления оренбургского журналиста пятилетней давности могли показаться надуманными. Из толщи русской революции довоенная жизнь, скорее всего, виделась спокойной и упорядоченной. Война и последующий крах режима вместе с солдатской массой вприснули в городскую жизнь изрядную долю жестокости, огрубил стереотипы поведения. Первой реакцией на тяготы повседневной жизни еще до начала революции стало стремительное нагнетание агрессивности в повседневном поведении и общении на городской улице. Накануне революции 1917 г. одна из челябинских корреспонденций под заглавием «Родные картины», обобщая материалы русской прессы, так живописала настроение улицы:

«Присмотритесь к улице нашего дня, и вам станет жутко. У нее хищное, злобное лицо. В каждом обыденном практическом движении человека из толпы – кто бы он ни был – вы увидите напряженный инстинкт зверя. Никогда еще закон борьбы за существование не имел столь обильных и ярких проявлений в человеческой обществу.

Присмотритесь к этим мелким движениям нынешнего «человека и гражданина».

В большом городе, например, когда вы пытаетесь сесть теперь в вагон трамвая, вас безжалостно могут сбросить под вагон другие, желающие занять ваше место. Судя по газетной хронике, теперь нередки случаи гибели детей – учащихся, сброшенных под колеса толпой. Тот, кому нужно сесть в вагон, борется с другими, кому тоже нужно сесть, не на живот, а на смерть, с энергией и ожесточением зверя. В десятках других мелких примеров, в которых сказываются элементы, образующие будни жизни, вы можете увидеть это небывалое пренебрежение человека к человеку, феноменальный, жестокий эгоизм личности.

В хвостах у лавок бывали случаи, когда, поспорив из-за очереди, один разбивал другому голову бутылкой... Смерть, убийство из-за того, чтобы добыть себе кусок мяса, которое мог бы захватить сосед. Чем это не грызня волков из-за добычи?! <...> ...из этих мелочей, а не из высоких вопросов, складывается обывательский день. И в этих мелочах видна бескрайняя, преступная и не имеющая оправдания жестокая тупость человека к человеку и оголенный разнузданный звериный эгоизм.

Никогда еще так легко не третировали, не ругали, не лезли в драку из-за вздора, как теперь! <...>...миллионы ненужных терзаний со дня на день ожесточают обывателя, бессмысленно тонущего в грязи, изнывающего в хвостах, стиснутого до обморока в вагоне, ругаемого приказчиком, извозчиком, всяким встречным, и в свою очередь теряющего культурный облик и готового изругать весь мир, ударить женщину, столкнуть с дороги ребенка...»⁶.

Жестокость как доминирующий образец поведения проходит красной нитью через весь рассматриваемый период. Предельного накала массовая склонность к насилию достигла всего через несколько месяцев после начала революции, взорвавшись пиршеством пьяных погромов осенью 1917 г. В них без труда читается еще одна существенная перемена в поведении, природа которой корректно описывается теорией Н.Элиаса. Переменчивость и ненадежность жизни резко сокращали возможности человека планировать и прогнозировать свою жизнь, заставляя все более полагаться на удачу. В этой связи демонстрация удачливости, готовности к риску, показное молодецтво становились неотъемлемым атрибутом повседневного поведения. Бессмысленное, на первый взгляд, геройство, было исполнено смысла: способность любой ценой схватить за хвост удачу была равноценна способности выжить во враждебной среде. Во время пьяного разгула последних месяцев 1917 г. свидетели неоднократно отмечали пренебрежение его участников к риску. Очевидец погрома в Оренбурге в декабре 1917 г. оставил яркое свидетельство этого настроения среди охотников за дорогими напитками в горящем складе:

«Выходящие из здания хвалились своим геройством: вот-де, мол, я какие трудности преодолел, но вина все-таки достал. Трудности заключались в следующем: подвал, где находилось

⁶ Челябинский листок. 1917. 11 янв.

вино в бутылках, был охвачен огнем, внутренность подвала также была в огне, и вот, говорит, мне приходилось прыгать через огонь и чуть не задохнуться в дыму, все вытерпел.

Подвал мог вот-вот обрушиться и завалить людей, но посетителей, жаждущих вина, это не утешало: они продолжали пробираться в подвал и наполнять свои карманы и мешки»⁷.

Таким образом, адаптация психического аппарата и образцов поведения к внешним условиям русской революции представляется важным, но «неисхоженным» полем для исследователя стратегии выживания населения

Несколько особняком стоят техники самоограничения, или сбережения ресурсов. В условиях всеобщего дефицита важно было не только получить продукты и прочие предметы массового спроса, но и предельно экономно расходовать их, максимально ограничивая собственные потребности. Приходилось забыть прежние стандарты потребления, отказаться от бытовых привычек, включая представления об уюте жилья и манеры одеваться, прибегать к наиболее экономичной рецептуре, а в случае необходимости — переступить через чувство брезгливости, употребляя в пищу продукты, упоминание о которых вызывает у современного человека тошноту.

Наконец, нельзя обойти вниманием и такую автономную сферу приспособления, как, условно говоря, «идеология». События тех лет были спрессованы до предела, информационные «дыры» и перегрузки дезориентировали и рождали чувство неуверенности. Придание смысла происходящему для ориентации в окружающем — одна из важнейших функций культуры — становилось вопросом жизни и смерти в буквальном смысле этого слова. В годы революции в решении этой проблемы были кровно заинтересованы и противоборствовавшие режимы, испытывавшие дефицит собственной легитимности, и погибавшая в круговерти революционных потрясений общественность, и изнывавшее от непонимания происходившего население.

Из вышеизложенного следует, что при классификации методов выживания сложно обойтись одним критерием. Помимо их деления по сферам борьбы за существование целесообразно вычленить способы приспособления, лояльные и нелояльные по отношению к режиму, активные и пассивные. Эти параметры классификации могут быть дополнены делением методов борьбы за выживание по видам угроз: психологической (интерпретации происходящего и поведенческие техники снятия стрессов), материальной (техники получения и сбережения ресурсов), физической (политическая мимикрия или активная оборона)⁸.

Конечно, любая классификация, какой бы пластичной она ни была, не может претендовать на универсальность, а критерии разделения являются идеально-типическими и не в состоянии учесть всех смешанных и переходных форм. Условность предложенной выше классификации способов выживания, служащей, прежде всего, удобству упорядочения материала, отразилась на конструкции этой части книги. В первой главе речь пойдет об «идеологических» техниках, или о средствах предотвращения либо снятия психологической угрозы. Вторая глава посвящена способам преодоления физической и материальной опасности. В третью главу выделена проблема деформации культуры потребления как относительно самостоятельной сферы борьбы за существование в условиях катастрофы.

Первая из названных сфер борьбы за выживание — осмысление потрясений 1917 — 1922 гг. «маленьким человеком» — лишь условно может быть отнесена к обла-

⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. 20 дек.

⁸ Автор глубоко признателен студентам исторического факультета Челябинского государственного университета выпуска 2000 г., которым в форме спецкурса были впервые изложены предварительные результаты исследования, за живой интерес к проекту и критические замечания и предложения по классификации средств выживания.

сти производства идеологических конструкций: обыденное сознание, в отличие от классических идеологий XIX в., создававшихся в эпоху очевидных успехов и незыблемого авторитета научного знания, не рядилось в научные или псевдонаучные одеяния:

«Это мир нерациональных логик, культурного бриколажа, который противостоит рационально-техническому или идеологическому монолизму, но одновременно приспосабливается к нему, сохраняет существующий порядок. Повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Это – тактика случая, сопротивление тех, у кого нет власти»⁹.

Вместе с тем, назначение «идеологического» обеспечения выживания в катастрофе и техник рационализации совпадает: оно наделяло смыслом бессмыслицу происходящего, обеспечивало ориентацию в мире с утратившими незыблемость ценностями, спасало от чувства беспомощности и отчаяния в агрессивной среде.

Между тем, опасность дезориентироваться и потеряться в непонятном и враждебном мире в годы российской революции приобретала невиданную остроту и беспримерные масштабы. Революционная Россия напоминала хаос накануне сотворения мира: твердь не была отделена от хляби, свет – от тьмы. Тому, как современники революции нащупывали ориентиры в объятom распадом мире, и посвящена эта глава.

Официальные интерпретации: карнавал образов врага. На протяжении последнего тысячелетия историю Европы сопровождал культурный феномен, известный как теория заговора¹⁰. Со времен преследования евреев и еретиков и до наших дней эта историческая константа выступает в различных обликах, переживая периоды бума в ситуациях резких социальных перемен и усугубляя драматизм последних:

«Вновь и вновь люди попадают в ситуации, в которых они перестают понимать жизнь. Точнее, с ними случается что-то такое, о чем они думают, что они этого не заслужили. То, что с ними происходит, они воспринимают как несправедливость, горе, зло, несчастье, катастрофу. Они полагают, что это происходит с ними незаслуженно, так как они добры, порядочны, поступают правильно, ходят в истинную церковь, принадлежат к лучшей культуре, к здоровому народу. В поисках причин, по которым это с ними происходит, они сразу же наталкиваются на другую группу, противоположную группу, которой они приписывают определенные черты: эта группа вредит им, осуществляя, по всей видимости, свои темные, тайно выношенные планы»¹¹.

В силки описанной логики попали современники, свидетели и участники российской революции. В этом смысле она является вполне европейским явлением. Не избежали искушения пойти по этому пути, столь соблазнительному своей простотой и мнимой убедительностью, и официальные и профессиональные творцы идеологического обеспечения всех без исключения режимов, сменявших друг друга на территории Урала на протяжении рассматриваемого периода.

В первые месяцы революции 1917 г., в пору всеобщего энтузиазма и призывов к единению, облик врага был аморфен и невыразителен, словно только что вылепленная, не обожженная и не раскрашенная глиняная фигурка. Происки врага ме-

⁹ Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48.

¹⁰ Подробно о проблеме исторической интерпретации теории заговора см.: Groh D. Die verschwörungstheoretische Versuchung oder Why do bad things happen to good people? / Groh. D. Anthropologische Dimension der Geschichte. Frankfurt/M., 1992. S. 267 – 304.

¹¹ Ibid. S. 267.

решились в действиях придерживавших товары купцов и переводивших хлеб на са-могон крестьян; коварный противник провоцировал распространение слухов и по-громы винных складов. Первоначально имя у этого загадочного врага было одно – «темные силы».

Однако по мере радикализации революции и перехода ее в фазу вооруженной гражданской войны размытый образ «темных сил» постепенно стал приобретать бо-лее отчетливые контуры и наполняться конкретным содержанием. Противоборст-вующие стороны подхлестывали жажду мщения, образы врагов импровизировались и лепились на ходу, причем в таком количестве, что вряд ли могли содействовать про-яснению происходящего в стране в головах современников: враг становился пуга-юще многоликим. Виновными во всех бедах объявлялись «буржуазия» и «немецкий шпион» Ленин, «белогвардейские банды» и «комиссародержавие», «контрреволю-ционеры» и «жиды», «колчаковщина» и «немецко-большевистский сговор», и т.п.

В пропаганде предстоящей гражданской войны пришедшие к власти большеви-ки, без сомнения, опережали своих противников. Подобно французским революци-онерам конца XVIII в., они, будучи новичками на политической сцене России и ощу-щая ненадежность своего положения, были склонны повсюду видеть вражеские заго-воры¹². Прежняя ленинская идея превращения империалистической войны в гражданскую модифицировалась в лозунг защиты социалистического отечества, на которое якобы ополчились внешние и внутренние враги. Достоверность идее международного заговора западных «империалистов» с российскими «контрреволю-ционерами» придавали сложные обстоятельства выхода России из мировой войны. Так, празднование годовщины революции в марте 1918 г. в Перми в связи с наступлением немцев было инсценировано как начало гражданской войны. Митинг в городском те-атре завершился принятием резолюции, составленной в драматических тонах: «...еще жив пролетариат и беднейшее крестьянство, которые не отступят без боя назад и бу-дут биться до последней капли крови. Лучше смерть в открытом бою, чем мир с бур-жуазией»¹³. В связи с эскалацией «красного террора» осенью 1918 г. призывы к спло-чению и бескомпромиссной борьбе с противниками революции зазвучали особенно настойчиво. В одной из вятских газет в сентябре 1918 г. было опубликовано стихотве-рение, посвященное раненому В.И.Ленину и звавшее к отмщению:

«Время вынуть из ножен заостренный меч,
Чтоб любимых борцов сохранить, уберечь,
Чтоб уметь от врагов отстоять...
Эй, теснее сгрудися, рабочая рать!»¹⁴

Репрессии адресовались не только «международной контрреволюции», но и не проявившим «революционной сознательности» представителям трудящихся классов. Военно-революционный комитет Мотовилихи незадолго до падения Перми писал об этом совершенно открыто: «Наши революционные совесть и долг велят нам расправ-ляться со всеми палачами Русской и Международной революции, будь то сознатель-ные палачи – буржуа, капиталисты и их наймиты, или бессознательные – темные ра-бочие и крестьяне»¹⁵.

¹² О рожденной французской революцией политической культуре, имевшей много общего с культур-ным пространством, создаваемым русской революцией, подробно см.: Hunt L. Politics, Culure, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1984.

¹³ Известия (Пермь). 1918. 15 марта.

¹⁴ Борьба. 1918. 8 сент.

¹⁵ Известия (Пермь). 1918. 13 дек.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «красные» и «белые» интерпретации российской катастрофы имели общие черты. Их роднило, прежде всего, упрощенное и усеченное конструирование прямых причинно-следственных связей. Экономический распад, удорожание жизни, рост дефицитов на самое необходимое, разгул эпидемий, взлет преступности трактовались как прямые последствия деятельности той или иной власти. Если большевистская пропаганда перекладывала вину на «белых», превращая их в непосредственных наследников царского режима, то оппоненты большевизма сосредоточились на критике большевиков как грабителей и разорителей страны:

«Все громкие заявления большевиков о строительстве новой жизни и о правотворчестве на социалистических началах оказались, как это и нужно было ожидать, наглым бахвальством, так как с первых же дней насильственного захвата власти большевики ничего не создавали, а лишь систематически разрушали. С необычайным рвением диких вандалов они растоптали все приобретения мировой цивилизации, проникшей к нам в Россию, они ничего не щадили и не стеснялись обнаруживать во всей отвратительной наготе свои звериные инстинкты и жадность кретина к деньгам и богатству»¹⁶.

Обличения антинародного характера большевизма, обвинения большевиков в своекорыстии подкреплялись многочисленными примерами:

«Они внесли небывалую разруху в страну, совершенно обнищавшую под их управлением. Они ничего не создавали, а только уничтожали все то, что с таким трудом было накоплено государством. Безжалостно разрушались железные дороги, взрывались мосты, стоявшие миллионы народных денег. Разграблялись и уничтожались всякого рода продукты. Ограблялись банки, казначейства. Расхищались золотые запасы государства. И все это делалось для себя, из своекорыстных интересов, без всякой заботы о народе, на котором все это должно отразиться в виде новых налоговых тягот, в виде еще большего обесценения бумажных денег и страшного вздорожания жизни.

Жадные грабители, расхищая народное достояние, тем самым доказали, насколько им дороги общие интересы народа, доказали, что они только прикидывались «друзьями народа» для того, чтобы удобнее было его обобрать в свою личную пользу»¹⁷.

Если большевики живописались как само воплощение беспорядка и насилия, то «белая» сторона характеризовалась как оплот свободы, законности и порядка:

«Мы воюем за настоящую, подлинную свободу, за порядок, за закон, за спокойную жизнь. Наша армия несет измученной Москве и России избавление и отдых»¹⁸.

Поднятие «боевого духа» народа во время гражданской войны осуществлялось всеми режимами одинаково — через создание образа беспощадного противника, который не пощадит население в случае своей военной удачи. Во многих газетах на «красных» и «белых» территориях появились рубрики о жизни за пределами территории, контролируемой режимом, — «Там, где нет советской власти», «В умирающей Совдепии», «В Колчакии», «В Большевизии», «История одного преступления» и т.д., — насыщенные информацией о зверствах врагов.

Призывая крестьян помочь продовольствием населению Москвы и Петрограда, уфимский губвоенком пугал их мрачными перспективами в случае ликвидации советской власти, поддержавшей стихийную аграрную революцию:

«Крестьянин! Помни, что гибель советской власти — гибель тебе: помещик-дворянин тебя не пощадит, за все заставит расплатиться. Помещик припомнит тебе, что ты захватил его землю, захватил его хлеб, скот, захватил его имущество. Припомнит и за все воздаст сторцей»¹⁹.

¹⁶ Оренбургский край. 1918. 18 июля.

¹⁷ Там же. 31 июля.

¹⁸ Пермские губернские ведомости. 1919. 21 июня.

¹⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.

Аналогичные страхи нагнетались средствами массовой информации и на территориях, где Советы пали. Грядущая «новая эра» в жизни противопоставлялась недавним ужасам большевистского господства: «Трудно прийти в себя, трудно уравновесить свою психику после тяжелых нервных потрясений и переживаний, которые, как из рога изобилия, сыпались в последнее время на бедную обывательскую голову»²⁰.

Тема ухудшения условий жизни населения была одним из излюбленных мотивов пропаганды сторон. Каждая из них пыталась доказать, что ответственность за него лежит исключительно на совести противника:

«Советская власть, пришедшая, к сожалению, слишком поздно на смену соглашательскому правительству, получила в наследство совершенно разрушенный хозяйственный аппарат, для обновления которого нужны не месяцы, а годы. <...>

Да, мы переживаем тяжелое голодное время. Да, мы голодаем. Но именно для того, чтобы пережить это тяжелое время, нужно теснее сплотиться вокруг Советов, ибо только в организации, сознательности и выдержке залог победы»²¹.

Противоположная сторона с раздражением отмечала эту особенность советской пропаганды. Управляющий Пермской губернией в июне 1919 г. писал министру внутренних дел колчаковского правительства: «Сторонники большевизма и враги государственного порядка начинают и заканчивают свои агитации тем, что новая власть не сумела поставить на должную высоту продовольственное дело, не устранила догровизны и спекуляции»²².

Все беды, обрушившиеся на Россию — гражданская война, хозяйственная разруха, падение производительности труда, развал транспорта и т.п., — происходили, как убеждала «красная» пропаганда, «по милости буржуазии». Она же являлась и сознательным организатором голода в стране: «Буржуазия, как наша, так и всемирная, хочет путем голода сломить Советскую Россию, хочет, чтобы изголодавшиеся массы из-за куска хлеба перешли на ее сторону»²³.

Обвиняя политических противников во всех постигших Россию несчастьях, «красная» и «белая» пропаганда неизбежно приобретала еще одно общее свойство: все региональные и всероссийские, национальные и интернационалистские режимы снимали всякую ответственность за происходящее в стране не только с себя, но и с «народа», к которому они апеллировали. И классовая идеология большевиков, и имперско-национальные убеждения сторонников «белого дела» имели слабость к идеализации «народа». Так, одна из оренбургских газет в начале ноября 1917 г., когда в Оренбуржье уже установился антибольшевистский режим, писала:

«Народ в огромной своей массе не хочет признавать власти большевиков, и все их попытки насилиями и зверствами утвердить свою власть встретятся с негодованием и отпором русского народа.

Если большевикам удастся в некоторых городах сделаться хозяевами положения, то все равно и в этих городах население смотрит на них, как на рыцарей с большой дороги. А властвовать против воли народа долго не удастся»²⁴.

Одна из челябинских газет в последнем номере за 1918 г. настойчиво внушала читателю:

²⁰ Ирбитский вестник. 1918. 2 авг.

²¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 313. Л. 1 — 2.

²² ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 16.

²³ Там же. Д. 311. Л. 1.

²⁴ Южный Урал. 1917. 5 ноября.

«Русский народ не виноват в том политическом разврате, который ему прививали из Петрограда приказы № 1 и прочие, требовавшие от верного русского солдата перестать отдавать честь своему начальству, «взять под подозрение» все русское доблестное офицерство и отобрать у него оружие.

Это все исходило из тех центральных советов солдатских, рабочих и прочих депутатов, где свободно ходил немецкий шпион и где было задушено правдивое независимое слово»²⁵.

«Народ» представлял в «красной» и «белой» пропаганде страдательной величиной, обманутой коварным врагом. То, что любой режим в ходе репрессивных акций выхватывал из населения реальных или мнимых представителей, пособников, активных или пассивных сторонников классовых или национальных «врагов народа», лишь подтверждает тезис о принципиальном снятии с «народа» ответственности за всероссийское бедствие.

Эти качества — неустанный поиск и воинственное разоблачение «врагов», снятие с себя и с «простого народа» ответственности за происходящее — большевистская пропаганда сохранила и после прекращения боевых действий. Она проводилась радикально, «по-военному», четко присваивая всякому явлению ярлык «революционного» или «контрреволюционного». В проявления «революционности» населения записывалось любое недовольство прежней, несветской властью, любое выражение симпатии к большевистскому режиму. Любопытно, что в чекистских документах настроение жителей летом — осенью 1919 г. квалифицировалось как более «революционное» именно там, где длительность пребывания «белых» и степень разорения территорий и населения были наибольшими²⁶. Тем самым под «революционностью» подразумевались не столько безоговорочная лояльность к Советам, сколько негативная реакция на прежний режим.

Факты интерпретированной таким образом «сознательности» тщательно собирались и использовались в средствах массовой информации как доказательство народной поддержки советской власти. Так, в «Известиях» Уфимского губернского революционного комитета было приведено растроганное уверение старика-крестьянина из села Ерал: «Они, вон, белые-то, увели у меня из семьи две коровы без копейки, ограбили, а вам, коли по добру, по справедливому, все отдадим, поможем армии, наша она, и спросит — дадим, все дадим»²⁷.

Подобные высказывания принимались на веру, не анализировались. Власти словно бы не видели, что крестьяне готовы были к сотрудничеству при условии, что с ними будут действовать «по добру, по справедливости», что выражения симпатии могли быть сиюминутным порывом, результатом надежд на прекращение насилия и безвозмездных реквизиций или попыткой найти с властью общий язык. Некритичное восприятие представителями власти разрозненных проявлений лояльности населения, поиск фактов весьма условной «революционности» могли рождать неоправданные иллюзии, самообольщение и самообман. Этот наивный подход затем был взят на вооружение и на протяжении десятилетий тиражировался советскими историками.

Власти предпринимали массированные идеологические «лобовые атаки» на население, наивно веря в возможность таким способом пробудить в нем «сознательность» и симпатию к существующему режиму. Так, с января по июнь 1920 г. только в Челябинском уезде профсоюзы провели сотни мероприятий агитационного характера. Статистика свидетельствует о нарастающей интенсивности этой работы. Количество собраний на предприятиях и в учреждениях возросло с 27 в январе до 97 в июне, число ми-

²⁵ Республиканец. 1918. 31 дек.

²⁶ См.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 1: 1918 — 1922. М., 1998. С. 208 — 209; ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 69.

²⁷ Известия (Уфа). 1919. 1 окт.

тингов — с 6 до 57, спектаклей — с 13 до 54, концертов — с 2 до 36²⁸. С мая по октябрь 1920 г. в Пермской губернии, по неполным данным, было организовано 1904 митинга²⁹. В августе того же года Екатеринбургская губернская комиссия по борьбе с дезертирством провела 640 митингов, 53 собеседования, 116 собраний, 117 чтений, 43 лекции, 39 спектаклей³⁰. В августе — сентябре 1920 г. в Вятке после окончания рабочего дня организовывалось до 25 — 35 митингов в день. Их темами были борьба с армией П. Н. Врангеля и «белопанской» Польшей, организация продотрядов, мобилизация на фронт, очередные задачи Советской власти, продовольственное положение, революционные события в Европе и т.д.³¹

Интеллигентская по своей природе вера советской пропаганды и представителей власти в пробуждение в крестьянстве «социалистической сознательности» продолжала страдать известной долей идеализма и в начале НЭПа. Летом 1922 г. материалы органов политического наблюдения неоднократно упоминали о росте доверия населения к Советам и РКП(б). В качестве подтверждения этой тенденции, помимо прочего, фигурировали многочисленные случаи добровольной сдачи крестьянами налога досрочно и в большем, чем положено, объеме. Интерпретация этих фактов представляется довольно наивной: «...объясняется это тем, что крестьянство стало гораздо сознательнее, оно поняло, что Соввласть идет навстречу беднейшему населению и всегда окажет посильную помощь в его нуждах»³².

Между тем, более убедительным кажется предположение, что крестьяне, наученные горьким опытом прошлых лет, предпочитали поскорее, «от греха подальше», рассчитаться с государством, не дожидаясь осложнений. В целом, отношение населения к «новой экономической политике» в ее первые годы представляется более сложным и менее доверительным, чем казалось и хотелось режиму.

Заблуждения по поводу «сознательности» населения оборачивались неадекватной реакцией на дефицит лояльности жителей к власти, огульной записью в разряд «контрреволюции» любого проявления инертности или недовольства. Каждое сомнительное с точки зрения «революционной сознательности» действие обретало глубокий смысл вселенского заговора против Советов. Разрозненные группы дезертиров в 1920 г. квалифицировались как «внутренняя шляхта», стихийные крестьянские восстания — как «кулацко-белогвардейские мятежи». Культивируя идею продолжающейся с 1914 г. непрерывной войны и находящейся в разгаре мировой революции, власти воспринимали повстанческое крестьянское движение начала 1921 г. как составную часть тщательно спланированной и целенаправленной «мировой контрреволюции»;

«За последние месяцы, прошедшие с момента крушения последней вооруженной опоры белогвардейщины Врангеля, мы наблюдаем целый ряд восстаний, вспыхивающих то там, то здесь, главным образом, на Урале и в Сибири.

Несомненно, что всеми этими вспышками руководит один центр. И этот центр — обломки развалившейся эсеровской партии»³³.

Стихийному взрыву крестьянского недовольства реквизиционной политикой в деревне придавался смысл организованной акции с далеко идущими целями. В связи с распространением Тобольско-Ишимского восстания крестьян на Челябинскую гу-

²⁸ Советская правда. 1920. 27 авг.

²⁹ Известия (Пермь). 1920. 8 дек.

³⁰ Уральский рабочий. 1920. 18 сент.

³¹ Вятская правда. 1920. 4, 11, 18, 27 авг; 3, 8, 10, 22, 24 сент.; 5 окт.

³² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 74.

³³ Уральский рабочий. 1921. 12 февр.

бернию президиум губисполкома в начале февраля 1921 г. принял постановление, в котором крестьянской стихии была дана следующая интерпретация:

«Буржуазные прихвостни-белогвардейцы, несмотря на ряд хороших уроков, в тот момент, когда Советская власть приступила к усиленной хозяйственной работе и проведению посевной кампании, пытается организовать в некоторых районах Курганского и Куртамышского уездов вооруженные банды с целью грабежа и насилия, а главное, с целью не дать засеять поля и хоть этим досадить Советской власти»³⁴.

Гипертрофированное наделение происходящего смыслом, своеобразная идеологическая гигантомания вторгалась и в сферу будней, руководя повседневным поведением представителей власти, придавая незначительным фактам вселенский смысл, создавая гротесковые ситуации. Так, отдыхавший в августе 1920 г. в Троицкой кумысолечебнице член коллегии Челябинской губчека в связи с недостатком питания обратился к заведующему лечебницей с грозным заявлением. В связи с тем, что он должен был в скором времени вернуться к тяжелому труду, требующему крепкого здоровья и, следовательно, добротного питания, чекист затребовал снабдить его в течение 48 часов яйцами, маслом и молоком, добавив следующую ремарку: «За неисполнение сего будете привлечены к ответственности как [за] саботаж, со всеми последствиями военного положения в губернии»³⁵.

Нет никаких оснований полагать, что отмена продрозверсток и переход к «новой экономической политике» были восприняты властью и населением страны как начало новой эпохи. Сама официальная пропаганда нагнетала ощущение продолжающегося военного времени. Любой род деятельности квалифицировался как борьба, любая сфера приложения человеческих усилий — как фронт. Мирная жизнь была словно изрезана сетью бесчисленных фронтов: «хозяйственный фронт» пересекался с «газетным фронтом», «голодный фронт» — с «бескровным фронтом», «трудовой фронт» — с «продовольственным фронтом» и т.д.³⁶ Ощущение пребывания Советской России в кольце подобных, видимых и невидимых, фронтов, в положении осажденной крепости поддерживалось всеми возможными способами. Жизнь кишела необозримым количеством очевидных и тайных врагов. Мир казался дрейфующим в новую фазу мировой революции. Взяв в руки в августе 1921 г. советскую газету, читатель мог сразу же под ее названием прочесть набранный аршинными буквами анонс такого рода:

«Важнейшие события:

В Данциге (Германия) готовится всеобщая забастовка.

В Верхней Силезии ожидается новое выступление польских повстанцев.

В Югославии начинается гражданская война.

Поражение греков в Малой Азии»³⁷.

Грандиозная чистка партии последних месяцев 1921 г. стилизовалась как акт очищения от внутренних врагов, нуждающийся в регулярном повторении:

«Чистку партии нужно производить периодически, время от времени, даже больше того: чистку партии нужно производить постоянно, непрерывно. Всегда, каждый день и каждый час блюсти партийную чистоту.<...>

³⁴ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 69.

³⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 88. Л. 29.

³⁶ В военных образах представляла и предвоенная, дореволюционная Россия. В мае 1922 г., в связи с 10-летним юбилеем большевистской газеты «Правда», ее рождение описывалось во фронтовых категориях: «10 лет тому назад в боевом огне, под градом пуль, начала свою работу первая ежедневная рабочая газета «Правда» (Уральский рабочий. 1922. 5 мая).

³⁷ Известия (Уфа). 1921. 9 авг.

А враги наши? Они сложили оружие, – да, но они притаились и ждут. Они снова возьмутся за оружие в тот момент, когда в борьбе с экономической разрухой мы выйдем из сил. <...> ...мы победим, как побеждали уже неоднократно. Изживем и этот – не первый, но уже последний кризис»³⁸.

Летом 1922 г., уже после апогея лютого голода, пресса продолжала звать к бдительности и лепить образ страны – осажденной крепости:

«Будьте всегда начеку, товарищи. Будьте всегда, во всех мелочах на фронте классовой борьбы! Революция еще в опасности. Отступление в области экономики окончилось – настало время нового наступления в этой области»³⁹.

В первую очередь призыв к повышенному вниманию адресовался членам РКП(б). Бдительность коммунистов, их активное участие в секретном осведомительстве считались залогом успешного функционирования ГПУ, вернее, создававшихся в рамках организации политического наблюдения госинформтроек: «Каждый член партии должен все видеть, все знать, каждый член партии должен быть на хозяйственном фронте бойцом-чекистом и строго охранять Октябрьские завоевания, не давая испортить полученную возможность спецам в своих благополучиях, в своих целях»⁴⁰.

Небывалый голод 1921 – 1922 гг. также связывался с «происками» вражеских сил. Ранней весной 1922 г., в разгар голодного бедствия в Вятской губернии, губком РКП(б) обратился к населению с призывом «Будьте начеку!», нагнетая истерию новой гражданской войны:

«...белогвардейцы всех толков и мастей ведут напряженную подготовку, тщательно перестраивают остатки банд Врангеля, Петлюры и в контакте с капиталистами мира и при поддержке белой Польши и белой Финляндии снова готовятся к удушению Советской власти.

С наступлением весны они готовятся к высадке десантов, готовятся к взрывам складов, железных дорог, мостов, поджогам, уничтожению зернохранилищ и к предательским убийствам из-за угла, направленным в сердце Сов[етской] России, – вождей революции»⁴¹.

С весны 1922 г. пресса стала особое внимание уделять разоблачению эсеров, нападкам на православную церковь и информации о предстоящей Генуэзской конференции. Участились призывы к бдительности в связи с мнимым оживлением «контрреволюционных элементов»:

«Враги хотят сыграть на голоде, на том несчастье, которое мы переживаем. Они усилят свою темную работу среди голодных крестьян, они постараются обмануть своими лживыми речами рабочих. Им это нужно, чтобы поднять восстание против Советской власти»⁴².

Все лето 1922 г. внимание средств массовой информации было приковано к процессу над эсерами. Одновременно разворачивалась кампания против церкви. Во время массового распространения каннибализма газеты клеймили православных священников как «людоедов», а преданные суду иерархи, в том числе патриарх Тихон, именовались «черносотенцами в рясах»⁴³. Церковь рисовалась в печати как некий анахронизм, который поддерживали «одни только выжившие из ума старухи»⁴⁴.

³⁸ Степная правда. 1921. 1 сент.

³⁹ Власть народа. 1922. 15 авг.

⁴⁰ ОГАСО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 141.

⁴¹ Вятская правда. 1922. 16 марта.

⁴² Советская правда. 1922. 16 марта.

⁴³ Вятская правда. 1922. 7 мая.

⁴⁴ Известия (Уфа). 1922. 23 июня.

Целесообразно задаться вопросом об эффективности пропагандистских усилий участвовавших в революции и гражданской войне сторон, переоценивать которую не стоит. Современники с такими разными политическими темпераментами, как П. Б. Струве, А. И. Деникин и Ю. О. Мартов с недоумением отмечали равнодушие и пассивность большинства населения в гражданской войне. Общим местом исследований этого периода российской истории стало наблюдение, что крестьянство держалось в войне особняком, придерживаясь позиции «чума на оба ваших дома», тоскуя по «красным», когда приходили «белые», и наоборот⁴⁵.

По мнению очевидцев, озабоченных безразличным отношением сельского и горнозаводского населения к происходящему в стране, существенным фактором идеологической инертности деревни и поселка являлась их коммуникационная оторванность от эпицентров политической жизни — городов. В сентябре 1918 г. главноуправляющий внутренних дел Временного областного правительства Урала сообщал руководству: «Наряду с постепенным увеличением освобождающейся от власти советов территории Урала, во многих случаях наблюдается полная неосведомленность широких слоев гражданского населения этих районов о сущности происходящих событий»⁴⁶. В этой связи главноуправляющий считал необходимым воспользоваться практикой Временного правительства и создать штат особых правительственных агитаторов-осведомителей. Однако и в середине 1919 г., когда боевые действия гражданской войны на Урале близились к завершению, ни на «белых», ни на «красных» территориях не удалось обеспечить информирование населения. Так, в мае 1919 г. Вятская губчека констатировала: «Крестьяне признают, что они очень мало что понимают, жалуются, что мало приезжает к ним людей, которые могли бы их познакомить с настоящим положением вещей»⁴⁷.

Организационная слабость оставалась болезненным местом официальной пропаганды и по окончании гражданской войны на Урале, предельно ограничивая эффект агитационной работы. Обсуждая в марте 1920 г. причины массовых крестьянских восстаний, участники заседания ответственных работников Уфимской губернии признали, что «...масса вообще ничего не знала о советской власти»⁴⁸. В начале ноября 1920 г. в Челябинской губернии, несмотря на разгар разверсточной кампании, идеологическая работа пребывала в жалком состоянии, что старательно зафиксировано в материалах губчека:

*«В Челябинской губернии агитация и пропаганда идей Советской власти поставлена крайне плохо. Причина — недостаток соответствующих работников. Есть такие медвежьи углы, революция которых совершенно не коснулась. Все дело свелось лишь к перемене вывесок»*⁴⁹.

В конце того же года челябинские чекисты докладывали:

*«За отсутствием партработников партийная и культурно-просветительская работа на местах отсутствует. Связь деревни с городом поддерживается слишком слабо. Благодаря этому жители деревни находятся или в полном неведении о текущем положении республики, или узнают с большим опозданием»*⁵⁰.

В январе 1921 г. по-прежнему отмечалось, что в Челябинском уезде «ячейки работают очень плохо»; по завершении продразверстки губком партии информировал-

⁴⁵ См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 164.

⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 2. Д. 2. Л. 29.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 126. Л. 14.

⁴⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 24.

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 58 об.

⁵⁰ Там же. Л. 75.

ся о том, что «агитаторов и других политработников, кроме продработников, на местах не было»⁵¹. В феврале 1921 г. Челябинская губчека сообщала о сохраняющемся в деревне идеологическом вакууме: избы-читальни работали плохо, «многие номера газет совершенно не получают, и крестьяне не знают, что творится за их околицей»⁵². В июне 1921 г. Челябинский губком РКП(б) обратился с воззванием ко всем партийным организациям и членам партии, работникам политического просвещения и редакциям газет, в котором в отношении «новой экономической политики» признавалось, что «до сих пор эти важнейшие мероприятия Советской власти мало известны рабочим, крестьянским и казачьим массам губернии»⁵³. Ранней осенью того же года автор чекистской сводки докладывал о настроениях населения Челябинской губернии:

*«Политическая работа на местах слабая. С новой экономической политикой не только не знакомо сельское и рабочее население, но и члены партии, от чего среди последних глухой ропот и недовольство "верхами" партийными, а также и спецами»*⁵⁴.

За отстраненностью большей части населения от перипетий революции, гражданской войны и последующих событий скрываются, однако, более сложные факторы, чем дефицит информации. Мнимая идеологическая инертность «маленького человека» нуждается в более основательном объяснении и обнажает, на мой взгляд, определенную технологию выживания.

Коллаж простонародных истолкований. Революция сломала не только старые институты власти. Она разметала устоявшиеся культурные ориентиры, обесмыслила привычные нормы поведения. В условиях стремительного распада прежнего порядка осмысление происходящего давалось населению с трудом. Картина окружающего страдала фрагментарностью, отдельные явления стояли особняком и ускользали от обобщения.

Даже первые месяцы революции, расцвеченные всеобщим воодушевлением и надеждами, были пронизаны растерянностью и непониманием. То, что творилось в столице, в провинции оставалось неясным даже для читающей публики. Не случайно в середине марта 1917 г. жена помощника челябинского полицеймейстера в прошении на имя председателя IV Государственной думы М.В.Родзянко не смогла найти для официального статуса адресата более точного определение, чем «председатель нового строя» и «председатель новой России»⁵⁵.

Вызванный падением царизма всеобщий энтузиазм не стоит идеализировать, а его полезный эффект — преувеличивать. Массовое стремление принять участие в судьбе «обновленной» России очень напоминает бестолковую сумятицу толпы на пожаре в отсутствие специалистов по тушению огня. Скороспелая активность массы вчерашних подданных российской короны, воплощенная в суетливом пополнении рядов политических партий, демонстрирует — особенно в аполитичной в прошлом провинции — курьезы, в которых отражались политическая невинность, государственная незрелость и человеческая растерянность перед лицом небывалых событий. Челябинский чиновник К.Н.Теплоухов — умница и трезвомыслящий консерватор — в своих мему-

⁵¹ Там же. Д. 312. Л. 1.

⁵² Там же. Д. 344. Л. 24 об.

⁵³ Там же. Д. 304. Л. 18.

⁵⁴ Там же. Д. 321. Л. 13.

⁵⁵ Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 129. Л. 78.

арах не без иронии описал становление филиала Конституционно-демократической партии в Челябинске в апреле 1917 г.:

«Земцы убедили публику, что надо сначала ознакомиться хорошенько и пересмотреть программу кадетов, чтобы сделать ее приемлемой для всех. Выбрали специальную комиссию, человек 15, – попал в нее и я.

На другой день – заседание комиссии, на следующий – еще и еще. Подробно обсуждали каждый параграф, вносили такую кучу поправок, что программа стала совсем не кадетской.

Я не понимал, для чего мы проделываем это, и, наконец, заявил, что кадеты уже установившаяся партия и вряд ли они изменят программу по указанию челябинцев; надо – или вступить без разговоров в партию или создавать свою, новую – самостоятельную партию.

Публика замялась, – действительно... Занятия комиссии прекратились, на общем собрании постановили – просто вступить»⁵⁶.

По мере более глубокого погружения страны в революцию «странности» в поведении населения нарастали, рождая у современников ассоциацию с умопомрачением. Осенью 1917 г. один из оренбургских крестьян охарактеризовал настроение деревни следующим образом:

«Смотришь и поражаешься: не деревня теперь и не люди там, а сумасшедший дом, и в нем какие-то полоумные и сумасшедшие. Толкового и разумного слова они сейчас не понимают. Им понятно лишь то, что у них не ситцу, нет сахара, чаю. А почему нет – это их не интересует. И стоит только сказать, что виноват тот или иной человек, даже из своих, никакого отношения к этому не имеющий, и они готовы расправиться с ним, и тем пользуются разные проходимцы»⁵⁷.

О том, что произошло в Петрограде в конце октября 1917 г., большинство провинциального населения, как и весной, имело смутные представления. Октябрьский переворот не сразу приобрел знаковый смысл. Предельная абстрактность образов характерна, например, для выступления старого, уважаемого рабочего и члена РСДРП(б) П.Зудова на митинге рабочих Богоявленского стекольного завода близ Стерлитамака 27 октября 1917 г.:

«Товарищи! Я буду краток; обо всем, что случилось, все равно не расскажешь, не хватит слов. Наконец-то рабы перестали быть рабами, наконец-то мы, забытые, угнетенные, сбросили с плеч угнетателей. <...> Скоро по всей России установится твердая, прочная власть рабочих...»⁵⁸.

Вероятно, старый партиец и сам толком не представлял себе, что творилось в столице, объясняя свой лаконизм нехваткой слов.

Круговерть последующих событий окончательно запутала население. Советская власть и коммунисты стали представляться антиподами, вследствие чего лозунг «Бей коммунистов, да здравствует Советская власть!» казался полным здравого смысла и являлся одним из излюбленных паролей крестьянских и казачьих повстанцев⁵⁹. В головах селян все перемешалось. Борясь якобы за советскую власть, «бандиты» распевали гимн «Боже, царя храни!» Есть сведения, что большевиков и коммунистов крестьяне считали представителями разных и враждующих друг с другом партий⁶⁰. В декабре

⁵⁶ Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899 – 1924. Челябинск, 2001. С. 294 – 295.

⁵⁷ Цит. по: Сафонов Д.А. События 1917 г. и информированность крестьянства Южного Урала / Исторические чтения: Материалы научн. региональной конференции... «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). Челябинск, 1998. (Вып.) 4. С. 18.

⁵⁸ Цит. по: Баландин. Воспоминания уральского партизана (1918 г.) // Пролетарская революция. 1936. № 8 (56). С. 158.

⁵⁹ См.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Т. 1. С. 337; ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 16.

⁶⁰ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917 – 1921 гг. Челябинск, 1997. С. 124.

1919 г. по итогам инспекционной работы разъездных инструкторов в Троицком уезде было сделано неутешительное заключение:

«...среди населения совершенно не ведется никакой работы, а если и ведется, то ввиду неопытности работников в умы населения вносится неправильное толкование Советской власти и партии коммунистов. Среди населения существуют мнения, якобы существуют две партии – коммунистов и большевиков...»⁶¹.

Одним из факторов и символов культурной дезориентации стала необратимая деформация основы основ социализации – языка. Едва обрабатываемая лавина новой информации захлестнула язык новой терминологией. Настоящим поветрием стала аббревиатурная практика, служившая, видимо, своеобразной защитой от информационного наводнения. Страсть к сокращенным названиям как тенденция дала о себе знать еще в начале XX в. Бурное рождение российского капитализма, многопартийности и общественных объединений сопровождалось распространением новых и пренебрегающих правилами русской речи сокращениями («Продамет», «эсер», «кадет», «Земгор» и т.д.). С началом революции аббревиатура стала разрастаться и разрушать язык, подобно раковой опухоли. Одновременное появление десятков новых организаций с многословными пышными названиями создало невиданные сложности для коммуникации и взаимопонимания.

Опыт общественно-партийного жаргона начала XX в. оказался в 1917 г. – в период недолгого расцвета многопартийности – и в последующие годы как нельзя более кстати. Он распространялся исключительно на новые институты и явления, не задевая старых, хорошо известных понятий. Усечению подверглись даже географические и административно-территориальные образования, вбрасывая в язык таких монстров, как, например, Челябингуберния, Вотобласть, Башреспублика.

Нетрудно заметить, что создание «новояза» в годы гражданской войны шло преимущественно в советской зоне, а затем затопило официальный и разговорный язык на всей территории Советской России. Для этого были свои основания. Вовлечение в общественную жизнь социальных низов, по причине неграмотности воспринимавших информацию «с голоса», и падение культурного уровня государственных служащих, образования большинства которых ограничивалось непрочными способностями читать и писать, имели в качестве неизбежного следствия общее понижение культуры. На эти факторы наслаивалась эйфория глобальных преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в языке. Университетские преподаватели в первые годы советской власти отмечали распространенность реформаторских настроений у студентов и, особенно, слушателей рабочих факультетов, среди которых преобладали выпускники трехлетней начальной школы, а иногда – курсов ликвидации безграмотности. По воспоминаниям преподавательницы Уральского университета А.И.Даниловой, один из ее студентов по поводу ошибок в его работе с уверенностью сказал: «И чего Вы, Агния Ивановна, напрасно беспокоитесь: ведь орфографию-то в апреле (1921 г. – И.Н.) отменят». Другой учащийся – из группы фронтовиков – написал глагол «учиться» без мягкого знака и не соглашался исправить ошибку. Обратившись к аудитории, он совершенно серьезно предложил: «Голоснем, ребята?»⁶² Совокупность этих обстоятельств оборачивалась гремучей смесью, сотрясавшей основы русской культуры.

В результате житель революционной России оказался в окружении непонятных или зловещих явлений и институтов, обозначение которых, как и их смысл, также

⁶¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 52.

⁶² Данилова А. И. Упорство, труд, жажда знаний / Воспоминания преподавателей и учащихся первых уральских рабфаков. Свердловск, 1963. С. 44.

было неясным и звучало угрожающе: наряду с «соввластью» и «компартией» среди них фигурировали труднопроизносимые «губкомдеструд», «предгубисполкома», «укомпомгол», «концлагерь». Иногда тайный, загадочный смысл аббревиатур и слов иностранного происхождения прорывался в их искажении простонародной речью. Возвращавшиеся с фронта демобилизованные солдаты и дезертиры, призывая односельчан к дружному решению земельного вопроса, предлагали не организоваться, а «гарнизоваться». За речевой ошибкой скрывалось, по-видимому, желание навести порядок по-военному, с помощью насилия. В крестьянских письмах и даже официальных документах порой встречается обозначение концентрационного лагеря как «контрреволюционного» или «контрационного». Тем самым придавался смысл главному назначению этого института — изоляции «контрреволюционеров» (сокращенно «контры»).

Было бы, однако, недостаточным ограничиться констатацией мощного ориентационного кризиса населения. Из завалов разрушенного культурного пространства «маленький человек» по мере сил пытался выбраться, осторожно прислушиваясь к мнению официальных инстанций, но в большей степени полагаясь на себя.

Красной нитью через весь рассматриваемый период проходит устойчиво нараставшее недоверие к властям. Лишь первые недели начавшейся революции были отмечены симпатией к новым правителям и верой в их возможности решить громоздившиеся друг на друга проблемы. Газеты тех дней зафиксировали многочисленные объяснения самими крестьянами резких перемен в их настроениях. Их лейтмотивом была вера сельских жителей в то, что новая власть будет рачительным хозяином и разумно распорядится продуктами крестьянского труда. Жители деревни Малые Бобыли Нолинского уезда, постановив бесплатно передать для армии 70 пудов ржи, направили на имя М.В.Родзянко письмо, в котором, помимо прочего, говорилось:

«При этом долгом считаем уведомить Вас, что ранее, при Риттихе и Протопопове, хотя и возили мы хлеб, но чрезвычайно неохотно, ввиду того, что не имели твердой уверенности, согласно речи члена Государственной Думы Милокова, что наш хлеб пойдет, куда следует. Теперь же все, и даже те, которые хлеб прикупают, везут его для армии из почтения к Новому Народному Правительству и с сердечной радостью, что участвуют в народной победе над заклятым врагом нашей свободы – Германией»⁶³.

В том же номере газеты сообщалось, что крестьяне села Зыково Яранского уезда организовали при волостном правлении продовольственный союз для быстрого сбора хлеба на нужды фронта. Учредители союза также обратились с телеграммой за подписью «крестьяне-граждане» к председателю Государственной думы М.В.Родзянко, в которой приветствовали его как «национального героя нашего» и заверяли: «Просимый Вами хлеб дарим, поля засеем». Мотив доверия к новой власти звучал и на сельском сходе села Водзимонье Малмыжского уезда:

«При обсуждении вопроса о хлебе для нужд армии один из крестьян заметил, что старому правительству бесполезно было давать хлеб, а Новому Правительству можно спокойно и уверенно давать хлеб, зная, что ни одно зерно не пропадет без дела и дойдет по назначению. Замечание это встречено сходом одобрительно».

Однако иллюзии быстро улетучились. Неизменным фоном смен власти на протяжении 1917 – 1919 гг., проводившихся под лозунгом улучшения положения населения, было поступательное разрушение основ повседневной жизни. В этой связи население изверилось, надежды на лучшее будущее ослабели. Один из уфимских крестьян так

⁶³ Вятская речь. 1917. 11 апр.

сформулировал настроение деревни поздней осенью 1918 г.: «А у нас прямо говорят: «Обманывают нас со всех сторон». Никому не верят...»⁶⁴.

В последующие годы преобладающим настроением населения было недовольство советской властью или отдельными ее учреждениями. Оно было распространено даже среди служащих советских учреждений. Так, в январе 1920 г. служащие одного из оренбургских райпродкомов в присутствии посетителей почем зря ругали чекистов за то, что те «...занимаются ловлей спекулянтов и грабежом, и отбирают у них продукты, которые не сдают по принадлежности, т.е. в губпродком, а раздают их своим служащим и этим подыгрывают авторитет Советской власти, такое учреждение, как губчека, надо... стереть с лица земли или сменить оттуда всех до одного служащего, начиная с председателя и кончая самым младшим дворником, и поставить туда своих людей, которые бы не занимались этим грабежом, как занимается в настоящее время губчека...» Это заявление присутствующие встретили аплодисментами и возгласами: «...правильно, товарищи, весь город ограбили и всю Оренбургскую губернию, благодаря им приходится сидеть голодом и ходить нагим, а посмотри, кто лучше всех одет — сотрудник Чека...»⁶⁵.

«Рабоче-крестьянская» власть рисовалась в облике «грабителя» и другим категориям населения, не исключая и рабочих. Информационный бюллетень Пермской губчека в июне 1920 г. констатировал: «Отношение к Соввласти как служащих, так и рабочих недовольное, на почве продовольствия и недостатка необходимых продуктов»⁶⁶. К РКП(б) жители Пермской губернии относились с неодобрением, обвиняя партию во всех своих бедах. В октябре того же года челябинские чекисты отмечали, что хотя в городе и перестали ждать белых, но «...обыватель пассивно относится решительно ко всему и лишь ждет, как бы скорее больше стали выдавать»⁶⁷.

В начале 1921 г. негодование против власти зрело даже среди солдат. Так, гарнизон г. Илецка не только жаловался на плохое снабжение продовольствием, обмундированием и скверные жилищные условия, но и роптал на подразверстку и власть: «У крестьян отбирают все, а между тем армия не получает хлеба»⁶⁸.

Но наибольшую ненависть к политике подразверстки и ощущение безысходности испытывали ее непосредственные жертвы — крестьяне и казаки. К концу 1920 г. в связи с безжалостным проведением подразверстки критика существующего режима и призывы к его ликвидации становились все более радикальными.

Недовольство властью в начале 1921 г. открыто выражали даже представители разваливавшихся сельских советских органов и партийных ячеек. В феврале 1921 г. член Верхнесанарской партиячейки Троицкого уезда Пальчиков заявил: «Для чего существует наша ячейка, говорят, что мы, коммунисты, являемся хозяевами Республики, но это все ложь, потому что нас обобрали донага, отобрали хлеб, фураж, скотину, шерсть и т.д.»⁶⁹

Недоверие населения к власти нуждалось в обосновании. Народные толкования происшедшего, как и официальная пропаганда, активно эксплуатировали интерпретационные образцы теории заговора. В условиях распада традиционных норм поведения собственное нарушение этих норм в отношении других легче всего было оправдать, отодвинув жертву своих поступков за пределы норм, поставив ее вне закона⁷⁰.

⁶⁴ Народ (Уфа). 1918. 23 ноября.

⁶⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 14.

⁶⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

⁶⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 51.

⁶⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 4.

⁶⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 31 об.

⁷⁰ См.: Groh D. Op. cit. S. 289.

Образцом такой смысловой манипуляции может служить объяснение своего поведения громилами во время «пьяной революции» осенью 1917 г. Основным объектом «народной» ярости — в этом современники не сомневались — осенью 1917 г., в отличие от октябрьских погромов 1905 г., был не «жид», а «буржуй». Во всяком случае, эта тенденция смены символов зла ясно читается на Урале, где, как и в ряде других регионов страны, юдофобские настроения до революции не имели большой популярности и локализовались в деятельности местных, достаточно чуждых отделов Союза русского народа. При этом образ «буржуя», как и образ «жида» в прежние годы, оставался лишенным предметной конкретности и не имел отчетливых контуров. В слепой ярости пермские погромщики в ноябре 1917 г. портили книги и картины, били стекла, ломали все, что ассоциировалось с «буржуизмом» образом жизни — вплоть до музыкальных инструментов.

Образ виновника собственных несчастий сохранял аморфность и позже. Найденная чекистами в августе 1920 г. на улице поселка Шеломенцевского Еткульской станции Челябинского уезда стихотворная листовка, на мой взгляд, достаточно адекватно передает умонастроения сельских жителей и их толкование происходящего. Бесхитростный рассказ самодеятельного автора, на первый взгляд, далек от широких обобщений. Доморощенный стихотворец описывает лишь то, за что «цепляется» его взгляд — повседневные неурядицы и падение нравов в его родном поселке. Тем не менее, созданный им текст явно распадается на три тематических блока. Первая его половина посвящена идеализированной и неточно прописанной «старине», для которой важны характерны изобилие и порядок. Прошлому противостоит настоящее. Критика поврежденных нравов односельчан является одновременно критикой власти, неспособной обеспечить порядок. Наконец, последние четверостишия содержат интерпретацию новой, весьма неопределенной власти — «какой-то коммуни», сравнимой, в духе народной смеховой культуры, с рассадником венерических болезней. Основная причина и одновременно симптом этой «заразы» — свободный доступ к власти всякой «швали», представители которой встречаются и в месте жительства автора:

«Какая-то коммуни
По миру пошла,
Поганая нам кунка
Заразу занесла.

Знали мы и раньше,
Что есть у нас враги,
Теперь слышал от Саньки,
Что есть большевики.

Вот Пронька комиссаром
Недавно приезжал,

С Митькой Дикошарым
С леворвером гулял.

Каким-то коммунистом
Заделался Иван,
Считается артистом,
А ведь болван-болван.

Правления не стало,
Явился Исполком,
И швали набежало,
Как кто щелкнул кнутом»⁷¹.

Постепенно народные истолкования природы и перспектив жестокого режима обретали более устойчивые контуры. Многое свидетельствует о том, что за разрозненными негативными характеристиками власти скрывался универсальный интерпретационный стереотип, характерный не только для отношения российского населения к государству, но и составляющий важный компонент политической культуры в доиндустриальном обществе. Имеется в виду идеализация государства как некоего не-

⁷¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 23 об. — 24. Полный текст опубликован в монографии Д.А.Сафонова (Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 — 1921 гг. и Южный Урал Оренбург, 1999. С. 271 — 272). К сожалению, автор, поместив этот выразительный документ в приложение к монографии, отказался от его комментария и интерпретации.

рукотворного порядка, нарушаемого его нерадивыми представителями. В этом контексте монархический, имперский патриотизм российского крестьянства вполне органично сочетался с анархическим неприятием «чиновничьего произвола». Модификацией идеала государства без чиновников в ранней Советской России стал простонародный лозунг советской власти без коммунистов, «спецов», чекистов, милиции и пр.

Сводки органов политического наблюдения за конец 1920 — начало 1921 г. неоднократно отмечали, что рабочие относятся к советской власти положительно и готовы даже защищать ее от крестьянских восстаний, считая виновниками своих материальных неурядиц руководителей предприятий, инженеров и отдельных представителей власти. Все они, и особенно коммунисты, подозревались в использовании властных полномочий для удовлетворения своих корыстных интересов за счет «народа». Когда задерживалась выдача пайка, рабочие обвиняли коммунистов в обжорстве⁷². В рабочей среде было широко распространено мнение о том, что они обмануты большевиками: «...коммунисты нас обманули — они говорили, что для рабочих будет все, а на самом деле за нас получают коммунисты»⁷³.

Наиболее «сознательные», по оценкам чекистов, рабочие были убеждены, что в продовольственные органы и советские учреждения «пролезли» контрреволюционеры — бывшая буржуазия и белогвардейцы, — которые вредят народной власти, тормозя правильную организацию снабжения⁷⁴.

Крестьянские интерпретации советских порядков покоились на тех же стереотипах: на уверенности, что представители государства злоупотребляют своим положением для набивания карманов и на убеждении, что советская власть, «добрая» по природе, искажена и испорчена «примазавшимся» к ней «сбродом». Частные письма из деревни подтверждают распространенность этих мотивов в крестьянской среде. В письме из Оханского уезда от 10 августа 1920 г. служащему в армии родственнику говорилось: «Дорогой Ваня, сообщая Вам, что порядки у нас идут не совсем хорошо, требуют от нас хлеб, масло, яйца и говорят, что для фронта, но они это все отбирают не для фронта, а для себя, и все, что требуют — сдают не все»⁷⁵.

Недоверие к местным представителям власти питала не только деревенская «серая масса», но и просоветски настроенные сельские жители. Так, автор частного письма из Пермского уезда, судя по тексту, — не крестьянин, а пришлый, возможно, — мелкий партийный активист, летом 1920 г. писал:

«Живется хорошо, здесь хлеба едят кр[естья]не досыта, но только большой саботаж, больше половины все белогвардейцы, у власти стоят тоже кулаки, среди нас порядку нет, но власть Советов — все почти кр[естья]не. Самогонку варят без отдыха, почти пуще старого»⁷⁶.

Подобные подозрения в отношении власти питали даже сами ее представители. В низовых советских учреждениях время от времени звучали обвинения в «контрреволюционности» работников более высоких властных инстанций. Председатель Верхнесанарского исполкома в Троицком уезде, например, в феврале 1921 г., во время крестьянского недовольства продразверсткой, открыто заявил:

«...на высших постах в уезде, в губернии и в центре сидят контрреволюционеры, они отобрали у нас все достойное и теперь спекулируют им, а мы сидим голодом и раздетыми, ору-

⁷² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 51.; Д. 344. Л. 24; ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 63.

⁷³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 24 об.

⁷⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 63; ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 220. Л. 9.

⁷⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 29.

⁷⁶ Там же. Л. 16 об.

жие они у нас отобрали только потому, что они боятся нас, что мы за свое достоинство обернем эти винтовки против них⁷⁷».

Такие радикальные обобщения были, однако, для крестьянской среды не столь характерны, как противопоставление центральных органов «доброй» Советской власти ее местным представителям. Аналитики из Челябинской губернской ЧК в январе 1921 г. констатировали:

«...население к Советской власти, как к системе управления, относится доброжелательно, чего нельзя сказать по отношению к местным представителям власти. Во всех постигших крестьян тяготах крестьяне винят не Советскую власть, а только местных ее представителей, и часто думают, что многие мероприятия, проводимые на местах, не соответствуют директивам, полученным из центра, и что центр об этих мероприятиях не знает. Последнее обстоятельство имело много случаев подтверждения: крестьяне неоднократно посылали и пытались послать в центр телеграммы с жалобами на те или иные действия местных властей»⁷⁸.

Отказ государства весной 1921 г. от политики продразверсток лишь отчасти повысил доверие населения к центральной власти. Во всяком случае, он был воспринят как доказательство противостояния между высшими эшелонами власти и ее местными органами. Эта интерпретационная конструкция приобрела большую убедительность и широко распространилась в различных категориях населения. По поводу настроений крестьян — участников первой губернской беспартийной конференции 16 — 18 апреля 1921 г. Челябинская губчека резюмировала: «Из всей конференции можно сделать несомненный вывод, что крестьяне недовольны и недоверчиво относятся к местной губернской власти, чего нельзя сказать про центральную власть, которой крестьяне верят и на которую возлагают большие надежды»⁷⁹. В речах выступавших неоднократно всплывало предложение послать В.И.Ленину телеграмму с жалобами на местную власть и просьбой о помощи. Большие надежды на центральную власть и руководство РКП(б) питали не только крестьяне, но и рабочие и интеллигенция. Последняя стала отзываться о В.И.Ленине уважительно, что раньше случалось нечасто. В сводке Оренбургско-Тургайской губернской ЧК за вторую половину апреля 1921 г. отмечалось:

«Неправильную, по ее (интеллигенции — И.Н.) мнению, политику, разруху и все прочее она объясняет тем, что от тов[арища] Ленина скрывают все, что творится на местах, и освещают только с хорошей стороны. Поэтому-то и рабочие (напр[имер], во время забастовки в Главных мастерских) и крестьяне во всех затруднительных случаях собираются посылать к тов[арищу] Ленину делегатов»⁸⁰.

Такая интерпретация происходящего, согласно которой ответственным за свои беды население считало если не советскую власть, то все же ее представительства, не позволяла говорить о лояльности к режиму и квалифицировалась органами политического наблюдения как «контрреволюционная агитация». Излюбленным приемом кри-

⁷⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 31 об.

⁷⁸ Там же. Л. 2. Вероятно, и сами представители власти, поднявшиеся из городских и сельских низов и разделявшие их стереотипные мнения о природе и функциях государства, питали убеждение в естественности собственного произвола и считали излишним какое-либо ограничение своих полномочий. Право всесозволенности приобретало в их сознании некий мистический смысл. Характерно в этом отношении объяснение одного из участников действовавшего летом 1919 г. в Еткульской станции рабочего отряда по поводу обвинения его в присвоении чужих вещей: «...если я стою за власть коммунистов-большевиков и хотя я и сделаю десять ошибок, то их легко исправить, а контр[революционер] сделает и одну, но ее не исправишь» (ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 149. Л. 60).

⁷⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 70.

⁸⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 79 об. — 80.

тики власти стало утверждение, что государственные органы оказались в руках «белогвардейцев» и «буржуазии». Ненависть к «контрреволюционерам», которая ранее определялась официальными сферами как проявление «революционности» и «сознательности», неожиданно больно ударила по советской власти. Так, рабочий Молодцов, один из организаторов забастовки в железнодорожных мастерских Оренбурга, в апреле 1921 г. открыто заявил на собрании:

«В Губчека, в Угрозыске служат белогвардейцы, гады и мерзавцы. В военном трибунале – полковник Беркутов, который сражался с белыми против нас, а теперь расстреливает рабочих. <...> Все коммунисты поддались под белогвардейщину. Над белогвардейцами нужен контроль рабочих»⁸¹.

«Контрреволюционное перерождение» городское население усматривало в отдалении представителей «народной» власти от низов, которое с тревогой отмечалось и в чекистских материалах⁸². Особое раздражение вызывало несправедливое распределение продовольствия. 1 мая 1921 г. в Челябинске была обнаружена прокламация:

«Да здравствует великий пролетарский голодный, но с украшениями – праздник 1 мая с 5-ти фунтовой дачей муки низшим чинам и рабочим и ветчиной ответственным работникам, только им, так как неотвественные лица ветчину кушать не умеют.

Президиум голодных пролетариев города Челябинска»⁸³.

К вести о замене продразверстки налогом население отнеслось настороженно, видя в этом новшестве очередной подвох. Как отмечал информационный бюллетень Пермской губчека в мае 1921 г., настроение рабочих, крестьян и служащих было одинаковым: «На митинги совершенно никто не ходит, говоря: слыхали мы ваши сказки, сначала накормите, а потом послушаем, дослушались до голодной смерти, хоть умирай, да слушай»⁸⁴.

Мотив «контрреволюционного» перерождения советской власти особенно усилился осенью 1921 г. в связи с нарастанием продовольственных сложностей и насильственным проведением продналога. В сентябре среди рабочих Полтавских каменноугольных копей Челябинской губернии распространилось письмо, в котором не только обличалась администрация, но и давался рецепт недопущения «белогвардейцев» к власти:

«Письмо рабочим Полтавских копей.

Товарищи рабочие, везде и всюду вам говорят, что власть в ваших руках, но если вдуматься хорошо, то оказывается, у вас нет никакой власти.

Когда вы приходите в контору чего-нибудь просить, одежды или хлеба, то вас гонят за это в шею, сажают в барак под арест и вам не разрешают просить хлеба или одежды, а этого вы просить имеете право. Это есть законное природное право человека. Если же вы посмотрите на администрацию, то у них у всех рожи красные, а костюмы носят все переменные, как попы ризы на пасху к утрени, а вы ходите голые. Так что же вы смотрите, бейте их из-за угла. Если вы будете на них смотреть, то они вас заморят с голоду и холоду. Товарищи рабочие, когда вы будете куда-нибудь выбирать, то выбирайте всегда старых рабочих, которые работают на копиях 5 – 6 лет, а не тех, которые приезжают черт знает откуда и кажутся на первый раз хорошими. Когда вы его выберете, то он оказывается белогвардеец.

Если вы прогоните с рудника всю эту шатию, которые сейчас распоряжаются вами, то будет порядок, а если не прогоните, то все будет такой же беспорядок. Гоните их всех и бейте.

Группа революционных рабочих-террористов»⁸⁵.

⁸¹ Там же. Л. 80 об.

⁸² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 151 об.

⁸³ Там же. Л. 85.

⁸⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 577. Оп. 2. Д. 45. Л. 105.

⁸⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Л. 9. Почти идентичная копия этого документа опубликована Н.С.Шибановым. См.: Шибанов Н.С. «Зеленая война». Исторические очерки. Челябинск, 1997. С. 229.

В контексте «белогвардейского засилья» была воспринята и начавшаяся в сентябре 1921 г. чистка партии. К призыву к населению помочь в проведении этой кампании многие, в том числе и среди членов РКП(б), отнеслись скептически, полагая, что «это только обман... только заяви — живо арестуют в Губчека»⁸⁶. Чистка партии толковалась в деревне диаметрально противоположно, но в любом случае в качестве исходной идеи присутствовала убежденность в серьезной засоренности партии. Те, кто относился к ней с наибольшей антипатией, утверждали, что «коммунисты выбрасывают из партии всех честных, а оставляют пьяниц и разбойников, чтобы лучше было заниматься грабежом и обдирать крестьян». Другие, более лояльные к режиму, полагали, тем не менее, что «на самом деле не коммунисты правят и делают всевозможные беспорядки, а вот залезли в партию офицеры да купцы и гнут по-своему, а вот если их повыкинут, так будет житься лучше»⁸⁷.

Придавленные неурожаем, налогами, голодом и отсутствием теплой одежды, сельские жители находили все новые подтверждения «буржуазному перерождению» советской власти. В ноябре 1921 г. чекистская аналитика так трактовала настроение деревни:

«В связи с новой экономической политикой бедное крестьянское население, видя оживление кулачества и их приспособление, также слыша на каждом шагу отступления в виде аренды предприятий, мельниц, бедняки, не понимая, приписывают это к абсолютному засилью и вытеснению коммунистов от власти колчаковскими офицерами и буржуазией, залезших в учреждения, глубоко пустивших корни по уничтожению Советской власти. Такое явление наблюдается даже среди рядовых коммунистов...»⁸⁸.

Недовольство властью отнюдь не означало, что население ей не «подыгрывало». Оно достаточно быстро овладело стилистикой различных политических порядков и умело пользовалось ею для решения своих проблем.

С первых же дней революции ключевыми словами прошений бывших стражей порядка — представителей социальной группы, которая стала первой жертвой революционных репрессий — в адрес Временного правительства стали дихотомические пары «рабство — свобода», «старый строй — новый строй». Так, в «Вятской речи» за 8 марта 1917 г. было опубликовано заявление следующего содержания:

«Нижние чины жандармской железнодорожной полиции бывшего Вятского отделения с радостью отдают себя в распоряжение нового Правительства и готовы на все жертвы для блага дорогой нам родины. Убедительно просим забыть прошлое и считать нас гражданами Великой свободной России»⁸⁹.

Через несколько дней нижние чины городской полиции г. Слободского обратились к местному представителю Временного правительства с документом, под которым поставили подписи 33 человека. Текст заявления был пронизан новой, революционной стилистикой:

«Мы, нижеподписавшиеся, угнетенные режимом старой власти, заявляем, что с прочтением первой телеграммы об отречении от престола царя мы сразу почувствовали отраду и надежду на хорошее будущее и теперь мы вполне подчиняемся Новому Правительству и желаем быть такими же свободными гражданами, как и все прочие, и просим не считать нас приверженцами старой деспотической власти»⁹⁰.

⁸⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 151.

⁸⁷ Там же. Д. 321. Л. 82.

⁸⁸ Там же. Л. 53.

⁸⁹ Вятская речь. 1917. 8 марта.

⁹⁰ Там же. 19 марта.

Спустя полгода, когда политической авансценой все увереннее овладевали радикально-социалистические силы, участники разграбления казенных винных запасов находили для себя именно те оправдания, которые от них желали услышать. Один из авторитетных очевидцев пьяных беспорядков в Кунгуре позднее вспоминал, что «...солдаты сами рассказывали, что они темные, политически невоспитанные, в разгроме магазинов видели борьбу с буржуями, а в разгроме винных и пивных складов — законное вознаграждение за пережитые годы войны и лишения»⁹¹.

Годом позже, оказавшись под властью антибольшевистского режима, рабочие вновь вернулись к дореволюционной патриотической лексике. Так, в прошении Союза рабочих металлистов на имя горного начальника Златоустовского горного округа от 14 ноября 1918 г. о сохранении старой, более высокой тарифной сетки, его представители не преминули упомянуть о лояльности, патриотизме и особой жертвенности рабочих: «Мы продолжаем стоять на государственной точке зрения, в силу которой рабочий класс должен приносить на алтарь отечества те жертвы, которые никогда не приносили и не приносят другие классы»⁹².

Криком отчаяния было письмо, направленное в волостную ячейку РКП(б) весной 1922 г., в разгар голода в Башкирии, группой крестьян деревни Бишкази Гумеровской волости. В надежде на отклик авторы оперировали терминологией и формулами, типичными для коммунистической пропаганды:

«Товарищи коммунисты, просим вас, как идейных товарищей, защитников рабочих и крестьян, спасти нас от голодной смерти, как вы спасли нас от ига буржуазии, так же и спасите нас от голода. Мы имели до 21 года лошадей, коров, овец, а в настоящее время лишились всего скота, даже распродали все недвижимое имущество. И день ото дня умирают с голоду наши семейства. <...> В настоящее время питаемся всякими шукурами, падалью, собираем кости, оставшиеся от собак, и мелем на муку»⁹³.

Многое свидетельствует о том, что власть и население в годы «военного коммунизма» и в начале НЭПа говорили на генетически родственных, но все же разных языках и были не способны адекватно воспринимать друг друга. Советские и партийные органы явно переоценивали уровень про- или антисоветской «сознательности» населения, которое, в свою очередь, готово было признать советское государство, если последнее оставит его в покое. Конечно, среди архивных материалов и в печати того времени сохранилось немало документов, в которых рабочие и крестьяне, солдаты и служащие выражались в категориях, подозрительно точно совпадавших с лексиконом и стилистикой официальной пропаганды. Однако принимать их некритично, как это часто случалось с современниками, причастными к власти, а затем и с исследователями, было бы наивным. Необходимо учитывать те условия, в которых рождались подобные свидетельства. У большинства жителей России того времени выбор был невелик: или проявлять внешнюю лояльность к режиму, «подыгрывать» ему, или лишиться пайка, а порой имущества, свободы и даже жизни. Нужно было очень досадить людям, чтобы, имея такую альтернативу, они все же проявляли недовольство режимом. Когда же складывалась экстремальная ситуация и угроза для жизни предельно возрастала, приходилось говорить то, что требовало государство. Такова природа многочисленных крестьянских резолюций о безоговорочной поддержке советской власти в борьбе против дезертиров — резолюций, которые были буквально вырваны у крестьян карательны-

⁹¹ Цит. по: Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов. 1983. С. 145.

⁹² ГАРФ. Ф. 3102. Оп. 1 Д. 26. Л. 11.

⁹³ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 555. Л. 10.

ми отрядами. К этой категории относится и следующий документ, возможно, продиктованный, и, что примечательно, подписанный военкомом батальона, подавлявшего крестьянское восстание в Челябинской губернии:

«Резолюция, принятая на общем собрании граждан села Батырево единогласно 3 III 21 г. Заслушав доклад т[оварища] Чугунова, Военкома отряда, который разъяснил весь вред, который принесли банды, появившиеся в Курганском уезде.

Заслушав все эти слова, сознаем, что мы не могли воздержать своих темных мужей, которые поддались словам негодяев-бандитов, которые ввели нас и наших мужей в заблуждение, которое наделало много невинных жертв.

Впредь даем себе клятву, что мы больше не допустим таких явлений и обязуемся всех негодяев-бандитов выдавать Советской власти и больше не допустим посягательства на советских работников партии коммунистов-большевиков, которая сумела вывести из тяжелого положения нашу Советскую страну. Приветствуем Красную Армию, которая разбила всех прихвостней буржуазии и наемников капитала.

В заключение же всего говорим:

Да здравствует Красная Армия, которой равной нет в мире!

Да здравствует партия коммунистов-большевиков, как передовой авангард в лице своих вождей тов[арища] Ленина и тов[арища] Троцкого и других вождей Рабоче-крестьянской революции!»⁹⁴

Вынужденное, вымученное проявление лояльности не могло быть надежным и устойчивым. И накануне отказа от продразверстки, и в первые месяцы НЭПа коммунистический режим был окружен вакуумом непонимания и отчужденности.

«Народ воскрес, Христос воскрес!»: приключения народной религиозности. Летом 1920 г. в одну из сельских школ Челябинской губернии учительница принесла икону Серафима Саровского и водрузила ее в «красном углу», украсив ее алыми флажками. Свои странные действия она объяснила так: «Он, — говорит, — на Карла Маркса похож, и все православные его почитают»⁹⁵.

Эта история, помещенная в качестве курьеза на полосе советской газеты, может служить лаконичным введением в сюжет о драматичных приключениях православной народной религиозности на Урале в годы российской революции.

Представляется важным определить содержание термина «народная религиозность», а также используемых далее как его синонимы терминов «народная вера» и «народная набожность». Я исхожу из важного для историков культуры и социологов знания понятия религии как общественно регулируемой символической системы трансцендентного толкования реальности⁹⁶. Таким образом, религия толкуется как иное измерение смыслового освоения действительности, чем инструментальное, научное, светское знание. Это, максимально широкое понимание религии, в отношении России перекрывается двумя явлениями. Во-первых, конфессиональной лояльностью к официальной церкви, во-вторых, так называемой народной верой, под которой в дальнейшем прежде всего будет пониматься приобретенная и практикуемая преимущественно во внецерковной среде массовая религиозность мирян.

Историографическая ситуация вокруг темы «религия в СССР» в течение длительного периода была отмечена смешением вышеназванных понятий и явлений. В част-

⁹⁴ Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 196. Л. 18.

⁹⁵ Советская правда. 1920. 29 июня.

⁹⁶ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York, 1973.

ности, религиозная проблематика в России периода становления советской власти в течение десятилетий ограничивалась в международной светской и церковной историографии вопросом о положении русской православной церкви в неблагоприятных для ее существования условиях большевистского режима и о взаимоотношениях между официальными религиозными институтами и атеистически настроенной светской властью. Неизбежным следствием такой постановки проблемы стало сужение исследовательского поля зрения, преобладание взгляда сверху и из центра — преимущественное изучение политических решений партийного и церковного руководства, рассмотрение столичных событий и социальных макропроцессов.

Одним из следствий подобного самоограничения исследовательской перспективы являлась склонность историков к однозначным — хотя и прямо противоположным — выводам об исходе борьбы большевиков с «опиумом народа». Если западная и церковная историографии приходили к заключению о фактическом поражении новых властителей, несмотря на их формальную, организационную победу, то советские авторы констатировали необратимое понижение симпатий населения к церкви и очевидное размыwanie религиозных чувств под воздействием атеистической пропаганды. При этом за пределами внимания исследователей оставалась трансформация массовой религиозности под влиянием стремительно и радикально изменявшихся на протяжении нескольких лет условий существования, а также ее региональные особенности. Более дифференцированный подход к пониманию религии в российском контексте, позволяющий преодолеть ограниченность дихотомической контроверзы «победа — поражение», намечился в историографии относительно недавно⁹⁷.

При изучении народной религиозности в рассматриваемый период следует учитывать, что внешние проявления набожности, к которым православное население всегда относилось с особой серьезностью, во время революции, гражданской войны и «военного коммунизма» были затруднены новыми обстоятельствами. В условиях дефицита самых необходимых продуктов и ухудшения качества питания трудно было соблюдать режим постов. Активное участие в церковных ритуалах было сковано риском навлечь гнев антирелигиозно настроенных властей и ограничено ослаблением материально-организационных возможностей и морального авторитета официальных религиозных институтов. Обстановка насилия и жестокости заставляла усомниться в неизбежности духовных нравственных предписаний.

Вместе с тем, народная вера сохраняла качество и функцию культурного кода, позволявшего интерпретировать непонятные события в привычных категориях, определявшего поведение в неясной или сомнительной ситуации. Даже такое, безусловно греховное с точки зрения религии, явление, как каннибализм, несло определенные следы народной набожности. Известны отдельные случаи, когда при похищении человеческого трупа из церковного ледника или импровизированного сельского морга с целью употребления в пищу человеческого мяса во время массового голода 1921 — 1922 гг. людоеды отсекали и оставляли голову⁹⁸. Для измученных хроническим голоданием людей это была непростая процедура. К тому же повышался риск быть застигнутыми на месте преступления. Возможно, этот акт был обусловлен желанием ос-

⁹⁷ См.: Luukkanen A. The Party in Unbelief. The Religions Policy of the Bolshevik Party. 1917 — 1929. Helsinki, 1994; Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln; Weimar, Wien, 1996; Young G. Power and the sacred in revolutionary Russia: religious activists in the village. 1997; Koslowski P. (Hrsg.) Religionspolitik zwischen Cäsaropapismus und Atheismus: Staat und Kirche in Russland von 1825 bis zum Ende der Sowjetunion. München, 1999.

⁹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 16, 20.

тавить жертве возможность захоронения по религиозному обряду и не в безымянной могиле, так как погребение не по ритуалу и в могиле, которую не смогут навещать близкие, воспринималось народным сознанием как самая страшная судьба.

Изменение внешних условий обусловило деформацию отдельных компонентов народной веры. В связи со спровоцированным революцией ростом самостоятельности церковных общин и утратой православной церковью возможности влиять на народную религиозность в последней заметно прибывала роль суеверий, особенно в связи с засухой и неурожаем в 1920 и 1921 г. Магическим практикам активно потакало новое, послереволюционное поколение малограмотных священников. Участились моления о дожде, которые в некоторых селах священники устраивали каждый вечер⁹⁹. Засуха интерпретировалась как результат безверия коммунистов — «...коммунисты в бога не верят, вот бог и не дает дождей»¹⁰⁰. В селе Калмыково-Камышево Травянской волости Челябинского уезда местный священник так объяснил отсутствие осадков: «Это потому, что у нас на кладбище похоронен удушенник, его нужно либо вырыть, либо залить водой»¹⁰¹. Легковерные селяне охотно откликнулись на призыв пастыря: после богослужения они отправились на кладбище, ломом проделали в могиле дыру до самого гроба и вылили в нее 40 ведер воды.

Факты свидетельствуют, что православное население в годы революционных потрясений не утратило и прямой связи с церковью, которая стабильно поддерживалась пожилой и женской частью паствы. Широкие слои населения продолжали крестить детей, венчаться и отпевать покойников, причем сельские коммунисты и советские работники не составляли исключения.

Следует особо подчеркнуть, что видимое ослабление связей населения с церковью не было прямолинейным и необратимым процессом. На протяжении 1921 — 1922 гг. отмечена заметная волна нарастания симпатий к церкви. Наступление голодной катастрофы еще раз убедило сельское население в органическом единстве божественного и земного, природного и человеческого порядка. Голод стал восприниматься как наказание за грехи власти, и светские объяснения случившегося теряли силу убедительности. С весны 1921 г. органы политического слежения наблюдали участвовавшие субботники по очистке церковных территорий, интенсивное посещение церкви, в котором участвовали не только рядовые крестьяне, но и служащие советских учреждений и сельская интеллигенция. Отмечались также охотные и успешные сборы паствой средств в пользу священника¹⁰². В условиях, когда продукты питания становились все большим дефицитом и деревня не в силах была справиться с продналогом, Челябинская губчека констатировала: «Большая часть населения, особенно старые крестьяне и женщины, ходят к батюшке за советами, неся с собой яиц, масла, хлеба и другие продукты»¹⁰³.

В конце 1921 — начале 1922 г. подъем народной набожности приобрел, по всей видимости, массовый характер. Во время проведения партийной чистки в сельской местности Челябинской губернии крестьяне целыми ячейками без тени сомнения писали в анкете, в графе о вероисповедании: «да, христианин», «вера в Бога»¹⁰⁴. В Оренбургской губернии весной 1922 г. были обнаружены многочисленные факты

⁹⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 97, 141.

¹⁰⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 101об.

¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 130об.

¹⁰² Там же. Л. 82 об., 97, 141; Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 191.

¹⁰³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 37.

¹⁰⁴ Там же. Д. 296. Л. 10.

самочинного введения в сельских школах преподавания вероучения¹⁰⁵. Волнообразный характер интенсивности религиозных чувств свидетельствует об их живучести и сигнализирует функциональную значимость религиозности за пределами собственно церковной жизни.

Религиозные образцы толкования действительности и поведенческие матрицы составляли своеобразный культурный каркас простонародной жизни, основу самоидентификации и ориентации в окружающем, выполняя жизненно важные функции. В этой связи сломать религиозные мифы, служившие фундаментом культуры крестьянства, казачества, большей части городского населения — включая внешне атеистическую часть «образованного общества» — было по меньшей мере затруднительно.

Более того: сакральная символика была мобилизована и населением, и властями для толкования новых явлений в светской жизни. Трансформация народной веры может быть описана как культурная модель «смещения языков»: как и прочие культурные феномены, привычные религиозные формы культуры не устарели или пришли в негодность, а начали функционировать в новой, необычной ситуации необычным образом.

Обращает на себя внимание тот факт, что апология революции в 1917 г. осуществлялась с привлечением религиозной символики. Революция, которую ждали в течение двух последних десятилетий, грянула, тем не менее, столь неожиданно, что ее исторические обоснования казались малоубедительными даже в образованных слоях населения. Устойчивой интерпретационной формулой стало отождествление революции с Пасхой — праздником, пронизанным идеей жертвенности и обновления. Челябинская газета «Союзная мысль» 2 апреля 1917 г., во время празднования православной Пасхи, обратилась к читателям следующим образом:

«Христос Воскресе!

Товарищи и граждане! Великий Праздник Воскресения Христа мы впервые отмечаем свободными...

По завету Христа, мы все равны, нет между нами ни эллина, ни иудея, ни крестьянина, ни дворянина, ни казака.

Воистину воскрес Христос...»¹⁰⁶.

Свидетелям энтузиазма крестьян по поводу сбора хлеба для нужд обороны также была близка его стилизация как главного православного праздника:

«Настроение народа было настолько ликующее, что таковое бывало раньше только в светлое Христово Воскресенье. Громовое ура, долго несмолкаемое, гудело за свободную Россию и свободный народ»¹⁰⁷.

Образ революции — христианского праздника настолько въелся в сознание современников, что всплывал в самых неподходящих ситуациях и вольно или невольно служил оправданием самых трагических и отталкивающих ее страниц. Так, толпы горожан, вооруженных всевозможными посудинами для наполнения их бесхозным спиртом во время пьяных погромов осени 1917 г. ассоциировались в сознании очевидцев с шествием на водосвятие, а сами погромщики — с паломниками. Участники пьяных бесчинств и сами охотно прибегали к образу Пасхи для оправдания своих действий. В толпе можно было услышать возгласы такого рода:

«Один из солдат, захлебываясь от восторга, говорит:

— Ну и дожили. Никогда не думали об этом. Это нам за три года войны. Можно.

¹⁰⁵ Степная правда. 1922. 13 апр.

¹⁰⁶ Союзная мысль. 1917. 2 апр.

¹⁰⁷ Вятская речь. 1917. 11 апр.

- Это Христос Воскрес, это Пасха, – выражает свою радость другой солдат.
- За Романова, – шутит какой-то солдат, выпивая спирт из пригоршни»¹⁰⁸.

Причудливое сочетание старых и новых символов проявилось в организации новых светских праздников, воспринявших многое из религиозных праздничных торжеств: траурные интонации церемониала, отраженные в декорировании зданий и колонн демонстрантов красными и черными полотнищами и лентами, пихтовыми гирляндами; точное регламентирование маршрута демонстраций, напоминавших крестные ходы, и исполняемых их участниками песнопений.

Несмотря на существенные различия в отношении к церкви со стороны боровшихся в гражданской войне режимов, можно констатировать одно обстоятельство, которое роднит пропагандистские акции непримиримых противников и, вместе с тем, свидетельствует о важном месте религиозности в жизни бывших подданных Российской империи: и «красные», и «белые» власти серьезно относились к фактору «религия» и – каждый режим по-своему – пытались разыграть эту карту в своих интересах.

В антибольшевистской пропаганде православная церковь выступала в качестве одного из столпов порядка и основы национальной культуры. На советских территориях церковь клеймилась как партнер царизма и атавизм, стоящий на пути интернационализму и мировой революции. «Белые» праздники не обходились без благословения и личного участия православных пастырей. Советские праздники адаптировали гротесковую фигуру священника, превратив ее в символ реакции¹⁰⁹.

Вместе с тем, не только «белые», но и «красные» праздники, несмотря на воинственное богоборчество властей, не обходились без позитивной религиозной стилистики. Так, в советской пропаганде 1 мая часто именовалось «красной пасхой трудящихся».

Религиозные образы неустанно мобилизовались не только сверху, но и снизу. Примечательно, что среди слухов, которые в условиях падения роли печатного текста переживали расцвет и демонстрировали народное недоверие к власти, религиозные интерпретации занимали устойчивые позиции. Немалую популярность имели слухи о намерении каждой новой власти покуситься на религиозные ценности и ориентиры. Эти слухи можно рассматривать и как проявление настороженности, и как своеобразный запрос властям об их намерениях в конфессиональной сфере, требующий опровержения и заявления о веротерпимости. Так, в апреле 1917 г. во время проведения в Челябинске окружного съезда духовенства и мирян местный комитет общественной безопасности вынужден был обратиться к нему со следующим заявлением:

«До Комитета общественной безопасности дошли сведения, что среди темного населения уезда распространяются злонамеренные слухи, будто бы Временное правительство собирается отобрать все православные церкви и дать им новое назначение, например, – устроить костелы. Комитет... просит обратиться с авторитетным разъяснением нелепости этих слухов и предложить... Съезду духовенства внести успокоение»¹¹⁰.

Летом 1919 г., когда «красные» в очередной и последний раз овладели Оренбургом, пожилой казак обратился к красноармейцам с вопросом:

«А что я вас хочу спросить, товарищи: вот у нас в газетке писали, что у красных большой налог на иконы наложен, 20 рублей с квадратного вершка. Как теперь быть?»¹¹¹

¹⁰⁸ Там же. 14 ноября.

¹⁰⁹ Известия (Пермь). 1918. 6, 10 ноября.

¹¹⁰ Цит. по: Боже В.С. Материалы по истории церковно-религиозной жизни Челябинска 1917 – 1937 гг. / Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник (Вып.) 2. Челябинск, 1998. С. 114.

В период «военного коммунизма» в населении религиозная стилистика вплета-лась в слухи о скором конце советской власти. В Пермской губернии крестьянство поговаривало о близкой и неизбежной войне с антихристом, к которой призывал в Ие-русалиме сам Христос. По рукам ходила безграмотно написанная молитва с требова-нием переписать ее и угрозой послушнику всякими бедами¹¹². В январе 1921 г. — накануне отказа большевиков от крайностей реквизиционной политики в деревне — среди крестьян Оренбургской губернии ходили слухи о пророках, которые якобы точ-но предсказывают день падения Советов и о появлении антихриста-коммуниста¹¹³.

Светские образы причудливо переплетались с религиозной символикой. Не слу-чайно «коммунисты» и «жиды» часто воспринимались народным сознанием как си-нонимы, и крестьянские и казацкие повстанцы видели свою задачу в том, чтобы пере-вешать и тех, и других¹¹⁴. Для объяснения нового и непонятного люди возвращались в уютный мир старых и устоявшихся толкований. Неудивительно, что старый предрас-судок о ритуальном «кровопийстве» евреев распространился на большевиков как гра-бителей и истязателей — «кровопийц» народа в переносном смысле слова.

О христианской природе юдофобских толкований новой власти свидетельствует отсутствие этого интерпретационного клише среди мусульман Башкирии. Антиеврей-ские настроения наиболее часто отмечались среди казачьего населения Оренбуржья, сохранявшего живую связь с верой, и в крупных городах, где существовали как пра-вославные, так и католические и протестантские общины. Враждебное и морально осуждаемое разоблачалось с помощью наклеивания «еврейского» ярлыка. Народная религиозность «работала» по образцу теории заговора, вытесняя массовое распро-странение аморального поведения — жестокости, насилия и спекуляции — в область чу-жих обычаев¹¹⁵. В конце 1919 — начале 1920 г. в Верхнеуральском уезде Челябинской губернии время от времени распространялись безграмотные объявления с призывом «бить коммунистов и жидов»¹¹⁶. В Перми в июне 1920 г. в связи с проведением трудо-вой недели наблюдался всплеск антиеврейских настроений. На заборах была разве-шена прокламация такого содержания:

«Сейчас неделя труда. Все ли одинаково работают? Нет ли хоть для одной нации исклю-чения? Да, есть. Евреи не работают, они не желают работать.<...> Зачем, зачем они эксплуа-тируют наш труд? Ведь удовольствиями-то они пользуются. Куда ни заглянешь, в какое бы то ни было учреждение — везде и всюду их тьма, а на работе раз-два, да и обчелся. Спекуляция в чьих руках? Кто часовых дел мастер? Кто на толчке — евреи»¹¹⁷.

В той же сводке губчека отмечалось: «Население в большинстве озлоблено про-тив евреев, ясным показателем чего служит смех публики в кинематографе на карти-не Юшкевича «Евреи» и отсутствие хотя бы слова в защиту их». Контрагитация, по признанию чекистов, не помогала «ввиду сопоставления обывательской массой евре-я с коммунистом»¹¹⁸.

¹¹¹ Цит. по: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Указ. соч. С. 148.

¹¹² ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 92, 133.

¹¹³ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп.1. Д. 234. Л. 6.

¹¹⁴ См.: Шибанов Н. С. Указ. соч. С. 228.

¹¹⁵ О культурных функциях юдофобии подробно см.: Rohrbacher S., Schmidt M. Judenbilder. Kulturgeschichte antijudischer Mythen und antisemitischer Vorurteile. Hamburg, 1991.

¹¹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

¹¹⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.

¹¹⁸ Там же. Л. 17.

В августе 1920 г. в одном из поселков оренбургских казаков была обнаружена стихотворная листовка, в которой природа новой власти интерпретировалась следующим образом:

«Ну и времечко настало,
Я вам, братцы, расскажу.
Ничего у нас не стало,
Все распродали жида.

<...>
Где сидел царь Николашка,
Где везде порядок был,
Там расселся жид Абрашка
И сигарку закурил»¹¹⁹.

В ноябре 1920 г. в Шадринском уезде Екатеринбургской губернии в качестве реакции на ускоренное и безжалостное проведение продразверстки было обнаружено 11 воззваний с лозунгом «Бей жидов, коммунистов, не давайте хлеба, да здравствуют белые освободители!»¹²⁰ В начале 1921 г. рабочие станции Челябинск на замечание о небрежном отношении к оборудованию ответили, что они «на коммунистов и жидов» работать не хотят¹²¹. В Оренбурге весной 1921 г. циркулировал слух, что еврейка убила христианского мальчика, но была оправдана, так как судили ее коммунисты, среди которых абсолютно преобладают ее соплеменники¹²².

Народная религиозность не только расставляла смысловые ориентиры в неуютной действительности и поставляла аргументы для критики власти. Она выполняла мобилизующую функцию в оказании прямого неповиновения режиму. На протяжении 1920 г., особенно в конце 1920 — начале 1921 г., крестьянские движения распространились по всему Уралу. Источники не позволяют говорить о важном месте религиозных мотивов в волнениях православных крестьян. Вместе с тем, привлечение религиозной символики для аргументирования своих действий изредка встречалось среди казаков Южного Урала¹²³.

В испытаниях экстремальными обстоятельствами 1917 — 1922 гг. народная религиозность не погибла, а подверглась основательной содержательной трансформации, сохранив статус резервной и альтернативной культурной системы толкования действительности и выбора моделей поведения. Ее модификация шла в направлении приобретения большей автономии от официального вероучения и церковной организации. Это имело серьезные содержательные последствия для народной веры: в отсутствие церковного контроля апокриф и магическая практика неизбежно приобретали в ней все больший вес. Необходимость вести повседневную борьбу за выживание в экстремальных условиях заставляла зарезервировать христианские заповеди и элементарные нормы морали для лучшего будущего. Вместе с тем, относительно самостоятельное существование протонародной набожности обеспечивало ей оптимальное сочетание гибкости и устойчивости, превращая ее во вместительный резервуар оппозиционных или лояльных режиму — в зависимости от обстоятельств — образцов толкования и моделей поведения.

В царстве слухов: самообольщение надеждой. В воскресенье, 19 декабря 1920 г., у пролетарского музея в Уфе собралась толпа обывателей различных вероисповеданий и положений, в которой интеллигенты соседствовали с торговками, православные —

¹¹⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 23. Полный текст документа опубликован в монографии Д.А.Сафонова (С. 270 — 271).

¹²⁰ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 131.

¹²¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 24.

¹²² ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 81.

¹²³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 24.

с магометанами. Собравшиеся были возбуждены слухом, что комендант города хотел расстрелять черта, но тот сбежал и в конце концов очутился в музее. На просьбу публики показать черта, которого якобы должны вот-вот отправить в Москву, сторож музея в шутку ответил, что тот сидит на вокзале в буфете первого класса и в ожидании поезда пьет какао и ест бисквиты. Несмотря на то, что к концу 1920 г. — в разгар «военного коммунизма» — и первый класс, и буфет, и какао, и пирожные давно отошли в область преданий, толпа поверила и рванулась на вокзал. На платформе люди застали только хвост поезда, уходящего к тому же в восточном направлении. Но и это не смутило зевак. Объяснение тут же было найдено: «Отправили его в Москву через Японию, вот и все». Автор фельетона, посвященного этому происшествию, сокрушенно резюмировал событие:

«Достопримечательно то, что любой прохвост может распустить какой угодно слух и этому слуху будут верить. Люди, не задумываясь, ломают себе шею, бесятся, приходят в исступление»¹²⁴.

Российская революция создала благоприятную конъюнктуру для всевозможных, в том числе самых невероятных слухов. Весь 1917 г. прошел под знаком пересудов о запасах продовольствия и коварстве купцов, о заговоре «темных сил» и происках «международного империализма». Слухами провоцировались стычки в очередях, обыски торговцев, захваты помещичьих имений и погромы винных складов, являясь в условиях ослабления власти идеологическим обеспечением самовольных действий.

Современникам было ясно, откуда ветер дует. Причины виделись в дефиците достоверной информации и происках пресловутых «темных сил». Действительно, сведения о стремительно развивавшихся событиях доходили до населения с опозданием и в искаженном виде, или вообще оставались неизвестными. Недостаток надежной информации и беспрецедентная дезориентация восполнялись слухом, «затыкавшим» информационные дыры. Отсутствие достоверных сообщений стало особенно остро ощущаться в отдаленных провинциях с самого начала революции 1917 г.¹²⁵ В апреле 1917 г. из села Нагорского Вятского уезда сообщали:

«Наша деревня начинает пробуждаться от векового сна, просит почитать. С приходом почты многие обращаются в волостное правление — «нет ли свободных газет?»¹²⁶

Однако выписываемой в деревню периодики было мало, и приходила она с опозданием, не удовлетворяя любопытства сельских жителей.

По мере развития революции и сопровождавшего ее разрыва связей между регионами их население все больше ощущало себя отрезанным от остального мира. В декабре 1917 г., когда в Оренбурге уже фактически полыхала гражданская война, одна из губернских газет констатировала:

«События отрезали нас от всего мира.

Мы живем, как на острове, среди волнующегося моря. Железная дорога должна была остановиться с той минуты, как большевистские эшелоны двинулись к Оренбургу. Почта и телеграф также не могут связать нас с окружающим миром, так как все телеграммы мы получали через Самару. Мы питаемся только слухами, и эти слухи доходят через случайных лиц, которым удается пробраться в Оренбург через линию военных действий»¹²⁷.

¹²⁴ Известия (Уфа). 1920. 21 дек.

¹²⁵ См., напр.: Сафонов Д. А. События 1917 г. и информированность крестьянства Южного Урала. С. 15 — 19.

¹²⁶ Вятская речь. 1917. 11 апр.

¹²⁷ Южный Урал. 1917. 30 дек.

С развитием гражданской войны и участвовавшими сменами режимов население окончательно запуталось в происходящем. Информация приходила в горнозаводскую и сельскую местность с опозданием и искажениями, вызванными ее эстафетной передачей понаслышке и крестьянскими перетолкованиями. Так, в Гороблагодатском горном округе Пермской губернии — одном из «медвежьих углов» Урала — население осенью 1918 г. было ни за, ни против Советов: поскольку агитаторы туда не наведывались, его обитатели почти через год после Октябрьской революции и четыре месяца после начала гражданской войны в регионе не знали, «почему война, что за Советская власть, что это за чехи...»¹²⁸.

Окончание гражданской войны и установление советской власти на Урале не содействовали преодолению дефицита информации из-за организационной слабости и бедности новых государственных и партийных структур. В октябре 1919 г. уфимская пресса сообщала об одном из сел.

«С приходом Советской власти, кроме формы правления, село ни в чем не изменилось... <...> Много ходит беспокойных слухов по деревне, передается из уст в уста и тревожит темную душу: то хлеб вот приедут уберут весь, не заплатят, то в коммуну погонят силой работать на кого-то...»¹²⁹.

Как следует из доклада Верхнеуральской ЧК за январь 1920 г., местный большевистский печатный орган — «Приуральская коммуна» — не мог издаваться за отсутствием бумаги: «из-за этого в городе ходят слухи один нелепее другого»¹³⁰.

Однако в основе популярности слухов лежали другие, более глубокие причины, чем информационный вакуум. Явление, которое воспринималось трезвомыслящими современниками как своеобразная эпидемия безумия, имело на самом деле рациональные корни и важное социальное назначение¹³¹.

Слух представляет собой неуловимое явление, ускользающее от точных дефиниций и отмеченное печатью недоверия, рождаемого его недостоверностью. Пересекаясь с такими разнокачественными продуктами и носителями коммуникации, как сплетня, непроверенная информация, клевета, фальсификация и средство массовой информации, слух не совпадает с ними. Автор недавнего и, насколько мне известно, первого систематического культурно-исторического исследования слуха Х.-Й. Нойбауэр предложил определение, позволяющее очертить контуры этого феномена:

«Слухи парадоксальны; они образуют общественное мнение и одновременно представляют его. Кто их упоминает, одновременно имеет в виду новость и средство информации, послание и посланца. Этому соответствует мое определение слуха: я понимаю под ним прежде всего то, что обозначают этим словом, то есть исторически изменчивую традицию, которая может подразумевать совершенно различные феномены. Помимо этого, «слух» является информацией, актуально курсирующей в группе посредством молвы или родственных форм коммуникации; слух — это не то, о чем все говорят, а то, о чем говорят, что об этом все говорят. Слухи — это цитаты с купюрой. Остается неопределенным, кого они цитируют; того, кто в них говорит, не знает никто»¹³².

Слух как феномен культуры многолик, а его функции многообразны и нуждаются в пристальном внимании исследователей. Пренебрежительное отношение к нему

¹²⁸ Известия (Пермь). 1918. 22 окт.

¹²⁹ Известия (Уфа). 1919. 1 окт.

¹³⁰ ОГАЧО. Ф. 77 Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

¹³¹ Информационно насыщенная работа И.В. Побережникова о слухах, циркулировавших на Урале и в Сибири в XVIII — XIX вв., интерпретирует их преимущественно как эрзац информации. См.: Побережников И. В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России в XVIII — XIX вв.). Екатеринбург, 1995.

¹³² Neubauer H.-J. Fama: Eine Geschichte des Gerüchts. Berlin, 1998. S. 13.

ничем не оправдано и отражает высокомерие современного человека, воспитанного в рациональной традиции XIX в. Слух оперативно реагирует на происходящее вокруг и, вместе с тем, оказывает влияние на него, рождая неожиданные настроения и поступки. Он сигнализирует о поворотах в массовом сознании и обуславливает их. Он является средством истолкования, критики и сопротивления.

В революционной России, слух представлял собой не только эрзац информации о происходящем. В переходные периоды и в экстремальных ситуациях он отражает и формулирует многочисленные страхи, являясь первой ответной реакцией, началом процесса освобождения от них¹³³. Слух дает происходящему толкование, рождающее надежду и ожидание. Смысловой компонент слуха весомее самой информации, степень достоверности которой в этой связи второстепенна для ее потребителей. Самые нелепые слухи, слухи, сеявшие страх, подспудно несут надежду.

На Урале еще накануне и в самом начале революции нагнеталась истерия немецкой угрозы. В конце 1916 — начале 1917 г. в вятской деревне, где к этому времени остались только старики, дети и женщины, распространился слух о том, что немцы разъезжают по сельской местности и убивают детей. В результате после Рождества возобновить занятия не удалось. Дети не ходили в школу и сдавали учебники¹³⁴. В апреле 1917 г. управляющий Надеждинского завода барон Таубе по предложению рабочих вынужден был уехать. Причиной его отъезда стало распространение слуха о немецком шпионаже. Даже подобные слухи-страхи были исполнены надеждой: казалось, что если принять меры безопасности против немцев или изгнать их, жизнь улучшится. Такую же нагрузку имели многочисленные слухи о купцах, придерживающих товары для повышения цен. Упрощенная версия причин ураганного роста дефицита на товары массового спроса питала надежду на скорое облегчение и одновременно предлагала простейший рецепт перемен.

В автономную группу можно выделить слухи-предупреждения о непосредственно грозящей опасности, формулирующие наиболее актуальные опасения. Пугающие слухи сеяли в населении панику. По сообщению управляющего Пермской губернией министру внутренних дел колчаковского правительства в июне 1919 г., слухи о наступлении «красных» вызвали беспорядочную эвакуацию жителей из Сарапульского, Оханского и Осинского уездов. Распространявшие слухи дезертиры «...своими рассказами о прорыве фронта и приближении красных создали... такую панику, что население, духовенство и даже волостные управы бросились уезжать в тыл уезда (Оханского — И. Н.) и лишь вовремя подоспевшие чины милиции остановили начавшую увеличиваться толпу беженцев и арестовали дезертиров»¹³⁵.

Такого рода слухи предостерегали население от грядущих неприятностей и мобилизовали их на защитные контрмеры. В конце 1920 г. обыватели Челябинска обсуждали тревожные новости. Молва упорно настаивала, что скоро будут аннулировать все денежные знаки, и власти намерены на днях провести повальный обыск. Его целью якобы были реквизиции у населения одежды, обуви и прочих пожитков¹³⁶. В феврале 1921 г. в Верхнеуральске ходили слухи, что весной крестьяне не получают от государства семян, поскольку большевики вывозят хлеб за границу, куда собираются сбежать и сами¹³⁷.

¹³³ Ibid. S. 53.

¹³⁴ Вятская речь. 1917. 8 февр.

¹³⁵ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 16, 60.

¹³⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 79.

¹³⁷ Там же. Д. 344. Л. 32.

В это же время рабочие и служащие Екатеринбургья каждую выдачу продовольствия называли «последней» и полагали, что «...вероятно, при Соввласти придется подохнуть с голоду»¹³⁸.

Иногда слухи-предупреждения приобретали налет иронии и превращались в шутку, свидетельствуя в очередной раз, что юмор умирает вместе с надеждой. В связи с объявлением «недели ребенка» в Перми в мае 1920 г. был пущен слух о приближении «брачной недели», а в Тагильском уезде Екатеринбургской губернии в ноябре того же года циркулировали слухи, что советская власть будет отбирать у жителей имущество, организуя для этого «неделю сундука»¹³⁹.

Однако наибольшей популярностью пользовались слухи – ожидания позитивных перемен. Они были самыми устойчивыми и, видоизменяясь в зависимости от конкретной ситуации, возрождались снова и снова. В конце ноября 1917 г. в антибольшевистском Оренбурге распространился слух о том, что В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий арестованы, а в январе 1918 г. его сменили толки о перевороте в Петрограде, падении СНК и переходе власти в руки Учредительного собрания¹⁴⁰.

Население постоянно муссировало слухи о внутренних неурядицах и кадровых переменах в большевистском руководстве. Ими охотно пользовалась антибольшевистская пропаганда во время гражданской войны. Газеты в августе 1918 г. печатали непроверенные сообщения, что из Москвы скрылся В.И. Ленин¹⁴¹. В январе 1919 г. на основе ненадежных данных из телеграмм зарубежных агентов распространился слух, что Л.Д. Троцкий арестовал В.И. Ленина, усмотрев контрреволюционность в его выступлениях в пользу коалиционного правительства. Камышловская газета «Заря народоправства» по этому поводу опубликовала стихотворение с названием «Соглашатель Ленин»:

Тары-бары, растабары,
Жили-были коммунары,
Жили дружно, не ругались,
Ленин, Троцкий – прозывались!

В Смольном рядышком сидели,
Одной ложкой кашу ели,
Коммунизм в стране вводили,
За нос публику водили...

Шибко стригли мужиков,
Контрибучили купцов,
Пару-жару поддавали,
На клочки Россию рвали.

С октября до января,
Коммунизм в стране ввода,
Сказать нужно:
Жили дружно!

Вдруг приехала беда
(Растворй хоть ворота):
Ленин каяться стал шибко,
Знать, сознал свои ошибки...

Троцкий пригрозил ему
И... катнул его в тюрьму! -
Земля вокруг оси вертится,... -
Ленин в дверь тюрьмы стучится...

На спине бубновый туз, -
На весь мир такой конфуз!»¹⁴²

Слухи о кадровой чехарде у большевиков имели хождение и по окончании гражданской войны на Урале. В апреле 1920 г. автор частного письма сообщал адресату, что председатель уфимского губисполкома Б.М. Эльцин снят Л.Д. Троцким, возвращавшимся из Сибири, за кровавую расправу с безоружными мужиками¹⁴³. Накануне отмены продразверстки, в феврале 1921 г., в Екатеринбурге ходил слух об аресте Л.Д. Троцкого.

¹³⁸ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 82.

¹³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 153. Л. 12; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 131.

¹⁴⁰ Оренбургское земское дело. 1917. 30 ноября; Южный Урал. 1918. 16 янв.

¹⁴¹ Утро Сибири. 1918. 7 авг.

¹⁴² Заря народоправства. 1919. 26 янв.

¹⁴³ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 10 об.

го В.И. Лениным. Версий мнимого ареста было две. По одной, он был вызван разногласиями по вопросу о профсоюзах, по другой — спекуляцией Троцкого продуктами, якобы вывезенными из Челябинска в количестве шести вагонов¹⁴⁴. Крестьянство Курганского уезда Челябинской губернии в июле 1921 г. возбужденно обсуждало взбудоражившую их новость — раскол между В.И. Лениным и М.И. Калининым, который будто бы присоединился к крестьянским повстанцам¹⁴⁵.

Однако самой излюбленной темой пересудов являлось скорое падение советской власти путем ее насильственного свержения извне. Эти слухи естественным образом подогревались событиями гражданской войны, на ход которой население реагировало очень чутко. Жители «красных» территорий Урала упорно говорили о скором приходе белых¹⁴⁶. В ноябре 1919 г. Пермская губернская ЧК пришла к такому заключению о положении губернии:

«В общем, положение губернии становится хуже, нежели в летние месяцы, то тут, то там появляются банды, наводящие панику на волисполкомы, упорно функционирующие в связи с этим слухи о скором прибытии белых тормозят работу по продовольствию. В волисполкомах крестьяне в некоторых местностях открыто заявляют, что скоро придут белые, что вот уже их разведка, и давать продукты большевикам не следует, так как их за это будут преследовать, сочувствующие Советской власти крестьяне теряют почву и тоже начинают колебаться, а потому предлагаемая Губпродкомом хлебная неделя, да еще с вооруженными отрядами, грозит крупными конфликтами при недостатке агитации. Продовольственный и дровяной кризис также грозит крупными конфликтами с рабочими и городским населением»¹⁴⁷.

Слухи не только восполняли отсутствие сведений и интерпретировали их, но и являлись идеологическим инструментом сопротивления властям. Сообщая о чем-то, о чем *все* говорят, слухи в условиях распада целостности общества рождали и демонстрировали солидарность, играли роль оппозиционного общественного мнения, побуждали на пассивный или открытый протест против произвола властей. Слух приобретал функцию стратегии анонимизации, до предела затрудняя борьбу с ним, делая сомнительной любую попытку его опровержения. Слух нес потенциальную угрозу властям, являясь неподконтрольным и альтернативным толкованием происходящего. Он демонстрировал недоверие к правителям и ставил под сомнение монополию власти. Слух отражал степень дискредитации официальной идеологии и цензуры. В нем воплощалась девальвация печатного слова и ренессанс устной коммуникации¹⁴⁸.

Слухи вселяли надежду на скорое падение ненавистной власти и провоцировали на неповиновение или открытую борьбу с ней. Не случайно 1920 г. — начало 1921 г. — время «военного коммунизма» и массового повстанчества — на Урале было периодом наиболее интенсивного распространения слухов о скорой смене власти. Симптоматично и занесение слухов органами ЧК в разряд «контрреволюционных» явлений. В начале 1920 г., во время мощных крестьянских восстаний, в Уфимской губернии были популярны слухи о том, что Москва и Казань уже заняты повстанцами¹⁴⁹. В мае 1920 г. жители Перми обсуждали скорое падение советской власти из-за наступления Польши и Японии. В начале июня в Оренбурге из уст в уста передавалось, что А.Ф. Керенский подходит к Москве, а поляки взяли Харьков. Селяне пребывали в радостном ожи-

¹⁴⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 25 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 151.

¹⁴⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 70.

¹⁴⁷ Там же. Л. 71 об.

¹⁴⁸ Neubauer H.-J. Op.cit. S. 15, 131, 155, 169 — 170.

¹⁴⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 12; ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 37, 40 об., 124.

дании — «ну, крестьяне, скоро вздохнем свободно»¹⁵⁰. Ранней осенью того же года настроение пермяков колебалось под давлением слухов о положении дел на фронте. Один из обитателей Перми в августе 1920 г. в частном письме писал: «Англия, Франция и Польша гонят Красную Армию почем зря, скоро дойдет до Петрограда, может быть, будет какая-нибудь перемена жизни»¹⁵¹.

На исходе «военного коммунизма» и в начале НЭПа — во время безжалостного проведения последней продразверстки и нарастания крестьянского недоверия и сопротивления режиму — популярность слухов о скором и неизбежном падении власти коммунистов возросла до предела. Крестьянство Южного Урала было убеждено, что страной все равно будут править «белые». В Екатеринбурге в связи с крестьянскими восстаниями в Тюменской губернии распространились слухи, что повстанцы овладели Тюменью, а восстания охватили всю Сибирь¹⁵². Чекисты Илецка Оренбургской губернии в феврале 1921 г. сообщали начальству:

«...население района с наступлением весны ожидает восстания, ...пошли слухи, что якобы около города Ташкента появившийся Дутов и что весной придет выручать казачество. В таком смысле население ожидает весны и восстания с помощью Дутова. Политработа ведется слабо, в деревнях ячейки бездействуют»¹⁵³.

В начале марта 1921 г. население Челябинской губернии толковало о свержении советской власти как о свершившемся факте¹⁵⁴.

Несмотря на поворот в государственном курсе весной 1921 г., обиды на власть и неуверенность в искренности отказа от реквизиционной политики в деревне сохранялись. Повстанческое движение продолжалось, не исчезли из обращения и антисоветские слухи. В Челябинской губернии циркулировали слухи о том, что Советы уплатили Польше за мир 500 млн. пудов хлеба, а губерния вместе с Сибирью превратилась в буферное государство. Летом — осенью 1921 г. этот слух дополнился новым: японские войска наступают, берут один город за другим без боя, а коммунисты бегут в Россию, запасаясь хлебом. В августе в Перми говорили, что в столицу прибыл А.Ф. Керенский и советской власти больше не существует¹⁵⁵.

В конце 1921 г. челябинские чекисты сознавались, что «большинство верит в то, что власть скоро должна перемениться». В Верхнеуральском уезде обсуждали новости об объявлении Польшей и Румынией войны Советской России, в ходе которой Красная Армия уже разбита и отступает, но правительство не спешит объявлять мобилизацию, так как боится выдать оружие голодному населению¹⁵⁶.

Вместе с тем, в конце 1921 г. слухи о падении советской власти, по свидетельству ЧК, стали встречаться реже. Не трудно заметить, что с этого времени они начали приобретать новую окраску. С одной стороны, советская власть, видимо, в связи с голодом, сама стала восприниматься как природное явление. Думается, не случайно слухи о падении власти приурочивали его к весне: Советы должны были уйти с первым снегом. С другой стороны, надежды на смену власти все реже связывались с повстанцами и белогвардейцами. Измученное голодом и неспособное к протесту население

¹⁵⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

¹⁵¹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 168.

¹⁵² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 14; Уфимский рабочий. 1921. 16 февр.

¹⁵³ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 9.

¹⁵⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 41 об.

¹⁵⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 133; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 9.; Д. 344. Л. 100, 143.

¹⁵⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 54, 87.

надеялось на дипломатическое и силовое давление заграницы на советское правительство. Осенью 1921 г. в Курганском уезде было зафиксировано распространение слуха о том, что президентом России назначен великий князь Михаил Александрович, которому из-за границы отпускается для помощи голодающим 200 млн. пудов хлеба, но он согласится возглавить страну только в том случае, если помощь возрастет до 400 млн. пудов. В первые месяцы 1922 г. на Южном Урале упорно распространялись слухи о том, что страной вскоре будет править Михаил Романов; Россия якобы разделена между Англией, Францией, Америкой и Японией, которые будут давать голодному населению по пуду муки на душу. Одновременно в социально более слабых слоях поговаривали, что коммунисты, желая удержаться у власти, признали царские долги и продали за них крестьянство и их хозяйство капиталистам. С приближением Генуэзской конференции все больше в оборот запускался слух о предстоящем на ней избрании президента России и о возможной войне¹⁵⁷.

Во второй половине 1922 г., по мере удаления от ужасов голода, буйство слухов начало слабеть. Надежды на скорое падение советской власти иссякли и утратили актуальность. В августе 1922 г. в документах Челябинского губернского отдела ГПУ при характеристике настроения интеллигенции и «кулаков» утверждалось, что «...эти люди потеряли всякую надежду и веру на возможность падения Соввласти»¹⁵⁸. Этой точки зрения в конце 1922 г. придерживались и партийные функционеры губернского масштаба, полагая, что крестьянство «...по отношению к Советской власти настроено более или менее хорошо. Если прежде среди крестьянства нет-нет и высказывались соображения насчет возможной гибели Советской власти, то сейчас в ее прочности и твердости сомнений уже нет»¹⁵⁹. С выходом из экстремальной ситуации интенсивность циркуляции слухов стала падать. Эмоциональный фон становился более ровным и вялым.

Алкоголь как эликсир забвения. Весь период предреволюционной и революционной истории России отмечен пристрастием к неумеренному употреблению спиртного. Пили в последние годы империи и при Временном правительстве, при региональных правительствах и при Колчаке, в годы «военного коммунизма» и в начале НЭПа. Пристрастием к алкоголю грешили рабочие и крестьяне, городские низы и бывшее «образованное общество», солдаты и офицеры «красных» и «белых» войск, представители всех властей, партийные функционеры и ответственные работники, администраторы и стражи порядка.

Избыточное «пропитывание» русской революции алкоголем свидетельствует о важных функциях пьянства в революционную эпоху и заставляет задаться вопросом о причинах его популярности¹⁶⁰.

Первая мировая война и последовавшая революция создали гремучую смесь причудливо переплетенных факторов, благоприятствовавших беспрецедентно широкому и беспрепятственному распространению пьянства. Введение запрета на свободную продажу алкоголя в сочетании с обязательными государственными поставками крестьян-

¹⁵⁷ Там же. Л. 9, 59, 88; Д. 504. Л. 18, 73, 105.

¹⁵⁸ Там же. Д. 499. Л. 86.

¹⁵⁹ Там же. Д. 451. Л. 14.

¹⁶⁰ О функциях алкоголя в российском обществе см.: Smith R.E.F. Bread and Salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge, 1984. P. 74 – 109; Байрай Д. Бахус в России / П.А.Зайончковский (1904 – 1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 352 – 377.

ского хлеба по твердым ценам превращали самогонование в экономически выгодную операцию. С 1917 г. хозяйственные мотивы оказались обогащенными целым букетом сопутствующих обстоятельств, благоволивших массовому пьянству. Среди них — стремительное ослабление власти и разрушение механизмов государственного контроля над производством и реализацией спиртного; бесхозное состояние гигантских казенных запасов алкоголя; превращение горячительного, благодаря инфляции и дефициту самых необходимых товаров и услуг, в эрзац твердой валюты; изменение статуса бражничанья, которое в обстановке всеобщей бедности превращалось в индикатор процветания и удачливости; переход основной части городского населения к однообразному, основанному преимущественно на углеводах, а затем и скудному питанию, — переход, который, видимо, облегчался употреблением спиртного, игравшего роль дополнительного источника калорий и своеобразного фермента; ухудшение санитарного состояния городов, повышавшее значение алкоголя как традиционного народного средства профилактики заразных заболеваний; ограниченность источников питьевой воды, заменителем которой выступали алкогольные напитки.

Совокупность этих обстоятельств уже в 1917 г. дала оглушительный эффект. Газеты с тревогой писали о массовом самогоноварении в деревне и развитии пьянства в городах и сельской местности. Многие говорят о том, что среди мотивов домашнего изготовления спиртного на первых порах преобладал трезвый расчет крестьянина, искавшего дополнительный доход и способ уклониться от обязательных поставок. В вятской деревне еще накануне революции кумышку варили целыми деревнями, по ночам, в банях и жилых избах, получая от ее продажи прибыль в 200 — 300%¹⁶¹. Летом 1917 г., при Временном правительстве, необходимость таиться при изготовлении самогона отпала: местные власти не только не препятствовали нелегальному винокурению, но и поощряли его. Председатель исполкома села Уни Глазовского уезда А.П.Прокофьев, как писала пресса, «...заставляет вотяков гнать для него кумышку и предупреждает, чтобы они ничего не боялись». Благоволил кумышковарению и член исполкома, священник В.Изюмов: «Перед сенокосом он объездил несколько деревень, собирая Петровское, и из собранной муки заставил одного крестьянина выгнать ему кумышку для помощи (помочь Изюмов устраивал для косябы своих лугов)»¹⁶².

В Сардынской волости того же уезда в августе 1917 г. кумышку гнали в 40 деревнях из 44. Самую дорогую часть самогонных аппаратов — котел и трубы — крестьяне приобретали в складчину. Староста собирал сходку и все складывались по 1 р. За отказ участвовать в общем деле односельчане грозили изгнать из деревни или убить. Несмотря на разгар полевых работ, винокуренные «заводы» не останавливали производство ни днем, ни ночью. Кумышковарение, устраиваемое всегда в глубине леса, у ручья, было организовано по образцу помола зерна на мельнице: крестьяне по очереди оставляли работу в поле и гнали самогон, который затем отвозился в село Уни и продавался по 1 — 2 р. за литр¹⁶³.

Летом — осенью 1917 г. винокурение и пьянство наблюдались и в других губерниях Урала. В Оренбуржье жители всех волостей и станиц тратили большие средства на покупку «заводов», число которых доходило до 155 на станицу. Только в одной из них к празднику 20 июля было истреблено на самогон 1,5 тыс. пудов ржаной муки. Огромные излишки хлеба и большая потребность в алкоголе превращали самогонование

¹⁶¹ Вятская речь. 1917. 21 янв.

¹⁶² Там же. 9 авг.

¹⁶³ Там же. 11 авг.

в чрезвычайно выгодное занятие. В селе Воскресенском, например, винокуры зарабатывали до 100 р. в сутки, продавая бутылку зелья по 5 р.¹⁶⁴

В городах, несмотря на попытки власти организовать контроль над оборотом спиртного, обыватели шли на всякие ухищрения во имя получения желанной влаги. Не обходилось без курьезных случаев. Так, в исполнительную комиссию Екатеринбургского КОБа 1 мая 1917 г. явился мужчина с подложным рецептом на бутылку коньяка. Усомнившись в подлинности рецепта, ему рекомендовали принести более надежный документ. Вскоре тот явился вновь: на этот раз был выписан рецепт на бутылку зубровки и две бутылки английской горькой в лечебных целях¹⁶⁵.

Знакомство с фактами роста пьянства в 1917 г., как и в последующее время, убеждает в том, что хозяйственная конъюнктура и вышеназванные обстоятельства нагнетания пьяного угара создавали лишь благоприятные условия для увлечения алкоголем, но не исчерпывали причин неодолимой тяги к нему.

Об инструментальной роли алкогольных напитков в России революционного периода речь пойдет в последней главе. Наметившаяся в международной историографии последних десятилетий тенденция интерпретировать интенсивное употребление алкоголя в переходные периоды как физиологическое, а не психологическое явление имеет бесспорные преимущества¹⁶⁶. Однако ряд обстоятельств позволяет предположить, что потребление спиртного в революционной России являлось, помимо прочего, средством снятия ощущения неуверенности в неуютной, малопонятной и быстро меняющейся обстановке, способом символического «исправления» действительности или ухода от нее¹⁶⁷.

Пьянство и сопутствующая ему бытовая преступность – типичный бич пред- и раннеиндустриальных обществ – еще в пореформенное время приобрели на Урале характер социального бедствия. Пьяный разгул получил отражение и в рабочем фольклоре:

«Горы, доли, темный лес,
Белорецкий народ бес,
Рамы хлещут, окна бьют,
На ворота деготь льют.

Милый мой зазнобушка,
Разрублена головушка,
Не ножом, ни вилочкой,
Винною бутылочкой»¹⁶⁸.

Современные исследователи, вслед за дореволюционными специалистами, рассматривают проблему пьянства как составную часть кризиса уральской горнозаводской промышленности. Подмечено, что с середины 90-х гг. XIX в. по 1908 г. потребление спиртного в горнозаводской зоне увеличилось более чем в два раза, причем самые глубокие запои приходились на время остановки заводов¹⁶⁹.

Злоупотребление спиртным оставалось одной из констант бурной истории Урала 1917 – 1922 гг. Представляется симптоматичным то, что пьянство достигало наиболее грандиозных масштабов в самые острые моменты революционной истории. Пья-

¹⁶⁴ Оренбургское земское дело. 1917. 12 ноября.

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

¹⁶⁶ О состоянии изучения этой проблемы в западной историографии см.: Tappe H. Auf dem Weg zur modernen Alkoholkultur: Alkoholproduktion, Trinkverhalten und Temperenzbewegung in Deutschland vom frühen 19. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1994. S. 19 – 26.

¹⁶⁷ О пьянстве в советском городе 20-х гг. как форме ретритизма см.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы. СПб., 1999. С. 20 – 48.

¹⁶⁸ Цит. по: Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX века: специфика промышленной субкультуры / Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале): Материалы регионального научного семинара 24 – 25 апреля 1999. Челябинск, 1999. С. 172.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Там же.

ными разгулами сопровождался переход власти к большевикам поздней осенью 1917 г. и аграрная революция зимы 1917 — 1918 гг., смена советской власти антибольшевистскими режимами летом — осенью 1918 г., падение колчаковской диктатуры и возвращение Советов летом — осенью 1919 г., кризисная для советского режима осень 1920 г., выход из голодной катастрофы осенью — зимой 1922 — 1923 гг. Не трудно заметить, что «пьяные» фазы совпадали со временем, когда очередной урожай был собран, и крестьянство одновременно и праздновало, по традиции, завершение сельскохозяйственного цикла, и жило в ожидании новых притязаний очередного режима на плоды крестьянского труда. Срывы в запой в деревне сопровождали, таким образом, моменты наибольшего напряжения и неуверенности в завтрашнем дне, предоставляя возможность забыться от горьких будней.

Именно так воспринималось увлечение горячительным на Урале образованными современниками, наблюдавшими смену режимов в регионе из непосредственной близости:

«...чем мрачнее становилась дальше жизнь, чем жестче применялось большевиками насилие, — тем глубже проникало пьянство в народные низы, не вызывая там ни гнева, ни возмущения. Гражданская война ознаменовалась новой полосой повального пьянства, отравляя им весь народ»¹⁷⁰.

В конце ноября 1918 г., когда со времен большевистского властвования на Южном Урале прошло уже около полугода, корреспондент уфимской газеты «Народ» П. Крестьянский, часто освещавший сельскую жизнь, писал о настоящем запое, охватившем южно-уральскую деревню. Журналист видел прямую связь между атмосферой неуверенности и нервозности в деревне, ставшей зоной повышенного риска, и крестьянским увлечением алкоголем:

«Расстрелы, порки, издевательства, прежнее отношение к мужику, как к скотине — вот что рождает в деревне отчаяние. Это отчаяние, в свою очередь, толкает массы найти средство забыться»¹⁷¹.

Автор репортажа констатировал, что именно это и происходило в тот момент в сельской местности: деревня начинала пить, чтобы «забыться».

Любопытно, что крестьянские письма содержат упоминания о массовом самогонварении и потреблении алкоголя исключительно вслед за описанием бедствий, переживаемых деревней, — одно не мыслилось без другого. Характерно, что и чекистские сводки отмечали усиление пьянства среди рабочих в связи с ухудшением материально-бытовых условий их существования. Вслед за сообщениями о развитии винокурения и неумеренном потреблении горячительного в материалах органов политического наблюдения, как правило, следует ремарка о «революционном настроении» рабочих. Между тем, это выражение, как уже отмечалось, в чекистском лексиконе использовалось в качестве эвфемизма для обозначения самочувствия категорий населения, испытывавших наибольшую нужду.

Вероятно, «психологическая» функция алкоголя не исчерпывалась желанием утопить в нем свое горе. При объяснении всплеск массового пьянства в периоды наибольшей неуверенности в завтрашнем дне не следует забывать, что совместное возлияние создает иллюзию укрепления связей между его участниками, помогая не только бежать от общества, но и испытать интенсивное ощущение принадлежности к группе. В условиях ослабления и обрыва общественных связей эта функция была, видимо, особенно востребованной.

¹⁷⁰ Народ. 1918. 4 ноября.

¹⁷¹ Там же. 23 ноября.

В этой связи обращает на себя внимание многочисленность свидетельств об укоренении пьянства среди представителей власти, членов большевистской партии и, особенно, стражей порядка. Примечательно, что в Уфимской организации РКП(б) из 416 исключенных из партии во время перерегистрации второй половины 1920 г. за пьянство было изгнано 42 человека. Среди исключенных из партии в ходе чистки конца 1921 г. в Вятской губернской организации РКП(б) каждый пятый поплатился именно за пристрастие к алкоголю¹⁷². Пресса и сводки ЧК за 1919 – 1921 гг. насыщены сообщениями о пьянстве среди ответственных и рядовых советских работников и сотрудников правоохранительных органов¹⁷³. Сообщения о беспорядочном пьянстве местных начальства, катаниях с «барышнями» на лошадях и дебоше, как правило, учащались в наиболее опасные для него периоды ухудшения отношения населения к Советской власти – во время насильственных сборов разверсток и крестьянских волнений.

Представителей власти и правоохранительных органов первых лет существования Советской России можно с уверенностью отнести к группам повышенного риска. Слабость государственных институтов и массовая неприязнь населения делали жизнь этих категорий служащих полной ежедневных опасностей, временно избавиться от которых, вероятно, помогал алкоголь. Как и для других слоев населения, неумеренное употребление спиртного позволяло работникам нового режима, с одной стороны, забыть, расслабиться и уйти от повседневного напряжения, глуша сомнения и страхи, а с другой – подбодрить себя, почувствовать дружелюбие и поддержку окружающих.

Реорганизация прошлого. Очерченные выше формы осмысления действительности и спасения от отчаяния и безысходности рождают иллюзию, что власть и население искали объяснения происходящему врозь. Действительно, попытки всех без исключения режимов «воспитывать» население с помощью печатного и устного слова разбивались о недоверие и настороженность. В свою очередь, власти с неудовольствием наблюдали за популярностью нелояльных режиму высказываний, неискоренимых слухов, религиозных настроений и пьянства. Была, однако, одна важная сфера истолкования действительности, в которой каждый режим и подвластное ему население действовали на удивление слаженно. Областью совместных усилий было сотворение новых мифов.

О значении мифа для любого общества и для ранней Советской России в особенности Шт.Плаггенборг писал:

В мифах выражается нечто неизменное, нерушимый первичный опыт. Они содержат образы, служащие не для объяснения конкретной ситуации, с их помощью подчеркивается их чрезвычайная важность. Они многозначны, и это качество позволяет применять их в политических целях. Прежде всего, они легитимируют там, где не хватает легальности. Как выяснилось, русские советские мифы создавались с целью разъяснения людям масштабности и смысла времени, разрушившего до основания старое, но пока не создавшего нового. Одновременно они помогали замаскировать пропасть, отделявшую режим от большей части населения¹⁷⁴.

Согласно современным философско-теоретическим интерпретациям, миф следует рассматривать не как архаичный антипод инструментального разума, а как ран-

¹⁷² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 260. Л. 13; Вятская правда. 1921. 9 дек.

¹⁷³ ЦДНИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 8; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 43, 85 об., 133 об.; Деревенский коммунист. 1920. 3 янв.; Степная газета РОСТА (Вятка). 1920. 31 янв. См. также: Шибанов Н. С. Указ. соч. С. 140 – 143.

¹⁷⁴ Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 326

ную форму рационализации и, в конечном счете, чрезвычайно сложную систему символизации, которая видоизменяется вместе с состоянием культуры. Мифы являются продуктом культурных кризисов, столкновений культур и имеют самое непосредственное отношение к осознанию людьми своей социальной принадлежности — коллективной идентичности¹⁷⁵.

Для пластичного описания глубинных причин дружной работы власти и населения по сотворению новых мифов представляется полезным воспользоваться теоретическим инструментарием немецкого египтолога и теоретика культуры Я.Ассмана. Вслед за французским социологом М.Хальбваксом, который еще в 20-е гг. XX в. стал рассматривать прошлое как социальную конструкцию и порождение культуры, Я.Ассман в 80 — 90-е гг. предложил собственные культурно-теоретические разработки, центральным понятием которых является «культурная память»:

«Понятие “культурная память” касается внешнего измерения человеческой памяти. Память воспринимается прежде всего как чисто внутренний феномен, локализованный в мозгу индивидуума, как тема психологии мозга, нейрологии и психологии, а не исторических наук о культуре. Но то, что воспринимает память содержательно, как она организует это содержание, как долго она в состоянии удержать его, является по большей части вопросом не внутренней мощности и регулирования, а внешних, т.е. общественных и культурных условий»¹⁷⁶.

Несмотря на то, что коллективы не обладают памятью, теоретик культуры использует термин «коллективная память», который не следует воспринимать как метафору: общество и социальные группы и содержательно, и структурно определяют память своих членов¹⁷⁷.

Теоретизируя по вопросам «коллективной памяти», Я.Ассман типологически выделяет в ней память коммуникативную и культурную. Первая из них является живым, индивидуальным, биографическим воспоминанием современников, неформальным и слабо оформленным, естественно возникающим в повседневном взаимодействии людей. Это воспоминание, носимое современниками событий, исчезает вместе с их уходом из жизни: оно поддерживается не более 80 — 100 лет, в течение жизни трех — четырех поколений. Культурная память, напротив, удерживает лишь наиболее значимое прошлое — мифическую историю, позволяющую ориентироваться в этом мире и поэтому имеющую значение высшей правды, обладающей нормативной и формативной силой. Культурная память, в отличие от коммуникативной, является значительно более организованной и оформленной, она пронизана символами, находит отражение в церемониальном, праздничном общении и имеет специальных носителей и хранителей¹⁷⁸.

Предложенный Я.Ассманом теоретический инструментарий представляется особенно плодотворным при анализе кризисов самосознания в условиях катастрофических сдвигов, в том числе в революционной России. С одной стороны, в связи с революцией 1917 г. российское общество одним махом оказалось лишенным культурной памяти. Вернее, окружающее, социальные рамки памяти настолько стремительно изменились, что прежние базовые мифы утратили убедительность. Государственность и общественность вновь столкнулись с прежними «больными» вопросами: «Кто мы?», «Откуда и куда мы идем?», «Каково наше предназначение?» С другой стороны,

¹⁷⁵ См.: Jamme C. «Gott an hat ein Gewand»: Grenzen und Perspektiven philosophischer Mythos-Theorien der Gegenwart. Frankfurt / M., 1991.

¹⁷⁶ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1999. S. 19.

¹⁷⁷ Ibid. S. 36.

¹⁷⁸ Ibid. S. 48 — 56.

постигшая Россию катастрофа не только настоятельно требовала создания новых мифов-ориентиров, но и создавала для интенсивного мифотворчества питательную среду. Новое настолько диссонировало со старым, что вся дореволюционная жизнь разом оказалась прошлым, которое нуждалось в культурном переосмыслении. Подобная ситуация наиболее благоприятствовала поиску универсального мифа о «сотворении» из хаоса справедливого порядка и активному переосмыслению прошлого:

«Каждый глубокий обрыв преемственности и традиции может вести к возникновению прошлого, и именно тогда, когда после такого обрыва пытаются начать заново. Начало сызнова, возрождение, реставрация всегда выступают в форме обращения к прошлому»¹⁷⁹.

Реконструкция прошлого не являлась, таким образом, самоцелью: она осуществлялась во имя организации нового опыта и прогнозирования будущего. Культура воспоминания (мнемотехника) общества приобретала качество техники выживания, рождая надежду дожить до лучших времен.

Сотворение мифа, или мифологическая символизация, было для власти жизненно важной задачей. Революционеры в России XX в., точно так же, как и во Франции конца XVIII в., были одержимы страстью к сокрушению старых символов и созданию новых. В основе шокирующе точных исторических параллелей лежало совпадение мотивов символизации: ставя под сомнение старую власть, революционеры должны были дискредитировать старые политические символы, предложив взамен иные, наполненные новыми идеалами и принципами¹⁸⁰. В российской ситуации, как и во французской, повышенное внимание революционеров к символам власти усугублялось тем, что свегнутая правящая династия придавала символическому инсценированию власти большое значение¹⁸¹.

Циркуляция культурной памяти осуществляется в сфере церемониальной коммуникации, одним из важных средств которой является ритуал — «стандартизированное действие со знаковой функцией»¹⁸². Для новой власти праздничные церемонии служили инструментом самоутверждения и доказательства собственной легитимности.

В этой связи не приходится удивляться тому, что 1917 — 1922 гг. в России, в том числе и на Урале, были наполнены праздниками. К прежним, религиозным празднествам, постепенно вытесняя их, прибавились многочисленные новые праздники и памятные даты: «праздники революции», 1 мая, годовщины Февральской и Октябрьской революций, освобождения Урала, Парижской коммуны, демонстрации в поддержку советской власти и текущих революционных событий в Европе, Международный юношеский день. Праздники множились, воспринимаясь современниками как одна из сфер революционного экспериментирования освобожденного народа. Симптоматично заявление председателя комиссии по устройству «народного праздника» — Международного юношеского дня — в Вятке 5 сентября 1920 г.: «...свободный народ, сбросивший оковы рабства, имеет вообще право в любой момент устроить себе праздник, не заглядывая в календарь»¹⁸³.

¹⁷⁹ Ibid. S. 32.

¹⁸⁰ О символических формах политической практики в Великой французской революции см.: Hunt L. *Op. cit.*; эта тема на материалах российской революции основательно проанализирована в исследовании О.Файджиса и Б.Колоницкого. См.: Figes O., Kolonitski B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. Yale, 1999.

¹⁸¹ См.: Wortman R. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1: From Peter the Great to Nicholas I. Princeton, 1995; Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II. Princeton, 2000.

¹⁸² Jamme C. *Op. cit.* S. 169. О смысловых различиях в понятиях «ритуал», «обычай», «обряд», «церемония» см.: Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 16 — 20.

¹⁸³ Вятская правда. 1920. 7 сент.

О важности церемониальной коммуникации для обоснования власти, о ее нормативном характере свидетельствует точное регламентирование праздников. О месте, времени и порядке их проведения детально и заблаговременно сообщалось на первых полосах официальных газет, иногда, — что подчеркивало особое значение этой информации, — красным цветом. Обязательными компонентами праздников являлись митинги и шествия, а в 1920 — 1921 гг. к ним добавились спектакли, концерты, выставки, вечера воспоминаний.

Официальные инстанции в самое трудное время хозяйственной деградации и материальной нищеты не скупилась на организацию праздников. Так, в октябре — ноябре 1919 г., когда Урал был опустошен недавней гражданской войной, а люди ходили в обноски и голодали, Челябинский губернский комитет РКП(б) настойчиво обращался в губпродукт с просьбой отпустить всю имеющуюся на складе красную и черную ткань для флагов и плакатов, а также шелк для вышивания знамен¹⁸⁴.

Новые торжества при всех режимах, вне зависимости от их политических пристрастий, были не только серьезны, но и проникнуты траурными интонациями. Этому способствовали сопровождение праздника символами траура, обязательное посещение кладбищ и нараставший аскетизм торжеств (в 1920 — 1922 гг. парады и демонстрации не устраивались, сменившись торжественными собраниями рабочих и служащих по учреждениям, спектаклями и вечерами воспоминаний).

Превращение праздничных дней в дни скорби обнажает их глубинное назначение — конструирование культурной памяти. Порвав с прошлым, которое рисовалось мрачным и полным страданий, новая власть создавала обновленный культ предков. Население должно было идентифицировать себя не с прежними поколениями лояльных подданных российской короны, а с бунтарями — жертвами старого порядка и антибольшевистских режимов, или героями, павшими в боях с «немецко-большевистской» властью.

Праздники отвечали не только на вопрос о корнях новой общности, но и о ее предназначении. Торжества в ранней Советской России были проникнуты духом наднационального мессианства. Праздничные газетные заголовки и транспаранты пестрели такими лозунгами, как: «Смерть капиталу!», «Да здравствует всемирный Совет народных комиссаров!», «Вперед, к окончательному торжеству коммунизма!» Из солидарности с революцией в Германии 1918 г. они писались иногда стилизованными готическими буквами.

Этой же цели служило создание новых мнемотопов — памятных мест. Ими становились кладбища, на которых по праздникам отдавалась дань памяти и уважения, а также новые памятники и здания, связанные с революционными событиями.

Реконструкция культурной памяти сопровождалась созданием нового «мнемоландшафта». Символы прошлого безжалостно уничтожались, с радикальностью, доходящей до вандализма. К памятным датам и праздникам приурочивалось открытие новых памятников.

Особой энергией в обновлении памяти отличался большевистский режим. «Белая» пресса не без доли зависти отмечала, что «красные», кроме репрессий и печати, в идеологических целях использовали шествия и демонстрации, эксплуатируя любой повод — будь то смерть К. Либкнехта и Р. Люксембург, годовщина Красной армии, похороны красноармейцев, переименование улиц¹⁸⁵. Однако и антибольшевистские режимы прилагали немалые усилия к конструированию новых культурно-исторических ориентиров, используя те же приемы — погребение павших офицеров и солдат, митин-

¹⁸⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 12; Д. 31. Л. 6.

¹⁸⁵ Наш Урал. 1919. 17 апр.

ги на кладбищах, празднование годовщины чехословацкого восстания (в этот день выпускались праздничные газетные номера с портретом президента Чехословакии Т.Г.Масарика, устраивались военные парады, принимались решения об установлении памятников погибшим чешским legionерам¹⁸⁶).

По окончании гражданской войны на Урале деятельность по созданию новых памятных мест и мнемоландшафта не ослабела. Только в Перми в связи с торжествами по случаю трехлетия Октябрьской революции были открыты два памятника и семь чугунных мемориальных досок¹⁸⁷.

Наиболее популярным историческим героем символизации в большевистской России являлся К.Маркс, 100-летие со дня рождения которого широко отмечалось в мае 1918 г. К юбилею основоположнику марксизма было воздвигнуто множество памятников. Благодаря публикации его изображений некоторое время К.Маркс был чуть ли не единственным «героем» революции, которого знали в лицо. Лишь на праздниках 1920 — 1921 гг. среди знамен и транспарантов замелькали лики российских «вождей» революции.

Создание нового культурного пространства осуществлялось и за счет многочисленных переименований. Вместо имевшихся в каждом уральском городе Владимирских, Никольских и Спасских улиц возникли улицы Советские, Коммуны, Троцкого. Так, 21 февраля 1920 г. жители Челябинска проснулись в городе с новым культурным ландшафтом: накануне горюездный исполнительный комитет Совета принял решение переименовать 30 улиц, которым присвоили имена активных участников Октябрьской революции и гражданской войны¹⁸⁸.

Власти стремились максимально широко популяризовать новые ритуалы и символы. Праздники проходили даже в тюрьмах и концентрационных лагерях. Так, в ноябре 1922 г., в связи с пятилетием Октябрьской революции, в исправительных домах Екатеринбурга готовились вечера воспоминаний, митинги, концерты, постановка пьесы «За красные Советы» и т.д. Хоры заключенных пели в кандалах, изображая жертвы царского режима¹⁸⁹.

Революционные названия стали даваться даже дошкольным учебным заведениям. Появлялись детские сады имени III Интернационала и Ф.Энгельса. К 5-летнему юбилею Октября было произведено массовое переименование предприятий.

Было бы большим упрощением полагать, что новые праздники навязывались населению, которое вынуждено было участвовать в нормативных и детализированных ритуалах, подчиняясь насилию. «Маленький человек» охотно участвовал в них, и не только потому, что праздничные дни были днями отдыха и отвлечения от тягостных будней и ненавистного принудительного труда. Глубинный культурный смысл того, что праздничные церемонии находили отклик и понимание в населении, заложен в представлении членов архаичных сообществ о ритуале. В них ритуал укрепляет чувство принадлежности к общности, тем самым поддерживает социальный и мировой порядок и противостоит вездесущему беспорядку и распаду¹⁹⁰.

Между тем, в 1917 г. страна в одночасье превратилась в своеобразный аналог архаичного общества. Образованная российская элита и само культурное наследие, заподо-

¹⁸⁶ Там же. 1919. 25, 27 мая; Освобождение России. 1919. 25, 28 мая.

¹⁸⁷ Уральский рабочий. 1920. 5, 13 ноября.

¹⁸⁸ См.: Калинин Е.А. Новые названия улиц / Исторические чтения: Материалы научной конференции: История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии. (Вып.) 4. Челябинск, 1997. С. 109 — 111.

¹⁸⁹ Уральский рабочий. 1922. 1 ноября.

¹⁹⁰ Assman J. Op. cit. S. 143.

зренные в обслуживании интересов царизма, форсированно нейтрализовались, вытеснялись, изгонялись. Происходил процесс замещения, «окрестьянивания» элиты. Политизация широких слоев российского населения, 3/4 которого не владело грамотой, означала, помимо прочего, ослабление значения текста как носителя культурной памяти. Прикоснуться к ней становилось возможным прежде всего через массовое и личное участие в церемониальной коммуникации. Для таких массовых сборищ необходимы поводы, которыми в дописьменных обществах являются праздники¹⁹¹. К тому же, в условиях разрушения быта и деградации будничной жизни ритуал взрывал безрадостное однообразие будней, выступал спасительным островом порядка и осмысленности.

В этом контексте серьезное отношение российского крестьянина к празднику теряет свою загадочность. Сельские жители имели собственное представление о празднике, которое время от времени находило выражение в крестьянских предложениях и практике проведения «трезвых» и «разумных» светских празднеств. Так, весной 1918 г. некто В.Покрышкин, сельский житель Челябинского уезда, прислал в газету свои предложения об организации еженедельных «народных праздников» в деревне, чтобы исключить обычные для них сопутствующие явления — пьянство, хулиганство, драки. Автор предлагал женщинам и мужчинам в нарядных костюмах собираться после обедни, «...чтобы праздник на самом деле был праздником, радостным днем», в зависимости от погоды, на лужайке или в большом доме. Первой частью праздника должен был быть обязательный, но краткий, чтобы не утомить публику, митинг, на котором местный или приглашенный оратор должен был сообщать, что произошло в стране за неделю. Последующие развлечения — пение и танцы, с музыкантами и граммофоном, интересные рассказы — не должны были сопровождаться употреблением алкоголя. Праздники рекомендовалось сопровождать «добрыми делами» — устройством вечерних школ, подпиской на газеты, помощью нуждающимся и больным¹⁹².

Иногда идею «разумного» «народного праздника» удавалось реализовать. В селе Велюковском Орловского уезда Вятской губернии, например, 21 сентября 1919 г. впервые было устроено такое празднование. Народный дом не мог вместить всех желающих. За приветственной речью и пением «Интернационала» последовали спектакль «Слава погибшему», в котором играли молодежь и учительство, пение революционной песни «Вы жертвою пали...» и разбор пьесы. Затем струнный оркестр сыграл несколько народных песен, деревенская молодежь читала современные стихи. Всеми была пропета песня «Стенька Разин», после чего были организованы игры, хороводы, танцы¹⁹³.

Отношение российского простолюдина к празднику как к серьезному делу объясняет недовольство крестьян и рабочих попытками превратить его в «балаган». Известны жалобы городских «сознательных» рабочих на «безыдейный» репертуар кинотеатров, а сельских жителей — на организацию легкомысленных развлечений в деревне. Так, в селе Селегда Глазовского уезда Вятской губернии по инициативе местного военкома в начале января 1920 г. был поставлен спектакль, которым зрители остались недовольны: это была бессодержательная комедия не в «народном духе». Раздражение вызвало и поведение самого военкома: «В заключение военный комиссар, намереваясь потешить публику, начал очень глупо кривляться и гримасничать».¹⁹⁴

С этой точки зрения, праздники 1917 г. и последующих лет вполне импонировали умунастроениям большей части населения. Новые ритуалы были востребованы

¹⁹¹ Ibid. S. 56 — 59.

¹⁹² Трудовая мысль. 1918. 14 мая.

¹⁹³ Деревенский коммунист. 1919. 19 окт.

¹⁹⁴ Там же. 1920. 27 янв.

и быстро приживались в широких слоях населения. Пятилетие Октябрьской революции широко праздновалось как в городах, так и в сельской местности. Примечательные факты — свидетельства превращении юбилея революции в «народный праздник», — сообщал оренбургский губком партии в ЦК РКП(б) в декабре 1922 г.:

«Настроение рабочих особенно ярко проявилось в дни празднования Октябрьской годовщины, с необычайным подъемом и редким интересом со стороны широких рабочих масс прошли как вечера воспоминаний в ноябре, так и самый праздник. <...>

...были случаи празднования дня годовщины Октябрьской революции с колокольным звоном и призывом крестьян на октябрьское торжество тем же духовенством»¹⁹⁵.

Интенсивная символизация опыта в революционной России к концу рассматриваемого периода принесла зловещие плоды. Если в 1917 — 1918 гг. священник и «буржуй» присутствовали на празднике в виде набитых тряпьем чучел, то в 1922 г. инсценированные судебные процессы над духовенством и эсерами подразумевали конкретных жертв советского режима: культурная память превращалась в инструмент расправы с живыми — реальными и мнимыми — оппонентами советского режима.

Из состояния катастрофической дезориентации и потерянности жители Советской России выходили, лепя заново и собственное прошлое, и придавая новый смысл среде своего обитания.

Забывая былое: метаморфозы коллективной памяти. Первые недели после известия о падении монархии в России прошли в стране под знаком всеобщего ликования и единения. Практически все социальные группы бывших подданных империи были охвачены единым порывом, желанием сплотиться и отдать все силы на службу отечества. В верности «обновленной» Родине клялись государственные служащие и представители свободных профессий, крестьяне и городские низы, солдаты и казаки. В адрес нового правительства со всех сторон летели приветственные телеграммы с заверениями в преданности.

Спустя пять с половиной лет, в ноябре 1922 г., прошли торжества по случаю юбилея Октябрьской революции. На вечерах воспоминаний люди рассказывали о том, где они пережили революцию и гражданскую войну, что лично они сделали для победы Советов и Красной армии. Ораторы были взволнованы, публика напряженно слушала. Прошлое выступало в героических одеяниях. Повседневная жизнь и сомнительные темы не затрагивались. Выступавшие не упоминали ни всеобщих восторгов в первые недели Февральской революции, ни пьяные погромы пятилетней давности. О массовой бедности, преступности и эпидемиях, о способах выживания в экстремальной обстановке, испробованных практически каждым, также не говорилось.

Вспышки «всеобщего прозрения», короткие всплески энтузиазма и тяги к единению, их регулярное чередование с полосами апатии и мрачных ожиданий — нуждаются в объяснении. Это явление имеет долгую предысторию. В основу его интерпретации я склонен положить тезис, который в качестве первой реакции скорее всего вызовет отторжение, особенно среди «патриотической» части российской публики: культурная память населения России была — и остается — слишком слабой, полиценетричной и фрагментарной, чтобы играть роль устойчивой объединяющей силы. Дореволюционная официальная, государственная культурная память не могла стать гармоничной, пытаясь одновременно опереться на патриархальную московскую старину и проевропейское петербургское цивилизаторство. Сконструированный, наконец,

¹⁹⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.

в XIX в. идеологический каркас, опиравшийся на три разнородные основы — самодержавие, православие и народность — страдал нечеткостью и хрупкостью. Опора на принцип лояльности к правящей династии как основу консолидации территорий и населения в эпоху триумфа национализма не могла вызвать энтузиазма ни в российском освободительном движении, ни в нерусских национальных течениях, создававших собственную историю и опиравшихся на собственные мифы. К тому же культура воспоминания самодержавия относилась, используя терминологию К.Леви-Стросса и Я.Ассмана, к памяти «холодного» типа: прошлое конструировалось таким образом, чтобы не допустить разрушительного воздействия истории на равновесие и преемственность власти, чтобы «заморозить» перемены¹⁹⁶.

Историческая память русских и нерусских националистов, напротив, типологически была близка культурам «горячего» типа, превращающим историю в мотор развития. Она опиралась на мифы, не обосновывающие или оправдывающие действительность, а ориентирующие на развитие и перемены, то есть оппозиционные неприглядной реальности. Калейдоскопическая пестрота мифов «сотворения» в полиэтнической империи была неизбежной. Но и у самой русской интеллигенции культурная память была разнородной. Она искала корни собственной истории то в крестьянской общине, то в творческой смелости государства, то в московском, то в петербургском периоде, то в почвенности и исключительности, то в сближении с Европой и необходимости учиться у нее. Базовые вопросы культурной памяти о происхождении и предназначении общности оставались для российского «образованного общества» без убедительных ответов, а потому «больными», «проклятыми» вопросами.

К тому же преобладавшая часть российского населения — крестьянство и генетически связанные с ним городские низы — оставались к этим вопросам равнодушны. Для ориентации в узком пространственном горизонте деревни можно было обойтись «короткой», коммуникативной памятью. Собственно культурная память большинства подданных Российской империи опиралась не столько на исторические, сколько на вневременные, абсолютные конфессиональные мифы, сочетавшиеся с памятью о стародавнем «золотом» времени, когда земля якобы принадлежала тем, кто ее обрабатывал, и надеждой на возвращение к этим «старым добрым временам», которая оживала при каждой смене монарха. Консерватизм крестьянства, таким образом, нес в себе заряд потенциального бунта. Возможность мобилизовать крестьян под внесловными лозунгами оставалась иллюзорной. Неслучайно попытка создать в России массовое движение под национальными, «истинно русскими» паролями породила монстра праворадикального «черносотенства», которое шаржировалось не только социалистами и либералами: от него брезгливо отшатнулись и сторонники здорового консерватизма.

Зыбкость и многоцветье культурной памяти провоцировали на стилизацию любого потрясения в событии вселенской значимости и начало новой эпохи в истории страны. Такой новой точкой отсчета в начале XX в. для широких слоев российского населения — от интеллигенции до крестьянства — стала, казалось бы, первая русская революция. «Дни свободы» рождали (как оказалось вскоре, необоснованные) надежды на перемены государственного и социального порядка.

Скоро, однако, гипертрофированные надежды сменились болезненным разочарованием. Его символом в интеллигентской среде — среде профессиональных интерпретаторов прошлого и настоящего — стал скандально известный сборник «Вехи», своеобразная новая модификация идеологии «кающихся дворян». Но если призыв авторов «Вех» к отказу от интеллигентских иллюзий остались в разряде интеллектуальных

¹⁹⁶ См.: Assmann J. Op. cit. S. 68.

спекуляций, то мрачное ощущение безвременья и бессмысленности текущей жизни широко разлилось в образованных кругах, захватив не только столичную, но и провинциальную «чистую» публику. Послереволюционные годы воспринимались уральской прогрессивной печатью пессимистично: «Общенациональное счастье, блеснувши красивым метеором, снова потонуло во мраке всеобщей нравственной апатии и полного притупления активной самодеятельности масс»¹⁹⁷.

Первый год после революции виделся как «безрадостный и беспросветный для общественной жизни России». Следующий за ним также воспринимался как «печальный, безрадостный год», «год без итогов», «пустой, бесцветный, бессмысленный год», «темный год безвременья, мрачный, как могила, душный, как склеп»¹⁹⁸. Как писала оренбургская пресса, окидывая взглядом прошедший 1909 г., «не мало из рядов русской интеллигенции, окончательно потерявши смысл существования, неподвижно замерли, закоснели под взглядом кошмарных глаз медузы — реакции и, не будучи в силах оставаться равнодушными к тому, что разыгрывалось вокруг, разрешали “проклятые вопросы” ядом и револьвером»¹⁹⁹.

Не менее тягостные настроения преобладали в интеллигентской среде и в следующие, предвоенные годы. Несмотря на появление в 1911 — 1912 гг. ощущения сдвига «в общественном сознании и коллективной воле русского общества» и надежды на «начало новой полосы, нового периода в нашей жизни», лейтмотивом оставалось убеждение, что «окончательно долгий и тяжелый период протрации, равнодушия, апатии еще не прошел». В полной мере ощущался «тусклый, серый осенний фон, — темные провалы безвременья, сумерки общественной энергии»²⁰⁰. По традиции обозревая прошедший, 1910 г., одна из наиболее популярных независимых газет Урала с горечью признавалась: «Сознание, что еще один год, а затем, быть может, и долгие годы придется жить только надеждой на перемены к лучшему, действует угнетающе»²⁰¹.

Предел ощущению безвременья и бессмысленности существования был положен разразившейся Первой мировой войной. Это событие будто бы зачеркнуло прошлое, вызвав в общественности эйфорию начала новой эры. Массовые патриотические манифестации, подъем имперских настроений, призывы к единению общества стали доминантой 1914 г. Начало войны чувствовалось как великий момент и смена эпох. От минувшего, как казалось многим, необходимо было «очиститься»: «Недавнее прошлое должно отойти! Над недавним нашим прошлым надо поставить крест»²⁰².

Рубежный характер мировой войны как новой точки отсчета всемирной и российской истории на протяжении 1914 — 1918 гг. подчеркивался не только лояльными к российской монархии патриотами, но и представителями либеральной и социалистической оппозиции. Место 1914 г. как поворотного пункта в истории человечества приравнивалось к значению 1789 г., «который до основания разрушил мрачное здание феодализма, бросил в мир целый сноп новых ярких идей, обогатил человечество новым государственным опытом и произвел коренной, незабываемый переворот во всей привычных и традиционных представлениях об окружающем»²⁰³. Наряду с верой в неизбеж-

¹⁹⁷ Наш путь (Оренбург). 1908. 1 янв.

¹⁹⁸ Вестник Уфы. 1909. 1 янв.; Вятская речь. 1910. 1 янв.; Оренбургский край. 1910. 1 янв.; Уральская жизнь (Екатеринбург). 1910. 1 янв.

¹⁹⁹ Оренбургский край. 1910. 1 янв.

²⁰⁰ Вятская речь. 1911. 1 янв.; Уфимский вестник. 1912. 1 янв.

²⁰¹ Уральская жизнь. 1911. 1 янв.

²⁰² Вятская речь. 1914. 30 июля.

²⁰³ Там же. 1915. 1 янв.

ную победу России все более явственно звучала надежда, что мир выйдет из войны обновленным: «...для всей последующей истории она несомненно должна явиться поворотным пунктом к совершенно новому содержанию мировой исторической жизни»²⁰⁴.

Предполагалось, что многое изменится после войны и в самой России. Точкой соотнесения при этом являлись «дни свободы» 1905 г. Так как не все пожелания манифеста 17 октября были выполнены, война приобрела характер не только великого испытания, но и «величайшего урока», демонстрирующего недостатки российского государственного и общественного устройства²⁰⁵.

Перелом в настроениях общественности явно обозначился к началу 1917 г. Оптимизм явно потускнел, сменившись ощущениями приближения к роковой черте и призывами избавиться от излишних иллюзий и привычки глядеть на происходящее сквозь розовые очки²⁰⁶. Вновь нарастали уныние и мрачные предчувствия, связанные с тем, что потрясения в войне «всех сторон внутренней жизни каждой из борющихся сторон все больше и больше принимают вид стихийной, разрушительной катастрофы. Надеяться на то, что через полгода или год война закончится, и жизнь снова войдет в свою колею и что все “образуется к лучшему” — более чем наивно»²⁰⁷.

В этой обстановке хрупкие основы культурной памяти российской общественности вновь были потрясены весной 1917 г. свершившейся революцией. Она была воспринята с облегчением, как явление, придавшее жизни смысл после никчемного прошлого, на протяжении которого старая власть вела страну к гибели²⁰⁸. Снова лозунгами момента стали аскетизм, самопожертвование и сплочение перед лицом общего врага — будь то германский милитаризм, контрреволюция или анархия.

Однако под натиском повседневных забот, в гуще все более безжалостных будней 1917 г. патриотическая эйфория развеялась быстрее, чем в годы мировой войны. Последовавшие «героические» события революции и гражданской войны сливались друг с другом и предавались забвению с большей легкостью, чем дореволюционные, растворяясь в серой рутине будничных проблем. Цитированное выше прошение С.М. Кизленко, задержанного в пьяном виде в августе 1918 г., в Уфимскую губернскую следственно-юрисдикционную комиссию о скорейшем рассмотрении его дела содержало симптоматичную описку: проситель пометил его сентябрем 1917 г.²⁰⁹ Видимо, время остановилось не только для бедолаги, больше месяца промаявшегося без допросов в «арестном доме», но и для многих уральцев, потерявших ориентацию в происходящем.

В прошении Союза рабочих металлистов на имя горного начальника Златоустовского горного округа от 14 ноября 1918 г. весь период с лета 1914 г., включая революционный 1917 г. и начало гражданской войны, в сознании рабочих сливался в единую серую полосу материально-бытового оскудения:

«Рабочий... изо дня в день ожидал – и пресса подкрепляла его уверенность в том, – что война не нынче-завтра кончится... Но прошло 4 1/2 года, и мы продолжаем воевать»²¹⁰.

Не будет большим преувеличением утверждение, что и окончание гражданской войны большинством населения почти не было замечено. Короткий всплеск надежд

²⁰⁴ Там же. 1916. 1 янв.

²⁰⁵ Оренбургское земское дело. 1915. 17 окт.

²⁰⁶ Вятская речь. 1917. 1 янв.; Оренбургская жизнь. 1917. 1 янв.; Уфимская жизнь. 1917. 1 янв.

²⁰⁷ Зауральский край. 1917. 1 янв.

²⁰⁸ Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 27 марта.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

²¹⁰ Там же. Л. 13.

на улучшение жизни после прекращения боевых действий на Урале через считанные недели обернулся апатией, а затем и недовольством продолжением стремительного разрушения бытовых условий и насилием новой власти. К 1921 г. весь период с 1914 г. воспринимался как непрерывная война.

Неразрывная связь процесса формирования коллективной памяти с коллективным забыванием вытекает из структуры самого процесса превращения субъективного опыта в обобщающие символы. Современный теоретик культуры А.Ассман, вслед за классиком социологии знания Т.Лукманом, среди его важных аспектов называет объективизацию — выделение из социального мира конкретных фрагментов, приобретающих, тем самым, собственную историю и самостоятельную жизнь; типизацию — удаление многочисленных особенностей и замену индивидуального опыта обобщенным; анонимизацию — ликвидацию следов персональной идентичности; а также запоминание и хранение общих ориентиров и схем толкования²¹¹. Не трудно заметить, что процесс символизации и накопления опыта является процессом не только запоминания, но и забывания.

Однако неординарная скорость предания прошлого забвению в российском случае заставляет задаться вопросом о внешних катализаторах этого процесса. Обращает на себя внимание, насколько редко в те годы люди сравнивали свое настоящее с прошлым. В экстремальных условиях воспоминание о прежних временах становилось слишком рискованным. В революционной России каждый режим прокламировал свою деятельность как создание справедливого порядка из хаоса и анархии, перечеркивая прошлое, нормируя его и наполняя новыми мифами. В этих условиях даже невинное замечание о том, что раньше было лучше, могло квалифицироваться как серьезное политическое преступление и привести в тюрьму, как при «белых», так и при «красных». Было целесообразным забыть прежнюю жизнь или, по крайней мере, не обсуждать ее со случайными людьми.

На забывание «работала» и официальная идеология, пытаясь «напомнить» населению его печальное прошлое. Характерно в этом смысле обращение военно-революционного комитета Мотовилихи к рабочим накануне падения Перми в декабре 1918 г. Конструируемая картина страшного — без единого светлого пятна — минувшего должна была стимулировать нежелание рабочих вернуться в него, укрепить их готовность защищать советскую власть:

«Товарищи рабочие, проклятое тяжелое наследие оставили нам, рабочим, наши душеители и угнетатели: помещики, капиталисты и их ставленники; царь с генералами, офицерами и полицейщиной, которые в погоне за наживой три с половиной года вели выгодную толстосумам грабительскую войну, купались в нашей рабоче-крестьянской крови, похищали наш труд, грабили и разоряли хозяйство страны, раздвевали нас, рабочих, набивали себе барышами сундуки и мешки, морили лучших из наших пролетарских рядов по тюрьмам, каторгам и ссылкам, и наконец, лишили нас и наших детей хлеба»²¹².

Позднее, в начале НЭПа, средства массовой информации вольно или невольно прилагали усилия к тому, чтобы придать забвению период «военного коммунизма». Ни развал промышленности, ни обнищание деревни, ни голодная катастрофа никоим образом не ассоциировались с искоренением торговли, принудительным трудом и насилием над крестьянством. Осенью 1921 г. предстоящий голод официальная пропаганда объясняла исключительно летней засухой. Ответственность за бедствие была переложена на природную стихию.

²¹¹ См.: Assman A. Externalisierung, Internalisierung und Kulturelles Gedächtnis / Sprondel W.M. (Hg.) Die Objektivität der Ordnungen und ihre kommunikative Konstruktion. Für Thomas Luckmann. Frankfurt / M., 1994. S. 426 — 427.

²¹² Известия (Пермь). 1918. 15 дек.

Подобному «фильтрованию» памяти служили и характерные для празднования революционных дат в 1920 – 1922 гг. вечера воспоминаний. В соответствии с траурным настроением, на них вспоминались исключительно трагические и героические страницы недавнего прошлого. Все, что не служило напрямую развитию революции, записывалось в разряд контрреволюционного и предавалось забвению. Так, на выставке в Екатеринбург «Колчаковщина и гражданская война», организованной Уральским бюро истпарта к трехлетию освобождения Урала от антибольшевистского режима, среди белогвардейской прессы фигурировала и политически нейтральная периодика (например, «Коннозаводство Урала»), и небольшевистская социалистическая пресса («Голос рабочего») ²¹³.

Насколько эффективной были попытки власти нормировать память населения? Многие говорят о том, что память «маленького человека» на протяжении преобладавшей части рассматриваемого периода качественно отличалась от официальной. Культурная память, в зависимости от мифомоторики – значения, или ориентирующей силы мифа для социальной группы – может характеризоваться как оправдывающее и оппозиционное воспоминание. Первое придает смысл происходящему, обосновывает его необходимость и неизбежность, освещает и освящает современность. На культивацию такого типа воспоминания были направлены усилия всех российских режимов. Второе, напротив, противопоставляет настоящее другому, героическому или, во всяком случае, более «доброму» прошлому и тем самым ставит настоящее под сомнение, рождая, вместе с тем, надежду и ожидание прихода освободителя. Оппозиционное воспоминание в экстремальных ситуациях может приобрести революционный характер. В таком случае, воспоминание само по себе обретает качество формы сопротивления чуждому господству и угнетению ²¹⁴. Такой тип памяти, несмотря на риск вызвать гнев властей, был достаточно распространен в населении, усиливаясь в периоды особо острого недовольства и активного противодействия государственным мерам.

Не случайно в казачьих листовках-частушках 1920 г. особое место уделялось описанию дореволюционного прошлого. «Добрые старые времена» ассоциировались прежде всего с обилием продуктов и товаров:

«Был у нас и чай, и сахар,
Был и ситец, и кумач,
Был хороший лекарь-знахарь,
Был и беленький калач.

Были спички и посуда,
Были нитки и иглы,
Было нам житье не худо,
Были в лавках сапоги» ²¹⁵.

Идеализация прошлого встречается, впрочем, в простонародных оценках современных порядков нечасто. Более распространенным противопоставление прошлого настоящему было, по всей видимости, среди казачьего населения, жившего относительно благополучно в поздней Российской империи. Другие социальные группы соотносили жизнь при советской власти с иными, менее светлыми воспоминаниями. Но и они не воспринимали смену власти как поворот к лучшему. В крестьянстве Челябинской губернии ходила присказка: «Прогнали Колчака, променяв на Губчека, разверстка в придачу» ²¹⁶. Чекистские документы отмечали, что крестьяне сопоставляли настоящее со временами крепостничества и рассматривали общественные работы как «повинность» ²¹⁷. В одном из писем из Осинского уезда Перм-

²¹³ Уральский рабочий. 1922. 14 июля.

²¹⁴ Assmann J. Op. cit. S. 78 – 80.

²¹⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 23. Полный текст документа опубликован в вышеназванной монографии Д.А. Сафонова (с. 270 – 271).

²¹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 151.

²¹⁷ Там же. Д. 127. Л. 29.

ской губернии летом 1920 г. продразверстка также сравнивалась с периодом крепостной зависимости:

«Ваня, дома жить очень плохо, я бы знал, что дома так отбирают, ни за что не поехал бы с работы на работу, и хоть бы дома ничего бы не работать, как старики за помещиками были, теперь хуже в десять раз, хлеба дают один фунт, а то только 12 фунтов в месяцев, вот тут и работай, от нас отбирают по 25 рублей, а выдают по 60»²¹⁸.

В ноябре 1920 г. в Челябинскую губчека была доставлена стихотворная «прокламация», в которой, помимо прочего, проводилась аналогия между советскими порядками и барщиной:

*«Для нас барщину вновь вводят,
Крепитесь, братья мужики,
Пьют-едят, как прежде баре,
Господа большевики»²¹⁹.*

Полными страхом и травм были воспоминания городских низов и рабочих о недавнем прошлом. Настоящее время в их сознании было не лучше дореволюционного. Аналогии с царскими порядками всплывали на каждом шагу. В сентябре 1919 г., в момент прибытия в Пермь комиссара путей сообщения, на железнодорожной станции информатор ЧК подслушал такую реплику, вызванную действиями конной охраны по оттеснению обступившей высокого начальника толпы: «...вот видишь, раньше министр, теперь комиссар какой-то грешный, и на него не посмотришь, “велика шишка”»²²⁰. В сентябре 1920 г. в отправленном из Вятки письме существующий режим описывался в образах, роднивших его с дореволюционным:

«Вы писали, что наш исполком работает.

В нашем исполкоме только работники такие, не на защиту русской республики, а для защиты своей собственной шкуры. А милиция так же работает, как и раньше нагаечники. <...> Наша нагайка снова пошла»²²¹.

Поводом для такой оценки была расправа милиционеров с зарезавшими своего теленка отцом и сыном, которым страж порядка «исхвостал до крови лицо и руки».

В связи с усиленными репрессиями при сборе продналога в условиях неурожая 1921 г. крестьяне обращались к прошлому, пытались найти прецеденты, — и не находили их: «...крестьяне говорят, что Соввласть определенно ведет к разрушению всего крестьянского хозяйства, указывая конкретно, что был царь, был Колчак — не было того, чтобы отбирали последнюю корову»²²².

Крестьяне Миасской и Сухоборской волостей Челябинского уезда в декабре 1921 г. отказались платить семенную ссуду, в отчаянии заявив: «...пусть у нас за ссуду продают все хозяйство, также пусть продают и нас хоть куда-нибудь за границу, ведь раньше помещики продавали людей, так пусть и коммунисты со своей новой политикой продадут нас»²²³. Крепостная неволя представлялась крестьянину более заманчивой, чем жизнь в первый год НЭПа.

Вялость мер государства по оказанию помощи голодающим вызывала у крестьян недоумение и будила живое воспоминание о действиях царского правительства в слу-

²¹⁸ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16 об.

²¹⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 69.

²²⁰ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 8 об.

²²¹ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 163.

²²² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 56.

²²³ Там же. Л. 117 об.

чае неурожая: «...зачастую приходится слышать, что при царе во время стихийных бедствий от неурожая получали по 30 ф[унтов] на душу, а от советской власти ничего, приходится лишь слышать про светлое будущее...»²²⁴.

Однако постепенно память о прошлом становилась все «короче». Настоящее сравнивалось преимущественно с недавними порядками: «военный коммунизм» сопоставлялся с жизнью при «белых», продналог — с разверсткой. Механизмы забывания «включались» простонародными истолкованиями происходящего. Внеисторические, религиозные толкования, как и слухи, сокращали информацию до моральной оценки, лишая при этом события всякой предметной конкретности.

В «обновлении» памяти нуждалось, видимо, и само население. В определенной степени государственное нормирование памяти соответствовало желанию современников придать забвению наиболее мрачные стороны повседневной действительности, вытеснить индивидуальный, часто малопривлекательный опыт, придать своему прошлому выдающееся значение, очистить собственные поступки от двусмысленности.

В начале 20-х гг. совместными усилиями «сверху» и «снизу» серые будни были заменены яркими картинками, трагическими, но пронизанными героикой самоотверженности и высшим смыслом борения за лучшее будущее. Поступки сомнительного свойства приобретали совершенно иную интерпретацию. Так, челябинец И.Д.Дмитриев, работавший при «белочехах» сторожем местного автотранспортного предприятия, характеризовал рабочих автомобильных мастерских как «ярых большевиков». Основанием для такой оценки автор воспоминаний считал то, что рабочие якобы на каждом шагу стремились нанести ущерб врагу: имущество предприятия растаскивалось и уничтожалось в таких масштабах, что весь автотранспорт в ноябре 1918 г. пришлось перевести в Омск. В этом обосновании пробольшевистского настроения рабочих и сторожей, помогавших рабочим в их «классовой борьбе», смущает одно обстоятельство: «Больше всего растаскивался спирт, таскали во все стороны через окна, двери, бидонами, ведрами на коромыслах»²²⁵.

Неубедительность подобных версий склоняла официальный пропагандистский аппарат к целенаправленной канализации воспоминаний и «вырезанию», дабы не допустить досадных курьезов, всего негероического из памяти очевидцев и участников событий. Конспекты-минимумы для воспоминаний о революции и гражданской войне, составленные в 1922 г. к чествованию 5-летнего юбилея Октябрьской революции, содержали вопросы либо об организационной партийной работе, либо о всероссийских событиях в хронологическом порядке.²²⁶

Постепенно время и горький опыт брали свое. На фоне пережитой катастрофы жизнь воспринималась неадекватно. После нее любые перемены не могли быть переменами к худшему и праздновались как начало новой эпохи. Недавние страдания затмили и вытеснили прошлое, слившись с ним в сплошную черную полосу. Корреспондент одной из уфимских газет, побывав в детском доме и школе-коммуне в августе 1922 г., пришел в восхищение:

«Были времена, когда беспризорные дети рабочих и бедняков воспитывались на улице, валяясь в грязи под заборами и обучаясь на 5 – 6 году матерной ругани и воровству.

Прошли темные и наступили светлые времена»²²⁷.

²²⁴ Там же. Д. 312. Л. 92 об.

²²⁵ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 326. Л. 185 об.

²²⁶ Там же. Д. 2. Л. 50 – 51, 70, 71.

²²⁷ Власть труда. 1922. 13 авг.

Вдохновленный уютом и порядком в детских учреждениях, автор репортажа на обратном пути насчитал всего шестерых ребятишек, спавших или умиравших под забором. Подобные картины к тому времени примелькались и перестали волновать. Население выкарабкивалось из кризиса с поврежденной памятью, пониженной чувствительностью и атрофированным милосердием. На обломках живой биографической памяти возводился помпезный монумент памяти культурной.

Попытка разобраться с тем, что происходило в умах людей, переживших страшное время революционных потрясений, обнаруживает беспрецедентный кризис культурной ориентации населения. Под прессом непонятных и стремительных событий население революционной России оказалось лишенным ценностных ориентиров, связующих людей в целостные социальные системы. Описание душевного состояния участников революции с помощью таких понятий, как «коллективное бессознательное», «социальный психоз», «психопатия», «эпилептоидность» и прочих изысков психоистории, нещадно эксплуатируемых для объяснения природы и содержания «красной смуты», является эффектной, но недостаточно убедительной интерпретацией их поведенческих кодов, поскольку не содействует удовлетворительному объяснению ни генезиса, ни структуры последних.

За мнимым безумием скрывалась культурная катастрофа, провал культурной памяти. Прошлое было предано забвению, деформировалось, рассыпалось в прах. Таким же фрагментированным и неясным, постоянно меняющим очертания, будто в калейдоскопической игре, становилось настоящее. В головах, в известном смысле слова, действительно, царила «разруха». Тем не менее, население не оставалось беззащитной жертвой психологических травм и вырабатывало собственные способы защиты от них. Люди прибегали к привычным формулам для объяснения нового и неизведанного, будоражили или подбадривали себя тревожными или обнадеживающими слухами, противопоставляли горькому настоящему крамольно идеализированное прошлое, а беспорядочным и бессмысленным будням — упорядоченные и полные смысла праздники, снимали в стрессовых ситуациях внутреннее напряжение, страхи и сомнения с помощью алкоголя.

Отношение к власти большей части населения на протяжении рассматриваемого периода оставалось настороженным, колебалось от сдержанной лояльности или апатии до ненависти и открытой враждебности. Признанию власти как воплощения порядка противостояло раздражение по поводу действий ее отдельных представителей, нарушавших его на каждом шагу.

Однако в начале НЭПа наметилась важная тенденция к преодолению гетерогенности и пестроты в толковании окружающего. Обнаружились признаки формирования новой культурной памяти, цементирующей новорожденную общность: население стало овладевать большевистскими, к тому времени изрядно окрестьянившимися, культурными ориентирами и интерпретационными стереотипами. К концу изучаемого периода все негативное и враждебное, в том числе в самих советской системе и коммунистической партии, стало идентифицироваться с «контрреволюционностью» и «белогвардейщиной».

Своеобразная культурная амнезия, постигшая «маленького человека» в годы российской революции, равно как и процесс постепенной реабилитации культурной памяти на новых основах, отразилась на его поведении, технике приспособления к новым обстоятельствам, способах выживания.

3.2. Между «сознательностью», «шкурничеством» и «контрреволюцией»: техника борьбы за существование

«И война, и революция представляют собой могучие факты изменения поведения. Они “отвивают” от людей одни формы актов и “прививают” новые, переодевая человека в новый костюм поступков».

П.А. Сорокин

Мотивы поступления на службу. В 1922 г., по горячим следам, знакомый с русской революцией не из академического далека П.А.Сорокин шокировал эмигрантскую публику тезисом о необратимой морально-правовой деградации российского населения. В одной из своих статей он писал:

«Правда, и в войне, и в революции есть обратная сторона: сторона жертвенности и “полагания души за други своя”, подвижничество и героизм, но... эти явления – достояние единиц, а не масс. Они редки, исключительны, тонут в море противоположных явлений, и потому их роль ничтожна по сравнению с “биологизирующей” и “криминализирующей” работой войны и революции»¹.

Знакомство с самочувствием и умонастроениями «обычного человека» в одном из регионов революционной России не допускает сомнений, что повседневная жизнь в ней оставляла мало места жертвенности и героизму и открывала невиданный простор малопривлекательным, с позиции «цивилизованного», законопослушного европейца, способам борьбы за существование.

Проблема неразвитой гражданственности являлась источником озабоченности, недоумения и разочарований противников большевизма. Как писала одна из уральских газет, «все классы общества развратились и превратились в дрянь и гниль».² В июле 1918, через два месяца после свержения чехами советской власти в Челябинске, в местной печати появилось обращение к «гражданам» председателя биржевого комитета, укорявшего их в отступлении от собственного «патриотического» порыва:

«20 июня на собрании биржи, торгово-промышленного класса и других граждан города на призыв начальника гарнизона г[осподин]а полковника Сорочинского выражено желание оказать посильную помощь на военные нужды два миллиона рублей и на нужды города один миллион; эту сумму собрание поручило комиссии разложить на имущие классы, пользуясь опытом большевистских займов; хотя это признано добровольной жертвой, но нельзя не сказать правды, что многие, заразившись духом интернационализма, потеряли патриотизм, – не могут добровольно раскрыть свой кошелек и принести жертву во время великой нужды для родины. К таким лицам было предложено применить принуждение. <...>

Граждане! Пора одуматься, пора возрождения настала – будьте верными сынами нашей родины России; если же мы не познаем себя, не пойдем дружно к исполнению своего долга, – то мы погибли и виной в этом мы сами»³.

Автору воззвания было от чего впасть в отчаяние: срок сбора денег истекал, а вспомоществование так и не было собрано. Почти год спустя, весной 1919 г., уфимская пресса сетовала, что призывы к гражданам о пожертвованиях для армии и раненых, помещенные в газетах, на улицах, в витринах магазинов, остаются неслышанными:

¹ Сорокин П.А. Нравственное и умственное состояние современной России / Литература русского зарубежья: Антология в 6 томах. Т. 1. Кн. 1. М., 1990. С. 407.

² Освобождение России. 1919. 1 янв.

³ Утро Сибири. 1918. 21 июля.

«...уфимец сыт, спокоен, гуляет по Успенской улице, пользуясь чудесной весенней погодой, заходит в рестораны, кафе, театры, тратя бешенные деньги...<...>

Какие же еще нужны эксперименты для обывателя, чтобы превратить его в гражданина, чтобы дать ему возможность ясно осознать себя сыном великой Родины, единой России, понять свои задачи гражданина и бросить навсегда эгоистичные, узкие навыки и мысли обывателя?»⁴

Представители большевистского режима всех уровней также непрестанно раздражены констатировали преобладание узкоэгоистических, «шкурных» мотивов в поведении не только крестьянина и городского обывателя, но и социальной основы «диктатуры пролетариата» — рабочих.

Пробывший с 31 октября по 5 ноября 1918 г. в одной из волостей Осинского уезда Пермской губернии большевистский агитатор отмечал равнодушие местного населения к окружающему, видя, правда, в этом благоприятное условие для перспектив строительства социализма:

«...тут чувствуется забитость и бессознательное повиновение всем приказам вооруженного человека.

Деревенский мужик указанной местности еще не очнулся и движется, как заведенный автомат, весь измазанный и изорванный тем положением, в котором он находится, он как будто не видит и не ощущает всего того, что кругом его происходит. На мой взгляд, ему безразлично, кто бы его не вел, кто бы его не толкал...

Идеи же социализма ему неведомы и нужна громадная работа, чтобы открыть ему голову для проникновения туда светлого луча социализма. Если в скором будущем будет проводиться социализм, то в этой местности нужно сознаться, что сознательности ждать не придется, а можно будет провести его без особого затруднения принудительно»⁵.

Приведенное высказывание позволяет заглянуть в глубинный пласт мотивов, которые обуславливали сдержанность населения в отношении какого бы то ни было режима. Желание спасти свою жизнь заставляло безропотно повиноваться любым «приказам вооруженного человека». Однако это повиновение в конце 1918 г. (и в последующие годы), в отличие от весны 1917 г., не могло быть искренним и напоминало скорее механическую реакцию автомата, чем осмысленное действие.

К тому же в проявлении лояльности к режиму нужно было соблюдать меру. Добровольное и рьяное сотрудничество с властями могло иметь опасные последствия. В прочность того или иного «порядка» верилось с трудом. Как показывал опыт, вслед за сменами режимов их активные сторонники оказывались жертвами репрессий. Следовательно, во имя собственной безопасности стоило проявлять осторожность в выражении симпатий или антипатий к режимам бывшим, настоящим и потенциальным.

По мере одичания быта жители региона все более склонялись к выжидательной позиции: беду нельзя было остановить, ее следовало переждать. Недоверие к власти объясняет преобладание «незаконных», с точки зрения правящих режимов, техник приспособления к окружающим условиям.

«Криминализации» поведения содействовала сама слабость властных структур. Характеристика советской власти, данная современницей российской революции, распространяема на любой из режимов, возникших на Урале в 1917 — 1919 гг.: «Одно счастье в Советской России, что среди множества декретов и самых нелепых приказов, никогда правая рука не знает, что делает левая, поэтому эти дикие приказы удается иногда миновать»⁶. К тому же в обстановке нараставшей нищеты мотив выживания

⁴ Великая Россия. 1919. 1 мая.

⁵ ЦДОСО. Ф.4. Оп. 1. Д.6. Л. 54 — 55.

⁶ Бруцкус Э.О. «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») // Отечественная история. 1997. № 3. С. 87.

отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению. Правдивость, честность, законопослушание становились дорогой на кладбище — «лояльные граждане умирают от питания по карточке»⁷.

Настороженное отношение населения к власти отнюдь не противоречит интенсивному притоку добровольцев на замещение бесчисленных вакансий в новых властных структурах. Было бы, однако, верхом легкомыслия объяснять популярность государственной службы исключительно мотивом сознательного служения новым порядкам, ростом «классового сознания» или «гражданственности». О том, что при поступлении на работу в государственные органы зачастую преследовались личные интересы, свидетельствуют многочисленные сведения о проникновении в официальные структуры людей с «неподходящим» прошлым. Так, в середине марта 1917 г. Вятский исполком арестовал председателя Ижевского Совета рабочих депутатов Ф.С. Мерзлякова, который был уличен и сознался в агентурной службе (под кличкой «Иванов») местному филиалу департамента полиции с 1911 г.⁸ На протяжении 1918 — 1920 гг. уральская пресса и информационные материалы органов политического наблюдения были полны разоблачений бывших полицейских, урядников, милиционеров, добровольцев «красной» и «белой» армий, торговцев и других лиц, нежелательных для существовавшей в тот момент власти, перешедших со службы враждебным ей режимам⁹. Подобные случаи были особенно распространены в сельской и горнозаводской местности, куда скрывались от посторонних глаз, обзаведясь подходящей легендой, многие «бывшие» и где дефицит в служащих в новые учреждения был особенно острым.

Впрочем, для поступления на должность в сельский или волостной орган власти часто не требовалось никакой «мимикрии» — именно из-за нехватки годных для службы лиц. В июне 1918 г., например, Ирбитский уездный исполком предложил волостным и сельским Советам устранить из них лиц духовного звания, а также занимающихся торговлей и служивших ранее урядниками и жандармами, заменив их сторонниками советской власти¹⁰. В ноябре следующего года уполномоченный Екатеринбургской губчека жаловался, что «в районе Надеждинского завода Верхотурского уезда во всех организациях заняли высшие ответственные должности лица, находившиеся и при власти белых тоже на хороших должностях»¹¹. В конце 1919 г. все служащие Бобинского волысполкома Вятского уезда были представлены местным духовенством, а в январе 1920 г. секретарь Троицкого волостного исполкома того же уезда — местный дьякон — служил в кредитном товариществе, а по воскресеньям и праздникам вел богослужения¹².

Не только безусловно преданные режиму работники, но и авантюристы крупного масштаба, искавшие высоких должностей или жаждавшие несметных богатств, встречались на государственной службе не часто. Редкие исключения на Урале можно пересчитать по пальцам. К ним относится, например, военный комиссар Сарапула И. Сидельников, приговоренный к расстрелу восставшими летом 1918 г. рабочими Ижевска. Не вполне еще развитой юноша с открытым детским лицом, выюшимися волосами, голубыми глазами и явными садистскими наклонностями, сын зажиточного сапожника и бывший прапорщик, И. Сидельников оставил после себя дневник за пе-

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Вятская речь. 1917. 18 марта; Вятская мысль. 1917. 9 сент.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 14. Л. 17; Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 65 об.; Д. 321. Л. 42, 106; СОЦДОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.; Советская правда. 1920. 20 мая, 4 июля; Деревенский коммунист. 1920. 25 ноября; Известия (Пермь). 1918. 17 сент.; 1919. 24 сент.

¹⁰ Извещения (Пермь). 1918. 28 июня.

¹¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹² Деревенский коммунист. 1919. 25 ноября; 1920. 27 янв.

риод с мая 1917 г. по август 1918 г., найденный в его столе после свержения советской власти в Сарапуле. В одной из московских гостиниц между заседаниями съезда военных комиссаров летом 1918 г. он поверил дневнику следующие строки:

«Правительство наше начинает трещать. Впрочем, к черту всю политику. Как хочется мне быть богатым, чтобы хоть несколько дней провести в объятиях и ласках тех красивых женщин, которые пройдут мимо моего окна. Я достигну этого. Я буду богат. Только бы поскорее уехать из Москвы и покончить с этим глупым съездом. Там, в родном болоте, я быстро буду богатеть, а будет плохо, – устрою авантюру с деньгами, как тамбовский военком. Молодец: свистнул 12 миллионов. Сумею и я – только поминай как звали. Уйду туда, где никто не знает меня, перемену фамилию и буду наслаждаться жизнью»¹³.

Словно бы воспользовавшись рецептом И.Сидельникова, член ЦИК Башкирии и уполномоченный Башкирской областной комиссии помощи голодающим, 29-летний С.Ишмурзин, в прошлом – учитель и член РКП(б), исключенный во время чистки, командир Башкирского национального полка при Временном правительстве и командир бригады в боях против А.И.Деникина, – будучи командированным в июне 1922 г. в Москву и Петроград, вместо того, чтобы отправить полученные им 2320000 р. нового образца по адресу Башоблкомпомгола, проиграл их в Петрограде в игорном клубе. По приезде в Уфу он инсценировал кражу якобы привезенных денег из номера гостиницы «Россия», но был разоблачен и приговорен к расстрелу¹⁴.

Невероятная удача сопутствовала А.Судареву, молодому человеку из Оренбуржья, который после мытарств зимой 1921 – 1922 гг. по голодному краю неожиданно для себя оказался на ответственной и в буквальном смысле слова «хлебной» должности в службе контроля за семенным материалом при губернском земельном отделе. О том, как ему повезло и как ему удалось развернуться на новом месте, А.Сударев неоднократно и без обиняков сообщает в своем стихотворном дневнике:

*«Потом, когда я возвратился
Из Орска в Оренбург, мне стало
Не только легче, но прекрасно,
Судьба ко мне благоволила:*

*Губземотдел мне выдал деньги,
Два с половиной миллиона,
Потом в три дня я заработал
Три миллиона с половиной.*

*Паек мне дали двадцать фунтов,
Я тоже получил свободно,
И праздник масляницы широко
Я встретил славно и прекрасно.*

*Купил себе штаны, рубаху,
Ботинки, брюки с гимнастеркой,
Приличный френчик, одеяло
И много мелочей различных.*

*Затем, когда определился
В конторе семенного хлеба
Квартировать остановился
В прекрасных номерах Кирчика.*

*Теперь живу я, слава Богу,
Богато, сыто и тепленько,
Нужду забыл и ежедневно
Расход веду на двести тысяч»¹⁵.*

В рифмованной записи за 12 марта 1922 г. А.Сударев объяснил главный мотив своей службы:

*Моя работа немудрена,
Но очень важна для меня.
Она дает мне ежедневно
По десять фунтиков зерна.*

*А десять фунтов ныне стоят
Не менее рублей пятьсот,
На них я сыт великолепно,
Живу роскошно без забот»¹⁶.*

¹³ Цит. по воспоминаниям не установленного автора: ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 120.

¹⁴ Известия (Уфа). 1922. 19 ноября.

¹⁵ Цит. по: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С. 301.

¹⁶ Там же. С. 303.

При чтении дневника возникает ощущение, что он принадлежит воскресшему са-рапульскому военному комиссару И. Сидельникову. Как и его предшественник, А. Сударев с хладнокровным цинизмом пишет об использовании служебного положения для наслаждения жизнью. Многие его вирши посвящены болезненным любовным фантазиям, объектом которых оказалась даже родная сестра¹⁷, и плотским утехам. При этом он самого низкого мнения о женщинах. Не соглашаясь с романтическим восприятием женщины в поэзии Г. Гейне, он так сформулировал свою позицию:

*«Но я о женщинах мненья другого:
Я в них не вижу совсем красоты,
Песен в их теле я тоже не вижу,
Все женщины пошлы и злы, как скоты»¹⁸.*

Иногда в его вирши закрадываются пронзительно трагичные нотки способного к рефлексии человека, понимающего шаткость собственного положения. В стихотворении «Новая дорога», заявляя о своих природных честности и благородстве, А. Сударев размышляет о пути, на который он вступил в последние недели, и о возможном финале движения по нему:

*«Но теперь не те года,
После чистой голодухи
Злая тянется нужда,
Осквернила мои руки.*

*Потерял я совесть, стыд,
Честность и рассудок здравый,
Стал разбойник, как бандит.
Во делах мошенник тайный.*

*Я теперь и сыт, и пьян,
Я одет по лучшей моде,*

*И под видом проб семян
Граблю хлеб при Наркомпроде.*

*Как контроль зерна семян
Всей республики кирцикской,
Я могу набить карман
И купать себя пшеничкой».*

*Но что будет мне потом,
Когда вскроют мое дело?
Ясно, застрелят ружьем,
Иль штыком проткнут мне тело»¹⁹.*

В опусе «В прошлом и теперь», помеченном 23 марта 1922 г., автор дневника коротко и ясно очертил парадокс, ставший судьбой ничтожно малого числа жителей России, получивших непосредственную выгоду от революционных потрясений:

*«Никогда в моем кармане
Не водились гроши,
Лишь в белье моем дырявом
Завсегда водились вши.*

*Но теперь, когда в России
Наступил голодный год,
Я живу великолепно,
Без нужды и без забот»²⁰.*

Однако саморефлексия, замешанная на сытом и равнодушном созерцании страданий окружающих, в которой причудливо переплелись самоуничижение и самолюбование, была уделом немногих. Для большинства новоиспеченных работников государственных учреждений служба являлась средством выбиться из элементарной нищеты и часто вынужденным шагом. Так, в ноябре 1918 г. арестованный за сотрудничество с Советами И. И. Ковальчук, 42-летний портной из украинских крестьян, переселившийся в 1901 г. в Уфу, где он обшивал до революции полицию, а в 1917 г. — милицию, сообщил Уфимской губернской следственной комиссии о причине своего поступления на службу к большевикам. Его мотивами являлись отсутствие какой-либо работы и нездоровье многодетной семьи — из восьми детей за непро-

¹⁷ Там же. С. 301 — 302.

¹⁸ Там же. С. 302.

¹⁹ Там же. С. 304.

²⁰ Там же. С. 307

должительное время умерло пятеро. Он был принят в железнодорожную охрану, а затем, по поручительству начальника милиции, для которого он шил — в большевистскую партию. После двухнедельной караульной службы его избрали членом губернского штаба железнодорожной охраны, где он трудился в отделе снабжения. После ссоры с племянником начальника милиции он был, однако, уволен и устроился агентом снабжения в штабе боевых организаций²¹. В письме начальнику Уфимской губернской тюрьмы он так объяснил свою позицию:

«...при службе моей агентом снабжения, каковую я занимал как специалист-портной только из-за материальной нужды и каковую оставил за полмесяца до свержения Советской власти, так и вообще во весь период времени власти Советов я не был ни партийным, ни советским работником, а только человеком, стремившимся кое-как прокормить свою большую семью»²².

В искренности Ковальчука можно было бы усомниться в связи с нависшей над ним угрозой, если бы аналогичный мотив не звучал в частной переписке и секретных сводках ЧК. В декабре 1919 г. в информационном бюллетене Пермской губчека констатировалось, что обычная причина поступления на службу — заработок, получение высшего красноармейского пайка, и лишь незначительный процент новых сотрудников движим желанием принести пользу советской власти²³. В связи с объявлением большевистским режимом трудовой повинности, вынужденный характер поступления на советскую службу еще более усилился. Неизвестная женщина, автор частного письма, помеченного в материалах Уфимского отделения военной цензуры 14 апреля 1920 г., обреченно писала: «Я разве бы поступила служить, если бы не забирали на работу, приходится подчиняться Советской власти»²⁴.

Следует особо подчеркнуть, что прямая оплата государственной службы с 1917 г. была мизерной. Жалование председателя Оренбургского Совета солдатских депутатов и членов исполкома в ноябре 1917 г. составляло, например, всего 5 р., возрастая до 7,5 р. в том случае, если служащие имели ефрейторское звание²⁵. Большинство советских служащих 1917 — 1922 гг., особенно представители милиции и ЧК, не смогли бы прожить исключительно на номинальное и нерегулярно выплачиваемое жалование в условиях беспрецедентного обесценивания денег. Выдачи пайков также не решали проблемы хотя бы элементарного выживания. В этих условиях низкий уровень организации управления и контроля, дефицит лояльности служащих к власти и использование службы для решения личных проблем давали зеленый свет всевозможным злоупотреблениям служебным положением и превышению полномочий. Мелкие и крупные ежедневные нарушения закона превращались в рутину. Одни делали карьеру местного масштаба, другие ловили «мелкую рыбешку» в мутной воде. И открытая печать, и секретные материалы политического сыска были перенасыщены информацией о должностных преступлениях. На них жаловалось население, страдавшее от несправедливого распределения продуктов и предметов первой необходимости, от насилия со стороны представителей власти, которая по определению должна была это население защищать.

Только за апрель — декабрь 1921 г. в Оренбургское губернское бюро жалоб было подано 740 жалоб, из них 56 — рабочими, 45 — крестьянами, 204 — советскими служащими, 102 — красноармейцами, 268 — разными лицами, 4 — иностранцами, 36 — ин-

²¹ ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

²² Там же. Л. 20.

²³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.

²⁴ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 94. Л. 10.

²⁵ Оренбургский казачий вестник. 1917. 11 ноября.

валидами, 25 – советскими учреждениями. Жаловались на ЧК (60), милицию (48), жилотдел (97), волостные и сельские советы (59), должностных лиц (192), советские учреждения (246), судебную власть (8), частных лиц (30). Темами 175 жалоб были конфискации и реквизиции, 87 – выселения, 29 – аресты, 57 – невыдача денег, 242 – непорядки советских учреждений, 35 – злоупотребления властей, 17 – неудовлетворение семей красноармейцев пайком.²⁶

Среди должностных преступлений наиболее часто фигурировали произвол, присвоение чужого – государственного или частного – имущества, вымогательство взяток, подделка документов. Так, в сентябре 1918 г. из Усольского уезда Пермской губернии в Москву была направлена жалоба на преобладание среди ответственных работников «антисоветского элемента». Для убедительности в ней были даны характеристики некоторых из них:

«Председатель уездного Чрезкома Морозов в 1912 г. сидел в Пермских арестантских ротах по уголовному делу. Им было отправлено из Усоли домой до зав[ода] Кизели целый вагон реквизированного имущества по военному наряду лит[ерой] А. При попытках уездного комитета партии коммунистов-большевиков и уездного исполкома задержать этот вагон уездный отряд Чрезкома этого не допустил. У него же найдена подложная печать Уральского областного исполкома. При своих поездках персонально, по железной дороге на станции Соливарни его провожает духовой оркестр.

Членами уездного Чрезкома состоят братья Морозова и еще двое: Штириж, бывший аптекарь, у которого национализировали аптеку, и Собанский, ранее, до революции, занимался спекуляцией.

Соликамский городской чрезвычайный комиссар Войлоков на спектакле во время американской лотереи уплатил 4000 р. [за] бутылку шампанского. Им же представлены ревизионной комиссии подложные расписки на выданную мануфактуру в сумме 4500 рублей. Эти расписки он подписывал сам своей рукой. Всей уездной чрезвычайной комиссией отбираются вещи без всякого разбора и на них не ведется никакого учета. При попытках уездной контрольной комиссии произвести проверку реквизированного имущества ей было заявлено, что они будут расстреляны. Идут по всему городу расстрелы совершенно непричастных лиц к контрреволюции, а буржуазия ходит на свободе. Активные работники коммунистов-большевиков и члены уездного исполкома бороться с этим злом не в силах, так как сами боятся быть расстрелянными»²⁷.

Обращает на себя внимание большая изощренность должностных преступлений в городах, особенно в крупных, чем в сельской местности. В Вятке, например, в июне 1920 г. революционный трибунал рассматривал так называемое «дело 256-ти». Было обнаружено, что в городе существовала организация, занимавшаяся в разгар гражданской войны вербовкой и приемом за деньги и по фальшивым документам дезертиров и здоровых красноармейцев в тыловой батальон по охране сооружений, в который официально могли зачисляться только непригодные к строевой службе. За восемь месяцев услугами этой группы воспользовалось около 600 человек. Решением ревтрибунала 13 человек были приговорены к расстрелу, остальные – к исправительным работам и штрафным ротам сроком от года до пяти лет²⁸. В октябре того же года в Орлове рассматривалось аналогичное дело, в котором в качестве одного из обвиняемых фигурировал служащий уездного военкомата. Преступная группа подделывала свидетельства о болезни и помогала таким образом освободиться от службы в армии 25 красноармейцам. Фальшивые документы оплачивались деньгами или продуктами²⁹. В мае 1921 г. в Яранске судили бывшего уездного военного комиссара, военрука, начальника мобилизационно-

²⁶ ГАОО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 180. Л. 98 об.

²⁷ СОЦДОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²⁸ Деревенский коммунист. 1920. 30 июля.

²⁹ Там же. 12 ноября.

го батальона, начальника канцелярии военкомата, заместителя председателя комитета по борьбе с дезертирством и других должностных лиц и рядовых — всего 54 человека. Подсудимые обвинялись в систематическом взяточничестве с граждан за освобождение от воинской службы и укрывательстве дезертиров, пьянстве и карточной игре на миллионные суммы. Обнаружилось, что уездный военрук на собранные таким путем средства выстроил за городом прекрасный двухэтажный особняк³⁰.

В небольших городах и сельской местности, где контроль губернского центра был затруднен его удаленностью и слабостью инфраструктуры, местные представители власти ощущали себя царьками и вели себя соответственно. Осенью 1919 г. о председателе одного из волисполкомов Глазовского уезда вятская пресса сообщала: «До председательства он был последним в деревне по зажиточности, а теперь у него и тарантас, и телега, две лошади и две коровы, завел весной и жнейку — на все денег хватает»³¹. Заведующий продовольственным отделом волисполкома в Орловском уезде, некто Ф.А.Зубарев, по данным той же газеты, добился красноармейского пайка для своего не мобилизованного сына. В то время, когда населению выдавался 18-фунтовый паек, он возил домой хлеб пудами³². В декабре 1919 г. инструктор-ревизор, направленный Челябинским губкомом РКП(б) в Троицкий ревком, обнаружил, что «...троицкие ответственные работники и члены партии имеют по несколько прислуг и работников, оплачиваются которые из средств ревкома, также имеют по несколько выездных лошадей»³³. По сообщению одного из подразделений Оренбургского губкома, у сельских жителей были веские причины для недовольства советской властью: «...недовольство большей частью вызывается членами райпродкома, разъезжающими по селам, пьянствуя, берут всевозможные контрибуции за самогон, с обнаженными шашками бегают по улицам, чем подрывают авторитет Советской власти»³⁴.

Представление о поведении ответственного работника в деревне, среди односельчан, дает зарисовка, помещенная в 1920 г. в одной из вятских газет:

«Приезжает на родину, в деревню Сарапул[ьского] уезда комиссар и требует от крестьян:

– Дайте мне лошадь и корову.

Испуганные крестьяне собрали денег, купили и представили.

– Муки 5 пудов!

Представили.

К счастью, злополучный комиссар попался и был препровожден в Сарапул, где предстал перед судом ревтрибунала.

Таких «ответственных», набивающих свои карманы, очень много ездит по нашим деревням»³⁵.

Среди претензий сельских жителей к местным представителям власти фигурировали и первоочередное обслуживание при завозе товаров, и принуждение крестьян к обработке их полей и огородов, и использование общественного зерна для рыбной ловли в условиях начавшегося голода 1921 — 1922 гг. Нередки были и притязания сексуального свойства. Осенью 1919 г., оставшись без средств к существованию, красивая крестьянка — 19-летняя вдова А.П.Чижова, поступила на службу переписчицей в Ворсинский волисполком и стала жертвой домогательств со стороны его председателя и секретаря. За покладистость ей обещали перевод в писцы первого разряда, за строп-

³⁰ Там же. 1921. 7 мая.

³¹ Там же. 1919. 21 сент.

³² Там же. 25 ноября.

³³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 52.

³⁴ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

³⁵ Вятская правда. 1920. 5 сент.

тивность — грозили увольнением³⁶. Трагическую историю поведали скупые строки частного письма, перехваченного Уфимским отделом военной цензуры в апреле 1920 г.:

«Он хотел спасти меня и всю семью, а также и вас, но, Лиза, какая тяжелая драма впереди, мне приходится платить жизнью насильно, против моего желания. Я должна выйти за него замуж или буду расстреляна»³⁷.

Кто-то пытался сопротивляться требованиям и домогательствам власть имущих, другие полагали более разумным подчиниться силе. Третьи сами провоцировали нарушение закона, пытаясь таким образом найти покровительство. Одна из крестьянок Ижевского района, поднеся председателю волисполкома кадку меда и пригласив к себе «погостить», так объяснила односельчанкам свое поведение: «Ничаво, бабоньки, — теперь за меня приститатель заступится: ничо красны-то не отберут»³⁸.

Наибольшее неудовольствие населения вызывал произвол стражей порядка — своеобразный символ слабости силовых государственных структур. Предметом жалоб граждан и озабоченности ЧК являлись несанкционированные обыски и незаконные реквизиции, поощрение самогоноварения и пьянство, сотрудничество с криминальным миром и личное участие в хищениях и грабежах³⁹.

О том, что обыск руками официальных лиц порою мало отличался от налета грабителей, свидетельствует воспроизводимое без исправлений заявление в Полетаевский станичный исполком И. С. Овчинникова от 24 января 1920 г.:

«21 сего января около 12 часов дня явились 5 человек, двое из них будто бы принадлежат Чрезвычайной Следственной Комиссии Харитонов и Задыхин, скомандовав "ни с места", поставили к выходным дверям вооруженного милиционера, предъявили мне обыск, причем дети у меня пустились бежать и, собравшись в один угол, начали разрывая душу, плакать и кричать со страха, ибо белыми в бытность их у власти у меня произведено было не менее десяти обысков, тем хотя служили поводы, те обстоятельства, что мои сыновья были ярые большевики и служащие когда-то в Советской власти, а теперь два года гниют в тюрьме, но и красные, видно, мне плохо благоволят.

Тов[арищ] Харитонов начал рыться во всех сундуках, комодах и в ящиках, причем отобрал, что ему нужно и унес с собою.

Отобрано сорок дюжин мелкого калибра конвертов, изломанный из числа детских игрушек штемпель, машинку постригаться (испорчена) и старые карты, взял было имеющийся около полфунта перцу, но возвратил обратно.

Заявляя о вышеизложенном, прошу станичный исполком навести справки, скоро ли будет конец подобным глумлениям над мирными гражданами»⁴⁰.

Развернутый перечень претензий к милиции содержит информационные материалы башкирских чекистов за январь 1922 г.:

«Отношение населения к милиции почти враждебное, последнее вызвано стихийной бездеятельностью, злоупотреблением, взяточничеством, пьянством, картежной игрой, грубым обращением, участием в кражах, разбое, расстрелах, бандитизме, чинами милиции все последнее создается на почве полного отсутствия регулярного снабжения продовольствием и жалованием. Чины милиции поставлены в невыносимые материальные условия, их труд своевременно не оплачивается. Голод в БССР усугубляет это положение»⁴¹.

³⁶ Деревенский коммунист. 1919. 19 окт.

³⁷ ЦГАОО РБ. Ф. П- 22. Оп. 1. Д. 94. Л. 10 об.

³⁸ Ижевская правда. 1920. 11 февр.

³⁹ ЦДНИОО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 233. Л. 104; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 262. Л. 36; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 77. Л. 26; Д. 126. Л. 4, 7, 8; Д. 344. Л. 85 об., 151 об.; Вятская правда. 1921. 30 авг.; Известия (Уфа). 1921. 31 авг.

⁴⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 126. Л. 4.

⁴¹ ЦГАОО РБ. Ф. П- 22. Оп. 6. Д. 36. Л. 44 об.

Некоторая коммерциализация жизни с переходом к НЭПу не замедлила сказаться на поведении советских чиновников. Коррупция приобрела столь широкий размах, что при Совете труда и обороне под председательством Ф.Э. Дзержинского была создана специальная Комиссия по борьбе со взяточничеством, которая 6 октября 1922 г. распорядилась создать при всех областных и губернских совещаниях аналогичные временные комиссии для проведения «ударной» кампании во всероссийском масштабе. Ее подготовка велась в обстановке строгой секретности: Москва подчеркивала, что «существование и деятельность комиссий при Облэконо и Губэконо не подлежит оглашению»⁴². Видимо, организаторы фактически очередной тотальной чистки — в комиссии входили представители ГПУ, наркомата юстиции, рабоче-крестьянской инспекции и ВСНХ — пытались учесть опыт прежних, малоэффективных попыток очистить ряды управленческого аппарата.

Подготовка кампании по борьбе с коррупцией оказалась актуальной и для Урала. В циркулярном письме № 5, обращенном ко всем секретарям волбюро и рядовым членам РКП(б), Челябинская губернская информационная тройка при губотделе ГПУ доверительно писала: «Всем нам хорошо известно, каких размеров достигло взяточничество во всех областях хозяйственной жизни республики»⁴³.

Таким образом, внедрение во властные структуры для многих служило способом приспособления к новым условиям существования. При этом мизерность официального материального вознаграждения компенсировалась систематическим нарушением закона. Правда, подобная техника выживания была сопряжена с повышенным риском. Представители власти были на виду и при смене режимов оказывались первой жертвой гонений. В их разоблачении активно участвовало и само население, в том числе сводя личные счеты. Каждый из режимов стремился во имя собственного укрепления избавляться от ненадежных сотрудников и предпринимал регулярные чистки властных подразделений. Так, только за январь — февраль 1921 г. за халатное отношение к работе, пьянство, взяточничество, спекуляцию и другие должностные преступления к ответственности был привлечен 71 сотрудник Екатеринбургской губернской милиции, в том числе 32 коммуниста. В ночь на 27 июня 1921 г. в Троицке по обвинению в насилии над арестованными, взяточничестве и хищении вещественных доказательств был арестован весь личный состав уголовного розыска. В ноябре того же года из милиции Вотской области были изгнаны 125 человек⁴⁴.

Тем не менее, риск, видимо, считался оправданным, игра стоила свеч. Ни профилактические мероприятия, ни суровые санкции не могли остановить хронического злоупотребления властью в корыстных целях. Участие во власти позволяло не только выжить, но и выиграть от всероссийского разорения, не только переждать бедствие, но и благоденствовать — пусть с неясной перспективой — за счет других.

Партийные чистки: статистика приспособленчества. Популярной, хотя тоже отнюдь не безопасной модификацией приспособления к режимам было членство в близкой к власти партии. Этот феномен получил бурное развитие с самого начала революции 1917 г., вызывая тревогу старых работников социалистических и либеральных партий

⁴² ОГАЧО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.

⁴³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 139.

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 36; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 151 об.; Ижевская правда. 1921. 20 ноября.

по поводу бурного притока совершенно случайных людей в их состав. Многие быстро смекнули, что вступление в партию дает шанс на участие в беспрецедентном по масштабам разделе кадрового «пирога». Первые партийные собрания в провинциальном захолустье весной 1917 г. порой представляли собой до наивности откровенные торги вокруг соблазнительных должностей. Характерный эпизод, произошедший на одном из первых собраний челябинских конституционных демократов, описал в свойственной ему стенографической манере К.Н.Теплоухов:

«Желаю сделать заявление!» – «Пожалуйста!» – говорит председатель. – «Я так думаю, что надо убрать городского судью Судакова». Судаков – юрист с большим опытом, – знающий, беспристрастный. «Сообщите причины!» – просит председатель. «Причин никаких нет, а только он давно уже тут сидит!» – «А кем его заменить? – не тобой ли?» – раздается иронический вопрос из публики. «А хоть бы и мной! – не великое дело сидеть за столом да бумаги подписывать, какие писарь пишет!»⁴⁵

По мере вытеснения конкурентов с политической сцены большевистская партия превратилась в своеобразный инструмент карьеристских вожделений. Засоренность РКП(б) людьми, пришедшими в нее из корыстных соображений, была постоянным предметом озабоченности партийного руководства и темой обсуждения на всех этапах партийной иерархии.

В июне 1917 г. В.И.Ленин писал, как о вполне естественном явлении, о том, что в большевистскую партию стремится «...тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...»⁴⁶. Через три с половиной года после прихода большевиков к власти от былой оправдательной риторики не осталось и следа: в апреле 1921 г. В.И.Ленин видел одну из главных проблем советской, особенно провинциальной, действительности в «...злоупотреблениях примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством». По отношению к ним он предлагал «чистку террористическую» – «суд на месте и расстрел безоговорочно»⁴⁷.

Л.Б.Красин, как и другие высшие партийные функционеры, в период партийной чистки 1921 г. был убежден в ее благотворности для решения всех проблем управления Советской Россией:

«Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, ...является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но не способных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность»⁴⁸.

Центральная контрольная комиссия ЦК РКП(б) – несомненный эксперт по проблеме партийных злоупотреблений – констатировала: «...в нашу партию вошло много мелкобуржуазных элементов, которые способны быстро ориентироваться в окружающей обстановке, приспосабливаться и выдвигаться на ответственные посты»⁴⁹.

Причины поступления на государственную службу и партийное членство в революционной России похожи, как близнецы. Искренняя преданность и признательность

⁴⁵ Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899 – 1924. Челябинск, 2001. С. 296.

⁴⁶ Ленин В.И. Большевизм и «развал» армии / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 256.

⁴⁷ Он же: О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) / Там же. Т. 43. С. 234.

⁴⁸ Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 44.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

новой власти за «восстановление справедливости» и за предоставление ее adeptам шанса на рывок наверх по социальной лестнице были редким исключением. В упоминавшемся уже дневнике Сарапульского военного комиссара И.Седельникова, который в 1918 г. совмещал эту должность с председательством в местном комитете РСДРП(б)/РКП(б), по поводу причин его вступления в партию звучат знакомые мотивы:

«Почему я стал большевиком?... Стремление выйти из мелкобуржуазной семьи... в крупную буржуазию, чтобы жить в свое удовольствие, ни в чем не стесняя себя, ни в чем не отказывая себе: иметь хороший обед, иметь прислугу, пить тонкие вина и проводить время в обществе и ласках красивых женщин. Пусть одураченные глупцы думают, что я идейный работник (таким меня считают товарищи по партии), я им покажу себя, лишь бы власть попала в мои руки»⁵⁰.

Вступление в партию еще в меньшей степени, чем устройство на работу в государственные структуры, создавало легальные каналы обеспечения материального благополучия. Оплата труда ответственных партийных работников и служащих партийных комитетов осуществлялась в соответствии с общей тарифной сеткой для трудящихся различной квалификации, была номинальной и нерегулярной. С другой стороны, добросовестное выполнение партийной работы в условиях острого дефицита квалифицированных кадров требовало от штатных функционеров напряжения на грани человеческих возможностей. Так, самоубийство одного из членов политотдела Троицкого комитета РКП(б) в апреле 1921 г. было расценено медицинским экспертом, как результат нервного перенапряжения и прокомментировано следующим образом:

«...не раз приходилось мне слышать от членов партии, что при получении отпуска по болезни во врачебной комиссии ответственными работниками, членами партии, такой отпуск не разрешается на основании партийной дисциплины, не разрешается подлежащей властью несмотря на то, что комиссиями отпуска даются очень трудно, несомненно реже, чем должны были бы даваться на основании правил медицины»⁵¹.

Вместе с тем, принадлежность к партии большевиков обеспечивала существенное приближение к источникам распределения, причем на законных основаниях. Среди материалов губкомов партии периода «военного коммунизма» высок удельный вес всевозможных заявлений от членов партии и соответствующих распоряжений в отделе социального обеспечения и учетно-распределительной комиссии о первоочередной выдаче одежды и обуви. Известны случаи, когда партийные организации пытались «усовершенствовать» действовавшую распределительную систему в свою пользу. Так произошло в конце 1919 г. в Миассе, где собрание местных коммунистов вмешалось в компетенцию райпродкома, потребовав для себя снабжения вне наряда губпродкома. В этой связи миасский продовольственный комитет обратился с жалобой в губернскую инстанцию: «Благодаря такому отношению со стороны общего собрания партии в одиночном порядке являются некоторые маловоспитанные члены партии и насильно требуют для себя лично отпусков продуктов и предметов внепланового наряда, в противном случае угрожают всякими мерами, называя ответственных партийных работников райпродкома — саботажниками»⁵².

Еще более привлекательным вступление в партию делали открывающиеся возможности незаконного материального обогащения, которые наиболее активно эксплуа-

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 118.

⁵¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 283. Л. 64.

⁵² Там же. Д. 12. Л. 31 об.

тировались в сельской местности, вдали от контроля губернских властей. В феврале 1920 г. печатный орган ижевских коммунистов опубликовал зарисовку о поведении и настроении сельского «коммуниста»:

«В селе Воеводском живет контролер по мельницам, Кудров.

Он контролер и вообразил, что ему – сам черт не брат.

Ходит пьяный по улицам, требует у встречных документы, как будто имеет на то право.

А один раз даже арестовал какого-то красноармейца.

И называет себя коммунистом.

Приезжает в село уполномоченный по топливу. Говорит о том, что нужно возить дрова.

И вот, приходит к нему этот местный «коммунист-контролер».

– А мне, конечно, не надо за дровами-то ехать?

– Почему?

– Да я – коммунист!

Уполномоченный растолковал ему, что коммунист должен показать пример – крестьяне съезжают раз, он – два.

Бывают такие «коммунисты» в деревнях, только не следует крестьянам судить по ним о всех коммунистах»⁵³.

Хотя партийная пресса пыталась интерпретировать подобные случаи как исключение из правил, есть все основания предполагать широкое распространение корыстных мотивов – по официальной советской терминологии, «шкурничества» – в партийных массах. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи должностных преступлений, нарушения партийной дисциплины (от военных мобилизаций 1919 – 1920 гг. целые ячейки спасались путем самороспуска), выход из партии и сотрудничество с антисоветскими режимами с последующим – после восстановления Советской власти – возвращением в РКП(б), описанные в прессе и материалах ЧК. Аналогичные сведения встречаются и в частной переписке. Так, в политических сводках Вятского отделения военной цензуры за последние месяцы 1920 г., помимо прочего, встречаются и такие выдержки из частных писем из Уржумского уезда:

«Миша поступил в коммунисты, так все делают, как ему вздумается, и спекулирует».

«Среди сослуживцев не без дряни – есть один коммунист, вор и провокатор»⁵⁴.

По мере обострения продовольственной ситуации осенью 1921 г. нарастала и «криминализация» поведения рядовых коммунистов. Из Верхнеуральского уездного комитета РКП(б) в Челябинский губком сообщалось:

«...растет число преступлений среди членов организации, партизански настроенные в бытность в партиз[анском] отряде проявляют себя, был случай, когда коммунист заехал в пределы Башреспублики, забрал там пятьдесят пуд[ов] хлеба, десять п[удов] сала (сам он скрылся неизвестно куда), выявляется сейчас ярко и элемент ради шкурнических целей вошедших в организацию».⁵⁵

Неудовлетворительное состояние партийной работы провоцировало периодические кампании по проверке и очищению состава организаций. В их ходе обнаруживались факты массовых злоупотреблений членством в партии. Так, во время перерегистрации уфимской организации РКП(б) с 18 июня 1920 г. по 15 января 1921 г. было исключено из партии 416 человек, в том числе за неисполнение партийных обязанностей – 94, за дискредитирующие поступки – 53, за пьянство – 42,

⁵³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 271. Л. 91; Д. 344. Л. 99; Советская правда. 1920. 13 июня.; Уральский коммунист. 1920. 4 сент.; Коммунар. 1921. 1 янв.

⁵⁴ Ижевская правда. 1920. 10 февр.

⁵⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 312. Л. 66 – 67.

за неподчинение дисциплине — 32, «как примазавшиеся» — 26, за преступления по должности — 22⁵⁶.

Проведение в январе 1921 г. в Перми двухнедельника по укреплению партии сопровождалось исключением 76 коммунистов, из них 34 — за неподчинение дисциплине, 22 — за пьянство и кумышковарение, 12 — за взяточничество, спекуляцию и «шкурничество», по три — за службу у «белых» и уголовные преступления (включая убийство милиционера в пьяном виде), по одному — за венчание в церкви и переход в магометанство⁵⁷. В Екатеринбургской губернии за июль — август 1921 г. было исключено и выбыло из РКП(б) 1745 человек, или 8,5%⁵⁸.

Мало использованным историками массовым источником, предоставляющим солидную статистику приспособленчества в ранней Советской России, являются материалы беспрецедентной по масштабу партийной чистки сентября — декабря 1921 г. Они содержат данные о составе губернских, уездных и районных партийных организаций накануне и после проведения кампании, часто — мотивы исключений из партии, партийный стаж коммунистов.

Точность этой информации, правда, не следует переоценивать. Спешность проведения чистки параллельно со сбором продналога в условиях голода, нехватка и истощение лошадей, необходимых для оперативной доставки информации, отсутствие бумаги (вместо нее для составления сводок использовались чайные этикетки) препятствовали полноте партийной переписи. Беспартийное население, как и многие рядовые коммунисты, отнеслись к этой кампании сдержанно. Случаи активного участия в ней беспартийных встречались не часто. Так, в докладе Челябинского губкома, подготовленном к областному партийному совещанию 1923 г., фигурировал лишь один пример — о казаке Прорывинской станицы Куртамышского уезда, который разоблачил коммуниста, который в прошлом организовал отряды для борьбы с «красными», сопроводив разоблачение характерным комментарием: «нам-то все равно, а вам, наверно, неудобно, что у вас в партии находятся такие люди»⁵⁹. Чаше население предпочитало держаться подальше от партпереписи, исходя из опыта и здравого смысла: «...пусть их проводят, а нам врагов наживать нечего, скажи или напиши чего-нибудь, после тебя будут самого тянуть»⁶⁰.

Настороженность населения и нервная атмосфера во время чистки сказались на ходе и результатах ее проведения. Приоритет частного интереса привел к активному использованию партийной переписи для сведения личных счетов. Из Верхнеуральского укома РКП(б) во время чистки сообщали:

«Организация переживает сейчас тяжелый процесс естественной очистки своих рядов от некоммунистического элемента. Захватываются иногда верные РКП[б] честные члены...<...> ...замечается упадок дисциплины и, как всегда в таких случаях, ее место начинают занимать личные счёты, пересуды, необоснованные, непроверенные слухи»⁶¹.

В ряде мест сведение личных счетов дошло до «красного бандитизма» — произвольных расстрелов, санкционированных партийными органами. Так, в Верхнесанарском районе Троицкого уезда в ходе чистки были расстреляны трое коммунистов. Одним

⁵⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 260. Л. 13.

⁵⁷ Известия (Пермь). 1921. 8 февр.

⁵⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 261. Л. 18.

⁵⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 151.

⁶⁰ Там же. Д. 312. Л. 91 — 92.

⁶¹ Там же. Л. 67.

из инициаторов расстрела был заведующий лесопильными заводами некто Шнек, который «...вел широкий буржуазный образ жизни, несмотря на то, что он состоит в РКП[б], и диктаторски влиял на всю жизнь В.-Санарского района, вследствие чего сложилась там поговорка, что “не так живи, как хочется, а так живи, как Шнек велит”». Не меньшую роль в акте «красного бандитизма» сыграл председатель станичного исполкома Чернышев, «...который, расстреливая вора — милиционера Ильина, члена РКП[б], сам участвовал в краже, произведенной Ильиным и, как соучастник, чтобы самому остаться чистым, постарался Ильина убить»⁶².

При всей приблизительности отложившихся во время переписи статистических данных, они могут быть использованы в качестве ориентировочных при изучении партийного членства как инструмента приспособления к режиму.

Подводя итоги чистки в Вятской губернии, в ходе которой из партийной организации было изгнано 27% членов, печатный орган местных коммунистов констатировал:

«Одни шли сюда из побуждений карьеристского характера, с целью использовать партию не только в личных интересах, но и в групповых, классовых. Попадал в партию и элемент явно преступный, наконец, шли в нее выходцы из чуждых коммунизму слоев общества...»⁶³.

Приведенная в том же номере газеты таблица — отголосок прекрасно поставленной в прошлом статистической службы в земской губернии — свидетельствует, что использование партии в идейных, классовых, контрреволюционных целях было редким исключением из правил. Преобладали мотивы исключения, сигнализировавшие о вступлении в нее отнюдь не по идейным соображениям (табл. 45).

Вместе с переведенными в кандидаты и добровольно вышедшими цифра покинувших партию в губернии повышается до 29% членов и кандидатов в члены партии. Более половины из них являлись крестьянами. Служащих среди исключенных было в два раза меньше, но по удельному весу «вычищенных», согласно газетной информации, наиболее пострадавшей группой были именно они. Среди мотивов исключения лидировали пассивное членство, пьянство и грубость, а также карьеризм и «шкурничество». Первый из этих мотивов был особенно характерен для коммунистов-служащих и крестьян. Отказ от выполнения партийных решений также преобладал в крестьянской среде.

Столь же существенные сокращения состава пережили партийные организации и других губерний Урала. Пермская губернская организация РКП(б) сократилась с 1 мая по 1 декабря 1921 г. на 25,3%, потеряв 2425 человек; екатеринбургская уменьшилась (до ноября) на 6794 (28,9%), в том числе путем исключения на 3742; оренбургская — на 1217 человек (18,9%), челябинская — на 3155, или 28,2% (из них 7,3% добровольно вышли из партии, 7,1% не явились на перерегистрацию); уфимская — на 2014 человек (28,5%); башкирская за год сократилась на 3839 человек (47,6%), причем исключено было по разным данным от 1669 до 1829. Остальные коммунисты Башкирии, видимо, покинули родные места во время голода или пали его жертвами⁶⁴.

Наряду со служащими усиленной чистке подверглись коммунисты-крестьяне. Среди изгнанных из партийной организации Екатеринбургской губернии в июле — августе 1921 г. почти две трети составляли крестьяне⁶⁵. В Челябинской губернии 66% ис-

⁶² Там же. Д. 271. Л. 18.

⁶³ Вятская правда. 1921. 9 дек.

⁶⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 82. Л. 12, 70; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 153; ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 4. Д. 78, 79; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 69; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 260. Л. 84, 134; Д. 261. Л. 6, 24, 59; Известия (Стерлитамак). 1921. 28 ноября, 7 дек.; Башкирская областная организация КПСС в цифрах. 1917 — 1987: Статистический сборник. Уфа, 1987. С. 19, 20.

⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 261. Л. 18.

ключенных оказались сельскими жителями. В докладе о чистке в Челябинской губернии на 7-й губернской конференции РКП(б) 22 января 1922 г. констатировалось, что «крестьянская масса оказалась наиболее податливой на соблазны»⁶⁶. Почти 40% исключенных в Челябинской губернии пришлось на казачий Троицкий уезд. В докладе в губком о проведении чистки в этом уезде говорилось:

«...принимая во внимание, что контингент Троицкой организации РКП(б), как в городе, так и в уезде состоит из мелкого буржуазного казачьего элемента, в котором царил дух самостоятельности, партизанщины и склоки, вследствие чего упровкомиссии пришлось отнестись сугубо осторожно при очистке партии, причем оказалось немало примазавшегося порочного и чужого элемента, колчаковцев и вообще белогвардейцев, которые и старались проникнуть в Троицкую организацию, вследствие чего из 1747 членов, как в городе, так и в уезде пришлось исключить 605-ть человек»⁶⁷.

Однако, как следует из материалов чистки, основным мотивом исключения из партии являлась не классовая чужеродность или желание сознательно вредить делу социалистического преобразования, а следование интересам личной выгоды. В докладе на 7-й Челябинской губернской конференции РКП(б) эта тема звучала очень отчетливо:

«Некоторые товарищи записываются в ячейку, думая, откуда получить сахару или мануфактуры. Таких мануфактурных коммунистов нам... не надо. Есть коммунисты, которым перевалило за 80 лет и которые записались в коммунисты на старости лет потому, что ячейка, по их мнению, сможет лучше обеспечить через собез. Встречается еще один вид коммунистов, так называемых должностных. Видя, что партия всюду выдвигает на должность, они решают "устроиться", и пошел человек в гору.

Вдруг на дороге повалось, попался в маленьких прегрешениях. Его возвращают обратно к станку, он недоволен, начинает негодовать, собирает разные сплетни, а когда из этого ничего не выходит, заявляет: "выхожу из партии"»⁶⁸.

В Вернеуральском уезде, также казачьем по социальному профилю, причинами исключения из партии чаще всего выступали «взяточничество, соглашательство, нарушение партийной этики, мародерство и т.д.»⁶⁹

В целом, в ходе чистки партии в Челябинской губернии, как и в других областях Урала, обнаружилась малопривлекательная картина хаоса в организациях РКП(б) и нещадного злоупотребления партийным членством в личных целях. Учетные отделы работали слабо, вследствие чего ячейки не знали многих своих коммунистов, значительная часть которых не имела партийных документов, не входила в состав ячеек, разъехалась, особенно в «голодных» уездах, без снятия с учета. Были вскрыты многочисленные факты преступного поведения коммунистов, особенно деревенских, среди которых процветали взяточничество, незаконные поборы, воровство, самочинные обыски и аресты. Среди причин исключения городских партийных работников фигурировали пьянство, самоснабжение, бюрократизм⁷⁰.

Данные о партийном стаже исключенных свидетельствуют, что среди них преобладали лица, вступившие в РКП(б) совсем недавно – в конце 1919 – 1921 гг. Среди ушедших из партийных организаций Челябинской губернии их удельный вес достигал 4/5, в Пермской – 2/3⁷¹. Удивляться этому не приходится. Уже в 1920 г., по данным

⁶⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 431. Л. 7.

⁶⁷ Там же. Д. 271. Л. 18.

⁶⁸ Там же. Д. 431. Л. 7.

⁶⁹ Там же. Д. 312. Л. 91.

⁷⁰ Там же. Д. 451. Л. 151.

⁷¹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 82. Л. 12, 71.; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 431. Л. 7.

Таблица 45⁷²

**Состав исключенных из Вятской губернской организации РКП(б)
в ходе переписи 1921 г.**

Мотивы исключения ⁷³	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Всего
Проникшие с контрреволюционной целью	—	—	1	1
Бывшие полицейские	2	8	8	18
Взяточничество, незаконные поборы	6	15	12	33
Вымогательство, шантаж	1	2	4	7
Злоупотребление властью	15	43	12	70
Уклонение от воинской повинности	6	12	—	18
Уклонение от трудовой повинности	4	5	1	10
Карьеризм, шкурники, «примазавшиеся»	22	64	41	127
Пьянство, бесчинства, грубое обращение	77	88	48	213
Буржуазный образ жизни	—	2	2	4
Использование религиозных обрядов, национализм, шовинизм, юдофобство	10	43	20	73
Сомнительные элементы	10	21	43	74
Отказ от выполнения партийных директив	25	72	28	125
Пассивное членство	45	160	87	292
Итого	223	535	307	1065

Таблица 46⁷⁴

Партийный стаж коммунистов Урала в 1920 г. (%)

Губерния	1905 — 1907	1908 — 1916	1917 (I—X)	Кон. 1917 — 1918	1919 (I—VIII)	1919 (IX—XI)	1920	Неизвестен
Вятская	—	1	1	8	21	27	21	2
Екатеринбургская	—	—	1	6	10	51	22	1
Оренбургская	—	—	—	4	12	33	38	1
Пермская	—	1	1	9	25	38	16	—
Уфимская	1	1	1	8	14	33	26	—
Челябинская	—	—	1	4	7	53	28	—
Средний всероссийский показатель	1	1	1	7	20	29	27	1

Таблица 47⁷⁵

**Удельный вес вступивших в партию
в Оренбургской губернской организации РКП(б) на 1922 г. (%)**

Социальная группа	До 1905	1905 — 1916	1917	1918	1919	1920	1921 — 1922	Неизвестен	Итого
Рабочие	1,1	1,8	11,6	15,0	36,1	21,6	8,9	3,9	100
Крестьяне	0,1	—	1,4	7,1	31,2	39,6	17,0	3,6	100
Служащие	0,5	0,8	5,1	13,9	38,2	28,7	10,1	2,7	100
Прочие	—	0,7	6,9	11,1	31,3	25,0	16,0	9,0	100

⁷² Вятская правда. 1921. 9 дек.

⁷³ Рубрики приведены в соответствии с оригиналом.

⁷⁴ Материалы по статистике РКП. М., 1921. С. 88, 89.

⁷⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 5 об.

партийной статистики, большевики с дореволюционным стажем составляли ничтожное меньшинство (табл. 46).

Цифровые сведения о партийном стаже уральских коммунистов отражают, если можно так выразиться, динамику приспособленчества. До конца 1918 г. интенсивность вступления в партию на Урале соответствовала среднероссийскому показателю. В период господства в большей части региона антибольшевистских режимов приток в ее ряды резко снизился. Зато в последние месяцы 1919 г., сразу после закрепления на Урале «красных», прием в партию пошел полным ходом, значительно превышая средние показатели. Любопытно, что это не наблюдалось в Вятской губернии, где власть в губернском центре не менялась и, следовательно, государственные структуры были более или менее укомплектованы. Напротив, в екатеринбургской и челябинской губернских партийных организациях, где удельный вес вступивших в партию в январе — августе 1919 г. был минимален, пополнение последних четырех месяцев года превышало половину. Именно в это время проводились партийные недели массового приема в РКП(б), которыми только в Вятской, Екатеринбургской, Пермской и Уфимской губерниях воспользовались более 40 тыс. человек⁷⁶. Совпадение времени активного вступления в партию коммунистов и интенсивного строительства советского государственного аппарата прослеживается и по материалам Оренбуржья, где пик притока в РКП(б) представителей всех социальных групп, кроме крестьянства, пришелся на 1919 г., запоздав в сельской местности на год (табл. 47).

О характерном несовпадении периодов активности вступления в партию представителей отдельных социальных групп свидетельствует поступательное сокращение удельного веса рабочих среди партийного пополнения при стабильном росте доли коммунистов-крестьян. Половину всех членов РКП(б) в Оренбуржье в 1920 — 1922 гг. составляла сельская среда. Между тем, именно эти годы были наиболее тяжелые для деревни: за разгулом реквизиционной политики последовал разорительный продналог. Наибольшая интенсивность притока селян в партию именно в это время также дает основание предполагать, что вступление в РКП(б) в значительной степени использовалось как инструмент выживания в чрезвычайных условиях.

Многое говорит о том, что партийная перепись конца 1921 г., проведенная ради очищения организации от случайных и своекорыстных членов, отнюдь не достигла и не могла достигнуть своей цели. Направленная против карьеристов в партии, она в значительной степени проводилась их руками. Видимо, «чистыми» удалось выйти из этой кампании очень многим. Жалобы на порочащие коммунистов действия не прекращались и после чистки. Из сводки ГПУ о положении на Челябинских угольных коях за октябрь 1922 г. явствует, что работники райкома присвоили общественную пшеницу, «пропили» 700 млн. р. из партийного фонда, а один из них, Н. Чернышев во время спектакля в народном доме, будучи сильно пьяным, вытащил наган и кричал: «Перестреляю всех, гадов, которые стоят нам на дороге...»⁷⁷.

Сохранение тенденции к эксплуатации партийного членства в корыстных целях признавалось и местным партийным руководством. Так, в отчете Троицкого уездного комитета РКП(б) за первую половину 1922 г. особое внимание уделялось влиянию НЭПа на партийную среду. В нем подчеркивалась засоренность партийной организации:

«...мещанские элементы..., которые не обладали слишком большой смелостью и самостоятельностью и не вышли из партии после объявления НЭП, остались членами РКП[б] и под покровом нашего авторитета обдывают свои маленькие делишки как члены партии.

⁷⁶ См.: Канцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь. 1975. С. 172.

⁷⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 133 об.

Эти элементы в большинстве случаев считают себя высококвалифицированными хозяйственниками и стараются пристроиться в хозяйственных и кооперативных органах»⁷⁸.

Немногим улучшился после проведения чистки партийный учет и, следовательно, дисциплина членов партии. В январе 1922 г. на губернской конференции РКП(б) в Челябинске прозвучало такое признание:

*«Особенно плохо обстоит у нас дело с учетом членов РКП(б). Даже сейчас, после чистки, мы не в состоянии точно сказать, сколько членов партии у нас осталось»*⁷⁹.

Партийная чистка 1921 г. не могла исправить ситуации, сложившейся в большевистской партии в первые годы после превращения ее в партию власти. В ее составе продолжали преобладать малограмотные и некомпетентные искатели должностей, материального благополучия, вступившие в партию в период комплектации ею новых государственных служб. В условиях дефицита профессиональных управленцев членство в партии оставалось ключевым средством приспособления к советскому режиму.

Производство ради выживания. При знакомстве с материалами о служебных злоупотреблениях и моральном облике партийной массы в революционной России складывается впечатление о превращении населения страны в сообщество карьеристов. С одной стороны, это не составляло сугубо российский феномен, а отражало универсальную тенденцию, характерную для революционной эпохи: разрушение государственной власти всегда порождает бум карьеризма и благоприятствует заполнению властных структур случайными людьми⁸⁰. С другой стороны, масштабы приспособления к новым режимам через прямое вхождение в их подразделения не следует переоценивать. Далеко не все искали должностей. Основная масса самостоятельно-го населения страны, крестьянство, жило своей, замкнутой и самодостаточной жизнью, мечтая о невмешательстве в нее государства. В ситуациях, когда достигнуть этого идеала было невозможно, эксплуатировались широко распространенные способы нейтрализации нежелательных для крестьян действий представителей власти. К ним относится посылка ходоков в вышестоящие — вплоть до центральных — инстанций или направление в них письменных жалоб и заявлений. Именно благодаря их многочисленности современный исследователь имеет в распоряжении массовый источник о незаконных действиях низовых государственных инстанций. Зная, однако, о том, что этот путь восстановления справедливости сопряжен с риском, и не строя иллюзий по поводу морального облика и мотивов деятельности новых функционеров, крестьяне широко пользовались «задабриванием» их с помощью взяток. Факты применения этого метода избавления от назойливого внимания власть имущих всплывают в уральских чекистских документах с осени 1919 г., когда большевистский режим окончательно утвердился в регионе и начались массовые реквизиции крестьянских запасов продовольствия. Так, уполномоченный Екатеринбургской губчека в Красноуфимском уезде писал, что продагенты «... за взятки послабляют крестьянам и тем дают возможность при описи хлеба скрыть часть хлеба. У меня есть донесения, что наши агенты живут там роскошно»⁸¹.

⁷⁸ Там же. Д. 484. Л. 91.

⁷⁹ Там же. Д. 431. Л. 6.

⁸⁰ См.: Гимнельсон Е. Г. Указ. соч. С. 44.

⁸¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

Дистанцирование крестьянства от государственной опеки в революционные годы объясняется ее характером: «...крестьяне видели нежелание и неспособность считаться с их интересами» в некомпетентной политике в деревне не только Советов, как полагает Т.В.Осипова⁸², но и всех сменявших друг друга на протяжении 1917 – 1920 гг. режимов. Их реквизиционная деятельность ориентировала крестьян на самостоятельное решение своих проблем и стимулировала выработку собственных, производственных по своему характеру, техник приспособления к новым, неблагоприятным условиям.

Одним из них, особенно популярным со времен Первой мировой войны и «сухого закона» в России, стала переработка зерна в алкоголь. Самогоноварение было одной из наиболее выгодных форм утилизации хлеба. Занятый по долгу службы вопросом незаконного изготовления спиртного челябинский акцизный чиновник К.Н.Теплоухов в хронике за 1915 г. писал:

«Продажи водки и пива не было, – оставшиеся запасы были вывезены в надежные места. “Руси есть веселие пити” – и в городе и в уезде начали варить бражку.

Хлеба было достаточно, но в городе – при цене сахара 15 копеек фунт, дрожжей – 32 к. – варили сначала из сахара. На ведро бражки надо 10 [фунтов] сахара – 1 р. 50 к. и фунт дрожжей – 32 к., – всего 1 р. 82 к. – продавали по 3 р. ведро, – ведра хватало на троих с избытком. В уезде больше варили из хлеба; – хозяйки сами делали солод и дрожжи из хмеля. Хмель в заводском пиве прибавляется для консервирования пива, но бабы, думая, что он охмеляет – валили в бражку столько, что получалась ужасная горечь... На ведро бражки из хлеба материалов шло на 40 – 50 к. – продавая по 3 р., зарабатывали хорошо, но наиболее жадные – желали еще больше: чтобы на вид бражка была темной, т.е. крепкой – прибавляли охры; чтобы пенилась – мыла. Крепость от этого не увеличивалась, пробовали прибавлять настоя табаку – слышно на вкус... Наконец, нашли, – стали прибавлять куриного помета! По словам А.Ф.Бейвеля (известный челябинский врач и общественный деятель – И.Н.), настой его производит временное слабое отравление крови, – появляется легкое головокружение, похожее на опьянение...»⁸³.

В январе 1917 г. в Уржумском уезде, где пуд ржаной муки можно было продать за 2,2 – 3,5 р., ведро самогона, изготовленного из такого же количества хлебного сырья, стоило 12 р.⁸⁴ В Оренбуржье осенью 1917 г. жители станиц не жалели тратить большие средства на покупку аппаратов для винокурения, так как цена бутылки самогона колебалась от 3 до 5 р. и его производители могли заработать в день до 100 р.⁸⁵

Как видно из приведенной выше цитаты, массовое изготовление алкоголя на продажу в 1915 г. пока еще было для крестьян новым и непривычным делом, сопровождаемым экспериментированием вслепую. Постепенно, однако, появлялись умельцы и в этой сфере. В феврале 1918 г. в Челябинском уезде были деревни, где на самогон ежедневно переводилось больше муки, чем съедалось жителями; некоторые крестьяне уже несколько месяцев профессионально занимались изготовлением и сбытом самогона, не имея собственного хлеба. В этой связи замечались махинации с продовольственными книжками: крестьяне собирали их с односельчан, чтобы получить в городе муку, которая затем шла на винокурение. О массовом развитии самогоноварения в уезде местная советская пресса писала: «Редко найдется деревня, не занимающаяся гонением самогонки. Редко найдется деревня, где не было бы ни одного завода»⁸⁶.

⁸² См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 99.

⁸³ Теплоухов К.Н. Указ. соч. С. 247 – 248.

⁸⁴ Вятская речь. 1917. 21 янв.

⁸⁵ Оренбургское земское дело. 1917. 12 ноября.

⁸⁶ Известия (Челябинск). 1918. 15 февр.

Условно к производственным формам приспособления к новым обстоятельствам, характерным для крестьян Урала в 1917 — 1918 гг., нужно отнести массовое самочинное расширение «производственных площадей» — захваты пахотных земель, лугов, лесов и пастбищ. Огородничество, которое на Среднем Урале и в Башкирии до Первой мировой войны не пользовалось вниманием, в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» — в условиях недородов хлеба и растущего интереса государства к крестьянским зерновым запасам — стало популярным. Огородные культуры — картофель, капуста, лук, огурцы — компенсировали дефицит хлебных продуктов в крестьянском рационе⁸⁷.

Однако центральным методом борьбы за существование стало укрывательство от государственных реквизиций произведенных деревней сельскохозяйственных продуктов. Так, в отчете Уржумской ЧК за период с сентября 1918 по январь 1920 г. констатировалось: «Зажиточное крестьянство никогда без боя, без сопротивления не отдавало своих излишков хлеба и других продуктов по твердым ценам для голодающих центров, стараясь всячески сопротивляться такому отчуждению и сплавлять хлебные излишки разным спекулянтам и мешочникам»⁸⁸.

На эту же проблему жаловались местные власти в «белой» зоне Урала: хлебоборбы предпочитали придерживать хлебные запасы или сбывать их на наиболее дорогих рынках, расположенных ближе к «красным» территориям⁸⁹. Во второй половине 1919 — 1922 гг. сокрытие крестьянами продовольственных запасов стало постоянной темой и самой острой проблемой для советской власти. Для того, чтобы избежать разверстки, а затем и продовольственных налогов, крестьяне прятали хлеб, обмолачивали его в поле сразу же после жатвы и тут же зарывали; забивали на мясо скот, включая конский молодняк, скрывали реальный размер обрабатываемой земли и сенокосов, растаскивали реквизируемый хлеб, в том числе — нанимаясь на отправку его из деревни⁹⁰.

Беднейшая часть деревни прибегала к традиционной общинной форме хозяйственной взаимопомощи, модифицированной при советском режиме в создание коммун и колхозов. Власти не строили иллюзий по поводу природы «социалистического строительства» в деревне. Описывая разорение крестьянских хозяйств в Челябинской губернии, местные губернские власти констатировали: «Благодаря такому положению, изменению состояния материальных сил наша общепартийная работа по коллективизации сель[ского] хозяйства находила под собой хорошую почву и имела известный успех»⁹¹.

В 1920 г. в губернии было 95 коммун и колхозов, в 1921 — 1922 гг., в самый тяжелый период для южноуральской деревни, их количество выросло до 236 — 245⁹². В условиях голода в Вятской губернии встречались случаи артельного использования лошадей, коров, которых крестьяне кормили по очереди⁹³.

⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 31 об.; Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

⁸⁸ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

⁸⁹ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 3. Л. 182.

⁹⁰ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 66; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 5; Д. 344. Л. 130, 131; Ижевская правда. 1920. 7 янв.; Уральская новь. 1922. 7 янв.; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы в 4 томах. М., 1998. Т. 1: 1918–1922. С. 201.

⁹¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 451. Л. 5.

⁹² Там же. Л. 5, 6; о природе коллективных форм хозяйствования в деревне этого периода см. также: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 163.

⁹³ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 169, 170.

В тех случаях, когда вышеприведенные методики не обеспечивали выживания, крестьяне оставляли насиженные места, распродавали или уничтожали имущество и бежали от голодной смерти, переселяясь в более благополучные, по слухам, края. В период «военного коммунизма» власти пытались противостоять переселению. Так, Вятская губерния в 1920 г. была закрыта для переселенческого движения в Сибирь, которое разрешалось в индивидуальном порядке лишь тем, кто мог документально подтвердить проживание членов своей семьи в сибирских губерниях⁹⁴. В 1921 – 1922 гг. в связи со снятием запретов на переселение и голодом на Урале крестьянский миграционный поток хлынул, словно через прорванную плотину. Крестьянство Челябинской губернии бежало в Казахстан, в Западную Сибирь, в Оренбургскую губернию. До трети крестьян голодных уездов Оренбуржья еще к середине лета 1921 г. переселилось на Украину, откуда многие из них происходили, и в центральные губернии⁹⁵. В этом процессе активно участвовали и сельские коммунисты, и даже ответственные работники уездного уровня⁹⁶.

Не менее широкий спектр методов стабилизации материального положения и получения дополнительных доходов разработало рабочее население уральских городов и горнозаводских поселков. Характерные для рабочих Урала в течение всего 1917 г. требования наделения землей и расширения производства, пуска законсервированных заводов, захваты заводов через Советы и самостоятельный пуск заводов рабочими⁹⁷ – все это было типологически близко к крестьянской захватной тактике первого года революции и питалось теми же мотивами. Поведение рабочих в 1917 г. провоцировалось не столько большевистской пропагандой или социалистической сознательностью, сколько нараставшей ненадежностью существования и страхом потерять место, что означало бы – особенно в горнозаводском поселке, где не было альтернатив заводским работам и возделыванию принадлежавшей заводу земли – крушение жизненной перспективы.

Лихорадочная активность рабочих в 1917 г. лишь внешне диссонирует с сообщениями губернских органов политического наблюдения о поведении рабочих через три – четыре года после начала революции. Информирова начальство о массовых прогулах, трудовом дезертирстве, апатии и дефиците трудовой дисциплины на предприятиях, Вятская губернская ЧК в августе 1920 г. констатировала:

«Все мысли рабочего в данный момент работают исключительно в одном направлении – как бы достать кусок хлеба для самого себя и семьи, а для этого ему приходится прибегать к всевозможным способам, а многим – вступать в сделку с собственной совестью – занимаясь мелкими хищениями различных предметов данного завода, где им приходится проводить четверть своей жизни, а взамен не получать ничего»⁹⁸.

Стремление рабочих взять производство в свои руки и таким образом решить свои жизненные проблемы закончилось крахом и разочарованием. Стабилизация условий существования столь простым способом оказалась наивной иллюзией. Деградация заводского хозяйства и убогость оплаты труда привели к тому, что в среднем почти треть доходов рабочих на рубеже «военного коммунизма» и НЭПа происходили от занятия сельским хозяйством, продажи имущества, из побочных заработков. Рабочие закрыв-

⁹⁴ Вятская правда. 1920. 5 окт.

⁹⁵ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 102.

⁹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 312. Л. 66.

⁹⁷ См.: Быстрых Ф.П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале // Вопросы истории. 1957. № 8. С. 34, 35.

⁹⁸ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 99.

шихся заводов перебивались обработкой своих усадеб при заводах, кустарничеством, уходили в деревню. Остальные — изготавливали на продажу вещи из заводских материалов, растаскивали инструменты и оборудование⁹⁹.

Судя по многочисленным сообщениям, нелегальное использование заводских мощностей для побочных заработков было чрезвычайно распространено среди сохранивших рабочее место. Как сообщала в марте 1921 г. Челябинская губчека, рабочие ряда заводов Челябинска и Верхнеуральска, «...в рабочее время занимаются раскуриванием, разговорами, работают на частных лиц, расхищают клей и гвозди»¹⁰⁰. В следующем месяце в связи с еще большим ухудшением продовольственного обеспечения наблюдалось снижение производительности труда, причины которого были очевидны:

«Среди рабочих стали учащаться случаи хищения разных инструментов и фабрикатов. С мельницы бывш[его] Петроградского об[щест]ва рабочими было расхищено несколько десятков пудов муки, при попустительстве со стороны администрации. Железнодорожные рабочие в ночное время занимаются изготовлением изделий, которые впоследствии продают на сторону»¹⁰¹.

К лету 1921 г. положение еще более ухудшилось. По сообщению челябинских чекистов, «теперь рабочие или продают с себя одежду, или занимаются изделиями на сторону для того, чтобы поддержать свое существование»¹⁰². Подобная практика получила на Урале повсеместное распространение. Как вспоминал впоследствии бывший рабочий Надеждинского завода Екатеринбургской губернии, «с завода вывозили все, что можно, из железа делали сошники и меняли в деревне»¹⁰³. Предпринятое летом 1922 г. обследование положения рабочих Екатеринбурга показало, что хищение и выделка изделий для домашней надобности и на продажу сохранялись, хотя и встречались реже, чем прежде¹⁰⁴.

Оборотной стороной судорожных поисков рабочими средств к существованию стало катастрофическое падение трудовой дисциплины, выразившееся в росте невыходов на работу. Как сообщал в статье «Борьба с прогулами» Н. Милютин, летом 1920 г., в разгар «военного коммунизма», прогулы в стране приобрели «характер злокачественной эпидемии»: их число достигло 45 — 50% рабочего времени. В структуре прогулов 65 — 70% занимали прогулы без объявления причин. В основном, ими были «поездки за продовольствием, частью для своих нужд, частью для спекуляции». В эту же группу входили невыходы на работу из-за краткосрочной болезни без обращения к врачу, стояние в очередях и выполнение домашних дел. До 20 — 25% прогулов объяснялось болезнью. Остальные 10% составляли так называемые «скрытые прогулы»: ложные командировки и злоупотребления с табелями. В качестве мер борьбы Москва рекомендовала выдачу пайка только за действительно отработанные дни, отработку

⁹⁹ Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917-1923 гг.). М., 1975. С. 85, 86, 173. «Производственные» способы выживания брали на вооружение и нерабочие городские слои. Некоторые умельцы прибегали к ремесленной деятельности и сбыту своей продукции в одиночку, другие, не имея должных навыков в кустарных промыслах, объединялись в артели. Так, в Вятке в марте 1918 г. образовалась трудовая артель «Сапожная шпилька», в которую записалось 15 человек — в основном, безработные студенты, прапорщики и проч. (Наш край. 1918. 29 марта).

¹⁰⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 40 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 83.

¹⁰² Там же. Л. 130 об.

¹⁰³ Симков В.Д. Сейчас каждый рабочий учится / Рассказы уральцев о старой и новой жизни. Свердловск, 1957. С. 68.

¹⁰⁴ Уральский рабочий. 1922. 13 июня.

прогулов сверхурочно и в праздничные дни, привлечение прогульщиков к суду с последующим наказанием вплоть до отправки в концлагерь¹⁰⁵.

Прогулы превратились в заметное явление и на Урале. В январе 1920 г. количество прогулов в Вятской губернии колебалось от 0,1% на Косинской писчебумажной фабрике до 36,4% в Кирсинском заводе. Весной — летом 1920 г. удельный вес прогулов в Мотовилихе достигал 30 — 45%. Согласно подсчетам уральских филиалов Всероссийского союза рабочих металлистов, доля прогулов по неуважительным причинам в рабочем времени на Златоустовском заводе в январе — апреле 1920 г. колебалась между 19,6 и 29,9 %, на 30 заводах Екатеринбургской губернии в марте — июне 1920 г. — между 4,8 и 6 %. По данным В.С.Голубцова, в мелкой промышленности Урала — на предприятиях с численностью рабочих до 50 человек, — которая легче переносила трудности, прогулы в 1921 г. не превышали 15,5%, в то время как на крупных предприятиях в среднем составляли 24%. Так, ранней весной 1921 г. из-за отсутствия обуви на Челябинских угольных коях невыходы на работу выросли до 38%, понижаясь в сухое и теплое время года до 6%¹⁰⁶.

С переходом к НЭПу и последовавшими массовыми увольнениями количество прогулов стало несколько снижаться. Тем не менее, страх потерять работу не мог искоренить проблему низкой трудовой дисциплины. В октябре 1922 г. на Челябинских каменноугольных коях прогулы составляли 14,8 %, причем почти половина из них не имела уважительных причин¹⁰⁷.

Преодолению массового нарушения трудовой дисциплины не помогало создание дисциплинарных судов и даже штрафных рот. В значительной степени это объяснялось тем, что рабочие являлись одновременно крестьянами. При нормальном двухнедельном отпуске невозможно было провести полевые работы, которые требовали в среднем 30 свободных от заводской деятельности дней. Четыре дня уходило на вспашку земли, три — на возку навоза, два — на удобрение, восемь — на сенокос, шесть — на уборку хлеба, четыре — на засев озимых, три — на вспашку пара. Поскольку декрет от 14 мая 1920 г. о предоставлении, по мере возможности, дополнительного двухнедельного отпуска для сельскохозяйственных работ не выполнялся, рабочие просрочивали отпуск или уходили в деревню самовольно¹⁰⁸. Получение краткосрочного отпуска было к тому же сопряжено со сложной бюрократической процедурой. Так, в марте 1921 г. рабочий челябинского депо должен был потерять целый день, чтобы взять отпуск на два — три дня, пройдя десяток инстанций в следующем порядке: бригадир, мастер, комиссар тяги, начальник тяги, помощник начальника тяги, трудкомдез станции Челябинска, нормировочная комиссия, комиссар тяги, стол личного состава, табельщик¹⁰⁹.

Впрочем, и выход на работу мало чем отличался от прогула, о чем нередко сообщали сводки ЧК. Так, Пермская губчека в мае 1920 г. так характеризовала рабочий ритм в Мотовилихинском заводе:

«...некоторые рабочие вместо текущей работы делают те или иные предметы для себя, как-то: ножи, сечки для обмена в деревне. Среди рабочих наблюдается халатное отношение

¹⁰⁵ Там же. 1920. 29 июня.

¹⁰⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 47 об., 98; Д. 499. Л. 104; К коммунистическому производству! 1920. 1 июня; Голубцов В.С. Указ. соч. С. 85, 165.

¹⁰⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 118. По данным заведующего копиями В.Ф.Воронова, удельный вес прогулов в рабочем времени был несколько выше, составляя в августе 1922 г. 19,5 %, в сентябре — 16 %, столько же — в первой декаде октября (Там же. Л. 137 об.).

¹⁰⁸ Вятская правда. 1920. 2, 3 сент.

¹⁰⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 47 об.

к работе, так, вместо 6-ти, являются в девять часов (причем ухитряются получать плату за всю смену), гуляя по заводу и спят у станков во время работы. Станки пускаются в ход в шесть часов утра, но работать начинают в восемь – девять часов, за исключением, конечно, тех, кто делает вещи для себя»¹¹⁰.

Через два с половиной года, уже на втором году НЭПа, аналогичные сведения передавались Челябинским ГПУ о положении на угольных коях:

«Прежде всего рабочие стараются удрать с копей. В конце сентября уволилось более 100 чел[овек], за первую половину октября уволилось 80 чел[овек], тенденция увольнения частично захватила слесей, которые стремятся по разным причинам и под разным соусом покинуть копи. ...рабочие прогулов почти не делают, но в равной степени и работы не ведут, каждый старается сделать только выход, мотивируя тем, что все равно жалование не дают, а выход сделан и ладно»¹¹¹.

В условиях хронической задолженности зарплаты на государственных предприятиях в начале НЭПа рабочие шли и на такую «хитрость», как увольнение для получения долга за два – три месяца, с последующим возвращением на предприятие¹¹².

Важным источником дополнительного дохода для несельскохозяйственного населения Урала стала обработка земли. В период «военного коммунизма» 25 – 32% городского населения занималось сельским хозяйством¹¹³. Власти приветствовали создание общественных огородов, рассматривая их как «переходную форму к коллективному хозяйству»¹¹⁴. Чекистские сводки отмечали улучшение настроения городских рабочих, если при заводе организовывался посевной комитет и выделялся семенной материал для посадки овощей и злаков¹¹⁵.

Особое значение имел сельскохозяйственный труд для обитателей горнозаводских поселков, которые по своей природе были полуробочими-полукрестьянами. «Оригинальный строй» промышленности Урала, бывший в пореформенный период Российской империи источником многих проблем, в годы революционных потрясений превратился в подарок судьбы и фактор выживания заводского населения. Для многих рабочих сельскохозяйственный труд был привычен с дореволюционных времен. Обитателям тех горнозаводских местностей, где сельскохозяйственный труд ранее не практиковался, после революции и гражданской войны и особенно в связи с голодом 1921 г. пришлось осваивать земледельческие и огороднические навыки. Так, жители Полдневской волости Екатеринбургского уезда, занятые ранее исключительно заготовкой дров, жжением угля и непосредственными заводскими работами на близлежащих Полевском, Сысертском и Северском заводах, в 1921 г. вынуждены были завести небольшие земельные участки – в среднем по полдесятины¹¹⁶. Ужасы голода 1921 – 1922 гг. заставили обзавестись обширными огородами и других заводчан Среднего и Южного Урала. Как сообщала летом 1922 г. екатеринбургская пресса, «...в Надеждинском заводе буквально не осталось ни одного клочка земли не возделанным»¹¹⁷. Такая же картина наблюдалась в Катав-Ивановском заводе в Уфимской губернии¹¹⁸. В обзор-

¹¹⁰ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 111.

¹¹¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 116 об.

¹¹² См.: Голубцов В.С. Указ. соч. С. 171 – 172.

¹¹³ См.: Метельский Н.М. Деревня Урала в условиях военного коммунизма. Свердловск, 1991.

¹¹⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 116. Л. 26, 27.

¹¹⁵ Там же. Д. 344. Л. 83.

¹¹⁶ Уральский рабочий. 1922. 14 июня.

¹¹⁷ Там же. 21 июля.

¹¹⁸ Власть труда. 1922. 2 авг.

ре-бюллетени Челябинского губотдела ГПУ за сентябрь 1922 г. улучшение настроения рабочих прямо связывалось с отсутствием «чистокровного» пролетариата:

«... пережитая волна голодовки бросила значительную часть рабочих к занятию сельским хозяйством и, таким образом, в итоге почти все 100% рабочих в текущем году занимаются ведением хозяйства, как индивидуально, так и коллективно, в последнем случае по преимуществу огородничеством. В результате хознаклонность в связи с реализацией урожая дала возможность большинству рабочих оправиться от столь затруднительного материального положения, вновь добытые средства к существованию влили в рабочую массу живую струю трудовой энергии, тем самым установилось благоприятное настроение и более положительное отношение к Соввласти и партии РКП(б)»¹¹⁹.

Гораздо тяжелее пришлось тем рабочим, которые потеряли работу в период голода 1921 — 1922 гг. и, не имея собственного земельного участка, отправились в деревню. Массовый приток их в сельскую местность резко сбил цену рабочей силы. Пришельцы готовы были наняться на любую работу за еду какого угодно качества. Тем не менее, деревенские жители, сами страдавшие от недостатка продуктов, видели в них не столько рабочую силу, сколько лишние рты.

Таким образом, производительное население Урала выработало в период революционной катастрофы собственные способы борьбы за существование, отчасти опирающиеся на дореволюционную традицию совмещения различных видов деятельности, отчасти рожденные и отточенные экстремальными условиями. Однако перечень форм приспособления к жизни в чрезвычайных обстоятельствах был значительно шире обозначенного выше. Наряду с «производственными» техниками выживания фигурировали многочисленные «распределительные», заслуживающие особого внимания.

«Карточный домик» распределительных манипуляций. Попытки реализации централизованной распределительной политики, проводимой с целью соблюдения по-разному понимаемой справедливости и с различной степенью интенсивности всеми режимами, начиная с предреволюционного времени и на протяжении всего рассматриваемого периода, демонстрируют слабость человеческой природы и несовершенство планирующей функции человеческого разума. Все без исключения практиковавшиеся системы распределения открывали широчайшие возможности для злоупотреблений со стороны как распределительных организаций, так и пользующегося их услугами населения. Карточное распределение оказалось на практике не более стабильным и надежным, чем архитектурные сооружения из игральных карт.

Система частичного нормирования потребления товаров массового спроса давала сбои с самого начала введения, еще до Февральской революции. Факты таинственного исчезновения продуктов из распределительных организаций то и дело всплывали в прессе. В январе 1917 г., например, обнаружилось, что Яранская уездная земская касса мелкого кредита вместо продажи городскому и сельскому населению, согласно решению губернского продовольственного совещания, соответственно по 1,5 и 1 фунту сахара на человека, ограничилась уравнильным распределением по 3/4 фунта. При этом никакого остатка в кассе не оказалось¹²⁰.

По мере радикализации революции и, вместе с ней, размывания потребительского рынка и распространения регулируемого государством распределения возможно-

¹¹⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 103.

¹²⁰ Вятская речь. 1917. 22 янв.

сти манипуляций с продовольственными карточками нарастали. Одна из вятских газет жаловалась, что в сентябре 1918 г. губернская продовольственная управа ввела для себя «классовый паек», выдав своим служащим по 4,5 фунта коровьего масла¹²¹. Если в «белой» зоне Урала массовых злоупотреблений в распределении продуктов по твердым ценам удалось избежать благодаря легальному функционированию рыночных отношений, то «военный коммунизм» оказался питательной средой для всевозможных нарушений.

Особенно злоупотребляли близостью к распределительному механизму его представители в сельской и горнозаводской местности. В июле 1919 г. из села Ситьма Нюлинского уезда сообщалось:

«У нас в селе Шабалин, заведующий продовольственной лавкой, распределяет продукты не по совести. Крестьянину и рабочему табаку и мыла вовсе не дает, а для членов исполкома откуда-то до сих пор находится и то, и другое»¹²².

В том же номере вятской газеты описывалась процедура распределения в селе Святица Глазовского уезда:

«На днях в Святицкое общество потребителей привезено было разного галантерейного товару, деревенские бабы и девушки с утра, еще до открытия лавки, уже толпились в ожидании очереди и думали что-либо да купить, но к великому сожалению купить им всем не пришлось, т.к. часть товара уже распродана, а часть еще нужно оставить заведующему продотдела т. Перменову по выписке (т.к. в очереди стоять члену исполкома неудобно). Кроме того, еще несколько человек тут же за прилавком отбирают себе необходимое и заявляют, что это нужно оставить им для себя и продавать бабам не следует.

Позже я узнал, что эти люди были тоже служащие исполкома – делопроизводители: 1) военком т. Целоусов, 2) продотдела Наговицын, 3) отд[ела] социального обеспечения Лемонов. Так все полученное распределили».

Через несколько месяцев после закрепления советской власти на Среднем Урале, в ноябре 1919 г., уполномоченный Екатеринбургской губчека доводил до сведения начальства:

«Продовольственное положение в Надеждинском заводе и его окрестностях очень плохое. Выдают по 2 фунта муки в 3 и 4 дня, а кто у власти, то замечается, живут по прошлогоднему, им доступно получать паек побольше, да еще уворовать...»¹²³.

Уполномоченный приводил в своей политсводке мнение секретаря особого отдела ВЧК при 3-й Армии. Тот писал в Екатеринбургский губисполком о фактах злоупотребления в отделах социального обеспечения, в частности, об обмене их работниками пожертвованной населением для армии добротной одежды на свою плохую, прокомментировав эти случаи таким образом:

«...кто к заведующему поближе, тому можно выдать что-нибудь получше и побольше, не смотря на то, что у такового есть, что одевать. <...> ...много есть со стороны работников прошлогодных замашек: взять да прикарманить».

В конце 1919 г., в связи с обследованиями ряда уездных продовольственных комитетов Пермской губернии, комиссия, проверявшая Кунгурский упродком, констатировала: «...обнаружен незаконный отпуск разным лицам продуктов детского питания, в особенности сеянки, мяса, сливочного масла, сыру, сахарного песка и др.» Ока-

¹²¹ Известия (Вятка). 1918. 4 окт.

¹²² Деревенский коммунист. 1919. 24 июля.

¹²³ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

залось, что перечисленные продукты в августе – сентябре 1919 г. регулярно выписывались бывшему упродкомиссару, членам коллегии и служащим упродкома¹²⁴.

Акт ревизии Осинского упродкома показал порочность многоступенчатой схемы распределения, делавшей работу продовольственных органов герметично закрытой от глаз непосредственных потребителей. Губпродком распределял наряды на получение продуктов и предметов первой необходимости. По этим документам упродком получали их и распределяли затем через третью инстанцию – потребсоюз. В результате наиболее дефицитные вещи распределялись исключительно среди работников этой пирамиды. Так, в декабре 1919 г. резиновые калоши, беличьи и куны меха из Осинского наряда были распределены между персоналом губпродкома, упродкома и несколькими представителями власти: «Обыкновенно население совсем не знает о том, что будет распределять тот или иной товар, а потому идут и получают те, кто узнает случайно»¹²⁵.

В декабре 1919 г. в Оренбургский губком РКП(б) с докладной запиской обратился заведующий отделом общего распределения губпродкома К.Я.Фарафонов, сообщая о нарушениях в распределении продуктов в губернском центре, связанных с параллельными выдачами продуктов горпродкомом и центрпродкомом. Последний обслуживал железнодорожников без учета того, что они получали нормированные порции и в горпродкоме: «...все эти выдачи на продовольственных карточках не отмечаются, что дает жел[езно]дор[ожни]кам возможность получать другую порцию при выдаче из кооператива по продовольственным карточкам»¹²⁶.

В 1920 – начале 1921 г., во время кульминации «военно-коммунистического» распределения, техника «карточных фокусов» достигла совершенства. Публикуемые материалы и секретные документы пестрели сообщениями о многократном получении продуктов из-за слабого учета со стороны распределительных органов, распределении без обследования нуждающихся, сокрытии предметов массового спроса из корыстных соображений. В мае 1920 г. в Вятке потребительское общество не выполняло пятый пункт правил пользования талонными книжками: предметы распределения отпускались без предъявления основной продовольственной карточки. Многие, запасаясь несколькими талонными книжками, получали выдаваемые товары, не имея карточки¹²⁷. Зато у агента карточного бюро распределительного отдела при Челябинском губпродкоме В.Колесникова при обыске в конце 1920 г. было найдено 25 продовольственных карточек. Попался он на том, что обменял четыре карточки на три фунта свиного сала¹²⁸.

На 1 декабря 1920 г. в Екатеринбурге числилось 30842 едока, а пайков было распределено 32843. По Екатеринбургскому узловому участковому отделению потребительского общества значилось 12270 человек, среди которых оказалось 12530 (!) курильщиков. Местная пресса по этому поводу писала:

«Этими незаконными выдачами удовлетворялись преимущественно лица высшей железнодорожной администрации, сотрудники узлового общества и его участкового отделения, сотрудники районной транспортной чрезвычайной комиссии и т.д. В широких размерах практиковалось и самоснабжение»¹²⁹.

¹²⁴ ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 301. Л. 193.

¹²⁵ Там же. Л. 214.

¹²⁶ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

¹²⁷ Вятская правда. 1920. 28 мая.

¹²⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 70.

¹²⁹ Уральский рабочий. 1921. 6 марта.

В одной из волостей Сарапульского уезда местные ответственные работники в августе 1920 г. не только распределяли дополнительные пайки между собой, но и обеспечивали ими крестьянствующих членов своих семей. Некоторые из них получили по 100 аршин мануфактуры и большое количество продуктов, включая три фунта соли на человека, в то время как крестьяне получили из остатков всего по полфунта соли¹³⁰.

Особой изобретательностью в получении продовольствия сверх положенного отличались командированные работники, пользуясь разнообразием в нормах и учете выдачи продуктов в различных населенных пунктах. Так, осенью 1920 г. в Екатеринбург находящемуся в командировке полагался фунт хлеба в день, в Нижнем Тагиле — полтора фунта, в Верхней Туре — два, в Кушве — 1/4. Отметки о выдаче хлеба в одних местах проставлялись на мандатах, в других — вносились в особые книги. Зачисление на довольствие проводилось с момента появления, а выдача осуществлялась за число дней, которое пожелает указать командируемый. Одна из уральских газет, обратив внимание на эти несообразности, описывала тактику, избираемую командируемыми:

«Командированные в Н.Тагил ухитряются последовательно зайти в советскую столовую пообедать и получить там полтора фунта хлеба, а затем уже “по пути” заглянуть в общество потребителей и там получить пять фунтов хлеба на три дня, и в тот же вечер отбыть из Н.Тагила куда-нибудь по соседству, где повторяется та же история»¹³¹.

В 1921 г., несмотря на начало НЭПа, пайковое снабжение сохранялось, а следовательно, оставались в силе прежние методы приспособления. В августе 1921 г. автор фельетона «Пайкисты» в одной из челябинских газет попытался выделить основные типы пользующихся централизованной системой распределения. Он определил такие типажи, как «пайкист-философ», говорящий о пайке вскользь, невзначай и только заведующему хозяйственным отделом; к этому типу примыкал «рассеянный» пайкист, не заметивший, что получил несколько пайков; в классификации имелся и «пайкист-коллекционер», собирающий красноармейский, ударный, академический, совнаркомовский и другие виды пайков; и «пайкист-спортсмен», гонящийся за количеством пайков. Замыкал галерею приспособленцев к разорительной распределительной системе «глупый пайкист» — обыватель, правдиво объясняющий, что хочет перейти в определенную организацию за более щедрый паек. Когда ему там отказывают, он искренне удивляется¹³².

Мало что изменилось в отношении злоупотреблений в области распределения и в следующем году. На каменноугольных копях и среди рабочих станции Челябинск раздражение рабочих вызывало то, что администрация пользовалась подвозом воды и угля для отопления жилья, в то время как рабочие этого права были лишены: «...на почве этого сильно развито хищение, рабочие растаскивают лес, и в мастерских наблюдаются случаи, когда рабочие разрезали хороший лес на куски и растаскивали по квартирам»¹³³. В 1922 г., несмотря на улучшившееся снабжение, почва для конфликтов на предприятиях сохранялась. Их причинами чаще всего являлось несправедливое распределение товаров и задержки денежных выплат по вине администрации. Так, в октябре 1922 г., по сообщению Челябинского губотдела ГПУ, на одном из разрезов Челябинских копей администрация «сняла с забойщиков-шахтеров сапоги и вместо них выдала лапти, сапоги же надела на себя администрация». Одновременно обнаружилось, что «поступившие для женщин-работниц платья розданы женам администрации», а подвоз угля к квартирам рабочих производится нерегулярно. Рабочие жа-

¹³⁰ Вятская правда. 1920. 2 сент.

¹³¹ Уральский рабочий. 1920. 2 окт.

¹³² Советская правда. 1921. 23 авг.

ловались, что руководители принимают на ответственные должности своих близких. Поступила жалоба и на заведующего копиями: «Зав[едующий] копиями Воронин задумал “заняться коммерцией” и на деньги, предназначенные к выдаче жалованья рабочим за июль, август, сентябрь мес[яцы] в сумме триста пятьдесят миллиардов, купил мануфактуры»¹³⁴. Сводка рисовала картину бедствия шахтеров и злоупотреблений начальства, хорошо знакомую по «военно-коммунистическому» периоду:

«Со слов шахтеров, в шурфе № 18 в ужасных условиях производится добыча угля, подземная желдорога находится в самом плохом состоянии. Трап[а] не имеется, из-за чего тормозится работа, забурится вагон с углем в 20 пуд[ов], хоть бросай, так как без трапа трудно поставить на путь. Говорили об этом зав[едующему] шурфа № 18 Гольцу, но он говорит, что нет леса, но рабочие видят, что Гольц пьянствует, так как лес есть, из него строят ограды около квартир Околокулака и Терентьева (руководителей администрации копей – И.Н.). Этих бы оград не только хватито на трапы в шурф № 18, а даже для ремонта квартир рабочих»¹³⁵.

В конце 1922 г., когда невыходы на работу на Челябинских копиях достигли 16%, выяснилось, что причиной их является несправедливое распределение администрацией теплой одежды:

«...рабочие заявляют, что они с начала перехода на хозяйственный расчет и с переходом к новой политике прозодежды не получали, за исключением заячьих шапок и варежек, в то время когда администрация получала по десяти и более вещей, не только на себя, но и на свое семейство, такой случай имел место на каменноугольных копиях, где действительно администрация сверху донизу имела возможность прозодежду распределять между собой, благо что она была вполне из подходящего материала, как для спецов, так и для их семейств-жен»¹³⁶.

Нарушение правил распределения могли вдохновляться, правда, не только корыстью. Так, в сентябре 1922 г. в Челябинске слушалось дело начальника Куртамышской горюездной милиции П.Г.Яковлева, который весной – летом 1922 г. – в самое голодное время – зачислил на командный паек двух несовершеннолетних нетрудоспособных племянниц, позволил выдавать такие же пайки членам семей сотрудников, проживавшим отдельно, на родине, разрешил меню фуражного овса на сено, продажу овса на базаре. Яковлев раздал, кроме того, казенный овес милиционерам в качестве пособия. Согласно материалам дела, «выдачу пайков и ссуд... Яковлев объяснил тем, что он входил в тяжелое материальное положение служащих и сам находился не в лучшем положении». Учитывая отсутствие корыстных или низменных интересов («в своих действиях он руководствовался скорее гуманными побуждениями»), было решено ограничиться дисциплинарным взысканием – смещением с должности и передачей дела на дознание челябинскому губернскому прокурору с ходатайством о его прекращении¹³⁷.

Сказанное о распределительной практике революционной поры делает очевидным, как велик был соблазн воспользоваться ее недостатками. В первую очередь это искушение стояло перед теми, кто находился в непосредственной близости от казенных, ставших во время революции бесхозными, складов продовольствия и предметов массового спроса. Самовольное распоряжение тем, что плохо лежит, компенсировало скудость оплаты труда разного рода служащих и становилось для многих основным, хотя и относительно рискованным источником существования.

¹³³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 117 об.

¹³⁴ Там же. Л. 132.

¹³⁵ Там же. Л. 133.

¹³⁶ Там же. Л. 142.

¹³⁷ Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 197. Л. 47.

Ревизии казенных складов то и дело вскрывали нарушения в распределении их содержимого. Ведомость о результатах проверки склада реквизированного имущества лиц, бежавших с «белыми» из Глазова, Вятской губернской рабоче-крестьянской инспекцией от 2 августа 1919 г. содержит такую запись:

«1) Конфискация имущества проводится спешно, и в большинстве случаев забиралось без всякой описи и актов.

2) Отпуск вещей частью проводится по частным запискам.

3) Конфискованные вещи производились по низкой расценке, как, например, предметы роскоши, каракулевая шуба, на шелку, отделанная мехом, новая, оценена в 500 р., дамская рогатка, на лисьем меху, крытая плюшем, почти не ношенная – 1000 р. и т.д.

4) Обнаружена шкатулка с разными серебряными вещами, которая хранится под замком у заведующего складом, которая не зарегистрирована и описи не составлено.

5) Запись прихода заносится в вквитанционную тетрадь, которая не прошнурована и не пронумерована, других книг не имеется»¹³⁸.

Наблюдались многочисленные случаи приема ценного имущества на склады по счетам, выписывание подложных расписок и фиктивных расчетных счетов, несоответствие приходных книжек наличности. Такого рода преступления, естественные в хаосе революции и гражданской войны, были распространены и в начале НЭПа.

В сентябре 1921 г., в начале голодной катастрофы, челябинские чекисты сообщали о злоупотреблениях на складах хлебопродуктов:

«В связи с тяжелым продовольственным положением участились случаи хищения продуктов из складов совучреждений.

В гор[оде] Троицке на мельнице № 36 бывш[его] мукомольного товарищества к 1000 пудов зерна прибавляли по 50 фунтов воды, вследствие чего у них получился остаток муки, который делили между собой. Таким путем ими было испорчено до 5000 пудов зерна.

Там же уполномоченный опродкомгуба совместно с несколькими соучастниками производили систематическое хищение красноармейских продуктов. Также происходит хищение в детских приютах № 5 и № 6. Заведующая приютом № 6 из похищенной ею муки варила бражку»¹³⁹.

Отчет Оренбургской губернской РКИ за 1921 г. содержал факты «свободного обращения некоторых членов реквизиционной комиссии с реквизируемым имуществом, часть которого была обращена ими в свою пользу». Работники губернского коммунального отдела были уличены во взяточничестве и «произволе с выдачей мандатов на квартиры». Множество нареканий содержалось в адрес губисполкома ГСНХ, губпродкома, губсобеса, губотдела народного образования, губотдела труда¹⁴⁰. Случайная проверка сыпных пунктов Шадринского уезда в феврале 1922 г. обнаружила недостачу 10,8 тыс. пудов фуражного зерна, что стало основой для возбуждения уголовного дела:

«Следствием установлено, что благодаря халатному отношению к своим обязанностям администрации указанных выше складов хранящиеся в таковых продукты первой необходимости расхищались, кому было не лень, не говоря уж о самой администрации, считающей склады и находящееся в них чуть ли не своим собственным, производя обмены зерна-фуража из складов на предметы роскоши и драгоценности, покупая спиртные суррогаты, давая взятки следственно-розыскным органам и т.д.»¹⁴¹

То же самое творилось в Красноуфимском, Ирбитском, Каменском и других уездах Екатеринбургской губернии. Только за январь – февраль 1922 г. с казенных

¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-893. Оп. 1. Д. 439. Л. 1 об.

¹³⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 12.

¹⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 180. Л. 91 – 99.

¹⁴¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 469. Л. 16.

складов в районе Екатеринбурга и Верх-Исетского завода было расхищено товаров на 2 млрд. р.¹⁴²

В составленной чекистами Башкирии информационной сводке за апрель 1922 г., когда голод в республике достиг апогея, докладывалось, что «самоснабжение запрещено, но практикуется в широком масштабе и выливается в форму официального расхищения»¹⁴³.

Стратегия твердых цен, а затем продовольственных реквизиций открыла шлюзы беззащитному ограблению деревни. Крестьяне то и дело жаловались на незаконное присвоение агентами реквизиционных служб их имущества. Екатеринбургские чекисты в ноябре 1919 г. сообщали местным властям:

*«Из деревни Лопанка, а также и Лобвинского завода поступали заявления такого содержания, что приезжали агитаторы в данный район, уговаривали жителей, чтобы жертвовали, кто что может, из теплых вещей для красной армии, что было и пожертвовано в указанном районе, и через короткое время пожертвованные вещи некоторые оказались у некоторых служащих, как полушубки, валенки»*¹⁴⁴.

В городах и сельской местности служащие столовых и детских приютов, государственных складов и железной дороги, милиции и исполкомов использовали все возможности для присвоения продуктов питания и предметов массового спроса. Злоупотребления служебным положением приняло невероятные размеры и особенно отталкивающие формы в начале НЭПа. Беззащитность государственного имущества и сохранявшаяся слабость властных структур на фоне легализации товарно-денежного обращения и голодного бедствия создавали наиболее благоприятную атмосферу для криминальной активности в среде служащих. Эскалация экономических преступлений стала постоянным предметом сетований официальной печати:

«Масса народа погибает от голода, от холеры и цинги, но, кажется, еще больше погибает от беспорядка и хаоса.

В голодных губерниях порядку нет, – это хуже всего. Организации нет, – это усугубляет бедствие. Именно это отсутствие порядка и организации придает бедствию катастрофический характер. <...>

Хлеб расхищается. Те жалкие крохи, которые полуголодные из Москвы и Питера, из Твери, из Пскова и со всех концов полуголодной России посылаются голодным Приволжья, расхищаются. Куда деваются эти жалкие крохи? Кто знает, – может быть, они попадают на московские и петроградские рынки и продаются по мародерской цене.

Все у нас в России расхищается. Гигантское, колоссальное всероссийское идет расхищение. И вот дошли мы до того, что расхищают даже те жалкие крохи, которые полуголодные посылают голодным»¹⁴⁵.

Особого размаха достигли хищения железнодорожных грузов. Как сообщалось в обзоре-бюллетени Челябинской губчека за вторую половину февраля 1922 г., «...груз расхищался из вагонов в пути следования и на месте стоянок, посредством срыва пломб и просверливания вагонных стенок и полов». За полмесяца было обнаружено 124 подобных случая, было похищено 150 пудов разных грузов. Хищения на железной дороге имели, по оценке чекистов, организованный и массовый характер. Преступные группы руководились и направлялись самими железнодорожниками. В них принимали участие железнодорожные служащие, включая сторожей, жители прилегающих

¹⁴² Там же. Л. 17.

¹⁴³ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 36. Л. 44.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. Р – 7. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹⁴⁵ Ижевская правда. 1921. 30 авг.

к железнодорожному полотну районов, пассажиры. Преступная деятельность облегчалась длительным простоем поездов в тупиках, отсутствием освещения полотна, слабостью охраны¹⁴⁶.

Служебные преступления в период голода 1921 — 1922 гг. дошли до последней степени цинизма: их объектами стали самые беззащитные — голодающие крестьяне, дети, беженцы. Известны многочисленные случаи, когда в условиях страшного голода 1921 — 1922 гг. работники распределительной системы не стеснялись в первую очередь снабжать продовольствием себя, а не умирающее от истощения население¹⁴⁷.

Поздней осенью 1921 г., обследовав беженские бараки под Оренбургом, губернская ЧК обнаружила следующее:

«Брались взятки с беженцев за внеочередные отправления на “родину” не только деньгами, но и всякого рода продовольствием, вследствие чего все состоятельные беженцы и интеллигенция выехали за счет неимущих бедняков, которые в данный момент, находясь в холодных и сырых бараках, обречены на вымирание»¹⁴⁸.

Впрочем, сами служащие не рассматривали свои деяния как преступные, поскольку в службе видели прежде всего источник пропитания. Сводки органов политического наблюдения постоянно с раздражением писали о том, что служащие принадлежат «в большинстве к разряду шкурников», «службой не интересуются, а служат лишь из-за приобретения средств к существованию», охотно переходят в те учреждения, «на которые смотрят как на хорошую базу в смысле питания и получения обмундирования», отличаются «расхлябанностью», «вялостью и разгильдяйством», опаздывают на службу и уходят раньше положенного времени, к советской власти и РКП(б) относятся равнодушно или «брезгливо»¹⁴⁹. Информационная сводка Челябинской губчека за вторую половину ноября 1921 г. описывала настроения советских служащих с нескрываемой антипатией:

«...как и всегда, эта публика занимается нытьем, скулят в десять раз больше, чем какой бы то ни было рабочий или крестьянин, несмотря на то, что из них 75% живут в городах в лучших условиях, чем хлеборобы. Занятия заключаются больше в разговорах, кто как получил, кому писал заявление, кто что сбыл на толчке, кто продал последние брюки, между тем продавая их уже в двадцатый раз и все последние»¹⁵⁰.

При всем недовольстве населения конкретными фактами превышения полномочий и злоупотребления властью, оно, судя по всему, в целом воспринимало это явление как естественное и неизбежное. Неизвестный автор частного письма из Вятки писал в декабре 1920 г. без тени осуждения: «У нас Иван Михайлович служит в продовольственной лавке на филейке, так что попало под руку — соли, муки, песку сахарного, и что набарабал¹⁵¹ и ситцу»¹⁵².

Следует отметить, что, несмотря на слабость и неорганизованность государственного аппарата, корыстное использование государственных материальных ресурсов было сопряжено с риском. Так, в марте 1918 г. Златоустовская продовольственная упра-

¹⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1 д. 504. Л. 73 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 82; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 16; Вятская правда. 1922. 3 июля; Ижевская правда. 1921. 30 авг.; Уральский рабочий. 1922. 22 июля.

¹⁴⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 83.

¹⁴⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 29; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 22 об., 29, 35; Д. 321. Л. 54.

¹⁵⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 54.

¹⁵¹ «Барабать» (вятское, казанское) — хватать, брать, захватывать, присваивать. (См.: Даль В. Толковый словарь. М., 1978. Т. 1. С. 47)

¹⁵² ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 236.

ва была в полном составе отстранена от деятельности за служебные преступления. В августе 1920 г. в Кургане за расхищение спирта была арестована администрация винокуренного завода. В октябре того же года к четырем годам тюрьмы был приговорен военком села Каслинское Челябинского уезда, уличенный в краже конфискованной у спекулянтов мануфактуры, а в конце декабря 1920 — начале января 1921 г. в Оренбурге слушалось «дело 73-х» о хищениях на железнодорожной станции, где, по неполным данным, исчезли 175 тыс. аршин мануфактуры, 720 пудов порожних мешков, 449 пудов сахара, 1,5 млн. коробков спичек — всего на 1,5 млрд. р. по рыночным ценам. Среди обвиняемых были и два работника транспортной ЧК. Двумя месяцами позже выездная сессия военного отделения Челябинского губернского объединенного революционного трибунала рассматривала в Верхнеуральске «дело 24-х» о расхищении продуктов на государственных складах. 18 человек были приговорены к расстрелу (для восьмерых высшая мера была заменена на тюремное заключение), остальные — к лишению свободы. В мае 1921 г. в Уфимском революционном трибунале слушалось «дело 33-х», обвиненных в расхищении и спекуляции керосином. Большинство из них являлись ответственными работниками-хозяйственниками. Треть из них была приговорена к пяти годам лишения свободы, трое — оправданы, остальные получили от двух до пяти лет принудительных работ без лишения свободы. В августе того же года в Перми было обнаружено крупное хищение со складов губпродкома. Было расхищено почти все: мануфактура, мука, 1000 пудов соли, керосин, мыло, 100 тыс. пустых мешков и т.д. Преступную группу, в которую входили почти все заведующие складами, возглавлял агент губпродкома по выявлению рыночных цен Асадин, прозванный в преступном мире «королем спекуляции». В январе 1922 г. в Екатеринбурге были уволены заведующие и некоторые продавцы потребкоммун, обвешивавшие покупателей и торговавшие по завышенным ценам, а в Вятке приговорен к расстрелу за расхищение продналога агент одной из заготовительных контор Вятского уезда. В июле 1922 г. в Вернеуфалейском заводе проходил суд над тремя служащими комитета АРА, двое из которых были привлечены к ответственности за хищение детских продуктов из столовых и со складов этой благотворительной организации¹⁵³. 17 декабря 1922 г. в революционном трибунале слушалось дело четырех бывших служащих отдела снабжения Челябинского губземуправления: заведующий отделом, завхоз, бухгалтер и счетовод обвинялись во взяточничестве, использовании для своих нужд семян, инвентаря, скота, незаконных выдачах хлеба знакомым. Двое из них были осуждены на сроки от года до трех лет и четырех месяцев, двое — амнистированы¹⁵⁴. Этот перечень можно продолжать до бесконечности.

В середине 1922 г., когда вместе со снятием остроты голода улучшилось положение различных слоев населения, в том числе и служащих, прежние причины массового растаскивания государственного имущества, казалось бы, уходили в прошлое. Работники мельотдела Челябинского губпродкома получали в июле 1922 г. от 7 до 30 с лишним пудов муки в месяц, внешторга — от 9 до 16,7 тыс. р. и дефицитные товары на 20% ниже рыночных цен, хлебпродукта — от 8,8 до 14 тыс. р., губкоммунотдела — от 4,5 до 15 тыс. р., губторга — от 4 до 16 тыс. р., губсовнархоза — от 4 до 21 тыс. р. и продукты по ценам с 10-процентной скидкой, губпрофсовета — от 3 до 26 тыс. р. с щедрым пайком. Появились и так называемые персональные ставки в 20 — 40 тыс. р. в ме-

¹⁵³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 134; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 25 об.; Уфимская жизнь. 1918. 21 марта; Советская правда. 1920. 5 окт.; 1921. 24 февр.; Коммунар. 1921. 4 янв.; Известия (Уфа). 1921. 8, 10, 11 мая; Уральский рабочий. 1922. 6 янв., 22 июля; Уральская новь. 1922. 7 янв.

¹⁵⁴ Советская правда. 1922. 17 дек.

сящ. Значительно хуже, по традиции, обеспечивались работники губотдела ГПУ (от 1,3 до 8,5 тыс. р.) и губмилиции (от 1,2 до 3 тыс. р.). Как отмечали сводки ГПУ, «одни слишком довольны своим положением, другие плачутся и стремятся перейти в то учреждение, где труд оплачивается выше»¹⁵⁵.

Тем не менее, размах расхищения государственных средств его же представителями — служащими разных организаций и всех калибров — не убывал. Его не могли остановить ни репрессии, ни относительное улучшение материального положения отдельных слоев населения. Напротив: рождавшая социальную зависть непривычная простота материального положения в сочетании с ввевшимся в кровь неуважением к чужой собственности провоцировали устойчивую тенденцию к беззастенчивому использованию государственного кармана в корыстных интересах.

Организационная и моральная доступность государственных материальных ресурсов позволяла одним — выжить, другим — процветать в условиях гуманитарной катастрофы, облегчая безудержное развитие еще одного и, видимо, самого массового источника существования в экстремальных условиях российской революции — так называемой «спекуляции».

«Спекуляция»: тактика теневого перераспределения. Вопреки разбалансированию, а затем разрушению товарно-денежных отношений и гонению на товарооборот вне государственного сектора, годы революционных потрясений в России стали временем лихорадочной торговой активности населения, вынужденного взять в свои руки обеспечение себя самым необходимым. В условиях размывания рынка продовольствия и предметов массового спроса, обесценивания денег, нежизнеспособности централизованных распределительных систем, падения авторитета объятой хаосом власти волей-неволей к торговле обратились все слои населения — взрослые и дети, интеллигенты и обыватели, солдаты и рабочие, представители бывшей и новой элиты, горожане и сельские жители. Следствием этого стала невероятная пестрота по большей части непрофессионального рынка — «толчка», ставшего своеобразным символом революционной России и прекрасно описанного отечественной классикой:

«...он видел жавшихся на тротуаре худых, прилично одетых старух и стариков, стоявших немой укоризной мимоидущим, и безмолвно предлагавших на продажу что-нибудь такое, что никто не брал и никому не было нужно: искусственные цветы, круглые спиртовые кипятильники для кофе со стеклянной крышкой и свистком, вечерние туалеты из черного газа, мундиры упроданных ведомств.

Публика попроще торговала вещами более насущными. колючими, быстро черствеющими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками махорки в полосьмушки.

И по всему рынку шел в оборот какой-то неведомый хлам, который рос в цене по мере того, как обходил все руки»¹⁵⁶.

Образ бестолковой толкучей суеты и торговли «неведомым хламом» как один из ликов «разрухи» не приложим, однако, в равной степени ко всему периоду революционных потрясений и всем пространствам бывшей империи. В большей степени он типичен для российских столиц и крупных городов в эпоху «военного коммунизма». Торговое предпринимательство населения дифференцировалось в зависимости от региона,

¹⁵⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 117 — 118.

¹⁵⁶ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Вильнюс, 1988. Кн. 1. С. 150.

правлящего режима и претерпело в годы революции, гражданской войны, «военного коммунизма» и начала «новой экономической политики» существенную эволюцию.

Урал оказался ареной массового продуктового ажиотажа лишь осенью 1917 г., который был к тому же рожден продовольственными трудностями не в самом регионе, а в соседнем с ним Поволжье. До этого, еще с предреволюционных времен, уральская пресса жаловалась на рост цен на продукты, предметы первой необходимости, жилье. Все эти неудобства связывались с целенаправленной деятельностью «спекулянтов» — сознательно придерживающих товары торговцев и играющих на повышение цен перекупщиков. Полиция, а затем милиция, представители КОБов и Советов в 1917 г. усиленно охотились на «спекулянтов» хлебом, сахаром, самогоном, не в силах остановить ни рост цен, ни обострение дефицитов, ни подпольное изготовления спиртного и распространение пьянства. Однако до осени 1917 г. развитие «спекуляции» сдерживалось относительной насыщенностью рынка и свободной торговлей, контролирующей активностью жителей и моральным неприятием этого явления в широких слоях населения. Термин «спекуляция» использовался как синоним «наживы» и нес негативную оценочную нагрузку.

Серьезные продовольственные трудности Уральский регион начал испытывать в октябре — ноябре 1917 г., впервые столкнувшись с массовым «паломничеством» мешочников из центральных и поволжских губерний. Делегаты от селений и организаций, запасшись удостоверениями от продовольственных комитетов, ехали «зайцем» на Южный Урал за две — три тысячи верст из мест, где в это время выдавалась жалкая месячная норма в размере от 4,5 до 15 фунтов, а вольная цена муки колебалась от 30 до 70 р. — в два — четыре с половиной раза дороже, чем, например, в Челябинском уезде после ее вздорожания под давлением ажиотажного спроса мешочников. В конце октября — начале ноября от 10 до 15 тыс. ходоков-«спекулянтов» наводнили Челябинский уезд, вывозя ежедневно до семи тысяч пудов хлеба. К середине ноября хлебные запасы уезда сократились до 0,5 — 1 млн. пудов, что вызвало резкий — в полтора — два с половиной раза — скачок цен на местных рынках. Мешочники захватывали пустые товарные и классные вагоны, заготовленные под наряды продовольственного комитета. Купив пассажирские билеты, мешочники грузили до тысячи пудов зерна в вагоны, а сами устраивались на крышах, самолично прицепляли вагоны к первым проходящим поездом и насильно отправляли их в западном направлении. Многие, продав партию зерна в близлежащем Златоустовском уезде, тут же отправлялись назад. Бум мешочничества захватил в ноябре 1917 г. и Вятскую губернию: ходоки двинулись по Казанской железной дороге. Ни станционные служащие, ни милиция не в состоянии были справиться с этим потоком¹⁵⁷.

В зарисовке челябинского корреспондента под названием «Костры...» живописалась картина, которую можно было наблюдать вдоль железнодорожного полотна. Вокруг огромных костров располагались костромичи, владимирцы, пензяки, симбирчане, иваново-вознесенцы, нижегородцы, — мужчины и женщины. Возле них громоздились 2 — 5-пудовые мешки с мукой. Так как вагонов не хватало, мешочники образовывали очередь и проводили в ожидании два — три дня. Днем они по очереди отправлялись в пристанционные села поесть и погреться, на ночь возвращались к мешкам, разводили костры, беседовали, пили чай, компенсирующий нерегулярность и неполноценность питания. Наблюдая их поведение, автор заметки не смог удержаться от восклицания:

¹⁵⁷ Вятская мысль. 1917. 24 ноября; Народная свобода. 1917. 12 ноября; Народовластие. 1917 (6/д). № 17. С. 18; Южный Урал. 1917. 19 ноября.

«Как беспечен русский человек! Он добыл муки, отсрочив голодную смерть для себя и семьи, ему выдали дубликат на погрузку, обещали через два дня погрузить, и он повеселел. <...> Ноги, руки его коченеют, а он себе шутит, забавляется; рассказывают анекдоты, там и тут флиртуют»¹⁵⁸.

Бойкое настроение и поведение мешочников позволяет предположить, что в сознании населения Центральной России к этому времени произошел серьезный сдвиг: «спекуляция» перестала казаться чем-то зазорным и порочным. Это предположение подтверждается многочисленными свидетельствами уральских современников, которые пока еще относились к массовой коммерциализации с осуждением. Накануне выборов в Учредительное собрание корреспондент одной из челябинских газет эсеровского направления с горечью констатировал:

«...спекуляция одерживает самую крупную, самую блестящую победу над умами широких слоев населения. На спекуляцию уже многие, я сказал бы, большинство, смотрят, как на законное явление...»¹⁵⁹.

Сочувствуя тяготам населения территорий Европейской России, оказавшихся под большевистской властью, и понимая мотивы, толкающие людей на путь сомнительного предпринимательства, автор заметки «Костры...» также относился к мешочничеству с явным неодобрением:

«...действительно нуждаются, если не для себя, то для соседей. Но по русской привычке к мародерству на всем извлекают невероятные барыши»¹⁶⁰.

Впрочем, торговый азарт постепенно проникал и в уральские города, захватывая в первую очередь морально неокрепшую часть горожан — подростков. Орган челябинских кадетов в конце 1917 г. обращал на это внимание жителей, милиции, акцизного надзора:

«Поистине интересы подрастающего поколения принесены в жертву трубакурам всех рангов и положений. Вы посмотрите на этих детей, облепивших иные подъезды, шмыгающих по тротуарам, толпящихся на углах с коробками продаваемых папирос и сосущих эти самые папиросы, когда молоко матери не обсохло еще на губах. Вы представьте себе, что эта мелюзга, иной раз десятилетнего возраста, отважно врывается в учреждения, даже такие, как окружной суд и требует у чинов канцелярии "прикурить"...»¹⁶¹.

Нравственное разложение подрастающего поколения, его податливость духу наживы отмечались весной 1918 г. в газетной заметке, написанной патетически настроенным воспитанником одного из средних учебных заведений Перми и позволяющей взглянуть на школьные будни изнутри:

«Учащиеся занимаются игрой в карты, малыши, начиная с первого класса гимназии, курят, более взрослые спекулируют, на чем хотите: на табаке, на сахаре, на золоте, на револьверах и даже... на кислой капусте.

Куда девалось то светлое, чистое молодое юношество, которое страдало за светлую идею социализма?! Куда девались те рукописные журналы и газеты, которых было так много в дореволюционное время? Куда девалась любовь к науке? Все это стало лишь воспоминанием, одной из светлых страниц прошлого.

Прейскуранты и образчики материалов вместо политических брошюр»¹⁶².

¹⁵⁸ Народная свобода. 1917. 12 ноября.

¹⁵⁹ Народовластие. 1917. № 17. С. 17.

¹⁶⁰ Народная свобода. 1917. 12 ноября.

¹⁶¹ Там же. 1 дек.

¹⁶² Известия (Пермь). 1918. 10 апр.

Повышенный интерес к коммерческой активности проявляли и другие слои городского населения. В январе 1918 г. временный революционный суд Челябинска рассматривал дела сотни лиц, привлеченных за тайное изготовление самогона и торговлю им¹⁶³. В Перми в июне 1918 г. в связи с острым недостатком разменной монеты «...многие из предприимчивых людей занялись новым видом спекуляции: припрятыванием мелких денежных знаков и торговым разменом на них крупных кредитных билетов»¹⁶⁴.

И все же размах «спекуляции» на Урале в 1918 г. был, видимо, существенно меньшим, чем в соседнем Поволжье. Екатеринбургский активист кооперативного дела И. Панин, посетивший в августе 1918 г., когда Южный и Средний Урал попал под контроль антибольшевистских режимов, съезд кооператоров в Самаре, с изумлением и беспокойством, как на малознакомое явление, взирал на массовую коммерческую лихорадку самарского населения:

«Живя в Екатеринбурге, в условиях кипучей кооперативной и общественной работы, как-то многое не видишь, многое ускользает из поля зрения.

В дороге и, особенно, в Самаре, живя просто обывателем, пришлось наблюдать людей и жизнь в их неприкрашенном виде.

И что бросается в глаза – это масса, неисчислимое количество спекулянтов, появившихся на Руси...

Нет табаку... Ни в одном магазине вы не найдете ни одной папироски, а между тем на всех перекрестках, у табачных магазинов, у гостиниц, у булочных, у номеров, у театров – вы видите сотни и тысячи продавцов папирос и табаку...

Папиросы, гильзы, махорка, сигары – все вы найдете у этих продавцов по сумасшедшим ценам...

Идите на толчок – там найдете мануфактуру, золотые часы, мебель, сахар, одним словом, все, чего нет в магазинах... В газетах пестрят объявления о продаже «случайных» вещей, сходите, и вы увидите, что это не случайная продажа, а форменная спекуляция...

Спекулируют 70 процентов жителей... Всем, чем угодно... Покупают по карточкам, из-под полы и передают друг другу... Люди ходят по толчкам, по квартирам, скупают все, что попадет под руку и перепродают.

И самое скверное во всем этом – это полное отсутствие сознания подлости такого рода занятий...

«Чего особенного? – купил-продал...»

Я видел несколько чиновников, получающих хорошее жалование, занимающихся перепродажей чая... Купят чай в магазине, перепродадут его на край города или приедем, наживут деньги и радуются:

«Заработали»...

Склонность к легкой наживе сильно распространилась среди русского народа...

В этой атмосфере растут и воспитываются дети...

Ко всем ужасам переживаемого: убийствам, грабежам, насилиям – присоединяется еще это легкое и ненаказуемое преступление – спекуляция, ядом отравляющая души людей...»¹⁶⁵.

Дух наживы в 1918 г. делал серьезные шаги в уральской деревне, попавшей в сферу интересов мешочников из Европейской России. Комментируя факты хлебной «спекуляции» в селе Топорнино Уфимского уезда, где пуд сеянки стоил 30 – 32 р., ржаной муки – 7 – 8 р., а продавался в Уфе и Бирске соответственно по 50 и 12 – 22 р., местный корреспондент сокрушенно писал: «Когда-то считалось зазорным наживать копейку на копейку, а теперь у нас в Топорнине не стесняются 3 копейки на копейку наживать, воспевая хвалу Господу Богу»¹⁶⁶. Поздней весной – ранним летом 1918 г. в Вят-

¹⁶³ Известия (Челябинск). 1918. 11 янв.

¹⁶⁴ Известия (Пермь). 1918. 26 июня.

¹⁶⁵ Уральское хозяйство. 1918. № 50 (23 сент.). С. 2 – 3.

¹⁶⁶ Уфимская жизнь. 1918. 21 марта.

ской губернии пароходы по Волге и Вятке были переполнены в основном мешочниками. До 5 тыс. мешочников скопилось в июне 1918 г. в Уфимской губернии на Бирских пристанях¹⁶⁷.

Распространение самостоятельной торговли, угрожающей продовольственной политике властей, заставляло их принимать ответные меры. С мая 1918 г., согласно постановлению ВЦИК, мешочники и крестьяне, продающие им продукты, были приравнены к врагам народа¹⁶⁸. Экстренные меры принимали и местные власти на Урале. Для прекращения «спекуляции» и вывоза хлеба из Вятского уезда в сентябре 1918 г. на станциях и разъездах были выставлены заградительные отряды численностью по пять человек. По полтора пуда хлебобудовых на каждого члена семьи до 1 октября было разрешено провозить только столичным рабочим, имеющим на руках удостоверение профсоюзов, фабрично-заводских или советских учреждений столиц¹⁶⁹.

«Красные» и «белые» военные власти также издавали направленные против «спекуляции» распоряжения, свидетельствующие о том, что это явление получило распространение и в солдатских массах. Так, в августе 1918 г. военный комиссар Орловского уезда запретил покупку у красноармейцев продуктов, снаряжения, обмундирования и фуража, грозя обеим сторонам таких сделок наказаниями вплоть до расстрела. На противоположном конце Урала, в «белом» Оренбуржье, военная комиссия 3-го войскового круга Оренбургского казачьего войска 20 февраля 1919 г. приняла решение о предании военному суду как военнослужащих, которые получают по несколько комплектов обмундирования и торгуют им, так и лиц, укрывающих и покупающих предметы воинского обмундирования и снаряжения¹⁷⁰.

Однако грозные приказы властей не в силах были побороть народную коммерческую инициативу. Масштабы мешочничества с лихвой превосходили возможности государственного контроля. Непоследовательность советской государственной политики в отношении мешочников, многократная разница в ценах, особенно в приграничье «красных» и «белых» территорий, соседство регионов со свободной торговлей и твердыми, значительно более низкими ценами, — все это придавало мешочничеству на Урале в 1918 — 1919 гг. устойчивый характер, превращая его в «форму самоорганизации населения для спасения от голода»¹⁷¹.

Агенты несанкционированной торговли отточили изощренный инструментальный нейтрализации государственных контрабанд. Мизерная зарплата советских служащих открывала простор коррупции. За взятку можно было получить мандат на проезд в хлебные районы, усыпить бдительность командиров и бойцов заградительных отрядов, железнодорожников. Были выработаны тарифы подкупа. Так, в Пермском уезде заградотряд получал по 100 р. с каждого мешка муки и по 1500 р. с нелегально передвижавшегося обоза. Помимо взяток использовались ящики, чемоданы, лодки и даже гробы с двойным днищем и стенками, двойные брюки-галифе, начиненные мукой, пришитые с внутренней стороны одежды карманы, в которых ухитрялись перевозить до двух пудов муки. На случай, если с заградотрядами не удалось бы договориться, создавались вооруженные группы для сопротивления им, иногда — экипированные под предотряды со сфабрикованными документами. Порой они завязывали с военизиро-

¹⁶⁷ Все для трудящихся! 1918. 20 июня; Вятский голос. 1918. 26 мая; Известия (Уфа). 1918. 2 июля.

¹⁶⁸ См.: Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918 — 1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 46.

¹⁶⁹ Борьба. 1918. 19 сент.

¹⁷⁰ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 211. Л. 7 об.; Известия (Вятка). 1918. 28 авг.

¹⁷¹ См.: Давыдов А. Ю. Указ. соч. С. 42.

ванными представительствами власти самые настоящие бои. В 1918 г., например, на станции Анненской под Елабугой вооруженный и переодетый в матросскую форму отряд мешочников разогнал команду охраны грузов, убив двоих охранников¹⁷².

Из сказанного следует, что успешные торговые операции были доступны далеко не всем: для этого требовались молодость, физическое здоровье, выносливость, находчивость, смелость, умение обращаться с оружием¹⁷³. Другими словами, в 1918 – 1919 гг. сформировалось мешочничество профессиональное и организованное. Индивидуальное, бытовое, потребительское мешочничество, нацеленное на поиск продовольствия для собственного потребления, в эти годы также имело место. Но для большинства непрофессионалов оно заканчивалось плачевно: в дороге их продовольствие отбиралось, так как у них не было ни средств, ни организации, ни сил преодолеть заградительные меры властей.

Однако и бытовые мешочники пользовались маленькими хитростями, направленными на сокрытие провозимых продуктов. Например, вместо муки они возили разломанный на куски печеный хлеб, имитируя нищих. Развернутый перечень соображений, продиктованный здравым смыслом и опытом втянутого в кочевую жизнь населения революционной России, вложил в уста одной из своих героинь Б.Л. Пастернак:

«Ткани, ткани, – гласили эти соображения, – лучше всего в отрезе, но по дороге досматривают, и это опасно. Благоразумнее в кусках, для вида сшитых на живуху. Вообще материи, мануфактуру, можно одежду, предпочтительно верхнюю, не очень ношенную. Поменьшехламу, никаких тяжестей. При частой надобности перетаскивать все на себе, забыть о корзинах и чемоданах. Немного, сто раз пересмотренное, увязывать в узлы, посильные женщине и ребенка. Целесообразны соль и табак, так показала практика, при значительном, однако, риске. Деньги в керенках. Самое трудное – документы»¹⁷⁴.

С осени 1919 г., с уходом «белых» и окончательным разрушением рыночных отношений, на Урале, вместе с резким обострением продовольственных проблем, видоизменился и облик «спекуляции». Профсоюзные организации прямо связывали «падомничество» горожан в деревню во второй половине 1919 – начале 1920 г. с недостаточностью оплаты труда:

«Хотя в большинстве предприятий заработная плата и практикуется со сдельным приработком, но ее недостает на содержание и поэтому городское и заводское население стремится в деревню, где за предметы общего обихода приобретает у крестьян продукты питания. Товарообмен имеет широкое применение в жизни. При таком порядке наблюдается и воровство, и хищение народного достояния»¹⁷⁵.

Профессионалы-мешочники потонули в море потребителей-одиночек, кочующих в поисках продуктов питания. Их сила была не в организованности, а в необозримом и не поддающемся контролю обилии. В 1920 г. в импровизированные товарные отношения были вовлечены все слои населения. Служащие складов «спекулировали» керосином и спиртом, камские бурлаки – солью, служащие почты – содержимым почтовых посылок, рабочие электростанции – электрическими лампочками, журналисты – бумагой, обыватели – самодельным мылом и спиртным, рабочие – заводским имуществом, собственными поделками и получаемыми в качестве оплаты предметами одежды и т.д.

¹⁷² Там же. С. 48, 49.

¹⁷³ Там же. С. 43.

¹⁷⁴ Пастернак Б.Л. Указ. соч. Кн. 1. С. 188.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 22 об.

Очевидна и другая особенность торговли в период апогея «военного коммунизма». Из-за повышения риска столкнуться с рыскавшими по сельской местности продотрядами, вожаемым объектом интереса горожан все в большей степени становилась не деревня, а по-прежнему из рук вон плохо учитываемое имущество различных учреждений и содержимое государственных складов, которые аккумулировали, помимо прочего, добычу реквизиционных акций на селе. Эта тема не сходила со страниц чекистских сводок 1920 – начала 1921 г.¹⁷⁶ Информационная сводка Пермской губернской ЧК за вторую половину июня 1920 г. констатировала:

«Источником спекуляции служат в большинстве хищения из местных служб, фактом чего может служить спекуляция, если так можно назвать это, железнодорожниками тонкой курительной бумагой, выдаваемой ими из служебных книг. Также и соль достается посредством служащих и рабочих солеваренных заводов. Еще источником спекуляции служат продовольственные лавки и различные детские колонии, где служащие снабжают продуктами не только своих родственников, но и обменивают их в деревне на другие продукты»¹⁷⁷.

Относительной свободой передвижения пользовались только командированные служащие, которые не могли противостоять искушению воспользоваться удобной возможностью для предпринимательской активности. Имея удостоверение от учреждения на право покупки предметов промышленного производства для своей организации, можно было доставить по назначению ничтожную часть закупленного, пустив остальное на продажу. Челябинская губчека в сентябре 1920 г. предполагала затребовать у губисполкома сведения о всех командированных для установления наблюдения за ними, так как известны были случаи торговли ими косметическими средствами и нитками, прикупленными во время рабочих поездок в центр¹⁷⁸.

Наконец, преимущественно потребительский характер товарообмена в условиях чудовищной инфляции превратил продукты питания длительного срока хранения, прежде всего муку, в своеобразную валюту и предпочтительную цель коммерческих операций. В октябре 1920 г. информационная сводка Пермской губчека сообщала:

«Спекуляция ввиду создавшихся условий в продовольственном отношении захватила буквально всех, и всякий служащий и рабочий, имеющий возможность что-нибудь стянуть у себя на предприятии, тянет и спекулирует в большинстве случаев, конечно, на хлеб. В городах предметом спекуляции являются мыло и соль, мануфактура и др[угие] технические товары, в чем нуждается деревня. <...>

От спекуляции несвободны так называемые ученые люди. Так, профессора и преподаватели Пермского государственного университета воруют керосин, спирт из лабораторий и меняют в деревню на продукты. Врачи спекулируют своими знаниями, требуя не денежного вознаграждения, а продуктами»¹⁷⁹.

Приведенная цитата, особенно ее окончание, свидетельствует, что «спекуляция» трактовалась в разгар «военного коммунизма» еще шире, чем накануне революции. Этот ярлык наклеивался на любое проявление материальной заинтересованности и желание пополнить нищенский паек, выжить на который было более чем проблематично.

В связи с размахом таким образом интерпретируемой «спекуляции» власти сбились с ног в стремлении покончить с ней. Прежде всего, контрмеры были направлены на ограждение продотрядов от конкуренции мешочников. 4 сентября 1920 г. Челя-

¹⁷⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 26, 51; ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 62, 87.

¹⁷⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л.

¹⁷⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 15, 37.

¹⁷⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 49 об.

бинский губернский продовольственный комитет издал обязательное постановление следующего содержания:

«Ввиду усиливающегося притока мешочников, в целях беспощадной борьбы с ними приказывается всем заградотрядам, волисполкомам, сельсоветам, районной и железнодорожной милиции и гражданам Челябинской губ[ернии]:

1. Всех лиц, приезжающих в деревни для приобретения продовольственных продуктов, объявленных к сдаче по разверсткам, как-то хлеб в зерне и муке, грубый фураж, скот, без разрешения Челябинского губернского продовольственного комитета, задерживать как мешочников и препровождать в Челябинск для предания суду ревтрибунала, а продукты конфисковать и передавать в соответствующий райпродком.

Примечание: Лиц, закупающих в деревнях другие продукты, как: мясо, масло, яйца и битую птицу и проч. в количестве, вызывающем подозрение в спекуляции, надлежит также задерживать как мешочников.

2. Домохозяев, продающих продукты, указ[анные] в § 1, обложить сверх разверстки количеством продуктов, равным количеству, проданному мешочнику.

3. В случаях, когда тот или иной домохозяин продолжает продавать продукты, немедленно его арестовывать и препровождать в Челябинск для предания суду ревтрибунала.

4. За неисполнение настоящего приказа виновные будут привлекаться к суровой ответственности»¹⁸⁰.

По большому счету, у карательных служб не доходили руки до мелкой бытовой «спекуляции». Наряду с потребительским мешочничеством, их внимание все более привлекал расцвет профессиональной и организованной, крупной криминальной торговой активности. Так, в июле 1920 г. Екатеринбургская губчека сообщала о раскрытии шайки профессионалов-«спекулянтов», состоявшей в основном из советских служащих. Продажей кожи, мануфактуры, марли, нормированных продуктов питания с государственных складов на вольный рынок занималось 38 человек¹⁸¹. В том же месяце в Кургане были обнаружены незаконные манипуляции с почтовыми продовольственными посылками: почтовые служащие по соглашению с московскими и петроградскими нелегальными предпринимателями посылали в столицы почтовые отправления на крупные суммы¹⁸². В сентябре в Челябинске было привлечено к ответственности за организованную торговлю спиртом более 20 человек. Двое служащих губздравотдела брали его со склада по подложным требованиям, после чего спирт продавался по цепочке, в основном — в притон, возрастая в цене до 20 — 30 тыс. р. за бутылку.¹⁸³ В февральской сводке Челябинской губчека 1921 г. отмечался рост «спекуляции» и приобретение ею более организованного характера: все чаще встречались объединения нескольких лиц вокруг одного, которое поддерживало связь с другими группами. При арестах представителей таких сообществ они не выдавали «головку», надеясь на скорую амнистию и вознаграждение преданности¹⁸⁴.

1921 г. еще более подстегнул активность мешочников. Смена правительственного курса на более «либеральный», неурожай 1921 г. и шквальный рост безработицы стимулировали взлет стихийного массового товарообмена. С его разрешением, как сообщала екатеринбургская пресса, в глухие уголки Урала двинулись все, включая профессоров, которые ездили группами, официально — с целью чтения лек-

¹⁸⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 113. Л. 46.

¹⁸¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 62 — 64.

¹⁸² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 15

¹⁸³ Там же. Л. 37 об.

¹⁸⁴ Там же. Д. 344. Л. 26.

ций¹⁸⁵. Перебои в выплате продовольственного пайка советским служащим Чердыни летом 1921 г. парализовали работу местных учреждений: «Служащие почти все регулярно не занимались, т. к. приходилось ходить по деревням работать или чего-нибудь менять из одежды на хлеб»¹⁸⁶.

В августе – сентябре 1921 г. на железнодорожных станциях и в поездах, как и в прошлые годы, царили суэта и давка. Половина вагонов была заполнена кочующими «спекулянтами» с ящиками и мешками¹⁸⁷. По сообщению вятских чекистов, «преобладающее число спекулянтов: советские служащие и рабочие; причины спекуляции в большинстве случаев – поддержка своего существования и своей семьи»¹⁸⁸. Правда, перевозка продуктов из-за развития голода в деревне становилась все менее прибыльной и более опасной. Из Верхнеуральского уезда, например, еще в июне 1921 г. сообщалось об агрессивном поведении местных жителей:

«Едущие крестьяне из других деревень с купленным или променным на различные предметы хлебом голодным населением задерживаются, хлеб отбирается. Если крестьянин возражает против захвата хлеба, население его убивает»¹⁸⁹.

Так называемая «спекуляция» в годы революционной катастрофы на Урале лишь в незначительной степени и преимущественно на первых порах была нацелена на экономическую выгоду. Постепенно и все в большей степени «спекуляция» превращалась в самую массовую технику выживания.

Технология выживания слабейших: проституция и нищенство. Описанные выше техники выживания в экстремальных условиях революции позволяют прийти к выводу, что пользование ими было сопряжено со многими сложностями и опасностями и, главное, требовало определенных стартовых возможностей. Успешное приспособление к существующим режимам, теневое производство, доступ к распределительной системе предполагали способность к реальной или мнимой социальной активности, наличие профессиональной подготовки или материальных ресурсов, определенного возрастного, а желательно, и образовательного статуса. Исключение, казалось бы, составляет «спекуляция», в которую оказалась вовлечена преобладавшая часть населения, включая женщин и детей. Но и ее успех зависел от уровня материально-организационного потенциала. Между тем, революционные потрясения вызвали беспрецедентный распад общества и его маргинализацию. Выбрасывание значительной части общества на обочину системы заставляет задаться вопросом: как приспособлялись к жизни в чрезвычайной ситуации наиболее слабые? К каким техникам выживания прибегали социально обделенные группы, прежде всего женщины и дети?

Отвечая на этот вопрос, нельзя обойти молчанием такую в значительной степени табуизированную в российской исследовательской литературе тему, как проституция. Новейшие исследования убеждают, что в дореволюционной России распространению этого феномена были поставлены жесткие рамки благодаря достаточно эффек-

¹⁸⁵ Уральский рабочий. 1921. 1 июля.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 205. Л. 110.

¹⁸⁷ Вятская правда. 1921. 28 сент.

¹⁸⁸ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 94.

¹⁸⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 143.

тивному организационному и юридическому урегулированию и бдительному государственному контролю¹⁹⁰.

Статистические данные о проституции на Урале в предреволюционные десятилетия свидетельствуют как о скромных ее размерах, так и о информированности официальных служб по этой проблеме. В 1897 г., согласно материалам всероссийской переписи, среди 10-миллионного населения четырех уральских губерний было всего 1089 проституток, треть которых проживала в губернских центрах¹⁹¹. Ситуация принципиально не изменилась и спустя 10 – 15 лет. Так, в Оренбургской губернии и в самом Оренбурге на рубеже первого и второго десятилетий XX в. численность обитательниц борделей и проституток-одиночек оставалась стабильной, не отклоняясь существенно от количества, зафиксированного в материалах первой всеобщей переписи 1897 г. В губернии было всего 16 домов терпимости и свиданий с числом проституток от одной до семи. Средний возраст проституток составлял 22 года: половина из них была больна венерическими заболеваниями. Треть публичных домов существовала менее двух лет, столько же – свыше пяти. Помимо Оренбурга, где располагалось 13 домов терпимости, бордели имелись в Верхнеуральске и Троицке¹⁹². В целом, создается впечатление, что до 1917 г. проституция не составляла серьезной проблемы для региона и не внушала властям существенных опасений.

Русская революция 1917 г. вместе со сломом властных структур уничтожила и надзор за институтом продажной любви. Место прежних официальных сдержек развитию сексуальной коммерции заняли неблагоприятные социально-бытовые условия революции, гражданской войны и «военного коммунизма»: разрушение товарно-денежных отношений и инфраструктуры развлечений, ухудшение материального положения населения, приведшая помимо прочего, к снижению сексуальной активности как мужчин, так и женщин. Под влиянием оскудения материального существования обезличенные половые контакты, как и другие проявления человеческой жизнедеятельности, претерпели характерную трансформацию: «Любовью можно было расплатиться за продуктовую карточку более высокой категории, которая позволяла получить дополнительные паек, за ордер на жилплощадь, за место в вагоне при поездке в деревню с целью обмена вещей на продукты, а иногда даже за жизнь близкого человека»¹⁹³.

На Урале, как и в России в целом, революция форсировала общемировую тенденцию вытеснения бордельной проституции свободной, замену легальной торговли телом тайной, увеличение удельного веса непрофессиональной торговли любовью. Новые власти, объявляя себя противниками социальных пороков, предпринимали скорее декоративные, чем реальные шаги по преодолению проституции. Так, в октябре 1917 г. исполком Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов распорядился о закрытии с 1 ноября домов терпимости. Помимо моральных соображений в пользу этой меры приводился сугубо прагматичный аргумент: помещения домов свиданий предполагалось превратить в квартиры для беженцев и тем самым смягчить остроту жилищного вопроса¹⁹⁴. Через полтора месяца после победного

¹⁹⁰ Подробно см.: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 19 – 59.

¹⁹¹ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.Х: Вятская губерния. СПб., 1904. С. 164 – 165; Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1904. С.108 – 109; Т. XXXI: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 176, 177; Т. XLV: Уфимская губерния. СПб., 1901. Тетр. 2. С. 92 – 93.

¹⁹² ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 254. Л. 1 – 33.

¹⁹³ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Указ.соч. С. 61.

¹⁹⁴ Уральская жизнь. 1917. 12 сент.

возвращения атамана А.И.Дутова в Оренбург, в начале сентября 1919 г., областная войсковая милиция утвердила представление начальника городской милиции о закрытии в Оренбурге домов терпимости¹⁹⁵.

Многое говорит, однако, о том, что дальше демонстративных мер по борьбе с сексуальной коммерцией ни один из режимов периода гражданской войны и «военного коммунизма» не пошел. Масса проблем и недостаток средств позволяли смотреть на этот феномен как на второстепенный. И пресса, и специальные информационные материалы внутреннего пользования 1919 – 1920 гг. хранят глухое молчание по этому вопросу.

Наличие проституции в это время, равно как и беспомощность власти в вопросе об отношении к ней, иллюстрирует деятельность Челябинской комиссии по борьбе с проституцией в марте – июне 1921 г., в сложный период перехода от «военного коммунизма» к «новой экономической политике». Она была создана 10 марта на заседании особой комиссии по выработке плана работ по борьбе с проституцией, в котором приняли участие представители губсобеза, губнадзора, РКСМ, губюста, охраны труда, губздравотдела, женотдела, союза врачей. Представительный форум принял решение создать постоянно действующую комиссию; направить запрос в губисполком с целью выяснить, есть ли распоряжение о помещении проститутки в концлагерь и существует ли таковой; в случае, если он имеется, распределить его обитательниц через бюро рабочей силы по различным мастерским, а больных – направить на лечение в губздравотдел; обследовать детские приюты и колонии; поручить женотделу и губернскому комитету союза молодежи вести культурно-просветительскую работу среди женщин; в кратчайший срок оборудовать дом временного пребывания бездомных женщин и обеспечить его снабжение; организовать при железнодорожной станции дежурство представительниц женотдела; создать при уездных собезах аналогичные комиссии. Для решения многочисленных задач было решено заседать каждую среду¹⁹⁶.

Энергично начатая деятельность вскоре, однако, захлебнулась: если в марте и апреле прошло по три заседания, то в мае и июне – по одному. Причинами тому были размах бытовой проституции и неопределенность мер реагирования на нее. Уже на втором заседании комиссии 16 марта выяснились серьезные сложности в предстоящей ей работе. Концлагерь для проститутки к этому времени был закрыт, женщины распушены, а милиции было сделано распоряжение не задерживать публичных женщин. Обследование детских домов также не внушало оптимизма: оказалось, что совместное проживание мальчиков и девочек было запрещено совсем недавно. В доме-изоляторе при губнаробразе были обнаружены три девочки 12 – 14 лет, больные венерическими заболеваниями, в том числе одна – сифилисом¹⁹⁷.

Видимо, на том же заседании, 16 марта, была утверждена инструкция волостным комиссиям по борьбе с проституцией, предполагавшая необходимость их создания. Им поручалось установление факта проституции и направление публичных женщин, как трудовых дезертиров, через милицию в губернскую комиссию по борьбе с проституцией. Губернская инстанция должна была осуществлять осмотр, лечение женщин или отправку их в трудовую колонию¹⁹⁸. Однако неделю спустя обнаружилось, что принудительная посылка женщин на медицинской освидетельствование запрещена, несмотря на то, что «...участились случаи привода под конвоем женщин, подозреваемых

¹⁹⁵ Оренбургский вечер. 1918. 5 сент.

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 412. Л. 2.

¹⁹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁹⁸ Там же. Л. 7.

в распространении заразы, для медицинского осмотра»¹⁹⁹. Как следует из протоколов заседания губернской комиссии, волостные филиалы так и не были созданы²⁰⁰.

О таком же исходе дела год спустя, в июне 1922 г., сообщал Екатеринбургский губсобез:

«Борьбы с проституцией никакой не велось, хотя комиссия была создана, но она оказалась неработоспособной. Домов-приемников для беспризорных девушек, а также мастерских, создать не удалось, но эта работа стоит на очереди»²⁰¹.

Меры по преодолению торговли телом ограничивались просветительской работой. Весной 1921 г. уральская пресса неоднократно публиковала заметки с названиями «Борьба с проституцией», «Большое зло» и т.п., взывая к классовой сознательности и подчеркивая опасность раскола рабочего класса и крестьянства на «самку» и «самца»²⁰².

Появление челябинской и аналогичной ей организаций по борьбе с проституцией, как и их неэффективность, сигнализировало об ее неординарных масштабах. Создаваемые организации руководствовались циркуляром № 93 наркомсобеза о мерах борьбы с проституцией. В этом документе, исходившем из тезиса, что «проституция является неизменной принадлежностью всякого классового государства», констатировалось кардинальное изменение формы этого явления в Советской России: профессиональная сексуальная коммерция сошла на нет, торговля любовью превратилась в источник «дополнительного заработка». В этой связи контролировать ее было невозможно, поскольку, как отмечалось в циркуляре, «кадры ее непрерывно растут, и явление это достигло огромного распространения». Именно этой, «подсобной» проституции адресовалось внимание документа. Указав, что в крупных городах России осталось не более 100 – 200 продажных женщин-профессионалок, наркомсобезовский циркуляр подчеркивал:

«Несомненно большее значение с социальной точки зрения имеет проституция подсобная, которая является вспомогательным ресурсом при том тяжелом экономическом и продовольственном положении, в котором находятся в настоящее время женщины, работницы и служащие в советских учреждениях. Формы и границы этой проституции неопределенны и неуловимы, колеблясь от систематической продажи своего тела до случайных единичных продаж»²⁰³.

Об этом мотиве продажной любви прямо говорится и в упоминавшейся инструкции волостным комиссиям по борьбе с проституцией:

«Нередко тяжелое материальное положение, отсутствие всяких средств к жизни, полный развал хозяйства кидает женщину на путь проституции. Волкомиссии могут и должны подать посильную помощь в таких случаях»²⁰⁴.

Именно такая драматичная ситуация, поставившая вопрос об элементарном физическом выживании, сложилась на Урале во время голода 1921 – 1922 гг. Отсутствие продуктов питания за пределами государственной распределительной системы обрекало на голодную смерть не только крестьянство, но и безработных горожан. Положение жертв 90-процентного сокращения штатов было охарактеризовано обзором-бюллетенем Екатеринбургской губчека за первую половину января 1922 г. следующим образом:

¹⁹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰⁰ Там же. Л. 10 – 27.

²⁰¹ Уральский рабочий. 1922. 14 июня.

²⁰² Вятская правда. 1921. 8 марта; Уральский рабочий. 1921. 22 мая.

²⁰³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 412. Л. 27.

²⁰⁴ Там же. Л. 7.

«Часть уволенных и оставшихся без работы ищет заработка в более благоприятных по урожаю районах губернии; другие занимаются мелкой торговлей и спекуляцией и, наконец, третья часть – это оставшаяся без всяких средств к существованию и заняться чем-либо неспособные, за отсутствием одежды и других средств»²⁰⁵.

Безработица в первую очередь ударила по женской половине населения, заставляя бороться за сохранение жизни любыми способами. О том, что среди них присутствовала и проституция, свидетельствует следующий фрагмент из обзора-бюллетеня Челябинского губернского ГПУ за октябрь 1922 г.:

«Городские безработные, в большинстве женщины – семьдесят пять процентов, не имеющие никакой основной профессии и квалификации, вследствие чего на бирже на них спрос незначительный. Безработные сами ходят по учреждениям, предлагая свой труд хотя бы за хлеб.

Значительная часть безработных обитает на рынке, вследствие чего развивается мелкая спекуляция и нередко проституция, в особенности на окраинах города. <...> С закрытием столовых помогола положение безработных женщин стало еще хуже, снова появилось попрошайничество кусочков, в некоторых случаях воровство»²⁰⁶.

Бедственное положение, в сочетании с легализацией товарно-денежных отношений и отсутствием действенных государственных мер регулирования проблемы продажной любви и женской безработицы, дало зеленый свет развитию проституции. Только за июль – ноябрь 1921 г. оренбургская милиция обнаружила 58 домов терпимости (почти в четыре раза больше, чем накануне мировой войны!) и зарегистрировала 137 проституток. Центральные улицы Уфы летом 1922 г., по выражению очевидцев, «кишели» публичными женщинами²⁰⁷. Проституция, как и «спекуляция», в годы революционных потрясений претерпела эволюцию от профессиональной коммерческой деятельности к массовому способу добыwania куска хлеба, превратившись в будничную, «нормальную» технику борьбы за существование в экстремальной ситуации.

Для тех, кому эта, весьма сомнительная, форма выживания оказалась недоступной, оставалось последнее средство пассивного приспособления к катастрофической ситуации – нищенство, широко распространившееся в молодой Советской России среди женщин, детей и стариков. К нему, как к последней возможности поддержать полуголодное существование, прибегали самые обездоленные и беспомощные. По мере материального оскудения страны количество нищих росло при одновременном понижении шансов спастись, рассчитывая на сочувственную помощь беднеющего населения и далеко не милосердного государства. Последнее пыталось искоренить сбор милостыни, время от времени объявляя эти занятия преступлением. Так, пермский губисполком в конце октября 1918 г. объявил, что нищенство «совершенно уничтожается», будет караться, как позорное дело, а виновные будут привлекаться к суду революционного трибунала. Впредь нищие были обязаны обращаться в отдел социального обеспечения, который, при необходимости, мог взять их на полное иждивение²⁰⁸.

Средств, однако, не хватало не только на нищенствующих, но и на оплату труда рабочих и служащих. Если люди, имевшие работу, страдали от убогости системы снабжения, то о бедствиях социально слабых слоев населения – детей, безработных, пенсионеров, инвалидов – можно только догадываться. Детские хлебные пайки в Вятке в июне 1921 г. составляли всего 3/8 фунта в день, детская сахарная норма в сентябре того же года колебалась от 3/4 до 1/4 фунта в месяц²⁰⁹. В Челябинской губернии с мил-

²⁰⁵ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 9.

²⁰⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 118.

²⁰⁷ Власть труда. 1922. 15 авг.; Коммунар. 1922. 21 дек.

²⁰⁸ Известия (Пермь). 1918. 24 окт.

²⁰⁹ Вятская правда. 1921. 4 июня, 9 сент.

лионным населением в январе 1922 г. на социальном обеспечении находились всего 27625 членов семей красноармейцев, 18484 пенсионера, 1084 инвалида²¹⁰. В августе 1922 г., когда размер месячного хлебного пайка рабочих и служащих перевалил за пуд, безработные получали всего 10 — 20 фунтов хлеба, пять фунтов мяса и четверть фунта кофе. Пенсии в это время выдавались в сумме 600 — 900 р., на которые на рынке можно было приобрести один — полтора пуда ржаной муки или 9 — 13 фунтов мяса²¹¹.

Поэтому в отношении занятых этим родом деятельности преобладали принудительные меры крайне низкой эффективности. Отправка бездомных детей в приемные пункты и приюты в большинстве случаев оканчивалась плачевно: смертью от голода или болезни, или побегом. Ресурсов на содержание приютов не хватало, что в сочетании со злоупотреблениями служащих детских учреждений делало жизнь в них менее привлекательной, чем бездомное скитание. Детские приемники нередко работали в режиме ночлежки: в них приходили только поспать. Так, о приютах Челябинска 1920 г. в докладе в коллегия губернского отдела народного образования сообщалось: «Дети уходят днем искать себе развлечения, заработка, труда, приходят на обед и опять уходят и уже возвращаются поздно ночью»²¹².

Апогеем нищенства стало время голодной катастрофы 1921 — 1922 гг. По деревням, из волости в волость, тянулись вереницы нищих по 30 — 40 человек, прося хлеба. Многие из них проделали долгий путь. В Вятской губернии большую их часть составляли татары из Поволжья, в Челябинской губернии — жители башкирских кантонов. Пустели и уральские деревни и станицы самых голодных районов. Мужчины искали заработков на стороне, дети — милостыни. Для присмотра за хозяйством оставались одни женщины. Резко увеличилось количество детей улицы, — раздетых, разутых, днем собиравших милостыню, ночью спящих без крова, где придется²¹³. Беспомощных, неспособных к нищенству, обреченных на голодную смерть малолетних детей крестьяне все чаще приводили в приюты с просьбой взять их на содержание. Поскольку за недостатком мест устроить детей в приемники чаще всего не удавалось, наблюдалось массовое подкидывание детей в волостные исполкомы, приюты и прочие учреждения²¹⁴.

Нищенство являлось последним средством спасения для социально слабых, отчаявшихся добыть кусок хлеба другими способами. Насколько безнадежным источником выживания была милостыня, свидетельствуют сотни тысяч смертей от голода на Урале в 1921 — 1922 гг. Для тех, кто не мог или не желал смириться с новыми условиями, но имел достаточно сил, чтобы отнять у ближнего, более привлекательной казалась иная — криминальная — стезя.

Преступления против частного имущества и «народное правосудие». Все очерченные выше техники приспособления к новым обстоятельствам были в той или иной степени сопряжены с низкой лояльностью к существующим порядкам, «криминализацией» поведения населения и квалифицировались властью как нарушение закона. Карательные инстанции действовавших режимов были завалены делами о преступлениях. Среди них фигурировали: спекуляция, самогоноварение, пьянство, преступления по должности, «сокрытие буржуазного имущества», хулиганство,

²¹⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 20.

²¹¹ Там же. Д. 499. Л. 79 об.

²¹² Там же. Д. 187. Л. 20.

²¹³ Там же. Д. 321. Л. 37, 90; Д. 344. Л. 84 об.; Вятская правда. 1922. 2 марта.

²¹⁴ Вятская правда. 1921. 9 авг.; 1922. 4 июля.

дезертирство, самочинные обыски, кражи, грабежи, разбой, фабрикация и продажа фиктивных документов, взяточничество, дискредитация советской власти, халатное отношение к службе, подлог, убийства, растраты, вымогательство, саботаж, хищения, бандитизм, самозванчество, хранение оружия, проституция, «контрреволюция» — агитация, заговоры и выступления против «законной» власти, и т.д.²¹⁵ Большинство из перечисленных правонарушений было связано с должностными злоупотреблениями и неуважением к государственной и личной собственности. «Контрреволюционные» деяния будут рассмотрены отдельно, в связи с формами социального протеста. Однако прежде необходимо уделить внимание уголовным преступлениям частных лиц против себе подобных.

Население революционной России стонало от криминальной активности в отношении личной собственности — краж, грабежей, разбоя и убийств в целях присвоения чужого имущества. Революционные катаклизмы обеспечили беспрецедентно благоприятные условия для профессиональной преступности: «Свободный доступ к оружию, частая смена властей, слабость последней, отсутствие крепкой охранительной и пенитенциарной системы создавали питательную среду для существования криминального мира»²¹⁶.

В первый же год русской революции ослабление власти и калейдоскоп непонятных событий вызвали эскалацию уголовной преступности, связанную с непреодолимым соблазном поживиться тем, что плохо лежит. Если в предреволюционные месяцы количество бытовых краж в городах Урала исчислялось единицами, то к осени 1917 г. они приняли масштаб стихийного бедствия. Ежедневные сообщения о кражах занимали все больше места на полосах местных газет. Развернув, например, «Вятскую речь» за 2 сентября, горожанин обнаруживал следующий перечень покушений на чужую собственность:

« — Кражи. Военнообязанный австрийский подданный Франц Бельгер похитил из незапертой подволок Е. Шадринной, проживающей в д[оме] Сапожникова на Раздерихинской ул[ице], разного имущества на 65 р.

— Из погреба при госпитале № 3 на Преображенской ул[ице] похищено мяса на сумму 56 р.

— Из общежития учительниц на Преображенской ул[ице], через взлом стекол на дверях, совершена кража разных вещей на сумму 260 р.

— У крестьянина Яранского уезда А.А. Белоусова во время сна с неизвестной девицей в номерах Клестова похищено из кармана пиджака 1500 р. Девица ночью скрылась, но была 30 авг[уста] задержана с деньгами на ст[анции] Лянгасово.

— Из погреба, принадлежащего гг. Юфереву и Соловьеву, проживающим в доме Ильинской на Царевской ул[ице], похищено масла, варенья и тому подобного на сумму более 250 р.

— Из кузницы И.А.Новикова, находящейся во рву близ Трифонова монастыря, через взлом замка неизвестными похищены кольцевые машины и др[угие] вещи на сумму 165 р.

— В г. Елабуге обкраден магазин Т.В.Красильникова. Похищено золотых и серебряных вещей на сумму до 8000 р.»²¹⁷

Октябрьская революция и гражданская война вызвали новый виток «криминализации» жизни. «Белая» печать прямо связывала это с радикализацией революции и дезориентацией населения:

²¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 — 6, 36; ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 3, 4; ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 177. Л. 1; Д. 187. Л. 1; ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 32; Вятская правда. 1920. 13, 15, 19, 22, 26, 27 окт.

²¹⁶ Телицын В.Л. К истории антибольшевистских выступлений на Урале в первые послереволюционные годы: участники и руководители (Предварительные замечания) / Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 177.

²¹⁷ Вятская речь. 1917. 2 сент.

«Как взбаламученное море выкидывает на берег разные отбросы, так и всякое крупное общественное движение выбрасывает из темноты недр, где в нормальное время таился сдерживаемый угрозой закона преступный сброд – массу преступников. Революция – это переходный момент, когда люди и от старого отвыкли, и к новому не пристали; все скрепы – нравственные, общественные, религиозные – все это во время революции рушится. Революция – это временное одичание; и даже тогда, когда жизнь войдет в норму, и тогда чувствуется отрыжка бурных и страшных годов»²¹⁸.

И «красная», и «белая» пресса времен гражданской войны с тревогой отмечала нарастание, подобно девятому валу, криминальной волны в стране. Одна из екатеринбургских газет по этому поводу в начале 1919 г. писала:

«Преступность начинает угрожающе расти. Газетная хроника пестрит сообщениями о кражах, мошенничествах, обманах, грабежах, к судебным следователям пачками начинают поступать уголовные дела. Кражи, т[ак] н[азываемые] домашние, учиняемые прислугой, прачкой, жильцами, сделались обыденным явлением.

Взлом сундуков, замков, магазинных затворов – ничто не останавливает преступника. Не оставляет он без внимания и публичные места, как, например, театры. Начинает развиваться грабеж в виде старомодного «кошевничества» (в Иркутске). А в Омске, претендующим на звание столицы России, небезопасно выходить по вечерам на улицу во избежание встречи с грабителем»²¹⁹.

Однако уголовная преступность во время гражданской войны выглядит невинной забавой по сравнению с тем, что началось на Урале после изгнания «белых». В немалой степени этому способствовало невиданное распространение дезертирства из армии, которое питало как крестьянское сопротивление, так и криминальный мир.

Явление это не было новым. Оно дало о себе знать еще во время затянувшейся Первой мировой войны и стало популярным на первом году революции. Только из дислоцированных на Урале 4-х запасных бригад к 1 октября 1917 г. бежало 3728 солдат²²⁰. В ходе боевых действий гражданской войны количество дезертиров в регионе многократно возросло. Их обилие не на шутку тревожило власти и «белой», и «красной» зоны Урала. Активизируясь с весны по осень, беглые солдаты объединялись в шайки от 5 до 30 человек, занимаясь грабежом мирного населения. В Пермской губернии весной 1919 г., по сообщению управляющего губернии министру внутренних дел в Омск, они редко выступали открыто. Чаше они обирали население под видом обысков, выдавая себя за милиционеров. В Екатеринбурге только в мае 1919 г. так было совершено шесть ограблений на сумму 20 тыс. р. Это заставило местные власти оповестить население о порядке производства законных обысков²²¹.

На территориях, контролируемых «красными», дело обстояло не лучше, о чем постоянно сообщали чекистские сводки²²². После закрепления большевистского режима на Урале вступили в силу дополнительные обстоятельства, провоцировавшие дезертирство – ухудшение материальных условий и осуществление всеобщей воинской и трудовой повинности. Из Екатеринбургской губернии органы политического наблюдения в ноябре 1919 г. сообщали следующее:

«В Красноуфимском уезде) наблюдается уклонение от мобилизации. Во время последней мобилизации уклонилось 40%, бежавшие в леса и группировавшиеся в шайки. У дезертиров имеется оружие и бомбы. В Верхотурском уезде) в лесах скрываются дезертиры...»²²³.

²¹⁸ Миасская новая жизнь. 1918. 22 ноября.

²¹⁹ Наш Урал. 1919. 2 февр.

²²⁰ См.: Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983. С. 131.

²²¹ ГАПО. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 47. Л. 17 – 18.

²²² См., напр.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 1. С. 124, 129, 136.

²²³ Там же. С. 220.

Популярность дезертирства не пошла на убыль и в следующем, 1920 г. Хладнокровное и беспощадное обирание деревни в продразверсточных кампаниях и продовольственные трудности погнали в леса и степи тысячи людей. О размахе дезертирской вольницы на Урале дают представления информационные сводки ВЧК за лето 1920 г. В одной из них сообщалось:

«...Пермская. Общее количество дезертиров около 4 тыс. Дезертирство из войсковых частей единичное. Старые дезертиры, скрывающиеся в лесах, занимаются грабежом проезжающих, убийствами милиционеров и совработников. Вооруженных дезертиров до 1 тыс. человек. <...>

Челябинская. Настроение войсковых частей довольно бодрое, революционное. Среди же вновь мобилизованных настроение несколько хуже. За истекший полумесец были всего зарегистрированы 547 случаев дезертирства из войсковых частей. Дезертиры скрываются в лесах, где они организуются в отдельные отряды так называемой «зеленой армии». <...>

Оренбургская. По губернии насчитывается до 12 тыс. дезертиров, преимущественно дезертируют колчаковские беженцы. Наибольшее число дезертиров в казачьих станицах, от 10 – 100 человек в каждой. Собираются открытые собрания и постановляют в части не являться. Население относится сочувственно к дезертирам»²²⁴.

В сентябре 1920 г. дезертиры зашевелились во всех уездах Пермской губернии: осеннее похолодание гнало из лесов в деревни в поисках пищи и одежды, которые силой отнимались у крестьян²²⁵.

Дезертирство оставалось хроническим явлением и в 1921 г. В Пермской губернии в начале года небольшие группы дезертиров имелись во всех уездах, а весной бегство из армии приобрело массовый характер из-за недостаточного питания. Из воинских частей глазовского гарнизона летом 1921 г. в лесах скрывалось 2 – 3% военнослужащих. Сформированные из дезертиров мелкие шайки нападали на крестьян в Курганском уезде. Выловить их было сложно: надежным укрытием для них служили сосновые боры²²⁶.

В новую фазу уголовная преступность на Урале вступила весной 1921 г., когда неурожай и отсутствие запасов продовольствия сделали перспективу выживания весьма проблематичной. В деревнях резко стали распространяться кражи продуктов и скота. Чекистская сводка за сентябрь 1921 г. по Троицкому уезду констатировала:

«За последнее время участились случаи краж. В уезде крадется скот, который похитителями убивается на мясо, в краже принимают участие даже женщины, которые производя кражу группами, ...группы организованы по три – пять человек, на местах с таковыми производят расправы вплоть до самосудов, в которых участвуют и коммунисты. <...> Есть случаи участия в кражах коммунистов, все кражи производятся на почве голода»²²⁷.

В ноябре 1921 г. о положении обьятого голодом Миасского уезда челябинские чекисты сообщали: «Запасы хлеба и суррогатов приходят к концу, и население вступает в решительную борьбу за существование, не останавливаясь перед грабежами, насилием и воровством»²²⁸.

В городах процветали квартирные кражи. Их исполнителями чаще всего становились голодные дети²²⁹. Телеграфная сводка Уфимской губчека, датированная нача-

²²⁴ Там же. С. 304.

²²⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 34.

²²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 69; 100 об.; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 144 об.; Стенная газета РОСТА (Вятка). 1920. 9 июля.

²²⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 312. Л. 86.

²²⁸ Там же. Д. 321. Л. 85.

лом 1922 г., лаконично описала специфику преступности в городах и сельской местности губернии:

«На почве голода на местах увеличиваются грабежи, очень часто связанные с убийствами. Крадут скот, хлеб, овощи, одежду и т.д. В г. Уфе учащаются случаи ночных и дневных грабежей из квартир и раздевания граждан по вечерам на улицах города»²³⁰.

«Решительная борьба за существование» приобрела в первое полугодие 1922 г. невиданный размах и наиболее отталкивающие формы, вызвав со стороны властей ужесточение мер по пресечению уголовных преступлений. Обзор-бюллетень № 1 Челябинской губчека за 1 – 15 января 1922 г. комментировал их следующим образом:

«В голодающих районах сильно развивается уголовный бандитизм. Губрозыск и губмилиция в некоторых районах не в состоянии бороться с волной уголовного бандитизма. В целях решительной борьбы губисполком своим протоколом от 14 января за № 5 постановил:

– Все дела о кражах, как с применением насилия, так и без такового, будут изъяты из общей подсудности и направляться в высшее отделение губревтрибунала с целью применения к ворам-рецидивистам высшей меры наказания; все лица, участвующие в вооруженных нападениях и ограблениях, оказывающие малейшее сопротивление при задержании, будут расстреливаться агентами губрозыска, милиции и губчека на месте, без всякого следствия»²³¹.

Чрезвычайные меры были, однако, бессильны: лишение источников существования все большей части населения продолжало раскручивать маховик уголовщины. В цитированном выше обзоре-бюллетене Челябинской губернской ЧК сообщалось: «...наблюдаются такие случаи, рабочий бросает семью на произвол судьбы, убегая неизвестно куда, также наблюдаются со стороны безработных убийства и грабежи на почве борьбы за существование»²³².

По мере обострения голода кражи в деревне распространялись все шире. В горнозаводской зоне вырезались целые семьи с детьми, проезд по грунтовым дорогам считался опасным из-за непрекращающихся нападений²³³. Объектами краж стали не только живые, но и мертвые. С застигнутых голодной смертью на сельских дорогах и городских улицах снимали одежду и обувь. Из Екатеринбургского уезда летом 1922 г. сообщали:

«У одного крестьянина издохла на работе лошадь. Он стал снимать с нее шкуру. Помер сам. Когда пришли домашние, кто-то уже успел украсть половину лошади»²³⁴.

Когда жертвы массового голода были наконец погребены, мародерство перенеслось на кладбища. Так, в октябре 1922 г. в Оренбурге был выкопан и обворован труп нотариуса П.А.Мокшанцева²³⁵.

Летом 1922 г., когда в деревне красть уже было нечего, на полях стали воровать незрелые плоды чужих трудов:

«У голодного человека логика – отсутствует. Еще не успела выколоситься и созреть рожь, как начались массовые кражи. Голодные крестьяне, не считаясь с тем, кому принадлежит рожь, начали срезать колосья. Сельсовет завален заявлениями о подобных кражах. Бывали случаи самосудов на этой почве.

²²⁹ Там же. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 321. Л. 2.

²³⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 7 об.

²³¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 22.

²³² Там же. Л. 18.

²³³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 17; Уральский рабочий. 1922. 11 мая.

²³⁴ Уральский рабочий. 1922. 14 июня.

²³⁵ Завод и пашня. 1922. 30 окт.

Из огородов крадут картофель, крадут горох на полях. По ночам голодные крестьяне доят чужих коров. Есть случаи краж рогатого скота, свиней, овец и мелкой птицы.

Деревня настроена крайне нервно. Каждый хозяин по ночам караулит свое добро и в поле, и дома»²³⁶.

В массовизации преступности отражалось беспрецедентное падение цены человеческой жизни. Зловещим символом ее обесценивания представляется убийство в Верхотуринском заводе в мае 1922 г. мальчика из-за двух лепешек, которые он нес отцу на прииск²³⁷.

Недоверие населения к ослабленной революцией власти, неспособной защитить личную собственность, проявилось в распространении самочинных расправ с преступниками. Многочисленными фактами самосуда — одного из патриархальных инструментов регулирования отношений в крестьянской общине — уральские газеты пестрели с 1917 г. Толпа расправлялась с воришками, не разбирая социального статуса. Чаще всего по улицам городов с табличкой «вор» на груди водили своих товарищей-мародеров вырвавшиеся на свободу солдаты. Жертвами самосудов становились и дети. Так, в июне 1917 г. на плывшем из Перми пароходе «Полюд», пассажирами которого были почти исключительно рабочие, крестьяне и солдаты, ночью была учинена жестокая расправа над 16-летним подростком, который украл у спящего крестьянина 500 р. Отказавшись от первоначального предложения сбросить вора в Каму, «судьи» ограничились побоями и наказанием веревкой, после чего жертва самосуда была усажена на бочонок на всеобщее обозрение и «украшена» плакатом с надписью «Я вор»²³⁸.

По мере радикализации революции волна самосудов захватила горнозаводский поселок и деревню, население которых взяло правосудие в свои руки. Ранней осенью 1917 г. в Екатеринбургском уезде, из-за бессилия справиться с сельскими хулиганами, на одном из сходов было принято решение самочинно подвергать нарушителей общественного спокойствия недельному аресту, в течение которого арестант получал ежедневно лишь полфунта хлеба²³⁹. Однако еще на первом году революции самосуды приобретали порой чудовищные формы и размеры. Так, осенью 1917 г. жители Кушвинского заводского поселка, измученные ежедневными грабежами и убийствами, которые совершались даже среди бела дня, расправились с двумя солдатами-дезертирами. Толпа численностью около 3000 человек проголосовала за их расстрел. Один из пойманных солдат стал каяться, признался в совершении 18-ти преступлений и тем самым только усугубил свою участь. Оба были буквально растерзаны, за несколько минут «...от них осталась только бесформенная кровавая масса». Против расправы выступило всего 15 — 25 человек, в отношении которых тут же возникло подозрение в соучастии и посыпались угрозы²⁴⁰.

В следующие годы самосуды множились, адекватно отражая рост преступности и слабость власти. Весной 1918 г. в Камышловскую советскую — бывшую земскую — больницу одновременно было доставлено семеро человек с тяжкими побоями; в покойницкой находилось шесть изуродованных трупов жертв самосуда²⁴¹. По деревне Западная Оханского уезда в сентябре 1918 г. водили предварительно исключенного из партии коммуниста с табличкой: «Я вор: украл табак»²⁴².

²³⁶ Уральский рабочий. 1922. 13 авг.

²³⁷ Уральская новь. 1922. 30 мая.

²³⁸ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 11 июня.

²³⁹ Уральская жизнь. 1917. 19 окт.

²⁴⁰ Там же. 8 окт.

²⁴¹ Трудовая коммуна. 1918. № 4. (5 мая). С. 30.

²⁴² Известия (Пермь). 1918. 16 сент.

Наибольший размах самосуды на Урале приняли во время голода 1921 – 1922 гг., отражая массовый характер преступности и бессилие власти. Органы политического наблюдения констатировали резкое падение авторитета коммунистов и советских работников, которых население считало виновниками катастрофического продовольственного положения: «Видя преступную деятельность каких-либо отдельных советских работников, как, например, кражи и расхищение народного достояния, население делает вывод, что Советская власть состоит из воров и грабителей»²⁴³.

При таком настроении население и не собиралось отдавать действительных или предполагаемых воров в руки властей: «Пойманных на месте преступления воров население старается убить, не передавая таковых суду, так как большинство населения говорит, что Советская власть покровительствует ворам, освобождая их от заслуженного наказания совсем или же дает наказания самые незначительные»²⁴⁴.

Стараясь обезопасить себя от воров и грабителей, казаки выставляли вокруг станиц караулы. Видя в беженцах потенциальных преступников, население относилось к ним враждебно, избивая и изгоняя из селений²⁴⁵. В Башкирии, где голод достиг особенно трагических размеров, самосуды приобрели наибольшее распространение. Местная пресса в июне 1922 г. озабоченно писала:

«По всей Башкирии кровавыми волнами катятся убийства-самосуды. Убивают за горшок кислой капусты, за кусок хлеба или просто по подозрению, убивают по приговорам общества, иногда даже санкционированным сельским советом:

“Убить и закопать, – гласит приговор, – о чем и довести до сведения власти”.

Самосуды все увеличиваются и превращаются в стихийное бедствие, грозя нарушить общий уклад нашей жизни и затоптать в грязь понятие о праве и законе. Рекорд в самосудах побил Кипчак-Джитировский кантон, но мало отстает от него и Юрматынский. Там самосуды – такое обычное явление, что на них ни милиция, ни нарсуд не обращают внимания, как бы считая это вполне нормальным явлением»²⁴⁶.

Косвенным подтверждением популярности самосудов в Челябинском уезде является тот факт, что, по данным милиции, из 222 задержанных в январе – апреле 1922 г. воров 51 был убит на месте, причем в январе и феврале такая участь ждала каждого пойманного вора²⁴⁷.

В самочинных расправах в деревнях принимали участие и работники советских и партийных структур, что свидетельствует о превращении советских институтов в сельской местности в модификацию общинной организации. Когда в ночь на 2 августа 1921 г. в огороде деревни Христолюбовка Волковской волости Уфимской губернии была совершена кража, общее собрание признало похитителями трех местных жителей. Им был учинен допрос. Поскольку они не сознались, их зверски избили, причем «председатель Совета вместо того, чтобы прекратить это безобразие, смеялся»²⁴⁸. В сентябре того же года чрезвычайное собрание ответственных работников – членов РКП(б) Верхнесанарской станицы Троицкого уезда в составе 21 человека рассматривало вопрос о краже скота, вещей и хлеба группой лиц, в которой участвовало четыре беспартийные женщины и два коммуниста. Одного из них – М.С. Ильина, бывшего добровольца «белой» армии, было решено «как сознательного шкурни-

²⁴³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 39.

²⁴⁴ Там же. Л. 38.

²⁴⁵ Там же. Д. 504. Л. 18.

²⁴⁶ Известия (Стерлитамак). 1922. 29 июня.

²⁴⁷ ОГАЧО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 107. Л. 18.

²⁴⁸ Известия (Уфа). 1921. 27 авг.

ка и контрреволюционера, примазавшегося к партии с целью вредить ей – расстрелять публично на поселковой площади». На следующий день в 9 часов утра приговор был приведен в исполнение²⁴⁹.

Эскалация уголовной преступности и самочинного насилия демонстрировала наиболее уродливый лик «криминализации» техник выживания в условиях революции. Как и ряд других способов приспособления к новым обстоятельствам – спекуляция, проституция и др. – преступность эволюционировала от профессионального занятия в целях обеспечения материального благополучия к массовому приему спасения от голодной смерти.

Лики социального протеста. Рассмотренные образцы вживания в новые условия – будь то получение доступа к власти и государственным продовольственным запасам, нелегальная производственная активность, теневая коммерция, включая торговлю телом, присвоение государственной и личной собственности – отличают общие черты. Прежде всего, это были преимущественно индивидуальные технологии выживания. Групповая организованность была присуща лишь профессионалам незаконной деятельности. Нарастание стихийных, неорганизованных и непрофессиональных обращений к нелегальным формам приспособления в одиночку отражало разложение социальных групп, патологическую «атомизацию» общества. Кроме того, успешное использование перечисленных форм приспособления ради выживания требовало большей или меньшей потаенности, скрытости от глаз государства. Незаметность для окружающих становилась залогом успеха и была несовместима с открытым декларированием и принципиальной защитой этих видов деятельности.

Существенно отличались от них акции демонстративного социального протеста – городские волнения, рабочие забастовки и крестьянские возмущения. Те, кто считали себя бессовестно обманутыми и незаслуженно обиженными, выступали коллективно и открыто, намереваясь привлечь к своим проблемам внимание государства. В этой связи утилизация групповых форм протеста была сопряжена с повышенным риском. Коллективный характер выступлений оправдывал, казалось бы, отнесение их в советской историографии к проявлениям классовой борьбы, вне зависимости от оценки ее направленности. Однако в условиях революционной катастрофы лейтмотивом социального протеста все в большей степени становилась не защита определенного места социальной группы в обществе, а банальное физическое выживание ее (бывших) членов.

Конечно, противопоставление описанных выше моделей выживания формам социального протеста имеет относительный характер. И то, и другое провоцировалось одними и теми же обстоятельствами резкого ухудшения условий существования и в этой связи может быть отнесено к формам сопротивления с различной степенью «героизма»:

«Обман и нарушение правил при обращении с товарами и деньгами принципиально не отличаются от других форм неповиновения и преступности в эпоху пауперизма, таким, например, как самовольная порубка леса, незаконная охота на дичь или разграбление мельниц и булочных, лавок и складов в то время (имеется в виду Европа XVIII – XIX вв. – И.Н.). Разумеется, мошенничество, попытки обвести других вокруг пальца были широко распространены и в среде «маленьких людей». В отличие от порубки и охоты, направленных против собственности бога-

²⁴⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 312. Л. 86; Ф. 596. Оп. 1. Д. 79. Л. 30.

тых, они представляют собой повседневную, менее героическую форму социального протеста, которая нацелена прежде всего против "отношений"²⁵⁰.

Многое свидетельствует о том, что основная тенденция эволюции форм неповиновения в революционной России состояла в сокращении форм открытого протеста, в их замещении повседневными и менее радикальными нарушениями порядка.

Социальный протест в русской революции может быть описан в категориях «моральной экономики» Э.П. Томпсона, в последние годы трактуемой скорее не как замкнутый комплекс антикапиталистических убеждений социальных низов, а как сумма их прагматических действий, направленных на корректировку, а не на уничтожение существующего (или складывающегося) порядка путем достижения компромисса²⁵¹. Протестовавшие действовали не под влиянием аффекта или умопомрачения. Ими двигало убеждение в законности своих действий, обосновываемых ссылками на моральные нормы и обычаи. Их поведение учитывало конкретную ситуацию и конъюнктуру.

Эти качества были присущи городским продовольственным волнениям 1917 г. — самочинным обыскам торговцев, беспорядкам на рынках и в «хвостах» у продовольственных лавок, разграблениям товаров или насильственной продаже их по пониженным ценам, расправам с представителями продовольственных служб и погромам казенных винных складов. Наряду с солдатами гарнизонов, их активными участниками являлись женщины, повышенная роль которых в продовольственных беспорядках вытекала из их повседневного опыта и является одной из характерных черт европейского социального протеста в XVII — XIX вв.²⁵² Однако по мере установления военизированного порядка в городах и ужесточения штрафных санкций против участников беспорядков горожане все более склонялись к выживанию с помощью индивидуальных и не афишируемых действий в обход закона.

Рабочий протест на Урале — в регионе, пребывавшем с пореформенного времени в состоянии хронического хозяйственного кризиса — сложно типизировать как проявление «сознательной классовой борьбы» (в большевистском смысле) и в отношении дореволюционного периода. Для уральского рабочего движения были типичны прошения, жалобы на недостаток работ и притеснения администрации, выдвижение аграрных требований, длительные тяжки с заводами, захваты земель и лесов, конфликты без оставления работ, террористические акты. Сами забастовки были насыщены раннеиндустриальной архаикой — причинением ущерба заводскому оборудованию, актами насилия над ненавистными представителями администрации и цехового персонала²⁵³.

Тем не менее, уральский материал косвенно подтверждает тезис о сочетании в российском рабочем движении иррационально «темного протеста» с точным расчетом и здравым смыслом²⁵⁴. Активность рабочих акций зависела от состояния хозяйственной

²⁵⁰ Rohrbacher S., Schmidt M. Judenbilder. Kulturgeschichte antijüdischer Mythen und antisemitischer Vorurteile. Hamburg, 1991. S. 127.

²⁵¹ См.: Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century / Past and Present. 1971. P. 76 — 136; Bohstedt J. Moralische Ökonomie und historischer Kontext / Gailus M., Volkmann H. (Hg.) Der Kampf um das tägliche Brot: Nahrungsmangel, Versorgungspolitik und Protest 1770 — 1990. Berlin, 1994. S. 27 — 51.

²⁵² О месте и роли женщин в продовольственных волнениях в Европе XIX в. см.: Lipp C. Frauenspezifische Partizipation an Hungerunruhen des 19. Jahrhunderts. Überlegungen zu strukturellen Differenzen im Protestverhalten / Gailus M., Volkmann H. (Hg.) Der Kampf um das tägliche Brot. S. 200 — 213.

²⁵³ Подробнее см.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. Ч. 2. С. 218 — 233.

²⁵⁴ Подробнее см.: Altrichter H. Russland 1917: ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1997. S. 291 — 297.

конъюнктуры и, следовательно, шансов на успех, и была интенсивной в регионах и на предприятиях с более высокой оплатой труда и меньшим риском потерять рабочее место. Неэффективность стачечной борьбы в охваченном затяжной промышленной депрессией регионе объясняет ее спад после революции 1905 – 1907 гг. Стачки на Урале в межреволюционный период вытеснялись прошениями, ходатайствами и переговорами без остановки работ.

Запаздывающий и сдержанный, по сравнению с Европейской Россией, поступательный рост количества стачек в 1917 г. (с 4 в марте – апреле до 200 в июле – октябре²⁵⁵) провоцировался не только ухудшением материального положения уральских рабочих и служащих, но и нарастанием тревоги по поводу происходящих и предстоящих событий, грозящих потерей рабочего места в связи с начавшимся закрытием заводов. Действия рабочих были все более нацелены не на успешные переговоры с администрацией, а на изгнание последней, что позволительно интерпретировать как модификацию дореволюционной и архаичной по характеру захватной тактики. Н. К. Лисовский еще в 60-е гг. обратил внимание на малочисленность стачек на крупных предприятиях, над которыми в большей степени довлела угроза локаута и которые в первую очередь становились объектом внимания самостоятельного и стихийного рабочего контроля: «Главной особенностью стачечного движения на Урале в период подготовки социалистической революции является то, что оно разворачивалось в основном на мелких предприятиях, а также среди служащих»²⁵⁶.

Как и до революции, требования рабочих в 1917 г. группировались вокруг проблемы недостаточной оплаты труда и неблагоприятных условий быта²⁵⁷. С требованиями повышения жалованья выступали также служащие различных учреждений и предприятий, официанты и прислуга ресторанов, кафе, общественных садов и т.д.²⁵⁸ Стаечная борьба в 1917 г. на Урале активизировалась в периоды ослабления власти, когда шансы договориться с работодателем повышались. Ею был отмечен май – период первого кризиса Временного правительства – и рубеж августа и сентября: на угрозу военного государственного переворота 2-й Уральский областной съезд Советов ответил решением провести 1 сентября политическую забастовку, захватившую большинство уральских предприятий.

Приход большевиков к власти и гражданская война резко изменили условия стачечного протеста. Новые режимы внесли свою лепту в его политизацию, интерпретируя забастовочные акции как проявление политической враждебности и результаты тайной организаторской деятельности противника. В обстановке радикализации противостояния политических конкурентов и его перехода в фазу боевых действий резко возрастал риск, сопряженный с проведением стачки. Участие в ней квалифицировалось официальными кругами как саботаж и каралось по законам военного времени.

Тем не менее, забастовки этого периода не следует рассматривать исключительно как акты сознательной самоотверженности и героического безумия. В них явно присутствовал элемент здравой рассудочности и точного расчета. Во-первых, стачкам и на «белых», и на «красных» территориях предшествовало выдвижение ряда пожеланий или требований. Рабочие чаще всего склонялись к тому, чтобы договориться с любым режимом и прибегали к демонстративному протесту только в случае не-

²⁵⁵ См.: Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. С. 558.

²⁵⁶ Там же. С. 557.

²⁵⁷ Думы Урала. 1917. 24 мая; Пермский вестник Временного правительства. 1917. 26 мая; Быстрых Ф. П. Указ. соч. С. 26 – 35; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 276.

²⁵⁸ Думы Урала. 1917. 4 июня.

удачных переговоров. Во-вторых, забастовочные акции разворачивались, как правило, в условиях ослабления и кризиса власти, поставленной перед угрозой насильственной смены, или вскоре после прихода нового и еще не окрепшего режима, которому можно было предложить пересмотреть прежние трудовые отношения. Исходя из этой логики объясним накал стачечной борьбы осенью 1917 г. и летом – осенью 1918 г. В-третьих, требования рабочих и служащих были ориентированы на реально достижимое в сфере оплаты и условий труда.

Материальный интерес очевиден даже в волне «политического саботажа» распоряжений большевистской власти служащими государственных учреждений поздней осенью 1917 г. Один из видных участников перехода власти в Уфе к Советам проиллюстрировал тезис о том, что «аппарат государственный не давался Советской власти», следующим примером: «Банковские служащие, неожиданно вставшие на работу, в один прекрасный день забрали жалование за 6 месяцев вперед и так же неожиданно бросили службу в банке, заявляя, что они примыкают к бастующим»²⁵⁹.

С экономическими требованиями выступили в начале декабря 1918 г., незадолго до падения «красной» Перми, рабочие Мотовилихи. Соединенное собрание рабочих кузнечного, инструментального и ремонтного цехов, объявленное в официальной прессе результатом «работы левых эсеров», единогласно приняло резолюцию с 13-ю пунктами требований и угрозой забастовки в случае их невыполнения. Их содержание свидетельствует не только о сосредоточении внимания на улучшении материальных условий труда, но и о необоснованности выдвинутого властями тезиса о том, что мотовилихинские рабочие «катались как сыр в масле»:

«1. Требуем увеличения хлебного пайка не печеным хлебом, которого не едят свиньи, а мукой, согласно категорий: первая категория – один п[уд] десять ф[унтов], вторая кат[егория] – один пуд, третья кат[егория] – тридцать фунтов и четвертая кат[егория] – двадцать фунтов, а также всех вспомогательных продуктов, как-то: мяса, крупы, картошки и др. продуктов.

2. Требуем немедленного снятия с комиссаров кожаных курток и фуражек и употреблять их для обуви. <...>

4. Требуем, чтобы все комиссары и служащие советских учреждений пользовались такими же пайками, какими довольствуются рабочие, чтобы не было чиновничества и не пользовались никакими привилегиями. <...>

11. Требуем отмены взыскания за проведенное время по приисканию продуктов рабочими»²⁶⁰.

После ликвидации антибольшевистского режима на Урале поводов для недовольства у рабочих прибавилось, но организация забастовок стала значительно опаснее. Проведение стачек квалифицировалось как трудовое дезертирство и «контрреволюция», что ставило рабочих в весьма затруднительное положение. В декабре 1920 г. общее собрание работников пимокатной мастерской в Барнауле, входившем тогда в состав гигантской Челябинской губернии, приняло резолюцию, в которой крайне осторожно ставился вопрос о возможных мерах давления на начальство («...после всех вышеизложенных пунктов возможно, что нам придется объявить забастовку»). Характерно, что, предвидя опасность применения силы к бастующим, авторы резолюции посчитали необходимым обратиться в ней к красноармейцам: «...когда будет предъявлено требование, то факт, что стоящие у власти закричат, что мы делаем контрреволюционное выступление и могут вызвать вооруженную силу, и может получиться недоразумение»²⁶¹.

²⁵⁹ Эльцин В. Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 356.

²⁶⁰ Известия (Пермь). 1918. 10 дек.

²⁶¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 77.

Несмотря на риск обвинения в «контрреволюции», уральские рабочие и в период «военного коммунизма» в крайних обстоятельствах прибегали к стачкам. Поводом для них служили невыплата зарплаты, невыдача или сокращение пайка, задержка или несправедливое распределение премии, недостаток прозодежды, объявление сверхурочных работ²⁶². Массовый преждевременный уход с работы или невыход на нее, как правило, случался стихийно, без предварительной договоренности. Там, где замечались признаки организованной подготовки, зачинщики арестовывались и препровождались в ЧК.

Те же мотивы преждевременного ухода с работы, формального выхода на работу или объявления забастовки фигурировали и в первые полтора года НЭПа: рабочие протестовали против невыдачи пайка, жалованья, одежды, обуви, премии, против грубого обращения, заявляли о невозможности трудиться по причине голода²⁶³. Условия их труда и в конце 1922 г. мало чем отличались от убогого «военно-коммунистического» существования. Рабочие Южного Урала в первой половине 1922 г. получали менее 50% необходимого продовольствия. Питание суррогатами хлеба вызывало голодные обмороки. Не хватало денежных знаков для оплаты их труда²⁶⁴. В обзоре-бюллетене Челябинского губотдела ГПУ за октябрь 1922 г. положение рабочих стекольного завода рисовалось в самых мрачных тонах:

«Губсоюз дензнаками рабочих не удовлетворяет, предлагает брать товар в лавках в счет заработной платы, в то [же] время расценивая этот товар, худший по качеству, дороже рыночных цен. <...> Охрана труда отсутствует. Культпросветработы нет. Условия жизни рабочих скверные, живут в общежитии, где наблюдается грязь, спят на нарах»²⁶⁵.

Горькая жизнь последних лет сделала рабочих менее притязательными и более покладистыми. Сломить намерение бастовать можно было угрозой обвинения в трудовом дезертирстве, выдачей пайка, выплатой или обещанием выплаты жалованья. В ряде случаев возникали проблемы при выборах в стачечный комитет, который приходилось комплектовать чуть ли не насильно — люди боялись ареста. Тем не менее, в поведении уральских рабочих в начале НЭПа без труда читаются отголоски старых, дореволюционных, характерных в этом регионе форм протеста. Известны случаи угрозы порчей оборудования, вплоть до остановки доменных печей, фактического захвата предприятий (итальянские забастовки), требования смены мастера с угрозой в противном случае убить его²⁶⁶.

Скандалность самого факта протеста со стороны номинального создателя «диктатуры пролетариата» заставляла власти выходить из неудобного положения с помощью не только репрессивных мероприятий, но и удовлетворения скромных запросов рабочих. Если шансы на успех рабочих стачек в этой связи были относительно высокими, то попытки использовать этот инструмент улучшения материальных условий другими слоями населения трактовались исключительно как преступление и карались беспощадно. Так случилось, например, в октябре 1921 г. со служащими резервной пешей роты при Челябинской горюездной милиции, которые подали заявление об отказе от не-

²⁶² ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 52. Л. 63; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 35, 51, 58 об.; Д. 344. Л. 25 об.; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 66, 111.

²⁶³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 105 об.; ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 4; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 40; Д. 234. Л. 80; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 85; Д. 344. Д. 82, 84 об., 99 об., 132; Д. 449. Л. 174, 118; Д. 504. Л. 73.

²⁶⁴ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 166.

²⁶⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 118.

²⁶⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 105 об.; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 103.

сения карательной службы, указав, что «они разуты, раздеты и что в морозы могут по-пасть не домой, а скорее на тот свет». В конце декабря 1921 г. губернский революционный трибунал признал 46 милиционеров виновными в саботаже и осудил их на тюремное заключение или пребывание в концлагере сроком от года до четырех лет²⁶⁷.

Если рабочая забастовка выступала далеко не безнадежным методом достижения компромисса и облегчения материального положения, то крестьянские волнения на Урале в годы российской революции эволюционировали от проявления неоправданно масштабных надежд до последнего выражения отчаяния.

Первый год революции был отмечен надеждой на скорую реализацию долгожданного «черного передела», многообразием форм протеста против старых земельных отношений и попыток государственного вмешательства в жизнь деревни, поспешным самочинным разделом собственности. Однако уже в 1918 – 1919 гг., наблюдая поведение различных властей в отношении селян во время гражданской войны, участники крестьянских возмущений могли предполагать трагический для них исход открытого неповиновения и решались на него в самых крайних случаях, — когда насилие, произвол и беззастенчивое обирание деревни со стороны действительных или мнимых представителей власти ставили крестьян перед реальностью физической смерти, взламывая сельское долготерпение.

Тем не менее, наибольшего накала крестьянское вооруженное сопротивление «неправедной» власти достигло во второй половине 1920 г. — первой половине 1921 г., во время проведения сбора продразверсток и не менее тягостного для деревни продналога «под метлу». В 1922 г., ретроспективно оценивая прошлогодний «бандитизм» в сельской местности, Уфимский губотдел ГПУ отмечал: «Сплошные неурожаи прошлого года заставили население не только истреблять скот сотнями, [но] даже за неимением возможности дальнейшего существования за кусок хлеба пожертвовать свою жизнь, поступив в банды, заниматься разбоем, убийством, грабёжом»²⁶⁸.

В начале 1920 г., когда реквизиционная политика неокрепшего и, как казалось, недолговечного режима только набирала обороты, деревня сопротивлялась ей менее ожесточенно. Основным требованием было допущение свободной торговли; возмущение возможно было погасить без применения силы, с помощью агитации, и без жертв, так как село позволяло арестовать зачинщиков²⁶⁹. Однако с лета — осени крестьянские волнения начали преобразоваться. Все чаще стали случаться отказы от сдачи хлеба государству, нападения на обозы с реквизированным продовольствием, разграбления ссыпных пунктов. Активную роль в этих действиях играли женщины, вес которых в деревенской жизни заметно повысился в годы мировой войны. Руководящую роль в «бабьих бунтах» играли стихийно создававшиеся организации женщин красноармеек. Как сообщалось в чекистских сводках, «женские комитеты местами захватили власть в свои руки»²⁷⁰.

Наибольшие хлопоты советской власти создавало повстанческое движение крестьян и казаков в 1920 — 1921 гг., отражавшее тот факт, что эти категории населения наиболее пострадали в российской революции и дольше других недооценивали репрессивные возможности новых правителей. Повстанчество отличалось большой ожесточенностью и было воплощенной «одновременностью разновременного», причудливым сплавом эпох. Повстанцы использовали примитивное вооружение — в том чис-

²⁶⁷ ОГАЧО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 103. Л. 23.

²⁶⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553. Л. 116 об.

²⁶⁹ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... Т. 1. С. 227.

²⁷⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 71; Д. 344. Л. 1.

ле косы, топоры, ножи, самодельные пики, с которыми восставшие отчаянно дерзко шли против винтовок и пулеметов – и архаичные формы крестьянской войны. Как писал современник и авторитетный знаток военных коллизий на Урале, «крестьянство поднималось “валом”, проводило поголовные мобилизации восставших волостей и двигалось в направлении враждебного пункта массовыми волнами, точно так же, как это было во времена пугачевщины»²⁷¹. Вместе с тем, материально-организационная архаика сочеталась с новейшим опытом подготовки и ведения боевых действий, несенным с фронтов мировой войны. Описание И. Подшиваловым крестьянских восстаний 1917 – начала 1918 г. в равной степени может быть отнесено и к 1920 – 1921 гг.:

«У крестьянских масс наблюдается известная боевая техника, понимание роли военно-технических знаний, стремление использовать унтер-офицеров и офицеров, понимание военных целей и задач борьбы, некоторые представления о формах и способах, известные боевые навыки. Конечно, объясняется все это тем, что солдатская школа в мировой войне, через которую прошло большинство крестьянства, привила определенные порядки и навыки, вместе с демобилизацией старой русской армии растворившиеся по всему крестьянскому миру. Именно психологическим отзвуком мировой войны являются все эти многочисленные “штабы” и “командатуры”, создававшиеся самопроизвольно в деревнях, “окопы”, преграждавшие въезды и выезды из деревень, мобилизации по возрастам, проводившиеся на сходах и съездах, и ряд других форм и явлений, присущих военной системе»²⁷².

Стремление повстанцев использовать военный опыт, приобретенный во время службы в регулярных войсках на фронтах мировой войны, подтверждается наличием делопроизводства некоторых движений. Сохранившиеся материалы «народной армии» известного Ишимско-Петропавловского восстания начала 1921 г. стилистикой и содержанием близки к документации действующей регулярной армии. В письме начальника штаба Народной армии Петуховского района руководителям групп крестьянских штабов от 22 февраля 1921 г. организационная история и задачи восставших описана следующим образом:

«В начале восстания против ига коммунистов действовали мелкие отряды крестьян сел и деревень Ишимского уезда. С расширением территории, отбитой от коммунистов, в силу стратегических соображений и централизации управления войсками на более прочных устоях, отряды признали необходимым организовать более сильные ударные группы и батальоны, полки и дивизии.

Представители отрядов на общем собрании постановили в Петуховском боевом районе создать штаб Народной армии Петуховского района, в сферу влияния которого входят 12 волостей Ишимского уезда и южная часть Петропавловского уезда до ст[аницы] Пресновской. Из этих волостей мобилизованные крестьяне составили две дивизии численностью в данное время до 6000 чел[овек] при 5-ти пулеметах, 3000 винтовок и холодном оружии.

Задача, возложенная на армию Петуховского района, очистить от коммунистов волости и станицы западнее и южнее ст[аницы] Петуховой, т.е. к Кургану и Атбасару, поэтому очищенные волости Курганского уезда, в свою очередь, во избежание громадных потерь, при столкновении более или менее с организованными отрядами коммунистов, должны немедленно объединиться и создать роты, батальоны и полки, а также дивизии (если встретится надобность). Причем командиры рот и батальонов избираются собранием повстанцев, а командиры полков – представителями по одному от каждой роты и батальонов.

Если Ваши объединенные силы не будут достигать хотя бы двух дивизий для образования районной армии, то они должны войти в подчинение начальнику ближайшей районной армии, смотря по удобству в стратегическом отношении, но не должны прерывать тесной связи и с теми частями войск, какие входят с Вами в соприкосновение»²⁷³.

²⁷¹ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917 – 1918 (Опыт военно-исторического исследования). М., 1925. С. 178.

²⁷² Там же. С. 188 – 189.

²⁷³ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.

В период активного расширения площади западносибирского восстания военное руководство повстанцев стремилось сохранить порядок на подконтрольных территориях, не допустить обычных в таких ситуациях необоснованных репрессий и самочинных расправ. 13 февраля 1921 г. Архангельский центральный штаб издал приказ «Всем военным штабам и сельсоветам» следующего содержания:

«В связи с арестами паразитов-коммунистов и даже неизвестных личностей и беспартийных возникает много различных неприятностей на почве личных счетов некоторых граждан, что крайне неблагоприятно отзываясь на местном населении, а потому должны быть устранены, в силу чего центральный штаб настоящим приказывает всем комендантам, всем заведующим местами заключения деятельно рассматривать причины подобных арестов, сомнения в виновности арестованных выносить для обсуждения и рассмотрения таких вопросов пленумом волостного военного штаба, посылать сельским обществам для дачи удовлетворительных и обстоятельных отзывов. Местных неизвестных личностей и беспартийных собирать отдельно от коммунистов, впредь до выяснения подробной их характеристики, как равно военнопленных солдат, сдавшихся без сопротивления, содержать под стражей, не смешивая с коммунистами, никаких издевательств, самосудов над арестованными ни в коем случае не учинять. Виновные будут привлечены к самой строгой ответственности по военному времени. Настоящий приказ вступает в законную силу»²⁷⁴.

Если беспорядки на селе в значительной степени были делом рук женщин, то повстанчество было исключительно мужским занятием. Фрагментарные сведения о возрасте его активных участников свидетельствуют, что реквизиционный произвол в равной степени коснулся всего крестьянства, сгладив наметившееся в последние десятилетия существования Российской империи противостояние старшего и младшего поколений. Среди 126 активных участников повстанческого движения, представших в конце февраля – начале марта 1921 г. перед выездной сессией окружного революционно-военного трибунала Приурво Челябинского района, были представители всех возрастных групп. Их средний возраст составил 33 года, но около трети из них не перешагнули 20-летнего рубежа. Более половины находились в возрасте от 20 до 49 лет, каждому десятому повстанцу было от 50 до 59 лет, встречались и 60-ти и даже 70-летние²⁷⁵.

Жестокие репрессии и, главное, разразившийся в 1921 г. голод, сломили крестьянское сопротивление. В августе 1921 г. информационная сводка Вятской губчека констатировала: «Несмотря на такой тяжелый переживаемый момент, среди крестьян голодных районов не слышно выкриков и угроз по адресу коммунистов и Советской власти, нет и стремления к разграблению ссыпунктов, продскладов, — крестьянство всецело стремится каким-либо путем протянуть эту голодную зиму...»²⁷⁶.

К концу 1921 г. голодное крестьянство осознало свою беспомощность перед лицом продовольственной катастрофы и покорилося судьбе. Уфимский губернский отдел ЧК рапортовал о ситуации в деревне в декабре 1921 г.: «Крупных волнений и беспорядков за отчетный период не было, т.к. голодающее население активно реагировать на свое положение не в состоянии и, вымирая сотнями и тысячами, все же ждет помощи от государства»²⁷⁷. Как и другие категории населения, крестьяне во имя выживания вынуждены были прибегать к незаконным, но скрытым от посторонних глаз, моделям адаптации в неблагоприятных обстоятельствах, отказавшись от демонстративного недовольства.

²⁷⁴ Там же. Д. 195. Л. 141.

²⁷⁵ Там же. Д. 197. Л. 14 – 17, 19 – 21.

²⁷⁶ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 93.

²⁷⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 5 об.

Участь деревни в революционной катастрофе свидетельствует о малой эффективности традиционных форм крестьянского протеста как инструмента борьбы за существование и, в целом, ограниченных возможностях сельского население приспособиться к новым условиям.

Выработанные населением многообразные методы адаптации к чрезвычайным условиям позволяли одним вести полуголодное существование, другим — держаться на плаву, третьим — процветать посреди всероссийской «разрухи». Вместе с тем, старые и новые приемы получения, перераспределения или сбережения средств существования еще не гарантировали выживания. Дефицит продуктов питания и предметов массового спроса, режим хронического недоедания требовали особых бытовых навыков и вели к стихийной трансформации потребительских стандартов, к понижению и огрублению культуры потребления.

3.3. Привыкание к бедности: злключения культуры потребления

«Выгодное для большинства народа устройство его быта зависит больше от качества самих людей, нежели от государственных форм...»

И. И. Янжул

Школа безразличия к бытовым (не)удобствам. «Криминализация» жизни в российской катастрофе заставляла «маленького человека» быть всегда настороже. Опасности подстерегали его на улице со всех сторон: нужно было быть готовым к тому, что к нему в любой момент может забраться в карман воришка, что его попытаются обмануть на рынке, на который каждую минуту могла нагрянуть милицейская облава. Он мог стать жертвой грабежа и самосуда, ареста и обыска, мошенничества и давки в очереди за продуктами. Было опасным показаться на улице в нетрезвом виде и покидать жилище с наступлением темноты, когда улицы пустели, а дома затворялись на все запоры.

Повышенная концентрация опасностей заставляла смиряться со многими бытовыми неудобствами, не представлявшими непосредственной угрозы для жизни. Они были вызваны дружным действием ансамбля многообразных обстоятельств. Политические потрясения в стране спровоцировали сложную и неуправляемую цепную реакцию, повлияв — и прямо, и опосредовано, — на крушение быта. Революция привела к невиданному сокращению материальных и организационных возможностей власти. Перед лицом «великих» событий излишними мелочами стали казаться внесение общегосударственных и местных налогов, чистка улиц и выгребных ям, выделение средств на ремонт тротуаров и водопровода, поддержание ассенизационного дела, больниц, школ и приютов. В условиях невиданного ослабления государственного контроля у вчерашних подданных российской короны голова пошла кругом: открылись небывалые возможности для безнаказанного разбазаривания и растаскивания казенных средств. Заботившиеся о минимуме бытовой благоустроенности муниципальные службы оказались в положении «пасынков» государственной машины, а затем стали жертвами гонений на «пережитки прошлого». Гражданская война и многократная смена власти, волны беженцев и переселенцев, «военно-коммунистические» преследования рыночных отношений и голодная катастрофа первого года НЭПа — все это ставило обитание в молодой Российской Республике на грань невозможного и превращало повседневную жизнь в школу равнодушия к бытовому комфорту.

В столицах, более или менее приобщенных к плодам европейской материальной цивилизации, распад повседневности приобретал более динамичный и драматичный характер. В 1918 г. жители Петрограда бросали квартиры и имущество на произвол судьбы, покидая голодную столицу в поисках хлеба. Город являл «нищету без прикрытия»¹. Из-за замершего дорожного движения центральные улицы второпрестольной зарастали травой. На них, напротив бывших дворцов, по несколько дней лежали прикрытые рогожами трупы лошадей. Собаки окровавленными мордами вгрызались в их внутренности. Группы детей, наблюдая эти сцены, безобразно хохотали. Спешившие по тротуарам взрослые мельком косились на отвратительное зрелище, стараясь не замечать происходящего².

¹ Бруцкус Э.О. «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») // Отечественная история. 1997. № 3. С. 87.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 1.

На Урале, где, как обычно в провинции, история протекала медленнее, деградация быта началась с более низкой стартовой отметки и была менее динамичной, не столь стремительно достигая столичного уровня одичания. С 1917 — 1918 гг. горожане стали испытывать неудобства, вызванные упадком городского хозяйства. Расшатались никем не ремонтируемые дощатые тротуары. Перестали чиститься улицы. Летом жители городов изнемогали от зноя и пыли на дорогах, которые больше не поливались, и от зловония, распространяемого базарами и общественными уборными, пребывавшими в состоянии антисанитарии³. Дворы национализированных домов были покрыты гниющим мусором, навозом и кухонными отбросами⁴. Осмотр одной из уборных на паровой пристани в Вятке в июне 1918 г. обнаружил следующее:

«...отхожее место темно, неблагоустроено, с переполненной выгребной ямой, сток для мочи завален экскрементами; пользующиеся отхожим местом, вследствие темноты и отдаленности желоба, мочатся непосредственно на пол, и жидкость из отхожего места, смешиваясь с навозной жижей, вытекающей из смежного нечищеного хлева, пропитывает доски стока к отхожему месту и разливается далее по двору, распространяя зловоние»⁵.

Аналогичная картина была обнаружена двумя годами позже при обследовании двора одного из домов, находившихся в ведение Вятской городской коммуны:

«При осмотре двора вышеупомянутого дома помойная яма оказалась совершенно переполненной до верха, которой содержимое выливается наружу, ватерклозетный люк также переполнен; по заявлению домового комитета, уже не раз была подана просьба в ассенизационный обоз по очистке последних, которая до сего времени не произведена»⁶.

Ассенизационное дело не удалось оживить и на первом году «новой экономической политики». В 1921 г. в Котельнич ассенизационный обоз составлял 16 лошадей вместо требуемых 25, в Малмыже — 8 вместо 15, в Орлове — 7 вместо 30⁷. Летом 1922 г. Вятская областная санитарно-эпидемическая чрезвычайная комиссия сокрушенно констатировала:

«...пожалуй, более, чем в какой-либо другой области, отразилась хозяйственная разруха на санитарном строительстве жизни. Загрязнены до неузнаваемости города, села и деревни, разрушено коммунальное хозяйство, приведено в расстройство водоснабжение, грязь кругом, грязь везде и всюду — вот та жуткая картина жизни, на борьбу с которой положено и кладется немало усилий. Забытая санитария и утраченное представление о гигиене — лишь только под тяжестью охватывающих нас различных эпидемий, как будто, начинают появляться из-под спуда. <...> Неумолимый рок с его тифами, холерой и другими болезнями, тяготеющий, как Дамоклов меч, над нами, определенно грозит нам гибелью, если в деле спешного выведения нас на путь санитарии и гигиены не будут приняты все меры»⁸.

Зимой горожане вынуждены были лавировать среди сугробов и выделывать причудливые па на обледенелых дорогах, летом — ходить по проезжей части, чтобы не сломать ноги на сломанных полицах тротуаров и избежать летящего прямо из окон мусора. В передвижениях по разрушенным городским коммуникациям население демонстрировало чудеса ловкости. Поздней весной 1921 г. в Верх-Исетском заводе, когда грузовой автомобиль продавил мост через Исеть, оставшийся более трех недель без

³ Известия (Пермь). 1918. 26 июня.

⁴ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп.1. Д. 47. Л. 555.

⁵ Там же. Д. 47. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 440.

⁷ Там же. Д. 49. Л. 96.

⁸ Ижевская правда. 1922. 13 июля.

ремонта, екатеринбургская пресса сообщала: «Обыватели прыгают, как козлы, через провалы, и на чем свет стоит ругают советскую власть»⁹.

Бытовая «разруха» обезобразила не только внешний облик городов. Она вползла в каждую семью, лишив население, вне зависимости от социальной принадлежности, элементарных бытовых удобств и минимума домашнего уюта. В значительной степени этому способствовал жилищный кризис, обозначившийся еще в годы мировой войны в связи с притоком в города беженцев и переселенцев, а также ростом размещенных в городских населенных пунктах воинских гарнизонов. В результате в Вятке летом 1917 г. ощущался «квартирный голод»: люди, заброшенные туда обстоятельствами или переселенные по долгу службы, были вынуждены по месяцу и дольше искать и поджидать квартиру, снимая с семьей гостиничные номера. Современников возмущало, однако, не столько отсутствие свободного жилья, сколько связанные с квартирным дефицитом злоупотребления: волчьи аппетиты хозяев жилья, поднимавших квартирную плату на 30 – 40% от привычных расценок, проживание тысяч военнообязанных в отдельных квартирах или занятие ими целых домов, съём квартир через подставных лиц. В Котельниче в связи с обострением квартирного вопроса исполком Совета принял решение выселить всех военных в северные волости, в Вятке подобное решение осуществить не удалось. Однако в 1917 г. значительная часть горожан продолжала жить по дореволюционным жилищным стандартам: в Вятке за обывателями еще сохранялись квартиры по восемь – десять комнат¹⁰.

В последующие годы, особенно во время гражданской войны, под влиянием разрушения жилищного фонда, в том числе и в результате боевых действий, в связи с усиленной миграцией и ростом городского населения квартирный вопрос приобрел особую остроту, а санитарные нормы расселения изменились до неузнаваемости. Уфимская пресса в конце 1919 г. так характеризовала жилищную проблему:

«С переходом в Уфу ряда крупных военных учреждений квартирный кризис усилился до чрезвычайности. Вопреки минимальным нормам, требуемым гигиеной, у нас в последнее время кладется на каждого человека от "десяти до двенадцати квадратных аршин" – точнее, шагов. Можно себе представить, как туго набиты по этим квадратам "уфимские квартиры"»¹¹.

В 1920 г. в Вятке значительный процент горожан составляли «комнатные жильцы». Проверка в мае – сентябре 1921 г. жилых помещений в административном центре Вятской губернии обнаружила беспрецедентную скученность проживания: в ряде случаев люди жили по шесть – семь человек в комнате¹². Весной 1921 г. из-за обострения квартирного кризиса в Екатеринбурге около 500 человек оказалось на улице¹³.

Происходившее за стенами столичных национализированных и коммунализованных домов под ударами переселений и уплотнений увековечено в прозе М.А.Булгакова:

«Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами. Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерний мрак. В нем спотыкались тени с узлом и тоскливо вскрикивали:

– Мань, а, Ма-ань! Где же ты? Черт же возьми!

⁹ Уральский рабочий. 1921. 8 июня.

¹⁰ Вятская мысль. 1917. 28 июля, 2 авг.

¹¹ Известия (Уфа). 1919. 17 дек.

¹² ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 555. Л. 26. Вятская правда. 1920. 17 июля.

¹³ Уральский рабочий. 1921. 12 апр.

В квартире 50 в двух комнатах вытопили паркет. Лифты... Да, впрочем, что тут рассказывать...»¹⁴.

В уральских городах, небогатых многоквартирными доходными домами для состоятельных жильцов, жилые помещения, тем не менее, быстро пришли в непригодное для обитания состояние из-за несовершенства систем канализации, водоснабжения и отопления. Осматривая в мае 1918 г. квартиру владельца часового магазина М. Кантера, комиссия Вятского губздравотдела обнаружила, что, вследствие одинакового диаметра впускных и сточных труб канализации, при образовании воздушных пробок сточные воды «...частью переливаются через унитаз в квартиру Кантера и разливаются по полу, что такие случаи бываю часты, видно из состояния пола, который местами гниет и издает дурной запах». Выгребные ямы были до горловины переполнены экскрементной гущей, что делало невозможным спуск из унитазов в квартирах 1 – 2 этажей¹⁵.

В следующем месяце та же комиссия, проверяя муниципализированный дом, принадлежавший ранее местному предпринимателю М.Д. Зонову, констатировала: «Выгребная яма... содержит твердые каловые массы, причем уровень их приблизительно одинаков с уровнем пола подвала, что затрудняет спуск через трубы клозетных нечистот»¹⁶. Асфальтовый пол подвала был покрыт липкой зловонной жидкостью. В феврале 1919 г. акт осмотра полуподвального помещения дома № 18 на Орловской улице Вятки содержал следующую информацию:

«Пол сеней и коридора при кв. 3 и 4 полуподвального помещения названного дома покрыт толстым слоем замерзшей жидкости, по-видимому, сточного характера; ватерклозетом пользоваться совершенно нельзя – дверь его крепко вмерзла в замерзшую сточную жидкость пола сеней и не открывается; дверь, ведущая из сеней в специально устроенное, рядом с ватерклозетом, помещение с водопроводным краном и раковиной, также вмерзла в пол и полуоткрыта, пользоваться водопроводом нельзя, так как пол здесь также покрыт толстым слоем льда, раковина переполнена замерзшей водой, спускающейся целой горой льда до самого пола.

В кухне квартиры № 3 штукатурка потолка вся почти сырая и вода капает на пол, где ее скопилось вершка на 2, – приходится ходить по проложенным доскам»¹⁷.

По заявлению жильцов полуподвала, экскрементный «потоп» продолжался уже несколько месяцев – жидкость не только заливала жилое помещение из стульчака, но и просачивалось из-под пола, вследствие чего пол туалета, коридора и сеней до наступления холодов утопал в сточных водах.

Не меньшие неудобства доставляла городским жителям неразвитость водопроводной сети. В Уфе в 1919 г. водопровод снабжал едва ли половину горожан. Остальное население пользовалось водой из реки и уличных кранов. При пользовании последними нужно было платить 50 копеек за ведро, а потребление речной воды затруднялось расположением города на крутом склоне р. Белой и тяжестью подъема. Следствием этих обстоятельств была скаредность в расходовании воды в ущерб гигиене¹⁸.

Неблагополучно обстояло дело и с освещением жилья. Осенью 1920 г. уфимские советские служащие тщетно просили у властей разрешения хозяйственным способом провести в их квартиры провода для использования двух – трех лампочек на кварти-

¹⁴ Булгаков М.А. Избр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1997. С. 215.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Известия (Уфа). 1919. 17 дек.

ру: отказы обеспечить их электричеством за счет городских средств обосновывались отсутствием электропроводки, которая, однако, имелась в избытке у «спекулянтов»¹⁹.

Запущенное отопительное хозяйство также было чревато многими неприятностями и опасностями. Так, в Вятке поступательно росло число пожаров – с 40 в 1913 г. до 131 в 1919 г., 122 в 1920 г. и 79 в первом полугодии 1921 г. Более 40% всех пожаров в 1919 – 1920 гг. было вызвано несвоевременной чисткой труб и неисправностью печей²⁰. В сентябре 1919 г. жильцы одного из домов по улице Ахмаровской в Челябинске направили заведующему городским хозяйством заявление такого содержания:

«Вследствие неоднократной подачи заявлений в управу о присылке мастера, об исправлении печей и их очистке, но до сих пор таковой не присылается; ввиду чего мы, квартиранты, находимся в большой опасности в пожарном отношении, а равно и ввиду наступающих холодов лишаемся возможности отапливать свои квартиры и готовить кушанья. Ввиду изложенного мы еще раз просим скорейшего распоряжения Вашего, а в противном случае мы вынуждены будем за могущий быть несчастный случай сложить с себя ответственность»²¹.

Нетрудно догадаться, что в лучших жилищных условиях оказались домохозяева в некрупных городах, а также ответственные советские работники, имевшие, благодаря служебному положению, возможность перераспределять жилье в свою пользу. В ноябре 1920 г. заместитель челябинской эвакуационной службы докладывал в президиум губисполкома о ситуации с жильем в Кургане:

«Население, проживающее в национализированных домах, уплотнено, но граждане, живущие в своих домах, как жили ранее, так и живут и теперь, занимая с семьей в 3 – 4 человека по 5 и 6 комнат, а также и ответственные работники расположились прекрасно. Лично я знаю несколько таких работников, которые занимают с семьей в 5 человек 7 комнат; 3 человека – 4 комнаты и т.д. Путем уплотнения населения, ответственных работников и учреждений может быть освобождено еще зданий тысяч[и] на две человек»²².

Совершенно иначе выглядели жилищные условия тех, кто вынужден был снимать жилье, не имея протекции, особенно в городах, пострадавших от боевых действий гражданской войны. Так, в сентябре 1919 г., вскоре после изгнания «белых» из Челябинска, по заявлению служащего редакции газеты «Степная коммуна» А.Ф.Севастьянова было обследовано его жилье, непригодное, как оказалось, для обитания:

«...флигель, находящийся во дворе, в котором проживает тов. Севастьянов, имеет в потолке сквозные провалы, потолок прогнувшийся и грозит опасностью окончательно рухнуть, стены покосились и выпучились, крыша совершенно разрушена, пол прогнувшийся и провалившийся, печь развалена и совершенно не пригодна для использования»²³.

В особенно тяжелом положении оказались рабочие, не имевшие собственного жилья и перемещенные для восстановления промышленных объектов в порядке трудовой повинности. Их жилищные условия были невыносимы: в полужемляных бараках, рассчитанных на 120 человек, теснилось до 200 рабочих. В помещениях с недостаточным освещением, негодной для питья водой, грязью и теснотой свирепствовали цинга, тиф и прочие заразные болезни²⁴.

¹⁹ Там же. 1920. 19, 20 окт.

²⁰ Вятская правда. 1921. 28 июня.

²¹ ОГАЧО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

²² Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 218. Л. 53.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Советская правда. 1921. 5 мая.

Непригодные для жизни условия отличали быт южноуральских шахтеров. Информационная сводка Челябинской губчека за декабрь 1921 г. сообщала:

«Среди недостатков центральное место занимают квартирные условия – рабочие живут в землянках и бараках с земляными полами, которые отапливаются очень плохо, уголь в квартиры не подвозится, кругом царит грязь и нечистота, на почве чего сильно развивается эпидемия тифа, больные за неимением в достаточном количестве лазаретов лежат в землянках и бараках среди здоровых, заражая последних»²⁵.

Год спустя санитарное состояние жилищ рабочих Челябинских угольных копей не изменилось:

«...мусорных ям нет, около помещений, занимаемых рабочими, уборные находятся в антисанитарном состоянии. В самих помещениях клопы, блохи, тараканы и проч[ая] нечисть»²⁶.

Хотя, согласно официальной статистике, жилищный фонд Уфалейских угольных копей вырос в 1922 г., по сравнению с 1920 г., более чем в два раза, улучшение квартирных условий, по мнению Челябинского губотдела ОГПУ, произошло «...не в счет рабочих, а в счет администрации, рабочие же продолжают жить в новых... бараках, по своему качеству негодных, где всюду дует ветер, и в сырых старых землянках»²⁷. В подтверждение этого тезиса было приведено множество фактов, в том числе описание одного из шахтерских жилых помещений:

«Барак № 67 – помещается 8 семейств рабочих в количестве 70 чел[овек], кубатура барака не более 20 куб[ических сажений], из 70 чел[овек] – 22 детей, все дети голые, на некоторых рваные, грязные рубашки, без обуви, взрослые также в каком-то тряпье, постельных принадлежностей нет..., кроме мешков, половиков. Все ютятся около одной печи, печь с плитой для выпечки хлеба не приспособлена. Пищу готовят на плите в очередь, большинство едят так называемую затирку из воды и муки, горячей пищи зимой совершенно не видят, кроме чая, летом, говорят, было лучше, пищу готовили на воздухе. Что творится внутри барака, описать невозможно, кругом грязь, воздух спертый, у рабочих и их семейства вид болезненный, воспаленный, в общем, барак напоминает переселенческие пункты голодающих в [19]21 году, здесь болезнь чесотка и что хотите»²⁸.

Не в лучшем состоянии пребывали на втором году НЭПа коммунальные обитатели рабочих других отраслей. В сентябрьском (1922 г.) обзоре-бюллетене Челябинской ГПУ описано общежитие стекольного завода:

«Каменное общежитие для рабочих находится в антисанитарном состоянии. Имеющееся деревянное помещение переполнено до невозможности. Кипятильники не мыты около месяца. Прозодежда рабочим не выдавалась и не имеется. Рабочие за естественной надобностью ходят куда попало, имеющаяся одна уборная на 140 чел[овек] находится в версте от завода и последняя в антисанитарном состоянии»²⁹.

На тесноту, отсутствие удобств и нестабильность в обеспечении дровами жаловались летом 1922 г. и более благоустроенные екатеринбургские рабочие³⁰.

Быт обитателей уральских городов и многих поселков все более приближался к походным условиям и заставлял их вырабатывать соответствующие навыки. Нужно было научиться самим добывать топливо, не обращать внимание на холод и непри-

²⁵ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 118.

²⁶ Там же. Д. 499. Л. 131 об.

²⁷ Там же. Л. 146 об. – 147.

²⁸ Там же. Л. 147.

²⁹ Там же. Л. 103 об.

³⁰ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

ятные запахи, спать в одежде, передвигаться по доскам, настеленным по покрытому зловонными лужами или льдом полу, привыкнуть к отсутствию освещения и туалетов. Чтобы выжить в такой обстановке, следовало не только закрывать глаза на бытовой дискомфорт, но и проявлять известную изобретательность. Одним из подобных изобретений революционной России стала печь-«буржуйка», детальное описание которой сохранилось в воспоминаниях современников — представителей бывшего «образованного общества»:

«Все мы разогревали свою скудную пищу на "буржуйках". Это кусок кровельного железа, свернутого в короткую трубку в 1/2 аршина высоту. Сверху отверстие, прикрываемое тоже железным тонким кружком. Сбоку небольшое отверстие, куда вставляется тонкая железная труба, и ее присоединяют, обыкновенно, к открытой дверце в печке (так в тексте; вероятно, следует читать "в окне" — И.Н.). С другого боку пониже крошечная дверца; через нее можно протолкать маленькие кусочки лучинки или простую бумагу и — зажечь. Это и есть "буржуйка". Зовут ее так потому, что, не имея ни дров, ни денег для их закупки, мы все, обыватели-"буржуи", только на ней и варили свою пищу. "Пролетариат" ее не употреблял. Что сварить на бумаге да на щепках? У рабочих были дрова для плит»³¹.

Автор безымянных воспоминаний ошибался в одном: «буржуйка» была чрезвычайно популярна в городской среде, в том числе и среди «пролетариата». Ее широкое распространение самым неблагоприятным образом сказывалось на состоянии жилищного фонда — к началу 20-х гг. жести с крыш и водосточные трубы исчезли, пойдя на создание многочисленных «буржук».

В связи с недостатком электричества и керосина для освещения создавались суррогаты жидкого топлива. На исходе антибольшевистского режима на Среднем Урале екатеринбургская печать рекомендовала использовать для осветительных целей смесь из чистого спирта и скипидара в соотношении 4:1 или из восьми частей спирта и одной части пихтового масла³².

Жизнь в холодных, грязных, перенаселенных жилищах лишила горожан частных, закрытых, надежных уголков частного бытового уюта, в которых можно было бы спрятаться от социальной непогоды и чувствовать себя защищенными от внешних опасностей. Бытовая «разруха» рождала коллективизм поневоле.

«Разруха» в сфере обслуживания. Не менее недружелюбно, чем домашний быт, выглядела сфера обслуживания. С кануна революции 1917 г. обычным явлением в городах стали продовольственные «хвосты», которые с каждым месяцем становились длиннее, а стояние в них — все более длительным. Причем занятие очереди задолго до открытия магазинов и лавок не гарантировало успеха. В 1917 г. наиболее активная и агрессивная часть городского населения — гарнизонные солдаты — не только терроризировали жителей хулиганскими выходками, но и превратили распределение товаров в собственную монополию. Поздней осенью, во время всевластия бесчинствующих солдат, население Вятки потеряло доступ к услугам магазинов:

«Иногда в местных магазинах появляется тот или иной товар (галоши, чай, табак и пр.), но и тут вятский обыватель остается простым свидетелем того, как товар разбирается солдатами, а если пожелает купить, например, галоши, то должен бывает заплатить за них солдату или

³¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 171.

³² Уральская жизнь. 1919. 29 июня.

скупщику в толкучем рынке пятнадцать – двадцать пять рублей, за 1/4 фун[та] чаю четыре р. пятьдесят к. и т.д.»³³

Пользуясь нехваткой самого необходимого, продавцы вели себя все наглее, словно бы они не были обязаны обслуживать покупателей и могли по своему усмотрению исполнять или не исполнять просьбу последних. Покупатель ощущал себя беззащитным и униженным просителем, персонал магазинов – всевластным хозяином. Выход на работу и закрытие лавок по желанию служащих, открытое – при клиентах – перераспределение поступающих продуктов питания и предметов массового спроса, грубость и хамство по отношению к посетителям становились обычным явлением. К концу периода «военного коммунизма» невысокие дореволюционные стандарты обслуживания были безвозвратно утеряны, и на базарах начала НЭПа можно было наблюдать такую картину:

«Торговые ряды. Наскоро сколоченные лавочки. Вокруг грязь, мусор... Воздух наполнен чем-то разлагающимся...

За прилавками – жирные, упитанные торговцы. Лица тупо застывшие и лоснящиеся от жары. На прилавках разложены всех цветов радуги куски мяса.

Кругом носятся мириады мух, и почерневшее мясо лежит непокрытое и вызывает тошноту. При взгляде на него мутит. Мутит и сонных покупателей. Они осторожно подходят, смотрят, о чем-то вздыхают и... покупают.

– Сколько?

– Триста.

– Мадам, возьмите! Вот – жирненькое. А если немного и запачкано, так и от вас, мадам, ничего не останется, если целый день перекладывать вас с места на место. Еще не на это будете похожи.

– Не хочешь покупать, не покупай. Другой купит. Ишь, какая фря.

«Фря» смущенно отходит от лавочки, вслед за ней несется одно тепленькое словцо за другим»³⁴.

Аналогичный прием ждал горожан и в других местах. Весной 1921 г. посетители жаловались на порядки в бесплатных парикмахерских Вятки³⁵. Так, Советская парикмахерская открывалась не в 9 часов утра, а в 11⁰⁰, закрываясь в 15⁰⁰, как все советские учреждения. Однако, и в этот 4-х часовой промежуток работа не спорилась:

«Во время работы работницы-женщины уходят в соседнюю комнату и преспокойно занимаются там танцами, публика ждет. В результате за весь день обреют человек пять – шесть, поговорят, потанцуют – и все»³⁶.

В условиях нормирования питания источником получения дополнительного рациона для значительной части населения, в том числе и детей, становились советские столовые. К началу гражданской войны на Урале ресторанное обслуживание деградировало донельзя: посетители жаловались на грубость официантов и необходимость часами ждать заказанных блюд даже в лучших в прошлом ресторанах³⁷. Если в «белой» зоне Урала ресторанное дело пережило короткий расцвет, то на советских территориях закрытие ресторанов, кафе и закусочных превращало столовую в монополиста общественного питания, что закономерно сопровождалось понижением качества обслуживания. Обеды в столовых были дороги. В августе 1918 г. в Вятке обед из двух блюд с куском хлеба стоил 5 р., миска супа без хлеба – 2 р., хлеб – 3,6 р. фунт – дороже,

³³ Вятская речь. 1917. 9 ноября.

³⁴ Советская правда. 1922. 14 июля.

³⁵ Вятская правда. 1921. 6 марта, 1 апр.

³⁶ Там же. 6 марта.

³⁷ Известия (Вятка). 1918. 10 июня.

чем на рынке. В ноябре того же года обед без хлеба в пермских городских столовых стоил 5 р. К октябрю 1921 г. столовский обед из двух блюд с 1/4 фунта хлеба вздорожал до 6 тыс. р., порционные блюда стоили 7,5 – 8 тыс. р.³⁸ При этом качество питания оставляло желать лучшего. Вятская губернская рабоче-крестьянская инспекция сообщала о результатах проверки 7 – 9 августа 1919 г. столовой № 7, что обед «...оказался слишком скверным во время 1-го дня обследования, а также и несоответствующим в натуре по раскладке, каковую должно было подавать посетителям в приготовленном уже виде, во второй день обследования, 8-го, обед оказался много лучше»³⁹. Обед, заслуживший похвалы со стороны инспекции, не отличался кулинарной изобретательностью: на первое подавался суп из коровьих голов и ливера с овсяной крупой, второе блюдо представляло собой выловленные из супа вываренные субпродукты, приправленные гречневой кашей.

Потребители обедов в столовых времен «военного коммунизма» оставались недовольны. С их стороны неслись «нарекания на плохие обеды или малую их порцию, грубое обращение с публикой служащих, на утайку ими продуктов и пр. и пр.»⁴⁰

Впрочем, начало НЭПа не сказалось на качестве общественного питания. В мае 1921 г. информационная сводка Челябинской губчека докладывала о «меню» одной из заводских столовых: «...вместо супа выдают “варенные пробки и жаренную водицу”, т.е. суп из сбоя, и кашу, всю пропитанную дымом, и вместо масла кладут протухшее сало»⁴¹.

Ниже всякой критики было санитарное состояние столовых. Екатеринбургский санитарный врач, обследовавши в апреле 1921 г. местные организации общественного питания, отметил общие для них недостатки: «...почти ни в одной из столовых не имеется плевательницы (мы все еще плюем на пол), повсюду нужно завести рукомойники для посетителей...»⁴².

Бытовая «разруха» не обошла стороной и банного хозяйства. Дефицит воды, дров, мыла, и, главное, порядка, сказался на нем самым пагубным образом. Так, в середине декабря 1919 г. несколько челябинских рабочих, пришедших в 8 часов вечера в баню Бардского, обнаружили, что распоряжение отдела здравоохранения не закрывать бани до 23 часов не выполняется — вода в ней была уже холодной. Возмущение посетителей разбилось о ленивый ответ служащего: «Много их, распорядителей, не знаешь, кого и слушать»⁴³.

В апреле 1920 г. горожанам Вятки негде было мыться: с 5 часов утра в городской бане мылись только красноармейцы, несмотря на наличие гарнизонной бани и бань при частях. Номера для семейных также захватывались военными с целью выстирать свое грязное белье⁴⁴.

Разгул эпидемий, вызванных игнорированием элементарных правил гигиены, заставил власти пойти на чрезвычайные меры. В январе 1921 г. во все губернские, городские и уездные отделы здравоохранения была направлена инструкция наркоматов внутренних дел и здравоохранения о реализации декрета «Об обеспечении населения республики банями». В ней объявлялось, что «все банное дело в республике

³⁸ Там же. 22 авг.; Известия (Пермь). 1918. 13 ноября; Степная правда. 1921. 26 окт.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-893. Оп. 1. Д. 422. Л. 84 об.

⁴⁰ Вятская правда. 1921. 6 янв.

⁴¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 83.

⁴² Уральский рабочий. 1921. 7 апр.

⁴³ Советская правда. 1919. 17 дек.

⁴⁴ Деревенский коммунист. 1920. 14 апр.

сосредотачивается в общем ведении народного комиссариата внутренних дел»⁴⁵. Тем не менее, уральские медики и в последующие месяцы констатировали отсутствие положительных перемен⁴⁶. В конце 1922 г. отмечалась малочисленность общественных бань в Уфе. Посетители находившейся в ведение городского коммунального отдела бывшей «Лаптевской» бани были принуждены, заплатив за вход 2 млн. р. — стоимость 1,5 кг хлеба — мыться холодной водой⁴⁷. Банные процедуры уфалейских шахтеров сводка Челябинского губотдела ГПУ за декабрь 1922 г. живописала следующим образом:

«На всех уфалейских копиях имеется одна старая баня, в самой бане невообразимая грязь и вода стоит лужами, здесь моются рабочие, их семейства и приютские дети, кои не гарантированы от заражения различными, как внутренними, так и кожными болезнями, вплоть до венерических»⁴⁸.

Потрясения революционных лет до неузнаваемости изменили железнодорожный сервис. Вначале НЭПа люди передвигались по железной дороге в условиях, непригодных для перевозки скота: вагоны для пассажиров, несмотря на дороговизну билетов, представляли собой теплушки без нар: люди сидели и лежали на заплыванном полу, проходившие переступали через них⁴⁹.

После утомительного путешествия проблематично было привести себя в порядок и отдохнуть в гостинице. Об одной из них екатеринбургская газета в феврале 1921 г. сообщала:

«В гор[оде] Красноуфимске советские номера на Троицкой улице № 35 находятся в скверном состоянии: кругом грязь, комнаты не убираются, полы метутся в 2 – 3 дня раз, о мытье нечего и говорить.

В коридоре всегда помещается коза, которая при незакрытых дверях забирается в комнаты, отчего по всему дому носится смрад.

Освещения в номерах нет, хотя керосин и отпускается.

Самовар приезжим подается очень неаккуратно, в некоторые дни совершенно не подается; у прислуги приходится просить самовар чуть не со слезами. Плату же за чаепитие прислуга требует столько, сколько ей вздумается, несмотря на то, что самовар советский»⁵⁰.

От «разрухи» невозможно было спрятаться не только в гостинице, но и в так называемых «домах отдыха», которые совершенно не соответствовали своему назначению: поправить в них здоровье во время отпуска не представлялось возможным. В отчете за 1921 г. Оренбургская губернская рабоче-крестьянская инспекция, обследовав один из них, констатировала:

«Антисанитарное состояние дома отдыха № 4, халатность администрации, уменьшение нормы питания призреваемых, религиозные притеснения мусульман и расхищение вещей умерших, беззастенчивое обращение обслуживающего дом врача, распорядившегося часть призреваемых поместить в мертвецкую при наличии в последней мертвых тел»⁵¹.

Жизнь в экстремальных условиях требовала предельного напряжения сил. Подорвать здоровье при этих обстоятельствах было просто, восстановить — практически невозможно. О беспрецедентной деградации гигиенической культуры свидетельствова-

⁴⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.

⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 357. Л. 96.

⁴⁷ Власть труда. 1922. 28 дек.

⁴⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 147.

⁴⁹ Уральский рабочий. 1922. 27 авг.

⁵⁰ Там же. 1921. 25 февр.

⁵¹ ГАОО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 118. Л. 97 об.

ло и состояние лечебниц. Из-за нехватки врачебного персонала и медицинских средств амбулаторное лечение грозило опасностью заражения многими болезнями. Так, одна из вятских амбулаторий в 1920 г. одновременно принимала больных по внутренним, детским и венерическим заболеваниям⁵². Помещение в больницу обрекало значительную часть пациентов на верную смерть. Весной 1921 г. екатеринбургская печать жаловалась на санитарное состояние одного из больничных отделений: «...в гнойно-хирургическом отделении царит полный беспорядок: в палатах пыль, мусор и масса принадлежащей больным вольной одежды и посуды; посетители проходят в палаты, не раздеваясь, садятся на койки, клозеты не работают...»⁵³.

Информация о «полнейшем хаосе» во 2-ой советской больнице г. Миасса содержится в сводке челябинских чекистов за май 1921 г.:

«Больные не получают регулярно ванны, пища готовится плохая, хлеб выдается плохо испеченный, и белье не меняется подолгу. На просьбу больных, чтобы вымыться в ванне и поменять белье, администрация отвечает, что дров нет»⁵⁴.

В отчете Оренбургской губернской РКИ за 1921 г. о работе здравотдела сообщалось:

«Помещения больниц губернской хирургической и детской не вполне оборудованы: нет стекол, двойных рам, стены грязны и требуют побелки, электрическое освещение испорчено, провода очень стары, в некоторых местах перегорели и не исправлены, отчего угрожают в пожарном отношении, печные трубы не прочищены и не топятся и поставлены[е] в каждой палате железные печи топливом снабжаются плохо, отчего в палатах температура достигает до 5 – 7° по Реомюру. Больные лежат в собственных одеждах, нарушая тем самым элементарное требование медицины, наблюдается недостаток инвентаря, больничного белья, теплого белья, халатов для больных, туфель и пр. За неимением соломы больные не имеют матрацев, располагаясь в большинстве случаев просто на досках; особенно плохо оборудована детская больница, где ощущается большая нужда в кроватях, ибо на одной кровати лежат по 3 – 4 больных, а равно одеял, продовольствием снабжаются плохо, больным зачастую не дается ни крупы, ни мяса, ни молока, а иной раз даже хлеба, сахару и пр[очих] продуктов. Диетическое питание отсутствует, больным малярией часто дают огурцы, капусту»⁵⁵.

Еще более проблематичной, чем успешное лечение, была социальная реабилитация оставшихся без опеки детей, обираемых приютским персоналом и воспитываемых в условиях крайней нищеты и антисанитарии. В мае 1918 г. организованный Вятским губздравотделом осмотр «Дома нищих» обнаружил следующее:

«Жилое помещение, состоящее из двух этажей и служащее общежитием для шестидесяти трех детей обоего пола, в нижнем этаже крайне загрязнено, деревянный пол спален и др[угие] комнаты покрыты толстым слоем грязи и пыли. На стенах – следы сырости. Стены спален испещрены следами раздавленных клопов и грязью.

Постели покрыты в некоторых случаях грязными лохмотьями, в некоторых – грязными тюфяками, из которых сыплется прогнившее мочало. Грязные лохмотья и старая обувь валяются под кроватями. Умывальники не устроены. Воздух в помещениях спален смрадный. У воспитанников нет запасных комплектов носильного и постельного белья. Больные не приняты в больницу, однако опасные для окружающих находятся в общих спальнях и лишены правильной медицинской помощи»⁵⁶.

Нишенское состояние детских учреждений растянулось на годы. Так, обследование челябинского приюта им. Я.М.Свердлова в апреле 1920 г. показало нехватку

⁵² Вятская правда. 1920. 2 июня.

⁵³ Уральский рабочий. 1921. 30 марта.

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 85 об.

⁵⁵ ГАОО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 180. Л. 97 об. – 98.

⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

постельного и отсутствия носильного белья, вследствие чего дети выходили на улицу в простынях. За неимением школьных принадлежностей учебные занятия не проводились. Не имея чайной посуды, дети хлебали чай ложками из столовых мисок. Ложек тоже не хватало, и чаепитие осуществлялось по очереди. Воспитанники страдали чесоткой и глазными болезнями. Отдел народного образования отказывал учительницам во всех ходатайствах, в том числе в выдаче шпагата для изготовления детьми плетеной обуви⁵⁷.

В начале сентября 1920 г. из Перми было отправлено проникнутое отчаянием письмо, отражающее жизнь в приюте:

«Дорогие родители. Я не знаю, как вырваться домой из приюта. Очень голодно. Дают паек: утром чай и кусок хлеба 1/2 фун[та]. В обед суп из собачьего мяса. Ужин: тухлое яйцо и молока пол-чайной чашки. Как только получите письмо, пошлите телеграмму, что нужен на полевые работы, так как работать некому, и меня отпустят»⁵⁸.

Поворот к НЭПу не исправил положение дел в детских приютах. В отчете Оренбургской губернской РКИ за 1921 г. сообщалось:

«При обследовании детских домов выяснено, что большинство из занимаемых ими помещений не удовлетворяет своему назначению: не отремонтировано, не обставлено необходимой мебелью, плохо снабжается дровами, почему температура в них очень низкая (до 3° по Реомюру), уборные отсутствуют, а если в некоторых и есть, то не оборудованы, почему дети отправляют свои естественные потребности самым примитивным способом – в горшки или прямо на дворе»⁵⁹.

Год спустя, осенью 1922 г., перемен к лучшему по-прежнему не ощущалось. Детский дом № 3 на Челябинских угольных копях пребывал в ужасном состоянии, дети валялись на грязном полу, одетые в рваное белье⁶⁰.

Впрочем, к этому времени «разруха» лишила возможности полноценно учиться все категории подрастающего поколения. В докладе о результатах обследования школьного дела в Челябинской губернии накануне 1922/23 учебного года состояние школьного оборудования характеризовалось так:

«... парты и столы пришли в ветхость, расшатались, скрипят, краска с них слезла, доски, боковые поверхности испещрены вырезанными инициалами, словами, фигурами; в помещениях для уч[ащихся] старших возрастов стоят парты, за которые с трудом можно влезть, и о письме, рисовании, черчении за ними не может быть и речи»⁶¹.

Всеохватное распространение бытовой «разрухи», не пощадившей ни улицы и площади городов, ни интерьер частных жилищ и общественных зданий, ни систему бытового обслуживания, ни службы социальной помощи и социализации, заставляла население спешно приспосабливаться к новым, неблагоприятным для жизни условиям, сократить до минимума свои материальные потребности, зажать на максимально низком уровне социальные ожидания, сменить потребительские привычки на самые скромные. Скорость адаптации к новым условиям свидетельствует о том, что горожане скорее всего не «изобрели» новые потребительские стандарты, а воспользовались имевшимися у них перед глазами образцами поведения, жизнеспособными в обстановке социальных катаклизмов. Логично предположить, что объектом для подража-

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 184. Л. 27.

⁵⁸ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 168 об.

⁵⁹ ГАОО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 180. Л. 97.

⁶⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 131 об.

⁶¹ Там же. Д. 575. Л. 5.

ния становились поведенческие коды более приспособленных к экстремальной обстановке социальных низов, представленных прежде всего широкими слоями российского крестьянства и генетически связанных с деревней горожан в первом поколении.

В пользу этой версии свидетельствует сама стремительность распада непритязательного городского быта. Очевидно, за «разрухой» стояли не только политические, экономические и социальные процессы, но и важные культурные сдвиги. Из скученности жителей, высокой концентрации пришлого гражданского населения и воинских контингентов следует повышенная нагрузка на городскую жизнь, но отнюдь не вытекает неизбежное ухудшение санитарного состояния городов. Оно, как и понижение культуры, зависело главным образом, от того, каков был культурный облик гражданского и военного пополнения городских жителей.

Историки пользуются терминами «окрестьянивание», «рурализация», «архаизация» для описания политических и социальных трансформаций советского государственного порядка и структуры общества в Советской России и СССР⁶². Массовая восходящая мобильность выходцев из крестьянской среды, восхождение сельских жителей до вершин новой элиты достойно, однако, рассмотрения не только из социально-политической, но и из культурной перспективы. Разрушение городских санитарно-гигиенических стандартов в революционной России позволительно интерпретировать как воплощение культурного «окрестьянивания» российского города. Вчерашний крестьянин, будь он одет в деревенский армяк, солдатскую шинель, унтер-офицерский мундир, рабочую тужурку, кожанку чекиста или ответственного советского работника, приносил в город привычки сельского быта, культура гигиены которого находилась на самом низком уровне. Обитатели русской деревни не безразговали пользоваться водой сомнительного уровня чистоты. Крестьяне пили из водоемов, в который заходил домашний скот. Берега рек, озер и прудов были превращены в свалку мусора и даже трупов домашних животных. Нужников не знали вплоть до 30-х гг. XX в. даже в относительно благополучной и чистоплотной казачьей станице, отправляя свои естественные потребности в хлев, который, правда, прилежный хозяин ежедневно чистил⁶³.

Опыт Первой мировой войны облегчил переход к непритязательному быту. Хлебнув многомесячной неустроенной окопной жизни, можно было закрыть глаза на разрушение городского хозяйства. По сравнению с существованием под открытым небом в грязном окопе, неудобства жизни в охваченном распадом городе казались, видимо, «мелочами» большинству его обитателей.

Специалисты по военно-политической истории русской революции в поисках «исторически значимого» в источниках явно проглядели, как много внимания уделяли уставы, регламенты, инструкции военных новообразований 1918 — 1919 гг. элементарному санитарному просвещению рядовой массы. Так, инструкция, 1-ой и 2-ой дружинам боевых организаций народного вооружения, подписанная начальником Уфимского губернского штаба Красной армии и боевых организаций Э.С.Кадомцевым и вступившая в силу 14 марта 1918 г. содержала развернутый перечень требований к бойцам:

«Боеспособность зависит от чистоты, чистого воздуха, пищи, а главное от того, что человек всегда деятелен. Сырой воды нельзя пить, так как в больших селениях она загрязнена, и, в частности, ужасной болезнью — тифом брюшным.

⁶² См., напр.: Lewin M. The making of Soviet System. N.Y., 1985, Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

⁶³ Автор признателен челябинскому этнологу А.А. Рыбалко, предоставившему неопубликованный полевой материал о гигиенической культуре в станицах на территории Оренбургского казачьего войска.

От вшей бывает сыпной тиф.
От чужого или загрязненного полотенца заразятся глаза.
Стричь волосы – к волосам прилипают всякие микробы. Подстригать ногти – под ними хорошо жить микробам.
Чистить зубы щеткой ежедневно.
Ходить в баню аккуратно.
Обмывать ноги.
На пол не плевать.
Окурков не бросать.
Куриль только там, где указано, так как против дружбы заставлять некурящих дышать нашим дымом и скверным воздухом.
При входе со двора вытирать ноги.
Одежду и обувь высушивать тотчас по приходе. Посуду мыть тотчас после еды.
Хлеб и пищу всегда держать закрытыми.
Есть только в столовой.
В сапогах на кровать не ложиться.
<...>
...Особенно заботиться о ногах – стричь ногти, мыть, всегда держать в тепле – высушивать портянки и носки»⁶⁴.

К началу 20-х гг. крестьянская субкультура заполонила города, перечеркнув все цивилизаторские усилия военных и гражданских властей. Осенью 1921 г. уфимская пресса жаловалась на «новую эпидемию» – повальное увлечение традиционным крестьянским лакомством – семечками. Их грызли повсюду: на улицах, в учреждениях и даже в самом неподходящем месте – театре. Сценическое действие невозможно было воспринимать из-за треска подсолнечной шелухи, несущегося по партеру⁶⁵.

Жизнь в серых декорациях «окрестьяненного» быта ознаменовала торжество обезличенного, «серенького» человека с минимизированными, непритязательными потребностями, запросами и ожиданиями. Пропагандисты сближения с народом и «опрошения» из рядов дореволюционной русской интеллигенции, несомненно, ужаснулись бы, увидев плоды реализации своих призывов в ранней Советской России. В обстановке революционной катастрофы оказались востребованными культурные коды сельского сословия, которое всего за два поколения до этого пребывало в состоянии гражданской недееспособности, – психология неполноправия, уничижительное отношение к человеческой личности и самой жизни, готовность унижать и унижаться, применять насилие и покорно сносить его.

Апофеоз нищеты: официальные нормы питания. В хаосе российской революции, в калейдоскопической игре сменявших друг друга событий и режимов «разруха», бедность и одно из самых тягостных и уничительных ее последствий и проявлений – недоедание – оставались неизменными константами. Продовольственная тема являлась, пожалуй, самым устойчивым предметом обсуждения. О ней постоянно говорили на улице и в учреждениях, дома и в гостях, к ней непрестанно обращались общественная печать и органы государственной власти. Голод не только до неузнаваемости изменил внешний облик людей, но и безжалостно ломал ценностные установки и стереотипы их поведения:

«...репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т.п. И тот, кто ни-

⁶⁴ Пролетарская революция. 1926. № 8 (55). С. 216 – 217.

⁶⁵ Известия (Уфа). 1921. 22 окт.

когда не крал, становится вором и бандитом; тот, кто стыдился протянуть руку, становится попрошайкой; верующий прекращает поститься; тот, кто всегда соблюдал закон, порывает с ним; аристократ, поборов в себе чувство позора, отправляется на рынок, дабы продать пару штанов; тот, кто стеснялся есть на улице, теперь делает это запросто; тот, кто ранее презирал людей, теперь попросту льстит им, лишь бы получить ломоть хлеба и т.п.»⁶⁶

Несмотря на упрощенческий бихевиористический пафос этих строк, написанных в начале 20-х гг. очевидцем революционных потрясений в России П.А.Сорокиным, не подлежит сомнению, что именно голод (или страх перед ним) оказался одним из самых важных факторов русской революции: он не только спровоцировал ее начало, но и повлиял на ее протекание и исход. Грандиозные политические и социальные потрясения, головокружительные перспективы глобальной переделки условий человеческого существования в значительной степени оказались заложниками такой прозаической малости, как пищеварение.

Прежде чем обратиться к вопросу о реальном потреблении продовольствия в одном из регионов революционной России, целесообразно обозначить официальные нормы питания, которые служили ориентиром при его рационировании. Специалисты по гигиене питания в позднем СССР исчисляли калорийность рациона, исходя из деления работоспособного населения на четыре основные группы. Энергетическая ценность потребляемой суточной нормы для лиц, работа которых не была связана с затратой физического труда или требовала незначительных физических усилий, определялась в 2600 – 2800 ккал для мужчин и 2200 – 2400 ккал для женщин. Норма для лиц механизированного труда и сферы обслуживания, если их работа не предполагала больших физических усилий, повышалась соответственно до 2800 – 3000 ккал и 2400 – 2600 ккал; если же она была сопряжена со значительным расходом физических сил, норма определялась в 3000 – 3200 для мужчин и 2600 – 2800 ккал для женщин. Наконец, немеханизированный труд и частично механизированную работу средней и большой тяжести должен был компенсировать рацион в 3200 – 3700 ккал для лиц мужского пола и 2800 – 3000 ккал – для женского. По мнению советских медиков, суточный рацион должен на 56 – 58% удовлетворяться за счет углеводов, на 30% – за счет жиров и на 12 – 14% – за счет белков; две трети энергии должно поступать при сгорании растительной пищи, треть – за счет продуктов животного происхождения. Несмотря на преобладание в структуре питания растительных продуктов, белки оцениваются как главная составляющая часть пищи, так как биологическая активность других питательных веществ проявляется только в их присутствии (табл. 48).

Нарушения сбалансированного и достаточного питания ведут к многочисленным заболеваниям, которые подразделяют на болезни частичной недостаточности питания (алиментарный маразм, анемия, цирроз печени, цинга, куриная слепота, рахит, эпидемический зоб, кариес зубов и др.) и болезни полного голодания и общего недоедания (алиментарная дистрофия и др.).⁶⁷ Голод многолик и, по субъективным ощущениям, колеблется от приятных позывов к еде при непродолжительных перерывах в принятии пищи до вялости, болезненной тяжести в желудке и головных болей при более продолжительном отсутствии пищи, доходя до сильного возбуждения, бреда и потери контроля над собой в случае затяжного голодания⁶⁸.

⁶⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 274.

⁶⁷ См.: Гигиена питания. Киев, 1980. С. 15.

⁶⁸ См.: Боже В.С., Непеин И.Г. Жатва смерти. Голод в Челябинской губернии в 1921 – 1922 гг. Челябинск, 1994. С. 7 – 8.

Таблица 48⁶⁹

Суточная потребность в питательных веществах (в граммах)

Группа работоспособного населения	Белки		Жиры		Углеводы	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Умственный труд	89 – 96	75 – 82	81 – 90	70 – 77	355 – 382	303 – 329
Механизированный труд с незначительными физическими усилиями	92 – 99	77 – 84	91 – 97	76 – 82	385 – 413	324 – 352
Механизированный труд со значительными физическими усилиями	93 – 103	79 – 86	94 – 103	81 – 87	401 – 445	347 – 375
Немеханизированный труд	100 – 108	85 – 92	110 – 120	94 – 102	480 – 522	409 – 444

Таблица 49⁷⁰

Представления о суточной потребности в питательных веществах в России первой четверти XX в.

Степень тяжести работы	Белки (г)	Жиры (г)	Углеводы (г)	Калорийность (ккал)
Легкая	70 – 123	46 – 60	320 – 464	1904 – 2600
Средняя	70 – 158	52 – 96	420 – 556	2405 – 3322
Тяжелая	70 – 245	70 – 106	500 – 737	3217 – 4277

Таблица 50⁷¹

Зависимость трудоспособности чернорабочего от размера пайка

% нормального пайка	Калорийность	Расход теплоты на полезную работу	% трудоспособности
100	3600	1300	100
90	3240	940	72
80	2880	580	45
70	2520	220	17
60	2160	—	—

⁶⁹ См.: Гигиена питания. С. 3 – 6.⁷⁰ См.: Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М. – Л., 1929. С 10 – 11.⁷¹ К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

Нормы питания, являясь отражением исторических условий и культурных установок, модифицируются во времени и изменяются от региона к региону. Так, в первой четверти XX в. в России они были выше, чем в Японии, но ниже, чем в Австрии, Англии, Германии, Франции, США. В самой России представления о сбалансированном питании существенно разнились (табл. 49). Наряду с большим разбросом в количественном определении структуры питания, в ряде научных разработок норм потребления пищи в те годы обращает на себя внимание более весомое место углеводов за счет белков и жиров.

Скудость питания в революционной России обусловила повышенный интерес к гигиене питания. Образованные современники были убеждены, что недоедание в годы революции чревато длительными последствиями для будущего страны: «Недоедание приняло в наши дни размеры общественного бедствия, которое сказывается не только на нас, но которое, это не подлежит сомнению, отзовется и на будущих поколениях, так как слабый, подорванный недоеданием организм не может произвести здоровое потомство».⁷²

В 1920 г., учитывая разрушение технической базы черной металлургии и увеличение в этой связи удельного веса чернорабочих, С.Г.Струмилин пришел к выводу, что нормальный пищевой паек для них должен содержать 3580 ккал. Его понижение неизбежно ведет к падению производительности труда и ослаблению жизнеспособности организма (табл. 50). При сокращении нормы калорийности пайка до 60% от предложенной С.Г.Струмилиным нормы, то есть ниже 2300 ккал, необходимых для поддержания человеческой жизни, рабочий терял способность трудиться, наступало истощение, за которым следовала медленная смерть.

Поступательный развал потребительского рынка, начавшийся до начала революции 1917 г., обусловил настоятельную потребность в нормировании потребления. Эта проблема прежде всего приковывала к себе внимание рабочих профсоюзов, в том числе и на Урале. Так, Уральское областное бюро Всероссийского союза металлистов в феврале 1918 г. выработало прожиточный минимум рабочих, принимая в расчет семью из двух человек (табл. 51, 52).

Потребительские стандарты в отдаленной горнозаводской местности существенно не отличались от городских, но в связи с дороговизной стоимость прожиточного минимума в труднодоступных уголках Урала была более чем в два раза выше.

Выработанные в феврале 1918 г. нормы потребления исходили, скорее всего, не из гигиенических стандартов, а из дореволюционных привычек рабочих. Как и до революции, расходы на продукты питания должны были превышать половину бюджета рабочей семьи. При грубом расчете энергетической ценности нормированной пищи обнаруживается, что общая калорийность пайка соответствовала медицинским нормам. Однако в структуре суточного рациона углеводы на 10 – 20% превышали стандартную величину в ущерб белкам и жирам. Такой перекос особенно заметен в рабочем прожиточном минимуме за пределами городов, где культура питания в большей степени следовала крестьянским традициям.

После ликвидации большевистского режима на Урале летом – осенью 1918 г. официальные пайки стали несколько щедрее. Колчаковское правительство пыталось выправить ситуацию, сложившуюся при большевиках, и явно ориентировалось при этом на сибирскую продовольственную конъюнктуру, значительно более благоприятную, чем уральская. Так, в ноябре 1918 г. Уфимская губернская земская управа получила телеграмму из Омска, согласно которой семьям солдат, убитых, пропавших без ве-

⁷² К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

Таблица 51⁷³

**Месячная норма потребления рабочих металлистов
в Екатеринбурге в феврале 1918 г.**

Наименование продуктов	Норма на человека (в фунтах)	Количество на семью (в фунтах)	Цена	Стоимость
Мука	26	52	28 (р./пуд)	36,4
Мясо	10	20	2 (р./фунт)	40
Картофель	15	30	10 (р./пуд)	7,5
Чай	1/4	1/2	10 (р./фунт)	5
Крупы	2	4	0,75 (р./фунт)	3
Дрова	1/4(сажени)	1/2	28 (р./сажень)	14
Квартира			20 (р. / фунт)	20
Керосин	10	20	10 (р. / пуд)	5
Жир и масла	12		7,5 (р. / фунт)	15
Молоко	10 (крынок)	20 (крынок)	1 (р. / крынка)	20
Лук, соль, дрожжи и проч. приправы				10% общей суммы
Масло	1,5	3	1,7 (р. / фунт)	5,1
Одежда, обувь, белье			20 р.	20
Культурно-просветительские отчисления			10 р.	10
Непредвиденные расходы			10 р.	10

Таблица 52⁷⁴

Месячный прожиточный минимум в Березовском заводе в феврале 1918 г.

Наименование продуктов	Норма на человека (в фунтах)	Количество на семью (в фунтах)	Цена	Стоимость
Мука	40	80	55 (р./пуд)	110
Мясо	10	20	3,7 (р./фунт)	74
Картофель	15	30	15 (р./пуд)	11,25
Чай	1/4	1/2	30 (р./фунт)	15
Крупы	48		1,8 (р./фунт)	14,4
Дрова	1/4(сажени)	1/2(сажени)	80 (р./сажень)	40
Квартира			10 (р./фунт)	10
Керосин	36		8 (р./фунт)	48
Жиры и масла	12		8 (р./фунт)	16
Молоко	5 (крынок)	10 (крынок)	3 (р./крынка)	30
Масло	1,53		5 (р./фунт)	15
Лук, соль, дрожжи и проч. приправы				26
Одежда, обувь, белье			140 р.	140
Непредвиденные расходы			50 р.	50

⁷³ Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Свердловск, 1927. Т. 3. С. 338; Известия (Пермь). 1918. 24 марта.

⁷⁴ Рабочий класс Урала... Т. 3. С. 338.

сти, попавших в плен или потерявших трудоспособность, до назначения пенсии полагалось, в соответствии с законом от 1 октября 1918 г., получать денежную компенсацию, достаточную для покупки пуда муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 20 фунтов картофеля и 2 фунтов постного масла⁷⁵.

Рабочие на «белых» территориях Урала продолжали ориентироваться на прожиточный минимум, выработанный в феврале 1918 г. На него ссылался, например, Союз рабочих металлистов в прошении на имя начальника Златоустовского горного округа, обосновывая необходимость пересчитать его стоимость в связи с ростом цен. Стоимость довольствия на семью из двух человек, по мнению авторов ходатайства, следовало довести до 369 р. 26 к., из трех человек – до 429 р. 96 к. Особое внимание обращалось на увеличение удельного веса вещевого довольствия, так как одежда и обувь рабочих к осени 1918 г. порядком износились⁷⁶.

Оживленная деятельность по разработке прожиточной нормы развернулась в не-большевистской части Урала в первые месяцы 1919 г. Ее пик пришелся на апрель 1919 г. В этом месяце состоялись совещание по согласованию условий оплаты труда служащих и рабочих Пермского района, созданное по распоряжению начальника Уральского края (6 апреля), совещание представителей промышленников, банков, государственного контроля и наличных членов промышленного комитета (11 – 12 апреля) и ряд менее представительных форумов. Им предшествовала конференция профсоюзов, прошедшая в середине февраля 1919 г. в Екатеринбурге. Ее участники исходили из необходимости разработки нового прожиточного минимума в целях социальной защиты рабочих от стремительной инфляции. Этот мотив получил отражение в следующей резолюции:

«Принимая во внимание, что прогрессирующая с каждым днем дороговизна жизни чрезвычайно тяжело отражается на бюджете трудящихся, в частности, в бюджете уральского рабочего, между тем со стороны предпринимателей наблюдается желание дать рабочему заработную плату, в минимуме обеспечивающую необходимое существование, чем рабочие поставлены в безвыходное положение – конференция считает необходимым указать на такого рода положение и полагает, что проведение в жизнь минимума заработной платы, выработанного Ц[ентральным] О[бластным] Бюро проф[ессиональных] союзов во избежание могущих независимо от воли и желания возникнуть разного рода эксцессов, крайне необходимо в самом срочном порядке»⁷⁷.

Результатом усилий руководства профсоюзов Урала стала разработка прожиточного минимума, более детального и обильного, чем норма, выработанная в феврале 1918 г. В начале апреля 1919 г. таблица прожиточного минимума была опубликована с предложением к местным профсоюзам, не дожидаясь никаких утверждений, приступить к работе по выявлению его стоимости (табл. 53). Новые нормы потребления были выше февральских (1918 г.) не только по многим продуктам, но и отличались большим разнообразием и увеличением удельного веса пищевых субстанций, содержащих белки, жиры и витамины.

Тем не менее, новый прожиточный минимум не давал оснований для ликования ни в профсоюзных верхах, ни в рабочей среде. Само его появление было результатом компромисса. Центральное областное бюро профсоюзов Урала признавало, что первоначально он был выработан из расчета на семью из четырех человек, однако в результате его пересчета на деньги сумма оказалась настолько велика (1500 р.), что «на-

⁷⁵ Армия и народ. 1918. 23 ноября.

⁷⁶ ГАРФ. Ф.3102. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 об., 13, 19.

⁷⁷ Цит. по: Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918 – 1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С.165 – 166.

Таблица 53⁷⁸

**Прожиточный минимум на одного взрослого работника
для применения по всей области Уральского края (апрель 1919 г.)**

Продукты	Вес в фунтах	Продукты	Вес в фунтах
Мясо	15	Рис	1
Рыба	2	Макароны	1/2
Колбаса	3/4	Мука ржаная	30
Сало	1	Мука сеянка	15
Масло	3	Дрожжи	1/4
Молоко	3 четверти	Соль	2 1/2
Яйца	10 шт.	Чай	1/4
Картофель	15	Сахар	1 1/2
Капуста	5	<div>Итого на довольствие 55%</div> <div>Итого на остальные потребности 45%</div> <div>Всего прожиточный минимум на одного взрослого рабочего 100%</div>	
Морковь	2		
Лук	1		
Перец	1 1/2 золотника		
Лавровый лист	1 золотник		
Крупа перловая	1		
Крупа гречневая	2		
Крупа просяная	3		
Горох	1		

Таблица 54⁷⁹

Тыловая норма красноармейского пайка в Челябинске в ноябре 1919 г.

Продукты	В сутки (в золотниках)	В месяц (в фунтах)
Хлеб / мука	96 / 72	30 / 22,5
Крупа	18	5,6
Мясо / рыба	24	7,5
Соль	6	1,9
Овощи свежие	60	19
Овощи сушеные	4	1,25
Мука подболточная	4	1,25
Перец	1/6	0,05
Чай	0,24	0,075
Сахар	6	1,9
Табак	3	0,9
Спички	1/6 коробка	5 коробков
Мыло	1/6	1/2

⁷⁸ Там же. С. 156.

⁷⁹ ОГАЧО. Ф. Р-258. Оп. 3. Д. 11. Л. 9.

дежд на успех при приемлемости такого минимума не было»⁸⁰. Исходя из этого сообщения, профсоюзные лидеры переработали нормы с семьи из четырех членов лишь на одного рабочего, приняв так называемый «голодный минимум». Мало того, что он оставлял без продовольственного обеспечения неработающих родственников. Выраженная в деньгах, прожиточная норма оказывалась нереалистичной. В то время как Центральное областное бюро оценило прожиточный минимум в Екатеринбурге в 250 р. 10 к., его продовольственная часть в апрельских ценах достигала 390 р. 33 к., а вместе с необходимыми затратами на прочие потребности он увеличивался до 709 р. 46 к.⁸¹ В начале июня 1919 г., когда министерство труда Всероссийского временного правительства разработало продовольственный минимум, который почти полностью совпадал с предложенным уральскими профсоюзами, для приобретения его продовольственной части в Томске требовалось 237 р. 37 к., а в Перми – 604 р. 53 к. Таким образом, весь месячный прожиточный минимум в Перми (985 р. 59 к.) был почти в 2,5 раза дороже, чем в Сибири (427 р. 90 к.) и вызывал у уральцев скептические настроения: «Вряд ли нам, пермякам, скоро придется увидеть у себя на столе такой минимум продуктов, да еще на одного человека»⁸².

Представителей уральской промышленности, обсуждавших в апреле 1919 г. вопрос о прожиточных стандартах, беспокоили не столько социальные проблемы рабочих, сколько разноразличных тарифных ставок, вызванный самостоятельным повышением тарифа на ряде предприятий. Такое положение дел мешало проведению целенаправленной тарифной политики и оперативному реагированию на колебание рыночных цен. Совещание от 6 апреля 1919 г. признало возможным воспользоваться более скромными нормами прожиточного минимума, чем те, что выработало руководство профсоюзов Урала в 1918 – 1919 гг. При этом особо подчеркивалось, что разработанные комиссией таблицы следует воспринимать как ориентировочные для исчисления тарифов на местах, но не обязательные. Стоимости потребительской корзины, рассчитанная по рыночным ценам, составляла в Перми 437 р. 50 к., в Екатеринбурге – 362 р. 51 к., в Екатеринбургском уезде – 252 р. 44 к. Было решено снабжать рабочих мукой по твердым ценам, распространив хлебную норму на троих членов семьи, снабжая остальных по мере возможности. Для реализации этого прожиточного минимума с 1 апреля 1919 г. были предусмотрены процентные прибавки к зарплате, которые для низших категорий рабочих исчислялись в размере 100% в Перми, 75% в Екатеринбурге и 25% в Екатеринбургском уезде. Для высших категорий рабочих «прибавки на дороговизну» должны были составить соответственно 60, 40 и 15%⁸³.

В «красной» зоне региона параметры снабжения к концу 1918 г. были пересмотрены на основе классового принципа. Если месячная норма хлебного пайка первой категории в Перми в декабре 1918 г. выросла до 36 фунтов, то пайки второй, третьей, и четвертой категорий оказались ниже февральского прожиточного минимума, составляя соответственно 24, 18 и 12 фунтов⁸⁴.

⁸⁰ Пионтовский С.А. Указ. соч. С. 157.

⁸¹ Там же. С. 156, 166.

⁸² Пермская земская неделя. 1919. № 19 (8 июня). Стб. 18 – 19.

⁸³ Подробнее см.: Пионтовский С.А. Указ. соч. С. 157 – 163; ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 20. Л. 159 – 160, 199 – 200. Аналогичные тенденции в эволюции норм снабжения прослеживаются по документальной публикации Н.М.Чистяковой о пайковых стандартах в Челябинске в апреле 1918 – апреле 1919 г. См.: Уровень жизни: социальные стандарты 80 лет назад // Вестник Челябинского университета. Серия I: История. 2000. №1. С. 103 – 114.

⁸⁴ Известия (Пермь). 1918. 29 ноября.

По окончании гражданской войны на Урале нормы потребления стали урезаться. Хотя нормальный суточный паек вятского чернорабочего по-прежнему рассчитывался в 3600 ккал и должен был включать два фунта хлеба, по 1/4 фунта мяса и крупы, фунт картофеля, бутылку молока, яйцо и 8 золотников (34,4 г.) масла, рабочий в Вятке в сентябре 1919 г. мог купить на свою зарплату чуть более половины объема этих продуктов⁸⁵. В ноябре того же года суточная тыловая норма самого высокого, красноармейского пайка исчислялась на золотники (табл. 54).

В декабре 1919 г. 20% челябинцев должны были довольствоваться пайком в 30 фунтов муки и 10 фунтов мяса, две трети горожан — 25 фунтами муки и 7,5 фунтами мяса, остальные — 20 фунтами муки и 7,5 фунтами мяса⁸⁶. На 13 южноуральских заводах с 1 апреля 1920 г. хлебный паек для рабочих был повышен с 25 до 30 фунтов, для членов их семьи и для служащих — с 18 до 25 фунтов.⁸⁷ К осени 1920 г. системой нормированного распределения было охвачено всего 61,3% населения Челябинской губернии, причем с 20 июля норма отпуска хлебных продуктов была понижена. Население, приписанное к первой категории, вынуждено было ограничиться 20 фунтами муки вместо 30 фунтов муки и 5 фунтов крупы. Обладатели карточек второй категории должны были удовлетвориться 10 фунтами муки в месяц, потеряв 15 фунтов муки и 3 фунта крупы. Третья категория осталась без всякого довольствия. Дополнительное детское питание, введенное только на Челябинских каменноугольных копях, у железнодорожников и в Челябинске, также было урезано с 5 до 3,75 фунтов белой муки. Несколько выше были продовольственные нормы на челябинских шахтах: там рабочие получали летом 1920 г. 45 фунтов муки и 7,5 фунтов крупы. Паек служащих состоял из 36 фунтов муки и 4 фунтов крупы, железнодорожников — 36 фунтов муки и 3 фунтов крупы.⁸⁸

Мизерными были и нормы питания в челябинских общественных столовых. Их дневной рацион в августе 1920 г. включал 1/4 фунта хлеба, 3 золотника масла или сала, 3 золотника соли, 4 золотника сухих овощей, 8 золотников муки для лапши, 15 золотников крупы, 1/4 золотника (1 г!) мяса, 4 золотника муки для подбойки, 60 золотников свежих овощей, 30 золотников квашеной капусты, 15 яиц на 100 человек, 1/6 золотника перца.⁸⁹ В разгар «военного коммунизма» из рациона питания почти исчезла животная пища. Вместе с «пережитками прошлого» изгонялось потребление белков и жиров.

Несколько большей щедростью отличалась норма снабжения местных ответственных работников, хотя и в ней наблюдается явный перекос в пользу углеводосодержащих продуктов. Секретным постановлением комиссии по снабжению рабочих при наркомате продовольствия от 25 декабря 1920 г. продпаек ответственных политических и профсоюзных работников, а также ответственных сотрудников областных, губернских, уездных и районных советских учреждений с 15 января 1921 г. должен был содержать 45 фунтов хлеба, 7,5 фунтов мяса или рыбы, полфунта сахара, 0,75 фунта жиров, 20 фунтов овощей, фунт соли, по четверти фунта мыла и чая или кофе, два коробка спичек. Пайки выдавались также неработающим членам их семейств при норме в 25 фунтов хлеба и при условии получения на семью не более четырех пайков. Кро-

⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Л. 27, 30.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 130. Л. 24 об.

⁸⁸ ОГАЧО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 61. Л. 4, 5.

⁸⁹ Там же. Л. 9.

ме того, в дополнение к основному пайку было предусмотрено пользование системой общественного питания⁹⁰.

Для большей части населения начало 1921 г. было отмечено нищенскими пайками. В Вятской губернии они с 1 марта 1921 г. должны были составлять от 13,5 до 20 фунтов хлеба в месяц. Остальные продукты предполагалось распределять, исходя из имеющихся ресурсов, которые были крайне истощены⁹¹.

Поворот к НЭПу отнюдь не ознаменовался кардинальным улучшением потребительских стандартов. В Екатеринбурге в апреле 1921 г. было запланировано улучшение питания детей. К основному пайку предполагалось присовокупить дополнительный — яйца, масло, варенье, мед, конфеты, сухофрукты, шоколад, какао, изюм, сыр и ветчину⁹². Однако факт осуществления этого намерения в условиях надвигающегося голода остается документально неподтвержденным и скорее сомнительным. Нормы снабжения взрослого населения Урала на первом году «новой экономической политики» практически не отличались от «военно-коммунистических». В связи с перебоями в снабжении рабочие были рады выдачам хотя бы по старым нормам⁹³. Летом 1921 г., в обстановке начавшегося голода, челябинские власти готовы были формировать пайки для занятых на легких работах, исходя из энергетической емкости 1800 — 2500 ккал, лежащей на грани, а отчасти и за гранью поддержания человеческой жизни⁹⁴. Осенью 1921 г. «голодная» норма была определена и для советских работников в сельской местности. Неприкрытым цинизмом веет от распоряжения, согласно которому они должны были собрать продукты с голодающих крестьян с таким расчетом, чтобы на каждого работника хватило до 1 апреля 1922 г. при ежедневном потреблении 10 фунтов муки, 20 фунтов картофеля, 1 — 2 фунтов масла и 5 фунтов капусты⁹⁵. В конце 1921 г. нормы снабжения рабочих оставались ниже уровня февраля 1918 г. (табл. 55).

К концу 1922 — началу 1923 гг. в обеспечении продовольствием различных категорий населения на Урале стал наблюдаться значительный контраст. Так, осенью — в начале зимы 1922 г. ответственным работникам Челябинской губернии выписывалось по 60 — 90 фунтов муки, от 15 до 40 фунтов мяса, до 5 фунтов масла, 15 фунтов крупы⁹⁶. В те же месяцы челябинский филиал ГПУ сообщал, что быт рабочих не изменился в лучшую сторону. На угольных копах использовался труд заключенных, которые помимо кошмарных жилищных условий, насилия и издевательств со стороны десятников, страдали от официально узаконенного голода: норма хлебных пайков для них

⁹⁰ Там же. Ф. Р-258. Оп. 3. Д. 29. Л. 12. Соответствием гигиеническим нормам в 1920 — 1921 гг. отличался, пожалуй, только рацион питания наиболее высокопоставленных работников ЦК РКП(б) и советского правительства. Помимо питания в столовых, каждый из них в середине 1920 г. ежемесячно получал 20 фунтов ржаной муки, три фунта крупы, 25 фунтов мяса, 20 фунтов рыбы, 1 1/4 фунта сливочного масла, два фунта сахара, четверть фунта кофе. Год спустя обязательный «совнаркомовский» паек был расширен за счет двукратного увеличения количества масла и сахара, четырех фунтов ветчины или сыра, пяти фунтов сушеных овощей, двух кусков простого и такого же количества туалетного мыла, 500 папирос и 10 коробков спичек (См.: Кулешов С. Лукуллов пир // Родина. 1991. № 8 — 9. С. 73; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 247).

⁹¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 71. Л. 53.

⁹² Уральский рабочий. 1921. 12 апр.

⁹³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 130 об.

⁹⁴ Известия (Уфа). 1921. 29 июля.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 296. Л. 181.

⁹⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 462. Л. 33, 34, 35, 63 — 64, 67 — 68.

Таблица 55⁹⁷

Нормы снабжения в Башкирии в ноябре 1921 г. (в фунтах)

Продукты	Ударная группа рабочих		Рабочие, получающие по нормам броньпайка	Неударные группы рабочих, советские служащие и члены семей
	№ 1	№ 2		
Мука	30	35	25	20
Крупа	3	3	2	2
Мясо	7	7	4	4
Масло	3/4	1	1/2	1/2
Сахар	1/2	1	1/2	1/2
Соль	1	1,5	1	1
Мыло	1/4	1,5	1/4	1/4
Табак	1/4	1/4	1/4	1/4
Спички	1 коробок	2 коробка	1 коробок	1 коробок
Кофе	1/4	1/4	1/8	1/8
Овощи	20	30	20	20

Таблица 56⁹⁸

Дневное потребление калорий в России начала XX в.

Территория	Растительного происхождения		В том числе хлеба		Животного происхождения		Итого
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Вятская Губерния	4265,92	83,9	3057,65	60,1	820,39	16,1	5086,31
Европейская Россия	3814,08	84,7	2828,88	62,9	687,11	15,3	4501,19
Вся Россия	3946,79	84,2	2939,39	62,8	737,65	15,8	4684,44

Таблица 57

Размер суточного потребления пищи в довоенной России (в граммах)

Продукты	Сельское население	Рабочее население	Городское население
Хлебные	857	787	808
Картофель	366	259	334
Овощи и фрукты	142	125	121
Масло растительное	6	22	23
Сахар	9	26	64
Мясо	52	117	206
Рыба	27	22	34
Всего мясных продуктов	79	139	240
Молоко и молочные продукты	365	142	288
Яйца	3	9	24

⁹⁷ Бюллетень народного комиссариата продовольствия Башкирской ССР. 1921. 1 ноября.⁹⁸ Табл. 56 и 57 составлены на основе следующего источника: Биншток В.И., Каминский Л.С. Указ соч. С. 15.

колебалась от 1/8 фунта за вывоз 86 — 104 вагонеток породы до полуфунта за 140 вагонеток. Их кашеобразная пища готовилась в общем котле, исходя из таких пропорций: 20 ведер воды, бочка крупы, бочка капусты, полфунта масла с добавкой мяса по 13 золотников на человека. Однако и мизерные хлебные пайки не получались арестантами полностью из-за нечистоплотности начальства. Заключенные бродили, «...как “тени”», по баракам рабочих, выпрашивая кусочек хлеба или хотя бы чего-нибудь съестного»⁹⁹.

Однако столь серьезные различия в рационировании питания на исходе революционных потрясений были редким явлением и касались незначительной части населения. Советско-партийная номенклатура и узники лагерей в ранней Советской России еще не превратились в массовое явление, определявшее реальное лицо системы.

Основная тенденция в конструировании официальных норм потребления, незначительно и ненадолго ослабленная лишь на тех территориях, которые в 1918 — 1919 гг. были подконтрольны антибольшевистским режимам, состояла в его низведении и стабилизации на предельно низком, нищенском уровне. Вопреки провозглашенному большевиками классовому принципу распределения, во время революционной катастрофы классовый признак растворился во всеобщей нужде. Различия в убогих стандартах потребления были незначительны и позволяли лишь в большей или меньшей степени заглушить чувство голода. Однако реальные возможности насытиться были иными и часто еще более скромными, чем предписывали официальные рационы питания.

Статистика реального потребления. Вопреки патетике грандиозных преобразований, революционные потрясения в России донельзя явственно продемонстрировали ограниченность человеческих возможностей планировать свою деятельность и прогнозировать ее последствия. Режимы всех политических окрасов и оттенков наталкивались в объятной революцией стране на неожиданные и неразрешимые проблемы. К одной из самых болезненных относилось продовольственное снабжение населения. Поступательная деградация промышленного производства, стремительное (стихийное или целенаправленное) разрушение рынка, рост недоверия деревни к городу, обесценивание денег — в таких условиях все усилия ослабшей власти решить продовольственный вопрос путем нормированного распределения превращались в романтическое донкихотство или циничный обман. Нараставшая бедность и слабость государственных структур не позволяли ни организовать достаточно эффективную распределительную инфраструктуру, ни выдержать официально признанные стандарты продовольственного рационирования. В период «расцвета» «военно-коммунистической» практики, в 1920 г., пайковую систему удалось распространить менее чем на треть населения. Нормативное снабжение работало со сбоями: люди месяцами ждали получения пайка, зачастую недостаточного для поддержания нормальной жизнедеятельности. Вместе с тем, в революционном хаосе население разработало разветвленный набор ускользающих от государственного контроля полулегальных и нелегальных методов дополнительного снабжения.

В этой связи реконструкция реальных параметров питания может показаться невозможной. Однако, благодаря самоотверженному труду именитых и безымянных работников бывших земских статистических служб, в распоряжении исследователей находятся большей частью опубликованные, но обойденные вниманием историков результаты обследования питания населения городов и сельских местностей России,

⁹⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 674. Л. 5.

в том числе и Урала, за первые годы советской власти, начиная с 1919 — 1920 гг.¹⁰⁰ Уровень их репрезентативности и примененные методики изучения требуют критического подхода, но, вместе с тем, итоги обследований достаточно надежны для формирования ориентировочных представлений о привычках питания и их трансформации.

Прежде чем обратиться к привычкам питания в революционной катастрофе, следует подчеркнуть, что к ее началу большинство российского населения имело солидный опыт полуголодного существования и питания грубой пищей. По данным за 1908 — 1912 гг., 57% всех губерний и областей России собирали главные продовольственные зерновые на 1/3 — 2/3 ниже необходимой для прокормления нормы. Неизменной «народной» болезнью было недоедание, или хроническое неполное голодание. Сельское население довоенной России потребляло в сутки 2617 ккал — на 1000 ккал меньше финляндских крестьян и, безусловно, недостаточно для восстановления сил, необходимых для тяжелого крестьянского труда¹⁰¹. По другим данным, российское население получало значительно больше калорий, но с нарушением гигиенических стандартов соотношения пищи растительного и животного происхождения (табл. 56). Почти две трети пищи российского населения, вне зависимости от региональной принадлежности, составлял хлеб. Этим определялись и основные источники получения белков. Если 59% белков в рационе жителей США были животного происхождения, то в пище российских подданных абсолютно преобладали растительные белки (72%)¹⁰².

Социальная специфика привычек питания в дореволюционной России, прослеживается гораздо более явственно, чем региональная. Наибольший удельный вес растительной пищи, особенно содержащихся в злаках сложных углеводов, в ущерб животным белкам и жирам, был характерен для питания сельских жителей. Городское население потребляло значительно больше мяса, масла, яиц и сахара. Рацион рабочих занимал промежуточное положение между сельским и городским, отражая происхождение и образ жизни этой молодой социальной группы (табл. 57).

Питание некоторых категорий столичного пролетариата до 1914 г. было с точки зрения гигиены значительно более здоровым. Так, московские текстильщики потребляли примерно равное количество хлебных и мясных продуктов (соответственно 1,6 и 1,5 фунтов в день)¹⁰³.

Во время Первой мировой войны дороговизна заставила заменять мясо рыбой, а затем — дешевыми сортами гороха и бобов. Хлеб начал вытесняться из питания крупами и картофелем. Пища становилась качественно малоценной и количественно недостаточной. Если по количеству пищи рабочий паек и отвечал потребностям, то из-за незначительного содержания мяса, масла, яиц и молока ценность рациона в годы войны падала. К нехватке продуктов на рынке присоединилась их фальсификация, что также сказывалось на качестве питания¹⁰⁴.

Тенденция к огрублению питания наблюдалась в годы войны и у уральских рабочих. Доля животных продуктов была ниже гигиенической нормы и до войны, а в 1914 — 1916 гг. ее удельный вес в пище рабочего сократился в два — три раза. Еда была преимущественно хлебная, значительную часть рациона составляли картофель, капуста,

¹⁰⁰ См.: Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. 1919 — 1924. М., 1926; Вып. 2. Состояние питания сельского населения СССР. 1920 — 1924. М., 1928.

¹⁰¹ См.: Биншток В.И., Каминский Л.С. Указ соч. С. 13 — 14.

¹⁰² Там же. С. 15.

¹⁰³ Уральский рабочий. 1922. 6 июля.

¹⁰⁴ См.: Биншток В.И., Каминский Л.С. Указ соч. С. 22.

грибы. Росло потребление чая: чаепитием занимались четыре раза в день¹⁰⁵. О нездоровом преобладании растительной пищи в структуре питания свидетельствует представленные Ф.Подтынниковым результаты изучения была горнозаводских рабочих Среднего Урала в 1916 г., опубликованные в пермской и екатеринбургской печати (табл. 58).

Данные свидетельствуют, что привычки питания населения горнозаводской зоны могли серьезно различаться в зависимости от состояния заводского производства, наличия у рабочих земельных участков и степени их участия в сельскохозяйственном труде, однако они в любом случае следовали архаичной крестьянской традиции преимущественного потребления растительной пищи и недостатка в рационе животных белков и жиров.

Рост цен на продукты питания вызвал серьезные изменения в расходной части бюджета рабочих. В довоенное время статистики полагали, что затрата 60 – 75% средств на питание означает состояние, близкое к нищенству. Накануне революции 1917 г. низкооплачиваемые и среднеобеспеченные уральские рабочие тратили на еду весь заработок; наиболее обеспеченные – а таких в 1916 г. на обследованных Ф.Подтынниковым заводах Урала оказалось всего 12% – сохраняли 40% зарплаты на одежду и обувь.

С началом революции потребительские возможности российского населения претерпели существенные изменения. В конце 1918 г. московский рабочий, не имевший семьи, мог покрыть из заработка лишь 74% своих расходов, семейный – 65,5%¹⁰⁶. В 1919 – начале 1920 гг. в Вятской губернии цены выросли в 32 раза при увеличении зарплат всего втрое, вследствие чего рабочий мог приобрести в сентябре 1919 г. 57% пайка, а в апреле 1920 г. – всего 6,5%.¹⁰⁷

Изменение возможностей питания происходило в городе и деревне по принципиально различным образцам (табл. 59). В губерниях, производящих сельскохозяйственную продукцию, питание сельского населения незначительно возросло (на 32 фунта в год) за счет хлеба и круп, в потребляющих – упало на 31%. Продовольственное обеспечение городов ухудшилось повсеместно, особенно в потребляющих губерниях, где оно сократилось почти вдвое.

В одной из аналитических статей к фундаментальной публикации итогов обследований питания горожан в 1919 – 1924 гг. по поводу рациона городского населения России в 1919 г. констатировалось:

«Пища современного горожанина крайне груба и однообразна: в ней преобладают растительные вещества (около 5/6 общего количества калорий), а среди продуктов растительного происхождения картофель выступает на слишком видное место, вытесняя хлеб, не говоря уже о более концентрированных продуктах растительного происхождения – сахаре и растительном масле. Такая организация питания крайне нерациональна с точки зрения использования наших недостаточных транспортных средств.

...На основании наиболее достоверных данных, необходимо признать, что по общему количеству калорий питание рабочих стоит не ниже, если не выше, питания прочих классов населения. Противоположный вывод основан на значительном приуменьшении рабочими своего питания, в даваемых ими показаниях, особенно в ответах по памяти за предшествующее время.

...В смысле состава, пища рабочего более груба, более однообразна, чем пища прочих классов, что объясняется бытовыми и культурными привычками, тяготением к более объемистой пище, а не общей недостаточностью питания рабочих. Продукты растительного происхож-

¹⁰⁵ Мусихин В.Е. Питание рабочих Вятской и Пермской губерний в годы первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Вятская земля в прошлом и настоящем... Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23 – 25 мая 1989 года. Киров, 1989. С. 72 – 73.

¹⁰⁶ К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

Таблица 58¹⁰⁸

**Месячное потребление предметов первой необходимости уральским рабочим
в 1916 г. (в фунтах)**

Наименование продуктов	Лысьвенский завод	Кыштымский завод
Пшеничная мука	—	4,15
Крупчатка	32	42
Ржаная мука	25	1,1
Печеный хлеб	—	—
Крупы	28	0,25
Рыба	3	1
Мясо	6	2,5
Мыло	1	0,66
Спички	3 коробка	2,5 коробка
Керосин	2,6	1,4
Молоко	20 бутылок	15 бутылок
Сметана	0,76	0,005
Творог	0,8	0,08
Масло коровье	0,75	0,08
Масло постное	0,6	0,05
Картофель	22	10
Капуста	3	2,5
Чай	0,11	0,1
Сахар (до войны)	3	2,5
Конфеты	1	0,05
Яйца	7 штук	2,75 штук
Солод	1,5	—
Грибы соленые	?	0,5 ведра

Таблица 59¹⁰⁹

**Годовое потребление продуктов питания российским населением
(на одного едока в пудах)**

Время обследования	Городское население		Сельское население	
	Производящие губернии	Потребляющие губернии	Производящие губернии	Потребляющие губернии
До войны	13,96	13,96	16,1	14,6
1919 г.	10,25	7,4	16,9	11,0

¹⁰⁸ Пермская жизнь. 1917. 1 янв.; Уральская жизнь 1917. 7 февр.

¹⁰⁹ Таблицы 59 и 60 составлены на основе следующего источника: К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

дения занимают в пище рабочих больший процент, а среди этих продуктов на первое место выступает более объемистая пища.

...Уже весной 1919 года резко сказался недостаток белков и жиров в пище городского населения. Летом недостаток тех и других до известной степени восполнился молоком. В предстоящую зиму 1919/20 года, ввиду резкого падения снабжения молоком, постным маслом и мясными продуктами, указанный недостаток может сказаться еще резче, что вызывает серьезные опасения за питание городского населения в наступающие месяцы»¹¹⁰.

Аналогичные изменения в привычках питания демонстрируют результаты обследований на Урале¹¹¹, подтверждая известную мысль, что голодные катастрофы имеют не столько материальную природу, сколько культурную и политическую. Голод отражает, наряду с экономическим состоянием общества и степенью его зависимости от капризов природы, сложившиеся привычки питания, а также степень сострадания правящих кругов к непривилегированным слоям населения¹¹².

Голодание на Урале, как и в стране в целом, не было тотальным. Рацион питания городского и сельского населения региона возрастал с севера на юг, не достигая средних российских показателей в Прикамье и на Среднем Урале и превышая их на Южном Урале. Питание сельских жителей, несмотря на реквизиционные мероприятия властей, до и после голода 1921 – 1922 гг. было более обильным, чем в городах. Зато горожане имели свои преимущества: колебания объема и энергетической ценности потребляемой ими пищи на протяжении 1920 – 1923 гг. были менее значительны, редко выходя за пределы 2000 – 3000 ккал на взрослого едока в сутки, а удельный вес калорий, получаемых от пищи животного происхождения – в целом выше, особенно в рационе служащих. В результате, во время голодного бедствия деревенский стол стал значительно беднее городского. Тенденция к оскудению пищевого рациона за пределами городов особенно отчетливо прослеживается в Оренбургской и Челябинской губерниях. Видимо, причины вялости государственных мер помощи южно-уральскому сельскому населению следует искать, помимо прочего, в принципиальном и усугубленном опыте последних лет недоверия к казакам и башкирам. В итоге, после преодоления голода различия пищевого рациона горожан и селян нивелировались, менее явными стали также различия в потреблении питания в отдельных губерниях Урала.

Основные тенденции, выявленные всероссийскими обследованиями питания населения, находят подтверждение и некоторые уточнения в местных статистических выборках, материалы которых частью остались неопубликованными.

Наиболее систематично статистические работы велись в Вятской губернии, отличавшейся наиболее развитой земской традицией и в основной части не переходившей из рук в руки во время гражданской войны. В 1919 г. прошли четыре обследования – в марте, июне, сентябре и декабре – в Вятке и Малмыже, два (в марте и июне) – в Слободском. Итоги ряда из них были опубликованы в местной прессе (табл. 60).

Автор одной из подобных публикаций 1920 г. отметил значительное улучшение, по сравнению с началом века, питания сельского населения в 1919 г. – начале 1920 г. Если раньше, нуждаясь в денежных средствах, крестьянин осенью продавал хлеб, то в условиях «военного коммунизма» он потреблял плоды своего труда сам. Видимое сокращение потребления молочных продуктов и яиц было объявлено нетипичным и объяснено временем проведения обследования: в феврале куры почти не несутся, а удои молока перед отелом коров сокращаются до минимума. Калорийность крестьянско-

¹¹⁰ Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. С. 20.

¹¹¹ См. Прил. 8.

¹¹² См.: Paszensky G.v., Dünnebie A. Kulturgeschichte des Essens und Trinkens. München, 1997. S. 410.

Таблица 60

Месячное потребление на одного взрослого едока в Вятской губернии (в фунтах)

Продукты	Сельское население		Городское население	
	1901	Февраль 1920	Июль 1919	Декабрь 1919
Хлеб	88,4	88,8	35,6	43,4
Мука	—	2,4	—	—
Крупа	—	5,7	2,0	1,8
Картофель	14,5	22,2	10,4	30,4
Овощи	10,4	4,93	2,9	3,0
Молочные продукты	54,4	15,1	18,0	16,9
Мясо	4,2	4,4	4,3	3,8
Яйца (штук)	4,9	0,1	2,2	0,4
Рыба	—	0,12	—	—
Соль	4,0	—	0,48	1,15
Сахар	0,4	—	0,42	0,15
Мед	0,2	—	0,18	0,21
Растительное масло	0,19	0,15	0,69	0,39
Животные жиры	—	0,11	0,27	0,33

Таблица 61¹¹³

Доходы и питание рабочих Екатеринбурга летом 1922 г.

Доход (млн. р.)	Число семей	Максимальное суточное потребление калорий едоком (ккал)
Менее 12	5	1323
12 — 20	11	1519
20 — 25	12	2186
25 — 28	9	3178
28 — 37	10	3216
Более 37	3	3430

¹¹³ Уральский рабочий. 1922. 6 июля.

го рациона в начале 1920 г. была оценена в 3171 ккал в сутки против 3042 ккал в 1901 г. и признана достаточной для выполнения работы средней трудности¹¹⁴.

Проведенное в июле 1919 г. обследование крестьянских хозяйств Вятской губернии с общей численностью едоков более 15 тыс. обнаружило еще большее благополучие деревни в отношении продовольственного обеспечения. Крестьяне в среднем потребляли в день 6,254 фунта продуктов, считая при этом достаточным для пропитания 2,491 фунта. Следует отметить, что обследованные хозяйства вряд ли можно отнести к самым крепким: они имели в среднем по полторы коровы и по пять кур¹¹⁵.

У городского населения в 1919 г. отмечался рост потребления хлеба и картофеля. Летом, накануне нового урожая, горожанам пришлось потуже затянуть пояса, осенью и в начале зимы рацион стал более обильным. В сентябре вятский рабочий съедал в день 2,782 фунта продуктов — в 2,5 раза меньше, чем другие горожане (5,669 фунта)¹¹⁶, в декабре — 3,693 фунта. Однако, энергетическая ценность городского питания оставляла желать лучшего. В декабре 1919 г. житель Вятки получил всего 55650 ккал (1855 ккал в сутки). Даже для выполнения легкой работы ему ежедневно не хватало 745 ккал, что отражалось на трудоспособности населения. Там, где раньше трудился один человек, теперь работали двое, нуждавшиеся из-за систематического недоедания в частых передышках¹¹⁷.

В январе, мае и октябре 1920 г. в Вятке вновь были проведены обследования, которые не позволяют говорить об улучшении питания городских жителей. При январском обследовании в течение 30 дней 45 семей, насчитывавших 293 человека, оказалось, что потребляемый дневной рацион был меньше, чем в декабре предыдущего года, на 160 г, причем сокращение коснулось всех продуктов, кроме муки и крупы. Майское и октябрьское обследования обнаружили поступательное сокращение объемов и качества потребляемой пищи, чему не смог воспрепятствовать урожай 1920 г. Хотя в обследованных семьях рабочих суточное душевое потребление составляло почти четыре фунта, калорийность пищи была ниже, чем в декабре 1919 г.¹¹⁸

Недостаточность питания вскрыли также обследования, проведенные в 1920 г. в других городах Урала. Так, в Челябинске количество хлеба в рационе признали достаточным 28,6% рабочих, 48,6% служащих и 27,3% прочих обследованных семей. Высокий удельный вес довольных хлебным пайком служащих объясняется традиционно меньшим потреблением хлеба в относительно европеизированных слоях российских горожан. Недовольные питанием считали необходимым увеличить количество хлеба от 1,93 фунта (служащие) до 2,44 фунта (рабочие).

Изучение крестьянского рациона 1921 г. свидетельствует о его поступательном оскудении. Так, в Вятской губернии количество потребляемой пищи в феврале 1921 г. сократилось, по сравнению с началом 1920 г., на 1/4. Традиционное для осеннего периода увеличение потребления продуктов в 1921 г. сопровождалось понижением ее энергетической ценности. Крестьянство, получавшее калории преимущественно из зерна, в условиях неурожая было вынуждено компенсировать его дефицит менее калорийной

¹¹⁴ К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

¹¹⁵ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 83. Л. 36.

¹¹⁶ Данными сентябрьского (1919 г.) обследования, по мнению современников, пользоваться следовало с большой осторожностью: его материал был недостаточно представителен, а методы — неудовлетворительны (К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.)

¹¹⁷ К коммунистическому производству. 1920. 1 мая.

¹¹⁸ См.: Труды ЦСУ. Т.XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. С. 146 — 151; ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 182. Л. 38.

растительной пищей. В итоге, вятские крестьяне в октябре 1921 г. потребляли продуктов на треть больше, чем в начале года (4,325 фунта по сравнению с 3,209 фунта в феврале 1921 г.), однако калорийность дневного рациона сократилась с 2067 до 1770 ккал.¹¹⁹

Осенью 1921 г. потребление продуктов питания понизилось, по сравнению с предыдущим годом, в большинстве городов Урала. Проведенное в сентябре 1921 г. обследование в городах Вятской губернии показало, что дневной паек в Вятке в среднем составлял 2,8 фунта, в Слободском — 2,4 фунта, в Малмыже — 2 фунта. По другим данным, расход продуктов на еду в Вятке был значительно выше (4,962 фунта), но его калорийность была достаточна лишь для легкой работы (2339 ккал).¹²⁰

Данные статистических исследований 1922 г. также не позволяли говорить о кардинальном улучшении питания уральского городского населения по окончании периода «военного коммунизма». Летом 1922 г. Уральское областное бюро статистики труда обследовало условия жизни 50 семей екатеринбургских рабочих. Были выделены шесть групп рабочих. К первой были отнесены получавшие менее 12 млн. р. в месяц, что составляло 60% от суммы, необходимой, чтобы не умереть от голода. Вторая группа семей имела от 12 до 20 млн. р. — так называемый «голодный доход», позволявший кое-как свести концы с концами. Причисленные к третьей группе были способны к легкому труду, располагая заработком в 20 — 25 млн. р. В четвертую были объединены семьи с доходом 25 — 28 млн. р., позволявшим физический труд средней тяжести. Пятая (28 — 37 млн. р.) и шестая (более 37 млн. р.) группы зарабатывали достаточно для выполнения работ средней и большой тяжести. Результаты обследования оказались неутешительными. Каждая третья рабочая семья имела доход, недостаточный для осуществления даже легких работ (табл. 61).

Сельское население Екатеринбургского и Каменского уездов летом 1922 г. было неспособно к крестьянскому труду, получая в среднем 2522 ккал. вместо необходимых 3400 ккал. Обследование в июне 1922 г. 152 хозяйств 15 волостей названных «голодных» уездов обнаружило, что основу питания в деревне составляли хлеб и молоко (80% по весу, 79% по питательности), причем употребляемый хлеб наполовину состоял из муки, на 40% — из лебеды, на 7% — из прочих суррогатов и на 3% из непитательных веществ (глина, костная мука и т.д.).¹²¹

Обследования питания городского населения Урала в октябре 1922 г. и феврале 1923 г. продемонстрировали стабилизацию потребления на уровне, более или менее соответствующем физиологическим нормам. Однако основные параметры питания принципиально не отличались от данных годичной давности. В Вятке, например, в октябре 1922 г. на едока расходовалось 4,646 фунтов продуктов общей калорийностью всего 2389 ккал. Рост калорийности пищи пермских жителей в феврале 1923 г. в полтора раза (у рабочих — на 58%) был достигнут по крестьянскому образцу — за счет усиленного потребления хлебопродуктов.¹²²

Знакомство с рационом питания населения Урала свидетельствует, что период революционных потрясений закрепил доиндустриальную культуру потребления и потеснил неокрепшие столовые привычки города. Этнологи и историки обратили внимание, что большинство оседлых народов до победы индустриальной эпохи придерживались единого образца питания. Его «ядро» составляли углеводсодержащие продукты

¹¹⁹ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 324. Л. 2, 24.

¹²⁰ Там же. Л. 2.

¹²¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 31а об.

¹²² Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. С. 228 — 239. ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 403. Л. 4; ГАПО. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.

растительного происхождения (как правило, злаки), а «периферию» — калорийная растительная и животная пища (фрукты, орехи, мед, мясо, масло, рыба и пр.). С XVIII — XIX вв. углеводное «ядро» постепенно размывалось за счет увеличения потребления мяса, жиров и сахара¹²³. Трансформация привычек питания в революционной России демонстрирует иной образец: усилилась тяга к организации человеческой жизни вокруг хлеба, который упрямо сохранял (или обрел вновь) значение основы — в буквальном смысле слова — существования.

Сравнивая питание российских рабочих в 1916 и 1924 г., статистики обнаружили, что и через семь лет после начала революции их прежний рацион не был полностью восстановлен. Вынужденное сокращение потребления хлеба, мяса, яиц и других ценных продуктов растительного и животного происхождения компенсировалось усилением потребления картофеля (на 37,2%), рыбы (на 25%), молочных продуктов (на 6,8%)¹²⁴. В селском же рационе питания увеличение удельного веса продуктов животного происхождения в экстремальной ситуации голода было временным и вымученным: возвращение к относительно нормальным условиям существования сопровождалось повсеместным на Урале понижением доли животной пищи, особенно резком на Южном Урале (втрое в Челябинской губернии и в 10 раз в Оренбургской). В целом, революция «окрестьянила» привычки питания, закрепив и в этой сфере победу деревни над городом.

«Народные» технологии экономии. Архаизация пищевого рациона естественным образом отразилась на всей сфере организации питания «снизу». «Окрестьяниванию» подверглись способы «народной экономии» — методы накопления и сбережения продуктов и рецептуры приготовления наиболее популярных блюд.

Рост дефицитов, деградация рынка предметов первой необходимости и продуктов питания в сочетании с растущим недоверием к способности властей решить продовольственную проблему способствовали популяризации крестьянской стратегии аккумуляции пищевых продуктов в городской среде. Все менее целесообразны были покупка скоропортящейся еды и приобретение продуктов питания в малых количествах. Актуальным становилась заготовка долго хранящихся продовольственных запасов — муки, круп, сахара, а затем сушеных и соленых продуктов растительного и животного происхождения, что, в свою очередь, отражалось на структуре питания. Этот образец накопления продуктов был наиболее характерен в начале и в конце рассматриваемого периода, когда рынок — пусть и со сбоями — еще функционировал или в муках возрождался. Так, осенью 1916 г. многие уральские обыватели, обладавшие свободными средствами, предвидя нехватку муки, закупали по несколько мешков¹²⁵. В дальнейшем этот способ экономии средств и обеспечения относительной стабильности существования был вытеснен другими, поскольку гонения на рыночные отношения, и, главное, оскудение материальных возможностей населения делали его недоступным для большинства жителей. С завершением «военно-коммунистических» экспериментов за-

¹²³ См.: Richards A.I. Hunger and work in a savage tribe. London, 1932; Teutenberg H.J., Wiegelmann G. Der Wandel der Nahrungsgewohnheiten unter dem Einfluß der Industrialisierung. Göttingen, 1972; Rozin E. The flavor-principle workbook. N. Y., 1973; Ziehr W. Das Brot von der Steinzeit bis heute. Herrsching; Luzern, 1984; Minz S.W. Sweetness and Power. N.Y., 1985; и др.

¹²⁴ См.: Труды ЦСУ. Т.XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. С. 87 — 88.

¹²⁵ Уральская жизнь. 1917. 14 янв.

купка впрок вновь становилась популярной. В воспоминаниях потомственного уральского рабочего зафиксирован эпизод, отражающий как дефицит уверенности в будущем, так принципиальную трансформацию потребительских приоритетов к 1922 г.:

«Все как-то оживало. Пооткрывались магазины – кооперативные и частные. Товаров всяких – и промышленных, и продовольственных, – сколько хочешь, были бы деньги. После пережитых войн – империалистической и гражданской, после пережитого голода и вызванных им болезней все, казалось, входит в нормальную колею.

Но полной уверенности в завтрашнем дне все-таки не было. Никак не покидало беспокойство, что пережитое, особенно голод, не повторится»¹²⁶.

Ведя хозяйство совместно с двумя братьями, автор мемуаров распоряжался семейным бюджетом. Так как братья, кроме грязной рабочей одежды, ничего не имели, он как-то после полочки зашел в магазин и купил каждому по костюму из хлопчатобумажного трико. Братья, которые выглядели, как оборванцы, этой покупке не обрадовались:

«“Зачем нам костюмы, – возмутились они, – муки купить было надо!” – “Муки у нас и так килограммов семьдесят, – сказал я, – а одеться не во что”. – “И так проходим, а мешка два муки про запас не помешали бы”, – отвечали братья»¹²⁷.

Жизнь в экстремальных условиях «выдавила» из семейных бюджетов расходы на одежду и обувь. Нищенские и нестабильные доходы превращали приобретение носильных вещей в недопустимую роскошь. Все имеющие доходы большинство населения вынуждено было тратить на скудное пропитание. Осенью 1918 г. хлопоча перед «белыми» властями об улучшении условий существования, профсоюз рабочих металлистов констатировал:

«Если долгое время рабочий кое-как существовал на тот скудный заработок, который он получает и по сей день, то это объясняется тем, что при вещевых запасах, которые еще имелись у рабочего, он мог... тратить весь свой заработок на пищу и пр[очие] расходы, но отнюдь не на покупку вещей»¹²⁸.

К концу гражданской войны на Урале население обносилось до такой степени, что это стало темой обсуждения в прессе. В апреле 1920 г. одна из вятских газет констатировала:

«Не во что одеться – вот общий вопль, несущийся из нашей провинции. Действительно, положение с одеждой, вернее, с отсутствием одежды, отчаянное»¹²⁹.

В том же номере сообщалось, что в Орлове рабочие на каждом собрании поднимают вопрос о снабжении одеждой и обращаются с ним во все учреждения, но власти отделяются общими фразами. Характерная история произошла в Уржуме, куда из Вятки была направлена мануфактура для распределения по пять аршин на человека. Местный горпродком выдал, однако, всего по два аршина, обещая остальные выдать в недалеком будущем. У корреспондента не было ни тени сомнения, что при таких обстоятельствах население обменяет полученные куски мануфактуры, из которых невозможно было что-либо сшить, на продукты и так же поступит впоследствии с остальными тремя.

Проблема одежды сохраняла жгучую остроту и в начале НЭПа, касаясь и местных советских и партийных работников. Челябинский губком РКП(б) и специально созданная при нем комиссия по оказанию помощи членам партии, которая занималась вы-

¹²⁶ Мухаркин Д. П. Жизнь у огня: Автобиографический очерк. Свердловск, 1969. С. 34 – 35.

¹²⁷ Там же. С. 35

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 3102. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

дачей продовольственной помощи, пайков, премий, одежды и обуви, летом 1922 г. были засыпаны заявлениями с просьбой помочь «обмундироваться». Их содержание дает представление о степени обнищания населения. Так, в мае 1922 г. члены РКП(б) С. и А. Жарких писали в губернский комитет партии:

«Находясь с [19]18 г. по [19]21 г. в Красной армии и с [19]21 по настоящее время в советских учреждениях (в разных городах), мы никакого обмундирования не получали, все же, что имели раньше, забрано белыми при нашем отступлении. И сейчас в связи с разными переездами с одного места на другое все поизносили и абсолютно ничего не имеем. Просим губком оказать нам содействие в приобретении хотя бы самых необходимых вещей – как-то:

мужу – гимнастерку и белья (имеется только полученная пара белья из губотдела ГПУ и одна старая)

мне – белья

и ребенку – нет совершенно ничего – ни одеяла, ни белья – одним словом, завернуть не во что»¹³⁰.

Это заявление, как и следующее, поданное в июле 1922 г. телеграфисткой Комаровой, свидетельствует как о скромности запросов в отношении носильных вещей, так и о невозможности выкроить из доходов средства для их удовлетворения:

«Состоя в партии уже четыре года, я за это время служила в разных учреждениях и в настоящее время служу в штабе частей особого назначения, и за время своей службы я обмундирования никакого не получила, в котором нуждаюсь, а на то жалование, которое я получаю, завести не в состоянии. Поэтому прошу вашего разрешения выдать мне одно пальто, ботинки, нижнее белье и верхнее платье»¹³¹.

Нехватка одежды заставляла прибегать к приемам, хорошо известным в крестьянских низах. Помимо самостоятельного пошива одежды к ним относилось ношение платья членами семьи по очереди. В 1922 г. к этому приему прибегали и городские жители, в том числе и сотрудники партийно-советских учреждений. Так, в августе 1922 г. работница Челябинского губернского комитета молодежи и член РКП(б) М. Голубева писала в губком партии:

«Крайняя нужда в связи с наступлением осени заставила меня обратиться с просьбой о помощи в губернский комитет партии. До сих пор я, в случае необходимости, пользовалась пальто матери; но теперь в связи с наступлением холодов это совместительство невозможно, так как оно нужно ей самой. А посему прошу ГК партии не отказать мне в снабжении из имеющегося фонда пальто, тем более что до сего времени я ничего не просила и не получала. В крайнем случае, за неимением в фонде пальто, прошу дать мне необход[имое] количество аршин сукна»¹³².

Приведенное ниже заявление в губком члена РКП(б) А. М. Захаровой обнаруживает еще одну причину отсутствия у населения белья. Имевшиеся запасы или вновь приобретенная одежда не только изнашивались, но и, при недостатке средств на приобретение продуктов питания, шли на продажу или на обмен:

«Настоящим прошу Вашего ходатайства перед райкомом о том, что я в настоящее время нахожусь в критическом положении, у меня совершенно ничего не имеется, кроме одного пальто, ввиду того, что я была без должности 2 месяца и мне пришлось продать последние тряпки, для того чтобы купить кусок хлеба. В настоящее время нуждаюсь [в] обуви, пальто, платье...»¹³³.

¹²⁹ Деревенский коммунист. 1920. 25 апр.

¹³⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 462. Л. 112.

¹³¹ Там же. Д. 464. Л. 83.

¹³² Там же. Д. 465. Л. 18.

¹³³ Там же. Д. 464. Л. 132.

Однако даже полное исключение из семейных бюджетов расходов на одежду и прочие промышленные товары не обеспечивало большинству горожан достаточного питания. Основной проблемой, определявшей методы добывания пищи, служили мизерность официальных стандартов потребления и неспособность властей удовлетворить самые скромные запросы. В этих условиях невозможно было выжить без жесткого самоограничения «гастрономических» потребностей. В сентябре 1917 г. оренбургская пресса сетовала, рисуя режим питания учащихся:

«В последнее время Оренбург переживает острую нужду в продовольствии и, чего прежде не замечалось, недостаток в хлебе. Последний выдается по карточкам, по 1 ф[унту] на едока. При отсутствии других продуктов питания этого количества совсем не достаточно для насыщения, и кто питается только этой порцией, всегда ходит полуголодный.

Установленное количество хлеба выдается и в учебных заведениях с общежитиями, где, так[им] обр[азом], порцию в 1 ф[унт] приходится делить ученику на 4 части: два чая, обед и ужин. Ученики духовного училища не чувствуют, напр[имер], себя никогда сытыми и поддерживаются разным домашним печением, привезенным с каникул»¹³⁴.

В период «военного коммунизма» основным, а зачастую единственным компонентом нормированного рациона стал хлебный паек, другие продукты — крупы, сахар, мясо и прочее — выдавались крайне редко и малыми дозами. На заводах Среднего Урала, согласно отчету районного комитета Екатеринбургского отделения Всероссийского союза рабочих металлистов за период с августа 1919 г. по август 1920 г., «более или менее аккуратно» по карточкам отпускались, в зависимости от категории, 25 — 36 фунтов муки в месяц, от полфунта до фунта соли, два — три коробка спичек, четверть фунта дрожжей, а детям время от времени дополнительно — два фунта крупы, полфунта масла, три яйца и полфунта конфет или меда¹³⁵. В феврале — мае 1920 г. из рабочих 13 южноуральских заводов только златоустовские получили, кроме муки, крупу и капусту, а также небольшое количество мяса, сахара и соли. Комментируя положение дел на Южном Урале, профсоюзные работники писали: «Нормы выдач, однако, слишком малы, да и выдачи производились не каждый месяц и лишь на некоторых заводах»¹³⁶.

Дела продовольственного обеспечения не пошли лучше и в начале НЭПа. Летом 1921 г. челябинским шахтерам месячного пайка хватало лишь на половину положенного срока¹³⁷. В апреле 1922 г. хлебный паек в Башкирии сократился на треть. Кроме хлеба выдавались лишь соль, спички и махорка¹³⁸.

Получение денежного довольствия также не гарантировало от нищеты. Помимо того, что оно было невелико и нерегулярно, значительная его часть уходила на всевозможные выплаты и взносы. В сентябре 1922 г. на эту практику жаловались работники Челябинского губернского отдела ГПУ. При окладе в 12 тыс. р. после вычетов в профсоюз, детский дом, кассу взаимопомощи, на «культработу» и за продукты его сотрудники получали на руки чуть более 7 тыс. р. Те, кто официально имел оклад 9,4 тыс. р., терял на вычетах половину заработка. Те незначительные суммы, которые, наконец, попадали в руки работнику, таяли на глазах:

«Из полученных чистых денег на руки каждому сотруднику приходится платить, прежде всего, партвзнос, затем нужно заплатить за квартиру, освещение, воду и проч[ие] коммунальные услуги. В итоге сегодня получил жалование, завтра нет ни копейки, а иногда еще получаемых

¹³⁴ Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 10 сентября.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 53. Л. 63.

¹³⁶ Там же. Д. 130. Л. 25.

¹³⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344. Л. 130 об.

¹³⁸ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 36. Л. 44.

денег на руки не хватает на оплату за коммунальные услуги и всевозможные налоги, за неплату которых учреждения накладывают пени. Не говоря уже о других насущных потребностях, как дрова, овощи, мясо, молоко, табак»¹³⁹.

Особенно тяжело было положение семейных сотрудников. Как и другие категории населения, чекисты прибегали к решению проблемы с помощью увольнений, заработков на стороне и продажи последнего платья.

Не имея возможностей укрепить свое материальное положение законными методами, население прибегало к разнообразным приемам, вплоть до откровенно преступных, описанных в предыдущей главе. Большинство из них объединял, однако, общий мотив — поиск дополнительных средств для существования — и единая стратегия: совмещение различных видов деятельности.

Наиболее подготовленными к такому образу жизни оказалось население горнозаводских поселков, которое и в дореволюционное время считало свою жизнь недостаточно обеспеченной и совмещало работу на заводах с сельскохозяйственным трудом. Выработанные в пореформенные десятилетия, во время заката уральской промышленности, способы выживания оказались спасительными в годы революционной катастрофы. Во времена стремительного «окрестьянивания» жизни затяжная консервация патриархальных отношений превратилась из недостатка в ощутимое преимущество, о котором работники уральских горнозаводских профсоюзов в 1920 г. писали:

«Надо сказать, что лишь благодаря тем мелкобуржуазным условиям, в которых еще живет уральский рабочий, обладающий своим домом, огородом, коровой, а иной раз и лошадей, — он не ощущает так сильно общего тяжелого продовольственного положения. При этом рабочие провинции поставлены в лучшие условия, чем городские рабочие, хотя продовольствие в городе выдается более аккуратно, чем на местах»¹⁴⁰.

К полукрестьянскому образу жизни вынуждено было прибегать и городское население. В городах и при заводах развивалось огородничество. Практиковались временные заработки горожан в деревне — новое издание поставленного с ног на голову отходничества. К 1919 г. население крупных городов уже убедилось на практике, что если летом «подкормиться» в деревне, можно легче перенести два — три месяца голодовки¹⁴¹.

Итак, добыча средств на стороне в «военно-коммунистических» буднях превращалась в один из основных источников существования. На первый взгляд, среднестатистические данные об источниках питания городского населения России в период «военного коммунизма» демонстрируют твердую поступь карточной системы, занимавшей все более прочное место в формировании пищевого рациона. Так, с декабря 1919 по май 1920 г. удельный вес хлебных продуктов, получаемых горожанами РСФСР от государства, возрос с 48% до 58%. Однако более пристальное рассмотрение способов приобретения продуктов питания не позволяет разделить оптимизм лукавых усредненных выкладок, по крайней мере, в отношении Урала (табл.62). Доля казенного хлебного пайка в рационе уральских горожан в конце 1919 г. колебался от 68% (у служащих Оренбурга) до 2,2% (у рабочих Уфы), в мае 1920 г. — от 79,7% (у рабочих Екатеринбурга) до 48,6% у служащих Оренбурга. Обеспеченность государственным пайком рабочих и служащих также существенно различалась. Кроме того, удельный вес хлебного пайка в течение рассматриваемого полугодия в одних случаях возрастал, в других — убывал.

¹³⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499. Л. 113 об.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 53. Л. 64.

¹⁴¹ См.: Бруцкус Э.О. Указ. соч. С. 89.

Таблица 62¹⁴²

Обеспеченность горожан Урала хлебными продуктами по карточной системе в декабре 1919 – мае 1920 г. (%)

Город	Декабрь 1919 г		Май 1920 г.	
	Рабочие	Служащие	Рабочие	Служащие
Вятка	62,4	52,4	55,0	65,0
Пермь	51,1	51,4	61,2	58,6
Екатеринбург	60,4	58,4	79,7	56,9
Уфа	2,2	38,3	?	?
Оренбург	48,1	68,2	57,1	48,6
В среднем по РСФСР	47,5	47,3	58,5	58,8

Таблица 63

Источники питания городского населения Вятки в мае 1920 г.

Продукты	Паек		Куплено в своем городе		Мена в своем городе		Поездки, Через приезжих	
	Количество (в фунтах)	Сумма	Количество (в фунтах)	Сумма	Количество (в фунтах)	Сумма	Количество (в фунтах)	Сумма
I. Растительного происхождения								
а. Хлеб и мука	137,5	198	50,3	5560	54,4	6330	15	1658
б. Крупа, зерно, бобы	4	8	4	580	—	—	3	435
в. Овощи	5	5	69	3220	58	3000	20	928
г. Прочие растительные продукты	2	13	0,3	270	—	—	—	—
Всего:	148,5	224	123,6	9630	112,4	9330	38	3021
II. Животного происхождения								
а. Мясо и рыба	—	—	3,4*	650	10**	2000	—	—
б. Прочие животные продукты	9,5	388	97***	7225	3****	925	15***	660
Всего:	9,5	388	100	7875	13	2925	15	660
Соль, чай, кофе	—	—	—	—	—	—	—	—
Все продукты	158	612	223,6	17505	125,4	12225	53	3681

* Рыба ** Мясо *** Молоко **** Яйца

¹⁴² Таблицы 62 и 63 составлены на основе следующих источников: Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. С. 128 – 129, 138 – 139; ГАКО. Ф. Р-1053. Оп.1. Д. 182. Л. 2.

Горожан беспокоил не столько голод, сколько страх испытать его в полной мере, оправдываемый нестабильностью, бестолковостью и непредсказуемостью распределительной системы.

Иллюстрацией повседневных забот о пропитании могут служить результаты изучения питания 10 семей (24 человек, 168 дней довольствия) в течение одной недели мая 1920 г. в Вятке (табл.63). Обследование показало, что продукты из официального пайка составляли всего около 28 % потребляемого довольствия. Гораздо больше — до 40 % еды — покупалось в Вятке, на запрещенном властями рынке. Еще 22 % пищи добывалось в своем городе путем обмена. Около 10 % потребляемых продуктов приносили поездки в другие населенные пункты (пресловутое мешочничество), посылки и доставка с оказией, через приезжих. Данные майского обследования подтверждают преимущественно хлебное содержание государственного пайка, который обеспечивал рацион горожанина на 35%. Однако несколько разнообразить свое питание городские жители могли исключительно за счет собственной предприимчивости: менее 7% животной пищи попадало на их столы из легальных государственных источников.

Чем ниже были материальные возможности людей, тем больше энергии и изобретательности требовалось для поисков питания. Бюджетное обследование рабочих семей в Екатеринбурге летом 1922 г. выявило устойчивость сложной структуры их доходов. Удельный вес заработной платы достигал 78%, продажа имущества приносила 10% семейного дохода, займы — 4%, безденежные поступления — 3%, приработок на стороне — 2%, продажа продуктов своего хозяйства, предметов государственного снабжения, торговля составляли всего по 1% поступлений в семью. Однако в наименее состоятельных семьях доля продажи имущества в структуре бюджета возрастала до 22%, а натуральный доход до 68%. По результатам обследования был сделан оптимистичный вывод об оздоровлении структуры доходов. Если в 1918 — 1919 гг. зарплата составляла в ней всего 40%, то по екатеринбургским итогам 1922 г. — 53,8 — 79,3%¹⁴³.

Вывод о положительных тенденциях и стабилизации материального положения рабочих был, однако, преждевременным. На протяжении 1922 г. заработные платы на 24 предприятиях Екатеринбургской губернии ежемесячно колебались между 4,54 и 9,87 товарных (довоенных) рублей. Удельный вес денежных выплат вырос с 25,3% в январе до 63,2% в сентябре, но в следующие месяцы понизился до 50 — 54%¹⁴⁴. Картина оплаты труда менялась от предприятия к предприятию. В 1922 г. бывали случаи, живо напоминавшие «военно-коммунистические» времена. Так, на екатеринбургской спичечной фабрике «Факел» в июне рабочим предлагали получить вознаграждение за последние два месяца мануфактурой, при продаже которой на рынке рабочие потеряли половину стоимости. Те, кто не хотели пускаться в торговые операции с мануфактурой, получили зарплату спичками из расчета 14 млн. р. за ящик, который на рынке стоил 7 — 10 млн. р.¹⁴⁵

Если растущая ненадежность прежних источников существования толкала к использованию различных — законных и запрещенных — методов добывания продуктов, то оскудение и упрощение рациона питания с неизбежностью отражались на способах приготовления и рецептуре пищи. Скупые упоминания в художественной литературе и воспоминаниях о русской революции свидетельствуют о примитивизации меню:

¹⁴³ Уральский рабочий. 1922. 6 июля.

¹⁴⁴ ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.532. Л.2.

¹⁴⁵ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.

«На долгий период постоянной пищей большинства стало пшено на воде и уха из селедочных головок. Туловище селедки в жареном виде шло на второе. Питались немолотой рожью и пшеницей в зерне. Из них варили кашу»¹⁴⁶.

Дороговизна печеного хлеба вынуждала многих граждан выпекать хлеб дома, если позволяли дровяные запасы. Мука становилась универсальной субстанцией многих примитивных блюд. Из теста на воде пекли лепешки. Скатанное кишкой, оно варилось кусками в кипятке. Мука смешивалась с кофейной гущей и толченной картофельной шелухой. Ее добавляли в жидкий «советский суп» из воблы или селедки и в другие варианты популярной в те годы «затирухи», основу которой составлял мучной бульон¹⁴⁷. В 1920 г. в поезде можно было услышать такой разговор:

«Вы не едали мучной каши? Да что вы? Это что ни на есть первый сорт кушанья. Надобно взять муки... Какой? Ржаной, не пшеничной же. Ее не возьмешь, а ржаную на заправку выдают, так ее с полфунта прикопить можно. Взять значит, ее с полстакана, залить крутым кипятком и мешать, мешать, чтобы комьев не было. Догуста мешать. А потом?... Что "потом"? И все тут. Сахарину прибавить? Да что с вами? Какой буржуй выискался! В кашу да сахарин! Мука аржаная и так сладкая. Щепотку соли, разве. У меня соль-то, почитай, вся вышла. Иной раз ребята орут: "Мамка, посоли"... Чем посолить? Слезой, разве... Ох, жисть!...»¹⁴⁸.

За отсутствием привычных «колониальных товаров» — чая и сахара — становились востребованными их суррогаты. Широкое распространение получил морковный чай. Морковь резали вдоль в виде лапши и тонким слоем раскладывали на железных листах или бумаге и ставили в теплую печь; после высыхания перекладывали на чистые железные противни и поджаривали до чайного цвета. Полученный продукт заваривали, как обычный китайский чай. Более состоятельные находили и замену сахару, который по карточкам почти не выдавался, а на рынке попадался не часто и стоил баснословно дорого. Вместо него использовали дешевые конфеты (помадки, карамель), поддельный мед, патоку, «постный сахар», изюм, вишню. Когда и эти продукты начали подходить к концу, горожане стали изготавливать сладкие смеси. Наиболее удачной из них считался «сухаро-сахар» — смесь пяти — шести частей мелко истолченных ржаных сухарей и одной части сахара с ванилью¹⁴⁹.

Некоторые кулинарные уроки, почерпнутые из солидного опыта городских низов и деревни неурожайных лет, в чрезвычайных условиях российской революции быстро усваивались в транспорте и в толкучке очередей, на базаре и во время рискованных поездок за продуктами в сельскую местность, из бесед с бывалыми людьми и газетных статей. Простонародная рецептура входила в каждую семью.

Еще беднее был приютский стол детей, потерявших родителей. В июле 1918 г. питомцы вятского детского дома «Трудовая помощь» утром и вечером пили чай без молока, с микроскопической осьмушкой хлеба (50 г) с комочками мякины. Днем на обед подавалась небольшая порция жидкости без крупы, с редкими кусочками картофеля. На ужин дети получали уменьшенную порцию такой же жидкости¹⁵⁰.

Характерные метаморфозы в русле общей тенденции оскудения пережил как будничным, так и праздничным стол, причем не только социальных низов, но и осколков старого «образованного общества». Бывший служащий Челябинского окружного акцизного управления К. Н. Теплоухов, семья которого избежала унижительной беднос-

¹⁴⁶ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Вильнюс, 1988. Кн. 1. С. 175.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 171. Л. 20.

¹⁴⁸ Там же. Л. 19.

¹⁴⁹ Трудовая коммуна. 1918. 30 июня.

¹⁵⁰ Известия (Вятка). 1918. 6 июля.

ти, помимо прочего, благодаря деятельной натуре ее главы, пополнявшего домашний бюджет с помощью мелких торговых операций, домашних ремесел и охоты — в январе 1922 г. записал в свой дневник:

«7 января – суббота – Рождество. Продолжаем вести роскошную жизнь. Утром пили настоящий чай, хотя и кирпичный с сахарином. Обед – пельмени из конины; выпили спиртовки, – пельмени оказались очень вкусными. Настроение веселое»¹⁵¹.

Вряд ли продукты, составившие основу для семейного «пиршества» в 1922 г., за несколько лет до этого российский чиновник и его домочадцы отважились бы взять в рот.

Безнадежно понизились не только стандарты питания, но и культура употребления алкоголя. До революции не только в городе, но и в заводском поселке крепкие напитки пили маленькими рюмками с наперсток. Опынение наступало достаточно быстро, так как правила хорошего тона в поселке требовали от гостей почти не притрагиваться к угощению, щедро выставляемому хозяином¹⁵². Прежние привычки, нарушенные сухим законом 1914 г., окончательно рухнули на первом году революции, что с отталкивающей ясностью проявилось во время пьяных погромов осенью 1917 г.

«Разруха» резко повысила ценность алкоголя не только как средства избавления от страхов и символического восстановления разрушавшихся социальных скреп. Значительно возросло его физиологическое, инструментальное значение, близкое к роли «зеленого змия» в средневековье¹⁵³. Переход на малокалорийную, законсервированную с помощью соли пищу усилил роль алкогольных напитков как источника дополнительных калорий и утолителя жажды, сила которой неизвестна современному человеку. Ухудшение санитарного состояния городов, участвовавшие и усилившиеся вспышки эпидемий, дефицит медикаментов — все это превратило спиртосодержащие вещества в альтернативу ненадежным источникам воды и в основное (в полном соответствии с простонародными стереотипами) антисептическое и лекарственное средство.

К этим обстоятельствам присоединилось пагубное влияние сухого закона. Место профессионально изготовленных алкогольных напитков прочно заняли суррогаты — денатурат, политура и самогон, о качестве которых современники писали: «Самогонка представляет собой желтоватую бурду с сильным и весьма неприятным запахом перегорелого спирта; вторая и третья выгонки браги — светлее»¹⁵⁴.

Лишь единицы, имевшие официальный или нелегальный доступ к государственным запасам продовольствия, могли на исходе рассматриваемого периода позволить себе питаться по образцам, более или менее приближенным к дореволюционным стандартам российского города. Стихотворный дневник контролера семенного хлеба в Оренбургском губернском земельном отделе А. Сударева дает представление о дневном рационе, находившемся в разительном контрасте с моделью питания большинства жителей ранней Советской России. В записи за 20 марта 1922 г. автор дневника подробно, с обстоятельностью человека, недавно пережившего ужасы голода, описывает структуру своего питания в будний день:

¹⁵¹ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники. 1899 — 1924. Челябинск, 2001. С. 400.

¹⁵² См.: Мухаркин Д. П. Указ. соч. С. 11.

¹⁵³ Обзорно о функциях алкоголя в Европе в Средние века и Новое время см: Montanari M. Der Hunger und der Überfluß. Kulturgeschichte der Ernährung in Europa. München, 1999. S. 145 — 149.

¹⁵⁴ Оренбургское земское дело. 1917. 12 ноября.

Наиболее отчаянные или отчаявшиеся крали съестное у соседей, рискуя быть забитыми до смерти всем миром¹⁵⁷.

Если уральские горожане — в отличие от столичных¹⁵⁸ — переходили на «голодный паек» поступательно, то сельское население Урала в первые годы революции в продовольственном отношении не бедствовало. Период политических катаклизмов, включая гражданскую войну, был отмечен ростом потребления деревней своей продукции, реализовать которую на стороне становилось все труднее. Голод настиг нерусские территории вятского Прикамья и Южного Урала в 1920 г., охватив весь Уральский регион в 1921 г. В отличие от голодовок в Российской империи, он не был смягчен государственными контрмерами и достиг беспрецедентных масштабов. К концу зимы 1921 — 1922 гг. в районах, наиболее пострадавших от прошлогодних реквизиционных компаний и неурожая, все, что можно, оказалось променанным на пищу. Были доедены последние запасы суррогатов, лошади и коровы, в ход пошла пададь. Грудные дети после смерти матерей жадно, до кровоподтеков, сосали руки своих сестер.

Одной из особенностей первого в истории Советской России массового голода стало то, что власти, будучи не в силах помочь населению, сами стали пропагандировать питание суррогатами. Урал, особенно охваченная острым голодом южная его часть, стал уникальным объектом наблюдения врачей-гигиенистов, заинтересовавшихся проблемой массового перехода населения к нетрадиционным продуктам питания. Летом 1921 г. в Уфе был создан Институт опытных наук, в котором работала секция по изучению суррогатов¹⁵⁹. По мнению специалистов, суррогаты пищи следовало отличать от новых продуктов — костяного сала, картофельной шелухи, конины, сахара и маргарина, многие из которых со времени Первой мировой войны стали употреблять и в Европе¹⁶⁰. Решить проблему питания можно было, как казалось медикам, поборов прежние стереотипы:

«С предубеждениями и неразумными отвращениями, лежащими в основе отказа от той или иной пищи, необходимо энергично бороться. Впрочем, жизнь становится день ото дня суровее, она сама отучает от большей части подобных предубеждений.

Так, например, уже почти исчезла ничем, в сущности, не оправдываемая неприязнь к конскому мясу»¹⁶¹.

Затруднение заключалось, однако, в том, что хлеб является наилучшим, незаменимым источником углеводов, которые должны составлять две трети рациона, и труднее всего поддается замене суррогатами. То, что ело южноуральское крестьянство с лета 1921 г., расценивалось не как питание, а как отравление. Между тем, медики-новаторы указывали на возможность использовать безвредные примеси к хлебу. К ним

¹⁵⁷ Подробнее см.: Smith R.E.F. Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge, 1984. P. 327 — 356; Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете / Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 115 — 123.

¹⁵⁸ В столицах голод наступил не только значительно стремительнее, но и принял более открытые формы. Население городов Урала в целом не знало столь радикального перехода на суррогаты питания. В Петрограде в конце 1918 г. бойко торговали собачьим мясом, которое разбиралось очередь по 2 — 5 р. за фунт, и мышами (см.: Гиппиус З.Н. Современная записка. 1914 — 1919 гг.: Дневник (Извлечения) / Мережковский Д.С. Большая Россия. Л., 1991. С. 236).

¹⁵⁹ Аналогичная секция была создана 30 октября 1921 г. и при Уфимской губернской комиссии помощи голодающим (см.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы в 2-х томах. 1900 — 1984. Т. 1: 1900 — 1928. С. 322 — 323).

¹⁶⁰ Известия (Уфа). 1921. 19 июля, 31 авг.

¹⁶¹ Там же. 3 авг.

относились гороховая, бобовая, кукурузная, овсяная, соломенная и манная мука, кормовые травы, которые без вреда для человеческого организма могли составлять в хлебе до двух третей его состава. Удельный вес муки из пырея мог достигать в смеси 25%, из высушенных желудей, люцерны, крапивы, травы — не более 10%. Содержание белков в простой траве оценивалось в 11%, в лебеде — 16%. Жиры в перечисленных примесях составляли не более 5%.

По другим данным, к допустимым суррогатам хлеба относились желуди, жмыхи, корни репейника, ягоды, ботва картофеля, свеклы, листья капусты, корни бубенчика, дикая репка, костяная мука из свежих костей. Их ценность, несмотря на наличие в них питательных веществ, снижалась большим удельным весом раздражающей кишечник древесины и воды. Нежелательными суррогатами считались лебеда, кора альмовая, березовая, липовая, березовые почки и сережки, солома, листья липы и березы. Питательные компоненты в них отсутствовали, а их употребление вело к острому воспалению кишечника. Наконец, как не допустимые и безусловно вредные суррогаты квалифицировались свербига, сорные травы и древесина¹⁶².

Ввиду надвигавшейся голодной катастрофы советская печать и официальные службы помощи голодающим вместо реального содействия населению предлагали рецептуру суррогатов пищи. В августе 1921 г. печатный орган Уфимского губернского политико-просветительского комитета рекомендовал использовать в пищу корни однолетнего лопуха, содержание сахара в котором было не ниже, чем в сахарной свекле: высушенные и перемолотые, они могли служить основой для сладкого напитка наподобие кофе или примесью к ржаной муке для изготовления сладких лепешек. «Отличный кофе» можно было приготовить из корней одуванчика. Как «прекрасное питательное средство» рекомендовались дубовые желуди: в крупно размолотом виде они превращались в «очень вкусную кашу». До этого, правда, необходимо было проделать трудоемкую процедуру, вряд ли посильную ослабленному голодом человеку, — очистить и выварить желуди в двух — трех водах, а затем высушить и перемолоть на муку¹⁶³.

Среди населения Башкирии распространялась листовка об использовании картофеля. В ней предлагалось варить картофель не в воде, а на пару, на сетке, (в том числе на самоваре), чтобы овощи не теряли части питательных веществ. Кроме того, рекомендовались различные способы изготовления картофельной муки. С помощью варки, сушки и помола она приготавливалась из здорового или мерзлого картофеля. Однако, это был самый простой способ. Муку можно было получить и из гнилого картофеля. Очистив его от вонючей гнили, следовало истереть картофель на терке, поместить в кадку и залить водой, затем взболтать и отстаивать в течение суток. В результате на дно оседала картофельная мука, покрытая грязным слоем испорченной муки и водой. Воду нужно было слить, испорченный слой снять, а муку вновь на сутки залить водой. После этого содержимое кадки высушивалось, образуя муку бурого цвета. Наконец, не исключалась и возможность утилизации сгнившей картофельной жижи: чтобы убить бактерии и грибки, она кипятилась 10 — 15 минут, а затем смешивалась со здоровым картофелем или мукой для изготовления пюре или выпечки хлеба. В качестве примеси к муке предлагались капуста, свекла с ботвой, морковь, горох, молодые сушеные или вареные листья деревьев и кустарников. Предложения по использованию картофеля и других продуктов завершал рецепт суррогатного теста из ржаной муки, картофеля (по три фунта), свежей или квашеной ка-

¹⁶² ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

¹⁶³ Деревенская газета. 1921. 18 авг.

пусты, свеклы и моркови (по 2,5 фунта). Собственно мука в этой смеси составляла, таким образом, чуть более 20%¹⁶⁴.

Пропаганда суррогатной пищи проводилась и в других частях Урала. Если в августе 1921 г. вятские власти в связи с большим урожаем грибов призывали население собирать их, обещая покупать их и обменивать на товары, то в ноябре советская печать начала помещать материалы о способах выживания в условиях голода. Рекомендовались занятия рыболовством, охотой, кролиководством и кустарным промыслом, а также публиковались рецепты суррогатов, применявшиеся крестьянством раньше в тяжелые годы. Прокорм скота можно было обеспечивать, смешивая сено всех сортов, включая древесное сено, мох и т.д. Автор статьи «Способы спасения от голода» убеждал читателей «Вятской правды», что, имея 5 — 10 пудов муки, можно прожить до следующего урожая. Для этого предлагалось приготовление хлеба из муки напололам с картофелем и супов из свеклы, картофеля, репы, моркови и турнепса. Менее обеспеченные могли варить так называемые «соломенные супы». В их состав входили две части мелко нарубленного сена и одна часть картофеля и других овощей. «Сенной суп» можно было обогатить, добавив еще одну часть свеклы и щепотку муки. Рекомендовался и суррогатный хлеб различного состава. Можно было приготовить его, добавив к одной части муки по две части картофеля, опилок и молотой соломы или сена. Публикация содержала советы и по приготовлению хлеба без ржаной муки: для этого следовало смешать две части картофеля, три части опилок, две части жмыхов и столько же молотой соломы (или сена), посолить и печь на противнях или поду печи, желательно — на отваре скотского или лошадиного мяса. Предлагался и другой вариант «соломенного хлеба»: две части истолченной в порошок соломы смешивались с таким же количеством картофеля, одной частью желудей и одной частью опилок. Смесь подсаживалась, замешивалась в тесто и ставилась в теплое место (+15°) на 12 часов. Затем тесто раскатывалось и пеклось на мясном отваре или молоке в два раза дольше, чем обычный хлеб. В качестве основы для изготовления хлеба могли использоваться и другие суррогаты — овсяная солома, куколь, мякина. Запоздалым советом было предложение собирать летом в озерах, речках и болотах водоросль сусак. Его толстые корневища в растолченном, размолотом и испеченном виде по питательности и вкусу напоминали пшеничную муку. В результате обработки четырех пудов сырых корней получался пуд сухого и годного к употреблению продукта¹⁶⁵.

Грандиозность голода 1921 — 1922 гг. на Урале отразилась в масштабах распространения суррогатов и диапазоне веществ, употреблявшихся в пищу. В ноябре 1921 г., когда голод еще не достиг кульминации, лишь 13% сельского населения Челябинской губернии ело чистый хлеб («чистяк»); 10% крестьян использовали муку с незначительными примесями; 14% подмешивали суррогаты к хлебу в соотношении 1:2; 23% ели хлеб напололам с заменителями; хлеб 6,4% сельских жителей состоял из суррогатов на две трети, 13% — на 3/4. Наконец, 21% крестьян ели чистый суррогат¹⁶⁶.

Ассортимент суррогатов на Южном Урале включал около 60 наименований¹⁶⁷, пополнившись во время страшного голода многочисленными новинками, неизвестными дореволюционным крестьянам. Динамика развития голодной катастрофы характеризовалась стремительным расширением параметров суррогатной пищи. Поздним летом 1921 г., готовясь к неминуемому голоду, крестьяне использовали традиционные

¹⁶⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 318. Л. 1.

¹⁶⁵ Вятская правда. 1921. 12 авг., 19 ноября.

¹⁶⁶ ГАСО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁶⁷ Боже В.С., Непейн И.Г. Указ. соч. С. 10.

способы заготовки заменителей хлеба: размалывали на муку березу и липу, смешивали ржаную муку с березовыми листьями и корой деревьев¹⁶⁸. В районах, где население голодало с 1920 г., летом 1921 г. собирался и обильно употреблялся в пищу зеленый, не успевший созреть овес. Сушилась зелень от овощей — картофельная и гороховая ботва, листья капусты и свеклы, — которая мололась и сразу употреблялась вместе с незрелым овсом или мукой в соотношении 1:3. Затем на заготовку пошли травы и семена сорных трав: рыжика, лебеды, коленки, подколенки и чистоголенки, дикой гречки, куколя, желудей, торицы, стрючечника, березовые сережки. Все это сушилось, мололось и шло в пищу с 1/10 муки.

Зимой, когда основная часть овощей и мука были съедены, стали использовать новые виды суррогатов: гнилой картофель, выбой из хлебных зерен, льняную муку, ржаную и яровую солому, хлебную пыль и мельничные сметки. Затем настал черед гнилушек деревьев — ели, сосны, вяза, березовая кора, опилки, липовая древесина. В некоторых местах Вятской губернии и Южного Урала в еду использовались соломенные крыши и даже гнилые трухлявые амбары, хлевы, избы, бани. Древесина поедалась с примесью ржаной муки, картофеля, лебеды и зеленого овса, муки из зерен сорных трав, либо в чистом виде. В некоторых волостях Уржумского, Советского, Нолинского и Яранского уездов зимой 1921 — 1922 гг. население ело глину темно-серого цвета, добываемую из холма в Уржумском уезде. Согласно народной легенде, «...это есть готовая мука, посланная Богом, которая не вызывает никаких болезней и дает хороший хлеб». Началось настоящее паломничество за глиной целыми селениями. Новый суррогат вывозился возами, из глины готовилась опара с примесью муки в соотношении 4:1 или без нее и пеклись лепешки, хлеб или подобие блинов, которые поджаривались на сковороде с солью и постным маслом¹⁶⁹.

Вынужденная изобретательность голодного крестьянства не знала пределов. Жители Уржумского уезда нашли новый вид суррогата — торф, об использовании которого вятская пресса писала:

«Торф достают из-под снега, из глубоких ям, обваривают горячей водой и дают отстояться. Из отстоявшейся земли, с небольшой примесью лебеды, пекут... "хлеб". "Хлеб" имеет совершенно черный цвет, но не хрустит на зубах»¹⁷⁰.

Ранней весной 1922 г. заготовленные с осени суррогаты стали подходить к концу. В марте комитет взаимопомощи Алексеевской станицы сообщал челябинским властям:

«Голодовка среди населения с каждым днем ухудшается, большинство граждан питается кошками, собаками и всевозможной падалью, не говоря уже о суррогатах, которые имеют не многие. С ноября месяца с голоду померло 50 человек»¹⁷¹.

Выдержки из доклада председателя Яранского уездного комитета помощи голодающим В.П. Кулешова, составленного в марте 1922 г. на основе личных впечатлений командированных в голодные местности инструкторов, рисуют безнадежное положение населения и его отчаянные поиски каких-нибудь заменителей пищи:

«Хлеб из глины с примесью 50 — 60% мякины, желудя или сечки с крыши считается роскошью, чистая глина в пищу не идет, т. к. не глотается, почему к ней примешивают рваную тряпку вроде корпии и, скатывая в шарики, глотают. Следствием хронического употребления этого суррогата является запор, прободение кишок и смерть. <...>

¹⁶⁸ Вятская правда. 1921. 9, 17 авг.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 561. Л. 18.

¹⁷⁰ Вятская правда. 1922. 2 марта.

¹⁷¹ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 22.

В изыскании пищи население прибегает к самым невероятным способам: мари разрывают конские кладбища, едят падаль, собак, кошек, еще не оттаяла земля, а уже на полях еле держащиеся на ногах женщины роют землю в надежде найти хоть какие-нибудь корни, ибо глина уже не глотается; жнут серпом, еле держащимся в исхудалых руках, остатки травы на межах, показавшихся из-под снега, чтобы ее перемолоть в муку. Деревянная мука из гнилого дерева, солома с крыши, падаль, глина, очень хорошо, если мякина – вот теперь пища населения Сердежской и Тожсалинской волости. <...>

С какой жадностью набрасываются на обед, на "белый хлеб" (обыкновенный ржаной или овсяный хлеб голодное население называет белым), трудно себе представить, действительно нужно долго голодать, чтобы так вцепиться в кусок хлеба, боясь, что его отнимут»¹⁷².

Поздней весной – в начале лета 1922 г. положение с питанием сельского населения не исправлялось. В Курганском уезде в щи употреблялась толченая кора, варили старые кожи, толкли кости, пекли лошадиный кал¹⁷³. Летом 1922 г. вятская печать сообщала о том, как решалась проблема питания в одном из голодных районов губернии: «В починке Акленках население собирает с кладбища старые кости, пережигает их, толчет в ступе и получает муку с неприятным запахом»¹⁷⁴.

Летом 1922 г. такой способ утоления голода являлся, однако, скорее исключением из правила. Большинство селян Вятской губернии питалось одной зеленью, что вызывало расстройство желудка и до 50 поносов в день. В июле на базаре Яранска крестьяне лихорадочно сбывали скот за пять – восемь пудов хлеба. Овца стоила всего 15 – 25 фунтов муки. Проголодавшиеся продавцы требовали часть оплаты печеным хлебом, который тут же съедался. Вятский губернский комитет помощи голодающим в конце июля 1922 г. констатировал: «Если раньше имелись суррогаты и иногда рассматривалось их качество, то сейчас считается за суррогат почти все то, что может пройти через пищевод в желудок, о последствиях такого питания не задумываются»¹⁷⁵.

Питание суррогатами было чревато неприятными последствиями для здоровья, хотя сильных отравлений, вопреки ожиданиям, не наблюдалось. Чрезмерное потребление клетчатки вызывало истощение, малокровие, желудочно-кишечные заболевания, в особенности – затяжные поносы. В связи с обильным употреблением овощей цинга не получила широкого распространения, хотя малокровие, припухлость и кровотечение десен наблюдались. Среди детей особенно часто встречались малокровие, истощение, золотуха и из-за отсутствия мыла – кожные болезни и фурункулезы. Заболеваемость желудочно-кишечного тракта в деревне достигала 75 – 80%¹⁷⁶.

Непосредственное воздействие суррогатов на человеческий организм было различным. Питание глиной вызывало непроходимость кишечника, запоры, особенно опасные – вплоть до смертельного исхода – в пожилом возрасте. Желуди в первое время употребления вызывали тошноту, рвоту, головокружение, отсутствие аппетита; лебеда – головокружение, по другим данным – желудочно-кишечный катар и запоры; картофельная ботва – понос; рыжик – тошноту и рвоту; коленка, подколенка и чистоколенка – тошноту и головокружение; льняная мякина – боли в желудке. Употребление некоторых суррогатов не сопровождалось нежелательными эффектами. К ним относились жмыхи и гнилушки, которые не меняли вкуса хлеба, и дикая гречка. Последняя оценивалась специалистами так: «лучший суррогат по вкусу и никаких побочных явлений не вызывает»¹⁷⁷.

¹⁷² ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 169, 170.

¹⁷³ Уральский рабочий. 1922. 7 мая, 23 июня.

¹⁷⁴ Вятская правда. 1922. 22 июля.

¹⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 337.

¹⁷⁶ Там же. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 563. Л. 18 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 19.

Вид и вкус суррогатной пищи у современного человека, скорее всего, вызвал бы чувство омерзения. Хлеб из корней липы и илемника внешне напоминал овсяные сдобные булki — рассыпчатые, сладковатые и, по мнению свидетелей, довольно приятные на вкус, но мало питательные и вредные для желудка. Хлеб из лебеды по виду был похож на гречневый — черный и низкий. Вкус его был неприятный, горьковатый. Все сорта суррогатного хлеба имели шероховатую поверхность и неровный, с трещинами, излом; быстро высыхали, крошились и ломались при разрезании; цвет колебался от темно-серого до черного. По сообщениям очевидцев, «некоторые сорта хлеба напоминают собою буквально конский навоз». Спектр вкуса суррогатного хлеба был довольно широк — от неприятно-приторного до горького¹⁷⁸.

Беспрецедентно широкий ассортимент суррогатов во время голода 1921 — 1922 гг., казалось бы, опровергает общепризнанное убеждение антропологов и этнологов, что, хотя человек и в состоянии использовать в пищу почти все, культурные установки сдерживают его всеядность:

«Различные группы едят различные вещи различными способами: но все имеют свои принципиальные взгляды на то, что они едят. Конечно, выбор пищи во многих отношениях зависит от ее наличия, но люди никогда не едят все съедобное, что предлагает им окружающая среда»¹⁷⁹.

Крестьянское население Урала в 1921 — 1922 гг. поедало не только все съедобное, но и никогда ранее не употребляемое в пищу и безусловно опасное для здоровья. Однако это отнюдь не означало, что голод до основания разрушил культурные стереотипы аграрного общества. Пожалуй, самое примечательное в использовании суррогатов сельскими жителями заключалось не в отталкивающем многообразии заменителей пищи, а в упрямом стремлении крестьян уподобить их хлебу. Многовековое представление о хлебе как об основе питания воплощалось в их желании производить его во что бы то ни стало и из чего угодно. Только он мог утолить голод, его же отсутствие, даже при наличии других продуктов питания, воспринималось как смертельная угроза и непоправимое бедствие. Обманывая самих себя имитацией хлеба, сельское население использовало наиболее соответствующий своей культуре и, в этом смысле, «цивилизированный» способ борьбы с голодом.

Вместе с тем, радикальные изменения в составе и пропорциях деревенской пищи отражали и, в свою очередь, обуславливали, серьезные сдвиги в самосознании крестьянства и организации его повседневной жизни, толкая их в сторону дальнейшей примитивизации.

Меню людоеда. Пожалуй, самым страшным симптомом культурных подвижек российского крестьянства в 1921 — 1922 гг. было употребление в пищу человеческого мяса — явление, крайне редкое в дореволюционной Европейской России, табуизированное в большинстве культур¹⁸⁰. На Урале этот феномен получил массовое распространение. Его эпицентром стал Южный Урал, где зафиксированные случаи людоедства измерялись четырехзначной цифрой. Их абсолютное большинство — 1899 случаев трупоедства и 64 убийства с целью употребления в пищу — было зарегистрировано к ле-

¹⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 563. Л. 19; Известия (Уфа). 1921. 16 авг. Также см.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. ... Т. 1. С. 340 — 341.

¹⁷⁹ Minz S. W. Op. cit. P. 29.

¹⁸⁰ Подробно о каннибализме как культурном феномене европейской и мировой истории см.: Sanday P.G. Divine Hunger. Cannibalism as a Cultural System. Cambridge, 1986; Bonnasie P. Op. cit.

ту 1922 г. в Башкирии. Статистики каннибализма по Челябинской губернии за весь период голода не обнаружено, однако фрагментарные сведения говорят о его размахе: только в августе 1922 г. в губернии было выявлено 98 случаев людоедства.¹⁸¹

По многим косвенным данным можно предположить, что реальные масштабы каннибализма были еще значительнее. Организованный, целенаправленный сбор сведений о людоедстве в условиях массового голода и распада и без того слабых структур власти в деревне был затруднителен, хотя само выявление фактов людоедства сложностей не представляло. Крестьяне-людоеды действовали почти открыто, не таясь, при задержании покорно и равнодушно сознавались в употреблении человечины. Обнаружить каннибалов в голодающей деревне было нетрудно: дым над печной трубой в условиях полного отсутствия продуктов часто служил верным сигналом страшного кулинарного действия. Однако их и не искали, заставая на месте преступления чаще всего случайно. Типичный эпизод, происшедший поздней зимой 1921 – 1922 гг. в Верхнеуральском уезде, живописала челябинская газета:

«Людоедство было обнаружено случайно: у одного домохозяина... была украдена овца, для розыска вора сельсовет устроил подворный обыск, отрядив для этого надежных граждан поселка. Производившие обыск решили искать по тем дворам, над которыми курился дым, и в первом же таком дворе они наткнулись на картину приготовления пищи из человеческого мяса. От большого котла, вмазанного в очаг, валил на всю избу пар. Несколько горящих голодным безумием глаз впились в содержимое котла... На вошедших никто из ожидающих еды даже не посмотрел.

– Что у вас варится в котле? – и в ответ услышали могильно-спокойный ответ: – Человечина... Произвели допрос и следствие. Оказалось, что людоедами был зарезан знакомый башкирин, который, пробираясь куда-то в поисках пищи, зашел к ним ночевать.

Через несколько дней вся эта семья, за исключением одного человека, умерла от голода»¹⁸².

Было бы очевидным упрощением объяснять массовую вспышку людоедства на Урале исключительно беспрецедентными масштабами голода, усугубленного вялостью предпринимавшихся властями контрмер. В поисках обстоятельств, благоприятствовавших распространению каннибализма, целесообразно задаться вопросом: был ли этот феномен проявлением алиментарного (голодного) бешенства и маразма или же воплощением трезвого расчета на выживание?

Внутреннее преодоление запрета на употребление в пищу человеческого мяса только на первый взгляд представлялся следствием голодного умопомрачения. При внимательном рассмотрении этого феномена укрепляется впечатление осмысленного поведения первых «советских людоедов».

Прежде всего, следует подчеркнуть, что крестьянские поведенческие стереотипы во время голода вообще не отличались человеколюбием: «Они не всегда гуманны, но глубоко рациональны, так как направлены на выживание, сохранение наиболее дееспособных членов семей, способных к продолжению хозяйственной деятельности»¹⁸³.

Сельская техника выживания включала, помимо прочего, такие способы, как отказ в исключительных обстоятельствах от кормления стариков и маленьких детей, чтобы сохранить пищу для старших детей и взрослых. В 1921 – 1922 гг. стратегия выборочного спасения близких приобрела в голодных районах массовый и радикальный характер. В январе 1922 г. в станичные исполкомы Верхнеуральского уезда было направлено официальное обращение уездной комиссии помощи голодающим следующего содержания:

¹⁸¹ Уральский рабочий. 1922. 13 июля; См.: Боже В.С., Непеин И. Г. Указ. соч. С. 25.

¹⁸² Советская правда. 1922. 2 марта: Цит. по: Боже В.С., Непеин И.Т. Указ. соч. С. 11.

¹⁸³ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 121.

«За последнее время многие родители или родственники из уезда привозят своих детей в город и оставляют их на постоялом дворе, а сами под тем или иным предлогом скрываются. Оставленные бедные дети отправляются по городу отыскивать своих родителей и родственников, досыта наплакавшись, окончательно обессилив, зачастую замерзают на улице. А поэтому Укомиссия предлагает станисполкому широко объявить населению, прекратить эту безнравственную свалку детей, и в будущем виновные будут строго наказаны»¹⁸⁴.

В докладе Яранского уездного комитета помощи голодающим за март 1922 г. описывался аналогичный случай избавления от детей¹⁸⁵. Летом 1922 г. в Белебеевском уезде Уфимской губернии сельские сходы принимали решения, обрекавшие обессиленных от голода односельчан на верную смерть: « На общих собраниях выносятся постановления, чтобы не давать пайков безнадежно слабым, а помогать только тем, которые держатся на ногах»¹⁸⁶.

На сельских собраниях в Уфимской губернии открыто звучали требования узаконить каннибализм. В январе 1922 г. в Идрисовской волости Златоустовского уезда «...отцы требовали от местных властей разрешения на убой своих детей»; в Белебеевском уезде голодающие предлагали: «...прежде чем погибнуть всем, надо заколоть и съесть председателей и членов исполкомов, как получающих государственный паек»¹⁸⁷.

Помимо многовекового опыта хладнокровного отказа от спасения одних в пользу других распространению каннибализма способствовали и другие обстоятельства. Предыдущие испытания, особенно год гражданской войны, невероятно понизили цену человеческой жизни и выработали равнодушие к картинам смерти. Участие в боевых действиях и всплеск массовой бытовой преступности вовлекли значительные слои населения в практику насилия и убийств, в том числе социально одобряемых. Большинство крестьян либо само участвовало в страшных расправах над ворами, либо разделяло ответственность за самочинные убийства, одобряя принятие самосудных приговоров на сельских сходах.

Кроме того, в 1921 – 1922 гг. невероятно повысилась доступность человеческого мяса. Беззащитные, ослабленные голодом люди блуждали по дорогам и сами стучались в дома, прося ночлега. Неубранные трупы лежали на дорогах и улицах. Покойники, которых некому было хоронить в промерзшей земле, складировались и-месяцами лежали в сельских амбарах и кладбищенских ледниках. Склады трупов часто становились объектом повышенного внимания голодных, опустошавших хранилища-холодильники путем кражи или сговора с охраной. В крестьянских избах, среди живых, лежали умершие от голода родственники, смерть которых не регистрировалась, – не было сил дойти до сельского совета или он был пуст. Искушений отведать человечины было более чем достаточно.

Наконец, употребление человеческого мяса аграрным населением, «ядро» питания которого составляла растительная, а не животная пища, облегчалось тем, что прежние столовые привычки крестьян оказались нарушенными: поеданию человечины предшествовало длительное, за неимением хлеба и его суррогатов, использование в пищу исключительно мяса: сначала – домашней птицы, крупного и мелкого скота, затем – дойных коров и лошадей, а после их истребления – мяса животных, ранее не годившихся для еды: кошек, собак, грызунов. От этих кулинарных экспериментов до утоления голода себе подобными оставался один шаг.

¹⁸⁴ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 5. Л. 9.

¹⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 16. Л. 170.

¹⁸⁶ Уральский рабочий. 1922. 22 июня.

¹⁸⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 23.

В этой связи обращает на себя внимание удельный вес представителей башкирского населения, относительно недавно и частично перешедшего от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни, среди арестованных каннибалов Южного Урала. В структуре питания башкир, особенно горных, традиционно роль основной пищи играли не злаки, а мясо. В уголовных делах об употреблении человечины в пищу башкирские фамилии встречаются очень часто¹⁸⁸.

Добыча человеческого мяса была организована «артельно» — семьей или группой односельчан. Это обеспечивало больший успех в преодолении сопротивления жертв. Группы каннибалов составляли от двух до десятка человек, одиночки являлись скорее исключением¹⁸⁹. В выборе жертвы также был определенный резон. Чаше всего заманивались знакомые или дети — те, кого легче было позвать в дом и от кого не ожидалось серьезного отпора. Так, в феврале 1922 г. две женщины — П. и Е. Новиковы — в поселке Наследническом Троицкого уезда зарезали троих детей, взяв их из детской столовой якобы для того, чтобы отогреть дома. Возможно, на совести людоедов из этого поселка были и четверо других детей, бесследно пропавших из столовой¹⁹⁰.

Летом 1922 г. в Курганском уезде были пойманы на месте преступления трое людоедов — крестьянка Григорьева, ее 12-летний сын и И. Митинская, которые вместе с другими поделщиками за два месяца убили и съели в семи деревнях и селах около 20 детей, преимущественно девочек, в том числе пятерых детей Григорьевой в возрасте от двух до семи лет и троих детей Митинской¹⁹¹.

При отборе объекта для съедения учитывалась даже его «упитанность». В мае 1921 г. в Златоусте семья из трех человек — мать, сын и дочь — съели 15 человек: «Дочь заманивала их, истощенных отпускали обратно, сытых убивали, ели, продавали мясо»¹⁹².

Пространные показания 15-летнего Р.Бочкарева, который вместе с 14-летним Ф.Стропченко в начале 1922 г. убил в Троицке 13-летнего мальчика с целью употребить в пищу его мясо, обнажают «рациональность» в действиях изголодавшихся подростков — хладнокровное планирование убийства, коллективные действия и разделение труда в его осуществлении:

«В январе месяце ему и проживавшему с ним Федору Стропченко и сестре последнего Марии жилось особенно плохо и питались исключительно мясом собак. С 20 января и до дня убийства мальчики совершенно ничего не ели. 27 января, обессиленные от голода, они лежали на полу и обдумывали: откуда бы что-нибудь достать и утолить голод. Размышляя таким образом, Стропченко обратился с вопросом к Бочкареву: "Едят ли вообще где-нибудь людей?" Бочкарев на это ему ответил, что есть такие племена, которые употребляют в пищу человеческое мясо. После этого разговор как-то оборвался, и они снова задумались, а минут через десять Стропченко предложил Бочкареву следующий план убийства. Бочкарев должен был привести на квартиру кого-нибудь из своих знакомых, т. к. знакомых легче завести, а он, Стропченко выберет удобный момент и убьет его. Бочкарев на это изъявил свое согласие, имея в виду одного своего самого крупного должника, Константина Кузнецова. На другой день, утром, отправился на базар с надеждой, что там его встретит. Еще вечером накануне, когда они вели об этом разговор, Бочкарев выговорил себе все вещи, который будет с Кузнецовым. Мальчики на базаре действительно встретили Кузнецова, который искал там свою мать. Подойдя к Кузнецову, Бочкарев с ним разговорился (о чем они говорили, не запомнил) и прошли несколько раз базар вдоль и поперек, но матери Кузнецова так и не встретили. В этот день был силь-

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 656. Л. 1 — 45; ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 68. Л. 1 — 54; ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 5, 7.

¹⁸⁹ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 11, 14.

¹⁹⁰ Там же. Л. 8.

¹⁹¹ Уральский рабочий. 1922. 21 июля.

¹⁹² ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 29 об.

ный мороз, и пробыв на базаре минут 15, оба они замерзли и Кузнецов первый попросил у Бочкарева зайти к нему на квартиру и погреться. Бочкарев согласился, и они вместе пошли к нему на квартиру. На квартире у Бочкарева в это время топились железная печь, к которой замерзший Кузнецов подошел. Лежавший возле печи Стропченко тут же поднялся, зашел сзади его и схватил за шею, и начал душить, но осилить не мог, так как был слишком слаб. Видя, что Стропченко не может справиться с Кузнецовым, Бочкарев почувствовал какое-то озлобление и схватил топор, лежавший возле печи, и два раза ударил им по голове Кузнецова, последний упал, а Стропченко, не отрывая руки от его шеи, продолжал душить. Убедившись, что он не дышит, Бочкарев и Стропченко начали его раздевать. Кузнецов одет был в длинную меховую шубу, шерстяную фуфайку, розовую рубашку, рваную белую нижнюю рубашку, зеленого цвета суконные штаны, казенного образца летние штаны и порванные белые подштанники. На ногах черные валенки. За пазухой был сверток, в котором оказалось 6 арш[ин] шелку, 3 арш[ина] розовой ленты и четыре серебряные вещи: ситечко, совок, вилка и щипцы для сахара. На шее была серебряная цепь с коралловым крестиком. Все эти вещи Бочкарев бросил под печь, а труп перенесли вместе со Стропченко в комнату Бочкарева и уложили в деревянный ящик.

Покончив с этим, Бочкарев снова пошел на базар с пимами Кузнецова, которые и продал за 80000 рублей и купил три фунта лебеды, 5 кусков холодного, керосину и 1 коробку спичек. Придя домой, Бочкарев лебеду и холодное съел один, Стропченко же попросил его отрезать от трупа руки, желая их сварить. Бочкарев ничего не сказал, взял нож, отрезал руки, разрубил их на части и положил в котел. Когда суп был готов, Стропченко вместе со своей сестрой Марией начали есть, а Бочкарев, будучи сыт лебедой и холодным, отказался»¹⁹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что убийству мальчика подростками предшествовало длительное потребление ими животной пищи и затяжное полное голодание. Примечательны также сохранившееся у Бочкарева самообладание, позволившее ему сразу же после совершения убийства проявить «коммерческую жилку» в сбыте обуви жертвы, и отказ Бочкарева от употребления человечины, когда возникла альтернатива насыщения другими продуктами, прежде всего — псевдохлебной пищей.

Обработка, хранение и потребление человеческого мяса также были проникнуты здравым смыслом. Отвратительные картины обнаружения людоедов на месте преступления фиксируют преимущественное приготовление человечины в вареном виде. Акт осмотра в январе 1922 г. жилища двух башкир в Верхнеуральском уезде отражает процесс подготовки человечины к употреблению:

«...на печи в тряпке одна человеческая нога, отрубленная по колено, и на железной печке варилась в жестяном чайнике часть тела. В печи и на столе сложены объединенные кости, сами жители квартиры раздеты почти донага. Голова и другая нога и руки были спрятаны. Другая часть тела была засыпана снегом в кадке...»¹⁹⁴.

Людским мясом не только утоляли острый сиюминутный голод — его заготавливали впрок, используя рецепты обработки животной пищи для длительного хранения. Перечень находок в доме Имамудиновых (Уфимская губерния) в апреле 1922 г. свидетельствует, что каннибалы не забывали о своем завтрашнем дне, сохраняя способность к планированию перспективы: «...был обнаружен кусок человеческого мяса (грудинка), а также было обнаружено две бутылки топленного человеческого сала и один чайник с салом, при этом на кровати под подушкой были спрятаны кости, оставшиеся от съеденного человеческого трупа»¹⁹⁵.

В рецептуре приготовления человечины изредка обнаруживается нежелание расставаться с традиционными для крестьянства привычками питания, отражавшееся в попытках создать иллюзию потребления хлеба. Известен факт приготовления двумя

¹⁹³ Цит. по: Боже В.С., Непеин И.Г. Указ. соч. С. 27 — 28.

¹⁹⁴ Советская правда. 1922. 11 марта.

¹⁹⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 68. Л. 45.

женщинами из поселка Амурского Полоцкой станицы, съевших пятерых собственных детей в возрасте от четырех дней до семи лет, лепешек из крови¹⁹⁶.

Судя по отзывам каннибалов, человеческое мясо представлялось им вкусным. Любопытному фельдшеру Нижне-Увельской станицы Троицкого уезда 40-летняя вдова Н.Я. Гневошова, резавшая мальчика для употребления в пищу, поведала, что вареная человечина цветом напоминает зайчатину, а по вкусу сладковата¹⁹⁷. Двое сирот 13 – 14 лет из Уфимской губернии, убившие свою сверстницу и нищенку 17 лет, охотно делились своими воспоминаниями с обитателями детского дома: «В приюте для дефективных детей вели себя скромно и тихо, причем спокойно рассказывали о своем людоедстве, находя человеческое мясо очень вкусным»¹⁹⁸.

Человеческое мясо, как и мясо животных, употреблялось в неумеренных количествах, что часто приводило к смерти от передедания. Застигнув на месте преступления троих людоедов, работники Троицкого отдела уголовного розыска обнаружили запасы мяса для ближайшего собственного потребления, превышающие силу воображения специалиста в области гигиены питания:

«... в снях лежало 4 обезглавленных человеческих трупов, 1 ведро вареного человеческого мяса, и в котле варившееся мясо чел[овека], 1 нога человечья, лежавшая в ведре с водой, видимо, приготовленная к ужину»¹⁹⁹.

Количество поедаемого мяса еще раз свидетельствует, что голод – феномен не столько физиологический, сколько культурный. Поскольку крестьяне привыкли насыщаться преимущественно хлебом, питание исключительно мясом не приносило явного ощущения сытости. Субъективно людоедам казалось, что ими съедается меньше человечины, чем на самом деле. Упомянутая выше Н.Я. Гневошова была уверена, что съедала в сутки около пяти фунтов мяса. Опрашивавший ее фельдшер был иного мнения: после двух суток питания плотью 17 – 18-летнего подростка от его трупа осталось около пуда мяса – голова, обе руки, шея, половина туловища, легкие, сердце и печень. Нижняя часть тела, весившая явно более 4 кг, была съедена²⁰⁰.

Этот случай, как и ряд других, свидетельствует, что, как и при разделке скота, в первую очередь в пищу шли нижние конечности. Грудная клетка и внутренности были менее востребованными. Голова, как правило, не употреблялась, иногда отсекаясь прямо на месте похищения трупа²⁰¹. Вероятно, это объясняется не только прагматичными соображениями – малой ценностью этого «субпродукта», – но и имеет символический смысл. С одной стороны, каннибалы, избавляясь от головы, затушевывали природу потребляемой плоти; с другой, – оставляли жертве право быть опознанной и захороненной по ритуалу.

Отрывочные сведения об южноуральских людоедах позволяют обозначить не только их этнический, но и половозрастной профиль. Среди них преобладали подростки обоего пола, а также молодые женщины. Последние происходили преимущественно из казачьих станиц Оренбуржья и имели – по причине относительной зажиточности в прошлом – меньший опыт выживания в условиях голода. Они не были готовы к заготовке и потреблению суррогатов. Среди жертв женщин-людоедок значительное место за-

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 25.

¹⁹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁹⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 78. Л. 29 об.

¹⁹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 7. Л. 3 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 11.

²⁰¹ Там же. Л. 16, 20.

нимали собственные дети младшего возраста²⁰². Шокирующее, на первый взгляд, поведение женщин поддается, тем не менее, рациональной интерпретации. Смерть детей от голода и картина их предсмертных мучений рождали искушение прекратить их муки и воспользоваться их останками для поддержания собственной жизни. Будучи существами биологически более жизнеспособными, женщины, а в ряде случаев и подростки, сохраняли рассудок, что проявлялось в их поведении во время подготовки и осуществления убийств, приготовления пищи, а также отражалось в их осмысленных объяснениях своих действий на допросах. Представители мужского пола, потреблявшие в пищу человеческое мясо или проявлявшие склонность к этому, были охвачены, судя по ряду свидетельств, тяжелыми психическими расстройствами. Так, в одной из волостей Уфимского уезда женщина обратилась в сельсовет, требуя отделить ее и детей от мужа, который ел кошек и собак, а потом совсем «сдурился» и стал кидаться на детей с целью зарезать их. Поведение членов упоминавшейся ранее семьи людоедов из Златоуста также серьезно различалось: «Мать очень богомольна — ходит в церковь, сын угрюм, прячется в подвале, где устроил логовище, выходит ночью»²⁰³.

Сельские жители старшего поколения в каннибализме, как правило, не участвовали. Было ли это связано исключительно с более быстрым ослаблением организма и впадением в голодный маразм, или оказались задействованными их культурно-религиозные установки — более крепкие, чем у младшего поколения, — сказать трудно.

Отталкивающие сдвиги в культуре потребления горожан и шокирующая всеядность сельского населения отражали беспрецедентно глубокий кризис не только молодой индустриальной, но и традиционной аграрной культуры. Потребительские стандарты города были потеснены крестьянскими, в то время как деревня была отброшена к периоду первобытной дикости, оживившей палеолитические поведенческие установки. И все же деформация сельской культуры не вела к ее качественным переменам. Шокирующие изменения в поведении и образе жизни деревни протекали в рамках прежних культурных кодов. Культурная архаизация оказалась наиболее устойчивым итогом революции, более прочным, чем ее политические и социально-экономические последствия.

Если взгляд на период революционных катаклизмов «сверху» и «снизу» позволяет рассматривать население как статистов или жертву грандиозной гуманитарной катастрофы, то историко-культурный ракурс, взгляд «изнутри», укрепляет впечатление, что «маленький человек» являлся не только объектом, но и активным участником и, фактически, главным действующим лицом исторической трагедии. Сложное и, в целом, отрицательное отношение ко всем сменявшим друг друга на протяжении революции режимам, многообразная и быстро реагирующая на внешнюю конъюнктуру технология приспособления и выживания свидетельствуют о том, что анонимная «масса» оставалась автономной и самостоятельной величиной, неизвестной и неучтенной политическими героями авансцены российской революции, а затем — поколениями профессиональных обществоведов.

«Народный» опыт выживания в революционной катастрофе, который лишь на первый взгляд кажется уникальным, вряд ли мог затеряться и остаться невостребованным в последующие периоды «советской» и «постсоветской» истории. В завершение целесообразно задаться вопросом: не следует ли рассматривать пережитый и накопленный в революции опыт как один из существенных, если не ключевых, факторов дальнейшего развития страны?

²⁰² Там же. Л. 8, 10, 14, 25.

²⁰³ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. I. Д. 78. Л. 29 об.

Вживание в катастрофу (Вместо заключения)

«Большинство думало...: тяжело, страшно, но непрочно, преходяще. Разве может такая уродливость истории быть длительной?»

Е.Д.Кускова

«Хотя этот век учил и продолжает учить нас, что человек способен жить при жесточайших и теоретически совершенно невозможных условиях, тем не менее, нелегко понять степень все более стремительно-го возвращения к состоянию, которое наши предки в XIX веке называли бы варварским».

Э.Хобсбаум

Последствия революции в прогнозах современников. В мае 1922 г., когда голодная катастрофа на Урале достигла апогея, в одной из екатеринбургских газет появилась заметка местного врача, полная опасений за будущее страны. Автор склонялся к пессимистическому прогнозу:

«Перед нами, современниками переживаемого голода, проходят потрясающие картины голодной смерти, поедания людьми падали, поедания человеческих трупов, поедания родителями своих детей и прочее. Такой голод, какой переживает ныне Россия, явился фактором,двигающим нацию к вырождению»¹.

Врач писал о вырождении в прямом смысле слова – о расстройстве физического и психического здоровья населения, о неспособности поколения, пережившего голод 1921 – 1922 гг., дать полноценное потомство. Эта озабоченность разделялась многими, прежде всего медицинскими кругами, специалистами в области эпидемиологии и гигиены.

Однако тревожные настроения в начале 20-х гг. царили не только в медицинском цехе бывшего российского «образованного общества». Ощущение завершенности страшного, катастрофического периода стимулировало обращение интеллигенции, и прежде всего оказавшейся за пределами России, к своему «профессиональному» занятию – интерпретации происшедшего. Выступления П.А.Сорокина о «биологизации» и «криминализации», о культурной деградации тех, кто остался в России, вызвали в эмигрантской среде не только шок и растерянность. Ощущение, что нечто страшное и необратимое происходит с духовной организацией соотечественников, нарастало. Безусловный оппонент крайностей позиции П.А.Сорокина и знаковая фигура в российском дореволюционном освободительном движении, Е.Д.Кускова писала:

«Да, есть от чего впасть в панику... Там, внутри, не раз охватывало нас за это время паническое состояние. И вовсе не личные ужасы придавливали больше всего. А вот это сознание, что в огне разложения горит что-то основательное, сгорает душа народа, искажается уродливой гримасой лик человеческий, – это сознание было мучительно, оно придавливало, прижимало дух. <...>

¹ Уральский рабочий. 1922. 11 мая.

Лишь немногие люди, единицы, какими-то судьбами сумели оградить свою независимость. Остальные – подвергнулись не только внешней, но и внутренней трансформации. Многие люди стали неузнаваемы»².

В это же время в Берлине Н.А.Бердяев писал этюд «Новое средневековье», принесший ему европейскую известность. Осмысливая катастрофический характер эпохи, он констатировал глубинные и необратимые перемены в российской человеческой «породе»:

«В русской революции победил новый антропологический тип. Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует.

Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает и он наживается на революции. <...> Чека также держится этими молодыми людьми. <...> В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица. Таких лиц прежде не было в России. <...> Самая зловещая фигура в России – это не фигура старого коммуниста, обреченная на смерть, а фигура этого молодого человека»³.

Два года спустя, в 1925 г., нелегально пробравшийся в Россию в поисках сына В.В.Шульгин, в недавнем прошлом – видный консервативный политик и блестящий публицист, на каждом шагу подмечал симптоматичные перемены, в которых, правда, чаще всего угадывалось прошлое, одетое в причудливые «советские» формы. Но встречалось ему в пути и небывалое, непохожее на дореволюционную жизнь. Так, в поезде, тянувшемся из Петрограда в Москву 18 часов, В.В.Шульгина поразило упорное, ни разу не прерванное молчание его попутчиков, по поводу чего он лаконично заметил: «Не очень принято в СССР разговаривать с незнакомыми. Вышла Чека»⁴.

Современники подмечали достаточно примет вступления России в качественно новый период. Страна и люди были не те, что раньше. Чудился обрыв времен, распадение ткани истории.

«Революционное» поведение после революции: соблазн прямых аналогий. Поведение россиян на протяжении всего советского периода позволяет, на первый взгляд, говорить о том, что не только политические и социально-экономические макропроцессы, но и повседневная жизнь в СССР прошла под знаком революции. Культурные установки и поведенческая практика, выработанные или модифицированные и апробированные в годы революционной катастрофы, оказались чрезвычайно устойчивыми, законсервировались, ввелись в кровь и плоть населения. Жизнь в Советской России то и дело порождала ожидание или ощущение очередных катаклизмов, которые, как и годы революции, нужно было переждать, пережить, приспособившись и скрадываясь, сделавшись по возможности незаметным. Живание в катастрофу превращалось в перманентный процесс, желание выжить – в ключевой мотив деятельности. Люди чутко прислушивались к любому повороту во внутренней политике, мгновенно и по-своему реагировали на изменения внешнеполитической обстановки, на каждый слух о приближении войны. Май 1927 г. – разрыв дипломатических свя-

² Кускова Е.Д. А что внутри? / Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 1. М., 1990. С. 417.

³ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1991. С. 54 – 55.

⁴ Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 327.

зей с Великобританией — и конец июня 1941 г. сопровождался одним и тем же, отработанным в первые годы советской власти до степени условного рефлекса, образом поведения: у хлебных и бакалейных магазинов выстраивались длинные «хвосты», люди запасались впрок мукой и солью, крупой и спичками. Городские «теневые» стратегии приспособления к дефициту предметов массового спроса в 20 — 30-е гг. с удивительной точностью воспроизводили технику выживания в революционной России⁵. Массовый голод в 1932 и 1946 гг. заставляли сельское население обращаться к суррогатам пищи и нищенству, мелким кражам и людоедству. Факты канибализма были неразлучными спутниками чрезвычайных обстоятельств, — будь то критическая боевая ситуация (мой дальний родственник выжил во время советско-финской войны, питаясь вместе с товарищами мясом погибшего члена танкового экипажа) или пребывание в осажденном и лишенном регулярного продовольственного снабжения городе (блокадный Ленинград).

В оккупированных германской армией украинских городах случались эпизоды, живо напоминавшие погромы винных казенных складов осени 1917 г. Как вспоминает Л.М. Гурченко, девочкой пережившая оккупацию Харькова, самым ходовым словом в городе была «грабиловка» — растаскивание содержимого разбомбленных складов. Несмотря на то, что немцы расстреливали на месте каждого, кто не успевал скрыться, жители, вооружившись мешками и ведрами, толкая друг друга, устремлялись после налета авиации туда, где, по слухам, было разбито хранилище продовольствия или любой другой продукции: «Люди хватали все подряд, что близко лежало, не нюхая, не читая надписей на ящиках. Лишь бы добыть что-то поскорее и унести домой»⁶. Одна из сцен, датированная зимой 1942 г., случайно услышанная девочкой из уст своей потрясенной матери, до мелочей повторяет модель поведения оренбуржцев в декабре 1917 г.: на разрушенной бомбежкой кондитерской фабрике люди прямо из огня выхватывали ящики, которые продолжали гореть в руках; кого-то засыпало обвалившимся этажом; когда какой-то мужчина, потеряв равновесие, упал в огромный чан с патокой, которая его тут же засосала, остальные, не обращая внимания, продолжали наполнять из чана ведра и тазы⁷.

Очевидная связь людских действий со сложившимися ранее поведенческими кодами рождает искушение строить прямые аналогии, конструировать спрямленные причинно-следственные связи и линейные событийные ряды. Определенно, существует взаимосвязь между российской революцией и многими феноменами советской истории. Трудно, например, не согласиться с мнением Е.С. Сеньявской, что террор 30-х гг. являлся одним из следствий революционного террора:

«Психология гражданской войны — явление особенно страшное. Поиск врага извне перемещается внутрь страны, понятия «свой — чужой» теряют прежнюю определенность, и тогда «врагом» может стать каждый, причем категории «чужеродности» постоянно меняются и расширяются. Всеобщая подозрительность, на многие десятилетия закрепившаяся в советском обществе, — прямое следствие этого процесса»⁸.

Насколько оправдана, однако, подобная категоричность? Насколько позволительно рассматривать революционные события и процессы в качестве абсолютной перво-

⁵ См., напр.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 — 1941. С. 141 — 172.

⁶ Гурченко Л.М. Аплодисменты: Повесть. М., 1987. С. 24.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Сеньявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7.

причины последующих коллизий, придавая российской революции, в духе ее современников, значение безусловного «начала» новой истории страны?

Прежде чем обратиться к этому вопросу, представляется важным сделать следующее замечание: моделирование причинно-следственных связей, являясь в целом неблагодарным занятием, в наибольшей степени благоприятствует исследовательскому произволу, ограниченному только пределами индивидуальной эрудиции. Зачастую историк создает каузальные конструкции, ориентируясь на собственные пристрастия, и имеет слабость искать «первотолчки» исторической динамики в том периоде и тех явлениях, которые составляют предмет его специального исследовательского интереса.

«Ковка» цепи непосредственных взаимосвязей следующих друг за другом явлений российской истории XX в. оставляет без объяснения недоумение свидетеля происходящего в России на рубеже тысячелетий. Почему перемены «постсоветского» времени, направленные, вроде бы, на преодоление наследия российской революции, вдохнули жизнь в полузабытые феномены революционных лет: «толкучки», подозрительно похожие на рынки 80-летней давности, челноков — мелких торговцев, типологически неотличимых от мешочников, детскую беспризорность, перешагнувшую масштабы 20-х гг.?

Как бы ни были сложны и значимы революционные потрясения в России, не следует переоценивать их роль в российской истории XX в. Многие говорят в пользу того, что тектонический излом 1917 — 1922 гг. радикально обнажил важные культурно-ментальные явления, менее очевидные под толщей мирной жизни.

Узор архаики на кумаче. Трагедии XX в. поставили под сомнение рожденные «долгим XIX веком» (Э. Хобсбаум) представления о «прогрессе» как поступательном и необратимом развитии человечества. Оптимистические теории эволюции — формационные и цивилизационные апологии линейного прогресса — в течение последних десятилетий оказались мишенью целенаправленной критики. Между тем, эта критика сама в значительной степени оказалась пленницей идеологий непрерывного роста: теории прогресса чаще всего рассматриваются их оппонентами как модели, годные лишь для объяснения усложнения социальных систем. При этом выпускается из вида, что доктрины цивилизационных переходов становятся достаточно многомерными и пластичными для объяснения попятных движений общества, его деградации и распада. Если исходить из того, что в основу комплексной демографической, хозяйственной, политической, социальной и культурной характеристики движения от доиндустриального общества к индустриальному лежит преодоление материальной и организационной ограниченности⁹, то можно предположить, что оскудение имеющихся в распоряжении общества ресурсов ведет к упрощению общественной организации: к ослаблению государственных структур и повышению, в этой связи, официально узаконенного принуждения, росту значения групп самопомощи населения — семейных, общинных, соседских, цеховых, — нарастанию получастного характера политики и усилению противопоставления в структурах сознания «своих» «чужим», «друзей» — «врагам». Описывая «процесс цивилизации» (Н.Элиас) как чередование «приливов» и «отливов», обусловленных сменами элит восходящими социальными слоями, можно рассматривать революцию как период наиболее резкого отката назад¹⁰.

⁹ См.: Crone P. Pre-industrial societies. Oxford, 1989.

¹⁰ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt / M., 1997. Bd. 2. S. 353.

Российская революция демонстрирует многочисленные симптомы скольжения из незавершенного проекта модернизации к доиндустриальным порядкам, структурами и поведенческим кодам. В «процессе цивилизации» обозначился мощный «отлив». При анализе состояния деревни и позиции крестьян в революции исследователи отмечают укрепление традиционных патриархально-общинных начал, «архаизацию» сельского мира, откатывавшегося с каждым годом гражданской войны на столетие назад, «примитивизацию» всей общественной системы, подчеркивая, правда, что «весь этот сюжет еще нуждается в более глубоком исследовании»¹¹.

Знакомство с условиями и организацией жизни на Урале в годы революционных катаклизмов подтверждает тезис о беспрецедентно глубокой ее архаизации¹². Деревня опять превратилась в устойчивую и герметично «задраенную» от внешних влияний систему. Жизнь вновь была организована малыми автономными мирами. В невиданном количестве возродились криминальные группы самопомощи — аналог разбойничества (вооруженные отряды крестьянских повстанцев, дезертиров, уголовников), — трудно искоренить благодаря особенностям уральского ландшафта.

Наряду с традиционными институтами, функцию защиты от недружелюбной окружающей среды стали выполнять многочисленные новоиспеченные объединения — Советы и партийные ячейки, рабочие комитеты и профсоюзы. Новые формы заполнялись старым и чужеродным содержанием, создавая эффект «исторических псевдоморфоз» (О.Шпенглер).

В обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания террора и массовой маргинализации населения оказались востребованными доиндустриальные культурные «инстинкты» и образцы поведения. Жизнь в условиях непрерывной опасности, непрестанных и непонятных перемен не позволяла просчитывать перспективу, долговременно планировать свою деятельность и предугадывать ее последствия. Следовало полагаться на удачу и на себя. Массовый взрыв криминальных моделей поведения и форм выживания во время русской революции свидетельствует, помимо прочего, о понижении уровня дифференциации социальных функций — одного из показателей степени сложности общества. Практически каждый из «слабых мира сего» волей-неволей апробировал широкий спектр малопочтенных и рискованных способов выживания¹³.

Не только поведение людей, но и толкование ими происходящего оказалось организованным на базе доиндустриальных кодов. В условиях неразвитости современ-

¹¹ См.: Левин М. Гражданская война: динамика и наследие / Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 277; Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 153.

¹² Региональная специфика Урала — консервация во второй половине XIX — начале XX в. до- и раннеиндустриальных институтов (замкнутых, основанных по типу натурального хозяйства, горно-заводских округов, казачьего войска, пестрой сословной системы башкирского землевладения), неразвитость городской жизни — имела следствием то, что «архаизация» жизни в регионе во время русской революции началась с более низкой стартовой отметки и проходила, несмотря на очевидный трагизм этого процесса, все же менее болезненно, чем в европеизированных крупных городских центрах. Регион не обезлюдел. Преобладающая часть его населения оперативно приспособилась к новым условиям.

¹³ Не только природные и хозяйственные особенности Урала, но и политическая ситуация в регионе создавала режим наибольшего благоприятствования для расцвета многообразных способов выживания в катастрофе. Многократная смена и неустойчивость власти имели, наряду с повышением риска повседневной жизни, оборотную сторону: они содействовали более свободному экспериментированию «снизу» в поисках стратегий выживания. Урал превратился в настоящий испытательный полигон моделей борьбы за существование. Составляли ли поистине «энциклопедические» познания уральцев в этой сфере местную специфику, трудно сказать, не имея в распоряжении аналогичных исследований на материале других регионов России.

ных средств коммуникации и неубедительности светских интерпретаций окружающего значительно повысилась роль слухов и осмысления действительности в русле народной религиозности.

Короткий расцвет и распад большинства возникших в годы революции новых институтов и организаций отражал процесс «атомизации» общества, в котором, как подсказывал опыт, неразумно было надеяться на чью-либо помощь. Уравнение в бедности, нивелирование мотивов и культурных образцов поведения знаменовали распад автономных социальных групп, превращая общество в однородную, но упрямую массу, иммунизированную против попыток руководить ею.

Одновременно с «архаизацией» и «атомизацией» общества ценность личности и человеческой жизни падала с головокружительной скоростью. Обитание в экстремальной ситуации понижало чувствительность, приучало к эмоциональной черствости. Менялось отношение не только к жизни, но и к смерти. Перенасыщенность окружающей среды картинами гибели рождало потрясающее безразличие к ней. Невероятно распространенное осквернение могил врага или святых мощей также демонстрирует пугающие трансформации в отношении к смерти. В этом контексте иной, мрачноватый колорит приобретает природа героизма в годы гражданской войны. За многочисленными фактами героической самоотверженности и решительного самопожертвования скорее читается не «социалистическая сознательность» или «гражданская зрелость», а вытеснение разумного планирования своих действий аффектом и массовизация архаичного принципа растворения личности в коллективе, в сочетании с падением ценности человеческой, в том числе собственной жизни.

Стремительному распространению доиндустриальных культурных кодов и образов поведения способствовала их укорененность в крестьянской среде, которая и стала, с пореформенных времен все шире расплескиваясь за пределы сельского мира, проводником «окультуривания» страны в деревенском, доиндустриальном духе. Культурными «достижениями» молодой Советской России стали самосуд и незаконное самоснабжение, враждебное — в духе доиндустриальной «моральной экономии» (Э.П.Томпсон) — отношение к собственности, нажитой не своими трудовыми усилиями, и презрение к умственному труду, как к бесполезной забаве. Вместе с тем, подарив городу доиндустриальные культурные установки и модели поведения, деревня тоже не выстояла в революции и вышла из катастрофы другой. Она сама оказалась объектом процессом «архаизации», отбросившей ее к палеолитической эпохе. Всеядность и каннибализм, убийство детей и вторгшихся в селение чужаков свидетельствовали о серьезных деформациях культурных ценностей и поведенческих стратегий.

Несмотря на разрушение материально-технических и организационных ресурсов общества, примитивная система культурно-психологического самоконтроля создавала ситуацию, которую, оперируя языком синергетики, можно описать как нарушение техно-гуманитарного равновесия. Государственные институты и оружие, предприятия и финансы оказались в руках людей, которые, пользуясь словами классика, «...вообще отстав в развитии от европейцев лет на двести, до сих пор не совсем уверенно застегивают собственные штаны»¹⁴.

Было бы, однако, неуместным записывать российский цивилизационный откат в разряд исторических курьезов и ошибок истории или патетически воспевать его как движение по оригинальному русскому пути. Большинство коллизий российской революции имеет поразительно много общего с историей Европы в переходные периоды. Картины распада власти и произвол местных тиранов, буйство слухов и голода в револю-

¹⁴ Булгаков М.А. Собачье сердце / Избр. соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1997. С.408.

ционной России словно бы списаны с европейских текстов, начиная с записей средневековых хронистов и заканчивая памфлетами эпохи Великой французской революции. Попытки властей принудительно регулировать цены на продукты и бережное пестование символов легитимности, массовые вспышки незаконных торговых и денежных операций и тяги к алкоголю, даже государственная пропаганда заменителей пищи и каннибализм на почве голода — все это Европа прошла относительно недавно, пережив последнюю полосу затяжной нестабильности в XVIII — первой половине XIX в.

России не посчастливилось: она «хлебнула» все эти беды в неразбавленном виде в век бурного развития техники, став кричащим воплощением «одновременности разновременного» (Э.Блох). Можно только гадать, что стало бы с Европой, если бы в эпоху революционных войн на рубеже XVIII — XIX вв. она располагала вооружением начала XX в. ...

«Маленький человек» в западне инерции: жертва и творец катастрофы. Описанное видение природы цивилизационных катаклизмов в революционной России отводит мироощущению и поведению в них «маленького человека» гораздо большую роль, чем обычно принято считать. Мнения образованных свидетелей революции, как и построения сторонников тоталитарных интерпретаций советской истории, чаще всего исходят из оценки «народа» как страдательной стороны и жертвы революционного насилия. Это убеждение, основанное на победившем в сознании европейцев XIX в. противопоставлении государства обществу, столь же популярно, сколь и не конструктивно для исследования русской революции с историко-культурной точки зрения. Тезис о том, что желание выжить как основной мотив поведения нейтрализует население и выключает его из политической жизни, прокладывая путь к тоталитарному порядку¹⁵, подспудно содержит, по моему мнению, ложную посылку. Стремление во имя выживания стать незаметным, затаиться, переждать и перетерпеть отнюдь не обозначает замирания социальной активности безымянных масс. Скорее наоборот: напряженная, чаще всего на грани или за гранью закона, деятельность населения по обеспечению физического выживания создает для государства избыток проблем и с трудом поддается учету и регулированию, ставя под сомнение эффективность государственных усилий. Настоящим героем и самой зловещей фигурой русской революции стал не гладко выбритый молодой человек в френче, как полагал в 1923 г. Н.А.Бердяев. Победа в революции оказалась не за «биологически сильнейшими», а за безымянным и внешне неприметным «маленьким человеком», который решал свои проблемы, как умел, вопреки рекомендациям опекавшего его государства.

Поведенческие стандарты, испробованные и укоренившиеся в годы российской революции в качестве средств, годных для выживания в экстремальных условиях — дефицит лояльности к государству и государственной собственности, действия в обход закона, злоупотребления полномочиями, мздоимство — проникли во все этажи власти, определив облик управленцев советской и постсоветской эпох¹⁶. Культурные стереотипы и модели поведения, реализующие ситуацию, типологически близкую к просветительским конструкциям «войны всех против всех», поймали «обычного человека» в силки, расставленные им самим. Эти технологии выживания оказались слишком энергозатратными, примитивными, экстенсивными, до предела обострявшими внутривидовую конкуренцию и взаимную агрессивность. Получив невиданный про-

¹⁵ См.: Пайпс Р. Русская революция. М, 1994. Ч. 2. С. 534 — 535, 539.

¹⁶ Подробнее см.: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 — 1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 44 — 54.

стор для безнаказанных «выбросов» собственной агрессивности, «маленький человек», тем самым, становился объекта аффектов ему подобных. Готовый к применению насилия, он неизбежно превращался в жертву произвола, чинимого со всех сторон.

Как ни парадоксально это звучит, стремление выжить любой ценой в условиях ослабления властных инстанций и механизмов самоконтроля создало обстановку, делавшую выживание сомнительным. Найденный выход из катастрофы, универсальный для растительного, животного и социального мира, состоял в наращивании этажей агрессии: разрушительная активность населения Советской России стала регулироваться разрушительной активностью по отношению к нему со стороны власти. В этой связи чудовищные масштабы государственного террора в СССР, спектр объяснения которых растягивается от идеализма или паранойи революционных фанатиков до рациональной или психопатической массовой поддержки режима, отражают беспрецедентные размеры асоциальной деятельности «граждан» во власти и за ее пределами.

Трагедия сталинского террора имела, таким образом, еще одну грань: с «человеческим материалом», прошедшим через революционную катастрофу 1917 — 1922 г., невозможно было строить «регулярное» индустриальное государство. Жесткая и примитивная, с точки зрения западных демократий, советская система управления была, однако, менее затратной, чем агрессивный хаос революции и поведенческие ориентиры доведенного до первобытного уровня «простого человека», неспособного контролировать последствия собственных действий.

Доиндустриальные ценности и нормы поведения оказались, однако, настолько прочными в ментальных структурах советских людей, что террор сталинской эпохи оказался бессильным вытравить их. Частичный демонтаж технологий государственного принуждения, не будучи в достаточной мере компенсированным социокультурными механизмами самоконтроля, способствовал высвобождению загнанных в подполье архаичных техник приспособления и, в конечном счете, закату советской системы.

Умение выживать в экстремальных ситуациях вновь оказалось востребованным в условиях распада СССР. В 90-е гг. в Российской Федерации возник новый «жанр» литературы о технологии выживания в экстремальных обстоятельствах¹⁷. Оценка этих умений — «личного иммунитета безопасности» — у российских граждан как в несколько раз более развитых, чем в западных странах, служит сомнительным предметом гордости. То, что легкомысленно именуется «демократизацией» России, скорее напоминает расцвет доиндустриальных техник приспособления. Россия продолжает существовать в антураже «исторических псевдоморфоз»: развитие «демократических» институтов сопровождается небывалым взлетом коррупции, торжественное провозглашение человеческой личности высшей ценностью на деле оборачивается беспрецедентной дешевизной человеческой жизни, а неотъемлемой частью интерьера офисов, уставленных современной компьютерной техникой, являются распоряжения, заставляющие бросать в унитаз твердую бумагу, тряпки и гигиенические пакеты.

Россиянин все еще остается, таким образом, пленником архаичных культурных кодов. В этом смысле он является не только жертвой, но и творцом российских катастроф, в том числе и русской революции. Сами революционные катаклизмы в России XX в., разрывающие, казалось бы, плоть традиций и прерывающие ход времени, служат узловыми пунктами восстановления традиционной архаики и оборачиваются, вопреки обманчивой видимости, апофеозом всепобеждающей инерции.

¹⁷ См., напр.: Гостюшин А.В., Шубина С.И. Азбука выживания. М., 1995; Гостюшин А.В. Энциклопедия экстремальных ситуаций. М., 1995; Цвилюк Г. Школа безопасности, или как вести себя в экстремальных ситуациях. М., 1997; и др.

Список сокращений

- АРА – (American Relief Administration) Американская администрация помощи
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
Баш- – Башкирский/ая (-кантон, -ревком, -республика)
Башоблпомгол – Башкирская областная комиссия помощи голодающим
Башобчека – Башкирская областная чрезвычайная комиссия
БОМ – Бюро отдела металла
внешторг – внешняя торговля
военком – военный комиссар
военкомат – военный комиссариат
военрук – военный руководитель
вол- – волостной/ое (-бюро, -земотдел, -исполком)
ВОПУ – Временное областное правительство Урала
Вотобласть – Вотская автономная область
ВОХР – военизированная охрана
ВРК – военно-революционный комитет
Всевобуч – всеобщее военное обучение
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
г – грамм
г. – год
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАНИОПДПО – Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области
ГАПО – Государственный архив Пермской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГК, горком – городской комитет
Главкомтруд – Главный комитет всеобщей трудовой повинности
гор- – городской/ая (-исполком, -коммуна, -продком, -совет)
гос- – государственный/ая/ое (-банк, -промышленность, -снабжение)
Госиздат – Государственное издательство РСФСР
ГПУ – Государственное политическое управление
ГСНХ – губернский совет народного хозяйства
губ- – губернский/ая/ое (-военкомат, -земотдел, -(ком)помгол, -милиция, -надзор, -продком, -продсовещание, -розыск, -собес, -совнархоз, -чека)
губком – губернский комитет
губздравотдел – губернский отдел здравоохранения
губоно – губернский отдел народного образования
губпартком – губернский комитет РКП(б)
губпродкомиссар – губернский комиссар по продовольствию
губпросвет – губернский просветительный комитет
губпрофсовет – губернский совет профессиональных союзов
губторг – губернский отдел торговли
губчрезкомтиф – губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом

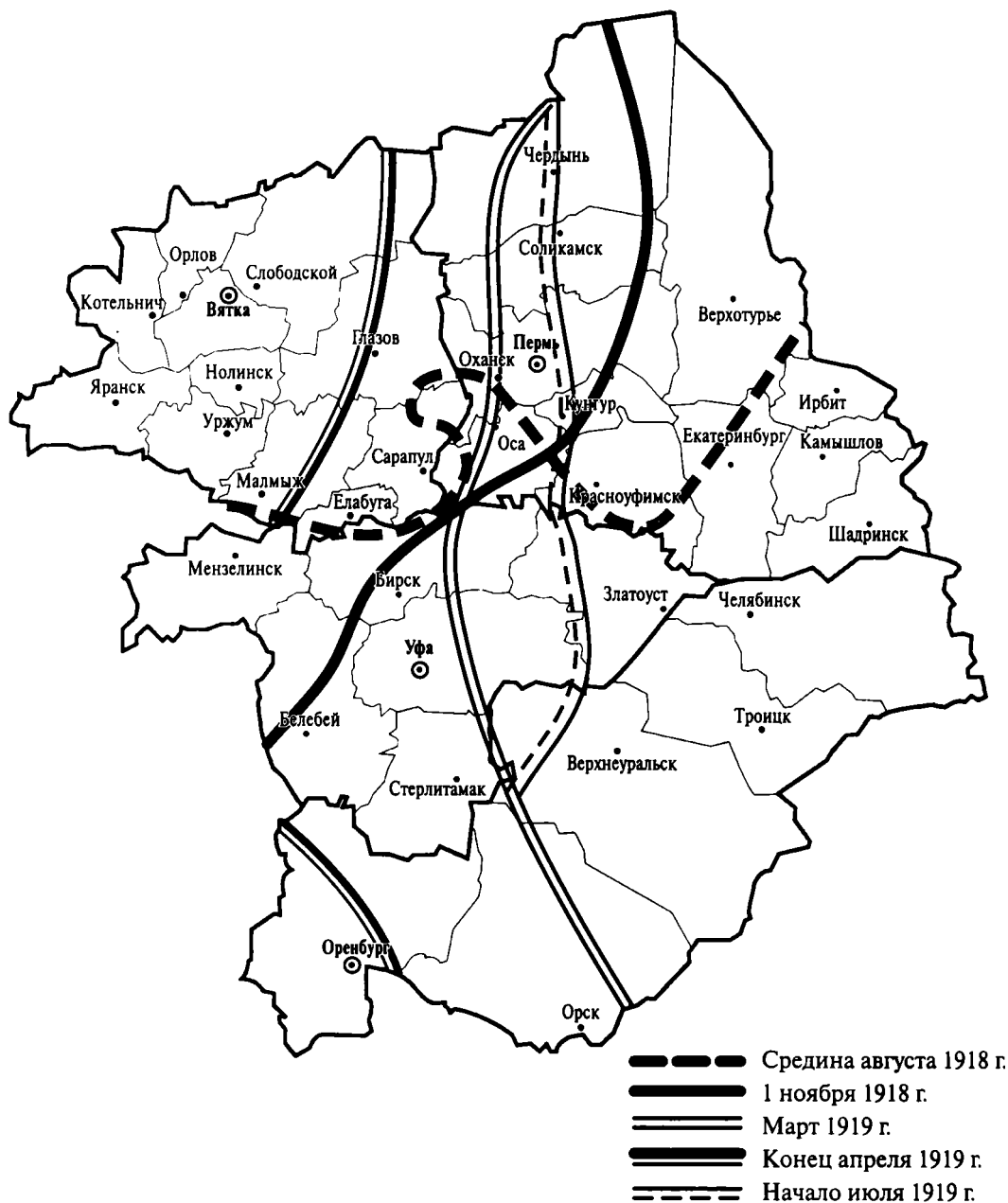
губэвако – губернская эвакуационная комиссия
 губэкосо – губернское экономическое совещание
 губюст – губернский отдел юстиции
 женотдел – отдел по работе среди работниц и крестьянок
 заградотряд – заградительный отряд
 земотдел – земельный отдел
 ИК, исполком – исполнительный комитет
 к. – копейка
 КДП – Конституционно-демократическая партия
 Кирреспублика – Киргизская Автономная Советская Социалистическая Респуб-
 лика (КАССР)
 Кирцик – ЦИК КАССР
 КОБ – комитет общественной безопасности
 колдоговор – коллективный договор
 ком- – коммунистическая (-партия, -ячейка)
 командарм – командующий армией
 Комуч – Комитет членов Учредительного собрания
 КОО – комитет общественных организаций
 КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
 крайсовет – краевой совет
 ликбез – ликвидация безграмотности
 ликпункт – пункт ликвидации неграмотности
 МВД – министерство внутренних дел
 Межрабпом – Международная рабочая помощь
 млн. – миллион
 млрд. – миллиард
 нарком – народный комиссар
 наркомат – народный комиссариат
 Наркомвнудел – Народный комиссар(иат) внутренних дел
 Наркомзем – Народный комиссар(иат) земледелия
 Наркомнац – Народный комиссар(иат) по делам национальностей
 Наркомпрод – Народный комиссар(иат) по продовольственным делам
 Наркомсобес – Народный комиссар(иат) социального обеспечения
 Наркомфин – Народный комиссар(иат) финансов
 НЭП – новая экономическая политика
 обком – областной комитет
 облэкосо – областное экономическое совещание
 ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
 опродгуб – отдел губернского продовольственного комитета
 оргбюро – организационное бюро
 партперепись – партийная перепись
 полит- – политический/ая/ое (-бюро, -отдел, -сводка)
 помгол – комиссия помощи голодающим
 потребобщество – потребительское общество
 предвок – председатель волостного комитета
 прод- – продовольственный/ая/ое (-агент, -власть, -кампания, -месячник,
 -налог, -орган, -паек, -работа, -работник, -разверстка, -совещание, -штаб)
 пропагитотряд – продовольственный агитационный отряд

- продком – продовольственный комитет
прозодежда – производственная одежда
профсоюз – профессиональный союз
ПСР – Партия социалистов-революционеров
пьян(ь)сводка – «пьяная» сводка
р. – рубль
рай- – районный (-продком, -продкомиссар, -уполномоченный)
райлеском – районный лесной комитет
райметаллоправление – районное правление металла
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
реввоенсовет – революционный военный совет
ревком – революционный комитет
ревтрибунал – революционный трибунал
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
сельком – сельский комитет
сельскосоюз – союз сельскохозяйственных кооперативов
сельсовет – сельский совет
СНК, совнарком – Совет народных комиссаров
СНХ, совнархоз – совет народного хозяйства
собес – социальное обеспечение
сов- – советский/ая (-власть, -орган, -служащий)
СРН – Союз русского народа
ст. – станица, станция
станисполком – станичный исполнительный комитет
СТО – Совет труда и обороны
труд- – трудовой/ая (-армия, -армеец)
трудкомдез – комитет борьбы с трудовым дезертирством
тыс. – тысяча
у- – уездный/ая (-ком, -комиссия, -компомгол, -партком)
упровкомиссия – уездная проверочная комиссия
упрофком – уездный профсоюзный комитет
Урал- – Уральский/ое (-комтруд, -экосо)
Уралпромбюро – Промышленное бюро президиума ВСНХ на Урале
ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Кировской области
ЦДНИОО – Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
центро- – центральный (-продком, -союз)
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
Чека, ЧК, чрез(в)ком – чрезвычайная комиссия

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1¹

Боевые действия на Восточном фронте 4 марта – 20 июня 1919 г.

¹ Прил. 1 составлено на основе следующих источников: Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 18. С. 708; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 48 – 49.

**Частотность смены власти в губерниях Европейской России в 1917 - 1920 гг.
(кроме территорий, отошедших от России)**

а) Даты перехода власти

Губерния, область	Год, месяц				Всего
	1917	1918	1919	1920	
1	2	3	4	5	6
Витебская	III, X				2
Владимирская	III, X				2
Вологодская	III, XI				2
Калужская	III, XI				2
Костромская	III, X				2
Могилевская	III, XI				2
Московская	III, XI				2
Нижегородская	III, XI				2
Новгородская	III, XII				2
Олонецкая	III	I			2
Петроградская	III, X				2
Рязанская	III, X				2
Саратовская	III, X				2
Смоленская	III, X				2
Тверская	III, X				2
Тульская	III, XII				2
Ярославская	III, X				2
Астраханская	III, XI,	I			3
Вятская	III, XI, XII				3
Пензенская	III, XI, XII				3
Тамбовская	III, X	I			3
Воронежская	III, X		IX (2)		4
Казанская	III, X	VIII, IX			4
Курская	III, XI		IX, XI		4
Новороссийская	III, XII	VIII		III	4
Пермская	III, XI	XII	VI		4
Самарская	III, X	VI, X			4
Ставропольская	III	I, VII		III	4
Орловская	III, XI	I	X (2)		5
Оренбургская	III, X	I, VII	I		5
Архангельская	III, XI	II, VIII	IX	II	6
Екатеринодарская	III, X	III, VIII	XI	III	6
Минская	III, XI	II, XII	VIII	VII	6
Обл. Войска Донского	III, XI	II, V	VIII	I	6

¹ Прил. 2 составлено на основе данных «Большой советской энциклопедии» (1-е изд. М., 1926 - 1931. Т. 1 - 65) и «Советской исторической энциклопедии» (М., 1961 - 1976. Т. 1 - 30).

Приложение 2а (продолжение)

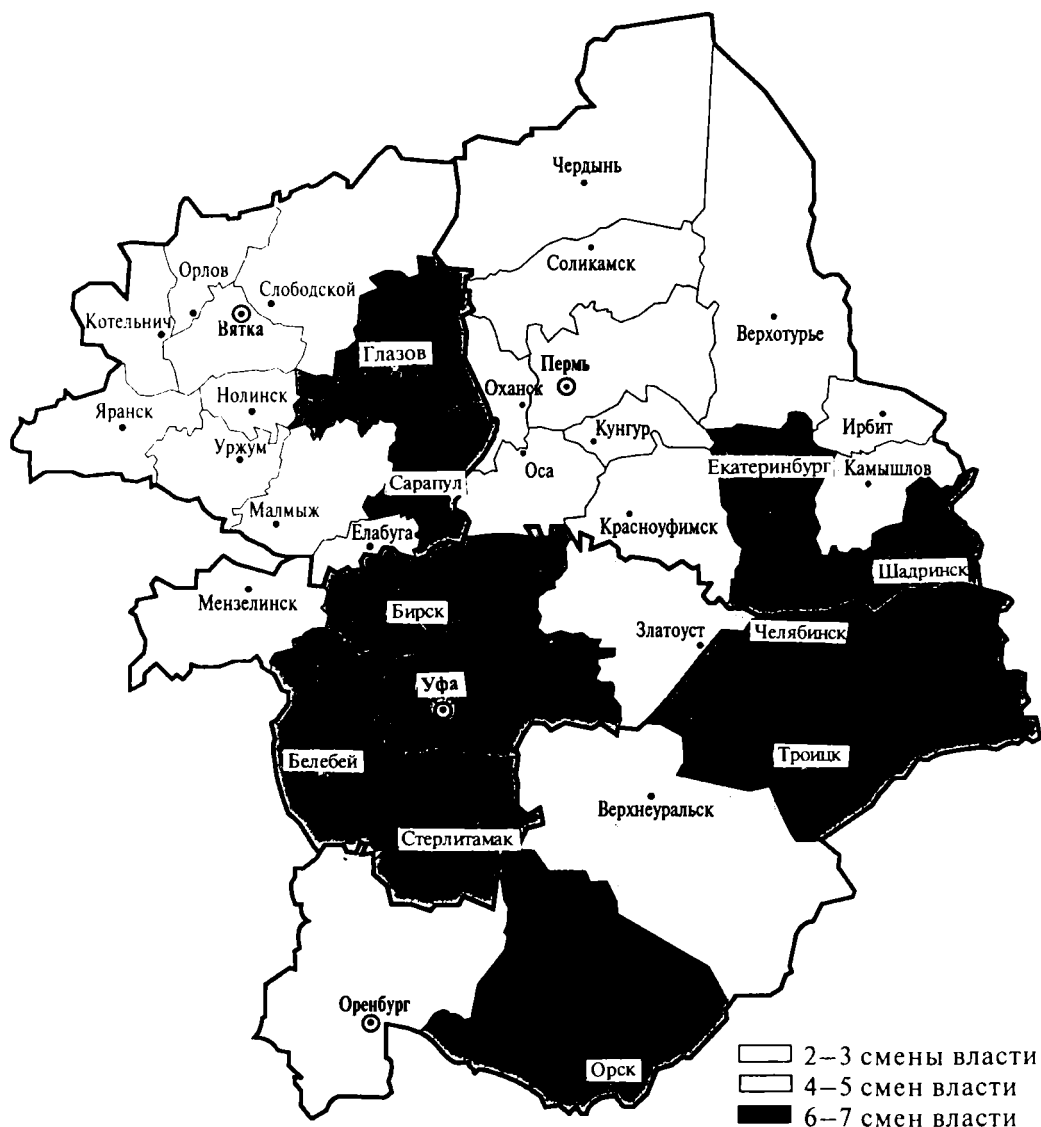
1	2	3	4	5	6
Псковская	III, X, XI	II, XI	V, VIII		7
Уфимская	III, X	VI, XII	I, III, VI		7
Подольская	III, X	III, XI	XI	VII, X, XI	8
Полтавская	III, X	I, III, XI	I, VII, XII		8
Таврическая	III, X	I, VI, XI	IV, VI	XI	8
Харьковская	III, X, XII	IV, XI	I, VIII, XII		8
Херсонская	III, X	I, III, XI	IV, VIII	II	8
Черниговская	III, X	I, IV, XI	I, VIII, XI		8
Екатеринославская	III, X, XII	III, IV, XI	I, V, VIII, XI, XII		10
Волынская	III, XI	I, II (2), XII	IV, VIII, XII	IV, VI	11
Киевская	III, IX, XI	I, III, IV, XII	II, VIII, X (2), XII	V, VI	14

Частотность смены власти в губерниях Европейской России в 1917 - 1920 гг.
(кроме территорий, отошедших от России)

Приложение 3

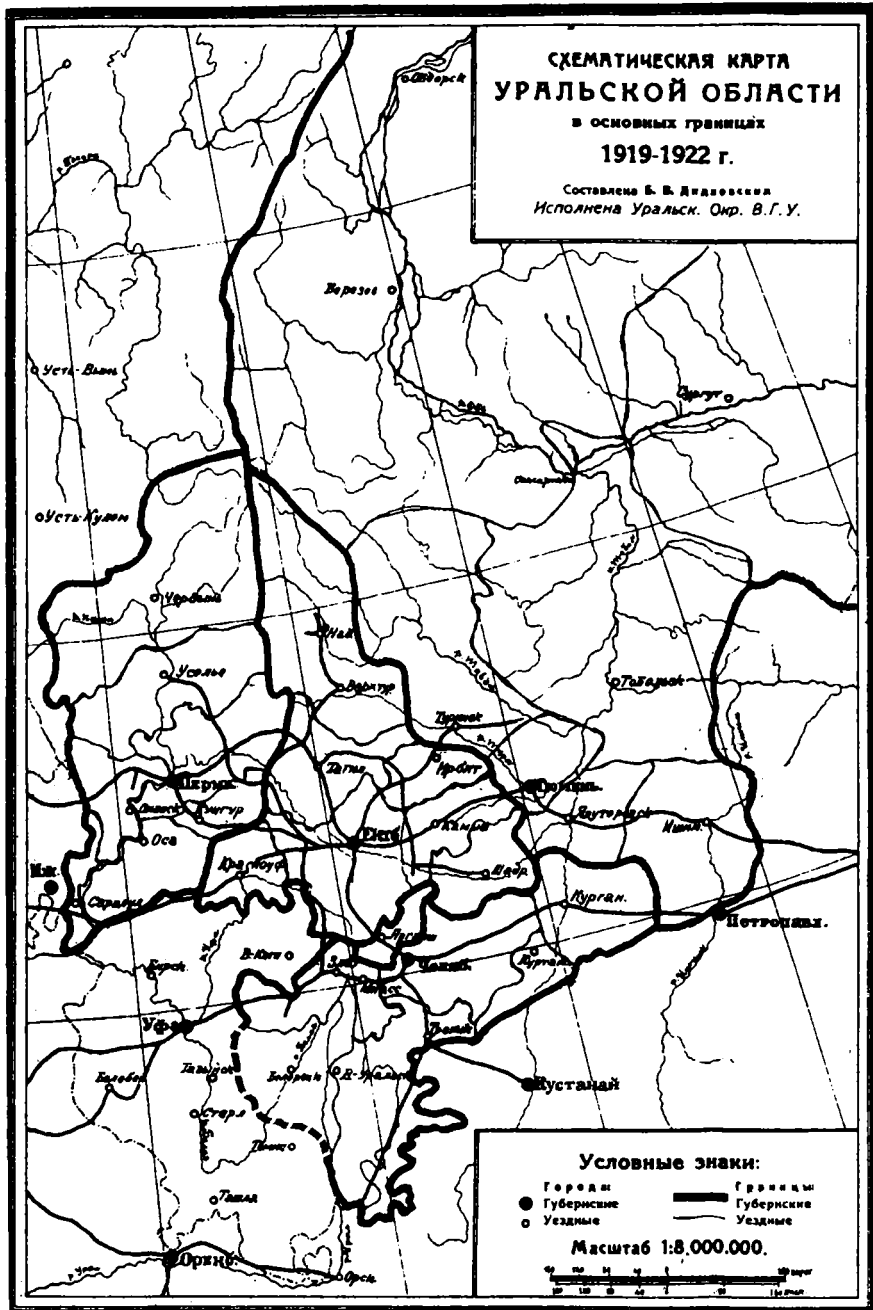
Частота смены власти на Урале 1917-1922 гг.

а) Административная карта Урала 1917-1922 гг.¹

¹ Составлена на основе «Уральской исторической энциклопедии». Екатеринбург, 1998. С. 137, 377, 399, 554

в)²

² Урал: Техничко-экономический сборник /под ред. В.Е.Грум-Гржимайло. Вып. 6. Екатеринбург, 1923. Прил.

Политические партии на Урале в 1917 г.

а) Организации РСДРП / РСДРП(б) в марте – октябре 1917 г.²

Местоположение	Время создания	Месяц							
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вятская губерния	IV		89	15		(150)	60	71	671
Вятка	III	[15]					25		50
Глазов	IX					(75)			60
Котельнич									60
Сарапул									60
Слободской									80
Белохолуницкий з-д			12			25			20
Бондюжский з-д			10			15			200 (1200)
Воткинский з-д		(3)	19			(1200)	40		809 (300)
Ижевский з-д	III	[19]	[30 (970)]		[70 (2430)]	500 (2100)	700		60
Эстонская группа Ижевского з-да	V						30		60
С. Иглань	IX								320
Омутнинский з-д	V						[300]		
Оренбургская губерния									
Оренбург	III	[52]	[56 (84)]				[300]	[260 (40)]	500
Троицк	III	[21]	[45 (30)]			80 (15)	[100]	[300]	
Челябинск	III	[100]	[160 (80)]		(60)	655		2100	
Пос. Баймак	VI			3			30	18	[100]
Белорецкий з-д	IV		28			(196)			51
Кочкарский принск						100			
Ст. Миасс	IV							100	70
Пермская губерния									
Пермь	III	40	[1600]	372	221 (100)	179 (200)	110 (300)		600
Екатеринбург	III		1450	1700	2500 (163)	2800	2800		3000

¹ Прил. 5 составлено на основе данных следующих исследований: Лисовский Н.К. О некоторых вопросах истории Октябрьской социалистической революции на Урале / Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале: Сб. статей. Челябинск, 1965. С. 34 – 40; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 530 – 536; Капшугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 91, 125; Гаузова Т.А. Организация буржуазной контрреволюции на Урале в период двоевластия / Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата: Сб. статей. Пермь, 1989. С. 58 – 60; Огоновская И.С. Борьба политических партий на Урале за идейное влияние в массах в 1917 г. (по материалам периодической печати): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991; Кононенко А.А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917 – 1918 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1993. С. 139 – 140.

² В квадратных скобках [] – численность объединенных организаций, в круглых () – меньшевистских организаций, без скобок – большевистских организаций.

Приложение 5а (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Верхотурье	III	[40]							10
Ирбит	V						75		84
Камышлов	III	23	230	32	(20)		300		330
Красноуфимск	III		50				[100]		
Кунгур	III	10					70		144
Соликамск	III	[10]				(20)			
Шадринск	III			[35]		(80)	20 (20)	100	50
Алапаевский з-д	III		221			1300			1360
Пос. Александровский	IV		12				21		31
Артинский з-д	IV		5				15		28
Ататский з-д	IV		300				350		370
Ст. Баженово	V						160		175
Балашевский з-д				35					
С. Березовское	IX								18
Баранчинский з-д	IV			[27]			43		80
Билимбаевский з-д	X								40
Бисерский з-д	IV							30	54
Пос. Бисертский	IV		170			(25)	200		218
Богословский з-д									
С. Верещагино	IX								50
В.-Нейвинский з-д	IV		11				19		30
В.-Салдинский з-д	IV		[87 (75)]			[320 (277)]	300		320
В.-Сергинский з-д	IV		13				35		67
В.-Синчихинский з-д	III	[200]					63 (100)		90
В.-Туринский з-д	III	40	449 (750)				1410		1080
Пос. Воскресенский	III		180				160		200
С. Губахино	V					400			800
Пос. Дегтярский						(87)			
Добрянский з-д	IV						32		76
Пос. Егоршинский	IV						67		80
Ф-ка Жирякова	V		[53]		300				400
Пос. Калатинский	IX						200		25
Каменский з-д	IV		300						250
Карабашский з-д	IX								40
Каслинский з-д	V			[16]					42
Кизеловский з-д	IV					32	40 (800)		350
Пос. Косовинский	III		[400]			[800]	150		200
Куусь-Александровский з-д	IX		[1000]						200
Кушвинский з-д	III	[10 - 20]	[240 (200)]				888		1032
Кыштымский з-д	III	[10 - 20]	[387]	360			367		400
Пос. Лобанский	III		52				150		180
Лысьвенский з-д	III	[10 - 20]	525 (230)	765 (100)	1200	1500 (150)		1800	2100
Майковский з-д	III					(150)			

Приложение 5а (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Михайловский з-д	III		50			50	65		78
Пос. Мотовилиха			[100 150]	70 (180)		(2000)	(300)		1800
Надеждинский з-д	III	[30]				180	200		250
Невьянский з-д	III	30				914			1000
Н.-Исетский з-д	III						220		260
Н.-Салдинский з-д	IV						287		100
Н.-Сергинский з-д	III						460		480
Н.-Синчихинский з-д	III	[16]					180		200
Н.-Тагильский з-д	III	[5]	[160]			(1500)	70		200
Н.-Туринский з-д	III	[100]	[40 (1960)]	12—15		12			12
Н.-Уфалейский з-д	V		[160]			15 (84)			60
Новолинский з-д	IV		[65 (85)]				[430]		25 (400)
Нытвенский з-д	IV		17				23		39
Низелетровский з-д	III	[20]	[80]			80	28		120
Пашийский з-д	IV		18				13		37
Пожевский з-д	IV		9			380			21
Полеский з-д	IV						360		370
Половинские копи	VI		115				180		372
Пышминский з-д	IV		165				90		200
Ст. Реда	III		[515]			150 (360)			100
Пос. Рединский	III	[10—20]				(59)			350
Режевский з-д									
Сатинский з-д	V								30
Северский з-д	III		[212 (200)]				250		280
Серебрянский з-д	IV						200		240
Сосавинский з-д	IV						12		32
Сысертский з-д	III		[610]						1060
Пос. Таватуйский	III	[3]	[82]				125		159
Пос. Туринский	IV					(60)			
Ст. Усольская	IX		[350]			(400)			20
Пос. Уткинский	III					(460)	[300]		28
Чермозский з-д	III		[80 (100)]			217 (400)			350 (350)
Чусовской з-д	III		[40 (63)]						400
Уфимская губерния									
Уфа	III	[60 (50)]	[65 (55)]				600 (126)		700 (90)
Белебей	III	8—10	15				20		80
Бирск	IV		20				89		120
Златоуст	III	[20]	[162]	[300]		[100]	700 (150)		720
Стерлитамак	III	(10—20)				520			100
Пос. Аша	III		156 (20)			400	400		600
Аша-Балашевский з-д	III		200						450
Пос. Баймак-Таналык	VI	[150]						30	100
Богоявленский з-д	VIII						50		120

Приложение 5а (окончание)

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Катав-Ивановский з-д	V						35		100
Ст. Кропачево	X								15
Кусинский з-д	V								20
Миньярский з-д	III	10-20	510				600		600
Петровский з-д	IX		150				300		180
Симский з-д	III								450
Пос. Уржумский	IX		[500]				500		24
Усть-Катавский з-д	III								740
Юрюзанский з-д	V								120

в) Организации социалистов-революционеров в марте – октябре 1917 г.

Местоположение	Время создания	Месяц									
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X		
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
Вятская губерния Вятка Елабуга Слободской Уржум Белохолуницкий з-д Воткинский з-д Ижевский з-д Оренбургская губерния Челябинск Пос. Баймак	IV			Более 100						8	
	VI										
	IV				1200			900	900		
	IV		2000	8000		3000	500	500	300		
	III						6				
	Пермская губерния Пермь Екатеринбург Верхотурье Ирбит Камышлов Красноуфимск Кунгур Оханск Соликамск Чердынь Шадринск Алапаевский з-д Балашевский з-д В.-Туринский з-д В.-Уфалейский з-д Д. Камыши	III			Более 100		1500	2500	600		
		III	30 – 450			1900					
		IV				190					
		V				114					
		IV			420	1120	100				
III		74	150			35 – 40					
VII							50				
IV						20		100	20		
V					200		370				
III			36		200		200	250		250	

Приложение 5в (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кушвинский з-д	III	200				300			
Кыштымский з-д	VI					2500			
Лысьвенский з-д	III	2500							
Пос. Мотовилиха	VI								
Навьянский з-д	VI								
Невьянский з-д	III	51				51			
Н.-Синчихинский з-д	VI					700		250	
Н.-Татильский з-д									
Н.-Уфалейский з-д	V			20		20		100	
Новолялинский з-д							120	50	15 - 20
С. Ольховское									
Полевский з-д									
Ревдинский з-д									
Сысертский з-д									
Пос. Туринский									
Ст. Усольская									
Уфимская губерния	III		300		450	Более 600			
Уфа	III				1200	2500	3000	700 2400	200
Златоуст									
Пос. Аша			300	40 70			100	240	
Аша-Балашовский з-д									
Бакаловские рудники	VI								
Белорешский з-д						93			
С. Давлеканово							300		
Катав-Ивановский з-д			30	50 20			100		
Миньяр							105	Более 100	
Сим									
Усть-Катавский з-д									

с) Организации Конституционно-демократической партии в марте — ноябре 1917 г.

Местоположение	Месяц									
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Вятская губерния	Более 10			80	30 20			671	20	
Вятка										
Глазов										
Елабуга										
Котельнич										
Нолинск										
Орлов					100					
Сарапул										

Приложение 5с (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Слободской					100	.			10
Уржум									
Яранск				20				20	100
Бондюжский з-д				100					200
Воткинский з-д					200				
Ижевский з-д									
С. Иглань				20		5			
Омутнинский з-д									
Оренбургская губерния									
Оренбург		200			350		250		100
Троицк					100				
Челябинск					200			35	
Пос. Баймак					30			15	
Кочкарский прииск					10				
Пермская губерния									
Пермь	80	100			100			150	200
Екатеринбург			200					250	
Верхотурье					180	183		200	
Ирбит					100			123	300
Камышлов			10		50	30		50	
Красноуфимск						30		50	
Кунгур						36			
Оса				25					
Оханск				60				60	
Соликамск					80		100	80	
Шадринск			30		60				30
Алапаевский з-д					20				
Пос. Асбест				40					
Балашовский з-д					30				
Барачинский з-д								30	
Богословский з-д				35				40	
В.-Салдинский з-д			20				40		
В.-Синчихинский з-д					20				20
В.-Туринский з-д			35						30
В.-Уфалейский з-д				36					
С. Губахино				20	10				20
Ф-ка Жирякова					70			70	
Каменский з-д			40						10
Д. Камыши				10	50				50
Каслинский з-д									190
Киселовский з-д				60					
Кушвинский з-д			50		159			200	
Кыштымский з-д					50			50	

Приложение 5с (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Лысьвенский з-д					50				10
Майковский з-д					10				50
Михайловский з-д				25		30			10
Пос. Мотовилиха						100			
Надеждинский з-д					50			30	50
Невьянский з-д					19				
Н.-Синчихинский з-д				20					20
Н.-Тагильский з-д					100		182	190	
Н.-Туринский з-д					220			220	
Н.-Уфалейский з-д					30			30	
Новолялинский з-д					100			100	
Назепетровский з-д					30	10			30
С. Ольховское									
Полевский з-д					17			20	
Реалинский з-д					30			30	
Режевский з-д					20			20	
Сысертский з-д					30			30	
Пос. Туринский			60			65		70	
Ст. Усольская					20			20	
Чермозский з-д					50				94
Чусовской з-д						20			
Уфимская губерния									
Уфа	60	60			100			150	
Белебей				100				100	
Бирск				100			100		100
Златоуст						30			
Стерлитамак				10	20				
Пос. Аша						30		50	
Аша-Балашовский з-д									
Пос. Баймак-Таналык							20		20
Бакаловские рудники				20		30			90
Ботоявленский з-д					90				
С. Давлеканово						50			30
Катав-Ивановский з-д			50			20			
Ст. Миасс				30					
Миньярский з-д				20				23	
Симский з-д								30	
Усть-Катавский з-д									
Пос. Филлисовский									

Уральская периодическая (газетная) печать в 1901 – 1922 гг. (количество номеров)

а) Уральские газеты в 1901 – 1916 гг.

Наименование	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Вятская губерния																
Вятка																
Вятские губернские ведомости	102	104	102	104	102	104	102	102	104	102	104	102	104	102	104	102
Прил. к «Вятским губ ведомостям»	154	154	153	155												
Вятская газета	52	52	52	52	52	22										
Вятская жизнь					6	150										
Вятский вестник					278	283	276	278	275							
Вятский листок					1											
Вятское слово																
Крестинская газета						7										
Труд						46										
Вятский край						7										
Епархиальные отголоски						114	254									
Рабочий листок						70	11									
Вятская речь						5	1	7								
Союз 17 октября							13	240	278	279	283	287	277	282	278	272
Голос Вятки							7			281	72	291	277	278	275	
Северное слово										209	209	27	50	48	48	
Крестинская с/хозяйственная газета												5	1			
Глазов												5				
Глазовская речь																
Камско-Чепецкий край																
Елабуга																
Елабужские вести						96										
Сарапул																
Сарапульский листок объявлений						36										
Прикамский край	103	104	103	104	104	173	128	296	291	285	134	290	287	288	290	285
Прикамская жизнь								242	286	287	286	287	287	290	288	285
Кама																

¹ Прил. 6 составлено на основе следующих изданий: Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России. 1901 – 1916. Л., 1958 – 1961. Т. 1 – 4; Газеты СССР. 1917 – 1960: Библиографический указатель. М., 1970 – 1984. Т. 1 – 5; Газеты 1917 – 1922 годов в фондках отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог. М., 1994. Вып. 1; Периодика Урала. Свердловск, 1971. Вып. 1; Периодическая печать Урала. Вып. 2: Газеты 1917 – 1920 годов: Библиографический указатель. Свердловск, 1986.

² Партия правового порядка.

Приложение 6а (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Воткинский з-д	РСДРП																
Бюлл.-н Вяткинской группы РСДРП	РСДРП						?	1									
Пруд	РСДРП							2									
Ижевский з-д	РСДРП							3									
Известия Прикамского р-она	РСДРП																
Рабочий листок	РСДРП																
Оренбургская губерния																	
Оренбург	независимая	52	52	52	52	40	39										
Оренбургский листок	государственная	273	273	276	281	273	277	276									
Оренбургская газета	государственная	52	193	52	52	52	52	52									
Тургайская газета	независимая		7	1	1												
Листок объявлений	государственная				45	33											
Летопись военных действий на Дальнем Востоке																	
Голос Оренбурга	Союз 17 октября					4	95										
Наш край	РСДРП						5										
Оренбургская вечерняя почта							1	5									
Оренбургский вестник							16	89									
Оренбургский край	независимая						259	7									
Степь	РСДРП						121	52									
Простор	РСДРП							2									
Кузнец	РСДРП							1									
Пахарь	РСДРП							6									
Степной край	независимая																
Оренбургская газета	независимая																
Момент	независимая																
Оренбургское эхо	независимая																
Тургайское эхо	независимая																
Оренбургский казак	независимая																
Оренбургская жизнь	независимая																
Заря Урала	независимая																
Моя газета	независимая																
Оренбургское слово	независимая																
В-Уралск	независимая																
Верхнеуральский листок	независимая																
Верхнеуральский вестник	независимая																
Телефон	независимая																
Троицк	независимая																
Зурауль	независимая																
Троицкий вестник	независимая																
Степь	независимая																
Троицкая	независимая																
Степная молва	независимая																
Троицкая газета	независимая																

Приложение 6а (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Челябинск																	
Труд	Союз 17 октября						253	47									
Голос Приуралья	независимая						24	241									
Приуральский край	независимая						14	38									
Приуралье	независимая							35									
Голос рабочего	РСДРП																
Приуральское слово	независимая												27				
Челябинская неделя	независимая												3				
Заря Урала	независимая												3	4			
Челябинский листок	независимая																
Жизнь Приуралья	независимая														270	712	640
Ст. Миасс															34		
Казак	независимая										4	120	19	4			
Пермская губерния																	
Пермь																	
Пермский край	независимая	281	278	236	21	35	4										
Пермские губернские ведомости (официальная часть)	государственная	51	52	52	54	57	64	68	58	64	59	53	67	54	65	66	19
Пермские губернские ведомости (неофициальная часть)	государственная	282	279	281	286	264	285	281	283	279	283	276	282	276	317	335	280
Уральский листок	РСДРП		7	7													
Рабочий бюллетень	РСДРП		9	9													
Народный листок	ПСР						1										
Каамский край	независимая						200	104									
Пермский вестник	независимая						37	18									
Рабочая жизнь	РСДРП																
Пермяк	независимая								8								
Урал и Кама	независимая									15							
Северная лесопромышленность	независимая										10						
Пермский листок объявлений	независимая										39	14					
Пермский край	независимая										9	252	118				
Пермская жизнь	независимая												6				
Пермский вестник	независимая												131				
Пермяк	независимая													4	9	33	282
Екатеринбург	независимая																
Урал	независимая	283	282	210	303	291	283	281	28								
Уральская жизнь	независимая	354	354	358	362	292	282	248	284	281	286	283	289	290	291	291	
Хроника	РСДРП			1													
Средне-Уральский листок	РСДРП			1	4	7											
Вечевой колокол	независимая																
Уральский край	независимая																
Утро	РСДРП						207	281	282	279	287						
							15										

Приложение 6а (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Екатеринбургская газета	независимая						36										
Голос народа	беспартийная																
Знамя	СРН						101	67									
Уральская газета	РСДРП							4									
Рабочий	РСДРП							7	1	1							
Уральская неделя	РСДРП							4									
Уральский рабочий	РСДРП							2	1								
Слово Урала	независимая								88								
Голос Урала	независимая												238	2			
Самозащита	независимая												13				
Уральский край	независимая												1	277	290	292	290
Екатеринбургский обыватель	независимая														10		
Уральская речь	независимая														3	3	2
Ирбит	независимая																
Ирбитская жизнь	независимая											33	135	236	258	280	281
Жамышлов	независимая															47	
Красноуфимск	РСДРП							2									
Рабочий листок	РСДРП								1								
Куингур	независимая																
Кунгурский рабочий	независимая																
Кунгурский листок	независимая																
Шадринск	независимая																
Исеть	независимая																
Новая Исеть	независимая																
Зуралье	независимая																
Исетский край	независимая																
Н.-Тагильский 3-д	РСДРП																
Рабочий	РСДРП																
Борьба	РСДРП							7	6								
Уфимская губерния								?									
Уфа																	
Уфим. листок объявлений и известный	независимая	53	52	52	52	52	52	53	46	47	34	10					
Уфимские губернские ведомости	государственная	277	275	280	289	275	296	103	101	100	100	102	102	102	102	101	103
(официальная часть)																	
Уфимские губернские ведомости	государственная			243	145												
(неофициальная часть)				4													
Уфимский листок	РСДРП																
Уфимский вестник	независимая																

Приложение 6а (окончание)

Наименование	Принадлежность	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Солдатская газета	РСДРП						1	3	1								
Уфимская земская газета	земская						29										
Южный Урал	РСДРП						1	4									
Вестник Уфы	независимая						12	280	270	279	238						
Уфимский край	государственная						142	280	281	280	283	277	283	278	284	283	287
Крестьянин и рабочий	ПСР							1									
Крестьянская газета	РСДРП							2									
Социалист	ПСР							3									
Знамя Урала	РСДРП								8								
С/х-й листок Уфимского губ. земства	земская								12	12	12	10	20	30	35	36	36
Уфимский рабочий	РСДРП								8	16	4						
Уфимский справочный листок	независимая									46	1		1		1	1	
Уфимские вести	независимая																
Уфимская жизнь	независимая																
Златоуст																	
Красное знамя	РСДРП								2	2							284

в) Уральские газеты в 1917 – 1922 гг.

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
(Бывшая) Вятская губерния							
Вятка							
Вятские губ. ведомости	государственная	21					
Вятская мысль	КДП	112					
Вятская правда	государственная	3	55				
Вятская речь	независимая	265					
Вятск. известия Временного прав-ва	государственная	66					
Крестьянская газета	земская	68					
Народное дело	ПСР	6					
Слово и жизнь	независимая	48					
Все для трудящихся	ПСР (максим-в)		9				
Вятская свободная коммуна	анархистская		13				
Известия Вятского губ. ИК...	государственная		20				
Изв-я Вятск. губ. ИК и Вятск. Совета...	государственная		219	229	98		
Наш край	профсоюзная		29				
Вятский голос	РСДРП		12				
Деревенский коммунист	государственная			148			
Коммунистич. (Красная) молодежь	государственная			+	+	+	+
Народное просвещение	государственная			9			
Партийная неделя	армейская			2			
Пламя восстания	государственная			1			
Последние известия	армейская			170	18		
Вятская правда	государственная				206	298	297
Изв-я Вятск. губ. к-та РКСМ	РКСМ				1	1	
Стенная газета РОСТА	государственная				280	86	
Советская власть и крестьянство	государственная					?	
На смену	государственная					3	
Труд и жизнь	профсоюзная					6	2
Двигатель	профсоюзная						31
Сельскохозяйственная газета	государственная						5
Глазов							
За землю и волю	ПСР	1					
Свободная трибуна	независимая	2					
Известия Глазовского Совета...	государственная		83	1			
Пролетарская газета	государственная			2			
Наша правда*	государственная			4			
Жизнь крестьянина	государственная				91		
Известия Рев. к-та Вотской автономии	государственная					60	
Жизнь края	государственная						21
Елабуга							
Бюлл-нь Елаб. К-та спасения рев-ции	государственная	?					
Елабужская жизнь	независимая	104	18				
Елаб. маленькая народная газета	независимая	?					
Елабужская рабочая газета	независимая	?					
Крестьянская газета	независимая	3	2				
Народная воля	государственная	72	26				

³ Печаталась на страницах предыдущего издания.

⁴ Знаком* помечены газеты, издававшиеся при «белых» режимах.

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Бюлл-нь Елаб. отдела нар. образ-ния	государственная				1		
Изв-я Елаб уездного к-та РКП(б)	государственная				1	2	
Официальный листок	государственная				?	?	
Юный пролетарий	государственная				?	?	
Посевной бюллетень	государственная					?	
Стенная газета РОСТА	государственная					?	
Котельнич							
Земля и труд	государственная		41				
Изв-я Котельнич. Уездн. ИК Совета...	государственная			113	127		
Бюлл-нь Котельнич. уездн. ИК ...	государственная			168	38		
Вестник народного просвещения	государственная			6			
Стенная газета РОСТА	государственная			?	20		
Красный пахарь	государственная				83	81	6
Красное юношество	государственная				5+		
Малмыж							
Малмыжская жизнь	независимая	138	22				
Известия Малмыжского Совета...	государственная		251	99			
Малмыжский коммунист	государственная		1				
Офиц. Бюлл-нь Малмыжского ВРК	государственная			2			
Рабоче-крестьянские думы	государственная			176	254	140	50
Красный вестник	государственная				52		
Пролетарский писатель	государственная					2	
Нолинск							
Изв-я Нолинск. уездн. ИК Совета (Нолинский край)	государственная		68	72			
Батрак (Серп и молот)	государственная				54	82	8
Революционная молодежь	государственная				+		
Орлов (Халтурин)							
Известия Совета ... Орловского уезда	государственная		101				
Народное образование	государственная		13				
Крестьянская правда	государственная			2	55	64	
Советская газета ... Орловского уезда	государственная			127			
Учитель-коммунист	государственная			8			
Заря коммуны	государственная					12	1
Работник просвещения	государственная					?	?
Сарапул							
Прикамская жизнь	независимая	51					
Кама	независимая	282	4				
Телеграммы от Петроградского теле- графного агенства	независимая	53					
Воля							
Прикамье*	ПСР		58				
Путь к анархии	независимая		21				
Сарапульская трудовая коммуна	анархическая		1				
Труженник	государственная		39				
Русский гражданин*	государственная		137				
Красное Прикамье	независимая			13			
Бюлл-нь Прикамских потребительских и кредитных союзов	государственная			103	268	221	259
	профсоюзная				7		

Приложение бв (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Бюлл-нь Прикамской кооперации	профсоюзная				1		
Красные зори	армейская				4		
Под красным знаменем союза	государственная				1		
Голос работницы-крестьянки	государственная					4	
Пахарь	государственная					9	
Слободской							
Голос трудового народа	государственная		23				
Известия Слободского ВРК	государственная			58			
Уржум							
Уржумская крестьянская газета	земская	132					
Бюлл-нь Уржумского ИК Совета...	государственная		1				
Голос народа	государственная		108	58			
День советской пропаганды	государственная			2			
Просвещение	государственная			5			
Красная молодежь	государственная				6	1	
Красный пахарь	государственная				31	50	6
Бюлл-нь газеты «Красный пахарь»	государственная				4		
Яранск							
Бюлл-ни Петроградского телеграфного агентства	независимая	?					
Крестьянское слово	государственная	57	17				
Голос трудового народа (Крестьянин-коммунист)	государственная		97	135	112	79	86
Стенная газета РОСТА	государственная				8		
Строитель грядущего	государственная				?		
Воткинский 3-д (Воткинск)							
Воткинская газета	РСДРП и ПСР	146					
За народ	ПСР		19				
Заря	РСДРП		22				
Искра	ПСР		23				
Красная мысль	государственная		10	78	37		
Путь	государственная		73				
Резерв революции	государственная				6	16	
Стенная газета РОСТА	государственная				3	19	
Вотский край	государственная					93	7
Голос работницы	государственная					1	
Ижевский 3-д (Ижевск)							
Дни нашей жизни	независимая	16					
Зеркало Ижевска	независимая	1					
Изв-я Ижевской орг-ции РСДРП (объединенной) (Ижевская раб. газета)	РСДРП	13					
Изв-я Ижевского Совета...	государственная	53	40				
Телеграммы Ижевского Совета...	государственная	118					
Бюлл-нь Ижевского Совета...	государственная		9				
Голос крестьянина	государственная		74				
Ижевская правда	государственная		24	235	275	276	280
Голос юного коммунара	государственная			13			
Сельскохозяйственный набат	государственная					4	2

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Юный металлист	государственная					?	?
Сл. Кукарка (Советск)							
Кукарская жизнь	независимая	58					
Голос труда	государственная		39				
Известия Советского уездн. ИК Совета	государственная		51	77			
Рабоче-крестьянская правда	государственная				76	37	42
С. Петропавловское							
Новая жизнь	независимая		?				
(Бывшая) Оренбургская губерния							
Оренбург							
Оренбургские губ. ведомости	государственная	28					
Оренбургская жизнь	независимая	193					
Оренбургское слово	независимая	70					
Сенатские объявл-я казенным	государственная	83					
правительственным и судебным делам							
Тургайские областные ведомости	государственная	51					
Бюлл-нь Союза ... «Кредитное дело»	профессиональная	2					
Заря	государственная	132					
Изв-я Обл. временного гражд. к-та	государственная	4					
Изв-я Оренбургского губ. к-та	государственная	36					
общественной безопасности							
Изв-я Оренбургского губ. Совета...	государственная	2					
Новости дня	ТНСР ⁵	72	1				
Оренбургский губернский вестник*	государственная	71	116	10			
Оренбургский казачий вестник*	независимая	112	106	8			
Оренбургский край*	КДП	181	149	7			
Оренб. Церковно-обществ-й вестник*	независимая	52	42				
Пролетарий	РСДРП	2					
Рабочая заря	РСДРП	1					
Свободное слово солдата	независимая	174					
Южный Урал	профессиональная	86	14				
Вестник правительства Башкирии*	государственная		5				
Голос трудового казачества	государственная		57				
Изв-я Оренбургского ВРК	государственная		110				
Изв-я Тургайского обл. ИК Совета...	государственная		7				
Изв-я Тургайского ИК Советов...	государственная		55				
Казачья правда	государственная		5				
Казачья правда	государственная		24				
Миасская новая жизнь*	независимая		129				
Народное дело*	профсоюзная		140	8			
Оренбургский вестник Учр. Собр-я	государственная		45				
Рабочая газета	РСДРП		1				
Рабочее утро*	РСДРП		119				
Рабочий день*	РСДРП		33				
Рабочие сумерки*	РСДРП		11				
Рабочая заря*	РСДРП		17				

⁵ Трудовая народно-социалистическая партия.

Приложение бв (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Изв-я Оренбургского Совета...	государственная			52			
Коммунар	государственная			266	305		
Красная молодежь	государственная			15	50		
Степная газета «Красный клич»	государственная			101	?		
Изв-я Оренбургского губ. к-та РКП(б)	государственная				2		
Изв-я Оренбургско-Тургайского губ. к-та РКСМ	государственная				2		
Изв-я Киргизского края	государственная				24		
Профессиональная жизнь	профсоюзная					1	
Революционный профессионалист	профсоюзная					4	
Степная правда	государственная					131	288
Завод и пашня	государственная						249
Наш путь	профсоюзная						8
Верхнеуральск							
Верхнеуралец	независимая	68					
Верхнеуральский край	независимая	9					
Земля и воля	ПСР	13					
Известия Совета...	государственная	?					
Листок Белорецкого к-та РСДРП	РСДРП	1					
Уральский маяк*	государственная			61			
Известия Верхнеуральского Совета...	государственная			41			
Приуральская коммуна	государственная			35	35		
Красное поле	государственная			5			
Красный пахарь	государственная				19	90	4
Юношеский листок	государственная				2		
Профессиональная жизнь	профсоюзная					7	
Орск							
Орский телеграф	независимая	48					
Известия Орского Совета...	государственная		74	?	18		
Орский земский вестник*	земская			15			
Юный пролетарий	государственная				7		
Изв-я Орского к-та РКП(б) и уездн. ИК	государственная					75	104
Троицк							
Известия Троицкого Совета...	государственная	13					
Казачья мысль	независимая	40					
Молодая Россия	ВПК ⁶	76					
Свобода народа	ВПК	72					
Свободная речь	КДП	26					
Степь	независимая	72					
Газета Совета...	государственная		55				
Изв-я Совета ... Троицкого уезда	государственная		15				
Казачья речь*	независимая		60				
Слово*	независимая			190			
Степная мысль	государственная			44	64		
Трудовой набат	государственная				144	107	5
Набат	государственная						111

⁶ Военно-промышленный комитет.

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Челябинск							
Изв-я Челябинского Совета...	государственная	1					
Изв-я Челябинского ВРК	государственная	18	21				
Народная свобода	КДП	179					
Республиканец*	независимая	13	40	20			
Союзная мысль	профсоюзная	206	26				
Челябинский листок	независимая	355					
Изв-я Челябинского Совета...	государственная		80				
Власть народа*	независимая		135				
Трудовая мысль	ТНСП		29				
Утро Сибири*	независимая		148	150			
Вестник Приуралья*	государственная			79			
Дума деревни*	земская			2			
Сибирский стрелок	армейская			51			
Казак	государственная			2			
Рабочий и крестьянин	государственная			15			
Советская правда	государственная			32	301	291	295
Советская Сибирь	государственная			44			
Степная коммуна	государственная			39			
Изв-я Челябинского губ. к-та РКП(б)	государственная				20	14	
К победе	государственная				112		
РОСТА	государственная				161		
Кооперативное слово	профсоюзная					?	15
Красная деревня	государственная					7	
Миасский 3-д (Миассе)							
Изв-я Совета ... Миасского 3-да	государственная		14				
Миасский листок	независимая		20				
Заря Южного Урала*	независимая		127				
Уральский пролетарий	государственная			?			
Приуральская правда	государственная				46	43	35
Соль-Илецк							
Илецкий коммунары	государственная			2	34	2	
(Бывшая) Пермская губерния							
Пермь							
Пермские губ. ведомости (официальная часть)	государственная	10					
Пермские губ. ведомости (неофициальная часть)	государственная	55					
Пермская жизнь	независимая	275	12				
Бюлл-нь стачечного к-та	профсоюзная	5					
Вестник Пермского края	независимая	36					
Земля и воля	ПСР	1					
Изв-я Уральского Совета...	государственная	69					
Изв-я Пермского губ. Совета...	государственная	9					
Народная воля	независимая	71					
Пермский вестник Временного пр-ва	государственная	157	1				
Народная свобода	КДП	129	?				
Свободный путь	профсоюзная	119	152				

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Народное дело	профсоюзная	4					
Пермский губ. вестник	государственная	22	1				
Пролетарское знамя	РСДРП	45					
Бюлл-нь Военной инспекции наркомата по военным делам	государственная		1				
Бюлл-нь Пермского губ. ВРК	государственная		8				
Изв-я Пермского губ. ИК Совета ... Пермской дороги	государственная		86				
Изв-я Пермского губ. ИК Совета...	государственная		260				
Изв-я Пермского уездн. ИК Совета...	государственная		23				
Народное просвещение	государственная		4				
Народное хозяйство	государственная		6				
Социалист-революционер	ПСР		9				
Трудовая коммуна	государственная		16				
Уральская рабочая газета	РСДРП		12				
Освобождение России*	государственная			137			
Отечество*	государственная			12			
Пермская земская неделя*	земская			19			
Пермские губ. ведомости*	государственная			26			
Свободная (Современная) Пермь*	независимая			115			
Сибирский стрелок*	армейская			172			
Бюлл-нь Пермского губ. к-та РКП(б)	государственная			3			
Изв-я Пермского губ. ВРК	государственная			150	132		
Стенная газета РОСТА	государственная			11	218		
Бюлл-нь Пермского губ. отдела работниц РКП(б)	государственная				1		
Долг пахаря	государственная				5	10	
Звезда	государственная				169	298	293
Изв-я 2-го беспартийного съезда Пермской губернии	государственная				4		
Бюлл-нь Пермского губ. профсовета	профсоюзная				2		
Изв-я Пермского губ. к-та РКП(б)	государственная					25	
Бюлл-нь Пермского союза потребителей обществ	профсоюзная						7
Пермский кооператор	профсоюзная						17
Екатеринбург							
Уральская жизнь*	независимая	220	248	145			
Зауральский край*	независимая	213	92				
Борьба	государственная	16					
Бюлл-нь ИК Совета...	государственная	7					
В народ	ПСР	4					
Вольный Урал	государственная	39					
Думы Урала	независимая	69					
Забастовочный листок Союза печатного дела г. Екатеринбурга	профсоюзная	2					
Земля и воля	ПСР	?					
Известия Бюро совещания горнопромышленников Урала	профессиональная	1					

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Известия Екатеринбургской церкви	независимая	20	22	10			
Известия социал-демократов г. Екате-ринбурга	РСДРП	2					
Информационный листок	независимая	3					
Кооперативный закуп-сбыт	профессиональная	?					
Народная газета	независимая	?					
Наш листок	ПСР	1					
Наш путь	ПСР	1	47				
Труд	ПСР	?					
Уральская правда	РСДРП	25					
Утро Урала	независимая	1					
Уральский рабочий	РСДРП	72	142				
Вестник Зауральской кооперации учащихся	профсоюзная		1				
Екатеринбургский листок	независимая		1				
Известия Екатеринбургского обл. бюро Советов...	государственная		140				
Комар	независимая		3				
Уральский рабочий	государственная		127	126	310	301	299
Уральский набат	анархистская		5				
Уральский техник	профессиональная		8				
Горный край*	независимая		26	22			
Карпато-русское слово*	государственная		5				
Наш Урал*	независимая			145			
Отечественные ведомости*	независимая			146			
Голос Сибирской армии*	армейская			32			
Голос сибиряка*	армейская			44			
Изв-я Екатеринбургского губ. ВРК	государственная			9			
Изв-я Екатеринбургского губ. к-та РКП(б)	государственная			6	41		
Профсоюзное движение	профсоюзная			17	27		
Изв-я Екатеринбургского губ. к-та РКСМ	государственная				2		
Изв-я 1-го Екатеринбургского губ. беспартийного съезда	государственная				3		
Изв-я 2-го Екатеринбургского губ. беспартийного съезда	государственная				5		
Изв-я 3-го Екатеринбургского губ. съезда Советов...	государственная				7		
Стенная газета РОСТА	государственная				357		
Трудовой фронт	профсоюзная				54	41	
Уральский субботник	государственная				4		
Изв-я Екатеринбургского губ. ИК Советов...	государственная					19	28
Уральская новь	государственная						233
Уральский гудок	профсоюзная					37	205
Верхотурье							
Рабоче-крестьянская газета	государственная		20				
Голос рабочего и крестьянина	государственная			11	8		
Стенная газета РОСТА	государственная				49	78	

Приложение бв (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Деревенский коммунист	государственная					26	
Ирбит							
Ирбитская жизнь	независимая	188					
Телеграммы Петроградского телеграфного агентства	независимая	1					
Изв-я Ирбитского Совдепа	государственная		76				
Ирбитский вестник*	государственная		119	79			
Ирбитские еженедельные ведомости*	государственная			72			
Голос юного пахаря	государственная				3	1	
Дело пахаря	государственная				25		
Стенная газета РОСТА	государственная				142	402	
Землероб	государственная					29	6
Камышлов							
Заря народоправства*	независимая	148	59	42			
Изв-я Камышловского уездн. Совета...	государственная		124				
Красный путь	государственная			11	54	166	118
Изв-я Камышловского уездн. к-та РКП(б)	государственная				7		
Камышловский бюлл-нь РОСТА	государственная				204		
Правда камышловской молодежи	государственная				5		
Красноуфимск							
Народный вестник	независимая	16					
Красноуфимский земский листок	земская	35	3				
Советские известия	государственная		21				
Иркутский стрелок*	армейская			15			
Пахарь	государственная			6			
За правду	государственная				75		
Красноуфимский бюлл-нь РОСТА	государственная				90	166	
Красный пахарь	государственная					97	17
Кунгур							
Кунгурский листок	независимая	353	1				
Кунгурская жизнь	независимая	143	1				
Голос Кунгурского Совета...	государственная		135				
Кунгурский вестник*	государственная			117			
Кунгурский бюлл-нь РОСТА	государственная			15	121		
Искра	государственная					23	2
Оса							
Голос Прикамья	независимая	4					
Камская волна	независимая	9	4				
Голос бедноты	государственная		23				
Изв-я Осинского уездн. ИК Совета...	государственная		56				
Народное образование	государственная		6				
Наша газета*	армейская			10			
Осинская правда	государственная			17			
Красные всходы	государственная				67	68	
Новый грамотей	государственная				?		
Осинский бюлл-нь РОСТА	государственная				204		

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Оханск							
Изв-я Оханского временного ИК	государственная	?					
Народное свободное слово	независимая	22					
Оханский вестник	земская	44					
Оханский советский вестник	государственная		70	20			
Просвещение	государственная		2				
Оханский бюлл-нь РОСТА	государственная				106	118	
Труд и знание	государственная				45	91	28
Творчество юных коммунаров	государственная					11	
Соликамск							
Народный вестник	государственная	13					
Народный листок	независимая	4					
Соликамская земская газета	земская	17					
Чердынь							
Изв-я Чердынского Совета...	государственная		16				
Изв-я Чердынско-Печерского края	государственная		53				
Экстренный выпуск	государственная		33				
Чердынская стенная газета РОСТА	государственная				88		
Красный пахарь	государственная				19	48	
Шадринск							
Исеть	независимая	134					
Gaudeamus	профессиональная	1					
Призыв	ПСР	1					
Шадринская жизнь	независимая	49					
Народная мысль	независимая	75	8				
Крестьянин и рабочий	государственная		109				
Народная газета*	независимая		74				
Русский гражданин*	армейская			40			
Шадринская народная газета*	независимая			146			
Рабоче-крестьянская правда	государственная			2	26		
Деревенский коммунист	государственная				26	112	65
Стенна газета РОСТА	государственная				299	143	
Юный пахарь Красного Урала	государственная				3		
Алапаевский 3-д (Алапаевск)							
Алапаевский плуг-молот (Алапаевский рабочий)	государственная				1	20	?
Стенная газета РОСТА	государственная				18		
с. Березники							
Изв-я Усольского Совета...	государственная		148	?	?	22	49
Всеобуч	государственная			5			
Листок объявлений Усольского уездн. ИК	государственная				41		
Усольский бюлл-нь РОСТА	государственная				81		
Каменский 3-д (Каменск-Уральский)							
Каменский рабоче-крестьянский листок	государственная			10	2		
Стенная газета РОСТА	государственная				169		
Путь к коммуне	государственная				?	42	32
Кизеловский 3-д (Кизел)							
Шахтер	государственная			12	78	48	43
Кизеловский бюлл-нь РОСТА	государственная				9		
Юный горняк	государственная					1	

Приложение бв (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Кушвинский з-д (Кушва)							
Революционный Урал	государственная		7				
Кушвинский бюлл-нь РОСТА	государственная			136			
Пролетарское слово	государственная						1
Лысьвенский з-д							
Известия Лысьвенского Совета...	государственная	17					
Социал-демократ	РСДРП	16					
Известия Лысьвенского Совета...	государственная	20	4				
Лысьвенский бюлл-нь РОСТА	государственная				120		
Пролетарское знамя	государственная				39	22	26
Надеждинский з-д (Серов)							
Известия Надеждинского Совета...	государственная	33					
Северный рабочий	государственная			1	52	39	7
Народный бюлл-нь РОСТА	государственная				109		
Нижнетагильский з-д (Н.Тагил)							
Горный край	независимая	6					
Известия Верхотурского Совета...	государственная	4					
Изв-я Нижнетагильского КОБа	государственная	1					
Крестьянин и рабочий	государственная	2					
Рабочий	РСДРП	7					
Изв-я Нижнетагильского Совета...	государственная	1	17				
Волна	анархистская		4				
Уральская рабочая жизнь	РСДРП		2				
Нижнетагильский бюлл-нь РОСТА	государственная				180	149	
Красный Урал	государственная					70	55
Усть-Качка							
Усть-качская жизнь	независимая		?				
Чусовской з-д							
Работник	государственная				20	41	14
Стенная газета РОСТА	государственная				148		
(Бывшая) Уфимская губерния							
Уфа							
Уфимская жизнь*	независимая	285	203	28			
Уфимские губ. ведомости	государственная	23					
Уфимский вестник	независимая	285	3				
Уфимский край	государственная	53					
Изв-я Уфимского губ. комиссариата	государственная	67					
Изв-я Уфимского губ. к-та	государственная	1					
Изв-я Уфимского губ. Совета...	государственная	33					
Крестьянский депутат	государственная	25					
Народный социалист	ТНСП	1					
Земля и воля	ПСР	169	124				
Изв-я Союза учителей Уфимской губ-и	профессиональная	13	2				
Вперед!	государственная	225	133	56			
Изв-я Уфимского губ. РК, Совета ... и	государственная	3	129				
Мусульманского военного совета							
Изв-я Уфимского губ. СНК	государственная	?	?				
Знамя социализма	ПЛСР		13				

Приложение 6в (продолжение)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Изв-я торгово-пром-х предприятий	профессиональная		?				
Социалист-революционер	ПСР		213				
Труд	ТНСП		1				
Утро	независимая		20				
Народ*	независимая		58				
Голос рабочего*	РСДРП		222				
Народное дело*	ПСР		137				
Уфимские губернские известия*	государственная		28				
Великая Россия*	армейская			54			
Вестник отдела упр-я Уфимской губ-й	государственная			?			
Народное дело*	государственная			7			
Большевик	государственная			26	1		
Бюлл-нь (Изв-я) Уфимского губ. к-та РКСМ	государственная			?	23		
Изв-я Уфимского губ. РК	государственная			154	3		
Интернационал молодежи	государственная			6			
Красное знамя	государственная			7			
Партийные известия	государственная			3	6	15	
Постановления и распоряжения Советской власти	государственная			9	73	46	22
Известия	государственная				296	299	266
Стенная газета РОСТА	государственная				366	106	
Юношеская сила (Юношеская правда)	государственная				13		
Бюлл-нь профдвижения	профсоюзная					3	
Молодежь Приуралья	государственная					7	
Рабочее дело	профсоюзная						22
Бюлл-нь Уфимского губ. прод-го к-та Белебей	государственная						5
Справочный листок Белебеевского уездн. земства	земская	3					
Телеграммы	независимая	244					
Изв-я Белебеевского Совета...	государственная	2					
Изв-я Белебеевского ИК Совета...	государственная		18				
Голос бедноты	государственная			46			
Коммунист	государственная			2			
Красная звезда	государственная			1			
Голос бедноты	государственная				4	?	42
Стенная газета РОСТА	государственная				50		
Бирск							
Телеграммы Петроградского телеграфного агентства	независимая	?					
Бирская народная газета	независимая	56					
Бюлл-нь Бирской народной газеты	независимая	1					
Крестьянин, рабочий и солдат	государственная		41				
Беднота, организуйся!	государственная			12			
Изв-я Бирского уездн. РК	государственная			3			
Бирская правда	государственная				56	32	27
Стенная газета РОСТА	государственная				50		

Приложение 6в (окончание)

Наименование	Принадлежность	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Златоуст							
Изв-я Златоустовского Совета...	государственная	73					
Изв-я Златоустовского уездн. ИК Совета	государственная		20				
Златоустовский вестник*	независимая		37				
Утро Приуралья*	независимая		73	47			
Наше возрождение*	независимая			11			
Борьба	государственная			28	144	202	105
Стенная газета РОСТА	государственная				66	42	
Мензелинск							
Изв-я Мензелинского Совета...	государственная	23	46				
Красногвардейские изв-я Мензелин- ского РК	государственная		17	20			
Красный маяк	государственная			28	2		
Пролетарский путь	государственная			14			
Телеграфный вестник РОСТА	государственная			17			
Крестьянин	государственная				23	75	?
Стенная газета РОСТА	государственная				120	142	
Земледелец	государственная						5
Стерлитамак							
Изв-я Профессионально-политическо- го союза	профсоюзная	?					
Лучь	профсоюзная	?					
Рабочий и солдат	государственная	21					
Изв-я Стерлитамакского уездн. СНК	государственная		52				
Изв-я РК г. Стерлитамака и уезда	государственная			12			
Коммунар	государственная			15			
БашРОСТА	государственная				64	26	
Красный воскресник	государственная				2		
Красный пахарь	государственная				2		
Правда трудовой Башкирии	государственная				6	?	72

с) Развитие периодической (газетной) печати на Урале в 1901 – 1922 гг.

Основные параметры	Год																					
	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Явская губерния																						
Количество газет	4	4	4	4	6	14	10	5	5	5	6	6	7	6	6	5	30	47	33	43	36	20
Государственные и квазигосударственные (количество №№)	256	258	255	259	380	387	378	380	379	383	385	393	381	388	379	102	590	1733	2119	2142	1682	1070
(без газет РОСТА)																				(1779)	(1577)	
Армейские					1	19	21	7									187	77	40			
Партийно-опозиционные																	278	157				
Независимые	155	156	155	156	162	707	406	536	811	851	703	587	852	860	856	842	1021	46	13			
Профсоюзные													27	50	48	48		29		8	6	33
Всего №№	411	414	410	415	543	1113	805	923	1190	1234	1088	980	1260	1298	1283	992	1889	2152	2209	2190	1688	1103
(без газет РОСТА)																				(2027)	(1583)	
Среднее количество №№ на 1 наименование	103	104	103	104	91	80	81	191	238	247	181	123	180	216	214	198	63	46	69	51	47	55
Удельный вес государственных и военных газет (%)	62,3	62,3	62,2	62,4	47,2	34,8	47	41,2	31,8	31	35,4	40,1	30,2	29,9	29,5	10,3	31,2	89,2	99,4	99,6	99,6	97
Удельный вес независимых, оппозиционных, профсоюзных (%)	37,7	37,7	37,8	37,6	52,8	65,2	53	58,8	68,2	69	64,6	59,9	69,8	70,1	70,5	89,7	68,8	10,8	0,6	0,4	0,4	3
Оренбургская губерния																						
Количество газет	5	6	6	7	7	14	17	10	9	9	8	13	13	13	13	9	37	35	30	19	13	11
Государственные и квазигосударственные (количество №№)	429	568	432	482	463	432	432	161	208	208	157	156	156	157	156	157	587	683	859	1348	762	1056
(без газет РОСТА)																				(1187)		
Армейские					4	474	109	3									475	466	7			
Партийно-опозиционные																						
Независимые	52	57	53	53	40	353	654	918	1182	1035	1074	1097	1133	1498	1959	1634	1206	701	368			
Профсоюзные																	294	180	8		12	23
Всего №№	481	625	485	535	507	1259	1195	1082	1390	1243	1231	1253	1289	1655	2115	1791	2562	2030	1425	1348	774	1079
(без газет РОСТА)																				(1187)		
Среднее количество №№ на 1 наименование	96	104	81	76	72	65	70	108	154	155	154	96	99	127	163	199	69	58	41	71	60	98
Удельный вес государственных и военных газет (%)	89,2	90,9	89,1	90,1	91,3	47,7	36,2	14,9	15	16,7	12,8	12,5	12,1	9,5	7,4	8,8	22,9	33,6	72,9	100	98,4	97,9

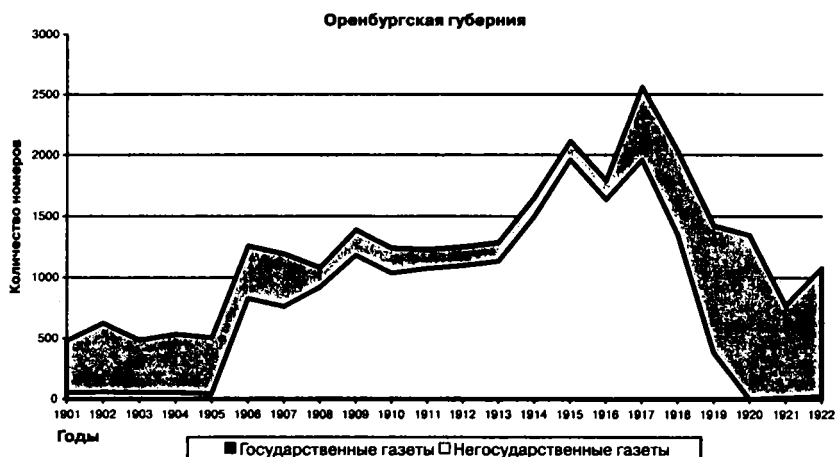
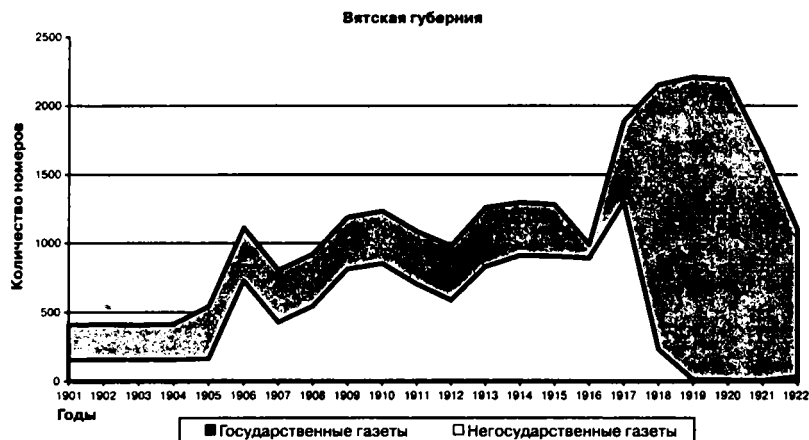
Приложение 6с (продолжение)

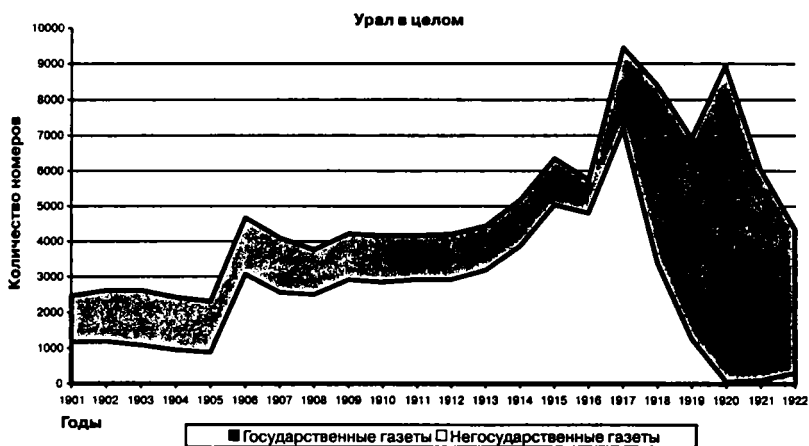
Основные параметры	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Удельный вес независи- мых, оппозиционных, профсоюзных (%)	10,8	9,1	10,9	9,9	8,7	52,3	63,8	85,1	85	83,3	87,2	87,5	87,9	90,5	92,6	91,2	77,1	66,4	27,1	—	1,6	2,1
Пермская губерния																						
Количество газет	5	6	9	6	6	13	16	10	6	7	7	10	6	10	12	10	66	60	43	57	31	23
Государственные и квазигосударственные (количество №№)	332	331	333	340	321	349	349	341	341	342	339	349	340	382	401	299	536	1720	1004	3927	2519	1364
(без газет РОСТА)																			(842)	(1285)	(1541)	
Армейские																		180	691	63	—	—
Партийно- опозиционные	7	18	—	—	—	124	92	3	1	—	—	—	—	—	—	—	737	221	—	—	—	—
Независимые	918	914	804	690	625	1049	932	690	575	621	852	931	858	1129	1633	1683	1991	550	761	—	—	—
Профсоюзные										10	—	—	—	—	—	—	132	161	17	54	80	219
Всего №№	1250	1252	1155	1030	946	1522	1373	1034	917	973	1191	1280	1198	1511	2034	1982	3396	2832	2473	4044	2599	1593
(без газет РОСТА)																			(2311)	(1402)	(1621)	
Среднее количество №№	250	209	128	172	158	117	86	103	153	162	170	128	200	151	170	198	51	47	58	71	84	69
на 1 наименование																						
Удельный вес	26,6	26,4	28,8	33	33,9	22,9	25,4	33,1	37,2	35,1	28,5	27,3	28,4	33,8	19,7	15,4	15,8	67,1	68,5	97,1	96,2	85,6
военных газет (%)																						
Удельный вес независи- мых, оппозиционных, профсоюзных (%)	73,4	73,6	71,2	67	66,1	77,1	74,6	66,9	62,8	64,9	71,5	72,7	71,6	66,2	80,3	84,6	84,2	83,9	81,5	2,9	3,8	14,4
Уфимская губерния																						
Количество газет	2	2	4	3	2	8	10	9	9	8	5	5	4	5	6	5	25	24	32	21	14	10
Государственные и квазигосударственные (количество №№)	277	275	523	434	275	438	383	382	380	383	379	385	380	386	384	390	549	466	466	1370	992	544
(без газет РОСТА)																			(449)	(654)	(676)	
Армейские																			265	—	—	—
Партийно- опозиционные			4	—	—	1	13	19	4	—	—	—	—	—	—	—	170	497	—	—	—	—
Независимые	53	52	52	52	52	344	333	316	328	320	287	288	285	290	500	561	874	394	86	—	—	—
Профсоюзные								12	12	12	10	20	30	35	36	36	3	2	—	—	3	22
Всего №№	330	327	579	486	327	783	729	729	724	715	676	693	695	711	920	987	1606	1359	817	1370	995	566
(без газет РОСТА)																			(800)	(654)	(679)	
Среднее количество №№	165	164	145	162	164	98	73	81	80	89	136	139	174	142	153	197	64	57	26	65	71	57
на 1 наименование																						

Приложение 6с (окончание)

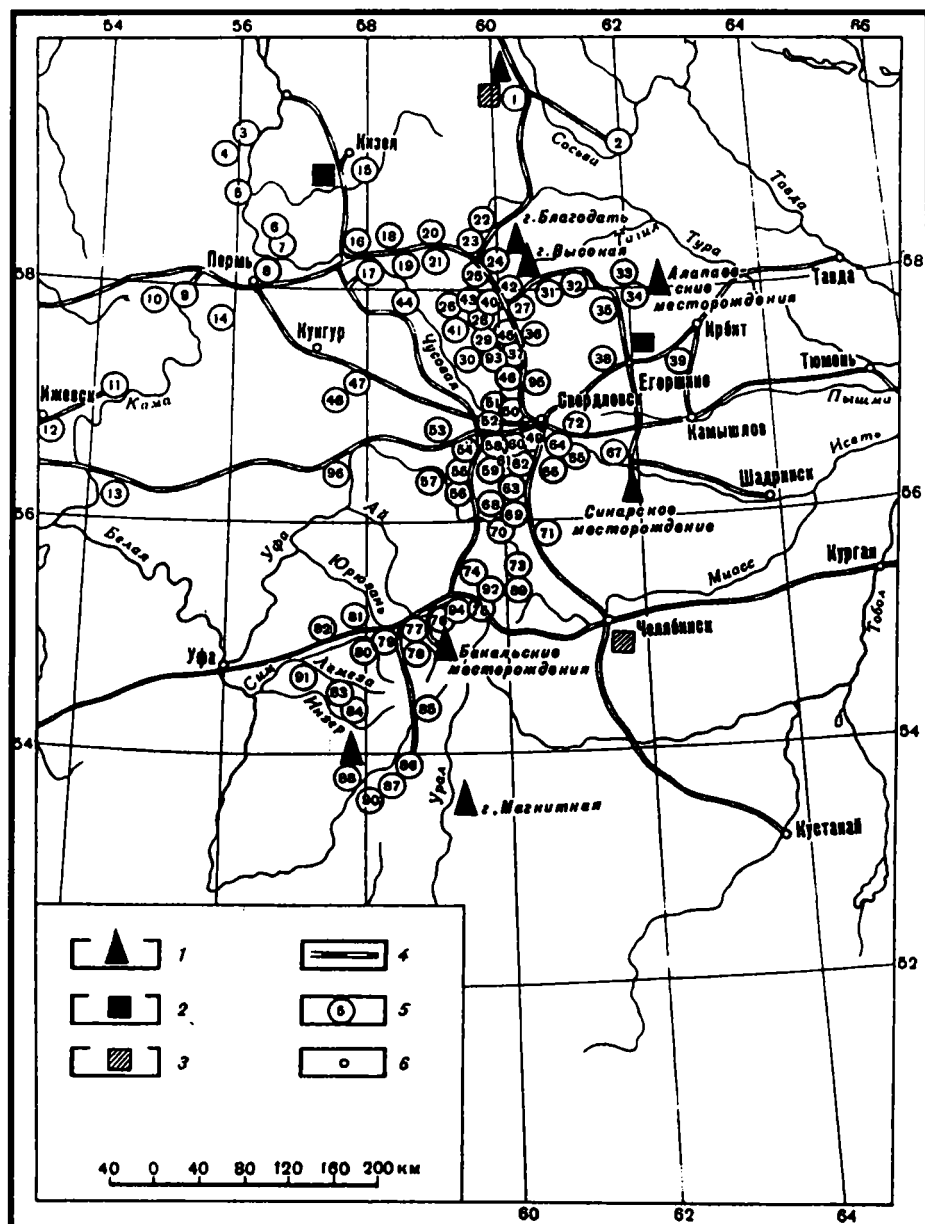
Основные параметры	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Удельный вес государственных и военных газет (%)	83,9	84,1	90,3	89,3	84,1	55,9	52,5	52,4	53,4	53,6	56,1	55,6	54,7	54,3	41,7	39,5	34,2	34,3	89,5	100	99,7	96,1
Удельный вес независимых, оппозиционных, профсоюзных (%)	16,1	15,9	9,7	10,7	15,9	44,1	47,5	47,6	46,6	46,4	43,9	44,4	45,3	45,7	58,3	60,5	65,8	65,7	10,5	-	0,3	3,9
Всего на Урале																						
Количество газет	16	18	23	20	21	49	53	34	29	29	26	34	30	34	37	29	158	171	164	142	94	64
Государственные и квазигосударственные (количество №№) (без газет РОСТА)	1294	1432	1543	1515	1439	1606	1542	1264	1308	1316	1260	1283	1257	1313	1320	948	2262	4602	4448	8787	5955	4034
Армейские																			(4269)	(4905)	(4556)	
Партийно-опозиционные	7	22		-	5	618	235	32	5	-	-	-	-	-	-	-	1660	1341	7	-	-	-
Независимые	1178	1179	1064	951	879	2453	2325	2460	2896	2827	2916	2903	3128	3777	4948	4720	5092	1691	1228	-	-	-
Профсоюзные								12	12	22	10	20	57	85	84	84	439	372	25	62	101	307
Всего №№ (без газет РОСТА)	2472	2618	2629	2466	2323	4677	4102	3768	4221	4165	4186	4206	4442	5175	6352	5752	9453	8415	6924	8952	6056	4341
Среднее количество №№ на 1 наименование	155	145	114	123	111	95	77	111	146	144	161	124	148	152	172	198	60	49	42	63	64	68
Удельный вес государственных и военных газет (%)	52,3	54,7	58,8	61,4	61,9	34,3	37,6	33,5	31	31,6	30,1	30,5	28,3	25,4	20,8	16,5	23,9	59,5	82,2	99,3	98,4	92,9
Удельный вес независимых, оппозиционных, профсоюзных (%)	47,7	45,3	41,2	38,6	38,1	65,7	62,4	66,5	69	68,4	68,9	69,5	71,7	74,6	79,2	83,5	76,1	40,5	17,8	0,7	1,6	7,1

д) Соотношение государственной и негосударственной прессы на Урале в 1901–1922 гг.

Карта-схема заводов металлопромышленности Урала

Условные обозначения

1 – железорудные месторождения; 2 – залежи каменного угля;

3 – залежи бурого угля; 4 – железные дороги; 5 – заводы; 6 – города.

¹ Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975. С. 228–229

Перечень заводов металлопромышленности Урала (к карте-схеме)

1. Надеждинский	49. Верх-Исетский
2. Сосьвинский	50. Первоуральский
3. Пожевской	51. Билимбаевский
4. Майкорский	52. Нижне-Уткинский
5. Чермозский	53. Бисертский
6. Добрянский	54. Атигский
7. Полазненский	55. Нижне-Сергинский
8. Мотовилихинский	56. Михайловский
9. Нытвенский	57. Артинский
10. Павловский	58. Верхне-Сергинский
11. Воткинский	59. Маринский
12. Ижевский	60. Барановский
13. Камбарский	61. Ревдинский
14. Юго-Камский	62. Северский
15. Кизеловский	63. Полевский
16. Чусовской	64. Нижне-Исетский
17. Лысьвенский	65. Ильинский
18. Теплогорский	66. Сысертский
19. Кузье-Александровский	67. Каменский
20. Пашийский	68. Нязепетровский
21. Бисерский	69. Верхне-Уфалейский
22. Нижне-Туринский	70. Нижне-Уфалейский
23. Верхне-Туринский	71. Каслинский
24. Кушвинский	72. Пышминский
25. Баранчинский	73. Верхне-Кыштымский
26. Серебрянский	74. Кусинский
27. Нижне-Тагильский	75. Златоустовский
28. Черноисточинский	76. Саткинский
29. Висимо-Шайтанский	77. Юрюзанский
30. Старо-Уткинский	78. Катав-Ивановский
31. Верхне-Салдинский	79. Усть-Катавский
32. Нижне-Салдинский	80. Симский
33. Верхне-Синячихинский	81. Миньярский
34. Алапаевский	82. Аша-Балашевский
35. Нейво-Шайтанский	83. Инзерский
36. Невьянский	84. Лапыштинский
37. Нейво-Рудянский	85. Тирлянский
38. Режевский	86. Белорецкий
39. Ирбитский	87. Узянский
40. Выйский	88. Зигаинский
41. Висимо-Уткинский	89. Карабашский
42. Высокогорский	90. Авзяно-Петровский
43. Антоновский	91. Лемезинский
44. Кыновский	92. Никольский
45. Шуралинский	93. Калатинский
46. Верхне-Тагильский	94. Магнит
47. Молебский	95. Верх-Нейвинский
48. Суксунский	96. Саранинский

Результаты обследований питания населения на Урале в 1919 - 1923 гг.

а) Потребление питательных веществ городским населением Урала в 1919 – 1923 гг.
(дневной расчет на одного взрослого едока мужского пола)

Город	Год, (месяц) обследования	Рабочие					Служащие				
		Белков (г)	Жиров (г)	Углеводов (г)	Калорий	% живот- ной пищи	Белков (г)	Жиров (г)	Углеводов (г)	Калорий	% живот- ной пищи
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Вятка	1919 (VII)	58	34	298	1777	22,3	69	52	369	2280	25,2
	1919 (XII)	78,8	35,1	518,6	2776	11,7	79,0	40,1	482,2	2674	13,1
	1920 (V)	87,6	37,4	599,0	2999	13,2	77,4	44,7	458,4	2612	19,7
	1920 (X-XI)	58,7	22,2	458,7	2328	9,7	80,6	34,3	508,9	2736	14,7
	1921 (IX)	75,5	42,4	465,9	2613	17,9	72,2	34,3	472,2	2553	15,5
	1922 (II)	63,1	15,6	422,4	2136	7,4	73,6	29,7	432,7	2629	14,0
	1922 (X)	90,1	34,2	544,5	2961	13,1	89,9	40,2	485,8	2734	16,8
	1923 (II)	90,3	43,4	599,9	3069	12,8	108,4	71,9	485,7	3105	27,3
Ижевск	1921 (IX)	76,1	34,8	461,1	2526	14,6	76,6	33,8	504,3	2696	13,5
	1922 (II)	113,5	44,9	546,5	3124	18,7	80,2	33,0	431,5	2405	14,9
	1922 (X)	106,8	60,6	623,9	3561	17,9	103,6	69,3	555,6	3347	23,6
	1923 (II)	95,4	55,2	559,9	3069	12,8	98,6	62,1	481,6	2956	23,3
Пермь	1919 (XII)	95,4	27,2	598,3	3097	6,6	91,0	24,9	628,3	3180	5,0
	1920 (V)	69,0	21,1	536,0	2677	5,2	68,7	22,7	515,4	2602	6,0
	1920 (X-XI)	67,2	18,1	642,3	3077	3,7	62,8	22,4	535,1	2660	5,4
	1921 (IX)	49,8	17,4	422,1	2099	5,9	52,5	26,2	421,9	2189	10,0
	1922 (II)	56,5	14,2	342,8	1769	7,9	66,7	27,4	348,9	1959	15,7
	1922 (X)	79,4	38,7	587,9	3096	7,9	79,1	47,5	476,7	2720	19,2
	1923 (II)	84,0	39,8	553,3	2983	10,2	84,4	50,7	480,7	2788	19,2
	1923 (II)	84,0	39,8	553,3	2983	10,2	84,4	50,7	480,7	2788	19,2
Екатеринбург	1919 (XII)	89,7	46,0	446,7	2627	8,5	103,4	57,0	433,4	2731	14,3
	1920 (V)	84,8	22,7	576,1	2921	6,6	80,3	28,3	502,4	2652	11,0
	1921 (IX)	103,9	40,9	605,1	3328	5,9	101,2	49,0	497,9	2912	18,4
	1922 (II)	90,0	23,9	453,9	2452	10,8	104,2	41,0	470,4	2737	16,6
	1922 (X)	94,6	30,7	579,8	3051	8,7	101,6	61,1	494,2	3010	22,3
	1923 (II)	98,9	29,6	602,6	3151	8,0	119,5	64,1	521,9	3224	23,5
Уфа	1919 (XII)	126,0	38,6	812,1	4205	6,7	113,3	42,0	682,3	3653	9,9
	1920 (X-XI)	92,0	26,8	615,0	3148	8,1	95,1	30,2	597,3	3120	10,1
	1921 (IX)	56,9	17,3	344,3	1806	9,6	69,1	26,8	377,8	2078	15,0
	1922 (II)	60,2	25,6	326,2	1822	6,9	61,6	23,3	346,6	1890	9,4
	1922 (X)	75,4	38,1	553,2	2928	10,7	78,3	38,5	554,1	2951	8,2
	1923 (II)	82,4	34,0	572,4	3000	4,5	100,1	51,8	542,3	3116	14,7
Стерлитамак	1922 (II)	63,8	16,7	334,3	1746	7,3	92,4	43,7	475,9	2736	13,4

1 Прил. 8 составлено на основе следующих источников: Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1: Состояние питания городского населения СССР, 1919 – 1924 гг. М., 1926. С. 21 – 22, 122 – 125, 132 – 135, 146 – 147, 168 – 171, 188 – 191, 208 – 211, 228 – 233; Вып. 2: Состояние питания сельского населения СССР, 1920 – 1924 гг. С. 18 – 21, 36 – 39, 54 – 57, 72 – 73, 86 – 87, 100 – 101, 118 – 119, 136 – 137.

Приложение 8а (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Оренбург	1919 (XII)	125,3	58,7	608,7	3555	8,3	119,0	71,3	489,7	3159	19,2
	1920 (V)	113,4	44,4	607,4	3369	14,3	108,2	63,1	530,1	3203	22,6
	1920 (X-XI)	116,5	35,9	622,8	3236	8,4	100,0	21,3	576,7	2972	7,7
	1921 (IX)	103,5	24,9	389,1	2251	18,2	98,7	33,9	339,9	2113	23,7
	1922 (II)	48,1	11,5	296,1	1518	6,8	73,1	21,1	358,6	1966	11,8
	1922 (X)	100,2	33,8	504,1	2788	11,3	101,4	50,0	525,7	3036	14,6
	1923 (II)	92,1	38,1	512,3	2832	5,2	107,4	58,9	483,5	2972	18,5
Челябинск	1920 (X-XI)	80,2	17,7	631,0	3081	6,3	87,4	24,4	549,2	2837	11,1
	1921 (IX)	96,2	28,7	477,4	2660	14,3	84,5	28,9	392,4	2224	14,9
	1922 (II)	101,2	33,3	427,9	2479	11,7	93,8	34,9	380,0	2267	17,1
	1922 (X)	118,0	30,6	640,0	3392	10,0	107,5	42,8	513,0	2942	16,0
В среднем по РСФСР	1923 (II)	115,2	34,1	614,4	3308	7,9	117,0	50,6	528,7	3118	19,0
	1919 (XII)	76,6	31,6	544,3	2840	6,3	78,3	35,3	509,2	2739	9,5
	1920 (V)	76,4	34,2	525,5	2786	10,3	71,1	38,8	453,7	2511	14,6
	1920 (X-XI)	77,5	29,1	546,3	2828	7,4	78,2	35,2	500,0	2698	10,9
	1921 (IX)	76,5	36,0	487,9	2649	10,8	74,0	39,4	448,3	2509	13,6
	1922 (II)	77,9	35,0	485,4	2635	9,5	82,0	42,9	461,7	2629	14,8
	1922 (X)	93,2	48,3	579,7	3208	10,7	89,9	57,6	503,3	2908	16,7
	1923 (II)	97,7	52,9	581,4	3277	11,0	97,7	64,1	513,9	3103	18,2

**в) Потребление питательных веществ сельским населением Урала в 1919 – 1923 гг.
(дневной расчет на одного взрослого едока мужского пола)**

Губерния (республика, область)	Год (месяц) обследо- вания	Белков (г)	Жиров (г)	Углеводов (г)	Калорий	% животной пищи
1	2	3	4	5	6	7
Вятская	1920 (XI)	82,4	30,8	602,5	3095	6,2
	1921 (II)	80,9	39,9	535,8	2900	11,1
	1921 (X)	75,5	39,5	449,3	2519	15,3
	1922 (II)	76,8	53,5	417,1	2523	20,7
	1922 (VI)	57,5	29,5	262,2	1585	20,2
	1922 (X)	103,3	52,1	669,3	3652	13,3
	1923 (II)	87,0	31,1	610,0	3147	5,1
Вотская	1922 (II)	69,0	26,4	429,8	2291	8,4
	1922 (VI)	69,8	49,2	313,6	2030	21,0
	1922 (X)	104,7	41,9	716,7	3757	8,4
	1923 (II)	100,0	41,9	716,8	3739	8,2
Пермская	1920 (XI)	96,5	50,8	590,3	3288	15,2
	1921 (II)	97,2	52,9	586,8	3296	15,5
	1921 (X)	84,2	41,2	534,5	2920	14,0
	1922 (II)	73,8	38,7	402,4	2312	17,4
	1922 (VI)	73,4	43,5	352,8	2152	22,7
	1922 (X)	106,5	49,4	647,1	3549	13,4
	1923 (II)	101,7	56,1	629,7	3520	14,4
	1920 (XI)	116,6	37,8	589,9	3249	13,4
Екатеринбургская	1921 (II)	109,5	33,5	545,3	2996	13,4
	1921 (X)	109,3	36,4	582,8	3177	13,5
	1922 (II)	99,7	49,6	453,3	2729	21,2
	1922 (VI)	91,0	53,7	404,1	2529	22,6
	1922 (X)	132,9	45,5	695,9	3821	14,8
	1923 (II)	117,4	32,1	666,2	3511	6,3

Приложение 8 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
Уфимская	1920 (XI)	97,1	44,8	611,0	3320	12,3
	1921 (II)	98,1	55,9	575,1	3280	16,4
	1921 (X)	98,1	48,0	462,5	2745	16,3
	1922 (II)	79,6	40,6	333,0	2069	18,1
Башкирская	1921 (X)	75,8	35,8	348,9	2074	17,5
	1922 (II)	76,9	35,0	280,8	1797	22,5
	1922 (VI)	63,4	45,4	246,7	1694	27,5
	1922 (X)	112,1	54,7	705	3860	13,3
	1923 (II)	107,4	48,0	716,3	3824	8,2
Оренбургская	1920 (XI)	141,3	66,6	609,4	3697	20,0
	1921 (II)	140,1	75,0	542,1	3495	25,3
	1921 (X)	71,7	46,5	240,5	1712	34,6
	1922 (II)	45,4	13,1	146,6	909	19,6
	1922 (VI)	95,6	54,3	437,9	2692	25,7
	1922 (X)	126,3	43,5	725,8	3898	11,6
	1923 (II)	108,1	42,4	694,3	3685	2,4
Челябинская	1920 (XI)	152,6	69,4	715,2	4205	19,1
	1921 (II)	104,5	50,0	443,2	2711	21,9
	1921 (X)	94,3	37,8	359,5	2212	20,0
	1922 (II)	99,4	45,6	302,7	2073	24,2
	1922 (VI)	75,2	54,4	233,3	1771	34,4
	1922 (X)	117,3	52,9	680,7	3764	12,8
	1923 (II)	102,4	42,0	615,2	3333	6,3
В среднем по РСФСР	1920 (XI)	103,2	48,6	620,4	3419	12,8
	1921 (II)	93,8	44,2	566,4	3118	13,5
	1921 (X)	97,8	44,5	580,3	3194	13,2
	1922 (II)	88,9	42,0	486,1	2748	15,0
	1922 (VI)	69,2	46,8	291,4	1914	27,4
	1922 (X)	113,3	55,8	695,3	3834	12,9
	1923 (II)	108,7	50,3	687,7	3733	8,5

СЕРИЯ
•Социальная история России XX века•
Челябинский государственный университет

И.В.Нарский

Жизнь в катастрофе

**Будни населения Урала
в 1917 – 1922 гг.**

Художественное оформление *А.Сорокин*

Компьютерная верстка *О.Кушнарев*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.08.2001.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 49,66 + 1,29 вкл. Уч.-изд. л. 51,0 Тираж 1500 экз.

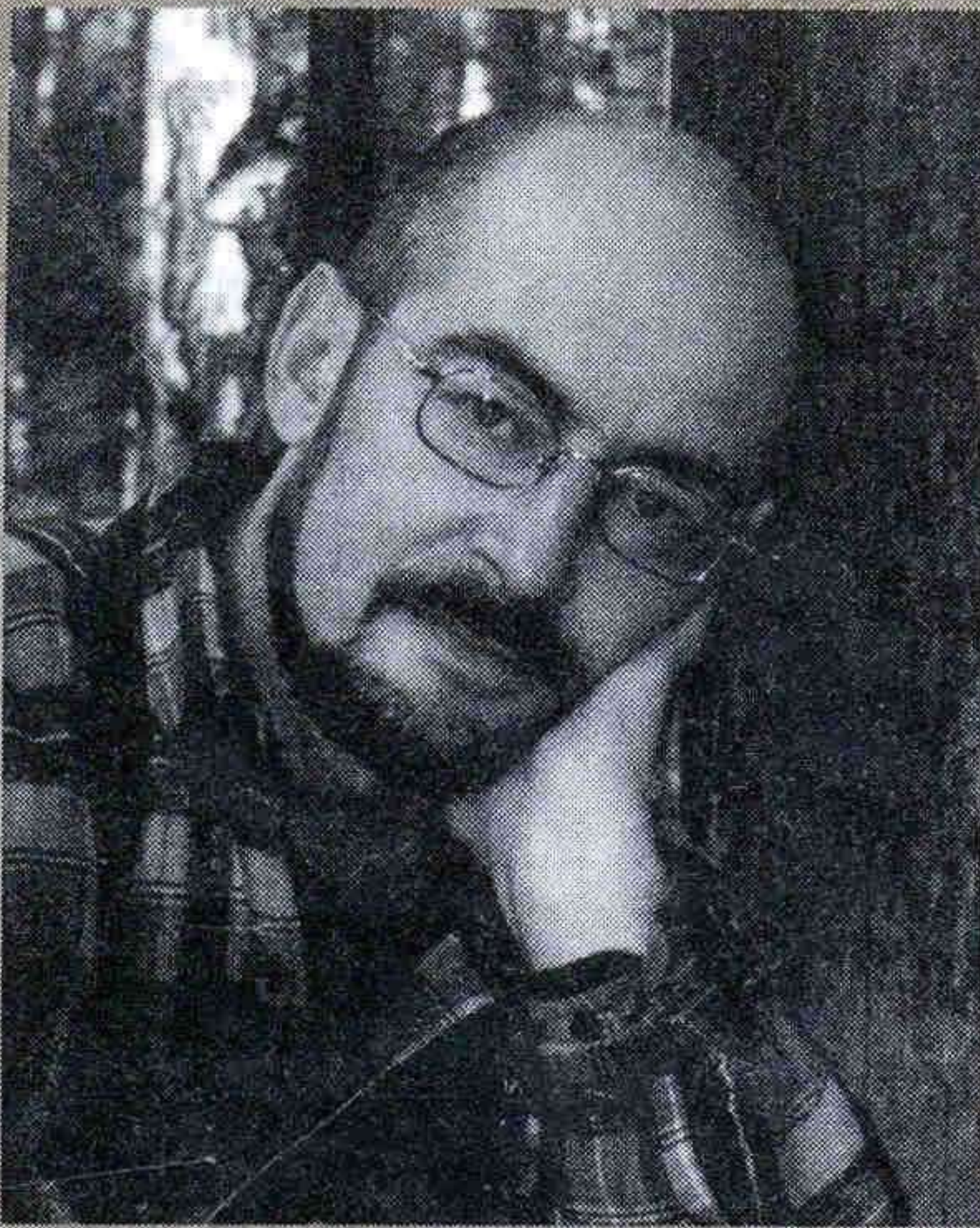
Заказ № 1960

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

И. НАРСКИЙ

ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ

**Будни населения Урала
в 1917-1922 гг.**

Игорь Владимирович Нарский (родился в 1959 г.)

В 1989 г. и 1995 г. защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории политических партий на Урале.

В 1995-1996 гг. - стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта.

С 1996 г. профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

